947
H-591

947
H-591

[redacted]

1

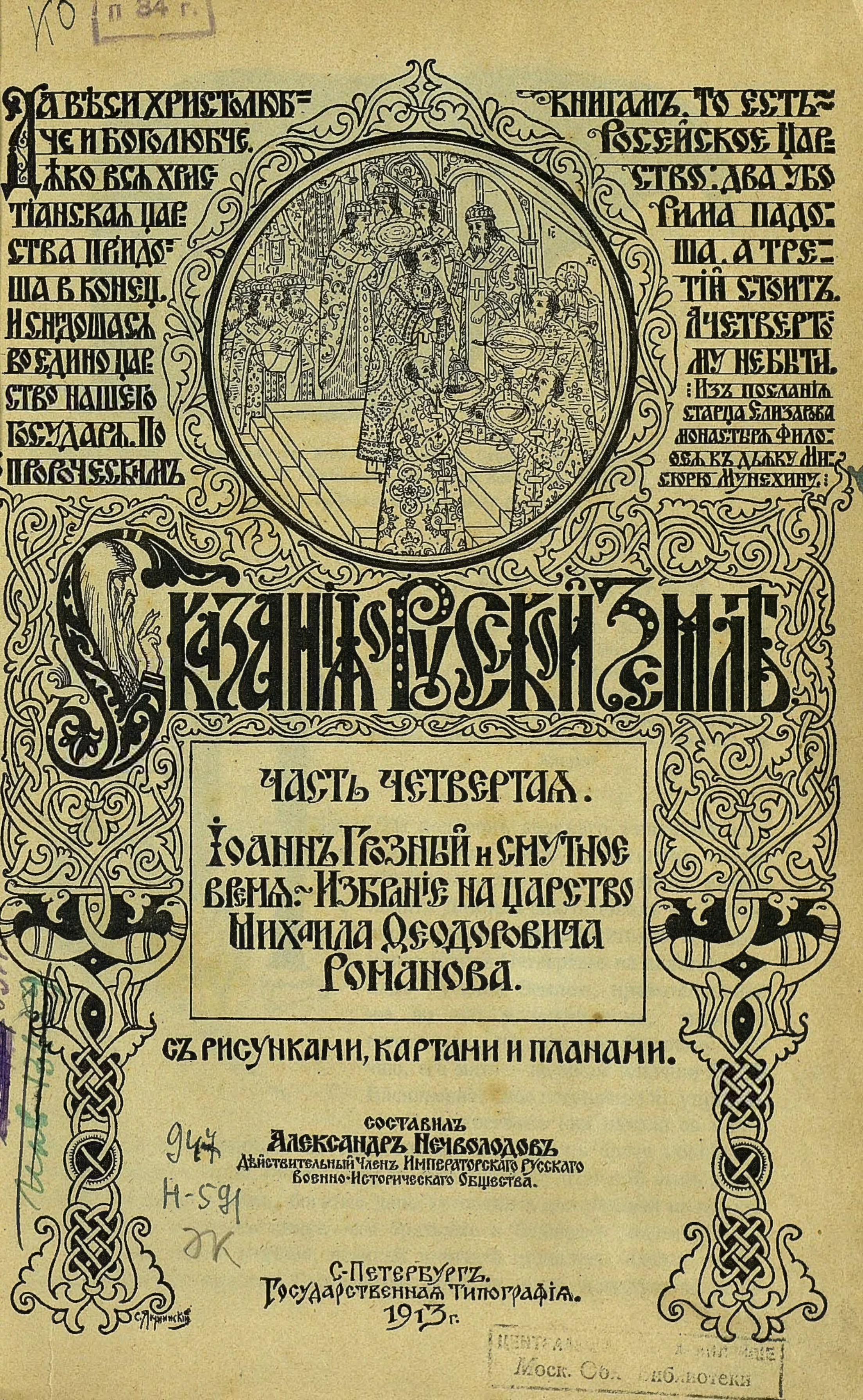
Первая и вторая части «Сказаній о Русской Землѣ» одобрены и рекомендованы—*Августѣйшимъ Главнокомандующимъ* Войскъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа и *Командующими* войсками всѣхъ остальныхъ Военныхъ Округовъ для выписки во всѣ полковыя, ротныя, эскадронныя, сотенныя, батарейныя и др. библіотеки; Опредѣленіемъ *Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода* — для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки духовно-учебныхъ заведеній, а также въ библіотеки при церквахъ Россійской Имперіи; Опредѣленіемъ *Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сѵнодѣ*— для библіотекъ школъ церковно-учительскихъ и второклассныхъ, а также для учительскихъ библіотекъ церковно-приходскихъ школъ; *Министромъ Народнаго Просвѣщенія*—для преподавателей *всѣхъ* низшихъ учебныхъ заведеній различныхъ наименованій, для внѣкласснаго чтенія учениковъ *всѣхъ* среднихъ учебныхъ заведеній и для различнаго рода библіотекъ; *Вѣдомствомъ Учрежденій Императрицы Маріи, Министерствами: Путей Сообщенія и Торговли и Промышленности, Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній* — для различнаго рода подвѣдомственныхъ ученическихъ библіотекъ; *Главнымъ Морскимъ Штабомъ*—для судовыхъ и экипажныхъ библіотекъ и *Комитетами Попечительствъ о Народной Трезвости* — для народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Сказанія о Русской Землѣ.
составилъ
Александръ Нечволодовъ.
Часть четвертая.
С. Ягужинскій 1913.

Моск. Обл. Библиотеки

Bibliotheca Regia Monacensis

КО
п 84 г.



Да вѣси христолюбче и боголюбче. Яко вся христіанская царства пріидоша в конец. И снидошася во едино царство нашего государя. По пророческимъ книгамъ. То есть Росейское царство: два убо Рима падоша. А третій стоитъ. А четвертому не быти. Изъ посланія старца Елизарова монастыря Филоѳея къ дьяку Мисюрю Мунехину.

Сказанія о Русской земли.

Часть четвертая.

Іоаннъ Грозный и смутное время. — Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Съ рисунками, картами и планами.

Составилъ
Александръ Нечволодовъ
Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

947
Н-591
ЭК

С-Петербургъ.
Государственная Типографія.
1913 г.

Центральная ... Моск. Обл. Библиотеки

Журнал Министерства Народного Просвѣщенія

Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія

1. Древнее знамя съ изображеніемъ Всемилостивѣйшаго Спаса, подъ которымъ, по преданію, стоялъ Іоаннъ IV Васильевичъ при взятіи Казани въ 1552 году.

Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Правленіе великой княгини Елены. Правленіе бояръ. Дѣтство и юность Іоанна. Вѣнчаніе на Царство и женитьба. Митрополитъ Макарій. Сильвестръ и Адашевъ. Иванъ Пересвѣтовъ. Соборы и преобразованія. Казанскій походъ. Астрахань. Крымъ. Ливонская война. Начало сношеній съ Англіей.

ПОСЛѢ похоронъ великаго князя Василія Іоанновича, при торжественномъ собраніи духовенства, бояръ и народа, митрополитъ Даніилъ благословилъ въ Успенскомъ соборѣ четырехлѣтняго великаго князя Іоанна Четвертаго на властвованіе надъ Русской Землею; правительницей же, за его малолѣтствомъ, являлась естественно, по древнему Русскому обычаю, его мать — великая княгиня Елена Васильевна. Свое вступленіе въ управленіе Государствомъ она начала съ милостей: сидѣвшій въ тюрьмѣ за самовольный отъѣздъ къ брату покойнаго великаго князя—Юрію,—князь Андрей Михайловичъ Шуйскій былъ выпущенъ на свободу; затѣмъ, богатые дары готовились для раздачи въ память объ усопшемъ великомъ князѣ—его братьямъ и близкимъ людямъ.

Но, уже черезъ недѣлю, великой княгинѣ пришлось начать безпощадную борьбу съ врагами Государства, которые, видя малолѣтство вели-

каго князя, не замедлили поднять свои головы. По разсказу однихъ лѣтописцевъ, только что выпущенный изъ тюрьмы князь Андрей Михайловичъ Шуйскій сталъ уговаривать князя Горбатова отъѣхать къ дядѣ малолѣтняго великаго князя—Юрію, которому, какъ мы помнимъ, сильно не довѣрялъ и покойный Василій Іоанновичъ; «Пойдемъ со мной вмѣстѣ—говорилъ Андрей Шуйскій Горбатову: «а здѣсь служить—ничего не выслужишь; князь великій еще молодъ, и слухи носятся о Юріи; если князь Юрій сядетъ на Государство, и мы къ нему раньше другихъ отъѣдемъ, то мы у него этимъ выслужимся». Горбатовъ не согласился; тогда Андрей Шуйскій поспѣшилъ отправиться къ правительницѣ и оклеветалъ Горбатова—будто онъ его сманивалъ къ отъѣзду; но правда выяснилась, и князя Шуйскаго посадили вновь въ тюрьму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, близкіе бояре посовѣтывали Еленѣ Васильевнѣ лишить свободы и князя Юрія Іоанновича, на что она имъ отвѣтила: «Какъ будетъ лучше, такъ и дѣлайте», послѣ чего Юрія посадили въ ту же палату, гдѣ сидѣлъ и его племянникъ Димитрій, внукъ Іоанна III.

Другіе лѣтописцы разсказываютъ иначе: будто самъ князь Юрій прислалъ къ Андрею Шуйскому своего дьяка звать его на службу; Шуйскій передалъ объ этомъ князю Горбатову, тотъ боярамъ, а отъ нихъ узнала и правительница, которая приказала схватить обоихъ. Разбирая подробно вопросъ о томъ, было ли достаточно причинъ у великой княгини согласиться съ боярами посадить въ заключеніе князя Юрія Іоанновича, нашъ извѣстный историкъ С. Соловьевъ говоритъ, что «правительство не было расположено вѣрить всякому слуху относительно удѣльныхъ князей», такъ какъ строго наказывало за ложные доносы и потому, «если оно рѣшилось заключить Юрія, то имѣло на то основанія».

Скоро затѣмъ молодой правительницѣ Государства пришлось проявить свою твердость и по отношенію своего родного дяди—знаменитаго князя Михаила Глинскаго, прощеннаго по ея просьбѣ покойнымъ мужемъ за измѣну. Михаилъ Глинскій и дьякъ Шигона Поджогинъ были на первыхъ порахъ, послѣ смерти Василія Іоанновича, самыми близкими къ ней людьми. Мы уже видѣли, какимъ необузданнымъ властолюбіемъ обладалъ Михаилъ Глинскій, правившій почти единолично цѣлой Литвой при королѣ Александрѣ и затѣмъ дважды измѣнявшій своимъ Государямъ, сперва Сигизмунду Польскому, а затѣмъ и Василію Іоанновичу Московскому, за то, что тѣ не давали достаточно простора его честолюбію; ясное дѣло, что теперь, какъ родной дядя правительницы Московскаго Государства, онъ желалъ самъ править всѣми дѣлами; что же касается Шигоны Поджогина, этого дьяка, облагодѣтельствованнаго покойнымъ великимъ княземъ Василіемъ, то мы также видѣли, что онъ, стоя у смертнаго одра своего Государя,—позволилъ себѣ оспаривать его послѣднюю волю—желаніе облечься въ схиму передъ смертью.

Несомнѣнно, великая княгиня Елена Васильевна глубоко проникнутая всѣми завѣтами собирателей Русской Земли, весьма скоро

убѣдилась, что Михаилъ Глинскій и Шигона Поджогинъ намѣрены преслѣдовать свои личныя цѣли, и вовсе не будутъ вѣрными и беззавѣтными слугами ея малолѣтняго сына, какъ отъ нихъ требовалъ этого умирающій Василій. Всю свою привязанность и довѣріе—правительница перенесла на мамку маленькаго великаго князя—Аграфену Челяднину и на ея брата, князя Ивана Овчину-Телепнева-Оболенскаго. Повидимому, Аграфена Челяднина съ братомъ были вполнѣ искренно привязаны къ своему Государю и его матери, причемъ князь Иванъ Оболенскій обладалъ при этомъ чрезвычайно твердой волей и большими воинскими дарованіями.

При означенныхъ условіяхъ не замедлила, разумѣется, вспыхнуть борьба между властолюбивымъ Михаиломъ Глинскимъ и его племянницей; скоро онъ былъ обвиненъ въ томъ, что хотѣлъ держать Государство вмѣстѣ съ бояриномъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, тоже властнымъ и строптивымъ человѣкомъ, которому, какъ мы помнимъ, Василій Іоанновичъ передъ самою смертью простилъ какую то вину; въ августѣ 1534 года, Глинскій былъ схваченъ и посаженъ въ ту же палату, въ которой онъ сидѣлъ до своего освобожденія; въ ней онъ скоро и умеръ.

2. Уцѣлѣвшая часть печати дворецкаго Тверского Ивана Юрьевича Поджогина 1536 года.

На грамотѣ изъ собранія актовъ князя М. А. Оболенскаго.

Одновременно съ этимъ объявились и другіе крамольники: двое изъ самыхъ знатныхъ бояръ—князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій убѣжали въ Литву; великая княгиня велѣла схватить ихъ соумышленниковъ: князя Ивана Ѳеодоровича Бѣльскаго, брата бѣжавшаго Семена, и князя Ивана Воротынскаго съ дѣтьми; но другого брата Семена—князя Димитрія Бѣльскаго не тронули, «и это обстоятельство отнимаетъ у насъ право предполагать», — говоритъ С. Соловьевъ: «что Иванъ Бѣльскій и Воротынскій были схвачены безъ основанія».

Затѣмъ правительницѣ пришлось прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ и противъ второго брата своего умершаго мужа, князя Андрея Іоановича, человѣка, какъ казалось, безобиднаго. По смерти Василія Третьяго—Елена Васильевна богато одарила этого князя Андрея вещами, оставшимися послѣ покойнаго, но Андрей сталъ припрашивать городовъ къ своему удѣлу, и когда ему въ этомъ отказали, то онъ уѣхалъ изъ Москвы очень обиженнымъ. Скоро о его недовольствѣ передали правительницѣ, а Андрею сообщили, будто его хотятъ схватить; узнавъ про это, Елена поспѣшила разсѣять его подозрѣнія, вызвала его въ Москву и просила его: «ты бы въ своей правдѣ стоялъ крѣпко, а лихихъ людей не слушалъ, да объявилъ бы намъ, что это за люди, чтобы впредь между нами ничего дурного не было». Андрей сказалъ, что онъ ничего ни отъ кого не слышалъ, и далъ запись, въ которой подтверждалъ свой клятвенный договоръ съ великимъ княземъ, и обязывался ссорщиковъ не слушать, а объявлять о ихъ рѣчахъ великому князю и правительницѣ; затѣмъ онъ уѣхалъ къ себѣ въ Старицу и продолжалъ по прежнему опасаться Елены и сердиться на нее, что она ему не

*

прибавила городовъ. Скоро стали опять доносить въ Москву, что онъ собирается бѣжать. Елена, по свидѣтельству лѣтописца, не повѣрила этому, и пригласила его на совѣтъ по случаю войны съ Казанью, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Но Андрей отказался, подъ предлогомъ нездоровья. Тогда Елена послала къ нему великокняжескаго врача, который возвратясь доложилъ ей, что болѣзнь простой предлогъ не ѣхать въ Москву. Это разумѣется возбудило противъ Андрея подозрѣнія. Къ нему опять послали приглашеніе пріѣхать, но онъ опять отказался, причемъ, между прочимъ, писалъ малолѣтнему Іоанну, отъ имени котораго Елена всегда сносилась по всѣмъ дѣламъ: «Намъ, Государь, скорбь и кручина большая, что ты не вѣришь нашей болѣзни и за нами посылаешь неотложно; а прежде Государь, того не бывало, чтобы насъ къ вамъ, Государямъ, на носилкахъ волочили»...

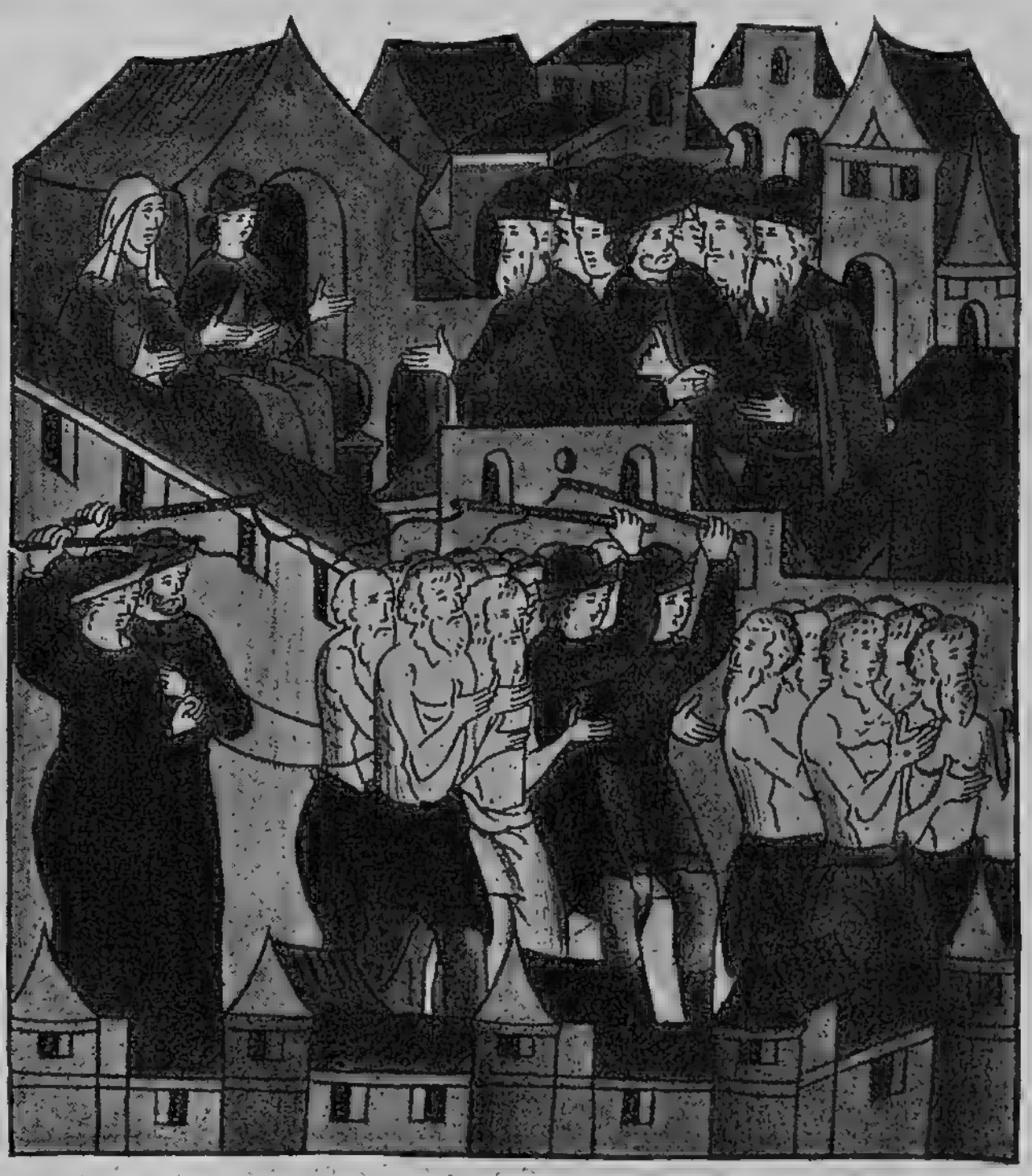
3. Успенскій соборъ Старицкаго монастыря.
Сооруженъ въ 1530 году.

Письмо это не успѣло еще дойти до Москвы, какъ туда дали знать, что князь Андрей непремѣнно побѣжитъ на другой же день изъ своего удѣла. Тогда правительница отправила къ нему трехъ духовныхъ отцовъ для увѣщанія отъ имени митрополита, и вмѣстѣ съ тѣмъ выслала сильные полки къ Волоку, съ которыми пошелъ и князь Иванъ Овчина-Оболенскій, для того чтобы перехватить Андрею путь въ Литву. Узнавъ про это, Андрей выбѣжалъ изъ Старицы въ направленіи къ Новгороду, причемъ по пути онъ писалъ грамоты къ помѣщикамъ, дѣтямъ боярскимъ и въ погосты: «Князь великій молодъ, держатъ Государство бояре, и вамъ у кого служить? Я же радъ васъ жаловать». Многіе откликнулись на его зовъ, но за то въ его собственныхъ полкахъ нашлось еще больше недовольныхъ его измѣною Государю. А между тѣмъ, рѣшительный князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій настигъ Андрея. Тутъ, вмѣсто боя, обѣ стороны вступили въ переговоры, и князь Иванъ Телепневъ, не обославшись съ правительницей, далъ Андрею клятву, что если послѣдній поѣдетъ въ Москву, то Елена большой опалы на него не положитъ и не посадитъ въ заключеніе. Андрей согласился; но когда они прибыли въ Москву, то правительница сдѣлала князю Ивану Телепневу строгій выговоръ за то, что онъ самъ безъ ея вѣдома далъ такую клятву; чрезъ два дня,

въ теченіе которыхъ были, безъ сомнѣнія, разсмотрѣны всѣ улики противъ Андрея, онъ былъ схваченъ и посаженъ въ темницу вмѣстѣ съ женой и сыномъ Владиміромъ; его бояре—князь Пронскій, двое Оболенскихъ-Пенинскихъ, князь Палецкій и другіе, были пытаемы, а затѣмъ казнены торговою казнею и заключены въ оковы; тридцать же Новгородскихъ помѣщиковъ, перешедшихъ на сторону Андрея, были биты кнутомъ въ Москвѣ, а потомъ повѣшены по Новгородской дорогѣ въ большомъ разстояніи другъ отъ друга, вплоть до самаго Новгорода.

Такъ расправилась, твердо и рѣшительно, молодая правительница отъ имени своего малолѣтняго сына—съ внутренними его врагами — сильными людьми Русской Земли.

Конечно, и внѣшніе враги нашей Родины — Западное Латинство, въ лицѣ Литвы, и Восточное басурманство, въ лицѣ Крыма и Казани, не замедлили попытаться воспользоваться восшествіемъ на Московскій престолъ малютки Іоанна и крамолой, возникшей въ средѣ его близкихъ лицъ.



4. „.....А которые дѣти боярскіе великаго князя помѣщики Новгородцкіе, а пріѣхали въ ту пору къ князю Ондрѣю да и къ Новугороду были съ княземъ пошли,—и тѣхъ дѣтей боярскихъ, Ондрѣя Иванова сына Пупкова да Гаврила Володимерова сына Колычевыхъ съ товарыщи, тритцати человѣкъ, велѣлъ князь велики бити кнутьемъ на Москвѣ, да казнити смертною казнью, вѣшати по Новгородцкой дорозѣ, не вмѣстѣ, и до Новагорода“.... Вверху рисунка изображена великая княгиня Елена Васильевна и великій князь Іоаннъ IV Васильевичъ, передающіе свое рѣшеніе боярамъ о Новгородскихъ помѣщикахъ.

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Передъ самой смертью Василія Іоанновича, старый Сигизмундъ, желая заключить вѣчный миръ съ Москвою, или продолжить истекающее перемиріе, послалъ сказать Московскимъ боярамъ черезъ посредство Литовскихъ радныхъ пановъ, что пусть великій князь Василій пришлетъ въ Литву гонца съ опасной грамотой на королевскихъ пословъ, для поѣздки ихъ въ Москву, какъ это изстари водилось.

Теперь, со смертью Василія, Сигизмундъ сообщилъ Московскому послу Заболоцкому, прибывшему къ нему для извѣщенія о восшествіи на прародительскій престолъ малолѣтняго Іоанна, что онъ хочетъ быть съ Іоанномъ въ братствѣ и пріязни, для чего «пусть онъ и шлетъ къ намъ своихъ великихъ пословъ, да чтобы не медлилъ».

Это требованіе посылки Московскихъ пословъ на Литву, чего прежде никогда не водилось, не было, разумѣется, нами исполнено, и правительница, видя неизбѣжность войны, дѣятельно къ ней готовилась. Сигизмундъ же, обрадованный слухами о возникшей крамолѣ среди высшаго боярства въ Москвѣ, замыслилъ отнять у насъ всѣ пріобрѣтенія Іоанна Третьяго и Василія на Литвѣ. Онъ сталъ дѣятельно сноситься съ Крымскимъ ханомъ Саипъ - Гиреемъ, побуждая его вторгнуться въ наши предѣлы, и съ особенной милостью принялъ нашихъ измѣнниковъ, князя Семена Бѣльскаго и Ляцкаго, жадно вслушиваясь въ ихъ разсказы о неурядицахъ, господствующихъ въ Москвѣ.

5. Изображеніе короля Польскаго Сигизмунда I на медали 1527 года.

Хранится въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ.

Между тѣмъ, перемиріе съ Литвою, заключенное при Василіи, окончилось въ 1534 году, послѣ чего Литовскія войска и Крымскіе Татары вторгнулись въ наши владѣнія. Татары, вошедшіе въ Рязанскую область, были скоро на голову разбиты лихими князьями Пунковымъ и Татевымъ, а многочисленная Литовская рать, подъ начальствомъ Кіевскаго воеводы Андрея Немировича, вступила въ Сѣверскіе предѣлы и осадила Стародубъ, выжегши его предмѣстья; тогда изъ Стародуба была произведена смѣлая вылазка подъ начальствомъ храбраго Андрея Левина, и вся Литовская сила въ безпорядкѣ отступила отъ города, оставивъ въ нашихъ рукахъ 40 пушекъ, съ торжествомъ доставленныхъ въ Москву.

Чтобы загладить эту неудачу, Литовцы подошли къ плохо укрѣпленному городу Радогощу, но, сидѣвшій въ немъ мужественный воевода Матвѣй Лыковъ не хотѣлъ сдаться и предпочелъ сгорѣть вмѣстѣ со своими воинами, когда Литовцы подожгли Радогощъ. Затѣмъ, они двинулись къ Чернигову и стали обстрѣливать его изъ пушекъ; но и въ Черниговѣ также сидѣлъ храбрый и искусный воевода князь Ѳеодоръ Мезецкій; держа

подъ огнемъ своихъ орудій непріятеля, онъ не допустилъ его въ теченіе дня подойти близко къ городскимъ стѣнамъ, а ночью, выйдя изъ Чернигова, произвелъ внезапное нападеніе на непріятельскій станъ; утомленные Литовцы, спавшіе глубокимъ сномъ и въ ужасѣ пробудившись подъ страшными ударами Русскихъ, стали въ темнотѣ избивать другъ друга и наконецъ бѣжали во всѣ стороны, оставя намъ въ добычу всѣ пушки и обозъ; воевода же ихъ Андрей Немировичъ со стыдомъ вернулся въ Кіевъ.

Въ то же время другой Литовскій воевода—князь Вишневецкій, посланный Сигизмундомъ подъ Смоленскъ, также потерпѣлъ неудачу. Славный нашъ намѣстникъ князь Никита Оболенскій вышелъ изъ города ему навстрѣчу, разбилъ его и гналъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Такъ, начатая Сигизмундомъ, съ большими надеждами на успѣхъ, война съ Москвой привела на первыхъ же порахъ къ полной неудачѣ.

Когда свѣдѣнія о враждебныхъ дѣйствіяхъ Литовскихъ войскъ пришли къ великой княгинѣ, то была собрана боярская дума въ присутствіи малолѣтняго великаго князя; на ней было приговорено—воевать съ Литвою, и митрополитъ Даніилъ, обратясь къ четырехлѣтнему Іоанну, сказалъ ему: «Вы, Государи Православные, пастыри Христіанству; тебѣ, Государю, подобаетъ оборонять Христіанство отъ насилій, а намъ и всему священному Собору за тебя, Государя, и за твое войско Богу молиться. Гибель зачинающему рать, а въ правдѣ Богъ помощникъ»!

Войска наши, отвлеченные къ сторонѣ Крыма, могли выступить противъ Литвы лишь глубокой осенью; съ ними шелъ и любимецъ Елены, мужественный князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, начальствовавшій передовымъ полкомъ. Не встрѣчая нигдѣ войскъ противника, которыхъ, какъ мы знаемъ, было всегда весьма трудно собрать во-время Литовскимъ великимъ князьямъ, наша рать, разоривъ непріятельскія области, подошла, не взирая на страшные снѣга и жестокіе морозы, почти къ самой Вильнѣ, гдѣ сидѣлъ встревоженный Сигизмундъ, и затѣмъ, не предполагая осаждать этотъ сильно укрѣпленный городъ, она торжественно вернулась назадъ. Въ то же время, воеводы князья Ѳеодоръ Телепневъ и Тростенскіе ходили съ такимъ же успѣхомъ отъ Стародуба къ Турову и Могилеву,—также нигдѣ не встрѣчая непріятельскихъ войскъ и всюду внося ужасъ и опустошеніе. «Къ чести Русскихъ»—примѣчаетъ Н. М. Карамзинъ: «лѣтописецъ сказываетъ, что они въ грабежахъ своихъ не касались церквей Православныхъ и многихъ единовѣрцевъ великодушно отпускали изъ плѣна».

Въ слѣдующемъ 1535 году, Сигизмунду удалось собрать значительныя военныя силы; Московскіе войска смѣло выступили имъ навстрѣчу, при чемъ передовымъ полкомъ начальствовалъ опять князь Иванъ Овчина-Телепневъ.

Рать, шедшая изъ Москвы, имѣла назначеніемъ добыть, лежащій къ югу отъ Смоленска, городъ Мстиславль, а другая наша рать изъ Пскова и Новгорода, подъ начальствомъ Бутурлина, должна была поставить городъ на Литовской Землѣ у озера Себежа.

Литовское же войско, подъ начальствомъ Юрія Радзивилла, Андрея Немировича, Яна Тарновскаго и нашего измѣнника князя Семена Бѣльскаго—двинулась опять въ Сѣверскую область и взяла безъ сопротивленія Гомель, гдѣ сидѣлъ малодушный князь Оболенскій-Щепинъ, тотчасъ-же сдавшій его безъ боя и отправившійся со всѣмъ своимъ отрядомъ и пушечнымъ нарядомъ въ Москву; его не замедлили ввергнуть въ темницу. Послѣ взятія Гомеля, Литовцы встрѣтили сильнѣйшій отпоръ у Стародуба; здѣсь сидѣлъ воеводой мужественный князь Ѳеодоръ Телепневъ-Оболенскій, и только тайно подведя подкопъ и взорвавъ городъ, Литовцамъ удалось овладѣть имъ, причемъ погибло 13 тысячъ жителей и былъ взятъ въ плѣнъ, геройски защищавшійся до конца, князь Ѳеодоръ Телепневъ. Отъ Стародуба Литовцы пошли на Почепъ, весьма плохо укрѣпленный. Сидѣвшій здѣсь воевода Ѳеодоръ Сукинъ велѣлъ жителямъ сжечь его до-тла и уйти, такъ что «Литовцы» — говоритъ Карамзинъ: «завоевавъ единственно кучи пепла, ушли во-свояси». Московскіе же полки, назначенные на выручку Сѣверской Земли, не поспѣли туда во время, такъ какъ должны были отразить набѣгъ Крымцевъ на Рязанскую область, гдѣ нанесли послѣднимъ ужаснѣйшее пораженіе.

6. Іоаннъ принимаетъ посланнаго отъ Польскаго короля. ...„Іюля же въ 22 день (1535 года) пріѣхалъ отъ короля Тимовѣй Василіевичъ Бражниковъ; и король ему отвѣтъ учинилъ гордостенъ“....

Изъ Царственной книги.

Въ слѣдующемъ 1536 году, Сигизмундъ послалъ свои войска подъ начальствомъ Андрея Немировича взять крѣпость Себежъ, выстроенную Бутурлинымъ, но Литовскія пушки дѣйствовали плохо и били своихъ, а затѣмъ Русскіе сдѣлали смѣлую вылазку и на голову разбили врага; при

этомъ, множество Литовцевъ погибло на Себежскомъ озерѣ, ледъ котораго подломился подъ ними. Затѣмъ Московскіе воеводы ходили воевать Литовскую Землю подъ Любечъ, сожгли посады у Витебска и полонили множество людей. Стародубъ и Почепъ, покинутые Литовцами, были нами возстановлены, а кромѣ Себежа мы построили на Литовскомъ рубежѣ также города Заволочье и Велижъ.

Такимъ образомъ, надежды Сизигмунда на успѣшную войну съ Москвой, съ цѣлью вернуть себѣ всѣ завоеванія, сдѣланныя въ Литвѣ Іоанномъ III и Василіемъ Іоанновичемъ, не смотря на помощь Крымцевъ, должны были рухнуть.

Онъ рѣзко перемѣнилъ свое обращеніе съ нашими измѣнниками, княземъ Семеномъ Бѣльскимъ и Ляцкимъ, столь имъ обласканными ранѣе, и началъ хлопотать о заключеніи мира, причемъ опять хотѣлъ, чтобы наши послы поѣхали къ нему на Литву, или по крайней мѣрѣ, на границу обоихъ государствъ, указывая, что онъ старъ, а Московскій Государь еще ребенокъ. «Разсудите сами»—писалъ панъ Юрій Радзивиллъ князю Ивану Овчинѣ-Оболенскому: «кому приличнѣе отправить своихъ пословъ—нашему ли государю, который въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, или вашему, который еще такъ молодъ»?

Но на это ему передали отъ Москвы, что государи сносятся другъ съ другомъ, считаясь съ достоинствомъ своихъ государствъ, а не лѣтами.... «Государь нашъ теперь въ молодыхъ лѣтахъ, а милостію Божіею Государствами своими въ совершенныхъ лѣтахъ. А что ты писалъ о съѣздѣ посольства на границахъ, то это кто нибудь, не желая между Государями добраго согласія; такія новизны выдумываетъ; отъ предковъ нашихъ Государей повелось, что отъ королей къ намъ послы ходили и дѣла у насъ дѣлали».

Старый Сигизмундъ не сразу согласился на эти доводы, но въ концѣ концовъ твердость Москвы пересилила, и, къ Рождеству 1536 года, его послы прибыли къ намъ, причемъ правительницей было поручено веденіе переговоровъ съ ними боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину. Литовскіе послы начали съ обычныхъ споровъ о томъ, кто виноватъ въ начавшейся войнѣ и стали предъявлять обычныя-же чрезмѣрныя требованія, при чемъ больше всего настаивали на возвращеніи Смоленска—для заключенія вѣчнаго мира. Конечно, въ этомъ имъ было отказано. Тогда, на второмъ совѣщаніи они рѣшили отвѣчать на все молчаніемъ. Наскучивъ этимъ, Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ сказалъ имъ: «Паны! хотя бы теперь дни были и большіе, то молчаніемъ ничего не сдѣлать; а теперь дни короткіе, и говорить будете, такъ все мало времени».

Тогда послы отвѣчали: «Мы уже говорили два дня и все по приказу господаря нашего спускаемъ, а вы ни одного слова не спустите; скажите намъ какъ вашъ Государь съ нашимъ господаремъ въ вѣчномъ мирѣ быть хочетъ»? Бояре отвѣчали, что по вѣчному миру Смоленскъ долженъ быть за Москвой. Но Литовскіе паны никакъ на это не соглашались; наконецъ,

послѣ немалыхъ препирательствъ, они предложили, чтобы вмѣсто Смоленска королю былъ отданъ какой-либо другой городъ. Бояре пошли съ этимъ предложеніемъ къ своему шестилѣтнему Государю и возвратились къ посламъ со слѣдующимъ его словомъ: «Отецъ нашъ ту свою отчину съ Божіею волею достигъ и благословилъ ею насъ: мы ее держимъ, королю никакъ не уступимъ; а другой городъ за нее для чего намъ давать? Смоленскъ наша отчина изъ начала, отъ предковъ; и если наши предки случайно ее потеряли, то намъ опять далъ ее Богъ и мы ее не уступимъ».

На это слово—послами было предложено перемиріе, которое, послѣ многихъ переговоровъ, было заключено на пять лѣтъ, до 25 марта 1542 года, при чемъ Гомель былъ оставленъ за Литвой, а Себежъ и другіе города, сооруженные Русскими на Литовской Землѣ, за нами.

Рѣшая въ думѣ вопросъ о перемиріи, великій князь говорилъ съ боярами: «Пригоже ли взять перемиріе на время? И приговорилъ, что пригоже для иныхъ сторонъ недружныхъ». Этими недружными сторонами были Крымъ и Казань.

Крымъ велъ себя по отношенію насъ, какъ и прежде, чисто по разбойничьи: алчно, лживо и вѣроломно. Скоро по вступленіи Іоанна на престолъ, между ханомъ Саипъ-Гиреемъ, явно къ намъ нерасположеннымъ, и старшимъ изъ всѣхъ Гиреевъ—Исламомъ возникла вражда, и Крымская Орда раздѣлилась между ними, что, разумѣется было весьма полезно Москвѣ, хотя Исламъ былъ такимъ же безчестнымъ грабителемъ, какъ и Саипъ-Гирей: сойдясь съ Сигизмундомъ противъ насъ, онъ въ то же время отправилъ въ Москву пословъ, предлагая свой союзъ и прося казны и поминковъ.

Скоро къ Исламу прибылъ нашъ измѣнникъ Семенъ Бѣльскій. Этотъ злодѣй, видя, что Сигизмундъ къ нему перемѣнился послѣ ряда неудачъ въ войнѣ съ Москвой, отпросился у него въ Іерусалимъ, но вмѣсто этого отправился къ Турецкому султану и сталъ уговаривать послѣдняго напасть вмѣстѣ съ Крымомъ и Литвою на Москву. Не успѣли послы Сигизмунда заключить съ нами перемиріе, какъ Бѣльскій писалъ ему, что султанъ приказалъ Саипъ-Гирею Крымскому и двумъ своимъ пашамъ съ 40.000 войскомъ идти на помощь Литвѣ противъ Москвы.

Получивъ эти свѣдѣнія, уже запоздалыя въ виду перемирія, Сигизмундъ приказалъ Бѣльскому поспѣшить пріѣздомъ въ Литву, но по пути, послѣдній былъ задержанъ Исламъ-Гиреемъ, который сообщилъ о его замыслахъ въ Москву, разумѣется, въ надеждѣ получить за это отъ насъ какую либо выгоду. Московское правительство благодарило Ислама за свѣдѣнія присылкой богатыхъ даровъ и, чтобы отвлечь Бѣльскаго отъ его опасныхъ замысловъ, предложило ему вернуться, обѣщая прощеніе. Въ то же время, на случай если онъ пріѣхать не согласится, бояре отправили къ Исламу просьбу выдать имъ Бѣльскаго, или даже убить его. Такъ какъ Бѣльскій въ Москву не ѣхалъ добровольно, то Исламъ

обѣщалъ его выдать, но былъ неожиданно убитъ самъ однимъ изъ Ногайскихъ князей, другомъ Саипъ-Гирея.

Послѣдній не замедлилъ отпустить Бѣльскаго на свободу по приказанію султана и сталъ опять единовластно править всей Крымской Ордой. Онъ сейчасъ же послалъ извѣстить объ этомъ въ Москву, вмѣстѣ съ требованіемъ не вмѣшиваться въ дѣла Казанскія, такъ какъ постоянной мыслью Гиреевъ было, какъ мы видѣли, соединеніе всѣхъ Татарскихъ Ордъ въ одну, или по крайней мѣрѣ подъ однимъ владѣтельнымъ родомъ, а въ Казани въ это время сидѣлъ уже родной братъ Саипъ-Гирея, извѣстный намъ Сафа-Гирей.

Произошло это такъ: при вступленіи на престолъ Іоанна IV Васильевича, въ Казани былъ ханомъ вполнѣ покорный Москвѣ царь Еналей, посаженный тамъ Василіемъ Іоанновичемъ. Но скоро Крымскіе сторонники въ Казани нашли, что наступило подходящее время свергнуть Еналея; онъ былъ убитъ и на его мѣсто превозгласили царемъ Сафа-Гирея Крымскаго.

Однако въ Казани была также сильная сторона, державшаяся Москвы. Сторона эта прислала сказать Еленѣ Васильевнѣ, что она надѣется изгнать Сафа-Гирея и просила ее дать имъ въ царя Шигъ-Алея, заключеннаго, какъ мы помнимъ, Василіемъ Іоанновичемъ на Бѣлоозерѣ. Тогда, по совѣту бояръ, Елена послала объявить Шигъ-Алею Государеву милость и его позвали въ Москву.

Обрадованный Шигъ-Алей былъ принятъ шестилѣтнимъ Іоанномъ, торжественно возсѣдавшимъ на тронѣ, въ присутствіи своихъ бояръ; Шигъ-Алей палъ передъ нимъ на колѣни и смиренно исповѣдалъ свои вины передъ покойнымъ Василіемъ Іоанновичемъ. Выслушавъ эту рѣчь, Государь милостиво приказалъ ему встать, позвалъ его къ себѣ поздороваться («караше-ваться» по Татарскому выраженію) и велѣлъ сѣсть на лавкѣ съ правой стороны отъ себя, а затѣмъ подарилъ богатую шубу.

Шигъ-Алей желалъ представиться также и правительницѣ. Она спросила бояръ, прилично-ли ей принять царя; тѣ рѣшили, что прилично, такъ какъ она правитъ Государствомъ за малолѣтствомъ сына; затѣмъ Шигъ-Алей былъ принятъ ею на торжественномъ пріемѣ, на которомъ присутствовалъ также и маленькій Іоаннъ, вышедшій ему навстрѣчу. «Государыня, великая княгиня!»—началъ свою рѣчь Шигъ-Алей, ударивъ правительницѣ челомъ въ землю: «взялъ меня, Государь мой, князь Василій Іоанновичъ, молодого, пожаловалъ меня, вскормилъ какъ щенка и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ, какъ отецъ сына, и на Казани меня царемъ посадилъ». Затѣмъ, перечисливъ свои вины, Шигъ-Алей далъ клятву до смерти вѣрно служить Москвѣ. Елена отвѣчала на это милостивымъ словомъ. Послѣ Шигъ-Алея, ею была принята и жена его, Фатьма-Салтанъ; у саней и на лѣстницѣ ханшу встрѣтили боярыни, а въ сѣняхъ сама великая княгиня. Когда въ комнату вошелъ маленькій Государь, то ханша встала со своего мѣста, а Іоаннъ сказалъ ей по Татарски: «Табугъ-Саламъ» и карашевался; затѣмъ сѣлъ рядомъ съ матерью и присутствовалъ на почетномъ обѣдѣ, данномъ ею въ честь гостьи.

Пока въ Москвѣ принимали Шигъ-Алея, Сафа-Гирей Казанскій уже вторгся въ наши предѣлы и злодѣйствовалъ въ Нижегородской области; храбрые, но малоопытные въ ратномъ дѣлѣ, жители города Балахны вышли ему навстрѣчу, но были разбиты; затѣмъ Нижегородскіе воеводы, князь Гундоровъ и Замыцкій, сошлись было съ Татарами для боя, но скоро отступили отъ нихъ. Узнавъ про это, правительница приказала обоихъ примѣрно наказать и заключить въ тюрьму, а на ихъ мѣсто отправила Сабурова и Карпова, которые разбили, наконецъ, Татаръ и бывшихъ съ ними Черемисъ.

Съ цѣлью наказать какъ слѣдуетъ Казанцевъ, Москвою и было заключено перемиріе съ Литвой, послѣ котораго мы не замедлили отправить, въ началѣ 1537 года, свои войска на востокъ противъ Сафа-Гирея, тщетно пытавшагося взять Муромъ. Заслышавъ о приближеніи Московскихъ полковъ, онъ поспѣшилъ удалиться въ Казань. Въ это время, какъ разъ, пришло извѣстіе въ Москву объ убійствѣ Ислама Крымскаго, а затѣмъ и требованіе Саипъ-Гирея, объединившаго подъ своей властію всѣхъ Крымскихъ Татаръ, не вмѣшиваться въ Казанскія дѣла.

7. Ножъ, ложка и вилка Іоанна IV Васильевича въ серебряной оправѣ.

Хранятся въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

Въ собранной думѣ, правительница и бояре порѣшили, что не слѣдуетъ начинать войны съ Крымомъ изъ-за Казани въ данное время и что можно будетъ помириться съ Сафа-Гиреемъ, если онъ пришлетъ своихъ пословъ въ Москву просить мира. Въ такомъ смыслѣ и былъ составленъ отвѣтъ Саипъ-Гирею Крымскому, въ которомъ Государь писалъ:

«Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья, я удержалъ рать и послалъ своего человѣка къ Сафа-Гирею; захочетъ онъ съ нами мира, то пусть пришлетъ къ намъ добрыхъ людей, а мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ нашъ держали прежнихъ Казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что Казанская Земля юртъ твой, то посмотри въ старые твои лѣтописцы, не того ли Земля будетъ, кто ее взялъ? А какъ дѣдъ нашъ милостію Божіею Казань взялъ и царя свелъ того ты не помнишь! Такъ ты бы, братъ нашъ, помнилъ бы свою старину и нашей не забывалъ».

Такимъ образомъ Москва, вынужденная силой обстоятельствъ на уступку Крыму, сдѣлала это по обычаю такъ, чтобы ничѣмъ не уронить своего достоинства.

Отношенія съ Литвой, Крымомъ и Казанью были важнѣйшими внѣшними дѣлами въ правленіе Елены; кромѣ того, она подтвердила со Шведскимъ королемъ Густавомъ Вазою перемиріе на шестьдесятъ лѣтъ, при чемъ по старинѣ Шведскіе послы отправились въ Новгородъ и вели тамъ переговоры съ Московскими намѣстниками; Густавъ Ваза обязался не помогать ни Литвѣ, ни Ливонскимъ Нѣмцамъ, въ случаѣ ихъ войны съ нами.

Затѣмъ былъ подтвержденъ и прежній договоръ съ Ливоніей, причемъ магистръ Ордена и Рижскій архіепископъ убѣдительно молили великаго князя о дружбѣ и покровительствѣ. Искали также союза съ Москвой воевода Молдавскій и ханъ Астраханскій.

8. Видъ Казани въ XVII вѣкѣ.

Изъ книги XVII вѣка: „Описанія путешествія въ Московію" Адама Олеарія.

Дѣятельно занимаясь подавленіемъ крамолы среди близкихъ себѣ сильныхъ людей и сложными внѣшними отношеніями, Елена Васильевна обращала большое вниманіе и на внутреннія дѣла; особенно заботилась она о созданіи новыхъ крѣпостей и городовъ, а также о возстановленіи сгорѣвшихъ отъ пожара: Перми, Устюга, Ярославля, Владиміра и Твери. Ею же, по мысли покойнаго мужа, былъ обнесенъ стѣной Китай-городъ въ Москвѣ.

Въ числѣ распоряженій Елены Васильевны, необходимо отмѣтить запрещеніе обращенія въ народѣ поддѣльныхъ и обрѣзанныхъ денегъ, которыя во множествѣ развелись еще при жизни Василія Іоанновича и

причиняли страшное зло въ торговлѣ; незадолго до его смерти, много людей было предано за это въ Москвѣ лютой казни: инымъ отсѣкли руки, а другимъ вливали кипящее олово въ ротъ. Правительница, воспретивъ вовсе обращеніе поддѣльныхъ денегъ, приказала ихъ перечеканить и выдѣлывать изъ гривенки три рубля, или по 300 денегъ Новгородскихъ, тогда какъ въ старыхъ было только 250. «Прибавлено было въ гривенку новыхъ денегъ для того,—говоритъ лѣтописецъ,—чтобы людямъ былъ не великъ убытокъ отъ испорченныхъ денегъ». При этомъ, вмѣсто прежнихъ изображеній на монетахъ великаго князя съ мечомъ въ рукѣ, онъ сталъ изображаться теперь съ копьемъ, а новыя деньги прозываться *копѣйными* (копѣйками).

9. ....„А поддѣлщиковъ, которые люди денги поддѣлывали и обрѣзывали, тѣхъ велѣли обыскивати и, обыскавъ, иныхъ казнили; а старымъ денгамъ впрокъ ходити не велѣли“....

Изъ Царственной книги.

Такъ правила Государствомъ за малолѣтствомъ Іоанна великая княгиня Елена Васильевна до 3-го апрѣля 1538 года; въ этотъ же день, въ два часа дня, будучи въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, она неожиданно скончалась. Баронъ Герберштейнъ говоритъ, что ее отравили и этому, конечно, можно вѣрить. Мы видѣли, что Москва, собирая Русскую Землю подъ свою власть, собрала также у самаго Государева престола и всѣ ядовитые пережитки древней удѣльной Руси, принесшей столько зла Русской Землѣ. У многихъ новыхъ Московскихъ бояръ изъ бывшихъ удѣльныхъ князей осталось глубокое сожалѣніе объ утраченныхъ правахъ своихъ предковъ и явилось чувство жгучей зависти къ Московскому великому князю. Мы видѣли съ какой злобой вспыхнула эта боярская крамола, какъ только скончался Василій Іоанновичъ, и какъ твердо и безпощадно, поддерживаемая княземъ Иваномъ Овчиной-Телепневымъ, подавляла ее правительница: зная злобу противъ себя, она, вѣроятно, постоянно ожидала смерти отъ лихого зелья и не ошиблась въ этомъ.

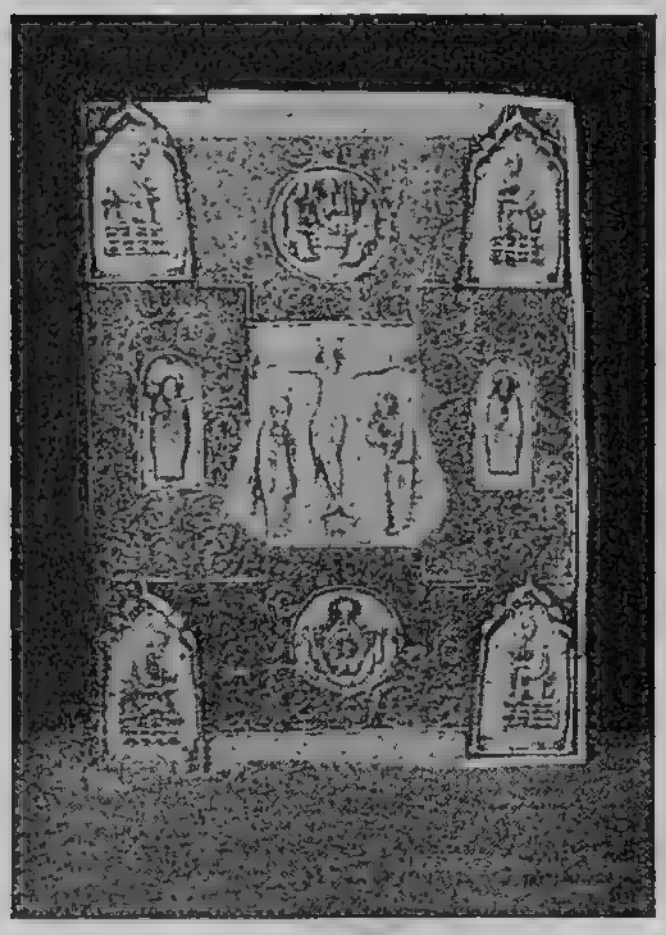
Разсматривая безпристрастнымъ окомъ четырехлѣтнее правленіе Елены Васильевны, мы должны почтить ея память заслуженнымъ уваженіемъ, такъ какъ дѣятельность ея была направлена исключительно ко благу Государства и во всемъ согласовалась съ завѣтами предшественниковъ ея сына; жестокія же и суровыя кары, къ которымъ она прибѣгала, конечно вполнѣ вызывались обстоятельствами и, насколько можно судить, налагались всегда только послѣ должнаго разслѣдованія, а не подъ вліяніемъ гнѣва или личнаго раздраженія. Что касается до ея любимца князя Ивана Овчины-Оболенскаго, то, какъ мы видѣли, это былъ человѣкъ выдающихся государственныхъ качествъ и вѣрный слуга своего Государя.

10. ....„Того же мѣсяца Марта князь великій Иванъ Василіевичъ всея Руси и его мати великая княгини Елена велѣли предѣлывати старые денги на новый чеканъ, того ради, что было въ старыхъ денгахъ много обрѣзанныхъ денегъ и подмѣсу, и въ томъ было христьянству великая тягость; въ старой гривенкѣ полтретіа рубли, а въ новыхъ гривенкахъ велѣли дѣлати по три рубли"....

Изъ Царственной книги.

Будучи безпощадно твердой ко всѣмъ врагамъ Государства, Елена отличалась большой набожностью и благотворительностью. Она постоянно разъѣзжала по монастырямъ на богомолье и всюду раздавала щедрыя милостыни. Чтобы заселить пустыя мѣстности нашихъ владѣній, она привлекала переселенцевъ изъ Литвы, разумѣется, Православныхъ Русскихъ, и давала имъ земли и много льготъ; особенно же заботилась она о выкупѣ плѣнныхъ, попавшихъ въ руки Татаръ. Елена Васильевна тратила на это огромныя деньги и требовала пожертвованій отъ духовенства и богатыхъ монастырей;—въ 1535 году, Новгородскій архіепископъ Макарій, святитель выдающихся чувствъ и образа мыслей, прислалъ ей для выкупа плѣнныхъ 700 рублей отъ своей епархіи, при грамотѣ, въ которой говорилъ: «Душа человѣческая дороже золота».

Узнавъ о смерти матери, семилѣтній Государь съ громкимъ рыданіемъ кинулся въ объятія ея любимца и своего друга—князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенскаго. Но тотъ съ кончиной своей покровительницы очутился въ еще болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ малолѣтній великій князь. Ровно черезъ недѣлю послѣ смерти Елены Васильевны, князь Иванъ Овчина былъ безъ суда ввержень въ тюрьму и заморенъ въ ней голодомъ; сестра же его—мамка великаго Государя всея Руси—Аграфена Челяднина, несмотря на горькія слезы, которыя проливалъ, разумѣется, ея питомецъ, была силою отторгнута отъ него и окована цѣпями, а затѣмъ, послѣ пребыванія въ тюрьмѣ — сослана въ Каргополь и тамъ противъ воли пострижена. Виновникомъ этихъ насильственныхъ поступковъ былъ первый бояринъ въ Государевой думѣ, князь Василій Васильевичъ Шуйскій, потомокъ Суздальскихъ князей, уже знакомый намъ по суровой расправѣ съ измѣнниками Смольнянами, которыхъ онъ повѣсилъ, послѣ Оршинскаго сраженія, съ надѣтыми Государевыми подарками, на городскихъ стѣнахъ.



11. Напрестольное Евангеліе, написанное ученикомъ преподобнаго Кирилла Бѣлоозерскаго—Христофоромъ въ 1415—1416 годахъ. Поновлено въ 1534 году усердіемъ великой княгини Елены Васильевны и сына ея великаго князя Ивана Васильевича.

Хранится въ ризницѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Снимокъ П. Н. Пурышева.

Устранивъ князя Ивана Телепнева, Василій Шуйскій, можетъ быть причастный и къ отравленію Елены Васильевны, пожелалъ, чтобы забрать возможно болѣе власти въ свои руки, породниться съ Государемъ; для этого, онъ, несмотря на то, что перешелъ уже шестидесятилѣтній возрастъ, вступилъ въ бракъ съ юной двоюродной сестрой великаго князя—Анастасіей, дочерью крещенаго Татарскаго царевича Петра и сестры Василія Третьяго—Евдокіи. Затѣмъ Василій Шуйскій поспѣшилъ освободить изъ темницы, заключенныхъ Еленой Васильевной: родственника своего, князя Андрея Михайловича Шуйскаго и князя Ивана Бѣльскаго, брата извѣстнаго намъ измѣнника князя Семена. Скоро однако Иванъ Бѣльскій, негодуя на самовластіе Василія Шуйскаго, сталъ обнаруживать къ нему вражду и собирать вокругъ себя недовольныхъ; тогда Шуйскій со своими приспѣшниками рѣшили опять засадить Бѣльскаго въ тюрьму, причемъ его сторонниковъ разослали по деревнямъ, а одному—дьяку Ѳеодору Мишурину, любимцу Василія Третьяго—отрубили голову.

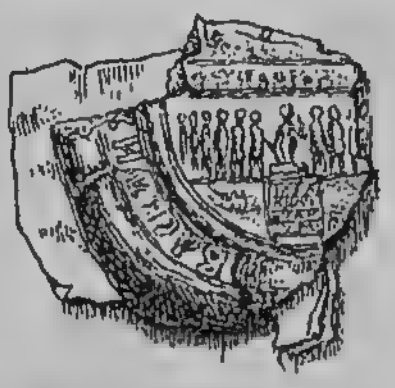
Послѣ этихъ дѣлъ Василій Шуйскій жилъ недолго и умеръ, можетъ быть, тоже отъ отравы. Высшая же власть въ Государствѣ перешла въ руки его брата князя Ивана Шуйскаго, который сейчасъ же поспѣшилъ насильно свести съ митрополичьяго престола Діонисія, сторонника Ивана Бѣльскаго, и

сослать его въ Волоколамскій монастырь; вмѣсто него митрополитомъ былъ поставленъ соборомъ епископовъ—Іосафъ, игуменъ Троицкой лавры.

Безурядица, наступившая послѣ смерти Елены, начала сейчасъ же сказываться во всей жизни Московскаго Государства. Извѣстный зодчій Петръ Фрязинъ, видя это, бѣжалъ на родину и такъ объяснялъ свой поступокъ: «великаго князя и великой княгини не стало; Государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ въ своей волѣ, и отъ нихъ великое насиліе, управы въ Землѣ никому нѣтъ, между боярами самими вражда, и уѣхалъ я отъ великаго мятежа и безгосударства».

12. Бывшая архіепископская палата въ Новгородѣ.

Самъ Иванъ Шуйскій былъ совершенно неспособенъ къ веденію государственныхъ дѣлъ, но отличался большой спѣсью, грубостью и крайней алчностью. «По смерти матери нашей Елены», вспоминалъ вспослѣдствіи Іоаннъ въ перепискѣ своей съ княземъ Курбскимъ, — «остались мы съ братомъ Юріемъ круглыми сиротами; подданные наши хотѣніе свое улучили, нашли Царство безъ правителя: объ насъ Государяхъ своихъ заботиться не стали, начали хлопотать только о пріобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! Сколько бояръ и воеводъ, доброхотовъ отца нашего умертвили! Дворы, села и имѣнья дядей нашихъ взяли себѣ и водворились въ нихъ! Казну матери нашей перенесли въ большую казну, при чемъ неистово ногами пихали ея вещи и спицами кололи; иное и себѣ побрали... Насъ съ братомъ Георгіемъ начали воспитывать какъ иностранцевъ или нищихъ. Какой нуждѣ не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ: ни въ



13. Уцѣлѣвшая часть печати боярина князя Василія Васильевича Шуйскаго 1536 года.

На грамотѣ изъ собранія актовъ князя М. А. Оболенскаго.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами такъ, какъ слѣдуетъ поступать съ дѣтьми. Одно припомню: бывало мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ. Что сказать о казнѣ родительской? Все расхитили лукавымъ умысломъ, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, а между тѣмъ все себѣ взяли; и дѣтей боярскихъ жаловали не за дѣло... Изъ казны отца нашего и дѣда наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, и написали на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто это было наслѣдственное добро; а всѣмъ людямъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояровая, зеленая на куницахъ, да и тѣ ветхи: такъ если бы у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше бы шубу перемѣнить. Потомъ на города и на села наскочили и безъ милости пограбили жителей, а какія напасти отъ нихъ были сосѣдямъ, исчислить нельзя... вездѣ были только неправды и нестроенія, мзду безмѣрную отовсюду брали, все говорили и дѣлали по мздѣ».

Эти воспоминанія Іоанна вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Угодники Ивана Шуйскаго, назначенные имъ намѣстниками въ городахъ, «свирѣпствовали, какъ львы»—по словамъ лѣтописца, и самымъ безсовѣстнымъ образомъ грабили и утѣсняли жителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ «мы были»—говоритъ Н. М. Карамзинъ,—«жертвой и посмѣшищемъ невѣрныхъ: ханъ Крымскій давалъ намъ законы, царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Саипъ-Гирей задержалъ гонца, направленнаго изъ Москвы къ Молдавскому государю, и писалъ Іоанну: «...У меня больше ста тысячъ рати: если возьму въ твоей Землѣ по одной головѣ, то сколько твоей Землѣ убытка будетъ, а сколько моей казнѣ прибытка? Вотъ я иду; ты будь готовъ: я украдкой не иду. Твою Землю возьму; а ты захочешь мнѣ зло сдѣлать—въ моей Землѣ не будешь».—На это дерзкое письмо, изъ Москвы было отправлено къ Саипъ-Гирею большое посольство съ богатыми дарами и согласіемъ не вмѣшиваться въ дѣла Казани, откуда Сафа-Гирей не переставалъ производить разбойническія нападенія въ областяхъ Нижняго, Балахны, Мурома, Владиміра, Костромы, Галича, Устюга, Вологды, Вятки и Перми, производя опустошенія хуже, чѣмъ Батый во время своего нашествія.

«И кто бы тогда изрещи можетъ бѣды сія... паче Батыя»—говоритъ лѣтописецъ, такъ какъ Батый, по его словамъ, прошелъ молніей по Русской Землѣ, Казанцы же не выходили изъ ея предѣловъ и лили кровь какъ воду. Беззащитные жители укрывались въ лѣсахъ и пещерахъ, тогда какъ Татары, «великіе монастыри и святыя церкви осквернища лежаще и спяще... и святые образа сѣкирами разсѣкающе»...

«Что же дѣлали правители Государства—Бояре?»—вопрошаетъ Карамзинъ: «Хвалились своимъ терпѣніемъ передъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъясняясь, что Казанцы терзаютъ Россію, а мы въ угодность ему не двигаемъ ни волоса для защиты своей Земли. Бояре хотѣли единственно мира и не имѣли его».

Къ большому для насъ счастью перемиріе съ Литвой еще продолжалось, и окончательно одряхлѣвшій Сигизмундъ I мечталъ только о томъ, чтобы въ покоѣ дожить свой вѣкъ; иначе-же и Литва, конечно, не упустила бы случая напасть на насъ.

Описанное выше позорное поведеніе Ивана Шуйскаго возбудило противъ него его же ставленника, митрополита Іосафа. Этотъ старецъ, безъ сомнѣнія, вспоминая съ горечью въ сердцѣ недавнія славныя времена Московскаго Государства, рѣшился въ 1540 году на смѣлый шагъ: онъ сталъ печаловаться въ боярской думѣ передъ десятилѣтнимъ великимъ княземъ о прощеніи князя Ивана Бѣльскаго, и поддерживаемый боярами, державшими сторону Бѣльскаго, успѣлъ выхлопотать его освобожденіе.

Видя торжество своихъ противниковъ, Иванъ Шуйскій въ гнѣвѣ устранился отъ дѣлъ и пересталъ присутствовать въ думѣ; власть же перешла въ руки Бѣльскаго, послѣ чего дѣла приняли тотчасъ же другой оборотъ: князь Иванъ Бѣльскій никого не преслѣдовалъ и не заточалъ; напротивъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Іосафомъ, онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи изъ заключенія жены умершаго въ темницѣ дяди великаго князя Андрея Іоанновича Старицкаго и его малолѣтняго сына Владиміра. Затѣмъ, для прекращенія алчныхъ вымогательствъ воеводъ и намѣстниковъ, такъ развившихся во время Ивана Шуйскаго, правительство стало выдавать въ большомъ количествѣ—такъ называемыя *губныя грамоты*—горожанамъ, пригородамъ и волостямъ; грамотами этими самимъ жителямъ давалось право выбирать изъ боярскихъ дѣтей *губныхъ* старостъ и головъ, для разбора всѣхъ душегубныхъ дѣлъ и для ловли разбойниковъ и татей. Эти же губные головы вмѣстѣ съ земскими присяжными людьми или *цѣловальниками* (цѣловавшими крестъ при вступленіи въ свои обязанности), приводили въ исполненіе и приговоры по уголовнымъ дѣламъ. Наконецъ, правительство во главѣ съ Иваномъ Бѣльскимъ рѣшило дать отпоръ и Татарамъ.

Противъ Сафа-Гирея Казанскаго, стоявшаго подъ Муромомъ, была выслана рать; услышавъ о ея движеніи, онъ поспѣшилъ вернуться въ Казань. Это было зимой 1540 года, а лѣтомъ 1541 года отъ нашихъ степныхъ сторожей или станичниковъ пришла на Москву вѣсть, что Саипъ-Гирей Крымскій идетъ со всей Ордой, оставя дома только дѣтей и старцевъ; шло тысячъ сто, если не больше, причемъ и Турецкій султанъ прислалъ Крымцамъ въ помощь своей отрядъ съ артиллеріей; нашъ измѣнникъ, князь Семенъ Бѣльскій, служилъ Татарамъ путеводителемъ.

Но Московскіе полки, въ предвидѣніи этого похода, еще съ весны были собраны у Коломны на лѣвомъ берегу Оки. Сюда же пріѣзжалъ ихъ осматривать и одиннадцатилѣтній Государь.

При вѣсти о движеніи хана со всей Ордой, юный Іоаннъ, вмѣстѣ съ братомъ Юріемъ, со слезами молился въ Успенскомъ соборѣ предъ иконою Владимірской Божіей Матери и ракою Святого Петра Чудотворца. Затѣмъ,

*

призвавъ митрополита въ думу, онъ предложилъ вопросъ: гдѣ ему быть въ виду приближенія врага: оставаться ли въ Москвѣ или удалиться? Послѣ обсужденія, митрополитъ и бояре приговорили: «въ виду малыхъ лѣтъ великаго князя ему оставаться въ Москвѣ, надѣясь на милость Божію, покровительство Пречистой и Московскихъ угодниковъ».

14. ...„Воеводы же великаго князя поспѣшиша противъ царя, а напередъ пріиде на берегъ передовымъ полкомъ князь Иванъ Ивановичь Турунтай-Проньской да князь Василей Охлябининъ и начяша съ татары стрѣлятися“....

Изъ Царственной книги.

Столица, при общемъ одушевленіи жителей, стала дѣятельно готовиться, чтобы выдержать крѣпкую осаду; въ войска-же на Оку великій князь послалъ грамоту, въ которой требовалъ, чтобы между воеводами не было розни, а когда Крымцы переправятся за Оку,—то чтобы они за святыя церкви и за Православныхъ христіанъ крѣпко постояли, съ царемъ Саипомъ дѣло дѣлали бы, а онъ, великій князь, радъ жаловать не только ихъ, но и дѣтей ихъ; котораго же Богъ возьметъ, того онъ велитъ въ помянникъ записать, а женъ и дѣтей будетъ жаловать. Прочтя эту грамоту, воеводы умилились душою, прослезились и рѣшили всѣ умереть за Государя; у которыхъ же между собой распри были, тѣ просили смиренно другъ у друга прощенія. Когда грамота великаго князя была сообщена войскамъ, то ратные люди отвѣчали: «Рады Государю служить и за Христіанство головы положить; хотимъ съ Татарами смертную чашу пить».

Между тѣмъ, Саипъ-Гирей быстро двигался, но не смогъ взять Зарайска, благодаря храброй защитѣ воеводы Нестора Глѣбова; ханъ подошелъ къ Окѣ 30 іюля 1541 года и, готовясь къ переправѣ, открылъ огонь

изъ пищалей и пушекъ. Встрѣтя, однако, сильный отпоръ и видя огромное количество Русскихъ, онъ со стыдомъ побѣжалъ назадъ, выразивъ свой гнѣвъ Семену Бѣльскому, обѣщавшему ему легкій успѣхъ, и оставивъ въ нашихъ рукахъ часть Турецкихъ пушекъ. Это были первыя, взятыя нами, Турецкія орудія, которыя въ послѣдующихъ столѣтіяхъ Русскія доблестныя войска брали въ огромномъ количествѣ.

Послѣ отступленія, Татары подошли къ городу Пронску; Саипъ-Гирей обступилъ его и хотѣлъ непремѣнно взять. Но въ Пронскѣ начальствовалъ храбрый Василій Жулебинъ. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ предложеніе сдаться, а для защиты города вооружилъ всѣхъ гражданъ и женщинъ.

Видя непреклонную рѣшимость Жулебина защищаться и узнавъ о приближеніи высланныхъ для преслѣдованія Татаръ князей Микулинскаго и Серебрянаго, Саипъ побѣжалъ дальше.

Конечно, вся Москва радостно встрѣтила вѣсть о поспѣшномъ бѣгствѣ Крымцевъ и малолѣтній великій князь щедрой рукой сыпалъ милости воеводамъ и ратнымъ людямъ.

Свѣтлые дни, наступившіе послѣ перехода власти въ руки Ивана Бѣльскаго и митрополита Іосафа, продолжались недолго. Скоро противъ нихъ составился заговоръ, во главѣ съ Иваномъ Шуйскимъ, которому Бѣльскій не только оставилъ свободу, но даже далъ воеводство во Владимірѣ. Здѣсь Шуйскій вступилъ въ сношенія со многими боярскими дѣтьми и со своими сторонниками, которыхъ особенно много было среди Новгородцевъ, такъ какъ въ Новгородѣ,въ послѣдніе дни его вольности, сидѣлъ приглашенный его жителями князь Шуйскій Гребенка, почему потомки этихъ вольныхъ Новгородцевъ и сохранили особую преданность роду Шуйскихъ. И вотъ, собравъ триста надежныхъ всадниковъ, Иванъ Шуйскій поручилъ ихъ своему сыну Петру, который ночью 3 января 1542 года внезапно появился въ кремлѣ, произведя тамъ ужасную тревогу; заговорщики схватили Ивана Бѣльскаго и посадили его въ тюрьму, а также и вѣрныхъ его друзей Хабарова и князя Щенятева, взятаго въ самой палатѣ Государя. Митрополитъ Іосафъ былъ разбуженъ камнями, которые стали кидать въ его келью; онъ бѣжалъ во дворецъ и хотѣлъ спрятаться въ спальнѣ великаго князя; но наглые заговорщики ворвались и сюда, приведя въ ужасъ Іоанна, послѣ чего Іосафъ былъ увезенъ въ Троицкое подворье, гдѣ его чуть не убили Новгородцы; затѣмъ, онъ былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь. Бѣльскій былъ тоже сосланъ на Бѣлоозеро и черезъ три мѣсяца умерщвленъ, по приказанію Шуйскаго; на мѣсто же Іосафа былъ поставленъ Новгородскій владыка, уже знакомый намъ архіепископъ Макарій.

Иванъ Шуйскій, вернувшись вторично ко власти, недолго пользовался ею, такъ какъ скоро сильно заболѣлъ; важнѣйшимъ изъ дѣлъ, совершенныхъ за это время, было заключеніе новаго перемирія съ Литвой на семь лѣтъ, съ 1542 по 1549 годъ.

Власть отъ заболѣвшаго Ивана Шуйскаго перешла къ тремъ его родственникамъ, князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ Шуйскимъ и Ѳеодору Ивановичу Скопину-Шуйскому, людямъ корыстнымъ и властолюбивымъ, при чемъ особой властностью отличался князь Андрей Шуйскій.

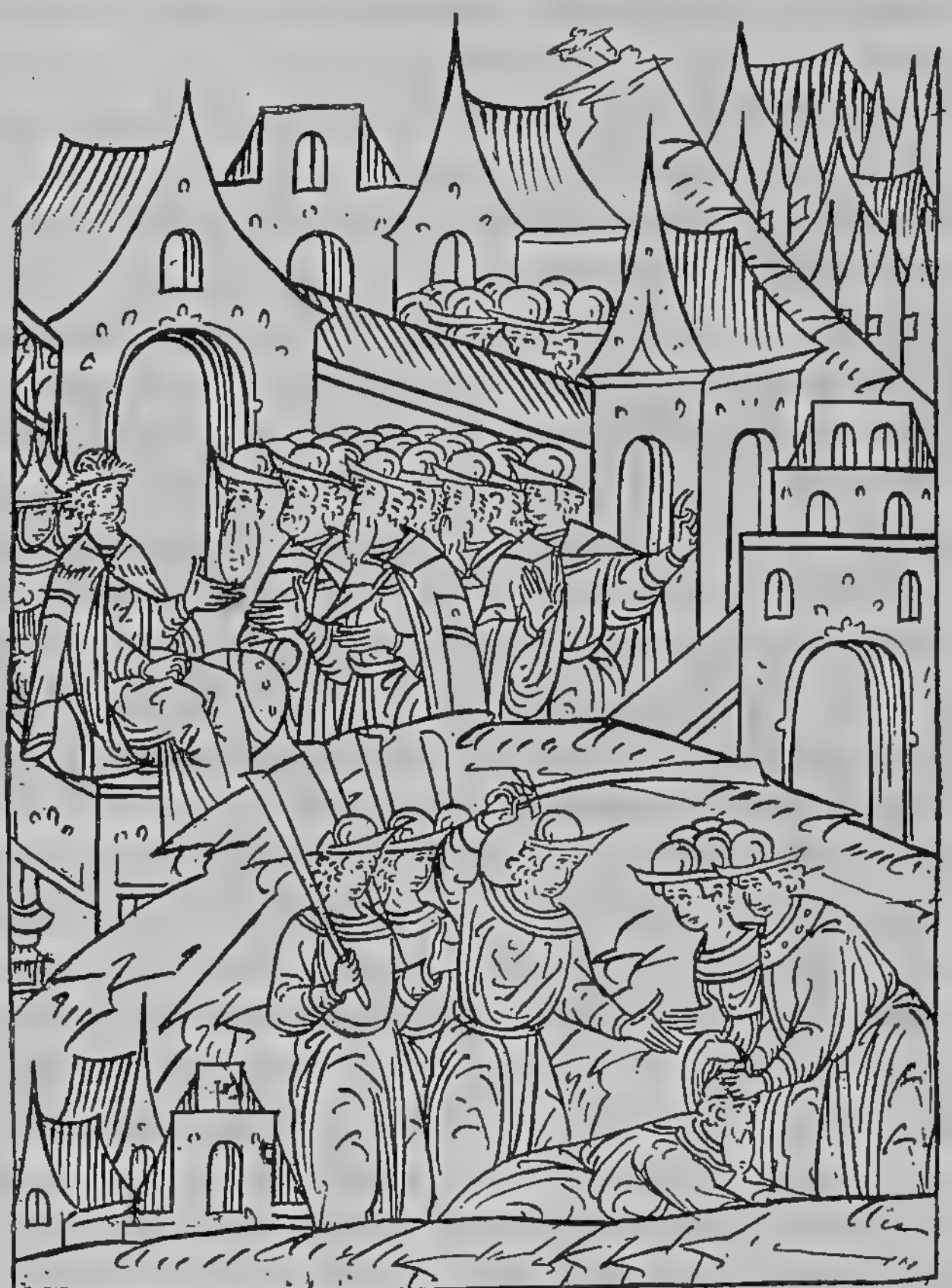
Этимъ новымъ временщикамъ, конечно, должны были быть крайне непріятны всѣ люди, къ которымъ имѣлъ склонность подростающій Государь; и вотъ, 9 сентября 1543 года, они вмѣстѣ съ другими своими приспѣшниками стали нападать въ думѣ, въ присутствіи великаго князя и митрополита—на любимца Іоаннова Ѳеодора Семеновича Воронцова, обвиняя его во многихъ преступленіяхъ; затѣмъ они вскочили, какъ неистовые, силою вытащили его въ другую комнату, стали тамъ мучить и хотѣли тутъ же убить. Взволнованный Государь просилъ митрополита спасти несчастнаго, и только благодаря настоянію святителя и бояръ Морозовыхъ, Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ Іоанну, обѣщали оставить Воронцову жизнь, но били его, а затѣмъ заключили въ тюрьму. Іоаннъ просилъ ихъ вторично, если нельзя оставить его любимца въ Москвѣ, то хоть послать на службу въ Коломну, но Государя не послушали, и Воронцовъ былъ сосланъ въ Кострому; эти переговоры за Воронцова велъ отъ имени великаго князя митрополитъ Макарій, при чемъ ему пришлось вынести отъ Шуйскихъ не мало оскорбленій; одинъ изъ ихъ сторонниковъ, Ѳома Головинъ, споря съ Макаріемъ, въ знакъ презрѣнія, даже наступилъ ему на мантію и изодралъ ее ногами.

15. Избіеніе Ѳеодора Семеновича Воронцова. ....„И биша его по ланитамъ и платіе на немъ ободраша и хотѣша его убити; и едва у нихъ митрополитъ умоли отъ убійства“....

Изъ Царственной книги.

Торжество Шуйскихъ продолжалось послѣ этого возмутительнаго насилія надъ Воронцовымъ, совершеннаго съ полнымъ пренебреженіемъ

къ личности Государя, до 29 декабря 1543 года. Въ этотъ день Іоаннъ, еще не достигшій четырнадцатилѣтняго возраста, всталъ во время засѣданія думы и, неожиданно для всѣхъ, твердымъ и властнымъ голосомъ началъ перечислять вины и беззаконія временщиковъ, захватившихъ власть, а затѣмъ—приказалъ схватить главнѣйшаго изъ виновныхъ князя Андрея Шуйскаго и передать его въ руки псарямъ, чтобы отвести въ тюрьму. Но псари переусердствовали и по дорогѣ убили Шуйскаго. Его же сообщниковъ, Ѳеодора Скопина, Ѳому Головина и другихъ, разослали по разнымъ мѣстамъ.



16. ...„Великій государь велѣлъ поимати первосовѣтника ихъ князя Анѣдрія Шюйскаго и велѣлъ его предати псарямъ,—и псари взяша и убиша его влекуще къ тюрмамъ, противу воротъ Ризъположенскыхъ въ градѣ"....

Изъ Царственной книги.

«Съ той поры—говоритъ лѣтописецъ, — начали бояре отъ Государя страхъ имѣть и послушаніе».

Конечно, Іоаннъ, умный и впечатлительный отъ природы ребенокъ, оставленный послѣ смерти матери безъ всякаго призора и постоянно оскорбляемый въ своихъ лучшихъ чувствахъ, долженъ былъ уже съ самаго ранняго дѣтства задумываться надъ своимъ положеніемъ: во время пріема пословъ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, ему оказывались величайшія почести, но въ обыденной обстановкѣ, онъ видѣлъ, что бояре, оказывавшіе ему такое почтеніе при народѣ, обращались съ нимъ въ высшей степени пренебрежительно. Рано выучившись грамотѣ и проявивъ къ ней большія способности, Государь повидимому уже съ дѣтства сталъ охотно читать Священное Писаніе, Русскія лѣтописи, Римскую исторію, Творенія Святыхъ Отцовъ, и съ жадностью искалъ въ нихъ отвѣты на мучившій его вопросъ о томъ, что же собственно такое государь ве-

ликой державы, какія его права и какъ къ нему должны относиться другіе люди?

Конечно, онъ задавалъ эти вопросы и окружавшимъ его боярамъ, захватившимъ власть въ свои руки; они-же, вмѣсто того, чтобы стараться воспитывать въ своемъ повелителѣ тѣ душевныя свойства, которыя столь необходимы правителямъ, и посвящать его въ трудное дѣло устроенія Государства, какъ это дѣлали старые доблестные Московскіе бояре временъ Димитрія Іоанновича Донского, старались, наоборотъ,—отвлечь его вниманіе въ другую сторону и потакали развитію въ немъ любви ко всякаго рода забавамъ, не исключая и самыхъ жестокихъ. «Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять»... говоритъ про малолѣтство Іоанна его современникъ князь Андрей Курбскій,... началъ первѣе безсловесныхъ (животныхъ) крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечуще ихъ (... съ крылецъ, або съ теремовъ), такожъ и иныя многія неподобныя дѣла творити»... Когда же Іоаннъ приблизился къ пятнадцатому году—продолжаетъ Курбскій, то принялся и за людей. Собравъ вокругъ себя толпу знатныхъ дѣтей подростковъ, онъ началъ съ ними носиться верхами на коняхъ по площадямъ и улицамъ «и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистину дѣла разбойническія самыя творяше и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно»... Ласкатели же все это на свою бѣду восхваляли, говоря: «О! Храбръ будетъ этотъ Царь и мужественъ»! Таково было боярское воспитаніе.

Разумѣется, оно вмѣстѣ съ чувствомъ глубокой обиды за наносимыя оскорбленія какъ ему, такъ и памяти родителей,—должно были развить въ Іоаннѣ большую сердечную жесткость и неуваженіе къ человѣческой личности; внезапныя же и страшныя потрясенія, которымъ Іоаннъ сталъ подвергаться смолоду, когда отъ него насильно отторгали преданныхъ ему лицъ, причемъ, какъ мы видѣли, врывались для этого даже ночью въ его покои, несомнѣнно должны были развить въ немъ крайнюю подозрительность и чрезвычайную раздражительность и гнѣвливость, тѣмъ болѣе, что и по природѣ своей онъ отличался большой впечатлительностью.

Съ паденіемъ Шуйскаго, власть перешла въ руки князей Михаила и Юрія Глинскихъ, родныхъ дядей Государя, людей также неспособныхъ къ государственнымъ дѣламъ, но тоже корыстныхъ и жестокихъ. Подъ ихъ вліяніемъ послѣдовала опала князей Кубенскихъ, Петра Шуйскаго, Александра Горбатаго, князя Палецкаго и другихъ.

При этомъ обращаетъ на себя вниманіе, что Іоаннъ весьма быстро подвергалъ людей опалѣ, но также весьма быстро и снималъ ее. По убіеніи псарями князя Андрея Шуйскаго—любимецъ Государя Ѳеодоръ Воронцовъ былъ, конечно, тотчасъ же возвращенъ изъ ссылки; скоро онъ сталъ думать, какъ бы занять положеніе Андрея Шуйскаго; но опала неожиданно постигла и его, вѣроятно, подъ вліяніемъ дядей Государевыхъ; впрочемъ она продолжалось недолго и по ходатайству митро-

полита Макарія, въ декабрѣ 1545 года, Воронцовъ былъ прощенъ вмѣстѣ съ другими князьями.

Однако, въ маѣ слѣдующаго 1546 года, этому же Ѳеодору Воронцову пришлось сложить свою голову на плахѣ. Готовясь отразить нападеніе Крымцевъ, Іоаннъ отправился къ войску въ Коломну; выѣхавъ погулять за городъ со своими приближенными, онъ былъ остановленъ отрядомъ Новгородскихъ пищальниковъ, которые стали ему о чемъ то бить челомъ. Іоаннъ не былъ расположенъ выслушать это челобитье и приказалъ своимъ боярскимъ дѣтямъ ихъ отослать.

Какъ было исполнено это приказаніе неизвѣстно, но пищальники начали кидать въ посланныхъ своими колпаками и грязью; тѣ отвѣчали имъ, и скоро начался настоящій бой, при чемъ человѣкъ десять съ обѣихъ сторонъ были убиты; конечно, это произвело сильное впечатлѣніе на Іоанна, тѣмъ болѣе, что, въ разгарѣ свалки, его не пропустили проѣхать къ стану и онъ вынужденъ былъ сдѣлать кружный объѣздъ. Разгнѣванный этимъ происшествіемъ, которое легко можно было принять за настоящее возмущеніе, онъ послалъ близкаго къ себѣ дьяка Василія Захарова изслѣдовать сущность дѣла. Захаровъ донесъ, и при томъ, по словамъ лѣтописца, ложно, что пищальниковъ подучили бояре: князь Кубенскій, да двое Воронцовыхъ, Ѳеодоръ и Василій. Извѣстіе это привело Іоанна въ чрезвычайную ярость, и онъ тотчасъ-же приказалъ виновнымъ отрубить головы.

17. Печать Царя Іоанна Васильевича (перстенная).

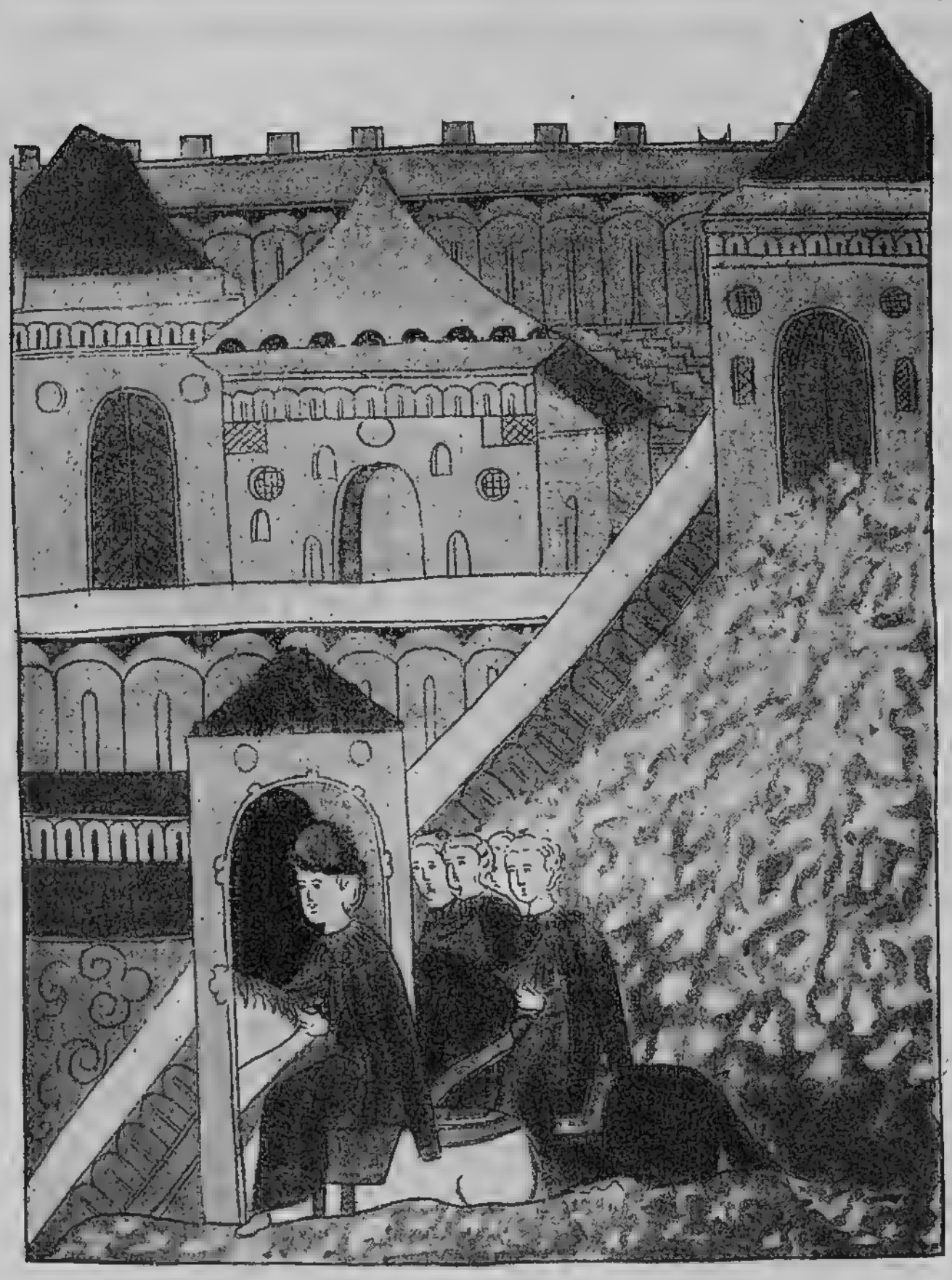
Эта печать односторонняя, оттиснутая на черномъ воскѣ, была приложена къ грамотѣ 1545 года; нынѣ хранится между оттисками древнихъ Русскихъ печатей въ Государственномъ древнехранилищѣ хартій, рукописей и печатей.

Такъ шла юность Іоанна — пятнадцатый, шестнадцатый и семнадцатый годы. Предоставляя правленіе Государствомъ боярской думѣ съ Глинскими во главѣ, онъ былъ занятъ постоянными разъѣздами по своимъ владѣніямъ, то для осмотра войскъ, то по монастырямъ, то на охоту; но дѣлами во время этихъ поѣздокъ не занимался. «Государь нашъ князь великій Іоаннъ Васильевичъ былъ въ Великомъ Новѣгородѣ и съ своимъ братомъ княземъ Юріемъ»,—пишетъ лѣтописецъ противъ 1548 года: «да и во Псковѣ былъ въ вотчинѣ другую ночь на Вороночи былъ, а третьюю ночь былъ у Пречистѣй на Печорахъ, паки во Псковѣ въ среду, и бывъ немного, и поѣде къ Москвы,... а князь Юрьи братъ его оста, и той бывъ немного и поѣде и той къ Москвѣ, а не управивъ своей отчины ничего; а князь великій все гонялъ на мскахъ (ямскихъ лошадяхъ), а христіанамъ много проторъ и волокиты учинили».

Съ Литвой за эти годы, въ виду перемирія, не было никакихъ дѣлъ. Крымцы же, послѣ понесеннаго пораженія 1541 года, продолжали тревожить Московскія границы; они были успѣшно отражаемы вплоть до 1544 года, когда Татарамъ удалось увести изъ нашихъ предѣловъ большой полонъ,

такъ какъ воеводы, высланные противъ нихъ, князья Щенятевъ, Шкурлятевъ и Воротынскій разсорились между собою ихъ за мѣстъ.

Послѣ этого успѣха, Саипъ-Гирей дерзко писалъ Іоанну: «Король (Польскій) даетъ мнѣ по 15.000 золотыхъ ежегодно, а ты даешь меньше этого; если по нашей мысли дать, то мы помиримся, а не захочеть дать,— захочешь заратиться—и то въ твоихъ же рукахъ; до сихъ поръ ты былъ молодъ, а теперь уже въ разумъ вошелъ, можешь разсудить, что тебѣ прибыльнѣе и что убыточнѣе». Получивъ это письмо, Іоаннъ разсудилъ прервать сношенія съ Крымомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ направить свои силы для овладѣнія Казанью, которая, послѣ пораженія Саипъ-Гирея въ 1541 году, — присмирѣла.



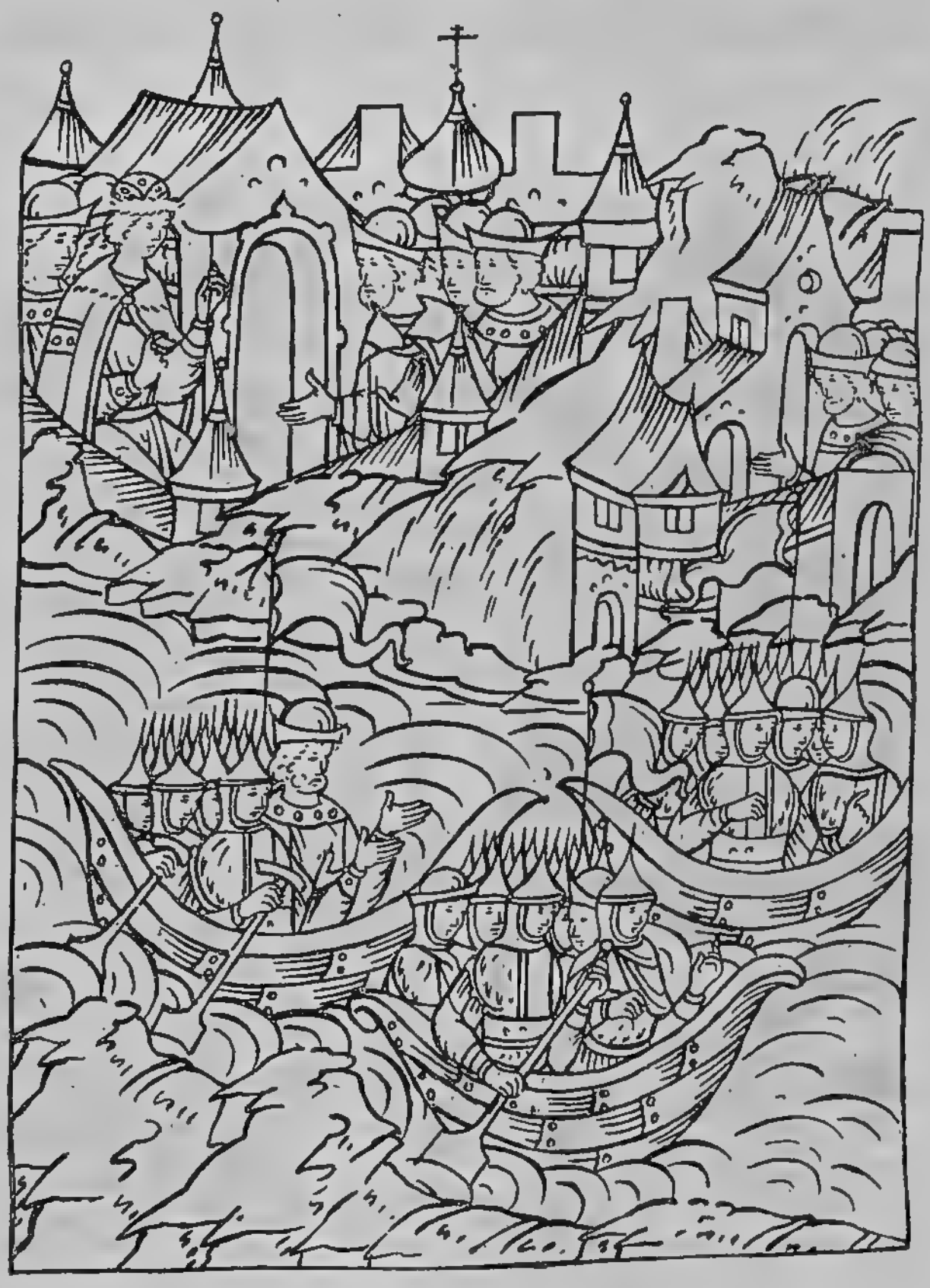
18. Въѣздъ Іоанна Васильевича въ Москву изъ Коломны „лѣто 7055 (1547 годъ) Сентября 15, въ Среду".

Изъ, такъ называемой, „Александро-Невской лѣтописи", рукописи, хранящейся въ С.-Петербургской Духовной Академіи и являющейся продолженіемъ Царственнаго лѣтописца. Она относится къ царствованію Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича.

Въ 1545 году, Государь объявилъ походъ на Казань. Отрядъ князя Семена Пункова пошелъ водой на стругахъ; князь Василій Серебряный шелъ изъ Вятки, а воевода Лыковъ изъ Перми. Пунковъ и Серебряный сошлись подъ Казанью въ одинъ день и часъ, какъ будто вышли съ одного двора, и удачно опустошили ея окрестности, за что Іоаннъ щедро наградилъ всѣхъ участниковъ похода; воевода же Лыковъ пришелъ позднѣе, потерпѣлъ неудачу и былъ убитъ.

Такимъ образомъ, этотъ походъ былъ самъ по себѣ незначительнымъ, но онъ обострилъ и безъ того сильную борьбу сторонъ въ Казани. Сафа-Гирей сталъ подозрѣвать Московскихъ доброхотовъ, говоря имъ: «Вы приводили воеводъ Московскихъ» и началъ ихъ избивать. Тогда, многіе

изъ Казанскихъ вельможъ пріѣхали въ Москву и просили Іоанна опять послать свою рать къ Казани, обѣщая выдать Сафа-Гирея и его Крымцевъ. Государь согласился и зимой отправился во Владиміръ, гдѣ получилъ извѣстіе, что съ января 1546 года Сафа-Гирей уже изгнанъ изъ Казани. Тогда бояринъ князь Димитрій Бѣльскій *)—посадилъ тамъ царемъ, по желанію Московской стороны, нашего стараго знакомаго Шигъ-Алея. Однако, не успѣлъ Бѣльскій выѣхать изъ города, какъ въ Казани снова восторжествовала Крымская сторона; Сафа-Гирей появился на Камѣ, а Шигъ-Алей бѣжалъ, чтобы отдаться подъ покровительство великаго князя. Вернувшись въ Казань, Сафа-Гирей сталъ, разумѣется, избивать всѣхъ предводителей противной себѣ стороны; успѣвшіе-же бѣжать, спѣшили искать себѣ спасенія въ Москвѣ и вновь просить защиты противъ Сафа-Гирея. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и подвластная Казанцамъ Горная Чермиса прислала бить челомъ Іоанну, чтобы онъ послалъ свои войска на Казань, обѣщая идти вмѣстѣ съ его полками. По этимъ челобитьямъ были высланы наши полки, успѣшно повоевавшія Казанскія владѣнія вплоть до устья рѣки Свіяги.



19. ...„Тоя же весны (1545 года), Априля, послалъ князь великій въ болшемъ полку воеводъ своихъ князя Семена Ивановича Пункова съ товарыщи, а въ передовомъ полку Иванъ Васильевичь Шереметевъ, а въ сторожевомъ полку князь Давидъ Палецкой, х Казани легкымъ дѣломъ въ струѣхъ"...

Изъ Царственной книги.

Между тѣмъ, Іоаннъ приближался къ семнадцатому году своей жизни.

---

*) Этотъ князь Димитрій Бѣльскій, родной братъ измѣнника князя Семена и князя Ивана, убитаго по приказанію Шуйскаго, замѣчателенъ тѣмъ, что отличался необыкновенно ровнымъ, осторожнымъ нравомъ, никогда не принимая участія ни къ какихъ крамолахъ, а потому удержалъ свое положеніе при всѣхъ многочисленныхъ перемѣнахъ во время царствованія Іоанна.

13 декабря 1546 года онъ призвалъ къ себѣ митрополита Макарія и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Макарій вышелъ отъ него съ веселымъ лицомъ, отпѣлъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ и послалъ за боярами, даже и за опальными, и вмѣстѣ съ ними былъ опять у Государя. Бояре вышли отъ него, выражая, также какъ и митрополитъ, на своихъ лицахъ радость.

Черезъ три дня былъ назначенъ большой съѣздъ митрополиту и всѣмъ знатнымъ лицамъ къ великокняжескому двору. Когда всѣ собрались, то Іоаннъ, помолчавъ немного, сказалъ, обращаясь къ Макарію, слѣдующее:

20. „....Тоя же зимы, Декабря въ 13 день, въ понедѣльникъ, начятъ князь Иванъ помышляти женитися и совѣтовалъ о томъ со отцемъ своимъ Макаріемъ митрополитомъ всея Русіи"....

Изъ Царственной книги.

«Уповая на милость Божію и Пречистую его матерь и Святыхъ заступниковъ Петра, Алексія, Іоны и прочихъ чудотворцевъ Земли Русской, имѣю намѣреніе жениться; ты, отче, благословилъ меня. Первою моею мыслію было искать невѣсты въ иныхъ царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю эту мысль. Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтись нравомъ съ иноземкой и не будетъ у насъ счастья; и вотъ я рѣшилъ жениться въ своемъ Государствѣ, по волѣ Божіей и по твоему благословенію».

Митрополитъ и бояре, говоритъ лѣтописецъ, слыша эти слова, заплакали отъ радости. Затѣмъ Іоаннъ, опять обращаясь къ нимъ, продолжалъ: «По твоему, отца моего митрополита, благословенію и съ вашего боярскаго совѣта, я хочу передъ женитьбой, по примѣру нашихъ прародителей и сродника нашего великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, который былъ вѣнчанъ на Царство, также исполнить тотъ чинъ вѣнчанія на Царство и сѣсть на великое княженіе. И ты отецъ мой, Макарій митрополитъ, благослови меня совершить это».

Это вѣнчаніе на Царство послѣдовало ровно чрезъ мѣсяцъ, 16 января 1547 года. Утромъ Государь вышелъ въ столовую комнату и передалъ своему духовнику на золотомъ блюдѣ Животворящій Крестъ, Царскій вѣнецъ и бармы Владиміра Мономаха, которые были торжественно перенесены въ Успенскій соборъ. Туда же, сопровождаемый всѣми вельможами, прослѣдовалъ затѣмъ и Іоаннъ; онъ приложился къ иконамъ, отслушалъ молебенъ, поднялся по двѣнадцати ступенькамъ на амвонъ посреди храма и сѣлъ на приготовленное здѣсь мѣсто, одѣтое золотыми паволоками; рядомъ съ нимъ, на такомъ же мѣстѣ, расположился митрополитъ. Затѣмъ Іоаннъ и Макарій встали; архимандритъ передалъ послѣднему Крестъ, бармы и вѣнецъ; митрополитъ возложилъ ихъ на Государя, громогласно произнося слова молитвы, чтобы Господь оградилъ его силою Святого Духа, посадилъ его на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Послѣ этого, пѣвчіе пропѣли многолѣтіе нововѣнчанному Царю. При выходѣ-же изъ церкви, въ дверяхъ и на лѣстницѣ, князь Юрій Васильевичъ осыпалъ старшаго брата золотыми деньгами изъ мисы, которую несъ Михаилъ Глинскій.

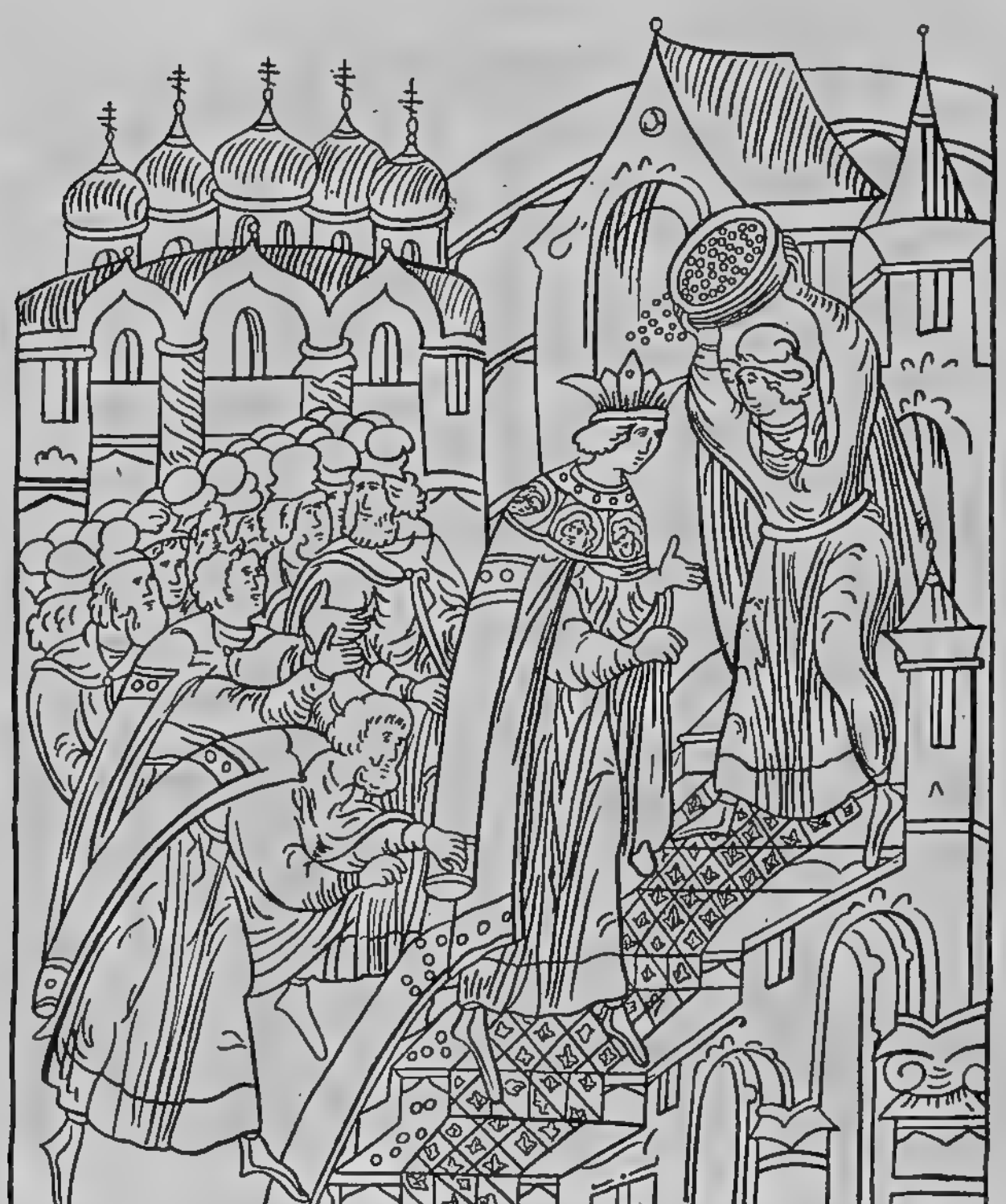
21. Вѣнчаніе Іоанна IV Васильевича на Царство. „.....И по совершенію молебна и по „достойнъ есть“ и по „тресвятомъ“ и по тропарехъ митрополитъ и князь великій поидутъ на уготованные мѣста и, вшедъ, сядутъ на своихъ мѣстехъ“....

Изъ Царственной книги.

Такимъ образомъ вѣнчался на Царство великій князь Московскій и съ тѣхъ поръ во всѣхъ сношеніяхъ своихъ онъ уже сталъ именоваться Царемъ. Въ этомъ званіи утвердилъ его и Константинопольскій патріархъ Іосафъ, соборной грамотою 1561 года, подписанной тридцатью шестью Греческими митрополитами и епископами, въ которой говорилось: «Не только преданія людей достовѣрныхъ, но самыя лѣтописи свидѣтельствуютъ, что нынѣшній властитель Московскій происходитъ отъ незабвенной

Царицы Анны, сестры Императора Багрянороднаго, и что митрополитъ Ефесскій, уполномоченный для того Соборомъ Духовенства Византійскаго вѣнчалъ Россійскаго великаго князя Владиміра на Царство».

Вслѣдъ за вѣнчаніемъ на Царство, послѣдовалъ 3 февраля и бракъ Іоанна. Еще въ декабрѣ, по всѣмъ областямъ было разослано приказаніе— всѣхъ незамужнихъ дочерей князей и боярскихъ дѣтей вести на смотръ намѣстниковъ. Выборъ Государя остановился на дѣвушкѣ одного изъ самыхъ знатныхъ и благородныхъ боярскихъ родовъ, знаменитаго своею преданностью Московскимъ Государямъ и непричастностію къ боярскимъ крамоламъ, — на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной-Кошкиной, дочери умершаго окольничьяго Романа Юрьевича и племянницѣ извѣстнаго намъ боярина Михаила Юрьевича Захарьина, — близкаго и преданнаго человѣка отцу Іоанна, помогавшему Василію III на смертномъ одрѣ творить послѣднее крестное знаменіе.



22. „....И како шшелъ великій Царь съ мѣста своего, и во дверехъ церковныхъ осыпаша его денгами златыми братъ его князь Юрьи Василіевичъ“....

Изъ Царственной книги.

Выборъ Государя оказался чрезвычайно удачнымъ: помимо большой красоты, юная Царица отличалась замѣчательной сердечной добротой, умомъ и большой привязанностью къ своему супругу.

Послѣ свадьбы молодая чета, прервавъ пиры, отправилась пѣшкомъ, несмотря на суровую зиму, въ Троицко-Сергіеву лавру и провела тамъ первую недѣлю великаго поста, усердно молясь надъ гробомъ Святого Сергія.

Іоаннъ горячо полюбилъ свою молодую жену, но ея благотворное вліяніе на его пылкій раздражительный нравъ стало сказываться не сразу. Для этого потребовались особыя обстоятельства; пока же, управленіе Государствомъ попрежнему оставалось въ рукахъ Глинскихъ и ихъ сторонниковъ, позволявшихъ себѣ всякія неправды, а Іоаннъ, несмотря на

смиряющее вліяніе Анастасіи, продолжалъ подвергаться при случаѣ припадкамъ страшнаго гнѣва.

12 апрѣля вспыхнулъ въ Москвѣ большой пожаръ: сгорѣли всѣ лавки въ Китай-городѣ и множество домовъ; затѣмъ взлетѣла на воздухъ высокая башня съ порохомъ и запрудила рѣку кирпичами; 20 апрѣля случился другой сильный пожаръ. Молодой Царь, повидимому, не особенно скорбѣлъ о народномъ бѣдствіи. 3 іюня того же 1547 года, къ нему явилось въ село Островку 70 человѣкъ Псковичей съ жалобами на воеводу князя Пронскаго, пріятеля Глинскихъ, непомѣрно угнетавшаго ихъ.

23. „.....Свадба великого Царя. Тоя же зимы благовѣрный Царь и великій князь Иванъ Василіевичъ всея Русіи смыслилъ женитися и выбралъ себѣ невѣсту дщерь (околничего своего) Романа Юрьевичя Анастасію. И женился Русскій Царь и великій Государь 8февраля мѣсяца 3, въ четвертокъ Всѣядныя недѣли“....

Изъ Царственной книги.

Это жалоба, напомнившая, вѣроятно, жалобу Новгородскихъ нищальниковъ, возбудила страшный гнѣвъ Іоанна; онъ приказалъ пытать прибывшихъ Псковичей и готовъ уже былъ отдать распоряженіе о ихъ казни, какъ изъ Москвы неожиданно пришла вѣсть, что упалъ большой колоколъ благовѣстникъ. Встревоженный этимъ недобрымъ знаменіемъ, Царь поспѣшилъ въ городъ и Псковичи избѣгли своей участи.

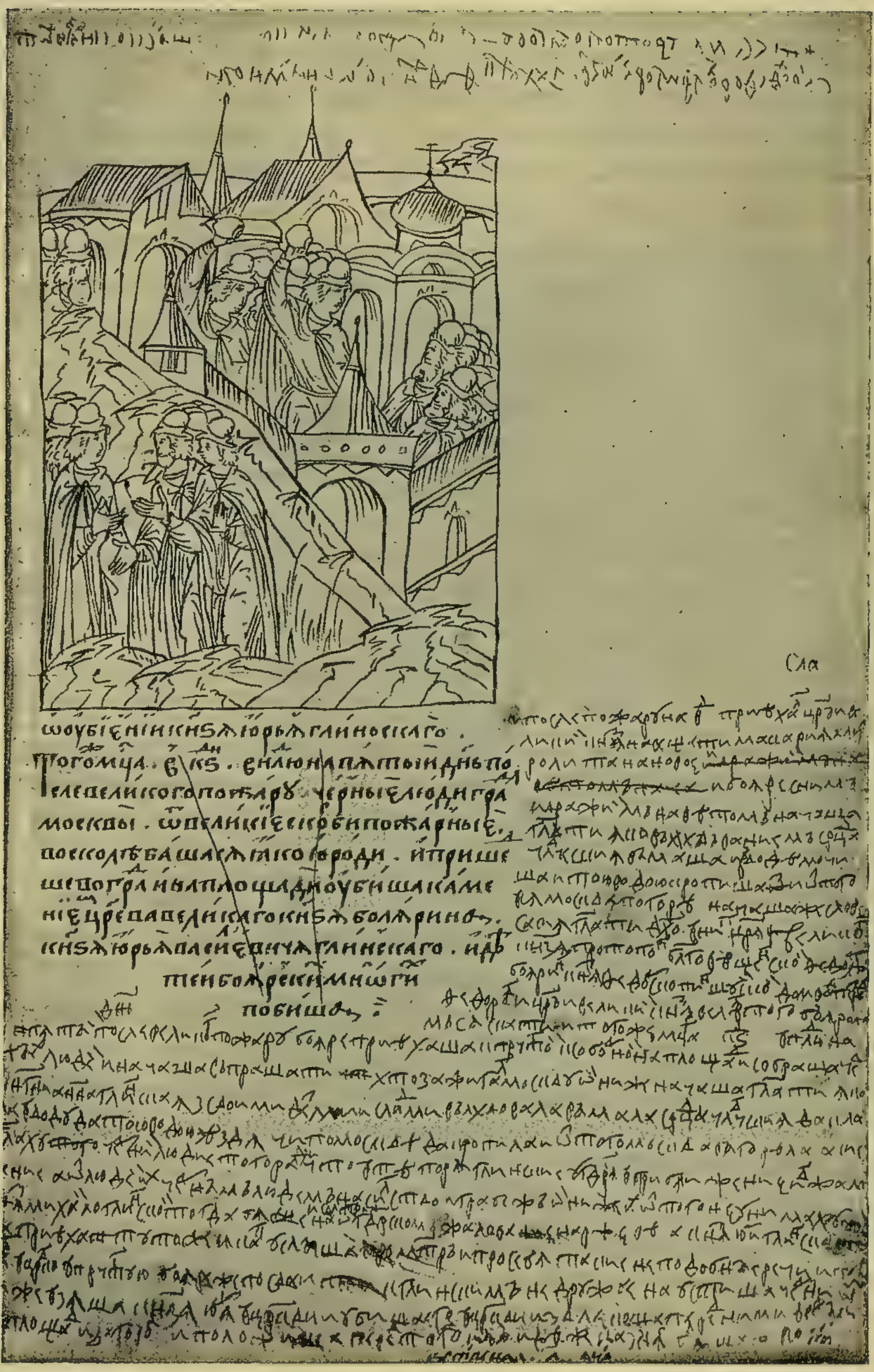
Вслѣдъ затѣмъ, 21 іюля, во время страшной бури, вспыхнулъ новый, еще невиданный на Москвѣ пожаръ; онъ начался на Арбатѣ, но затѣмъ огонь быстро перекинулся въ кремль и Китай-городъ, и съ ужасной силой началъ все пожирать. «Вся Москва»— говоритъ Н. М. Карамзинъ, «представляла зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густого дыма. Деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло, какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ кремлѣ и въ другихъ частяхъ

города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія грамоты, книги, даже мощи Святыхъ истлѣли. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма; силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь». Изъ собора вынесли только образъ Успенья Божіей Матери, писанный Святымъ митрополитомъ Петромъ, и Кормчую книгу; славная же Владимірская икона оставалась на мѣстѣ; къ счастью огонь не проникъ во внутренность церкви. Пожаръ утихъ въ

24. Видъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ.

три часа ночи, обративъ почти весь городъ въ пепелъ и развалины. Сгорѣло 1700 человѣкъ, не считая младенцевъ.

Во время пожара Іоаннъ удалился съ супругой за Москву-рѣку въ село Воробьево. На слѣдующій день, онъ навѣстилъ едва не сгорѣвшаго и сильно расшибленнаго митрополита Макарія въ Новоспасскомъ монастырѣ. Здѣсь, князь Ѳеодоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Челяднинъ, нѣкоторые другіе бояре и Царскій духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ Барминъ, стали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ; какой то чародѣй вынималъ человѣческія сердца, мочилъ ихъ въ водѣ и затѣмъ кро-



25. Изображеніе страницы „Царственной книги“, со сдѣланными на ней поправками, можетъ быть по личному указанію Іоанна Грознаго, или митрополита Макарія. „...О убіеніи князя Юрья Глиньскаго. Того же мѣсяца въ 26 день, въ недѣлю, на пятый день послѣ великого пожару, черные люди града Москвы отъ великіе скорби пожарные восколебашася, яко юроди, и пришедше во градъ и на площади убиша каменіемъ царева великаго князя боярина князя Юрья Василіевича Глинскаго, и дѣтей боярскихъ многихъ побиша“....

пилъ ею городъ, послѣ чего и поднялся пожаръ. Царь придалъ этому вѣру и приказалъ произвести розыскъ. Розыскъ былъ произведенъ черезъ два дня слѣдующимъ образомъ: бояре пріѣхали въ кремль на площадь и спросили окружавшую ихъ толпу: «Кто сжегъ Москву?» Тогда изъ толпы послышались голоса: «Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ княгиня Анна вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по Москвѣ. Вотъ отчего мы сгорѣли».

Нѣтъ сомнѣнія, разумѣется, что весь разсказъ объ этихъ вынутыхъ сердцахъ и отвѣты изъ толпы были подстроены боярской партіей, недовольной господствомъ Глинскихъ. Сама княгиня Анна, бабка Государя, съ сыномъ Михаиломъ находилась въ отъѣздѣ въ своемъ помѣстьѣ, но другой ея сынъ Юрій былъ на площади, слышалъ это нелѣпое обвиненіе и ужаснулся, увидя ярость черни. Онъ кинулся, чтобы спастись, въ Успенскій соборъ, но освирѣпѣвшій народъ бросился за нимъ и родной дядя Государя— былъ убитъ тутъ же, въ храмѣ Божьемъ. Затѣмъ чернь начала грабить дворъ Глинскаго, при чемъ было убито множество его слугъ и другихъ людей; бояре же, видя эти неистовства, ничего не предпринимали, какъ будто въ Москвѣ не было въ это время никакой власти. Мало того, они очевидно рѣшили, что надо непремѣнно освободиться и отъ всѣхъ остальныхъ Глинскихъ, такъ какъ на третій день послѣ описанныхъ убійствъ, вѣроятно по ихъ наущенію, огромная толпа народа двинулась къ селу Воробьеву, остановилась передъ Царскимъ дворцемъ и стала требовать выдачи ей бабки Государевой, княгини Анны Глинской и ея сына князя Михаила, спрятанныхъ будто бы въ Царскихъ покояхъ.

Молодой Іоаннъ, однако, не потерялся. Онъ приказалъ схватить нѣсколько главныхъ крикуновъ и тутъ же казнить ихъ, послѣ чего мятежъ тотчасъ же утихъ и толпа отхлынула въ Москву.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, Михаилъ Глинскій, бывшій съ матерью въ деревнѣ, хотѣлъ бѣжать въ Литву, но былъ по дорогѣ захваченъ и затѣмъ заключенъ подъ стражу; его скоро простили; однако послѣ описанныхъ происшествій господство Глинскихъ окончилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончилось и своеволіе бояръ.

Послѣдній пожаръ Московскій, убіеніе князя Юрія Глинскаго и видъ мятежной толпы у самаго дворца Государева, требовавшей выдачи его бабки и дяди, сильно подѣйствовали на впечатлительнаго Іоанна. Онъ рѣшилъ править своимъ Государствомъ самостоятельно, какъ подобаетъ самодержавному Царю. Конечно, въ этомъ рѣшеніи онъ нашелъ полную поддержку, какъ со стороны нѣжно любящей жены, такъ и въ маститомъ старцѣ митрополитѣ Макаріѣ, бывшемъ ему истиннымъ отцомъ.

При этомъ, Іоаннъ, окончательно разочаровавшись въ старыхъ боярахъ, сталъ замѣтно отличать двухъ, до той поры мало кому извѣстныхъ, но близкихъ ему людей, которымъ онъ вполнѣ довѣрялъ. Одинъ изъ нихъ былъ молодой Алексѣй Адашевъ, человѣкъ незначительнаго происхожденія, занимавшій должность Царскаго постельничаго, а другой былъ священникъ

Благовѣщенскаго собора, именемъ Сильвестръ; надо думать, что Государь давно уже зналъ его съ хорошей стороны; этотъ Сильвестръ былъ очень друженъ съ двоюроднымъ братомъ Іоанна—Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ, который не замедлилъ сблизиться съ Іоанномъ послѣ своего освобожденія изъ темницы.

Скоро послѣдовали двѣ свадьбы въ Царской семьѣ. Іоаннъ женилъ своего родного брата Юрія на княжнѣ Ульянѣ Палецкой, а Владиміра Андреевича Старицкаго на дѣвицѣ Евдокіи Нагой.

26. Іоаннъ Грозный и іерей Сильвестръ.
Картина П. Ѳ. Плѣшанова.

Дружба между Іоанномъ, Юріемъ и Владиміромъ Андреевичемъ была въ это время такъ велика, что на важныхъ правительственныхъ грамотахъ писалось: «Царь и великій князь со своею братіею и бояры уложили».

Затѣмъ Іоаннъ рѣшилъ лично выступить въ походъ противъ Казани, чтобы наказать или изгнать нашего непримиримаго врага Сафа-Гирея. Онъ выѣхалъ въ декабрѣ 1547 года изъ Москвы во Владиміръ и приказалъ везти туда же пушки. Зима была теплая и вмѣсто снѣга шелъ дождь; поэтому, когда 2 февраля 1548 года Государь выступилъ изъ Нижняго, то ледъ на Волгѣ покрылся водой и много пищалей и пушекъ провалилось; поневолѣ пришлось ограничиться отправленіемъ подъ Казань лишь нѣсколькихъ легкихъ отрядовъ. Самъ же Іоаннъ вернулся въ Москву въ большихъ слезахъ, что не сподобилъ его Богъ совершить похода.

Въ мартѣ 1549 года пришла на Москву вѣсть о смерти Сафа-Гирея; будучи пьянымъ, онъ умывалъ лицо, упалъ и разбилъ себѣ голову до мозга;

*

по оставленному имъ завѣщанію, Казанское царство досталось его двухлѣтнему сыну Утемишъ-Гирею подъ опекою матери, дочери Ногайскаго князя Юсуфа, красивой, умной и властной ханши Суюнбеки, бывшей ранѣе замужемъ за царемъ Еналеемъ.

Въ ноябрѣ 1549 года, Іоаннъ предпринялъ второй походъ на Казань и лично явился подъ ея стѣнами; но первый приступъ былъ неудаченъ, а наступившая въ февралѣ 1550 года сильная оттепель и порча дорогъ

27. Перевозка Московскихъ пушекъ по льду „....И ночи тоѣ пришелъ великого князя болшой нарядъ; и повелѣша воеводы пущати пушки болшіе, пищали, къ утру готовити“....

Изъ Царственнаго лѣтописца.

вновь заставили насъ отойти. На этотъ разъ, однако, при отступленіи было сдѣлано важное дѣло: Государь остановился на устьѣ Свіяги и здѣсь заложилъ новую крѣпость—*Свіяжскъ*, подобно тому, какъ при отцѣ его, Василіи, былъ заложенъ Васильсурскъ. Свіяжскъ, расположенный всего въ 20 верстахъ отъ Казани, долженъ былъ имѣть огромнѣйшее значеніе для овладѣнія Казанью въ будущемъ. Здѣсь могли храниться пушки и всѣ огнестрѣльные припасы и сюда же должны были собираться войска и продо-

вольствіе при наступленіи къ Казани. Вмѣстѣ съ тѣмъ, построеніе Свіяжска отрѣзывало Казань отъ ея западныхъ областей, лежащихъ на правомъ берегу Волги и населенныхъ Чувашами, Мордвой и воинственной Горной Черемисой.

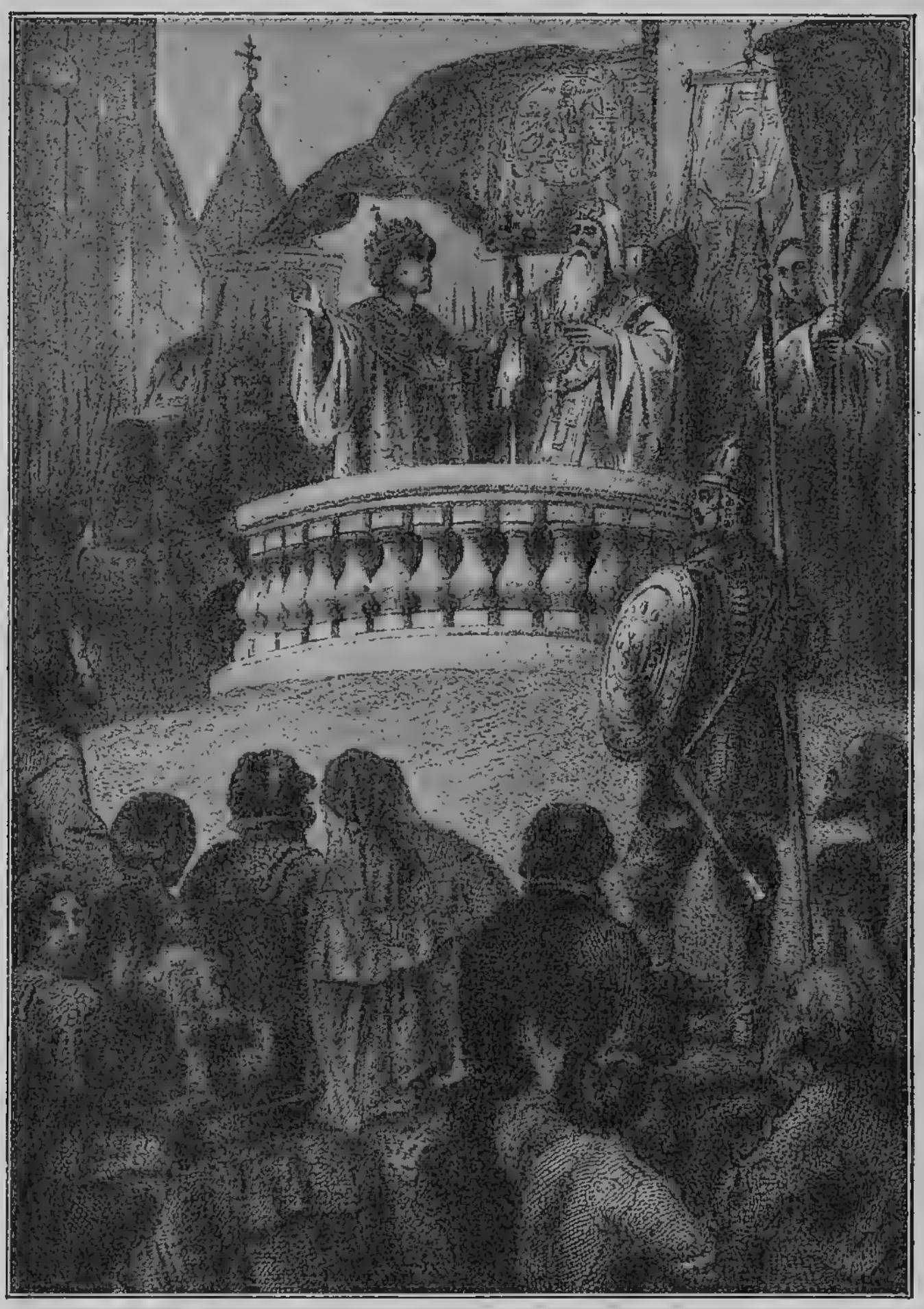
По возвращеніи въ Москву, Государь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Макаріемъ и, вѣроятно, съ Сильвестромъ и Адашевымъ, рѣшилъ собрать соборъ отъ всей Земли.

28. Изображеніе Іоанна IV Васильевича въ молодые годы, приведенное въ рукописи „Казанскій Лѣтописецъ“, хранящейся въ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ.

«Когда Царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ»,—говорится въ записи, составленной по этому поводу: «достигъ двадцатилѣтняго возраста, то, видя Государство свое въ великой скорби и печали отъ насилія и неправды, совѣтовался съ отцомъ своимъ Макаріемъ митрополитомъ, какъ прекратить крамолы и утолить вражду; послѣ чего повелѣлъ собрать изъ городовъ людей всякаго чину».

Въ воскресный день, послѣ обѣдни, Государь и митрополитъ вышли съ крестнымъ ходомъ на площадь, на Лобное мѣсто, гдѣ были собраны всѣ

чины собора и множество народа. Отслужили молебенъ. Послѣ него Іоаннъ, обращаясь къ митрополиту, сказалъ громкимъ голосомъ: «Молю тебя, святой владыко, будь мнѣ помощникомъ и любви поборникомъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери восьми; родственники обо мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, а я былъ глухъ и нѣмъ по своей юности и неразумію. О неправедные лихомцы и хищники и судьи неправедные! какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего!» Затѣмъ Государь поклонился во всѣ стороны и продолжалъ, обращаясь къ народу: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ къ другу вражду и тяжбу, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ, я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».



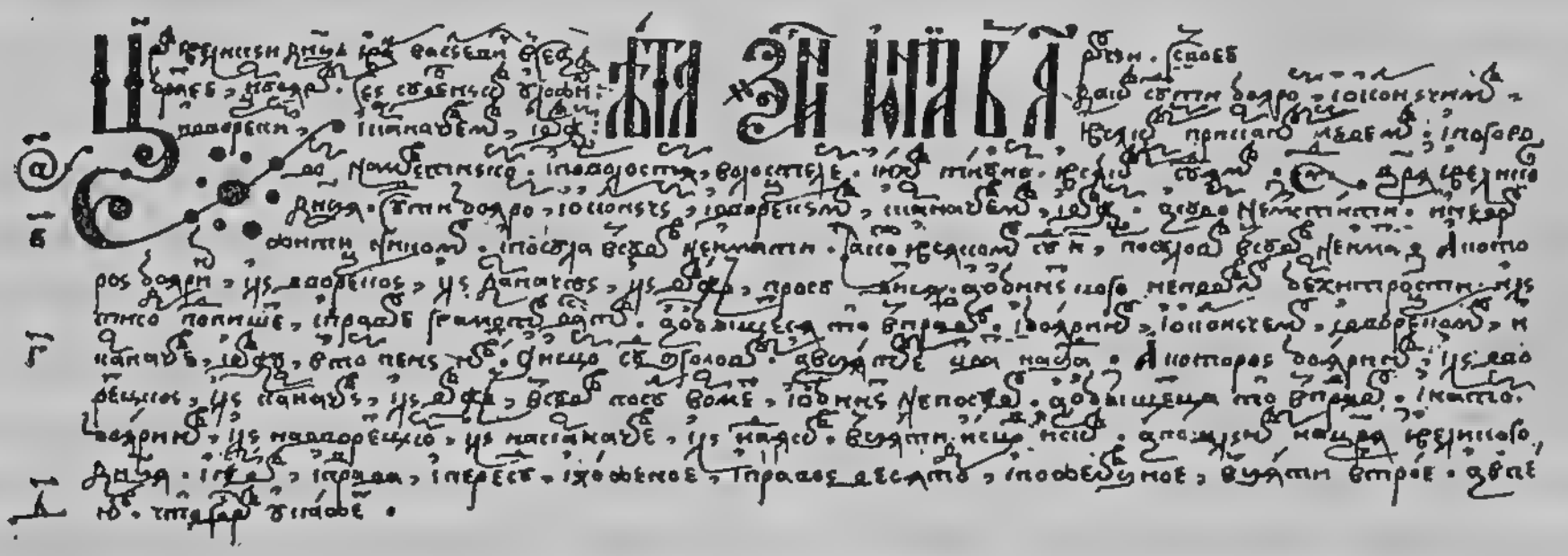
29. Рѣчь царя Іоанна IV на лобномъ мѣстѣ при открытіи собора 1550 года.

Рисунокъ А. Шерлеманя.

Разумѣется, народъ съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ необычную рѣчь своего молодого Царя и вѣсть о ней принималась всюду съ восторгомъ.

Въ тотъ же день Іоаннъ пожаловалъ Адашева въ окольничіе, сказавъ ему при этомъ:

«Алексѣй! Взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей, для помощи души моей; хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто-бы печаль мою утолилъ, и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитья отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ: но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія; избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ».



30. Изъ Судебника Іоанна IV Васильевича.

Такъ окончилъ Іоаннъ этотъ знаменательный для него и для его подданныхъ день.

Всѣмъ было ясно, что время боярскаго самовластія окончательно миновало, хотя дума боярская, разумѣется, осталась, причемъ кромѣ думныхъ бояръ и думныхъ дьяковъ, въ составъ ея, уже во время дѣтства Іоанна, входило также извѣстное число окольничьихъ, думныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Къ величайшему сожалѣнію до насъ не дошло точныхъ свѣдѣній о томъ, каковъ былъ составъ Земскаго собора 1550 года и чѣмъ именно онъ занимался. Мы знаемъ только, что, созвавъ въ слѣдующемъ 1551 году Церковный соборъ, получившій названіе Стоглава, по числу главъ, въ которыхъ были выражены его рѣшенія, Іоаннъ сказалъ при его открытіи, что заповѣдь его на прошлогоднемъ соборѣ всѣмъ боярамъ, приказнымъ людямъ и кормленщикамъ—помириться «со всѣми хрестьяны» своего Царства, въ срокъ,—уже исполнена. Затѣмъ, онъ тутъ же предложилъ владыкамъ утвердить новый «Судебникъ», составленный на прошлогоднемъ соборѣ, на

основаніи стараго Судебника Іоанна III—1497 года, а также и «Уставную грамоту», касающуюся нѣкоторыхъ законодательныхъ вопросовъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что на соборѣ 1550 года было положено начало ряду крупныхъ преобразованій, разработка которыхъ продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Мы видѣли, что въ Московскомъ Государствѣ за службу военно-служилому сословію, кромѣ пожалованія помѣстій и вотчинъ, а также и денежнаго оклада, существовало назначеніе боярамъ городовъ на кормленіе, въ которыхъ эти кормленщики, разбирая судебныя дѣла населенія, брали въ свою пользу всѣ причитающіяся пошлины. Мы видѣли также, что вслѣдствіе страшныхъ злоупотребленій воеводъ и волостелей, поставленныхъ боярами за время малолѣтства Іоанна, всякаго рода поборы и лихоимство развились до огромныхъ размѣровъ. Чтобы ослабить ихъ, во время краткаго правленія князя Ивана Бѣльскаго, правительство стало въ большомъ числѣ раздавать населенію губныя грамоты, при чемъ на выборныхъ самимъ населеніемъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ возлагались обязанности вести всѣ уголовныя дѣла, отпадавшія, стало быть, отъ суда кормленщиковъ.

Мѣра эта оказалась удачной: «и бысть крестьяномъ радость и льгота отъ лихихъ людей» и «была намѣстникамъ нелюбка велика на крестьянъ»—говоритъ лѣтописецъ. Въ виду этого, вся законодательная дѣятельность правительства Іоанна послѣ созыва Земскаго собора 1550 года была направлена къ расширенію дѣятельности губнаго управленія и вообще земства. Скоро губнымъ старостамъ была поручена, кромѣ разбойныхъ дѣлъ, татьба или воровство, а затѣмъ было рѣшено и вовсе отмѣнить кормленщиковъ, назначая впередъ военно-служилымъ людямъ въ вознагражденіе за службу—только землю или денежное жалованье; ихъ же обязанности по земскому управленію постановлено было передать людямъ, избраннымъ самимъ земствомъ; для этого, во всѣхъ городахъ и волостяхъ были учреждены *излюбленные* старосты, или выборные судьи, избираемые обществомъ; эти выборные старосты вмѣстѣ съ нѣсколькими также выборными цѣловальниками (присяжными) должны были судить, «безпосульно (безъ взятокъ) и безволокитно», тѣ дѣла, которыя не входили въ вѣдѣніе губныхъ старостъ, стало быть—всѣ тяжбы, а также и менѣе значительныя уголовныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на излюбленныхъ старостъ была возложена обязанность собирать съ населенія оброкъ или откупъ въ Государеву казну, установленный взамѣнъ поборовъ кормленщиковъ, которымъ уже само Государство платило за службу. Излюбленные старосты съ цѣловальниками вели всѣ дѣла за мірской порукой подъ угрозой строгаго наказанія; за неумѣлое же или недобросовѣстное веденіе дѣлъ полагалась смертная казнь «безъ отпросу»—съ отобраніемъ въ казну всего имущества.

Вслѣдъ за созданіемъ излюбленныхъ старостъ, для собиранія доходовъ Государству отъ рыбныхъ и соляныхъ промысловъ, питейнаго дѣла;

таможенныхъ сборовъ и проч., земскія общества обязаны были выбирать изъ своей среды, или ставить по назначенію правительства, *вѣрныхъ или присяжныхъ* головъ и цѣловальниковъ, которымъ ввѣрялись сборы съ этихъ доходовъ, при чемъ за исправность ихъ отвѣчали не только они сами, но и все общество.

Разумѣется, всѣ губные и излюбленные старосты и вѣрные головы были подъ строгимъ надзоромъ высшаго правительства—Московскихъ Приказовъ, которые по существу своей дѣятельности дѣлились на два большихъ отдѣла: а) Приказы общегосударственные: Посольскій, Разрядный или Военный, Разбойничій, Холопскій, Помѣстный, Большого Прихода (вѣдавшій Государевыми доходами) и проч., и б) мѣстные: Новгородскій, Тверской и другіе.

Приступивъ къ крупнымъ преобразованіямъ въ гражданскомъ быту, Іоаннъ рѣшилъ также подвергнуть обсужденію и многія дѣла церковныя.

Еще въ 1547 и 1549 годахъ были созваны церковные соборы, провозгласившіе 39 новыхъ Русскихъ Святыхъ, которые до сихъ поръ почитались только мѣстно, или же оставались даже совсѣмъ не прославленными.

31. Печать Государственная малая (такъ называемая—двойная кормчая) царя Іоанна IV Васильевича.

Эта печать хранится между оттисками древнихъ Русскихъ печатей въ Государственномъ древлехранилищѣ хартій, рукописей и печатей.

На Стоглавомъ соборѣ, собранномъ въ 1551 году, Іоаннъ, открывая его, отдалъ святителямъ длинный списокъ безпорядковъ въ церковной жизни и требовалъ отъ нихъ содѣйствія для ихъ исправленія, почему постановленія этого собора и были направлены къ поднятію нравственности духовенства, а также просвѣщенія и благочинія среди прихожанъ.

По важному для тогдашней Московской Руси вопросу о правильномъ писаніи святыхъ иконъ, соборъ постановилъ: «Подобаетъ быти живописцу смиренну, кротку, благоговѣйну, не праднословцу и не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницѣ, не грабежнику, не убійцѣ... Наипаче же хранить чистоту душевную и тѣлесную, не могущимъ же до конца тако пребыти по закону бракомъ сочетаться, и приходить къ отцамъ духовнымъ часто на исповѣданіе, и во всѣмъ съ ними совѣщаться, и по ихъ наставленію жить, пребывая въ постѣ и молитвѣ, удаляясь всякаго задора и безчинства. И съ превеликимъ тщаніемъ писать на иконахъ и доскахъ образъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Матери, Святыхъ Небесныхъ Силъ, Пророковъ и Апостоловъ, Мучениковъ, Святителей и Преподобныхъ и всѣхъ Свя-

тыхъ по образу и по подобію и по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ... А которые иконники по сіе время писали неучась, самовольствомъ, и не по образу, и тѣ иконы промѣнивали дешево простымъ людямъ, поселянамъ, невѣждамъ, тѣмъ запрещеніе положить, чтобы учились у добрыхъ мастеровъ. Которому дастъ Богъ, учнетъ писать по образу и по подобію, тотъ бы писалъ, а которому Богъ не дастъ, тому впредь отъ такого дѣла престати, да не похуляется имя Божіе отъ такого письма. Если же ослушники будутъ говорить, «тѣмъ де питаются», то отъ Бога даровано много другихъ рукодѣлій, которыми можетъ человѣкъ питаться и жить, кромѣ иконнаго письма».

По вопросу, поставленному Царемъ о выкупѣ плѣнныхъ изъ рукъ басурмановъ, соборъ опредѣлилъ: «Которыхъ окупятъ Царскіе послы въ Ордахъ, въ Царѣградѣ, въ Крыму, въ Казани, или Астрахани, или въ Кафѣ, или сами откупятся, тѣхъ всѣхъ плѣнныхъ окупать изъ Царской казны. А которыхъ плѣнныхъ Православныхъ христіанъ окупятъ Греки, Турки, Армяне или другіе гости и приведутъ въ Москву, а изъ Москвы захотятъ ихъ опять съ собой повести, то этого имъ не позволять, за то стоять крѣпко и плѣнныхъ окупать изъ Царской же казны, и сколько этого окупа изъ Царской казны разойдется, и то раскинуть на сохи по всей Землѣ, чей кто ни будь—всѣмъ равно, потому что такое искупленіе общею милостынею называется». Когда статьи соборнаго опредѣленія были посланы въ Троицкую лавру къ бывшему митрополиту Іосафу и другимъ святителямъ, проживавшимъ тамъ на покоѣ, а также ко всѣмъ соборнымъ старцамъ лавры, то они, утвердя всѣ статьи, о выкупѣ плѣнныхъ написали: «окупъ брать не съ сохъ, а съ архіереевъ и монастырей. Крестьянамъ, Царь Государь, и такъ много тягости; въ своихъ податяхъ, Государь, положи имъ милость».

О призрѣніи больныхъ и бѣдныхъ, соборъ постановилъ: «Да повелитъ благочестивый Царь всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ описать по всѣмъ городамъ... и въ каждомъ городѣ устроить богадѣльни мужскія и женскія, гдѣ больныхъ, престарѣлыхъ и неимущихъ куда голову преклонить, довольствовать пищей и одеждою, а боголюбцы пусть милостыню и все потребное имъ приносятъ... Священники должны приходить къ нимъ въ богадѣльню, поучать ихъ страху Божію, чтобы жили въ чистотѣ и покаяніи, и совершать всѣ требы».

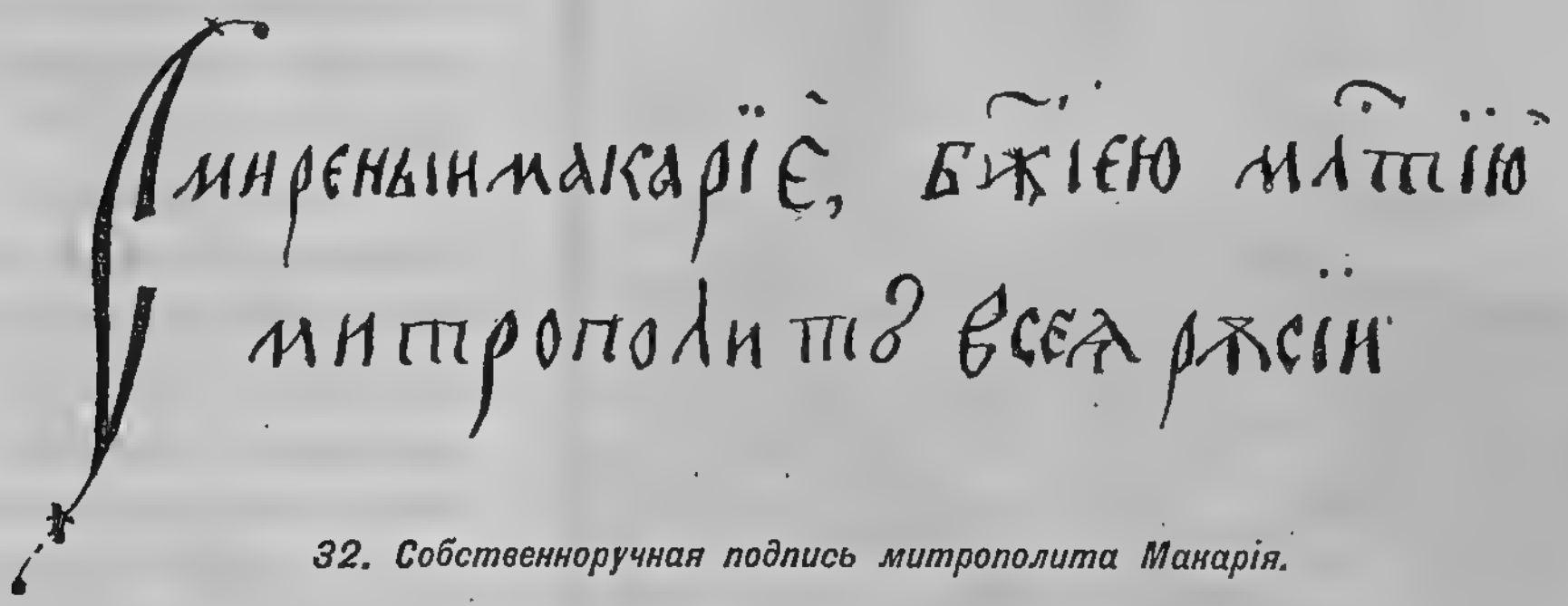
Наконецъ, Стоглавый соборъ обратилъ вниманіе на разныя безчинства и суевѣрія, и запретилъ заниматься злыми ересями и волхвованіемъ, а также уже знакомые нами: Рафли, Шестокрылъ, Аристотелевы Врата и другія отреченныя книги.

Таковы были глубокія и обширныя преобразованія, задуманныя двадцатилѣтнимъ Іоанномъ, для проведенія которыхъ въ жизнь—имъ были собраны соборы: 1550 года—Земскій и 1551—Церковный.

Лѣтописи, къ сожалѣнію, не даютъ намъ никакихъ подробностей о жизни Государя за это время, а также не даютъ и точныхъ указаній о томъ,

какимъ образомъ были подготовлены эти преобразованія, и кому именно изъ приближенныхъ къ нему лицъ принадлежала та или иная мысль, такъ какъ, очевидно, самъ Іоаннъ, не будучи еще достаточно знакомъ со строемъ государственнаго и церковнаго управленія, не могъ единолично намѣтить всѣ преобразованія.

Безъ сомнѣнія, выдающееся значеніе во всѣхъ начинаніяхъ Іоанна принадлежало митрополиту Макарію, старцу уже подошедшему къ семидесятому году жизни и безпредѣльно преданному Православію, Родинѣ и своему молодому Государю, при чемъ величайшей заслугой Макарія было возбужденіе въ Іоаннѣ благороднаго честолюбія, путемъ указанія ему великихъ задачъ, лежащихъ на Московскихъ Государяхъ. Конечно, по совѣту Макарія Іоаннъ вѣнчался на Царство, что можетъ быть было непріятно нѣкоторымъ изъ его бояръ, такъ какъ еще болѣе возвышало его надъ ними, но должно было давно совершиться въ виду роста



32. Собственноручная подпись митрополита Макарія.

Московскаго Государства, а главное, въ виду перехода къ Москвѣ, послѣ взятія Царьграда Турками, значенія третьяго Рима, почему Московскій Государь и являлся верховнымъ охранителемъ единой истинной Православной вѣры. Макарію-же, безъ сомнѣнія, принадлежала мысль о созывѣ Церковнаго собора, а можетъ быть также и Земскаго. Но, какъ и подобаетъ истинному и вѣрному Царскому слугѣ, Макарій нигдѣ не выставлялъ свою дѣятельность на показъ, а дѣлалъ все такъ, что виновникомъ всѣхъ благихъ преобразованій являлся Іоаннъ, при чемъ по существу дѣла это было вполнѣ правильно, такъ какъ отъ Царя зависѣло принять или нѣтъ данный ему совѣтъ, и Царь же несъ всѣ послѣдствія за созданныя имъ мѣропріятія.

Къ важнымъ сторонамъ дѣятельности Макарія—слѣдуетъ отнести также составленіе по его порученію подробныхъ Житій, или Большой Четьи-Минеи,—всѣхъ Русскихъ Святыхъ и написаніе Степенной Книги, начатой митрополитомъ Кипріаномъ, въ которой послѣдовательно, по степенямъ, изложено государствованіе всѣхъ Русскихъ великихъ князей съ древнѣйшихъ временъ.

По порученію Макарія же было предпринято составленіе большой лѣтописи, такъ называемой Никоновской, и вѣроятно также и Софійскаго (Новгородскаго) временника. Наконецъ, при Макаріи же начался и расцвѣтъ Русской живописи; большая часть Житій Святыхъ, а также лицевыхъ лѣтописныхъ сборниковъ, изъ которыхъ въ нашемъ трудѣ приведены многочисленные рисунки, были несомнѣнно написаны, или начаты своимъ написаніемъ, именно по благословенію митрополита Макарія.

33. „....И видѣхъ, и се конь блѣдъ, и сѣдящій на немъ, имя ему смерть: и адъ идяше въ слѣдъ его: и дана бысть ему область на четвертой части земли убити оружіемъ и гладомъ и смертію, и звѣрми земными“....

Изъ рукописнаго Апокалипсиса XVI вѣка, хранящагося въ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Разсматривая въ настоящее время, болѣе чѣмъ черезъ триста лѣтъ, огромные томы этихъ лицевыхъ лѣтописей и Житій Святыхъ, въ которыхъ каждое малѣйшее событіе прошлаго Русской Земли не только тщательно записано, но и украшено соотвѣтствующимъ рисункомъ, невольно проникаешься великимъ уваженіемъ и сердечнымъ умиленіемъ къ составителямъ этихъ лѣтописей и живописцамъ за ихъ горячую любовь къ Родинѣ, выразившейся въ этой огромной работѣ, и ясно понимаешь, чѣмъ именно Московское Государство было крѣпко:—глубокой преданностью и любовью къ своей старинѣ и завѣтамъ отцовъ. Ни въ одномъ Государствѣ Европы, да и вообще во всемъ мірѣ, нѣтъ такихъ богато украшенныхъ рисунками лѣтописей или

Житій Святыхъ, какъ у насъ. Къ сожалѣнію, почти никто изъ составителей этихъ лѣтописей и живописцевъ, украшавшихъ ихъ изображеніями, не оставили намъ на память, изъ смиренія, своихъ именъ на ихъ удивительныхъ произведеніяхъ. Къ сожалѣнію также, строго придерживаясь въ иконописаніи древнихъ образовъ, они не выучились писать изображеній съ живыхъ людей, почему у насъ почти нѣтъ портретовъ Русскихъ Государей и выдающихся личностей XVI вѣка, а немногіе изъ имѣющихся едва-ли передаютъ правильно черты лица тѣхъ особъ, съ которыхъ они писаны.

34. „...И видѣхъ жену сѣдящу на звѣри червленѣ, исполненѣмъ именъ хулныхъ, иже имѣяше главъ седмь и роговъ десять. И жена бѣ облечена въ порфиру и червеницу, и позлащена златомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ, имущи чашу злату въ руцѣ своей полну мерзости и скверны любодѣянія ея“....

Изъ рукописнаго Апокалипсиса XVI вѣка, хранящагося въ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Въ томъ же 1551 году, когда состоялся Стоглавый соборъ, Макарій исходатайствовалъ у Іоанна разрѣшеніе освободить отъ заточенія, вѣроятно не весьма строгаго, извѣстнаго намъ Максима Грека, противника монастырскаго землевладѣнія и страстнаго обличителя всякой неправды, попавшаго, какъ мы помнимъ, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, подъ церковный судъ и заточеннаго при Василіи Третьемъ.

Макарій не былъ сторонникомъ Максима Грека по вопросу о владѣніи монастырями землею, и принадлежалъ къ противоположной по взглядамъ партіи Осифлянъ, но высоко цѣнилъ его

праведную жизнь и писалъ ему, когда тотъ былъ еще въ заточеніи, что «узы твоя цѣлуетъ, яко единаго отъ Святыхъ».

Въ Максимѣ Грекѣ, не смотря на многолѣтнее заключеніе, былъ также какъ и прежде силенъ «огнь ревности яже по Бозѣ» и онъ, не взирая ни на что, продолжалъ писать свои обличительныя тетради. Такъ, противъ дурного правленія бояръ во время юности Іоанна онъ написалъ безпощадно рѣзкое «Слово пространнѣе излагающе съ жалостью нестроеніа и безчиніа царей и властелѣхъ послѣдняго вѣка сего», а затѣмъ написалъ и самому Іоанну замѣчательныя по своей полной безбоязненности и превосходнымъ мыслямъ—«Главы поучительны къ начальствующимъ правовѣрно», которыя, конечно, оказали большое вліяніе на молодого Государя.

Въ этихъ «Главахъ» Максимъ Грекъ писалъ Іоанну, что Государю необходимѣе всего правда; «Ничтоже убо потребнѣйше и нужнѣйше правды благовѣрно царствующему на Земли»; при этомъ онъ сравниваетъ Царя съ солнцемъ: какъ солнце освѣщаетъ и согрѣваетъ вселенную, такъ и «душа благовидная благовѣрнаго Царя, украшенная правдой и чистотой, украшаетъ и согрѣваетъ все ей подвластное».

На какія стороны преобразованій Іоанна имѣлъ вліяніе Адашевъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; но онъ, какъ начальникъ Челобитнаго Приказа, въ родѣ нынѣ существующей «Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній», имѣлъ, разумѣется, непрерывныя и постоянныя сношенія съ Государемъ.

Сильвестръ, повидимому, имѣлъ, главнымъ образомъ, вліяніе на религіозное чувство Іоанна, при чемъ онъ вмѣшивался и въ домашнюю жизнь молодого Государя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увидимъ, Сильвестръ былъ очень склоненъ оказывать свое вліяніе и на государственныя дѣла.

Нѣтъ сомнѣнія, что большое вліяніе на преобразованія Іоанна—оказали также взгляды и мысли нѣкоего Ивана Пересвѣтова, записки котораго хранились въ Государевой казнѣ. Иванъ Пересвѣтовъ былъ уроженецъ Русскихъ областей, находившихся подъ властью Литвы. Съ разрѣшенія великаго князя Литовскаго, онъ былъ одно время на военной службѣ у Чешскаго и Венгерскаго королей и у Молдавскаго воеводы; затѣмъ онъ прибылъ въ Московское Государство и поступилъ также на военную службу въ малолѣтство Іоанна; здѣсь онъ прекрасно изучилъ весь строй нашей жизни, испытавъ при этомъ лично на себѣ многія великія неправды во время боярскаго правленія.

Будучи Православнымъ и Русскимъ человѣкомъ и видя огромную мощь Московскаго Государства, Иванъ Пересвѣтовъ, скорбя душой о неурядицахъ, наступившихъ въ правленіе бояръ, въ нѣсколькихъ своихъ «книжкахъ», переданныхъ имъ Іоанну въ 1549 и 1550 годахъ, сталъ горячо проводить мысли о необходимыхъ по его мнѣнію преобразованіяхъ.

Онъ настойчиво совѣтовалъ взять Казанское царство, говоря, что и Волошскій (Молдавскій) воевода, у котораго онъ служилъ, дивился,

«что таковая землица невеликая, велми угодная, у таковаго великаго, силнаго царя, под пазухою, а не в дружбѣ, а он ей долго терьпитъ і кручину от нихъ великую пріимает...».

При этомъ, Пересвѣтовъ сильно нападалъ на Русскихъ бояръ, начальствовавшихъ на войнѣ не по своимъ способностямъ, а въ силу мѣстнической лѣствицы. Вельможи Русскаго Царства, говоритъ онъ, потому только и называются слугами Царя, что «цвѣтно і конно і людно выезжаютъ на службу его». Но на самомъ дѣлѣ это плохіе слуги, которые не крѣпко стоятъ за царя и вѣру,—« і люто противъ недруга смертной игрою не играютъ». Они облѣнились, боятся смерти и думаютъ только о наживѣ, поэтому Государь, давая имъ города на кормленіе, «особую войну на свое царство напущает».

Вслѣдствіи обогащенія, вельможи отвыкаютъ отъ ратнаго дѣла, «лѣнивѣютъ» и думаютъ объ «укроченіи», то есть уменьшеніи власти своего Государя, и строятъ для этого разныя ковы, стараясь лукавствомъ и чародѣйствомъ приблизиться къ Царю, уловить его сердце, и затѣмъ, пріобрѣтя довѣріе, употребляютъ его во зло. Такихъ вельможъ, говоритъ Пересвѣтовъ, которые приближаются къ Царю не по воинскимъ заслугамъ и мудрости, надо «огнемъ жещи і иные лютые смерти имъ давати, чтобы зла не множилос». Царская же власть, продолжаетъ онъ, должна быть неограниченной, безъ всякаго «укроченія» и только такой власти возможно провести всѣ преобразованія.

Среди этихъ преобразованій, говоритъ онъ дальше, на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена во всѣхъ дѣлахъ правда. По словамъ Волошскаго воеводы Петра, у котораго онъ служилъ, если нѣтъ правды въ Московскомъ Государствѣ, «то всего нѣтъ».

Затѣмъ, со словъ того же воеводы Петра, Пересвѣтовъ совѣтуетъ самому Царю собирать доходы со всего Государства, отмѣнивъ раздачу городовъ въ кормленіе, и большую часть этихъ доходовъ употреблять на содержаніе войска, такъ какъ войско сила Государства. «А Царю без воиньства не мочно быти». «Воинниками Царь силенъ и славенъ»—говоритъ онъ. При этомъ самъ Царь долженъ быть грозенъ и мудръ и имѣть особое дарованіе: «мудрое и счастливое прирожденіе къ воинству». Пересвѣтовъ настаиваетъ, что необходимо особенно заботиться о воинствѣ, слѣдуетъ воинамъ «сердце веселить», и тогда Царской казнѣ конца не будетъ, и Царство не оскудѣетъ.

Вообще забота о войскахъ составляетъ завѣтную мысль Пересвѣтова и онъ необыкновенно краснорѣчиво ее высказываетъ: «Воина держати, какъ сокола чередити (кормить), і всегды ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не допустити... Который воинникъ лют будетъ против недруга Государева играти смертною ігрою і крѣпко будетъ за вѣру христіянскую стояти, іно таковым воинникамъ имяна възвышати и сердца имъ веселити, і жалованія ис казны своей Государевы прибавливати; і инымъ воинникомъ сердца возвращати, і к себѣ ихъ припущати блиско, і во всемъ имъ вѣрити, і жа-

лоба ихъ послушати во всемъ, і любите ихъ, яко отцу дѣтей своихъ, і быти до нихъ щедру: щедрая рука николи же не оскудѣваетъ и славу царю събираетъ».

Пересвѣтовъ также совѣтовалъ создать по Западно-Европейскому образцу *постоянное войско*, а не собираемое только въ случаѣ надобности, и съ постоянными же начальниками, исключительно посвятившими себя военному дѣлу.

При этомъ онъ говорилъ, что по отношенію Крымскаго хана слѣдуетъ ограничиться обороной и держать на южной границѣ 20.000 отлично обученныхъ солдатъ, получающихъ жалованіе отъ казны. Эти 20.000 «юнаковъ храбрыхъ со огненою стрѣльбою, гораздо учиненою»—увѣрялъ Пересвѣтовъ—будутъ лучше ста тысячъ обыкновеннаго войска, собираемаго отъ Земли. На Казань же онъ совѣтовалъ—вести самое рѣшительное наступленіе съ непремѣнной цѣлью совершенно покорить ее.

Въ общемъ, важнѣйшія мѣропріятія, предложенныя Пересвѣтовымъ въ 1549 и 1550 годахъ, заключались въ слѣдующемъ: установить, чтобы въ Государствѣ дѣлалось все по правдѣ, причемъ Царская власть должна быть неограничена и грозна противъ боярскаго своеволія; отмѣнить кормленіе; собирать всѣ доходы въ Государеву казну и изъ нея платить жалованье всѣмъ служилымъ людямъ. Учредить постоянное, отлично обученное и храброе войско изъ вѣрныхъ Царскихъ слугъ, щедро награждать ихъ и выдвигать только по личнымъ достоинствамъ, а отнюдь не вслѣдствіе родовитости.

Въ такомъ войскѣ и въ военныхъ людяхъ, а не въ вельможахъ, и заключается, по мнѣнію Пересвѣтова, сила Государства; оно обезпечитъ его внѣшнее могущество и будетъ способствовать внутреннему благосостоянію.

Какъ мы видѣли, въ рѣчи Іоанна передъ открытіемъ Земскаго собора 1550 года, многія изъ мыслей Пересвѣтова прямо были высказаны молодымъ Царемъ; очевидно, онѣ вполнѣ совпадали съ его собственными; то же можно сказать по отношенію и общаго духа преобразованій, предпринятыхъ Іоанномъ.

Передавая исправленный «Судебникъ» на утвержденіе Стоглавому собору, Государь сказалъ: «И по вашему благословенію Судебникъ исправилъ и великія заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и брежно, судъ былъ бы правеленъ и безпосульно во всякихъ дѣлѣхъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же Царемъ былъ предпринятъ и рядъ важныхъ мѣръ объ устройствѣ военнаго сословія, а въ 1550 году былъ изданъ указъ о самомъ крупномъ надѣленіи служилыхъ людей землею, какое только извѣстно, а именно Царь приказалъ имъ сразу раздать 1.000 помѣстій въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, причемъ были выработаны правила о соотвѣтствующей раздачѣ имѣній въ зависимости отъ заслугъ, о вдовахъ военно-служащихъ и проч.

Затѣмъ, Государь положилъ начало и постоянному войску: онъ создалъ „*стрѣльцовъ*“, собираемыхъ изъ вольныхъ людей; они получали земель-

ныя участки и жалованье, и обязаны были служить пожизненно и наслѣдственно. Стрѣльцы были пѣшіе и только незначительная часть изъ нихъ имѣла лошадей, называясь «стремянными» (общее число стрѣльцовъ было не велико и къ концу XVI вѣка достигало 12.000 человѣкъ). Наконецъ, согласно съ мыслямя Пересвѣтова, Государь въ 1550 году, по приговору митрополита, братіи и бояръ—ограничилъ случаи мѣстничества въ войскахъ, хотя уничтожить его вполнѣ и не могъ.

Все это, несомнѣнно, показываетъ, что Иванъ Пересвѣтовъ имѣлъ большое вліяніе на Іоанна, хотя въ числѣ близкихъ къ нему лицъ, въ его «*избранной радѣ*», онъ и не состоялъ.

Въ виду рѣшимости, съ какой взялся молодой Царь править самъ своимъ Государствомъ, боярское своеволіе, конечно, прекратилось, и недовольство новыми порядками высказывалось только глухо; такъ, наряду съ книжками и посланіями Ивана Пересвѣтова, въ это же время была въ обращеніи и вымышленная «Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ Чудотворцевъ», написанная несомнѣнно боярской рукой; въ бесѣдѣ этой, имѣя въ виду митрополита Макарія и Сильвестра, хотя они и не были названы, говорилось, что иноки не должны входить въ дѣла управленія Государствомъ, а Царь долженъ править имъ съ князьями и боярами, да съ мірянами: «не съ иноки Господь повелѣлъ Царство и гради и волости держати и власть имѣти, съ князи и зъ боляры и съ прочими міряны, а не съ иноки».

Горячо отдавшись преобразованіямъ, Іоаннъ ревностно занимался и внѣшними дѣлами.

Старый Сигизмундъ умеръ въ 1548 году, испытавъ въ послѣдніе годы своей жизни много неудовольства отъ своихъ подданныхъ—строптивыхъ Польскихъ вельможъ и шляхты, поднявшихъ противъ него открытый бунтъ или *рокошъ*, когда онъ объявилъ общій походъ или «Посполитое рушеніе» противъ Молдавскаго воеводы. Посполитое рушеніе собралось въ количествѣ 150.000 человѣкъ у Львова, но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы идти на непріятеля, шляхта стала шумно предъявлять королю требованіе различныхъ правъ; отказавшись выступить на свой счетъ за предѣлы Государства; глубоко оскорбленный Сигизмундъ вынужденъ былъ, наконецъ, распустить это воинство, ознаменовавшее свое пребываніе во Львовѣ страшнымъ истребленіемъ во всѣхъ окрестностяхъ домашней птицы, почему въ насмѣшку сами Поляки и назвали этотъ сборъ Посполитнаго рушенія—«куриной войной».

Наслѣдникомъ Польской короны послѣ Сигизмунда Перваго былъ сынъ его Сигизмундъ-Августъ Второй, еще при жизни отца, какъ мы помнимъ, посаженный имъ въ Вильну на великое княженіе Литовское. Сигизмундъ-Августъ, вслѣдствіе плохого воспитанія, полученнаго отъ своей матери, королевы Боны, совершенно не былъ подготовленъ къ правленію, хотя отличался хорошими природными способностями; ведя разсѣянный и безпечный образъ жизни, онъ всегда откладывалъ рѣшеніе государственныхъ дѣлъ, за что и получилъ отъ своихъ подданныхъ прозвище: «Король-завтра».

Ко времени смерти отца, Сигизмундъ-Августъ былъ сильно занятъ своимъ вторымъ бракомъ, послѣ смерти первой жены, Австрійской принцессы, не оставившей ему дѣтей; онъ влюбился въ Вильнѣ въ молодую вдову Трокскаго воеводы Гаштольда, прекрасную Варвару, рожденную Радзивиллъ, обладавшую по единодушнымъ отзывамъ современниковъ и всѣми душевными качествами, и тайно женился на ней.

35. Сигизмундъ II—Августъ, король Польскій и великій князь Литовскій.

Съ современнаго изображенія, приведеннаго въ Латинскомъ сочиненіи маркграфа Альбрехта Прусскаго: „О военномъ искусствѣ", посвященномъ Сигизмунду-Августу и изданномъ княземъ Чарторійскимъ.

Когда незадолго до смерти отца, онъ объявилъ о своемъ бракѣ, то среди Польской знати возникло сильное неудовольствіе, что ихъ будущая королева — родомъ Литвинка; неудовольствіе это поддерживала также королева Бона, и Сигизмунду-Августу, по занятіи отцовскаго престола, пришлось вступить въ упорную борьбу на защиту своего брака съ Варварой; онъ успѣлъ, наконецъ, добиться признанія ее королевой, но вслѣдъ затѣмъ она умерла, въ началѣ 1551 года, говорятъ, отравленная своей злою свекровью, и Сигизмундъ-Августъ впалъ въ самое мрачное отчаяніе, отъ котораго онъ перешелъ къ чрезвычайно разгульной жизни.

Конечно, при указанномъ выше состояніи Польши и Литвы со слабовольнымъ и изнѣженнымъ Сигизмундомъ-Августомъ во главѣ, Іоанну Московскому нечего было опасаться своего западнаго сосѣда.

Въ 1549 году, въ виду окончанія срока перемирія, въ Москву пріѣхали Литовскіе послы договариваться о вѣчномъ мирѣ. Но вопросъ о Смоленскѣ служилъ, какъ и прежде, непреодолимымъ препятствіемъ къ этому. Литовскіе послы требовали его возвращенія, а наши бояре и слышать объ этомъ не хотѣли, и опять было рѣшено продолжить перемиріе на 5 лѣтъ, причемъ при написаніи перемирныхъ грамотъ встрѣтилось новое затрудненіе: Іоаннъ желалъ подписаться въ нихъ титуломъ Царя, а послы на это не соглашались; чтобы не ссориться съ Литвой изъ-за одного слова и имѣть развязанными руки противъ другихъ враговъ, Іоаннъ уступилъ, и постановлено было, что грамота отъ имени короля будетъ писаться безъ Царскаго титула.

36. Варвара Радзивиллъ.

Съ современнаго изображенія, находящагося въ Несвижскомъ замкѣ.

Но, конечно, отказъ Сигизмунда-Августа признать Іоанна Царемъ не способствовалъ къ установленію между ними дружескихъ отношеній; Іоаннъ, въ свою очередь, отказывался называть его королемъ, и при взаимныхъ ссылкахъ они обыкновенно писали другъ другу отказы на просьбы по различнымъ вопросамъ. Такъ, въ 1550 году, Сигизмундъ-Августъ просилъ Іоанна: «Докучаютъ намъ подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предкахъ твоихъ вольно было всѣмъ купцамъ нашимъ, христіанамъ и жидамъ, въ Москву и по всей Землѣ твоей съ товарами ходить и торговать;

а теперь ты жидамъ не позволяешь съ товарами въ Государство свое въѣзжать»; Іоаннъ же отвѣчалъ на это: «Мы къ тебѣ не разъ писали о лихихъ дѣлахъ отъ жидовъ, какъ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, отравныя зелья къ нимъ привозили и пакости многія нашимъ людямъ дѣлали: такъ тебѣ бы брату нашему не годилось и писать объ нихъ много, слыша ихъ такія злыя дѣла».

37. Построеніе Свіяжска. „....Городъ же, которой сверху привезенъ, на половину тое горы сталъ, а другую половину воеводы и дѣти боярскые своими людми тотъчасъ здѣлали, велико бо бяше мѣсто, и свершили городъ въ четыре недѣли“....

Изъ Царственной книги.

Обезпеченный перемиріемъ со стороны Литвы, Іоаннъ, по примѣру своего великаго предка, Владиміра Мономаха, которому въ эту пору жизни онъ старался во всемъ слѣдовать, рѣшилъ направить свои силы на борьбу съ погаными; раздѣляя при этомъ мнѣніе, высказанное въ посланіяхъ Ивана Пересвѣтова, молодой Государь намѣренъ былъ, дѣйствуя оборонительно противъ Крыма, обратить всѣ свои усилія на окончательное покореніе Казани.

Мы видѣли, что по возвращеніи изъ своего второго неудачнаго похода подъ Казань, весной 1550 года, Іоаннъ заложилъ у устья рѣки Свіяги, всего въ двадцати верстахъ отъ Казани — новую крѣпость Свіяжскъ, построеніе которой было произведено весной 1551 года Царскими воеводами подъ общимъ начальствомъ Шигъ-Алея, причемъ лѣсъ для церквей и для городскихъ стѣнъ былъ доставленъ на судахъ дьякомъ Иваномъ Выродковымъ, срубившимъ его въ Углицкомъ уѣздѣ. Возведеніе Свіяжска, поставленнаго въ теченіи четырехъ недѣль, принесло немедленно же свои плоды. Старшины Горной Черемисы сейчасъ же ударили челомъ Государю, прося, чтобы онъ ихъ пожаловалъ; скоро ихъ опол-

ченія, вмѣстѣ съ Чувашами и Мордвой, также присягнувшихъ Іоанну, подошли по приказу Государя подъ самую Казань; здѣсь, послѣ крѣпкой битвы съ Татарами, они вынуждены были отойти отъ нея съ урономъ, но были щедро награждены Іоанномъ за то, что показали свою вѣрную службу.

Сооруженіе Свіяжска и переходъ Горной Черемисы съ Чувашами и Мордвой на сторону Москвы вызвали, конечно, ужасъ и смятеніе въ Казани, въ которой, за малолѣтствомъ Утемишъ-Гирея, всѣми дѣлами вѣдалъ любимецъ царицы Суюнбеки—Крымскій уланъ (вельможа) Кощакъ; скоро Русская партія въ городѣ взяла рѣшительный перевѣсъ, и Кощакъ съ 300 Крымцами долженъ былъ спастись изъ Казани бѣгствомъ, причемъ по пути онъ попалъ въ руки Русскихъ воеводъ, затѣмъ былъ приведенъ въ Москву и тамъ казненъ.

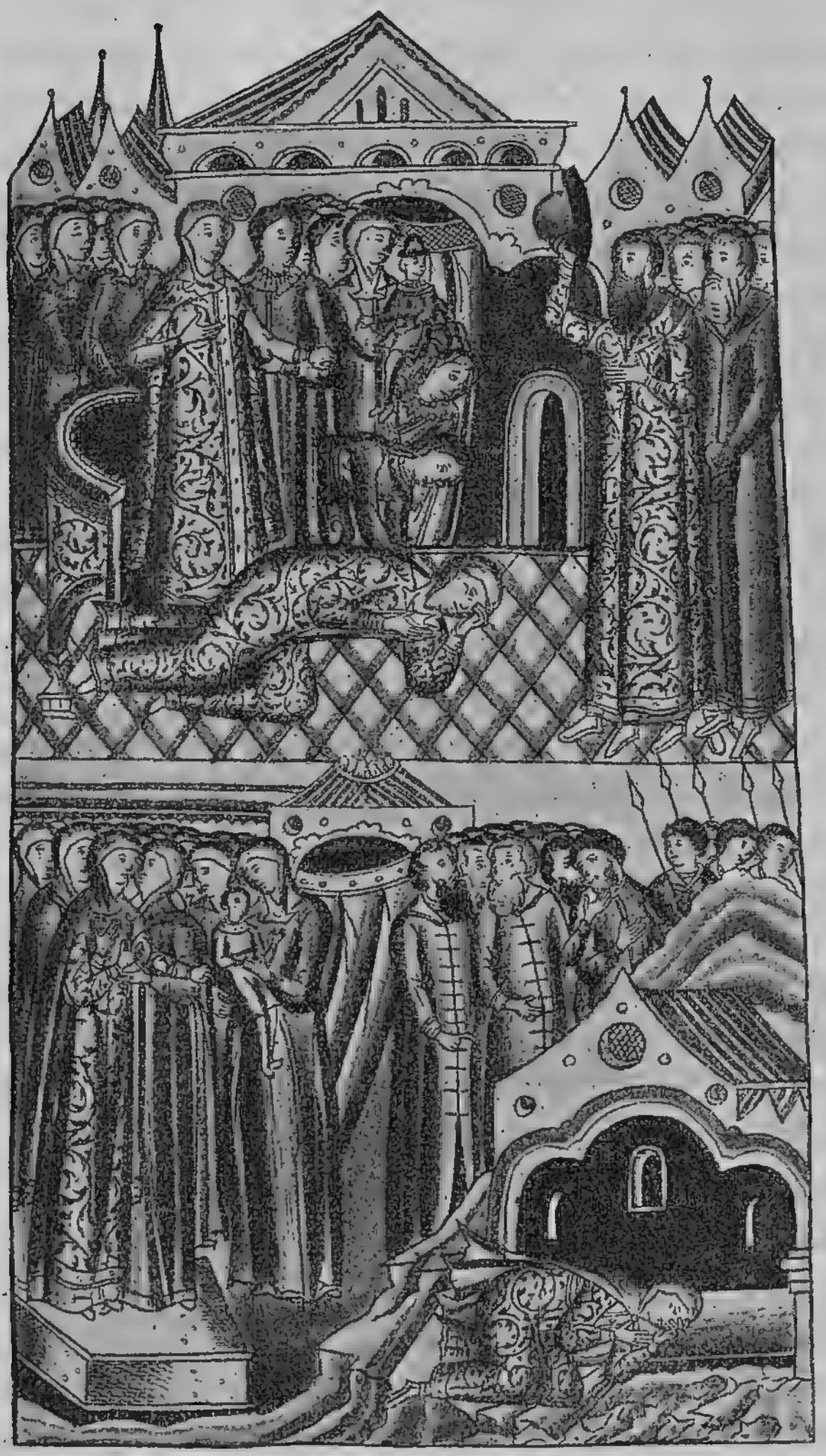
Казанцы же отправили пословъ къ Іоанну и просили его дать имъ царя изъ его рукъ—уже давно знакомаго имъ Шигъ-Алея, обязавшись выдать намъ Утемишъ-Гирея вмѣстѣ съ Суюнбекой и оставшимися Крымцами. Іоаннъ согласился, поставивъ условіемъ, что ему должны быть выданы и всѣ Русскіе, томящіеся въ плѣну, а Горная сторона, добровольно намъ поддавшаяся, останется за Москвой; Казань же попрежнему будетъ владѣть Луговой стороной (по лѣвому берегу Волги).

На этихъ условіяхъ, въ августѣ 1551 года, Шигъ-Алей былъ опять торжественно посаженъ въ Казани Алексѣемъ Адашевымъ, который вывелъ оттуда до 60.000 человѣкъ Русскихъ плѣнниковъ.

Затѣмъ былъ выведенъ въ Москву и малолѣтній ханъ Утемишъ-Гирей со своей прекрасной матерью Суюнбекой. Нашъ лѣтописецъ очень трогательно разсказываетъ о ея великомъ горѣ, когда она узнала, что за ней прибылъ воевода, князь Василій Серебряный; онъ «вшедъ въ градъ и ятъ царицу со царевичемъ ея, яко смиренну птицу нѣкую во гнѣзде со единымъ малымъ птенцемъ, въ полатяхъ ея, въ превысокихъ свѣтлицахъ, не трепещущи же ей, ни бьющися, со всѣми ея любимыми рабынями, рожденными женами и отроковицами жившими въ полатяхъ ея». Услышавъ о своей участи, Суюнбека замертво упала на землю, а затѣмъ отправилась ко гробу Сафа-Гирея и горько рыдала надъ нимъ.

Потеря Горной стороны была, конечно, большой обидой для Казанцевъ; недоволенъ былъ послѣднимъ и Шигъ-Алей, который сталъ просить Іоанна вернуть ее Казани. Но въ Москвѣ съ этимъ никакъ не могли согласиться, и Шигъ-Алею былъ посланъ отвѣтъ, что Горная сторона останется за нами; при этомъ, ему также наказывалось непремѣнно освободить всѣхъ плѣнныхъ, такъ какъ имѣлись свѣдѣнія, что часть Русскихъ людей продолжала томиться въ Казани, закованными и спрятанными въ ямахъ. Положеніе Шигъ-Алея, въ виду требованій Москвы съ одной стороны и недовольства Казанцевъ съ другой, было весьма тягостнымъ, что онъ и высказывалъ Московскимъ воеводамъ. Скоро среди Казанскихъ вельможъ возникъ противъ него заговоръ; они стали сноситься съ Ногайскими князьями и рѣшили

убить его вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ княземъ Палецкимъ, но Шигъ-Алей во-время узналъ объ этомъ; онъ пригласилъ заговорщиковъ, въ числѣ 70 человѣкъ, къ себѣ на пиръ и перебилъ ихъ тамъ; остальные же бѣжали.



38. „....О изведеніи царицы (Суюнбеки) изъ Казани съ сыномъ ея и о плаче ея.... Вшедъ же къ неи воевода съ велможами Казанскими въ палату, одеянъ во златую одежду, и ста передъ нею и, снемше златыи венецъ главы своея, и рече ей слово тихо и честно, толкомъ: „поимана еси, волная царица Казанская“... И похватиша царицу отъ земля стояща ту съ воеводою ближнія ея старѣиши, воеводы и велможи, мало не мертву“.... Внизу рисунка изображена Суюнбека, припадающая къ гробу Сафа-Гирея.

Изъ Казанскаго лѣтописца.

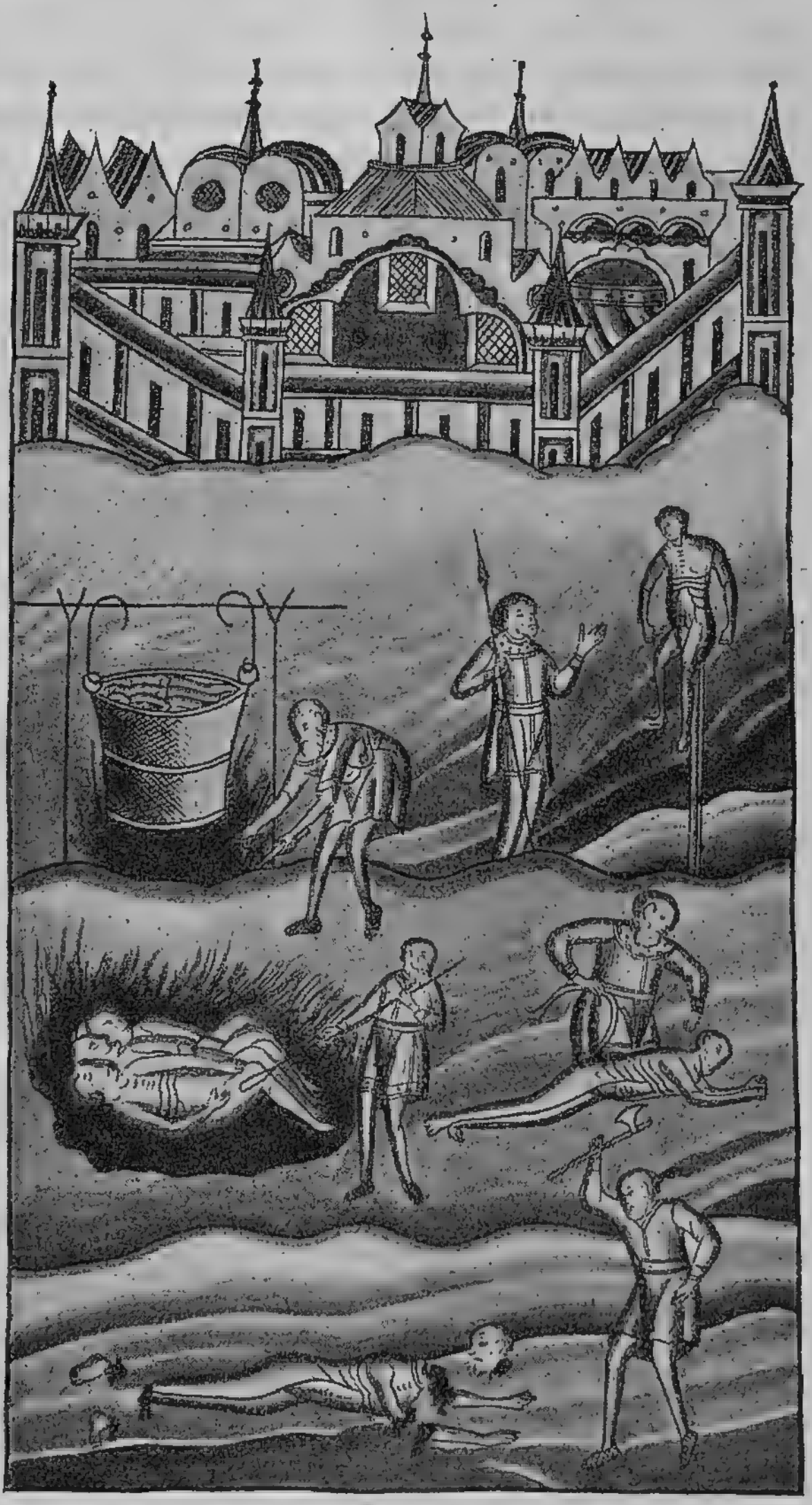
Однако, эта кровавая расправа не утвердила его положенія въ Казани, что было хорошо понято и въ Москвѣ; по порученію Іоанна, къ Шигъ-Алею прибылъ Алексѣй Адашевъ и предложилъ ему, въ виду измѣны въ Казани, укрѣпить городъ Русскими людьми, то есть впустить въ него Русскія войска. На это Шигъ-Алей отвѣтилъ, что ему дѣйствительно очень тяжело живется въ Казани, но что ввести Русскія войска онъ не берется, а предлагаетъ самому Іоанну взять Казань при условіи, что ему дадутъ обратно Касимовъ, гдѣ онъ сидѣлъ раньше, «такъ я здѣсь лихихъ людей еще изведу, пушки, пищали и порохъ перепорчу: Государь приходи самъ да промышляй».

Между тѣмъ, ненависть Казанцевъ къ Шигъ-Алею усилилась до такой степени, что они рѣшили зависѣть лучше отъ Московскаго намѣстника, чѣмъ имѣть его царемъ, и послали бить объ этомъ челомъ Іоанну, въ январѣ 1552 года. Въ виду этого, въ февралѣ мѣсяцѣ Алексѣй Адашевъ вновь отправился въ Казань, чтобы свести Шигъ-Алея; вмѣстѣ

съ нимъ прибыли и Татары, ѣздившіе послами въ Москву и привезшіе оттуда грамоту, съ условіями перехода Казани подъ руку Іоанна.

6-го марта, Шигъ-Алей выѣхалъ изъ города, а бояринъ князь Семенъ Микулинскій отправилъ туда въ тотъ же день извѣщеніе, что онъ назначенъ Государевымъ намѣстникомъ по челобитью Казанцевъ, почему и приглашаетъ ихъ лучшихъ людей пріѣхать въ Свіяжскъ для принесенія присяги.

На слѣдующій день Казанцы прислали въ Свіяжскъ своихъ лучшихъ людей, которые тамъ и присягнули, послѣ чего князь Микулинскій отправилъ свой обозъ въ городъ подъ прикрытіемъ отряда изъ боярскихъ дѣтей, казаковъ и 72 пищалей; отрядъ этотъ благополучно вошелъ въ Казань, и къ городу уже подходилъ съ остальной ратью самъ Микулинскій, увѣренный, что все обстоитъ совершенно мирно, какъ вдругъ дѣло приняло неожиданный оборотъ: — трое вельможъ, противниковъ Шигъ-Алея, успѣли возбудить Казанцевъ противъ Русскихъ, увѣряя, что мы хотимъ ихъ всѣхъ перебить. Возбужденный народъ, и безъ того недовольный переходомъ подъ власть Православнаго Царя, взялся за оружіе и сталъ затворять ворота передъ самымъ подходомъ къ нимъ войскъ князя Микулинскаго. Вслѣдъ затѣмъ Микулинскій, тщетно простоявъ подъ Казанью



39. „О смерти отрокъ воеводцкихъ. ....Казанцы же разгневашася на нихъ и, по многихъ истомленіи, мученіи различными муками, смерти предаша всѣхъ: овѣхъ огнемъ сожгоша, овѣхъ живыхъ въ котлѣхъ свариша, овѣхъ на колія посадиша, овѣхъ по суставомъ резаша и сѣкуща теляса ихъ, овѣхъ кожа съ главы и до пояса драша“....

Изъ Казанскаго лѣтописца.

полторы недѣли, вернулся назадъ въ Свіяжскъ и послалъ о происшедшемъ донесеніе Государю, ожидая указаній для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Казанцы въ это время взяли себѣ въ цари Астраханскаго царевича Едигера; судьба же боярскихъ дѣтей, прибывшихъ въ городъ съ обозомъ князя Микулинскаго, была печальна: «тѣхъ же воеводскихъ юношъ,—говоритъ лѣтописецъ,—въ Казань впустивше, и яша всѣхъ, и понудиша ихъ прежде ласканіемъ отрѣщися вѣры христьянскія и пріяти вѣру басурманъскую, яко въ чести велицеи будутъ у нихъ: князи нарекутся и со единого съ ними на Русь воевати учнутъ ходити. Они же возопиша вси единымъ гласомъ купно: «Не даждь Богъ отлучитися вѣры Христовы и попрати святое крѣщеніе васъ ради нечестивыхъ и поганыхъ человѣкъ», послѣ чего были преданы жесточайшимъ пыткамъ и казнены.

40. Султанъ Солиманъ II Великолѣпный.
Съ современнаго Нѣмецкаго изображенія.

Узнавъ о происшедшемъ, Іоаннъ отправилъ на помощь князю Микулинскому въ Свіяжскъ шурина своего Данилу Романовича Захарьина-Юрьева, а Шигъ-Алею приказалъ ѣхать въ Касимовъ; затѣмъ, въ апрѣлѣ, Государь собралъ совѣтъ по вопросу о большомъ походѣ на Казань; нѣкоторые находили, что это повлечетъ за собой войну не только съ Крымомъ, но и съ Ногайскими Татарами, однако Іоаннъ, полагая, что настало время навсегда покончить съ Казанью, рѣшилъ лично отправиться къ ней съ большими силами и приступилъ къ ихъ сбору.

Между тѣмъ, вѣсти съ Поволжья были не хороши: Горная Черемиса стала волноваться, а затѣмъ и перешла вся на сторону Казани, причемъ истребила нѣсколько небольшихъ Русскихъ отрядовъ; въ Свіяжскѣ же, гдѣ кромѣ войска было скопленіе большого количества освобожденныхъ изъ Казани плѣнниковъ и плѣнницъ, начался сильный моръ отъ цынги, и вмѣстѣ съ тѣмъ шла весьма разгульная жизнь.

По полученіи объ этомъ извѣстія, митрополитъ Макарій отправилъ въ Свіяжскъ посланіе, въ которомъ уговаривалъ воиновъ крѣпко стоять за вѣру и блюсти чистоту душевную и тѣлесную; посланіе это было прочитано послѣ молебна и произвело сильное впечатлѣніе: разгулъ стихъ, а затѣмъ прекратился и моръ.

Тѣмъ временемъ Іоаннъ усердно готовился къ походу, то осматривая собиравшіеся полки, то занимаясь дѣлами съ боярами. Онъ вызвалъ въ

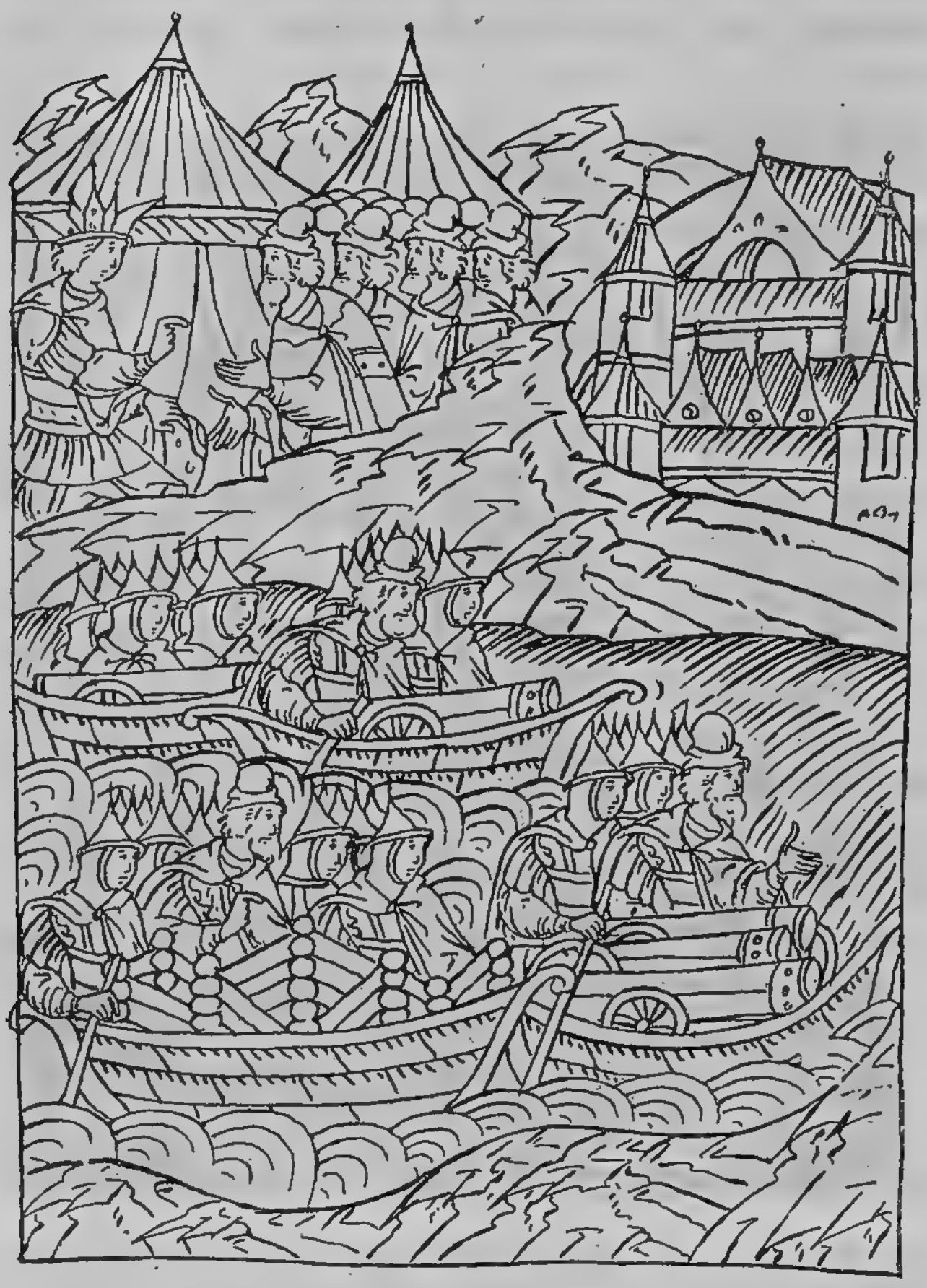
Москву Шигъ-Алея и приказалъ ему идти также въ походъ съ Касимовскими Татарами, причемъ далъ ему въ жены красавицу Суюнбеку. По-видимому, поводомъ къ этому браку было нежеланіе Іоанна отпустить Суюнбеку къ отцу, одному изъ могущественнѣйшихъ владѣтельныхъ Ногайскихъ князей—Юсуфу, который, имѣя въ своихъ рукахъ дочь и внука, бывшаго царя—младенца Утемишъ-Гирея, могъ бы предъявить тоже свои права вмѣшиваться въ Казанскія дѣла, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія о большомъ сборѣ Московскаго Царя на Казань были уже повсемѣстно извѣстны и возбуждали сильную тревогу въ мусульманскихъ странахъ. Особенно близко къ сердцу принималъ ихъ Турецкій султанъ Солиманъ II Великолѣпный, ревностный покровитель всѣхъ Магометанъ, хотя и находился подъ сильнымъ вліяніемъ своей любимой жены Роксоланы, Русской плѣнницы, дочери Рогатинскаго попа въ Галиціи. Эта Роксолана втайнѣ оставалась Православной и навсегда оставила по себѣ добрую память необычайно участливымъ отношеніемъ къ плѣннымъ сородичамъ, для облегченія судьбы которыхъ, она, втихомолку отъ мужа, тратила огромныя деньги.

41. Роксолана, жена султана Солимана II, дочь Рогатинскаго священника въ Галиціи.

Изъ Латинскй книги Бойсардуса: „Жизнь и дѣянія Турецкихъ и Персидскихъ султановъ", изданія 1596 года.

Узнавъ о приготовленіяхъ Іоанна, Солиманъ предложилъ новому Крымскому хану Девлетъ-Гирею, племяннику знакомаго намъ Саипъ-Гирея, напасть на Москву и послалъ ему свои пушки и отрядъ янычаръ; такое же предложеніе было послано Солиманомъ и къ Ногаямъ, въ томъ числѣ и къ отцу Суюнбеки, Юсуфу, а также, конечно, и къ Астраханскимъ Татарамъ; но Ногайскіе князья слишкомъ враждовали другъ съ другомъ и не могли быть намъ очень опасны; Астрахань же была прямо связана торговыми выгодами съ Москвой и потому дружила съ ней. Такимъ образомъ, Солиману удалось поднять противъ насъ только Крымцевъ.

Между тѣмъ, сборы Іоанна къ походу закончились къ наступленію лѣта. Шигъ-Алей совѣтовалъ отложить походъ до холоднаго времени, указывая, что лѣтомъ вокругъ Казани топкія непроходимыя болота, замерзающія зимой, когда можно быть спокойными и со стороны Крымцевъ; но Государь хорошо помнилъ свои два зимнихъ похода, оба раза окончившіеся неудачей изъ-за не во-время наступившихъ оттепелей, и, надѣясь на помощь Всевышняго, рѣшилъ не медлить съ выступленіемъ, разсчитывая, что Богъ и непроходимыя мѣста проходимыми дѣлаетъ и острые пути въ гладкіе обращаетъ.



42. „....Такоже и з снарядомъ государь отпустилъ въ судѣхъ боярина своего Михаила Яковлича и діана своего Ивана Выроднова, и башни и тарасы рубленые велѣлъ привести, яже уготовлены противъ Казани поставить“....

Изъ Царственной книги.

Часть войска была собрана еще въ маѣ 1552 года и послѣ смотра, произведеннаго ей Царемъ, направлена на судахъ вмѣстѣ съ большимъ стѣнобитнымъ снарядомъ по Окѣ и Волгѣ къ Свіяжску; сюда же шли войска, также на судахъ, и съ сѣверо-востока—по рѣкѣ Камѣ.

Главная рать должна была идти вмѣстѣ съ Государемъ сухимъ путемъ. Воеводой большого полка былъ назначенъ бояринъ князь Иванъ Ѳеодоровичъ Мстиславскій, а товарищемъ ему — князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, получившій отъ Іоанна въ знакъ особой къ нему милости званіе *Слуги*, считавшееся выше боярскаго, и данное до того времени только двумъ лицамъ: князю Семену Ряполовскому, отецъ котораго спасъ дѣтей Василія Темнаго во время Шемякинской смуты, и князю Ивану Воротынскому, отцу Михаила, за знаменитую Ведрошскую побѣду. Передовой полкъ былъ порученъ князьямъ Ивану Турунтаю Пронскому и Димитрію Хилкову, сторожевой полкъ—князю Василію Серебряному

и Семену Шереметеву; полкъ правой руки вели князья Петръ Щенятевъ и Андрей Курбскій, а лѣвой—князь Димитрій Микулинскій и Димитрій Плещеевъ. Въ собственномъ полку Іоанна были: князь Владиміръ Воротынскій и Иванъ Шереметевъ.

16-го іюня—Государь выступилъ изъ Москвы «на свое дѣло», какъ образно говоритъ лѣтописецъ. Онъ нѣжно простился съ Царицей, которая была въ ожиданіи перваго ребенка, и заповѣдывалъ ей не грустить о немъ, но молиться Богу, «и многу милостыню творити убогимъ, и многимъ бѣднымъ и въ нашихъ царьскихъ опалахъ разрѣшати повелѣвай и въ темницы заключены испущати повелѣвай, да сугубу мзду отъ Бога пріемлемъ, азъ за храбрьство, а ты за сія благая дѣла». Затѣмъ, онъ отправился въ Успенскій соборъ, гдѣ жарко и долго молился, проливая многія слезы предъ образомъ Пречистой и у мощей Московскихъ Чудотворцевъ Святыхъ Петра и Іоны. Здѣсь онъ принялъ послѣднее благословеніе отъ отца своего—митрополита Макарія. Напутствуемый имъ, двадцати-двухлѣтній Государь бодро сѣлъ на своего коня и выступилъ по дорогѣ на Коломну въ главѣ воинства, блиставшаго доспѣхами, подобно тому, какъ нѣкогда его великій предокъ Димитрій Іоанновичъ Донской выступилъ на страшный бой съ Мамаемъ.

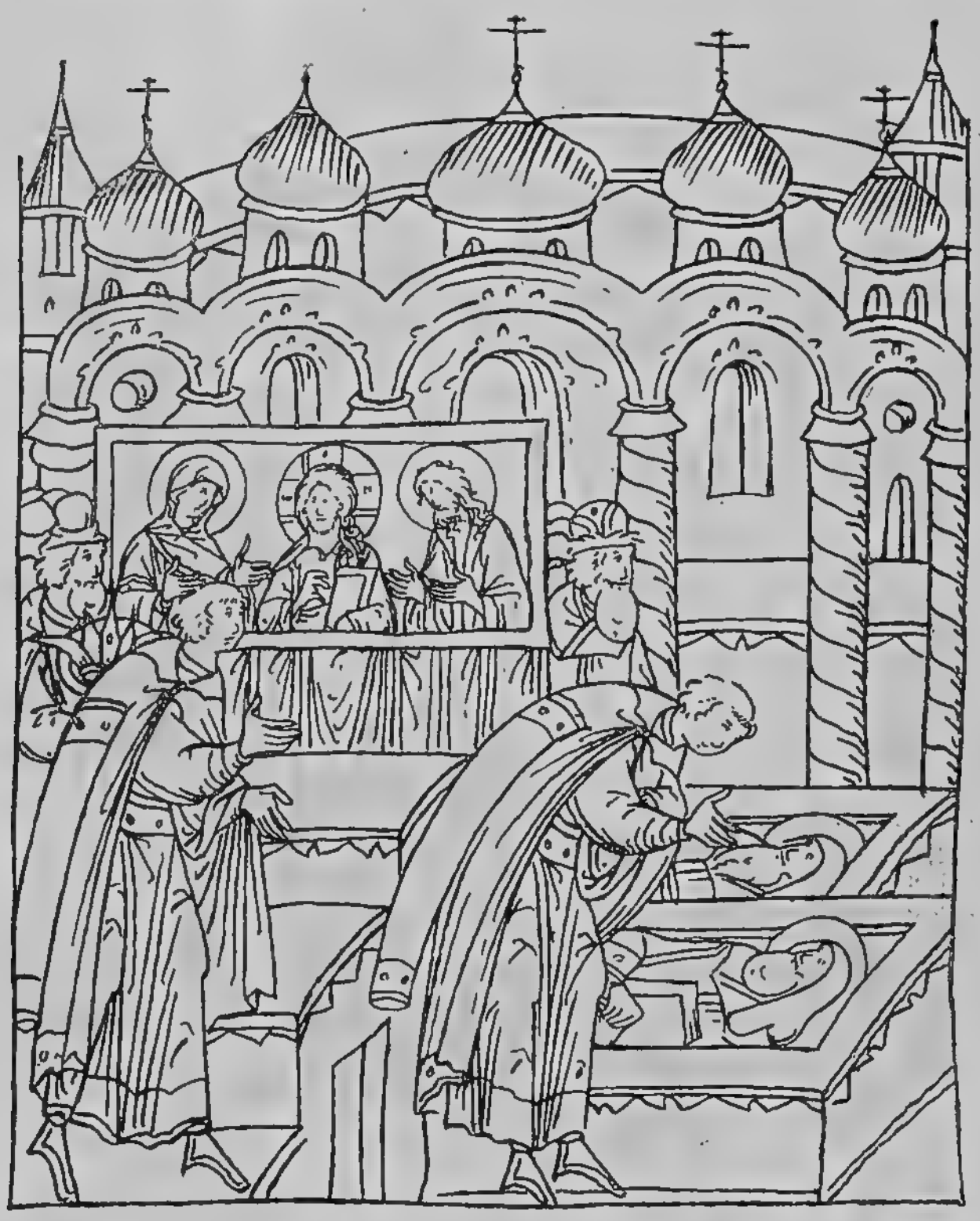
43. ..... И пойде Государь въ соборную церковь царствующаго града Москвы пречистыя Богоматере честнаго и славнаго Ея Успенія и любезно припадаетъ къ чюдотворному Ея образу, и съ плачемъ на долгъ часъ молитвы простирающи, и на Нее упованіе возлагаетъ и предаетъ въ руцѣ Ея градъ и люди и все царство, порученное ему отъ всемогущія десницы Сына Ея и Бога".....

Изъ Царственной книги.

Еще до прихода на первый ночлегъ, Іоаннъ встрѣтилъ гонца съ извѣстіемъ, что множество Крымцевъ двигается къ нашей Украинѣ и перешли уже Донецъ. 19-го іюня въ Коломну прибылъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что Крымцы идутъ по путямъ на Коломну и Рязань. Вѣсти эти нисколько

не смутили Іоанна. Онъ сейчасъ приказалъ идти полкамъ на «берегъ»—къ Окѣ, лично отправившись туда же для обзора мѣстности, и объявилъ, что если Крымскій ханъ придетъ, то онъ намѣренъ «дѣлать съ нимъ прямое дѣло». Извѣстіе объ этомъ наполнило сердца всѣхъ воиновъ большимъ воодушевленіемъ.

21 іюня пришли новыя вѣсти; изъ Тулы прибылъ гонецъ и объявилъ, что къ ней приходили Татары, но немного, и повоевавъ окрестности, отошли. Въ виду этого, Іоаннъ отправилъ къ Тулѣ полки передовой и правой руки, вмѣстѣ съ бояриномъ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, а самъ остался въ Коломнѣ выжидать дальнѣйшихъ извѣстій. 23 іюня прискакалъ гонецъ отъ Тульскаго воеводы князя Григорія Темкина-Ростовскаго съ важной вѣстью, что къ городу прибылъ самъ ханъ Девлетъ-Гирей со всѣми силами и янычарами. Тогда Іоаннъ, «ни мало помѣшкавъ и не соверша стола», рѣшилъ тотчасъ выступить ему на встрѣчу; онъ приказалъ сейчасъ же всѣмъ бывшимъ съ нимъ войскамъ начать перевозиться черезъ Оку, а самъ отправился къ вечернѣ, такъ какъ никогда и ни въ какихъ случаяхъ жизни не пропускалъ церковныхъ службъ.



44. „Приходитъ же къ чудотворнымъ мощемъ Петра чюдотворца и Ионы чюдотворца, тако же и много время со слезами молящеся, тому единому свѣдущи“.....

Изъ Царственной книги.

Отстоявъ вечерню, Государь выступилъ къ Каширѣ, гдѣ была назначена перевозка; сюда прискакалъ опять новый гонецъ и привезъ ему радостную вѣсть о новомъ блистательномъ дѣлѣ Русскихъ людей: сидѣвшій въ Тулѣ, князь Григорій Темкинъ доносилъ, что наканунѣ, 22 іюня, Девлетъ-Гирей весь день билъ изо всѣхъ своихъ орудій городъ, отчего во многихъ мѣстахъ былъ пожаръ, и янычары дѣлали нѣсколько яростныхъ приступовъ; однако, несмотря на то, что у Тульчанъ было немного рат-

ныхъ людей, всѣ приступы были успѣшно отбиты при участіи мужественныхъ горожанъ. Утромъ же 23 іюня, когда ханъ опять готовился къ новому приступу, то съ сѣвера показались большія облака пыли. Обрадованные жители поняли, что это идетъ Царская помощь, (высланные Іоанномъ полки передовой и правой руки), и съ криками: «Боже Милостивый! помоги намъ! Царь Православный идетъ» — открыли ворота и произвели стремительную общую вылазку, въ которой приняли участіе вмѣстѣ съ воинами, не только мужское населеніе города, но даже женщины и дѣти. Множество Татаръ было побито, и въ томъ числѣ ханскій шуринъ. Девлетъ-Гирей не сталъ мѣшкать и побѣжалъ въ степь, а прибывшіе воеводы Іоанна тотчасъ же погнались за нимъ; они успѣли застигнуть его отступавшія части, которыхъ разбили на голову и захватили огромное количество плѣнныхъ,

45. „.....И повелѣваетъ привести къ себѣ великіи свои конь и вседаетъ нань... Вседаетъ же на своя коня силная вси князи, и воеводы, и храбрая воины, и сѣдше вскорѣ яко высокопарніи орли, полѣтевше изо очію безчисленного множества народа Московскаго, борзо идучи.... и другъ друга состизающи, яко на царевъ пиръ позвани и царемъ радующеся, идяху. Выеждятъ же царь князь великіи изъ великаго своего града столнаго, славныя Москвы..... И поиде съ Москвы на Коломну“.....

Изъ Казанскаго лѣтописца.

верблюдовъ и пушекъ. Ханъ побѣжалъ еще быстрѣе, а Іоаннъ, такъ счастливо избавившійся отъ Крымцевъ, вернулся въ Коломну и сталъ думать тамъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, боярами и воеводами: какъ теперь идти дальше на Казань? Рѣшено было двинуться двумя дорогами: самому Государю съ полками—своимъ и лѣвой руки, идти на Владиміръ и Муромъ, а всѣмъ остальнымъ на Рязань и Мещеру, чтобы заслонить Царя на случай внезапнаго нападенія Ногаевъ, и всѣмъ сходиться за Алатыремъ.

Когда надлежало уже выступать, то произошла непріятная заминка. Новгородскіе боярскіе дѣти ударили челомъ Государю, прося ихъ отпустить домой; они говорили, что уже съ весны находятся въ Коломнѣ, иные уже бились съ Татарами, а теперь впереди еще такой далекій путь. Это сильно опечалило Іоанна; наконецъ, онъ приказалъ переписать всѣхъ челобитчиковъ и объявить имъ, что кто хочетъ идти за Государемъ, тѣхъ

46. Карта къ Казанскому походу 1552 года.

онъ будетъ жаловать, и подъ Казанью кормить, а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ. Мѣра эта подѣйствовала: всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: «Готовы идти съ Государемъ; онъ нашъ промышленникъ и здѣсь и тамъ, промыслитъ нами, какъ ему Богъ извѣститъ». Затѣмъ войска выступили изъ Коломны.

Прибывъ во Владиміръ, Іоаннъ горячо молился въ соборной церкви надъ гробомъ своего предка Святого Александра Невскаго, а въ Муромѣ надъ мощами князя Петра и княгини Февроніи. По пути, онъ получилъ извѣстіе отъ супруги и благословеніе отъ митрополита, а также свѣдѣнія, что наши отряды имѣли нѣсколько удачныхъ столкновеній съ Горной Чермисой, которыя вслѣдъ за тѣмъ опять присягнула намъ. Русское воинство шло, то густыми лѣсами, то чистыми полями, и вездѣ находило достаточное продовольствіе: въ рѣкахъ ловилась превосходная рыба, въ поляхъ росли всякія овощи, а въ лѣсахъ было множество птицъ и разной дичи, при чемъ лоси, по словамъ лѣтописца, какъ бы сами приходили на убой;

когда рать вступила въ Землю Чувашей, Мордвы и Горной Чермисы, то жители, чтобы загладить свою недавнюю измѣну, приносили въ множествѣ хлѣбъ, медъ и масло.

13 августа, Іоаннъ прибылъ въ Свіяжскъ, гдѣ его уже ожидали войска, отправленныя на судахъ. Всѣ радовались благополучному окончанію труднаго похода и наслаждались обильными припасами, прибывшими водою, вмѣстѣ съ пушками и военными снарядами.

Царь рѣшилъ немедленно идти подъ самую Казань; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ Шигъ-Алею написать грамоту новому царю Едигеру, съ предложеніемъ добровольно покориться безъ пролитія крови; такія же грамоты были отправлены къ Казанскимъ людямъ и ихъ духовенству.

16 августа, войска наши стали перевозиться у Свіяжска черезъ Волгу на Луговую сторону, а 20-го числа, самъ Іоаннъ переправился уже за рѣку Казанку и получилъ здѣсь отвѣтъ Едигера, наполненный ругательствами и вызовомъ на брань. Въ это же время къ намъ прибылъ изъ Казани нѣкій Камай-мурза, передавшійся на нашу сторону и оказавшій намъ не малую услугу своими полезными указаніями. Камай-Мурза сообщилъ, что Казанцы собрали до шестидесяти тысячъ войска и рѣшили крѣпко биться, при чемъ Едигеръ половину войска оставилъ въ городѣ, а другую, подъ начальствомъ отважнаго наѣздника Япанчи, состоящую преимущественно изъ конницы, скрытно расположилъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, въ лѣсныхъ засѣкахъ, чтобы дѣйствовать оттуда на тылъ Русскихъ во время осады.

Казань, расположенная на лѣвомъ луговомъ берегу Волги, верстахъ въ шести отъ послѣдней, была обнесена крѣпкими стѣнами, изъ дубовыхъ срубовъ, набитыхъ землею, и вооружена пушками и пищалями; городъ былъ выстроенъ на холмистомъ лѣвомъ берегу рѣчки Казанки въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ глинистый протокъ Булакъ, идущій изъ озера Кабанъ въ Казанку. Крутые берега Казанки и Булака огибали городъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой же стороны, тамъ, гдѣ простиралось Арское поле,—былъ проведенъ глубокій ровъ съ валомъ. Въ городской стѣнѣ имѣлось десять воротъ, а въ вершинѣ угла, у впаденія Булата въ Казанку, помѣщался сильно укрѣпленный царскій дворъ съ нѣсколькими каменными мечетями.

Получивъ свѣдѣнія отъ мурзы Камая, Государь собралъ совѣтъ, на которомъ окончательно было рѣшено, какъ обложить городъ. Было приказано, чтобы во всей рати каждые десять человѣкъ приготовили по туру, то-есть по большой плетенкѣ изъ хвороста, наполненной землей, да чтобы каждый имѣлъ по бревну для устройства тына. Затѣмъ, настрого было приказано, чтобы безъ Царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго, никто не смѣлъ бросаться къ городу.

23 августа полки стали занимать назначенныя имъ мѣста; Іоаннъ повелѣлъ развернуть свое знамя съ нерукотвореннымъ Спасомъ и крестомъ, бывшимъ съ Димитріемъ Іоанновичемъ на Дону, и начать служить молебенъ, послѣ котораго онъ собралъ присутствующихъ и сказалъ имъ высоко-

прочувствованную рѣчь, начавъ ее словами: «Приспѣло время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за единородную нашу братію, Православныхъ Христіанъ, терпя-

Лит. Ник. Сурнова въ Ярославцевѣ.

47.

Ворота въ городской стѣнѣ: 1. Тюменскія, 2. Аталыковы, 3. Крымскія, 4. Царевы, 6. Нагайскія, 7. Неизвѣстнаго наименованія, 8. Арскія, 9. Кайбатскія, 10. Щелскія, 11. Ельбугчены. Ворота въ кремлѣ: 12. Мурельскія, 13. Касахскія, 14. Царевы или Царскія, гдѣ Іоаннъ остановилъ бѣжавшихъ и 15. Неизвѣстнаго наименованія. Цифрой 5—обозначены двѣ боевыя башни.

щихъ долгій плѣнъ»... «Не пощадите головъ своихъ за благочестіе», продолжалъ Государь, ...«я самъ съ Вами пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и, порученныхъ

мнѣ отъ Бога Христіанъ, мучимыхъ отъ безбожныхъ Казанцевъ»... На это ему отвѣчалъ князь Владиміръ Андреевичъ обѣщаніемъ отъ имени всѣхъ—не щадить своихъ головъ въ борьбѣ съ погаными. «Дерзай Царь на дѣло, за которымъ пришелъ, да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй—пріемлетъ и толкущему отверзется»—закончилъ онъ свой отвѣтъ. Тогда Іоаннъ, взглянувъ на образъ Спаса, сказалъ во всеуслышаніе: «Владыко! о твоемъ имени движемся».

48. „...Казанцы же, пріѣхавъ, начяша стрѣляти на полкъ, а стрѣлцы Государя нашего изъ пищалей на нихъ стрѣляютъ; и Казанцы конные на пѣшіе стрѣлцы пріѣхаша, и князю Юрью Ивановичю Шемякину и князю Ѳедору велѣлъ изъ полку изъ своею дѣтемъ боярскимъ пособите стрѣльцомъ"...

Изъ Царственной книги.

Войска наши обложили Казань такъ: самъ Государь со своимъ отборнымъ полкомъ, преимущественно изъ конныхъ боярскихъ дѣтей, и двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ расположился на такъ называемомъ Царевомъ лугу; полкъ лѣвой руки сталъ по Булаку, примыкая своимъ правымъ крыломъ къ озеру Нижній Кабанъ; лѣвѣе его, до впаденія Булака въ Казанку, сталъ сторожевой полкъ, а за Казанкой,—полкъ правой руки; на Арскомъ же полѣ сталъ Большой полкъ; связью между нимъ и полкомъ правой руки долженъ былъ служить легкій конный отрядъ или яртоулъ, изъ семи тысячъ конницы и пѣшихъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князей Пронскаго и Львова.

Съ утра городъ казался пустымъ и непріятеля нигдѣ не было видно; когда голова яртоула перешла Булакъ по наведенному мосту и стала двигаться къ Арскому полю, то городскія ворота отворились и толпы конныхъ и пѣшихъ Татаръ бросились на Русскій передовой отрядъ: «и вылѣзли Казанцы изъ города и пришли въстрѣчю Государевымъ полкамъ; Государева же заповѣдь, безъ веленія да нихто дръзнетъ на бой». Стрѣльцы наши

стали отстрѣливаться отъ нападающихъ на нихъ Татаръ, а Іоаннъ, увидя это, двинулъ къ нимъ на помощь князей Юрія Шемячича и Ѳеодора Троекурова съ конными боярскими дѣтьми, послѣ чего Казанцы съ большимъ урономъ были откинуты въ городъ.

Скоро Казань со всѣхъ сторонъ была обложена нашими войсками, среди которыхъ царилъ величайшій порядокъ, или какъ теперь говорятъ—

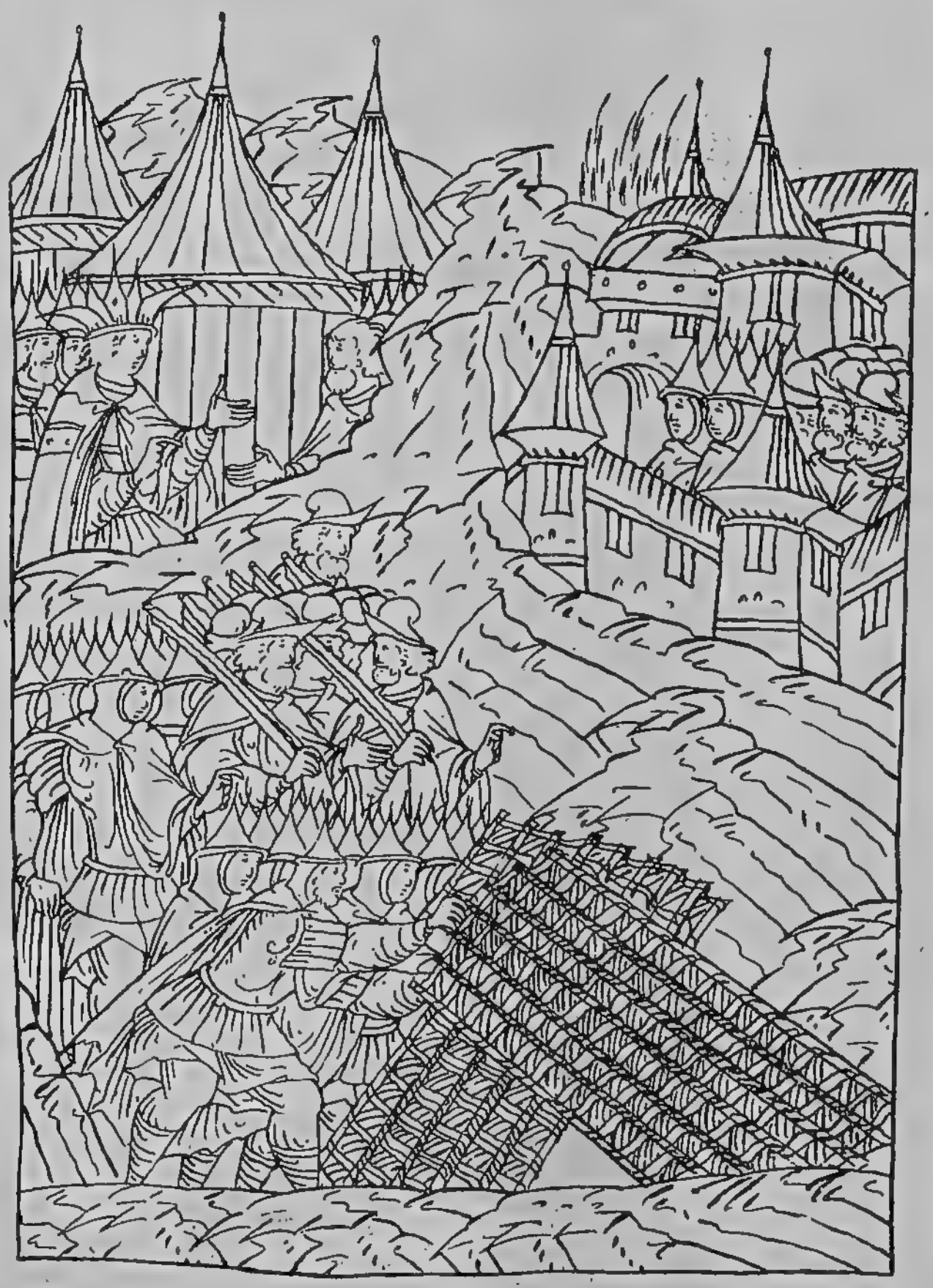
49. „...И стенобитныи же боицы и огненныя стрѣлцы со тщаніемъ великимъ, не ленящеся повеленна имъ творяху, и біяху отвсюду по стенамъ безпрестани“...

Изъ Казанскаго лѣтописца.

дисциплина; никто безъ Царскаго указа не смѣлъ самовольно ничего предпринимать. Всюду ставились туры или устраивались тыны, а затѣмъ были расположены пушки: большія или «верховыя», кидавшія каменныя ядра, и поменьше, но очень длинныя, называвшіяся «огненными», такъ какъ онѣ стрѣляли каленными ядрами, и производили въ городѣ пожары; кромѣ пушекъ, по Казани дѣйствовали также большія *затинныя* пищали,— длинныя ружья (до сажени), стрѣлявшія со станковъ желѣзными ядрами.

Всѣхъ орудій и большихъ пищалей было выставлено нами до полутораста. Непріятель дѣлалъ противъ насъ безпрерывныя вылазки и отчаянно дрался изъ-за постановки туровъ, но былъ всюду успѣшно отбиваемъ.

Несравненно больше вреда наносилъ Русскимъ — отрядъ князя Япанчи. Когда наше вниманіе привлекалось Казанцами къ стѣнамъ города, то обыкновенно, въ то же время, на одной изъ башенъ появлялось Татарское знамя: оно служило условнымъ знакомъ для Япанчи; онъ быстро выносился со своими всадниками изъ лѣсныхъ засѣкъ, находившихся за Арскимъ полемъ, нападалъ на нашъ тылъ и производилъ въ немъ немало опустошеній.

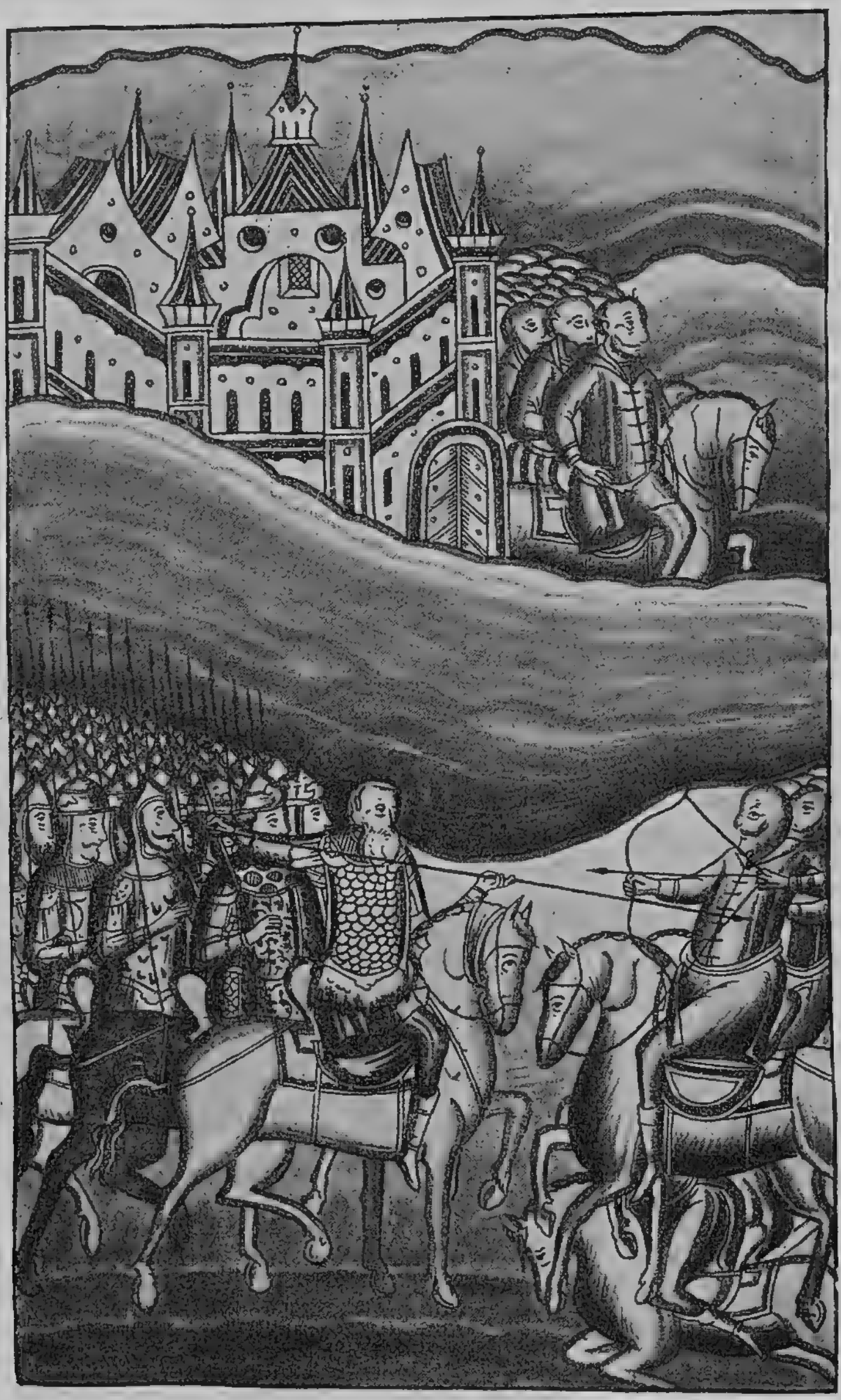


50. „... О поставленіи туровъ у града Казани. Того же дни въ вечернюю годину по Государеву наказу поиде князь Михайло къ городу и по Государеву наказу устроя люди: наперед велѣлъ итти къ городу стрѣлецькимъ головамъ Ивану Черемисинову, Григорію Жолобову, Федору Дурасову, Діяку Ржевъскому съ ихъ со всѣми стрѣлцы, да отоманомъ казачьимъ многимъ съ казаки да головамъ з боярьскими людми, и туры велѣлъ покатити на уреченное мѣсто, а самъ з дѣтми з боярѣскими поиде пѣшь за ними"...

Изъ Царственной книги.

Между тѣмъ, наступили и другія невзгоды: страшная буря потопила много судовъ на Волгѣ съ запасами продовольствія, а въ воинскомъ станѣ было снесено множество шатровъ, въ томъ числѣ и Царскій; но Іоаннъ сохранялъ неизмѣнно бодрое настроеніе духа; онъ приказалъ двинуть новые запасы продовольствія и постоянно объѣзжалъ войска и всѣ осадныя работы, подбодряя воиновъ своимъ словомъ и жалованіемъ. Чтобы покончить съ постоянными нападеніями Япанчи, державшимъ въ тревогѣ день и ночь Русскую рать, на собранномъ Іоанномъ совѣтѣ—было рѣшено выдѣлить для этого особый отрядъ и ввѣрить его князьямъ Александру Горбатому-Шуйскому и Петру

Серебряному — изъ 30 тысячъ конницы и 15 тысячъ пѣшихъ воиновъ. Отрядъ этотъ искусно расположили въ скрытномъ мѣстѣ, гдѣ онъ сталъ



51. „Казанцы же ни мало смиришеся, но паче кровопролитію желающе, выходяще изъ града и изъ лѣсовъ не престающи противно брань творяху, на нихъ же многія побѣды дарова христолюбивому воинству у града и въ селѣхъ"...

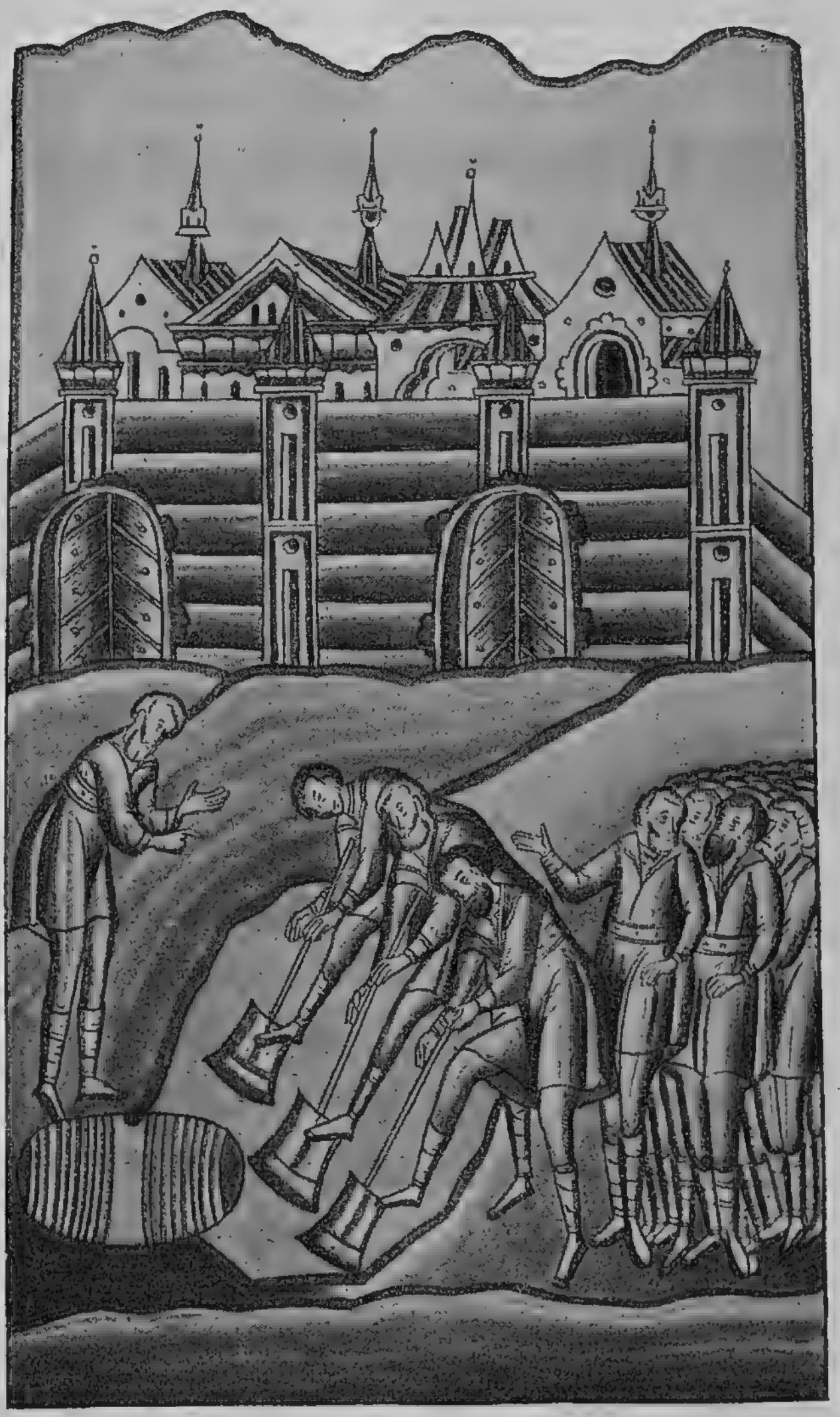
Изъ Казанскаго лѣтописца.

выжидать появленія Япанчи. 30 августа, Япанча, по обыкновенію, показался изъ лѣсу, быстро двинулся на Арское поле и ударилъ на стражу, охранявшую наши обозы, которая, какъ было заранѣе условлено, отступила

къ самымъ осаднымъ работамъ. Татары кинулись ее преслѣдовать, но вдругъ увидѣли себя отрѣзанными отрядомъ Горбатаго и Серебрянаго, вышедшимъ изъ своего укрытія.

Тогда Япанча повернулъ назадъ и вынужденъ былъ вступить въ неравный бой, въ которомъ былъ на голову разбитъ. Наши преслѣдовали его на протяженіи 15 верстъ и захватили 340 плѣнныхъ. Одного изъ нихъ Іоаннъ послалъ въ Казань съ грамотой, въ которой писалъ, что если Казанцы ударятъ ему челомъ, то онъ ихъ пожалуетъ, въ противномъ же случаѣ, — велитъ умертвить всѣхъ плѣнниковъ; Казанцы отвѣта на это не дали—и плѣнники были перебиты передъ городскими стѣнами.

31 августа, Государь призвалъ Нѣмца размысла (инженера) и велѣлъ ему сдѣлать большой подкопъ подъ Казань: «посемъ Православный Царь повелѣваетъ нѣкоторому дохтуру именемъ размыслу учинить подкопъ подъ стѣну на разрушеніе града». Затѣмъ, узнавъ, что Казанцы берутъ воду изъ ключа - тайника, близъ однихъ воротъ, къ которому ходятъ подземнымъ путемъ, онъ приказалъ Алексѣю Адашеву съ ученикомъ размысла сдѣлать другой подкопъ подъ этотъ подземный путь у каменной Даировой башни, занятой нашими



52. „И почаша нощію таино копати глубокія рвы подъ Казань градъ... Богу укрѣпльшу, вборзѣ хитрецы повелѣнное ими дѣло въ седмы день, строино и спѣшно скончаша, изготовиша таиныя рвы въ тріехъ мѣстехъ подъ градными стенами, яко дивитися самодержцу и княземъ и воеводамъ его“...

Изъ Казанскаго лѣтописца.

казаками. Къ 4 сентября подкопъ подъ тайникъ былъ готовъ; самъ князь Серебряный вошелъ въ него и слышалъ голоса людей, ѣхавшихъ за водой; Государь велѣлъ поставить въ подкопъ 11 бочекъ пороха и тайникъ былъ взорванъ, при чемъ взлетѣвшими камнями и бревнами было побито множество народа въ городѣ; часть же нашего войска, воспользовавшись отверстіемъ, сдѣланнымъ взрывомъ, ворвалась въ Казань и тоже посѣкла большое количество людей. Послѣ этого, сильное уныніе распространилось въ городѣ, лишенномъ воды; однако о сдачѣ никто не думалъ; Татары стали усиленно копать землю въ нѣсколькихъ мѣстахъ для отысканія воды, но докопались только до одного ключа, и то со смрадной водой, отъ питья которой люди умирали и пухли.

53. Наперсный крестъ „Животворящее Древо—на цѣпи Аравійскаго злата", называемый также „Страстьми Большими". Считается, вмѣстѣ съ шапкою Мономаха, принадлежностью „Большого Наряда" Царскаго сана. Согласно описанію 1642 года, въ серединѣ надъ крестомъ „два архангела чеканные, да въ исподи у креста благовѣрный царь Константинъ и царица Елена". Съ XIV вѣка, крестъ составляетъ семейную святыню Московскихъ великихъ князей.

Тѣмъ временемъ, Іоаннъ дѣятельно подвигалъ впередъ осадныя работы, и заботился вмѣстѣ съ тѣмъ о полномъ очищеніи окрестностей отъ непріятеля, такъ какъ и послѣ пораженія Япанчи, Луговая Черемиса не переставала тревожить нашъ тылъ. 6 сентября, послѣ кровопролитнаго боя, Московскія войска взяли Арскій острогъ, построенный Казанцами въ 15 верстахъ отъ города, а затѣмъ воеводы наши пошли къ Арскому городку въ 65 верстахъ отъ Казани и захвативъ по пути множество скота, продовольствія и драгоцѣнныхъ мѣховъ въ загородныхъ дворцахъ Казанскихъ вельможъ, вернулись обратно, повоевавъ всю Арскую сторону.

Съ наступленіемъ сентября мѣсяца погода сильно испортилась; лили безпрерывные дожди и среди Русскихъ войскъ стали ходить слухи, что

дождь накликали Казанскіе чародѣи-колдуны и колдуньи. По совѣту нѣкоторыхъ, Государь послалъ въ Москву за Животворящимъ Крестомъ, съ частицей Древа, на коемъ былъ распятъ Спаситель. На перемѣнныхъ подводахъ, отъ Москвы до Нижняго, а оттуда на быстроходныхъ Вятскихъ корабликахъ—Честное Древо скоро доставили въ лагерь осаждающихъ.

Затѣмъ были отслужены молебны, а водой, освященной Животворящимъ Крестомъ, окропили всѣ войска; послѣ этого погода вскорѣ прояснилась.

Русская рать подвигала все ближе и ближе свои осадныя работы къ городу; дьякъ Выродковъ, по приказанію Государя, поставилъ противъ воротъ, именуемыхъ Царевыми, подвижную деревянную башню въ шесть саженей вышиной, которая была вооружена 60-ю большими пищалями; башня эта была выше городскихъ стѣнъ, поэтому, когда открылась изъ нея стрѣльба вдоль улицъ, то наши стали убивать множество народа. Тогда осажденные начали укрываться въ ямахъ подъ самыми городскими стѣнами; они возвели также большіе земляные тарасы, обитые деревомъ, противъ всѣхъ городскихъ воротъ и, вырывъ подъ ними норы, выползали изъ этихъ норъ чтобы производить вылазки и мѣшать нашимъ осаднымъ работамъ. Вообще, они оборонялись съ величайшимъ ожесточеніемъ, какъ днемъ, такъ и ночью.

Однако, несмотря на все, князь Михаилъ Воротынскій успѣлъ придвинуть туры къ самому рву противъ Арской башни и Царевыхъ воротъ, такъ что между городскими стѣнами и нашими турами оставался только ровъ въ семь саженъ ширины. Татары зорко слѣдили здѣсь за нами и однажды, замѣтивъ что Русскіе пошли обѣдать, оставя для защиты туровъ лишь слабую стражу, они тотчасъ же выползли изъ своихъ норъ въ большихъ силахъ и ударили на туры. Только послѣ кровопролитнаго боя, гдѣ мы потеряли много народу, намъ удалось вогнать ихъ обратно въ городъ, при чемъ былъ раненъ самъ князь Михаилъ Воротынскій и нѣсколько воеводъ.

Видя, что тарасы сильно мѣшаютъ дѣйствію нашихъ снарядовъ, Государь приказалъ устроить подкопъ подъ тарасы у Царевыхъ воротъ, и послѣ взрыва ихъ—немедленно придвинуть къ нимъ туры. Взрывъ этотъ послѣдовалъ 30 сентября и притомъ со страшной силой; множество народа было побито взлетѣвшими вверхъ бревнами, и защитники города на нѣкоторое время оцѣпенѣли отъ ужаса; пользуясь этимъ, Царскіе воеводы утвердили туры противъ трехъ воротъ, а войска наши взошли въ городъ и заняли послѣ сильнѣйшаго кровопролитія Арскую башню и часть городской стѣны. Князь Михаилъ Воротынскій послалъ сказать Іоанну, лично подъѣхавшему къ самой Казани, что надо пользоваться удачей и вести общій приступъ; къ сожалѣнію, остальные полки не были изготовлены къ бою, и храбрые Русскіе воины, вошедшіе въ городъ, были выведены изъ него силою; однако, Арская башня и часть стѣны осталась въ нашихъ рукахъ. Русскіе воеводы приказали воинамъ, оставшимся здѣсь, прикрыться

турами и засыпать ихъ землей. Съ своей стороны, Татары также дѣятельно работали; они ставили срубы противъ пробитыхъ мѣстъ въ стѣнѣ и насыпали ихъ тоже землею.

На слѣдующій день, 1 октября, Іоаннъ приказалъ всѣмъ нашимъ пушкамъ бить безпрерывно по городу и устраивать переходы черезъ рвы, наполнивъ ихъ землею и лѣсомъ. Къ вечеру, городская стѣна во многихъ мѣстахъ была уже сбита до основанія. Большой подкопъ, надъ которымъ работалъ размыслъ, былъ также готовъ и въ него было вкачено 48 бочекъ пороху. Время рѣшительнаго приступа приспѣло. Онъ былъ назначенъ на слѣдующій день, въ воскресенье, 2 октября. Однако, чтобы избѣгнуть кровопролитія, Іоаннъ сдѣлалъ послѣднюю попытку: онъ еще разъ послалъ Казанцамъ предложеніе сдаться; но тѣ единодушно отвѣчали: «Не бьемъ челомъ; Русь уже на стѣнахъ и въ башняхъ; ничего, мы другую стѣну поставимъ и всѣ помремъ или отсидимся».

54. „...И зажгоша зеліе, и взорвало тарасы и съ людми Казанскими на высоту велику, и съ высоты бревна падоша въ городъ и побиша множество Татаръ"...

Изъ Царственной книги.

Между тѣмъ, въ Русскихъ полкахъ было велѣно всѣмъ воинамъ исповѣдываться и причаститься; самъ Іоаннъ провелъ часть ночи со своимъ духовникомъ. Войска для приступа были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ, за которыми должны были слѣдовать особыя поддержки; кромѣ того, часть войска была оставлена при Государѣ, какъ его охрана и главная поддержка (резервъ); наконецъ, по дорогамъ была выстроена крѣпкая стража, чтобы осажденнымъ не могла прійти помощь извнѣ.

Передъ разсвѣтомъ, получивъ докладъ князя Михаила Воротынскаго, что порохъ уже поставленъ въ подкопъ и что мѣшкать нельзя, такъ какъ Казанцы объ этомъ освѣдомлены, Іоаннъ оповѣстилъ всѣ полки, чтобы они готовились немедленно приступить къ дѣлу, какъ только раздастся взрывъ, а самъ, облеченный въ юшманъ или боевую броню, и имѣя коня наготовѣ, отправился по своему обыкновенію отслушать обѣдню въ походной шатровой церкви. Здѣсь, когда дьяконъ, читая Евангеліе, возгласилъ—«и будетъ едино стадо и единъ пастырь», Государь и присутствующіе услышали страшный громъ отъ взрыва, при чемъ задрожала земля. Іоаннъ выступилъ изъ церковныхъ дверей и увидалъ, что стѣна уже взорвана, а бревна и люди летятъ въ высоту; когда во время ектеніи, дьяконъ читалъ молитву за Царя и провозгласилъ слова: «покорити подъ нозѣ его всякого врага и супостата», то раздались звуки отъ второго взрыва, еще оглушительнѣе, чѣмъ отъ перваго, при чемъ множество Казанцевъ виднѣлось въ воздухѣ, перерѣзанныхъ пополамъ и съ оторванными руками и ногами.

55 „...Ис пушекъ же и стѣнобитныхъ и верхними ядры огненными и каменными безпрестани стрѣляху, изъ пищалей стрѣлци"...

Изъ Царственной книги.

Войска наши съ возгласами: «Съ нами Богъ» — двинулись на приступъ. Казанцы встрѣтили ихъ на стѣнахъ, крича: «Магометъ! всѣ помремъ за юртъ»; и стали осыпать тучею стрѣлъ, поливать кипяткомъ и скатывать на нихъ бревна. Скоро у всѣхъ воротъ и проломовъ началась страшная сѣча.

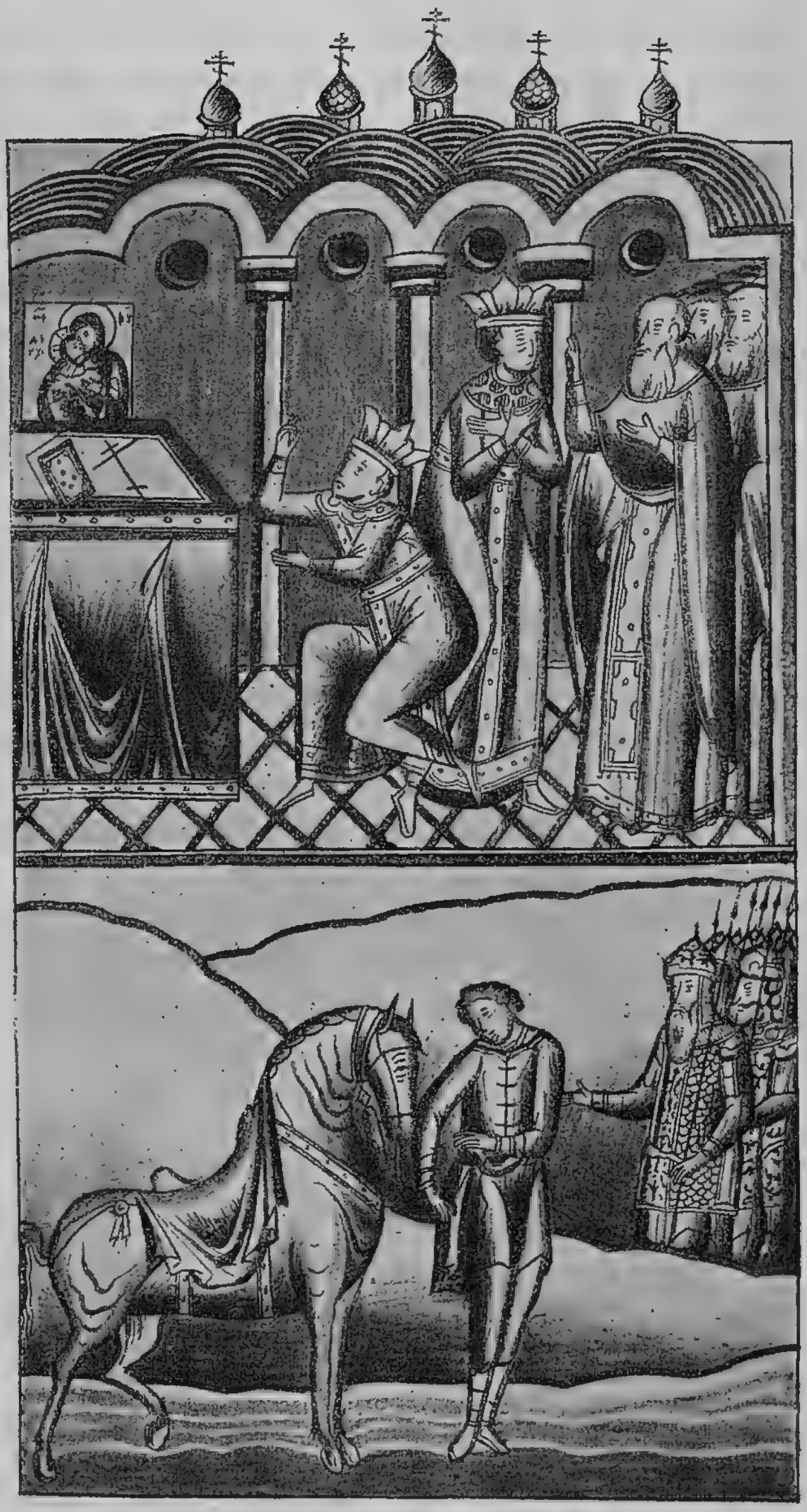
Іоаннъ же продолжалъ слушать обѣдню; одинъ изъ близкихъ Царю людей сказалъ ему: «Государь! время тебѣ ѣхать; полки ждутъ тебя», но онъ отвѣчалъ: «Если до конца отслушаемъ службу, то и совершенную

56. „...Бывши же на стенахъ погани, поносы и укоризны дающе Русскимъ воемъ, и вси безъ вести погибоша; овіе древіимъ и дымомъ подави, овъхъ же огнь пояде... Воеводы же съ пещцы ко граду приступльше и единемъ часомъ мало трудни деветеры врата града изломиша, и во градъ внидоша, и путь всюде сотвориша всему Рускому воинству"...

Изъ Казанскаго лѣтописца.

милость отъ Христа получимъ». Затѣмъ пріѣхалъ вѣстникъ отъ бояръ и доложилъ: «Велико время Царю ѣхати, да укрѣпятся воины, видѣвъ Царя». Государь изъ глубины своего сердца вздохнулъ, пролилъ многія слезы и сталъ молиться: «Не остави мене, Господи Боже мой, и не отступи отъ мене, вонми въ помощь мою». Когда обѣдня окончилась, онъ приложился къ иконѣ Святого Сергія Радонежскаго, выпилъ святой воды, вкусилъ просфоры и, принявъ благословеніе отъ священника, наказалъ духовенству продолжать молиться о ниспосланіи побѣды. Затѣмъ, Іоаннъ сѣлъ на коня и поспѣшилъ къ своему полку.

Русскія знамена развѣвались уже въ это время на городскихъ стѣнахъ. Прибытіе Царя придало нашимъ войскамъ новыя силы; спѣшившись, такъ какъ двигаться верхомъ по улицамъ не было никакой возможности, они вступили въ ожесточенную рукопашную схватку съ Казанцами и по грудамъ ихъ тѣлъ пробивались впередъ, пріобрѣтая каждый шагъ пространства потоками пролитой крови. Іоаннъ велѣлъ своему полку тоже спѣшиться и помогать наступающимъ.



57. „...Царь же князь великій, вземъ благословеніе и прощеніе отъ духовнаго отца своего, мужа добродѣтелна, Андрея именемъ, и ани пардусъ ярости наполнився бранныя, и всѣдъ на избранныи свои конь съ мечемъ своимъ... и хотѣша въ ярости дерзнути съ воеводами самъ итти къ приступу... Но удержаша воеводы нудма, и воли ему не даша, да не грѣхъ кои случится“....

Изъ Казанскаго лѣтописца.

Русскіе взбирались на кровли домовъ и стали бить оттуда защитниковъ города; уже сопротивленіе ихъ казалось сломленнымъ, но въ это время наступилъ внезапный поворотъ въ ходѣ дѣлъ. Многіе ихъ нашихъ ратниковъ, войдя во внутренность города и увидя гостинные дворы и лавки со множествомъ богатѣйшихъ Азіатскихъ товаровъ, прельстились ими и, вмѣсто того, чтобы добивать Татаръ, кинулись на грабежъ; скоро сюда-же прибѣжали изъ обозовъ—кашевары, пастухи и даже торговцы, чтобы поживиться непріятельскимъ добромъ. А между тѣмъ Казанцы передохнули и со свѣжими силами ударили на грабившихъ Русскихъ воиновъ; тѣ не выдержали и побѣжали, причемъ нѣкоторые малодушные, не попавъ въ ворота, начали кидаться со стѣнъ и кричать: «Сѣкутъ, сѣкутъ»... Увидя это неожиданное бѣгство нашихъ, впечатлительный Іоаннъ сильно поблѣднѣлъ; ему показалось, что мы потерпѣли полное пораженіе. Но бывшіе при немъ посѣдѣлые въ бояхъ воины успокоили молодого Государя; они водрузили большую хоругвь у Царевыхъ-воротъ и держа подъ

уздцы коня Іоанна поставили его подъ ней, а затѣмъ половина Государева полка, въ числѣ шести тысячъ человѣкъ, двинулась въ городъ на помощь бѣжавшимъ. Этого было достаточно, чтобы повернуть дѣло сейчасъ же опять въ нашу пользу. Татары отступили къ своему царскому дворцу и здѣсь у мечети произошла кровопролитнѣйшая схватка, въ которой погибъ главный мулла.

Едигеръ заперся съ остальными своими воинами у себя во дворѣ и оборонялся въ немъ еще часа полтора; наконецъ, онъ рѣшилъ пробраться наружу; но Русскіе плотно окружили его со всѣхъ сторонъ. Тогда Татары взвели Едигера на башню и просили пріостановить сѣчу. Просьба ихъ была исполнена и они стали говорить: «Пока стоялъ юртъ нашъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и юртъ; теперь отдаемъ вамъ царя живого и здороваго; ведите его къ своему царю, а мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Затѣмъ Татары выдали царя Едигера съ тремя главными вельможами, а сами въ числѣ до 6.000 человѣкъ, начали бросаться прямо со стѣнъ на берегъ Казанки; однако, здѣсь они были встрѣчены залпомъ Русскихъ пушекъ; тогда Татары поворотили влѣво, бросили доспѣхи, разулись и стали перебираться черезъ рѣку. Чтобы преградить имъ путь къ бѣгству, князья Андрей и Романъ Курбскіе съ нѣсколькими стами человѣкъ обскакали Татаръ и смѣло врубились въ ихъ ряды, но были смяты, причемъ Андрей Курбскій упалъ замертво съ коня, и только четыремъ другимъ воеводамъ: князьямъ Семену Микулинскому и Михаилу Васильевичу Глинскому со Львомъ Салтыковымъ и Иваномъ Шереметевымъ—удалось нанести уходящимъ Казанцамъ окончательное пораженіе; лишь немногіе раненые успѣли убѣжать въ лѣсъ. Въ самой же Казани не осталось въ живыхъ ни одного изъ ея защитниковъ. Іоаннъ приказалъ избивать всѣхъ вооруженныхъ, щадя только женщинъ и дѣтей.

Такъ пала Казань. Узнавъ, что городъ окончательно въ нашихъ рукахъ, Государь тотчасъ же приказалъ священнику служить молебенъ и собственноручно водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло Царское знамя во время взятія города; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ соорудить тутъ же церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса. Когда молебенъ окончился, князь Владиміръ Андреевичъ со всѣми боярами и воеводами принесли Государю свои горячія поздравленія. Іоаннъ скромно отвѣчалъ, что онъ обязанъ этимъ волѣ Господней и трудамъ своихъ доблестныхъ сподвижниковъ.

Затѣмъ Іоаннъ приказалъ очистить одну улицу отъ мертвыхъ тѣлъ и, радостно привѣтствуемый своими побѣдоносными войсками и тысячами освобожденныхъ Русскихъ плѣнныхъ, проѣхалъ до бывшаго дворца Едигера. Государь велѣлъ тушить пожары, а всѣ взятыя сокровища и плѣнниковъ отдалъ своемъ воинству; себѣ оставилъ только плѣннаго Едигера, его знамена и городскія пушки. Побывъ въ городѣ, Іоаннъ вернулся въ свой станъ, горячо помолился въ походномъ храмѣ во имя Святого Сергія,

58 „...И тако со всѣмъ синѣклитомъ поидв во градъ; предъ нимъ честныи Крестъ Христовъ животворящаго древа, на немъ же распятся Господь. И вниде во градъ, въ немъ же обрете мѣсто велми красно, и ту, молебная отпѣвше, и обложивше соборную церковъ во имя пречистыя Богородицы, честнаго ея Благовещенія; иде же быти престолу святому, и на томъ мѣсте самъ боголюбивыи царь царьскими рукама с свещенными мужи, крестъ вогруджаетъ"...

Изъ Казанскаго лѣтописца.

а затѣмъ отправился къ столу и сталъ щедро раздавать всѣмъ награды.

4-го Октября, Государь опять посѣтилъ Казань, уже очищенную отъ труповъ, и выбралъ мѣсто для сооруженія соборнаго храма во имя Благовѣщенія; онъ собственноручно заложилъ его, послѣ чего обошелъ съ крестнымъ ходомъ городскія стѣны и приказалъ святить городъ; здѣсь же онъ принялъ присягу и челобитье отъ Луговыхъ Чермисъ и Арскихъ людей.

59. Икона Грузинской Божіей Матери, въ убрусѣ съ пеленой, работы Царицы Анастасіи Романовны, супруги Іоанна Грознаго.

Хранится въ Суздальскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ.

Черезъ день, 6-го числа, деревянный соборъ во имя Благовѣщенія былъ уже законченъ, сооруженъ и освященъ.

Государь назначилъ въ Казани своимъ большимъ намѣстникомъ князя Александра Шуйскаго-Горбатаго, давъ ему въ товарищи князя Василія Серебрянаго и, оставивъ имъ значительный отрядъ изъ боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ, отбылъ 11 Октября въ обратный путь.

Не доѣзжая до Владиміра, Іоаннъ былъ встрѣченъ бояриномъ Траханіотомъ, который привезъ ему радостную вѣсть отъ Царицы Анастасіи—о рожденіи ею сына первенца—царевича Димитрія. Передъ тѣмъ, чтобы въѣхать въ столицу, Іоаннъ заѣхалъ въ Сергіеву лавру, гдѣ горячо молился въ храмѣ Живоначальной Троицы у раки Чудотворца. Вся Москва вышла встрѣчать своего великаго Государя, славнаго побѣдителя Казанскаго Царства: огромное поле отъ рѣки Яузы до посада едва вмѣщало собравшійся народъ, восторженно провозглашавшій: «многая лѣта Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанскому».

Митрополитъ Макарій съ крестомъ встрѣтилъ Іоанна у Срѣтенскаго монастыря. Царь, князь Владиміръ Андреевичъ, и все войско поклонилось духовенству до земли, при чемъ Іоаннъ держалъ пространное, благодарственное слово, приписывая свои успѣхи милости Божіей по усердной молитвѣ Православной церкви. На это Макарій отвѣчалъ также рѣчью, въ которой, воздавъ благодареніе Богу за дарованную побѣду, сравнивалъ Іоанна съ Константиномъ Великимъ, Святымъ Владиміромъ, Александромъ Невскимъ и Димитріемъ Донскимъ, послѣ чего со всѣмъ духовенствомъ въ свою очередь палъ въ ноги Государю, благодаря его за великіе

труды. Сойдя съ коня, Іоаннъ снялъ свои воинскіе доспѣхи и облачился въ Царское одѣяніе; возложивъ на грудь Животворящій Крестъ, на главу шапку Мономаха, а на плечи его бармы, онъ пѣшій отправился за крестами въ Успенскій соборъ и со слезами умиленія прикладывался къ чудотвор-

60. Церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ.

ному образу Пречистой и мощамъ Московскихъ Святителей Петра и Іоны. Затѣмъ Государь отбылъ во дворецъ, гдѣ былъ встрѣченъ кроткой и нѣжно-любимой Царицей и новорожденнымъ сыномъ.

Въ теченіе 8, 9 и 10 Ноября давались большіе пиры въ Грановитой палатѣ. Іоаннъ праздновалъ съ духовенствомъ, боярами и воеводами свою

славную побѣду и щедро награждалъ участниковъ—помѣстьями, деньгами, конями, доспѣхами, драгоцѣнными кубками, ковшами, соболями, шубами и прочимъ Царскимъ жалованіемъ. Однихъ денегъ было роздано 48.000 рублей.

Чтобы увѣковѣчить память о взятіи Казани, Государь приказалъ приступить къ сооруженію противъ самыхъ кремлевскихъ стѣнъ соборнаго храма Покрова Пресвятой Богородицы, извѣстнаго также подъ именемъ Василія Блаженнаго, по имени Московскаго юродиваго Христа ради, мощи коего покоятся въ немъ.

Этотъ дивный храмъ, и поднесь возбуждающій восторгъ всѣхъ пріѣзжихъ иноземцевъ своей чисто Русской, очень сложной и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно изящной и стройной постройкой, былъ сооруженъ двумя Русскими мастерами—Бармою и Постникомъ; послѣднему, въ 1555 году, Государь поручилъ строить и новыя каменныя стѣны вокругъ Казани.

61. Золотой Царя Іоанна IV Васильевича, дававшійся въ награду воеводамъ за выдающіяся военныя отличія и носившійся на груди.

Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Покореніе Казанскаго царства было, конечно, величайшимъ событіемъ въ Русской жизни послѣ Куликовской битвы. На Куликовскомъ полѣ—Сѣверо-Восточная Русь, начавшаяся собираться вокругъ Москвы, разбивъ на голову полчища Мамая, показала, что она можетъ успѣшно бороться съ Татарами и снять съ себя ихъ иго.

Казань же взяли войска, собравшейся Сѣверо-Восточной Руси въ огромное Московское Государство, подъ предводительствомъ Самодержавнаго Царя «всея Россіи», который уже не довольствовался возможностью успѣшно бороться съ Татарами, но пришелъ завоевывать и завоевалъ ихъ могущественное царство. Русскій народъ глубоко почувствовалъ величіе подвига, совершеннаго Іоанномъ, и въ народной памяти Казанское взятіе оставило по себѣ такой же сильный слѣдъ, какъ и Мамаево побоище.

Отпраздновавъ съ большимъ торжествомъ свою великую побѣду, Іоанну скоро пришлось подвергнуться ряду большихъ огорченій. Съ Октября 1552 года до осени 1553—во Псковѣ и Новгородѣ—стала свирѣпствовать страшная язва—желѣза, вѣроятно бубонная чума, унесшая до полумилліона людей. Скоро и отъ воеводъ, оставленныхъ въ новопокоренной Казани, начали поступать дурныя вѣсти. Они доносили, что Луговые и Горные люди стали опять волноваться и избили на Волгѣ нашихъ боярскихъ дѣтей и купцовъ; виновные были отысканы и перевѣшаны, но затѣмъ вспыхнулъ опять бунтъ; для подавленія его изъ Свіяжска былъ высланъ воевода Салтыковъ; тутъ случилась новая бѣда: Салтыковъ завязъ съ отрядомъ въ глубокихъ снѣгахъ, а непріятель на лыжахъ окружилъ

его со всѣхъ сторонъ и перебилъ большую часть отряда; самъ же воевода былъ взятъ въ плѣнъ и зарѣзанъ.

Вѣсти эти вызвали большое уныніе въ Москвѣ; нѣкоторые малодушные бояре предложили въ Государевой думѣ навсегда отказаться отъ Казани и вывести изъ нея войска. Но Іоаннъ не согласился, и зимой 1553 года отправилъ на востокъ сильную рать, подъ начальствомъ своихъ лучшихъ воеводъ—князя Семена Микулинскаго, Ивана Шереметева, князя Андрея Курбскаго и Даніила Адашева, брата Алексѣя.

Пройдя всѣ бывшія Казанскія владѣнія отъ края до края и терпя порой со своими войсками ужасныя лишенія, эти воеводы окончательно умиротворили, послѣ пятилѣтнихъ тяжкихъ усилій, наше новое завоеваніе.

62. Чудесное исцѣленіе отъ болѣзни у мощей преподобныхъ Гурія и Варсонофія.
Изъ рукописнаго Житія Святыхъ, составленнаго патріархомъ Гермогеномъ и хранящагося въ Императорской Академіи Наукъ.

Іоаннъ милостиво наградилъ ихъ за это высшими въ то время знаками отличія—золотыми деньгами, которыя носились въ видѣ медалей, и послалъ весною 1557 года стряпчаго Семена Ярцева объявить Казанской Землѣ, что ратные ужасы кончились, и его новые подданные могутъ мирно благоденствовать подъ властью Московскаго Царя.

Государевъ намѣстникъ въ Казани, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій человѣкъ добрый и очень заботливый, сталъ ревностно заниматься устройствомъ ввѣреннаго ему края; для просвѣщенія же покоренныхъ жителей Христовымъ ученіемъ была образована новая епархія—Казанская, первымъ епископомъ которой былъ назначенъ Гурій, бывшій игуменъ Селижарова монастыря; онъ отправился къ своей паствѣ съ архимандри-

тами Варсонофіемъ и Германомъ и многими священниками. Въ [illegible]зѣ, данномъ Гурію митрополитомъ Макаріемъ, говорилось, что Татаръ надо привлекать къ крещенію отнюдь не страхомъ и жестокостію, а любовью и ласкою, и вообще очень заботиться о нихъ. Преосвященный Гурій съ большимъ рвеніемъ относился къ своей трудной задачѣ и сумѣлъ своей кротостью и истинно-христіанскимъ отношеніемъ привлечь сердца многихъ Татаръ къ воспринятію Православія; послѣ его блаженной кончины онъ былъ причтенъ, вмѣстѣ съ Варсонофіемъ и Германомъ, къ лику Святыхъ и отъ ихъ нетлѣнныхъ мощей совершились многія чудеса и исцѣленія.

63. Боевые доспѣхи князя Владиміра Андреевича Старицкаго.

Хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

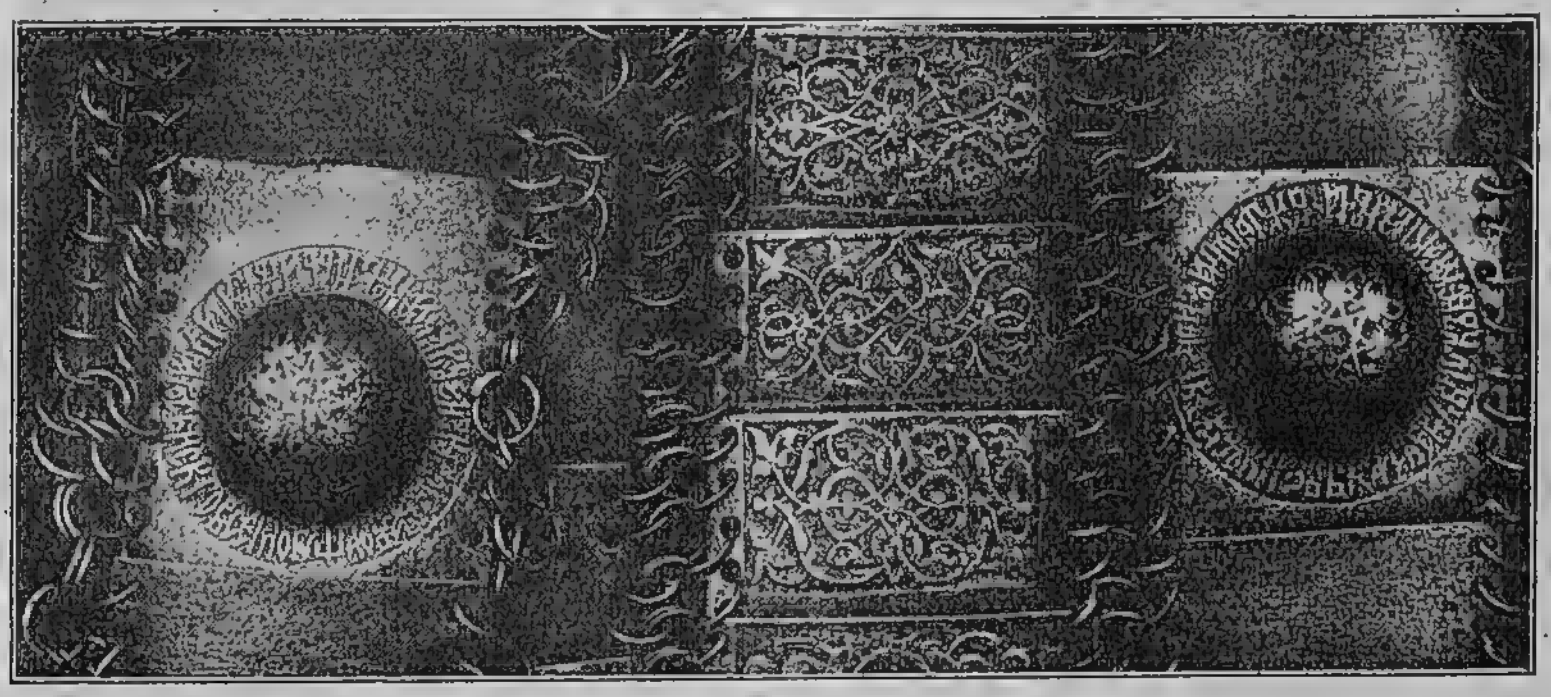
Въ началѣ 1553 года, какъ разъ въ то время, какъ изъ Казани стали поступать тревожныя вѣсти и получилось донесеніе о пораженіи отряда Салтыкова, случилось событіе чрезвычайной важности въ личной жизни Государя.

Онъ неожиданно заболѣлъ жестокой горячкой, или, какъ тогда называли, «огневой болѣзнію». Скоро положеніе молодого двадцатитрехлѣтняго Царя было признано безнадежнымъ и дьякъ его Иванъ Висковатый заявилъ ему, что настало время писать духовное завѣщаніе. Іоаннъ согласился и назначилъ своимъ наслѣдникомъ недавно родившагося сына Димитрія, послѣ чего приказалъ собрать бояръ въ Царской столовой комнатѣ и по обычаю привести ихъ къ присягѣ.

Тутъ совершенно неожиданно у тяжко больного Государя открылись глаза на людей, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ и считалъ своими преданнѣйшими и вѣрными совѣтниками. Полагая, что Іоаннъ не встанетъ со своего одра, его сановники начали, не стѣсняясь, высказывать свои истинныя чувства. Среди нихъ поднялся сильный споръ и шумъ, что, конечно, стало тотчасъ же извѣстно Іоанну. Одни хотѣли исполнить волю Государя и присягнуть его наслѣднику—младенцу Димитрію; это были: князья Иванъ Мстиславскій, Владиміръ Воротынскій и Димитрій Палецкій, Иванъ Шереметевъ, Михаилъ Морозовъ, Даніилъ Романовичъ и Василій Михайловичъ Захарьины, и нѣсколько другихъ, въ томъ числѣ Алексѣй

Ад[illegible]ъ; но большинство бояръ, имѣя во главѣ князей Ивана Михайловича Шуйскаго, Петра Щенятева, Ивана Турунтая-Пронскаго и Семена Ростовскаго, рѣшительно отъ этого отказывались и стали держать сторону двоюроднаго брата Іоанна—Владиміра Андреевича Старицкаго, который, вмѣстѣ съ матерью своею Ефросиніей, также открыто воспротивился присягать Димитрію и началъ уже вербовать себѣ сторонниковъ, раздавая имъ деньги. Что же касается брата Іоанна—Юрія, то, въ виду его слабоумія и полной неспособности къ управленію Государствомъ, о немъ вовсе не говорили.

Узнавъ о мятежѣ въ собственномъ дворцѣ, больной потребовалъ къ себѣ ослушниковъ и слабымъ голосомъ сталъ выговаривать имъ ихъ измѣну. На это князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій отвѣчалъ уклончиво, что они не цѣловали крестъ Димитрію, такъ какъ не видали передъ собой Іоанна; но отецъ Царскаго любимца Алексѣя Адашева—Ѳеодоръ Адашевъ, возве-



64. Часть доспѣховъ, изображенныхъ на рисункѣ 63, въ увеличенномъ видѣ.

денный въ санъ окольничьяго, конечно только изъ любви Государя къ его сыну, началъ открыто говорить умирающему Царю: «Тебѣ, Государю, и сыну твоему мы усердствуемъ повиноваться, но Захарьинымъ-Юрьевымъ, Данилѣ съ братіей—мы не желаемъ служить; сынъ твой еще въ пеленицахъ, а владѣть нами Захарьинымъ—Данилу съ братіей; а мы уже отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видали многія».

Затѣмъ, нѣкоторые бояре, пошумѣвъ у одра Государя, какъ нѣкогда они шумѣли у одра умирающаго отца его, Василія Іоанновича, споря о его постриженіи въ схиму, вышли изъ Царской комнаты, такъ и не присягнувъ младенцу Димитрію. А между тѣмъ Іоанну донесли, что князья Петръ Щенятевъ, Иванъ Турунтай-Пронскій, Семенъ Ростовскій и Димитрій Нѣмой-Оболенскій—уже на площади славятъ Владиміра Андреевича и говорятъ во всеуслышаніе: «Лучше намъ служить старому, нежели малому и раболѣпствовать Захарьинымъ».

Напрягая послѣднія силы, Государь вызвалъ къ себѣ двоюроднаго брата, столь имъ облагодѣтельствованнаго, и потребовалъ отъ него присяги

сыну. Но князь Владиміръ Андреевичъ, видя его умирающимъ, наотрѣзъ отказался. Изнемогающій Государь сказалъ ему тогда съ великой кротостію: «Знаешь самъ, что станется на твоей душѣ, если не хочешь креста цѣловать; мнѣ до того дѣла нѣтъ».

Бояре, присягнувшіе Іоанну, хотѣли привести къ кресту остальныхъ своихъ товарищей и стали ихъ уговаривать, но тѣ попрежнему упорствовали и отвѣчали имъ жестокой бранью: «Вы хотите владѣть, а мы вамъ должны будемъ служить; не хотимъ вашего владѣнія». Особенно вызывающе держалъ себя князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій; онъ крайне рѣзко отвѣчалъ дьяку Ивану Висковатому, предложившему ему поцѣловать крестъ Димитрію, а также уже присягнувшимъ боярамъ, которые указывали, что ему и матери его неприлично, въ то время какъ Государь умираетъ, собирать боярскихъ дѣтей и раздавать имъ деньги. Видя явно враждебное отношеніе Владиміра Андреевича къ Іоанну, оставшіеся вѣрными своему долгу бояре рѣшили не допускать его болѣе къ больному. Но тутъ неожиданно выступилъ въ пользу Владиміра Андреевича новый защитникъ. Это былъ никто иной, какъ попъ Сильвестръ, занимавшій исключительно близкое положеніе при Государѣ и имѣвшій такое большое на него вліяніе. Сильвестръ, давній сторонникъ Владиміра Андреевича, сталъ говорить вопреки очевидности: «Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ Государю? Онъ Государю добра хочетъ». Тогда бояре, присягнувшіе Димитрію, отвѣчали Сильвестру: «Мы дали присягу Государю и сыну его, по этой присягѣ и дѣлаемъ такъ, какъ бы ихъ Государству было крѣпче».

Смута во дворцѣ продолжалась и на слѣдующій день.

Іоаннъ собралъ всѣхъ бояръ и началъ имъ говорить, чтобы они присягали его сыну въ передней избѣ при князьяхъ Мстиславскомъ и Воротынскомъ, такъ какъ самому ему, въ виду болѣзни, крайне тяжело присутствовать при этомъ; затѣмъ, обращаясь къ уже присягнувшимъ, онъ имъ напомнилъ ихъ присягу и сказалъ: «Если станется надо мной воля Божія и умру я, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чемъ мнѣ и моему сыну крестъ цѣловали: не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую Землю, куда Богъ вамъ укажетъ: а вы Захарьины! чего испугались? или думаете, что бояре васъ пощадятъ? вы отъ нихъ будете первые мертвецы: такъ вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали».

Услышавъ это, крамольные бояре, по словамъ лѣтописи, испугались жестокихъ словъ Государя, страшась въ случаѣ его выздоровленія получить суровую кару, и пошли приносить присягу Димитрію, но, конечно, неискренно.

Князь Иванъ Турунтай-Пронскій, подходя къ кресту и видя у него князя Воротынскаго, не удержался и сорвалъ на немъ свою досаду за вынужденный приводъ къ присягѣ. «Твой отецъ»,—сказалъ онъ ему: «да и ты самъ послѣ великаго князя Василія первый измѣнникъ, а теперь

къ кресту приводишь».—«Я измѣнникъ, а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ Государю нашему и сыну его царевичу Димитрію; ты прямой человѣкъ, а Государю нашему и сыну его креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь»—отвѣчалъ на это Воротынскій; Турунтай-Пронскій смутился и молча присягнулъ. Позднѣе другихъ бояръ, подъ предлогомъ болѣзни, присягнули близкіе люди къ Алексѣю Адашеву и Сильвестру—князь Димитрій Курлятевъ и Царскій казначей Никита Фуниковъ. Наконецъ, видя, что Государь не умираетъ, присягнулъ и князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій, выдавъ особую грамоту не думать о Царствѣ, а, въ случаѣ смерти Іоанна, признавать Димитрія своимъ законнымъ Государемъ; мать-же князя Владиміра долго не хотѣла прикладывать своей печати къ этой грамотѣ, а когда ее приложила, то громко сказала: «что значитъ присяга невольная?»

65. Храмъ сошествія Святого Духа въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.
Сооруженъ въ 1559 году.

Изъ бояръ, присягнувшихъ добровольно, тоже далеко не всѣ были тверды въ своемъ крестномъ цѣлованіи. Такъ, князь Димитрій Палецкій, дочь котораго была замужемъ за братомъ Іоанна—Юріемъ, присягнулъ однимъ изъ первыхъ, но послалъ тотчасъ же сказать князю Владиміру Андреевичу и его матери, что если они дадутъ Юрію удѣлъ, завѣщанный ему отцомъ, то онъ, Палецкій, тоже будетъ помогать имъ добывать Царскій престолъ.

Іоаннъ выздоровѣлъ. Очевидно, что поведеніе окружающихъ его должно было произвести на него самое глубокое впечатлѣніе. Онъ ясно понялъ, что ему ни на кого безусловно полагаться нельзя. Даже самые близкіе люди, которыхъ онъ вывелъ изъ ничтожества—Сильвестръ и Адашевъ, хотя и согласились присягнуть, но держали себя двусмысленно. Сильвестръ горячо заступался за Владиміра Андреевича, а отецъ Адашева—прямо принялъ сторону послѣдняго. Не могли внушать большаго довѣрія и бояре, присягнувшіе Димитрію по первому требованію, какъ князь Димитрій Палецкій: у многихъ, это было, конечно, дѣломъ простого расчета въ предвидѣніи, что Государь выздоровѣетъ.

Во всякомъ случаѣ, Іоаннъ имѣлъ полное основаніе убѣдиться въ томъ, что боярская партія, временно смолкшая и какъ бы уступившая свое мѣсто

новымъ людямъ, выдвинутымъ молодымъ Государемъ, осталась по-прежнему чрезвычайно сильной, при чемъ эти же новые люди, Сильвестръ и Адашевъ, старались укрѣпить свое положеніе не безпредѣльной преданностью къ Іоанну, его наслѣднику и супругѣ, а пріобрѣтеніемъ сторонниковъ, именно среди старой боярской партіи.

Разочарованіе молодого Государя въ окружавшихъ его людяхъ, на полную преданность которыхъ онъ имѣлъ всѣ основанія разсчитывать, усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что при всемъ желаніи, онъ не могъ замѣнить ихъ и найти соотвѣтствующихъ сотрудниковъ въ какомъ-либо другомъ слоѣ общества. Вотъ, очевидно, почему Іоаннъ, послѣ выздо-

66. Видъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря со стороны озера.

ровленія, рѣшилъ подавить свое недовольство въ глубинѣ души, и ничѣмъ не выразилъ немилости, какъ князю Владиміру Андреевичу Старицкому, такъ и другимъ боярамъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что съ этой поры имъ овладѣлъ мучительный недугъ недовѣрія, каковое душевное страданіе особенно свойственно монархамъ.

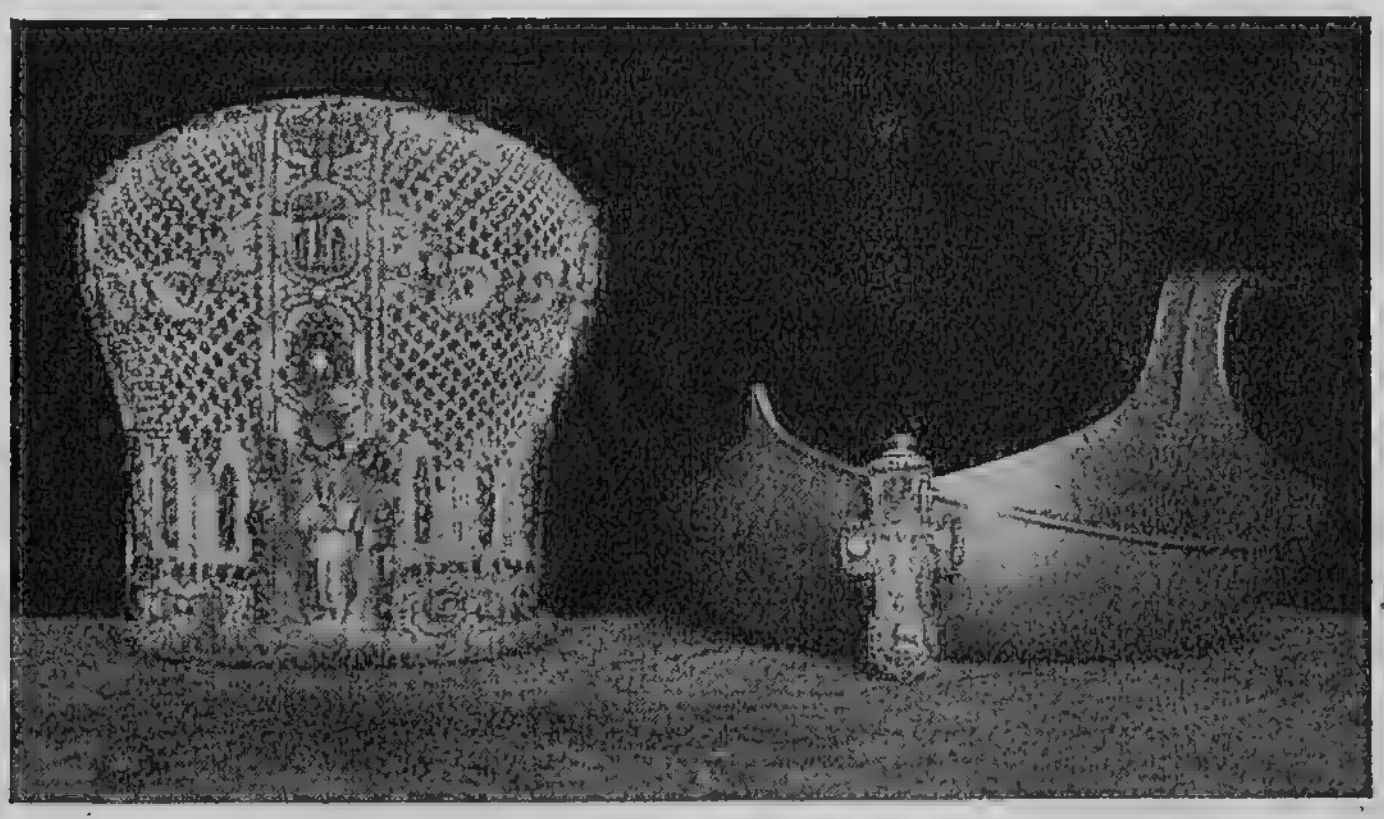
По исцѣленіи отъ болѣзни, первымъ дѣломъ Іоанна было собраться, по данному обѣту, на богомолье въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь—съ женою и сыномъ. Совѣтники Государя отговаривали его отъ этого труднаго путешествія, но онъ не внялъ имъ и отправился въ путь, посѣтивъ по дорогѣ Троицко-Сергіевскую лавру. Знаменитый старецъ Максимъ Грекъ, оканчивавшій здѣсь свои дни, также говорилъ Іоанну, чтобы онъ отложилъ свою поѣздку, и при этомъ предсказалъ, что если онъ

поѣдетъ, то потеряетъ своего первенца; однако Государь, желая свято исполнить данный обѣтъ во время болѣзни, не послушалъ и его.

Покинувъ обитель Святого Сергія Радонежскаго, Царь остановился въ Пѣшножскомъ монастырѣ, гдѣ посѣтилъ старца Вассіана Топоркова, бывшаго Коломенскимъ епископомъ и лишеннаго этого званія во время правленія бояръ. Князь Андрей Курбскій разсказываетъ, что будто-бы Іоаннъ спросилъ Вассіана: «Како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти», на что послѣдній шопотомъ отвѣчалъ Государю: «Аще хощеши Самодержцемъ быти не держи себѣ совѣтника не единаго мудрѣйшаго собя, понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на Царствѣ и все имѣти будешь въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будешь послушенъ имъ».—«О, аще и отецъ былъ бы ми живъ, тако-

67. Церковь Святого Ефимія Великаго въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ.

Сооружена въ половинѣ XVI вѣка.



68. Драгоцѣнная митра, съ изображеніемъ Святителей Московскихъ, серебряный ковшъ для черпанія святой воды и золотой крестъ—вклады Царя Іоанна Васильевича Грознаго Кирилло-Бѣлоозерскому монастырю.

Хранятся въ ризницѣ означеннаго монастыря. Снимокъ П. Н. Пурышева.

ваго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми!»—воскликнулъ Іоаннъ, цѣлуя руку старца, — заканчиваетъ свой разсказъ объ этомъ Курбскій.

Поѣздка Іоанна на богомолье закончилась, какъ и предсказалъ Максимъ Грекъ: младенецъ Димитрій не выдержалъ трудности пути и скончался; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Государь былъ утѣшенъ рожденіемъ другого сына, нареченнаго при Святомъ крещеніи—Іоанномъ.

Вернувшись въ Москву, Царь продолжалъ дѣятельно заниматься дѣлами, изъ коихъ, мы видѣли, важнѣйшимъ было успокоеніе вновь завоеваннаго Казанскаго царства.

69. Переправа Ногайцами табуна черезъ Волгу.

Покореніе Казани глубоко взволновало весь магометанскій міръ, который, разумѣется, съ величайшимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ вѣсть объ этомъ блистательномъ успѣхѣ Русскаго оружія.

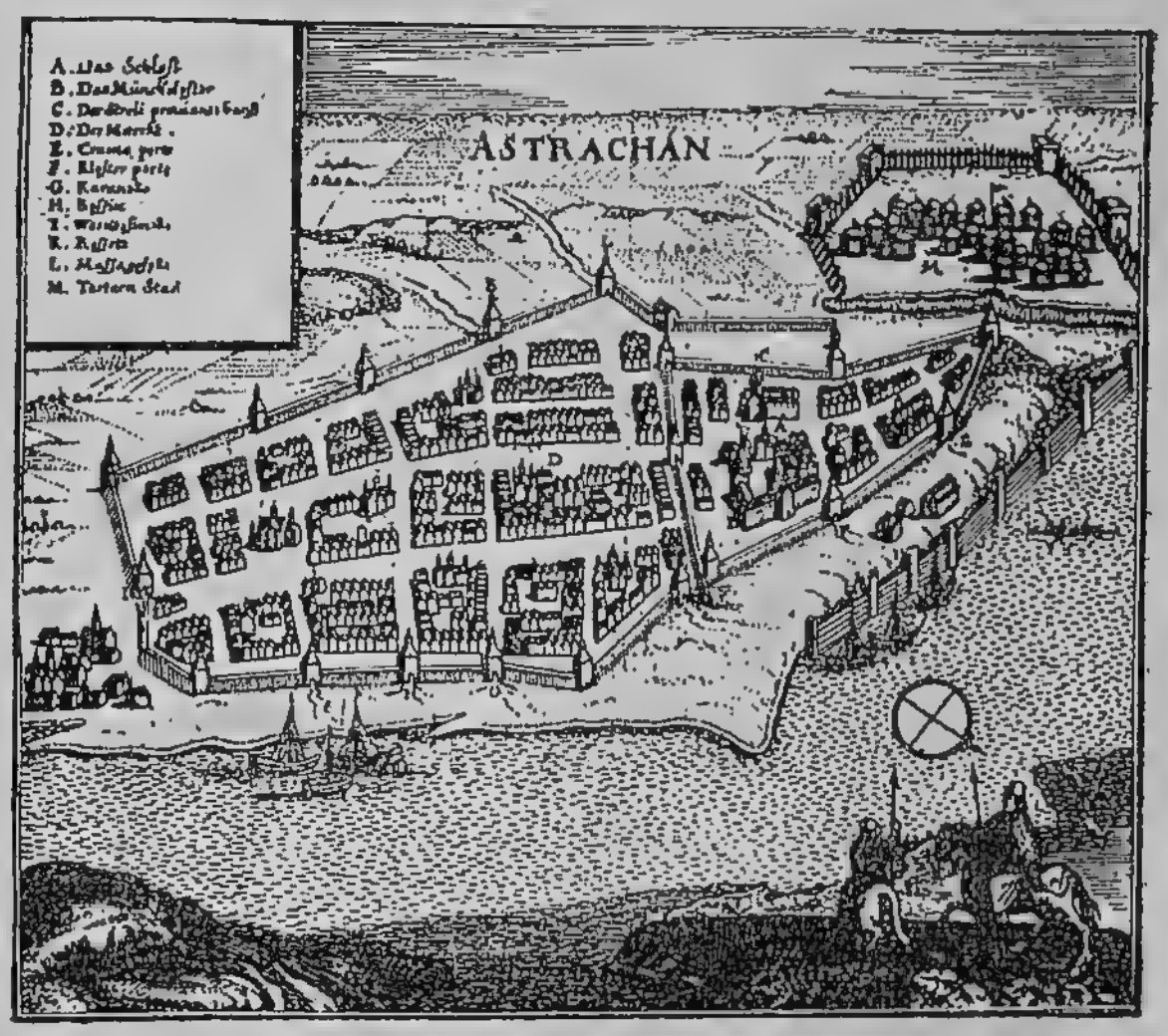
Ближайшими сосѣдями Казанцевъ были Ногайскіе Татары, занимавшіе своими кочевьями все обширное пространство между Волгой, Каспійскимъ и Аральскимъ морями и раздѣленные на нѣсколько, враждовавшихъ между собою, ордъ. Эта взаимная вражда Ногаевъ была какъ нельзя болѣе на руку Москвѣ. Во главѣ главной Ногайской орды стоялъ въ это время Юсуфъ, отецъ знакомой намъ красавицы Суюнбеки.

Занятый все время упорной и кровопролитной борьбой съ собственнымъ братомъ, мурзой Измаиломъ, онъ могъ оказывать Казани только ничтожную помощь, и въ концѣ концовъ палъ отъ руки послѣдняго. Измаилъ-же, враждуя съ Юсуфомъ, старался все время поддерживать добрыя отношенія съ Москвой; его связывали съ ней и большія торговыя выгоды, главнымъ

образомъ по продажѣ лошадей, огромные табуны которыхъ ежегодно пригонялись въ Москву, иногда въ нѣсколько десятковъ тысячъ головъ.

Этотъ же мурза Измаилъ помогъ намъ овладѣть и Астраханскимъ царствомъ, возникшимъ на мѣстѣ прежней Золотой Орды, въ 70 верстахъ отъ устья Волги. Астраханское царство было значительно слабѣе Казанскаго, но имѣло важное торговое значеніе, такъ какъ лежало на большомъ Волжскомъ водномъ пути.

Въ Астрахани такъ же, какъ и въ Казани, происходили довольно частыя перемѣны хановъ, въ зависимости отъ того, какая партія брала верхъ: Крымская, Ногайская или Московская. Отецъ знакомыхъ намъ Шигъ-Алея и Еналея былъ Астраханскимъ царевичемъ, поступившимъ на Русскую службу. Еще до покоренія Казани, въ 1551 году, къ Іоанну прибылъ другой изгнанный изъ Астрахани царь—Дербышъ-Алей; онъ тоже поступилъ на нашу службу, а въ Астрахани сѣлъ Ямгурчей, который скоро показалъ себя недругомъ Русскихъ, подчинившись вліянію Крымцевъ и Ногайскаго князя Юсуфа, брата и врага мурзы Измаила.

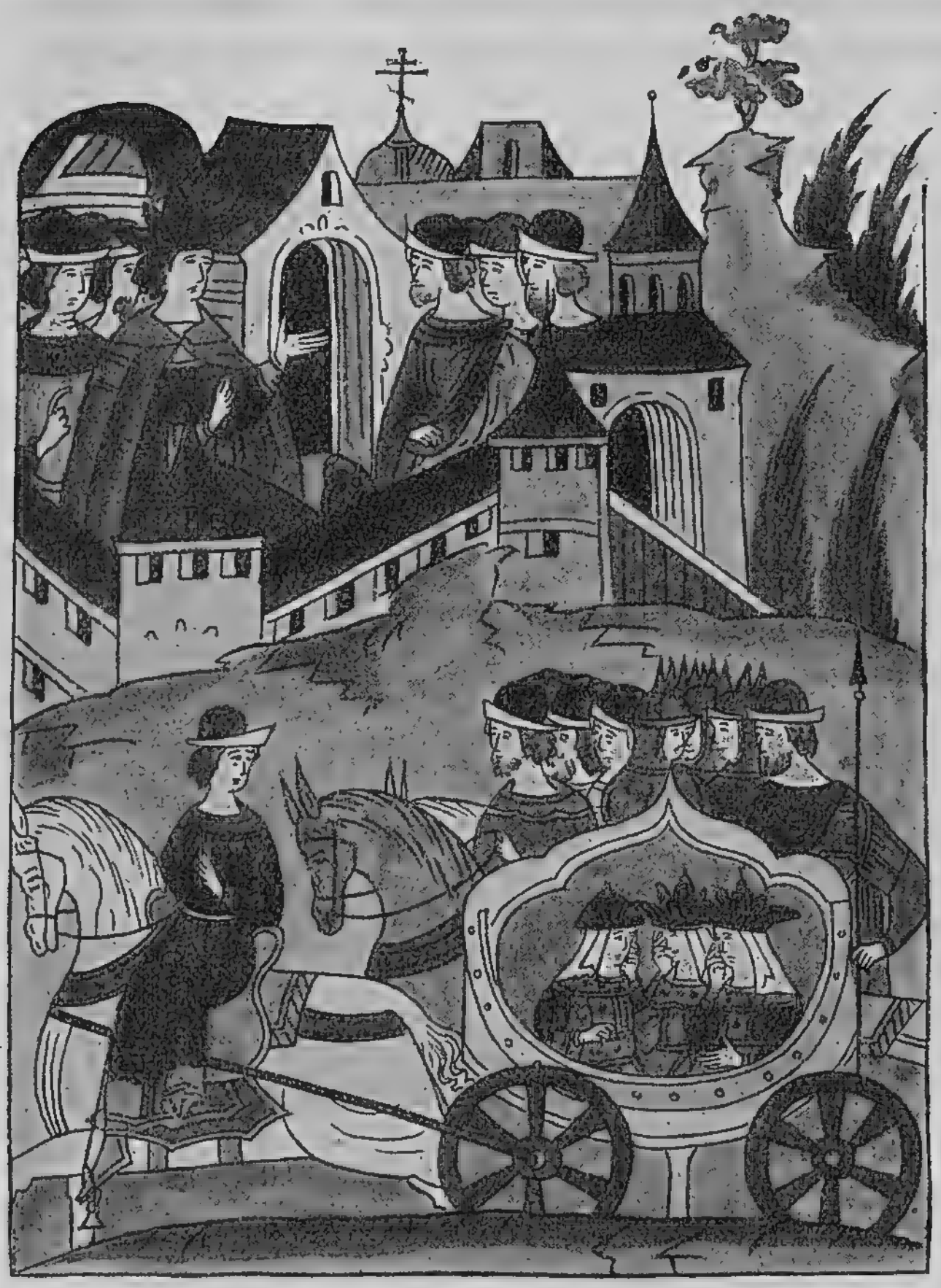


70. Видъ Астрахани въ XVI—XVII вѣкѣ.
Съ современнаго изображенія.

Тогда Измаилъ сталъ просить Іоанна посадить Дербышъ-Алея вмѣсто Ямгурчея, вслѣдствіе чего, весной 1554 года, тридцати-тысячная Русская рать, подъ начальствомъ князя Пронскаго-Шемякина, а также и Вятскіе служилые люди—пошли подъ Астрахань; Ямгурчей не сталъ сопротивляться и бѣжалъ; наши-же воеводы посадили вмѣсто него Дербышъ-Алея, утвердили Астраханскихъ людей клятвенной грамотой въ вѣрности Россіи, и вернулись въ Москву со множествомъ Русскихъ, освобожденныхъ ими изъ плѣна, а также и съ пятью плѣненными Астраханскими царицами. Іоаннъ необычайно милостиво наградилъ своихъ воеводъ и съ честью отпустилъ назадъ плѣнныхъ царицъ, кромѣ младшей, которая пожелала креститься со своимъ, родившимся въ пути, сыномъ, послѣ чего была выдана Государемъ замужъ за именитаго дворянина Захарія Плещеева.

Дербышъ-Алей не долго сидѣлъ спокойно въ Астрахани; скоро подъ вліяніемъ Крыма онъ перебилъ своихъ вельможъ, доброхотствовавшихъ

Москвѣ, и изгналъ нашего посла Мансурова, бывшаго тамъ съ дружиною въ 500 человѣкъ. Вслѣдствіе этого, весной 1556 года, Іоаннъ выслалъ новую рать къ Астрахани подъ начальствомъ стрѣлецкихъ головъ Черемисинова и Тетерина, которые, подойдя къ городу, нашли его пустымъ; Дербышъ-Алей, получивъ отъ Крымскаго хана помощь только въ 1.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 300 Турецкихъ янычаръ съ пищалями, рѣшилъ, что сопротивляться невозможно, и бѣжалъ, потерпѣвъ пораженіе отъ казачьяго атамана Ляпуна, еще до прихода нашихъ главныхъ силъ; затѣмъ, онъ былъ окончательно разбитъ сыновьями Юсуфа, успѣвшими уже помириться съ своимъ дядей и съ убійцей ихъ отца—Измаиломъ. Такъ дорѣзывали другъ друга Татары, нѣкогда столь грозные, къ великой выгодѣ Москвы.



71. „...О приведеніи на Москву царицъ Астороханскыхъ. Того же мѣсяца 18, въ четвертокъ, привели на Москву къ благовѣрному царю и великому Государю Ивану Василіевичю самодержцу всея Русіи плѣнницъ Азстороханскаго царя Емгурчіа царицъ его Тевкель да Канзаду да меньшицу Ельянкшя что взяты въ Азѣторохани"...

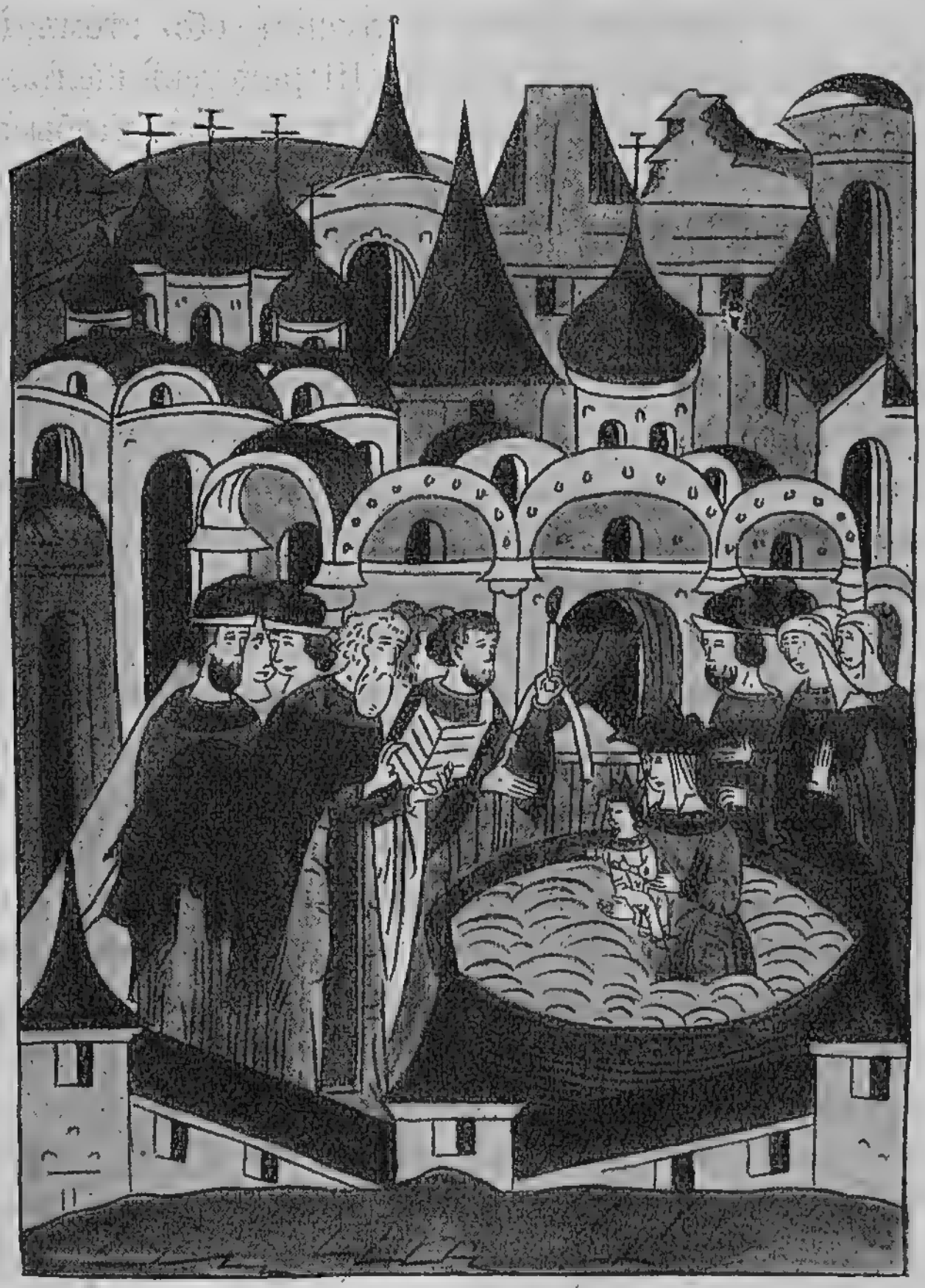
Изъ Царственнаго лѣтописца.

Вступивъ въ Астрахань, наши воеводы прочно ее заняли и привели всѣхъ вернувшихся въ городъ черныхъ людей, по ихъ челобитью,—къ присягѣ непосредственно уже Московскому Государю.

Такимъ путемъ, вслѣдъ за покореніемъ Казани, безъ особыхъ трудовъ досталась намъ Астрахань, и все теченіе Волги отъ истока до устья окончательно стало Русской рѣкой, къ великому ужасу жившихъ здѣсь Татаръ. Въ станѣ у сыновей Юсуфа разсказывали: «Государь взялъ всю Волгу до самаго моря, скоро возьметъ и Сарайчикъ, возьметъ весь Яикъ, Шемаху, Дербентъ, и намъ всѣмъ быть отъ него взятымъ. Наши книги говорятъ, что всѣ басурманскіе государи

Русскому Государю поработаютъ». Люди же ихъ дяди Измаила—говорили послѣднему: «Не стыдись, князь Измаилъ, пиши *Бѣлаго* Царя Государемъ: Нѣмцы посильнѣе тебя, да и у нихъ Государь всѣ города побралъ».

Завоеваніе всего теченія Волги поставило въ непосредственныя отношенія Московскаго Государя съ племенами, заселявшими Кавказъ. Скоро къ Іоанну стали прибывать различные посланники изъ этихъ далекихъ краевъ. Кабардинскій и другіе князья Черкасскіе желали быть подъ его высокой рукой и просили помощи Москвы другъ противъ друга; затѣмъ явились съ челобитьемъ послы и изъ далекихъ Хивы и Бухары, прося свободной дороги ихъ купцамъ черезъ Астрахань. Имя Бѣлаго Царя, сидѣвшаго на высокомъ Московскомъ столѣ — дѣлалось все болѣе и болѣе знаменитымъ по всему мусульманскому востоку.



72. „...А меньшица царица Астороханьская Ѣлѣякши, ѣдучи, на дорогѣ, въ судѣхъ, на Волгѣ родила царевича, именемъ Ярашты; и пріѣхавъ къ Москвѣ, царь великій князь Государь велѣлъ царевича крестити и съ матерію, и наречено имя царевичю Петръ, а матери его имя Уліанѣя"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Конечно, необычайные успѣхи Москвы на востокѣ были крайне не по сердцу Крымцамъ и Туркамъ; султанъ, соблюдая наружную дружбу съ Іоанномъ, не переставалъ стараться возбуждать противъ насъ Ногаевъ и Девлетъ-Гирея Крымскаго; и вотъ послѣдній, лѣтомъ 1555 года, распустивъ слухъ, что идетъ воевать нашихъ новыхъ подданныхъ, Пятигорскихъ Черкесовъ, хотѣлъ по обычаю напасть врасплохъ на Московскія украины. Но молодой Царь, гордый своими побѣдами надъ Казанью и Астраханью, самъ рѣшилъ, чтобы заступиться за Черкесовъ, предпринять наступательное движеніе противъ Крымцевъ, чего еще никто изъ Московскихъ Государей не дѣлалъ, и выслалъ съ

этой цѣлью тринадцати-тысячный отрядъ Ивана Шереметева, приказавъ напасть на пастбища Крымцевъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ Черкесовъ. Скоро Шереметевъ донесъ, что ханъ идетъ не на Черкесовъ, а на насъ, во главѣ 60.000 человѣкъ. Узнавъ про это, Іоаннъ немедленно выступилъ въ походъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ и всѣми воеводами—съ тѣмъ, чтобы встрѣтить Крымцевъ и дать имъ сраженіе.

Но Девлетъ-Гирей, получивъ объ этомъ извѣщеніе, тотчасъ-же повернулъ назадъ; между тѣмъ Шереметевъ шелъ за нимъ все время слѣдомъ, при чемъ отдѣлилъ треть своего отряда, чтобы захватить Крымскій обозъ, оставленный Татарами позади себя, въ пяти или шести дняхъ пути; обозъ этотъ былъ нами взятъ, вмѣстѣ съ 60.000 лошадьми, 2.000 аргамаковъ и 80 верблюдами.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала встрѣча самого Девлетъ-Гирея съ Шереметевымъ на Судбищахъ, въ 150 верстахъ отъ Тулы. Доблестный Шереметевъ, имѣя всего 7.000 человѣкъ, смѣло вступилъ въ бой съ 60.000 войскомъ хана, сломилъ его передовой полкъ, отнялъ знамя Ширинскихъ князей и успѣшно дрался до ночи. Ночью, къ Девлетъ-Гирею привели двухъ Русскихъ плѣнныхъ и стали ихъ пытать, допрашивая, сколько войска у Шереметева;—одинъ изъ нихъ не вытерпѣлъ мукъ и показалъ, что нашихъ совсѣмъ мало. Тогда Девлетъ-Гирей, узнавъ, что Іоаннъ еще далеко, рѣшилъ на слѣдующій день во что бы то ни стало раздавить малочисленный Русскій отрядъ. Въ началѣ боя мы опять одолѣли Татаръ и было время, когда вокругъ хана остались только одни янычары; однако, вскорѣ, Шереметевъ былъ тяжело раненъ и наши должны были отступить съ большими потерями; тѣмъ не менѣе доблестные военачальники Алексѣй Басмановъ и Степанъ Сидоровъ съ двумя тысячами человѣкъ засѣли въ лѣсистомъ оврагѣ и отразили всѣ яростные приступы Девлетъ-Гирея, который ночью побѣжалъ во свояси, дѣлая по 70 верстъ въ сутки. Получивъ извѣстія объ этомъ при своемъ подходѣ къ Тулѣ, Іоаннъ рѣшилъ вернуться домой, щедро наградивъ Шереметева и его славныхъ сподвижниковъ.

Въ слѣдующемъ 1556 году, Девлетъ-Гирей снова задумалъ напасть на Московскія украины; предвидя это, Іоаннъ рѣшилъ его предупредить и отправилъ одинъ отрядъ къ Дону, а другому, подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго, приказалъ построить суда на рѣкѣ Пселѣ и на нихъ, выплывъ на Днѣпръ, спуститься по нему внизъ — къ владѣніямъ Крымцевъ.

И вотъ въ Днѣпровскихъ водахъ, уже много вѣковъ не носившихъ Русскихъ военныхъ судовъ, съ тѣхъ поръ какъ наступила погибель нашей Земли изъ за раздѣленія надъ нею власти, вновь появились ратные люди изъ далекой Москвы, собирательницы Православной Руси въ могучее Государство подъ Самодержавною Царской властью.

Отрядъ дьяка Ржевскаго сдѣлалъ очень удачное нападеніе на крѣпости Очаковъ и Исламъ-Кермень, что произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на Девлетъ-Гирея, который отложилъ изъ-за этого свое выступленіе

къ Московскимъ предѣламъ, гдѣ его собирался встрѣтить Іоаннъ съ войскомъ.

Сильное впечатлѣніе произвело появленіе Московской судовой рати въ Днѣпровскихъ водахъ и на Православныхъ обитателей его береговъ, подданныхъ Польскаго короля.

Удалой атаманъ Днѣпровскихъ казаковъ, Каневскій староста князь Димитрій Вишневецкій, рѣшилъ тотчасъ же отъѣхать отъ Сигизмунда-Августа; онъ спустился къ Хортицкому острову, укрѣпился здѣсь и послалъ бить челомъ Іоанну о принятіи его на Московскую службу. Іоаннъ согласился, и 1 октября того же 1556 года Вишневецкій взялъ уже крѣпость Исламъ-Кермень.

Конечно, это появленіе Русскихъ людей на Хортицкомъ островѣ, гдѣ впослѣдствіи основалась знаменитая Запорожская Сѣчь, встревожило еще болѣе Девлетъ-Гирея. Онъ пытался взять его весною 1557 года, но долженъ былъ отступить съ большимъ урономъ; только къ осени того же года, противъ Хортицы собралась огромная сила изъ Крымскаго, Турецкаго и Волошскаго войска, заставившая Вишневецкаго покинуть островъ и вернуться въ свои города Каневъ и Черкасы, откуда онъ послалъ къ Іоанну испросить его указаній. Іоаннъ приказалъ Вишневецкому сдать эти города Польскому королю, съ которымъ мы были въ перемиріи, а самому ѣхать въ Москву, гдѣ ему дали городъ Бѣлевъ.

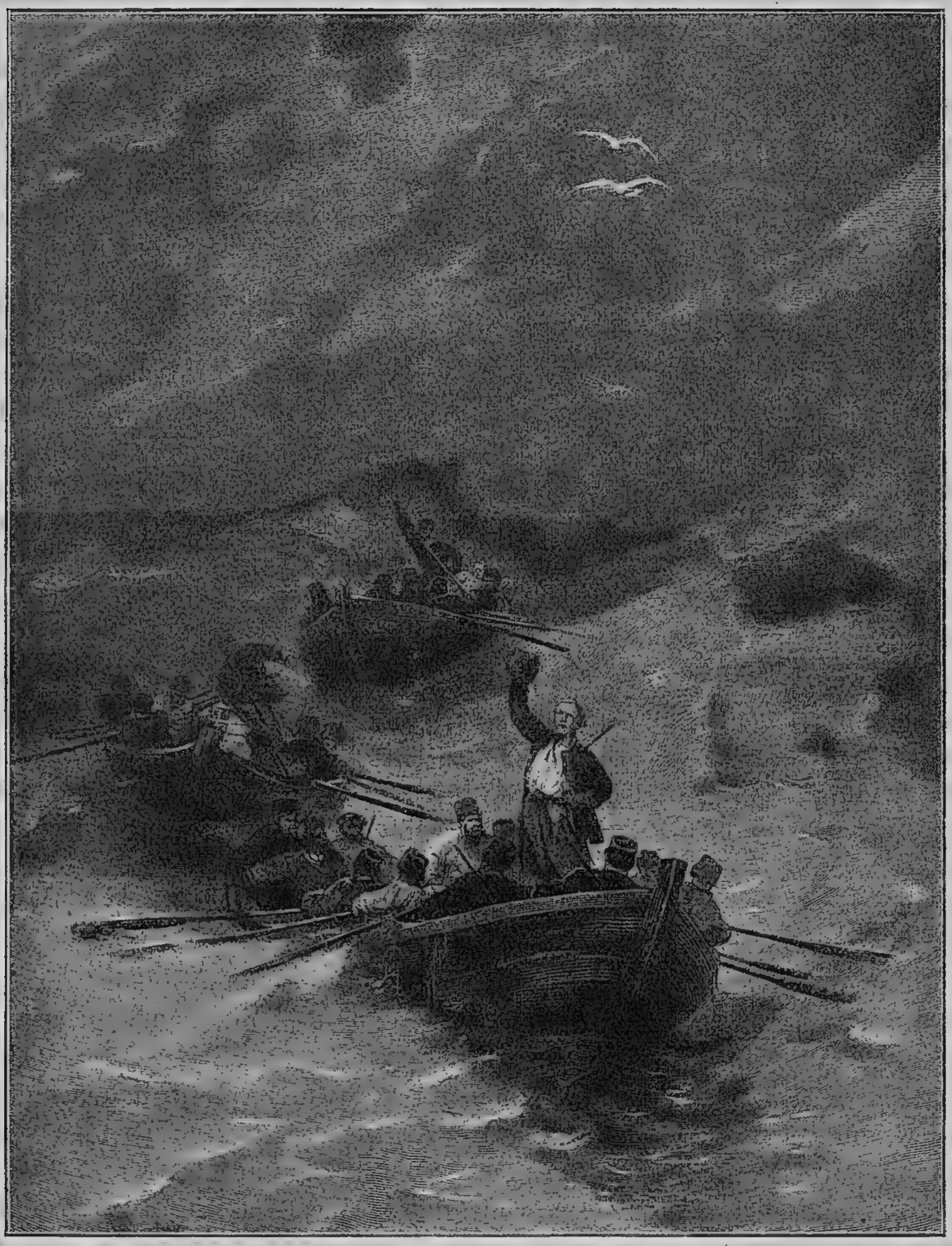
Уходъ Вишневецкаго изъ Хортицы пріободрилъ Девлетъ-Гирея и онъ написалъ Іоанну, чтобы тотъ прислалъ ему большія поминки, но когда въ началѣ 1558 года Государь опять отправилъ Вишневецкаго съ 5.000 человѣкъ по Днѣпру, то ханъ присмирѣлъ, запросилъ мира и прислалъ шертную грамоту, которая, впрочемъ, не помѣшала ему, осенью того же 1558 года, собрать стотысячное войско и двинуть его на наши украины, такъ какъ въ Крыму думали, что всѣ Московскія войска направлены въ Ливонію.

Однако ханскіе воеводы скоро узнали, что Іоаннъ въ Москвѣ, а страшные для нихъ Иванъ Шереметевъ и Димитрій Вишневецкій тоже недалеко, и тотчасъ же повернули назадъ.

Весною 1559 года, Государь опять отправилъ Вишневецкаго съ 5.000 человѣкъ противъ Крымцевъ, на этотъ разъ по Дону, а по Днѣпру—окольничьяго Даніила Адашева съ восьмитысячною ратью. Оба наши отряда дѣйствовали удачно, особенно Адашевъ, который спустился по Днѣпру въ Черное море, взялъ два Турецкихъ корабля и, наконецъ, сдѣлалъ смѣлую высадку на Крымскомъ побережьи, гдѣ опустошилъ Татарскіе улусы и освободилъ множество Русскихъ и Литовскихъ плѣнниковъ.

Татары пришли въ ужасъ отъ этихъ блестящихъ дѣйствій нашихъ воеводъ, тѣмъ болѣе, что въ Крыму свирѣпствовалъ страшный голодъ и моръ, и Девлетъ-Гирей послалъ въ Москву смиренно просить о мирѣ. Видя трудное положеніе Крымцевъ, совѣтники, окружавшіе

Іоанна, настойчиво предлагали ему воспользоваться благопріятными обстоятельствами и совсѣмъ покончить съ Крымской Ордой такъ же, какъ



73. Днѣпровскіе казаки, возвращающіеся послѣ набѣга на Крымъ.

Рисунокъ художника Ижакевича.

онъ покончилъ съ Казанью и Астраханью, и предпринять для этого большой походъ всѣми силами.

Однако Іоаннъ рѣзко разошелся съ ними въ этомъ вопросѣ; онъ удовольствовался заключеніемъ съ Девлетъ-Гиреемъ мира и рѣшилъ

обратить свое вниманіе на западъ, чтобы прочно утвердиться на Балтійскомъ побережьи.

По этому поводу среди Русскихъ историковъ до сихъ поръ существуетъ два мнѣнія: одни находятъ, что Іоаннъ сдѣлалъ крупную ошибку, не воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ покорить Москвѣ и Крымъ; другіе, наоборотъ, въ томъ числѣ и С. Соловьевъ, полагаютъ, что онъ поступилъ необыкновенно мудро, отказавшись отъ намѣренія завоевать Крымъ и направивъ всѣ свои усилія для расширенія Московскихъ предѣловъ на западъ. Послѣднее мнѣніе слѣдуетъ считать справедливымъ. Мы видѣли, что покореніе Казанскаго царства, несмотря на то, что самый походъ подъ Казань былъ дѣломъ сравнительно легкимъ, такъ какъ къ нашимъ услугамъ была всегда Волга, сопровождалось тѣмъ не менѣе огромнѣйшимъ напряженіемъ силъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ послѣ взятія этого города, причемъ трудности покоренія обитавшихъ тамъ племенъ были такъ велики, что нѣкоторые изъ приближенныхъ Государя, отчаявшись въ успѣхѣ, совѣтовали ему вовсе оставить этотъ край. Походъ же большой рати въ Крымъ по степямъ представлялъ страшныя затрудненія, такъ какъ пришлось бы вести съ собой все продовольствіе сухимъ путемъ, а подойдя къ Перекопи явились бы еще большія трудности—преодолѣть это естественное препятствіе и двигаться затѣмъ по полуострову для его покоренія. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, только Екатеринѣ Великой въ XVIII столѣтіи удалось окончательно завоевать Крымъ; въ XVI же вѣкѣ у Москвы совершенно не было для этого достаточныхъ средствъ и она могла съ успѣхомъ посылать туда только легкіе отряды Ржевскаго и Адашева. Наконецъ, если бы Іоаннъ и овладѣлъ Крымомъ, находившимся подъ рукою Турецкаго султана, то это привело бы его къ неизбѣжной борьбѣ съ Турками, бывшими въ XVI вѣкѣ на вершинѣ своего воинскаго могущества, почему вся Западная Европа и трепетала передъ ними. Ясно, что воевать съ Турками вовсе не входило въ расчеты Іоанна; поэтому и Даніилъ Адашевъ тотчасъ же отпустилъ взятыхъ имъ у Очакова въ плѣнъ Турокъ,ославъ сказать пашамъ, что его Государь ведетъ войну только съ Крымцами, а отнюдь не съ султаномъ.

Іоаннъ совершенно правильно рѣшилъ обратить свое вниманіе на западъ, тѣсная связь съ которымъ была намъ необходима для торговли и въ цѣляхъ просвѣщенія.

Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, Великій Петръ преслѣдовалъ совершенно тѣ же задачи, что и Іоаннъ, и съ величайшимъ уваженіемъ относился къ его стремленіямъ утвердить и распространить наши владѣнія на Балтійскомъ морѣ.

Къ тому же, веденіе Іоанномъ борьбы на нашихъ западныхъ границахъ вызывалось и сложившимися тамъ обстоятельствами. Въ Швеціи царствовалъ въ это время престарѣлый король Густавъ Ваза, который достигъ престола, свергнувъ съ него короля Христіана Второго, бывшаго въ то же время королемъ Датскимъ и отличавшагося необыкновенной

74. Густавъ Ваза, король Шведскій.

Съ современнаго изображенія.

жестокостью, съ которой онъ боролся противъ буйной Шведской и Датской знати. Въ своей борьбѣ съ Христіаномъ, Густавъ Ваза испыталъ всевозможныя, чисто сказочныя превратности судьбы, причемъ долженъ былъ побывать и торговцемъ скотомъ и простымъ работникомъ у зажиточныхъ крестьянъ.

Ставши Шведскимъ королемъ, Ваза считалъ для себя крайне унизительнымъ старинный обычай, по которому онъ имѣлъ право непосредственно сноситься только съ Новгородскими намѣстниками Московскаго Государя, а отнюдь не съ послѣднимъ, въ виду этого, нарушивъ крестное цѣлованіе съ Іоанномъ, въ малолѣтство котораго онъ заключилъ съ его матерью перемиріе на 60 лѣтъ, Ваза сталъ натравливать на Москву Литву и Ливонію, и послалъ свои войска въ 1554 году къ Орѣшку, которыя начали его осаждать, но безуспѣшно. Тогда Іоаннъ двинулъ Русскіе полки къ Выборгу; овладѣть имъ намъ тоже не удалось, но въ полѣ мы дважды разбили Шведовъ, и вся окрестная страна была нами страшно опустошена; плѣнныхъ же было взято столько, что мужчину продавали за гривну, а дѣвку—за пять алтынъ.

При этихъ обстоятельствахъ и видя, что отъ Литвы и Ливоніи помощи нѣтъ,—Густавъ Ваза сознаъ свою ошибку и сталъ смиренно просить у Іоанна мира.

«Мы, Густавъ, Божіею милостію, Свейскій, Готскій и Вендскій король»,—начиналось его письмо къ Іоанну,—«челомъ бію твоему велеможнѣйшеству князю Государю Ивану Васильевичу о твоей милости. Великій князь и Царь всея Русскія Земли!»... Іоаннъ отвѣчалъ ему, что онъ радъ

прекратить кровопролитіе, «...если король свои гордостныя мысли оставитъ и за свое крестопреступленіе и за всѣ свои неправды станетъ бить намъ челомъ покорно своими большими послами, то мы челобитье его примемъ и велимъ намѣстникамъ своимъ Новгородскимъ подкрѣпить съ нимъ перемирье по старымъ грамотамъ.. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему съ нашими намѣстниками Новгородскими не ссылаться, то онъ бы къ намъ и пословъ не отправлялъ, потому что старые обычаи порушиться не могутъ. Если самъ король не знаетъ, то купцовъ своихъ пусть спроситъ: Новгородскіе пригороды—Псковъ, Устюгъ, чай, знаютъ, сколько каждый изъ нихъ больше Стекольны (Стокгольма)?»

Большіе Шведскіе послы пріѣхали и стали вновь просить о непосредственныхъ сношеніяхъ съ Государемъ, а не съ Новгородскими намѣстниками. Но имъ отвѣчали, что намѣстники эти очень родовитые люди, «А про вашего государя въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, какого онъ рода, и какъ животиною торговалъ и въ Шведскую Землю пришелъ: это дѣлалось недавно, всѣмъ вѣдомо». Наконецъ, перемирная грамота была написана, и въ ней было оговорено, что какъ Шведскимъ купцамъ разрѣшается ѣздить черезъ Московскія владѣнія для торговли во всякія государства, въ Индію и Китай, такъ и нашимъ купцамъ была бы воля ѣздить чрезъ Шведскую Землю въ Любокъ и Антропъ (Любекъ и Антверпенъ), въ Испанскую Землю, Англію и Францію.

Послѣднее условіе считалось съ нашей стороны очень важнымъ, такъ какъ мы своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ не имѣли, а сосѣди наши, какъ мы уже говорили, всячески препятствовали, чтобы необходимые свѣдущіе люди изъ иностранцевъ проникали къ намъ.

Особенно ревниво не допускали въ Русскую Землю этихъ свѣдущихъ иностранцевъ—Ливонцы, какъ это ясно видно по дѣлу нѣкоего Саксонца Шлитте, котораго Іоаннъ, еще въ 1547 году, отправилъ изъ Москвы въ Германію съ тѣмъ, чтобы привести оттуда какъ можно болѣе ученыхъ и ремесленниковъ. Императоръ Карлъ V разрѣшилъ Шлитте взять съ собой въ Московію набранныхъ имъ людей, въ количествѣ 123 человѣкъ *), и онъ прибылъ уже съ ними въ Любекъ, когда послѣдовало ходатайство Ливонцевъ къ Карлу V о томъ, чтобы не пропускать этихъ людей, такъ какъ познанія ихъ могутъ послужить къ усиленію Московскаго Государства, что представитъ страшную опасность для Ливоніи и другихъ сосѣднихъ странъ; Карлъ внялъ этому ходатайству и приказалъ не пропускать въ Москву ни одного ученаго, художника или мастера. Шлитте же былъ посаженъ въ тюрьму; однако, одинъ изъ его людей, пушечный мастеръ Гансъ, непремѣнно хотѣлъ пробраться въ Москву, но Ливонцы такъ зорко стерегли свои границы, что онъ два раза попался имъ въ руки,

---

*) Оружейныхъ и пушечныхъ мастеровъ, литейщиковъ, кузнецовъ, рудокоповъ, слесарей, аптекарей, лекарей и печатника, такъ какъ въ Москвѣ еще не было своей печатни.

причемъ въ первый разъ его посадили въ тюрьму, а во второй—отрубили голову.

75.

Съ такой явной враждой относились Ливонскіе Нѣмцы къ Москвѣ и во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ; жителямъ своихъ городовъ они не позволяли подъ угрозой наказанія давать Московскимъ купцамъ деньги въ долгъ;

проживавшимъ же въ этихъ городахъ иностранцамъ было запрещено учиться Русскому языку.

А между тѣмъ, сама Ливонія пришла уже въ это время къ полному внутреннему разложенію, представляя собой страну, гдѣ царило сильнѣйшее разъединеніе сословное, церковное и племенное. Во главѣ управленія Ливоніей стояли четыре независимыхъ другъ отъ друга установленія: 1) Духовно-рыцарскій Орденъ Меченосцевъ, владѣнія котораго были разбросаны по всѣмъ частямъ Ливоніи, причемъ мѣстопребываніемъ магистра Ордена былъ замокъ Венденъ, а остальныя Орденскія власти занимали около 50 другихъ укрѣпленныхъ замковъ. 2) Чисто-духовные владѣтели, тоже обладавшіе большими земельными помѣстьями; главнымъ изъ этихъ владѣтелей былъ архіепископъ Рижскій, коему принадлежала половина города Риги, а подъ нимъ четыре другихъ епископа. 3) Чисто-свѣтское рыцарское сословіе, владѣвшее замками на земляхъ Ордена или духовенства. 4) Городскія самоуправленія большихъ городовъ, управлявшихся по Магдебургскому праву,—Риги, Нарвы, Вольмара, Дерпта, переименованнаго такъ Нѣмцами изъ древняго Юрьева, и другіе.

При этомъ, все это было пришлое въ страну, преимущественно Нѣмецкое населеніе, совершенно чуждое кореннымъ обитателямъ Земли—Литовскаго и Финскаго племени, съ ненавистію сносившимъ иго своихъ поработителей.

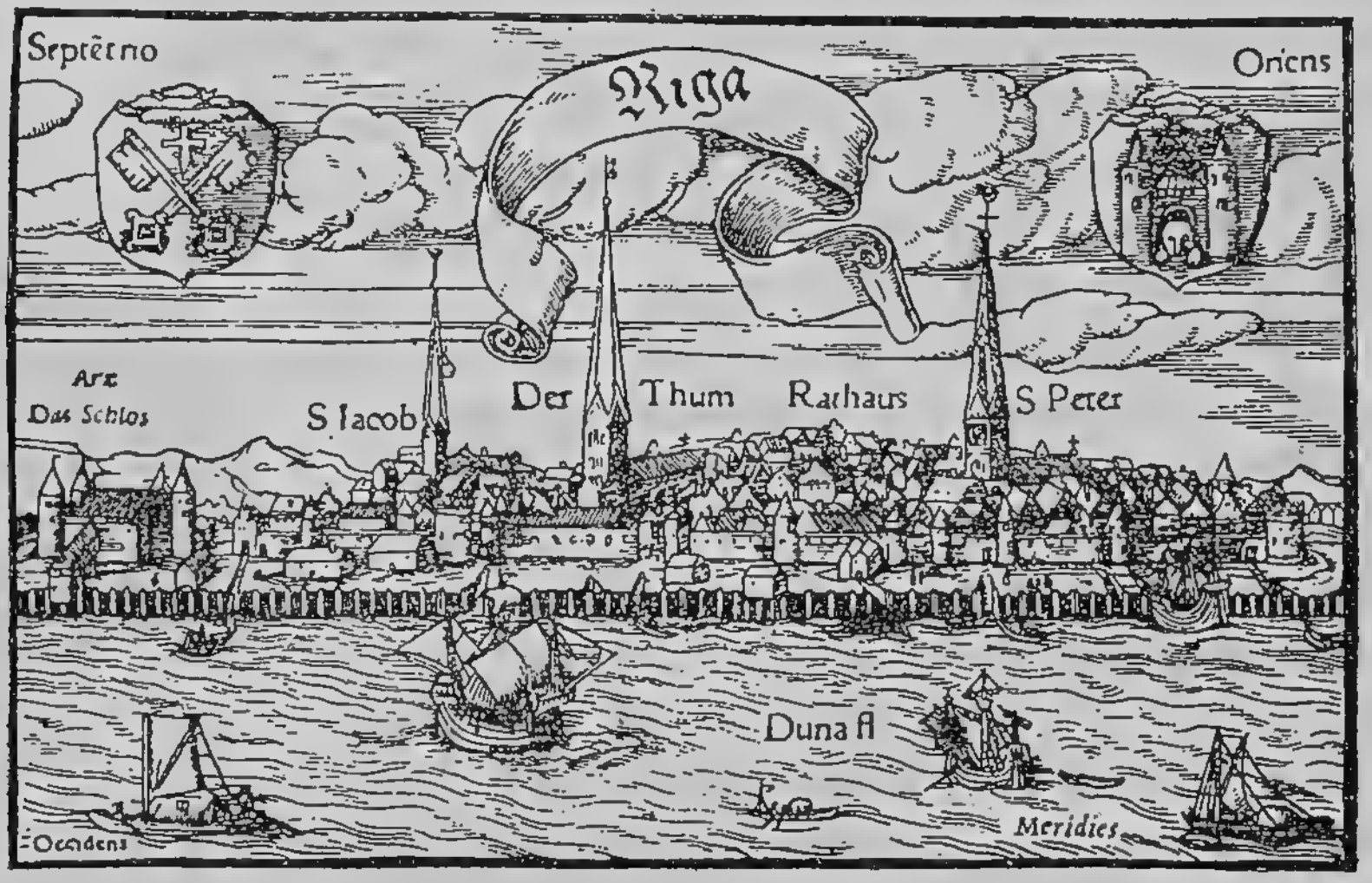
76. Печать города Вендена.

Единственнымъ объединяющимъ звеномъ перечисленныхъ четырехъ установленій въ XVI вѣкѣ были, такъ называемые, общіе съѣзды или ландтаги, собиравшіеся обыкновенно въ городѣ Вольмарѣ и не приводившіе по большей части ни къ какому соглашенію, въ виду крупныхъ раздоровъ, раздѣлявшихъ между собой различныя сословія Нѣмцевъ.

Лютеранство, появившееся въ это время въ Ливоніи, еще болѣе усилило общее раздѣленіе и взаимную ненависть. Новое ученіе пріобрѣло себѣ наибольшее количество приверженцевъ у городскихъ жителей, среди которыхъ развилось къ нему такое усердіе и вмѣстѣ съ тѣмъ такая нетерпимость къ другимъ исповѣданіямъ, что они стали разрушать храмы, какъ Латинскіе, такъ и Православные. Конечно, противъ лютеранства сильно вооружились Ливонскія духовныя власти; что же касается до рыцарей, какъ принадлежавшихъ къ Ордену Меченосцевъ, такъ и свѣтскихъ, то они относились къ новому ученію очень сочувственно, такъ какъ считали его болѣе подходящимъ къ своимъ нравамъ. Вообще, «вся страна, въ это время представляла печальное и отталкивающее зрѣлище», говоритъ одинъ Польскій писатель: «прежній воинственный духъ рыцарей исчезъ, не замѣнившись гражданскими доблестями». Самая страшная распущенность нравовъ царила какъ среди нихъ, такъ и среди духовенства, распространившись затѣмъ на горожанъ и на сельское населеніе. Всѣ предава-

лись пьянству въ чрезмѣрныхъ размѣрахъ, и для питья пива, говоритъ Ливонскій лѣтописецъ, употреблялись такія кружки и чаши, въ которыхъ можно было дѣтей крестить; вмѣстѣ съ тѣмъ, Ливонскіе Нѣмцы облагали своихъ крестьянъ чрезмѣрными поборами, стараясь суровыми мѣрами получить съ нихъ какъ можно больше доходовъ, причемъ о жестокомъ, мстительномъ нравѣ Нѣмецкихъ бароновъ свидѣтельствуютъ многіе человѣческіе остовы, находимые въ Ливонскихъ замкахъ, отъ замуравленныхъ, въ былое время, въ стѣнахъ людей или прикованныхъ къ цѣпямъ въ подземельяхъ.

Конечно, эта внутренняя слабость Ливоніи въ связи съ крайней враждебностью къ Московскому Государству и кощунственнымъ разграбленіемъ



77. Видъ Риги.

Изъ Нѣмецкой „Космографіи" Себастіана Мюнстера, изданія 1550 года.

Православныхъ церквей, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ Ливонскій лѣтописецъ, въ Дерптѣ, Ревелѣ, Ригѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, заставила Іоанна обратить свой взоръ на нее, тѣмъ болѣе, что Балтійское побережье, столь намъ необходимое, было исконнымъ владѣніемъ Русской Земли, потерянным нами въ тяжкія времена междукняжескихъ усобицъ.

Въ 1553 году окончился срокъ пятидесятилѣтняго перемирія между Москвой и Орденомъ, причемъ послы послѣдняго стали просить о его продленіи еще на 15 лѣтъ. Государь чрезъ Алексѣя Адашева потребовалъ уплаты за истекшія 50 лѣтъ дани съ Юрьевской волости, изстари установленной договорными грамотами между Русскими и Нѣмцами. Орденскіе послы отговаривались сначала своимъ незнаніемъ объ таковой дани, но затѣмъ написали перемирную грамоту, включивъ въ нее эту дань (по Нѣмецкой гривнѣ съ каждаго человѣка), съ обѣщаніемъ уплатить и недоимку

за прошлые годы; кромѣ того, по той же грамотѣ, они обязывались очистить разграбленныя Русскія церкви, не помогать Польшѣ и Литвѣ противъ Москвы, и допускать къ намъ свободный проѣздъ иностранныхъ купцовъ.

Однако, когда послы вернулись въ Ливонію, то тамъ не хотѣли исполнить требованій Іоанна, который, по свидѣтельству ихъ лѣтописца, послалъ имъ бичъ, какъ знакъ исправленія, и слѣдующее письмо: «Необузданные Ливонцы, противящіеся Богу и законному правительству! вы перемѣнили вѣру, свергнули иго императора и папы Римскаго: если они могутъ сносить отъ васъ презрѣніе и спокойно видѣть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мнѣ и моему Богу. Богъ посылаетъ во мнѣ вамъ мстителя, который приведетъ васъ въ послушаніе». Вслѣдъ за этимъ, въ Ливонію прибылъ посолъ Новгородскихъ намѣстниковъ келарь Терпигоревъ, который потребовалъ, чтобы перемирный договоръ былъ скрѣпленъ безотлагательно; скрѣпа эта въ тѣ времена производилась такъ: скрѣпляющій договоръ, въ данномъ случаѣ епископъ Юрьевскій, долженъ былъ отрѣзать отъ грамоты посольскія печати и вмѣсто нихъ привѣсить къ ней свою и магистра Ордена.

78. Развалины Вольмара.

Опасаясь гнѣва Іоанна, а вмѣстѣ съ тѣмъ не желая подтверждать скрѣпой обязательства о ежегодномъ платежѣ Юрьевской дани, Нѣмцы рѣшили насъ обмануть, полагаясь на простоту Терпигорева и самого Государя, а именно: требуемыя печати привѣсить, но объявить Терпигореву, что для окончательнаго рѣшенія дѣла, они передаютъ договоръ на усмотрѣніе ихъ верховнаго владыки, Германскаго императора; Терпигоревъ, однако, отлично понялъ ихъ хитрость и отвѣчалъ имъ: «А какое дѣло моему Государю до императора? Не станете ему дани платить, онъ самъ ее возьметъ».

Срокъ для уплаты дани былъ назначенъ трехлѣтній. Когда онъ истекъ, Ливонскіе послы прибыли въ 1557 году въ Москву, но не съ деньгами, а съ просьбой сложить съ нихъ эту дань. Іоаннъ не велѣлъ ихъ пускать себѣ на глаза и приказалъ отвѣтить, что онъ самъ будетъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской Землѣ за ея неисправленіе. Послы поѣхали домой и по дорогѣ видѣли, что Русскіе усиленно готовятся къ войнѣ: строились мосты, чинились пути къ западной границѣ, тянулись большіе обозы

съ военными и съѣстными припасами; вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь приказалъ строить въ устьѣ Нарвы, ниже Ивангорода, «корабельное пристанище», или гавань.

Тогда испуганные Нѣмцы, въ декабрѣ того же 1557 года, прислали новое посольство съ предложеніемъ внести сейчасъ же часть слѣдуемой дани; однако, когда Іоаннъ на это согласился, то денегъ у нихъ не оказалось. Убѣдившись, что Нѣмцы только тянутъ время, и безъ сомнѣнія узнавъ также, что они уже заключили оборонительно-наступательный союзъ съ Литвою въ явное нарушеніе перемирной грамоты, Государь, въ январѣ 1558 года, приказалъ вторгнуться въ Ливонію нашимъ войскамъ, собраннымъ во Псковѣ подъ начальствомъ бывшаго Казанскаго царя Шигъ-Алея, воеводы князя Михаила Васильевича Глинскаго, дяди Государя, брата Царицы—Даніила Романовича Захарьина и другихъ. Воеводамъ былъ данъ наказъ—не тратить время на осаду крѣпкихъ замковъ и городовъ, а пройти нѣсколькими отрядами страну до Ревеля и Риги, производя всюду опустошенія, по обычаю тѣхъ временъ. Этотъ походъ окончился полнымъ успѣхомъ; Нѣмцы пытались кое-гдѣ обороняться, но вездѣ были безъ труда побиваемы за своею малочисленностью. Наши же вернулись во Псковъ съ богатѣйшей добычей.

79. Ливонскіе шлемы.

Изъ „Собранія Древностей Государства Россійскаго“ Ѳ. Г. Солнцева.

Бывшій въ числѣ воеводъ,князь Андрей Курбскій говоритъ по поводу этого похода: «Земля была богатая, а жители въ ней гордые; отступили они отъ вѣры христіанской, отъ обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотеческихъ, ринулись всѣ на широкій и пространный путь, на пьянство, невоздержаніе, на долгое спанье, лѣнь, на неправды и кровопролитіе междуусобное». Ливонскій лѣтописецъ тоже смотрѣлъ на этотъ карательный походъ, предпринятый Іоанномъ, какъ на справедливое возмездіе; по его словамъ, развратъ въ странѣ дошелъ до такой степени, что его не стыдились, но гордились имъ, причемъ правители подавали примѣръ подчиненнымъ.

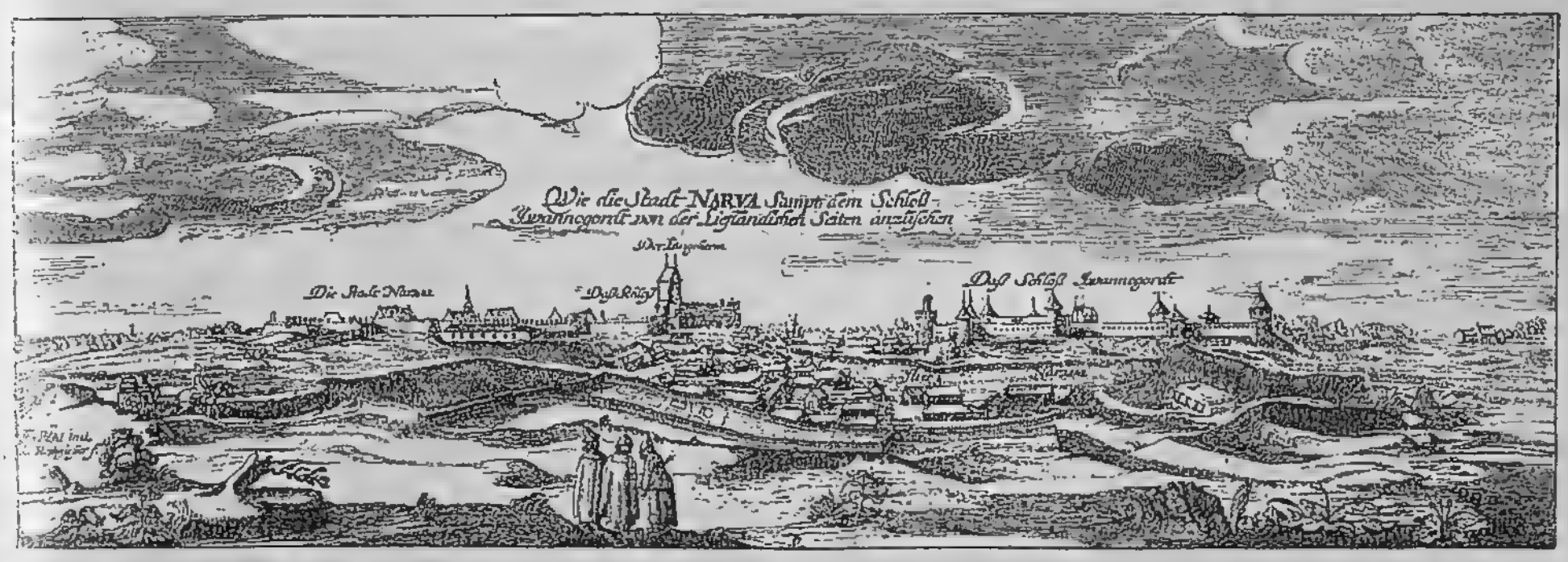
Выйдя изъ Ливоніи, Шигъ-Алей и воеводы отправили магистру грамоту, въ которой говорили, что Государь послалъ ихъ наказать Нѣмцевъ за неисправленіе и клятвопреступленіе, но если они покаются, то Іоаннъ готовъ дать имъ миръ.

Магистръ Фюрстенбергъ не замедлилъ послать просить опасной грамоты для пословъ, во главѣ коихъ онъ рѣшилъ отправить своего родного

брата. Узнавъ объ этомъ, Государь тотчасъ же приказалъ выдать эту грамоту и пріостановить всѣ военныя дѣйствія, пока будутъ идти переговоры.

Но не успѣли Ливонскіе послы доѣхать до Москвы, какъ сами же Ливонцы нарушили наступившій перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Былъ великій постъ, и въ Ивангородѣ, выстроенномъ, какъ мы помнимъ, Іоанномъ III противъ Нарвы—Русскіе люди усердно посѣщали церковныя службы, въ то время какъ Нарвскіе Нѣмцы, принявшіе лютеранство, пили пиво и веселились. Съ Нарвской башни была видна вся внутренность Ивангорода, и вотъ пьяные Нѣмцы стали для потѣхи осыпать картечными выстрѣлами изъ пушекъ Православныхъ людей, собравшихся въ храмѣ Божіемъ, причемъ нѣкоторыхъ убили. Русскіе на выстрѣлы не отвѣчали, но тотчасъ же послали донесеніе объ этомъ Государю. Іоаннъ приказалъ стрѣлять по Нарвѣ, но только изъ одного Ивангорода. Огонь



80. Городъ Нарва и лежащій противъ него Ивангородъ.

Изъ книги XVII вѣка: „Описаніе путешествія въ Московію Адама Олеарія".

нашихъ пушекъ былъ такъ дѣйствителенъ, что скоро Нарвскіе граждане запросили пощады, обвиняя въ нарушеніи перемирія своего «князьца» (правителя), и предложили перейти подъ власть Москвы, для чего снарядили особое посольство къ Іоанну. Узнавъ объ этомъ, Государь тотчасъ же приказалъ прекратить стрѣльбу по городу и для пріема его отправилъ Алексѣя Басманова и Даніила Адашева. Но въ это время въ городъ успѣло войти 1.000 человѣкъ, присланныхъ магистромъ въ подкрѣпленіе, и Нарвцы, ободренные этимъ, стали отпираться отъ собственнаго своего посольства къ Царю.

Однако, городъ все-таки перешелъ въ наши руки. 11 мая въ немъ вспыхнулъ страшный пожаръ, возникшій слѣдующимъ образомъ: одинъ Нѣмецъ, въ домѣ котораго останавливались Русскіе купцы, нашелъ икону Божіей Матери; чтобы насмѣяться надъ нею, онъ бросилъ ее въ огонь подъ котелъ, въ которомъ варилъ пиво; внезапно вспыхнуло огромное пламя, взвившееся до потолка, немедленно же загорѣвшагося; въ то же время

налетѣлъ вихрь и разнесъ огонь во всѣ стороны, произведя ужаснѣйшее смятеніе среди жителей. Видя это, Русскіе люди въ Ивангородѣ рѣшили тотчасъ же воспользоваться благопріятнымъ случаемъ; храбрые войска наши кинулись черезъ рѣку къ пылающей Нарвѣ: кто плылъ въ лодкахъ, кто на бревнѣ или доскѣ; они увлекли за собой воеводъ и послѣ жестокаго боя—взяли ее, вмѣстѣ съ Вышгородомъ или кремлемъ, гдѣ сидѣлъ гарнизонъ, выпущенный по условію сдачи на свободу. Жители же Нарвы присягнули Іоанну. Конечно, Государь былъ крайне обрадованъ пріобрѣтеніемъ столь важнаго города; онъ далъ жалованную грамоту гражданамъ и вернулъ въ Нарву всѣхъ ранѣе взятыхъ плѣнниковъ, бывшихъ изъ нее родомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тотчасъ же послалъ изъ Новгорода священниковъ, для сооруженія здѣсь двухъ Православныхъ церквей и постановилъ въ одну изъ нихъ чудотворную икону Божіей Матери, кинутую Нѣмцемъ въ огонь и найденную невредимой.

81. Развалины Ивангорода.

Вслѣдъ за этимъ успѣхомъ — послѣдовало взятіе нашими войсками крѣпкаго замка Нейшлота, при истокѣ Нарвы изъ Чудскаго озера, и города Везенберга, древняго Раковора, гдѣ Русскіе люди одержали въ 1268 году свою знаменитую побѣду надъ Нѣмцами.

При этихъ обстоятельствахъ, когда въ Москву прибыли большіе Ливонскіе послы, Іоаннъ потребовалъ уже подданства всей ихъ Земли и, отправивъ ихъ домой, рѣшилъ продолжать войну съ тѣмъ, чтобы приступить къ совершенному покоренію Ливоніи. Конечно, испытанныя во многихъ бояхъ, храбрыя Русскія войска давали ему полную надежду на успѣхъ, и дѣйствительно, въ войскахъ нашихъ царилъ удивительный порядокъ и послушаніе, возбуждавшіе удивленіе Ливонскихъ лѣтописцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ни у одного Европейскаго Государя не было тогда такого огромнаго количества пушекъ, какъ у Іоанна. Англичанинъ Дженкинсонъ разсказываетъ, что въ 1557 году онъ присутствовалъ на ученіи Русской артиллеріи и любовался нашими пушкарями, которые отличались другъ передъ другомъ въ быстротѣ и вѣрности прицѣла изъ орудій.

Часть Московскихъ войскъ, назначенныхъ для завоеванія Ливоніи, дѣйствовала къ сѣверу отъ Чудского озера въ Эстляндіи, а другая часть, подъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, двинулась изъ Пскова мимо южной

оконечности Чудскаго озера и осадила крѣпчайшій пограничный замокъ Нейгаузенъ, который взяла послѣ мѣсячныхъ усилій; при этомъ, магистръ Ордена Фюрстенбергъ, находившійся въ 30 верстахъ отъ Нейугаузена съ 8.000-нымъ отрядомъ, укрытый рвами и болотами, и не думалъ идти на помощь осажденнымъ; когда же онъ узналъ, что Нейгаузенъ взятъ, то поспѣшилъ отступить къ Валку, открывъ Русскимъ путь къ Юрьеву или Дерпту. Здѣсь было собрано по призыву епископа мѣстное рыцарство; но, какъ только въ Дерптъ пришла вѣсть о приближеніи Русскихъ, большинство этихъ рыцарей поспѣшило покинуть городъ, а между жителями его, католиками и лютеранами, возникла жестокая распря, при чемъ первые упрекали вторыхъ, что нашествіе Русскихъ ниспослано на Ливонію въ наказаніе за отступленіе отъ Латинской вѣры.

Дерптскій городской голова Антоній Тиле, человѣкъ мужественный и великодушный, со слезами на глазахъ умолялъ гражданъ напрячь всѣ ихъ усилія для обороны города и предлагалъ пожертвовать всѣмъ ихъ состояніемъ, во имя общаго дѣла, чтобы на вырученныя деньги нанять войско для борьбы съ Русскими. Но его никто не послушалъ.

Къ городу, между тѣмъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, подошелъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Дерптскій епископъ съ 2.000 наемныхъ Нѣмецкихъ солдатъ и частью гражданъ защищались

82. Развалины Везенберга.

вначалѣ довольно мужественно и сдѣлали нѣсколько вылазокъ; однако, видя, что осадныя работы Русскихъ безостановочно подвигаются впередъ, и стрѣльба нашихъ орудій производитъ въ городѣ большія разрушенія, осажденные вынуждены были вступить съ Шуйскимъ въ переговоры о сдачѣ, послѣ того какъ на свою просьбу о помощи, обращенную къ магистру, ими былъ полученъ отказъ. Шуйскій обѣщалъ жителямъ большія милости при добровольной сдачѣ города, грозя не оставить въ живыхъ и ребенка, если вынужденъ будетъ брать его приступомъ. Прикативъ

туры къ самымъ стѣнамъ и заложивъ подъ ними подкопъ, онъ объявилъ гражданамъ, что даетъ два дня на размышленіе, а на третій пойдетъ на приступъ.

Это подѣйствовало и городъ сдался князю Петру Шуйскому, мужу, по словамъ Ливонскаго лѣтописца, добролюбивому, честному и съ благородной душой, причемъ сдача эта была произведена на крайне выгодныхъ для жителей условіяхъ: они получали полную свободу, какъ личную, такъ и своего исповѣданія, старое городское управленіе и право безпошлинной торговли съ Русскими. По свидѣтельству самихъ Нѣмцевъ, когда войско наше вошло въ городъ, то въ немъ царилъ удивительный порядокъ и не было случая хотя бы малѣйшаго насилія или какой-либо несправедливости по отношенію къ Нѣмцамъ. Шуйскій объявилъ, что домъ его и уши всегда будутъ отворены для всякаго обиженнаго. Государь одобрилъ, за малымъ исключеніемъ, договоръ, заключенный Шуйскимъ съ жителями Дерпта, приказавъ называть его по старому Юрьевымъ, а льготы, данныя этому городу, распространилъ и на Нарву. Такое великодушіе произвело, конечно, огромнѣйшее впечатлѣніе на остальные Ливонскіе города и около двадцати изъ нихъ выразили покорность Москвѣ до наступленія осени.

83. Развалины Нейгаузена.

Шуйскій предложилъ сдаться и Ревелю, но Ревельцы отъ этого отказались; затѣмъ, съ наступленіемъ холоднаго времени, войска наши, оставя гарнизоны во взятыхъ городахъ и замкахъ, вернулись домой.

Между тѣмъ Ливонцы, въ виду полной неспособности престарѣлаго магистра Фюрстенберга, передали начальствованіе надъ ихъ войсками его молодому племяннику Готгарду Кетлеру, который, узнавъ, что князь Шуйскій ушелъ на зиму домой, собралъ 10 тысячъ человѣкъ, и пошелъ съ ними брать обратно Юрьевъ; но на пути къ Юрьеву онъ былъ задержанъ сопротивленіемъ замка Рингена, въ коемъ засѣло девяносто нашихъ храбрецовъ, подъ начальствомъ боярскаго сына Руссика Игнатьева. Кетлеръ въ теченіи пяти недѣль осаждалъ замокъ, и потерялъ при этомъ 2.000 чело-

вѣкъ; только когда Русскими былъ разстрѣлянъ весь порохъ, оставшіеся въ живыхъ герои принуждены были къ сдачѣ, причемъ Кетлеръ безпощадно всѣхъ ихъ перебилъ.

Затѣмъ, несмотря на всѣ усилія, взять Юрьевъ Кетлеру не удалось, и онъ долженъ былъ отойти отъ него, такъ какъ узналъ о движеніи новой большой Русской рати, вступившей съ началомъ 1559 года въ Ливонію подъ предводительствомъ князя Микулинскаго, и двинувшейся по обоимъ берегамъ Двины; рать эта доходила до самой Риги и весной вернулась въ наши предѣлы съ огромной добычей. Кетлеръ не отважился вступить съ нею въ бой, но всѣми силами старался привлечь на сторону Ливоніи защитниковъ и обратился за помощью къ Германскому императору и къ королямъ Даніи, Швеціи и Польши, которые и отправили свои посольства

84. Видъ города Дерпта (Юрьева) въ 1553 году.

Съ современнаго изображенія

къ Іоанну съ ходатайствами за Ливонію. Въ это время какъ разъ, вниманіе послѣдняго было отвлечено Крымцами, и поэтому онъ согласился на шестимѣсячное перемиріе съ Ливоніей.

Въ теченіе же этого перемирія Кетлеру, вмѣстѣ съ Рижскимъ епископомъ, удалось заключить важный договоръ съ Польско-Литовскимъ королемъ. По этому договору Ливонія отдавалась подъ его покровительство, а Сигизмундъ-Августъ обязанъ былъ защищать ее противъ Русскихъ и получилъ въ залогъ нѣсколько замковъ, въ томъ числѣ и Динабургъ, нынѣшній Двинскъ, которые весной слѣдующаго 1560 года были заняты Литовскимъ воеводою Николаемъ Радзивилломъ Рыжимъ. Противъ Русскихъ же, Сигизмундъ-Августъ свои войска не двигалъ подъ предлогомъ, что перемиріе съ нами оканчивается только въ 1564 году. Между тѣмъ

Кетлеръ, нанявъ на занятыя имъ деньги нѣсколько тысячъ наемнаго войска изъ Германіи, двинулся за мѣсяцъ до окончанія своего перемирія съ Москвой, осенью 1559 года,—къ Юрьеву, нечаянно напалъ на стоявшій близъ города отрядъ Плещеева и разбилъ его; но на этомъ вѣроломномъ нападеніи, успѣхи Нѣмцевъ и окончились.

Въ Юрьевѣ сидѣлъ доблестный воевода князь Андрей Катыревъ-Ростовскій; онъ заключилъ всѣхъ опасныхъ гражданъ подъ стражу, встрѣтилъ Нѣмцевъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ и сдѣлалъ стремительную вылазку изъ города. Скоро среди Кетлеровыхъ наемниковъ, которыхъ постоянно тревожили Русскіе, поднялось недовольство и онъ сталъ отхо-

85. Развалины собора Ливонцевъ въ Дерптѣ (Юрьевѣ).

дить, причемъ рѣшилъ, что, по крайней мѣрѣ, отниметъ у насъ замокъ Лаисъ, гдѣ было всего 400 человѣкъ Русскаго гарнизона; онъ осадилъ его, поставилъ туры, разбилъ стѣну и повелъ войска на приступъ. Но Русскіе воины, подъ начальствомъ неустрашимаго стрѣлецкаго головы Кошкарова, дрались какъ львы и со славой отбили всѣ приступы Нѣмцевъ, Кетлеръ же, потерявъ множество народа, долженъ былъ отойти въ Вендену, какъ побѣжденный. «Сія удивительная защита Лаиса,—говоритъ Н. М. Карамзинъ,—есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣяній воинской исторіи древнихъ и новыхъ временъ, если не число дѣйствующихъ, а доблесть ихъ опредѣляетъ цѣну подвиговъ».

Узнавъ о предательскомъ нарушеніи перемирія Кетлеромъ, Іоаннъ послалъ новую рать въ Ливонію подъ начальствомъ князей Мстиславскаго,

Петра Шуйскаго и Василія Серебрянаго, которые въ началѣ 1560 года выступили въ походъ и начали его очень удачно. Ливонія запылала вновь. «Скоро начали сдаваться крѣпости; . . . . . всюду царило малодушіе и предательство: съ этимъ согласны даже Нѣмецкіе лѣтописцы»— говоритъ одинъ Польскій писатель.

Положеніе Ливоніи было отчаянное. Русскіе, послѣ взятія Маріенбурга, опустошили ее до моря. Крестьяне во многихъ мѣстахъ поднимали мятежъ противъ своихъ господъ, а нѣкоторые наемные отряды, не получая жалованья, бунтовали и нерѣдко сами сдавали намъ крѣпости. Весною Іоаннъ отправилъ на усиленіе войскъ, дѣйствовавшихъ въ Ливоніи, двухъ близко стоявшихъ къ нему людей: князя Андрея Курбскаго и Даніила Адашева. По словамъ перваго, Государь призвалъ его къ себѣ въ спальню, перечислилъ всѣ его доблести и сказалъ: «Мнѣ-ли самому ѣхать въ Ливонію, или вмѣсто себя послать воеводу опытнаго, бодраго, смѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумнаго; избираю тебя, моего любимаго—иди и побѣждай».

86. Николай V Радзивиллъ Рыжій.

Снимокъ со сгорѣвшаго современнаго изображенія, приведенный въ рѣдчайшей книгѣ на Латинскомъ языкѣ: „Иконографія княжескаго рода Радзивилловъ“, изданной Ф. Вобе въ 1758 году съ рисунками, воспроизводящими древніе портреты Несвижскаго замка.

Въ маѣ, воеводы наши выступили изъ Юрьева. Они настигли Нѣмецкія главныя силы, съ которыми былъ и старый Фюрстенбергъ, недалеко отъ Бѣлаго Камня или Вейссенштейна, сразились съ ними въ самую полночь, и нанесли страшное пораженіе; Фюрстенбергъ едва успѣлъ бѣжать, чтобы запереться въ сильнѣйшей крѣпости Феллинѣ, куда наши войска не замедлили отправиться вслѣдъ. Одинъ изъ Нѣмецкихъ военачальниковъ, Филиппъ

Белль, человѣкъ большой доблести—вздумалъ задержать наступленіе Русскихъ близъ Феллина, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Цѣня его мужество,

87. Печать города Дерпта.

воеводы наши не послѣдовали примѣру Кетлера, варварски избившаго доблестныхъ защитниковъ Рингена, но отнеслись къ Беллю съ величайшимъ уваженіемъ. Белль, по словамъ Курбскаго, такъ объяснялъ несчастіе Ливоніи: «Когда мы пребывали въ католической вѣрѣ, жили умѣренно и цѣломудренно, тогда Господь вездѣ насъ покрывалъ отъ враговъ нашихъ и помогалъ намъ во всемъ. А теперь, когда мы отступили отъ вѣры церковной, дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, приняли вѣру новоизобрѣтенную, вдались въ невоздержаніе... теперь явственно обличаетъ насъ Господь за грѣхи наши и казнитъ насъ за беззаконіе наше»...

Подойдя къ Феллину, войска наши немедленно приступили къ его осадѣ; толстѣйшія стѣны крѣпости не поддавались дѣйствію Русскихъ орудій, запасовъ у осажденныхъ было въ изобиліи и осада могла продолжаться очень долго. Однако, спустя три недѣли, Нѣмецкіе наемники, не получая въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ жалованья, рѣшили сдать крѣпость Русскимъ, не взирая на мольбы старца Фюрстенберга—продолжать ея защиту, и на раздачу имъ всѣхъ своихъ сокровищъ. Русскіе вошли въ Феллинъ, а Фюрстенбергъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ его очень милостиво принялъ Іоаннъ и далъ ему на кормленіе Ярославскій городокъ Любимъ, въ которомъ онъ и кончилъ свой вѣкъ. Храбрый Филиппъ Белль былъ также отправленъ въ Москву, но судьба его сложилась иначе. Представленный Іоанну, онъ сурово сказалъ ему: «Ты неправдой и кровопролитіемъ овладѣваешь нашимъ отечествомъ, не такъ, какъ прилично царю Христіанскому», за что разгнѣванный Государь сгоряча приказалъ отрубить ему голову; онъ скоро одумался и послалъ отмѣнить казнь, но было уже поздно.

Послѣ Феллина пало еще нѣсколько крѣпостей и Ливонія была приведена въ такое разстроенное состояніе, что дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія она продолжать уже не могла.

Однако, чрезвычайные успѣхи Іоанна въ этой войнѣ были все же недостаточны для ея окончанія. Громъ Московскихъ побѣдъ привлекъ на себя вниманіе всей Европы, въ которой нашлось много охотниковъ получить себѣ часть въ государствѣ, для существованія котораго пробилъ смертный часъ. «Теперешняя Ливонія,—что дѣвица, вокругъ которой всѣ пляшутъ»,—говорилъ про нее одинъ изъ современниковъ.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ изложенію новыхъ, весьма сложныхъ событій дальнѣйшей борьбы изъ-за стремленія Іоанна — стать твердой ногой на Балтійскомъ побережьи съ цѣлью войти въ непосредственную связь съ Западной Европой, а также и къ разсказу о не менѣе сложной и крупной перемѣнѣ, произошедшей въ самомъ Государѣ, необходимо упомянуть о томъ, какъ одно изъ Западно - Европейскихъ государствъ само добивалось въ это время завязать непосредственныя сношенія съ Москвой.

Государство это была Англія. Соперничая съ могущественными морскими державами того времени—Испаніей, Португаліей, Венеціей и Генуей, обладавшими огромными военными и торговыми флотами, Англія, въ по-

88. Развалины Феллина.

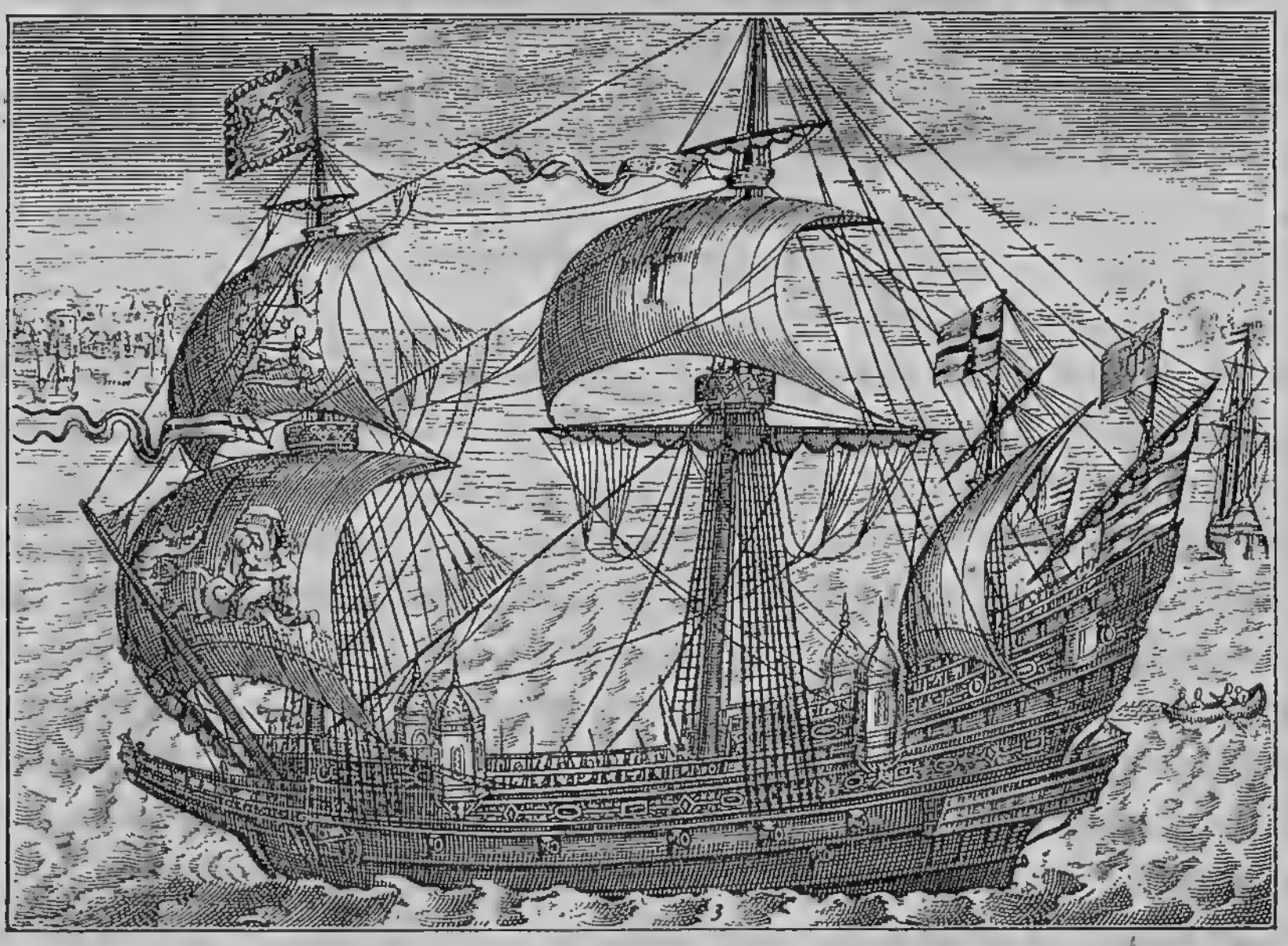
искахъ новыхъ странъ для развитія своей торговли, отправила въ 1553 году три купеческихъ корабля въ Сѣверныя моря, въ надеждѣ найти новые пути въ Китай и Индію. Буря разнесла эти корабли и два изъ нихъ погибло у береговъ Русской Лапландіи, причемъ ихъ самоотверженный начальникъ, Гуго Виллогби, былъ найденъ впослѣдствіи замерзшимъ въ шалашѣ, сидя за своимъ журналомъ. Третій же корабль капитана Ченслера вошелъ въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу у монастыря Святого Николы, гдѣ нынѣ расположенъ городъ Архангельскъ. Доставленный по повелѣнію Государя въ Москву, Ченслеръ со своими спутниками былъ торжественно принятъ Іоанномъ и подалъ ему, написанную Англійскимъ королемъ Эдуардомъ Шестымъ, грамоту на разныхъ языкахъ: «ко всѣмъ Сѣвернымъ и Восточнымъ Государямъ», въ которой онъ просилъ радушно принять его подданныхъ и оказывать имъ содѣйствіе для установленія торговыхъ сношеній.

89. Эдуардъ VI, король Англіи.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Англійской Національной галлереѣ въ Лондонѣ.

Обласканный Іоанномъ, Ченслеръ отбылъ въ Англію и возбудилъ тамъ живѣйшее любопытство къ Московскому Государству, о которомъ говорилъ какъ о вновь открытой странѣ; онъ разсказывалъ о великолѣпіи Царскаго двора, о величественной наружности нашего Государя и объ огромныхъ богатствахъ мѣхами и другими произведеніями Русской Земли.

Преемники Эдуарда, его сестра королева Марія Тюдоръ и мужъ ея Филиппъ, сынъ Карла V, впослѣдствіи знаменитый Испанскій король,—отправили въ 1555 году того же Ченслера уже посломъ къ Іоанну, для заключенія торговаго договора съ нами. Государь опять принялъ Ченслера крайне милостиво, нѣсколько разъ звалъ его къ столу, обыкновенно сажая передъ собой, и далъ жалованную



90. Англійскій корабль половины XVI столѣтія.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

грамоту Англичанамъ, по которой они могли безпошлинно торговать по всей Землѣ, нанимать Русскихъ работниковъ, судиться между собою при посредствѣ выбранныхъ ими же изъ своей среды старшинъ, и другія льготы. Главнымъ складочнымъ мѣстомъ для ихъ товаровъ были назначены Холмогоры, куда Англичане привозили свои товары, преимущественно сукно и сахаръ.

Въ Англію Ченслеръ отбылъ въ 1556 году, съ четырьмя богато нагруженными судами и съ Государевымъ посланникомъ, Вологодскимъ намѣстникомъ Іосифомъ Непѣею, везшимъ драгоцѣннѣйшіе дары отъ Іоанна—Маріи и Филиппу.

91. Король Филиппъ II Испанскій, супругъ королевы Маріи Тюдоръ.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Англійской Національной галлереѣ въ Лондонѣ.

92. Марія Тюдоръ, королева Англіи.

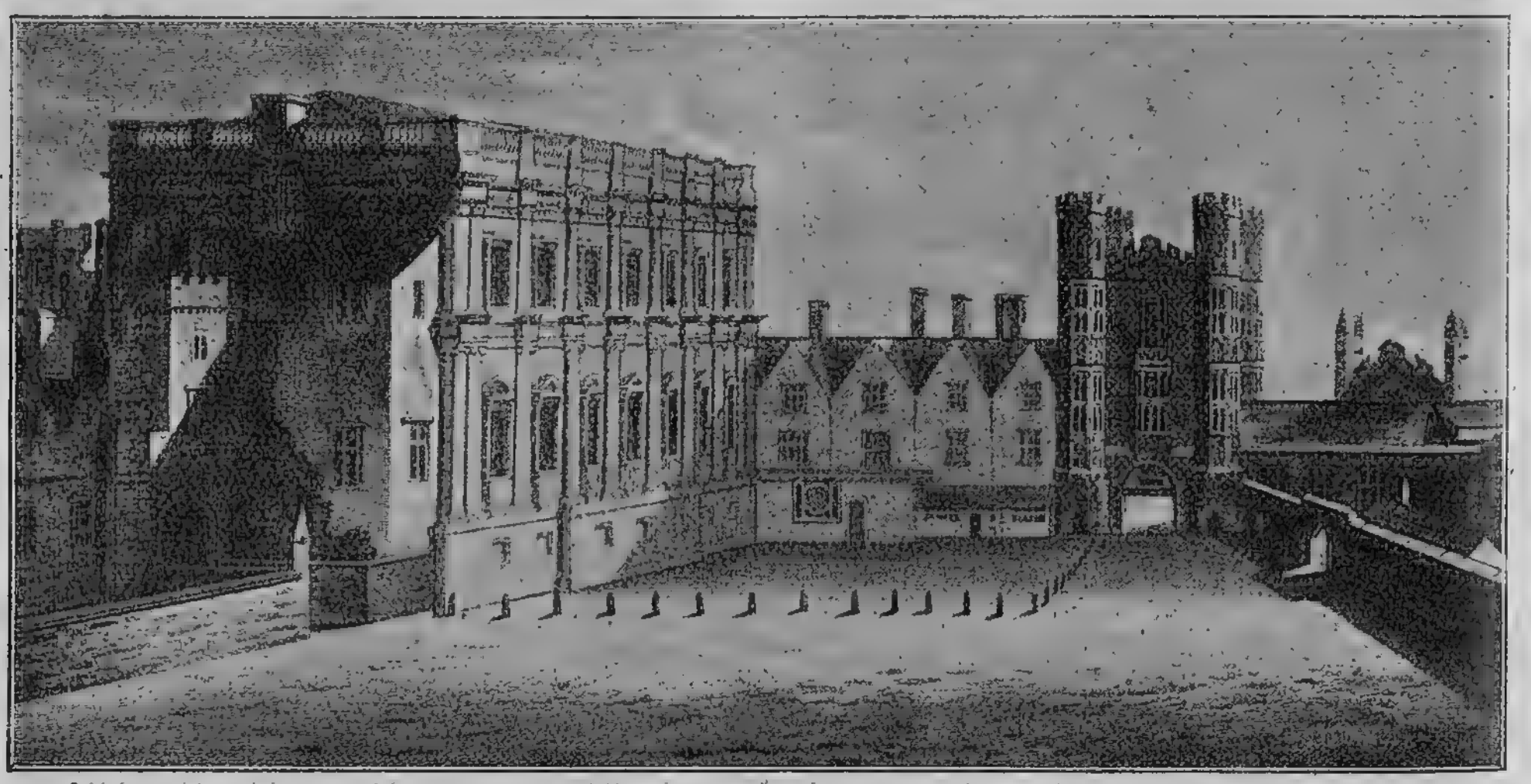
Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Англійской Національной галлереѣ въ Лондонѣ.

Къ несчастію, Ченслеръ и три корабля погибли во время бури, но Непѣя благополучно прибылъ въ Лондонъ. Знатные государственные сановники и сто сорокъ купцовъ со множествомъ слугъ, всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, выѣхали ему навстрѣчу. Онъ сѣлъ на великолѣпно украшеннаго коня и торжественно совершилъ свой въѣздъ въ городъ, привѣтствуемый громкими кликами жителей, толпившихся по улицамъ. Ему былъ отведенъ одинъ изъ лучшихъ домовъ, «гдѣ богатство уборовъ,—говоритъ Н. М. Карамзинъ,—отвѣчало роскоши ежедневнаго угощенія; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя; то звали его на пиры, то водили его обозрѣвать всѣ достопримѣчательности Лондона: дворцы, храмъ Святого Павла,

Вестминстеръ *)», и древній замокъ или Тауэръ. «Принятый Маріей съ отмѣннымъ благоволеніемъ, Непѣя въ торжественный день Ордена

93. Старая пристань города Лондона на рѣкѣ Темзѣ. Зданіе съ высокими башнями въ лѣвомъ углу рисунка—знаменитый замокъ Тауэръ, выстроенный въ XI вѣкѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.



94. Дворецъ Уайтголлъ въ Лондонѣ; въ немъ имѣли пребываніе Англійскіе короли въ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ.

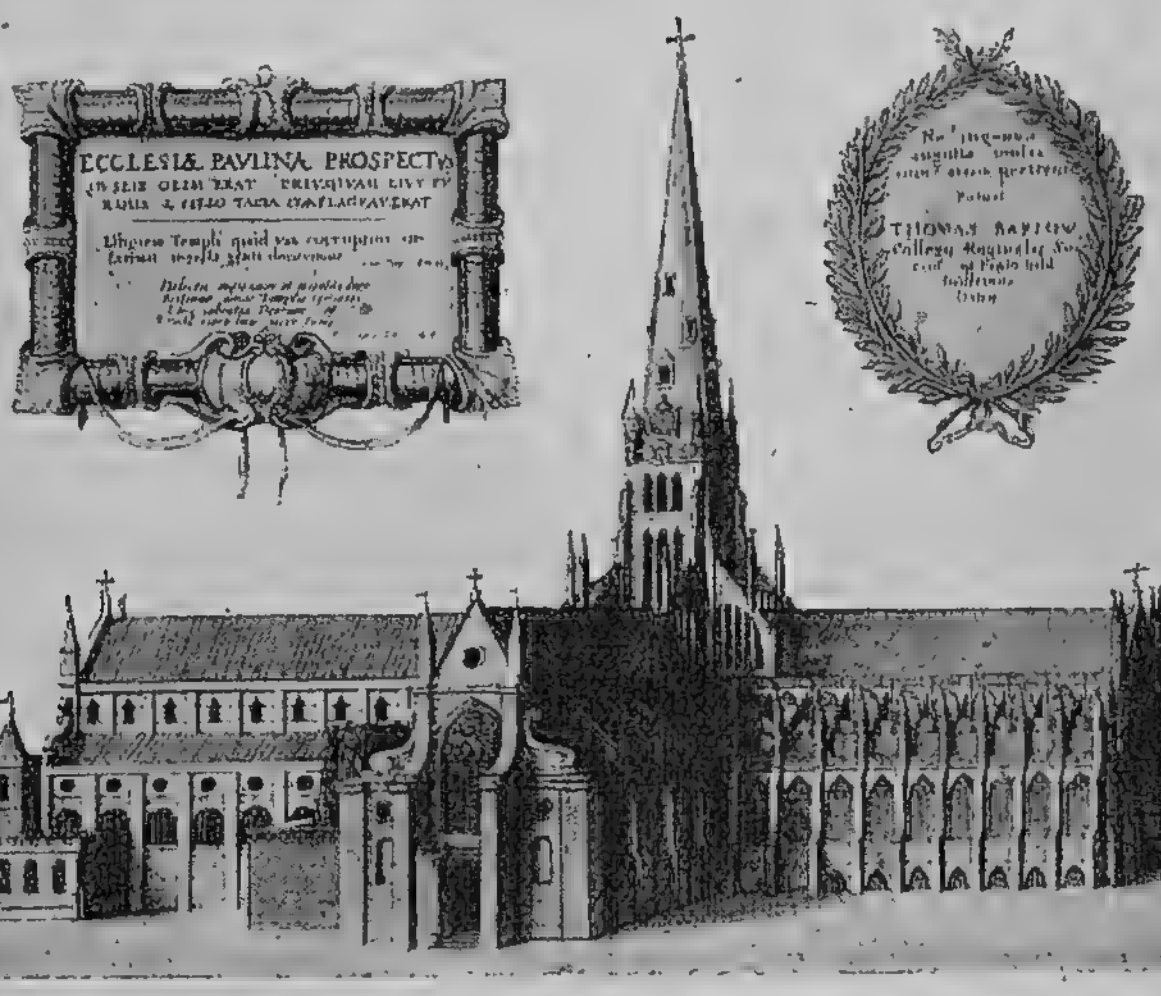
---

*) Вестминстерское аббатство—мѣстожительство Лондонскаго архіепископа.

Подвязки *) сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ королевы. Нигдѣ не оказывалось такой чести Русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный

95 Видъ Лондона въ концѣ XVI вѣка (въ 1597 году); на лѣвой сторонѣ рисунка виденъ Тауэръ, затѣмъ слѣдуетъ старый Лондонскій мостъ, а посрединѣ виднѣется соборъ Святого Павла.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ.



96. Видъ соборнаго храма Святого Павла въ Лондонѣ, въ XVI—XVII вѣкѣ.

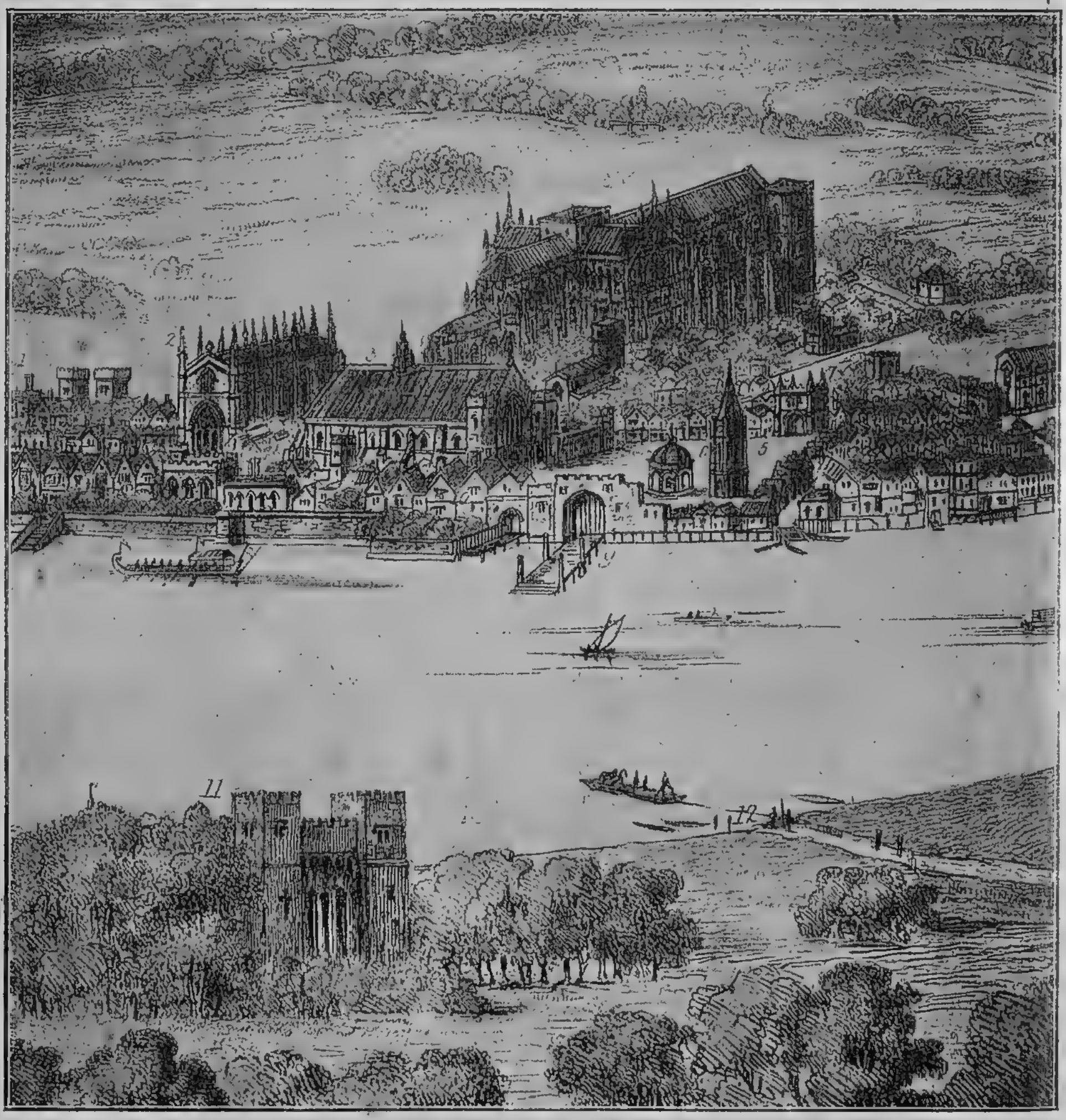
Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ.

отзывъ Англійскихъ министровъ; они донесли королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородной важностью въ поступкахъ».

*) Высшій знакъ отличія въ Англіи.

*

Получивъ множество знаковъ самаго лестнаго вниманія отъ королевы и Лондонскихъ жителей, Непѣя въ 1557 году вернулся въ Москву, привезя съ собой много ремесленниковъ, врачей, рудознатцевъ и другихъ искусныхъ людей.

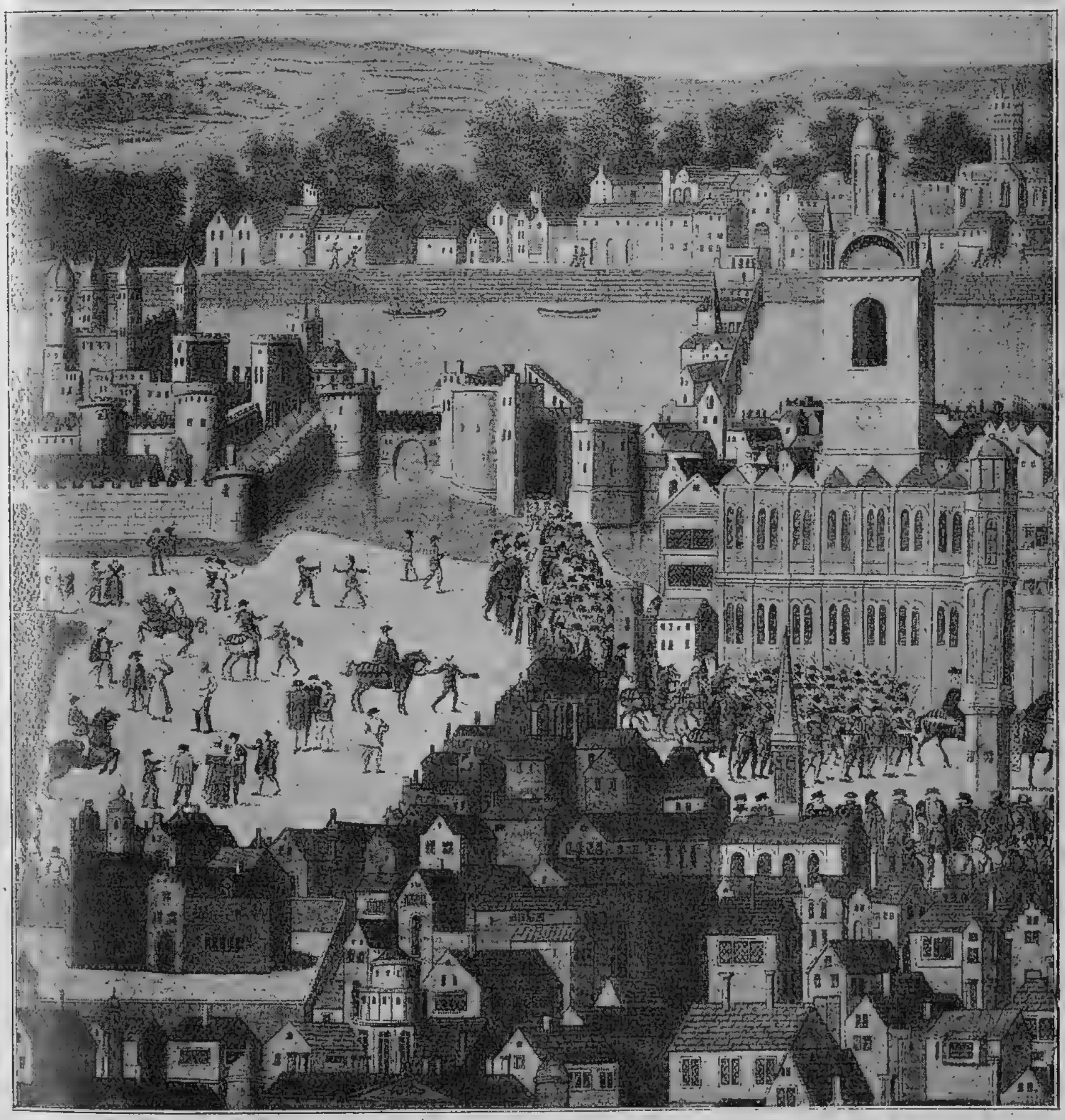


97. Видъ на рѣку Темзу и Вестминстерское аббатство въ XVI столѣтіи.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ.

Преемница Маріи, сестра ея Елизавета, вступившая на Англійскій престолъ въ 1558 году, такъ же, какъ увидимъ, самымъ дѣятельнымъ образомъ поддерживала сношенія съ Москвой и хлопотала о предоставленіи Англичанамъ права исключительной торговли съ нами; Іоаннъ очень внимательно относился ко всѣмъ ея просьбамъ и не замедлилъ вступить съ

ней въ дружескую пересылку, но закрыть путь въ Россію другимъ иностранцамъ отказался, а потому на ряду съ Англійскими, въ Бѣломъ морѣ, у пристани Святого Николая, начали появляться также суда Голландскія, Бельгійскія и другія.



98. Видъ одной изъ оживленнѣйшихъ частей Лондона близъ Тауэра (въ правомъ углу рисунка) въ XVI вѣкѣ, съ изображеніемъ городской толпы и торжественнаго шествія (по случаю отъѣзда короля Эдуарда VI).

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ.

Въ свою очередь, вслѣдъ за Непѣею и Русскіе купцы стали показываться въ столичномъ городѣ Лондонѣ, причемъ Англійскіе лѣто-

писцы отмѣтили и имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: Твердикова, Погорѣлова и другихъ.

Конечно, эти сношенія Москвы съ Западной Европой чрезъ Сѣверныя моря крайне не нравились нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ: Швеціи, Ливоніи и Польшѣ.

99. Гербъ царства Казанскаго.

По Титулярнику.

100. Плащаница, шитая Царицей Анастасіей Романовной.

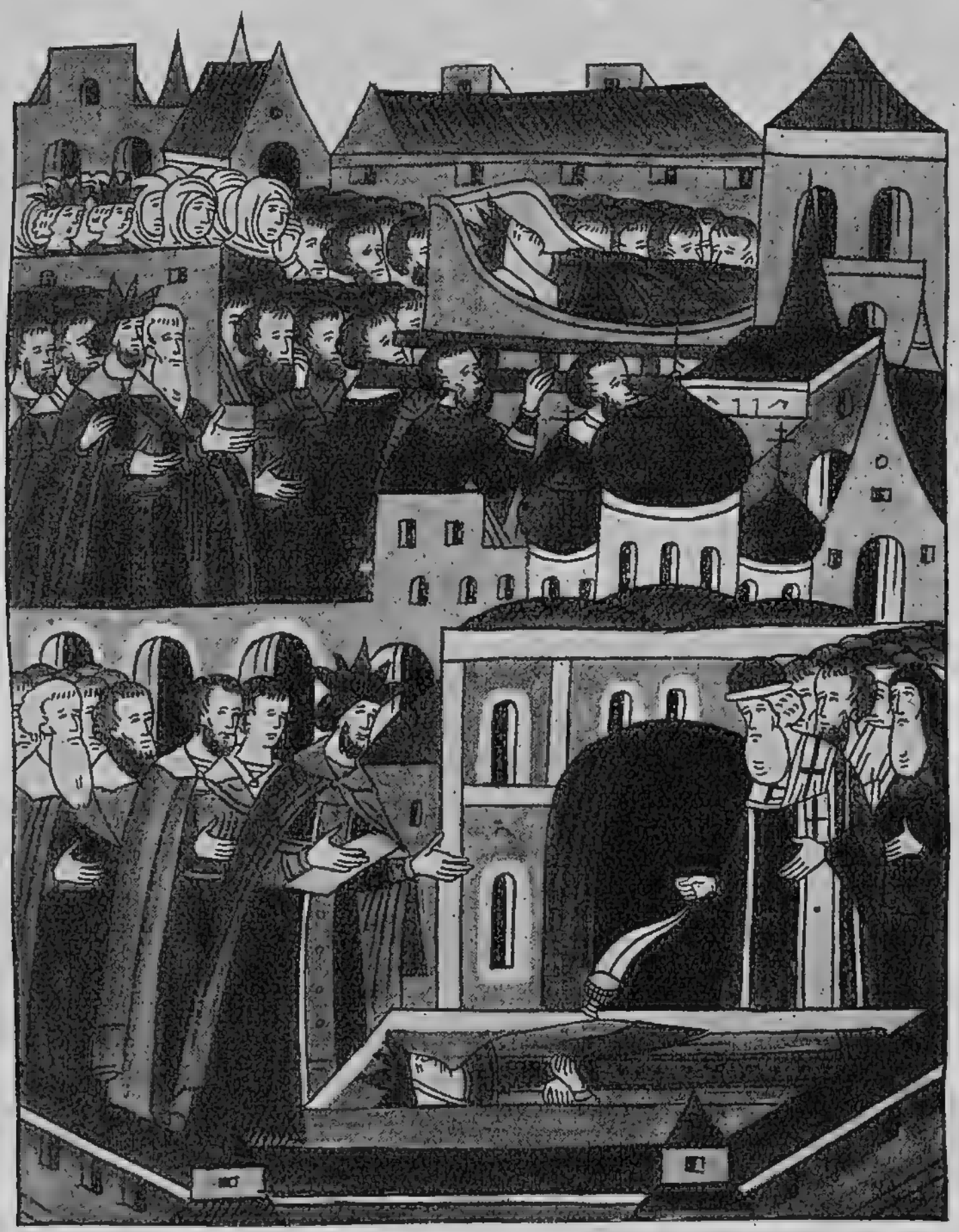
Хранится въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кончина Царицы Анастасіи Романовны. Боярская измѣна. Переписка съ Курбскимъ. Казни. Опричнина. Святой Филиппъ. Походъ на Новгородъ и Псковъ. Браки Іоанна. Полоцкъ. Борьба изъ за Ливоніи. Нашествіе Девлетъ-Гирея. Люблинская унія. Іезуиты. Баторій и его успѣхи. Подвигъ Русскихъ пушкарей подъ Венденомъ. Борьба со Шведами. Оборона Чихачевымъ Падиса. Псковъ. Сыноубійство. Поссевинъ. Марія Гастингсъ. Ермакъ и завоеваніе Сибири. Смерть Грознаго. Внутреннія дѣла. Православіе въ Западной Руси.

ТЫСЯЧА пятьсотъ шестидесятый годъ принято считать роковымъ въ жизни Іоанна. 7-го августа, въ пятомъ часу дня, скончалась нѣжно любимая имъ супруга, кроткая Анастасія Романовна, оставя ему двухъ малолѣтнихъ сыновей—Іоанна и Ѳеодора. Незадолго до этого вспыхнулъ страшный пожаръ на Москвѣ и Государь съ величайшей опасностью для жизни принималъ дѣятельное участіе въ его тушеніи, что вызвало сильнѣйшее безпокойство Царицы, здоровье которой было уже значительно подорвано, особенно послѣ поѣздки на богомолье, осенью 1559 года.

Вся Москва съ великимъ горемъ и плачемъ провожала ея прахъ въ Вознесенскій Новодѣвичій монастырь; народная горесть была такъ велика, что нищіе отказывались принимать щедрую милостыню, назначенную имъ для раздачи по случаю ея кончины.



101. „...О преставленіи великіа царицы Анастасіи. Того же лѣта, Августа въ 7 день, въ среду, на память святаго мученика Деомида, въ 5 часъ дни, преставися благовѣрнаго Царя и великаго князя Ивана Василіевича всея Русіи Царица и великая княгиня Анастасія и погребена бысть въ Дѣвичьѣ монастырѣ у Вознесенія Христова въ городѣ у Фроловскихъ воротъ“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Конечно, народъ хорошо зналъ ту, которую онъ такъ горько оплакивалъ. Всѣ помнили буйную молодость Іоанна и перемѣну, происшедшую съ нимъ подъ благотворнымъ вліяніемъ Анастасіи Романовны.

Мы видѣли, что, извѣрившись въ своихъ боярахъ, Государь приблизилъ къ себѣ нѣсколькихъ людей скромнаго происхожденія во главѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ и составилъ изъ нихъ свой близкій кругъ,—

«избранную раду», которой вполнѣ довѣрялъ. Мы видѣли такъ же, какъ въ 1553 году, во время болѣзни Іоанна, у него должны были открыться глаза на этихъ людей, которые, пользуясь близостью къ Царю, тѣмъ не менѣе поспѣшили войти въ самыя тѣсныя отношенія съ боярской партіей, очевидно, считая ее столь большой силой, съ которой необходимо было жить въ добромъ согласіи.

Іоаннъ выздоровѣлъ и ничѣмъ не проявилъ своего гнѣва противъ ослушниковъ-бояръ, несмотря на то, что бояре эти явно враждебно держали себя, какъ относительно его сына, такъ и Анастасіи Романовны, и всей ея родни—Захарьиныхъ. Всѣ понимали, конечно, что никто другой, какъ именно Царица, своею мудрою самоотверженною любовью, сдерживала страстнаго, порывистаго Іоанна отъ проявленія какого-либо враждебнаго чувства по отношенію людей, въ которыхъ онъ такъ глубоко и обидно для себя разочаровался.

102. Серьги изъ лазоревыхъ яхонтовъ, обнизанныя жемчугомъ, Царицы Анастасіи Романовны.

Хранятся въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

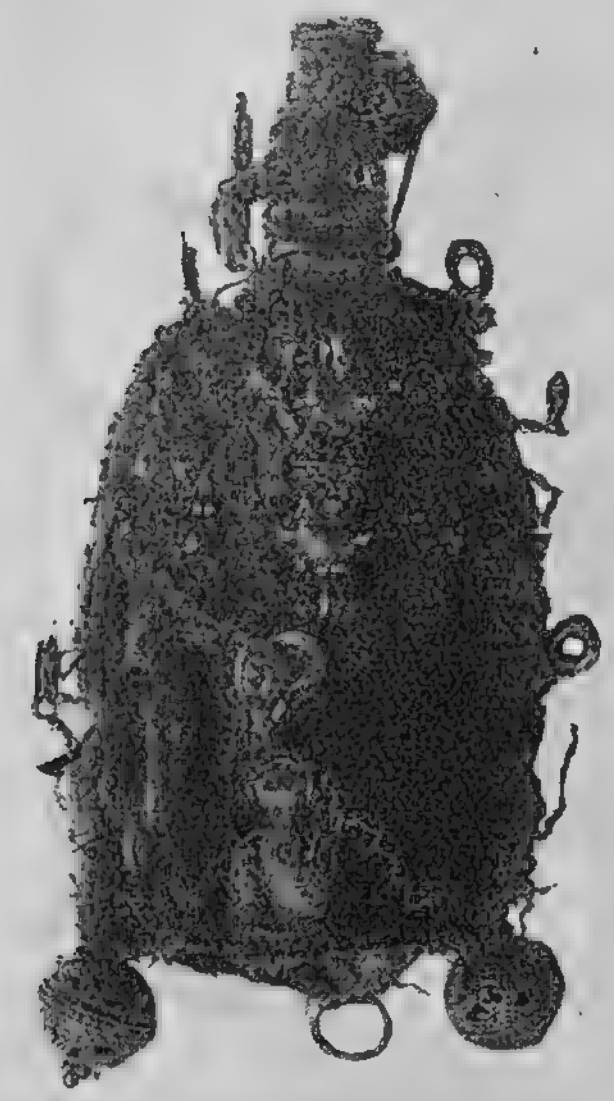
Теперь съ ея кончиной, около Царя уже не было никого, съ кѣмъ въ задушевной бесѣдѣ онъ могъ-бы изливать волновавшія его душу чувства и находить въ этомъ нужное успокоеніе. Единственный человѣкъ, которому онъ довѣрялъ какъ отцу, митрополитъ Макарій, былъ въ это время семидесяти-девятилѣтнимъ старцемъ, стоящимъ одною ногой въ гробу; въ силу одного этого, онъ не могъ быть постоянно съ молодымъ тридцатилѣтнимъ Царемъ, дѣятельнымъ и кипучимъ. Что-же касается до бывшихъ прежде столь близкими къ Іоанну лицъ—Сильвестра и Адашева, то къ 1560 году между ними и Царемъ былъ уже полный разрывъ. Причинъ къ этому было много.

Какъ мы уже говорили, партія Сильвестра и Адашева (то-есть все боярство) явно не сочувствовала войнѣ съ Ливоніей, полагая, что надо воевать съ Крымомъ; при этомъ Сильвестръ, человѣкъ безспорно большого благочестія, но очень властный и мелочный, не только постоянно докучалъ Іоанну своими наставленіями, вторгаясь даже въ его супружескія отношенія, но не переставалъ укорять его и за Ливонскую войну: «Началась война съ Ливонцами», писалъ впослѣдствіи Іоаннъ князю Курбскому, «Сильвестръ съ вами, своими совѣтниками, жестоко за нее возставалъ; заболѣю-ли я или Царица, или дѣти—все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ».

Недовольство бояръ новыми Московскими порядками съ Самодержавнымъ Царемъ во главѣ продолжалось, разумѣется, и послѣ выздоровленія Іоанна; Литва съ ея огромными вольностями для большихъ пановъ

служила имъ постоянной приманкой; начиная съ 1554 года, движеніе Московскаго боярства на Литву «принимаетъ», по словамъ одного Польскаго писателя, «угрожающіе размѣры».

Въ Іюлѣ 1554 года былъ застигнутъ при побѣгѣ къ Литовскимъ предѣламъ князь Никита Ростовскій; при этомъ было обнаружено, что кромѣ него собрался также бѣжать думный бояринъ князь Семенъ Ростовскій со всей своей обширной родней—Лобановыми и Пріимковыми; они вступили въ сношенія съ Сигизмундомъ-Августомъ,—а князь Семенъ Ростовскій водился въ Москвѣ съ Польскимъ посломъ Довойной, поносилъ ему Іоанна и разсказывалъ, что говорилось въ Государевой думѣ насчетъ мира съ Польшей. Подобный поступокъ являлся, очевидно, прямой измѣной, за которую и въ наше время полагается по закону смертная казнь. Царь и бояре осудили виновныхъ къ тому же наказанію, но затѣмъ, снисходя на просьбу духовенства, Государь ихъ помиловалъ и ограничился отправленіемъ въ ссылку на Бѣлоозеро. Къ его большому неудовольствію, Сильвестръ послѣ этой ссылки относился съ необыкновеннымъ сочувствіемъ къ князю Семену Ростовскому и ко всему его роду. «Когда князь Семенъ Ростовскій измѣнилъ и мы наказали его съ милостію, то Сильвестръ съ вами, злыми совѣтниками своими, началъ его держать въ великомъ береженіи и помогать ему всякимъ добромъ и не только ему, но и всему роду его»,—читаемъ мы въ письмѣ Іоанна къ князю Курбскому.



103. Денежный кошелекъ, шитый по бархату серебромъ— Царя Іоанна IV Васильевича.

Хранится въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

Сильное неудовольствіе возбудило также въ Іоаннѣ поведеніе Сильвестра и его сторонниковъ по отношенію Царицы Анастасіи Романовны, во время путешествія поздней осенью 1559 года, причемъ ея смерть онъ прямо приписывалъ огорченіямъ, претерпѣннымъ ею отъ дворцовыхъ дрязгъ. «Зачѣмъ вы разлучили меня съ женой?»—спрашивалъ Іоаннъ Курбскаго въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ писемъ.—«Если бы вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновыхъ жертвъ и не было бы (боярскихъ казней). Только бы на меня съ попомъ (Сильвестромъ) не стали, то ничего бы и не было, все учинилось отъ вашего самовольства»... «Какъ вспомню этотъ тяжкій обратный путь изъ Можайска съ больной Царицей Анастасіей...», говоритъ Царь въ другомъ мѣстѣ своей переписки съ Курбскимъ: «Молитвы, путешествія ко святымъ мѣстамъ, приношеній и обѣтовъ ко святынѣ о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи—всего этого мы были лишены лукавымъ умышленіемъ; о человѣческихъ же средствахъ, о лекарствахъ во время болѣзни, и помину никогда не было»...

Главной же причиной недовольства Государя на Сильвестра и Адашева являлось, конечно, все болѣе и болѣе возраставшее въ немъ убѣжденіе, что они, войдя въ сношеніе съ боярской партіей, стали за его спиною сами всѣмъ распоряжаться въ Государствѣ, что, разумѣется, должно было казаться Іоанну особенно нестерпимымъ и обиднымъ, такъ какъ онъ, испытавъ въ дѣтствѣ страшное своеволіе бояръ, необыкновенно чутко и болѣзненно относился къ тому, чтобы никто не смѣлъ посягать на полученную имъ отъ Бога Царскую власть. «Подружился онъ (Сильвестръ) съ Адашевымъ и начали совѣтоваться тайкомъ отъ насъ, считая насъ слабоумными, мало по малу начали они всѣхъ васъ, бояръ, въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть»—писалъ объ этомъ Царь Курбскому.

И дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что Сильвестръ и Адашевъ съ боярами старались незамѣтно, но исподоволь, ограничить Царскую власть. Они раздавали саны и вотчины самовольно и противозаконно и, повидимому, даже старались отобрать у Государя право жаловать боярство: «отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша», писалъ Іоаннъ, «еже вамъ бояромъ нашимъ по нашему жалованью честію предсѣданія почтеннымъ быти».

Передъ смертью Царицы Анастасіи, Сильвестра и Адашева уже не было при дворѣ; Сильвестръ, вслѣдствіе непріятностей въ описанномъ Государемъ послѣднемъ его путешествіи съ женою, добровольно удалился отъ двора и постригся въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ, а Адашевъ былъ отправленъ въ Ливонію, какъ бы въ почетную ссылку—третьимъ воеводою Большаго полка.

Удаленіе Сильвестра и Адашева глубоко всколыхнуло всю боярскую партію и среди ея началось сильное движеніе въ ихъ пользу, которое, повидимому, какъ разъ совпало со временемъ кончины Анастасіи Романовны.

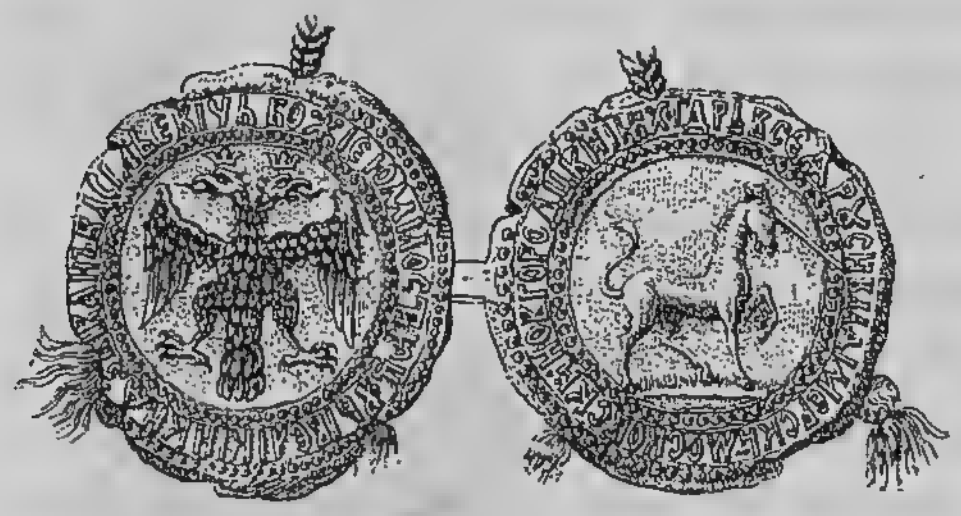
Движеніе это, разумѣется, могло только вызвать еще болѣе сильное противодѣйствіе и раздраженіе въ Государѣ «....Пребывая въ такихъ жестокихъ скорбяхъ,—писалъ онъ по этому поводу Курбскому,—не будучи въ состояніи сносить такой тягости, превышающей силы человѣческія, и сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева и всѣхъ его совѣтниковъ, мы наказали ихъ милостиво: смертною казнью не казнили никого ....но всѣмъ приказано было отстать отъ Сильвестра и Адашева, не имѣть съ ними сообщенія, въ чемъ и была взята со всѣхъ присяга; но совѣтники ихъ, которыхъ ты называешь мучениками, приказъ нашъ и крестное цѣлованіе вмѣнили ни во что, не только не отстали отъ измѣнниковъ, но и больше начали имъ помогать и всячески промышлять, чтобы ихъ на первый чинъ возвратить и составить на насъ лютѣйшее умышленіе, и такъ какъ злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей винѣ судъ и приняли».

Такимъ образомъ, по словамъ Іоанна, онъ старался дѣйствовать вначалѣ на крамольныхъ бояръ легкими опалами, и только постепенно, видя ихъ упорство, вернуть Сильвестра и Адашева и удержать дѣйстви-

тельную власть въ своихъ рукахъ, Царь сталъ прибѣгать къ казнямъ. Это утвержденіе Іоанна, надо думать, вполнѣ справедливо, такъ какъ онъ никогда не отказывался отъ тѣхъ казней, которыя были совершены по его приказанію. И дѣйствительно, несмотря на большое свое озлобленіе на Адашева, онъ его не казнилъ, а приказалъ только перевести въ Юрьевъ, гдѣ послѣдній умеръ черезъ два мѣсяца отъ горячки.

Не тронулъ онъ также и Сильвестра: «Попъ Сильвестръ»,—писалъ Іоаннъ Курбскому,—«видя своихъ совѣтниковъ въ опалѣ, ушелъ по своей волѣ и мы его отпустили не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотѣли судить его здѣсь: хочу судиться съ нимъ въ будущемъ вѣкѣ, передъ Агнцемъ Божіимъ, а сынъ его и до сихъ поръ въ благоденствіи пребываетъ, только лица нашего не видитъ».

Вообще, «съ дѣломъ Сильвестра и Адашева было связано много судебныхъ разбирательствъ», говоритъ Польскій писатель Валишевскій *)—«и тѣ достовѣрные письменные памятники, которые относятся къ нимъ, рѣшительно не говорятъ ни о пыткахъ, ни о казняхъ».



104. Печать Государственная Малая (такъ называемая—Двойная Кормчая) Царя и великаго князя Іоанна IV Васильевича.

Эта печать привѣшена къ жалованной грамотѣ 1569 года, данной игумену Бѣлоозерскаго Кириллова монастыря.

Казни, вслѣдствіе которыхъ потомство назвало Іоанна — Грознымъ, начались, по всѣмъ даннымъ, позднѣе, причемъ имъ подвергались далеко не всѣ виновные. Такъ, въ 1561 году съ князя Василія Михайловича Глинскаго, который «проступилъ», то-есть, очевидно, хотѣлъ бѣжать въ Литву, было лишь взято письменное обѣщаніе не отъѣзжать.

Такое же обѣщаніе не отъѣзжать было взято въ 1562 году съ князя Ивана Димитріевича Бѣльскаго, за подписью 29 человѣкъ, за коихъ поручилось еще 120 лицъ; несмотря на это, въ томъ же 1562 году князь Иванъ Димитріевичъ Бѣльскій снова билъ челомъ Государю, что «преступилъ крестное цѣлованіе и забылъ жалованье Государя своего, измѣнилъ, съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ ссылался»; эту новую его измѣну

---

*) Сочиненія г. Валишевскаго по Русской исторіи, благодаря его сравнительно большой освѣдомленности и живости изложенія, имѣютъ у насъ довольно многочисленный кругъ читателей; къ сожалѣнію, этотъ писатель дѣлаетъ нерѣдко злобныя выходки, направленныя противъ самыхъ дорогихъ понятій и чувствъ Русскихъ людей, а также и противъ Православія. Такъ, про геройскую оборону Русскими Смоленска во время осады его Поляками, онъ считаетъ возможнымъ сказать слѣдующую нелѣпость: «Вмѣсто мощей преп. Сергія и преп. Никона у осажденныхъ были не менѣе чудотворныя иконы, которыя они вѣшали въ наказаніе внизъ головой, если счастье покидало ихъ знамена» и т. п.

Іоаннъ опять простилъ ему. Въ 1563 году былъ изобличенъ въ желаніи бѣжать въ Литву князь Александръ Ивановичъ Воротынскій и съ него тоже была только взята поручная грамота; такая же запись была взята въ 1564 году и съ Ивана Васильевича Шереметева, котораго долго затѣмъ никто не трогалъ; впослѣдствіи-же онъ постригся въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ и жилъ тамъ съ большой роскошью. Затѣмъ, князь Михаилъ Воротынскій, носившій, какъ мы помнимъ, званіе Слуги Государя, былъ сосланъ съ семействомъ на Бѣлоозеро, надо думать также не за малую вину, причемъ съ нимъ обращались тамъ съ большимъ береженьемъ; такъ, въ концѣ 1564 года, Царскіе пристава, отправленные съ Воротынскими, писали, что въ прошломъ году не дослано было ссыльнымъ двухъ осетровъ свѣжихъ, двухъ севрюгъ свѣжихъ, полпуда ягодъ винныхъ, полпуда изюму, трехъ ведеръ сливъ—и все это велѣно было дослать; самъ же князь Михаилъ билъ челомъ, что ему не прислали Государева жалованья: ведра романеи, ведра рейнскаго вина, ведра бастру, 200 лимоновъ, десяти гривенокъ перцу, гривенки шафрану, двухъ гривенокъ гвоздики, пуда воску, двухъ трубъ левашныхъ и пяти лососей свѣжихъ; деньгами шло князю, княгинѣ и княжнѣ 50 рублей въ годъ; людямъ ихъ, которыхъ было 12 человѣкъ, 48 рублей 27 алтынъ. Такимъ образомъ, Іоаннъ, указывая въ своемъ письмѣ Курбскому, что онъ лишь постепенно перешелъ отъ опалъ къ казнямъ, говорилъ чистую правду; послѣднее онъ и самъ высказывалъ Курбскому, отвѣчая на обвиненіе въ облыганіи подданныхъ въ измѣнѣ: «Если ужъ я облыгаю, то отъ кого же другого ждать правды? Для чего я стану облыгать? изъ желанія ли власти подданныхъ своихъ, или рубища ихъ худого, или мнѣ пришла охота ѣсть ихъ?»

105. Іоаннъ IV Грозный.

По современному рисунку, хранящемуся въ придворной библіотекѣ въ Римѣ.

Что измѣна дѣйствительно постоянно царила среди бояръ, объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуютъ иностранцы, посѣщавшіе въ тѣ времена Московское Государство. Такъ, Англичанинъ Горсей говоритъ, что если бы Іоаннъ «не держалъ правленія въ жесткихъ и суровыхъ рукахъ, то онъ не жилъ бы такъ долго; противъ него постоянно составлялись коварные,

предательскіе заговоры, но онъ всегда открывалъ ихъ». Довѣренный же человѣкъ короля Сигизмунда-Августа, употреблявшаго всѣ мѣры, чтобы склонять нашихъ бояръ къ измѣнѣ, писалъ ему въ своемъ донесеніи, что безъ суровыхъ казней—«Іоаннъ не могъ бы удержаться на престолѣ».

Мы видѣли, что уже Іоаннъ Третій долженъ былъ рубить головы виновнымъ боярамъ за ихъ «высокоуміе»; то же дѣлалъ и отецъ Грознаго—Василій, человѣкъ, въ общемъ, доброжелательный и мягкій; во времена же сына Василія—борьба старыхъ удѣльныхъ притязаній съ Царскою властью обострилась роковымъ образомъ до крайности, какъ вслѣдствіе страстности самого Іоанна, такъ и вслѣдствіе дѣйствительной крамолы и измѣны, гнѣздившейся въ боярской средѣ.

106. Іоаннъ Грозный.

Изображеніе, рѣзанное на мѣди, изъ книги на Латинскомъ языкѣ Одерборна: „Жизнь Іоанна Грознаго", изданія 1698 года.

Въ борьбѣ этой Іоаннъ все время неуклонно шелъ по начертанному его предками пути—собирать во едино Русскую Землю подъ сильною рукою Московскаго Самодержавнаго Государя, отвѣчая этимъ прямому желанію всей Земли; но, конечно, эта борьба была ему весьма тяжела и крайне пагубно отзывалась на его здоровьѣ, повидимому, и безъ того не крѣпкомъ; вотъ почему, неустанно ведя ее и считая своимъ долгомъ бороться до конца съ боярской крамолой, онъ все болѣе и болѣе сталъ вносить въ эту борьбу свою болѣзненную раздражительность и перехватывать, такъ сказать, черезъ край, доходя иногда до неистовствъ, граничившихъ съ безуміемъ.

Тоска и одиночество, охватившіе Іоанна послѣ смерти Анастасіи Романовны, и все усиливающееся раздраженіе отъ борьбы съ боярами заставляли его, конечно, искать утѣшенія въ усиленной молитвѣ, такъ какъ онъ былъ, какъ мы знаемъ, человѣкомъ глубоко-вѣрующимъ. Къ сожалѣнію, однако, одной молитвы оказалось недостаточно для его болѣзненно-страстной природы, и онъ сталъ, чтобы найти забвеніе, прибѣгать и къ разгулу; настойчивыя-же его попытки найти потерянное семейное счастье въ новыхъ бракахъ окончились всѣ неудачно.

Въ 1560 году, по совѣту митрополита и бояръ, Іоаннъ рѣшилъ просить руки одной изъ сестеръ Польскаго короля. Въ наказѣ послу, отправленному съ этою цѣлью, говорилось: «Ѣдучи дорогою до Вильны, разузнавать накрѣпко про сестеръ королевскихъ, сколько имъ лѣтъ, каковы ростомъ, какъ тѣльны, какова которая обычаемъ и которая лучше? Которая изъ нихъ будетъ лучше, о той ему именно и говорить королю». Лучшей оказалась младшая—Екатерина, но Сигизмундъ-

Августъ задумалъ въ это время, какъ мы уже говорили, начать противъ насъ войну изъ-за Ливоніи, и Екатерина была выдана замужъ за сына Густава-Вазы—Шведскаго королевича Іогана. Въ слѣдующемъ 1561 году Государь женился на дочери Черкасскаго князя Темрюка, Маріи, женщинѣ красивой, но чуждой всему Русскому, дикой и мстительной; конечно, она не могла дѣйствовать умиротворяющимъ образомъ на своего супруга, и онъ къ ней скоро охладѣлъ. Также несчастны были, какъ мы увидимъ, и его послѣдующіе браки.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного достовѣрнаго изображенія Іоанна, но сохранилось нѣсколько описаній его внѣшности, относящихся къ разсматриваемому времени и составленныхъ какъ Русскими, такъ и иностранцами. Англичанинъ Горсей писалъ, что «Великій князь всея Руси Иванъ Васильевичъ былъ красивъ собою, одаренъ большимъ умомъ, блестящими дарованіями, привлекательностью, однимъ словомъ былъ созданъ для управленія такимъ огромнымъ Государствомъ».

107. Перстень Царицы и великой княгини Маріи, второй супруги Царя Іоанна IV Васильевича, рожденной княжны Черкасской.

Этотъ перстень (золотой) находится въ Москвѣ въ Государственномъ Древлехранилищѣ хартій, рукописей и печатей.

Князь же Катыревъ-Ростовскій говоритъ, что Іоаннъ имѣлъ сѣрые глаза и длинный носъ, «возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плещи имѣя высоки, груди широкы, мышцы толсты; мужъ чюднаго разсужденія, въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло, ко ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ. На рабы своя, отъ Бога данныя ему, жестокосердъ велми, и на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ и неумолимъ; множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби, и многія грады свои поплѣни, и многія святительскія чины заточи и смертію немилостивою погуби, и иная многая содѣя надъ рабы своими... Той же Царь Иванъ многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими отъ сокровища своего нескудно подаваше».

По мнѣнію Англичанина Дженкинсона, высказанному въ 1557 году, ни одинъ христіанскій властитель не былъ одновременно и такъ страшенъ своимъ подданнымъ и такъ любимъ ими—какъ Іоаннъ.

Въ томъ же духѣ высказывался про Іоанна и Венеціанскій посолъ Фоскарини, хваля его твердое правосудіе, основанное на простыхъ и мудрыхъ законахъ, привѣтливость, разнообразіе познаній и отличное устройство Русскихъ войскъ.

Два послѣднихъ приведенныхъ мнѣнія иностранцевъ объ Іоаннѣ ясно показываютъ, что его общительный и привѣтливый нравъ сталъ измѣняться только подъ вліяніемъ неустанной борьбы съ боярскимъ засильемъ и измѣной; при этомъ, по всѣмъ отзывамъ современниковъ, несмотря на приступы изступленнаго ожесточенія, которые имъ порой овладѣвали, онъ до конца жизни сохранилъ крайнюю доступность для всѣхъ, стремленье

самолично вникать во всѣ дѣла, большую любознательность и особое пристрастіе вести споры съ пріѣзжими лютеранами и католиками о вѣрѣ, причемъ въ спорахъ этихъ обнаруживалъ и свою обширную образованность и свой острый и гибкій, немного насмѣшливый, чисто великорусскій умъ.

Таковъ былъ Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный во вторую половину своей жизни.

Непрекращавшіяся измѣны бояръ раздражали его все болѣе и болѣе; несмотря на клятвенныя записи за поручительствомъ многихъ лицъ— бѣгство Московскихъ людей въ Литву продолжалось. Такъ, туда убѣжали, привлеченные Сигизмундомъ-Августомъ, два князя Черкасскихъ, а затѣмъ и извѣстный князь Димитрій Вишневецкій, бывшій Каневскій староста и перешедшій, какъ мы помнимъ, въ Москву на службу. «Притекъ онъ къ нашему Государю какъ собака и утекъ какъ собака, а Государю нашему и Землѣ нашей отъ этого нѣтъ никакого убытка», приказывалъ Іоаннъ говорить про него своему гонцу въ Литвѣ, если его спросятъ о Вишневецкомъ.

108. Лицевое изображеніе Царя Іоанна IV Васильевича на грамотѣ, писанной въ 1571 году и находившейся въ библіотекѣ А. Д. Черткова.

Наконецъ, въ 1564 году, Іоаннъ испыталъ сильнѣйшее потрясеніе, получивъ вѣсть, что его воевода князь Андрей Курбскій, посланный въ Ливонію, также бѣжалъ въ Литву, съ каковой державой мы, какъ увидимъ, были въ это время уже въ войнѣ, причемъ сталъ вслѣдъ затѣмъ водить Польско-Литовскія войска противъ насъ.

Мало того, не довольствуясь своей измѣной, Курбскій началъ писать Іоанну глубоко-оскорбительныя письма, на которыя не утерпѣлъ не отвѣчать страшно возмущенный ими Царь. Эта переписка между двумя образованнѣйшими Русскими людьми XVI вѣка, уже частью приведенная нами, чрезвычайно любопытна и открываетъ намъ, несмотря на многія темныя мѣста, въ чемъ именно состояло противорѣчіе во взглядахъ Царя и его бояръ, противорѣчіе, приведшее Іоанна къ столь ожесточенной борьбѣ съ ними.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій происходилъ изъ Ярославскихъ князей, прямыхъ потомковъ Владиміра Мономаха. Будучи однихъ лѣтъ съ

Іоанномъ, онъ былъ очень любимъ имъ и посланъ, какъ мы помнимъ, въ 1559 году воеводой въ Ливонію съ замѣчательно ласковымъ Царскимъ словомъ при разставаніи. Удаленіе Сильвестра и Адашева, съ которыми Курбскій былъ чрезвычайно близокъ, заставило его опасаться и за свою будущность, особенно послѣ того, какъ онъ понесъ въ 1562 году по своей винѣ пораженіе при Невелѣ отъ Литовцевъ и его постигла, вѣроятно за это, опала Іоанна, выразившаяся, повидимому, въ отобраніи части его имѣнія. Тогда, вмѣсто того, чтобы, какъ надлежитъ доброму Царскому слугѣ, терпѣливо снести наказаніе, имъ заслуженное, Курбскій рѣшилъ измѣнить Іоанну и Родинѣ. Онъ завелъ какія то подозрительныя сношенія со Шведами, а затѣмъ и съ бывшимъ съ нами въ войнѣ Сигизмундомъ-Августомъ, при посредствѣ Литовскаго гетмана Николая Радзивилла Рыжаго и подканцлера Евстафія Воловича.

Сигизмундъ-Августъ считалъ дѣломъ чрезвычайной важности переходъ Курбскаго на свою сторону; понимая это, Курбскій со своей стороны выговорилъ себѣ очень почетное и обезпеченное положеніе на Литвѣ и согласился на предложеніе короля только послѣ того, когда тотъ заставилъ присягнуть своихъ радныхъ пановъ, что всѣ требованія Курбскаго по вознагражденіи его будутъ выполнены. Тогда, оставя свою жену и малолѣтняго сына на произволъ разгнѣваннаго Государя, Курбскій тайно покинулъ ввѣренныя ему войска и перебрался въ Польшу; здѣсь онъ сейчасъ же получилъ въ начальствованіе одинъ изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ насъ, и сталъ всячески побуждать Сигизмунда-Августа вести войну противъ Іоанна съ возможно большимъ ожесточеніемъ. Такимъ образомъ, поступокъ Курбскаго былъ во всѣхъ отношеніяхъ глубоко обдуманный и тщательно заранѣе подготовленный измѣной, ничѣмъ не оправдываемой.

109. Гербъ князя Андрея Курбскаго.

Однако, далеко не такъ смотрѣлъ самъ Курбскій на свой поступокъ, что ясно видно изъ его писемъ къ Іоанну, гдѣ онъ вполнѣ оправдываетъ себя и поноситъ самымъ непристойнымъ образомъ какъ Государя, такъ и его покойную мать. Общепринято думать, что Курбскій послалъ свое первое письмо къ Іоанну съ вѣрнымъ своимъ слугою Василіемъ Шибановымъ, при чемъ Грозный Царь, читая это письмо, въ бѣшенствѣ воткнулъ свой жезлъ въ ногу Шибанова, а затѣмъ отправилъ его на пытку. Но въ дѣйствительности, повидимому, этого не было, такъ какъ Шибановъ не бѣжалъ въ Литву со своимъ господиномъ, а былъ схваченъ въ Москвѣ; когда же его пытали съ цѣлью узнать про измѣну Курбскаго, то онъ отзывался о немъ такъ, какъ подобаетъ доброму и вѣрному слугѣ говорить о своемъ господинѣ, и это поведеніе Шибанова заслужило полное одобреніе со стороны Іоанна.

Курбскій въ своихъ письмахъ, дерзкихъ и грубыхъ, взводитъ на Іоанна обвинѐніе во всевозможныхъ жестокостяхъ, при чемъ многія изъ этихъ обвиненій были въ дѣйствительности ложными, настаиваетъ на благотворномъ дѣйствіи боярскаго совѣта и оправдываетъ свою измѣну стариннымъ боярскимъ правомъ отъѣзда, потерявшимъ, очевидно, въ его время всякій смыслъ. Затѣмъ Курбскому крайне не нравится новый титулъ Царя, принятый Іоанномъ, и онъ насмѣшливо называетъ его—«прегордымъ и Царскимъ величествомъ»; не нравится также ему и то, что Іоаннъ приблизилъ къ себѣ дьяковъ, «преимущественно изъ поповичей, или изъ простого всенародья», причемъ двумъ изъ нихъ, какъ мы помнимъ, Выродкову и Ржевскому, Государь поручалъ даже воинскіе отряды. Самъ Курбскій очень высоко ставилъ свое происхожденіе и пытался въ Польшѣ величаться княземъ Ярославскимъ.

Письма Курбскаго вызвали, какъ мы говорили, пространныя возраженія Іоанна, написанныя страстно и горячо; въ нихъ онъ обнаруживаетъ свою обширную образованность и приводитъ многочисленныя выдержки изо всего имъ прочитаннаго въ жизни: Священнаго Писанія, изреченій древнихъ мудрецовъ и Греческой и Римской исторіи, съ цѣлью доказать основное положеніе своихъ поступковъ, что «нѣтъ власти, аще не отъ Бога»;—«Самодержавства нашего начало отъ Святого Владиміра,—писалъ онъ,—мы родились на Царствѣ.... а не чужое похитили, потому подобаетъ ли попу и прегордымъ лукавымъ рабомъ владѣти, Царю же только предсѣданіемъ и царствія честью почтенну быти, властью же ни чѣмъ же лучше быти раба? Тщюся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ Государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да отстанутъ, коими царства растлѣваются. Ибо если Царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся»... По поводу измѣны Курбскаго, который объяснялъ ее полученіемъ отъ своихъ друзей извѣстія, что Іоаннъ хочетъ его казнить, Государь писалъ ему: «Зачѣмъ ты за тѣло продалъ душу? Побоялся смерти по ложному слову своихъ друзей? Отъ этихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнился ты на меня яростью?.... Зла и гоненій безъ причины отъ меня ты не принялъ, бѣдъ и напастей на тебя я не воздвигалъ; а какое наказаніе малое и бывало на тебѣ, такъ это за твое преступленіе: потому что ты согласился съ нашими измѣнниками, а ложныхъ обвиненій, измѣнъ, въ которыхъ ты не виноватъ, я на тебя не взводилъ, а которые ты проступки дѣлалъ, мы по тѣмъ твоимъ винамъ и наказаніе чинили».

Курбскій обвинялъ Іоанна въ томъ, что онъ призвалъ къ себѣ князя Репнина во время пира и заставилъ надѣть шутовскую маску, при чемъ Репнинъ сорвалъ ее съ лица, растопталъ и съ гордостью отвѣтилъ: «Что бы я, бояринъ, сталъ такъ безумствовать и безчинствовать», и что будто за это онъ былъ убитъ черезъ нѣсколько дней въ церкви во время службы, равно какъ и князь Юрій Кашинъ, убитый въ ту же ночь на церковной паперти. Іоаннъ отвѣчалъ на указанныя обвиненія, что люди, выставляемые

Курбскимъ столь невинными агнцами, были на самомъ дѣлѣ клятвопреступниками и измѣнниками и вполнѣ заслуженно понесли свое наказаніе. «Въ церквахъ же, яко ты лжешь, этого не было; а было, какъ сказалъ выше, что виновные приняли казнь по своимъ дѣламъ».

Курбскій въ своемъ посланіи хвалился также передъ Іоанномъ храбростью, кровью, пролитой за Родину, и говорилъ, что ради постоянныхъ отлучекъ по ратнымъ дѣламъ мало видѣлъ своихъ родителей и жену, а долженъ былъ проводить жизнь въ дальнихъ окраинныхъ городахъ. Іоаннъ же въ своемъ отвѣтѣ высмѣиваетъ его за это, указывая, что бранная храбрость имѣетъ цѣну только при соблюденіи вѣрности своему Государю и Родинѣ: «аще строенія въ Царствѣ благая будутъ... А что ты говоришь: кровь твоя пролилася отъ иноплеменныхъ за насъ и по твоему мнимому безумію вопіетъ на насъ къ Богу, то сіе надлежитъ смѣху. Если бы это и было такъ, то ты сотворилъ бы только должное отечеству; если-же бы не сотворилъ, то не былъ бы христіанинъ, а варваръ; поэтому упрекъ этотъ къ намъ и не относится».

Укоряя Курбскаго въ измѣнѣ, Іоаннъ совѣтовалъ ему брать примѣръ съ его же слуги Шибанова:.. «Какъ ты не постыдишься раба своего Васьки Шибанова? Онъ благочестіе свое соблюлъ: передъ Царемъ и передъ всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратахъ стоя, ради крестнаго цѣлованія тебя не отвергся, но хвалилъ тебя и былъ готовъ за тебя умереть»...

Наконецъ, сознавая, что переписка съ измѣнникомъ-подданнымъ есть недостойная для Царя слабость, Іоаннъ упоминаетъ и про это въ своемъ отвѣтѣ: «До сей поры Русскіе Государи не давали никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и вольны были своихъ подвластныхъ жаловать и казнить, не судилися съ ними ни передъ кѣмъ; и хотя неприлично говорить о винахъ ихъ, но выше было сказано».

Отвѣтъ Іоанна, изложенный весьма пространно, вызвалъ новое письмо Курбскаго, озаглавленное имъ: «Краткое отвѣщаніе князя Андрея Курбскаго на зѣло широкую эпистолію (письмо) великаго князя Московскаго». Умышленно не называя Государя Царемъ, Курбскій начинаетъ свой отвѣтъ словами: «Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе принялъ и понялъ, что оно отрыгнуто отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словами, что недостойно не только Царя, но и простого убогаго воина... воистину яко бы неистовыхъ бабъ басни»...

Конечно, такое возмутительное отношеніе къ себѣ со стороны измѣнника-боярина довело Іоанна до крайняго раздраженія, особенно когда онъ узналъ, что Курбскій убѣдилъ слабаго Сигизмунда-Августа дѣйствовать рѣшительнѣе противъ Москвы, причемъ самъ Курбскій во главѣ 70.000 рати предпринялъ въ 1564 году движеніе къ Полоцку, а Девлетъ-Гирей Крымскій, подкупленный Поляками, неожиданно напалъ на Рязань, въ которой не было ни одного воина. Оба нападенія окончились неудачей: Курбскій во главѣ съ Литовцами былъ съ позоромъ отраженъ отъ Полоцка, послѣ чего ограничилъ свои подвиги разореніемъ селъ и монастырей; Девлетъ

же Гирей былъ разбитъ подъ Рязанью доблестнымъ воеводой бояриномъ Алексѣемъ Басмановымъ съ сыномъ Ѳеодоромъ, которые вмѣстѣ съ епископомъ Филоѳеемъ одушевили жителей рѣдкимъ мужествомъ и отразили всѣ приступы Татаръ съ огромнымъ урономъ.

Крайнее недовольство Государя противъ Курбскаго перенеслось на всѣхъ сторонниковъ послѣдняго, то есть на всѣхъ бояръ, думавшихъ совершенно одинаково съ нимъ о своихъ правахъ и отношеніяхъ къ престолу.

Въ это тяжелое для Іоанна время не было уже никого изъ прежнихъ близкихъ ему лицъ, кто бы могъ смягчить его раздраженіе своимъ умиротворяющимъ вліяніемъ: послѣдній человѣкъ, которому Государь

110. Общій видъ Троицко-Сергіевской лавры.

безусловно вѣрилъ, великій старецъ митрополитъ Макарій преставился въ декабрѣ 1563 года, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя сошелъ въ могилу и слабоумный братъ Іоанна Юрій, не оставя послѣ себя потомства.

Царя и Царицу Марію Темрюковну окружали теперь уже совершенно новые люди и совѣтники; это были, по словамъ Англичанина Горсея, его «довѣренные капитаны», по большей части незнатнаго происхожденія, выдвинувшіеся своими воинскими подвигами и щедро награжденные Іоанномъ; повидимому, они были ему всецѣло преданы и вполнѣ раздѣляли его ненависть къ боярству.

3 декабря 1564 года, Государь совершенно неожиданно выѣхалъ изъ Москвы, причемъ выѣздъ этотъ не былъ похожъ на обыкновенные: онъ какъ бы навсегда покидалъ столицу, взявъ съ собой всѣ свои иконы и драгоцѣнности и приказавъ также людямъ своего двора выѣзжать съ семьями

и имуществомъ. Іоаннъ остановился въ селѣ Коломенскомъ, затѣмъ побылъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, наконецъ прибылъ въ глухую Александровскую слободу (нынѣ городъ Александровъ, Владимірской губерніи). Вся Москва во главѣ съ новымъ митрополитомъ Аѳанасіемъ и боярами была въ полномъ недоумѣніи относительно столь неожиданнаго и необычнаго Царскаго отъѣзда.

Недоумѣніе это разрѣшилось черезъ мѣсяцъ, 3 января 1565 года; въ этотъ день митрополитъ получилъ отъ Государя грамоту, въ которой онъ перечислялъ всѣ измѣны бояръ, воеводъ и приказныхъ людей за все время своего управленія. При этомъ Государь объявлялъ, что кладетъ гнѣвъ свой какъ на нихъ, такъ и на все духовенство, за то, что бояре и воеводы земли его Государскія разобрали и роздали лучшія вотчины друзьямъ своимъ и родственникамъ, не желая радѣть о немъ, о Государствѣ и о всемъ Православномъ христіанствѣ и оборонять отъ недруговъ, а стали удаляться отъ службы, чиня при этомъ притѣсненія христіанству (простому народу), а на духовенство—за то, что оно, сложась съ боярами и придворными людьми, своимъ постояннымъ заступничествомъ покрываетъ ихъ и мѣшаетъ Государю наказывать. Поэтому Царь, отъ великой жалости сердца не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое Государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ.

111. Распятская церковь-колокольня въ Успенскомъ монастырѣ города Александрова, Владимірской губерніи.
Сооружена около 1565 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Іоаннъ прислалъ также грамоту къ гостямъ, купцамъ и ко всему Православному христіанству города Москвы; онъ говорилъ въ ней, чтобы они себѣ никакого сомнѣнія не держали, такъ какъ гнѣва его на нихъ и никакой опалы нѣтъ.

Обѣ грамоты были прочитаны и произвели сильнѣйшее впечатлѣніе, какъ на бояръ и духовенство, такъ и на народъ, и вызвали общій ужасъ

и смятеніе. Всѣ кинулись къ митрополиту, прося его отправиться къ Іоанну и умилостивить Царя, упросить остаться владѣть Государствомъ, а лиходѣевъ и измѣнниковъ, какъ ему будетъ угодно, казнить. Простой народъ подтвердилъ то же самое, «чтобы Государь Государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавлялъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей; а за Государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ».

Затѣмъ снарядилось посольство изъ духовенства и высшихъ бояръ и отправилось въ Александровскую слободу—умолять Іоанна вернуться

112. Московское посольство въ Александровской слободѣ.

Рисунокъ художника Целебровскаго.

ко власти. Послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ—Государь согласился, сказавъ, что онъ объявитъ отцу митрополиту условія своего возвращенія, и въ началѣ Февраля прибылъ въ столицу.

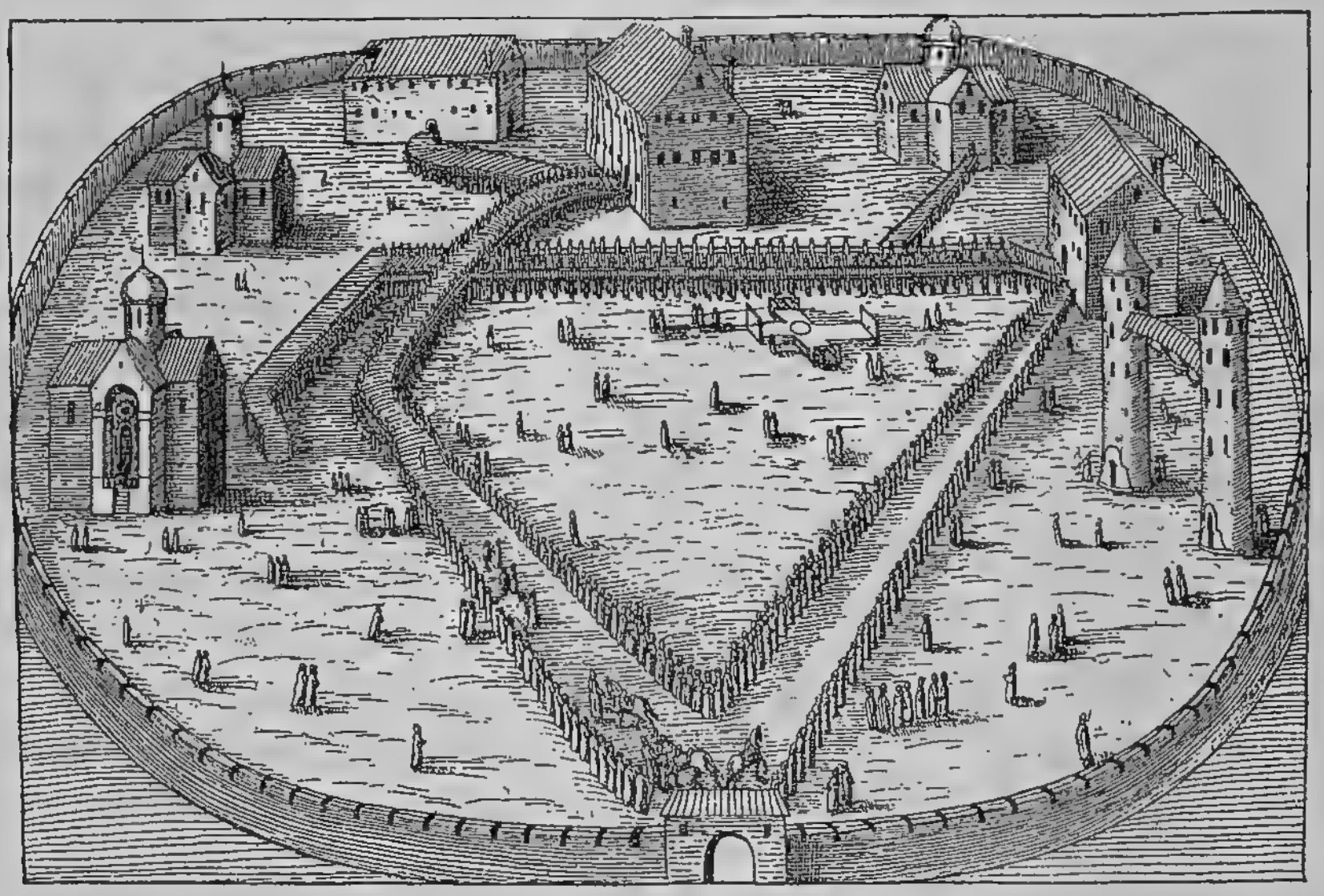
Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на него; тридцатипятилѣтняго Царя нельзя было узнать за два мѣсяца отсутствія; онъ страшно осунулся и постарѣлъ, причемъ волоса съ его бороды и головы исчезли. Очевидно, крайне близко принимая къ сердцу боярскую крамолу, Іоаннъ чрезвычайно много переволновался за это время, и это подѣйствовало весьма пагубно на его здоровье [1]).

---

[1]) Надо думать, что, въ виду этой перемѣны въ Грозномъ, многіе изъ новѣйшихъ Русскихъ художниковъ изображаютъ Іоанна во вторую половину его царствованія, какъ это видно на помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ рисункахъ, болѣе дряхлымъ и старообразнымъ, чѣмъ онъ, вѣроятно, былъ въ дѣйствительности.

Скоро онъ объявилъ о своихъ условіяхъ возвращенія ко власти, которыя повергли всѣхъ въ недоумѣніе своею большой странностью: Царь устанавливалъ новое учрежденіе—«Опричнину».

Къ величайшему сожалѣнію «Указъ объ учрежденіи Опричнины» не сохранился, а потому мы можемъ имѣть о ней только приблизительное понятіе. Мы помнимъ, что опричнинами назывались въ старой Руси тѣ вдовьи части великихъ княгинь, которыми онѣ могли распоряжаться вполнѣ самостоятельно, опричь (сверхъ, отдѣльно) отъ всего остального наслѣдства, завѣщаннаго имъ или пожизненно, или на извѣстныхъ условіяхъ пользованія.



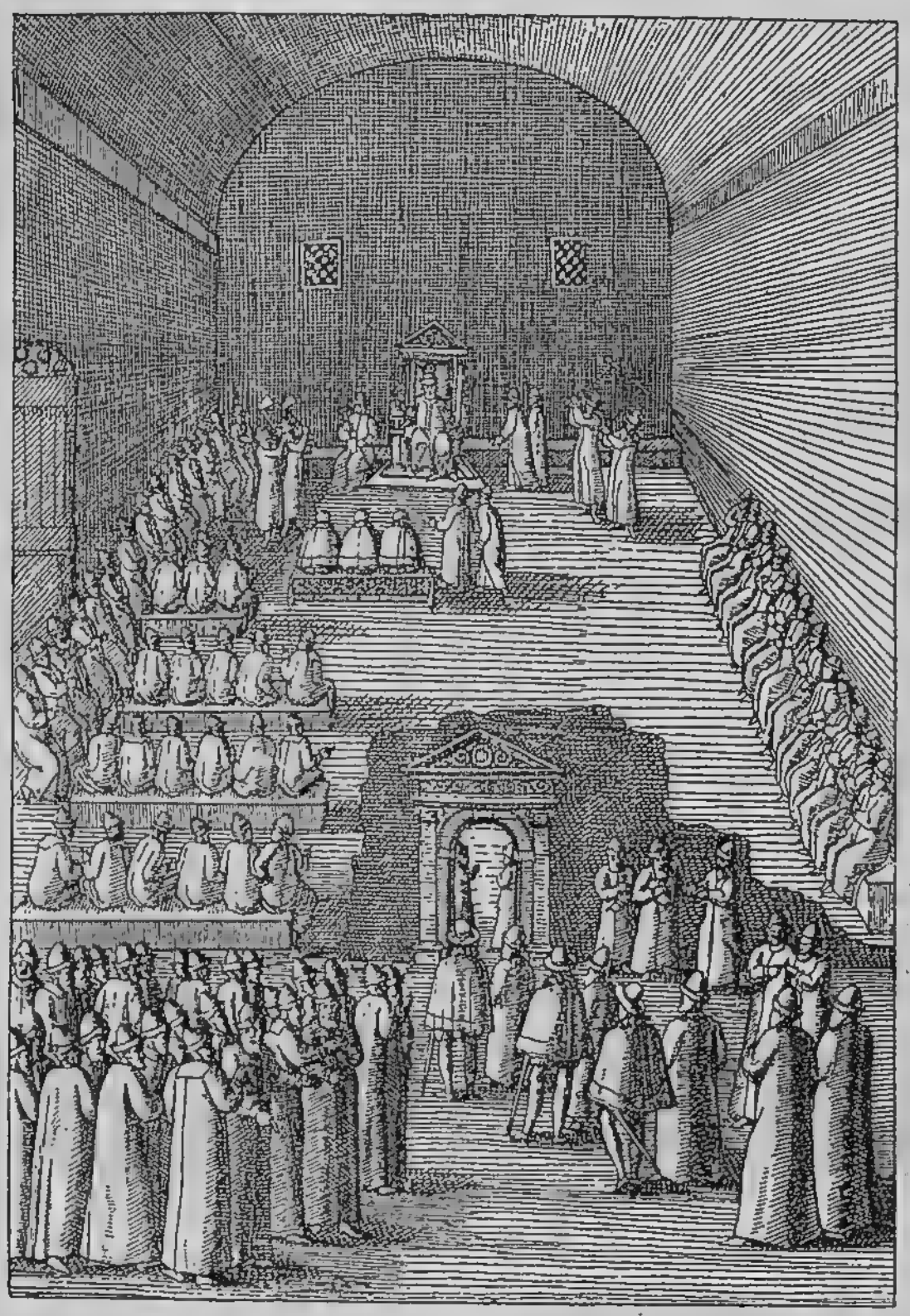
113. Общій видъ Александровской слободы.

Изъ Латинской книги о Московскомъ Государствѣ Якова Улфельда, Датскаго посланника къ Іоанну Грозному, также какъ и рисунки 114 и 115.

Теперь Царь, опричь стараго Московскаго двора, въ которомъ было сосредоточено и управленіе всѣмъ Государствомъ, учреждалъ свой «особный дворъ» изъ преданнѣйшихъ ему слугъ; во дворѣ этомъ должны были быть особые дворецкіе, казначеи, дьяки, придворные, бояре, окольничьи, а также особые служилые люди и своя дворня во дворцахъ: Сытномъ, Кормовомъ, Хлѣбенномъ и другихъ. Всего въ Опричнину Государь приказалъ выбрать 1.000 человѣкъ изъ бояръ, князей, боярскихъ дѣтей и прочихъ людей разнаго званія, и для содержанія какъ ихъ, такъ и своего двора отдѣлить свыше 20 городовъ, а также и нѣсколько улицъ въ самой Москвѣ. Все это и составило первоначально Опричнину. Остальныя же части Государства, въ нее не вошедшія, образовали «Земщину», вѣдать коей Іоаннъ поручилъ боярской думѣ съ князьями Мстиславскимъ и Бѣльскимъ во главѣ, причемъ они должны были докладывать ему только о важнѣйшихъ дѣлахъ.

Учреждая Опричнину, Государь рѣшилъ покинуть свой кремлевскій дворецъ и приказалъ строить новый, между Арбатомъ и Никитскою улицей, но большую часть своего времени сталъ проводить въ Александровской слободѣ, взявъ изъ Земскаго приказа за свой подъемъ 100.000 рублей.

Вслѣдъ за учрежденіемъ Опричнины, началось разслѣдованіе о сторонникахъ Курбскаго, умышлявшихъ съ нимъ всякія лихія дѣла, послѣ чего виновные были подвергнуты наказанію, но съ разборомъ: такъ, князь Александръ Горбатый-Шуйскій съ молодымъ сыномъ Петромъ и родственниками: двумя Ховриными, князьями Иваномъ Сухимъ-Кашинымъ, Димитріемъ Шевыревымъ и Петромъ Горенскимъ-Оболенскимъ, подверглись смертной казни, причемъ послѣдній былъ пойманъ на отъѣздѣ. Казнены были также князья Иванъ Куракинъ и Димитрій Нѣмой, но бояринъ Иванъ Яковлевъ, бившій челомъ за свою проступку, получилъ прощеніе; точно также были выручены изъ подъ опалы князь Василій Серебряный съ сыномъ и Левъ Салтыковъ съ двумя сыновьями, а нѣсколько позднѣе билъ челомъ за проступку и былъ возвращенъ изъ ссылки съ Бѣлоозера знаменитый князь Михаилъ Воротынскій; были прощены также князь Иванъ Охлябининъ и бояринъ Очинъ-Плещеевъ.

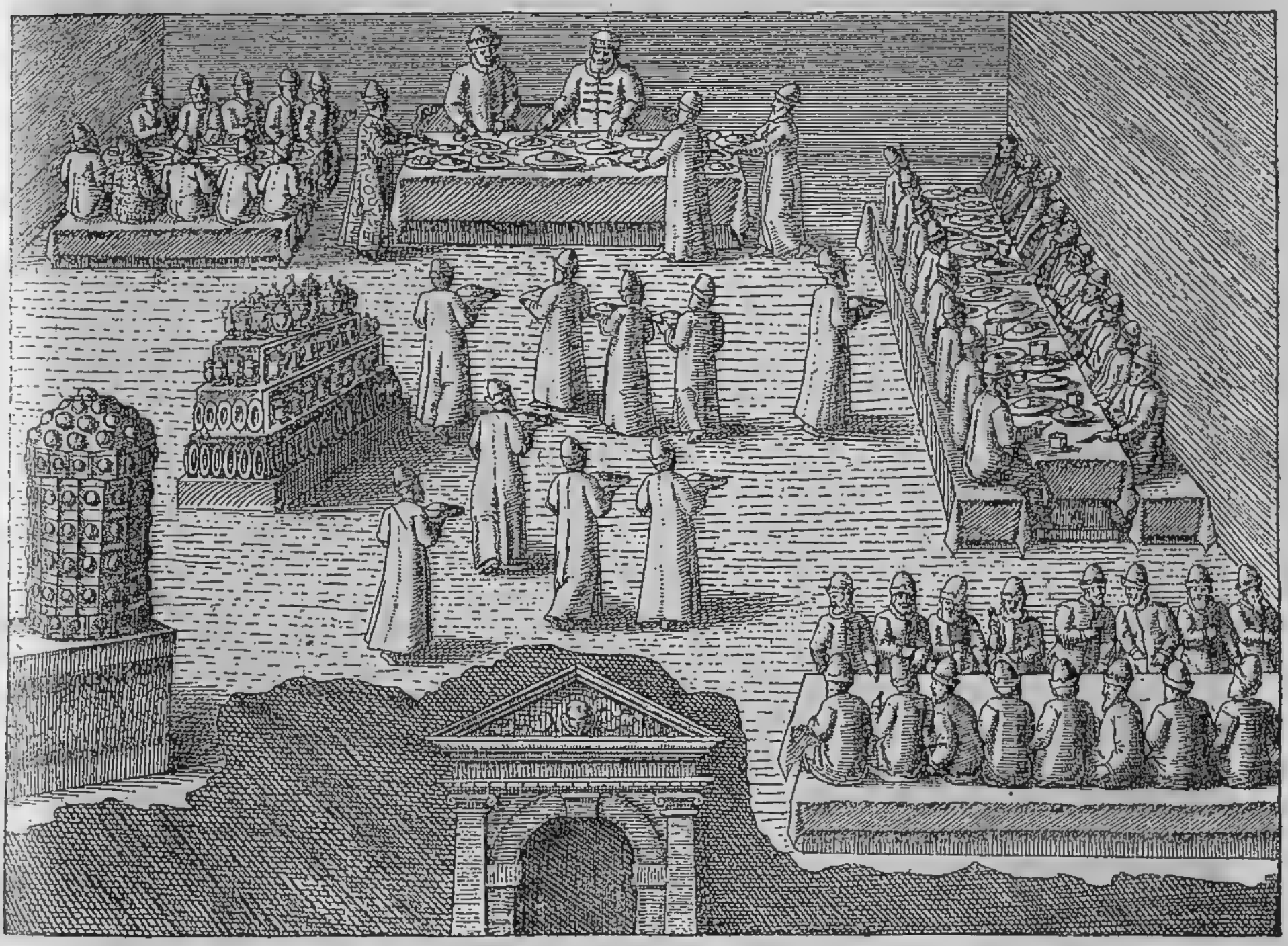


114. Пріемъ посланниковъ въ Александровской слободѣ.
Съ правой стороны Царя сидитъ его старшій сынъ Іоаннъ; передъ нимъ стоятъ, одѣтые въ бѣлый шелкъ, рынды съ приподнятыми топорами.

Поселившись въ Александровской слободѣ, Іоаннъ сталъ вести со своимъ новымъ дворомъ странный образъ жизни; онъ устроилъ родъ общежительнаго монастыря, въ которомъ самъ былъ игуменомъ, князь Аѳанасій Вяземскій—келаремъ, а Григорій Лукьяновичъ Плещеевъ-Бѣльскій, извѣстный больше подъ прозвищемъ Малюты Скуратова—пономаремъ; 300 же опричниковъ составляли остальную братію и носили поверхъ своего платья черныя монашескія рясы, а на головахъ тафьи.

Отличавшійся большою набожностью Іоаннъ вставалъ съ царевичами въ четыре часа утра, самъ шелъ на колокольню и начиналъ благовѣстить.

Заслышавъ звонъ колокола, иноки-опричники, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, спѣшили къ заутренѣ, во время которой Царь самъ читалъ Апостолъ, пѣлъ на крылосѣ и молился такъ усердно, безпрерывно кладя поклоны, что на лбу его зачастую появлялись синяки и ссадины. Послѣ заутрени слѣдовала обѣдня. Отстоявъ ее, всѣ шли къ общей трапезѣ; за ней Іоаннъ читалъ вслухъ различныя поученія; затѣмъ, долго бесѣдовали по вопросамъ о вѣрѣ, а вечеромъ всѣ опять отправлялись къ вечернѣ. Днемъ, въ промежутокъ между церковными службами, шли



115. Праздничный обѣдъ въ Александровской слободѣ.
Съ правой стороны Царя сидитъ его старшій сынъ Іоаннъ.

занятія государственными дѣлами, причемъ подозрѣваемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ пытали тутъ же въ застѣнкахъ. Къ ночи Царь удалялся въ свою опочивальню и часто призывалъ къ себѣ стариковъ-сказочниковъ, подъ разсказы которыхъ онъ засыпалъ.

Царскіе опричники, разъѣзжая по Русской Землѣ, чтобы искоренить измѣну и крамолу, скоро заслужили, по отзывамъ многихъ, своимъ дерзкимъ и сварливымъ поведеніемъ общую ненависть; по разсказамъ двухъ Нѣмцевъ Крузе и Таубе, во многомъ, впрочемъ, явно недостовѣрныхъ, опричники ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что грызутъ лиходѣевъ Царскихъ и метутъ Россію.

Вотъ общее впечатлѣніе объ Опричнинѣ, которое вынесли, по дошедшимъ о ней свѣдѣніямъ, нѣкоторые изслѣдователи Русской жизни, полагавшіе, что Іоаннъ создалъ ее исключительно подъ вліяніемъ страшнаго озлобленія, съ тѣмъ, чтобы, раздѣливъ свое Государство на двѣ части, одну, опальную Земщину, оставить за боярской думой, а другую взять себѣ, заповѣдавъ ей «оную часть людей насиловати и смерти предавати»; при этомъ, онъ создалъ Опричнину, повидимому по совѣту своихъ двухъ новыхъ приближенныхъ: Василія Юрьева и Алексѣя Басманова-Плещеева.

116. Іоаннъ Грозный и сказочники.

Рисунокъ художника Каверзнева.

При такомъ взглядѣ на Опричнину, она представляется лишеннымъ всякаго государственнаго смысла. Но на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Странное учрежденіе, созданное Іоанномъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ сильнѣйшаго болѣзненнаго раздраженія, тѣмъ не менѣе заключало въ себѣ глубокій смыслъ. Опричнина была учреждена имъ въ цѣляхъ веденія строго продуманной и безпощадной борьбы съ боярствомъ, сохранившимъ свои старыя удѣльныя притязанія; борьба эта имѣла задачей совершенно уничтожить родовитое боярство и замѣнить его «дворянствомъ», сословіемъ служилыхъ людей, награждаемыхъ Государемъ исключительно за ихъ вѣрную службу.

Если мы припомнимъ, что высказывалъ Иванъ Пересвѣтовъ въ своихъ запискахъ, поданныхъ Государю въ пятидесятыхъ годахъ, то увидимъ въ учрежденіи Опричнины преемственную связь съ его мыслями.

Вѣрнѣйшее средство сломить силу боярства заключалось, конечно, въ сведеніи его съ тѣхъ обширныхъ земельныхъ владѣній, которыми обладали бывшіе потомки удѣльныхъ князей, и притомъ обладали почти какъ независимые государи, имѣя свой дворъ, многочисленныхъ вооруженныхъ воиновъ (иногда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ) и большое количество подданныхъ слугъ, которыхъ они жаловали и наказывали по своему усмотрѣнію, мало считаясь съ Московскимъ законодательствомъ, обязательнымъ для служилыхъ помѣщиковъ и прочаго тяглаго люда.

Учреждая Опричнину, какъ мы видѣли, Государь отобралъ на ея нужды болѣе 20 городовъ съ волостями, а также часть города Москвы. Вскорѣ первоначальное число опричниковъ съ 1.000 человѣкъ было увеличено до 6.000. Весь этотъ людъ, большею частью изъ военно-служилаго сословія, или «довѣренныхъ капитановъ», по выраженію Англичанина Горсея, долженъ былъ, разумѣется, награждаться за свою службу обычнымъ въ Московскомъ Государствѣ порядкомъ, то есть получать земли въ видѣ помѣстій.

Мы видѣли, что уже въ 1550 году, вѣроятно подъ вліяніемъ посланій Ивана Пересвѣтова, Іоаннъ надѣлилъ вокругъ Москвы тысячу ратныхъ людей помѣстьями. Теперь, съ учрежденіемъ Опричнины, вошедшія въ ея составъ лица также награждались помѣстьями, причемъ имъ, по большей части, давались земельные участки, состоявшіе во владѣніи бояръ; бояры-же эти получали новые надѣлы, преимущественно на окраинахъ Государства, съ населеніемъ которыхъ у нихъ не было никакихъ связей. «Государь,—говоритъ лѣтописецъ,—вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ».

Такимъ образомъ, отписавъ первоначально въ Опричнину 20 слишкомъ городовъ, Іоаннъ въ послѣдующіе годы настолько увеличилъ ея владѣнія, что онѣ обнимали уже добрую половину Государства; при этомъ, Опричнина захватила какъ разъ тѣ мѣстности, гдѣ были когда то расположены владѣнія удѣльныхъ князей, землями которыхъ обладали теперь ихъ потомки бояре—княжата, въ средней части Московскаго Государства; кромѣ того, въ составъ Опричнины постепенно перешли: Поморье, т. е. всѣ обширныя сѣверныя земли до Бѣлаго моря, а также города, лежащіе на важнѣйшихъ путяхъ изъ Москвы: въ направленіи къ Балтійскому морю—Старая Русса съ Торговой стороной Великаго Новгорода; Можайскъ и Вязьма—по дорогѣ въ Смоленскъ и Литву; Болховъ и Карачевъ, также на дорогѣ къ Литвѣ, и, наконецъ, среднее теченіе Волги отъ Ярославля до Балахны. Такимъ образомъ, Опричнина захватила всѣ важнѣйшія части Государства въ свои руки, оставя Земщинѣ только окраины.

Всѣ земли, переходившія въ Опричнину, попадали подъ строгій, непосредственный надзоръ Грознаго Царя. Старые владѣтели, здѣсь сидѣвшіе, какъ мы говорили, надѣлялись обыкновенно на окраинахъ новыми земельными

участками, а ихъ вотчины дѣлились на помѣстья военно-служилыхъ людей, причемъ въ нихъ тщательно выводились всѣ бывшіе удѣльные порядки и устанавливалось однообразное для всѣхъ Московское законодательство.

«Такъ,—говоритъ нашъ извѣстный историкъ С. Ѳ. Платоновъ,—захвативъ въ Опричнину старинныя удѣльныя владѣнія для испомѣщенія своихъ новыхъ слугъ, Грозный производилъ тамъ коренныя перемѣны, замѣняя остатки удѣльныхъ переживаній новыми порядками, которые равняли всѣхъ передъ лицомъ Государя».

117. Карта, показывающая земли Московскаго Государства, отошедшія въ Опричнину.

Учрежденіе Опричнины достигло своей цѣли и въ корнѣ подорвало высшее боярство; отъ указанныхъ земельныхъ передвиженій оно, конечно, страшно обѣднѣло и лишилось почвы, которую имѣло въ своихъ наслѣдственныхъ отчинахъ; борьба Московскаго Государя съ этимъ боярствомъ, какъ мы видѣли, была необходима, чтобы покончить съ пережитками удѣльнаго времени, но она обошлась очень дорого; быстрое перераспредѣленіе земельныхъ имуществъ на огромномъ пространствѣ Русской Земли повело за собой, разумѣется, общее хозяйственное потрясеніе и вызвало значитель-

ное недовольство у большого количества людей; насильственныя и дерзкія дѣйствія опричниковъ способствовали развитію этого недовольства въ еще болѣе сильной степени; наконецъ, постоянное противодѣйствіе своимъ распоряженіямъ и непрекращавшіеся измѣны и заговоры—все это въ высшей степени болѣзненно дѣйствовало на уже подорваннаго въ своемъ здоровьи Государя, доводя его временами до полнаго изступленія; придя въ себя, онъ, конечно, какъ глубоко вѣрующій человѣкъ, искренно сокрушался о всемъ содѣянномъ имъ, каялся и молился съ чрезвычайнымъ усердіемъ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ своего страстнаго нрава, предавался опять кровавымъ казнямъ, или же искалъ забвенія въ разгулѣ.

Такова была Опричнина и ея слѣдствія. Не надо, однако, думать, что Іоаннъ, создавая ее, имѣлъ въ виду вызвать раздѣленіе и взаимную вражду въ Государствѣ. Изъ дошедшихъ до насъ распоряженій того времени, мы видимъ, что правительство вовсе не считало Опричнину и Земщину врагами между собой; наоборотъ, оно часто предписывало обѣимъ согласныя дѣйствія по разнымъ вопросамъ. Такъ, въ одной грамотѣ 1570 года мы читаемъ: «Приказалъ Государь о (Литовскихъ) рубежахъ говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины...; и бояре обои, земскіе и изъ опришнины о тѣхъ рубежѣхъ говорили»—и пришли къ одному общему рѣшенію. Точно также далеко не всѣ жители Московскаго Государства относились враждебно къ Опричнинѣ, какъ это принято думать. Купцы въ городахъ, лежавшихъ на великихъ торговыхъ путяхъ, вовсе не были недовольны, когда они перешли къ Опричнинѣ. Представители-же Англійскаго Торговаго Общества добивались этого перехода какъ милости. Наконецъ, богатѣйшіе люди, владѣвшіе обширнымъ земельнымъ пространствомъ у Урала—Строгановы, также просили о подчиненіи ихъ Опричнинѣ.

Но, несомнѣнно, Опричнина возбуждала неудовольствіе весьма многихъ лицъ, особенно же среди боярства; вскорѣ послѣ ея учрежденія, посланный Сигизмундомъ- Августомъ къ Іоанну гонцомъ, какой-то Козловъ, донесъ королю, что успѣлъ склонить всѣхъ Московскихъ бояръ къ измѣнѣ; вслѣдствіе этого, Сигизмундъ-Августъ отправилъ черезъ того же Козлова грамоты князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Челяднину съ приглашеніемъ перейти въ Литву. Грамоты эти попались въ руки Іоанна; онъ приказалъ составить отъ помянутыхъ бояръ письмо Сигизмунду въ рѣзкихъ выраженіяхъ и назначилъ строжайшее разслѣдованіе; достаточныхъ уликъ противъ Бѣльскаго, Мстиславскаго и Воротынскаго не было—и они наказаній не понесли, но старый бояринъ Челяднинъ былъ казненъ вмѣстѣ съ женой и соумышленниками, князьями Куракинымъ-Булгаковымъ, Ряполовскимъ, тремя Ростовскими, Щенятевымъ, Турунтай-Пронскимъ и казначеемъ Тютинымъ.

Стоявшій во главѣ Земщины князь Иванъ Мстиславскій далъ въ 1571 году слѣдующую запись: «Я, князь Иванъ Мстилавскій, Богу, Свя-

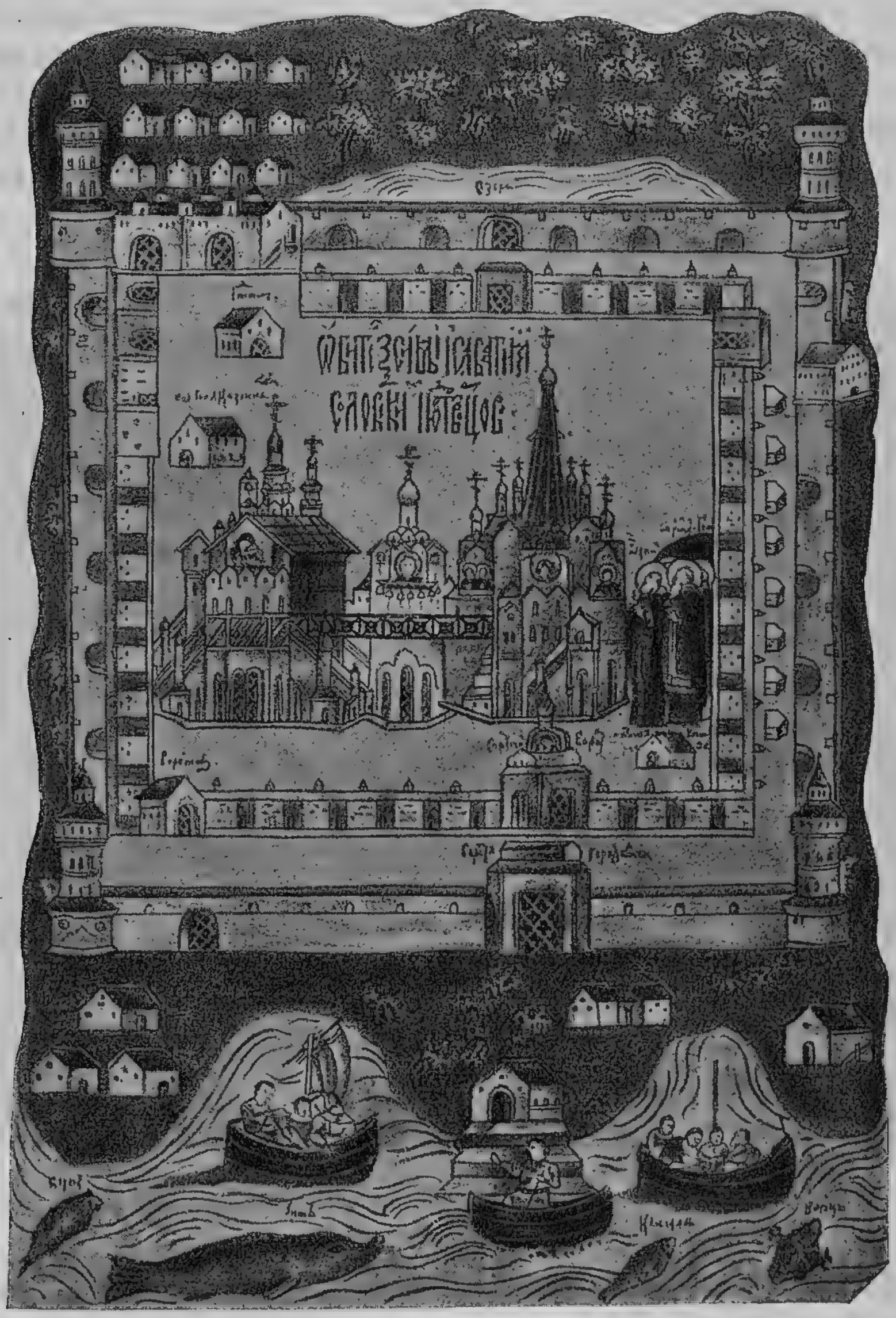
118. „Князь Тверской".

Это изображеніе человѣка среднихъ лѣтъ съ Татарскими чертами лица и съ приведенной подъ нимъ подписью, несомнѣнно написанное во второй половинѣ XVI вѣка, находится нынѣ въ портретной галлереѣ Несвижскаго замка князей Радзивиллъ. Принимая во вниманіе, что Тверское княжество было присоединено къ Москвѣ въ 1485 году, и что послѣ этого только Симеонъ Бекбулатовичъ получилъ во второй половинѣ XVI вѣка наименованіе великаго князя Тверского, по всѣмъ даннымъ, мы имѣемъ передъ собой современное изображеніе именно его.

тымъ Божіимъ церквямъ и всему Православному христіанству вѣры своей не соблюлъ, Государю своему, его дѣтямъ и его Землѣ, всему Православному христіанству и всей Русской Землѣ измѣнилъ, навелъ съ моими товарищами безбожнаго Крымскаго Девлетъ-Гирея царя»... Нашествіе это, какъ мы увидимъ, чрезвычайно дорого стоило Государству.

Однако, Іоаннъ счелъ почему-то возможнымъ простить Мстиславскаго; но послѣдній не переставалъ заводить крамолу, и въ 1574 году Государь рѣшилъ его замѣнить крещенымъ Татариномъ Касимовскимъ ханомъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, причемъ по странной причудѣ, не выясненной и до настоящаго времени, наименовалъ его Царемъ. «Казнилъ Царь на Москвѣ у Пречистой на площади въ кремлѣ», говоритъ по этому поводу лѣтописецъ, «многихъ бояръ, архимандрита Чудовскаго, протопопа и всякихъ чиновъ людей много, а головы метали подъ дворъ Мстиславскаго. Въ то же время произволилъ Царь Иванъ Васильевичъ и посадилъ Царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича и Царскимъ вѣнцемъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и вы-

шелъ изъ города и жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ Царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ, и какъ пріѣдетъ къ



119. Заглавный листъ съ видомъ Соловецкаго монастыря рукописнаго лицевого житія преподобныхъ Савватія и Зосимы.

Изъ собранія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Александра III въ Москвѣ, также какъ и рисунки 120 и 121.

Царю Симеону, ссаживается отъ Царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами». Несмотря, однако, на этотъ неслыханный почетъ, Іоаннъ воли Симеону не давалъ и самъ велъ всѣ важнѣйшія дѣла, а затѣмъ и свелъ его черезъ два

года съ Москвы въ Тверь, давъ ему наименованіе великаго князя Тверского.

Видя, что слово Опричнина возбуждаетъ много неудовольствія и лишніе толки у иностранныхъ государей, Іоаннъ рѣшилъ его замѣнить словомъ Дворъ, но по существу она оставалась той-же и при новомъ своемъ наименованіи.

Любопытныя наставленія давались гонцамъ, отправлявшимся въ Литву; на случай, если ихъ спросятъ объ Опричнинѣ, имъ приказано было

120. Чудо преподобныхъ Савватія и Зосимы: Спасеніе Соловецкаго монастыря отъ пожара мельницъ.

говорить: «Мы не знаемъ Опричнины; кому велитъ Государь жить близко себя, тотъ и живетъ близко, а кому далеко, тотъ далеко. Всѣ люди Божіи, да Государевы»... «Если же кто станетъ спрашивать: для чего Государь велѣлъ поставить себѣ дворъ за городомъ?—отвѣчать: для своего Государскаго прохладу».

Злоупотребляя излишнимъ Царскимъ довѣріемъ, опричники, усердно искореняя боярскую крамолу, позволяли себѣ, какъ мы говорили, много насилій и своеволій, а также и оговаривали многихъ невинныхъ людей, которые дѣлались затѣмъ жертвами подозрительности Іоанна.

И вотъ, на защиту этихъ невинныхъ жертвъ смѣло выступилъ противъ Грознаго Царя святитель Филиппъ, выбранный самимъ Іоанномъ на Московскую митрополію, вслѣдъ за Аѳанасіемъ и Германомъ—преемниками Макарія. Филиппъ происходилъ изъ боярскаго рода Колычевыхъ, родственнаго съ Захарьиными-Юрьевыми-Кошкиными и Шереметевыми.

Въ молодости своей онъ состоялъ при великокняжескомъ дворѣ и Іоаннъ, будучи еще ребенкомъ, зналъ его лично. Скоро Филиппъ, наскучивъ міромъ, постригся и, пройдя чрезъ самое суровое подвижничество въ Соловецкомъ

121. Чудо преподобныхъ Савватія и Зосимы: избавленіе ими двухъ юношей отъ погони Татаръ за Дономъ.

монастырѣ, былъ поставленъ въ немъ игуменомъ; въ этомъ званіи онъ быстро стяжалъ себѣ извѣстность своими замѣчательными хозяйственными способностями, и бѣдная до него обитель, славная до той поры лишь святостью жизни своихъ иноковъ и многими чудесами, явленными ея первыми основателями Святыми Савватіемъ и Зосимою, быстро пришла въ цвѣтущее состояніе. Въ 1566 году Государь вызвалъ Филиппа въ Москву и объявилъ о своемъ желаніи видѣть его на митрополичьемъ столѣ. Послѣдній отвѣтилъ, что согласенъ—подъ условіемъ уничтоженія

Опричнины. Царь разгнѣвался, однако настоялъ на своемъ, причемъ Филиппъ, принимая новый высокій санъ, обязался особой записью: «въ Опричнину ему и въ Царскій домовой обиходъ не вступаться, а послѣ поставленія, за Опричнину и за Царскій домовый обиходъ митрополіи не оставлять».

Но, конечно, Филиппъ не отказался отъ исконнаго права Русскихъ святителей—печаловаться за несчастныхъ, что незамедлило привести его къ полному разрыву съ Іоанномъ. Между нимъ и Царемъ стали происходить по окончаніи обѣдни разговоры въ родѣ слѣдующаго:

Филиппъ. «Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые Цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь; у самихъ язычниковъ не происходило ничего такого».

Іоаннъ. «Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ Царскихъ совѣтовъ? Развѣ ты не знаешь, что ближніе мои встали на меня и хотятъ меня поглотить? Одно тебѣ говорю, отче святый, молчи и благослови насъ».

Филиппъ. «Я пастырь стада Христова. Наше молчаніе умножаетъ грѣхи твоей души и можетъ причинить ей смерть».

Іоаннъ. «Филиппъ! Не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ».

Филиппъ. «Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни подкупа, чтобы получить сей санъ. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни? Если каноны для тебя ничего не значатъ, твори свою волю».

Или:

Филиппъ. «Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія предъ Богомъ; прощай же и другихъ, согрѣшающихъ передъ тобой».

Іоаннъ. «О, Филиппъ, нашу ли волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами».

Филиппъ. «Тогда суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о невинно преданныхъ смерти скорблю, они мученики. О тебѣ скорблю, о твоемъ спасеніи пекусь».

Іоаннъ. «Ты противишься нашей державѣ; посмотримъ на твою твердость».

Филиппъ. «Я пришлецъ на землѣ, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана и всякія муки».

28 іюля 1568 года Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, куда прибылъ и Іоаннъ съ опричниками, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ въ тафьѣ. Возмущенный святитель сказалъ объ этомъ Государю, но опричникъ успѣлъ уже спрятать тафью, а Іоанна увѣрили, что Филиппъ это выдумалъ, что, конечно, опять до крайности раздражило перваго. А между тѣмъ, многочисленные враги Филиппа среди опричниковъ нашли себѣ союзниковъ и въ духовенствѣ, при чемъ хитрый Царскій духовникъ Евстафій былъ въ ихъ числѣ; скоро преемникъ Филиппа въ Соловецкомъ

монастырѣ, игуменъ Паисій, прислалъ на него доносъ и святителя предали духовному суду. Филиппъ не оправдывался на клеветы, которыя возводилъ на него Паисій съ неслыханной дерзостью, а только тихо сказалъ ему, что злое сѣяніе не принесетъ ему вожделѣннаго плода. Затѣмъ онъ снялъ съ себя бѣлый клобукъ и мантію, и вмѣстѣ съ жезломъ хотѣлъ передать ихъ Царю, но Іоаннъ принудилъ его взять ихъ обратно и приказалъ служить еще обѣдню 8 ноября, въ праздникъ Михаила Архангела.

Въ этотъ день, во время службы, въ Успенскій соборъ явился бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпой опричниковъ; онъ громко прочелъ приговоръ церковнаго суда, по которому Филиппъ лишался пастырскаго сана, а затѣмъ опричники съ безчестіемъ вывели святителя изъ церкви и, посадивъ на сани, отвезли въ обитель Св. Николы Стараго, на берегу Москвы рѣки. Толпы народа бѣжали за Филиппомъ, проливая слезы. Черезъ восемь дней его перевели въ Тверской Отрочъ монастырь. Общепринято думать, что Филиппъ былъ задушенъ черезъ годъ въ этомъ монастырѣ свирѣпымъ Малютою Скуратовымъ; въ музеѣ Императора Александра III въ С.-Петербургѣ имѣется превосходная картина нашего выдающагося художника Новоскольцева, гдѣ изображено, какъ Филиппъ, въ видѣ ветхаго старца, молится въ своей кельѣ, въ которую входитъ, чтобы его задушить, Малюта Скуратовъ. Но, повидимому, эта картина не отвѣчаетъ дѣйствительности; на всѣхъ древнихъ иконахъ Филиппъ изображенъ нестарымъ человѣкомъ, значительно моложе святителей Петра, Алексія и Іоны, съ темной окладистой бородой безъ сѣдины; «Святой Филиппъ митрополитъ—русъ, борода кругла, изчерна»—сказано въ описаніи его изображенія на тройномъ складнѣ Московскихъ чудотворцевъ, приведенномъ на рисункѣ 219; имѣются также извѣстія, по которымъ Филиппъ былъ отправленъ въ Александровскую слободу и уже тамъ замученъ. Во всякомъ случаѣ, вполнѣ достовѣрно одно, что Филиппъ постоянно печаловался за осужденныхъ, неустрашимо высказывалъ Іоанну порицаніе за его жестокости и образъ жизни, и за все

122. Святой Филиппъ, митрополитъ Московскій.

Съ древней иконы четырехъ святителей Московскихъ, въ иконостасѣ Ипатіевскаго монастыря въ г. Костромѣ.

это перенесъ страданіе. Православная церковь причислила его къ лику Святыхъ.

Мѣсто Филиппа заступилъ Троицкій архимандритъ Кириллъ, человѣкъ добрый, но слабый.

Подвергая коренному пересмотру боярское землевладѣніе, Іоаннъ не оставилъ сидѣть на мѣстѣ и двоюроднаго своего брата князя Владиміра Андреевича: взамѣнъ Старицы и Вереи, онъ далъ ему въ удѣлъ Дмитровъ и Звенигородъ. По одному иностранному извѣстію, Владиміръ Андреевичъ замышлялъ поддаться въ 1568 году Сигизмунду-Августу, но это ему не удалось; повидимому, онъ погибъ въ началѣ 1569 года, хотя достовѣрныхъ свѣдѣній и подробностей о его смерти не имѣется.

123. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

По описанію современниковъ.

Въ томъ же 1569 году, страшный Царскій гнѣвъ обрушился и на Великій Новгородъ.

Іоаннъ получилъ доносъ отъ нѣкоего Петра Волынца, что Новгородцы, во главѣ съ архіепископомъ Пименомъ и лучшими людьми, хотятъ передаться Польскому королю, съ которымъ мы были въ войнѣ, при чемъ грамота объ этомъ уже написана и положена за образомъ Богоматери въ Софійскомъ соборѣ. Чтобы удостовѣриться въ справедливости полученнаго доноса, Іоаннъ послалъ довѣреннаго человѣка съ Волынцемъ въ Новгородъ; грамота дѣйствительно была найдена въ указанномъ мѣстѣ и подписи архіепископа Пимена и другихъ лучшихъ людей были признаны подлинными.

Это привело Іоанна въ неописуемую ярость. Онъ лично выступилъ въ походъ въ концѣ 1569 года изъ Александровской слободы, рѣшивъ предать огню, мечу и пожару всѣхъ жителей виновной области; разгромъ начался уже съ Клина, при чемъ особенно пострадала Тверь.

2 января 1570 года, передній Царскій отрядъ подошелъ къ Новгороду и окружилъ его со всѣхъ сторонъ, чтобы никто не могъ бѣжать. Затѣмъ начались страшныя пытки, казни и убійства; множество священнослужителей было поставлено на такъ называемый *правежъ*,—взысканіе, накладываемое

на неисправныхъ должниковъ *). Самъ Іоаннъ со старшимъ сыномъ расположился на Городищѣ. Игуменовъ и монаховъ, стоявшихъ на правежѣ, онъ приказалъ избить до смерти палками и развести по монастырямъ для погребенія. Прибывъ въ воскресенье въ кремль у Святой Софіи, чтобы отслушать обѣдню, Царь отстранилъ протянутый ему владыкой крестъ и

124. Іоаннъ Грозный и юродивый Николай Салосъ.

Рисунокъ художника Геллера.

грозно сказалъ Пимену: «Ты, злочестивый, держишь въ рукѣ не крестъ, а оружіе, и этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце со своими единомышленниками, здѣшними горожанами, хочешь нашу отчину, этотъ великій богоспасаемый Новгородъ, предать иноплеменникамъ, Литовскому королю

*) Поставленіе на правежъ заключалось въ томъ, что неисправныхъ должниковъ ежедневно выводили на площадь и били до тѣхъ поръ по ногамъ, пока долгъ не былъ уплаченъ.

Сигизмунду-Августу; съ этихъ поръ ты не пастыръ и не учитель, но волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ нашей Царской багряницы и вѣнцу досадитель». Послѣ обѣдни, во время стола въ архіерейскомъ домѣ, Пименъ по приказу Іоанна былъ отданъ подъ стражу, а все его имущество взято въ казну. Затѣмъ начался судъ надъ Новгородцами подъ непосредственнымъ надзоромъ самого Царя. Ихъ по очереди приводили къ нему, пытали, жгли какою-то, по словамъ лѣтописца, «составною мудростью огненной—поджаромъ», а затѣмъ лишали жизни, сбрасывая въ воду, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; боярскіе дѣти и стрѣльцы ѣздили въ лодкахъ по Волхову и кололи рогатинами и копьями всѣхъ выплывающихъ, чтобы никто не могъ спастись. Вслѣдъ за этими казнями, отъ которыхъ погибло, повидимому, около 1.500 человѣкъ, Іоаннъ приказалъ предать полному разгрому всѣ мѣстности вокругъ города, при чемъ уничтожалось не только имущество, но также и домашній скотъ.

13 февраля 1570 года, Іоаннъ объявилъ оставшимся въ живыхъ Новгородцамъ, что снимаетъ съ нихъ опалу, а взыщетъ только съ Пимена и его злыхъ совѣтниковъ, послѣ чего покинулъ городъ, направляясь во Псковъ.

Псковичи въ трепетѣ ожидали такой же участи, какая постигла Новгородъ, такъ какъ и они были обвинены въ желаніи поддаться Сигизмунду-Августу. По совѣту своего намѣстника, князя Токмакова, при въѣздѣ Іоанна въ городъ, всѣ жители встрѣтили его хлѣбомъ-солью, каждый передъ своимъ домомъ, стоя на колѣняхъ со всей семьею. Это, повидимому, смягчило Грознаго. Преданіе говоритъ, что послѣ въѣзда въ городъ, Іоаннъ посѣтилъ юродиваго Николая Салоса, который предложилъ ему, несмотря на постъ, кусокъ сырого мяса, укоряя въ кровожадности и предсказывая великія несчастія, если онъ не пощадитъ жителей. Приказавъ взять лучшія вещи въ храмахъ, а также захватить имущество у Псковскихъ гражданъ и отобрать монастырскую казну, Іоаннъ черезъ нѣсколько дней покинулъ Псковъ и вернулся въ Москву, гдѣ немедленно же началось слѣдственное дѣло о Новгородской измѣнѣ.

Дѣло это до насъ, къ сожалѣнію, не дошло, а осталась только запись о немъ въ переписной книгѣ Посольскаго приказа, приведенная Н. М. Карамзинымъ въ «Исторіи Государства Россійскаго»:... «Статейный списокъ изъ сыскнаго изъ измѣннаго дѣла 78 (1570) году на Ноугородцкаго Архіепископа на Пимина и на Новгородцкихъ Діаковъ, и на Подъячихъ, и на гостей, и на Владычныхъ Приказныхъ, и на Дѣтей Боярскихъ, и на Подъячихъ, какъ они ссылалися къ Москвѣ съ Бояры, съ Олексѣемъ Басмановымъ, и съ сыномъ его Ѳеодоромъ, и съ Казначеемъ съ Микитою Фуниковымъ, и съ печатникомъ съ Ив. съ Михайловымъ Висковатаго, и съ Семеномъ Васильевымъ сыномъ Яковля, да съ Дьякомъ Васильемъ Степановымъ, да съ Ондреемъ Васильевымъ, да со княземъ Ѳѳонасіемъ Вяземскимъ, о сдачѣ Вел. Новгорода и Пскова, что Архіеп. Пиминъ хотѣлъ съ ними Новгородъ и Псковъ отдати Литов. Королю: а

Царя и В. кн. Ив. Вас. всея Русіи хотѣли злымъ умышленіемъ извести, а на Государство посадить кн. Володимера Ондреевича, въ томъ дѣлѣ съ *пытокъ* про ту измѣну на Новгородскаго Архіепископа Пимина и на его совѣтниковъ и на себя говорили, и въ томъ дѣлѣ многіе казнены смертью, разными казньми, а иные разосланы по тюрмамъ; а до кого дѣло не дошло, и тѣ свобожены, а иные и пожалованы. Да тутъ же списокъ, кого казнити смертью, и какою казнью и кого отпустити»... Казнены были князь Петръ Оболенскій-Серебряный, Висковатый, Фуниковъ-Карцовъ, Очинъ-Плещеевъ, Иванъ Воронцовъ и многіе другіе; въ томъ числѣ были лишены жизни и любимцы Іоанновы—столпы Опричнины—Алексѣй Басмановъ и князь Вяземскій; очевидно Царь, желая быть вполнѣ безпристрастнымъ, не пожалѣлъ и ихъ; но 180 человѣкъ были прощены; архіепископъ же Пименъ, вѣроятно изъ уваженія къ его сану, былъ только сосланъ въ Веневъ. Такъ окончилось страшное Новгородское дѣло.

Нѣкоторые высказываютъ предположеніе, что Петръ Волынецъ самъ сочинилъ грамоту о передачѣ Новгорода Литвѣ, очень искусно поддѣлавъ подписи Пимена и другихъ лицъ, и затѣмъ самъ же спряталъ ее за образъ Богоматери. Рѣшить этотъ вопросъ въ настоящее время не представляется никакой возможности; во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: Іоаннъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ полной достовѣрности заговора; это ясно видно изъ наказа его князьямъ Канбарову и Мещерскому, отправленнымъ въ томъ же 1570 году заключить перемиріе съ Литвой. Имъ приказано было отвѣчать панамъ, если они спросятъ про Новгородское дѣло: «о которомъ лихомъ дѣлѣ вы съ государскими измѣнниками лазучествомъ ссылались, Богъ ту измѣну Государю нашему объявилъ, потому надъ измѣнниками такъ и сталось; нелѣпо было это и затѣвать: когда князь Семенъ-Лугвеній (сынъ Ольгерда и отецъ доблестнаго князя Юрія Мстиславскаго, славнаго предводителя Смоленскихъ дружинъ въ битвѣ на Зеленомъ полѣ) и князь Михайло Олельковичъ въ Новгородѣ были и тогда Литва Новгорода не умѣла удержать; а чего удержать не умѣемъ, зачѣмъ на то и посягать? Если спросятъ: за что Государь вашъ казнилъ казначея Фуникова, печатника Висковатаго, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ многихъ?—отвѣчать: о чемъ Государскій измѣнникъ Курбскій и вы, паны радные, съ этими Государскими измѣнниками ссылались, о томъ Богъ нашему Государю объявилъ; потому они и казнены, а кровь ихъ взыщется на тѣхъ, которые такіе дѣла лукавствомъ дѣлали, а Новгороду и Пскову за Литвой быть не пригоже».

Изъ этого наказа совершенно ясно видно, что Іоаннъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ измѣнѣ Пимена и его соумышленниковъ; въ такомъ-же случаѣ казнь являлась совершенно заслуженной карой для виновныхъ, и Іоаннъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣрамъ своихъ предшественниковъ:—Андрея Боголюбскаго, Всеволода Большое Гнѣздо, дѣда—Іоанна III, и отца—Василія III, съ той, однако, разницей, что предшественники эти во всемъ соблюдали чувство мѣры и казнили только дѣйствительно виновныхъ; Грозный же, какъ мы говорили, въ порывахъ своей ярости, часто

губилъ и невинныхъ людей, въ чемъ постоянно горько каялся, когда приходилъ въ себя, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ поминальныя записи или синодики, оставшіеся отъ него въ разныхъ монастыряхъ, для вѣчнаго поминовенія именъ казненныхъ имъ людей; при этомъ, когда онъ этихъ именъ не зналъ, или не помнилъ, то означалъ просто числомъ: «Семнадцати человѣкъ, Четырнадцати человѣкъ, Шездесять дву человѣкъ» и т. д.

Знакомясь съ порой казней при Іоаннѣ Грозномъ, не надо забывать, что нравы XVI вѣка во всей Европѣ во многомъ отличались отъ тѣхъ,

125. Христіанъ II, король Датскій и Шведскій.
Современное изображеніе, хранящееся въ королевскомъ замкѣ Фреденсборгѣ въ Даніи.

126. Карлъ IX, король Французскій.
Современное изображеніе Французской школы, хранящееся въ городѣ Шантильи во Франціи.

среди которыхъ мы живемъ въ настоящее время. Карлъ Смѣлый, герцогъ Бургундскій, жившій нѣсколько раньше Грознаго, и Людовикъ XI Французскій, про котораго мы уже упоминали,—совершили не менѣе кровавые, чѣмъ Новгородскій, разгромы городовъ Льежа и Арраса за измѣну ихъ жителей; также безпощадно жестокъ въ борьбѣ съ своимъ дворянствомъ былъ извѣстный король Датскій и Шведскій Христіанъ Второй, умершій за нѣсколько лѣтъ до рожденія Царя Іоанна Васильевича. Современниками же Грознаго были, между прочимъ: Карлъ Девятый, король Французскій, устроившій въ Парижѣ по совѣту своей матери, Екатерины Медичи, знаменитую Варфоломеевскую ночь въ 1572 году, когда католики неожиданно напали на спящихъ въ своихъ домахъ лютеранъ,

носившихъ прозваніе гугенотовъ, и безпощадно всѣхъ перебили; сынъ и преемникъ Густава Вазы, Шведскій король Эрикъ XIV, проявившій по примѣру Христіана Второго въ своей борьбѣ со Шведской знатью нисколько не меньше жестокости, чѣмъ Іоаннъ; уже знакомый намъ Генрихъ VIII, король Англійскій, не останавливавшійся передъ казнью своихъ собственныхъ женъ, которыхъ у него было нѣсколько; наконецъ, дочь этого Генриха, знаменитая пріятельница Грознаго, Англійская королева Елизавета, унаслѣдовавшая отъ отца его жестокость: «чиновники королевы Елизаветы», говоритъ извѣстный историкъ Шлоссеръ, «дѣйствовали въ 1570—1572 годахъ

127. Екатерина Медичи, мать короля Карла IX.
Современное изображеніе Французской школы, хранящееся въ городѣ Шантильи во Франціи.

128. Марія Стюартъ, королева Шотландіи.
Современное изображеніе, кисти художника Клуэ, хранящееся у князя Чарторійскаго въ Парижѣ.

такъ, что запутали въ дѣло (о мятежѣ) всѣхъ богачей и помѣщиковъ сѣвера и запада Англіи, чтобы обогатить государственную казну; число казненныхъ католиковъ простиралось до 800, и въ цѣломъ округѣ, на шестьдесятъ Англійскихъ миль длины и на сорокъ ширины, не имѣлось мѣстности, гдѣ не было бы кого-нибудь повѣшено»; та же Елизавета не задумалась подписать смертный приговоръ своей красивой соперницѣ, попавшейся въ ея руки, королевѣ Шотландской—Маріи Стюартъ, причемъ сдѣлала это, по словамъ Шлоссера, «съ отвратительнымъ лицемѣріемъ». Предшественница Елизаветы—королева Марія Тюдоръ и ея мужъ, король Филиппъ Второй Испанскій, такъ ласково принимавшіе нашего посла Іосифа Непѣю, были тоже весьма жестокими людьми; достаточно вспомнить, что Марія Тю-

доръ, не стѣсняясь, рубила головы своимъ личнымъ врагамъ, а Филиппъ для подавленія возстанія протестантовъ въ Нидерландахъ отправилъ туда съ неограниченными полномочіями свирѣпаго герцога Альбу, который учредилъ знаменитый верховный «Кровавый Совѣтъ», приговорившій 18.000 человѣкъ къ смертной казни.

Поэтому, Іоаннъ Грозный вовсе не представлялъ разительнаго исключенія среди своихъ современниковъ. «Дай Богъ», писалъ Англійскій путешественникъ Ченслеръ, посѣтившій Россію, про казни Іоанна, «чтобы и нашихъ упорныхъ мятежниковъ можно было бы такимъ же образомъ научить ихъ обязанностямъ по отношенію къ государю».

Когда императоръ Максиміліанъ II сообщилъ Іоанну о Варфоломеевской ночи, то Государь отвѣчалъ ему, и надо думать вполнѣ искренно: «Ты, братъ нашъ дражайшій, скорбишь о кровопролитіи, что у Французскаго короля въ его королевствѣ нѣсколько тысячъ перебито вмѣстѣ и съ грудными младенцами: христіанскимъ государямъ пригоже скорбѣть, что такое безчеловѣчіе Французскій король надъ столькимъ народомъ учинилъ и столько крови безъ ума пролилъ». Папа же Григорій XIII, узнавъ, что во время Варфоломеевской ночи погибло множество ненавистныхъ ему протестантовъ, устроилъ на радостяхъ великолѣпное ночное освѣщеніе Рима (иллюминацію) и приказалъ выбить по этому поводу медаль.

129. Медаль, выбитая папой Григоріемъ XIII по случаю Варфоломеевской ночи.

Не надо забывать также, что многіе разсказы о жестокостяхъ Грознаго, какъ мы уже говорили, явно преувеличены. Такъ, Англичанинъ Горсей, очевидно по слухамъ, разсказываетъ, что въ Новгородѣ было убито 70.000 человѣкъ, какого числа жителей въ немъ, конечно, и нэ было; въ синодикѣ Іоанна точно сказано: «Помяни, господи, души рабовъ твоихъ, числомъ 1.500 жителей сего города (Новгорода)». Нельзя допустить, чтобы Царь, вообще отличавшійся большой правдивостью и набожностью, сталъ лгать передъ Богомъ.

Во всякомъ случаѣ, Іоаннъ прибѣгалъ къ казнямъ въ твердомъ убѣжденіи, что онъ наказываетъ ими измѣну, и основаніемъ всѣхъ его поступковъ была всегда борьба всѣми своими силами за единство и процвѣтаніе Русской Земли. Поэтому, несмотря на жестокія казни, многіе Русскіе люди продолжали быть ему безпредѣльно преданными. Отправленный Іоанномъ въ 1575 году посломъ къ императору Максиміліану князь Сугорскій сильно занемогъ въ пути и все время говорилъ: «Если бы я могъ подняться... Жизнь моя ничто, только бы Государь нашъ здравствовалъ».—«Какъ вы можете такъ усердно служить такому тирану?»—спросили его. На это Сугорскій

отвѣчалъ: «Мы, Русскіе, преданы Царямъ и милосерднымъ и жестокимъ». Напрасно Курбскій, — говоритъ Валишевскій, — старался представить

130. Современное Нѣмецкое изображеніе посольства князя Сугорскаго со слѣдующей подписью: „Подлинное изображеніе легатій или пословъ Великаго князя изъ Москвы къ Римско-Цесарскому Величеству, также въ какомъ платьѣ и видѣ каждый изъ нихъ прибылъ ко двору, когда они Римско-Цесарскому Величеству подносили вѣрительныя грамоты и подарки въ Регенсбургѣ на сеймѣ 18 Іюля сего 1576 года".

„Печатано въ Прагѣ Михаиломъ Петерле, съ разрѣшенія Его Римско-Цесарскаго Величества. Воспрещается перепечатывать или воспроизводить въ меньшемъ или большемъ видѣ".

Хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Іоанна гонителемъ, «угнетателемъ невинности»; народное творчество приписало ему совсѣмъ иное значеніе; онъ былъ и остается доселѣ Государемъ, который искоренялъ крамолу изъ Русской Земли».

131. Увеличенное изображеніе правой части рисунка 130.

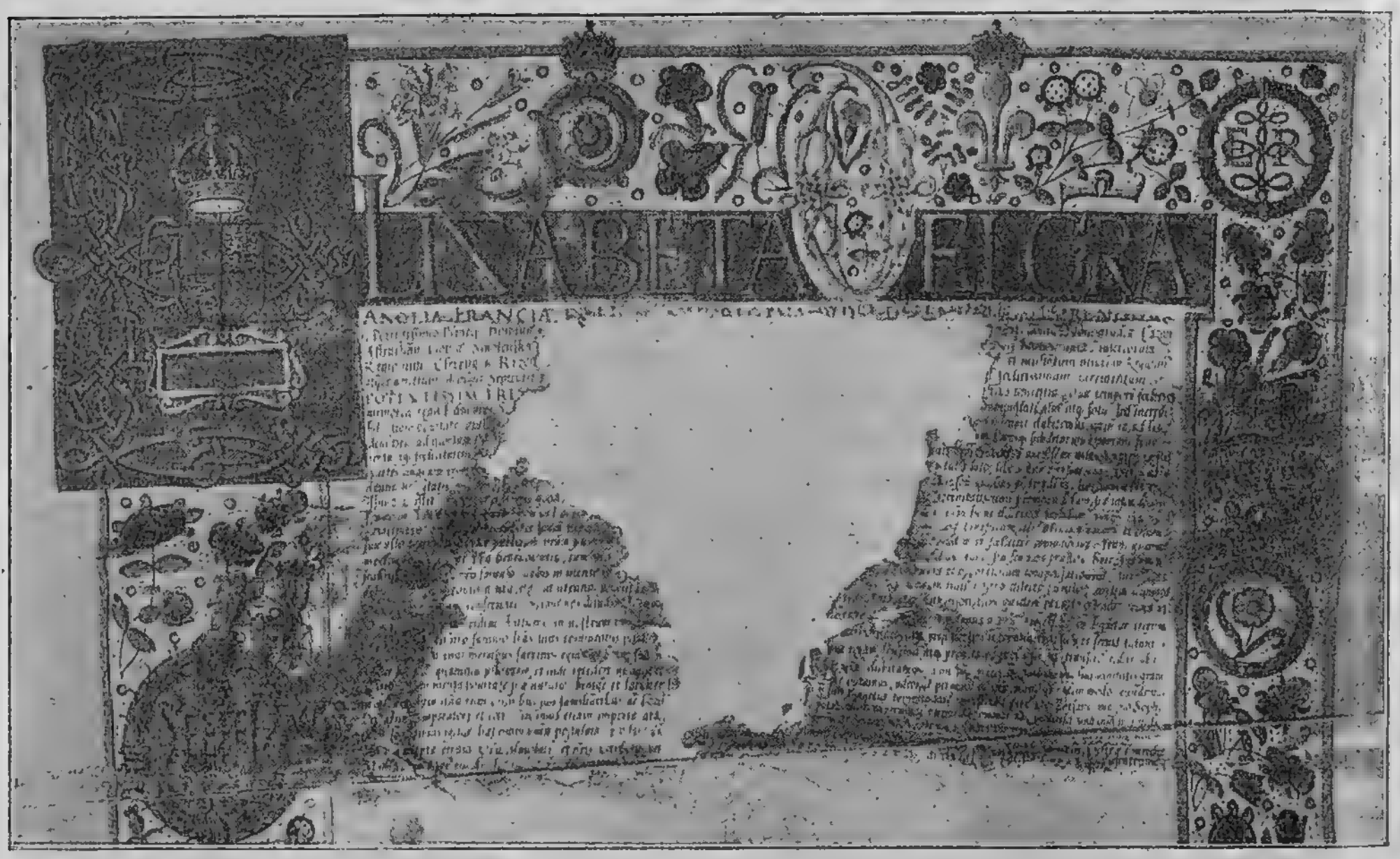
Впереди шествуютъ послы; идущій въ третьемъ ряду держитъ въ рукахъ грамоту, далѣе двое несутъ по сороку соболей.

Весьма любопытны переписка Грознаго съ Елизаветой Англійской и единственное, дошедшее до насъ, его духовное завѣщаніе, написанное

имъ въ 1572 году; какъ переписка съ Елизаветой, такъ и завѣщаніе, ярко рисуютъ душевное состояніе Іоанна.

Царь писалъ Елизаветѣ, чтобы она дала ему убѣжище въ Англіи, если онъ будетъ изгнанъ изъ отечества; на это умная королева отвѣчала, что если когда-нибудь ея дорогой братъ, великій императоръ и великій князь будетъ въ такой крайности, то она приметъ его со всей семьей съ великой радостью и честью, въ чемъ и даетъ свое слово христіанскаго вѣнценосца.

Въ завѣщаніи 1572 года, Государь, едва достигшій 42-хъ лѣтняго возраста, писалъ: «Тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, струпы душевные и тѣлесные умножились, и нѣтъ врача, который бы меня изцѣлилъ; ждалъ я кто бы со мной поскорбѣлъ—и нѣтъ никого, утѣшающихъ я не сыскалъ, воздали мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь». Далѣе, Царь высказываетъ убѣжденіе, что онъ не проченъ на царствованіи такъ же, какъ и его сыновья, и что имъ, весьма вѣроятно, предстоитъ изгнаніе и долгое скитаніе по чужимъ странамъ. При этомъ, сознавая, безъ сомнѣнія, свою страшную вспыльчивость, граничившую порой съ безуміемъ, онъ заповѣдовалъ сыновьямъ: «людей, которые вамъ прямо служатъ, жалуйте и любите... а которые лихи, и вы бы на тѣхъ опалы клали не скоро, по разсужденіи, не яростію»...



132. Заголовокъ грамоты на пергаментѣ Англійской королевы Елизаветы къ Іоанну Грозному отъ 1561 года. Середина истлѣла отъ времени.

Хранится въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

Но самъ Грозный не былъ въ силахъ слѣдовать послѣднему завѣту, и казни по разнымъ поводамъ продолжались вплоть до 1576 года, при-

чемъ весьма дурное вліяніе на него имѣлъ въ этомъ отношеніи Голландскій врачъ Елисей Бомелій, постоянно возбуждавшій подозрительнаго Царя противъ кого-нибудь, пока самъ не подвергнулся казни, уличен-

133. Елизавета, королева Англійская.

Современное изображеніе, хранящееся въ Національной галлереѣ въ Лондонѣ.

ный въ сношеніяхъ съ Польшей. За послѣднія восемь лѣтъ жизни Іоанна свѣдѣній о казняхъ не имѣется, хотя онъ продолжалъ оставаться такимъ же озлобленнымъ и угрюмымъ, одинаково скорымъ на гнѣвъ и опалы.

Этому мрачному душевному состоянію, помимо очерченной выше борьбы съ крамолой, способствовали во многомъ, какъ мы говорили, и неудачи въ семейной жизни.

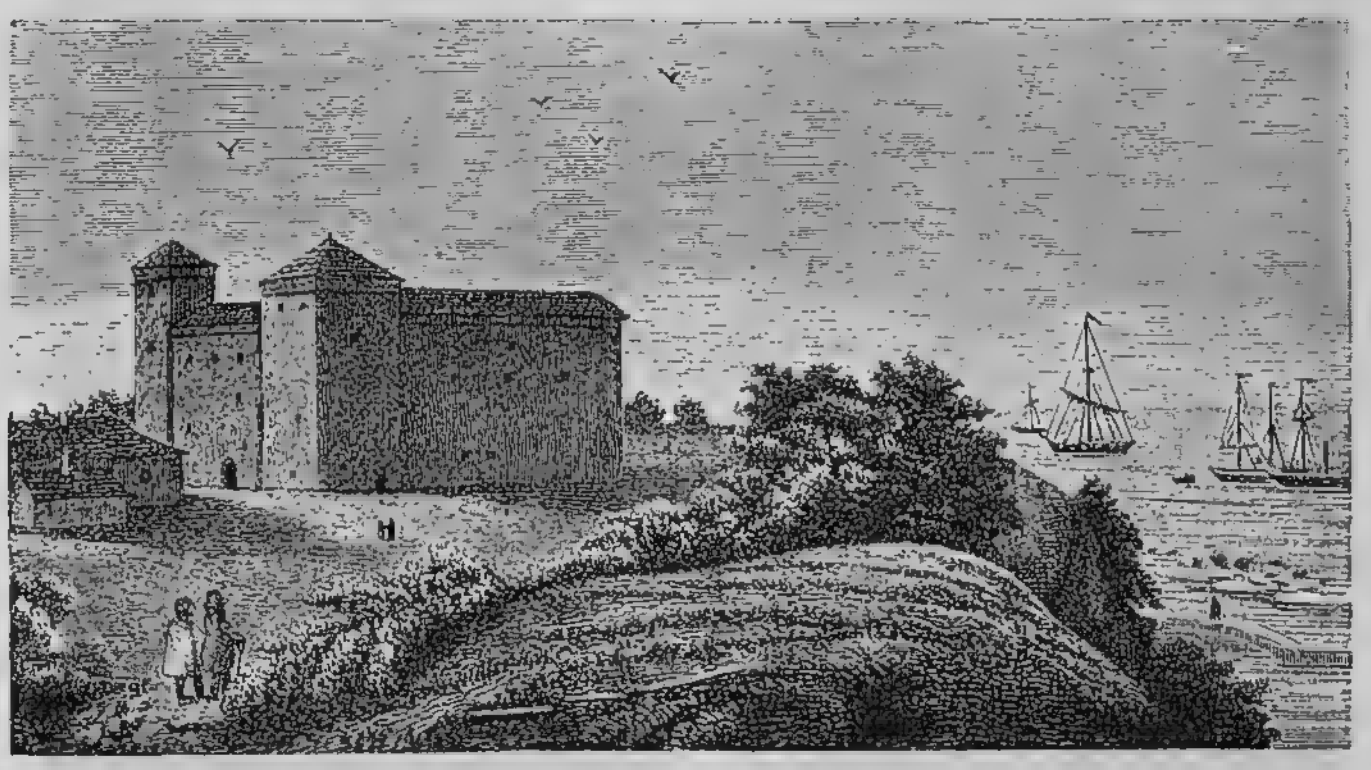
Бракъ его съ Маріей Темрюковной не былъ счастливъ, и черезъ семь лѣтъ послѣ его заключенія Іоаннъ все еще вспоминалъ Царицу Анастасію и въ память ея посылалъ богатые вклады въ Аѳонскіе монастыри. Марія умерла въ 1569 году; бояре, дворяне и приказные люди надѣли «смиренное платье» или трауръ (шубы бархатныя и камлотовыя безъ золота); всюду служились панихиды и раздавались богатыя милостыни нищимъ. Въ 1571 году Государь выбралъ себѣ въ жены Марѳу Собакину, дочь Новгородскаго купца, но она скончалась, не проживъ и мѣсяца. Тогда онъ женился въ началѣ 1572 года, вопреки церковнаго устава, въ четвертый разъ—на Аннѣ Колтовской. Для объясненія своего поступка, онъ собралъ духовенство и слезно просилъ дать ему прощеніе, причемъ объяснялъ, что первыя три жены были изведены и отравлены врагами, а что послѣ кончины Марѳы Собакиной онъ много скорбѣлъ и хотѣлъ постричься, но въ силу государственной необходимости и для воспитанія малолѣтнихъ дѣтей дерзнулъ вступить въ четвертый бракъ. Духовенство рѣшило: въ виду теплаго умиленія и раскаянія Царя—простить и разрѣшить ему этотъ бракъ, но наложить епитимію: не входить въ церковь до Пасхи; на Пасху въ церковь войти, но затѣмъ стоять годъ съ припадающими, затѣмъ стоять годъ съ вѣрными, и только послѣ этого, на слѣдующую Пасху—причаститься Святыхъ Тайнъ. Государь прожилъ съ Царицей Анной Колтовской три года, послѣ чего она заключилась въ монастырь; онъ же, вслѣдъ затѣмъ, выбралъ себѣ въ жены сперва Анну Васильчикову, и потомъ Василису Мелентьеву, съ которыми впрочемъ не вѣнчался, а бралъ только молитву, и, наконецъ, въ 1580 году женился въ послѣдній разъ на Маріи Ѳеодоровнѣ Нагой; отъ нея у него родился сынъ Димитрій.

Очертивъ важныя перемѣны, происшедшія въ жизни Государя по смерти Анастасіи Романовны, вернемся теперь къ прерванному разсказу о внѣшнихъ дѣлахъ Московскаго Государства; изъ нихъ, какъ мы видѣли, на первомъ мѣстѣ стояла борьба за обладаніе Ливоніей, распадомъ которой хотѣли воспользоваться и другія Европейскія державы. Этотъ распадъ послѣдовалъ послѣ похода Русскихъ въ 1560 году, во время коего былъ взятъ Феллинъ и плѣненъ престарѣлый магистръ Ордена Фюрстенбергъ, отправленный затѣмъ въ Москву.

Одинъ изъ крупныхъ владѣтелей Ливоніи—епископъ острова Эзеля Меннигаузенъ, тайно вошелъ въ соглашеніе съ Датскимъ королемъ Фридрихомъ Третьимъ и продалъ ему всѣ свои владѣтельныя права на Эзель, послѣ чего уѣхалъ въ Германію, перешелъ въ лютеранство и женился; Фридрихъ же Датскій передалъ Эзель брату своему Магнусу, который и занялъ его своими войсками. Примѣру Меннигаузена послѣдовалъ и Ревельскій епископъ Врангель; онъ продалъ свои владѣтельныя права на прилегающія къ Ревелю земли тому же Магнусу,

и тоже уѣхалъ въ Германію; однако, городъ Ревель и большая часть Эстонскихъ дворянъ тянули болѣе къ Швеціи, съ которой они были связаны лютеранствомъ и выгодами торговли; поэтому, они поддались въ 1560 году преемнику Густава Вазы Эрику XIV. Противъ перехода острова Эзеля и Ревеля съ ближайшими округами въ руки Магнуса и Шведовъ сильно возсталъ замѣнившій Фюрстенберга—Готгардъ Кетлеръ; онъ хотѣлъ всю Ливонію цѣликомъ передать Литвѣ и быть подъ ея рукой владѣтельнымъ княземъ Ливонскимъ, сложивъ съ себя духовное званіе.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ противоположныхъ стремленій,—въ 1862 году, Ливонія окончательно распалась на слѣдующія пять частей: 1) Ревель съ сѣверными округами отошелъ къ Швеціи; 2) Островъ Эзель и часть прилегающаго къ нему побережья образовали владѣнія герцога Магнуса; 3) средняя часть Ливоніи присоединилась къ Литвѣ; 4) самыя южныя ея части—Курляндія и Семигалія—образовали наслѣдственное герцогство, которое получилъ Кетлеръ, и 5) сѣверо-восточная часть, съ городомъ Юрьевомъ осталась во владѣніи Московскаго Государства.



134. Древній епископскій замокъ въ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ.

Конечно, создавшееся такимъ образомъ положеніе дѣлъ, при которомъ лучшія части Ливоніи достались не намъ, не могло удовлетворить Іоанна. Въ Польшѣ и на Литвѣ тоже понимали, что изъ-за этого будетъ война съ Москвой, и на войну эту рѣшались, въ виду выгодъ, которыя представляло собой пріобрѣтеніе Ливоніи; особенно прельщало Поляковъ большое обиліе въ ней укрѣпленныхъ городовъ и обладаніе побережьемъ. «Ливонія знаменита своимъ приморскимъ положеніемъ», говорили Поляки въ своемъ изложеніи причинъ о необходимости ея присоединенія, «обиліемъ гаваней; если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ. О пользѣ имѣть гавани въ государствѣ засвидѣтельствуютъ всѣ знатныя фамиліи въ Польшѣ: необыкновенно увеличилось благосостояніе частныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ королевство получило во владѣніе Прусскія гавани, и теперь народъ нашъ немногимъ Европейскимъ народамъ уступитъ въ роскоши относительно одежды и украшеній, въ обиліи золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманіемъ податей торговыхъ. Кромѣ этого, какъ увеличатся могущество, силы коро-

левства чрезъ присоединеніе такой обширной страны! Какъ легко будетъ тогда управляться съ Москвою, какъ легко будетъ сдерживать непріятеля, если у короля будетъ столько крѣпостей! Но главная причина, заставляющая насъ принять Ливонію, состоитъ въ томъ, что если мы ее отвергнемъ, то эта славная своими гаванями, городами, крѣпостями, судоходными рѣками и плодородіемъ страна перейдетъ къ опасному сосѣду. Или надобно вести войну противъ Москвы съ постоянствомъ, всѣми силами, или заключить честный и выгодный миръ; но условія мира не могутъ назваться ни честными, ни выгодными, если мы уступимъ ей Ливонію. Но если мы должны непремѣнно изгнать Москвитянъ изъ Ливоніи, то съ какой стати намъ не брать Ливоніи себѣ, съ какой стати отвергать награду за побѣду? Вмѣстѣ съ Москвитянами должны быть изгнаны и Шведы, которыхъ могущество также опасно для насъ; но прежде надобно покончить съ Москвою».

135. Готгардъ Кетлеръ.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ бывшемъ замкѣ герцоговъ Курляндскихъ, въ городѣ Митавѣ.

Конечно, Іоанну, у котораго въ рукахъ была на морскомъ побережьи только одна Нарва, тогда какъ Поляки владѣли и Прусскими гаванями, Ливонія была еще болѣе необходима. Желая рѣшить съ Сигизмундомъ-Августомъ полюбовно вопросъ о ней, Іоаннъ и возымѣлъ намѣреніе вступить въ 1560 году въ бракъ съ его сестрой Екатериной, но, какъ было уже помянуто, бракъ этотъ не состоялся, и Сигизмундъ-Августъ поспѣшилъ выдать ее замужъ за брата короля Эрика Шведскаго—Іогана, герцога Финляндскаго. Вскорѣ затѣмъ начались военныя дѣйствія между Русскими и Польско-Литовскими войсками, во время которыхъ, однако, шли и пересылки о

мирѣ. Въ теченіе 1561 и 1562 годовъ не было рѣшительныхъ столкновеній; но въ самомъ концѣ 1562 года Государь собралъ значительную рать, около 80.000 человѣкъ, съ *большимъ нарядомъ*, то есть съ осадными пушками, и совершенно неожиданно подошелъ къ Полоцку, который былъ вслѣдъ затѣмъ взятъ нами 15 февраля 1563 года; сидѣвшій въ немъ Польскій воевода Довойна и Латинскій епископъ были отосланы въ Москву; наемные же королевскіе воины изъ иноземцевъ были щедро одарены Іоанномъ и отпущены домой; съ горожанами онъ тоже обошелся очень милостиво; однако всѣхъ жидовъ приказалъ перетопить въ Двинѣ.

Радость Грознаго по случаю взятія старинной Русской вотчины Полоцка была чрезвычайна. Онъ писалъ объ этомъ митрополиту: «исполнилось пророчество Русскаго угодника, чудотворца Петра митрополита, о градѣ Москвѣ, что взыдутъ руки его на плещи враговъ его»... Затѣмъ онъ увѣдомилъ о своей побѣдѣ и Девлетъ-Гирея Крымскаго,ославъ ему въ даръ нѣсколько взятыхъ въ плѣнъ Литовскихъ дворянъ и богато убранныхъ коней. Царское возвращеніе изъ-подъ Полоцка было обставлено такою-же торжественностью, какъ и возвращеніе изъ-подъ Казани. Воеводами во вновь завоеванномъ городѣ были оставлены князья Петръ Шуйскій и два Серебряныхъ-Оболенскихъ; имъ приказано было укрѣпить его, а также выстроить вокругъ—нѣсколько небольшихъ крѣпостей на главнѣйшихъ путяхъ, творить правый и безволокитный судъ жителямъ и строго слѣдить, чтобы не завелась измѣна.

Взятіе Полоцка поразило Поляковъ какъ громомъ. Сигизмундъ-Августъ усилилъ свои тайныя сношенія съ Крымскимъ ханомъ, чтобы навести его на наши границы, и съ крамольными Московскими боярами, всячески приглашая ихъ къ отъѣзду отъ Іоанна; въ то же время онъ сносился съ Эрикомъ Шведскимъ, побуждая его къ союзу противъ насъ, и, наконецъ, чтобы выиграть время, отправилъ своихъ большихъ пословъ въ Москву для заключенія перемирія. Іоаннъ согласился на перемиріе и приказалъ прекратить военныя дѣйствія до Успеньева дня, но затѣмъ, убѣдившись въ коварствѣ Сигизмунда-Августа, не далъ согласія на вторичное перемиріе до Благовѣщенія 1564 года, а продлилъ его лишь до зимняго Николы того-же 1563 года. «Это ли брата нашего правда», писалъ онъ королю по поводу перехваченной Русскими грамоты его къ Эрику, «что ссылается со Шведскимъ на насъ; а что онъ не бережетъ своей чести, пишется Шведскому братомъ ровнымъ, то это его дѣло, хотя бы и водовозу своему назвался братомъ—въ томъ его воля. А то брата нашего правда-ли? Къ намъ пишетъ, что Лифляндская Земля его вотчина, а къ Шведскому пишетъ, что онъ вступается за убогихъ людей, за повоеванную и опустошенную Землю; значитъ это уже не его Земля! Насъ называетъ беззаконникомъ, а какія въ его Земляхъ безбожныя беззаконія совершаются (распространеніе лютеранства), о томъ не думаетъ?....».

Во время перемирія, Польскіе послы, пріѣхавшіе въ Москву, вели съ боярами переговоры и о мирѣ. Повидимому, Грозный искренно хотѣлъ

его, такъ какъ уступалъ королю всѣ бывшія Ливонскія владѣнія, лежавшія на лѣвомъ берегу Западной Двины, и на этомъ условіи соглашался заключить перемиріе на долгій срокъ. Слѣдуя живости своего нрава, Царь, вопреки установившемуся вѣками обычаю, по которому только бояре говорили съ послами, вызвалъ ихъ къ себѣ и началъ самъ съ ними говорить, доказывая свои права на исконныя владѣнія Русскихъ Государей, отошедшихъ послѣ Татарскаго нашествія къ Литвѣ. При этомъ Іоаннъ, укоряя Сигизмунда-Августа въ нежеланіи называть его Царемъ, говорилъ, что воевать изъ-за этого не будетъ... «то его воля, самъ онъ про то знаетъ. А прародители наши ведутъ свое происхожденіе отъ Августа Кесаря, такъ и мы отъ своихъ прародителей на своихъ Государствахъ Государи... а если братъ нашъ не пишетъ насъ въ своихъ грамотахъ полнымъ именованіемъ—то намъ его описываніе не нужно».

Говоря это посламъ, Іоаннъ искренно вѣрилъ въ свое родство съ Римскимъ императоромъ Августомъ, такъ какъ среди Московскихъ книжниковъ того времени было распространено мнѣніе, что Рюрикъ, призванный на княженіе въ 862 году съ братіей—былъ потомкомъ брата Августа—Прусса (въ дѣйствительности не существовавшаго), посаженнаго Августомъ на княженіе въ мѣстности между Вислой и Нѣманомъ.

Переговоры съ Литовскими послами окончились ничѣмъ; военныя дѣйствія возобновились опять, и на этотъ разъ неудачно для Русскихъ: близъ Орши, гдѣ наши воеводы уже однажды потерпѣли сильнѣйшее пораженіе въ 1514 году при Василіи Третьемъ, Литовскій гетманъ Николай Радзивиллъ Рыжій произвелъ внезапное нападеніе на безпечно двигавшееся Русское войско, причемъ доспѣхи и вооруженіе были сложены на саняхъ, и нанесъ имъ пораженіе; нашъ главный воевода, доблестный князь Петръ Ивановичъ Шуйскій былъ убитъ вмѣстѣ съ двумя князьями Палецкими; воеводы же Плещеевъ и Охлябининъ попались въ плѣнъ. Но этой второй побѣдой подъ Оршей Поляки воспользовались такъ же мало, какъ и первой: во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ они встрѣтили со стороны Русскихъ отпоръ и едва ли не важнѣйшимъ ея слѣдствіемъ была измѣна князя Андрея Курбскаго, который, какъ мы видѣли, заручившись при посредствѣ Николая Радзивилла согласіемъ на почетный пріемъ въ Польшѣ, бѣжалъ, оставя при этомъ на произволъ судьбы свою жену и девятилѣтняго сына.

Послѣ Оршинскаго сраженія, война Москвы съ Литвою продолжалась безъ рѣшительныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, и въ 1566 году Сигизмундъ-Августъ опять прислалъ своихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Король предлагалъ Грозному, чтобы за нами остался Полоцкъ и часть Ливоніи, занятая Московскими войсками, при условіи, что мы согласимся оставить за Польшею всѣ ея пріобрѣтенія.

Конечно, это предложеніе было заманчиво и заставило Іоанна призадуматься надъ вопросомъ: вести ли дальше столь тяжелую войну или нѣтъ? И вотъ для его рѣшенія, Государь прибѣгаетъ къ средству, которое

испыталъ уже въ ранней молодости: онъ приказалъ созвать Земскій соборъ, на которомъ духовенство, бояре, окольничьи, казначеи, Государевы дьяки, дворяне, дѣти боярскіе, помѣщики съ Литовскихъ границъ, гости и лучшіе купцы Московскіе и Смоленскіе должны были дать ему совѣтъ, мириться ли съ королемъ, на предложенныхъ имъ условіяхъ, или нѣтъ?

Постановленія этого собора замѣчательны: всѣ высказались *безусловно* за продолженіе войны. Духовенство въ своемъ отвѣтѣ выразило, между прочимъ: «Велико смиреніе Государское! во всемъ онъ уступаетъ, уступаетъ королю пять городовъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, по Задвинью уступаетъ верстъ на 60 и на 70 на сторону, городъ Озерище, волость Усвятскую, въ Ливонской Землѣ, въ Курской Землѣ (Курляндіи), за Двиной 16 городовъ, да по сю сторону Двины 15 городовъ Ливонскихъ съ ихъ уѣздами и угодьями, плѣнныхъ Полочанъ отпускаетъ безъ окупу и размѣны, а своихъ плѣнныхъ выкупаетъ: Государская передъ королемъ правда великая! Больше ничего уступить нельзя, пригоже стоять за тѣ города Ливонскіе, которые король взялъ въ обереганье: Ригу, Венденъ, Вольмаръ, Ронненбургъ, Кокенгаузенъ и другіе города, которые къ Государскимъ порубежнымъ городамъ, Псковскимъ и Юрьевскимъ, подошли; если же не стоять Государю за эти города, то они укрѣпятся за королемъ, и впредь изъ нихъ будетъ разореніе церквамъ, которые за Государемъ въ Ливонскихъ городахъ; да не только Юрьеву, другимъ городамъ Ливонскимъ и Пскову будетъ большая тѣснота: Великому Новгороду и другихъ городовъ торговымъ людямъ торговля затворится...— А въ Ливонскіе города король вступился и держитъ ихъ за собою не по правдѣ... Когда Государь нашъ на Ливонскую Землю не наступалъ, то король могъ ли хотя одинъ городъ Ливонскій взять? А Ливонская Земля отъ прародителей, отъ великаго Государя Ярослава Владиміровича (Мудраго), принадлежитъ нашему Государю... И нашъ совѣтъ, что Государю нашему отъ тѣхъ городовъ Ливонскихъ, которые взялъ король въ обереганье, отступиться не пригоже, а пригоже за нихъ стоять. А какъ Государю за нихъ стоять, въ томъ его Государская воля, какъ Богъ вразумитъ, а намъ должно за него Государя Бога молить; а совѣтовать о томъ намъ непригоже»....

Остальные, призванные на совѣтъ, отвѣчали въ томъ же смыслѣ; помѣщики же, изъ мѣстностей пограничныхъ съ Ливоніей, заявили: «...Мы, холопи Государскіе, теперь на коняхъ сидимъ и за Государя съ коня помремъ.... По нашему: за Ливонскіе города Государю стоять крѣпко, а мы, холопи его, на Государево дѣло готовы».

Царь согласился съ мнѣніемъ собора, и война съ королемъ изъ-за Ливоніи продолжалась. Іоаннъ прибылъ въ Новгородъ и хотѣлъ самъ выступить въ походъ, но затѣмъ, по совѣту съ воеводами, рѣшено было ограничиться оборонительными дѣйствіями. Литовскія-же войска подъ начальствомъ гетмана Хоткевича въ началѣ 1568 года осадили небольшую Московскую крѣпостцу Улу, но скоро принуждены были снять осаду. Въ

своемъ донесеніи королю по этому поводу Хоткевичъ, между прочимъ, говоритъ:

«Прибывши подъ непріятельскую крѣпость Улу, я стоялъ подъ нею недѣли три, промышляя надъ нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники ихъ трусятъ, боятся смерти, я велѣлъ имъ идти на приступъ ночью, чтобы они не могли видѣть, какъ товарищей ихъ будутъ убивать, и не боялись бы: но и это не помогло. Другіе ротмистры шли хотя и нескоро, однако кое-какъ волоклись; но простые ратные люди ихъ всѣ попрятались по лѣсу, по рвамъ и по берегу рѣчному; не смотря на призывъ, увѣщанія, побои (дошло до того, что я собственныя руки окровавилъ), никакъ не хотѣли идти къ крѣпости, и чѣмъ больше ихъ гнали, тѣмъ больше крылись и убѣгали: вслѣдствіе чего ночь и утро прошли безо всякой пользы.... Тогда я отрядилъ Нѣмцевъ, пушкарей и слугъ моихъ (между ними былъ и Орелъ Москвичъ, который перебѣжалъ ко мнѣ изъ крѣпости): они сдѣлали къ стѣнѣ приметъ и запалили крѣпость; но наши ратные люди нисколько имъ не помогли и даже стрѣльбою не мѣшали осажденнымъ гасить огонь. Видя это, я самъ сошелъ съ коня и отправился къ тому мѣсту, откуда приказалъ ратнымъ людямъ двинуться къ примету: хотѣлъ я имъ придать духу, хотѣлъ или отслужить службу вашей королевской милости, или голову свою отдать; но, къ несчастію моему, ни того, ни другого не случилось. Послѣ долгихъ напоминаній, просьбъ, угрозъ, побоевъ, когда ничто не помогло, велѣлъ я, Татарскимъ обычаемъ, кидать приметъ, дерево за деревомъ. Дѣло пошло было удачно, но храбрость Москвичей и робость нашихъ всему помѣшали: нѣсколько Москвичей выскочили изъ крѣпости, и, къ стыду нашему, зажгли приметъ, а наши не только не защитили его, но и разу выстрѣлить не смѣли, а потомъ побѣжали отъ шанцевъ (окоповъ). Когда я пріѣхалъ къ пушкамъ, то не только въ переднихъ шанцахъ, но и во вторыхъ и въ третьихъ не нашелъ пѣхоты, кромѣ нѣсколькихъ ротмистровъ, такъ что принужденъ былъ спѣшить четыре конныхъ роты и заставить стеречь пушки, ибо на пѣхоту не было никакой надежды».

Конечно, при такомъ отсутствіи доблести въ Польско-Литовскихъ войскахъ, у Сигизмунда-Августа пропала охота воевать; Іоаннъ, въ виду страшнаго напряженія всѣхъ силъ Государства, истощеннаго столькими войнами, тоже былъ не прочь помириться; поэтому вновь начались пересылки о мирѣ.

Этимъ пересылкамъ о мирѣ очень обрадовались Поляки, въ виду тревожнаго состоянія здоровья бездѣтнаго короля Сигизмунда-Августа. Прибывшій изъ Польши гонецъ для полученія опасной грамоты большимъ посламъ, передавая Государю на торжественномъ пріемѣ поклонъ отъ короля, назвалъ Іоанна Царемъ, а затѣмъ объявилъ боярамъ, что паны радные велѣли это сдѣлать, чтобы оказать ему почесть.

Затѣмъ, въ 1570 году, пріѣхали и большіе послы Литовскіе. Они испросили разрѣшеніе переговорить непосредственно съ Государемъ и

высказали Іоанну, что теперь ему особенно выгодно заключить миръ, такъ какъ: «Рады государя нашего короны Польской и великаго княжества Литовскаго совѣтовались вмѣстѣ о томъ, что у государя нашего дѣтей нѣтъ, и если Господь Богъ государя нашего съ этого свѣта возьметъ, то обѣ рады... желаютъ избрать себѣ государя изъ Славянскаго рода по волѣ, а не въ неволю, и склоняются къ тебѣ, великому Государю, и къ твоему потомству».

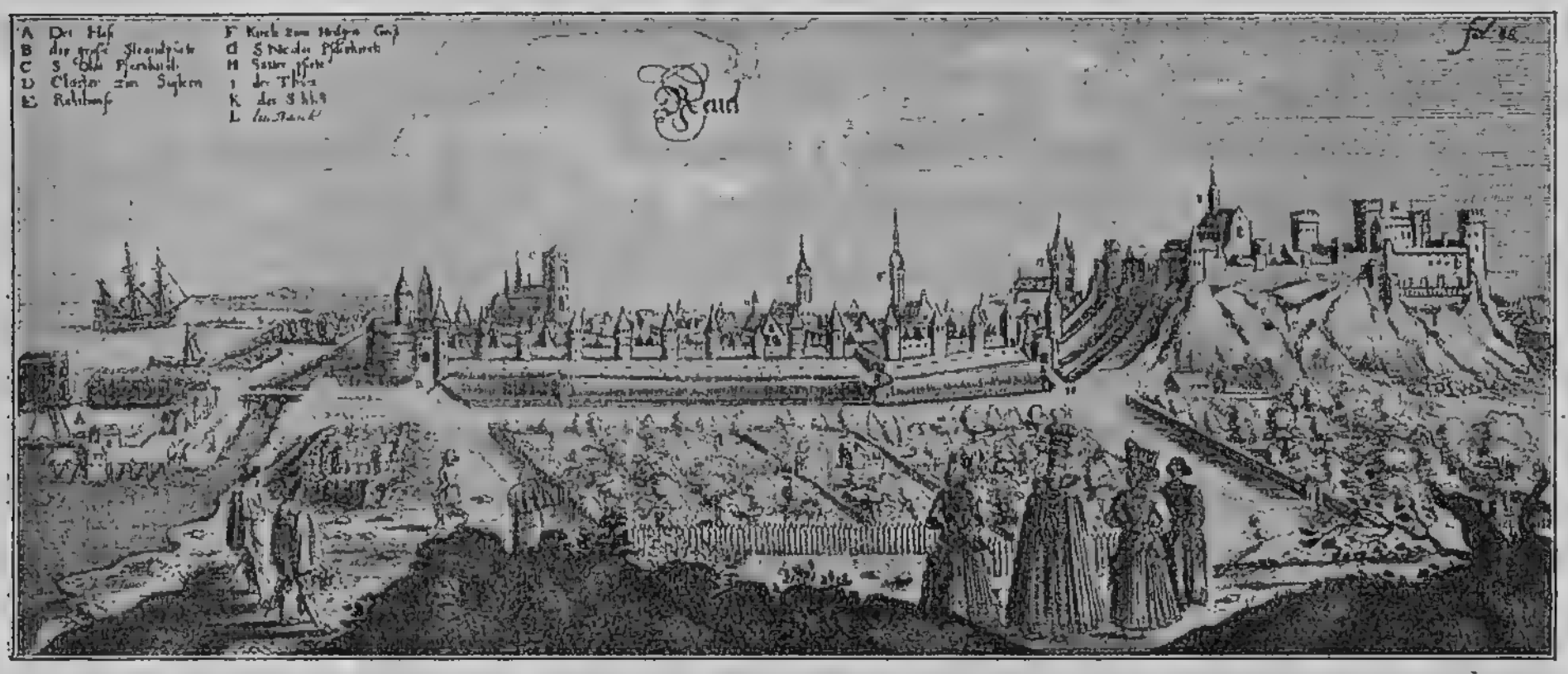
Эта рѣчь весьма замѣчательна: она показываетъ намъ, что въ умахъ лучшей части Польско-Литовскихъ пановъ уже въ то время ясно созрѣла мысль о необходимости соединенія Славянскихъ государствъ подъ единою властью; показываетъ она также, что, не смотря на казни и Опричнину Грознаго Царя, вольнолюбивые Польско-Литовскіе паны тѣмъ не менѣе желали имѣть его своимъ Государемъ. Іоаннъ отвѣчалъ посламъ: «И прежде этого слухи у насъ были; у насъ Божіимъ милосердіемъ и прародителей нашихъ молитвами Государство наше и безъ того полно, и намъ вашего для чего хотѣть? Но если вы насъ хотите, то вамъ пригоже насъ не раздражать, а дѣлать такъ, какъ мы велѣли боярамъ своимъ съ вами говорить, чтобы Христіанство было въ покоѣ»...

Вслѣдъ за тѣмъ было заключено перемиріе на три года; по условіямъ его, обѣ стороны остались при томъ, чѣмъ владѣли; въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ должны были вестись и переговоры о мирѣ. Посламъ нашимъ, отправленнымъ въ Литву, для подтвержденія перемирія, между прочимъ наказывалось: «Если король умретъ и на его мѣсто посадятъ государя изъ иного государства, то съ нимъ перемирія не подтверждать, а требовать, чтобы онъ отправилъ пословъ въ Москву. А если на королевство сядетъ кто-нибудь изъ пановъ радныхъ, то посламъ на дворъ не ѣздить; а если силою заставятъ ѣхать и велятъ быть на посольствѣ, то посламъ, вошедши въ избу,— сѣсть; а поклона и посольства не править, сказать: «это нашъ братъ: къ такому мы не присланы; Государю нашему съ холопомъ, съ нашимъ братомъ, не приходится черезъ насъ, великихъ пословъ, ссылаться».

Послы наши доносили Государю: «Изъ Вильны всѣ дѣла король вывезъ, не прочитъ впередъ себѣ Вильны, говоритъ: куда пошелъ Полоцкъ, туда и Вильнѣ ѣхать за нимъ; Вильна мѣстомъ и приступомъ Полоцка не крѣпче, а Московскіе люди къ чему приступятся, оттого не отступятся». Доносили они также, что обѣ рады—Литовская и Польская хотятъ видѣть на королевствѣ Іоанна, такъ какъ Царь-Государь—воинственный и сильный, можетъ отъ Турецкаго султана и отъ всѣхъ Земель оборонять и прибавленіе Государствамъ своимъ сдѣлать... Въ Варшавѣ говорятъ, что, кромѣ Московскаго Государя, другого Государя не искать; говорятъ, паны уже и платья заказываютъ по Московскому обычаю и многіе уже носятъ; а въ королевнину казну собираютъ бархату и камку на платья по Московскому же обычаю; королевнѣ (некрасивой незамужней сестрѣ Сигизмунда-Августа и Екатерины—Аннѣ) очень хочется быть за Государемъ Царемъ».

Іоаннъ, конечно, милостиво принялъ эти донесенія и въ то же время дѣятельно напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы пріобрѣсти власть надъ Ливо-

ніей, что было для него самымъ важнымъ дѣломъ. При этомъ, убѣдившись въ большой трудности окончательно присоединить ее къ Москвѣ, ему пришла мысль, можетъ быть и по совѣту двухъ плѣнныхъ Ливонскихъ дворянъ—



136. Видъ города Ревеля.

Изъ книги XVII вѣка: „Описаніе путешествія въ Московію" Адама Олеарія.

Іоанна Таубе и Эккерта Крузе, умѣвшихъ войти въ его довѣріе,—дать Ливоніи Нѣмецкаго государя съ тѣмъ, чтобы онъ былъ подручникомъ Москвы. Выборъ Іоанна палъ предварительно на бывшаго Ливонскаго магистра—старца Фюрстенберга, проживавшаго въ нашихъ владѣніяхъ, но Фюрстенбергъ, собираясь отправиться въ Ливонію, умеръ. Тогда вмѣсто него, Таубе и Крузе стали указывать Іоанну на двухъ лицъ: на Кетлера, герцога Курляндскаго, и на герцога Магнуса, владѣльца острова Эзеля. Таубе и Крузе отправились въ Юрьевъ и оттуда отъ имени Царя сдѣлали предложеніе Кетлеру; но Кетлеръ отказался, конечно, въ виду своихъ добрыхъ отношеній съ Польскимъ королемъ, который былъ очень встревоженъ намѣреніемъ Іоанна возстановить Ливонію подъ верховной властью Москвы. Тогда они обратились къ Магнусу. Магнусъ согласился, пріѣхалъ въ 1570 году въ Москву, удостоился торжественной встрѣчи, былъ объявленъ королемъ Ливоніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ объявленъ женихомъ двоюродной племянницы Грознаго—княжны Евфиміи, дочери казненнаго около этого времени князя Владиміра Андреевича Старицкаго.

137. Печать Ливонской Земли.

Эта печать приложена къ трактату (союзному договору), заключенному въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1564 года между Россіею и Швеціею. Подлинная грамота хранится въ Королевскомъ архивѣ въ Стокгольмѣ.

Новопоставленный король Магнусъ далъ присягу въ вѣрности Московскому Государю, причемъ между ними былъ заключенъ договоръ, въ число условій котораго входило, что для завоеванія Магнусомъ тѣхъ городовъ, которые не захотятъ поддаться ему добровольно, Іоаннъ высы-

лаетъ Магнусу свои войска и послѣдній ими начальствуетъ, совмѣстно съ Московскими воеводами.

На основаніи этого договора, военныя дѣйствія должны были вновь начаться въ Ливоніи; при этомъ, такъ какъ съ Литвой и Польшей у насъ было

138. Эрикъ XIV, король Шведскій.

Съ современнаго изображенія въ Грипсгольмскомъ замкѣ въ Швеціи.

перемиріе, то усилія Магнуса должны были быть направлены противъ Ревеля, перешедшаго, какъ мы видѣли, къ Шведскому королю. Послѣднее привело насъ къ войнѣ со Шведами, чего Іоаннъ до сихъ поръ избѣгалъ, не желая, съ одной стороны, воевать одновременно съ Литвой, Польшей и Швеціей, а съ другой—въ силу отношеній, установившихся между нимъ и Шведскимъ королемъ Эрикомъ.

Первоначально эти отношенія, когда Эрикъ вступилъ въ 1560 году на престолъ послѣ отца своего Густава Вазы, были не особенно дружелюбными; молодой король находилъ для себя унизительнымъ имѣть право сноситься только съ Новгородскими намѣстниками, а не непосредственно

139. Екатерина Ягеллонка, супруга Іогана Шведскаго.
Съ современнаго изображенія въ Грипсгольмскомъ замкѣ въ Швеціи.

съ Московскимъ Государемъ, и просилъ объ измѣненіи этихъ отношеній, причемъ, чтобы сдѣлать Іоанна болѣе уступчивымъ, послалъ ему объявить, что Поляки и Датчане уговариваютъ его заключить съ ними союзъ и начать войну съ Москвой изъ-за Ливоніи. Не смотря на это, Московскіе бояре отвѣчали Шведскимъ вельможамъ: «Того себѣ въ мысляхъ не держите, что Государю нашему прародительскіе старинные обычаи

порушить, грамоты перемирныя переиначить; Густавъ король такимъ же гордостнымъ обычаемъ, какъ и государь вашъ теперь съ молодости помыслилъ, захотѣлъ было того-же, чтобы ему ссылаться съ Государемъ нашимъ, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своихъ пролилъ

140. Іоганъ Шведскій.

Съ современнаго изображенія въ Грипсгольмскомъ замкѣ въ Швеціи.

и сколько Землѣ своей запустѣнья причинилъ? Да то былъ человѣкъ разумный: грѣхомъ проступилъ, и за свою проступку великими своими и разумными людьми могъ и челомъ добить;—а вашего разума разсудить не можемъ: съ чего это вы такую высость начали?.. намъ кажется, что или король у васъ очень молодъ, или старые люди всѣ извелись и совѣтуется онъ съ молодыми: по такому совѣту и такія слова»...

Получивъ этотъ отвѣтъ, Эрикъ принялъ очень дурно пословъ Новгородскихъ намѣстниковъ, которые доносили: «Отъ короля намъ было великое безчестіе и убытокъ; въ Выборгѣ насъ рѣчами безчестили и бранили, корму не дали и своихъ запасовъ изъ судовъ взять не дали-жъ, весь день сидѣли мы взаперти, не ѣвши». Когда послы пріѣхали въ Швецію, имъ отвели помѣщеніе безъ печей и лавокъ и заставили идти пѣшкомъ къ королю, который былъ съ ними очень грубъ, а на обѣдъ поставили скоромное кушанье, не смотря на постный день.

Лицевая сторона.

Оборотная сторона.

141. Печать съ изображеніемъ Ливонскаго короля Магнуса и его герба.

Изъ рѣдкой Нѣмецкой книги Б. Кене: „Монеты и медали герцога Магнуса Гольштейнскаго, епископа острова Эзеля".

Скоро, однако, отношенія Іоанна и Эрика улучшились. Мы говорили уже, что послѣдній, подобно Іоанну, долженъ былъ вести жестокую борьбу со Шведской знатью, а также и съ родными братьями своими, изъ которыхъ Іоганъ, герцогъ Финляндскій, женился на Екатеринѣ, сестрѣ Сигизмунда-Августа, той самой, руки которой добивался получить и Грозный Царь. Іоганъ Финляндскій, породнившись съ Польскимъ королемъ, сталъ всецѣло на его сторону и настаивалъ, чтобы старшій братъ уступилъ Польшѣ всѣ занятыя Шведами мѣстности въ Ливоніи, вмѣстѣ съ городомъ Ревелемъ.

Эрикъ, конечно, на это не соглашался, и между братьями не замедлила возникнуть усобица, причемъ Іоганъ поднялъ всю Финляндію и обратился за помощью къ Польшѣ и подвластной ей Пруссіи; однако, войска Эрика осадили его въ городѣ Або, а затѣмъ, взявъ въ плѣнъ, привезли вмѣстѣ съ женой въ Швецію, гдѣ онъ тотчасъ же былъ посаженъ въ тюрьму и приговоренъ государственными чинами къ смертной казни. Эрикъ не рѣшился казнить брата, вопреки совѣтамъ близ-

кихъ себѣ людей, но затѣмъ сталъ все время колебаться между страхомъ братоубійства и раскаяніемъ, что онъ не казнилъ его; скоро у короля начали ясно обнаруживаться признаки безумія, что не мѣшало ему, однако, ревностно заниматься государственными дѣлами. Враждуя съ Польшей,

142. Великая княгиня Марія Владиміровна, королева Ливонская.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ королевскомъ замкѣ Фредендборгѣ въ Даніи.

Эрикъ естественно сталъ искать сближенія съ Москвой, тоже съ ней воевавшей, и между нимъ и Грознымъ не замедлила возникнуть дружеская пересылка, причемъ Царь Іоаннъ, по странной причудѣ, настаивалъ, чтобы Эрикъ непремѣнно выдалъ ему и прислалъ въ Москву жену заключеннаго брата Іогана—Екатерину, за что Государь уступалъ ему Эстонію, и обѣщалъ помощь въ другихъ дѣлахъ.

Эрикъ вначалѣ былъ удивленъ необычайной просьбой Іоанна, но затѣмъ согласился выдать ему Екатерину, страстно любившую своего мужа;

когда ей предложили разлучиться съ нимъ, то она наотрѣзъ отказалась и показала свое кольцо съ надписью: «Ничто, кромѣ смерти». Соглашаясь на выдачу Екатерины, Эрикъ просилъ Іоанна, въ случаѣ надобности, дать ему убѣжище въ Московской Землѣ, такъ какъ чувствовалъ себя крайне непрочно въ Швеціи. Однако, выдача Екатерины не состоялась. Въ припадкѣ сумасшествія, Эрикъ неожиданно освободилъ брата Іогана изъ темницы, такъ какъ ему показалось, что онъ самъ находится въ заключеніи, а царствуетъ Іоганъ; послѣ этого, въ сентябрѣ 1568 года, въ Швеціи вспыхнуло возстаніе, окончившееся низложеніемъ Эрика, причемъ на престолъ взошелъ тотъ же Іоганъ. Конечно, между новымъ Шведскимъ королемъ и Московскимъ Государемъ не могло быть дружескихъ отношеній и послѣднія скоро перешли въ открытую непріязнь, когда къ Ревелю, занятому Шведами, подошелъ Магнусъ съ двадцатипятитысячною Русской ратью, при которой находились знакомые намъ Таубе и Крузе, увѣрявшіе Магнуса и Іоанна, что взятіе этого города будетъ весьма легкимъ дѣломъ. Въ дѣйствительности же, это оказалось совершенно не такъ: Магнусъ простоялъ подъ Ревелемъ 30 недѣль и не могъ ничего съ нимъ сдѣлать, такъ какъ стѣны города были очень крѣпки, а жители отлично снабжены всѣмъ необходимымъ при посредствѣ Шведскаго флота.

Эта неудача Магнуса вызвала опасеніе Таубе и Крузе за свою собственную судьбу; боясь Царскаго гнѣва за легкомысленный совѣтъ приступить къ осадѣ Ревеля, они начали тайно сноситься съ Сигизмундомъ-Августомъ, обѣщая ему овладѣть Юрьевомъ съ помощью предательства начальника Нѣмецкой дружины Розена, находившейся въ послѣднемъ городѣ на Русской службѣ. Сигизмундъ-Августъ согласился, и измѣнникъ Розенъ напалъ въ Воскресный день на Русскую стражу; затѣмъ онъ отворилъ Юрьевскую тюрьму, выпустилъ изъ нея заключенныхъ, вооружилъ ихъ и хотѣлъ захватить городъ. Однако, дальнѣйшаго успѣха онъ не имѣлъ; горожане въ ужасѣ заперлись въ своихъ домахъ, а Русскіе дѣти боярскіе и стрѣльцы выгнали Нѣмецкихъ солдатъ Розена изъ Юрьева. Видя неудачу заговора, Таубе и Крузе бѣжали къ Сигизмунду-Августу, который ласково ихъ принялъ.

Напуганный всѣми этими происшествіями, Магнусъ также поспѣшилъ уйти къ себѣ на островъ Эзель. Но Іоаннъ не перемѣнилъ къ нему своей милости и вызвалъ въ Москву; а когда княжна Евфимія, его невѣста, скончалась, то предложилъ ему руку ея младшей сестры—Маріи Владиміровны.

Поведеніе Сигизмунда-Августа въ дѣлѣ попытки нашихъ предателей Таубе, Крузе и Розена къ захвату Юрьева ясно показывало, что несмотря на заключенное перемиріе, онъ по-прежнему не упускаетъ случая вредить намъ. Стараясь всѣми силами отрѣзать насъ отъ моря и прекратить морскую нашу торговлю и черезъ Нарву, Сигизмундъ-Августъ писалъ по этому поводу Елизаветѣ Англійской: «Московскій Государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву: ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ

поръ никому неизвѣстное, привозятся не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если Нарвская торговля будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?» Конечно, Елизавета не обратила никакого вниманія на это письмо короля, но оно весьма замѣчательно, такъ какъ ясно показываетъ намъ—насколько необходимо было для Москвы морское побережье и Европейскія науки и искусства, и какъ враги наши всѣми силами не хотѣли допустить къ намъ ни того, ни другого.

Чтобы отвлечь Іоанна отъ Ливоніи, Сигизмундъ-Августъ не переставалъ натравлять на насъ и Крымскаго хана. Но мы видѣли, что набѣгъ Девлетъ-Гирея на Рязанскую область, предпринятый въ 1564 году, вскорѣ послѣ измѣны Курбскаго, окончился полной неудачей, благодаря мужеству Алексѣя и Ѳеодора Басмановыхъ и епископа Филоѳея; въ 1565 году Девлетъ-Гирей подступилъ внезапно къ Болхову и былъ опять отраженъ нашими воеводами.

Несмотря на такія разбойническія нападенія, Іоаннъ находилъ нужнымъ поддерживать съ Крымомъ сношенія, и Московскій большой посолъ Ѳанасій Нагой нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Крыму, терпя тамъ порой крупныя невзгоды, въ надеждѣ заключить съ этими хищниками прочный миръ, необходимый намъ, чтобы имѣть вполнѣ развязанными руки въ борьбѣ за Ливонію. Живя въ Крымской Ордѣ и ведя нескончаемыя препирательства съ ханскими вельможами изъ-за требованій поминковъ, умный Нагой слѣдилъ оттуда и за дѣйствіями Турокъ, которые не могли помириться съ тѣмъ, что два магометанскихъ царства—Казанское и Астраханское достались Москвѣ.

Еще въ 1567 году султанъ Солиманъ II собирался послать свое войско къ нижней Волгѣ черезъ южныя степи. Девлетъ-Гирей, опасаясь, что вслѣдствіе этого похода еще болѣе увеличится зависимость Крыма отъ Турокъ, отговорилъ отъ него Солимана, который вскорѣ затѣмъ умеръ. Но султанъ Селимъ, преемникъ Солимана, рѣшилъ совершить походъ, задуманный отцемъ, и весной 1569 года въ Кафу пришло на судахъ 17.000 Турецкаго войска; сопровождаемое 50.000 Крымцевъ, оно должно было идти по Дону, до Переволоки, а оттуда начать строить каналъ къ Волгѣ, по которому затѣмъ спуститься къ Астрахани и взять ее, или же основать въ ея близости крѣпость. На одномъ изъ Турецкихъ судовъ, везшихъ по Дону пушки, въ числѣ гребцовъ находился Семенъ Мальцевъ, отправленный изъ Москвы посломъ къ Ногаямъ, но захваченный въ плѣнъ по дорогѣ. Доблестный Мальцевъ скрылъ Царскій наказъ, который онъ везъ, въ деревѣ, и сдался въ плѣнъ, уже полумертвый отъ ранъ; Турки приковали его къ пушкѣ и затѣмъ ежечасно грозили смертью.

«Какихъ бѣдъ и скорбей не потерпѣлъ я отъ Кафы до Переволоки!», писалъ Мальцевъ, «жизнь свою на каторгѣ (гребномъ суднѣ) мучилъ,

а Государское имя возносилъ выше великаго Царя Константина. Шли каторги до Переволоки пять недѣль, шли Турки съ великимъ страхомъ, и животъ свой отчаяли; которые были янычары изъ Христіанъ, Греки и Волохи, дивились, что Государевыхъ людей и казаковъ на Дону не было;... хотя бы казаковъ было 2.000 и они бы насъ руками побрали; такія на Дону крѣпости (природныя преграды) и мели».

Замыселъ Селима окончился полной неудачей; приступивъ къ прорытію канала, Турки тотчасъ же убѣдились, что это предпріятіе, въ виду невѣроятной трудности, имъ совершенно не подъ силу, и скоро въ ихъ войскахъ поднялся ропотъ. Девлетъ-Гирей совѣтовалъ Турецкому пашѣ Касиму вернуться назадъ, но Касимъ, бросивъ работы, пошелъ къ Астрахани, предполагая зимовать подъ ней; однако Турки, испуганные наступленіемъ суровой зимы, для нихъ непривычной, и слухами о приближеніи большой Русской рати, искусно распускаемыми доблестнымъ Семеномъ Мальцевымъ, подняли открытый бунтъ и вынудили Касима съ Девлетъ-Гиреемъ побѣжать назадъ.

Несмотря на эту неудачу, Селимъ продолжалъ питать непріязненные замыслы противъ Москвы, хотя Іоаннъ, желая направить всѣ свои силы на борьбу за Ливонію, и отправилъ къ нему посольство съ поздравленіемъ по случаю вступленія на престолъ. Особенно гнѣвался султанъ Селимъ на Іоанна, что послѣдній посылалъ Московскихъ ратныхъ людей на помощь своему тестю князю Темрюку Черкасскому противъ Кабардинцевъ, бывшихъ подъ рукою султана, а также и за то, что Царь велѣлъ поставить на Терекѣ Русскій городъ для утвержденія здѣсь своего вліянія.

Такое явное недоброжелательство султана заставляло Московскихъ людей зорко слѣдить за южной границей въ ожиданіи новаго набѣга Крымцевъ. Въ теченіе всего 1570 года Девлетъ-Гирей не появлялся. Весною же 1571 года въ Москву пришли тревожныя вѣсти о его наступленіи; главные наши воеводы съ 50.000 человѣкъ выступили къ «берегу», а Царь съ Опричниной двинулся въ Серпуховъ. Ханъ дѣйствительно шелъ на Москву со 120.000 человѣкъ, причемъ какіе то измѣнники, боярскіе дѣти, провели его незамѣтно для Русскихъ войскъ черезъ Оку; тогда воеводы наши быстро отступили къ Москвѣ и заняли ея предмѣстья, а Царь, отрѣзанный отъ главныхъ своихъ силъ, отправился на сѣверъ для сбора войскъ, обвиняя бояръ, что они пропустили безпрепятственно Татаръ чрезъ Оку. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, князь Мстиславскій, стоявшій во главѣ Земщины, самъ покаялся въ томъ, что онъ навелъ Крымцевъ.

Татары подошли 24 мая къ Москвѣ и безпрепятственно зажгли предмѣстья: поднялся страшный пожаръ, уничтожившій въ три часа весь городъ. Уцѣлѣлъ только одинъ каменный кремль. Народу же и войскъ сгорѣло, по извѣстію иностранцевъ, до 800.000 человѣкъ, очевидно потому, что, при наступленіи Татаръ, всѣ жители окрестныхъ мѣстностей спѣшили въ великомъ множествѣ къ Москвѣ; первый бояринъ, князь Иванъ Бѣльскій, задохнулся

на своемъ дворѣ въ каменномъ погребѣ; погибло множество другихъ князей и княгинь; мертвыхъ тѣлъ было столько, что Москва-рѣка не могла ихъ пронести по теченію. Забравъ огромную добычу и до 150.000 плѣнныхъ, Девлетъ-Гирей поспѣшилъ уйти, заслышавъ о приближеніи сильнаго Русскаго войска, но послалъ съ дороги Іоанну грамоту, въ которой хвастался своей побѣдой и требовалъ возвращенія Казани и Астрахани.

«Жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани,—писалъ Девлетъ-Гирей,—а всего свѣта богатства примѣняю къ праху... Захочешь съ нами душевною мыслію въ дружбѣ быть, такъ отдай нашъ юртъ—Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать—не надобно; желаніе наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и спозналъ».

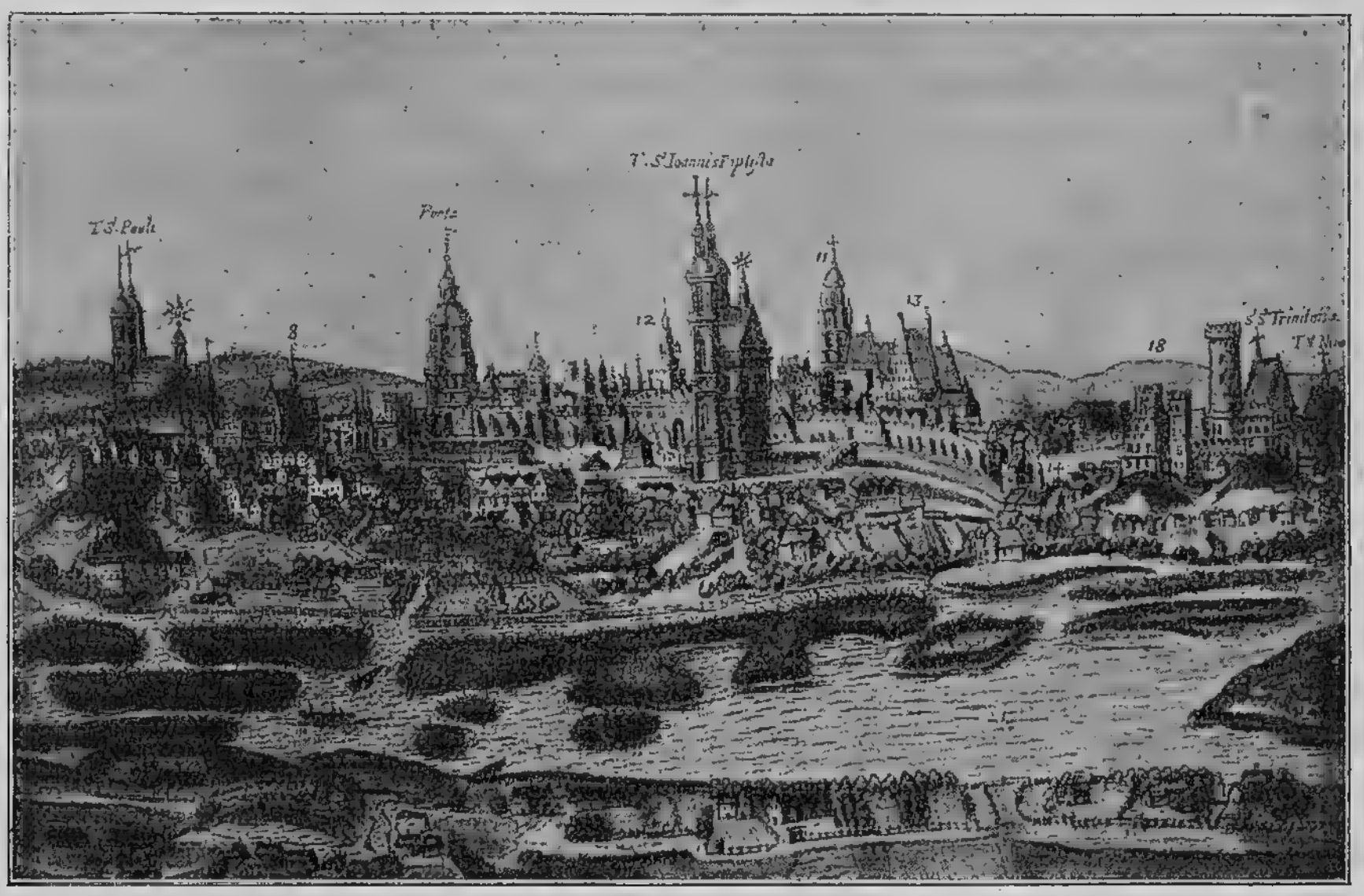
143. Татарскій полонъ.

Изъ старопечатной Псалтыри 1633 года, въ древлехранилищѣ Троицко-Сергіевской лавры.

Въ этихъ тяжелыхъ для себя обстоятельствахъ, Іоаннъ предлагалъ хану уступить ему Астрахань, но Девлетъ-Гирей не довольствовался одною ею и настойчиво требовалъ и Казани; въ слѣдующемъ 1572 году онъ вновь вторгнулся въ наши предѣлы со 100.000 войскомъ и ночью перешелъ Оку; однако, на сей разъ, онъ былъ настигнутъ въ 50 верстахъ отъ Москвы доблестнымъ воеводою княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Воротынскимъ на берегу Лопасни, который нанесъ ему рядъ пораженій; ханъ, потерявши много людей, побѣжалъ домой и оттуда прислалъ Іоанну письмо съ просьбой дать хотя одну Астрахань, безъ Казани. Но Іоаннъ не соглашался теперь и на Астрахань; онъ послалъ Девлетъ-Гирею въ отвѣтъ письмо съ небольшими подарками и съ усмѣшкою вспоминалъ въ немъ первую грамоту хана, написанную послѣ прошлогодняго набѣга на Москву, въ которой тотъ говорилъ, что ему богатство—прахъ: «Посылаю я тебѣ поминки легкіе,—писалъ Іоаннъ,—добрыхъ поминковъ не послалъ; ты писалъ, что тебѣ не надобны деньги, что богатство для тебя съ прахомъ равно».

Въ то время, какъ вниманіе Москвы было занято Крымомъ, въ Польшѣ и на Литвѣ происходили событія чрезвычайной важности.

Король Сигизмундъ-Августъ, несмотря на три брака, заканчивалъ свою жизнь бездѣтнымъ; вмѣстѣ съ нимъ оканчивалось и мужское поколѣніе въ родѣ Ягайлы: онъ былъ послѣднимъ Ягеллономъ. Какъ мы знаемъ, великое княжество Литовское было наслѣдственнымъ владѣніемъ Ягайлы, тогда какъ въ Польскомъ государствѣ, или въ «Рѣчи Посполитой», корона предоставлялась каждый разъ избранному Польской радой королю, причемъ на протяженіи болѣе чѣмъ



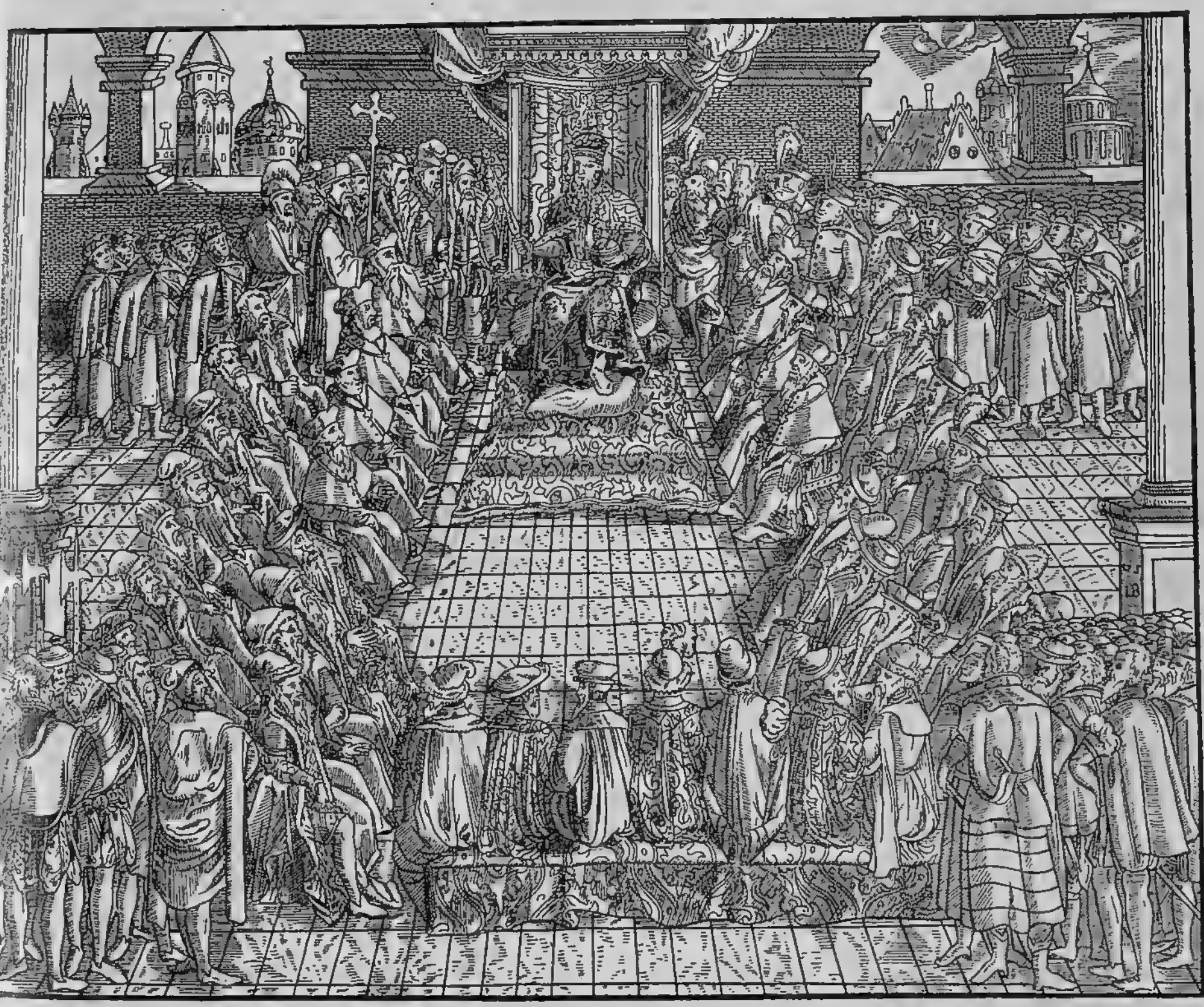
144. Видъ города Люблина въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.

Изъ Латинской географіи Брауна, изданія 1624 года.

ста лѣтъ таковыми избранниками неизмѣнно были великіе князья Литовскіе, совмѣщавшіе въ своемъ лицѣ власть надъ обоими государствами.

Теперь, въ виду бездѣтности Сигизмунда-Августа и прекращенія рода Ягайлы, Польскихъ пановъ очень занималъ вопросъ, чтобы еще при жизни его окончательно присоединить Литву къ Польшѣ; но этому сильно противодѣйствовали могущественные Литовскіе вельможи, старавшіеся во что бы то ни стало сохранить независимость своего государства; во главѣ ихъ стояли Радзивиллы, бывшіе въ родствѣ съ Сигизмундомъ-Августомъ, по его второй женѣ, извѣстной намъ Варварѣ Радзивиллъ. Однако, къ концу своей жизни слабовольный король подпалъ совершенно подъ вліяніе Поляковъ и католическаго духовенства и сталъ предпринимать рядъ мѣръ для присоединенія Литвы къ Польшѣ. Вопросъ объ этомъ соединеніи или уніи обсуждался на нѣсколькихъ сеймовыхъ собраніяхъ при участіи Поляковъ и Литовцевъ, но приводилъ только

къ ожесточеннымъ спорамъ; чтобы подвинуть дѣло, Сигизмундъ-Августъ рѣшилъ пріобрѣсти сторонниковъ уніи среди низшаго Литовскаго дворянства, не имѣвшаго такихъ правъ, какъ Литовскіе вельможи, и для этой цѣли далъ ему преимущества Польской шляхты, совершенно сравненной по правамъ со своимъ высшимъ сословіемъ—магнатами, которые, впрочемъ, всячески старались отгородиться отъ этой шляхты, для чего и начали пріобрѣтать себѣ въ XVI вѣкѣ отъ Германскаго императора и папы княжескіе и графскіе титулы.



145. Люблинскій сеймъ.

Современное изображеніе, хранящееся въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ въ Варшавѣ.

Даровавъ Литовской шляхтѣ права Польской, Сигизмундъ пошелъ еще дальше: въ 1563 году, къ ужасу большинства Литовскихъ пановъ, онъ объявилъ, что такъ какъ великое княжество Литовское составляетъ его наслѣдственное владѣніе, то онъ и даритъ его Польской коронѣ.

Наконецъ, чтобы окончательно покончить съ этимъ вопросомъ, 10 января 1569 года въ городѣ Люблинѣ былъ собранъ общій для Литвы и для Польши сеймъ. Съ первыхъ же засѣданій сейма обнаружилось непримиримое разногласіе между Поляками и Литвинами. Литвины высказывались за братскій союзъ съ Польшей, основанный на равныхъ правахъ и безъ

малѣйшаго нарушенія Литовской самобытности. Поляки же желали полнаго присоединенія къ себѣ Литвы. Вслѣдствіе этого, засѣданія сейма приняли очень скоро самое бурное направленіе. Выведенные изъ себя требованіями Поляковъ, Литовскіе уполномоченные рѣшили, наконецъ, покинуть сеймъ и уѣхали, разсчитывая, что безъ нихъ онъ не состоится. Но они жестоко ошиблись. Поляки въ ихъ отсутствіе поспѣшили объявить присоединеніе къ Польшѣ—состоявшихъ подъ властью Литвы—чисто Русскихъ областей: Подлѣсья, Волыни и Кіева, и немедленно же отправили туда Польскихъ чиновниковъ для замѣны Русско-Литовскихъ.

Тогда, узнавъ, что Юго-Западная Русь и часть Сѣверо-Западной оторваны отъ нихъ Польшей, Литовцы пришли въ ужасъ и вновь отправили на сеймъ посольство. Но дѣлать было уже нечего; крылья у нихъ оказались отрѣзанными, какъ они говорили сами, и послѣ многихъ горькихъ рѣчей и напрасныхъ слезъ, пролитыхъ въ присутствіи Сигизмунда-Августа, 17 іюля того же 1569 года, они вынуждены были присягнуть на унію съ Польшей. Этой Люблинской уніей закончилось отдѣльное существованіе великаго княжества Литовскаго. Оно вошло въ составъ соединеннаго Польско-Литовскаго королевства, которое стало управляться подъ верховной властью короля уже однимъ общимъ сенатомъ и посольскою избою *).

Послѣдствія Люблинской уніи не замедлили, разумѣется, сказаться. Какъ на Литву, такъ и на богатѣйшія земли Подоліи, Волыни и Кіевской области нахлынули Поляки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и католическая пропаганда; скоро, какъ мы увидимъ, Литовское дворянство, какъ высшее, такъ и низшее, совершенно ополячилось и окатоличилось; все-же, что продолжало оставаться Русскимъ, пало и сдѣлалось низкимъ и позорнымъ. Съ тѣхъ поръ—Латинство окончательно стало въ Западной Россіи панской вѣрою, а Православіе—холопской.

Сильному развитію въ Литвѣ католичества кромѣ того способствовали: ослабленіе протестантства, послѣ смерти его главнаго ревнителя, Николая Радзивилла Чернаго, и возникновеніе на почвѣ этого множества сектъ, и появленіе въ Польшѣ и Литвѣ—іезуитовъ. Послѣднее обстоятельство имѣло громаднѣйшее значеніе и на всѣ дальнѣйшія судьбы Западной Россіи.

Монашествующій католическій орденъ братьевъ Христа или іезуитовъ возникъ по мысли благочестиваго испанскаго воина Игнатія Лойолы, раненаго въ одномъ сраженіи въ обѣ ноги. Цѣль его основанія была борьба съ развивающимся лютеранствомъ—для возстановленія прежняго

---

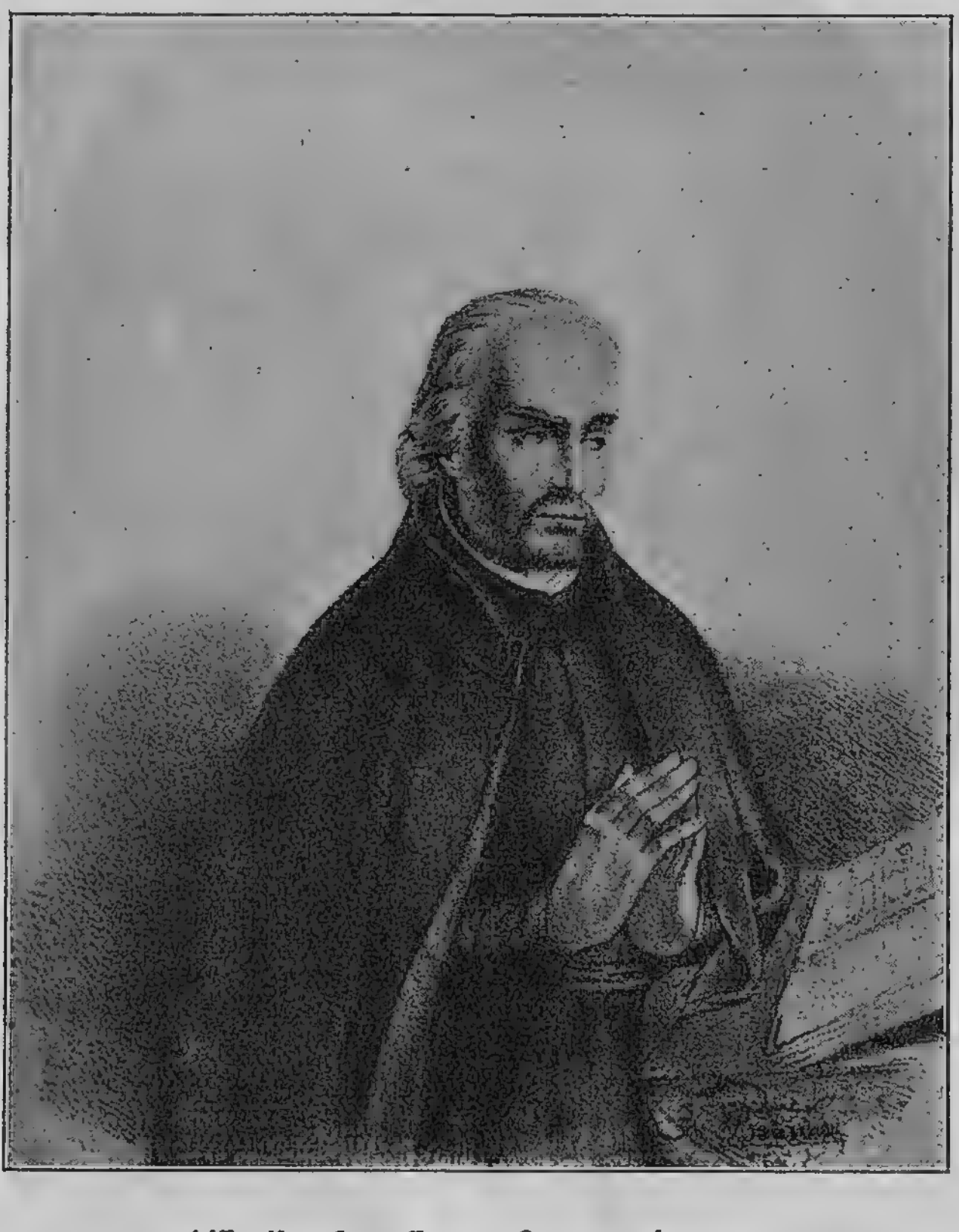
*) На томъ же Люблинскомъ сеймѣ король утвердилъ наслѣдственнымъ герцогомъ Пруссіи, бывшей, какъ мы помнимъ, подручнымъ владѣніемъ Польши, сосѣдняго Нѣмецкаго владѣтеля—курфирста Бранденбургскаго, Альбрехта-Фридриха и такимъ образомъ соединилъ въ рукахъ одного Германскаго владѣтельнаго князя два смежныхъ между собою Нѣмецкихъ владѣнія: Пруссію и Бранденбургъ. Это былъ важный промахъ по отношенію всего Славянства, который съ особенной силой проявляется въ настоящее время.

значенія католичества и папы. Для достиженія этого іезуиты требовали безусловнаго послушанія своихъ членовъ къ старшимъ, строжайшаго соблюденія тайнъ ордена и выработали правило, что «*цѣль оправдываетъ средства*», то есть, что для святого дѣла, которому они служатъ, позволительны всѣ мірскіе пріемы борьбы: козни, коварство, обманъ и другія преступленія.

146. Игнатій Лойолла.
Съ современнаго изображенія.

Папа, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, утвердилъ уставъ новаго братства и оно стало быстро дѣлать необычайные успѣхи. Главный начальникъ іезуитовъ, «генералъ», имѣющій пребываніе въ Римѣ, избирался братіей на всю жизнь и вскорѣ пріобрѣлъ власть, соперничавшую порой съ папской. Подъ его управленіемъ находились начальники іезуитскихъ областей, такъ называемые «провинціалы», распоряжавшіеся въ нихъ совершенно самостоятельно, при чемъ въ каждой области они прежде всего заботились объ устройствѣ, особыхъ учрежденій—іезуитскихъ «коллегій»; назначеніе коллегій было воспитаніе юношества и проповѣдь Слова Божія, но подъ этими личинами іезуиты чрезвычайно искусно проводили въ жизнь свою тайную цѣль—безусловно господствовать надъ умами во имя Латинства и пользовались для этого всѣми подходящими случаями; если нужно было поразить общество необыкновенными дѣлами самопожертвованія, они выставляли изъ своей среды подвижниковъ и мучениковъ; если нужно было войти въ довѣріе какого-нибудь могущественнаго государственнаго чело-

вѣка, они достигали этого, не останавливаясь ни передъ какими средствами; точно также, если имъ необходимо было устранить какое либо лицо, вредное ихъ дѣлу, то при надобности они прибѣгали и къ преступленію. Іезуиты появились въ Польшѣ въ 1565 году, а въ 1569 году, въ годъ Люблинской уніи, они перебрались уже въ Вильну, гдѣ немедленно приступили къ устройству своей коллегіи и привлеченія въ нее для обученія юношества. Скоро они пріобрѣли особое довѣріе горожанъ, когда, во время распространившагося мороваго повѣтрія, безстрашно ухаживали за больными и самоотверженно хоронили умершихъ. Устроенная ими школа стала быстро пріобрѣтать извѣстность; въ нее посылали дѣтей, какъ католики, такъ и Православные. По праздникамъ, іезуиты устраивали въ своей коллегіи различныя театральныя представленія, а также и уличныя религіозныя шествія, въ которыхъ ученики въ соотвѣтствующихъ одѣяніяхъ, изображали пророковъ, апостоловъ и ангеловъ, что возбуждало восторгъ толпы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, іезуиты устраивали народныя пренія или «диспуты» о вѣрѣ, причемъ представителями протестантовъ являлись зачастую сами же переодѣтые іезуиты, почему они на глазахъ всѣхъ и бывали безъ труда побиваемы въ этихъ преніяхъ католиками. Іезуиты не замедлили, конечно, пріобрѣсти ревностныхъ послѣдователей въ средѣ Польскаго народа, и самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ—Польскій ксендзъ Петръ Скарга. Это былъ человѣкъ глубоко-вѣрующій, безусловно горячо любящій свой народъ и относившійся съ большою заботливостью къ бѣдному люду; но вмѣстѣ съ тѣмъ Скарга, подъ вліяніемъ іезуитовъ, воспылалъ самой пламенной ненавистью къ Православію и ко всему Русскому; благодаря своему большому краснорѣчію, онъ былъ прозванъ Польскимъ



147. Ксендзъ Петръ Скарга—іезуитъ.

Снимокъ съ современнаго изображенія. Хранится въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ.

Златоустомъ и имѣлъ чрезвычайно сильное вліяніе на умы своихъ современниковъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія іезуитовъ въ Вильнѣ—стали быстро обращаться въ Латинство какъ бывшіе ревнители лютеранства, такъ и искони Православные люди. Только простой народъ Западной Руси остался вѣренъ Православію и претерпѣлъ за это, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, немало кровавыхъ гоненій.

При началѣ очерченныхъ выше важныхъ перемѣнъ, наступившихъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ вслѣдъ за Люблинской уніей, скончался въ 1572 году Сигизмундъ-Августъ, послѣ чего настало, такъ называемое *безкоролевье*,—время, когда долженъ былъ рѣшиться вопросъ о выборѣ ему преемника. Это вызвало, разумѣется, сильнѣйшую борьбу партій.

Протестанты хотѣли имѣть королемъ протестанта, или по крайней мѣрѣ такое лицо, которое предоставило бы имъ полную свободу вѣроисповѣданія. Православное-же населеніе Западной Руси желало видѣть на Польскомъ престолѣ сильнаго Московскаго Государя, или его младшаго сына Ѳеодора; выборъ Грознаго былъ по сердцу и части шляхты, надѣявшейся, что Іоаннъ обуздаетъ высшее сословіе въ Польшѣ, по примѣру того, какъ онъ это сдѣлалъ въ Москвѣ; наконецъ, и среди большихъ пановъ были сторонники Іоанна, понимавшіе, какую огромную силу надъ Нѣмцами, Турками и другими сосѣдями пріобрѣтетъ обширное Московско-Польско-Литовское Государство съ близкимъ между собой по крови и духу Славянскимъ населеніемъ.

Но, конечно, какъ выбору протестанта, такъ и Православнаго короля—сильно противодѣйствовала могущественная католическая партія, имѣя во главѣ папскаго посланника или нунція, хитрѣйшаго Итальянца Коммендоне; онъ успѣлъ объединить между собою всѣхъ вліятельныхъ Поляковъ-католиковъ и умирить всѣ раздоры, бывшіе между ними.

Тѣмъ не менѣе, Польско-Литовская рада, давши знать Грозному о смерти Сигизмунда-Августа, объявила ему черезъ своего гонца Воропая о желаніи видѣть королемъ царевича Ѳеодора.

На это Государь отвѣтствовалъ по своему обыкновенію длинной рѣчью, изъ которой видно было, что онъ, не отказывая Полякамъ въ Ѳеодорѣ, склонялся болѣе къ тому, чтобы быть избраннымъ самому, причемъ признавалъ особенно желательнымъ получить одно великое княжество Литовское безъ Польши. То же говорилъ онъ и прибывшему впослѣдствіи большому послу Михаилу Гарабурдѣ. При этихъ переговорахъ, Іоаннъ, какъ и подобало Русскому Государю, отнюдь не высказывалъ какихъ-либо заманчивыхъ обѣщаній, чтобы привлечь избирателей на свою сторону, а напротивъ ясно и опредѣленно ставилъ условіемъ своего избранія,—уступку ему Ливоніи до береговъ Двины, а также Кіева; Полоцкъ-же онъ обѣщалъ возвратить Литвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь тутъ же указывалъ, что будетъ радъ видѣть на Польскомъ престолѣ Австрійскаго принца

Эрнеста, сына Германскаго императора Максимиліана II, съ которымъ онъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ.

Когда въ Варшавѣ начался избирательный сеймъ, то Іоаннъ не послалъ туда ни своего посла, ни денегъ на подкупы; «Іоаннъ ждалъ къ себѣ пословъ Польскихъ и Литовскихъ, и никакъ не хотѣлъ унижаться до искательства и просьбъ» говоритъ С. Соловьевъ. Противъ Эрнеста Австрійскаго сильно возсталъ Турецкій султанъ, который не хотѣлъ видѣть на Польскомъ престолѣ своего сосѣда и грозилъ въ случаѣ его избранія—войной; кромѣ того, Поляки, вообще, не любили Австрійскій домъ. Поэтому, на выборахъ одержала верхъ партія Французскаго принца Генриха Валуа, брата короля Карла IX, знаменитаго устроителя Варѳоломеевской ночи. Въ виду послѣдняго обстоятельства, Польскіе протестанты были сильно встревожены выборомъ Генриха, но ихъ всѣхъ успокоилъ ловкій Французскій посолъ Монлюкъ, давшій за будущаго короля торжественное обѣщаніе, что протестанты ни въ чемъ не будутъ стѣснены при отправленіи своего богослуженія. На выборахъ поднимался также вопросъ и о королѣ изъ среды своихъ природныхъ Поляковъ, но противъ этого, чтобы не нарушить между шляхтой равенства, возсталъ славный мужъ, знаменитый своей ученостью, краснорѣчіемъ и обширными способностями—Янъ Замойскій, хотя безъ сомнѣнія, онъ могъ болѣе чѣмъ другіе разсчитывать быть избраннымъ королемъ.

148. Генрихъ Валуа, король Польскій и Французскій.

Картина школы художника Клуэ. Изъ собранія графа І. Потоцкаго въ Варшавѣ.

Новоизбранный король Генрихъ пріѣхалъ въ Польшу въ 1574 году; это былъ весьма легкомысленный молодой человѣкъ, страстный поклонникъ карточной игры и всякаго рода удовольствій, которымъ онъ предавался напролетъ цѣлыя ночи; днемъ же онъ долженъ былъ съ невыразимой для себя тоской проводить время въ занятіяхъ государственными дѣлами, въ которыхъ ничего не понималъ, такъ какъ не зналъ ни Латинскаго, ни Польскаго языковъ. Затруднительность его положенія усиливалась еще тѣмъ, что протестанты настойчиво требовали, чтобы онъ повторилъ присягу, данную его посломъ въ сохраненіи ихъ правъ; Генрихъ же, будучи всецѣло подъ вліяніемъ Латинскаго духовенства, уклонялся; вслѣдствіи этого—отношенія между партіями въ Польши обострились до крайности, и рѣдкій день проходилъ

безъ дракъ и убійствъ, при чемъ ненависть Поляковъ направлялась и противъ Французовъ, пріѣхавшихъ съ королемъ: онъ проводилъ свое время почти исключительно съ ними одними и съ безумной расточительностью тратилъ королевскую казну; во дворцѣ не замедлила наступить такая бѣдность и такой безпорядокъ, что иногда нечего было приготовить къ обѣду или накрыть къ столу.

Скоро случай вывелъ Генриха изъ тягостнаго положенія, въ которое онъ попалъ, ставши Польскимъ королемъ. Братъ его Карлъ IX умеръ, и Генрихъ получилъ приглашеніе отъ своей матери, Екатерины Медичи, какъ можно скорѣе пріѣхать во Францію, чтобы занять освободившійся королевскій престолъ; но Польскіе сенаторы объявили ему, что разрѣшеніе на выѣздъ изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой можетъ послѣдовать только по согласію сейма, который для этой цѣли нужно еще собрать. Тогда Генрихъ рѣшилъ бѣжать и ночью тайно покинулъ границы Польши. Поляки, разумѣется, были крайне смущены этимъ происшествіемъ. Они дали ему девятимѣсячный срокъ для возвращенія, но всѣ ясно сознавали, что придется опять приступить къ выбору новаго короля.

149. Николай VIII Христофоръ Радзивиллъ, по прозванію Сиротка.

Съ современнаго изображенія въ Несвижскомъ замкѣ.

Когда собрался сеймъ, то къ гонцу Грознаго Ельчанинову, пріѣхавшему для привѣтствія Генриха по случаю его избранія, пришелъ тайно ночью Литовскій панъ, староста Жмудскій, и сталъ говорить: «Чтобы Государь прислалъ къ намъ на Литву посланника своего добраго, и писалъ бы къ намъ грамоты порознь съ жалованнымъ словомъ; къ воеводѣ Виленскому грамоту, другую ко мнѣ, третью къ пану Троцкому, четвертую къ маршалку Сироткѣ Радзивиллу (сыну Николая Чернаго), пятую ко всему рыцарству.... Если мы умолимъ Бога, а Государя упросимъ, что будетъ у насъ въ Литвѣ на государствѣ, то Поляки всѣ придутъ къ Государю головами своими бить челомъ»...

Получивъ извѣстіе объ этомъ, Іоаннъ очутился въ очень трудномъ положеніи; онъ понималъ всѣ выгоды своего избранія, но опять его гордость не позволяла ему предпринимать какія либо мѣры, не соотвѣтствующія съ Царскимъ достоинствомъ; поэтому, онъ опять ограничился обѣщаніемъ прислать большихъ пословъ, но больше хлопоталъ объ избраніи Австрійскаго эрцгерцога Ернеста или его отца императора Максимиліана II, надѣясь за свою поддержку получить отъ него Ливонію, и въ своихъ сношеніяхъ съ Максимиліаномъ прямо высказывался по этому поводу: «такъ братъ бы нашъ дражайшій, Максимиліанъ цесарь, въ Ливонскую Землю не вступался и этимъ бы намъ любовь свою показалъ; а мы Ливонской Земли достаемъ и впредь хотимъ искать. Къ панамъ Польскимъ пошлемъ, чтобы они выбрали въ короли Эрнеста князя, а къ Литовскимъ—чтобы оставались за нами; если Литва не согласится отстать отъ Польши, то пусть и она выбираетъ Эрнеста; если же и Польша и Литва не согласятся имѣть государемъ ни насъ, ни Эрнеста, то намъ съ цезаремъ Максимиліаномъ надъ ними промышлять сообща и въ неволю приводить». Съ этимъ же поѣхалъ къ Максимиліану и Царскій посолъ, уже помянутый нами—князь Сугорскій.

150. Рѣзанное по дереву и раскрашенное современное изображеніе императора Максимиліана II, въ великогерцогской придворной библіотекѣ въ Дармштадтѣ.

Въ Ноябрѣ 1575 года, въ Польшѣ вновь начались выборы, на которые явились послы отъ имени соискателей освободившейся короны: отъ императора Максимиліана съ сыномъ Эрнестомъ; отъ короля Шведскаго Іогана (какъ супруга Екатерины Ягеллонки), съ сыномъ Сигизмундомъ; отъ воеводы, подчиненнаго Венгріи княжества Седмиградскаго,—Стефана Баторія, поддерживаемаго султаномъ; отъ Альфонса, герцога Феррарійскаго, и отъ нѣкоторыхъ другихъ; всѣ эти послы не скупились на обѣщанія, въ случаѣ избранія ихъ довѣрителей; не было только попрежнему пословъ отъ великаго Государя Московскаго. Поэтому, несмотря на значительное число сторонниковъ Грозн-

наго Царя, на выборахъ пересилили двѣ партіи: Австрійская—состоявшая преимущественно изъ вельможъ и избравшая королемъ императора Максиміліана, и партія шляхты, къ которой примкнулъ и Янъ Замойскій; партія эта провозгласила королемъ Стефана Баторія, при условіи, что онъ вступитъ въ бракъ съ пятидесяти-четырехлѣтней Анной Ягеллонкой.

Такимъ образомъ въ Польшѣ оказалось сразу два короля; при этомъ, Максиміліанъ имѣлъ вначалѣ болѣе успѣховъ восторжествовать надъ своимъ соперникомъ; но надо было дѣйствовать смѣло, не останавливаясь передъ тѣмъ, чтобы удержать права на свою новую корону оружіемъ; Максиміліанъ же по своему душевному складу не былъ на это способенъ, тянулъ

151. Молебенъ посольства князя Захарія Ивановича Сугорскаго на Регенсбургскомъ сеймѣ 1576 года.

Съ современнаго Нѣмецкаго изображенія, составляющаго продолженіе приведеннаго на рисункѣ 130.

время въ переговорахъ и не двигался съ мѣста, боясь войны съ Турками, поддерживавшими Баторія. Не такъ дѣйствовалъ послѣдній: онъ немедленно принялъ всѣ предложенныя ему условія и быстро двинулся съ отрядомъ войскъ къ Польскимъ границамъ. 18 Апрѣля 1576 года Баторій совершилъ торжественный въѣздъ въ Краковъ, а затѣмъ тотчасъ же короновался и вступилъ въ бракъ съ Анной Ягеллонкой.

Выборъ Баторія особенно былъ не по душѣ Литовцамъ, которые хотѣли Іоанна. Они прямо говорили Русскому послу: «. . . .Ляхи обираютъ на государство Обатуру (Баторія) и къ намъ уже въ другой разъ присылаютъ, чтобы и мы его выбрали; но намъ ни подъ какимъ видомъ Обатуру на государство не брать; Обатура Турецкій посаженникъ и какъ намъ отдать христіанское государство басурманамъ въ руки?... Паны за посулы выбираютъ

цесаря и Обатуру; но рыцарство всею землею ихъ не хочетъ, а хочетъ Царя; паны радные увязли въ посулахъ и сами не знаютъ, какъ быть».

Крайне недоволенъ былъ избраніемъ Баторія и Іоаннъ; онъ совершенно правильно разсчитывалъ, что въ случаѣ избранія Максимиліана, послѣдній, опасаясь войны съ Турціей, будетъ сильно дорожить дружбой Москвы и для ея сохраненія не пожалѣетъ отдать намъ Ливонію. Узнавъ о пріѣздѣ Баторія въ Краковъ, Государь писалъ Максимиліану: «Мы твоему избранію порадовались, но послѣ узнали, что паны помимо тебя выбрали на королевство Стефана Баторія... который уже пріѣхалъ въ Краковъ и женился на королевнѣ Аннѣ. . . . Такъ ты бы, братъ нашъ дражайшій, промышлялъ о томъ дѣлѣ скорѣе, пока Стефанъ Баторій на тѣхъ государствахъ крѣпко не утвердился; и къ намъ отпиши со скорымъ гончикомъ, съ легкимъ, какъ намъ своимъ и твоимъ дѣломъ надъ Польшей и Литвою промышлять». . . .

Но Максимиліанъ ни на что не рѣшался, а раздражалъ только Іоанна своимъ заступничествомъ за Ливонію; скоро затѣмъ онъ умеръ.

Прибывъ въ Польшу, Баторій первымъ дѣломъ обратилъ всѣ свои усилія противъ Нѣмецко-Прусскаго города Данцига, не хотѣвшаго его признавать, и приступилъ къ его осадѣ; въ Москву же онъ послалъ хлопотать о продолженіи перемирія до 1578 года. Грозный согласился на это; пользуясь перемиріемъ съ Литвою и Польшею, онъ разсчитывалъ покончить съ Ливоніей, изъ-за обладанія которой у него шла теперь жестокая борьба со Шведами, такъ-какъ ихъ новый король Іоганъ пылалъ самою жестокою ненавистью къ Іоанну, какъ за попытку послѣдняго отнять у него жену и за желаніе овладѣть Ревелемъ, такъ и за унизительный обычай, по которому Шведскіе короли имѣли право сноситься только съ Московскими намѣстниками въ Новгородѣ.

Въ концѣ 1571 года Іоаннъ вздумалъ было вступить съ Іоганомъ въ переговоры, съ цѣлью попытать убѣдить послѣдняго отдать намъ Эстонію мирнымъ путемъ; но эти переговоры повели только ко взаимному ожесточенію. Царь и король обмѣнялись другъ съ другомъ очень рѣзкими грамотами и, въ концѣ 1572 года, Іоаннъ лично вступилъ въ Эстонію во главѣ 80.000 войска; скоро послѣ жестокаго приступа, на которомъ геройски палъ Малюта Скуратовъ, мы овладѣли сильной крѣпостью Вейссенштейномъ; вслѣдъ за тѣмъ—нами были взяты также Нейгофъ и Каркусъ; но въ чистомъ полѣ, Московскіе воеводы, уступая искусству Шведовъ въ ратномъ дѣлѣ, были разбиты близъ Лоде, получивъ въ то же время извѣстіе о возстаніи Черемисы въ Казанской Землѣ.

Іоаннъ опять предложилъ Шведскому королю покончить дѣло миромъ и послалъ своего гонца Чихачева съ грамотою въ Стокгольмъ. Поведеніе этого доблестнаго Русскаго человѣка при исполненіи своего порученія заслуживаетъ величайшаго уваженія. Король, полагая, что привезенная Чихачевымъ грамота написана такъ же рѣзко, какъ и послѣднее письмо его самого къ Іоанну, не хотѣлъ ее брать, а приказалъ отдать своимъ вельможамъ для прочтенія. Но Чихачеву былъ данъ наказъ передать грамоту

непремѣнно въ руки короля, и вслѣдствіе этого между нимъ и Шведами произошла крупная ссора.

«Пріѣхалъ ты въ нашего государя землю, такъ и долженъ исполнять нашу волю, что намъ надобно»—говорили Шведы.—«Пріѣхалъ я въ вашего государя Землю, а волю мнѣ исполнять Царскаго Величества, своего Государя, а не вашего»—отвѣчалъ Чихачевъ. Тогда Шведы стали ему грозить, что не дадутъ съѣстныхъ припасовъ. Чихачевъ отвѣчалъ на это: «Пусть умру съ голоду; однимъ мною у Государя не будетъ ни людно, ни безлюдно»... Видя, что Чихачевъ упорствуетъ отдать Царскую грамоту, одинъ изъ Шведскихъ вельможъ ударилъ его въ грудь и, взявъ топоръ, сталъ замахиваться надъ нимъ, говоря: «отсѣку голову», при чемъ бранилъ его непристойными

152. Развалины Вейссенштейна.

словами. На это Чихачевъ отвѣчалъ ему съ достоинствомъ: «Если бы я, Царскаго Величества холопъ, сидѣлъ теперь на своемъ конѣ, то ты бы меня, мужикъ, такъ не безчестилъ, умѣлъ бы я тебѣ отвѣтъ дать, а я сюда не драться пріѣхалъ».

Затѣмъ, какъ самого Чихачева, такъ и всѣхъ его людей подвергнули самому унизительному осмотру, раздѣли ихъ до нага, перерыли всѣ вещи, изломали сундуки съ образами, раскидавъ послѣдніе по лавкамъ, и, наконецъ, не найдя грамоты, пригрозили гонцу, что его будутъ пытать на огнѣ, если онъ ее не отдастъ. Но Чихачевъ все же не отдалъ грамоты и добился своего: король принялъ ее лично изъ его рукъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, лѣтомъ 1575 года, начались переговоры о перемиріи на пограничной рѣкѣ Сестрѣ; Шведы непремѣнно требовали переговариваться на мосту черезъ нее, но Русскій уполномоченный князь Сицкій настоялъ на томъ, чтобы они перешли на нашъ берегъ. Переговоры эти не были осо-

бенно успѣшны. Грозный соглашался имѣть непосредственныя сношенія съ королемъ, но требовалъ за это уступки Эстоніи и присылки 200 Шведскихъ пушкарей; Іоганъ же настаивалъ на правѣ непосредственныхъ сношеній безо всякихъ уступокъ. Вслѣдствіе этого было заключено лишь перемиріе на два года, до 20 Іюня 1577 года, и то только относительно Финляндіи и Новгородской области; въ Эстоніи же война должна была про-

153. Финляндскій видъ.

Изъ Нѣмецкой „Космографіи Себастіана Мюнстера", изданія 1550 года.

должаться, если только король не пошлетъ своихъ большихъ пословъ къ Царю бить челомъ о мирѣ.

Поэтому, вслѣдъ за переговорами на рѣкѣ Сестрѣ (близъ нынѣшняго Петербурга), войска наши открыли военныя дѣйствія въ Ливоніи взятіемъ Пернау послѣ ряда сильнѣйшихъ приступовъ, въ которыхъ мы потеряли до 7.000 человѣкъ; при этомъ, главный воевода Московскій, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, братъ покойной царицы Анастасіи, обошелся необыкновенно милостиво съ гражданами взятаго города: каждый изъ нихъ сохранилъ все свое имущество. Тотчасъ по взятіи Пернау намъ сдались и другіе города: Гелметъ, Эрмесъ, Руэнъ, Пуркель; а въ слѣдующемъ 1576 году, когда Русскіе опять вторглись въ Эстонію, имъ передались безъ выстрѣла Леаль, Лоде, Фиккель и Гапсаль, при чемъ жители Гапсаля, вечеромъ того же дня, когда послѣдовала сдача города, устроили пиры и пляски. Московскіе воины крайне удивлялись этому и говорили: «что за странный народъ Нѣмцы! Если бы мы, Русскіе, сдали безъ нужды такой городъ, то не посмѣли бы поднять глазъ на честнаго человѣка, а Царь нашъ не зналъ бы, какою казнію насъ казнить».

154. Печать города Пернова.

Чтобы закончить покореніе Эстоніи, необходимо было овладѣть Ревелемъ, и въ январѣ 1577 года 50.000 Московскаго войска подошли къ нему и начали осаду; у насъ было три пушки, стрѣлявшія ядрами до 55 фун-

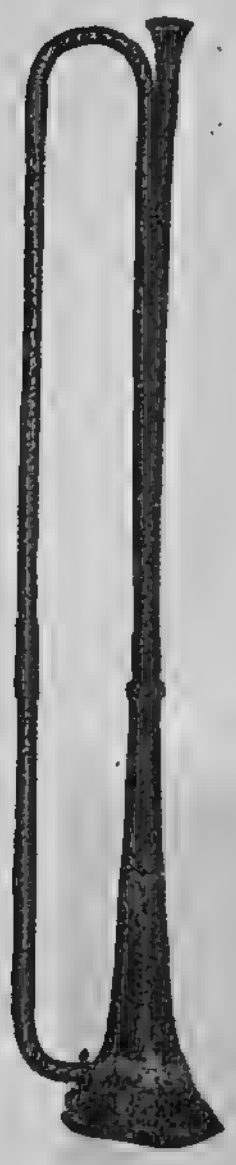
155. Развалины замка въ Гапсалѣ.

156. Шлемъ Іоанна Грознаго.

157. Серебряная пороховница Іоанна Грознаго. Хранится въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

товъ вѣсомъ; шесть—ядрами до 30 фунтовъ, и четыре камнемета могли бросать тяжести до 225 фунтовъ; кромѣ того, имѣлось значительное число мелкихъ орудій. Но оборонительныя средства Ревеля были во много разъ сильнѣе, и послѣ полуторамѣсячной осады, Московскія войска, не взявъ города, отошли отъ него.

Лѣтомъ того же 1577 года—Грозный лично выступилъ изъ Новгорода въ походъ, но пошелъ не къ Ревелю, а вторгся въ Польскую Ливонію, считая, что перемиріе, заключенное съ Баторіемъ до 1578 года, касается только Литвы и Польши. Города въ Польской Ливоніи стали такъ же быстро сдаваться нашимъ воеводамъ, какъ и въ Эстоніи; съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ и посаженный Московскимъ Государемъ Ливонскій король Магнусъ, тоже бравшій одинъ городъ за другимъ. Скоро Магнусъ, отуманенный своими успѣхами, послалъ намъ требованіе, чтобы ему, какъ Ливонскому королю, были бы переданы всѣ города, занятые Русскими; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ завелъ какія то сношенія съ Польскимъ королемъ и Курляндскимъ герцогомъ Кетлеромъ.



158. Жестяная военная труба Іоанна Грознаго. Хранится въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

Извѣстіе объ этомъ, конечно, сильно разгнѣвало Іоанна. «Хочешь брать у насъ города—бери»—насмѣшливо писалъ ему Грозный; «мы здѣсь отъ тебя близко; ты объ этихъ городахъ не заботься, ихъ и безъ тебя берегутъ... Если не захочешь насъ слушать, то мы готовы; а тебѣ отъ насъ нашу отчину отводить не слѣдовало. Если тебѣ нечѣмъ на Кеси (въ Венденѣ) жить, то ступай въ свою Землю за море, а еще лучше сослать тебя въ Казань; если поѣдешь за море, то мы свою вотчину, Лифляндскую Землю, и безъ тебя очистимъ»... Подойдя къ Вендену, гдѣ находился Магнусъ, Царь потребовалъ его къ себѣ; тотъ послалъ къ Іоанну двухъ своихъ пословъ; но Грозный велѣлъ ихъ высѣчь и отправить назадъ, настойчиво требуя самого Магнуса; послѣдній, наконецъ, вышелъ, впустивъ въ городъ Русскій отрядъ и, явившись передъ Царемъ, палъ на колѣни, прося прощенія. Государь приказалъ его взять подъ стражу. На несчастье въ это время Нѣмцы, укрывшись въ замкѣ, который не былъ еще сданъ Русскимъ, стали стрѣлять, при чемъ одно ядро чуть не убило Іоанна. Онъ страшно разгнѣвался и приказалъ сейчасъ же приступить къ осадѣ замка, поклявшись, что не оставитъ въ живыхъ ни одного Нѣмца въ Венденѣ. Тогда 300 знатнѣйшихъ защитниковъ крѣпости, видя, что спасенія нѣтъ, взорвали себя на воздухъ. Взявъ еще нѣсколько Нѣмецкихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, Іоаннъ направился къ Вольмару, гдѣ задалъ пиръ своимъ воеводамъ и знатнымъ Литовскимъ плѣнникамъ, которыхъ освободилъ. Съ послѣдними онъ былъ крайне ласковъ, въ особенности же съ княземъ Полубенскимъ; одаривъ ихъ шубами и кубками, онъ сказалъ на прощанье: «Идите къ королю Стефану, убѣдите его заключить миръ со мною на условіяхъ, мнѣ угодныхъ; ибо рука моя высока! Вы видѣли, да знаетъ и онъ!»...

Пребываніе въ Вольмарѣ напомнило Іоанну, что отсюда бѣжалъ Курбскій, и онъ не удержался, чтобы не написать этому измѣннику приведенное нами письмо съ укоризнами, въ которомъ онъ, семнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Анастасіи Романовны, съ горечью говорилъ: «Если-бы вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновыхъ жертвъ и не было-бы»...

159. Золотой перстень, съ камнемъ, Царицы Анастасіи Романовны.

Хранится въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

Изъ Вольмара Государь направился въ Юрьевъ; онъ простилъ по пути Магнуса, давъ ему нѣсколько городовъ и возвративъ право называться Ливонскимъ королемъ; затѣмъ онъ отбылъ въ Александровскую Слободу.

На этомъ и закончились успѣхи Грознаго Царя въ Ливоніи. Вскорѣ они приняли чрезвычайно неблагопріятный для него оборотъ. Шведы стали осаждать Нарву, а Поляки явились въ южной Ливоніи и начали брать городъ за городомъ; наконецъ, Нѣмцы, служившіе Полякамъ, измѣною взяли Венденъ, поддѣлавъ къ нему ключи, и перерѣзали спящихъ Русскихъ, несмотря на отчаянное ихъ сопротивленіе. Король же Магнусъ, только что прощенный Іоанномъ, бѣжалъ къ Стефану Баторію.

160. Развалины Вендена.

Въ слѣдующемъ 1578 году, Русскіе воеводы осадили Венденъ и трижды водили войска на приступъ, но затѣмъ сняли осаду, услышавъ о приближеніи Поляковъ и Шведовъ, и стали ихъ выжидать передъ городомъ, выстроивъ боевой порядокъ и распустивъ знамена. Скоро закипѣлъ бой. Поляки, Литовцы, Шведы и Нѣмцы поощряли другъ друга и повели наступленіе. Татарская конница, бывшая при Русскихъ, не выдержала натиска

и побѣжала; это произвело смятеніе среди нашихъ и они отступили къ укрѣпленному лагерю, гдѣ были сосредоточены орудія и запасы. Ночью, воеводы—князь Голицынъ, Ѳедоръ Шереметевъ, князь Андрей Палецкій и дьякъ Щелкаловъ, вмѣстѣ съ конницей незамѣтно покинули этотъ лагерь, пользуясь темнотой.

Но не такъ поступили остальные его защитники. «Другіе двое» (воеводъ)—разсказываетъ Полякъ Гейденштейнъ, описавшій Ливонскую войну со словъ очевидцевъ и, вѣроятно, по личнымъ указаніемъ уже знакомаго намъ Яна Замойскаго,—«коимъ ввѣрены были пушки и снаряды, оставшись почти одни въ лагерѣ, охватили руками болѣе важныя военныя орудія, дабы показать, что они до послѣдняго вздоха охраняли лагерь, военные снаряды и вѣрность къ Государю; въ такомъ положеніи они были найдены на другой день рано утромъ, когда наши ворвались въ лагерь и окопы, и взяты живыми вмѣстѣ съ лагерями и съ 30-ью приблизительно орудіями. Другое неменѣе значительное доказательство вѣрности представили простые, бывшіе при орудіяхъ, пушкари. У Москвитянъ такой способъ управленія орудіями: они зарываютъ пушки въ землю; впереди ихъ, тамъ, гдѣ приходится дуло, проводятъ ровъ надлежащей глубины; въ немъ прячутся тѣ, которые заряжаютъ пушку; къ жерлу дула прикрѣпляютъ веревку, и когда нужно зарядить ее, то пушку пригибаютъ ко рву, когда же нужно стрѣлять, снова отпускаютъ... Когда у поставленныхъ при этихъ орудіяхъ пушкарей большая часть была перебита, а другіе разбѣжались, то остальные, видя, что наши овладѣли лагерями, потерявъ надежду на спасеніе орудій, и вмѣстѣ съ тѣмъ и любовь къ жизни, добровольно повѣсились на веревкахъ, которыя, какъ мы выше сказали, спускались сверху жерлъ....»

Это поведеніе доблестныхъ Московскихъ пушкарей, имена коихъ къ сожалѣнію не дошли до насъ, показывало, конечно, Полякамъ, что война за Ливонію съ Русскими будетъ крайне упорна. Въ слѣдующемъ 1579 году Іоаннъ самъ рѣшилъ идти подъ Ревель, и въ Псковъ уже прибылъ тяжелый нарядъ для его осады.

Въ это же время непосредственное участіе въ борьбѣ за Ливонію принялъ и новый Польскій король Стефанъ Баторій. Баторій былъ чистокровный Венгерецъ, скромнаго дворянскаго рода, достигнувшій къ 38 годамъ жизни, благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ въ военномъ дѣлѣ, званія воеводы Седмиградскаго княжества. Въ своей молодости онъ окончилъ знаменитый Итальянскій университетъ въ Падуѣ, ректоромъ коего былъ, одно время, Янъ Замойскій и, вѣроятно, тогда же между ними возникли прочныя дружескія отношенія, скрѣпленныя бракомъ Замойскаго на племянницѣ Баторія—Гризельдѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ Замойскаго, Польская шляхта—рѣшила избрать Баторія королемъ, мечтая, что мало кому извѣстный Венгерецъ будетъ ея послушнымъ орудіемъ. Но она жестоко ошиблась. Никто болѣе Баторія не былъ такъ способенъ быстро забрать въ руки власть въ королевствѣ; ставъ королемъ, онъ немедленно приступилъ къ самому ревностному занятію госу-

дарственными дѣлами, проявляя непреклонную настойчивость и безпощадную строгость. Вопреки обычаямъ, онъ осудилъ и приказалъ обезглавить одного буйнаго дворянина, принадлежавшаго къ вліятельнѣйшей Польской семьѣ, и не склонился на самыя настойчивыя просьбы о его помилованіи. Когда одинъ изъ Польскихъ выборныхъ возвысилъ на сеймѣ свой голосъ, то Баторій, схватившись за саблю, грозно крикнулъ ему: «Молчи, негодяй!». Когда же возмутилась часть Днѣпровскихъ казаковъ, то онъ приказалъ казнить ихъ десятками и, какъ передаютъ, разрубать трупы на части.

Баторій говорилъ только по-Венгерски и по-Латыни и не давалъ себѣ труда изучить Польскій языкъ; со своей же престарѣлой супругой—Анной Ягеллонкой онъ находилъ достаточнымъ вести всѣ разговоры при посредствѣ переводчика, что очень обижало послѣднюю.

Будучи врожденнымъ воиномъ и страстнымъ охотникомъ, новый король велъ изумительно простой образъ жизни. Онъ не носилъ перчатокъ и пренебрегалъ чулками, употребленіе которыхъ въ то время уже распространялось. Несмотря на неважное здоровье и рану на ногѣ, которая никогда не заживала, Баторій легко переносилъ всѣ невзгоды военнаго времени. «Король быстро двигается въ колескѣ», пишетъ про него одинъ очевидецъ: «на ночь ему только палатка, а въ ней ни лавки, ни столика; въ полдень подкрѣпляется онъ ѣдою въ шалашѣ изъ вѣтокъ; сидѣніе ему дѣлаютъ, вбивая въ землю нѣсколько кольевъ и укладывая на нихъ перекладинки; такимъ же способомъ устраиваютъ и столикъ. О постели или пологѣ и не спрашивай. Если король захочетъ послѣ обѣда заснуть или отдохнуть, то насѣкутъ мелко березовыхъ вѣтокъ съ листьями, разстелютъ по землѣ вмѣсто матраца, и вотъ на эти вѣтки ложится король и спитъ какъ въ самой лучшей опочивальнѣ».—«Выражая сочувствіе протестантству въ Седмиградіи, онъ былъ ярымъ католикомъ въ Польшѣ», говоритъ Валишевскій; «онъ устроилъ такъ, что избирательному сейму его представлялъ аріанецъ Бландрата. Послѣ же избранія въ короли совѣтниками его стали іезуиты».

Баторій былъ, конечно, особенно дорогъ тѣмъ Полякамъ, которые видѣли въ немъ выдающагося полководца и мечтали, что при его мощномъ воздѣйствіи возродится прежняя ихъ воинская доблесть, пришедшая, благодаря распущенности и изнѣженности магнатовъ и шляхты, въ сильный упадокъ. «Непохожи вы стали на вашихъ предковъ», говорилъ Полякамъ въ сенатѣ помянутый нами папскій посолъ Коммендоне, желая ихъ возбудить къ войнѣ съ Турками: «они не на пирахъ за чашами распространяли государство, а сидя на коняхъ, трудными подвигами воинскими; они спорили не о томъ, кто больше осушитъ стакановъ, но о томъ, кто кого превзойдетъ въ искусствѣ ратномъ». Князь же Курбскій, описывая Польскіе нравы при Сигизмундѣ-Августѣ, говоритъ: «Здѣшній король думаетъ не о томъ, какъ бы воевать съ невѣрными, а только о пляскахъ, да о маскарадахъ; также и вельможи знаютъ только пить, да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры: берутъ и Москву и Константинополь, и если бы даже

161. Стефанъ Баторій.

Съ современнаго изображенія, принадлежащаго графу М. Замойскому въ Варшавѣ.

162. Королева Анна Ягеллонка.

Современное изображеніе надъ гробницей королевы въ Краковѣ.

на небо забился Турокъ, то и оттуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между толстыми перинами, то едва къ полудню проспятся, встанутъ чуть живы, съ головною болью. Вельможи и княжата такъ робки...., что, послышавъ варварское нахожденіе, забьются въ претвердые города и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столъ за кубки и бол-

163. Янъ Замойскій.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ галлереѣ Уфицци въ Римѣ.

таютъ со своими пьяными бабами; изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступятъ въ походъ, то идутъ издалека за врагомъ и, походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бѣдные жители успѣли спасти отъ Татаръ въ лѣсахъ, какое-нибудь имѣніе или скотъ—все поѣдятъ и послѣднее разграбятъ».

Прибывъ въ Польшу, Баторій, безъ сомнѣнія, быстро оцѣнилъ этотъ печальный упадокъ воинскаго духа въ странѣ; а между тѣмъ, ему надо

было тотчасъ же управиться съ городомъ Данцигомъ; вотъ причина, какъ мы говорили, почему онъ искалъ перемирія съ Грознымъ.

Покончивъ-же съ Данцигомъ на довольно выгодныхъ для города условіяхъ, онъ вмѣстѣ съ Яномъ Замойскимъ всецѣло отдался подготовкѣ для нанесенія сильныхъ ударовъ Москвѣ, въ предстоящей рѣшительной борьбѣ за Ливонію.

Какъ опытный воинъ, Баторій сразу оцѣнилъ превосходныя боевыя качества Днѣпровскихъ казаковъ, лучшихъ воиновъ среди своихъ новыхъ подданныхъ, но, какъ ставленникъ Турецкаго султана, онъ относился къ нимъ съ глубочайшей ненавистью и писалъ къ Крымскому хану: «Мы не питаемъ любви къ нимъ, и намѣрены не охранять ихъ, а, напротивъ, истреблять». Однако, нуждаясь въ храбрыхъ, испытанныхъ воинахъ для борьбы съ Москвой, король, несмотря на эту ненависть, положилъ прочныя начала военнаго устройства Днѣпровскаго казачества и навербовалъ среди него нѣсколько отрядовъ для создаваемыхъ имъ новыхъ Польскихъ вооруженныхъ силъ. Образовавъ королевскій отборный полкъ, или гвардію, Баторій обратилъ особое вниманіе на созданіе *постояннаго войска*, въ которомъ главное значеніе должна была имѣть пѣхота, выученная по образцу лучшихъ Западно - Европейскихъ воинствъ и поголовно вооруженная ружьями; до этого же времени «Польскіе пѣхотинцы», по словамъ одного изъ современниковъ и сподвижниковъ Баторія, «болѣе похожи были на шутовъ, нежели на воиновъ. Ихъ одѣвали въ клѣтчатыя платья, сшитыя изъ кусковъ сукна разныхъ цвѣтовъ; каждая куртка и каждые шаровары соединяли въ себѣ нѣсколько разныхъ цвѣтовъ сукна. Оружіемъ пѣхотинца были: мечъ и алебарда, очень рѣдко ружье. Пѣхотинцы не знали, какъ сооружать укрѣпленія, или туры»... Чтобы создать постоянное войско по образцу Западно-Европейскихъ государствъ, Баторій установилъ правильный наборъ новобранцевъ въ своихъ королевскихъ имѣніяхъ и пріохачивалъ богатыхъ пановъ на свой счетъ вооружать и содержать пышно разодѣтыя роты гусаръ и конныхъ стрѣлковъ; наконецъ, онъ прибѣгъ къ найму значительнаго числа полковъ закаленной въ бояхъ съ Турками Венгерской пѣхоты и Нѣмецкой конницы.

Подготовляемая такимъ образомъ Баторіемъ постоянная Польская рать должна была оказаться по своему обученію и искусству значительно выше Московскихъ войскъ, которыя, несмотря на многія важныя преобразованія Грознаго, не были, за исключеніемъ стрѣлецкихъ полковъ, постоянными, а по старинѣ собирались лишь при необходимости и распускались по домамъ тотчасъ по окончаніи похода; не могъ въ Московскихъ войскахъ вывести Грозный Царь и мѣстничества, и почти всѣ воеводы, по-прежнему, назначались не по способностямъ, а по происхожденію.

Наряду съ заботами о наилучшемъ устройствѣ своего войска, Баторію приходилось преодолѣвать на каждомъ шагу многочисленныя препятствія въ этомъ дѣлѣ со стороны своихъ своевольныхъ подданныхъ; поэтому, онъ не торопился съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Москвы и,

узнавъ о походѣ Іоанна въ 1577 году въ Польскую Ливонію, ограничился посылкой ему упрека въ томъ, что, пославши опасную грамоту на большихъ Польскихъ пословъ для пріѣзда ихъ въ Москву, съ цѣлью мирныхъ переговоровъ, Царь, не объявляя войны, сталъ забирать Польскіе города въ Ливоніи. На это Грозный отвѣчалъ: «Мы съ Божіею волею отчину свою Лифляндскую Землю очистили, и ты бы свою досаду отложилъ. Тебѣ было въ Лифляндскую Землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли съ Седмиградскаго княжества на корону Польскую и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую Землю; о Лифляндской Землѣ съ Польшею и Литвою что велось, то дѣлалось до тебя; и тебѣ было тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались до тебя, передъ себя брать не пригоже. Отъ нашего похода въ Лифляндскую Землю наша опасная грамота не порушилась; непріязни мы тебѣ никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего. Литовскаго великаго княжества и Литовскихъ людей ничѣмъ не зацѣпили. Такъ ты бы кручину и досаду отложилъ и пословъ своихъ отправлялъ къ намъ не мѣшкая».

Послы эти прибыли въ январѣ 1578 года, но переговоры съ ними не привели ни къ чему: въ упоеніи своихъ успѣховъ, Грозный потребовалъ для заключенія мира, кромѣ Ливоніи — Курляндію и Полоцка, также Кіева, Канева и Витебска, и не скрывалъ своего пренебреженія къ Баторію. «О Седмиградскомъ же государствѣ мы нигдѣ не слыхали», передавалъ онъ посламъ, «и государю вашему Стефану въ равномъ братствѣ съ нами быть непригоже; а захочетъ съ нами братства и любви, такъ онъ бы намъ почетъ оказалъ». Послы обидѣлись, указавши на царя Давида, избраннаго изъ низкаго званія. Но Грозный приказалъ имъ отвѣтить на это: «Давида царя Богъ избралъ, а не люди... Въ томъ ваша воля: мятежемъ человѣческимъ, хотя бы кого и хуже родомъ выбрали—то вамъ государь; а намъ съ кѣмъ пригоже быть въ братствѣ, тотъ намъ и братъ, а съ кѣмъ непригоже, тотъ намъ и не братъ. Здѣсь слухи были, что вы хотѣли посадить на королевство и Яна Костку; и воевода Виленскій Николай Радзивиллъ хотѣлъ также на государство; такъ неужели по вашему избранію и этихъ намъ надобно считать братьями? Вы говорите, что мы вашего государя укоряемъ; но мы его не укоряемъ, пишемъ про него правду; можно было бы намъ про него и хуже писать, да не хотимъ для христіанства. Государь вашъ самъ себя укоряетъ, да и вы его укоряете, во всѣхъ грамотахъ пишете, что Богъ его безмѣрнымъ своимъ милосердіемъ помиловалъ, вы его на государство взяли, хвалитесь, что по великому Божіему милосердію полюбили его: изъ этого ясно видно, что онъ такого великаго государства былъ недостоинъ, но Богъ его помиловалъ, да вы его полюбили не по достоинству».

При этихъ обстоятельствахъ, рѣшено было продолжить лишь перемиріе еще на три года, отъ 25 марта 1578 года, причемъ въ перемирной грамотѣ Іоаннъ назвалъ Стефана не братомъ, а *сосѣдомъ*. Но, въ это время какъ разъ, въ Варшавѣ, на собранномъ сеймѣ, въ февралѣ 1578 года, послѣ обсужденія вопроса о томъ, съ которымъ изъ двухъ непріятелей—съ Крымцами или съ Москвой—начать прежде войну, рѣшено было воевать съ послѣдней.

«Силы Москвы огромны», говорили сторонники этой войны, «но чѣмъ могущественнѣе непріятель, тѣмъ славнѣе побѣда надъ нимъ, а наградою будетъ Ливонія, край богатый, а по приморскому положенію своему могущій принести большія выгоды».

Баторій рѣшилъ начать войну наступленіемъ въ Московскіе предѣлы; это требовало времени для сбора денегъ, припасовъ и другихъ приготовленій. Поэтому, чтобы выиграть это время, король затянулъ переговоры о мирѣ почти на цѣлый годъ, въ теченіе котораго, какъ мы видѣли, Московскія войска потерпѣли рядъ неудачъ въ Ливоніи и вслѣдствіе чего въ 1579 году нашъ тяжелый нарядъ прибылъ во Псковъ, откуда онъ долженъ былъ идти противъ Ревеля вмѣстѣ съ сильной ратью подъ начальствомъ Царя. Но, въ это время Баторій,ославъ Іоанну разметную грамоту, уже самъ вторгся въ наши предѣлы. Многіе совѣтовали ему идти на Псковъ, занявъ который, онъ преграждалъ единственный путь, шедшій въ то время изъ Москвы въ Ливонію. Король рѣшилъ, однако, идти сперва къ Полоцку, городу, недавно отторгнутому отъ Литвы и господствовавшему надъ путями, шедшими изъ Московскаго Государства въ Литву и Ливонію, а также и надъ теченіемъ Западной Двины. У Баторія было 55.000 человѣкъ (40.000 конницы и 15.000 пѣхоты); при войскахъ его находилось также много печатныхъ станковъ, на которыхъ изготовлялись высокопарныя воззванія войскамъ и жителямъ и завѣдомо извращенныя свѣдѣнія о Русскихъ, отправлявшіяся затѣмъ во множествѣ въ Европу; состоялъ при Баторіи и нашъ измѣнникъ, Датскій полковникъ Фаренсбахъ, недавно занимавшій должность воеводы въ Московскихъ войскахъ, а теперь, безъ сомнѣнія, дававшій полезныя указанія о расположеніи Русскихъ. Папа Григорій XIII прислалъ королю въ подарокъ драгоцѣнный мечъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ на успѣшную борьбу съ «врагами христіанства», какъ онъ насъ величалъ.

Баторій выбралъ очень искусно мѣстомъ для сбора своихъ войскъ городокъ Свиръ, откуда онъ могъ идти какъ на Полоцкъ, такъ и на Псковъ, что, разумѣется, должно было держать Іоанна въ полной неизвѣстности, относительно его намѣреній. Государь полагалъ, что разъ война ведется изъ-за Ливоніи, то Баторій направится въ Ливонію же, а потому, изъ приблизительно 60.000 человѣкъ, которыми мы располагали для дѣйствія въ полѣ, онъ направилъ значительную часть за Двину—въ Курляндію.

Между тѣмъ Баторій, выступивъ изъ Свира, быстро направился къ Полоцку и въ началѣ августа осадилъ его, не давъ намъ времени привести городъ, обнесенный деревянной стѣной, въ крѣпкое оборонительное состояніе. Царь, узнавъ объ осадѣ Полоцка, двинулъ къ нему передовые отряды подъ начальствомъ окольничьяго Бориса Шеина и Ѳеодора Шереметева; увидя, что всѣ пути къ Полоцку заняты войсками Баторія, воеводы эти расположились въ крѣпости Соколѣ (одна изъ шести, выстроенныхъ Іоанномъ, послѣ взятія имъ Полоцка) и старались препятствовать оттуда подвозу

съѣстныхъ припасовъ Польскимъ войскамъ, но избѣгали столкновенія съ ними въ чистомъ полѣ.

Въ Полоцкѣ сѣли въ крѣпкую осаду князь Василій Телятевскій, Петръ Волынскій, князь Димитрій Щербатый и дьякъ Ржевскій и держались въ немъ болѣе трехъ недѣль съ необычайнымъ мужествомъ; всѣ жители принимали дѣятельное участіе въ оборонѣ: старики и женщины бросались всюду, гдѣ вспыхивалъ пожаръ, и для тушенія его на веревкахъ спускались со стѣнъ за водою; множество изъ нихъ побивалось при этомъ непріятелемъ, но на смѣну убитымъ тотчасъ же являлись новые защитники.

164. Карта, показывающая осаду Полоцка Стефаномъ Баторіемъ въ 1579 году.

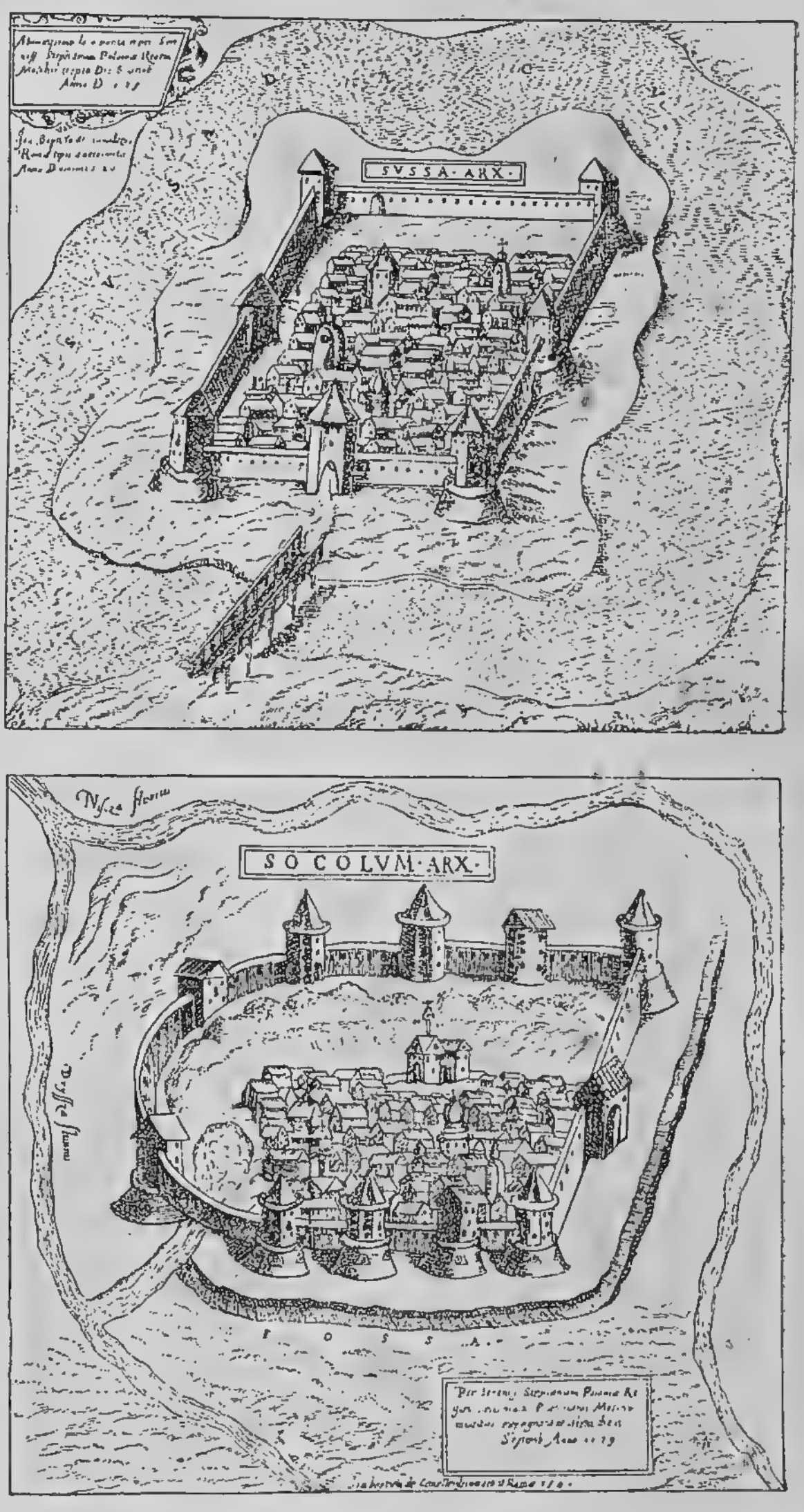
Оттискъ съ мѣдной доски, рѣзанной въ Римѣ въ 1580 году, и хранящійся въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ въ Варшавѣ, равно какъ оттиски съ таковыхъ же досокъ, приведенные на рисункахъ 165, 166 и 167.

Между тѣмъ погода стояла дождливая, обозы съ продовольствіемъ запаздывали и войска Баторія начали терпѣть сильную нужду, особенно Нѣмцы, привыкшіе воевать въ богатыхъ странахъ.

При этихъ обстоятельствахъ король собралъ военный совѣтъ, на которомъ большинство высказалось за то, чтобы немедленно идти на приступъ. Но Баторій не согласился на это. «Если приступъ не удастся», говорилъ онъ, «то что тогда остается дѣлать? Отступить со стыдомъ». Онъ рѣшилъ уговорить Венгровъ за большое вознагражденіе подобраться къ деревяннымъ стѣнамъ крѣпости и сразу зажечь ихъ со всѣхъ сторонъ. Тѣ такъ и сдѣлали: выбрали день, когда не было дождя, бросились къ стѣнамъ и зажгли ихъ смоляными факелами. Это было 29 августа. Пожаръ быстро

распространился и жители цѣлый день не могли его потушить; Баторій-же на приступъ не шелъ, а сталъ противъ Сокола, опасаясь, что Русскіе воеводы, увидя зарево, поймутъ, что начался приступъ, и двинутся въ тылъ Полякамъ. Тѣ, однако, не двинулись съ мѣста.

Наконецъ, среди осажденныхъ Полочанъ, нѣкоторые стали думать о сдачѣ; десять человѣкъ изъ нихъ спустилось со стѣнъ для переговоровъ, но были тотчасъ же убиты Венграми, которымъ сдача была невыгодна, такъ какъ тогда не былъ бы разрѣшенъ грабежъ жителей и церквей; изъ послѣднихъ ихъ особенно прельщалъ храмъ Святой Софіи, гдѣ они разсчитывали на огромную добычу. Въ виду этого, убивъ спустившихся для переговоровъ Русскихъ, Венгры кинулись безъ королевскаго приказа на приступъ сквозь пылающія стѣны, но съ изумленіемъ остановились передъ рвомъ, который успѣли вырыть доблестные защитники города; они встрѣтили нападающихъ залпомъ изъ пушекъ и прогнали ихъ. На слѣдующій день пожаръ возобновился, а также и новые приступы, при чемъ непріятельскія орудія стали уже обстрѣливать внутренность нашихъ укрѣпленій.

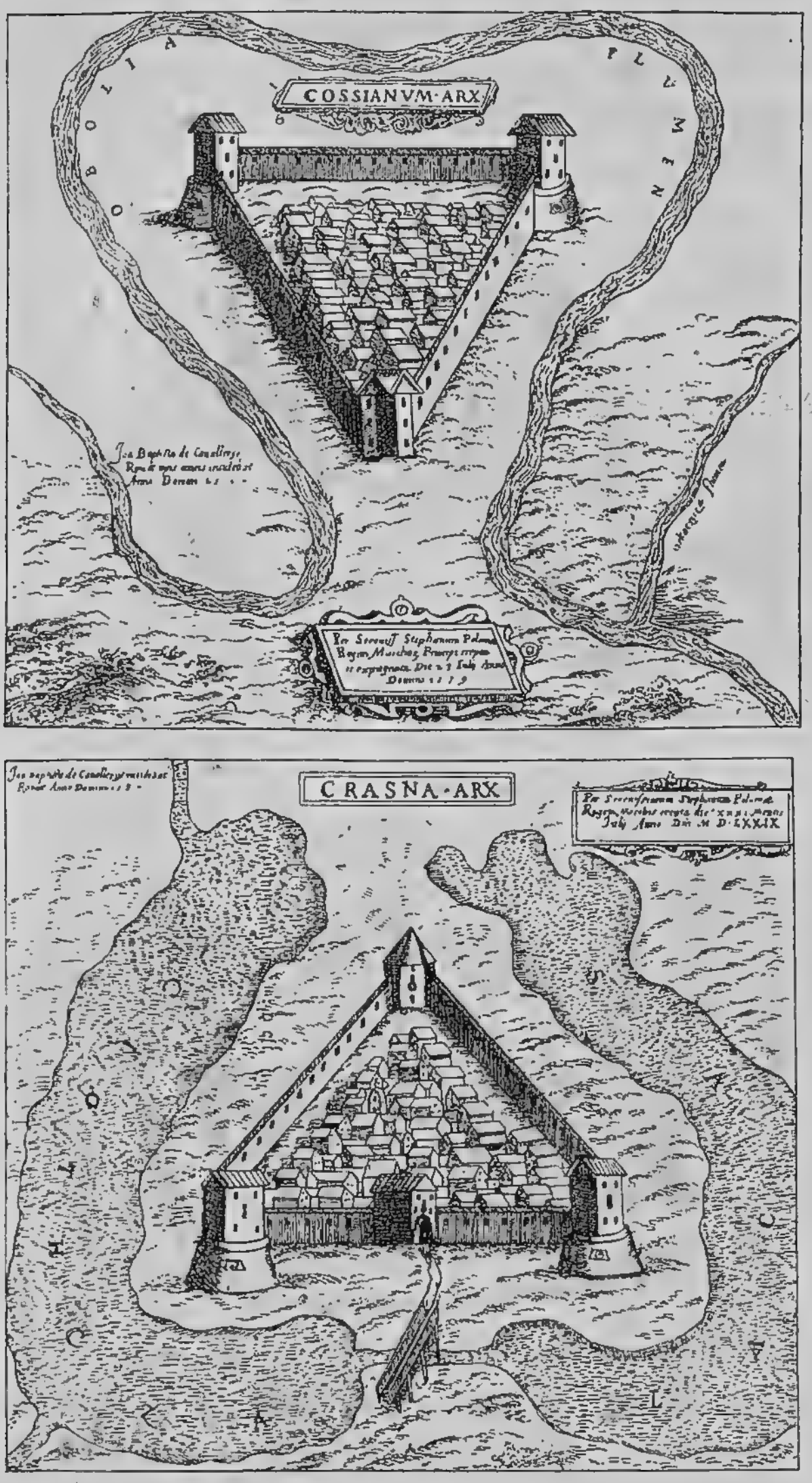


165. Крѣпости Сусса и Соколъ.

«Когда такимъ образомъ,—говоритъ Гейденштейнъ,—у Русскихъ была отнята всякая надежда на защиту, то послѣдніе опять приступили къ переговорамъ о сдачѣ», и разрушенный пожаромъ городъ былъ сданъ на условіи свободнаго выхода изъ него всѣхъ ратныхъ людей. Добыча, взятая Поляками, обманула ихъ ожиданія: она была невелика. Сокровища же соборной церкви Святой

Софіи заключались въ рѣдкомъ собраніи древне-Греческихъ и Славянскихъ книгъ, которыя всѣ погибли.

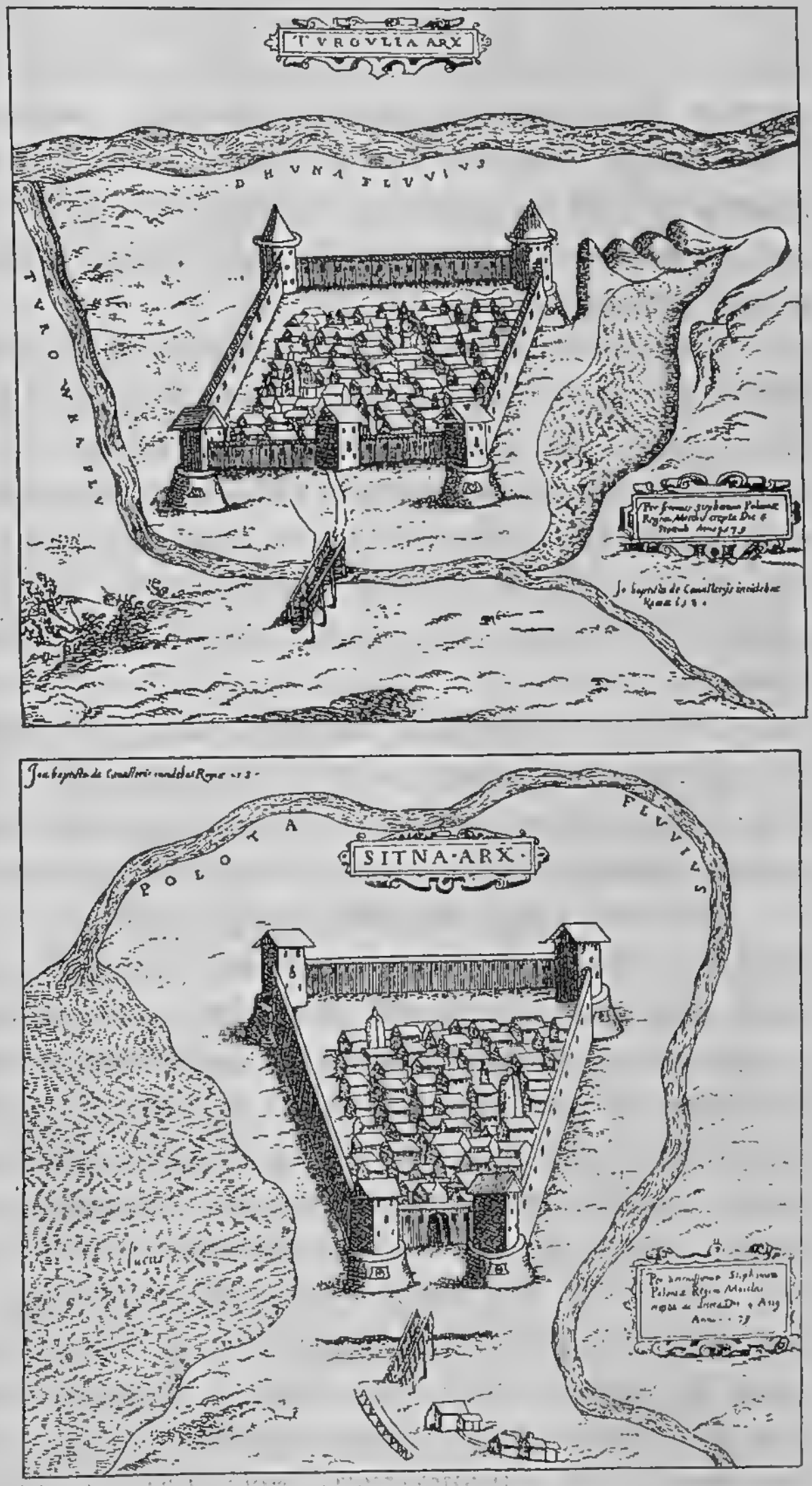
Въ этомъ же храмѣ заперлись для защиты и были взяты силою епископъ Кипріанъ и воеводы. «Епископъ, или какъ они говорятъ владыка», разсказываетъ Гейденштейнъ, «по имени Кипріанъ и воеводы, бывшіе въ крѣпости, одни только отговаривали отъ сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдаться живымъ въ руки непріятелей; они уже раньше пытались поджечь порохъ и за одинъ разъ взорвать крѣпость, убить себя и всѣхъ находившихся въ ней... Выходившимъ (изъ крѣпости Москвитянамъ) было назначено на выборъ два мѣста: на одно шли тѣ, которые желали поступить подъ власть и покровительство короля, на другое тѣ, которые хотѣли возвратиться въ Москву. Тѣмъ и другимъ была предоставлена свободная воля для рѣшенія вопроса о себѣ и о своихъ выгодахъ; большая часть избрала возвращеніе въ отечество и къ своему Царю. Замѣчательна ихъ любовь и постоянство въ отношеніи къ тому и другому; ибо каждый изъ нихъ могъ думать, что идетъ на вѣрную смерть и страшныя мученія...». Царь, однако, ограничился размѣщеніемъ вернувшихся ратниковъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ: Великихъ Лукахъ, Невелѣ, Заволочьѣ и Усвятѣ, чтобы геройской защитой ихъ они могли смыть съ себя безчестье за сдачу Полоцка.



166. Крѣпости Касьяновъ и Красная.

Не щедро наградилъ Баторій Русскихъ, перешедшихъ изъ страха передъ Грознымъ на его сторону. «Многіе стрѣльцы и другіе люди Мо-

сковскіе», писалъ король своему дворному конюшему Литовскому, «послѣ взятія Полоцка... поддались намъ и мы ихъ надѣлили пустыми участками земли въ Гродненскомъ старостве. Но имъ нечѣмъ обработывать этихъ участковъ. Такъ приказываемъ тебѣ взять у подданныхъ нашихъ въ Литвѣ клячъ самыхъ негодныхъ и мелкихъ, штукъ съ полтораста, и подѣлить ихъ между этими Москвичами».



167. Крѣпости Туровля и Ситна.

Вслѣдъ за Полоцкомъ былъ зажженъ и взятъ послѣ страшной рѣзни Соколъ, въ которомъ особенно свирѣпствовали Нѣмцы, при чемъ ихъ «маркитантки» (женщины-торговки, слѣдующія при войскахъ), вырѣзывали жиръ на лекарство у убитыхъ Русскихъ, въ томъ числѣ и у воеводы Шеина. «Повсюду происходило большое убійство», разсказываетъ Гейденштейнъ, «такъ что многіе и, между прочимъ, Вейеръ, старый полковникъ, говоря о своемъ участіи во многихъ сраженіяхъ, не задумывался утверждать, что никогда ни въ одномъ мѣстѣ битвы не видѣлъ онъ, чтобы такъ густо и тѣсно другъ съ другомъ лежали трупы». Вслѣдъ за Соколомъ были взяты и остальныя пять деревянныхъ крѣпостей, воздвигнутыхъ Іоанномъ.

Удача подъ Полоцкомъ сопровождалась успѣхомъ королевскихъ войскъ и въ другихъ мѣстахъ: князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, сынъ побѣдителя подъ Оршей, опустошилъ Сѣверскую область до Стародуба и Почепа, а Оршинскій староста Кмита—Смоленскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Шведы опустошили Ижорскую Землю и Корелію и осаждали также Нарву, послѣднюю, впрочемъ, неудачно.

При этихъ обстоятельствахъ, Іоаннъ написалъ въ Москву дьяку Андрею Щелкалову, чтобы онъ откровенно, но спокойно, объявилъ жителямъ про успѣхи непріятеля. Созвавъ представителей города, Щелкаловъ сказалъ имъ: «Добрые люди! Знайте, что король взялъ Полоцкъ и сжегъ Соколъ; вѣсть печальная, но благоразуміе требуетъ отъ насъ твердости. Нѣтъ постоянства въ свѣтѣ... Утѣшайтесь въ малой невзгодѣ воспоминаніемъ столь многихъ побѣдъ и завоеваній Царя Православнаго». Это слово умнаго дьяка подѣйствовало, и Москва отнеслась спокойно къ извѣстію объ нашихъ неудачахъ; только нѣсколько неистовыхъ бабъ стало громко вопить по всѣмъ концамъ города о нашихъ бѣдствіяхъ и смущать сердца добрыхъ гражданъ, возбуждая ихъ къ мятежу; тогда бабъ этихъ высѣкли и онѣ успокоились.

Гордый своими успѣхами, Баторій не замедлилъ отпечатать на походныхъ станкахъ, возимыхъ съ собой, рядъ вычурныхъ извѣщеній для отсылки въ Европу объ одержанныхъ имъ побѣдахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно въ отвѣтъ на полученный отъ папы мечъ, онъ послалъ въ Римъ, сдѣланные по его приказанію, точные планы какъ Полоцка, такъ и шести крѣпостей, его окружавшихъ, и въ слѣдующемъ 1580 году Римскіе рѣзчики по мѣди изготовили по нимъ доски, съ которыхъ здѣсь и приводятся оттиски.

Затѣмъ Баторій, желая выиграть время, чтобы подготовиться къ походу будущаго года, отправилъ къ Грозному грамоту, въ коей онъ укорялъ его, что кровь христіанъ проливается изъ-за Іоанновой гордости, и давалъ тѣмъ понять, что онъ не прочь отъ мирныхъ переговоровъ.

На это Царь отвѣчалъ ему: «Другіе господари, твои сосѣди, согласились съ тобою жить въ мирѣ, потому что имъ такъ годилось; а намъ какъ было пригоже, такъ мы съ тобой и сдѣлали; тебѣ это не полюбилось; а гордымъ обычаемъ грамоты мы къ тебѣ не писывали и не дѣлывали ничего... О Лифляндской же Землѣ и о томъ, что ты взялъ Полоцкъ, теперь говорить нечего, а захочешь узнать нашъ отвѣтъ, то для христіанскаго покоя присылай пословъ великихъ, которые бы доброе дѣло между нами по пригожу постановить могли...»

Но, какъ мы говорили, король хотѣлъ только протянуть время путемъ переговоровъ, а потому они и не привели ни къ какимъ слѣдствіямъ, хотя въ началѣ 1580 года Царь и писалъ Баторію: «...Если намъ теперь всѣ эти дѣла между собою поминать, то никогда христіанство покоя не получитъ; такъ лучше намъ позабыть тѣ слова, которыя прошли между нами въ кручинѣ и гнѣвѣ; ты бы, какъ господарь христіанскій, дѣло гнѣвное оставилъ, а пожелалъ бы съ нами братской пріязни и любви, а мы съ своей стороны всѣ дѣла гнѣвныя оставимъ, и ты бы, по обычаю, отправилъ къ намъ своихъ пословъ».

Вмѣстѣ съ этимъ, Московскимъ гонцамъ, возившимъ Царскія грамоты, наказывалось держать себя очень вѣжливо и осторожно съ Поляками и прытко не браниться, если они будутъ испытывать тѣсноту и обиды.

Въ Январѣ 1580 года Грозный созвалъ въ Москвѣ церковный соборъ и торжественно объявилъ ему, что Церковь и Православіе въ опасности, такъ какъ безчисленные враги возстали на Россію: Турки, Крымцы, Ногаи, Литва, Поляки, Венгры, Нѣмцы и Шведы—какъ дикіе звѣри разинули челюсти, чтобы поглотить насъ; что онъ съ сыномъ Іоанномъ и боярами бодрствуетъ день и ночь, и что духовенство также должно прійти на помощь Отечеству; войска скудѣютъ и нуждаются, монастыри же богатѣютъ, владѣя громадными земельными имуществами, а потому онъ требуетъ отъ нихъ жертвъ.

Мы видѣли, что вопросъ объ ограниченіи монастырскаго землевладѣнія поднимался еще при Іоаннѣ Третьемъ. Теперь внукъ его, въ виду крайняго состоянія, въ которомъ находилось Государство, вновь поставилъ его собранному собору, который приговорилъ грамотой, что земли и села *княжескія*, когда-либо отказанныя митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ и церквамъ, или купленныя ими, переходятъ во владѣнія Государя, а всѣ другія остаются навсегда ихъ неотъемлемыми достояніями; точно также было постановлено, чтобы впредь епископы и монастыри не должны присваивать себѣ земельныхъ владѣній—ни по дарственнымъ грамотамъ для устройства душъ, ни покупкой, ни отдачей подъ нихъ денегъ въ залогъ. Это важное постановленіе собора пріостановило дальнѣйшій ростъ монастырскаго землевладѣнія и давало, конечно, въ руки Государства большія земельныя богатства; но, чтобы получить съ нихъ доходъ, нужно было время, а между тѣмъ издержки на войну требовались немедленно; поэтому, епископы и монастыри внесли Іоанну также значительное количество денегъ на военные расходы.

Усиленно готовился къ новому походу и Баторій. Несмотря на удачныя дѣйствія подъ Полоцкомъ, въ Польшѣ многіе вмѣсто благодарности встрѣтили его съ упрекомъ и только благодаря искусству и краснорѣчію Яна Замойскаго, ставшаго великимъ канцлеромъ, упреки эти были опровергнуты на сеймѣ. Денегъ для новаго похода не было и королю пришлось дать изъ своихъ и занять у частныхъ лицъ; Замойскій также много помогъ въ этомъ дѣлѣ.

Прислалъ и братъ Стефана, ставшій Седмиградскимъ воеводой, значительный отрядъ Венгровъ; но все же пѣхоты было мало, а изнѣженная шляхта не хотѣла въ ней служить; тогда Баторій положилъ выбирать по одному самому крѣпкому и здоровому человѣку изъ каждыхъ двадцати королевскихъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы, по выслугѣ въ войскахъ, избранный и его потомство были навсегда освобождены отъ всякихъ крестьянскихъ повинностей.

Ославъ сказать Іоанну въ отвѣтъ на грамоту его, приведенную нами выше,—что онъ садится на коня, но ожидаетъ Московскихъ пословъ, Баторій въ іюнѣ 1580 года двинулся со всѣми своими войсками изъ Вильно на Часники; мѣсто это расположено въ ровномъ разстояніи отъ Великихъ Лукъ и Смоленска, и поэтому сосредоточеніе у него королевскихъ силъ

скрывало такъ же, какъ въ прошломъ году сосредоточеніе у Свира, намѣренія Стефана о его послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

Въ гораздо болѣе трудномъ положеніи находился Іоаннъ, вынужденный обороняться. Сильные полки были поставлены имъ на югѣ противъ Крымцевъ и двинуты на сѣверо-западъ противъ Шведовъ; для встрѣчи же Баторія надо было держать войско наготовѣ: и у Пскова, и на Двинѣ, и у Смоленска.

Отъ Часниковъ король во главѣ 50.000 человѣкъ (изъ него 21.000 приходилось на пѣхоту) направился къ Великимъ Лукамъ. Скоро Янъ Замойскій зажегъ деревянную крѣпость Велижъ и взялъ ее; затѣмъ Поляки взяли и Усвятъ.

При этихъ обстоятельствахъ, Іоаннъ, поборовъ свою гордость, приказалъ нашимъ посламъ, уже высланнымъ къ Баторію, но затѣмъ задержаннымъ въ виду открытія имъ военныхъ дѣйствій,—продолжать свою поѣздку и вести переговоры о мирѣ.

Эти послы, князь Сицкій, Романъ Пивовъ и Ѳома Пантелѣевъ, явились къ королю, когда онъ подошелъ къ Великимъ Лукамъ, и терпѣли отъ Поляковъ большія дерзости какъ только перешли нашу границу; въ отвѣтъ на эти дерзости, послы держали себя не вызывающе, но съ большимъ достоинствомъ; когда посланный къ нимъ отъ Оршинскаго воеводы Филона Кмиты назвалъ послѣдняго воеводой Смоленскимъ, то Сицкій и Пивовъ сказали ему: «Филонъ затѣваетъ нелѣпость, называя себя воеводой Смоленскимъ; онъ еще не тотъ Филонъ, который былъ у Александра Македонскаго; Смоленскъ—вотчина Государя нашего; у Государя нашего Филоновъ много по острожнымъ воротамъ». Еще грубѣе стали обращаться съ послами, когда они прибыли въ станъ короля. Баторій сидѣлъ въ шапкѣ и не привсталъ, когда они передавали ему по обычаю Царскій привѣтъ. Послы предложили королю отъ имени Іоанна Полоцкъ, Курляндію и 24 города въ Ливоніи. На Баторій отвѣтилъ, что онъ можетъ согласиться на миръ, если ему будетъ уступлена вся Ливонія, а также Псковъ, Новгородъ, Смоленскъ, Великія Луки, и дѣятельно велъ осаду противъ послѣдней крѣпости. Послѣ многихъ стараній Замойскому удалось зажечь ея деревянныя стѣны; Венгры такъ же, какъ подъ Полоцкомъ, опасаясь лишиться добычи, въ случаѣ если осажденные вступятъ въ переговоры о сдачѣ, самовольно кинулись на приступъ, ворвались въ городъ и начали рѣзать всѣхъ, не щадя ни возраста, ни пола. Поляки послѣдовали ихъ примѣру; тщетно Замойскій напрягалъ всѣ свои силы, чтобы остановить эти звѣрства; ему удалось спасти только двухъ воеводъ; всѣ же остальные Русскіе были перебиты. «Въ бѣшенной схваткѣ», говоритъ Валишевскій, «на этотъ разъ не былъ пощаженъ никто. Даже были перебиты монахи, вышедшіе крестнымъ ходомъ съ иконами и крестами».

Вслѣдъ затѣмъ князь Збаражскій съ Польской, Венгерской и Нѣмецкой конницей разбилъ нашъ отрядъ князя Хилкова подъ Торопцомъ. Наконецъ, Поляки зажгли и взяли Невель, Озерище и Заволочье.

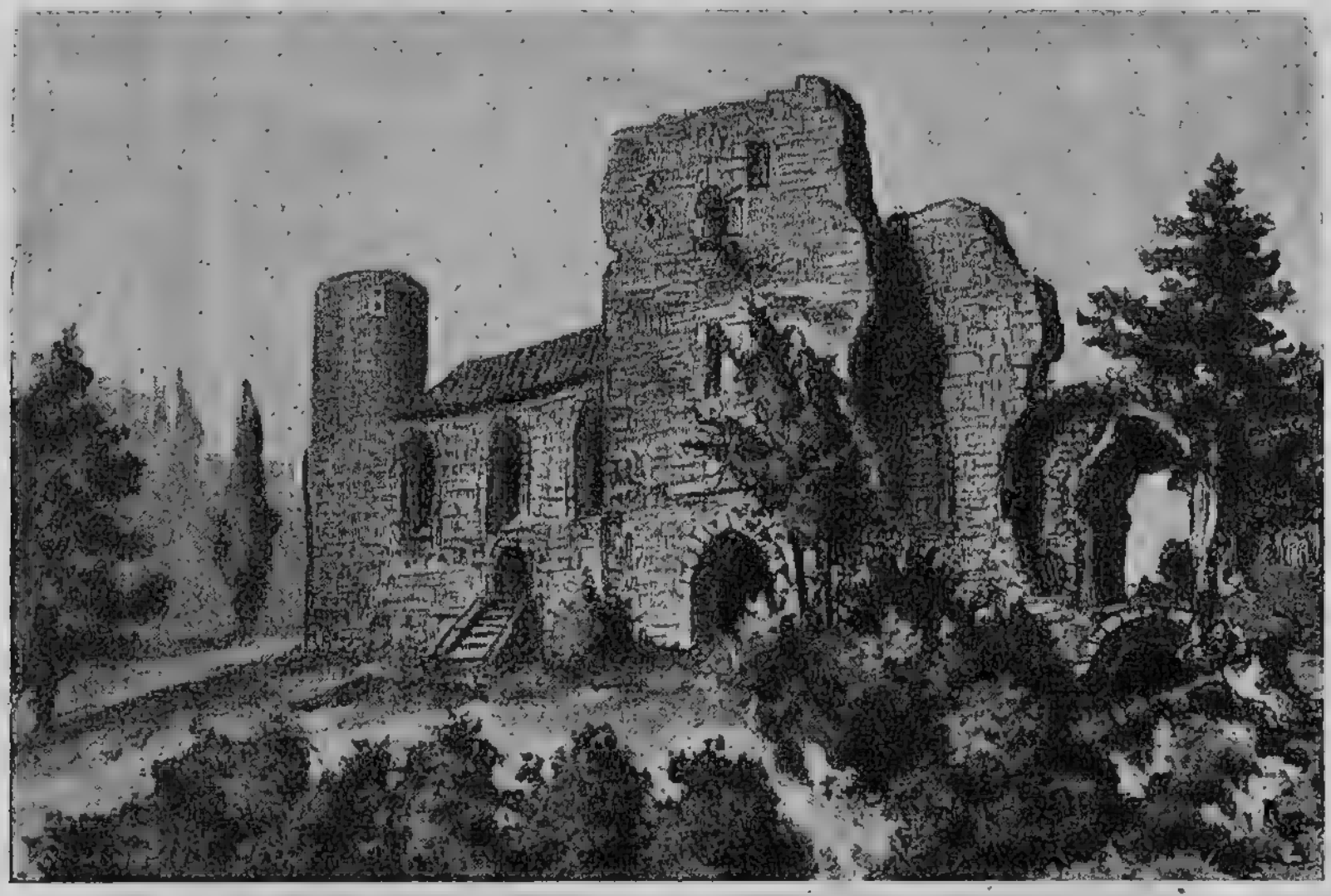
Только надъ хвастливымъ Филономъ Кмитою удалось нашему воеводѣ Ивану Михайловичу Бутурлину одержать блистательную побѣду; онъ настигъ его въ 40 верстахъ отъ Смоленска, взявъ знамена, весь обозъ, 10 пушекъ, 50 затинныхъ пищалей и много плѣнныхъ. Съ наступленіемъ осени Баторій уѣхалъ въ Польшу, но военныя дѣйствія продолжались и безъ

168. Понтусъ Делагарди.
Съ современнаго изображенія.

него; въ февралѣ 1581 года Поляки взяли Холмъ и выжгли Старую Руссу, а въ Ливоніи, вмѣстѣ съ измѣнникомъ нашимъ, бывшимъ королемъ Магнусомъ,—опустошили Юрьевскую область.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Іоганъ Шведскій, движимый ненавистью къ Грозному, направилъ противъ него всѣ свои силы. Его полководецъ Понтусъ Делагарди успѣшно дѣйствовалъ въ Кореліи и взялъ Кексгольмъ, истребивъ тамъ 2.000 Русскихъ. Въ Эстоніи же Шведы осадили занятый нами замокъ Падисъ, геройская оборона котораго прославила его доблест-

ныхъ защитниковъ во главѣ съ ихъ воеводой—великимъ по своему мужеству старцемъ Данилой Чихачевымъ. Наши воины тринадцать недѣль, день и ночь, отбивались въ Падисѣ отъ Шведовъ, терпя при этомъ страшный голодъ; у нихъ совершенно не было хлѣба и они переѣли всѣхъ лошадей, собакъ, кошекъ, сѣно, солому, кожи, а нѣкоторые тайно питались и человѣческимъ мясомъ, вѣроятно, съ убитыхъ товарищей и умершихъ младенцевъ. Шведы, отчаявшись взять это орлиное гнѣздо, отправили своего переговорщика съ предложеніемъ сдачи, но онъ былъ тотчасъ же застрѣленъ доблестными защитниками крѣпости. Наконецъ, непріятель ворвался въ Падисъ и нашелъ въ немъ не людей, а тѣни, которые были всѣ перебиты, кромѣ одного, молодого князя Михаила Сицкаго.



169. Развалины Падиса.

Вслѣдъ за взятіемъ Падиса, въ декабрѣ 1580 года, Понтусъ Делагарди, неожиданно оставивъ Корелію, появился въ Эстоніи и въ мартѣ овладѣлъ Везенбергомъ. Успѣхи же Московскихъ воеводъ ограничились за это время только удачнымъ набѣгомъ въ Литовскія области, граничившія со Смоленскомъ, причемъ, однако, былъ убитъ мужественный Бутурлинъ.

Въ это печальное время, Царь праздновалъ въ Александровской слободѣ, въ средѣ близкихъ лицъ, свой седьмой бракъ съ Маріей Нагой, а вмѣстѣ съ тѣмъ бракъ своего второго сына Ѳеодора съ Ириной, сестрой новаго любимца, пожалованнаго недавно въ бояре,—Бориса Годунова *).

---

*) На свадьбѣ Грознаго посаженнымъ отцомъ былъ его сынъ Ѳеодоръ, а дружками Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, всѣ три, какъ увидимъ, будущіе Московскіе Цари.

Баторій же по-прежнему дѣятельно готовился къ новому большому походу на лѣто 1581 года, стараясь всюду занять деньги и убѣждая собранный въ февралѣ сеймъ о необходимости продолженія борьбы, чтобы во всякомъ случаѣ овладѣть Ливоніей, а при удачѣ завоевать и нѣсколько Московскихъ областей. Поляки, воодушевленные его побѣдами, рѣшили дать деньги для веденія войны еще на два года. Много помогали Баторію и его сильныя связи съ папой. «По слѣдамъ короля», говоритъ Валишевскій, «шла другая армія. Это іезуиты вели религіозную пропаганду, успѣхи которой уже давали себя чувствовать въ Русско-Литовскихъ областяхъ до самой Ливоніи... Ихъ работа мѣтила далеко и охватывала обширныя области. Побѣдоносное движеніе католицизма черезъ Ливонію должно было достигнуть Швеціи, гдѣ Римъ вновь получалъ точку опоры, благодаря Екатеринѣ изъ рода Ягеллоновъ. Возвращеніемъ потерянной Земли въ лоно католицизма думали замкнуть реформацію въ кругъ, гдѣ она и задохнется. Подчиненная Москва, въ свою очередь, подчинится тогда натиску торжествующаго католицизма».

Іоаннъ, конечно, не зналъ всѣхъ этихъ тайныхъ намѣреній Латинской церкви и ея прочной связи съ новымъ Польскимъ королемъ; видя, что, съ появленіемъ на Польскомъ престолѣ Стефана Баторія, наши дѣла пошли плохо, Государь рѣшилъ отправить, еще въ концѣ 1580 года, своего посла Шевригина къ новому Германскому императору Рудольфу Второму и къ папѣ въ Римъ, съ жалобою на Баторія и съ просьбой принудить его къ заключенію мира съ Москвою.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, переговоры о мирѣ, непосредственно между Іоанномъ и королемъ, продолжались также, причемъ Поляки не переставали обращаться съ нашими послами самымъ возмутительнымъ образомъ: по дорогѣ ихъ безчестили, бывшихъ съ ними людей били, грабили и не давали корму ни людямъ, ни лошадямъ. «Въ Варшавѣ паны радные Польскіе говорили посламъ великимъ задорныя рѣчи и непригожія слова, да и въ радѣ сидя, говорили высокія и задорныя слова... Послы (Пушкинъ и Писемскій) противъ ихъ разговоровъ молчали, а отговаривали имъ безъ брани, слегка, по Государеву наказу»—говоритъ С. Соловьевъ. Давая имъ этотъ наказъ, Іоаннъ, чтобы добиться мира, приказалъ имъ требовать во что бы то ни стало пріема у короля, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, если ихъ будутъ бить. «Если паны станутъ говорить, чтобы Государя Царемъ не писать, и за этимъ дѣло остановится, то посламъ отвѣчать: «Государю нашему Царское имя Богъ далъ и кто у него отниметъ его? Государи наши не со вчерашняго дня Государи, извѣчные Государи... Если же станутъ спрашивать: «кто же это со вчерашняго дня государь?»—отвѣчать:—«мы говоримъ про то, что нашъ Государь не со вчерашняго дня Государь, а кто со вчерашняго дня государь, тотъ самъ себя знаетъ»... Послы должны были предложить Баторію за миръ всю Ливонію, исключая четырехъ городовъ. Но онъ, увѣренный въ своихъ будущихъ побѣдахъ, не согласился и на это, а еще повысилъ свои прежнія условія:

требовалъ уступки Себежа и уплаты 400.000 Венгерскихъ червонцевъ.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ разсердился, и когда къ нему прибылъ гонецъ отъ Баторія, то онъ встрѣтилъ его очень холодно, не спросивъ о здоровьи короля, и послалъ въ отвѣтъ грамоту, начинавшуюся словами, которыя должны были уколоть Баторія: «Мы, смиренный Іоаннъ, Царь и великій князь всея Руси, по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію»... Затѣмъ, изложивъ условія, на которыхъ онъ признаетъ возможнымъ мириться, Государь укорялъ Баторія въ нарушеніи перемирія и грубости его пановъ относительно нашихъ пословъ и, между прочимъ, высказывалъ: «Когда на вашемъ государствѣ были прежніе государи христіанскіе, благочестивые... тогда паны рада съ нашими послами разговорныя рѣчи говаривали и многіе приговоры дѣлывали, чтобы на обѣ стороны любо было. Мы бы тебѣ и всю Лифляндію уступили, да вѣдь тебя этимъ не утѣшишь; и послѣ ты все равно будешь кровь проливать»...

Въ отвѣтъ на это, когда приготовленія Поляковъ къ походу уже закончились, Баторій отправилъ къ Іоанну письмо, наполненное грубыми ругательствами, гдѣ онъ его называлъ Фараономъ Московскимъ и волкомъ, причемъ вызывалъ его на поединокъ. Получивъ его посланіе, Грозный, всегда уважавшій представителей чужихъ государей, даже съ которыми былъ въ войнѣ, ограничился тѣмъ, что гонца, привезшаго письмо, не позвалъ обѣдать и не послалъ ему этотъ обѣдъ на домъ.

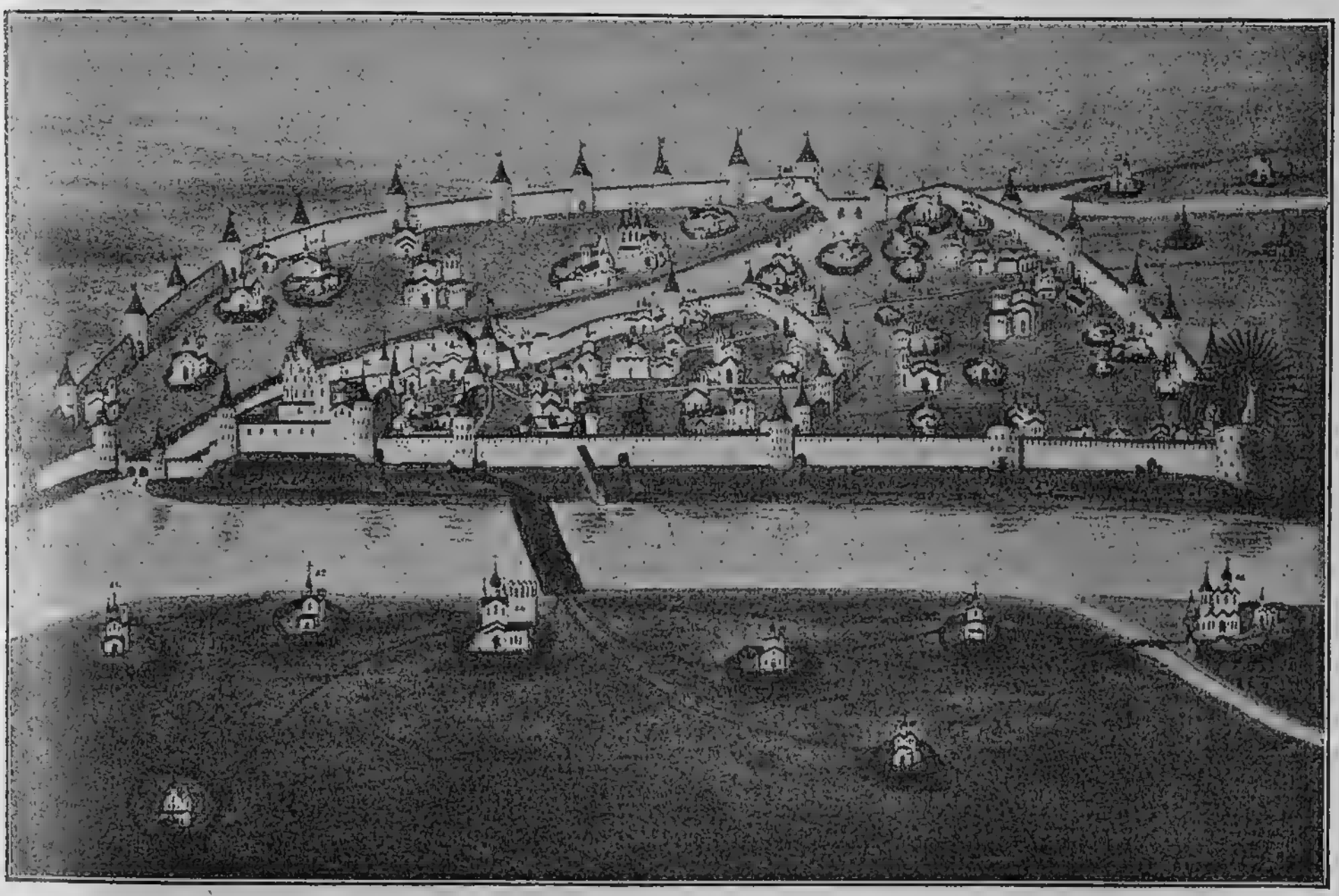
Выступая въ походъ 1581 года, Баторій собрался идти уже въ самое сердце Русскихъ владѣній и думалъ направиться прямо къ Новгороду, получивъ извѣстіе, что служилые люди готовы отложиться отъ Іоанна; но затѣмъ рѣшено было двинуться ко Пскову, взятіе котораго отдавало въ руки Поляковъ всю Ливонію. Овладѣвъ по пути городомъ Островомъ, Баторій во главѣ 100.000 войска подошелъ 26 августа къ Пскову; завидя его, Поляки были поражены размѣромъ и величественнымъ видомъ древней отчины Святой Ольги. «Можно подумать, что это второй Парижъ»—писалъ въ своихъ запискахъ состоявшій при Баторіи ксендзъ Піотровскій.

На этотъ разъ Русскіе не были застигнуты врасплохъ. Государь предугадалъ, что Псковъ будетъ предметомъ дѣйствій короля, и заблаговременно принялъ мѣры къ усиленію обороны этой сильнѣйшей крѣпости во всемъ Государствѣ. Для ея защиты было собрано 7.000 конницы и около 50.000 пѣхоты, считая при этомъ и обывателей, несшихъ военную службу; на стѣнахъ имѣлась многочисленная артиллерія и въ числѣ ея двѣ огромныя пушки: «Трескотуха» и «Барсъ». Главными воеводами были два славныхъ мужа, оба князья Шуйскіе: Василій Ѳеодоровичъ Скопинъ-Шуйскій и Иванъ Петровичъ, сынъ извѣстнаго воеводы и внукъ знаменитаго Ивана, правителя въ малолѣтство Грознаго.

Посылая воеводъ во Псковъ, Царь взялъ съ нихъ клятву предъ иконой Владимірской Божіей Матери въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, что они не сдадутъ его, пока будутъ живы.

Доблестное Псковское духовенство, во главѣ съ протоіереемъ Троицкаго собора Лукою и игуменомъ Псково-Печерскаго монастыря Тихономъ, прибывшимъ въ городъ изъ своей обители, постоянно служило молебны и совершало вокругъ города крестные ходы, поднимая наиболѣе чтимыя иконы вмѣстѣ съ мощами Святого Всеволода-Гавріила и воодушевляя Псковитянъ крѣпко стоять за Православную вѣру и Родину по примѣру ихъ славныхъ предковъ.

Произведя изслѣдованіе подступовъ къ городу, Баторій увидѣлъ, что свѣдѣнія, имѣвшіяся у него о Псковѣ, невѣрны и, что со сто тысячами приве-



170. Видъ Пскова въ 1581 году.

Средняя часть иконы Покрова Богородицы въ часовнѣ Владычняго Креста возлѣ Пскова.

денныхъ имъ войскъ его едва ли можно будетъ взять; удивляла и сердила короля также мѣткая стрѣльба нашихъ пушкарей, которые изъ «Трескотухи» и «Барса» посылали огромныя каменныя глыбы, долетавшія до самаго королевскаго стана. Кромѣ того оказалось, что Поляки взяли съ собой слишкомъ мало пороха, изъ коего часть взорвалась къ тому же по пути; нѣкоторые Польскіе историки полагаютъ, что Баторій, угнетенный извѣстіемъ, полученнымъ во время приготовленія къ походу—о смерти брата своего, Седмиградскаго воеводы, забылъ отдать распоряженіе о заготовленіи достаточнаго количества пороха.

Послѣ совѣта съ великимъ короннымъ гетманомъ—Яномъ Замойскимъ, получившимъ это званіе при подходѣ ко Пскову, король рѣшилъ сосредоточить всѣ свои орудія противъ южнаго угла крѣпостной стѣны, на участкѣ

*

между Покровской башней и Великими воротами, посреди котораго находилась другая башня—Свиная. 1 сентября Поляки начали осадныя работы—копали *великія борозды* (или какъ теперь говорятъ—траншеи); 7-го—они открыли стрѣльбу изъ орудій, а 8-го — пробили стѣну и пошли на приступъ съ распущенными знаменами и трубными звуками; для противодѣйствія же вылазкамъ Русскихъ изъ города—была выставлена многочисленная конница, во главѣ одного изъ отрядовъ которой былъ Юрій Мнишекъ, отецъ столь знаменитой впослѣдствіи Марины, жены двухъ Лжедимитріевъ.

Приступъ увѣнчался удачей: Поляки заняли сбитую до половины выстрѣлами Свиную башню, а Венгры—почти совершенно уничтоженную Покровскую. Радость непріятеля была велика; разсказываютъ,

171. Проломъ, сдѣланный въ Псковской стѣнѣ Стефаномъ Баторіемъ.
Съ рисунка, исполненнаго въ 1837 году.

что передъ приступомъ король угостилъ всѣхъ военачальниковъ веселымъ обѣдомъ, и они дали ему обѣщаніе, что вечеромъ будутъ уже ужинать во Псковѣ. Однако, побывать во Псковѣ имъ не пришлось вовсе. За разрушенной каменной стѣной они встрѣтили глубокій ровъ и другую деревянную стѣну, за которой стояли мужественные защитники города. Завязался жестокій бой; временами можно было думать, что наши не устоятъ, но доблестный князь Иванъ Петровичъ Шуйскій поспѣвалъ ко всѣмъ наиболѣе угрожаемымъ мѣстамъ и своими рѣчами, просьбами, угрозами, а порой и слезами,—поднималъ духъ защитниковъ.

По звону осаднаго колокола Псковскіе граждане, простившись съ женами и дѣтьми, устремились къ городскимъ стѣнамъ, чтобы подкрѣпить сражающихся.

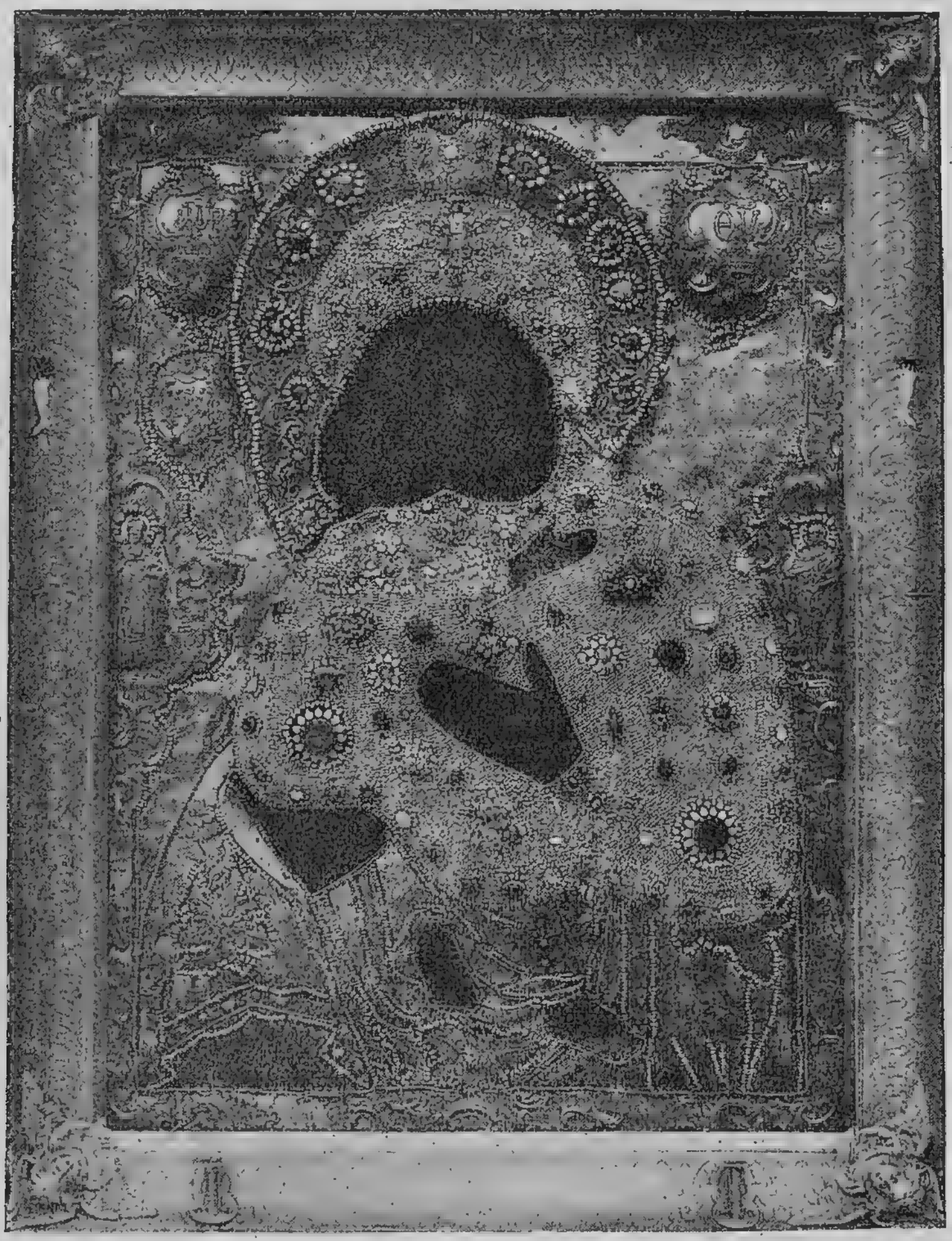
Между тѣмъ, пушки наши, поставленныя на стѣнахъ, гремѣли безпрерывно, и «Барсу» удалось побить множество Поляковъ, засѣвшихъ въ Свиной башнѣ, послѣ чего воевода велѣлъ подкатить подъ нее большую бочку съ порохомъ и зажечь его. Скоро остатки Свиной башни взлетѣли на воздухъ.

Старики, женщины и дѣти горячо молились въ это время въ славномъ соборѣ Святой Троицы. Вдругъ туда приходитъ просьба Шуйскаго, посланная въ самый тяжкій часъ,—нести къ проломному мѣсту Печерскую икону Умиленія Божіей Матери вмѣстѣ съ другими чудотворными образами и

172. Крестный ходъ къ проломному мѣсту во Псковѣ, во время боя 8 Сентября 1581 года.
Картина художника К. П. Брюллова въ музеѣ Императора Александра III въ С.-Петербургѣ.

мощами Святого Всеволода-Гавріила. Необычайное одушевленіе охватило молящихся; всѣ двинулись изъ храма съ крестнымъ ходомъ къ самому мѣсту боя; часть женщинъ несла веревки, чтобы тащить отбитыя у непріятеля пушки; другія изъ нихъ катили камни, чтобъ убивать Поляковъ; третьи—имѣли въ рукахъ сосуды съ водой для утоленія жажды нашихъ воиновъ. Наконецъ, Поляки и Нѣмцы были выбиты изъ пролома, а послѣ нихъ побѣжали и Венгры изъ Покровской башни. Битва окончилась позднею ночью; у насъ было убито 860 человѣкъ и ранено 1.600. Радость Псковичей была неописуемая: благодарственные молебны служились во всѣхъ церквахъ; убитыхъ хоронили какъ мучениковъ, павшихъ за Православную вѣру. Непріятель потерялъ до 5.000 человѣкъ, въ томъ числѣ храбраго Венгерскаго воеводу Бекеша.

Баторій былъ, конечно, страшно огорченъ неудачей, но рѣшилъ во что бы то ни стало взять Псковъ. Въ виду отсутствія пороха, онъ послалъ за нимъ въ Ригу, къ герцогу Курляндскому, а въ ожиданіи его прибытія, приказалъ вести подкопы подъ городъ въ разныхъ мѣстахъ, но наши, въ свою



173. Храмовая чудотворная икона „Умиленія Божіей Матери" въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, бывшая на проломномъ мѣстѣ во Псковѣ съ крестнымъ ходомъ, во время осады города Стефаномъ Баторіемъ, 8 Сентября 1581 года.

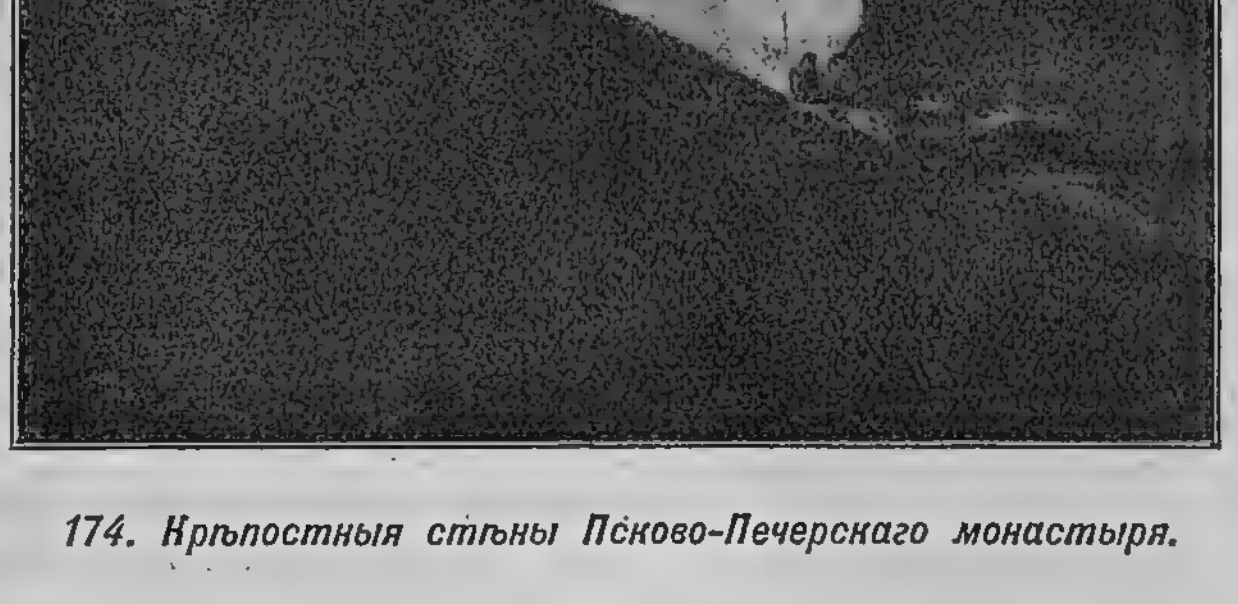
очередь, также вели свои подземныя работы противъ подкоповъ и выводили такъ называемые слухи. Скоро къ намъ перебѣжалъ бывшій Полоцкій стрѣлецъ Игнатъ и указалъ, въ какомъ направленіи ведутъ Поляки подкопы; тогда мы повели туда же наши слухи и переняли ихъ.

Пытался также Баторій склонить Русскихъ воеводъ къ измѣнѣ и писалъ имъ льстивыя грамоты, но они отвѣчали ему на нихъ: «Мы не жиды: не предаемъ ни Христа, ни Царя, ни Отечества, не слушаемъ лести, не

боимся угрозъ. Иди на брань: побѣда зависитъ отъ Бога», и съ великимъ стараніемъ готовились къ дальнѣйшей оборонѣ: заготовляли котлы для горячей воды, чтобы обдавать кипяткомъ непріятеля во время приступа; кувшины съ порохомъ, чтобы бросать въ него; известь, чтобы засыпать глаза, и проч. Часто, чтобы не давать Полякамъ покою, Русскіе производили вылазки, обыкновенно успѣшныя.

Наконецъ, къ Полякамъ изъ Риги прибылъ порохъ; но и послѣ этого всѣ попытки овладѣть городомъ оставались тщетными.

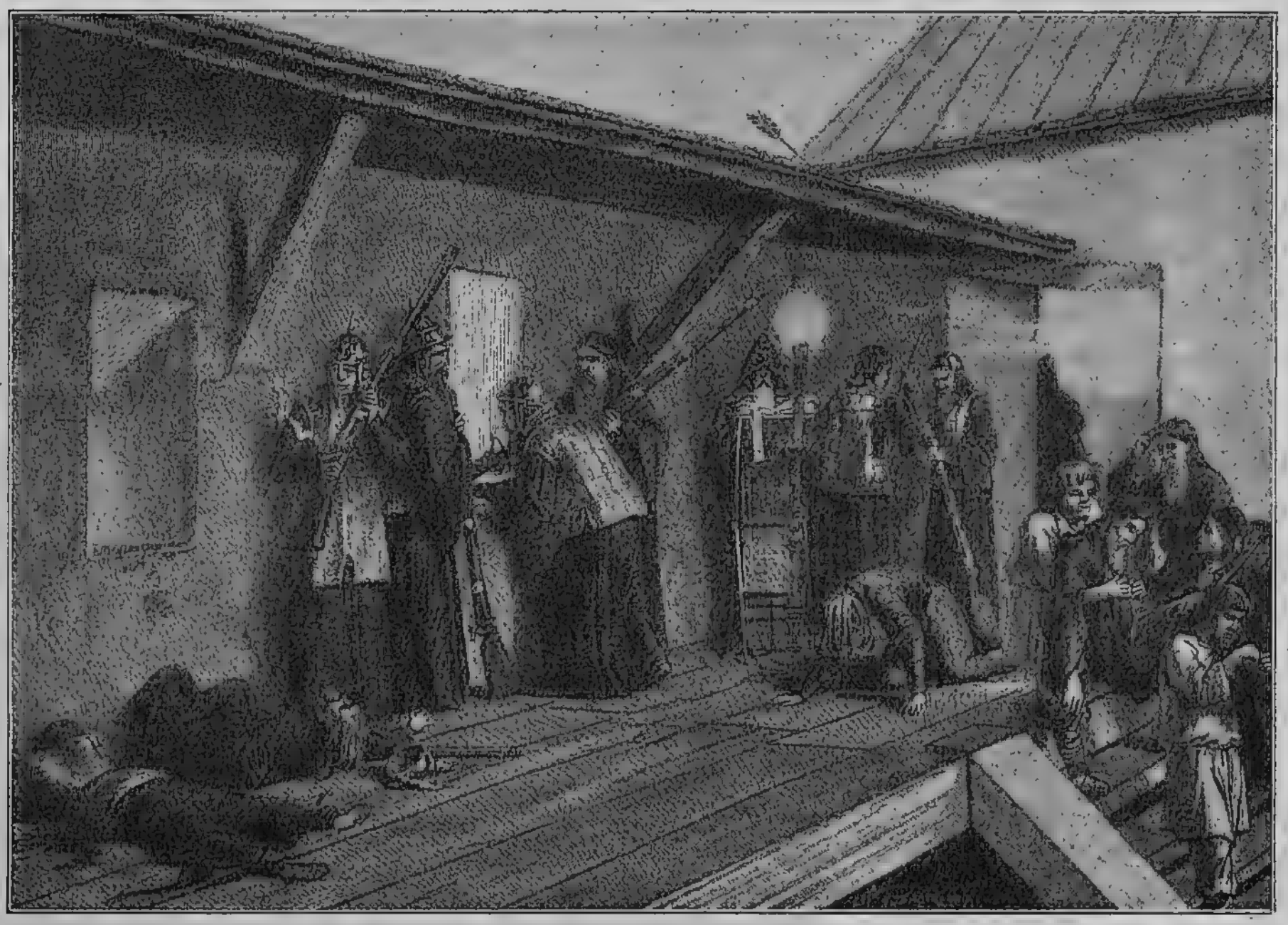
Между тѣмъ, погода портилась; настала глубокая осень и начались морозы. 2 ноября Стефанъ Баторій повелъ свои войска на новый приступъ, который окончился опять полной неудачей. Единственные успѣхи Поляковъ заключались въ томъ, что они перехватывали иногда стрѣльцовъ изъ отрядовъ, направляемыхъ Грознымъ на подкрѣпленіе Пскова. Однажды имъ попался и предводитель небольшой партіи стрѣльцовъ—Никита Хвостовъ. «Я не видывалъ такого красиваго и статнаго мужчины», говоритъ одинъ Полякъ въ своихъ запискахъ, «какъ этотъ Хвостовъ. Онъ могъ бы поспорить со львомъ; еще молодой—лѣтъ подъ тридцать. Все войско ходитъ на него дивиться».



174. Крѣпостныя стѣны Псково-Печерскаго монастыря.

Неудалась Баторію и попытка овладѣть Псково-Печерскимъ монастыремъ, толстыя стѣны котораго и башни были вооружены пушками и геройски оборонялись стрѣльцами и иноками, подъ начальствомъ Юрія Нечаева. Нашъ измѣнникъ—Датскій полковникъ Фаренсбахъ, посланный для взятія обители, со стыдомъ долженъ былъ отступить отъ нея. Въ дневникѣ похода Стефана Баторія, веденномъ однимъ Полякомъ, подъ 16 ноября 1581 года значится: «Борнемиссѣ (одному изъ предводителей) съ Венгерцами, и Фаренсбаху съ Нѣмцами не везетъ въ Печерахъ. Пробьютъ отверстіе въ стѣнѣ, подойдутъ къ нему, да и остановятся, далѣе идти не могутъ.

Все удивляются, отчего это происходитъ. Одни говорятъ, что это колдовство со стороны Русскихъ, другіе—что мѣсто свято. Уже второй приступъ не удается. Эти монахи творятъ чудеса храбрости». Замойскій, пораженный стойкостью обители, послалъ инокамъ въ даръ икону Благовѣщенья, писанную на стеклѣ, и ласковую грамоту, уговаривая ихъ сдаться и ручаясь при этомъ, что король всячески ихъ будетъ жаловать и охранять Православіе. Но монахи, выслушавъ его льстивую грамоту, отвѣчали: «Не хотимъ жалованія отъ короля и не страшимся угрозъ его, не принимаемъ и льстиваго ласкательства канцлера... но умремъ въ дому Пречистыя по своему иноческому обѣщанію и по крестному цѣлованію, за



175. Оборона Псково-Печерскаго монастыря.
Съ рисунка художника барона Клодта.

отчину своего Государя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Руси». Этотъ отвѣтъ посланному Замойскаго передалъ старецъ Патермуфій, облекшись во все схимническое одѣяніе, и сказалъ въ заключеніе: «какъ одного меня видите, такъ всѣ мы готовы умереть».

Польская рать съ наступленіемъ стужи терпѣла большую нужду, и буйная шляхта стала сильно волноваться. Король рѣшилъ, однако, оставить зимовать свое войско подъ Псковомъ; самъ же онъ, повидимому не расчитывая на успѣхъ, хотѣлъ уѣхать, вѣроятно для того, чтобы отступленіе было произведено безъ него; поводомъ для отъѣзда была выставлена необходимость присутствовать на сеймѣ, хотя онъ еще и не собирался.

Баторію, какъ обычно, пришелъ на помощь Янъ Замойскій. Онъ ввелъ строжайшіе порядки въ королевскомъ войскѣ и особенно сурово наказывалъ буйныхъ шляхтичей: держалъ ихъ за проступки въ оковахъ, выставляя на позоръ передъ войсками, и употреблялъ порой тѣлесныя наказанія. Конечно, шляхта его ненавидѣла: когда королю пришло время уѣзжать, то всѣ кричали, что Замойскій оставитъ войско на жертву холоду и голоду, а самъ тоже уѣдетъ въ Варшаву, подъ предлогомъ необходимости присутствовать на сеймѣ. Но Замойскій остался, хотя дальнѣйшее пребываніе его и не подвинуло дѣла осады Пскова. Не велики были успѣхи Польскихъ отрядовъ и въ другихъ мѣстахъ. Баторій послалъ Христофора Радзивилла, Филона Кмиту и Гара-

176. Большой мѣдный замокъ превосходной работы XVI вѣка, коимъ запирается ризница Псково-Печерскаго монастыря. Вокругъ замка надпись: „Лѣта 7 тысячъ шестьдесятъ 5 (1557) замышленіемъ раба Божія алексеа дмитріевича сына Тверитина мастеръ Левуша положенъ замокъ Пречистой впечеры".

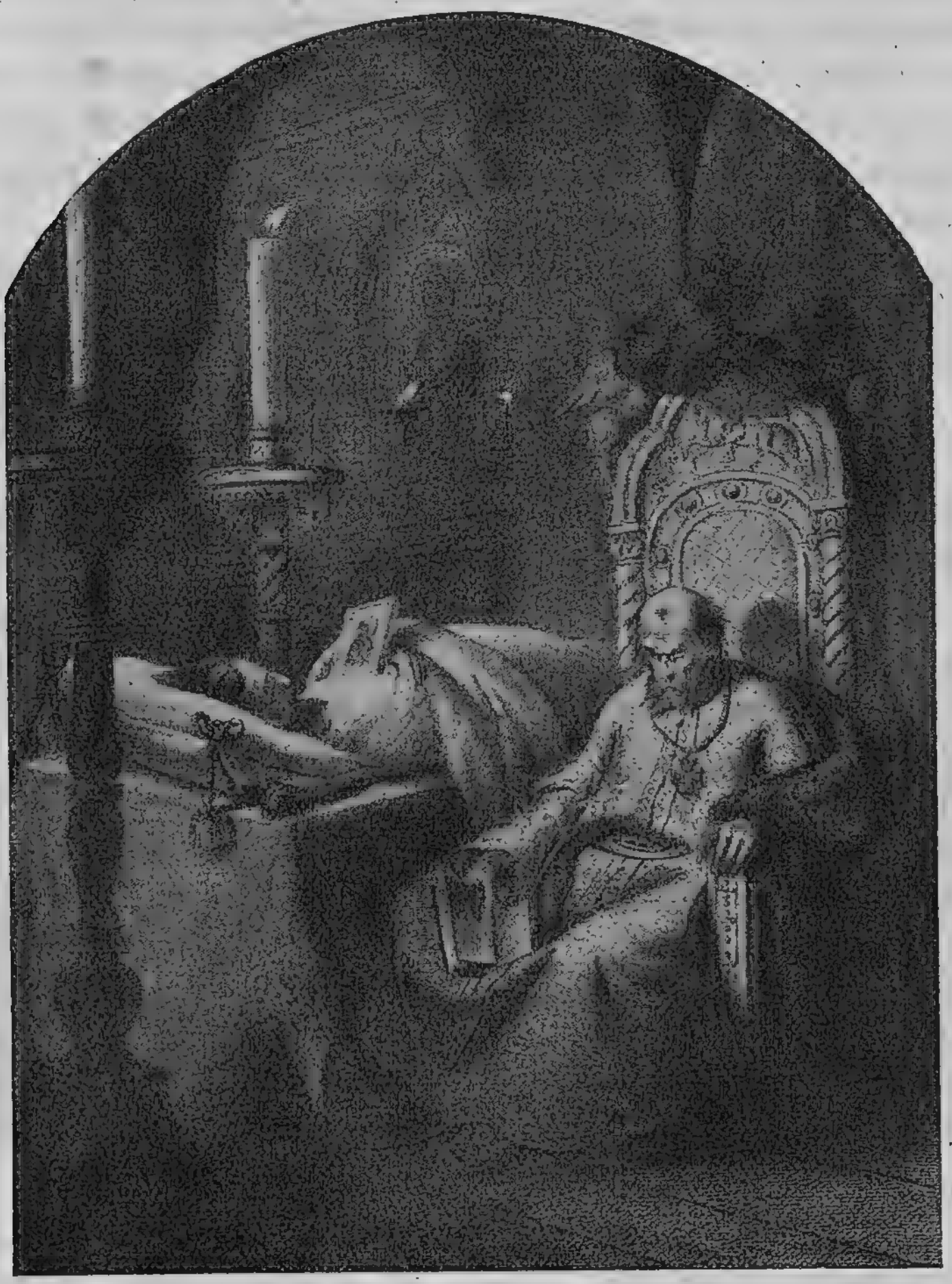
бурду къ верхней Волгѣ; они дошли до Ржева и Старицы, но затѣмъ поворотили назадъ, повѣривъ слуху, что противъ нихъ съ большими полками идетъ Государь, чего, къ сожалѣнію, не было, такъ какъ, повидимому, у Грознаго совершенно не осталось подъ рукой свободныхъ войскъ.

Если успѣхи Поляковъ были незначительны въ 1581 году, то Шведы сумѣли нанести намъ въ это время рядъ крайне чувствительныхъ по своему значенію ударовъ. Они взяли укрѣпленные города Лоде, Фиккель, Леаль, Вейссенштейнъ и Нарву, гдѣ пало 7.000 Русскихъ; потеря Нарвы была особенно для насъ тяжела, такъ какъ послѣ ея завоеванія Шведами вовсе прекращалась наша непосредственная торговля съ западомъ черезъ Балтійское море. Успѣхи Шведовъ этимъ не ограничились. Понтусъ Делагарди, перенеся войну на Русскую почву, взялъ Ивангородъ, Ямъ и Копорье.

Какъ разъ во время этихъ тяжелыхъ для сердца Іоанна происшествій, неожиданно произошло и событіе, принесшее ему величайшее личное горе и имѣвшее своимъ послѣдствіемъ рядъ неисчислимыхъ бѣдствій для Русской Земли.

Грозный Царь, несдержанный и запальчивый, разгнѣвавшись на старшаго сына Іоанна, въ ярости ударилъ его въ високъ своимъ жезломъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, и царевичъ черезъ четыре дня умеръ. За что разгнѣвался Государь на сына—въ точности неизвѣстно; повидимому, онъ разсердился сначала на свою сноху, жену Іоанна Молодого,

за то, что она, будучи нездоровой, лежала у себя въ комнатѣ въ одномъ исподнемъ платьѣ, что для знатныхъ женщинъ считалось неприличнымъ. Сынъ вступился за жену, ожидавшую вскорѣ ребенка, и былъ убитъ пришедшимъ въ изступленіе отъ этого противорѣчія отцомъ. Конечно, горесть Іоанна была неописуема.



177. Іоаннъ Грозный у гроба своего старшаго сына.

Рисунокъ художника Шустова.

Смерть Іоанна Молодого была великимъ бѣдствіемъ и для Русской Земли: по отзыву современниковъ, онъ могъ бы быть вполнѣ достойнымъ Государемъ на славномъ, но трудномъ Московскомъ столѣ, такъ какъ отличался большимъ умомъ и твердостью духа, переходившей, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже въ жестокосердіе. Слѣдовавшій же за нимъ братъ Ѳеодоръ былъ человѣкомъ кроткимъ, богобоязненнымъ, но совершенно неспособнымъ къ правленію. Къ довершенію бѣды, у Іоанна Молодого не было дѣтей, почему его два первыхъ брака, съ Евдокіей Сабу-

ровой и Параскевой Соловой, были расторгнуты; третья же его жена, въ дѣвицахъ Елена Ивановна Шереметева, родила черезъ нѣсколько дней послѣ его кончины, вѣроятно подъ вліяніемъ пережитыхъ потрясеній, мертваго младенца.

Глубокій ужасъ объялъ несчастнаго сыноубійцу. Неистово ведя борьбу съ многочисленными внутренними и внѣшними врагами своего Царства, съ цѣлью укрѣпить державу Московскихъ Государей по завѣту своихъ предковъ и великихъ святителей Петра, Алексія и Іоны, Іоаннъ въ порывѣ бѣшенства собственными руками разрушилъ все, для чего трудился съ такимъ непомѣрнымъ напряженіемъ всю свою жизнь. Онъ отлично понималъ полную неспособность Ѳеодора къ правленію и, какъ разсказываютъ, говорилъ про него, что ему слѣдовало бы быть не Царемъ, а пономаремъ, такъ какъ кроткій и набожный царевичъ любилъ самъ благовѣстить къ заутренѣ. Проводя послѣ убійства сына дни и ночи въ полномъ отчаяніи, граничившемъ съ умопомѣшательствомъ, Грозный Царь собралъ своихъ бояръ и объявилъ имъ, что не хочетъ больше царствовать, а такъ какъ Ѳеодоръ не можетъ править Государствомъ, то онъ предлагаетъ имъ подумать, кто изъ нихъ способенъ занять Царскій престолъ. Устрашенные этимъ вопросомъ бояре, предполагая, что ихъ, можетъ быть, лишь испытываютъ, объявили, что

178. Икона Знаменія Божіей Матери.

Вкладъ инокини Александры (въ міру Царевны Евдокіи Богдановны), снохи Іоанна Грознаго и первой супруги Іоанна Молодого, Суздальскому Покровскому женскому монастырю.

179. Серебряный гладкій ковшъ съ надписью: „Ковшъ князя Іоанна Юрьевича и Царевича Іоанна". (Этотъ Іоаннъ Юрьевичъ былъ, можетъ быть, сыномъ брата Іоанна Грознаго, Юрія, не пережившимъ своего отца, такъ какъ Юрій умеръ, не оставя потомства).

Хранится въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

хотятъ видѣть Государемъ послѣ Іоанна только его сына, и упросили Грознаго, пока онъ живъ, сидѣть на Царствѣ.

Во время этихъ непомѣрно тяжелыхъ обстоятельствъ для Іоанна и для всего Государства, въ нашихъ предѣлахъ уже находился посредникъ, который велъ переговоры о мирѣ съ Баторіемъ.

Мы видѣли, что Государь отправилъ своего гонца Шевригина къ новому германскому императору Рудольфу II и къ папѣ—жаловаться на Баторія и объявить имъ, что онъ хочетъ быть съ ними въ любви и согласіи на всѣхъ недруговъ. Слабодушный Рудольфъ отвѣчалъ уклончиво, но иначе отнесся къ этому знаменитый папа Григорій XIII, приказавшій, какъ мы говорили, украсить Римъ тысячами разноцвѣтныхъ огней, когда онъ узналъ объ избіеніи множества лютеранъ во время Варѳоломеевской ночи, и пославшій въ 1579 году Стефану Баторію мечъ для борьбы съ «врагами христіанства»—Русскими. Теперь, когда Іоаннъ—глава этихъ «враговъ христіанства» — обратился къ нему за посредничествомъ, Григорій рѣшилъ, что настало благопріятное время возобновить попытки объ обращеніи Русскихъ въ Латинство, и, съ радостью согласившись на посредничество, назначилъ для этой цѣли надежнаго мужа — ученаго іезуита Антонія Поссевина, давъ ему особый наказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Пріобрѣтя расположеніе и довѣренность Московскаго Государя, приступайте къ дѣлу, внушайте, какъ можно искуснѣе, мысль о необходимости принять католическую религію, признать главою церкви первосвященника Римскаго, признаваемаго таковымъ отъ всѣхъ государей христіанскихъ; наводите Царя на мысль, какъ неприлично такому великому Государю признавать митрополита Константинопольскаго, который не есть законный пастырь, но ставленникъ и рабъ Турокъ... Такъ какъ, можетъ быть, монахи или священники Московскіе, частью по грубости своей и отвращенію къ Латинской церкви, частью изъ опасенія потерять свое значеніе, будутъ противиться нашему благочестивому намѣренію

180. Бронзовое изображеніе императора Рудольфа II въ собраніи Амброзеръ въ Вѣнѣ.

и употребятъ всѣ усилія, чтобы не допустить Государя оставить Греческую вѣру, то старайтесь всѣми силами пріобрѣсти ихъ расположеніе....»

Отправившись въ путь, Поссевинъ заѣхалъ прежде всего къ Баторію, котораго засталъ еще въ Вильнѣ, до выступленія въ походъ противъ Пскова. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ привезъ королю благословеніе папы на новые подвиги противъ «враговъ христіанства», что видно изъ грубаго выраженія самого Поссевина въ письмѣ къ кардиналу де-Кома, которому онъ писалъ: «Хлыстъ Польскаго короля, можетъ быть, является наилучшимъ средствомъ для введенія католицизма въ Московіи». Однако, несмотря на явное пристрастіе, которое оказывалъ Полякамъ Поссевинъ, даже въ ихъ станѣ онъ вызывалъ своимъ недостойнымъ для посредника и пастыря поведеніемъ—отталкивающія чувства. «Великій полководецъ», говоритъ про Яна Замойскаго ксендзъ Піотровскій въ своихъ запискахъ, «никогда не встрѣчалъ человѣка болѣе отвратительнаго (чѣмъ Поссевинъ): онъ намѣревается прогнать его палкой послѣ заключенія мира».

181. Мраморное изображеніе папы Григорія XIII на надгробіи въ соборѣ Святого Петра въ Римѣ.

Отъ Баторія Поссевинъ пріѣхалъ въ августѣ 1581 года къ Іоанну и, конечно, старался по пути, во исполненіе даннаго наказа отъ папы, заговаривать о вѣрѣ съ приставленнымъ къ нему Царскимъ приставомъ; но послѣднему, въ свою очередь, передъ отправленіемъ для встрѣчи Поссевина, былъ тоже данъ наказъ: «Если посолъ станетъ задирать (поднимать вопросъ) и говорить о вѣрѣ, Греческой или Римской, то приставу отвѣчать: грамотѣ не учивался, да не говорить ничего про вѣру».

Поссевинъ объявилъ Государю, что Баторій не хочетъ мириться безъ всей Ливоніи, а затѣмъ сталъ просить о разрѣшеніи построить нѣсколько католическихъ церквей въ Москвѣ для пріѣзжающихъ иностранныхъ купцовъ, а также приступить къ вопросу о присоединеніи къ Латинству: «Къ царствамъ и богатствамъ», говорилъ онъ Царю, «которыхъ у тебя много, къ славѣ той, которую ты пріобрѣлъ расширеніемъ Земли своей, прибавь славу единенія съ

вѣрой апостольской и тогда великое множество небеснаго благословенія получишь». Іоаннъ на это отвѣчалъ: «Мы никогда не желали и не хотимъ, чтобы кровопролитіе въ христіанствѣ было, и Божіимъ милосердіемъ отъ младенчества нашего черезъ много лѣтъ кровопролитіе въ христіанствѣ не велось. Но ненавидящій добра врагъ съ своими сосудами ввелъ въ Литовской Землѣ новую вѣру, что называется Лютеръ Мартынъ; въ вашихъ странахъ эта вѣра сильно распространилась; и какъ это ученіе утвердилось, такъ въ христіанствѣ и кровопролитіе началось, а какъ и которымъ обычаемъ началось, и почему между нами и Стефаномъ королемъ недружба стала, мы тебѣ объ этомъ послѣ скажемъ; а теперь извѣщаемъ тебя, какъ намъ быть въ дружбѣ и любви съ папой и цесаремъ Рудольфомъ. Что наивышній папа Григорій хочетъ между всѣми нами, государями, христіанское мирное постановленіе утвердить, то намъ пріятельно и любительно... Венеціанамъ въ наше государство пріѣзжать вольно съ попами и со всякими товарами, а церквамъ Римскимъ въ нашемъ Государствѣ быть непригоже, потому что до насъ этого обычая здѣсь не бывало, и мы хотимъ по старинѣ держать».

182. Золотая печать при папской буллѣ (грамотѣ) 1581 года, присланной съ Антоніемъ Поссевино Іоанну Грозному.

Хранится въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ

Послѣ этого Государь объявилъ свои условія мира съ Баторіемъ. Онъ уступалъ Полякамъ 66 городовъ въ Ливоніи и Русскіе города: Великія Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, но требовалъ для себя 35 городовъ Ливонскихъ. «Потому», объяснялъ Іоаннъ, «намъ нельзя уступить королю всей Лифляндской Земли: если намъ ее всю уступить, то намъ не будетъ ссылки ни съ папою, ни съ цесаремъ, ни съ какими другими государями Италійскими (то есть Западно-Европейскими) и Поморскими мѣстами, развѣ только, когда король Польскій захочетъ пропустить нашихъ пословъ. Король называетъ меня Фараономъ (въ послѣднемъ бранномъ письмѣ Баторія) и проситъ у меня 400.000 червонцевъ; но Фараонъ Египетскій никому дани не давалъ».

По вопросу же о соединеніи съ Римской церковью Государь сказалъ: «Мы тебя теперь отпускаемъ къ Стефану королю за важными дѣлами наскоро, а какъ будешь у насъ отъ короля Стефана, тогда мы тебѣ дадимъ знать о вѣрѣ». Поссевинъ, разумѣется, и не думалъ склонять Баторія на условія мира, предложенныя Іоанномъ: наоборотъ, онъ, несомнѣнно, уговаривалъ короля настаивать на требованіи всей Ливоніи, какъ ясно свидѣтельствуетъ записка его, хранящаяся въ папскомъ книгохранилищѣ, въ Ватиканѣ: «Есть надежда, что, при помощи Божіей,

оказанной католичнѣйшему королю (Баторію), вся Ливонія скоро отойдетъ къ Польшѣ, и тогда не должно упускать случая къ возстановленію здѣсь католической религіи, при королѣ, который среди заботъ военныхъ не оставляетъ святой мысли о поддержаніи и распространеніи истинной вѣры. Кромѣ того, на Руси, въ Подоліи, Волыни, Литвѣ и Самогитіи жители упорно держатся Греческаго исповѣданія, хотя имѣютъ господъ католиковъ. Сенатъ, и особенно король, подозрѣвающій ихъ вѣрность, желаетъ обратить ихъ въ католицизмъ, ибо найдено, что жители этихъ областей, по приверженности къ своимъ единовѣрцамъ, Москвичамъ, открыто молятся о дарованіи имъ побѣды надъ Поляками».

Записка эта ясно показываетъ намъ, почему Поссевинъ, вторично прибывъ къ Іоанну отъ Баторія, послѣ неудачъ послѣдняго подъ Псковомъ, непремѣнно требовалъ, чтобы Полякамъ была уступлена вся Ливонія. Такъ какъ къ этому времени Шведы овладѣли уже большею частью побережья въ Эстоніи, то Іоаннъ съ сыномъ и боярами приговорили: «Теперь, по конечной неволѣ, смотря по нынѣшнему времени, что Литовскій король со многими Землями и Шведскій король стоятъ за одно, съ Литовскимъ бы королемъ помириться на томъ: Ливонскіе бы города, которые за Государемъ, королю уступить, а Луки Великія и другіе города, что король взялъ, пусть онъ уступитъ Государю; а помирившись съ королемъ Стефаномъ, стать на Шведскаго, для чего тѣхъ городовъ, которые Шведскій взялъ, а также и Ревель, не писать въ перемирныя грамоты съ королемъ Стефаномъ».

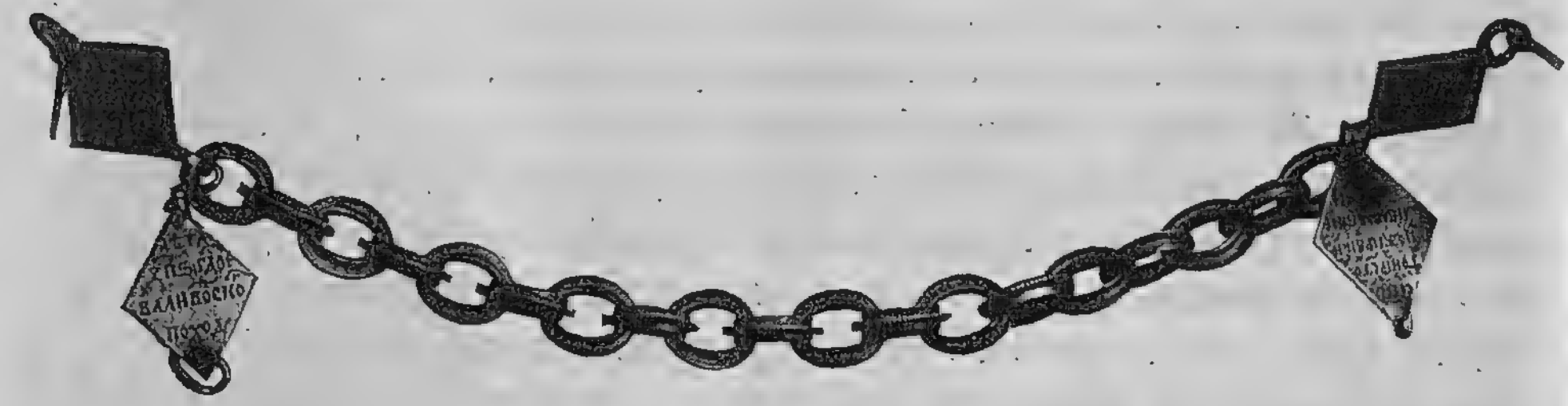
На основаніи этого приговора, въ декабрѣ 1581 года, въ деревнѣ Киверова Гора, наши уполномоченные князь Елецкій и печатникъ Алферьевъ съѣхались съ Польскими, и начались переговоры о мирѣ. Дѣятельное участіе въ нихъ принималъ и Поссевинъ, явно стоя за одно съ Поляками и позволяя себѣ по отношенію нашихъ пословъ разныя грубыя выходки.

Замойскій, между тѣмъ, продолжалъ вести безполезную осаду Пскова и подъ конецъ ея—омрачилъ свое свѣтлое имя недостойнымъ поступкомъ: онъ послалъ князю Ивану Петровичу Шуйскому ящикъ съ запиской, будто бы отъ одного нашего раскаявшагося измѣнника, Нѣмца Моллера, въ которой было сказано, что въ ящикѣ находятся драгоцѣнности. Славный Русскій воевода, однако, этому не повѣрилъ и приказалъ вскрыть ящикъ съ предосторожностями, причемъ въ немъ оказались порохъ и заряженное огнестрѣльное оружіе, уложенное такимъ образомъ, что при неосторожномъ открываніи посылки долженъ былъ послѣдовать выстрѣлъ и взрывъ пороха. Возмущенный такимъ коварствомъ, Шуйскій вызвалъ Замойскаго на поединокъ, который, однако, не состоялся.

Наконецъ, послѣ того какъ, 4 января 1582 года, доблестные защитники Пскова сдѣлали сорокъ шестую по счету успѣшную вылазку, избивъ множество осаждающихъ, Замойскій сообщилъ своимъ уполномоченнымъ въ деревню Киверову Гору, что болѣе недѣли онъ не

можетъ держаться подъ Псковомъ. Въ виду этого, 6 января 1582 года, было заключено перемиріе на 10 лѣтъ, на условіяхъ, предложенныхъ Іоанномъ, то есть съ потерей нами всей Ливоніи, изъ-за обладанія которой онъ такъ страстно боролся въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ Поссевинъ прибылъ въ Москву и засталъ Грознаго въ тѣхъ ужасныхъ терзаніяхъ, которыя онъ испытывалъ послѣ нечаяннаго убійства сына. Выгодно устроивъ дѣла Польши, іезуитъ хотѣлъ также склонить Царя къ соединенію съ Римомъ и сталъ просить позволенія говорить съ нимъ наединѣ о вѣрѣ, но Государь, хотя вообще очень любилъ вести пренія о религіи *), отклонилъ это: «Мы съ тобой говорить готовы», сказалъ онъ, «только не наединѣ: намъ безъ ближнихъ людей въ это время какъ быть? Да и то поразсуди: ты, по наказу наивышняго папы и своею службою, между нами и Стефаномъ королемъ мирное постановленіе заклю-



183. Цѣпь червоннаго золота въ 19 звеньевъ съ четырьмя пластинками и надписью: „Ливонскаго походу 7086 (1578) году. Сіе золото къ Пречистой приложилъ царевичъ князь Иванъ Иванович изъ своего Ливонскаго походу". Даръ царевича Іоанна Іоанновича Псково-Печерскому монастырю.

Хранится въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

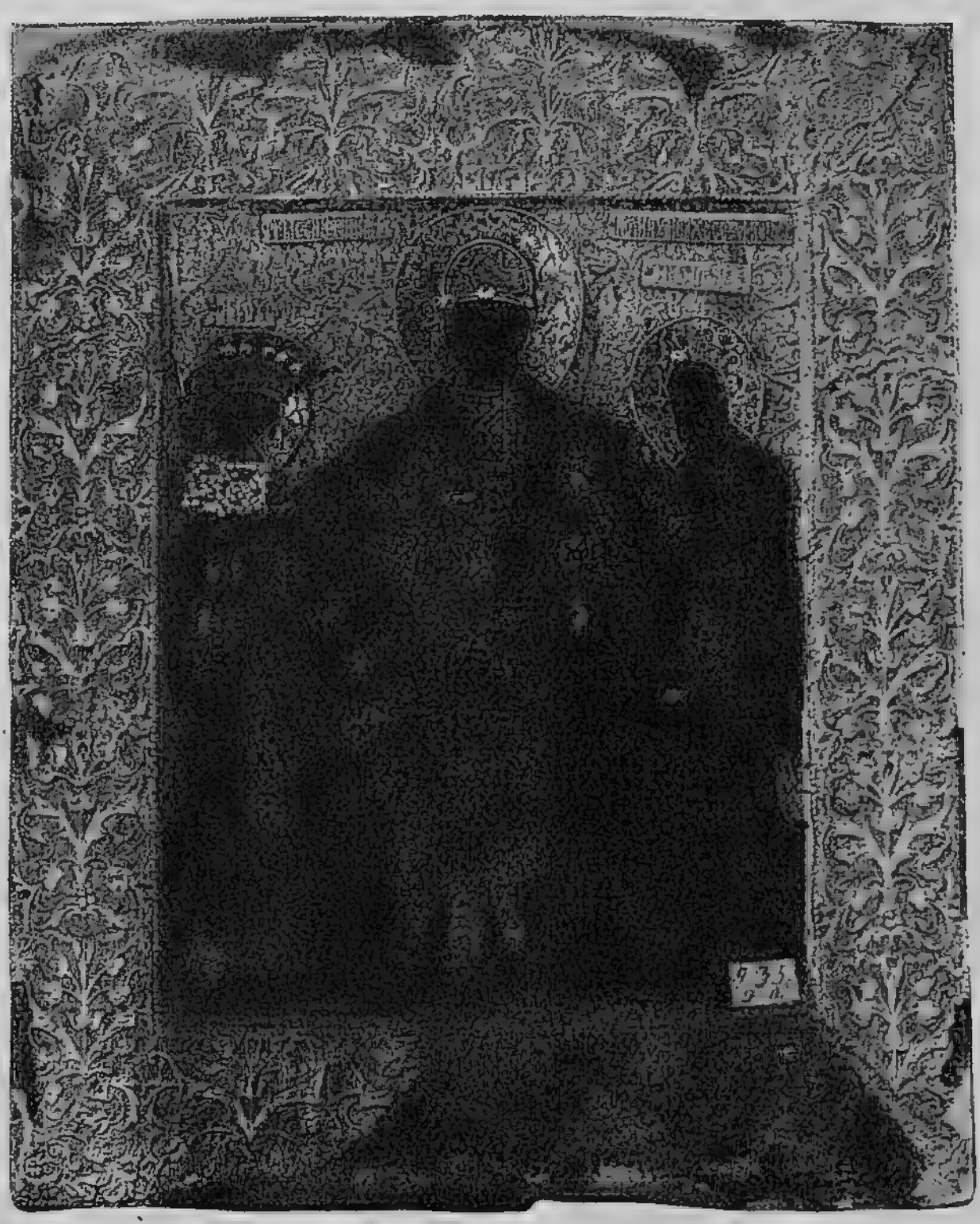
чилъ, и теперь между нами, далъ Богъ, христіанство въ покоѣ; а если мы станемъ говорить о вѣрѣ, то каждый по своей вѣрѣ ревнитель, каждый свою вѣру будетъ хвалить, пойдетъ споръ, и мы боимся, чтобы отъ того вражда не воздвиглась». Антоній, однако, настаивалъ и увѣрялъ, что если Царь перейдетъ въ Латинство, то получитъ не только Кіевъ, но и Царьградскій столъ. Іоаннъ не прельстился и этимъ, и отвѣчалъ: «Намъ съ вами не сойтись о вѣрѣ: наша вѣра Христіанская съ издавнихъ лѣтъ была сама по себѣ, а Римская церковь сама по себѣ; мы въ Христіанской вѣрѣ родились и Божіею благодатью дошли до совершеннаго возраста; намъ уже пятьдесятъ лѣтъ съ годомъ, намъ уже не для чего перемѣняться и на большое государство хотѣть... Ты говоришь, что ваша вѣра Римская съ Греческою одна: но мы держимъ вѣру истинную Христіанскую, а не Греческую; Греческая слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Ефіопіи

---

*) Изъ этихъ преній Грознаго особенно замѣчательны: съ Чехомъ-протестантомъ Іоанномъ Рокитою и съ лютеранскимъ священникомъ во время Ливонской войны.

предваритъ рука ея къ Богу, а Ефіопія все равно, что Византія *); Византія же просіяла въ Христіанствѣ, потому и Греческая слыветъ вѣра, а мы вѣру истинную Христіанскую исповѣдуемъ, и съ нашей вѣрой Христіанской Римская вѣра во многомъ не сойдется, но мы объ этомъ говорить не хотимъ, чтобы не было супротивныхъ словъ....».

Несмотря на такой отвѣтъ, Поссевинъ все же продолжалъ просить Государя — продолжать разговоръ о вѣрѣ. Тогда Іоаннъ ему сказалъ: «Мы о большихъ дѣлахъ говорить съ тобой не хотимъ, чтобы тебѣ не было досадно; а вотъ малое дѣло: у тебя борода подсѣченная, а бороду подсѣкать и подбривать не велѣно не только попу, но и мірскимъ людямъ; ты въ Римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь, и ты намъ скажи, отъ кого это ты взялъ, изъ котораго ученія». Іезуитъ смутился и объявилъ, что онъ бороды не бреетъ, а она у него смолоду не растетъ. Тогда Царь продолжалъ: «Сказывалъ намъ нашъ паробокъ, который былъ посланъ въ Римъ, что папу Григорія носятъ на престолѣ, а на сапогѣ у папы крестъ, и вотъ первое, въ чемъ нашей вѣрѣ Христіанской съ Римской будетъ разница: въ нашей вѣрѣ крестъ Христовъ на враговъ побѣда, чтимъ его, у насъ не водится крестъ ниже пояса носить». Поссевинъ смутился еще болѣе и отвѣчалъ: «Папу достойно величать: онъ глава Христіанъ, учитель всѣхъ Государей, сопрестольникъ апостола Петра, Христова сопрестольника. Вотъ и ты, Государь великій, и прародитель твой былъ на Кіевѣ великій князь Владиміръ: и васъ, Государей, какъ намъ не величать и не славить и



184. Икона „Предста царица" (Пс. XLIV, 10), царевича Іоанна Іоанновича.

Хранится въ Суздальскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ.

*) Здѣсь Іоаннъ высказываетъ мнѣніе, господствовавшее на Руси въ XVI вѣкѣ.

въ ноги не припадать». Промолвивъ это, іезуитъ поклонился Іоанну въ ноги.

Но Государь съ укоризною отвѣчалъ Поссевину: «Говоришь про Григорія папу слова хвастливыя, что онъ сопрестольникъ Христу и Петру апостолу, говоришь это мудрствуя о себѣ, а не по заповѣдямъ Господнимъ... Насъ

185. Царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи.

По Титулярнику.

пригоже почитать по Царскому величію, а святителямъ всѣмъ, апостольскимъ ученикамъ, должно смиреніе показывать, а не возноситься превыше Царей гордостью. Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако; тѣ, которые его носятъ, не ангелы. Папѣ Григорію не слѣдуетъ Христу уподобляться и сопрестольникомъ ему быть, да и Петра апостола равнять Христу не слѣдуетъ же. Который папа по Христову ученію, по

преданію апостоловъ и прежнихъ папъ—отъ Сильвестра до Адріана—ходитъ, тотъ папа сопрестольникъ этимъ великимъ папамъ и апостоламъ, а который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію жить станетъ, тотъ папа—волкъ, а не пастырь». Такъ закончилъ свой отвѣтъ увлеченный споромъ Іоаннъ. «Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше и говорить»—отвѣтилъ обидѣвшійся іезуитъ и замолчалъ. Успокоившись, Грозный сказалъ ему: «Вотъ я говорилъ, что намъ нельзя говорить о вѣрѣ. Безъ раздорныхъ словъ не обойдется. Оставимъ это».

Видя неудачу въ своемъ главномъ дѣлѣ, Поссевинъ сталъ просить отпустить нѣсколько Русскихъ людей въ Римъ—изучать Латинскій языкъ, очевидно съ цѣлью совратить ихъ въ іезуитской школѣ въ католичество и затѣмъ вести черезъ нихъ пропаганду на Руси. Іоаннъ понялъ это и отвѣчалъ: «Теперь въ скорости такихъ людей собрать нельзя, которые бы къ этому дѣлу были пригодны... а что ты говорилъ о Венеціанахъ, то имъ вольно пріѣзжать въ наше Государство и попамъ ихъ съ ними, только бы они ученія своего между Русскими людьми не плодили и костеловъ не ставили; пусть каждый остается въ своей вѣрѣ; въ нашемъ Государствѣ много разныхъ вѣръ; мы ни у кого воли не отнимаемъ, живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ, а церквей иновѣрныхъ до сихъ поръ еще въ нашемъ Государствѣ не ставливали».

186. Печать Государственная Большая Царя Іоанна IV Васильевича 1583 года (лицевая сторона). Эта печать приложена къ двумъ трактатамъ (договорамъ) 1583 и 1584 годовъ, заключеннымъ между Россіей и Швеціей.

Подлинныя грамоты хранятся въ королевскомъ архивѣ въ Стокгольмѣ.

4 марта, въ воскресенье великаго поста, Государь пригласилъ Поссевина идти въ церковь смотрѣть наше богослуженіе. Послѣдній, не желая показать своимъ присутствіемъ въ храмѣ уваженіе къ Православію, нехотя согласился и постарался тотчасъ же незамѣтно скрыться изъ церкви. Всѣ думали, что Іоаннъ разгнѣвается; но онъ потеръ себѣ только лобъ и сказалъ. «Ну, пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ». Вскорѣ затѣмъ іезуитъ уѣхалъ въ Римъ. Сопровождавшему его гонцу было вручено любезное письмо отъ Іоанна на имя папы и, кромѣ того, наказано: «Если папа или его совѣтники начнутъ говорить: Государь вашъ папу назвалъ волкомъ и хищникомъ, то отвѣчать, что имъ слышать этого не случилось».

Мы видѣли, что Грозный согласился уступить Ливонію Полякамъ, съ тѣмъ, чтобы сосредоточить всѣ свои силы въ борьбѣ со Шведами для

обратнаго завоеванія Балтійскаго побережья—Эстоніи. Однако, къ великому сожалѣнію, этого не случилось.

Несмотря на то, что Русскіе двукратно отбили приступъ Шведовъ къ Орѣшку, которыхъ водилъ туда нашъ измѣнникъ князь Аѳанасій Бѣльскій, въ августѣ 1583 года послы Іоанна заключили со Шведами перемиріе на три года, причемъ за ними остались Русскіе города, незадолго передъ тѣмъ взятые у насъ,—Ямъ, Ивангородъ и Копорье. Это крайне невыгодное для насъ перемиріе было вызвано, несомнѣнно, въ виду опасенія новой войны съ Польшей, а также и весьма тревожными вѣстями о возстаніи Луговой Черемисы въ Казанской области, что требовало посылки туда значительныхъ воинскихъ силъ; возстаніе въ Казанской области постоянно поддерживалъ Крымскій ханъ, хотя къ счастью для насъ, въ наступившіе тяжелые годы борьбы Іоанна съ Баторіемъ, Крымскіе Татары ничѣмъ другимъ намъ вредить не могли, такъ какъ принимали участіе, по приказанію султана, въ войнѣ съ Персіей.

187. Англійскій врачъ второй половины XVI вѣка.
Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Потерявъ Ливонію и Балтійское побережье и убѣдившись, что Поляки и Шведы превосходятъ насъ въ ратномъ искусствѣ, Іоаннъ, несмотря на ужасныя потрясенія, пережитыя имъ, отнюдь не оставлялъ мысли вновь стать твердой ногой на Балтійскомъ морѣ, причемъ разсчитывалъ достигнуть этого въ союзѣ съ какимъ либо Европейскимъ государствомъ, которое снабдило бы насъ плодами западнаго искусства. Для этого онъ рѣшилъ обратиться къ своей давней пріятельницѣ—Елизаветѣ Англійской, очень дорожившей дружескими отношеніями съ Іоанномъ и для поддержанія ихъ оказывавшей ему большія учтивости; такъ, лѣтомъ 1581 года она прислала Царю своего врача Роберта Якоби, причемъ писала: «Мужа искуснѣйшаго въ исцѣленіи болѣзней уступаю тебѣ, моему брату кровному, не для того, чтобы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для того, что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло ввѣрить ему свое здравіе. Посылаю съ нимъ, въ угодность твою, аптекарей и цирульниковъ, волею и неволею, хотя мы сами имѣемъ недостатокъ въ такихъ людяхъ».

Пользуясь этими добрыми отношеніями съ Елизаветой, Іоаннъ рѣшилъ отправить къ ней, въ августѣ 1582 года, дворянина Ѳеодора Писемскаго,

которому было наказано предложить королевѣ наступательный союзъ противъ Польши, а также и начать дѣло о сватовствѣ самого Царя къ ея племянницѣ—тридцатилѣтней дѣвицѣ Маріи Гастингсъ, на которую указалъ Грозному, какъ на подходящую для него невѣсту, прибывшій изъ Англіи лекарь Робертъ Якоби. Посланный долженъ былъ, по послѣднему поводу, сказать Елизаветѣ: «Ты бы, сестра наша любительная, Елизавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Ѳеодору показать велѣла и *парсону* въ ея (изображеніе) къ намъ прислала на доскѣ и на бумагѣ для того: будетъ она пригодится къ нашему Государскому чину, то мы съ тобой, королевной, то дѣло станемъ дѣлать, какъ будетъ пригоже». При этомъ Іоаннъ, съ присущей ему обстоятельностью, приказалъ Писемскому взять мѣру роста Маріи Гастингсъ и разсмотрѣть хорошенько, дородна ли она, бѣла или смугла, узнать, какихъ она лѣтъ и прочее. Въ случаѣ, если скажутъ, что Іоаннъ уже женатъ на Маріи Нагой, то Писемскій долженъ былъ отвѣчать: «Государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ, чтобы по себѣ пріискать невѣсту, да не случилось, и Государь взялъ за себя въ своемъ Государствѣ боярскую дочь, да не по себѣ; и если королевнина племянница дородна и такого великаго дѣла достойна, то Государь нашъ, свою отставя, сговоритъ за королевнину племянницу». Затѣмъ Писемскій обязанъ былъ передать, что Марія непре-

188. Замокъ Виндзоръ въ XVI вѣкѣ.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

мѣнно должна принять Православіе, равно какъ и тѣ бояре и боярыни, что съ ней пріѣдутъ, иначе имъ нельзя будетъ жить при Царскомъ дворѣ; онъ долженъ былъ передать также, что послѣ Іоанна на престолъ вступитъ сынъ его Ѳеодоръ; дѣти же отъ Маріи Гастингсъ получатъ удѣлы, а иначе дѣлу статься нельзя.

Писемскій былъ принятъ Елизаветой 4-го ноября въ ея загородномъ дворцѣ Виндзорѣ—отмѣнно любезно; она съ веселой улыбкой спрашивала посла о здоровьѣ Іоанна, но затѣмъ очень долго заставила его ждать второго пріема, хотя и оказывала ему разные знаки вниманія. Между прочимъ

ея вельможи предложили ему поѣхать поохотиться на оленей, на заповѣдные острова. На это Писемскій вѣжливо и съ достоинствомъ отвѣчалъ: «На королевнинѣ жалованьѣ много челомъ бью, а гулять ѣздить теперь не приходится, потому: присланы мы отъ своего Государя къ королевнѣ по ихъ великимъ дѣламъ; мы у королевны на посольствѣ были, а Государеву дѣлу до сихъ поръ и почину нѣтъ; да нынче же у насъ постъ, мяса мы не ѣдимъ; и намъ оленина къ чему пригодится?» Но когда послу сказали, что его отказъ огорчитъ королеву, то онъ поѣхалъ на охоту. Только

189. Видъ села Гринвича въ XVI вѣкѣ.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

въ половинѣ декабря, въ селѣ Гринвичѣ, Писемскій имѣлъ свиданіе съ Англійскими министрами и говорилъ съ ними о союзѣ противъ Польши, причемъ просилъ помощи какъ ратными людьми и казной, такъ и тѣмъ, чтобы королева велѣла отпускать къ Государю снарядъ огнестрѣльный, доспѣхи, сѣру, нефть, мѣдь, олово, свинецъ, мастеровъ всякихъ, ратныхъ и рукодѣльныхъ людей, за что обѣщалъ отъ имени Іоанна свободно пропускать всякіе товары изъ Московскаго государства. Министры отвѣчали на это уклончиво: говорили, что на союзъ согласны, но вначалѣ Елизавета должна попробовать примирить Іоанна съ Баторіемъ путемъ посредничества, и требовали за это, чтобы Русскіе торговали исключительно съ одними Англичанами, а купцовъ другихъ странъ къ себѣ не пускали. Конечно, въ посредничествѣ Елизаветы не было надобности, такъ какъ миръ съ Баторіемъ былъ уже заключенъ,—а намъ нуженъ былъ *наступательный* союзъ, съ цѣлью начать новую войну изъ-за Ливоніи. На предложеніе же предоставить право исключительной торговли въ Россіи однимъ Англичанамъ, Писемскій весьма основательно отвѣчалъ, что такъ какъ Англія не можетъ жить только торговлей съ одной Русской Землею, «то и Русскимъ людямъ объ одномъ Англійскомъ торгу пробыть нельзя же».

Такъ же неудачно окончилось и дѣло о сватовствѣ. Елизавета, безъ сомнѣнія, страшась отдавать племянницу за Грознаго, въ виду его нрава, а также и потому, что получила извѣстіе о рожденіи у Маріи Нагой въ это время сына—царевича Димитрія, отвѣчала Писемскому: «Любя брата своего, вашего Государя, я рада быть съ нимъ въ свойствѣ; но я слышала, что Государь вашъ любитъ красивыхъ дѣвицъ, а моя пле-

мянница некрасива, и Государь вашъ наврядъ ее полюбитъ. Я Государю вашему челомъ бью, что, любя меня, хочетъ быть со мной въ свойствѣ, но мнѣ стыдно списать портретъ съ племянницы и послать его къ Царю,

190. Смотрины Маріи Гастингсъ посломъ Іоанна Грознаго Писемскимъ въ Англіи.

Рисунокъ художника Соломко.

потому что она некрасива, да и больна, лежала въ оспѣ, лицо у нея теперь красное, ямоватое; какъ она теперь есть, нельзя съ нея списывать портрета, хоть давай мнѣ богатства всего свѣта» *). Но Писемскій объявилъ на это,

*) Повидимому, въ этомъ отношеніи, Елизавета была искренна, такъ какъ въ Англіи нигдѣ не сохранилось изображенія Маріи Гастингсъ.

желая въ точности исполнить данный ему наказъ, что будетъ ждать, пока Марія Гастингсъ вполнѣ не оправится, и добился того, что въ маѣ 1583 года онъ увидѣлъ ее въ саду, гдѣ могъ разсмотрѣть какъ слѣдуетъ. «Марія Гастингсъ», доносилъ онъ Грозному, «ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла, глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долгіе». Послѣ смотринъ, Елизавета обратилась къ нему со словами: «Думаю, что Государь вашъ племянницы моей не полюбитъ; да и тебѣ, я думаю, она не понравилась?»... Но Писемскій отвѣчалъ на это: «Мнѣ показалось, что племянница твоя красива; а вѣдь дѣло это становится судомъ Божіимъ».

При такихъ обстоятельствахъ, хитроумная королева написала Іоанну самое ласковое письмо, которое поручила передать отъѣзжавшему Писемскому, но вмѣстѣ съ нимъ отправила и своего посла Боуса, давши ему очень трудный наказъ: добиться отъ Іоанна права исключительной торговли для Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить его какъ отъ заключенія наступательнаго союза, такъ и отъ брака съ Маріей Гастингсъ.

Очевидно, посольство Боуса не могло окончиться удачно, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ былъ человѣкомъ грубымъ и невѣжливымъ. Когда онъ объявилъ Іоанну, что Марія Гастингсъ больна и отъ своей вѣры не откажется, то послѣдній сказалъ ему: «Вижу, что ты пріѣхалъ не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобой объ этомъ дѣлѣ и говорить не станемъ; дѣло это началось отъ задора доктора Робертса». Тогда Боусъ сталъ говорить: «Эта племянница королевнѣ всѣхъ племянницъ дальше въ родствѣ, да и некрасива, а есть у королевны дѣвицъ съ десять ближе ея въ родствѣ». Но когда его спросили, кто именно эти дѣвицы, то онъ отвѣчалъ, что ему наказа объ нихъ не давали, а безъ наказа онъ ихъ именъ объявить не можетъ. Такіе же неудовлетворительные отвѣты давалъ Боусъ и по вопросу о наступательномъ союзѣ противъ Польши и Швеціи. Конечно, и Іоаннъ, въ свою очередь, не могъ согласиться предоставить исключительное право торговли съ Россіей,—чего такъ добивалась Елизавета,—одной только Англіи. Такимъ образомъ, посольство Боуса не вызвало ничего, кромѣ взаимнаго неудовольства,—и надежды Государя на скорое возвращеніе потерянаго побережья Балтійскаго моря должны были рухнуть.

Но въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ былъ обрадованъ неожиданной вѣстью о блистательныхъ подвигахъ Русскихъ людей, бившихъ ему челомъ новымъ огромнымъ царствомъ, безъ Государева приказа и вѣдома завоеваннымъ ими. Это было Сибирское царство.

Мы видѣли, что еще при Іоаннѣ Третьемъ Московскія войска перешли черезъ Каменный Поясъ или Уралъ, куда до нихъ проникали только небольшія партіи смѣльчаковъ, и, неустрашимо пройдя въ зимнюю стужу на оленяхъ и собакахъ огромныя пространства, вторглись вглубь Сибирскаго царства, составлявшаго одинъ изъ многихъ осколковъ бывшей обширной имперіи Чингизъ-хана, причемъ взяли дань съ тамошнихъ князьковъ, властвовавшихъ надъ Сибирскими инородческими племенами.

Съ той поры Сибирь посѣщали только отдѣльные служилые люди Московскаго Государства, изъ которыхъ наибольшую славу по себѣ оставили два храбрѣйшихъ и умнѣйшихъ казака—атаманы Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ. Грозный Царь послалъ ихъ въ 1567 году за Сибирь, на югъ, съ дружественными грамотами: *«къ неизвѣстнымъ властителямъ неизвѣстныхъ народовъ»*. Получивъ такое трудное и неопредѣленное порученіе, наши доблестные атаманы выполнили его съ честью; они представили Царю замѣчательно обстоятельное описаніе всѣхъ Земель отъ Байкальскаго озера до Корейскаго моря, лично посѣтивъ Монголію и Китай, гдѣ побывали въ Пекинѣ, и собравъ всѣ доступныя для нихъ свѣдѣнія о Туркестанѣ, Бухаріи, Кашгарѣ и Тибетѣ.

Еще раньше ихъ путешествія, въ 1555 году, Татарскій князь Едигеръ—властитель Сибирской Орды, называвшейся такъ по имени столичнаго городка Сибири, заложеннаго подвластными ему Татарами *),—прислалъ къ Іоанну своихъ пословъ поздравить его съ покореніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, а также просить, чтобы Государь взялъ его подъ свою высокую руку, для защиты отъ враговъ, которыми были другіе Татарскіе князья, ведшіе съ Едигеромъ борьбу изъ-за верховной власти надъ мѣстными инородческими племенами—Остяками, Вогулами, Башкирами и другими, заселявшими необъятныя пространства, простиравшіяся къ востоку отъ Каменнаго Пояса. Царь милостиво принялъ посольство Едигера и согласился признать его своимъ подручникомъ, за что послѣдній обязался платить намъ дань по соболю и по бѣлкѣ съ каждаго изъ своихъ черныхъ людей, число коихъ онъ опредѣлилъ въ 30.700 человѣкъ.

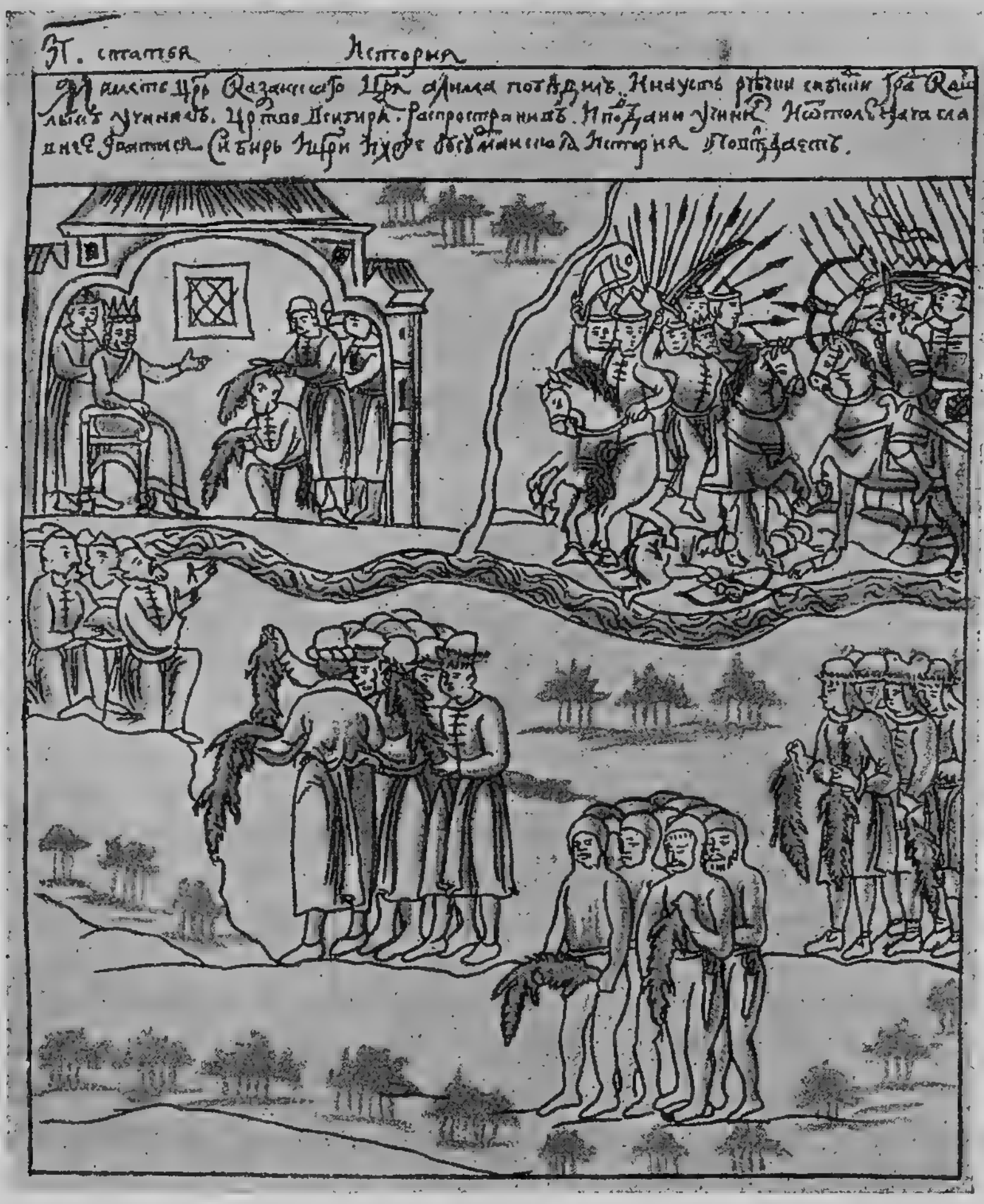
Несмотря на это, прочныхъ отношеній съ Едигеромъ у насъ не установилось; онъ крайне неисправно платилъ дань, отговариваясь трудными временами, а Грозный, всецѣло отвлеченный борьбой на Западѣ, не высылалъ ему ратной помощи противъ его враговъ. Скоро Едигеръ былъ убитъ своимъ противникомъ, другимъ Татарскимъ княземъ,—воинственнымъ Кучумомъ, который обязался было тоже платить дань Іоанну, но затѣмъ, утвердившись въ Сибири, сталъ проявлять явно враждебныя противъ насъ дѣйствія.

Но въ это время, близъ самаго Каменнаго Пояса, уже прочно и крѣпко сидѣли Русскіе люди, не замедлившіе не только дать дерзкому Сибирскому князю отпоръ, но и положить начало покоренію Сибири. Эти Русскіе люди принадлежали къ славному и отважному роду Строгановыхъ, которые, повидимому, издревле были богатыми Новгородскими гостями; движимые отвагой и предпріимчивостью, они, можетъ быть еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, перебрались въ Двинскую Землю; здѣсь, въ дремучихъ лѣсахъ, по пустыннымъ берегамъ дикихъ рѣкъ и озеръ, Строгановы пріобрѣли большія владѣнія въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краѣ и наживали великія богатства, занимаясь соляным промысломъ, рыбной ловлей, а также

---

*) Эти Сибирскіе Татары находились, повидимому, въ ближайшемъ родствѣ съ Ногайскими.

хлѣбопашествомъ и торговлею съ инородцами—Пермяками и Югрою, у которыхъ вымѣнивали дорогіе мѣха. Строгановы были при этомъ всегда вѣрными слугами Московскихъ Государей, и когда съ великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ случилась бѣда и онъ попалъ къ Татарамъ въ



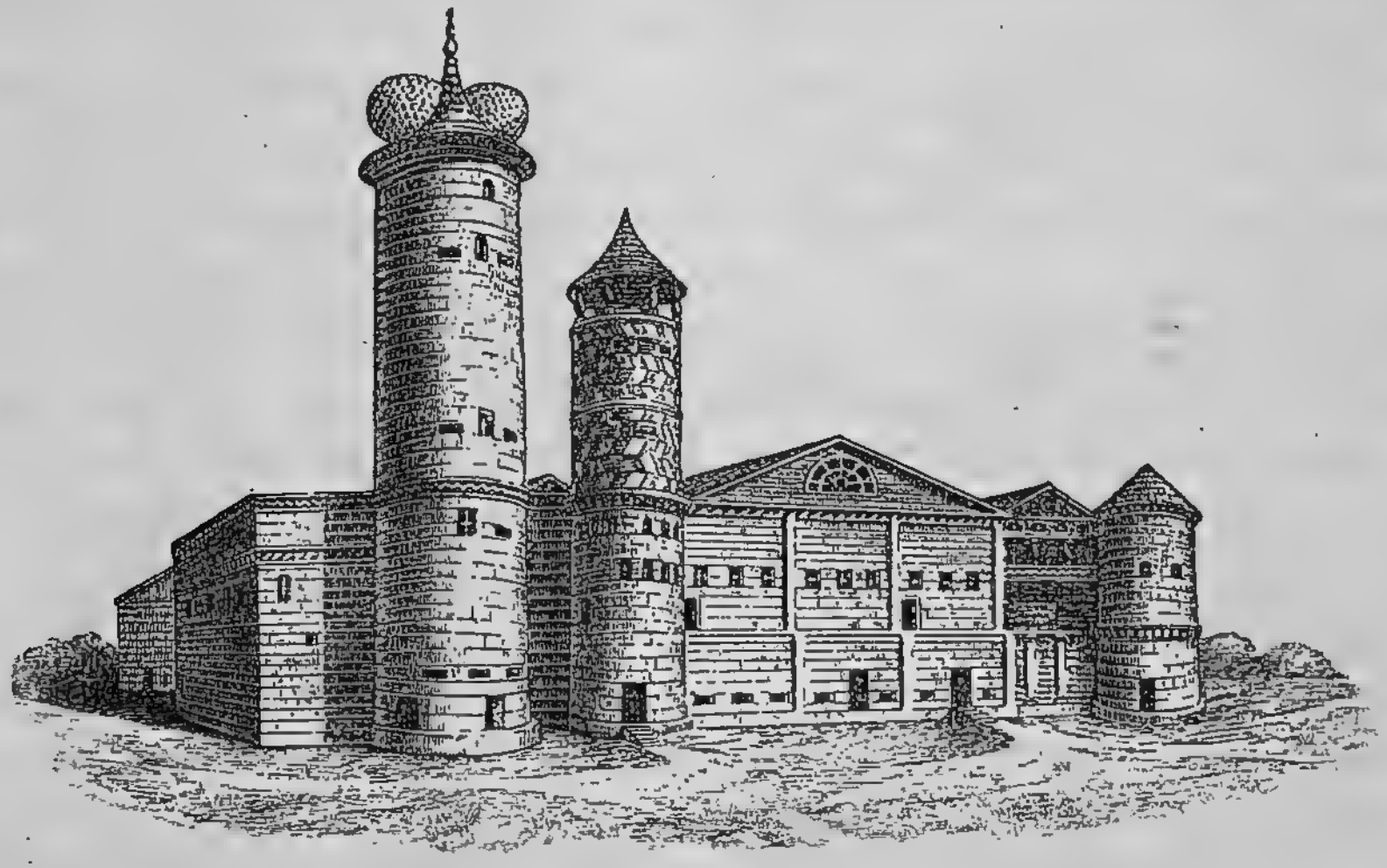
191. „Маметь царь Казанскаго царя Алима побѣдилъ и на усть рѣчки Сибирки градъ Кашлыкъ учинилъ, царство в Сибири распространивъ и поддани учинилъ. И оттоле нача славнее зватися Сибирь, и цари, их же бусурманская история повѣдаетъ".

Изъ рукописи, называемой Кунгурской или Ремезовской лѣтописью, составленной въ XVII вѣкѣ и хранящейся въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ.

плѣнъ во время Шемякиной смуты, то именно Строгановы ссудили его значительными деньгами на выкупъ.

Конечно, и Московскіе Государи, цѣня вѣрность Строгановыхъ и ихъ высокополезную дѣятельность по заселенію Русскими людьми дальняго сѣверо-востока, постоянно оказывали имъ свои милости.

При Іоаннѣ Грозномъ главой этой замѣчательной семьи былъ Аникій Строгановъ, имѣвшій трехъ сыновей: Якова, Григорія и Семена; дѣятельность ихъ въ это время была уже распространена на Прикамскій край или на Великую Пермь, примыкавшую къ Каменному Поясу. Въ 1558 году, Григорій Строгановъ билъ челомъ Государю, прося разрѣшенія пожаловать ему дикія пространства, лежащія по Камѣ до рѣки Чусовой, за что обязывался поставить здѣсь городокъ и содержать въ немъ ратныхъ людей, снабдивъ ихъ пушками и пищалями. Царь согласился на уступку этихъ пространствъ, разрѣшивъ ставить слободы, варить соль, ловить рыбу и заселять ихъ Русскими людьми, не приписанными къ другимъ городамъ и

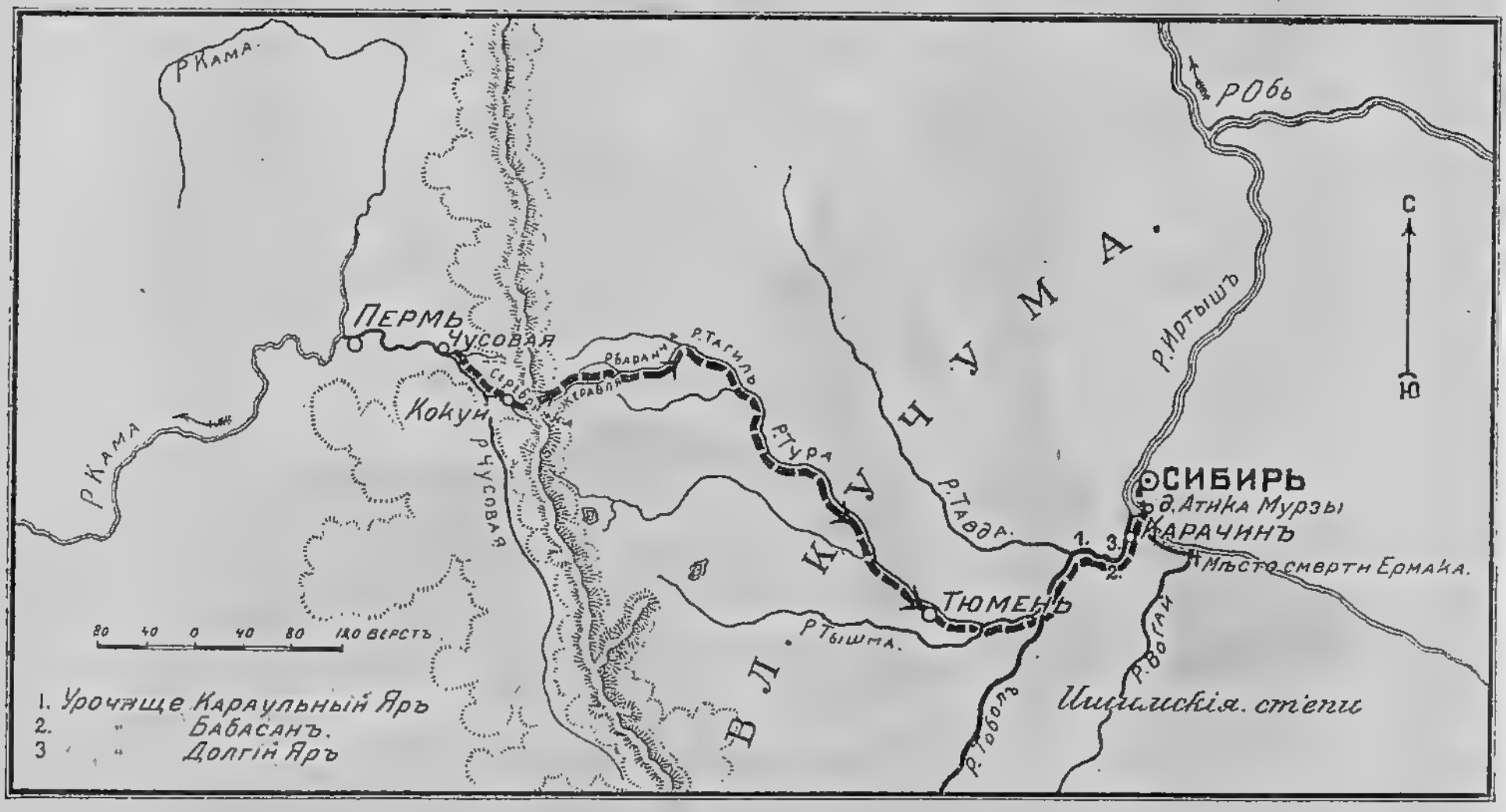


192. Палаты именитыхъ людей Строгановыхъ въ 1565 году въ Сольвычегодскѣ.

не несущими въ другихъ мѣстахъ повинностей (не «письменными» и не «тяглыми» людьми), исключая воровъ и разбойниковъ; всѣ эти люди были освобождены на 20 лѣтъ отъ всякихъ повинностей и платежа податей, причемъ право суда надъ ними принадлежало Строгановымъ, которые сами были подсудны только одному Царю и вошли потомъ, какъ мы видѣли, по собственной ихъ просьбѣ, въ составъ Опричнины. Если же Григорій Строгановъ «гдѣ найдетъ руду серебряную, или мѣдную, или оловянную», говорится въ жалованной Царской грамотѣ, «то даетъ знать объ этомъ Царскимъ казначеямъ, а самому ему тѣхъ рудъ не разрабатывать безъ Царскаго вѣдома». Самымъ важнымъ правомъ, которое получилъ Григорій Строгановъ, было, разумѣется, право содержать на свои средства ратныхъ людей, что являлось совершенно необходимымъ для защиты новыхъ владѣній отъ дикихъ обитателей Приуралья и Зауралья.

Въ виду того, что для заводимыхъ въ новомъ городкѣ пушекъ и пищалей Строгановъ нуждался въ селитрѣ при приготовленіи «зелія» (по

роха), то Государь позволилъ ему сварить селитру на Вычегодскомъ посадѣ и въ Усольскомъ уѣздѣ, но не больше тридцати пудовъ, причемъ отправилъ старостамъ тѣхъ мѣстъ любопытный наказъ, ярко рисующій намъ, какъ Грозный Царь, доходя въ своей яростной борьбѣ съ боярской крамолой до жестокихъ казней, вмѣстѣ съ тѣмъ крайне заботливо относился къ тому, чтобы никто изъ сильныхъ людей не смѣлъ обижать простого крестьянина-хлѣбопашца. «Берегите накрѣпко», писалъ Іоаннъ означеннымъ старостамъ, «чтобы при этой селитряной варкѣ отъ Григорія Строганова крестьянамъ обидъ не было ни подъ какимъ видомъ, чтобы на дворахъ изъ-подъ избъ и хоромъ онъ у васъ сору и земли не копалъ и хоромъ



193. Карта къ походу Ермака для завоеванія Сибири.

не портилъ; да берегите накрѣпко, чтобы онъ селитры не продавалъ никому».

Городокъ, который построилъ Строгановъ, былъ названъ Канкоромъ; въ 1564 году, Григорій билъ челомъ, прося разрѣшенія поставить второй городокъ, названный Кергеданомъ, въ 20-ти верстахъ отъ перваго,— для защиты на случай нападенія изъ-за Урала Сибирскаго салтана. Въ 1568 году, Яковъ Строгановъ, отъ имени брата, просилъ Государя объ отдачѣ имъ земли еще на двадцать верстъ къ прежнему пожалованію по рѣкѣ Чусовой, а затѣмъ поставить здѣсь острожки для обороны края отъ сосѣдей инородцевъ, которыхъ возбуждалъ противъ Русскихъ Сибирскій царь Кучумъ.

Вскорѣ непріязненныя дѣйствія послѣдовали непосредственно и со стороны послѣдняго. Въ 1573 году, племянникъ Кучума, Маметкулъ, напалъ на обитавшихъ по Чусовой Остяковъ, Московскихъ даньщиковъ и убилъ Государева посла, ѣхавшаго въ Киргизъ-Кайсацкую Орду, образовав-

шуюся изъ части бывшихъ необъятныхъ владѣній Чингизъ-хана. Строгановы донесли о дѣйствіяхъ Кучума—Царю и просили разрѣшенія распространить свои владѣнія за Каменный Поясъ, по рѣкѣ Тоболу и притокамъ, обязуясь за это не только оборонять Московскихъ даньщиковъ—Вогуловъ и Остяковъ отъ Татаръ, но даже предпринять при надобности походъ и противъ самого Кучума.

Царь согласился на это, далъ Строгановымъ право укрѣпляться за Ураломъ, по Тоболу, Иртышу и Оби, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ имъ это было разрѣшено по Камѣ и по Чусовой, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ разрабатывать руду желѣзную, мѣдную, оловянную, свинцовую и сѣрную.

По поводу же предложенія Строганова вести наступательную войну противъ Кучума, въ Царской грамотѣ говорилось: «а на Сибирскаго салтана Якову и Григорію собирать охочихъ людей, Остяковъ, Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ и посылать ихъ воевать вмѣстѣ съ наемными казаками и съ нарядомъ (пушками), брать Сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань за насъ приводить».

Но Остяки, Вогуличи, Югричи и Самоѣды были плохими воинами, а потому для исполненія Государева повелѣнія, приведеннаго въ помянутой Царской грамотѣ, Строгановымъ пришлось прождать около десяти лѣтъ, пока случай не привелъ къ нимъ на службу казаковъ.

Мы говорили уже не разъ, что еще со временъ Татарскаго ига многіе предпріимчивые Русскіе люди, въ поискахъ за лучшей жизненной долей, переселялись на окраины Государства—въ широкое «Поле», разстилавшееся въ сторону Чернаго моря, и образовали здѣсь особое сословіе—казаковъ, изъ коихъ раньше другихъ упоминаются въ лѣтописяхъ казаки Рязанскіе. Это казачье населеніе оказывало Родинѣ неоцѣненную услугу, неся мирную пограничную службу, частью пѣшую, частью конную и зорко слѣдя за степными хищниками. Такіе служилые казаки, состоявшіе на службѣ у Государства, назывались *городовыми*. Но рядомъ съ городовыми казаками, существовало и вольное казачество, селившееся въ самой глуби степей. Это были уже полуосѣдлые люди, мало подчинявшіеся государственной власти и управлявшіеся своими выборными атаманами и «Общиннымъ кругомъ» (родомъ древнерусскаго вѣча). При этомъ, движеніе вольнаго казачества шло въ двухъ направленіяхъ: изъ юго-западной Руси оно направлялось, главнымъ образомъ, на берега Днѣпра, а изъ юго-восточной—на Донъ и его притоки; Днѣпровское казачество считалось за Польской короной, хотя, какъ мы видѣли изъ письма Баторія къ Крымскому хану, онъ сильно не долюбливалъ этихъ вольнолюбивыхъ подданныхъ. Донскіе же казаки числились за Москвой; Московскіе Государи также часто бывали недовольны ихъ самовольствомъ и запрещали городовымъ казакамъ уходить на Донъ. «А ослушаетъ кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты, Агриппина, велѣла казнить»—писалъ Іоаннъ Третій Рязанской великой княгинѣ про ея казаковъ.

Съ береговъ Дона казачья вольница распространилась на Терекъ и Волгу, а потомъ и на Яикъ, ведя постоянную борьбу съ Татарскими кочевниками, но занимаясь также и дерзкими грабежами не только иноземныхъ купцовъ, но и Царскихъ каравановъ съ товарами, и образовывая для этого цѣлые отряды *воровскихъ казаковъ*.

194. Іоаннъ Грозный приказываетъ ловить и казнить воровскихъ казаковъ. „Слышавъ благочестивый Царь Иоанъ Васильевичь на таковыхъ взыскание посла силныхъ своихъ вои, повѣле вся избити, а началныхъ поимавъ скончати, да не имутъ казны, его разбивати и пути запирати".

Изъ той же рукописи, что и рисунокъ 191, равно какъ и рисунки 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208 и 209.

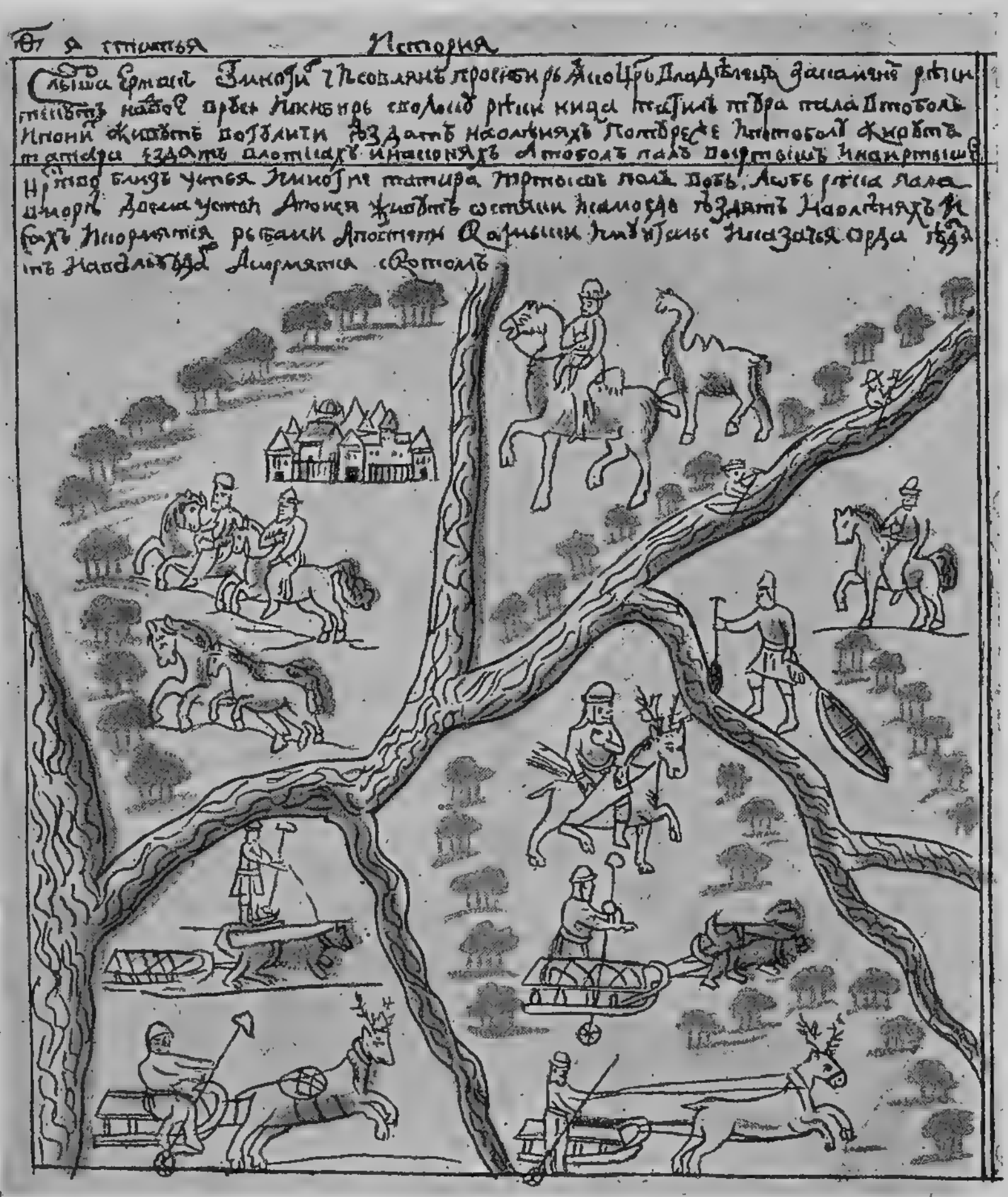
Особенно дерзко стали хозяйничать воровскіе казаки на Волгѣ въ семидесятыхъ годахъ шестнадцатаго вѣка; разгнѣванный Грозный Царь послалъ своихъ воеводъ ловить ихъ и казнить смертью. Часть этихъ казаковъ была поймана и перевѣшена, а другая—кинулась къ сѣверу, по

Волгѣ и Камѣ. Здѣсь къ нимъ пришла въ апрѣлѣ 1579 года грамота отъ Строгановыхъ, приглашавшая ихъ бросить воровскую жизнь, а поступить къ нимъ на службу въ Чусовые городки, чтобы воевать Сибирскихъ Татаръ и другихъ инородцевъ. Грамота эта была отъ сыновей, уже умершихъ къ этому времени, Якова и Григорія Строгановыхъ,—Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича и ихъ дяди—Семена Аникіевича. На это пригла-

195. Молодость Ермака. „Велій Господь Богъ нашъ христіянскій вѣкъ подаетъ рабомъ своимъ отъ рожьдения якожь Самсону исполинство, тако Ерману Тимофееву сыну Поволскому даде силу, спехъ и храбрость с млада во единство сердца и вседушно храбрѣствовати“.

шеніе откликнулись пять атамановъ и пришли къ нимъ со своими сотнями; атаманы эти были: Иванъ Кольцо, приговоренный Царскими воеводами къ смерти за разбои, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ и Ермакъ Тимофѣевъ, бывшій главнымъ вождемъ надъ всѣми остальными и скоро стяжавшій себѣ безсмертную память среди всѣхъ Русскихъ людей.

Къ величайшему сожалѣнію, свѣдѣнія о прошломъ этого великаго человѣка чрезвычайно скудны. По преданію, дѣдъ его былъ посадскимъ человѣкомъ города Суздаля и занимался извозомъ, а затѣмъ удалился изъ род-



196. Ермакъ собираетъ свѣдѣнія о Сибири. „Слыша Ермакъ отъ многихъ Чюсовлянъ про Сибирь, яко царь владѣлецъ; за Каменемъ рѣки текутъ на двое: в Русь и в Сибирь; съ волоку рѣки: Ница, Тагилъ, Тура пала в Таболъ, и по нихъ живутъ Вогуличи, ѣздятъ на олѣняхъ; по Турѣ же и по Таболу живутъ Татара, ездятъ в лоткахъ и на коняхъ; а Таболъ палъ в Ыртышъ, и на Иртыше царство близъ устья и многие Татара; і Иртышъ палъ в Обь, а Обь рѣка пала в морѣ двема устьи, а по ней живутъ Остяки и Самоедь ѣздятъ на оленяхъ и с[обак]ахъ и кормятся рыбами; а по степи Калмыки и Мунгалы и Казачья орда, ѣздятъ на вѣльбудахъ, а кормятся скотомъ".

ной земли, причемъ ставшій столь знаменитымъ внукъ его родился гдѣ-то въ Прикамской странѣ и получилъ при крещеніи имя Василія, а по инымъ извѣстіямъ Германа, или Ермолая, откуда сокращенное прозвище—Ермакъ; другіе, впрочемъ, утверждали, что послѣднее наименованіе идетъ съ того

времени, когда лихой атаманъ занималъ еще скромную должность кашевара въ Волжской станицѣ и мололъ хлѣбъ на «ермакѣ»—ручной мельницѣ. Ко времени появленія его у Строгановыхъ, это былъ настоящій Русскій богатырь, отважный и рѣшительный, предпріимчивый и умный, отлично знающій людей и закаленный, какъ въ борьбѣ съ суровой природой, такъ и со всѣми житейскими невзгодами. Ермакъ, кромѣ того, отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и умѣлъ во время сказаннымъ словомъ, исходившимъ изъ глубины его исполинской души, побуждать своихъ смѣлыхъ соратниковъ на безпримѣрные подвиги.

Прибывъ къ Строгановымъ, казацкіе атаманы два года оставались въ Чусовыхъ городкахъ, обороняя ихъ отъ сосѣднихъ инородцевъ и предпринимая поиски противъ Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ.

Въ то же время, они неустанно готовились къ своему главному дѣлу—большому походу на Кучумово царство и тщательно собирали всѣ необходимыя для этого свѣдѣнія. Всѣхъ казаковъ для предстоящаго имъ огромнаго предпріятія было только 540 человѣкъ; Строгановы придали имъ еще 300 ратныхъ людей, въ числѣ коихъ, кромѣ Русскихъ, были наемные Литовцы, Нѣмцы и Татары. Рѣшено было идти водой на стругахъ, которые должны были вести и запасъ продовольствія: ветчину, толокно, муку, крупу, соль, равно какъ и ружья, пищали, свинецъ и порохъ.

Въ этихъ приготовленіяхъ къ походу прошло все лѣто, и только въ сентябрѣ 1581 года отважные Русскіе герои, напутствуемые пожеланіями Максима Строганова, при звукахъ военныхъ трубъ и сопѣлей,—отплыли вверхъ по Чусовой. Отлично сознавая трудности и опасности, которыя имъ предстоятъ, сподвижники Ермака, во главѣ со своимъ доблестнымъ атаманомъ, рѣшили искупить этимъ походомъ, предпринимаемымъ ими во славу Родной Земли, всѣ свои прежнія тяжкія преступленія и постановили соблюдать строжайшее послушаніе своимъ начальникамъ и полную чистоту душевную, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній.

«И обѣщашася вси Максиму (Строганову)», говоритъ лѣтописецъ: «Аще Богъ управитъ путь намъ в добыче и здравіи імамы быти, заплатимъ і наградимъ по возвращеніи нашемъ; аще ли же избиени будемъ, да помянетъ насъ любовь твоя в вѣчномъ успѣніи, а чаемъ возвращенія ко отцамъ своимъ і матерямъ.... Было у Ѣрмака два сверсника, Іванъ Колцевъ, Іванъ Гроза, Богданъ Брязга, і выборныхъ есауловъ 4 человѣка, тожъ і полковыхъ писареі, трубачи і сурначи, литавръшики і барабаншики, сотники і пятидесятники і десятники съ рядовыми и знаменшики чиномъ, да три попа, да старецъ бродяга, ходилъ бѣзъ черныхъ ризъ, а правило правилъ и каши варилъ и припасы зналъ и кругъ церковный справно зналъ; и указъ на преступленіе чинили жъгутами, а хто подумаетъ ототти отъ нихъ и ізменити, не хотя быти, і тому по донски указъ: насыпавъ песку в пазуху і посадя в мешокъ, в воду. И темъ у Ермака вси укрепилися; а больши 20 человѣка с пескомъ і каменіемъ в Сылве (названіе-рѣчки) угружены. Блудъ

же і нечистота в нихъ в великомъ запрещеніи і мерска, а согрѣшившаго, объмывши 3 дни, держать на чепи».

Проплывъ четыре дня по Чусовой и два дня по ея притоку—рѣчкѣ Серебрянкѣ,—наши удальцы достигли волока, который отдѣляетъ притоки Камы отъ притоковъ рѣкъ, впадающихъ въ Обь, текущую уже по Сибири.

Построивъ на этомъ волокѣ для своей защиты земляной городокъ и назвавъ его Кокуемъ-городкомъ, сподвижники Ермака стали перетаскивать на рукахъ свои суда въ ближайщую рѣчку Жеравлю; но это удалось только относительно самыхъ легкихъ струговъ; болѣе же тяжелые безнадежно застряли на волокѣ; а между тѣмъ быстро наступили осенніе холода и рѣки стали сковываться льдомъ. Но смѣлые Русскіе люди, шедшіе искать себѣ славы въ глубь невѣдомой далекой страны, не смутились этимъ. Они рѣшили перезимовать въ Кокуѣ-городкѣ и дѣятельно готовились къ подвигамъ, предстоящимъ съ наступленіемъ весенняго половодья; часть изъ нихъ взялась за топоры и строила новые струги по Жеравлѣ, а другіе на нартахъ и лыжахъ занимались охотой и предпринимали поиски въ ближайшія Вогульскія становища—за съѣстными припасами.

Такъ наступила весна 1582 года. Когда ледъ стаялъ, Ермакъ со своими казаками пустился въ дальнѣйшій путь; изъ Жеравли они вошли въ Баранчу, изъ Баранчи въ Тагиль, а Тагилемъ выплыли въ Туру, притокъ Тобола, и вступили въ предѣлы владѣній Кучума.

Скоро произошла ихъ первая боевая встрѣча съ противникомъ; на берегахъ Туры стоялъ юртъ Тюмень, повидимому, родственника Кучума—князя Епанчи. Онъ встрѣтилъ Русскихъ пришельцевъ тучей стрѣлъ съ берега, но затѣмъ въ ужасѣ бѣжалъ, услыша незнакомый ему громъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ. Вслѣдъ за тѣмъ наши герои, выйдя въ Тоболъ, встрѣтили Татаръ у устья рѣки Тавды и опять на голову разгромили ихъ, причемъ былъ захваченъ одинъ изъ принадлежавшихъ къ Кучумову двору, по имени Таузакъ. Получивъ отъ него всѣ свѣдѣнія, необходимыя для дальнѣйшаго похода, Ермакъ съ честью отпустилъ его домой. Таузакъ-же, придя къ Кучуму, съ ужасомъ разсказывалъ ему про храбрость Русскихъ и ихъ огнестрѣльное оружіе: «Таковы бо суть рустіи воини сильніи: егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огнь пашетъ и дымъ великъ исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси, а стрѣлъ, исходящихъ отъ нихъ, не видати; уязвляютъ ранами и смертно побиваютъ, а ущетитца отъ нея никакими ратными збруями невозможно; куяки и бехтерцы и пансыри и колчюги наши не держатъ; все пробиваютъ на вылетъ». Такъ говоритъ про это лѣтопись, называемая Строгановской. Другая же лѣтопись, Кунгурская или Ремезовская, изъ которой заимствованы приводимые въ настоящей книгѣ рисунки, повѣствуетъ, что послѣ взятія Тюмени казаки захватили въ плѣнъ Кучумова дворецкаго Кутугая, который былъ затѣмъ милостиво отпущенъ Ермакомъ съ подарками для Кучума и привезъ ему первыя свѣдѣнія о Русскихъ и объ ихъ страшномъ огнестрѣльномъ оружіи.

Какъ бы то ни было, узнавъ о появленіи казаковъ въ своихъ предѣлахъ, Кучумъ сильно затужилъ, тѣмъ болѣе, что волхвы и разныя знаменія уже предрекали ему приходъ Русскихъ и скорое паденіе его царства. Однако, Кучумъ не палъ духомъ и рѣшилъ обороняться до послѣд-

197. „Ермакъ жъ вопрошаше его с вѣликою честию о царѣ Кучюмѣ и о всемъ житіи его; похваляюще ихъ, глаголаше ему, яко в гости приехалъ, показующе казацы храбрость свою и стрелбу огненную и 5 человѣкъ атамановъ... Ермакъ же, отпустивъ е[го] къ Кучюму чесно и подаривъ Кучюму и челобитье и трезубъ, гостинца і всемъ женамъ, челобитье княземъ и мурзамъ и протчимъ людѣмъ посла и сказа, яко вспять возвратится в Русь".

ней крайности. Это былъ глубокій старикъ, совершенно уже слѣпой, но смѣлый, рѣшительный и коварный. Онъ послалъ тотчасъ же за князьями и мурзами, а также за подвластными инородцами—Остяками и Вогулами, и главное начальство надъ этимъ отрядомъ ввѣрилъ своему

*

храброму племяннику Маметкулу, который двинулся навстрѣчу нашей горсти удальцовъ, плывшихъ на своихъ стругахъ,—съ цѣлью преградить имъ, близъ впаденія Тобола въ Иртышъ, путь къ столицѣ—городу Сибири, лежавшему нѣсколько ниже по Иртышу. Скоро начался рядъ

198. „Оттолѣ поплыша внизъ по Тоболу июня въ 29 день и доплы[ша] до урочища Караулнаго Яру; ту бе на Тоболѣ место уское; Кучюмляне же оградиша чрѣзъ цѣпми железными, яко да удѣржатъ вся струги и казаковъ убиютъ;... и ту бишась 3 дни день и нощь, нещаднѣ; казацы жь одолѣша и цѣпи разломаша и проплыша с кусты таловыми".

кровопролитныхъ битвъ; по разсказу Ремезовской лѣтописи, воины Кучума загородили Тоболъ въ узкомъ мѣстѣ, близъ урочища Караульнаго Яра, цѣпями, въ ожиданіи Русскихъ; Ермакъ со своими героями безъ отдыху дрался здѣсь трое сутокъ и, наконецъ, пробился; слѣдующая встрѣча произошла на берегу Тобола въ урочищѣ Бабасанѣ. Казаки вышли на

берегъ и смѣло вступили въ сраженіе съ конницей Маметкула, коей было свыше 10.000 человѣкъ; она понеслась во весь духъ на окопы, сооруженные нашими смѣльчаками, но затѣмъ еще быстрѣе кинулась назадъ, поражен-

199. И по явлѣнию Спаситѣлеву, Его жь образъ, знамя любѣзное казакомъ, самовластно с мѣста и поиде преди внизъ по левому брегу Тоболу рѣки; видѣвше Ермакъ и казацы единодушно за немъ погрѣбоша по брѣгу тому; погании жь пустиша бесчисленно стрѣлъ, аки дожда, съ горы на струги; и сие мѣсто, спасени Богомъ, яко и власу ихъ не врежьдѣну бывшу, проплы; егда жь проплы, знамя само на свое мѣсто ста"...

ная громомъ выстрѣловъ Русскихъ пищалей. Маметкулъ бѣжалъ, но затѣмъ Татары заняли крутой берегъ Тобола у урочища Долгій Яръ. При видѣ безчисленнаго множества непріятеля, у соратниковъ Ермака упало было сердце, и они пристали къ острову выше Долгаго Яра. Но затѣмъ, сотво-

ривъ горячую молитву Святой Троицѣ и Пречистой Богородицѣ, они смѣло сѣли опять на ладьи и благополучно прошли мимо опаснаго мѣста, осыпаемые безчисленнымъ количествомъ стрѣлъ, причемъ, по преданію,

200. Взятіе города Карачина. „Августа въ 1 день рабъ Божий Германъ с предоброю и единодушною дружиною своею пребываше в постѣ, и зъ Божиею помощию устремлишася на городъ Карачинъ, думного Кучюмова боярина Карачи, и въ той часъ сражения ихъ паки видѣша бусурманы и сами Гърманъ и казаки самообразно Спаса помогающа и отвращающа лѣтящи стрѣлы на ня, вящее вооружишася секуще, в конецъ бусурманъ умервщляша, видѣвше на себѣ явную Божию милость и помощь твѣрду".

шедшее въ передней ладьѣ казацкое знамя съ образомъ Всемилостивѣйшаго Спаса—само пошло впереди всѣхъ по водѣ, до тѣхъ поръ, пока отрядъ не проплылъ благополучно мимо врага. Идя дальше по Тоболу, казаки

овладѣли городомъ Карачинымъ, принадлежавшимъ одному изъ приближенныхъ къ Кучуму вельжомъ и захватили тамъ множество скота, меда и другихъ припасовъ. Затѣмъ они вошли въ Иртышъ, взяли на его берегу

201. „И тотъ градъ Карачинъ взяша и в немъ бѣзчисленное богатс[т]во, злата и сребра и камения драгаго и жемчюгу и меду доволно и скота, и седоша ту 2 недѣли Госпожина поста; пребывше зелнѣ въ постѣ і в молитвахъ со всеусердиемъ моляшеся Богу, чтобы сохранилъ живыхъ рукъ и подалъ побѣду на вся бусурманы....“.

городокъ, принадлежавшій мурзѣ Атику, и стали думать, что дѣлать дальше.

Между тѣмъ Кучумъ, собравъ всѣ свои силы, расположился неподалеку, пылая жаждой раздавить нашъ ничтожный по числу отрядъ, еще уменьшившійся отъ потерь въ бояхъ; на дворѣ стояла поздняя осень, и всѣ

рѣки должны были скоро вновь надолго сковаться льдомъ. На собранномъ казачьемъ кругу нѣкоторые совѣтовали отступить, но болѣе отважные, во главѣ съ доблестнымъ Ермакомъ, держали другую рѣчь, подобную тѣмъ безсмертнымъ словамъ, которыя сказалъ великій Святославъ своимъ воинамъ въ канунъ битвы подъ Доростоломъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ казачьемъ кругу, имѣвшемъ мѣсто 22 октября 1582 года, Строгановская лѣтопись: «Иніи начаша мыслити і глаголати: «Лучте бы намъ было аще отъидемъ отъ нихъ в отходъ». А иніи же сопротивъ глаголаху жестостию твердо: «О, братія наша единомысленная, камо намъ бѣжати, уже осени достигши, и в рѣкахъ ледъ смерзается; не дадимся бѣгству и тоя худыя славы себѣ не получимъ, ни укоризны на себе не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога; не отъ многихъ бо вои побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощъ дается; можетъ бо и беспомощнымъ Богъ помощи..... Воспомянемъ, братие, обещаніе свое, како мы честнымъ людемъ предъ Богомъ обѣты и слово свое даша, и увѣрившеся крестнымъ цѣлованіемъ, елико всемогій Богъ намъ помощи подастъ, а отнюдь не побѣжати, хотя до единаго всѣмъ умрети, а вспять возвратитися не можемъ срама ради и преступленія ради слова своего, еже съ клятвою обѣщахомся; аще намъ всемогій, в Троицы славимый Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ в тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ». Эта мужественная рѣчь глубоко проникла въ благородныя сердца всѣхъ присутствующихъ. Атаманы и казаки единогласно постановили: «Вкупѣ готови умерети за святыя Божия церкви и за истинную православную вѣру пострадати и благочестивому государю царю і великому князю Івану Васильевичю всеа Русіи послужимъ и постоимъ противъ поганыхъ твердо и до самыя смерти, и того, братіе, не пременимъ обѣта своего и вси единодушно на томъ станемъ непоколебими». Затѣмъ всѣ начали готовиться къ предстоящему грозному бою.

Когда прошла ночь, и стало свѣтать: «Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печашеся и рече дружинѣ своей со слезами: «О друзи и братия, помолимся Богу и пречистой Его Богоматери і всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, дабы сохранены были отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ нашествия». Затѣмъ онъ вывелъ своихъ храбрецовъ изъ городка Атика мурзы и смѣло двинулъ ихъ на приступъ противъ Татаръ, засѣвшихъ за крѣпкую засѣку.

Начался страшный бой. Татары встрѣтили нашихъ тьмою стрѣлъ съ верху засѣки и изъ бойницъ, и переранили ими и убили многихъ людей Ермака. Послѣ этого, ободренные своимъ успѣхомъ, поганые сами разобрали засѣку въ трехъ мѣстахъ «і изыдоша на выласку, надѣяхуся казаковъ невозвратному бѣгству предати. І в то время на выласке составишася брань велия, крѣпко бьющеся, дондеже другъ друга за руки емлюще сечахуся». Но доблестные казаки, воодушевляемые своимъ великимъ вождемъ, сражаясь одинъ противъ десяти или двадцати враговъ, все же одержали верхъ, и Татары бросились, наконецъ, назадъ. Наши ворвались

за ними вслѣдъ въ засѣку и поспѣшили водрузить на ней свои знамена. Скоро былъ раненъ храбрый царевичъ Маметкулъ и увезенъ Татарами въ ладьѣ на другой берегъ Иртыша. Вслѣдъ за тѣмъ и Остяцкіе князья оставили Татаръ и «отоидоша с своими людми кождо восвояси». Престарѣлый

202. Главная битва съ Кучумомъ 23 октября. „Умыслиша жь вси казацы на совѣршенный ударъ и се брань 4 с Кучюмляны... И разишася вси воедино, и бысть брань вѣлия октября въ 23 день, емлющесь за руки, секущѣ противныя своя. Кучюму же с горы стреляющу, казацы жь огнемъ поганыхъ множество попаляша бѣзъ исцѣлѣнии, убиваша; погании жѣ, нудими Кучюмомъ, отъ казаковъ велми оскудѣваша, плакашася, невольно биющеся, умирающе".

Кучумъ находился на высокой горѣ, куда ему посылали донесенія о ходѣ боя. Когда онъ убѣдился, что сраженіе безповоротно проиграно, то онъ воскликнулъ съ горькимъ плачемъ: «О мурзы и улланове, побежимъ, не медлимъ; сами бо видимъ своего царства лишение; силніи наши изнемогоша

і храбріи воины вси побьени быша. О, горе мнѣ... Покры срамота лицо мое: кто мя победи и царства моего лиши? Простыхъ бо людей послаша на мя Строгановы... атамановъ и казаковъ Ермака с товарыщи, не со многими своими людми, и той насъ нашедъ победи и толика намъ зла сотвори: воинство мое избиша и сына моего уязвиша, еле жива отъ нихъ увезоша, и мене самого посрами и отъ царства моего отгна»...

Эта безпримѣрная побѣда была одержана Ермакомъ и его сподвижниками 23 октября 1582 года, въ день памяти Святого апостола Іакова, брата Господня.

Кучумъ съ поля битвы бросился къ своей столицѣ—городу Сибири, и захвативъ въ немъ часть драгоцѣнностей, побѣжалъ дальше на югъ—въ Ишимскія степи. Черезъ три дня послѣ боя, 26 октября, въ день Святого великомученика Димитрія Солунскаго, Ермакъ со своимъ маленькимъ войскомъ вошелъ вслѣдъ за Кучумомъ въ городъ Сибирь; они застали его совершенно пустымъ, но нашли много цѣнной добычи: золото, серебро и рѣдчайшіе мѣха. Нѣсколько дней спустя начали возвращаться жители и приносить своимъ побѣдителямъ дары и съѣстные припасы.

Съ завоеваніемъ Кучумовой столицы огромное дѣло было сдѣлано казаками, но впереди предстояли еще неменьшіе подвиги и опасности.

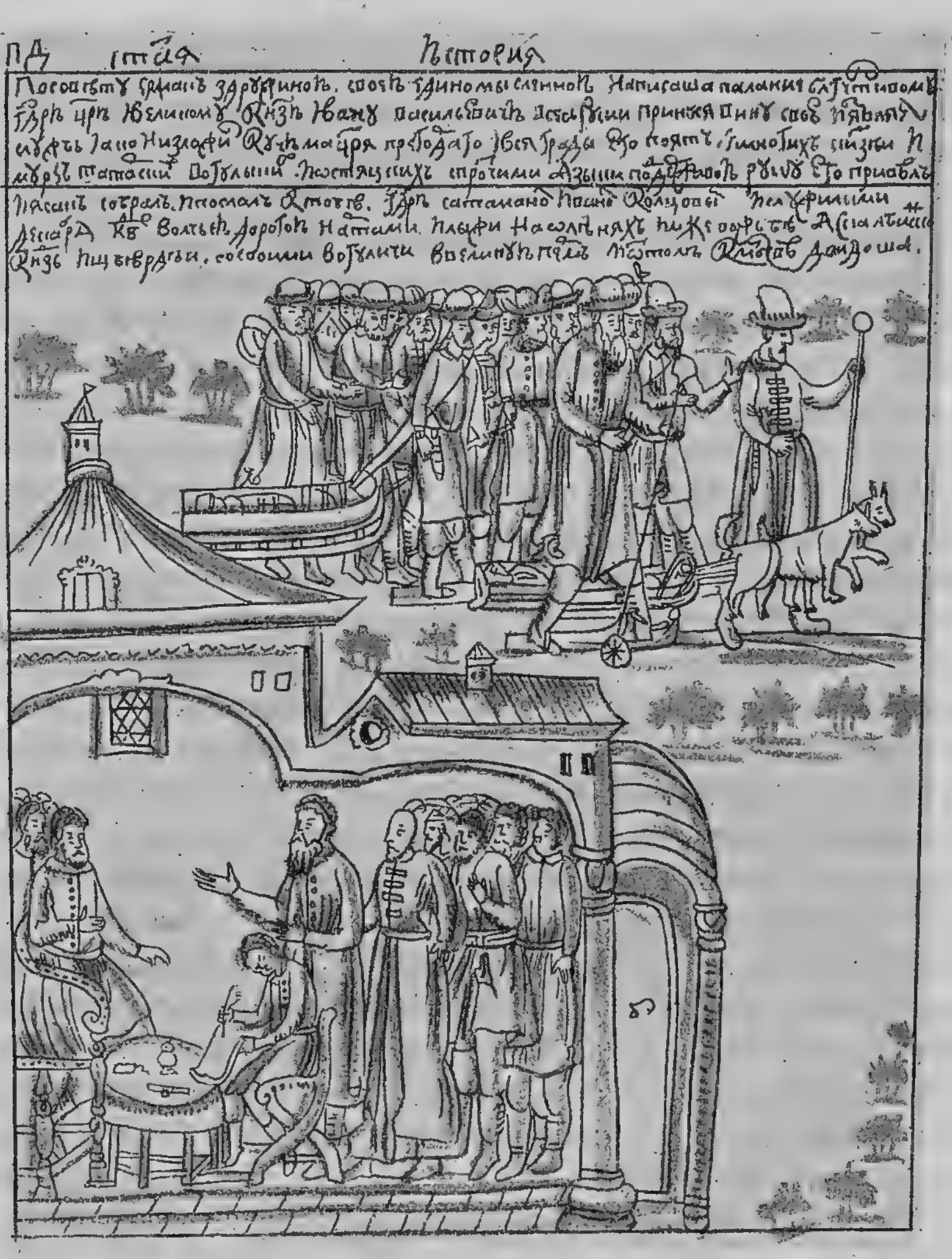
Кучумъ съ прежнимъ упорствомъ рѣшилъ продолжать защиту своихъ владѣній, а царевичъ Маметкулъ быстро оправился отъ полученныхъ ранъ и искалъ только случая, чтобы отомстить Русскимъ. Скоро случай этотъ представился: 20 казаковъ ловили рыбу на Абалацкомъ озерѣ, а затѣмъ безпечно предались сну. Маметкулъ подкрался къ нимъ и вырѣзалъ 19 человѣкъ; только одинъ спасся, чтобы привезти печальную новость, сильно огорчившую Ермака, отрядъ котораго и безъ того уже очень уменьшился. Впрочемъ, храбрый атаманъ ревностно продолжалъ свое великое дѣло—распространять Русское владычество въ Сибири, и далеко разсылалъ своихъ помощниковъ въ разныхъ направленіяхъ для приведенія Сибирскихъ инородцевъ подъ высокую руку Московскаго Государя и для сбора съ нихъ ясака, причемъ въ этихъ походахъ отряды его должны были нерѣдко вести кровавые бои.

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1583 года, Ермаку посчастливилось узнать о мѣстонахожденіи царевича Маметкула. Онъ немедленно выступилъ противъ него, внезапно напалъ ночью на его станъ, перебилъ многихъ Татаръ, а самого Маметкула захватилъ въ плѣнъ. Это было страшнымъ ударомъ для Кучума, такъ какъ Маметкулъ былъ для него незамѣнимымъ помощникомъ въ борьбѣ съ казаками. Скоро и другія неудачи постигли престарѣлаго и слѣпого Сибирскаго царя: его бывшіе враги, съ которыми онъ воевалъ изъ-за обладанія Сибирью, ополчились теперь на него, а подвластные люди покидали одинъ за другимъ. Старый Кучумъ горько плакался на свою судьбу, но рѣшилъ вести борьбу до конца. А между тѣмъ у его страшнаго врага—Ермака Тимофѣевича—людей и запасовъ становилось все меньше и меньше.

Онъ давно уже послалъ вѣсть Строгановымъ о своихъ успѣхахъ, а также рѣшилъ снарядить посольство изъ нѣсколькихъ казаковъ къ самому Грозному Царю, ударить ему челомъ Сибирскимъ царствомъ и просить прислать на подмогу Царскихъ ратныхъ людей. Во главѣ этого посольства былъ отправленъ съ дорогими Сибирскими соболями атаманъ Иванъ Кольцо, приговоренный Государемъ къ смертной казни за прежнія воровскія дѣла на Волгѣ. Между тѣмъ, съ друзьями и покровителями Ермака—Строгановыми—случилась бѣда. Не успѣлъ Ермакъ съ товарищами выступить по Чусовой для покоренія Сибирскаго Царства, какъ на наши Пермскія мѣста, Чердынь и Строгановскія владѣнія, напалъ Пелымскій князь. Жившій въ Чердыни Царскій воевода Пелепелицынъ, не ладившій со Строгановыми, донесъ объ этомъ Государю съ жалобой на нихъ, что они, вмѣсто того, чтобы защищать Пермскія мѣста, какъ обязывались передъ правительствомъ, за что и получили разрѣшеніе имѣть своихъ ратныхъ людей, отправили казаковъ воевать Сибирскаго салтана. Жалоба Пелепелицына возымѣла свое дѣйствіе, и Іоаннъ прислалъ Строгановымъ грозную грамоту; повторивъ въ ней изложенное въ донесеніи своего воеводы, Государь писалъ: «....1 сентября отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищами пошли воевать Вогуличей, а Перми не пособили. Все это сдѣлалось вашимъ воровствомъ и измѣною; если бы вы намъ служили, то вы бы казаковъ въ это время на войну не посылали, а послали бы ихъ и своихъ людей изъ остроговъ Пермскую Землю оберегать... Непремѣнно, по этой нашей грамотѣ, отошлите въ Чердынь всѣхъ казаковъ, какъ только они къ вамъ съ войны воротятся, у себя ихъ не держите... А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь Волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимофѣева съ товарищами, станете держать ихъ у себя... то мы за то на васъ опалу свою положимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу Землю выдали, велимъ перевѣшать».

Ясное дѣло, какъ обрадовались Строгановы, получивъ неожиданную вѣсть о необычайныхъ успѣхахъ Ермака. Они лично поспѣшили въ Москву доложить о нихъ Государю, который былъ, разумѣется, тоже чрезвычайно обрадованъ, и пожаловалъ ихъ новыми землями и льготами. Затѣмъ прибылъ въ Москву и славный атаманъ Иванъ Кольцо. Конечно, о его прошлыхъ грѣхахъ не было и помина. Самъ Царь принялъ посольство, милостиво разспрашивалъ про совершенные подвиги и пожаловалъ казаковъ своимъ великимъ жалованьемъ, деньгами, суконами, камками; также пожаловалъ Государь своимъ полнымъ большимъ жалованьемъ и казаковъ, оставшихся въ Сибири, а Ермаку особо послалъ съ Иваномъ Кольцо—два панцыря, кубокъ, сукно и шубу со своего Царскаго плеча. Для принятія отъ казаковъ завоеванныхъ Сибирскихъ городовъ были отправлены воеводы: князь Семенъ Болховской и Иванъ Глуховъ съ нѣсколькими сотнями ратныхъ людей. Плѣннаго же царевича Маметкула Государь приказалъ доставить въ Москву, гдѣ онъ былъ пожалованъ вотчинами и поступилъ на нашу службу.

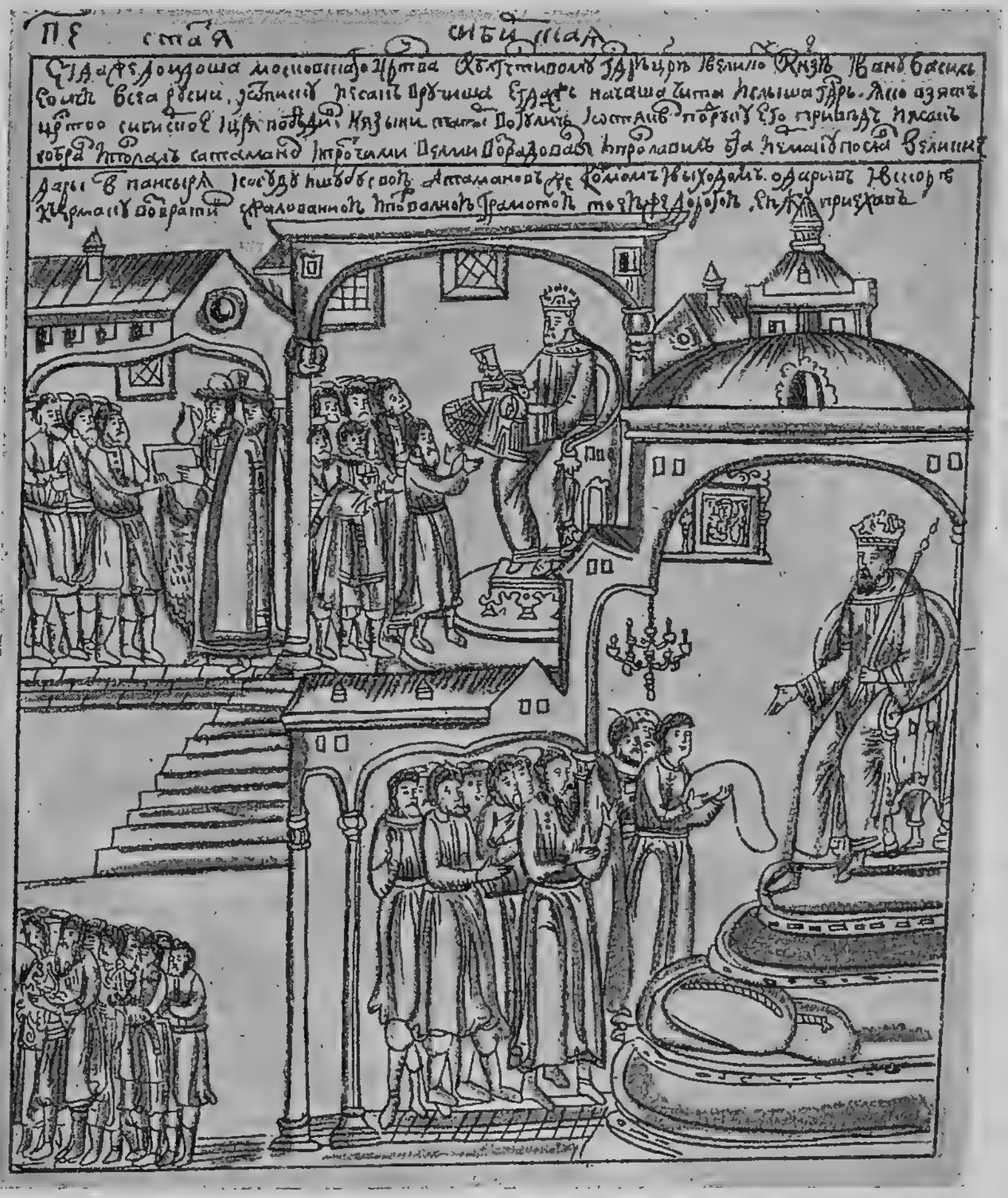
Пока Иванъ Кольцо съ товарищами правилъ свое посольство въ Москвѣ, Ермакъ съ остальными казаками не оставался праздным и ходилъ изъ города Сибири по Иртышу и Оби, чтобы докончить обложеніемъ



203, Отправленіе Ивана Кольцо съ посольствомъ къ Царю. „По совѣту Ермакъ з дружиною своею единомысленною написаше послание благочестивому государю царю і великому князю Івану Васильевичю всеа Русии, принося вину свою, изъявляя службу, яко низложилъ Кучюма царя.... и послалъ къ тебѣ государю с атаманомъ Иваномъ Колцовымъ и служилыми декабря 22 день волчьею дорогою, нартами и лыжи на олѣняхъ; им же вожь бѣ Яскалбинской князь Ишбѣрдѣй со своими Вогуличи в Великую Пермь, и оттолѣ к Москвѣ дойдоша".

данью Остяцкія и Вогульскія волости, входившія во владѣнія Кучумова царства; при этомъ, на приступѣ Остяцкаго города Казыма былъ убитъ одинъ изъ пяти славныхъ атамановъ—Никита Панъ.

Осенью 1583 года прибыли къ Ермаку Иванъ Кольцо съ Государевымъ великимъ жалованьемъ и князь Семенъ Болховской съ ратной помощью. Онъ привелъ съ собой 300 человѣкъ; этого количества людей было, конечно, недостаточно, чтобы упрочить завоеваніе огром-



204. Іоаннъ Грозный принимаетъ посольство Ивана Кольцо. „Егда же доидоша Московскаго царства к благочестивому государю і велиному князю Івану Васильевичю всеа Русии, і отписку и есанъ вручиша; егда жь начаша чести, и слыша государь, яко взятъ царство Сибирское і царя побѣдивъ, и языки Татаръ, Вогуличь і Остяковъ подъ руку его привѣдъ и ясакъ собралъ и послалъ с атаманомъ и протчими, велми возрадовался и прославилъ Бога и Ермаку послалъ великие дары: 2 пансыря і сосуду и шубу свою, атамановъ же кормомъ і выходомъ одаривъ, і вскорѣ къ Ермаку возвратилъ с жалованною и похвалною грамотою тоею же дорогою, ею жъ приехаша“.

наго Сибирскаго царства. Но прибытіе ихъ поздней осенью, когда нельзя уже было собрать продовольствія, до-нельзя стѣснило соратниковъ Ермака, которые сами были очень скудно снабжены запасами пищи. Съ наступле-

ніемъ зимы начались страшныя лишенія и голодовки, отъ которыхъ много людей поболѣло цынгой и померло; въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ князь Болховской. Только когда опять стала весна, обстоятельства маленькой

205. Прибытіе князя Семена Болховского къ Ермаку. „....маия съ 10 числа, посланы воеводы с Москвы къ Ермаку... князь Семенъ Болховской да Иванъ Глухой съ 500 человѣки... Егда жь доехаша до Сибири ноября въ 2 день, зимъ жъ пришедши и гладу вѣлию припадшу, яко понудитися и тела человѣческие ясти, и о[тъ] гладу мнози изомроша і воеводы. Весне жъ приспевши, Татара и Остяки отъ новинъ своихъ рыбы і овощи и запасы принесоша, и казаки отъ гладу насытишася".

дружины Ермака поправились: обитавшіе по сосѣдству Татары и Остяки начали носить имъ рыбу и овощи.

Однако, вслѣдъ за тѣмъ, для нашихъ героевъ наступила полоса неудачъ.

Одинъ изъ мѣстныхъ князьковъ-данниковъ, бывшій карача или совѣтникъ Кучума, прислалъ къ Ермаку съ просьбой защитить его отъ Кайсацской (Ногайской—сказано въ лѣтописи) Орды, причемъ клялся въ своей вѣрности. Ермакъ повѣрилъ и отправилъ къ нему на помощь Ивана Кольцо съ 40 казаками; но карача оказался измѣнникомъ и вѣроломно убилъ довѣрчиваго Ивана Кольцо и его спутниковъ. Потеря ихъ была тяжелымъ ударомъ для Ермака, тѣмъ болѣе, что послѣ этого убійства сейчасъ же вспыхнулъ мятежъ среди многихъ изъ нашихъ данниковъ, соединившихся съ измѣнникомъ карачей; повидимому, всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ самъ престарѣлый Кучумъ. Чтобы наказать за вѣроломное убіеніе своихъ сподвижниковъ, Ермакъ выслалъ противъ карачи атамана Якова Михайлова съ небольшой дружиной, но и Яковъ Михайловъ со своими людьми также былъ убитъ, вѣроятно, наткнувшись на засаду. Вслѣдъ за тѣмъ карача, собравъ огромныя полчища Татаръ и Остяковъ, подошелъ къ самому городу Сибири и осадилъ его.

У доблестнаго Ермака было въ это время уже мало людей послѣ всѣхъ понесенныхъ потерь; поэтому онъ заперся въ городѣ и сѣлъ въ крѣпкую осаду. Скоро припасы стали приходить къ концу и карача надѣялся выморить всѣхъ Русскихъ голодомъ. Однако, этого не случилось. Въ ночь на 9 мая, подъ праздникъ Святого Николы, казаки, усердно помолившись Богу и Его великому угоднику, раздѣлились на двѣ части: одна осталась оборонять городъ, а другая съ атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ тайно подобралась къ лагерю самого карачи, находившемуся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главнаго стана поганыхъ, и неожиданно ударила на спящихъ враговъ; множество ихъ было убито на мѣстѣ, въ томъ числѣ два сына карачи; самъ же онъ спасся бѣгствомъ. На разсвѣтѣ непріятель вышелъ изъ своего главнаго стана и со всѣхъ сторонъ окружилъ казаковъ, засѣвшихъ въ карачинскомъ лагерѣ; но наши безстрашные храбрецы огородили себя повозками и мужественно встрѣтили врага мѣткимъ ружейнымъ огнемъ. Татары не выдержали и побѣжали.

Такимъ образомъ, городъ Сибирь освободился отъ осады, и окрестныя племена вновь признали себя нашими данниками. Ермакъ-же предпринялъ послѣ этого еще одинъ удачный походъ вверхъ по Иртышу, чтобы распространить на востокъ наши владѣнія.

Это было его послѣднимъ подвигомъ. Едва онъ вернулся въ городъ Сибирь и расположился для отдыха, какъ ему дали знать, что бывшій царь Кучумъ преграждаетъ путь караванамъ Бухарскихъ купцовъ, идущихъ къ намъ. Повѣривъ этому извѣстію, повидимому вымышленному, безстрашный атаманъ взялъ съ собой 50 казаковъ, и въ первыхъ числахъ августа поплылъ вверхъ по Иртышу навстрѣчу Бухарцамъ. Но ни о нихъ, ни о Кучумѣ нигдѣ не было никакого слуха. При этихъ обстоятельствахъ, близъ устья рѣки Вагая, нашихъ удальцовъ застигла ночь. Причаливъ свои струги къ острову, образуемому рукавами Иртыша, казаки сочли себя въ полной безопасности и расположились на ночлегъ, не принявъ

никакихъ мѣръ предосторожности. А между тѣмъ, коварный Кучумъ былъ недалеко и тайно слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями. Узнавъ, что казаки рѣшили заночевать на островѣ, старый ханъ послалъ одного Татарина, приговореннаго къ смертной казни, развѣдать, нѣтъ ли къ этому острову

206. Карача осаждаетъ городъ Сибирь. Того жъ .... году, марта въ 12 день, въ Вѣликий постъ, пришедъ Карача подъ Сибирь со многими вои и облежъ градъ обозами и табары, самъ жъ ста въ Саускансной лукѣ, отъ града 3 поприща, и стоя до пролѣтия и многую гибѣлную поруху казакомъ нанесе гибѣлно".

коннаго брода, обѣщая ему помилованіе въ случаѣ удачи. Татаринъ вернулся, сказавъ, что бродъ есть, и при этомъ сообщилъ о полной безпечности казаковъ. Кучумъ сначала не повѣрилъ, но когда тотъ же Татаринъ вторично отправился на островъ и принесъ три казацкихъ пищали и три лядунки съ порохомъ, то Кучумъ отправилъ туда своихъ людей. Они незамѣтно подкрались къ спящимъ и начали ихъ безпощадно убивать, при-

чемъ спасся только одинъ, привезшій оставшимся въ Сибири казакамъ печальную вѣсть о гибели ихъ атамана. Самъ Ермакъ, когда проснулся, кинулся къ своему стругу, но не могъ вскочить въ него, одѣтый въ тяжелый жалованный Царскій панцырь, и, попавъ въ глубокое мѣсто, потонулъ.

207. Гибель Ермака. „Бѣ бо у Кучюма Татаринъ в смертной казни, и сего посла провѣдати Ермака и броду чрезъ перѣкопь; Татарин жѣ перебредъ и виде казаковъ всехъ спящихъ, возвѣстивъ Кучюму; и не верно бѣ, и паки посла, вѣле унѣсти что; и пришедъ второе, взятъ 3 пищали и 3 лядунки, и принесе; бѣ жѣ нощи тоя дождь умноженъ, яко судбами Божиими постижѣ рокъ, и приидѣ на воиновъ смерть“.

13 августа тѣло Ермака было прибито къ берегу, подъ Епанчинскіе юрты. Ловившій въ это время рыбу Татаринъ Янышъ, увидя человѣческія ноги, накинулъ на нихъ петлю и вытащилъ богатыря, одѣтаго въ панцырь. Когда сбѣжались всѣ Татары и стали снимать съ него одежду, то изо рта

и носа лихого атамана, по словамъ лѣтописи, хлынула кровь, какъ изъ живого человѣка. Обнаженное тѣло Ермака было выставлено на показъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ, которые стали колоть его своими копьями и пронизывать стрѣлами изъ луковъ. Когда же они убѣдились, что кровь продолжаетъ течь изъ него, какъ изъ живого, а вьющіяся надъ нимъ птицы

208. Татары находятъ тѣло Ермака, прибитое къ берегу. „Уразумѣ[ша] вси по пансыремъ, яко Ермакъ, и знающе, что государь прислалъ ему 2 пансыря, и каковы видеша; егда жь начаше снимать Кайдаулъ мурза с него, тогда поиде кровъ изъ рота и изъ носа, что изъ жива человѣка... и положиша его нага на лабазѣ и послаша пословъ во окрестные городки, да сидутся видѣти нетленнаго Ермака, точащаго кровъ живу".

не рѣшаются начать клевать трупъ, то поганыхъ объялъ ужасъ: они приняли Ермака за бога и похоронили по своему обряду подъ кудрявой сосной, послѣ чего раздѣлили его панцырь и одежду и устроили богатѣйшую тризну, заколовъ 30 быковъ и десять барановъ.

Такъ погибъ Ермакъ.

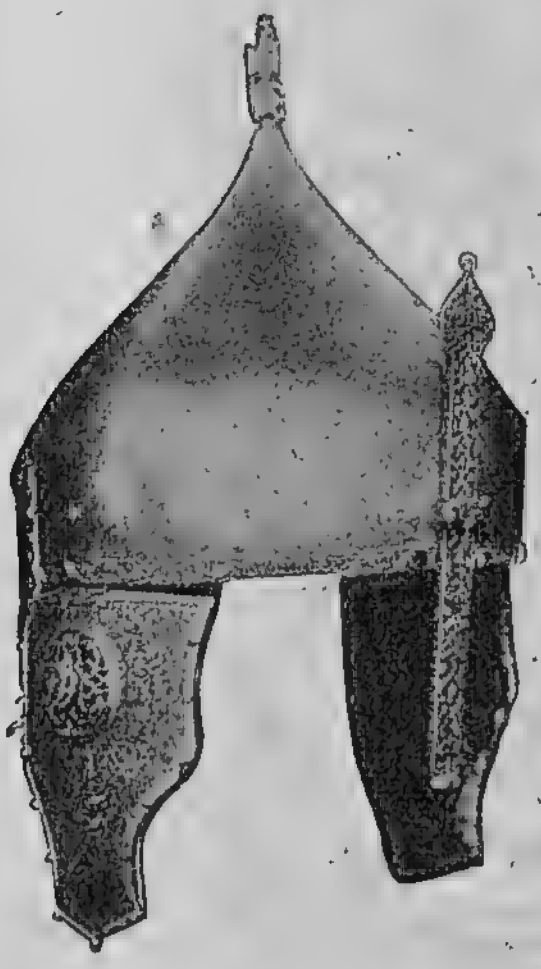
Лишившись своего славнаго атамана, остальные казаки рѣшили вернуться домой, и сѣвши на суда, они спустились внизъ по Иртышу и Оби къ Каменному Поясу—вмѣстѣ со стрѣлецкимъ головой Глуховымъ и послѣднимъ, оставшимся въ живыхъ атаманомъ,—Матвѣемъ Мещеряком̀ъ. Всего ихъ было только полтораста человѣкъ.

209. Тризна по Ермаку. „И нарѣкоша его богомъ и погрѣбоша по своему закону на Баишевскомъ кладбище подъ кудрявую сосну... и собраша... на поминки 30 быковъ, 10 барановъ и учиниша жрѣние по своему извычаю, поминающе рѣша: „Аще ли жива тя учинили бы себѣ царя, і се видимъ тя мертва бѣзпаметна рускаго князя“.

Однако, несмотря на уходъ казаковъ изъ Сибири, завоеваніе Ермака не было потеряно для Московскаго Государства.

Еще до полученія извѣстія о гибели Ермака, лѣтомъ 1585 года былъ посланъ въ Сибирь воевода Иванъ Мансуровъ съ сотней стрѣльцовъ и пушкою, а затѣмъ были отправлены и другіе отряды. Въ 1586 году была построена крѣпость Тюмень, а въ 1587 году возникъ и Тобольскъ

близъ города Сибири. У Тобольска, въ одной стычкѣ, палъ послѣдній изъ пяти атамановъ, ходившихъ съ Ермакомъ,—Матвѣй Мещерякъ. Слѣпой же Кучумъ продолжалъ вести отчаянную борьбу съ Русскими, несмотря на свои преклонные годы и на то, что былъ окруженъ многочисленными врагами изъ своей же среды. Московскіе ратные люди воевали съ нимъ долгое время; дѣла его шли крайне плохо и два сына были уже захвачены въ плѣнъ, но упрямый старикъ ни за что не хотѣлъ склониться къ покорности. Наконецъ, 20 августа 1598 года, воевода Воейковъ внезапно настигъ Кучумово становище въ Барабинской степи и послѣ жестокаго боя перебилъ множество его людей и захватилъ всю семью: восемь женъ, пять сыновей и нѣсколько дочерей и снохъ съ малыми дѣтьми. Самъ Кучумъ и на этотъ разъ спасся, уплывъ съ нѣсколькими вѣрными людьми по Оби. Воейковъ узналъ гдѣ онъ находится, и послалъ одного довѣреннаго Татарина уговорить старика—поддаться подъ Государеву руку. Но послѣдній оставался непреклоннымъ. «Если я не пошелъ къ Московскому Царю въ лучшее время, то пойду ли теперь, когда я слѣпъ, и глухъ, и нищій?»—отвѣчалъ онъ. Кучумъ недолго жилъ послѣ этого и вскорѣ погибъ жалкимъ образомъ: онъ былъ убитъ Ногаями, къ которымъ бѣжалъ, ища защиты отъ враждовавшихъ съ нимъ Калмыковъ, послѣ чего его семья была съ торжествомъ и ласкою встрѣчена въ Москвѣ. Сибирь же быстро заселялась Русскими людьми; послѣ Тобольска возникли: Пелымъ, Березовъ, Обдорскъ, Сургутъ, Нарымъ, Томскъ, Туринскъ и другіе города. Отправляя въ Сибирь переселенцевъ, правительство чрезвычайно заботливо относилось къ ихъ устройству на новыхъ мѣстахъ; они снабжались при отправленіи лошадьми, овцами, свиньями, гусями, курами, мукой, толокномъ и зерномъ, а также деньгами. Высылались съ ними и необходимые ремесленники, главнымъ образомъ плотники, и устраивались ямскіе гоны. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлялись и священники съ причтомъ, для духовныхъ потребностей поселенцевъ и для крещенія инородцевъ.



210. Шлемъ Кучума.
Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

Все это происходило уже не при жизни Грознаго Царя. Отпустивъ съ богатыми дарами Ивана Кольцо обратно въ Сибирь, Іоаннъ недолго жилъ послѣ этого.

Убійство старшаго сына не давало покоя его измученной душѣ; затѣмъ, въ началѣ 1584 года, появилась страшная болѣзнь: все тѣло Грознаго начало пухнуть, а внутренности гнить, причемъ нестерпимый смрадъ исходилъ отъ больного. Іоаннъ, уже передвигаясь съ трудомъ, усердно посѣщалъ церковь, замаливая свои грѣхи, и разсылалъ по монастырямъ грамоты, прося братію, «чтобы вы пожаловали, о моемъ окаянствѣ соборно

и по кельямъ молили Бога и Пречистую Богородицу, чтобы... отъ настоящія смертныя болѣзни свободили и здравіе дали»; онъ прибѣгалъ также къ астрологіи и волхвованію, для чего были привезены на почтовыхъ лошадяхъ колдуньи, обитавшія между Холмогорами и Лапландіей. Ихъ помѣстили подъ стражей и кормили только постной пищей. Любимецъ Царя, Богданъ Бѣльскій, ежедневно ходилъ съ ними совѣщаться и наблюдать за небомъ, на которомъ появилась въ это время большая блестящая звѣзда.

Въ началѣ марта колдуньи сообщили Бѣльскому, что Государь умретъ 18-го числа. Бѣльскій не осмѣлился передать это Царю и съ гнѣвомъ сказалъ имъ, что именно въ этотъ день всѣ онѣ будутъ навѣрное сами сожжены.

Вотъ какъ описываетъ кончину Грознаго Англичанинъ Горсей, бывшій въ это время при нашемъ дворѣ: «Каждый день его (Іоанна) приносили на креслахъ въ ту комнату, гдѣ находились его сокровища. Однажды Борисъ Ѳеодоровичъ (Годуновъ) сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за собой. Я стоялъ вмѣстѣ съ прочими, какъ пришлось, и слышалъ, какъ Царь называлъ дорогіе камни и драгоцѣнности. Онъ объяснялъ царевичу и присутствующимъ боярамъ свойство такого и такого-то камня; я слѣдилъ за нимъ и передамъ его слова, какъ помню; прошу извиненія, если не по порядку: «Вы всѣ знаете, что въ магнитѣ великая и тайная сила; безъ него нельзя было бы плавать по морямъ, окружающимъ міръ, и знать положенные предѣлы и кругъ земной. Стальной гробъ Магомета, Персидскаго пророка, дивно виситъ на воздухѣ посредствомъ магнита».... Тутъ Царь приказалъ слугамъ принести цѣпь изъ намагниченныхъ иголокъ, висѣвшихъ цѣпью одна на другой... «Видите этотъ прекрасный кораллъ и эту прекрасную бирюзу, возьмите ихъ въ руку;—восточныя ожерелья дѣлаются изъ нихъ. Теперь положите мнѣ ихъ на руку; я отравленъ болѣзнью: вы видите,—они теряютъ свое свойство, перемѣняютъ свой яркій цвѣтъ на блѣдный; они предсказываютъ мнѣ смерть. Достаньте мнѣ мой Царскій посохъ; это рогъ однорога, украшенный прекраснѣйшими алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими рѣдкими дорогими каменьями, купленными за семьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ отъ Давида Говера, выходца изъ Аугсбурга. Отыщите нѣсколько пауковъ». При этомъ Царь приказалъ своему доктору Іогану Лоффу выцарапать на столѣ кругъ, положить въ него одного паука, потомъ другого,—и они замерли; но нѣкоторые изъ пауковъ быстро убѣжали прочь изъ круга;—«Уже слишкомъ поздно; это меня не спасетъ!» сказалъ Царь.—«Взгляните теперь на эти драгоцѣнные камни. Вотъ алмазъ, самый драгоцѣнный изъ восточныхъ камней. Я никогда не любилъ его; онъ удерживаетъ ярость и сластолюбіе и даетъ воздержаніе и цѣломудріе; малѣйшая частица его можетъ отравить лошадь, если дать его въ питьѣ, а тѣмъ болѣе человѣка». Указывая на рубинъ, онъ добавилъ: «О, какъ этотъ камень оживляетъ сердце, мозгъ, даетъ бодрость и память человѣку, очищаетъ застывшую испорченную кровь!» Потомъ, обращаясь къ изумруду, онъ сказалъ: «А вотъ этотъ драгоцѣнный камень радужной породы врагъ всякой

нечистоты... Вотъ сапфиръ: я очень люблю его; онъ охраняетъ, даетъ храбрость, веселитъ сердце, услаждаетъ всѣ жизненныя чувствованія, плѣняетъ глаза, прочищаетъ зрѣніе, удерживаетъ приливы крови, укрѣпляетъ мускулы, возстановляетъ силы». Потомъ, взявъ оникъ въ руку, онъ сказалъ: «Все это удивительные дары Божіи, тайны природы, открываемые людямъ, имъ на пользу и созерцаніе. Они покровители милосердія и добродѣтели и враги порока. Я слабѣю, уведите меня... До слѣдующаго раза»...

«Пополудни Іоаннъ прочиталъ свое завѣщаніе, но еще не думалъ умирать; его нѣсколько разъ околдовывали и расколдовывали; но теперь діаволъ сталъ безсиленъ. Іоаннъ приказалъ своему главному аптекарю и медикамъ приготовить баню ему въ облегченіе и наблюдать: на добро

211. Іоаннъ Грозный показываетъ свои сокровища въ день смерти.

Картина А. Литовченко. Хранится въ музеѣ имени Императора Александра III въ С.-Петербургѣ.

ли ему складываются примѣты; и послалъ снова своего любимца къ колдуньямъ узнать объ ихъ вычисленіяхъ. Бѣльскій пришелъ къ нимъ и сказалъ: «Царь зароетъ васъ всѣхъ въ землю живьемъ или сожжетъ за ложныя предсказанія и обманъ. День наступилъ (это было 18 марта), а Царь такъ же крѣпокъ и невредимъ, какъ прежде былъ».—«Бояринъ, не гнѣвайся», отвѣчали колдуньи, «день только что наступилъ, а тебѣ извѣстно, что онъ кончается съ солнечнымъ закатомъ». Бѣльскій поспѣшилъ къ Царю: дѣлались большія приготовленія къ банѣ. Около третьяго часа Царь пошелъ въ баню, мылся въ свое удовольствіе и, по своему обыкновенію, тѣшился пріятными пѣснями. Вышелъ онъ оттуда около семи часовъ и чувствовалъ себя свѣжѣе; его привели и усадили на постель. Іоаннъ подозвалъ Родіона Биркена, дворянина, котораго онъ любилъ, приказалъ ему принести шахмат-

ный столикъ и сталъ самъ разставлять шахматы *). Главный любимецъ его, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, и другіе стояли кругомъ стола. Вдругъ онъ ослабѣлъ и упалъ навзничь. Поднялся крикъ, смятеніе: кто посылалъ за водкой, кто—въ аптеку, за «розовой водой» и золотоцвѣтомъ, кто—за духовникомъ и медиками».

Надъ умирающимъ Царемъ быстро совершили обрядъ постриженія въ схиму и нарекли его Іоной.

Такъ умеръ Грозный, едва достигнувъ пятидесятичетырехлѣтняго возраста. Память о многихъ славныхъ дѣлахъ, совершенныхъ имъ, и рядомъ

212. Смерть Іоанна Грознаго.

Картина А. Маймана.

съ этимъ и о многихъ жестокихъ казняхъ его, навсегда будетъ жить въ сердцахъ Русскихъ людей.

Іоаннъ былъ, конечно, вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для рѣшенія тѣхъ великихъ задачъ, которыя достались ему въ наслѣдіе отъ предковъ,—по собиранію Русской Земли подъ единою властью Московскихъ Государей.

Къ сожалѣнію, многія печальныя обстоятельства съ ранняго дѣтства тяжко ложились на его впечатлительную и страстную душу и вызвали чрезмѣрную раздражительность, переходившую порой въ необузданную

---

*) «Одного шахматнаго короля ему никакъ не удавалось поставить на свое мѣсто, тогда какъ другіе шахматы были уже всѣ разставлены».

ярость, проявленія коей такъ омрачили вторую половину его царствованія и привели, наконецъ, къ сыноубійству, которымъ Грозный, но глубоко несчастный Царь, собственной рукой разрушилъ все то, что онъ созидалъ съ такимъ страстнымъ рвеніемъ въ теченіе всей своей жизни.

Русскій народъ, чуткій и отзывчивый, оцѣнилъ, конечно, всѣ тяжелыя условія, при которыхъ царствовалъ Іоаннъ, а поэтому не далъ ему названія Кровожаднаго или Жестокаго, а прозвалъ только Грознымъ, такъ же какъ и его великаго дѣда—Іоанна Третьяго. Поэтому и мы въ настоящее время не имѣемъ права судить Іоанна строже, чѣмъ судили его современники и подданные. Надо всегда помнить, что онъ жилъ въ XVI вѣкѣ, когда взгляды на убійства и на казни были иные, чѣмъ въ наше время; надо не забывать также, что казни эти совершались имъ только во имя блага своей Земли—для искорененія крамолы, и если при этомъ гибли иногда невинные, то справедливо карались и виновные; а что крамола и измѣна была велика, припомнимъ только Курбскаго, не постыдившагося стать во главѣ Польскихъ отрядовъ, чтобы вторгнуться въ нашу Землю, князя Мстиславскаго, сознавшагося, что онъ навелъ Крымскаго хана на Москву, и князя Ѳ. Бѣльскаго, водившаго Шведовъ къ Орѣшку.

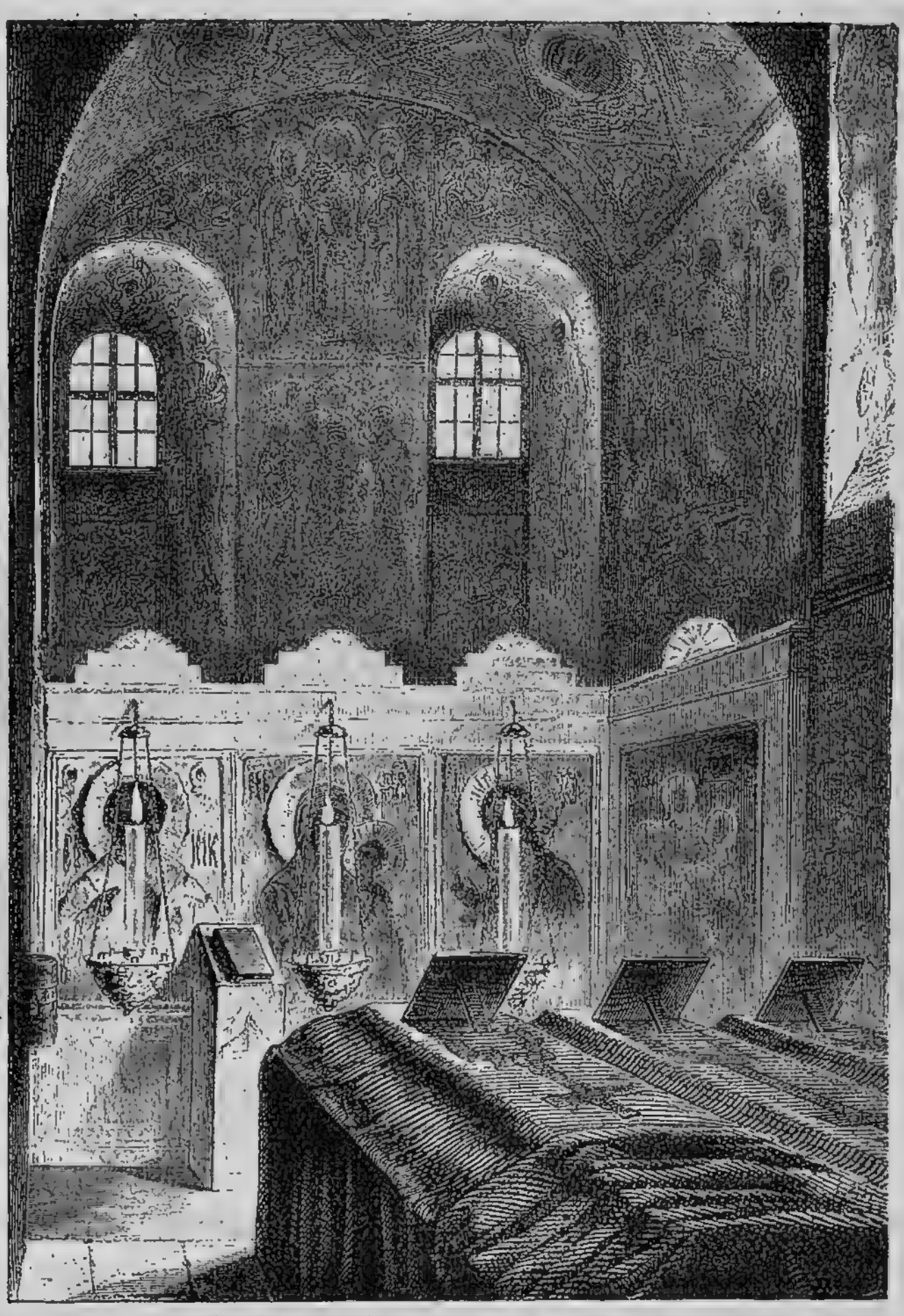
Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ изложенію событій, наступившихъ послѣ смерти Грознаго, намъ необходимо дать краткій очеркъ состоянія Московскаго Государства ко времени его кончины, а также упомянуть, что дѣлалось въ это время въ Западной Руси, подвластной Польско-Литовскому государству.

Мы видѣли, что все долгое царствованіе Грознаго было непрерывной борьбой съ многочисленными внѣшними врагами; это вызвало, разумѣется, сильнѣйшее напряженіе всѣхъ силъ населенія, поставлявшаго какъ людей для пополненія рядовъ Московскаго войска, такъ и снабжавшаго Царскую казну средствами для содержанія этого войска. Мало того, на населеніе возлагались также заготовка ядеръ и свинца для пушекъ и пищалей и выдѣлка пороха; въ 1555 году Царь писалъ Новгородскимъ дьякамъ: «Какъ къ вамъ пушкари пріѣдутъ, то вы немедленно велите Новгородскимъ кузнецамъ сдѣлать 600 ядеръ желѣзныхъ по кружаламъ, какія посланы съ пушкарями, и велите кузнецамъ ядра дѣлать круглыя и гладкія и какъ имъ укажутъ пушкари... За пушкарями смотрѣть накрѣпко, чтобы они у кузнецовъ посуловъ и поминковъ не брали». Пороху въ 1545 году приказано было брать въ Новгородѣ «съ 20 дворовъ по пуду зелья, со всѣхъ безъ исключенія... Къ людямъ, объявлявшимъ, что имъ зелья добыть нельзя, посылались мастера ямчужные (селитряные) и пищальники,—указывать имъ, какъ варить зелье».

Особенно тяжела была, разумѣется, служба для обитателей пограничныхъ съ южными степями городовъ и станицъ, которые зорко должны были слѣдить за появленіемъ Татаръ; въ виду важности этой пограничной службы, главное завѣдываніе ею поручалась самымъ близкимъ къ Госу-

дарю людямъ: въ 1571 году ею вѣдалъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, а послѣ него—бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ распоряженій, относящихся до несенія сторожевой пограничной службы: «А станичникамъ бы къ своимъ урочищамъ ѣздить и сторожамъ на сторóжахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы усторожливы, гдѣ бы имъ воинскихъ людей можно усмотрѣть. Стоять



213. Гробницы Іоанна Грознаго и его сыновей въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ.

сторожамъ на сторóжахъ, съ коней не ссаживаясь, поперемѣнно, и ѣздить по урочищамъ поперемѣнно же, направо и налѣво, по два человѣка, по наказамъ, какіе будутъ даны отъ воеводъ. Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ; когда нужно будетъ кому пищу сварить и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать... А которые сторожа, не дождавшись смѣны, со сторóжи сойдутъ, и въ то время Государевымъ украинамъ отъ воинскихъ

людей учинится война, тѣмъ сторожамъ отъ Государя быть казненными смертью... Воеводамъ и головамъ смотрѣть накрѣпко, чтобы у сторожей лошади были добрыя и ѣздили бы на сторóжи о двухъ коняхъ»...

Мы видѣли, что Грозный щедро жаловалъ своихъ военно-служилыхъ людей—боярскихъ дѣтей и дворянъ, число которыхъ въ его царствованіе выросло въ чрезвычайно большихъ размѣрахъ, и что главнымъ видомъ этого жалованія, какъ и при его предшественникахъ, было надѣленіе ихъ землею—*помѣстьями*, за что они обязаны были служить до конца своихъ дней; при этомъ, создавъ Опричнину, Іоаннъ произвелъ огромную переборку землевладѣнія во всемъ Государствѣ: онъ переводилъ потомковъ

214. Станичники на пограничной службѣ.

Рисунокъ В. Швартца. Изъ собранія Е. Г. Швартца.

бывшихъ удѣльныхъ князей изъ ихъ родовыхъ вотчинъ, расположенныхъ преимущественно, въ серединѣ Московскаго Государства,—на окраины, а освободившіяся такимъ образомъ земли раздавалъ на помѣстномъ правѣ военно-служилому сословію.

Эта всеобщая перетасовка, начавшая усиленно производиться вслѣдъ за учрежденіемъ Опричнины, достигла своей цѣли: она сокрушила землевладѣніе родовой знати и въ корнѣ подорвала ея силу и значеніе, выдвинувъ, вмѣсто нея, военно-служилое сословіе и создавъ во всемъ Государствѣ однообразные порядки владѣнія землею; въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился Іоаннъ, перетасовка эта была, безъ сомнѣнія, необходима; но, какъ мы говорили, она производилась черезчуръ круто и быстро, и поэтому крайне тяжко отражалась на благосостояніи всего

населенія. Высшее сословіе разорилось отъ этихъ невольныхъ и внезапныхъ перемѣщеній. Но не легко было положеніе и ихъ рабочихъ—крестьянъ, которые попадали въ зависимость къ новымъ,—мелкимъ и бѣднымъ хозяевамъ. Такъ же тяжело это было для тяглыхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на государственныхъ земляхъ, которыя, въ виду огромнаго роста военно-служилаго сословія, тоже раздавались въ помѣстное владѣніе боярскимъ дѣтямъ и дворянамъ. Въ виду всего этого, крестьяне при всякой возможности спѣшили уходить на новыя мѣста, чтобы селиться на льготныхъ для нихъ условіяхъ, причемъ первоначально само правительство поощряло ихъ передвиженія для заселенія

215. Подзоръ.

Рисунокъ С. М. Зейденберга.

обширныхъ земель, пріобрѣтенныхъ завоеваніями на восточной окраинѣ Государства.

По этимъ причинамъ, уменьшеніе крестьянскаго населенія въ самомъ сердцѣ Московскаго Государства достигло въ послѣдніе годы Грознаго весьма значительныхъ размѣровъ; по дорогѣ къ Москвѣ, «между Вологдой и Ярославлемъ, встрѣчается по крайней мѣрѣ до пятидесяти большихъ деревень»—говоритъ Англичанинъ Флетчеръ, бывшій тамъ въ концѣ XVI вѣка,—«которыя совершенно оставлены, такъ что въ нихъ нѣтъ ни одного жителя. То же можно видѣть и во всѣхъ другихъ частяхъ Государства»... Конечно, при такомъ повальномъ уходѣ крестьянскаго рабочаго люда на восточныя и отчасти южныя окраины, положеніе военно-служилаго сословія, получавшаго помѣстья въ мѣстностяхъ, гдѣ не было рабочихъ рукъ, стало крайне тяжелымъ

и оно лишалось необходимыхъ средствъ, чтобы исправно являться на службу. Описанное явленіе, естественно, вызвало сильную тревогу правительства и оно начало прибѣгать къ различнымъ мѣрамъ по стѣсненію крестьянскихъ переходовъ, которыя привели впослѣдствіи къ необходимости ихъ полнаго прикрѣпленія къ землѣ, или къ такъ называемому «крѣпостному праву».

Общее оскудѣніе Московскаго Государства, истомленнаго безпрерывными войнами и черезчуръ быстрою ломкою крупнаго землевладѣнія, было одной изъ главныхъ причинъ, почему Іоаннъ рѣшилъ окончить войну съ Баторіемъ и Шведами, потерявъ при этомъ Ливонію и морское побережье. У Царя не было средствъ вести дальше борьбу, казна его опустѣла, и онъ оставилъ послѣ себя крупные долги частнымъ лицамъ. Потеря морского побережья повлекла въ свою очередь сильное сокращеніе нашей внѣшней торговли. Флетчеръ въ своей книгѣ «О Государствѣ Русскомъ», изданной въ 1591 году въ Англіи, указываетъ на это рѣзкое паденіе нашей торговли и приводитъ нѣкоторыя любопытныя данныя; напримѣръ: «Льномъ и пенькой ежегодно нагружались въ Нарвской пристани до 100 большихъ и малыхъ судовъ, теперь не болѣе 5. Причина упадка... закрытіе Нарвской пристани со стороны Финскаго залива, который находится теперь въ рукахъ и владѣніи Шведовъ; другая причина заключается въ пресѣченіи сухопутнаго сообщенія черезъ Смоленскъ и Полоцкъ, по случаю войнъ съ Польшею...; воскъ, котораго ежегодно отправляли въ чужіе края до 50.000 пудовъ...—теперь вывозятъ ежегодно только до 10.000 пудовъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сала вывозилось ежегодно до 100.000 пудовъ, теперь не болѣе 30.000... Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100.000 кожъ, теперь это количество уменьшилось до 30.000 или около того»...

Конечно, разореніе, внесенное перетасовкой землевладѣнія и усугубленное страшнымъ упадкомъ торговли,—вызвало общую тѣсноту, обѣднѣніе и злобу другъ противъ друга. Знать была недовольна своимъ насильственнымъ переселеніемъ и земельнымъ разореніемъ и виновника этого видѣла въ военно-служиломъ сословіи. Въ свою очередь, послѣднее негодовало на болѣе крупныхъ земельныхъ собственниковъ, которые всякими правдами и неправдами, а порой и силой, переманивали на свои земли крестьянъ изъ владѣній мелкопомѣстныхъ людей. Недовольны были и крестьяне зависимостью, въ которую они попали къ новымъ, мелкимъ земельнымъ собственникамъ; наконецъ, недовольно было и посадское населеніе городовъ, такъ какъ въ городахъ этихъ стали во множествѣ размѣщаться войсковыя части, выживавшія посадскихъ людей изъ ихъ усадебъ и часто чинившія имъ насилія, хотя Іоаннъ строго наказывалъ воеводъ, которые позволяли своимъ ратнымъ людямъ буйствовать въ Русской Землѣ.

Это недовольство тяглыхъ людей своимъ положеніемъ заставило ихъ усиленно уходить за рубежъ, въ вольное казачество на Донъ, которое стояло въ сторонѣ отъ Государства и высылало, какъ мы видѣли, временами, большія партіи воровскихъ казаковъ, преимущественно на Волгу.

Тяжелому состоянію Русскаго общества, въ послѣдніе годы жизни Грознаго, способствовалъ, помимо неудачъ въ войнѣ съ Ливоніей и страшнаго набѣга Девлетъ-Гирея, также и рядъ ужасныхъ моровъ, сильно опустошавшихъ нашу Родину, хотя правительство, какъ и при прежнихъ Государяхъ, крайне тщательно оберегало границы и прибѣгало къ жестокимъ мѣрамъ для предупрежденія занесенія заразы; по разсказамъ Англичанъ, во время язвы 1571 года всѣ дороги были загорожены, а кто пытался проѣхать непозволенными путями, того сжигали.

Всеобщее обѣднѣніе, постоянныя войны и частыя казни вызвали замѣтное огрубѣніе нравовъ, причемъ развилось сильно разбойничество. Въ это же время, повидимому, прочно утвердился судебный «правежъ». «Правежомъ», говоритъ Флетчеръ, «называется мѣсто, гдѣ неисправныхъ плательщиковъ бьютъ батогами по икрамъ. Каждый день отъ восьми до одиннадцати часовъ утра ихъ ставятъ на правежѣ и бьютъ до тѣхъ поръ, пока они не заплатятъ денегъ... Послѣ годичнаго стоянія на правежѣ, если обвиняемый не захочетъ или не въ состояніи удовлетворить заимодавца, послѣднему дозволяется закономъ продать жену его и дѣтей, совсѣмъ или на извѣстное число лѣтъ»...

Но рядомъ съ этими темными сторонами Русской жизни отнюдь не надо забывать и многихъ свѣтлыхъ. Мы видѣли цѣлый рядъ подвиговъ необыкновеннаго геройства доблестныхъ Русскихъ воиновъ—въ борьбѣ съ многочисленными врагами родины, а также дѣянія славныхъ сподвижниковъ Ермака Тимофѣева въ Сибири.

«Что будетъ изъ Русскихъ людей,—говоритъ тотъ же Флетчеръ,—если они къ своимъ способностямъ переносить суровую жизнь и довольствоваться малымъ присоединятъ еще искусство воинское? Если бы они сознавали свою силу, то никто не могъ бы соперничать съ ними, и сосѣди не имѣли бы отъ нихъ покою».

Не ослабѣвала во времена Грознаго горячая любовь Русскихъ людей и къ Святой Православной нашей Вѣрѣ. Самъ Грозный Царь, совершивъ въ своемъ изступленіи не мало кровавыхъ поступковъ, былъ всегда горячо вѣрующимъ и вѣрнымъ сыномъ Церкви и отъ глубины души каялся въ своихъ тяжкихъ грѣхахъ, когда на него находило молитвенное настроеніе. Мы указывали уже на заслуги митрополита Макарія передъ родиной и на мученическій подвигъ Святого Филиппа.

Жили въ это время на Руси и другіе подвижники. Въ новопокоренномъ Казанскомъ царствѣ, какъ мы говорили, подвизались въ дѣлѣ просвѣщенія Христовой Вѣрой, обитавшихъ тамъ магометанъ и язычниковъ, Святой Гурій, бывшій первымъ Казанскимъ епископомъ, и его достойные помощники—Святые Варсонофій и Германъ. Всѣ они отличались большою святостью при жизни и чудотвореніями послѣ смерти. Святой Антоній Сійскій прославился своими суровыми подвигами въ тундрахъ дальняго сѣвера.

Преподобный Даніилъ, Переяславскій чудотворецъ, съ дѣтства подвергалъ себя самымъ суровымъ лишеніямъ и истязаніямъ, а затѣмъ посвятилъ

свою жизнь особому подвигу: отыскивать и погребать бездомныхъ людей, умершихъ въ пути, лѣсахъ и разныхъ другихъ глухихъ мѣстахъ.

216. Святой Василій Блаженный.

Древняя икона, пожалованная Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ музею имени Императора Александра III въ С.-Петербургѣ.

Святой Нилъ Столбенскій подвизался въ дремучихъ лѣсахъ острова, расположеннаго на озерѣ Селигерѣ, въ 9 верстахъ отъ нынѣшняго города Осташкова. Послѣ смерти преподобнаго—на мѣстѣ, гдѣ стояла его уединенная келья, возникла общежительная пустынь, въ храмѣ которой и понынѣ почиваютъ открыто его нетлѣнныя мощи.

Въ самой Москвѣ, во времена Іоанна, жилъ дивный подвижникъ, принявшій на себя Христа ради тяжелые подвиги юродства; это былъ Василій Блаженный.

Самъ Грозный Царь съ величайшимъ уваженіемъ относился къ Блаженному, который всегда говорилъ ему правду въ глаза. Однажды, Іоаннъ стоялъ въ храмѣ и думалъ, какъ украсить ему свой новый дворецъ на Воробьевыхъ горахъ. Послѣ службы Василій зашелъ къ Государю и сказалъ ему: «Я видѣлъ тебя въ храмѣ, только ты былъ не въ немъ, а на Воробьевыхъ горахъ. А вѣдь церковь поетъ: «всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе». Будучи разъ приглашенъ на именины Грознаго, онъ три раза вылилъ подносимую ему застольную чашу. Когда же Государь разсердился на него, то Василій отвѣтилъ ему: «Не кипятись, Иванушка, надо было заливать пожаръ въ Новгородѣ, и онъ залитъ». И дѣйствительно, въ это время какъ разъ, былъ огромный пожаръ въ Новгородѣ.

Василій постоянно ходилъ почти нагой какъ въ лѣтнюю жару, такъ и въ трескучіе морозы; днемъ онъ скитался по Московскимъ улицамъ, а на

ночь ложился на церковной паперти. Ни дружбы, ни знакомства у него не было ни съ кѣмъ. Въ послѣдніе дни жизни Василія, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ,—его пришли навѣстить Царь съ Царицей Анастасіей и съ дѣтьми Іоанномъ и Ѳеодоромъ, и испросить молитвы за нихъ. Блаженный, взглянувъ на малолѣтняго Ѳеодора, пророчески сказалъ ему: «все достояніе прародителей твоихъ будетъ твоимъ, ты—наслѣдникъ», и вслѣдъ за тѣмъ скончался, имѣя 88 лѣтъ отъ роду. Царь съ боярами несъ гробъ, а митрополитъ Макарій совершилъ погребеніе. Мощи его находятся подъ спудомъ въ дивномъ храмѣ Покрова Божіей Матери, болѣе извѣстномъ подъ названіемъ Василія Блаженнаго, причемъ на гробницѣ висятъ его тяжелыя вериги.

Въ послѣдніе годы царствованія Грознаго, на улицахъ Москвы, юродствовалъ и другой блаженный—Іоаннъ «Большой Колпакъ», такъ какъ онъ носилъ на головѣ большой желѣзный колпакъ, и кромѣ того на тѣлѣ—тяжелыя вериги. Іоаннъ Большой Колпакъ посѣтилъ затворника Борисоглѣбскаго монастыря преподобнаго Иринарха, о которомъ мы будемъ говорить въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи, и предсказалъ ему нашествіе иноплеменниковъ на Русскую Землю въ Смутное время. Затѣмъ Іоаннъ Большой Колпакъ совершилъ за свою жизнь нѣсколько чудесныхъ исцѣленій и былъ предувѣдомленъ о своей кончинѣ. Встрѣчаясь на улицѣ съ Борисомъ Годуновымъ, онъ неизмѣнно говорилъ ему: «Умная голова, разбирай Божьи дѣла. Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ».

Во времена Грознаго Царя было славное явленіе одной изъ Русскихъ величайшихъ святынь—иконы Казанской Божіей Матери. Въ 1579 году въ Казани, одна девятилѣтняя дѣвочка, по имени Матрона, три раза видѣла во снѣ образъ Божіей Матери и слышала голосъ, настойчиво требовавшій, чтобы она сообщила властямъ объ этой иконѣ, причемъ ей было точно указано мѣстонахожденіе образа. Власти, однако, не обратили вниманія на ея разсказъ; тогда, 8 іюля того же года, она съ матерью и сосѣдями стала сама разрывать землю въ указанномъ во снѣ мѣстѣ. Долго никто ничего не могъ найти; наконецъ, дѣвочка стала копать въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась разрушенная печь,—и вдругъ передъ глазами всѣхъ явилась, обернутая въ ветхое сукно вишневаго цвѣта, дивная икона, сіявшая особымъ несказаннымъ свѣтомъ. Всѣ присутствующіе были глубоко поражены и славили имя Божіе; Грозный же, узнавъ объ этомъ, приказалъ на мѣстѣ явленія построить храмъ во имя Пресвятой Богородицы и основать женскій монастырь, для чего прислалъ значительныя деньги. Въ числѣ самовидцевъ явленія иконы былъ одинъ священникъ, впослѣдствіи патріархъ Гермогенъ, который навѣки прославился, какъ увидимъ при описаніи Смутнаго времени, своей непоколебимой преданностью Православію и Русской Землѣ и принялъ за это мученическую кончину. «Сказаніе» о явленіи и чудесахъ отъ иконы Казанской Божіей Матери, изъ коего мы заимствуемъ прилагаемый здѣсь рисунокъ ея обрѣтенія, написано самимъ Гермогеномъ, и подлинникъ его хранится нынѣ въ Императорской Академіи Наукъ въ г. С.-Петербургѣ.

Крѣпкая привязанность Русскихъ людей къ Православію и примѣръ великихъ подвижниковъ, обитавшихъ въ разныхъ концахъ нашей Земли, были, разумѣется, могущественнымъ средствомъ противъ вторженій къ

217. Икона Казанской Божіей Матери въ тройномъ складнѣ съ акафистомъ. Письмо XVII вѣка.
Хранится въ храмѣ-усыпальницѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича въ Московскомъ кремлѣ.

намъ разнаго рода ересей, во множествѣ распространившихся въ XVI вѣкѣ, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Польшѣ, Литвѣ и Ливоніи. За время Грознаго у насъ объявилась только одна ересь—Матвѣя Башкина, который имѣлъ весьма ограниченное количество послѣдователей, хотя среди нихъ

были и нѣкоторые иноки Заволжскихъ монастырей. Ересь этого Матвѣя Башкина, жителя города Москвы, было возродившееся ученіе жидовствующихъ; его наставниками въ ней были Литовскіе протестанты: аптекарь Матвѣй и Андрей Хотѣевъ. Постомъ 1553 года Башкинъ, подъ видомъ религіознаго сомнѣнія, пытался совратить во время исповѣди своего духовника—придворнаго священника Благовѣщенскаго собора Симеона и, повидимому, старался черезъ него проникнуть ко всесильному тогда Сильвестру и даже къ самому Царю. Но это ему не удалось. Во главѣ розыска о его ереси сталъ самолично митрополитъ Макарій, послѣ чего былъ созванъ церковный соборъ, осудившій Башкина и его послѣдователей, причемъ судъ этотъ былъ очень милостивый: Башкинъ былъ заточенъ въ Іосифовъ

218. Обрѣтеніе иконы Казанской Божіей Матери.

Изъ рукописи, составленной преосвященнымъ Гермогеномъ, впослѣдствіи патріархомъ всея Россіи. Хранится въ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ.

монастырь, нѣкоторые изъ его послѣдователей сосланы въ отдаленные монастыри, «да не сѣютъ злобы своей роду человѣческому», а менѣе виновные подвергнуты церковной епитиміи; гражданскихъ же казней не было. Изъ числа послѣдователей Башкина замѣчательны: распутный бродяга и воръ—монахъ Ѳеодосій Косой и его товарищъ Игнатій. Они были захвачены за свои лихія дѣла въ 1555 году въ Москвѣ, но затѣмъ бѣжали, и оба скрылись въ Литвѣ. Здѣсь, сбросивъ съ себя монашество, они женились: Косой на Жидовкѣ, а Игнатій на Полькѣ, и стали усердно проповѣдывать свое ученіе, которое имѣло одно время значительное распространеніе.

Противъ ученія Косого одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Максима Грека—монахъ Зиновій Отенскій написалъ цѣлую обличительную книгу, въ которой онъ, между прочимъ, говоритъ: «Востокъ развратилъ дьяволъ—Бахметомъ (Магометомъ), Западъ—Мартыномъ Нѣмчинымъ (Лютеромъ), а Литву—Косымъ».

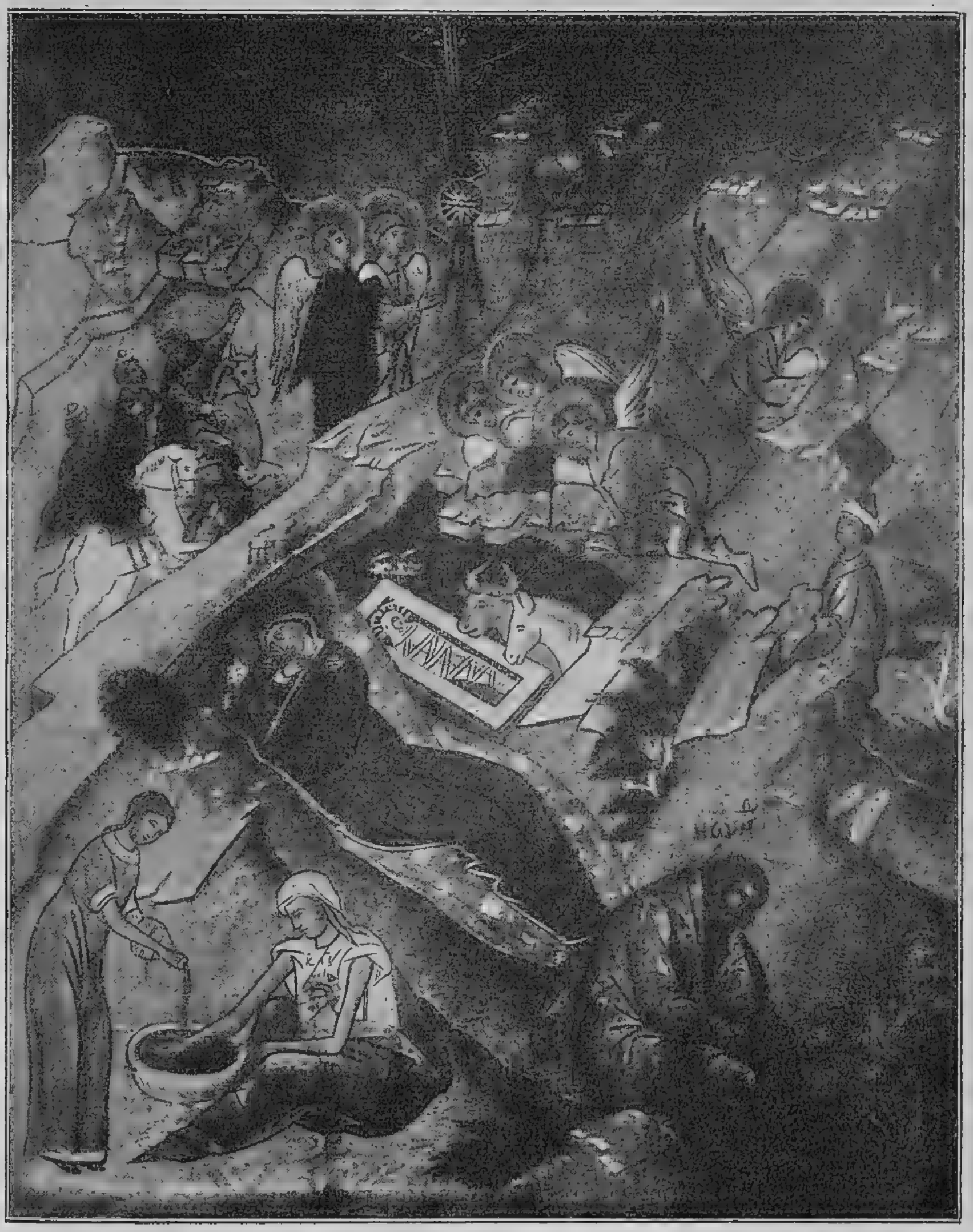
Почти одновременно съ розыскомъ о ереси Матвѣя Башкина—нашему высшему духовенству пришлось произвести розыскъ и о Царскомъ дьякѣ Висковатомъ, но по совершенно противоположному поводу. Во время страшнаго Московскаго пожара 1547 года погибло множество драгоцѣнныхъ древнихъ иконъ, въ томъ числѣ и образа Благовѣщен-

219. Тройной складень: Московскіе чудотворцы. Принадлежалъ Максиму Яковлеву Строганову (снарядившему Ермака на завоеваніе Сибири); письмо Истомы Савина. Въ серединѣ складня, передъ иконой Божіей Матери, во весь ростъ Святой Петръ митрополитъ, а ниже его: Святой митрополитъ Фотій, за нимъ Святой Макарій митрополитъ, еще ниже блаженный Максимъ (весь нагой) и ниже всѣхъ Іоаннъ Блаженный. На правой створѣ складня: Божья Матерь во весь ростъ съ лицомъ, обращеннымъ къ Спасителю, правая рука молебно, а въ лѣвой хартія со словами: „Владыко отче Вседержителю, Сыне Боже Мой, преклони ухо Твое і услыши молитву Матери своея елико молящи имя Твое Светое и вонми"... Ниже Богородицы святители: Святые Алексій и Кипріанъ митрополиты, оба старцы; еще ниже Святой Филиппъ митрополитъ (русъ, борода кругла, изчерна), а на самомъ низу—Святой Стефанъ Пермскій. На лѣвой створѣ складня: Божья Матерь въ облакахъ, во весь ростъ, держитъ въ рукахъ Спасителя: ниже Ея четыре чудотворца: Василій Блаженный, совершенно нагой, затѣмъ Святой Геронтій митрополитъ, Святой Іона митрополитъ, а ниже всѣхъ—Святой Θеогностъ митрополитъ.

Складень хранится въ храмѣ-усыпальницѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича въ Московскомъ кремлѣ.

скаго собора, кисти Андрея Рублева. Въ виду этого, подъ наблюденіемъ митрополита Макарія и Сильвестра, стали писаться Русскими иконописцами

новыя иконы, причемъ Сильвестръ самъ слѣдилъ за этимъ дѣломъ и постоянно докладывалъ о ходѣ работъ Государю. Когда иконы были готовы, то дьякъ



220. Икона Рождества Христова, тонкаго Новгородскаго письма XVI вѣка. Въ серединѣ—Божья Матерь изображена лежащей, а рядомъ съ ней въ ясляхъ—новорожденный Спаситель, надъ которымъ склонились волъ и лошадь. Ниже изображена Богоматерь, обмывающая младенца Іисуса, и тутъ же преподобный Іосифъ; вверху иконы ангелы и звѣзда, а съ правой стороны—цари, ѣдущіе на коняхъ для поклоненія Христу.

Изъ собранія рѣдчайшихъ иконъ стараго письма—Егора Егоровича Егорова въ Москвѣ.

Висковатый вдругъ поднялъ шумъ и сталъ смущать народъ, говоря, что онѣ написаны не согласно съ церковнымъ преданіемъ и правилами; дѣйствительно, на нѣкоторыхъ новыхъ иконахъ было замѣтно вліяніе Итальян-

*

скихъ художниковъ, а другія являлись прямо снимками съ образовъ этихъ художниковъ (съ Перуджино и Чимабуе), но, тѣмъ не менѣе, всѣ онѣ были написаны въ строго церковномъ духѣ и отнюдь не заключали въ себѣ ничего, что было бы несогласно съ Православіемъ. Висковатый соблазнялся также тѣмъ, что Царскія палаты, росписанныя заново съ изображеніями изъ Новаго Завѣта,—тоже грѣшили противъ старины и Православія. Дѣло Висковатаго было разсмотрѣно на церковномъ соборѣ 1554 года, причемъ Макарій, осуждая его за сильную приверженность къ старинѣ, между прочимъ, сказалъ ему: «Ты возсталъ на еретиковъ, а теперь говоришь и мудрствуешь не гораздо о святыхъ иконахъ; не попадись и самъ въ еретики; зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебя положены, не разроняй списковъ (разрядныхъ, которыми вѣдалъ Висковатый)». На него была наложена трехлѣтняя епитимія. Изъ дѣла Висковатаго мы видимъ, что высшее Русское духовенство XVI вѣка, ревниво охраняя нашу вѣру отъ всякой ереси, вовсе не было противъ Западныхъ вліяній въ церковномъ искусствѣ, если они не противорѣчили основамъ Православія. Висковатый же являлся представителемъ тѣхъ крайнихъ ревнителей старины, которые считали каждое отклоненіе отъ нея прямымъ преступленіемъ противъ Православія и впослѣдствіи стали извѣстны подъ именемъ старовѣровъ.

Изъ людей, способствовавшихъ книжному просвѣщенію во времена Грознаго Царя, на первомъ мѣстѣ, какъ мы уже говорили, необходимо поставить, конечно, митрополита Макарія; ему помогали въ составленіи его трудовъ не только духовныя лица, но также и міряне; такъ, часть Великой Четьи-Минеи написана доблестнымъ воиномъ—Московскимъ боярскимъ сыномъ Василіемъ Тучковымъ.

Изъ переписки Іоанна съ княземъ Андреемъ Курбскимъ мы видѣли, что оба они были очень начитанными людьми и отлично владѣли перомъ. Кромѣ писемъ къ Курбскому, сохранилось весьма замѣчательное посланіе Грознаго къ старцамъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря. Въ монастырѣ этомъ постригся опальный бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, причемъ въ немъ проживали также: сынъ знаменитаго Хабара Симскаго—бояринъ Хабаровъ и Варлаамъ Собакинъ. Шереметевъ имѣлъ подъ самымъ монастыремъ свой дворъ съ поварней, любилъ жить хорошо, вкусно ѣсть и угощать монаховъ. Узнавъ объ этомъ, Грозный приказалъ, чтобы по отношенію Шереметева не было никакихъ отступленій отъ общаго монастырскаго устава, и приказалъ ему питаться за общей трапезой. Но братія послала Государю челобитье и ходатайствовала за Шереметева въ виду его болѣзненнаго состоянія. На это Государь отвѣчалъ ей посланіемъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Подобаетъ вамъ усердно послѣдовать великому чудотворцу Кириллу, преданіе его крѣпко держать... Есть у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ, есть и Пилатъ—Варлаамъ Собакинъ, и есть Христосъ распинаемъ—чудотворцево преданіе презрѣнное. Отцы святые! въ маломъ допустите послабу—большое зло произойдетъ. Такъ отъ послабле-

нія Шереметеву и Хабарову чудотворцево преданіе у васъ нарушено... Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы, зачѣмъ говорить: «отрицаюсь отъ міра, отъ всего, что въ мірѣ». Постригаемый даетъ обѣтъ: повиноваться игумену, слушаться всей братіи и любить ее; но Шереметеву какъ назвать монаховъ братіею? у него и десятый холопъ, что въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. Великіе свѣтильники—Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій, и многіе преподобные въ Русской Землѣ установили уставы иноческому житію крѣпкіе, какъ надобно спасаться, а бояре, пришедши къ вамъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы ихъ учители и законоучители, а они ваши. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его, а Кирилловъ уставъ плохъ—оставьте его!.. Прежде, какъ мы въ молодости были въ Кирилловскомъ монастырѣ и поопоздали ужинать, то завѣдующій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкелярникъ отвѣчалъ: «объ этомъ мнѣ приказу не было, а о чемъ былъ приказъ, то я и приготовилъ, теперь ночь, взять негдѣ; Государя боюсь, а Бога надобно больше бояться»... А теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ что въ міру; а Шереметевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иныя пряныя составныя овощи, а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе, а вы молча смотрите на такое безчиніе? А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келію къ Шереметеву приносили, но по монастырямъ и Фряжскія вина держать зазорно, не только что горячее! Такъ это ли путь спасенія, это ли иноческое пребываніе? Или вамъ не было чѣмъ Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы... А что Шереметевъ говоритъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома, то для всѣхъ леженокъ не разорять стать законы святые! Написалъ я къ вамъ малое отъ многаго по любви къ вамъ и для иноческаго житія. Больше писать нечего, а впредь бы вы о Шереметевѣ и другихъ такихъ же безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ отвѣту не давать»...

Оставилъ о себѣ память, какъ писатель, и знаменитый Сильвестръ. Обыкновенно ему приписывается составленіе такъ называемаго «Домостроя», извѣстнаго свода правилъ житейской мудрости XVI вѣка. На самомъ дѣлѣ, однако, книга «Домострой» составлялась постепенно изъ многочисленныхъ древне-Русскихъ сборниковъ церковнаго содержанія (Златоструи, Измарагды и пр.), и только послѣдняя глава ея несомнѣнно принадлежитъ Сильвестру. Эта глава написана въ видѣ посланія къ его сыну Анфиму, служившему Царскимъ приставомъ у Таможенныхъ дѣлъ, и его женѣ, и вкратцѣ повторяетъ содержаніе всѣхъ остальныхъ главъ, почему называется также «Малымъ Домостроемъ». Правила, помѣщенныя въ ней, относятся къ быту зажиточнаго человѣка и отчасти напоминаютъ извѣстное «Поученіе» Владиміра Мономаха къ его дѣтямъ, съ той большой разницей, что въ Мономаховомъ Поученіи видно въ каждомъ словѣ, что его писалъ

смѣлый и доблестный воинъ, который выше всего ставитъ отвагу и истинное благородство, для чего совѣтуетъ своимъ дѣтямъ всегда прямо и безстрашно смотрѣть въ глаза смерти.

Чтеніе же «Домостроя» показываетъ, что хотя его писалъ человѣкъ очень добродѣтельной жизни и весьма добросердечный и вѣрующій, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ сильно привязанный ко всѣмъ мірскимъ благамъ, который не прочь былъ пользоваться своей добродѣтелью и для пріумноженія этихъ мірскихъ благъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ «Малаго Домостроя»:

«Сынъ мой! ты имѣешь на себѣ и святительское благословеніе и жалованье Государя Царя, Государыни Царицы, братьевъ Царскихъ и всѣхъ бояръ, и съ добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба; ты получилъ все доброе: такъ умѣй совершать о Богѣ, какъ начато при нашемъ попеченіи... Помни, сынъ, какъ мы жили: никогда никто не вышелъ изъ дому нашего тощъ или скорбенъ... Жену люби и въ законѣ съ ней живи: что самъ сдѣлаешь, тому же и жену учи: всякому страху Божію, всякому знанію и промыслу, рукодѣлью и домашнему обиходу, всякому порядку. Умѣла бъ сама и печь и варить, всякую домашнюю порядню знала бы и всякое женское рукодѣлье; хмѣльнаго питья отнюдь не любила бы, да и дѣти и слуги у ней также бы его не любили; безъ рукодѣлья жена ни на минуту бы не была, также и слуги. Съ гостями у себя и въ гостяхъ отнюдь бы не была пьяна, съ гостями вела бы бесѣду о рукодѣльи, о домашнемъ порядкѣ, о законной христіанской жизни, а не пересмѣивала бы, не переговаривала бы ни о комъ; въ гостяхъ и дома пѣсней бѣсовскихъ и всякаго срамословія ни себѣ, ни слугамъ не позволяла бы; волхвовъ, кудесниковъ и никакого чарованія не знала бы. Если жена не слушается, всячески наказывай страхомъ, а не гнѣвайся, наказывай наединѣ, да наказавъ примолви, и жалуй и люби ее. Также дѣтей и домочадцевъ учи страху Божію и всякимъ добрымъ дѣламъ... Ты видѣлъ, какъ я былъ отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ; всякому старался я угодить, ни передъ кѣмъ не гордился, никому не прекословилъ, никого не осуждалъ, не просмѣивалъ, не укорялъ, ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида —терпѣлъ и на себя вину полагалъ; отъ того враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія; нищаго, страннаго, скорбнаго никогда не презрѣлъ; заключенныхъ въ темницѣ, плѣнныхъ, должныхъ выкупалъ, голодныхъ кормилъ; рабовъ всѣхъ своихъ освободилъ и надѣлилъ, и чужихъ рабовъ выкупалъ... Также и мать твоя многихъ дѣвицъ, сиротъ и бѣдныхъ воспитала, выучила и, надѣливъ, замужъ отдавала...».

«Поѣдешь куда въ гости, поминки недорогіе вези за любовь. На дорогѣ, въ пиру, въ торговлѣ отнюдь брани самъ не начинай, а кто выбранитъ, терпи, Бога ради. Если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ-нибудь брань, то ты на своихъ бранись, а будетъ дѣло кручиновато, то и ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: тѣмъ брань утолишь, также убытка и вражды не будетъ»... Послѣднія слова показываютъ—насколько Силь-

вестръ, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ, былъ человѣкомъ угодливымъ, себѣ на умѣ, почему онъ лаской и уступчивостью и могъ собрать вокругъ себя боярскую партію. Но такъ какъ всѣмъ угодить невозможно, то, въ концѣ концовъ, онъ и навлекъ на себя гнѣвъ Государя.

Насъ непріятно поражаютъ въ приведенной выдержкѣ совѣты сыну относительно жены, которая занимаетъ въ семьѣ по «Домострою», хотя и почетное положеніе хозяйки, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно подчиненное по отношенію къ мужу; не то мы видѣли въ древне-Русскомъ бытѣ, изображенномъ въ былинахъ. Это подчиненное положеніе женщины явилось, конечно, вслѣдствіе общаго огрубѣнія нравовъ, подъ вліяніемъ Татарщины; и Сильвестръ, давая наставленіе, какъ наказывать жену—«наединѣ, да наказавъ примолви»—говоритъ это, разумѣется, съ цѣлью смягчить имѣвшую мѣсто въ народѣ грубость обращенія съ женщиной, что, къ несчастью, мы можемъ встрѣтить иногда и въ настоящее время.

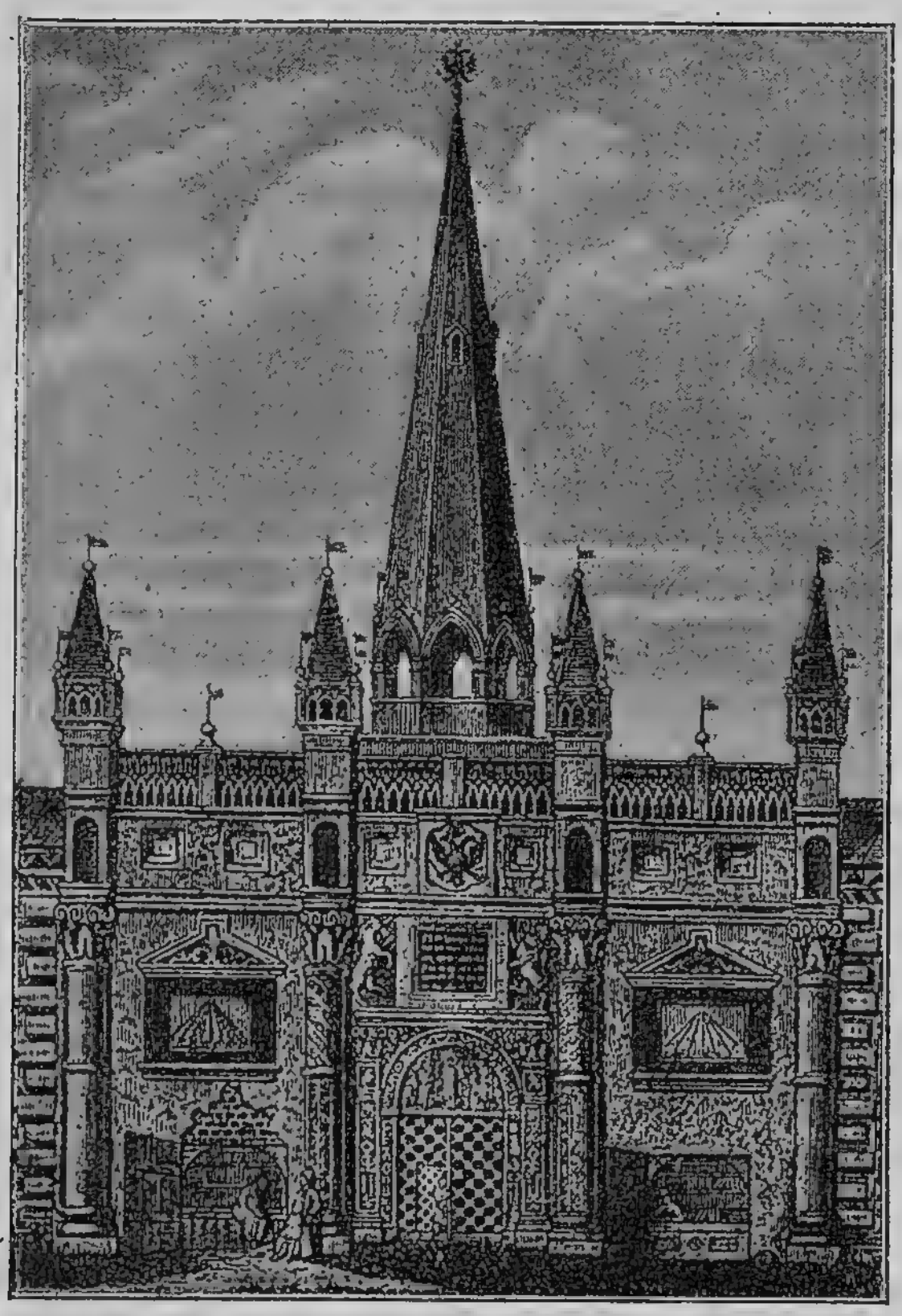
Съ той же, конечно, цѣлью—смягчить существовавшіе нравы—высказывался и пространный «Домострой»: «Мужья должны учить женъ своихъ съ любовью и благоразсуднымъ наказаніемъ. Если жена по мужнему наученію не живетъ, то мужу надобно наказывать ее наединѣ и, наказавъ, пожаловать и примолвить, другъ на друга не должны сердиться. Слугъ и дѣтей также, посмотря по винѣ, наказывать и раны возлагать, да, наказавъ, пожаловать, а хозяйкѣ за слугъ печаловаться: такъ слугамъ надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказаніе нейметъ, то плетью постегать, а побить не передъ людьми, наединѣ; а по уху, по лицу не бить, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ. А если велика вина, то, снявъ рубашку, плеткой вѣжливенько побить, за руки держа»... Нѣтъ сомнѣнія, что эти совѣты примѣнялись далеко не часто, и многія семьи жили мирно и дружно—во взаимной любви и уваженіи, примѣры чему мы еще будемъ видѣть въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи.

Всѣ приведенные выше письменные труды обращались во время Іоанна Грознаго, исключительно, въ рукописныхъ спискахъ. Книгопечатаніе, великое изобрѣтеніе Нѣмца Гутенберга въ концѣ XV вѣка, появилось въ Московскомъ Государствѣ лишь въ 1553 году, хотя попытки къ этому дѣлались еще раньше; такъ, въ 1548 году, Іоаннъ поручилъ Саксонцу Шлитте, про котораго мы уже говорили, привести въ числѣ другихъ мастеровъ—и печатниковъ, но ихъ не пропустили къ намъ Ливонскіе Нѣмцы. Въ 1553 же году, въ виду крайней надобности въ исправныхъ церковныхъ книгахъ, по благословенію митрополита Макарія, Царь рѣшилъ открыть печатню или типографію въ Москвѣ, въ которой сразу же стали заниматься два Русскихъ мастера—дьяконъ отъ Николы Гостунскаго—Иванъ Ѳедоровъ, да Петръ Тимофѣевичъ Мстиславецъ; они закончили къ 1564 году печатаніе первой книги «Дѣяній Апостольскихъ» и «Соборныхъ посланій», вмѣстѣ съ «Посланіями апостола Павла». Книга по внѣшности была отпе-

чатана отлично, но переводъ не былъ свѣренъ съ Греческими подлинниками, и въ ней было много ошибокъ.

Появленіе труда нашихъ славныхъ Московскихъ первопечатниковъ произвело большой переполохъ среди многочисленныхъ переписчиковъ, для которыхъ печатныя книги были, конечно, прямымъ подрывомъ ихъ заработка.

Они сумѣли возбудить чернь противъ Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславца, обвиняя ихъ въ какихъ-то ересяхъ, и толпа подожгла печатныя палаты; печатники же наши успѣли бѣжать въ Литву. Однако, дѣло, основанное ими, не погибло; его продолжалъ ученикъ ихъ — Андроникъ Невѣжа. Мастера же наши, прибывъ въ Литву, напечатали много книгъ, работая подъ покровительствомъ Литовскихъ вельможъ, оставшихся еще вѣрными Православію: въ мѣстечкѣ Заблудовѣ, близь Бѣлостока, у великаго гетмана Григорія Александровича Хоткевича, и въ городѣ Острогѣ, у знаменитаго ревнителя Православія — князя Константина Константиновича Острожскаго, у котораго Иванъ Ѳедоровъ успѣлъ напечатать: Псалтырь, Новый Завѣтъ, а затѣмъ и Ветхій. Работали наши первопечатники также на Волыни и во Львовѣ, гдѣ Православные обитатели ихъ завели книгопечатни. Тѣмъ не менѣе, въ виду сильнаго угнетенія Православія въ Западной Руси, жизнь обоихъ тружениковъ не могла быть завидною; извѣстно, что Иванъ Ѳедоровъ, человѣкъ семейный и больной, терпѣлъ страшную нужду. Онъ вынужденъ былъ заложить жидамъ всѣ свои типографскіе снаряды за 411 злотыхъ, и только послѣ его смерти они были выкуплены Галицкимъ епископомъ.



***221.** Видъ древняго печатнаго двора въ Москвѣ, съ двумя книжными лавками.*

Со стариннаго, рѣзаннаго на мѣди, рисунка.

Западно-Русское духовенство, особенно высшее, въ описываемыя времена уже во многомъ отличалось отъ своихъ собратьевъ въ Московскомъ Государствѣ. Гибельное раздѣленіе митрополіи при Казимірѣ Ягайловичѣ,

съ постановленіемъ Кіевскаго митрополита въ полную зависимость отъ Литовско-Польскаго короля, принесло свои плоды.

Въ дѣла Православной церкви стали все болѣе и болѣе вмѣшиваться католики: Православными епископами короли часто назначали угодливыхъ имъ и Польской знати свѣтскихъ людей, только числившихся Православными, по духу же совершенно преданныхъ Латинству и Польщизнѣ; точно также раздавались и игуменства въ монастыряхъ; все это, разумѣется, вносило сильную порчу въ нравы Западно-Русскаго духовенства, которое стало наполняться алчными и буйными людьми, ничего общаго не имѣющими съ тѣмъ высокимъ званіемъ, которое они носили. Конечно, паденіе нравовъ среди Православныхъ священнослужителей

222. Страница первопечатной Псалтыри 1568 года.

223. Гербъ Ивана Ѳедорова на Новомъ Завѣтѣ 1580 года.

было извѣстно всѣмъ, и іезуиты, при каждомъ случаѣ, старались въ своихъ проповѣдяхъ унизить нашу вѣру, указывая на недостатки Православнаго духовенства; съ особенной же ненавистью относился къ нему знаменитый ксендзъ Петръ Скарга, всячески понося въ своихъ страстныхъ проповѣдяхъ Православіе. Къ этому присоединились при Стефанѣ Баторіи и открытыя гоненія на нашу церковь. «При Баторіи», говоритъ нашъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ, «церковь въ Литвѣ сильно почувствовала, чего она должна ожидать впредь отъ католическаго противодѣйствія и главныхъ проводниковъ его—іезуитовъ: въ 1583 году король велѣлъ отобрать землю у всѣхъ Полоцкихъ церквей и монастырей, кромѣ владычныхъ, и отдать ихъ іезуитамъ. Въ 1584 году, во Львовѣ, наканунѣ

Рождества Христова, католики, по приказанію архіепископа своего, съ оружіемъ въ рукахъ напали на Православныя церкви и монастыри, выволокли священниковъ изъ алтарей, однихъ уже по освященіи даровъ, другихъ передъ самымъ причастіемъ, запечатали церкви и настрого запретили отправлять въ нихъ богослуженіе».

Но, несмотря на эти преслѣдованія и паденіе нравовъ среди духовенства, въ Западной Руси не переводились крѣпкіе духомъ и глубокой привязанностью къ Православію—Русскіе люди.

224. Большая золотая медаль съ изображеніемъ князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго (лицевая сторона). На князѣ надѣта шуба съ отложнымъ мѣховымъ (горностаевымъ) воротникомъ и довольно широкими рукавами; голова безъ шапки. Кругомъ Латинская надпись: „Константинъ Константиновичъ, Божіею милостію князь Острожскій, воевода Кіевскій, маршалокъ земли Волынской, староста Владимірскій.

Найдена при перестроеніи большой Церкви Кіево-Печерской лавры въ тайномъ казнохранилищѣ, принадлежавшемъ, повидимому, гетману Мазепѣ.

Среди уже сильно ополяченныхъ Русскихъ вельможъ—горячимъ ревнителемъ Православія былъ помянутый нами князь Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскій; онъ былъ сыномъ знаменитаго гетмана Константина Ивановича Острожскаго, побѣдителя подъ Оршею Московской рати, и самъ, по приказанію Баторія, воевалъ съ полками Іоанна въ Сѣверской Украинѣ.

Такимъ образомъ, оба князя Острожскіе—отецъ и сынъ, будучи Русскими людьми и горячо преданными Православію, могли служить Польскимъ королямъ, и при этомъ вести ожесточенную войну съ Православнымъ Московскимъ Государствомъ. Это показываетъ, конечно, что въ XVI вѣкѣ не всѣ Русскіе люди сознавали еще потребность соединиться подъ единою сильною рукою Православнаго Русскаго Царя, почему, какъ увидимъ, наши Государи должны были положить для этого немало труловъ въ послѣдующіе вѣка.

Наряду съ Константиномъ Острожскимъ, другимъ большимъ ревнителемъ Православія въ Польско-Литовскомъ государствѣ былъ нашъ измѣнникъ — князь Андрей Курбскій. Этотъ своевольный и высокомѣрный человѣкъ получилъ на Литвѣ и Волыни большія земельныя владѣнія отъ Сигизмунда-Августа, въ томъ числѣ городъ Ковель, и гордо величалъ себя княземъ Курбскимъ и Ярославскимъ. Однако, своей измѣной онъ не пріобрѣлъ себѣ расположенія и на новой родинѣ; оставивъ въ Московскомъ Государствѣ мать, жену и сына-ребенка, которые, по его словамъ, были заморены Іоанномъ, Курбскій, вскорѣ послѣ своего бѣгства, вступилъ въ бракъ со вдовой отъ двухъ мужей,—рожденной княжной Голшанской, и крайне дурно жилъ съ ней, причемъ оба они обвиняли другъ друга во всевозможныхъ преступленіяхъ;

затѣмъ бракъ ихъ былъ расторгнутъ, и онъ женился въ третій разъ, уже на дѣвушкѣ. Замѣчательно, что Курбскій, заклеймивъ свое имя гнусной измѣной, ведя затѣмъ на Литвѣ крайне бурную жизнь, ссорясь постоянно съ окружающими и не гнушаясь прибѣгать къ насилію надъ своими недругами,—сохранилъ, тѣмъ не менѣе, самую горячую любовь къ Православной вѣрѣ и всячески старался ее поддержать; онъ написалъ исторію Флорентійскаго собора, перевелъ съ Латинскаго языка на Славянскій бесѣду Іоанна Златоуста: «О вѣрѣ, надеждѣ и любви», а также горячо обличалъ лютеранъ и іезуитовъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ Православнымъ горожанамъ Вильны и Львова.

225. Развалины замка князя Василія-Константина Константиновича въ Острогѣ.

Среди этихъ Православныхъ горожанъ Западной Руси, состоявшихъ большею частью изъ мелкаго посадскаго люда, весьма отраднымъ явленіемъ было въ наступившія тяжкія времена для нашей вѣры—образованіе *Православныхъ Братствъ*, изъ коихъ самыми знаменитыми являлись: Львовское при Успенской церкви города Львова и Виленское при Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ. Возникновеніе этихъ Братствъ въ Западно-Русскихъ городахъ слѣдуетъ отнести къ уже упомянутому нами глубоко трогательному древне-Русскому обычаю—устраивать складчинные братскіе пиры по большимъ праздникамъ, въ которыхъ принимали участіе, на совершенно равныхъ правахъ, богатые и бѣдные, знатные и безродные. Въ Западно-Русскихъ городахъ, подъ вліяніемъ притѣсненій Православнаго населенія католиками, участники этихъ братскихъ пировъ начали входить другъ съ другомъ въ болѣе тѣсныя отношенія: они стали строить особые

братскіе дома, въ которыхъ разсуждали о потребностяхъ духовныхъ и церковныхъ, а также о нуждахъ больного и сираго люда; Братства же и хоронили своихъ неимущихъ членовъ.

Для завѣдыванія дѣлами и деньгами выбирались старосты, причемъ дѣятельность ихъ опредѣлялась уставами Братствъ. Такъ, по уставу Львовскаго Братства всякій вступающій въ него шляхтичъ или мѣщанинъ вносилъ въ братскую кружку шесть грошей, а затѣмъ еще и извѣстную ежегодную плату; за это Братство обязано было приходить ему на помощь въ случаѣ нужды, провожать умершихъ братьевъ до могилы со свѣчами и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Братство не только наблюдало за благочестіемъ мірянъ и духовныхъ лицъ, но вскорѣ получило отъ Царьградскаго патріарха важное право—входить въ пререканія съ самимъ епископомъ, если онъ нарушалъ правила церкви. Конечно, это было весьма существенно въ дѣлѣ поддержанія Православія, въ виду того, что, какъ мы говорили, въ среду Западно-Русскаго духовенства, при благосклонномъ содѣйствіи Польскихъ королей и Латинскихъ вельможъ, стали проникать люди сомнительной нравственности. Царьградскій патріархъ благословилъ также Львовское Братство на открытіе своей школы и печатни на Славянскомъ и Греческомъ языкахъ. Такія же школы и печатни возникли какъ въ Вильнѣ при Свято-Троицкомъ Братствѣ, такъ и въ Острогѣ, на средства князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго. Въ школахъ этихъ проходили языки Латинскій и Греческій и другія науки, такъ что изъ нихъ выходили столь-

226. Гербъ города Львова и печатника Ивана Ѳедорова на „Апостолѣ“ 1584 года.

же образованные люди, какъ изъ іезуитскихъ коллегій и протестантскихъ школъ. Скоро Братскія школы дали рядъ способнѣйшихъ и горячихъ борцовъ на защиту Православія, направившихъ свои силы противъ іезуитской пропаганды; въ числѣ ихъ необходимо упомянуть учителей Львовской Братской школы—Стефана Зизанія и Кирилла Транквилліона. Такимъ образомъ, городскія Братства въ Западной Руси явились для мелкой шляхты и мѣщанства крѣпкимъ оплотомъ Православія въ наступившія для него тяжкія времена.

Другимъ оплотомъ нашей вѣры въ тѣ времена въ Польско-Литовскомъ государствѣ служилъ, конечно, простой Русскій сельскій людъ, беззавѣтно державшійся вѣры своихъ отцовъ.

Наконецъ, славное Днѣпровское казачество было также всецѣло предано Святой нашей вѣрѣ.

Это Днѣпровское казачество, какъ мы уже говорили, дѣлилось на городовое или осѣдлое и «Низовое» или вольное, подобное вольнымъ Донскимъ казакамъ, причемъ первымъ атаманомъ Низовыхъ Днѣпровскихъ казаковъ былъ, какъ мы тоже указывали, Евстафій Дашковичъ.

Мы видѣли также, что служившій одно время у Грознаго князь Димитрій Вишневецкій задумалъ основать, на лежащемъ ниже пороговъ обширномъ островѣ Хортицѣ, укрѣпленіе, гдѣ могли бы держаться Низовые казаки, что сильно встревожило Турокъ и Крымцевъ, которые, послѣ большихъ усилій, заставили казаковъ уйти изъ Хортицы. Но, несмотря на эту неудачу, Низовое казачество усиленно старалось утвердиться ниже пороговъ и скоро пріобрѣло себѣ громкую извѣстность подъ новымъ наименованіемъ «Запорожскихъ казаковъ». Въ Запорожье, такъ же, какъ и въ Донское казачество, началъ стекаться самый отважный и предпріимчивый людъ, недовольный тяжелыми условіями своей жизни на родинѣ; отсюда казаки стали направлять свои лихіе набѣги на владѣнія Крымцевъ и Турокъ, чѣмъ приводили ихъ въ великій ужасъ; зависимыя отъ Турокъ сосѣднія съ Поднѣпровьемъ области—Молдавія и Валахія тоже сдѣлались поприщемъ казацкой удали. Казацкіе атаманы со своими дружинами являлись сюда или съ тѣмъ, чтобы быть посредниками между различными воеводами, враждовавшими другъ съ другомъ, или же для того, чтобы самимъ захватить себѣ Молдавское воеводство.

Въ поискахъ этого воеводства погибъ князь Димитрій Вишневецкій: онъ былъ посаженъ Турками на колъ. Затѣмъ, на короткое время, занялъ Молдавскій столъ, подъ видомъ наслѣдника одного изъ бывшихъ господарей, славный казацкій атаманъ Иванъ Подкова, прославившій себя рядомъ геройскихъ подвиговъ и стяжавшій сочувствіе даже среди Поляковъ за свою великую удаль и доброту. Однако Стефанъ Баторій, по настоянію Турецкаго султана, велѣлъ брату своему, Седмиградскому воеводѣ, выступить противъ Подковы и двинулъ также противъ него нѣсколько Польскихъ отрядовъ. Тогда Подкова вынужденъ былъ отступить изъ Молдавіи, несмотря на рядъ удачныхъ дѣйствій противъ Поляковъ. Затѣмъ, понадѣявшись на ручательство въ безопасности, данное ему отъ имени Баторія, Подкова имѣлъ неосторожность передаться его воеводѣ—князю Николаю Збаражскому. Баторій, однако, слово свое нарушилъ и велѣлъ отрубить Подковѣ голову во Львовѣ.

Такъ гибли въ бою, или на плахѣ, многіе отважные Запорожскіе удальцы, но на смѣну погибшимъ являлись десятки другихъ; и Баторій предугадывалъ, что здѣсь—на Днѣпрѣ—скоро образуется грозная сила, съ которой Польскому королевству придется вступить въ тяжкую и продолжительную борьбу; поэтому, негодуя вмѣстѣ съ Яномъ Замойскимъ на казаковъ, онъ постоянно старался подавлять ихъ смѣлое своеволіе и предавалъ ихъ при всякомъ случаѣ суровымъ казнямъ.

Негодовали на Днѣпровскихъ казаковъ и хищные Крымцы. «....Казакъ—собака», говорили ихъ мурзы, «когда и на корабляхъ на нихъ

227. Запорожцы въ засадѣ.

Рисунокъ Р. Штейна.

приходятъ Турецкіе стрѣльцы, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ....».

228. Изображеніе казака съ пищалью на печати, приложенной къ казацкому донесенію гетману Замойскому—начала XVII вѣка.

Хранится въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ въ Варшавѣ.

229. Царь Давидъ съ воинами.

Изъ рукописной Псалтыри Ѳеодора Ивановича Годунова—1594 года. Хранится въ Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

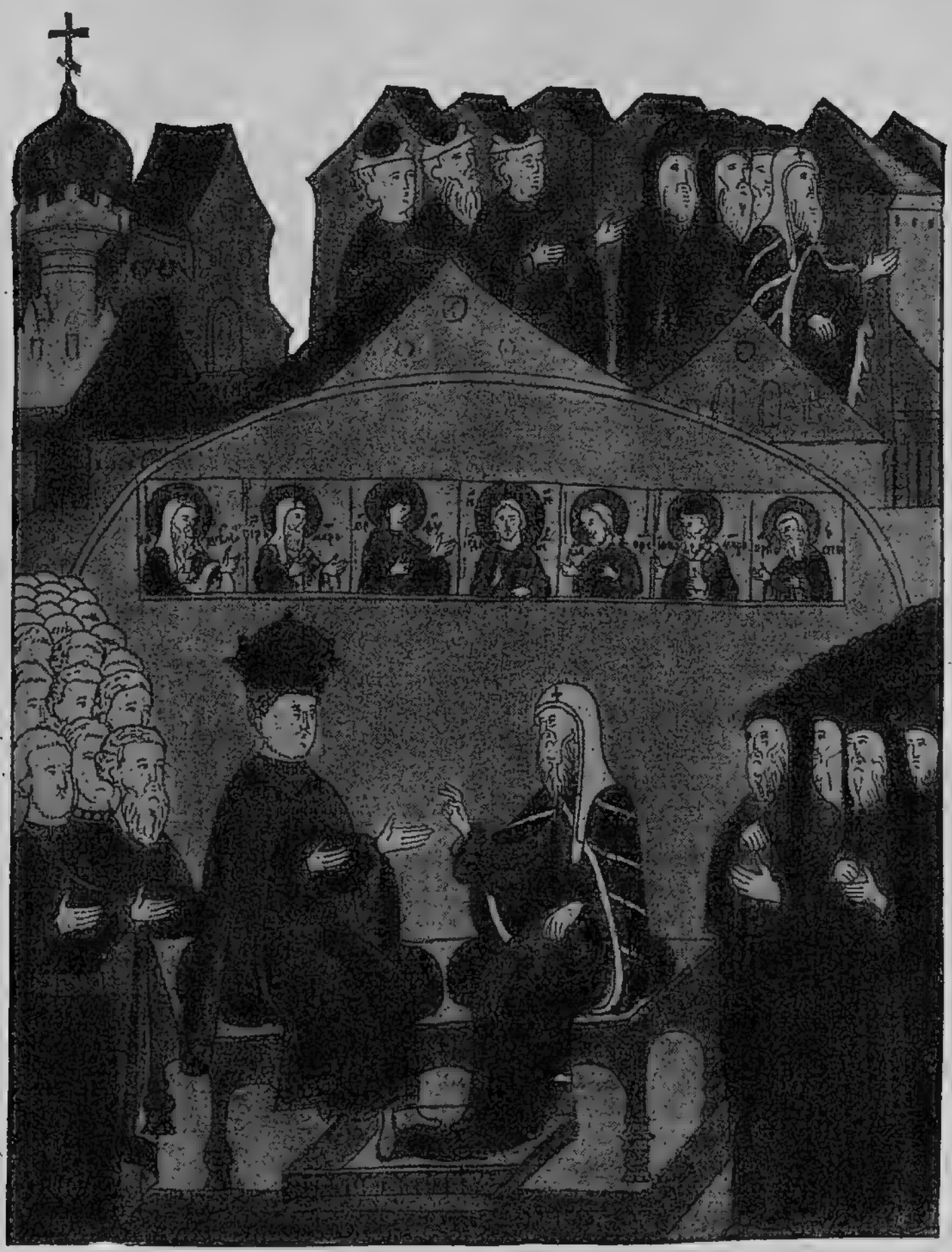
Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Годуновъ правитель. Учрежденіе патріаршества. Убіеніе царевича Димитрія. Царь Борисъ. Брестская унія. Самозванецъ на Литвѣ и въ Польшѣ. Его походъ на Москву. Царствованіе Лжедимитрія. Бракъ его съ Мариной Мнишекъ. Гибель самозванца.

РОЗНОМУ Царю наслѣдовалъ смиренно-блаженный. Ѳеодоръ Іоанновичъ, вступившій на родительскій престолъ двадцати семи лѣтъ отъ роду, былъ человѣкомъ небольшого роста, призе-мистымъ и опухлымъ, съ ястребинымъ носомъ, нетвердой походкой и постоянной улыбкой на устахъ; онъ былъ очень простъ, «бѣ бо», по словамъ «Временника дьяка Тимофеева», «естествомъ кротокъ и многъ въ милостѣхъ ко всѣмъ, и непороченъ.... паче же всего любя благочестіе и благолѣпіе церковное», но совершенно не склоненъ къ занятіямъ государственными дѣлами.

Очевидно, власть должна была перейти въ руки тѣхъ, кто его окружали. Это были все близкіе люди покойному Государю, уцѣлѣвшіе отъ разгрома, которому была подвергнута боярская среда, и выдвинутые или родственными связями съ Грознымъ, или своею вѣрною ему службою.

На первомъ мѣстѣ стоялъ престарѣлый бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ, родной дядя молодого Царя по матери,

отличавшійся, по общему отзыву современниковъ, такими-же свѣтлыми душевными качествами, какъ и покойная сестра его—Царица Анастасія Романовна. Даже Ливонскіе лѣтописцы съ восторгомъ разсказывали, какъ великодушный Никита Романовичъ, взявъ городъ Пернау,



230. Царь Θеодоръ Іоанновичъ оповѣщаетъ митрополита и бояръ о кончинѣ отца.
Изъ Александро-Невской рукописи.

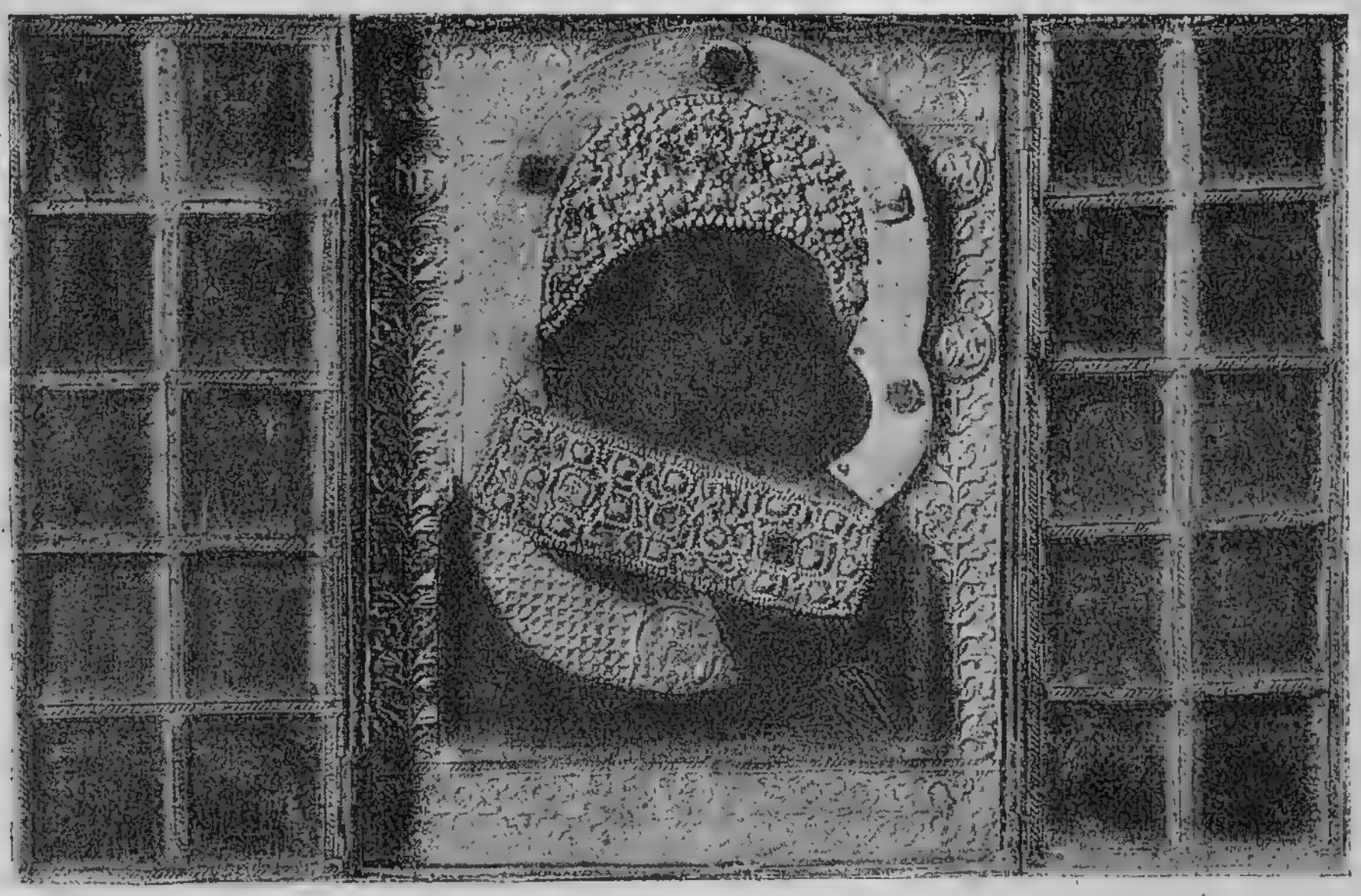
позволилъ его жителямъ удалиться со всѣмъ ихъ имуществомъ. За нимъ слѣдовали: князь Иванъ Θеодоровичъ Мстиславскій, сынъ двоюродной сестры Грознаго, очень родовитый, но незначительный самъ по себѣ человѣкъ, и Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, шуринъ Государя и братъ Царицы Ирины, къ которой молодой Царь питалъ безпредѣльную привязанность.

Важное значеніе имѣлъ также рѣшительный, смѣлый и честолюбивый Богданъ Бѣльскій, воспитатель царевича Димитрія, выдвинувшійся своею

службою въ Опричнинѣ и родствомъ съ Малютой Скуратовымъ и Борисомъ Годуновымъ.

Затѣмъ шло нѣсколько князей Шуйскихъ, во главѣ со знаменитымъ защитникомъ Пскова княземъ Иваномъ Петровичемъ, заслужившимъ довѣріе Грознаго своею вѣрною службою. Наконецъ, умные и хитрые думные дьяки—братья Андрей и Василій Щелкаловы—тоже принадлежали къ самымъ близкимъ людямъ Царя Ѳеодора.

Отдѣльно отъ описаннаго выше кружка—держались Нагіе, родные Царицы Маріи, матери царевича Димитрія.



231. Образъ Петровской Божіей Матери.

Вкладъ дьяка Андрея Щелкалова. Хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевской лавры.

Повидимому, окружающіе Царя Ѳеодора опасались непріязненныхъ дѣйствій со стороны Нагихъ; какъ только умеръ Грозный, то тотчасъ же они распорядились запереть всѣ входы въ кремль, уставили на стѣнахъ стражу и держали пушки наготовѣ съ зажженными фитилями, на случай народнаго движенія въ пользу младенца Димитрія. На другой день была принесена высшими чинами торжественная присяга Ѳеодору, а Димитрія вмѣстѣ съ матерью и Нагими поспѣшили удалить въ Угличъ, данный ему въ удѣлъ. Это удаленіе не имѣло, однако, вида суровой опалы. Изъ Углича въ день имянинъ царевича, 19-го октября, посылались по обычаю къ Государю и его семьѣ пироги, а Ѳеодоръ Іоанновичъ отдаривалъ Царицу Марію Нагую дорогими мѣхами.

Богданъ Бѣльскій, воспитатель Димитрія, оставался послѣ его удаленія въ Угличъ—нѣкоторое время въ Москвѣ, но скоро въ народѣ разнесся слухъ, что онъ хочетъ извести Царя Ѳеодора. Чернь заволновалась. Къ

ней пристали, находившіеся въ это время въ столицѣ, вліятельные Рязанскіе люди—Ляпуновы и Кикины; огромная толпа подступила къ Спасскимъ воротамъ въ кремлѣ, навела на нихъ пушку и требовала выдачи Бѣльскаго. Тогда Царь велѣлъ объявить, что послѣдній сосланъ имъ въ Нижній Новгородъ, и народъ успокоился. Былъ ли дѣйствительно виноватъ Бѣльскій въ какой либо крамолѣ, или слухъ объ этомъ былъ пущенъ недоброжелателями, съ цѣлью вызвать его удаленіе отъ двора,—неизвѣстно.

Первое время по воцареніи Ѳеодора наибольшее вліяніе на дѣла имѣлъ дядя его—бояринъ Никита Романовичъ; вскорѣ, однако, онъ былъ разбитъ параличемъ, а затѣмъ и умеръ, ввѣривъ Борису Годунову передъ кончиною—своихъ дѣтей отъ брака съ Евдокіей Александровной Горбатой-Шуйской—молодыхъ братьевъ «Никитичей», какъ ихъ звали въ народѣ, и взявъ съ него клятву на вѣрность съ ними «завѣщательному союзу дружбы».

Послѣ смерти Никиты Романовича, Борисъ Годуновъ становится во главѣ правленія и скоро сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ небывалую власть надъ Государствомъ.

Жизнь этого человѣка, имѣвшаго огромнѣйшее значеніе въ судьбахъ Русской Земли, замѣчательна. Потомокъ крещенаго Татарскаго мурзы Чета, пріѣхавшаго въ Москву при Іоаннѣ Калитѣ, Борисъ Годуновъ уже въ молодыхъ годахъ былъ близкимъ человѣкомъ къ Грозному, состоя при Царскомъ *саадакѣ* (лукъ и колчанъ со стрѣлами), и быстро вошелъ въ его полную довѣренность, чему способствовала женитьба Годунова на дочери Малюты Скуратова, а затѣмъ и бракъ его сестры Ирины съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ.

Личныя качества Бориса, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ очутился. По общимъ отзывамъ современниковъ, даже и его злѣйшихъ враговъ, Борисъ, оставаясь неграмотнымъ до конца своей жизни, «грамотичнаго ученія не свѣдый до мала отъ юности, яко ни простымъ буквамъ навыченъ бѣ», отличался, тѣмъ не менѣе, большими дарованіями: «онъ цвѣлъ благолѣпіемъ, видомъ и умомъ, всѣхъ людей превзошелъ;—мужъ чудный и сладкорѣчивый, много устроилъ онъ въ Государствѣ достохвальныхъ вещей, ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемство; былъ милостивъ и нищелюбивъ, но въ военномъ дѣлѣ былъ неискусенъ. Цвѣлъ онъ какъ финикъ листвіемъ добродѣтели, и если бы тернъ завистной злобы не помрачалъ его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться». Въ послѣднихъ словахъ заключается вся разгадка души Бориса. Основной ея чертой было ненасытное честолюбіе, готовое, какъ увидимъ, для своего удовлетворенія идти на самыя страшныя преступленія; при этомъ, оно лицемѣрно прикрывалось личиною всевозможныхъ человѣческихъ добродѣтелей. При такихъ свойствахъ души и имѣя поддержку въ безгранично преданной себѣ сестрѣ, умной Царицѣ Иринѣ, всецѣло овладѣвшей чувствами и помыслами Царя Ѳеодора, Борисъ Годуновъ могъ разсчитывать достигнуть всего.

Въ то самое время, когда Грозный Царь, сидя за столомъ съ шахматами, испустилъ свой духъ, присутствовавшій при этомъ Борисъ, предвкушая сладость своего будущаго положенія при смиренномъ Ѳеодорѣ, съ веселымъ видомъ обратился къ бывшему тутъ же Англичанину Горсею и сказалъ ему: «Будь вѣренъ мнѣ и не бойся».

Захватъ Борисомъ власти не обошелся, разумѣется, безъ борьбы, но долгая служба въ Опричнинѣ выучила Годунова не стѣсняться въ средствахъ при ея веденіи. Приближенные люди при Царѣ Ѳеодорѣ раздѣлились, за нѣсколько времени до смерти Никиты Романовича, на двѣ партіи: во главѣ одной былъ Борисъ Годуновъ, сблизившійся съ братьями Щелкаловыми, вѣрно оцѣнившими, что сила на его сторонѣ, причемъ Андрея Щелкалова Борисъ назвалъ даже себѣ отцемъ, хотя незадолго передъ этимъ онъ назвалъ себѣ отцемъ и князя И. Ѳ. Мстиславскаго; къ другой партіи принадлежали: помянутый князь И. Ѳ. Мстиславскій, князь Воротынскій, Головины, Колычевы, а также и князья Шуйскіе, очень любимые всѣмъ Московскимъ населеніемъ—купцами, горожанами и чернью.

Говорятъ, что Мстиславскій, послѣ долгихъ отказовъ, согласился извести Годунова отравой у себя на пиру; но это было во-время открыто; его схватили и насильно постригли въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ. Воротынскіе же, Головины, Колычевы и многіе другіе были заточены по разнымъ городамъ или отправлены въ ссылку; при этомъ, одинъ изъ Головиныхъ—Михайло, бѣжалъ за рубежъ къ королю Стефану Баторію.

Шуйскихъ Борисъ пока не тронулъ, опасаясь, очевидно, большой любви къ нимъ со стороны Московскихъ жителей; онъ даже пошелъ съ ними на мировую. Посредникомъ въ этомъ былъ митрополитъ Діонисій, человѣкъ тонкаго ума и сладкорѣчивый, но достойный и добрый пастырь, искренно служившій дѣлу умиротворенія. Когда послѣ примиренія своего съ Годуновымъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій вышелъ изъ Грановитой палаты, то былъ встрѣченъ на площади толпой торговыхъ людей, причемъ два купца подошли къ нему и сказали: «Помирились вы нашими головами; и вамъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть».

Слова ихъ оправдались: оба купца были въ ту же ночь схвачены и сосланы неизвѣстно куда, а затѣмъ скоро наступилъ чередъ и Шуйскихъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ: Ѳеодоръ не имѣлъ дѣтей отъ Царицы Ирины, такъ какъ всѣ роды ея были неудачны. Понимая, что могущество Годунова основано всецѣло на привязанности Государя къ Иринѣ, Шуйскіе съ другими боярами и всѣми Московскими купцами рѣшили подать Царю челобитную, въ которой просили его «пріяти бы ему второй бракъ, а Царицу перваго брака—Ирину Ѳеодоровну пожаловати отпустили въ иноческій чинъ; и бракъ учинити ему Царьскаго ради чадородія». При этомъ была намѣчена и невѣста для Государя—дочь заточеннаго въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ князя И. Ѳ. Мсти-

славскаго. Однако Борисъ, имѣя повсюду своихъ лазутчиковъ, во-время узналъ о готовящемся ему ударѣ и поспѣшилъ уговорить митрополита Діонисія, бывшаго, повидимому, на сторонѣ Шуйскихъ, не начинать дѣла о разводѣ; при этомъ онъ указывалъ, что Царь Ѳеодоръ и Ирина молоды и могутъ еще имѣть дѣтей; въ случаѣ же бездѣтности, у Ѳеодора имѣется и прямой наслѣдникъ, живущій въ Угличѣ,—братъ его царевичъ Димитрій.

Такъ палъ вопросъ о разводѣ Царя. Годуновъ удовольствовался на первое время одной только жертвой: несчастная княжна Мстиславская, какъ возможная соперница его сестры, была насильно пострижена; но страшный ударъ обрушился вскорѣ и на Шуйскихъ.

По разсказу лѣтописца—Борисъ, злобясь на Шуйскихъ, научилъ ихъ дворовыхъ людей—Ѳеодора Старкова съ товарищами, обвинить своихъ господъ въ «измѣнѣ». Шуйскіе были перехвачены вмѣстѣ съ своими друзьями—князьями Татевыми, Урусовыми, Колычевыми, Быкасовыми и другими. Началось слѣдствіе, сопровождавшееся страшными пытками и великимъ кровопролитіемъ, ничего, однако, не обнаружившее. Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, пытали также семь человѣкъ Московскихъ гостей, но и они ничего не показали.

232. Серебряная чарка, вѣсомъ 33 золотника; по краю рѣзана надпись: „Чарка боярина и конюшево Бориса Ѳеодоровича Годунова слоуги". На внѣшней сторонѣ дна вырѣзано: „пожаловал Клеоуса Савостьянова лѣта 7100 в четвертомъ году". (1596 г.).

Хранится въ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра III въ Москвѣ.

Послѣ слѣдствія, доблестный князь Иванъ Петровичъ Шуйскій былъ отправленъ на Бѣло-озеро и тамъ, по свидѣтельству лѣтописца, удавленъ; другой Шуйскій—князь Андрей Ивановичъ, по тому же свидѣтельству, былъ удавленъ въ Каргополѣ; сторонники Шуйскихъ были разосланы по разнымъ городамъ и тюрьмамъ, а семи Московскимъ гостямъ были отрублены головы.

«Лилась кровь на пыткахъ, на плахѣ; лилась кровь въ усобицѣ боярской», говоритъ историкъ С. Соловьевъ, «и вотъ митрополитъ Діонисій вспомнилъ свою обязанность печалованія; видя многое убійство и кровопролитіе неповинныхъ, онъ вмѣстѣ съ Крутицкимъ архіепископомъ (въ Москвѣ) Варлаамомъ началъ говорить Царю о многихъ неправдахъ Годунова». Но что могли сдѣлать эти пастыри, когда на сторонѣ Бориса была его сестра и Государь, во всемъ довѣрившійся своему шурину? Доблестно исполнивъ святой долгъ свой—печалованія за невинныхъ, Діонисій и Варлаамъ были свергнуты, обнесенные Годуновымъ, и заточены въ Новгородскіе монастыри. Вмѣсто-же Діонисія митрополитомъ былъ поставленъ Ростовскій епископъ Іовъ, человѣкъ, всецѣло преданный Борису.

Такимъ образомъ, послѣ низверженія Діонисія, Годуновъ освободился отъ всѣхъ опасныхъ себѣ людей и безгранично захватилъ власть въ свои руки. Это было достигнуто имъ въ теченіе трехъ съ небольшимъ лѣтъ. Во всѣхъ отрасляхъ управленія, какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ, были поставлены люди, на безусловную преданность которыхъ онъ могъ разсчитывать. Англійскій посолъ Флетчеръ, прибывшій въ Москву въ началѣ 1589 года, говоритъ по этому поводу, что «въ настоящее время многія изъ этихъ важныхъ мѣстъ занимаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ правятъ почти всѣмъ Государствомъ Годуновы и ихъ приспѣшники».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы выдѣлиться отъ всѣхъ остальныхъ подданныхъ, Борисъ создалъ для себя нѣсколько весьма пышныхъ наименованій и величался: «Царскій шуринъ и правитель, конюшій боярин, и дворовый воевода, и содержатель великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго». Доходы его были огромны: онъ получалъ до 93.700 рублей ежегодно, и, говорятъ, могъ съ родственниками, которые всѣ были щедро надѣлены, выставить со своихъ имѣній до 100.000 вооруженныхъ людей.

Кромѣ того, для вселенія въ народѣ какъ можно больше уваженія къ Царицѣ Иринѣ и къ ея роду, Борисъ создалъ цѣлый полкъ, весьма нарядно одѣтый, особыхъ Царицыныхъ тѣлохранителей, сопровождавшихъ ее вмѣстѣ со знатнѣйшими боярынями на всѣхъ выходахъ и во время богомольныхъ походовъ. Наконецъ, по приговорамъ боярской думы въ 1588 и 1589 годахъ, Годуновъ получилъ важное право сноситься съ иностранными государями отъ собственнаго имени, и въ Посольскомъ приказѣ были заведены особыя «книги, а въ нихъ писаны ссылки Царскаго величества шурина» съ иностранными правительствами.

233. Изъ рукописной Псалтыри конца XVI вѣка боярина Димитрія Ивановича Годунова.

Хранится въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Дворъ Бориса представлялъ точное подобіе Царскаго. Онъ съ тѣми-же обрядами, какъ и Царь, принималъ иностранныхъ пословъ и, какъ истый выскочка, при всякомъ удобномъ случаѣ давалъ имъ ясно понять, что собственно все зависитъ не отъ Государя, а отъ его воли. Ловкіе иностранцы, разумѣется, быстро сообразили, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; они разсыпались передъ нимъ въ льстивыхъ выраженіяхъ, величали его «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ» и «пресвѣтлымъ величествомъ», и получали отъ восхищеннаго этимъ Бориса огромныя льготы, зачастую прямо въ ущербъ Русскимъ выгодамъ, причемъ на ихъ челобитныя отвѣтъ писался «по

повеленію великаго Государя, а по приказу Царскаго величества шурина».

Конечно, вступить при создавшейся обстановкѣ въ борьбу съ Борисомъ никто не могъ и думать, хотя, разумѣется, въ глубинѣ души многіе таили на него недовольство. «Мнѣ грустно было видѣть», говоритъ про это время облагодѣтельствованный Борисомъ и очень преданный ему Горсей, «какъ въ сердцахъ и мнѣніяхъ большинства возростала ненависть къ правителю за его лицемѣріе и жестокость, которую еще болѣе преувеличивали».

234. Изображеніе Царя Ѳеодора Іоанновича на Царь-пушкѣ.

Несмотря, однако, на помянутыя выше казни и жестокость Бориса-правителя, царствованіе Ѳеодора Іоанновича почиталось лѣтописцами очень счастливымъ, особенно по сравненію съ печальными временами, наступившими въ послѣдніе годы жизни его отца, когда Баторій, а затѣмъ и Шведы, нанесли намъ рядъ тяжкихъ ударовъ.

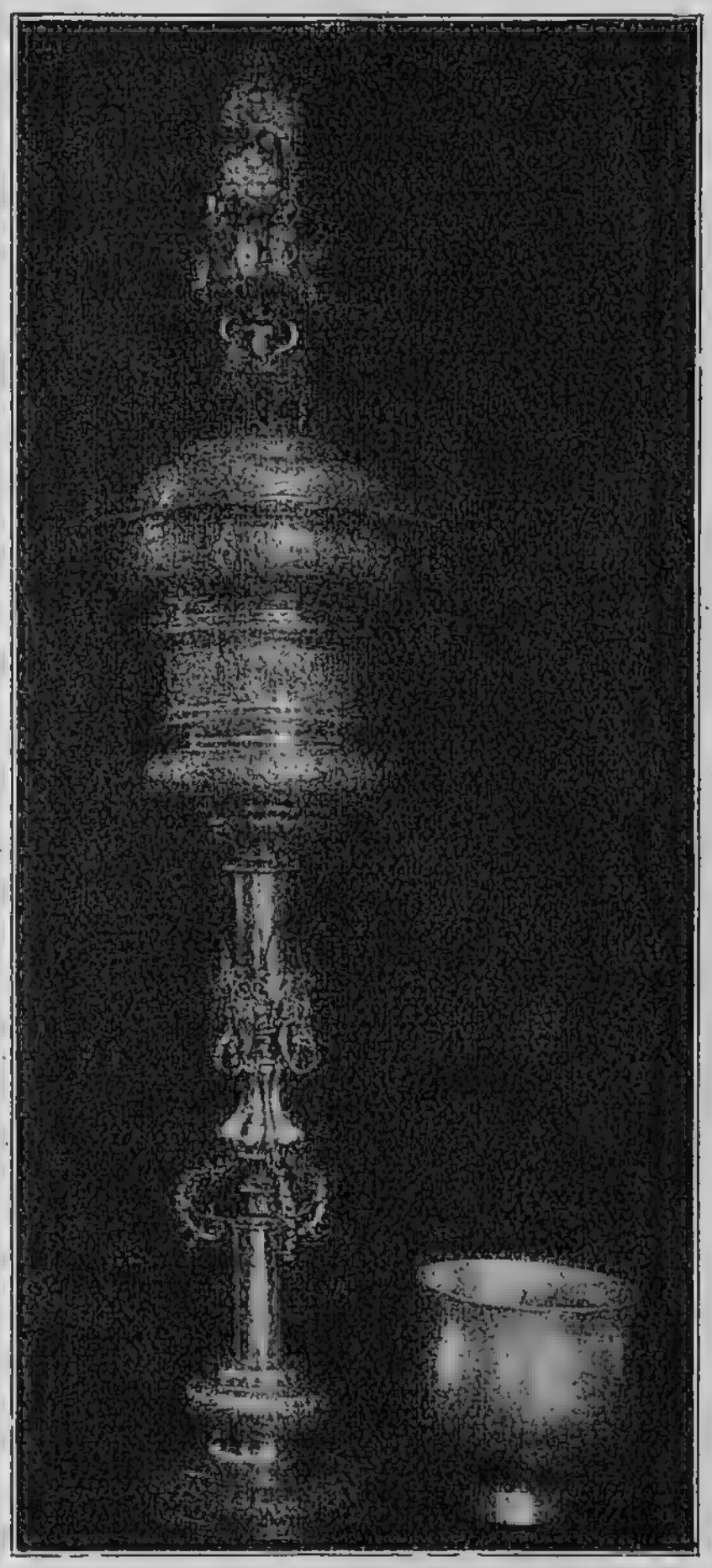
«И умилосердися Господь на люди своя», говоритъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ, князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ - Ростовскій, «и время благополучно подаде, и возвеличи Царя и люди, и повелѣ ему державствовати тихо и безмятежно, во благонравіи живуще. Начальницы же Московскаго Государства, князи и бояре и воеводы, вкупѣ и все Православное христіянство, начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити, хваля всещедраго Бога за благодѣяніе Его».

Тишина и сравнительно мирное житіе, наступившія съ воцареніемъ Ѳеодора Іоанновича, во многомъ зависѣли отъ ряда удачныхъ для насъ перемѣнъ, произошедшихъ въ это время въ сосѣднихъ государствахъ, главнымъ же образомъ въ Польско-Литовскомъ.

Стефанъ Баторій послѣ кончины Грознаго не только не думалъ прекратить борьбу съ Москвой, но, напротивъ, вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ сподвижникомъ Яномъ Замойскимъ, питалъ обширнѣйшіе замыслы о нанесеніи намъ послѣдняго рѣшительнаго удара. Къ счастью для насъ, всѣ эти замыслы разбились о противодѣйствіе его могущественныхъ пановъ, которые

вовсе не желали тяжелой и разорительной войны, опасаясь, въ случаѣ ея удачнаго для Польши исхода, усиленія королевской власти надъ ними. При этомъ Замойскій возбудилъ противъ себя обширную партію, во главѣ со знатнымъ паномъ Зборовскимъ, и, вмѣсто дружной подготовки къ большому походу на Москву, почти вся Польша раздѣлилась на два лагеря—Замойскаго и Зборовскаго, причемъ дѣло доходило иногда и до кровопролитія.

Тѣмъ не менѣе, по воцареніи Ѳеодора, Баторій послалъ въ Москву своего посла Льва Сапѣгу, который, чтобы застращать насъ, объявилъ, что султанъ собирается воевать съ Москвой, и требовалъ возвращенія всѣхъ Литовскихъ плѣнниковъ безъ выкупа, а за нашихъ плѣнныхъ запросилъ 120.000 золотыхъ. Въ Москвѣ очень не желали возобновленія войны съ Польшей, но отвѣчали послу Баторія съ достоинствомъ: «Москва теперь не старая, и на Москвѣ молодыхъ такихъ много, что хотятъ биться и мирное постановленіе разорвать; да что прибыли, что съ обѣихъ сторонъ кровь христіанская разливаться станетъ». Въ отношеніи же Польскихъ плѣнныхъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ, слѣдуя внушенію своего жалостливаго сердца, поступилъ совершенно по-царски: онъ выпустилъ всѣхъ ихъ безъ всякаго выкупа, а о своихъ плѣнныхъ приказалъ сказать, что передаетъ рѣшеніе вопроса объ ихъ участи на волю короля Стефана.



235. Братина и кубокъ, пожертвованные Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ Псково-Печерскому монастырю.

Хранятся въ ризницѣ монастыря.

Баторій, однако, этимъ не удовлетворился: онъ обращался крайне грубо съ нашимъ посломъ Измайловымъ, не отпустилъ Русскихъ плѣнныхъ и продолжалъ упорно требовать Смоленска, Сѣверской Земли, Новгорода и Пскова; во всемъ этомъ его поддерживалъ уже помянутый нами Михаилъ Головинъ, который, убѣгая въ Польшу отъ злобы Годунова, не постыдился стать тамъ врагомъ своей Земли и увѣрялъ Баторія, что въ Москвѣ идетъ такая рознь, что ему нипочемъ будетъ одержать надъ нами побѣду. Впрочемъ, прибывшіе скоро въ Польшу новые Московскіе послы, князь Троекуровъ

и думный дворянинъ Безнинъ, сумѣли подорвать довѣріе къ Михаилу Головину; одинъ изъ ихъ слугъ подружился съ Польскимъ приставомъ, пилъ съ нимъ вмѣстѣ, и, будто подъ пьяную руку, сообщилъ ему за великую тайну, что Михаилъ Головинъ—нашъ лазутчикъ, умышленно морочащій короля. Паны и шляхта, и безъ того сильно не желавшіе войны, охотно повѣрили этому, тѣмъ болѣе, что, въ виду плохого здоровья Баторія (у него открылись старыя раны на ногахъ), можно было ожидать скорой его смерти, что влекло за собой необходимость избранія новаго короля.

Посланный въ это время изъ Москвы черезъ Польшу къ Нѣмецкому императору Лука Новосильцевъ доносилъ, что встрѣченный имъ по дорогѣ Польскій архіепископъ, примасъ Карнковскій говорилъ ему, между прочимъ, за обѣдомъ: «А слышалъ я отъ плѣнниковъ Литовскихъ, что Государь вашъ набожный и милостивый, и Государыня разумна и милостива не только до своихъ людей, но и до плѣнныхъ милостива; плѣнныхъ всѣхъ Государь вашъ освободилъ и отпустилъ даромъ. И мы, и послы (выбранные въ сеймъ) со всѣхъ уѣздовъ королю отказали, что съ земель своихъ поборовъ не дадимъ, на что рать нанимать, а захочешь съ Государемъ Московскимъ воеваться идти, нанимай ратныхъ людей на свои деньги, и уговорили короля мириться на два года. И о томъ королю говорили, чтобы отпустилъ плѣнниковъ такъ же, какъ и Государь Московскій... Король нашъ намъ непроченъ, а впередъ думаемъ быть съ вами вмѣстѣ подъ Государя вашего рукою, потому что Государь вашъ набожный, христіанскій».

Слова архіепископа о соединеніи Польской короны съ Москвой имѣли за собой весьма большое основаніе. Въ Польшѣ въ это время прошелъ слухъ, очень крѣпко державшійся, что, въ виду бездѣтности Ѳеодора Іоанновича, Австрійскій дворъ хлопочетъ объ избраніи послѣ него на Московскій столъ брата императора Рудольфа—эрцгерцога Максимиліана. Если бы это случилось, то Польша была бы окружена Австрійскимъ владычествомъ со всѣхъ сторонъ, и послѣ смерти Баторія должна была бы тоже выбрать въ короли кого-либо изъ членовъ Австрійскаго дома, чего не хотѣлъ ни самъ Баторій, ни Замойскій, вмѣстѣ съ очень многими Поляками.

И вотъ, чтобы противодѣйствовать замысламъ Вѣнскаго двора, въ Москву былъ отправленъ посломъ очень любимый и притомъ Православный—Литовецъ панъ Михаилъ Гарабурда, съ предложеніемъ заключить прочный миръ, но съ тѣмъ условіемъ, что если первымъ скончается Баторій, то Ѳеодоръ становится королемъ Польскимъ; въ случаѣ же, если прежде умретъ Ѳеодоръ, то на его мѣсто Царемъ Московскимъ избирается Баторій.

На это своеобразное предложеніе Московскіе бояре отвѣчали съ обычнымъ своимъ достоинствомъ и умѣніемъ: «Намъ про Государя своего такихъ словъ, что ты говорилъ, и помянуть непригоже; это дѣло къ доброму дѣлу не годится.... Какъ намъ про Государя своего говорить? У насъ Государи прирожденные изначала, и мы ихъ холопы прирожденные; а вы себѣ выбираете государей: кого выбираете, тотъ вамъ и государь... Какъ намъ про Государя своего и помыслить это, не только что говорить? Мы и про

вашего государя говорить этого не хотимъ... Ты, посолъ великаго государя, пришелъ къ великому Государю нашему и такія непригожія слова говоришь о ихъ Государской смерти? Кто насъ не осудитъ, когда мы при Государѣ, видя его Государское здоровье, будемъ говорить такія слова?».

Гарабурда уѣхалъ изъ Москвы ни съ чѣмъ. Баторій же продолжалъ напрягать всѣ свои усилія, чтобы имѣть возможность начать новую войну съ нами; кромѣ Замойскаго, онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи другого дѣятельнаго пособника: это былъ уже знакомый намъ іезуитъ Антоній Поссевинъ, считавшійся духовникомъ старой жены Баторія Анны Ягеллонки и усердно сносившійся съ Римомъ, чтобы завлечь новаго папу Сикста V въ замыслы короля противъ Москвы. Поссевинъ успѣлъ въ этомъ, и Сикстъ V, несмотря на свою страшную скупость, послалъ Баторію щедрое вспомоществованіе для войны съ нами (250.000 скудій).

Но въ самый разгаръ приготовленій къ этой войнѣ, 12 ноября 1586 года,—Баторій умеръ, а съ его смертью рухнули, разумѣется, и всѣ его замыслы.

Въ Польшѣ же снова наступило безкоролевье, ознаменовавшееся крайне обостренной борьбой между партіями Замойскаго и Зборовскаго. Зборовскіе стояли за избраніе въ короли брата Нѣмецкаго императора Рудольфа—эрцгерцога Максимиліана, того самаго, про котораго былъ пущенъ въ Польшѣ слухъ, что его хотятъ избрать Московскіе бояре послѣ Ѳеодора Іоанновича, а Замойскіе выставляли своимъ избранникомъ—королевича Сигизмунда, сына извѣстной Екатерины Ягеллонки и Іогана Шведскаго.

Обѣ партіи расположились военными станами подъ Варшавой на лѣвомъ берегу Вислы, готовыя, въ случаѣ нужды, поддержать съ оружіемъ въ рукахъ своихъ ставленниковъ; въ это же время, на правомъ берегу Вислы, расположилась особымъ станомъ и третья партія—Литовская, выставивъ своимъ избранникомъ Царя Ѳеодора Іоанновича.

Московское правительство было очень озабочено возможностью избранія королевича Сигизмунда, который долженъ былъ наслѣдовать послѣ короля Іогана и Шведскій престолъ, и соединить, такимъ образомъ, въ своемъ лицѣ обоихъ нашихъ враговъ—Польско-Литовское королевство и Швецію. Въ виду этого, въ Варшаву на избирательный сеймъ рѣшено было отправить большое посольство во главѣ съ бояриномъ Степаномъ Годуновымъ, княземъ Ѳеодоромъ Троекуровымъ и дьякомъ Василіемъ Щелкаловымъ, которое должно было заявить, что, въ случаѣ избранія Ѳеодора Іоанновича Польско-Литовскимъ королемъ, Литва и Польша будутъ пользоваться полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ и кромѣ того Москва уплатитъ всѣ долги, сдѣланные Баторіемъ на содержаніе войска. Это посольство встрѣтило очень радушный пріемъ въ Варшавѣ со стороны многихъ, но крупной его ошибкой было, что оно не привезло съ собою денегъ.

«Надо было вамъ промыслить сейчасъ же», послали сказать паны радные Литовскіе нашимъ посламъ, «выдать съ тысячъ двѣсти рублей, для того, чтобы намъ людей отъ Зборовскаго и отъ воеводы Познанскаго

Гурки, и отъ канцлера, Яна Замойскаго, приворотить къ себѣ на выборъ вашего Государя; какъ увидятъ рыцарскіе люди гроши вашего Государя, то всѣ отъ Зборовскихъ и отъ канцлера къ намъ приступятъ, а только деньгами не промыслить, то доброму дѣлу никакъ не бывать, и будутъ говорить про васъ всѣ: что же это за послы, когда деньгами не могутъ промыслить»...

Однако, и безъ денегъ Московская сторона была очень сильна не только среди Литвы, но и между Поляками. Многіе Поляки высоко оцѣнили милостивый поступокъ Царя Ѳеодора, отпустившаго всѣхъ плѣнныхъ безъ выкупа, и, конечно, тогда уже сознавали выгоды соединенія двухъ родственныхъ Славянскихъ государствъ. Когда выставили въ полѣ три знамени—Московское съ изображеніемъ шапки, Австрійское съ Нѣмецкой шляпою и Шведское съ сельдью, то подъ Русскою шапкою оказалось такое громадное большинство, что, по словамъ Н. М. Карамзина—«друзья Австріи и Шведовъ, видя свою малочисленность, отъ стыда присоединились къ нашимъ».

Но иначе сложились обстоятельства на собраніи вельможъ—въ «рыцарскомъ колѣ», когда дѣло коснулось, по выраженію Литовскихъ пановъ, «трехъ колодъ», которыя надо было пересѣчь. Поляки требовали: 1) чтобы Государь короновался въ Краковѣ въ костелѣ; 2) чтобы въ титулѣ онъ писался прежде королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, а потомъ уже Царемъ Московскимъ, и 3) чтобы онъ перешелъ въ Латинство.

Разумѣется, послы наши не могли согласиться на эти требованія—«хотя бы», говорили они, «и Римъ старый, и Римъ новый, царствующій градъ Византія начали прикладываться къ нашему Государю, то какъ ему можно свое Государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?»

Переговоры съ Поляками объ избраніи кончились ничѣмъ.

Литовскіе же паны продолжали еще нѣкоторое время настаивать на избраніи Ѳеодора Іоанновича; воевода Виленскій Христофъ Радзивиллъ и Трокскій Янъ Глѣбовичъ тайно говорили нашимъ посламъ: «У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскому языку никакъ добра не смыслитъ: и намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ Государи?.. Если Поляки на избраніе вашего Государя не согласятся, то мы, Литва, Кіевъ, Волынь, Подолье, Подляшье и Мазовія, хотимъ отъ Польши отодраться»...

Между тѣмъ, борьба Замойскихъ и Зборовскихъ продолжалась; наконецъ, каждая изъ партій провозгласила королемъ своего избранника: Зборовскіе—эрцгерцога Максимиліана, а Замойскіе—королевича Сигизмунда. Скоро Сигизмундъ, переплывъ море, высадился въ Данцигѣ; въ это же время Максимиліанъ съ отрядомъ войска подходилъ къ самому Кракову. Но дѣятельный Замойскій не дремалъ: онъ быстро двинулся противъ Максимиліана, разбилъ его, а затѣмъ и взялъ въ плѣнъ. Сигизмундъ же, между тѣмъ, прибылъ въ Краковъ и короновался. Такимъ образомъ, сбылось то, чего болѣе всего опасалась Москва,—соединеніе Польско-Литовскаго государства и Швеціи.

Замойскій торжествовалъ и строилъ обширнѣйшіе замыслы о томъ, какъ, совмѣстными усиліями, Поляки и Шведы обрушатся на Москву и завершатъ дѣло, начатое имъ и Баторіемъ,—сокрушивъ навсегда наше могущество.

Однако, Замойскій жестоко ошибся. Сигизмундъ оказался крайне ограниченнымъ въ умственномъ отношеніи человѣкомъ, всецѣло преданнымъ папѣ и Латинству, и при этомъ очень высокомѣрнымъ и вѣроломнымъ.

При первомъ же свиданіи съ нимъ, Замойскій былъ пораженъ его надменною холодностью и упорнымъ молчаніемъ. «Что за нѣмого прислали намъ черти»—сказалъ онъ съ досадой. Вслѣдъ затѣмъ Замойскій не замедлилъ испытать лично на себѣ самую черную неблагодарность со стороны избраннаго исключительно благодаря его

стараніямъ новаго короля. Нашлись люди, которые стали нашептывать Сигизмунду, что Замойскій затмеваетъ его личность, и тотъ сталъ показывать столь явное пренебреженіе своему старому канцлеру, что послѣдній долженъ былъ совершенно отдалиться отъ двора. Сигизмундомъ же всецѣло завладѣли іезуиты, съ не разъ помянутымъ нами Петромъ Скаргою во главѣ.

Въ Польшѣ скоро разгадали новаго короля, какъ объ этомъ доносилъ подъячій, посланный въ Литву для собиранія свѣдѣній. «Короля Сигизмунда держатъ ни во что», писалъ онъ, «потому что промыслу въ немъ нѣтъ никакого, и неразумнымъ его ставятъ, и Землею его не любятъ, потому что отъ него Землѣ прибыли нѣтъ никакой: владѣютъ всѣмъ паны»...

Создавшееся такимъ образомъ положеніе вещей въ Польшѣ съ избраніемъ Сигизмунда было, разумѣется, на руку Москвѣ и позволило намъ быть болѣе настойчивыми въ переговорахъ со Шведами, съ которыми было много недоконченныхъ счетовъ.

236. Печать думнаго дворянина и намѣстника Муромскаго Игнатія Петровича Татищева 1586 года. Эта печать привѣшена на красномъ шелковомъ снуркѣ къ договорной записи, заключенной Русскими со Шведскими послами въ Декабрѣ мѣсяцѣ 7194 года на рѣкѣ Наровѣ у устья рѣки Плюссы.

Подлинная грамота хранится въ Археографической Комиссіи.

Въ 1586 году у насъ было заключено съ ними перемиріе на четыре года; не желая имѣть въ это время войны, мы временно оставили за Шведами Нарву, Ивангородъ, Яму, Копорье и Корелу. При этомъ, во время перемирныхъ переговоровъ утонулъ, переправляясь черезъ Нарову, нашъ злѣйшій врагъ, извѣстный Понтусъ Делагарди.

Теперь, по истеченіи срока перемирія, въ 1589 году, Москва настойчиво потребовала отъ Швеціи Нарвы, Ивангорода, Ямы, Копорья и Корелы. «Государю нашему, не отыскавъ своей отчины, городовъ Ливонской и Новгородской Земли, съ вашимъ Государемъ для чего мириться? Теперь уже вашему Государю пригоже отдавать намъ всѣ города; да и за подъемъ Государю нашему заплатите, что онъ укажетъ». Шведы отвѣчали отказомъ, и мы объявили имъ войну.

Въ январѣ 1590 года сильная Русская рать двинулась къ Шведскимъ границамъ; ее велъ самъ Царь, а при немъ, въ качествѣ ближнихъ воеводъ, были: Борисъ Годуновъ и двоюродный братъ Государя—Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. Походъ увѣнчался успѣхомъ: удалой начальникъ передового полка, князь Хворостининъ, разбилъ Шведскаго генерала Банера у Нарвы, и затѣмъ наши войска осадили самый городъ. Опасаясь потерять его, Шведы предложили годовое перемиріе, съ уступкой намъ Ивангорода, Ямы и Копорья. Мы потребовали также и Нарвы, но затѣмъ согласились на предложенныя перемирныя условія, оставивъ за Шведами Нарву и Корелу; нѣтъ сомнѣнія, что Нарва была бы нами взята, но, какъ мы говорили, Годуновъ, вершавшій всѣ дѣла, не обладалъ военными дарованіями.

Во всякомъ случаѣ, походъ этотъ принесъ не малые плоды: Польша и Швеція увидѣли, что Московское Государство послѣ неудачъ, испытанныхъ въ послѣдніе годы Грознаго, вновь оправилось. Въ слѣдующемъ же 1591 году мы заключили двѣнадцатилѣтнее перемиріе съ Польшей, а со Шведами война возобновилась и тянулась до смерти короля Іогана. Послѣ нея, сынъ его, Сигизмундъ Польскій, сталъ и королемъ Шведскимъ, однако не надолго. Онъ сейчасъ же вступилъ въ борьбу съ дядей своимъ Карломъ, оставшимся правителемъ Швеціи, и въ скоромъ времени вызвалъ къ себѣ общую ненависть за крайнюю вражду, внушенную ему іезуитами, къ лютеранскому населенію Швеціи, а затѣмъ лишился и отцовскаго престола, который занялъ Карлъ, съ наименованіемъ IX. Карлъ этотъ заключилъ съ Москвой перемиріе въ 1593 году, а въ 1595 году вѣчный миръ; Нарва была оставлена за Шведами, а мы, кромѣ Ивангорода, Ямы и Копорья, получили Корелу до города Колы; вмѣстѣ съ тѣмъ, между обоими Государствами была установлена вольная торговля.

Такъ благополучно сложились при Царѣ Ѳеодорѣ наши отношенія къ Польшѣ и Швеціи.

Не менѣе благополучно сложились въ первые годы его царствованія и наши дѣла съ Крымомъ; тамъ поднялись жестокія усобицы, причемъ о нападеніи на Москву не было и рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усилившееся казачество—Запорожское, Донское и Терское постоянно отвлекало своими нападеніями Татаръ отъ похода противъ Москвы.

Только въ 1591 году, когда въ Крыму прочно утвердился ханъ Казы-Гирей, послѣдній задумалъ совершить внезапный набѣгъ на Москву. Въ іюнѣ мѣсяцѣ неожиданно пришло извѣстіе, что онъ идетъ съ полутораста тысячами человѣкъ прямо къ столицѣ.

Тогда воеводамъ, стоявшимъ на Окѣ, спѣшно велѣно было тоже идти къ самой Москвѣ, и къ 1 іюля у Данилова монастыря войска наши сосредоточились въ лагерѣ, укрѣпленномъ телѣгами, или въ такъ называемомъ «обозѣ». Въ этомъ лагерѣ соорудили церковь во имя Святого Сергія и поставили икону Божіей Матери, бывшую съ Димитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ. Вокругъ же всѣхъ дальнихъ городскихъ слободъ и поса-

довъ были поспѣшно заложены деревянныя стѣны съ воротами и башнями; этотъ деревянный городъ былъ мѣтко прозванъ народомъ *Скородомомъ* или *Скородумомъ*.

Государь самъ объѣзжалъ войска, жаловалъ воеводъ и всѣхъ ратныхъ

237. Старая соборная церковь Донской Божіей Матери въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ

Сооружена въ 1593 году.

людей милостивыми словами, а затѣмъ, по обыкновенію, удалился молиться.

4 іюля Татары появились подъ Москвой, начали жечь окрестности и вступили въ мелкія стычки съ передовыми нашими войсками. Всѣ находились въ тревожномъ ожиданіи; одинъ только Царь былъ совершенно спокоенъ и, увидѣвъ слезы на глазахъ боярина Григорія Годунова, сказалъ ему,

чтобы онъ утѣшился, такъ какъ Татаръ завтра же не будетъ. Слова его оправдались.

Ханъ, расположившійся на Воробьевыхъ горахъ, былъ встревоженъ ночью большимъ шумомъ въ Москвѣ и выстрѣлами изъ множества пушекъ; онъ повѣрилъ сообщенію плѣнныхъ, что къ намъ пришла подмога изъ Новгорода, и опрометью побѣжалъ назадъ, не дождавшись разсвѣта.

Радость была общая; въ память отраженія хана былъ заложенъ Донской монастырь и нѣсколько дней подрядъ шли пиры въ Грановитой палатѣ; честь-же побѣды надъ Татарами была почти всецѣло приписана Борису Годунову; кромѣ множества подарковъ, онъ получилъ, въ добавокъ ко всѣмъ своимъ пышнымъ наименованіямъ, званіе *слуги*, пожалованное до него какъ мы помнимъ, только тремъ лицамъ: князю Семену Ряполовскому, отецъ котораго спасъ юнаго Іоанна III отъ злобы Шемяки, князю Ивану Воротынскому—за знаменитую Ведрошскую побѣду надъ Литвой, и при Грозномъ—князю Михаилу Воротынскому—отличившемуся при взятіи Казани и нанесшему пораженіе Крымцамъ на Донцѣ.

Скоро, убѣжавшій изъ-подъ Москвы ханъ Казы-Гирей сталъ смиренно просить Государя простить ему его набѣгъ, что, впрочемъ, было только хитростью; въ слѣдующемъ же 1592 году онъ послалъ своего *калгу* (наслѣднаго царевича) произвести внезапное нападеніе на наши Рязанскія и Тульскія владѣнія, откуда было уведено много плѣнныхъ. Однако, необходимость помогать Туркамъ въ войнѣ послѣднихъ съ Австрійцами заставила хана искать съ нами прочнаго мира, и въ 1594 году онъ выдалъ Московскому послу князю Щербатову *шертную* грамоту.

Пересылки съ Турками при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ происходили, главнымъ образомъ, изъ-за казаковъ. Усиленіе казачества, особенно же постоянные набѣги Донцовъ подъ Турецкій городъ Азовъ, безпокоили султана, который требовалъ ихъ усмиренія и уничтоженія Московской крѣпости на рѣкѣ Терекѣ. На эти требованія Московскій посолъ въ Константинополѣ Благовъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Сами знаете, что на Терекѣ и на Дону живутъ воры, бѣглые люди, безъ вѣдома Государева, не слушаютъ они никого, и мнѣ до казаковъ какое дѣло?».

Въ 1586 году къ Царю Ѳеодору явились послы отъ Кахетинскаго (въ Грузіи) князя Александра, которому одновременно грозили Турки и Персы; Александръ просилъ принять его въ наше подданство и прислать ратную помощь, вслѣдствіе чего Царь дважды посылалъ свое войско противъ его недруга и сосѣда—шамхала Тарковскаго, но воевать съ Турками Москва отказалась, хотя и вела переговоры объ этомъ со знаменитымъ Персидскимъ шахомъ Аббасомъ Великимъ.

Велъ съ нами переговоры о войнѣ съ Турками и Нѣмецкій императоръ Рудольфъ II; онъ неоднократно посылалъ подъ этимъ предлогомъ своихъ пословъ къ Ѳеодору, изъ коихъ одинъ—Варкочъ, оставилъ весьма любопытныя записки о своихъ поѣздкахъ въ Москву; однако, истинной цѣлью этихъ посольствъ была не война съ Турками, а желаніе получить

отъ богатаго Московскаго Государя крупное денежное вспомоществованіе. Денегъ въ Москвѣ Рудольфу не дали, но помогли инымъ образомъ. Въ 1495 году въ Прагу прибылъ цѣлый караванъ съ «вспоможеніемъ» отъ Государя, который, «по прошенью и челобитью шурина своего Бориса Ѳеодоровича Годунова», прислалъ множество шкуръ соболей, куницъ, лисицъ, бѣлокъ, бобровъ и лосиныхъ кожъ, занявшихъ въ императорскомъ дворцѣ до 20 комнатъ.

Пражскіе купцы оцѣнили посылку въ 400.000 рублей, кромѣ трехъ сортовъ соболей, которымъ не умѣли наложить цѣны по ихъ дороговизнѣ.

Папы Григорій XIII, Сикстъ V и Климентъ VIII также вели пересылку съ Москвой; они старались склонить ее къ войнѣ съ Турками и повторяли свои попытки о введеніи уніи, причемъ предлагали вновь прислать уже знакомаго намъ іезуита Антонія Поссевина, зорко слѣдившаго за всѣмъ— что дѣлается въ Москвѣ.

Мы видѣли, что подъ конецъ царствованія Грознаго отношенія наши съ Англіей испортились. Но честолюбивый Борисъ Годуновъ, заискивавшій въ расположеніи иностранныхъ государей, и умная и ловкая Елизавета Англійская, искавшая выгодъ для своихъ купцовъ, быстро ихъ поправили.

Елизавета ласково называла Годунова въ письмахъ «своимъ самымъ дорогимъ и любимымъ двоюроднымъ братомъ» и прислала своихъ врачей и бабку его неплодной сестрѣ Царицѣ Иринѣ, а Годуновъ въ угоду ей далъ огромныя преимущества Англійскимъ купцамъ и освободилъ ихъ отъ всякой пошлины, въ явный ущербъ Государству, лишивъ при этомъ нашу казну, по исчисленію Н. М. Карамзина, болѣе двадцати тысячъ ежегоднаго дохода.

О томъ, насколько Годуновъ ухаживалъ за Англичанами, можно судить по слѣдующимъ словамъ ихъ-же соотечественника Гакльюта, составившаго описаніе путешествій Англичанъ въ Россію: «Способъ послѣдняго отправленія (изъ Московскаго Государства) мистера Горсея въ Англію былъ такъ почетенъ, что слѣдуетъ описать его. Ему дали открытый листъ на почтовыхъ лошадей для него самого и прислуги, запасы и все нужное для такого продолжительнаго путешествія. Въ каждомъ городѣ, черезъ которые онъ проѣзжалъ отъ Москвы до Вологды, на разстояніи 500 верстъ по сухопутью, его щедро снабжали лошадьми и всѣмъ нужнымъ, также и по рѣкѣ Двинѣ, на протяженіи 1.000 верстъ, онъ вездѣ получалъ свѣжіе запасы отъ Царскихъ чиновниковъ. Когда онъ прибылъ въ ново-укрѣпленный городъ Архангельскъ, его встрѣтилъ, по Царскому приказу, князь Василій Андреевичъ Звенигородскій; стрѣльцы были разставлены по обычаю рядами, и его прибытіе праздновалось великолѣпно. Отсюда, снабдивъ его запасами и деньгами, отправили на княжескомъ суднѣ съ сотнею гребцовъ, а также съ сотнею стрѣльцовъ, ѣхавшихъ съ ихъ головою изъ дворянъ на другихъ судахъ. Когда они доѣхали до мѣста, гдѣ стояли на якорѣ Англійскіе, Датскіе и Французскіе корабли, стрѣльцы дали залпъ, а корабли выстрѣлили въ свою очередь изъ 46 орудій; затѣмъ Горсея доставили на мѣсто

жительства въ Англійскій домъ на Розъ-Эйландъ. Полнѣйшимъ и окончательнымъ доказательствомъ расположенія Царя и Бориса Ѳеодоровича къ мистеру Горсею было то, что на слѣдующій день ему послали дальнѣйшіе припасы на дорогу, которые заключались въ слѣдующемъ: 16 живыхъ быковъ, 70 овецъ, 600 куръ, 25 окороковъ, 80 четвериковъ муки, 600 короваевъ хлѣба, 2.000 яицъ, 10 гусей, 2 журавля, 2 лебедя, 65 галоновъ меду, 40 галенокъ водки, 60 галенокъ пива, 3 молодыхъ

lizabeth by the grace
of God Queen of England, Fraunce, and Freland. Defendor of the faith etc
To the Right-honorable and Noble Prince Lo. Borice Federow. Godonou
M. of the Horse, to the great and mighty Emperour of Russia, his Highnes
Comptroler of his Howse, and Governo. of his Ma. Kingdomes of Casan and
Astracan, our most-deare, and Loving Cosen, greeting /

238. Заголовокъ грамоты, писанной золотыми буквами, Англійской королевы Елизаветы къ конюшему боярину Борису Ѳеодоровичу Годунову.

Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

медвѣдя, 4 сокола, запасъ луку и чесноку, 10 свѣжихъ семгъ и дикаго кабана. Все это было доставлено Горсею однимъ дворяниномъ отъ имени Государя, а другимъ отъ Бориса Ѳеодоровича».

Видя такую угодливость Годунова къ Англичанамъ, королева Елизавета стала требовать, чтобы мы запретили торговать въ нашей Землѣ всѣмъ другимъ иноземцамъ, и даже Англичанамъ, не принадлежащимъ къ Англійской торговой компаніи. На это, однако, ей отвѣчали изъ Москвы: «Это дѣло нестаточное и ни въ какихъ государствахъ этого не ведется; если Елизавета королевна къ Государю объ этомъ приказываетъ, то этимъ нелюбье свое объявляетъ Царскому Величеству, къ убытку Государевой Земли хочетъ дорогу въ нее затворить... которую дорогу Богъ устроилъ—великое море океанъ, и ту дорогу какъ можно затворить»...

Оживленную переписку съ Москвой по торговымъ дѣламъ велъ также и знаменитый министръ Елизаветы — лордъ Вильямъ Сесиль Бэрлей, величавшійся Годуновымъ въ своихъ грамотахъ къ нему: «Вилимъ Сиселъ, честнѣйшаго чина рычардъ Подвязочный» (онъ имѣлъ

Англійскій орденъ Подвязки, жалуемый обыкновенно владѣтельнымъ особамъ).

Удачно сложившіяся внѣшнія отношенія при Царѣ Ѳеодорѣ внесли, какъ мы говорили, по общему отзыву современниковъ, большое успокоеніе въ жизнь страны и дали возможность правительству заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ.

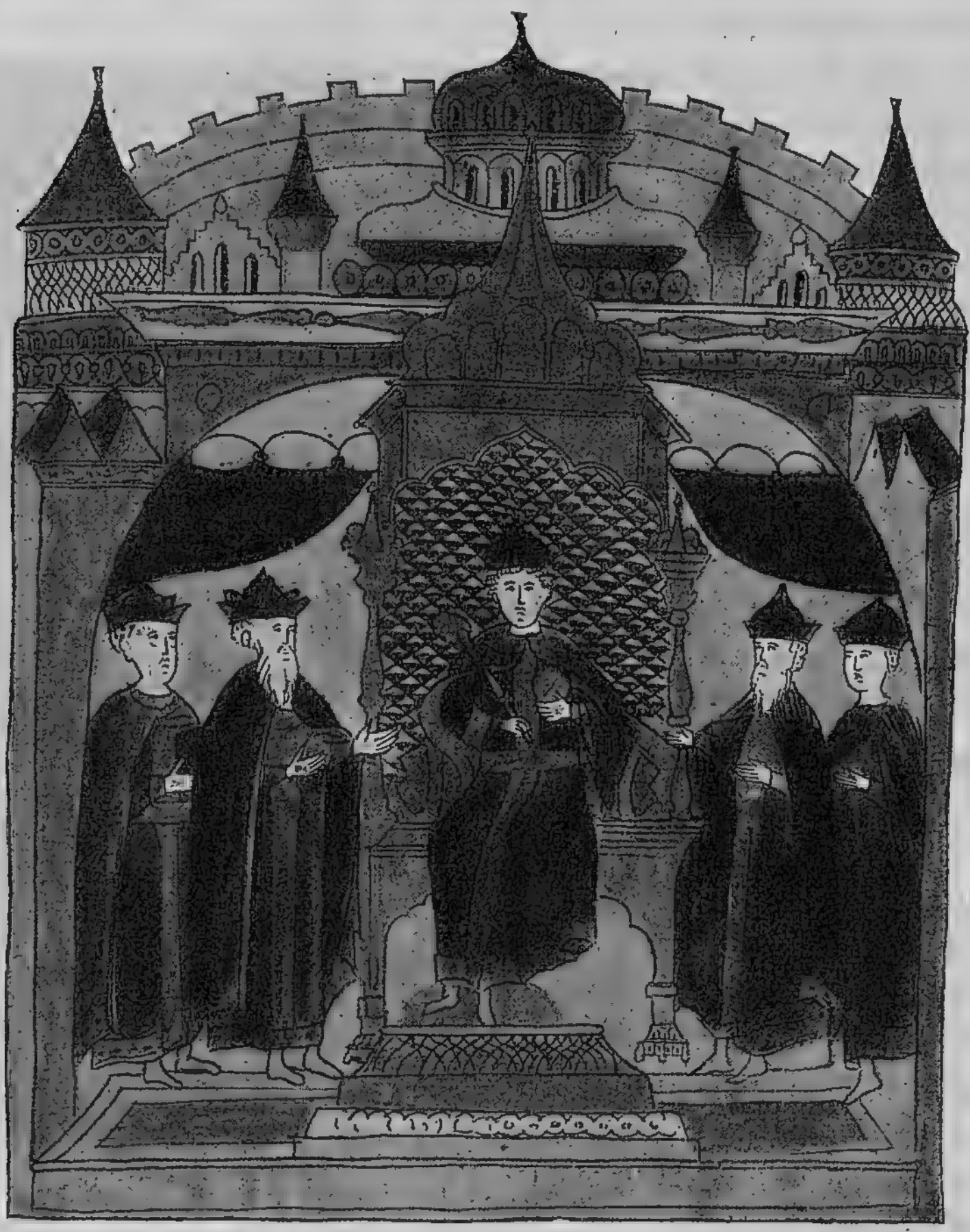
Царь Ѳеодоръ хотя и часто сидѣлъ въ думѣ, но, какъ мы знаемъ, дѣлами не занимался, а или молился Богу, или же по праздничнымъ днямъ тѣшился зрѣлищемъ боя человѣка съ медвѣдемъ, причемъ щедро награждалъ отважныхъ молодцовъ, вступавшихъ въ борьбу со страшнымъ звѣремъ. Царица Ирина всецѣло отдалась самой щедрой благотворительности и широко оказывала милости заключеннымъ въ тюрьмахъ, пользуясь для этого всякимъ подходящимъ случаемъ. Всѣми же дѣлами правилъ, хотя и при посредствѣ боярской думы, Борисъ Годуновъ, и правилъ ими, по общимъ отзывамъ, хорошо.

239. Лордъ Сесиль Бэрлей въ одѣяніи рыцаря ордена Подвязки.
Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Національной галлереѣ въ Лондонѣ.

При этомъ, для рѣшенія многихъ вопросовъ—очень часто созывались соборы по тому же порядку, какъ и во времена Грознаго; при открытіи этихъ соборовъ всегда присутствовалъ самъ Царь Ѳеодоръ.

Борису Годунову обыкновенно приписываютъ, въ бытность его правителемъ—прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, приведшее къ извѣстному крѣпостному праву. Какъ выяснили новѣйшія изслѣдованія, это не вѣрно. Мы видѣли, въ какое разстройство пришло земельное хозяйство въ Московскомъ Государствѣ отъ крутой землевладѣльческой переборки, произведенной Іоанномъ Грознымъ по учрежденіи Опричнины. Съ другой стороны, мы видѣли, раньше Грознаго, рядъ распоряженій Московскаго

правительства, начавшихся еще въ XV вѣкѣ, для затрудненія перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, въ виду того, что эти переходы отражались крайне гибельно на хозяйствѣ. Мѣры Бориса Годунова, чтобы поднять народное благоустройство, сильно упавшее въ послѣдніе годы Грознаго, шли въ томъ же направленіи—въ стѣсненіи перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому; полное же ихъ прикрѣпленіе къ землѣ



240. Царь Θеодоръ Іоанновичъ на тронѣ.

Изъ Александро-Невской рукописи.

послѣдовало при Царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, причемъ главной причиной этого прикрѣпленія были тѣ крупныя долговыя обязательства, которыя связывали крестьянъ съ землевладѣльцами.

При Царѣ Θеодорѣ, Государство для управленія было раздѣлено на четыре Чети: Посольскую, Разрядную или Военную, Помѣстную и Казанскаго Дворца. Четями вѣдали дьяки, причемъ первыми двумя—братья Щелкаловы. Кромѣ четей остались и приказы, во главѣ которыхъ стояли бояре; Дворцовый приказъ, завѣдывавшій Царскими вотчинами, былъ

порученъ боярину Григорію Васильевичу Годунову; ежегодный доходъ, поступавшій въ Царскую казну, доходилъ при немъ до 1.430.000 рублей.

241. Бой человѣка съ медвѣдемъ.

Рисунокъ В. Васнецова. Изъ книги: „Великокняжеская и Царская охота на Руси"—Н. Кутепова.

Въ царствованіе Ѳеодора было построено множество новыхъ городовъ, особенно со стороны степи, для огражденія нашихъ границъ отъ Татарскихъ набѣговъ. Такъ были построены: Курскъ, Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки; затѣмъ въ Волжской сторонѣ: Санчурскъ,

*

Саратовъ, Переволока, Царицынъ; на Уралѣ былъ поставленъ городъ Яицкъ, для сидѣвшихъ здѣсь казаковъ, а въ 1584 году былъ заложенъ на Бѣломъ морѣ—Архангельскъ. Астрахань и Смоленскъ были обведены каменными стѣнами; какъ увидимъ, это оказалось весьма предусмотрительнымъ по отношенію Смоленска, «этого ожерелья» Государства, по опредѣленію Н. М. Карамзина. Москва тоже укрѣплялась, для чего былъ заложенъ Бѣлый или *Царевъ* городъ. Кромѣ того, какъ мы говорили въ предыдущей главѣ, въ Сибири, окончательно приведенной подъ власть Москвы при Царѣ Ѳеодорѣ, было тоже заложено нѣсколько городовъ.

Для заселенія вновь пріобрѣтенныхъ обширныхъ Сибирскихъ владѣній Русскими людьми правительство прилагало большія заботы. Такъ, между прочимъ, до насъ дошло распоряженіе, что въ 1590 году велѣно было выбрать въ Сольвычегодскѣ, для отправленія въ Сибирь на житье, тридцать человѣкъ пашенныхъ людей съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, «а у всякаго человѣка было бы по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, до по двое гусей, да по пяти куръ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телѣга, да сани, и всякая рухлядь, а на подмогу Сольвычегодскіе посадскіе и уѣздные люди должны были имъ дать по 25 рублей на человѣка», деньги громадныя по тому времени.

Усердно строились при Царѣ Ѳеодорѣ и церкви, главнымъ образомъ, конечно, въ недавно пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ; въ дѣлѣ этомъ особенно выдавался Казанскій епископъ Гермогенъ, ревностно насаждавшій Православіе среди Татаръ, Черемисъ и Чувашей.

При Царѣ же Ѳеодорѣ произошло и важное событіе въ Русской церковной жизни—учрежденіе патріаршаго стола въ Москвѣ.

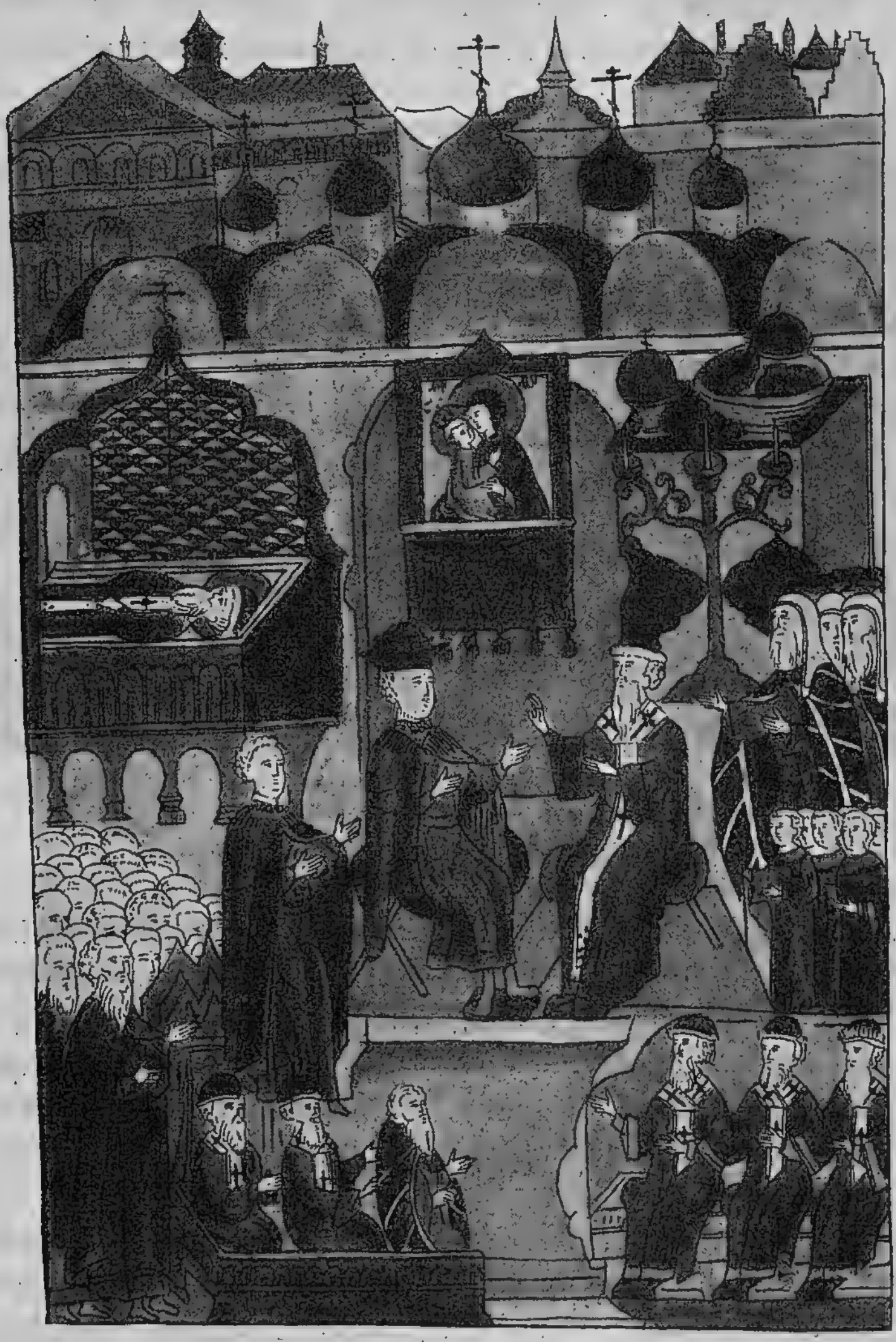
Мы видѣли, что послѣ взятія Турками Царьграда Московскіе митрополиты получили совершенно самостоятельное значеніе и, начиная со Святого Іоны, ставились соборомъ Русскихъ епископовъ. Наслѣдство и завѣты Византіи, перешедшіе въ Москву послѣ брака Іоанна Третьяго съ Софіей Ѳоминичной, и самый ростъ Московскаго Государства, давно уже показывали, что въ Москвѣ, третьемъ Римѣ, сохранившемъ въ чистотѣ древнее Православіе, естественно подобаетъ быть и патріаршему столу.

Но какъ наши Государи не торопились съ принятіемъ Царскаго титула, такъ не торопились они съ возведеніемъ митрополита Московскаго въ патріархи.

Это совершилось только при Царѣ Ѳеодорѣ. Въ 1586 году въ Москву пріѣхалъ Антіохійскій патріархъ Іоакимъ и предложилъ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ другими восточными патріархами, послѣ чего черезъ два года къ намъ прибылъ Царьградскій патріархъ Іеремія въ сопровожденіи митрополита Монемвасійскаго Іероѳея и архіепископа Елассонскаго Арсенія, оставившихъ записки объ этой поѣздкѣ въ Москву.

Іеремія, терпя большую тѣсноту въ Царьградѣ отъ султана, самъ хотѣлъ быть у насъ патріархомъ. Но Борисъ Годуновъ желалъ, конечно,

провести въ Московскіе патріархи своего человѣка, преданнаго ему митрополита Іова, и для этого, съ обычнымъ своимъ лицемѣріемъ, прибѣгнулъ къ слѣдующему: Московское правительство предложило Іереміи занять



242. Изображеніе Царя Ѳеодора Іоанновича въ Успенскомъ соборѣ съ митрополитомъ, боярами, старцами и архіереями восточными.

Изъ Александро-Невской рукописи.

патріаршій столъ, но поставило непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ жилъ не въ Москвѣ, а въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ, потерявшемъ въ это время всякое значеніе, то есть вдали отъ Царя и всѣхъ государственныхъ дѣлъ.

Конечно, при такой постановкѣ вопроса, Іеремія долженъ былъ отказаться отъ своего желанія остаться у насъ и согласился на поставленіе

патріарха изъ Русскихъ святителей; созванный для этого церковный соборъ намѣтилъ трехъ лицъ, изъ числа коихъ Царь выбралъ, разумѣется по совѣту Годунова, Іова. Торжественное посвященіе его въ патріархи послѣдовало 26 января 1589 года; вмѣстѣ съ тѣмъ, архіепископы Новгородскій, Казанскій, Ростовскій и Крутицкій были возведены въ митрополиты, а шесть епископовъ получили званіе архіепископовъ: Владимірскій, Суздальскій, Нижегородскій, Смоленскій, Рязанскій и Тверской. Послѣ торжества въ Успенскомъ соборѣ—былъ пиръ въ Государевомъ дворцѣ, во время котораго Іовъ, вставъ изъ-за стола, отправился въ сопровожденіи большой свиты на осляти вокругъ кремля, осѣняя крестомъ и кропя водой стѣны, а затѣмъ вернулся къ обѣду. На другой день онъ объѣхалъ опять на осляти только что построенный большой каменный или Бѣлый городъ, причемъ его осля часть пути велъ самъ Борисъ Годуновъ.

243. Шествіе на осляти.

Рисунокъ В. Швартца. Изъ собранія Е. Г. Швартца.

Архіепископъ Елассонскій Арсеній съ восторгомъ разсказываетъ о торжествахъ, данныхъ по поводу учрежденія патріаршества; Греческіе святители были приняты также и Царицей Ириной, поразившей ихъ своею красотой, ласкою и богатѣйшимъ убранствомъ. Щедро одаривъ гостей, она особо просила патріарха Іеремію молить Бога о дарованіи ей наслѣдника Русской державы.

Вопросъ о наслѣдникѣ былъ дѣйствительно самымъ жуткимъ и острымъ для умной Царицы; жутокъ и остеръ онъ былъ также и для безгранично развившагося честолюбія ея брата—Бориса Ѳеодоровича Годунова, который отлично понималъ, что послѣ смерти болѣзненнаго и бездѣтнаго Ѳеодора, съ воцареніемъ Димитрія, хотя и сына седьмой жены Грознаго, но всѣми признаваемаго за законнаго царевича, наступитъ полный конецъ его

благополучію: власть перейдетъ въ руки Нагихъ, сестра Ирина пострижется въ монастырѣ, а ему лично предстоитъ въ лучшемъ случаѣ—опала, а то—тюрьма или смерть.

Все это, разумѣется, его сильно тревожило и, по обычаю того времени, заставляло усердно прибѣгать къ волхвованію. Особенно жаловалъ Годуновъ какую-то ворожею Варвару, которая вмѣстѣ съ другими гадателями предсказала ему, что онъ будетъ царствовать, только недолго—«всего лишь семь лѣтъ». «Онъ же рече имъ съ радостью великою и лобыза ихъ съ радостью», говорится въ «Сказаніи о Царствѣ Царя Ѳеодора Іоанновича», «глагола имъ: хотя бы семь дней, толко бы имя на себе царское положить и желаніе свое совершить».

«Годуновъ», говоритъ Е. И. Забѣлинъ, «всѣми правдами и неправдами расчищалъ и укрѣплялъ себѣ путь къ царствованію: казнилъ или заточалъ всѣхъ опасныхъ себѣ соперниковъ изъ лицъ, близкихъ Царю Ѳеодору». Повидимому, съ той же цѣлью, и при этомъ обманнымъ путемъ, онъ выманилъ въ 1586 году изъ Риги проживавшую тамъ съ малолѣтней дочерью вдову бывшаго Ливонскаго короля Магнуса—знакомую намъ княгиню Марію Владиміровну, а затѣмъ постригъ ее и заточилъ въ монастырѣ, гдѣ она скоро потеряла свою единственную дочь. Такимъ образомъ и эта соперница была устранена.

Но, тѣмъ не менѣе, оставался въ живыхъ царевичъ Димитрій.

Посѣщавшіе въ это время Московское Государство иностранцы, а также, безъ сомнѣнія, и многіе Русскіе люди, отлично понимали, насколько царевичъ Димитрій стоитъ Годунову поперекъ дороги. Австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ, бургграфъ Дона, прямо писалъ въ своихъ донесеніяхъ императору Рудольфу Второму, что Годуновъ вполнѣ самовластно управляетъ Московскимъ Государствомъ и явно мечтаетъ о престолѣ.

244. Печать Государственная средняя Царя Ѳеодора Іоанновича.

Эта печать приложена къ уложенной грамотѣ 1589 года объ учрежденіи въ Россіи Патріаршаго престола, четырехъ митрополитовъ, шести архіепископовъ и осьми епископовъ.

Еще замѣчательнѣе свидѣтельство Англійскаго посланника Флетчера, проведшаго въ Москвѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ 1588—1589 годахъ. Въ составленной имъ, вслѣдъ за возвращеніемъ въ Англію, книгѣ «О Государствѣ Русскомъ» онъ говоритъ слѣдующее: «Кромѣ нынѣшняго Государя (Ѳеодора), у котораго нѣтъ дѣтей и едва ли будетъ,... есть еще одинъ только членъ этого дома, именно: дитя шести или семи лѣтъ, въ которомъ заключается вся надежда и все будущее поколѣніе Царскаго рода... Младшій братъ Царя... содержится въ отдаленномъ мѣстѣ отъ Москвы, подъ надзоромъ матери и родственниковъ изъ дома Нагихъ, но (какъ слышно) жизнь его находится въ опасности отъ покушеній тѣхъ, которые простираютъ свои

виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти Царя. Кормилица, отвѣдавшая прежде него какого-то кушанья (какъ я слышалъ), умерла скоропостижно... Вотъ, въ какомъ положеніи находится Царскій родъ въ Россіи..., который, повидимому, скоро прекратится, со смертію особъ нынѣ живущихъ и произведетъ переворотъ въ Русскомъ Царствѣ»... Очертивъ затѣмъ общій ропотъ и взаимную ненависть, вызванную Опричниной Грознаго, а также, безъ сомнѣнія, и разгромомъ боярской знати, произведеннымъ Годуновымъ, Флетчеръ говоритъ, «что (повидимому) этотъ вопросъ окончится не иначе, какъ всеобщимъ возстаніемъ», хотя, пишетъ онъ нѣсколько дальше, ...«никакого переворота быть не можетъ, пока войско будетъ единодушно и безпрекословно подчинено Царю и настоящему порядку вещей».

245. Пелена съ изображеніемъ преподобнаго Сергія, шитая Царицей Маріей Нагой.
Хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевской лавры.

Такимъ образомъ, наблюдательнымъ иностранцамъ было ясно, что Димитрію долго жить не придется, и что послѣ его смерти наступитъ въ жизни страны переворотъ, который повлечетъ за собой большія внутреннія потрясенія.

Нелюбовь Годунова къ Димитрію выразилась не только въ ссылкѣ его въ Угличъ, но даже и въ запрещеніи поминать его на ектеніяхъ; это, конечно, имѣло цѣлью подчеркнуть, что онъ не настоящій царевичъ, какъ сынъ седьмой жены Грознаго, почему и не можетъ считаться въ числѣ членовъ Царскаго рода. Кромѣ того въ народѣ усердно распускались слухи, что малютка любитъ муки и кровь, съ удовольствіемъ смотритъ на истязанія животныхъ, и даже самъ убиваетъ ихъ. «Сей сказкою», говоритъ Н. М. Карамзинъ, «хотѣли произвести ненависть къ Димитрію въ народѣ; выдумали и другую для сановниковъ и знатныхъ; разсказывали, что Царевичъ, играя однажды на льду съ другими дѣтьми, велѣлъ сдѣлать изъ снѣгу двадцать изображеній, назвалъ оныхъ именами первыхъ мужей государственныхъ, поставилъ рядомъ

и началъ рубить саблею: изображенію Бориса Годунова отсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: «такъ вамъ будетъ въ мое царствованіе».

Димитрій вмѣстѣ съ матерью и ея братьями Нагими жилъ въ Угличѣ подъ строгимъ надзоромъ Царскихъ чиновниковъ, конечно, безусловно преданныхъ Годунову, во главѣ съ дьякомъ Михаиломъ Битяговскимъ; вмѣстѣ съ послѣднимъ въ Угличѣ жилъ и сынъ его Данила, а также племянникъ—Никита Качаловъ. Битяговскіе были назначены въ Угличъ по представленію окольничьяго Андрея Луппъ-Клешнина—преданнѣйшаго Годунову человѣка, причемъ жена этого Луппъ-Клешнина, рожденная княжна

246. Теремъ Димитрія царевича въ Угличѣ.

Рисунокъ П. Свиньина.

Волконская, была неразлучной пріятельницей съ Царицей Ириною. Какъ разсказываютъ современники, Битяговскій отличался звѣрскимъ лицомъ и былъ посланъ въ Угличъ нарочито съ цѣлью убіенія Димитрія, послѣ того какъ Годуновъ получилъ отказъ въ этомъ отъ Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова, которымъ онъ предложилъ совершить преступленіе. Главная мамка царевича—Василиса Волохова, имѣвшая взрослаго сына Осипа, была также ставленницей Бориса.

15 мая 1591 года царевича Димитрія не стало.

Уже не разъ помянутый нами Англичанинъ Горсей, большой почитатель Годунова и всѣмъ ему обязанный, находился въ это время въ Ярославлѣ; онъ разсказываетъ по поводу смерти царевича слѣдующее: «Однажды ночью я думалъ, что уже совсѣмъ наступилъ мой конецъ, и молилъ Всевышняго о спасеніи моей души. Кто-то въ полночь постучалъ въ ворота моего дома. У меня былъ достаточный запасъ пи-

столей и оружія. Я и пятнадцать человѣкъ моихъ слугъ, вооружившись этимъ оружіемъ, вышли къ воротамъ: «Мой добрый, благородный другъ Джеромъ, впустите меня, я долженъ поговорить съ вами».—Я узналъ при лунномъ свѣтѣ Аѳанасія Нагого, брата послѣдней жены покойнаго Царя и матери юнаго царевича Димитрія, который жилъ съ ними въ Угличѣ, на разстояніи 25 миль отъ Ярославля.—«Царевичъ Димитрій скончался въ шестомъ часу, дьяки перерѣзали ему горло; слуга одного изъ нихъ сознался передъ пыткой, что они посланы Борисомъ»...

Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Горсей говоритъ объ этомъ такъ: «Послѣ смерти Ивана Васильевича перерѣзали горло его третьему десятилѣтнему сыну, царевичу, который былъ одаренъ острымъ умомъ, и на котораго возлагали большія надежды».

Такимъ образомъ, преданный Годунову Горсей совершенно опредѣленно говоритъ, что Димитрію *перерѣзали горло*, и ни

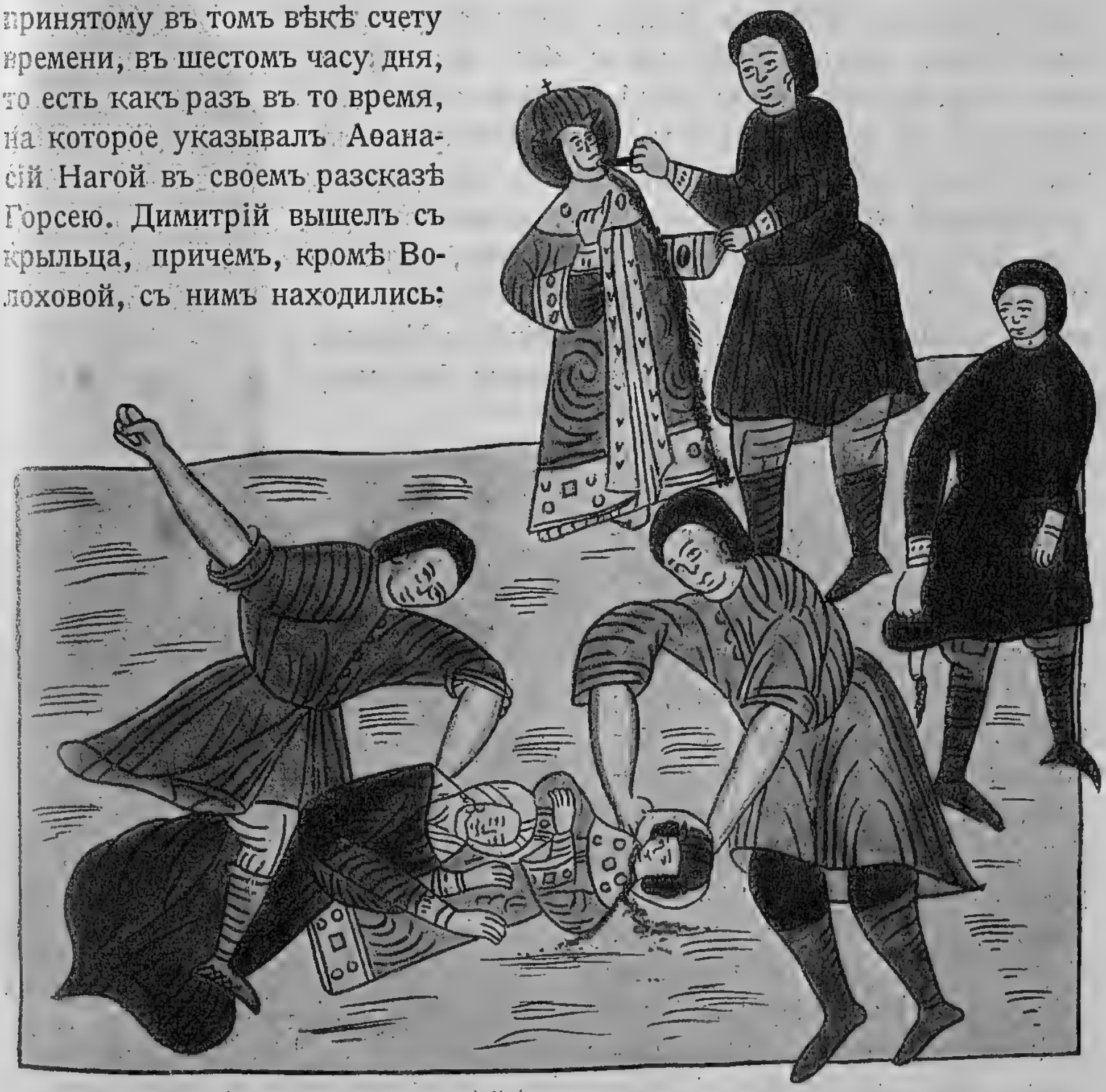
247. „...И отпусти отъ своея палаты любезнаго сына своего царевича Димитрія. Василисса же вземши царевича за ручку ведяше его вонъ"...

„Изъ Житія Царевича Димитрія" Императорскаго Общества Любителей Древней Русской Письменности, также какъ и рисунки 248, 249, 250 и 251.

единымъ словомъ не старается снять въ этомъ обвиненіе съ Бориса, прямо высказанное ему Аѳанасіемъ Нагимъ.

Однако, узнать вполнѣ достовѣрно—какъ именно произошла смерть царевича въ Угличѣ, къ сожалѣнію не представляется возможнымъ. Здѣсь начинается великая темнота въ жизни Московскаго Государства, темнота, несомнѣнно, созданная преступной рукой Бориса Годунова и поведшая роковымъ образомъ, какъ и предсказалъ Флетчеръ, къ страшной смутѣ, глубоко потрясшей все наше Отечество.

По всѣмъ вѣроятіямъ, смерть царевича произошла слѣдующимъ образомъ: въ субботу, 15 мая, Царица Марія Нагая, не спускавшая глазъ съ своего сына, возвратилась съ нимъ отъ обѣдни и собиралась обѣдать. Въ это время старшая мамка—Василиса Волохова—позвала Димитрія гулять во дворѣ. Это было, по принятому въ томъ вѣкѣ счету времени, въ шестомъ часу дня, то есть какъ разъ въ то время, на которое указывалъ Аѳанасій Нагой въ своемъ разсказѣ Горсею. Димитрій вышелъ съ крыльца, причемъ, кромѣ Волоховой, съ нимъ находились:

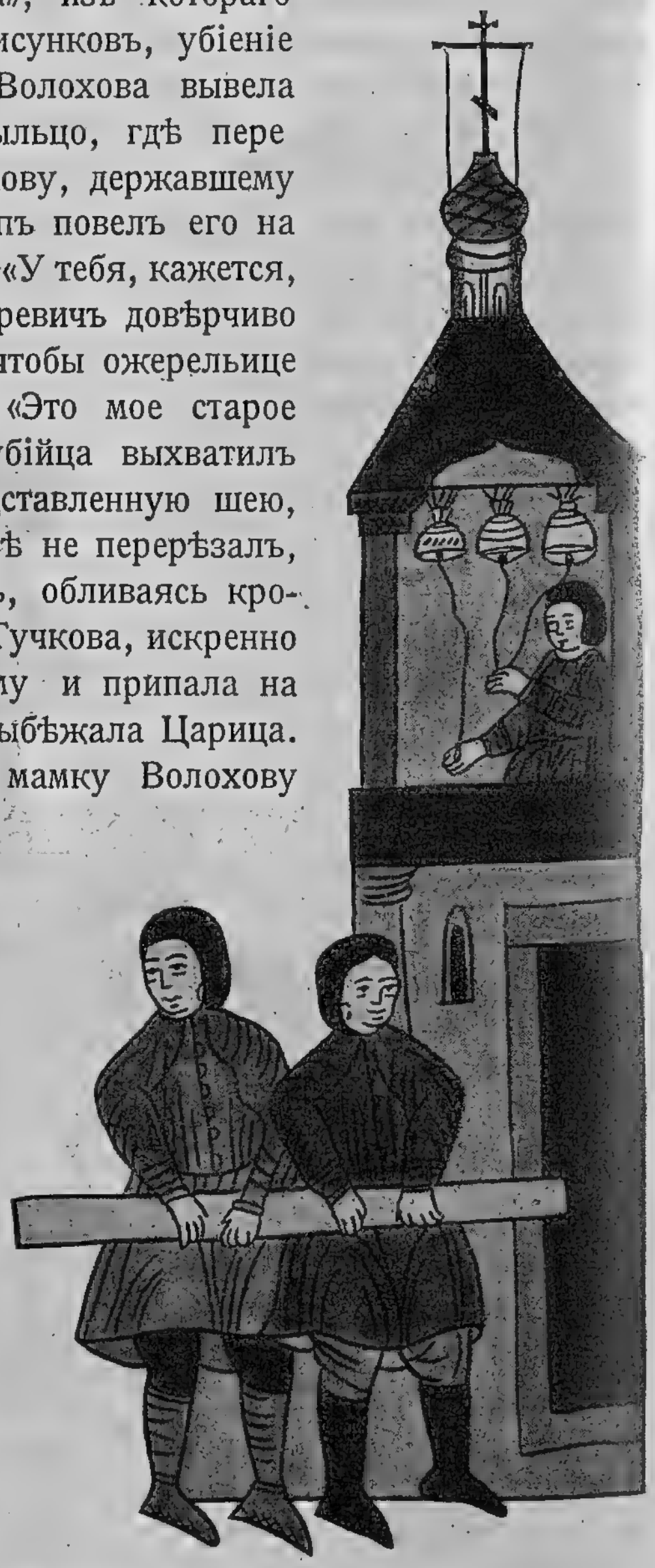


248. „...И пріемъ отъ Василиссы царевича за ручьку сынъ ея Даніило Волоховъ, ножъ же обнаженъ, тайно в рукавъ держа... внезапу убійца онъ уготованнымъ ножемъ аки змія жаломъ убоде царевича в выю... Кормителница же яко узрѣ сіе, абіе воскрича гласомъ веліемъ, и паде на царевича...

его кормилица Тучкова и постельница Колобова. Вслѣдъ затѣмъ Царица Марія, оставшаяся въ горницѣ, услышала отчаянные крики женщинъ, на которые она тотчасъ же выбѣжала и увидѣла сына, уже бьющагося въ предсмертныхъ судорогахъ съ перерѣзаннымъ горломъ, въ рукахъ своей кормилицы.

По словамъ «Житія царевича», изъ котораго мы помѣщаемъ здѣсь нѣсколько рисунковъ, убіеніе его произошло такъ: Василиса Волохова вывела Димитрія за ручку на нижнее крыльцо, гдѣ передала его своему сыну Осипу Волохову, державшему въ рукавѣ обнаженный ножъ. Осипъ повелъ его на средину двора и ласково спросилъ: «У тебя, кажется, Государь, новое ожерельице»? Царевичъ довѣрчиво вытянулъ свою дѣтскую шейку, чтобы ожерельице было лучше видно, и отвѣчалъ: «Это мое старое ожерелье». Въ то же мгновеніе убійца выхватилъ свой ножъ и вонзилъ его въ подставленную шею, но, объятый страхомъ, горла вполнѣ не перерѣзалъ, а кинулся бѣжать. Димитрій упалъ, обливаясь кровью. Видя это, кормилица Арина Тучкова, искренно ему преданная, кинулась къ нему и припала на землю рядомъ съ нимъ. На это и выбѣжала Царица.

Очевидно давно подозрѣвая мамку Волохову въ злomъ умыслѣ, она прямо бросилась на нее и схваченнымъ полѣномъ начала бить по головѣ, громко крича, что царевича убилъ Осипъ Волоховъ, вмѣстѣ съ молодымъ Данилой Битяговскимъ и Никитой Качаловымъ. На происшествіе сбѣжались дворовые. Кто-то кинулся къ соборной церкви Спаса и распорядился, чтобы ударили въ набатъ, а другіе разбѣжались по улицамъ съ криками: «чего сидите? Царя у васъ больше нѣтъ». Слухъ объ убіеніи царевича быстро разнесся. Первыми прискакали во дворецъ братья Царицы—Михаилъ и Григорій Нагіе, причемъ послѣдній набросился также на Василису Волохову.



249. „...Прилучися тогда во дворѣ Государевѣ быти единому отъ пономарей соборныя церкве, той... тече скоро на колоколню, и двери колокольныя за собою затворилъ крѣпко нача въ великій звонъ бити на сполохъ“...

Тѣмъ временемъ, соборный колоколъ продолжалъ звонить набатъ; въ него звонилъ вдовый попъ, обращенный въ пономаря, по прозванію Огурецъ. Дьякъ Михаилъ Битяговскій, заслыша набатъ, поспѣшилъ во дворецъ, причемъ по дорогѣ пытался взойти на колокольню, чтобы прекратить звонъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, догадывался, что онъ означалъ; но Огурецъ, въ своемъ усердіи, заперся въ ней и продолжалъ звонить.

Между тѣмъ огромная толпа народа успѣла уже собраться у дворца и находилась, разумѣется, въ величайшемъ возбужденіи. Какъ только прибылъ дьякъ Битяговскій, то Михаилъ Нагой тотчасъ-же указалъ на него, какъ на главнаго виновника преступленія; Битяговскій хотѣлъ спастись въ стоящей во дворѣ Брусяной избѣ, но былъ вытащенъ изъ нея и тутъ же убитъ. Сынъ его Данила съ двоюроднымъ братомъ Николаемъ Качаловымъ — думали скрыться въ другой избѣ, но ихъ тоже нашли и убили.

Наконецъ, нашли и Осипа Волохова. Царица указала на него какъ на убійцу, и онъ тоже тутъ же

250. „И текоша вси на гласъ звона ко двору цареву, и видѣша государя своего царевича Димитрія, по средѣ двора лежаща, яко агнца закланна... Матерь же благовѣрную царицу Марію Ѳеодоровну, такожде и кормительницу, обѣ лежащи, яко мертвы на земли“...

былъ лишенъ жизни. Разсвирѣпѣвшій народъ убилъ также нѣсколько слугъ Битяговскаго и посадскихъ людей, пробовавшихъ вступиться за нихъ. Всего было убито толпой двѣнадцать человѣкъ. Совершивъ эту расправу, жители Углича съ безпокойствомъ стали ждать, какъ взглянутъ на это дѣло въ Москвѣ, куда былъ отправленъ гонецъ къ Царю съ подробнымъ донесеніемъ о случившемся.

Тѣло-же убіеннаго царевича было положено въ гробъ и поставлено въ Преображенскомъ соборѣ.

По разсказу лѣтописцевъ, когда гонецъ изъ Углича прибылъ въ Москву, то Борисъ Годуновъ замѣнилъ привезенную имъ грамоту—другою, въ которой было сказано, что Димитрій зарѣзался самъ, по недосмотру Нагихъ, и лично доложилъ ее Государю, лицемѣрно проливая вмѣстѣ съ нимъ слезы о случившемся.

Затѣмъ, 19 мая, спѣшно выѣхали изъ Москвы лица, назначенныя для производства слѣдствія. Этими лицами были: всецѣло преданный Годунову—окольничій Луппъ-Клешнинъ, по указанію котораго былъ отправленъ въ Угличъ Михаилъ Битяговскій, затѣмъ дьякъ Вылузгинъ, Крутицкій митрополитъ Геласій, также человѣкъ обязанный Годунову, и, наконецъ, бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Старшій братъ этого Шуйскаго, князь Андрей Ивановичъ, былъ погубленъ, какъ мы видѣли, Годуновымъ, а другой братъ—Димитрій Ивановичъ—женатъ на родной сестрѣ жены Годунова, на Екатеринѣ Григорьевнѣ Скуратовой; что

251. „И начаша искати убійцевъ и в началѣ Михаила Битяговскаго... и с совѣтники его.. емше каменіемъ побиша“...

же касается до самого Василія Ивановича, то онъ находился въ большомъ подозрѣніи у всесильнаго временщика и ежечасно ждалъ своей гибели.

Назначеніе Шуйскаго во главѣ слѣдствія имѣло видъ безпристрастія, такъ какъ Василій Ивановичъ не былъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ числу близкихъ людей Годунова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Годуновъ, назначая его, конечно, отлично понималъ, что Шуйскій, оберегая себя, не посмѣетъ идти противъ Луппъ-Клешнина и покроетъ своимъ именемъ всѣ его дѣйствія въ Угличѣ.

Такъ, повидимому, и случилось. По прибытіи въ Угличъ, слѣдователи осмотрѣли тѣло царевича, причемъ Луппъ-Клешнинъ, увидя его, затрепеталъ, обливаясь слезами, и затѣмъ оно было тотчасъ же предано погребенію *).

«Глубокая язва Димитріева»,—говоритъ Н. М. Карамзинъ,—«гортань, перерѣзанная рукой сильнаго злодѣя, не собственной, не младенческой, свидѣтельствовала о несомнительномъ убіеніи; для того спѣшили предать землѣ святыя мощи невинности».

Затѣмъ началось слѣдствіе. По разсказу лѣтописцевъ, на вопросъ Шуйскаго: «какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія Нагихъ, закололъ себя самъ», всѣ единогласно отвѣчали, что царевичъ былъ убитъ своими рабами Битяговскими и товарищами, по приказанію Бориса Годунова и его совѣтниковъ. Но, по пріѣздѣ въ Москву, Шуйскій доложилъ Государю, что царевичъ закололся самъ, и представилъ слѣдственное производство, сохранившееся до нашего времени.

По этому слѣдственному производству выходило, что одинъ только дядя царевича—Михаилъ Нагой, бывшій будто бы въ день убіенія мертвецки пьянымъ, настаивалъ, что царевичъ убитъ; всѣ-же остальные, въ томъ числѣ и братъ Михаила—Григорій Нагой,—утверждали, какъ заученный урокъ, что царевичъ закололся самъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, играя съ товарищами въ какую-то игру—тычку, при которой употреблялся ножикъ. Особенно много распространялась про болѣзнь Димитрія—Василиса Волохова. Показаній же матери царевича вовсе нѣтъ въ слѣдственномъ производствѣ.

Подробно разобравъ это слѣдственное производство и указавъ на всѣ несообразности и темныя мѣста, въ немъ встрѣчающіяся, нашъ историкъ С. Соловьевъ говоритъ: «Послѣ всего этого не должны ли мы заключить, что слѣдствіе было произведено недобросовѣстно? Не ясно ли видно, какъ спѣшили собрать побольше свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, не обращая вниманія на противорѣчія и на укрытіе главныхъ обстоятельствъ».

Н. М. Карамзинъ же высказывается такъ по поводу этого слѣдствія: «Одни сіи допросы, явно ознаменованные дѣйствіемъ страха, угрозъ, при-

---

*) Луппъ-Клешнинъ впослѣдствіи постригся и принялъ схиму, очевидно, желая замолить свой великій грѣхъ.

нужденій, совѣсти нечистой, свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова».

Когда слѣдователи вернулись въ Москву, то былъ собранъ духовный соборъ; по прочтеніи на немъ слѣдственнаго производства, митрополитъ Геласій добавилъ: «Царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила, что убійство Михаила Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ дѣло грѣшное, виноватое, просила меня довести ея челобитье до Государя, чтобы Государь тѣмъ бѣднымъ червямъ, Михаилу Нагому съ братьями, въ ихъ винѣ милость показалъ».

252. Царевичъ Димитрій Іоанновичъ.
По Титулярнику.

Патріархъ же Іовъ вынесъ такое рѣшеніе собора: «Передъ Государемъ Михайлы и Григорія Нагихъ и Углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная: Царевичу Димитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ; а Михайла Нагой Государевыхъ приказныхъ людей, дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Качалова и другихъ дворянъ, жильцовъ и посадскихъ людей, которые стояли за правду, велѣлъ побить напрасно, за то, что Михайла Битяговскій съ Михайломъ Нагимъ часто бранился за Государя, зачѣмъ онъ, Нагой, держалъ у себя вѣдуна, Андрюшу Мочалова, и много другихъ вѣдуновъ. За такое великое измѣнное дѣло Михайла Нагой съ братьею и мужики Угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. Но это дѣло земское, градское, то вѣдаетъ Богъ, да Государь, все въ его Царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость, о томъ Государю какъ Богъ извѣститъ».

Нагихъ привезли въ Москву и крѣпко пытали; у пытки былъ самъ Годуновъ, бояре и Луппъ-Клешнинъ. Но, по свидѣтельству лѣтописцевъ, Нагіе и на пыткѣ говорили, что царевичъ убитъ. Ихъ разослали въ заточеніе по дальнимъ городамъ. Царица-же Марія была пострижена въ Выксинской пустыни, за Бѣлоозеромъ. Съ Угличанами поступили также съ безпощадной строгостью: до 200 человѣкъ было наказано смертью или отрѣзаніемъ языка; многихъ посадили въ темницы; большинство же было сослано въ Сибирь для заселенія города Пельма. Самый колоколъ, звонившій

набатъ, былъ отправленъ въ Тобольскъ, гдѣ находится и по настоящее время. Послѣ этой расправы городъ Угличъ, бывшій до того торговымъ и многолюднымъ, совершенно запустѣлъ и съ той поры уже не поднимался.

«Когда извѣстіе объ убіеніи царевича пришло въ Москву»,—разсказываетъ современникъ событій, иностранецъ Исаакъ Масса, «сильное смущеніе овладѣло и придворными и народомъ. Царь (Ѳеодоръ) въ испугѣ желалъ, чтобы его постигла смерть. Его по возможности утѣшали. Царица

253. Царевичъ Димитрій убіенный.

Картина художника М. В. Нестерова въ музеѣ Императора Александра III въ С.-Петербургѣ.

также была глубоко огорчена и хотѣла удалиться въ монастырь, такъ какъ она подозрѣвала, что убійство совершено по внушенію ея брата, сильно желавшаго управлять Царствомъ и сидѣть на престолѣ».

Скоро, впрочемъ, вниманіе Царя и народа было отвлечено въ другую сторону.

Убіеніе царевича Димитрія произошло 15 мая, а 6 іюня начался страшный пожаръ въ Москвѣ, причемъ выгорѣлъ весь Бѣлый городъ. 4 же іюля 1591 года, какъ мы видѣли, передъ Москвой внезапно появились Крымцы Сафа-Гирея. Ханъ на другой же день побѣжалъ назадъ, а погорѣвшимъ Годуновъ оказывалъ необыкновенныя милости, съ великой щедростью раздавая имъ деньги, «къ себѣ вся приправливая и аки ужемъ привлачаше»,

но повсемѣстно упорно держался слухъ, что какъ пожаръ Москвы, такъ и набѣгъ хана, были дѣломъ его рукъ, чтобы отвлечь вниманіе всѣхъ отъ убійства Димитрія.

«Той же Борисъ»,—говоритъ одинъ лѣтописецъ,—«видя народъ возмущенъ о царевичевѣ убіеніи, посылаетъ совѣтники своя, повелѣ имъ многія домы въ царствующемъ градѣ запалити, дабы люди о своихъ напастяхъ попеченіе имѣли и тако симъ ухищреніемъ преста міромъ волненіе о царевичевѣ убіеніи, и ничтоже ино помышляюще людіе, токмо о домашнихъ находящихъ на ны скорбѣхъ».

Замѣчательно, что и И. Е. Забѣлинъ тоже раздѣляетъ мнѣніе о томъ, что какъ пожаръ Москвы, такъ и нашествіе Сафа-Гирея—было дѣломъ рукъ Годунова: «....въ дѣйствительности», говоритъ онъ, «всѣ обстоятельства этого нашествія заставляли угадывать, что оно было поднято тѣми людьми изъ Москвы же, которымъ до крайности было надобно направить народные умы въ другую сторону отъ совершившагося злодѣйства въ Угличѣ».

Съ убіеніемъ Димитрія надежды Бориса на занятіе престола послѣ смерти Ѳеодора, конечно, значительно усилились. Правда, черезъ годъ у Царя родилась дочь Ѳеодосія, но она скоро же умерла, вызвавъ общее горе и новые толки о томъ, что ее уморилъ Годуновъ. Обвиняла народная молва Годунова и въ ослѣпленіи престарѣлаго великаго князя Тверского Симеона Бекбулатовича, котораго Грозный поставилъ въ былыя времена Царемъ на Москвѣ, и теперь ослѣпшаго.

Борисъ же все болѣе и болѣе открыто стремился къ Царской власти. Уже съ 1595 года, рядомъ съ его собственнымъ именемъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ стали упоминать и имя его сына Ѳеодора, причемъ юный Ѳеодоръ самъ началъ принимать участіе въ пріемѣ пословъ, торжественно встрѣчая ихъ «среди сѣней», и ведя затѣмъ къ отцу; когда Борисъ посылалъ подарки шаху Аббассу, то Ѳеодоръ отъ себя тоже посылалъ подарки шахову сыну.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ убіенія Димитрія, въ концѣ 1597 года, Царь Ѳеодоръ занемогъ смертельной болѣзнью и умеръ 7 января 1598 года. «Я вполнѣ убѣжденъ», говоритъ уже помянутый нами весьма правдивый Голландецъ Масса, жившій въ это время въ Москвѣ, «въ томъ, что Борисъ ускорилъ его смерть, при содѣйствіи и по просьбѣ своей жены, желавшей скорѣе сдѣлаться Царицей». Такіе же толки упорно ходили и въ народѣ.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія о подробностяхъ кончины Ѳеодора Іоанновича сбивчивы. По нѣкоторымъ сказаніямъ, когда бояре приступили къ нему съ вопросомъ, кому царствовать послѣ него, то онъ передалъ скипетръ своему двоюродному брату Ѳеодору Никитичу Романову, но тотъ отказался и вручилъ скипетръ слѣдующему брату Александру; Александръ, въ свою очередь, передалъ его третьему брату Ивану, а отъ того онъ былъ переданъ и четвертому—Михаилу; Михаилъ тоже отказался и передалъ дальше; въ концѣ концовъ скипетръ опять попалъ въ руки Царя. Тогда умирающій сказалъ: «возьми же его кто хочетъ; я не въ силахъ болѣе

254. Царь Θеодоръ Іоанновичъ.
Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

держать»; въ это мгновеніе Борисъ Годуновъ протянулъ свою руку и взялъ его.

По другимъ свѣдѣніямъ, на вопросъ патріарха и бояръ—«кому Царство, насъ сиротъ и свою Царицу приказываешь», Θеодоръ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: «Во всемъ Царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ ему угодно, такъ и

*

будетъ; и въ Царицѣ моей Богъ воленъ, какъ ей жить, и объ этомъ у насъ уложено». Наконецъ, есть также свидѣтельство, что «послѣ себя великій Государь оставилъ свою благовѣрную великую Государыню Ирину Ѳеодоровну на всѣхъ своихъ великихъ Государствахъ».

Какъ бы ни было, вслѣдъ за кончиной Ѳеодора, власть тотчасъ же перешла къ Царицѣ, и ей безпрекословно присягнули.

Народъ, услышавъ вѣсть о смерти Государя, толпами шелъ въ кремль; всѣ выражали свою глубокую скорбь, и многіе горько рыдали.

Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ послѣднимъ Царемъ изъ дома Рюрика, давшаго столько великихъ Государей Русской Землѣ. Непомѣрное напряженіе всѣхъ силъ на пользу Родинѣ, которое служило отличительной ихъ чертой на протяженіи вѣковъ, повидимому, привело въ его лицѣ Царскій родъ къ истощенію, или, какъ теперь говорятъ, къ вырожденію. Крайняя впечатлительность и чрезмѣрная страстность и раздражительность Іоанна Грознаго являлись, вѣроятно, также признаками уже начинающагося вырожденія въ потомствѣ Іоанна Калиты. Потерявъ одно изъ отличительныхъ свойствъ своихъ предковъ—большой ясный умъ и исключительныя способности къ занятію государственными дѣлами,—Царь Ѳеодоръ все-же полностью сохранилъ другія качества, отличавшія Рюриковичей: великое благочестіе, сердечную доброту и большое душевное благородство. Разсматривая приведенное здѣсь его изображеніе, мы поражаемся, по первому взгляду, некрасивыми и болѣзненными чертами лица Ѳеодора, но затѣмъ находимъ въ нихъ чрезвычайно кроткое и милое выраженіе и начинаемъ понимать, почему смиренно-блаженный Царь могъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ.

Хилый и неспособный къ правленію, онъ оставался всё-таки съ головы до ногъ Царемъ. Такое же благопріятное впечатлѣніе производилъ онъ и на многихъ иностранцевъ. Горсей, описывая свое представленіе Ѳеодору, разсказываетъ: «Царь говорилъ мало, но держалъ себя хорошо».

Скоро мы увидимъ, что его лукавый рабъ, замыслившій занять послѣ него высокій Царскій столъ, благолѣпный съ виду, умный и цвѣтущій здоровьемъ Борисъ Годуновъ, будетъ говорить много, но держать себя нехорошо.

Усопшаго Государя похоронили, по обычаю, на другой день смерти въ Архангельскомъ соборѣ. Царица Ирина была неутѣшна; она громко причитала надъ гробомъ, восклицая между прочимъ: «Увы мнѣ смиренной вдовицѣ, безъ чадъ оставшейся . . . мною бо нынѣ единою вашъ Царскій корень конецъ пріялъ».

На девятый день послѣ смерти мужа, Ирина удалилась въ Новодѣвичій монастырь, рѣшительно отказавшись отъ Царства, несмотря на всѣ просьбы патріарха и бояръ, и вскорѣ постриглась съ именемъ Александры.

Наступило небывалое время въ Московскомъ Государствѣ—оно осталось безъ Царя. Во главѣ всего правленія сталъ патріархъ, хотя указы и продолжались писаться отъ имени Царицы.

Вопросъ же объ избранiи новаго Царя оставался открытымъ до истеченiя сорокового дня послѣ кончины Ѳеодора.

Въ ожиданiи этого «немедленно закрыли границы Государства», говоритъ нашъ извѣстный историкъ С. Ф. Платоновъ, «никого черезъ нихъ не впуская и не выпуская. Не только на большихъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывезъ вѣстей изъ Московскаго Государства въ Литву и къ Нѣмцамъ..... Избранiе Царя должно было совершиться не только безъ посторонняго участiя и вліянiя, но и въ тайнѣ отъ посторонннихъ глазъ. Никто не долженъ былъ знать, въ какой обстановкѣ и съ какой степенью единодушiя будетъ избранъ новый Московскiй Государь».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, было приказано съѣзжаться въ Москву со всего Государства членамъ созываемаго собора для выбора новаго Царя.

Князья Шуйскiе, какъ прямые потомки Александра Невскаго, имѣли бы несомнѣнно наибольшiя права на престолъ, если бы было рѣшено выбрать Царя непремѣнно изъ потомковъ Рюрика. Объ этомъ, какъ увидимъ впослѣдствiи, Янъ Замойскiй вполнѣ опредѣленно высказывался на сеймѣ въ Польшѣ.

Имѣли также большiя права на престолъ и Романовы, какъ двоюродные братья почившаго Ѳеодора и какъ члены знаменитой боярской семьи, на протяженiи столѣтiй прославившей себя особой вѣрностью Московскимъ Государямъ и цѣлымъ рядомъ выдающихся заслугъ на пользу Родинѣ.

Наконецъ, могъ быть поднятъ вопросъ и о выборѣ члена какого-либо изъ царствующихъ домовъ въ Европѣ, конечно, при условiи принятiя имъ Православiя. Повидимому, за неосторожные разговоры съ посломъ Варкочемъ о возможности избранiя послѣ смерти Ѳеодора Австрiйскаго эрцгерцога Максимиліана былъ подвергнутъ опалѣ знаменитый дьякъ Андрей Щелкаловъ, тотъ самый, котораго Борисъ назвалъ, пробираясь по смерти Грознаго ко власти,—своимъ отцомъ.

Однако, всѣмъ было ясно, что все клонилось къ избранiю Годунова. Этого прежде всего страстно желала сама Царица-инокиня. Патрiархъ Iовъ, всецѣло обязанный Борису, конечно, также открыто стоялъ на его сторонѣ и самъ говорилъ, что имѣлъ по этому поводу немалыя непрiятности: «Въ большую печаль впалъ я о преставленiи сына моего Царя Ѳеодора Iоанновича; тутъ претерпѣлъ я всякое озлобленiе, клеветы, укоризны, много слезъ пролилъ я тогда».

Нѣмецъ Мартынъ Беръ, жившiй въ Москвѣ и облагодѣтельствованный Годуновымъ, разсказываетъ, что онъ (Годуновъ) и сестра его Ирина поступили весьма хитро: «Царица, призвавъ къ себѣ тайно многихъ сотниковъ и пятидесятниковъ, склонила ихъ деньгами и лестными обѣщанiями къ убѣжденiю воинства и гражданъ не избирать на Царство, если потребуются ихъ голоса, никого, кромѣ Бориса»...

Когда дьякъ Василiй Щелкаловъ объявилъ собравшемуся въ кремлѣ народу о постриженiи Царицы, требуя присяги на имя боярской думы, то

ему отвѣчали изъ толпы: «не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только Царицу», а затѣмъ раздались голоса: «Да здравствуетъ Борисъ Ѳеодоровичъ!»

Самъ патріархъ съ духовенствомъ, боярами и гражданами отправился просить Царицу Ирину благословить брата на Царство, такъ какъ при Царѣ Ѳеодорѣ: «онъ же правилъ и все содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ по вашему Царскому приказу». Съ такой же просьбой обратились и прямо къ Годунову.

На это Борисъ отвѣчалъ: «Мнѣ никогда и на умъ не приходило о Царствѣ; какъ мнѣ помыслить на такую высоту, на престолъ такого великаго Государя моего пресвѣтлаго Царя? Теперь бы намъ промышлять о томъ, какъ устроить праведную и безпорочную душу пресвѣтлаго Государя моего, Царя Ѳеодора Іоанновича, о Государствѣ же и о земскихъ всякихъ дѣлахъ радѣть и промышлять тебѣ Государю моему свѣтѣйшему Іову патріарху, и съ тобой боярамъ. А если гдѣ работа моя пригодится, то я за святыя Божія церкви, за одну пядь Московскаго Государства, за все Православное Христіанство и за грудныхъ младенцевъ радъ кровь свою пролить и голову положить». Повидимому, Борисъ отказывался такъ упорно, выжидая созыва великаго земскаго собора, вполнѣ увѣренный, что никто иной кромѣ него не будетъ избранъ.

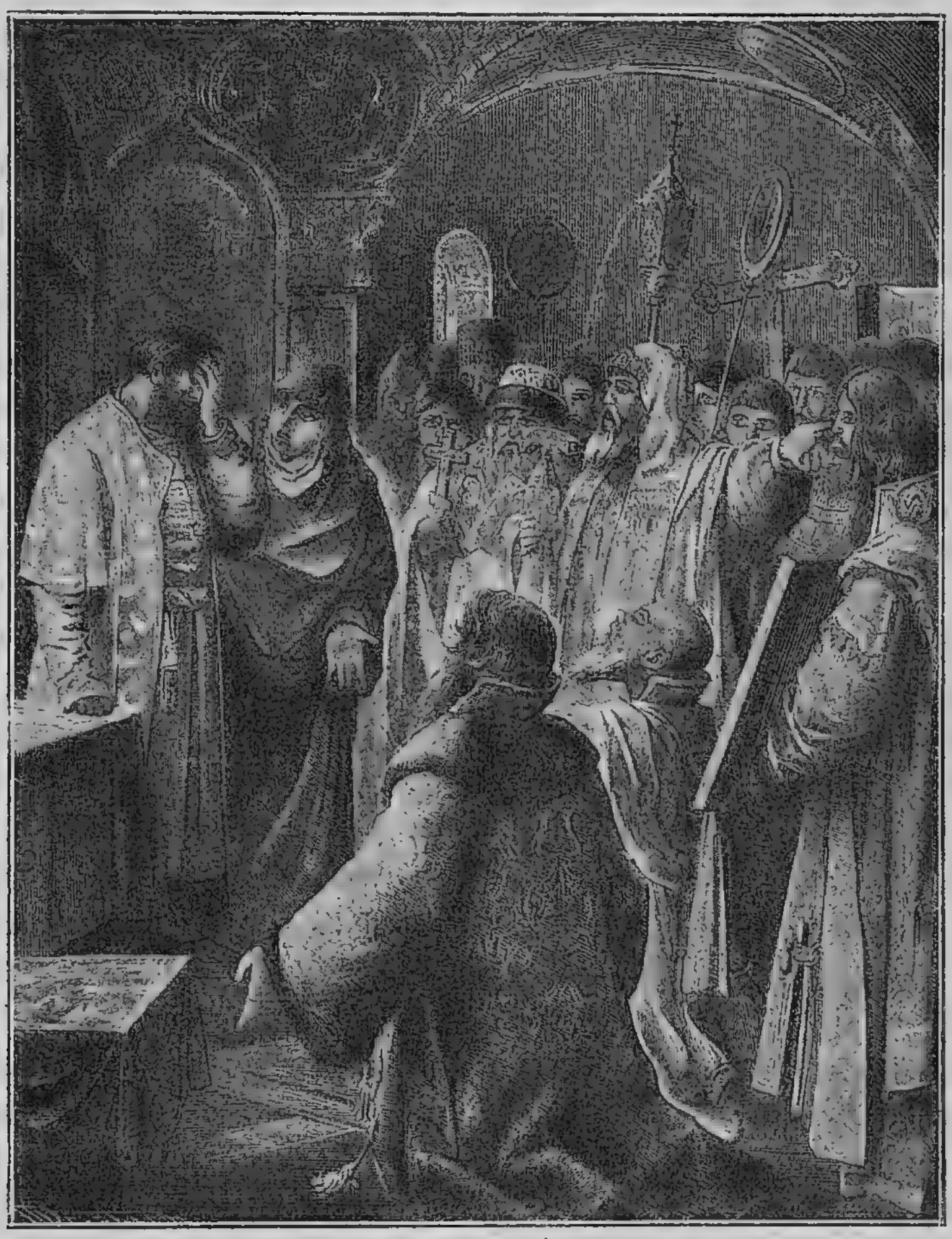
255. Святѣйшій Іовъ, патріархъ Московскій и всея Русіи.
По Титулярнику.

Соборъ этотъ собрался въ Москвѣ 17 февраля. На него было созвано 474 человѣка—въ томъ числѣ только 33 выборныхъ отъ городовъ; остальные же принадлежали къ духовенству, зависимому отъ патріарха Іова, и къ служилому люду различнаго званія, въ числѣ котораго, какъ мы видѣли, большинство состояло изъ сторонниковъ Годунова.

Соборъ былъ открытъ рѣчью патріарха Іова; въ ней онъ прямо заявилъ, что надо выбрать Бориса Ѳеодоровича, и заявилъ это не только отъ себя, но и отъ всего собора: «А у меня, Іова патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и у всего освященаго вселенскаго собора, у бояръ, дворянъ, приказныхъ и служилыхъ, у

всякихъ людей, у гостей и у всѣхъ Православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо Государя Бориса Ѳеодоровича инаго Государя никого не искать и не хотѣть».

На эту рѣчь соборъ тотчасъ же единогласно постановилъ: «Неотложно бить челомъ Борису Ѳеодоровичу и кромѣ него никого на Государство не искать».



256. Патріархъ Іовъ и Московскій народъ просятъ Бориса Годунова на Царство.

Рисунокъ художника Медвѣдева.

18 и 19 февраля въ Успенскомъ кремлевскомъ храмѣ были отслужены торжественныя молебствія, чтобы Богъ даровалъ на Царство Бориса Ѳеодоровича, а 20, въ понедѣльникъ, на масляницѣ—Іовъ со всѣмъ духовенствомъ, боярами и всенароднымъ множествомъ отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ проживалъ Борисъ у сестры, и со многими слезами и челобитіемъ молили его—принять избраніе.

Но онъ, попрежнему, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Всѣ разошлись въ недоумѣніи. Тогда Іовъ предложилъ опять идти на другой день всенародно къ Борису съ иконами и крестами, съ женами и грудными дѣтьми, и притомъ, съ тѣмъ, что если Борисъ, несмотря на всѣ просьбы, опять откажется, то отлучить его отъ церкви, а духовенству снять съ себя святительскіе саны, одѣться въ простыя монашескія одежды и запретить службу во всѣхъ церквахъ.

Во вторникъ, 21 февраля, крестный ходъ, съ несомой впереди иконой Владимірской Божьей Матери, двинулся къ Новодѣвичьему монастырю. Оттуда ему навстрѣчу вышелъ другой крестный ходъ съ поднятой иконой Одигитріи Смоленской; при немъ былъ и Годуновъ. Онъ палъ ницъ передъ чудотворнымъ образомъ Царицы Небесной Владимірской и возопилъ со слезами: «О милосердная Царица! Зачѣмъ такой подвигъ сотворила, чудотворный Свой образъ воздвигла съ честными крестами и со множествомъ иныхъ образовъ. Пречистая Богородица, помолись обо мнѣ и помилуй меня». Борисъ долго лежалъ передъ иконой, обильно омочая землю слезами, потомъ всталъ и началъ выговаривать патріарху, зачѣмъ онъ воздвигнулъ иконы и кресты, на что Іовъ, залившись слезами, отвѣчалъ ему, что не онъ, а сама «Пречистая Богородица со своимъ Предвѣчнымъ Младенцемъ и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прійти и святую волю Сына Своего на тебѣ исполнить. Устыдись пришествія Ея, повинись волѣ Божіей и ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Господня». Слушая эту рѣчь, Годуновъ продолжалъ проливать обильныя слезы. Послѣ обѣдни, патріархъ, бояре и духовенство вошли въ келью Царицы, у которой былъ и Борисъ, стали на колѣни и опять, съ горькимъ плачемъ и челобитьемъ, начали просить ее и его, чтобы онъ согласился принять Царство; народъ, толпившійся у монастыря, также со слезами и рыданіемъ, молилъ о томъ же.

Наконецъ, глубоко растроганная Царица-инокиня сказала: «Ради Бога, Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради воздвигнутыхъ чудотворныхъ образовъ, ради вашего подвига, многаго вопля, рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія,—даю вамъ своего единокровнаго брата, да будетъ Вамъ Государемъ Царемъ».

Услышавъ это, Годуновъ съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ въ отвѣтъ: «Это ли угодно твоему человѣколюбію, Владыко, и тебѣ, моей великой Государынѣ, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайшій Царскій столъ, о которомъ и на разумѣ у меня не было? Богъ свидѣтель и ты, великая Государыня, что въ мысляхъ у меня того никогда не было, я всегда при тебѣ хочу быть и святое, пресвѣтлое, равноапостольное лицо твое видѣть».

«Противъ воли Божіей», отвѣтствовала ему Царица,—«кто можетъ стоять? И ты бы, братецъ мой, безо всякаго прекословія, повинуясь волѣ Божіей, былъ всему Православному Христіанству Государемъ». Годуновъ опять съ плачемъ и рыданіемъ сталъ отказываться, но, въ концѣ концовъ, обращаясь къ патріарху, сказалъ ему: «Если будетъ на то воля Божія, то буди такъ».

Такъ разсказываетъ о воцареніи Бориса—«Грамота, утвержденная объ избраніи Царемъ Бориса Ѳеодоровича Годунова», подписанная всѣми членами собора.

При чтеніи описанія этого избранія съ очевидностью выступаетъ лицемѣріе главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Бориса и Іова, причемъ первый зашелъ въ немъ такъ далеко, обильно проливая слезы («крокодиловы»—по словамъ Исаака Массы), что не воздержался неоднократно произносить передъ величайшими святынями Русской Земли—ея чудотворными иконами, рядъ страшныхъ клятвъ о томъ, что у него никогда и въ мысляхъ не было сѣсть на Царство.

По нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Борисъ такъ долго отказывался отъ престола потому, что бояре хотѣли, чтобы онъ подписалъ грамоту, ограничивающую его права; не желая имъ отказать прямо, онъ и выжидалъ, чтобы народная толпа какъ бы насильно заставила его принять Царство. При этомъ, будто-бы Шуйскіе, послѣ ряда его упорныхъ отказовъ, подняли вопросъ о томъ,что неприлично болѣе его упрашивать, а надо приступить къ избранію другого Царя; это и побудило Іова—двинуться 21 февраля съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь, поднявъ всѣ чудотворныя иконы. По тѣмъ же извѣстіямъ, народъ почти насильно сгонялся приставами для участія въ крестномъ ходѣ, и эти же пристава давали ему знать, когда надо падать на колѣни и начинать рыдать, причемъ нежелающихъ били безъ милости: «Пристава понуждали людей, чтобы съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно! Какъ слезамъ быть, когда сердце дерзновенія не имѣетъ? вмѣсто слезъ глаза слюнями мочили».

Эти извѣстія объ истинной обстановкѣ избранія Бориса на Царство, расходящіяся съ приведеннымъ выше разсказомъ изъ «Утвержденной грамоты», составленной Іовомъ, повидимому справедливы, такъ какъ Іовъ, въ чрезмѣрномъ угодничествѣ Борису—не постѣснился, несмотря на свой высокій санъ патріарха,—прибѣгнуть и къ явной лжи, сказавъ въ «Соборномъ опредѣленіи объ избраніи Царемъ Бориса Ѳеодоровича Годунова», что Іоаннъ Грозный на своемъ смертномъ одрѣ обратился къ Борису со словами: «Тебѣ предаю съ Богомъ сына моего (Ѳеодора Іоанновича), благопріятенъ буди къ нему до скончанія живота его; по его преставленіи тебѣ приказываю и Царство его».

Какъ бы то ни было, Борисъ Годуновъ сталъ Царемъ, и Царемъ вполнѣ законнымъ, какъ избранный общеземскимъ соборомъ, собраннымъ на совершенно законныхъ же основаніяхъ.

Но, конечно, длинный путь преступленій, лицемѣрія и ложныхъ клятвъ, по которому онъ шелъ для достиженія престола, не могли давать ему надежды, что Господь благословитъ его царствованіе; пособничество патріарха-лжеца, и вліяніе супруги—Царицы Маріи Григорьевны, дочери Малюты Скуратова, по словамъ Исаака Массы,—женщины жестокой, съ сердцемъ вѣтхозавѣтной Іезавели,—также не могли сулить добра.

Отсутствіе у новоизбраннаго Царя истиннаго благородства и величія духа, столь необходимыхъ для Государей, и замѣна ихъ личиной лицемѣрія—должно было, несомнѣнно, имѣть на сердца его подданныхъ самое развращающее вліяніе.

Вскорѣ послѣ избранія Бориса, была назначена присяга. При этомъ всѣ, конечно, были поражены совершенно необычайной подкрестной записью на вѣрность службы Царю Борису Ѳеодоровичу. Въ этой записи, состоящей изъ 2066 словъ—ясно сквозило недовѣріе Бориса какъ къ справедливости своего собственнаго избранія, такъ и къ вѣрности своихъ новыхъ подданныхъ; чтобы обязать ихъ къ этой вѣрности, онъ подробно перечислилъ въ записи всѣ виды зла, какіе могли быть сдѣланы ему и его семьѣ; запись эта показываетъ намъ совершенно ясно, какимъ мелочнымъ, суевѣрнымъ и подозрительнымъ человѣкомъ онъ былъ; такъ, присягавшіе, между прочимъ, должны были клясться: «Также мнѣ надъ Государемъ своимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Борисомъ Ѳедоровичемъ всея Русіи, и надъ Царицей и Великой Княгиней Марьею, и надъ ихъ дѣтьми, надъ Царевичемъ Ѳедоромъ и надъ Царевной Оксиньей, въ ѣствѣ и питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, и зелья лихого и коренья не давати, и не велѣти мнѣ никому зелья лихого и коренья давати, а кто мнѣ учнетъ зелье лихое или коренье давати, или мнѣ учнетъ кто говорити, чтобы мнѣ надъ Государемъ своимъ... и надъ Царицею, и надъ ихъ дѣтьми, ...какое лихо кто похочетъ учинити, или кто похочетъ портити, и мнѣ того человѣка никако не слушати..., да и людей своихъ съ вѣдовствомъ да и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати и вѣдуновъ и вѣдуній не добывати,... на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати и слѣду не выимати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью... а кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати, и язъ то свѣдаю, и мнѣ про того человѣка сказати Государю своему, . . . или его бояромъ, или ближнимъ людемъ, а не утаити мнѣ про то никакъ ни которыми дѣлы; . . . а у кого увѣдаю, или съ стороны услышу у какого человѣка нибудь, кто про такое дѣло учнетъ думати и умышляти . . . и мнѣ того поимати и привести къ Государю . . ., или его бояромъ, или къ ближнимълюдемъ»...

Не былъ также забытъ въ подкрестной записи и несчастный слѣпецъ Симеонъ Бекбулатовичъ: «Также мнѣ, мимо Государя своего... Царя Семіона Бегбулатова и его дѣтей, и иного никого, на Московское государьство не хотѣти видѣти, ни думати, ни мыслити, не семьитись, не дружитись, ни ссылатись съ Царемъ Симіономъ, ни грамотами, ни словомъ не приказывати, на всякое лихо, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью»...

Конечно, клятва—по приведенной выше подкрестной записи—не способствовала развитію чувства любви людей Московскаго Государства къ своему новому Государю.

Не менѣе необычно было первое выступленіе Царя Бориса и въ воинскомъ дѣлѣ.

1 Апрѣля пришла вѣсть, что Крымскій ханъ идетъ на Москву. Вѣсть эта, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, была пущена самимъ же Борисомъ, чтобы, по словамъ Н. М. Карамзина, «доказать, что безопасность отечества ему дороже короны и жизни». Онъ немедленно выступилъ въ походъ, приказавъ собираться войскамъ къ Серпухову, гдѣ скоро въ огромномъ лагерѣ сосредоточилось, какъ говорятъ, до 500.000 человѣкъ.

Борисъ безпрерывно объѣзжалъ собранное здѣсь воинство и награждалъ его съ несказанной щедростью; почти ежедневно у него обѣдало до 70.000 человѣкъ. Воеводамъ же передовыхъ полковъ и начальникамъ степныхъ крѣпостей—новый Царь послалъ сказать: «Я стою на берегу Оки и смотрю на степи: гдѣ явится непріятель, тамъ и меня увидите»; вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было «спросить о здоровьи» всѣхъ начальныхъ людей, что дѣлалось прежними Московскими Государями только въ знакъ особой награды послѣ одержанной большой побѣды.

Между тѣмъ, вмѣсто Крымской рати, разъѣзды наши обнаружили совершенно мирное посольство отъ хана, который былъ въ неладу съ Турецкимъ султаномъ, а потому искалъ дружбы Москвы. Тогда Борисъ совершилъ поступокъ, совершенно недопустимый для воина: онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ ночью, чтобы напугать прибывшихъ, а затѣмъ ихъ привели къ нему сквозь тѣсные ряды пѣхоты и конницы.

Обласкавъ пословъ, Борисъ задалъ роскошный пиръ своему пятисоттысячному воинству, причемъ всѣ военачальники были опять очень щедро одарены; сдѣлано это было, конечно, съ тѣмъ, чтобы привязать ихъ къ себѣ. Но расчетъ оказался не вѣренъ: «они всѣ,—говоритъ лѣтописецъ,—видя отъ него милость, обрадовались, чаяли и впередъ себѣ отъ него такого-же жалованья».

Такъ поставилъ себя Борисъ съ первыхъ же шаговъ своего царствованія по отношенію военно-служилаго сословія: награды за подвиги на полѣ брани, которыми жаловали своихъ доблестныхъ воиновъ прежніе Государи, превратились въ задабриваніе войскъ, пользуясь для этого первымъ удобнымъ случаемъ—благополучнымъ окончаніемъ смѣхотворнаго похода противъ несуществующаго противника.

Въ Москву изъ-подъ Серпухова Борисъ вернулся побѣдителемъ; весь городъ вышелъ ему на встрѣчу, какъ нѣкогда Іоанну, послѣ завоеванія Казани. Патріархъ Іовъ привѣтствовалъ его рѣчью, начинавшейся словами: «Богомъ избранный, Богомъ возлюбленный Самодержецъ! Мы видѣли славу твою. . . . .Государство, жизнь и достояніе людей цѣлы; а лютые враги, преклонивъ колѣна—молятъ о мирѣ! Ты не скрылъ, но умножилъ талантъ свой въ семъ случаѣ удивительномъ, ознаменованномъ болѣе нежели человѣческою мудростью». . . . .

1 сентября состоялось съ необычайной пышностью вѣнчаніе на Царство новаго Царя.

Охваченный чрезмѣрной радостью, Борисъ не сдержался и во время литургіи, принявъ благословеніе патріарха, неожиданно для всѣхъ «не

вѣмы, что ради», разсказываетъ, знаменитый впослѣдствіи келарь Троицко-Сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ, «испусти сицевъ глаголъ, зѣло высокъ и богомерзостенъ: се, отче великій патріархъ Іовъ, Богъ свидѣтель сему: никто же убо будетъ въ моемъ царьствіи нищъ или бѣденъ! И тряся

257. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

Съ изображенія, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

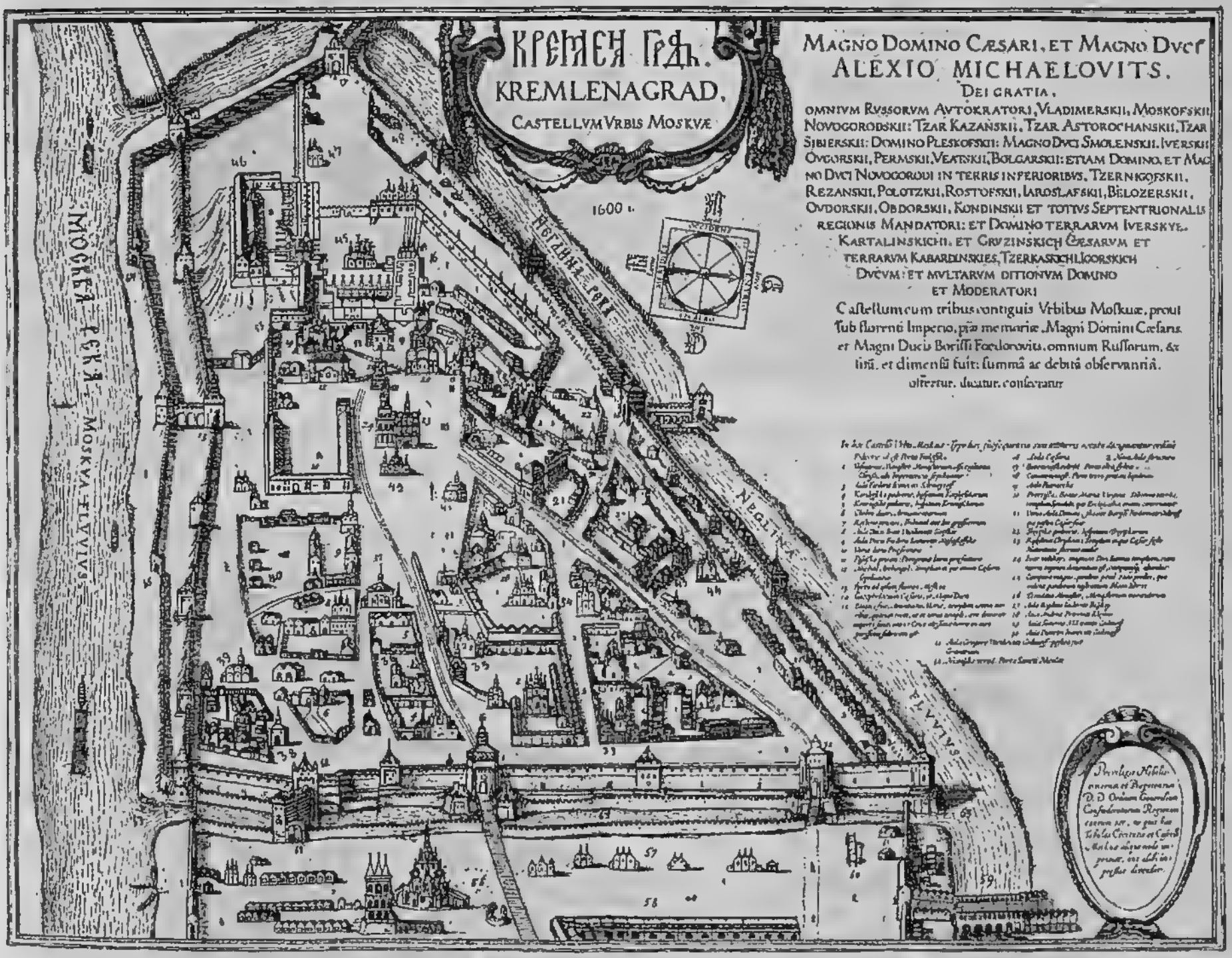
верхъ срачицы (сорочки) на собѣ и глаголя: и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми»!

Первые два года царствованія Бориса прошли, по отзывамъ современниковъ, очень благополучно. Новый Царь старался угодить всѣмъ. Онъ приказалъ выдать тройной окладъ жалованья стрѣльцамъ, дьякамъ и прочимъ служилымъ людямъ. Весь сельскій народъ былъ освобожденъ отъ

податей на одинъ годъ, а инородцы отъ платежа ясака на тотъ же срокъ. Въ Новгородѣ, по просьбѣ жителей, были закрыты два казенныхъ кабака, отъ которыхъ они терпѣли убытки и оскудѣніе. Была также облегчена участь и нѣкоторыхъ опальныхъ предыдущаго царствованія.

Особенную же ласку и заботу проявилъ Борисъ по отношенію иностранцевъ.

Нѣмецъ Беръ съ восторгомъ разсказываетъ о милостяхъ, которыя онъ оказалъ прибывшимъ въ Москву Ливонцамъ, вынужденнымъ покинуть родину, вслѣдствіе тягостныхъ для нихъ порядковъ, заведенныхъ въ ней Поляками. Никто изъ нихъ не истратилъ ни гроша во время своего пути въ Москву;



258. Видъ кремля во времена Бориса Годунова.

здѣсь же они были торжественно приняты самимъ Царемъ. Въ своей привѣтственной рѣчи, Борисъ сказалъ имъ, между прочимъ: «Меня трогаетъ несчастье, которое принудило васъ покинуть родину—вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ отечествѣ. Васъ, дворяне, я сдѣлаю князьями, васъ граждане—боярами. . . ., одарю васъ землею, слугами, работниками..., одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами, я вамъ не Царь, не господинъ, а истинный отецъ. . . . Присягайте только Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему. . . ., не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ; не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ». . . .

Когда Ливонцы присягнули, Борисъ продолжалъ: «Молитесь, Нѣмцы, Богу о моемъ здоровьѣ; пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуждаться», и, указавъ на жемчужное ожерелье свое, промолвилъ: «и этимъ подѣлюсь съ вами».

259. Голландцы подплываютъ на лодкахъ къ бѣлому медвѣдю.

Изъ Путешествія Геритъ де Вера, изданія 1599 года, также какъ и рисунки 259, 260 и 261.

260. Бѣлый медвѣдь сдираетъ кожу съ головы Голландца.

Затѣмъ всѣ Нѣмцы были надѣлены денежными подарками, одеждой, соболями, землей и крестьянами; даже каждый изъ ихъ слугъ получилъ по 15 рублей въ подарокъ, столько же въ жалованье, разныя ткани, небольшую связку соболей и по 300 четвертей земли съ 20 крестьянами. Большинство изъ Нѣмцевъ поступило затѣмъ въ особый иноземный отрядъ Царскихъ тѣлохранителей, который составилъ Годуновъ, не довѣрявшій своимъ Русскимъ.

«Ливонцы», примѣчаетъ про нихъ храбрый Французскій капитанъ Маржеретъ, служившій въ томъ же отрядѣ тѣлохранителей—«всегда оставались одинаковы; казалось, они были приведены въ Россію только для того, чтобы высказывать свою гордость и высокомѣріе, чего не посмѣли-бы сдѣлать и въ собственномъ отечествѣ». . .

261. Бѣлый медвѣдь подходитъ къ Голландскому судну.

262. Русскіе приносятъ пищу и хлѣбъ Голландцамъ.

Огромныя льготы пріобрѣли также Ливонскіе купцы, прибывшіе въ Москву еще при Іоаннѣ Грозномъ; мало того, что они были освобождены отъ всѣхъ повинностей, каждый изъ нихъ получилъ ссуду по 300—400 рублей безъ роста и срока возвраты, при условіи не покидать Россіи безъ позволенія и не распускать за границей дурныхъ слуховъ о Борисѣ.

Наибольшимъ же почетомъ у новаго Царя, трепетавшаго за здоровье свое и своихъ дѣтей Феодора и Ксеніи, пользовались врачи-иностранцы, которыхъ было шесть; онъ позволилъ имъ даже построить лютеранскую божницу; это была первая инославная церковь въ Московскомъ Государствѣ.

Думалъ Борисъ завести въ Москвѣ и высшую школу съ иностранными учителями, но это не состоялось въ виду того, что многіе изъ духовенства высказывали по этому поводу свое неудовольствіе; онъ ограничился лишь посылкой нѣсколькихъ молодыхъ людей учиться за границу. «Ереси же Арменстѣй и Латынстѣй послѣдующимъ добръ потаковникъ бысть», говорилъ про Бориса нелюбившій его Авраамій Палицынъ, «и зѣло отъ него таковіи любимы быша; и старіи мужи брады своя постризаху, въ юноши премѣняхуся». . .

Нельзя сказать, чтобы въ своихъ запискахъ, оставленныхъ иноземцами современниками, посѣтившими Россію, всѣ они были бы очень благодарны Борису за его отмѣнное расположеніе къ нимъ; многіе изъ нихъ бранятъ его, также какъ и всѣ Московскіе порядки; но впрочемъ есть и такіе, которые поминаютъ добромъ Русскихъ людей. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести Голландца Гериттъ-де-Вера, предпринявшаго нѣсколько путешествій въ наши сѣверныя владѣнія—на Новую Землю, для торговли и охоты, причемъ однажды онъ и его сородичи совершенно уже погибали и были спасены лишь отважными Русскими людьми—безстрашно отправившимися имъ на помощь и привезшими запасъ продовольствія.

Ставши Царемъ, Борисъ не могъ настолько возвыситься духомъ, чтобы отважиться на какой либо крупный шагъ на пользу своего Государства.

При его воцареніи, между Швеціей и Польшей шла жестокая борьба: Сигизмундъ, какъ мы говорили, воевалъ съ дядей своимъ Карломъ, котораго онъ считалъ похитителемъ отцовскаго престола. Такимъ образомъ, союзъ этихъ двухъ государствъ, обѣщавшій намъ столько бѣдъ, не только рухнулъ, но каждое изъ нихъ было бы радо имѣть Москву на своей сторонѣ, чтобы успѣшнѣе бороться съ другимъ. Конечно, этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ необходимо было воспользоваться съ цѣлью вернуть утраченную Ливонію. Заключивъ открытый союзъ, или со Шведами противъ Польско-Литовскаго государства, или съ Сигизмундомъ противъ Карла, мы, несомнѣнно, получили бы значительную часть морского побережья за предложенную помощь. Но Годуновъ не имѣлъ нужной твердости духа для такого рѣшенія.

Слѣдуя внушенію своей природы, онъ и тутъ прибѣгнулъ къ лицемѣрію: пугалъ Шведовъ своимъ союзомъ съ Поляками, а послѣднихъ—союзомъ со Шведами, и разумѣется не достигъ ничего. Мало того, своимъ уклончивымъ и неискреннимъ поведеніемъ онъ сильно возбудилъ противъ себя Польскаго посла—Литовскаго канцлера Льва Сапѣгу, прибывшаго въ 1600 году въ Москву съ предложеніемъ мира и полнаго союза, а эта нелюбовь Сапѣги къ Борису имѣла въ будущемъ для послѣдняго не малое значеніе. Не могъ быть доволенъ имъ и Карлъ Шведскій. Вмѣсто того,

чтобы настоять путемъ переговоровъ возвращенія намъ Нарвы, Борисъ желалъ достигнуть этого коварствомъ: онъ подкупилъ нѣсколькихъ Нарвскихъ жителей, которые должны были отворить ворота и впустить Русскихъ. Но заговоръ былъ открытъ своевременно Шведами, казнившими виновныхъ.

Неудался также замыселъ Бориса образовать изъ Ливоніи государство, подвластное Россіи, посадивъ тамъ правителемъ иностраннаго принца, женатаго на Русской, подобно тому, какъ это задумалъ Грозный по отношенію Магнуса, женивъ его на княжнѣ Маріи Владиміровнѣ.

263. Царевна Ксенія Годунова разсматриваетъ изображеніе своего жениха.

Рисунокъ художника Винцмана.

Для этой цѣли Борисъ пригласилъ въ 1599 году въ Москву принца Густава Шведскаго, сына знакомаго намъ короля Эрика XIV, сверженнаго братомъ Іоганомъ, и хотѣлъ женить этого Густава на дочери своей Ксеніи. Но Густавъ оказался человѣкомъ неподходящимъ: видя, какъ за нимъ ухаживаетъ Борисъ, онъ скоро до крайности возгордился, сталъ держать себя надменно и наотрѣзъ отказался принять Православіе; мало того, онъ выписалъ изъ-за границы большое число своихъ прислужниковъ и какую то замужнюю Нѣмку, которую возилъ по Москвѣ въ каретѣ съ превеликой пышностью.

Убѣдившись въ полной непригодности Густава, Борисъ отправилъ его въ разоренный Угличъ, который далъ ему въ удѣлъ.

Тѣмъ не менѣе, страстно желая породниться съ какимъ-нибудь иностраннымъ царствующимъ домомъ, онъ продолжалъ свои хлопоты, чтобы найти для дочери жениха за границей; наконецъ, таковой нашелся въ лицѣ младшаго брата Датскаго короля Христіана IV — герцога Іоанна.

Въ августѣ 1602 года, женихъ былъ встрѣченъ въ Ивангородѣ боярином̀ъ Михаиломъ Салтыковымъ и думнымъ дьякомъ Аѳанасіемъ Власьевымъ, послѣ чего онъ прибылъ 19 сентября съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ въ Москву, гдѣ ему навстрѣчу высыпалъ весь городъ въ праздничномъ одѣяніи.

Въ тотъ же день состоялся большой обѣдъ въ Грановитой палатѣ, причемъ, изъ устроеннаго около ея верхней части тайника, царевна Ксенія съ матерью смотрѣли на жениха. Іоаннъ былъ высокій, красивый юноша,

264. Икона Божіей Матери Одигитріи.

Вкладъ царевны Ксеніи Борисовны Годуновой. Хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевской лавры.

скромный и благонравный. Но, къ сожалѣнію, не прошло и мѣсяца послѣ его пріѣзда, какъ онъ заболѣлъ отъ неумѣренности въ пищѣ, а затѣмъ и умеръ. Горесть бѣдной Ксеніи и Бориса были, конечно, очень велики.

Окончилось также полной неудачей и другое предположеніе Бориса: найти невѣсту для сына и жениха для дочери среди дѣтей владѣтельныхъ единовѣрныхъ намъ князей Грузіи, одинъ изъ которыхъ, Александръ Кахетинскій, предлагалъ было, какъ мы говорили, свое подданство Царю Ѳеодору Іоанновичу. Этотъ Александръ, тѣснимый могущественнымъ Персидскимъ шахомъ Аббасомъ Великимъ, вынужденъ былъ признать себя его подручникомъ и позволилъ своему сыну Константину принять магометанство.

Аббасъ Великій дружилъ съ Борисомъ Годуновымъ и послалъ ему въ подарокъ великолѣпный тронъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, но съ

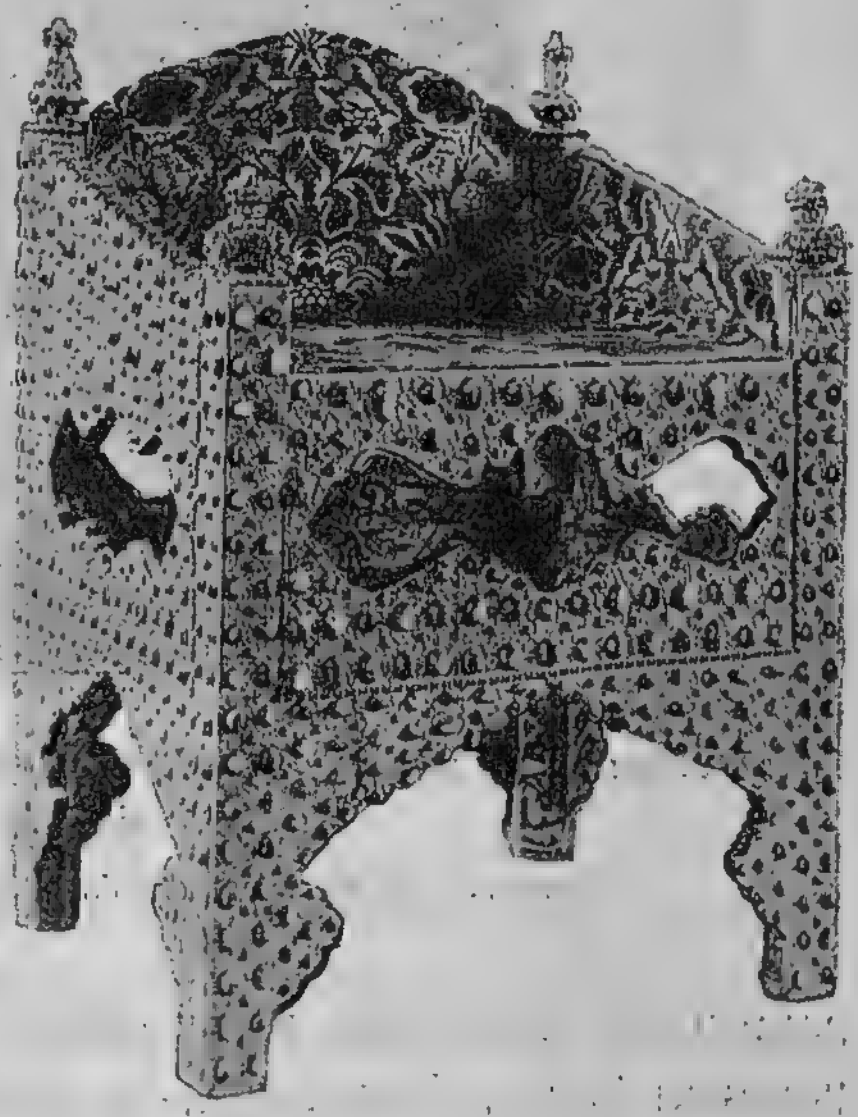
неудовольствіемъ смотрѣлъ на упроченіе связей Грузіи съ Москвой; по его тайному приказу омусульманенный Константинъ убилъ своего отца Александра и занялъ его престолъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и отрядъ нашъ, посланный противъ врага Александра—шамхала Тарковскаго и изгнавшій послѣдняго изъ Тарковъ, былъ затѣмъ вѣроломно окруженъ многочисленнымъ скопищемъ Кавказскихъ горцевъ и почти поголовно истребленъ, причемъ Русскихъ погибло до 7.000 человѣкъ.

265. Золотая булла (печать) Царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича Годунова (лицевая сторона).

Эта печать привѣшена къ договору между Россіей и Даніей отъ 10 апрѣля 1602 года, хранящемуся въ королевскомъ архивѣ въ Копенгагенѣ.

Сношенія наши съ Нѣмецкимъ императоромъ Рудольфомъ II не имѣли въ описываемое время существеннаго значенія, но и въ нихъ Борисъ держалъ себя не съ должнымъ достоинствомъ. Не зная, повидимому, что между Сигизмундомъ Польскимъ и Рудольфомъ состоялся тѣсный союзъ, скрѣпленный бракомъ перваго на Австрійской принцессѣ, Борисъ старался ихъ поссорить, для чего поручилъ своему посланнику, думному дьяку Аѳанасію Власьеву, наговаривать Рудольфу на Сигизмунда; конечно, наговоры эти ни къ чему не привели, но, безъ сомнѣнія, произвели невыгодное впечатлѣніе на Австрійскій дворъ.

Отношенія съ Елизаветой Англійской продолжали попрежнему быть очень дружественными. Елизавета ревниво слѣдила за тѣмъ, чтобы не потерять особыхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ ею въ Россіи для своихъ купцовъ, и всячески льстила Борису.



266. Тронъ Бориса Годунова.

Подарокъ Персидскаго шаха Аббаса.

Когда въ 1600 году въ Англію прибылъ нашъ посолъ дворянинъ Микулинъ, то ему оказывались отмѣнныя почести; Микулину разрѣшено было пристать на рѣкѣ Темзѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ приставала только королева, а за обѣдомъ Елизавета посадила его рядомъ съ собой, причемъ всѣ остальные Англійскіе вельможи присутствовали на немъ стоя; послѣ-же тсола, королева, вымывъ руки, велѣла подать умывальникъ и Микулину. Умный Микулинъ съ достоинствомъ отвѣчалъ на это, что такъ какъ его великій Государь зоветъ королеву своей любительной сестрой, то ему передъ ней умывать рукъ не годится. Также хорошо держалъ себя онъ

въ Англіи и въ другомъ случаѣ: когда его пригласили обѣдать къ Лондонскому лордъ-меру (городскому головѣ) и сказали, что, по старинному Англійскому обычаю, тотъ сядетъ выше его, такъ какъ всегда садится выше всѣхъ пословъ, то Микулинъ отказался ѣхать и отвѣчалъ: «Намъ никакихъ государствъ послы и посланники не образецъ; великій Государь нашъ надъ

267. Изображеніе Григорія Ивановича Микулина, посланнаго въ Англію въ 1600 году, писанное въ бытность его въ Лондонѣ.

Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

великими славными государями высочайшій великій Государь, самодержавный Царь. Если лордъ-меръ захочетъ насъ видѣть у себя, то ему насъ чтить для имени Царскаго Величества, и мы къ нему поѣдемъ; а если ему чину своего порушить и меня мѣстомъ выше себя почтить нельзя, то мы къ нему не поѣдемъ».—И не поѣхалъ.

Елизавета же, узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Бориса найти жениха и невѣсту среди царствующихъ Европейскихъ домовъ для своихъ дѣтей, предложила ему сосватать подходящихъ лицъ среди семей, родственныхъ съ

Англійскимъ королевскимъ домомъ, но въ виду ея смерти, послѣдовавшей въ 1603 году, переговоры объ этомъ не привели ни къ чему.

Конечно, неудачи въ устройствѣ соотвѣтствующихъ браковъ своихъ дѣтей должны были сильно отзываться на Борисѣ; дѣти эти, по отзыву современника, князя Катырева-Ростовскаго, были «чудные отрочата», получившіе тщательное воспитаніе; особенно старался Борисъ возбудить любовь среди подданныхъ къ сыну своему Ѳеодору, для чего при всякомъ удобномъ случаѣ выставлялъ его защитникомъ и миротворцемъ.

Но старанія пріобрѣсти себѣ и своей семьѣ народную любовь были напрасны; они разрушались самимъ же Борисомъ. Ставъ Царемъ, онъ

268. Гилдъ-Голлъ—мѣстопребываніе Лондонскихъ лордъ-мэровъ въ XVI—XVII вѣкѣ.
Съ современнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ.

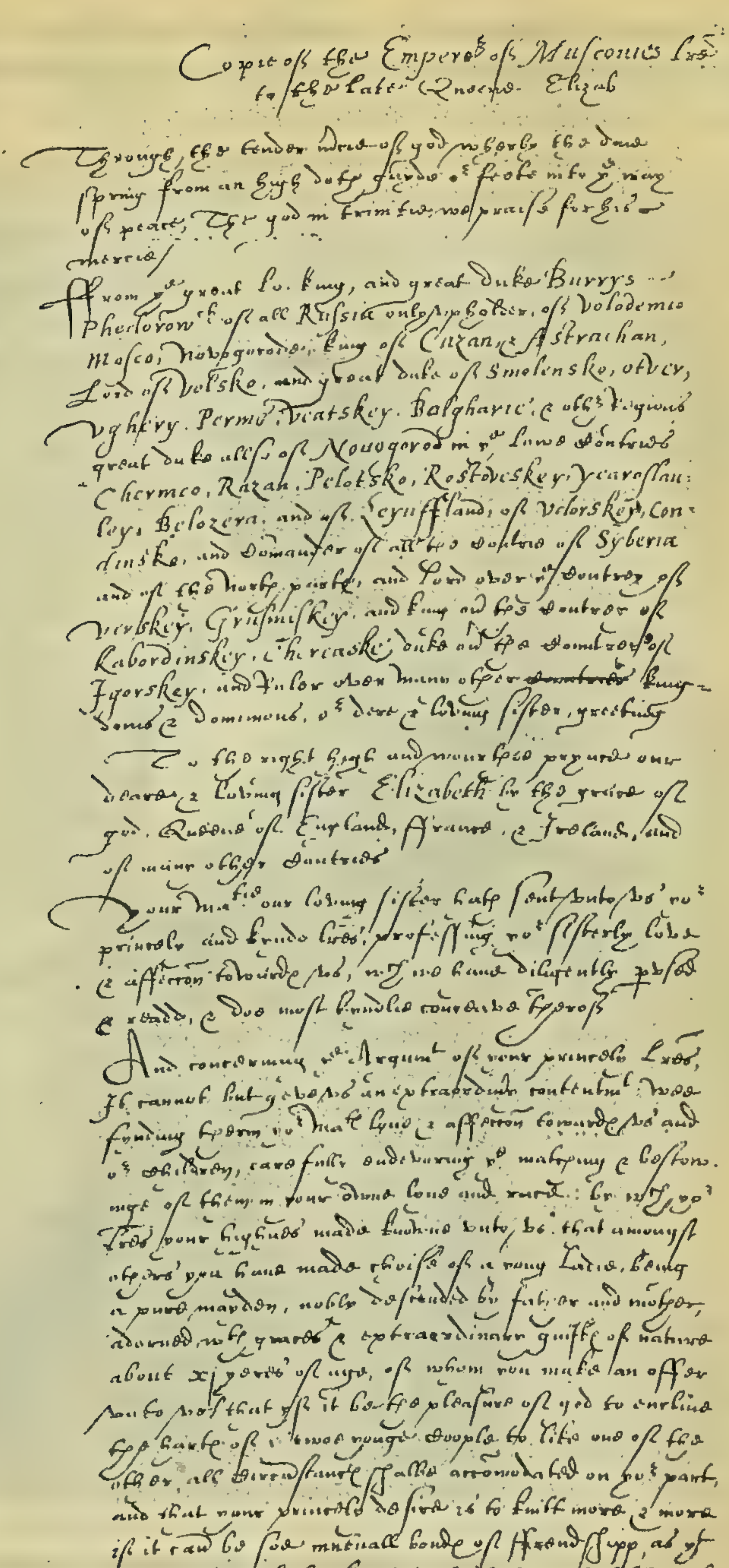
остался такимъ же малодушнымъ и подозрительнымъ, какъ и былъ. Цѣня всѣхъ людей на свою мѣрку, онъ всюду видѣлъ измѣну и козни, причемъ для пресѣченія ихъ прибѣгалъ къ средствамъ, ярко рисующимъ, какъ мы видѣли по подкрестной записи на вѣрность, его невысокій нравственный обликъ. Подданные Годунова были, конечно, еще болѣе чѣмъ ею удивлены, когда послѣдовало необычайное распоряженіе, которымъ приказывалось читать всѣмъ въ частной домашней жизни, во время стола—особую молитву о Борисѣ—при питіи заздравной чаши, чтобы онъ, Борисъ, «единый подсолнечный христіанскій Царь и его Царица и ихъ Царскія дѣти на многія лѣты здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ страшны . . . . , а на насъ бы, рабахъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудная рѣка милосердія изливалась выше прежняго».

269. Печать Англійской королевы Елизаветы.

Гораздо хуже была другая мѣра Бориса. Стремясь узнать тайныя мысли своихъ враговъ, которые ему мерещились повсюду, онъ развилъ до крайнихъ предѣловъ доносы и шпіонство, что, конечно, не замедлило оказать самое развращающее вліяніе на населеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило противъ Царя неудовольствіе всѣхъ благомыслящихъ людей. Особенно поощрялъ онъ доносы слугъ и холоповъ на своихъ господъ; одинъ изъ такихъ холоповъ князя Шестунова донесъ о чемъ то на послѣдняго и, повидимому, несправедливо, такъ какъ Шестунова не постигла ни кара, ни опала; но тѣмъ не менѣе доносчику за его усердіе было сказано жалованное Царское слово передъ всѣмъ народомъ на площади, а затѣмъ его наградили помѣстьемъ и велѣли служить въ боярскихъ дѣтяхъ.

Съ этого времени доносы со стороны прислуги приняли страшные размѣры; оговариваемые ею господа шли въ ссылку и тюрьмы, а холопы получали за это деньги и земли отъ Бориса. Такихъ же доблестныхъ слугъ, которые оставались вѣрными своимъ господамъ и, несмотря на пристрастные допросы, не оговаривали ихъ,—тѣхъ мучили пытками и огнемъ, рѣзали имъ языки, сажали по тюрьмамъ и казнили. Скоро доносами стали заниматься не одна только прислуга, но и люди знатнаго происхожденія, потомки Рюрика; мужчины доносили другъ на друга Борису, а женщины—Царицѣ. «И отъ такихъ доносовъ была въ Царствѣ большая смута: доносили другъ на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ, отъ такого ужаса мужья отъ женъ таились, и въ этихъ окаянныхъ доносахъ много крови пролилось неповинной, многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и совсѣмъ дома разорили» . . . .

Кажется, одной изъ первыхъ жертвъ доносовъ былъ старый другъ Бориса—умный и честолюбивый Богданъ Бѣльскій, бывшій воспитателемъ покойнаго царевича Димитрія. По словамъ лѣтописца, Годуновъ послалъ его на поле ставить городъ Царевъ-Борисовъ. При выполненіи порученія Бѣльскій, человѣкъ богатый и щедрый, сумѣлъ расположить къ себѣ множество рабочихъ и ратныхъ людей. Скоро Годунову донесли, что Бѣльскій величаетъ себя царемъ Борисовскимъ. Онъ разсвирѣпѣлъ, приказалъ его схватить, разорить и сослать въ тюрьму, подвергнувъ при



Cal: Russ: viii

Copie of the Emperor of Muscovies letter to the late Queene Elizab

Through the tender mercie of god whereby the daye
springe from an high doth guide our feete into the waye
of peace, The god in trinitie we praise for his
mercie/

From the great Lo: king, and great duke Burrys
Phedorowich of all Russia onely upholder, of Volodemio
Mosco, Novogorode, king of Cazan, & Astrachan,
Lord of Volsko, and great duke of Smolensko, otver,
Ughery, Permo, Veatskey, Bolgharie, & other regions
great duke allso of Novogorod in the lowe countries
Chermeo, Razan, Pelotsko, Rostovskey, Yearoslau:
ley, Belozera, and of Lyefland, of Udorskey, Con-
dinske, and Commander of all the countries of Syberia
and of the north parte, and Lord over the countrey of
Verskey, Grusinskey, and king over the countrey of
Kabordinskey, Cherkaski, duke over the countrey of
Jgorskey, and ruler over many other ~~countries~~ king-
domes & dominions, our deere & loving sister, greeting

To the right high and mightie prince our
deare & loving sister Elizabeth by the grace of
god, Queene of England, Fraunce, & Ireland, and
of many other countries

Your Matie our loving sister hath sent unto us your
princely and kinde letters, professing your sisterly love
& affection towards us, wch we have diligently perused
& reade, & doe most kindlie conceive thereof

And concerning the Argument of your princely letter,
It cannot but geve us an extraordinarie contentment: wee
finding therein your Maties love & affection towards us and
our children, carefully endevoring the matching & bestow-
ing of them in your owne love and race: by wch your
letters your highnes made knowne unto us, that amongst
others you have made choise of a young Ladie, being
a pure mayden, noblie descended by father and mother,
adorned wth graces & extraordinarie guifts of nature
about xj yeres of age, of whom you make an offer
unto us that if it be the pleasure of god to enclyne
the harts of the twoe younge couple to like one of the
other, all circumstances shall be accomodated on your part,
and that your princely desire is to knitt more & more
if it can be soe mutuall bonde of ffrendshipp, as yt
no practize of other envious shall have power to weaken
or blemish the same /

270. Первая страница современнаго перевода съ письма Царя Бориса Θеодоровича Годунова Англійской королевѣ Елизаветѣ, въ которомъ онъ благодаритъ ее за обѣщаніе прислать изъ Англіи невѣсту для сына Θеодора.

Хранится въ Британскомъ музеѣ.

этомъ позорному наказанію: одинъ изъ иноземныхъ Царскихъ лекарей вырвалъ у Бѣльскаго по волоску его длинную густую бороду.

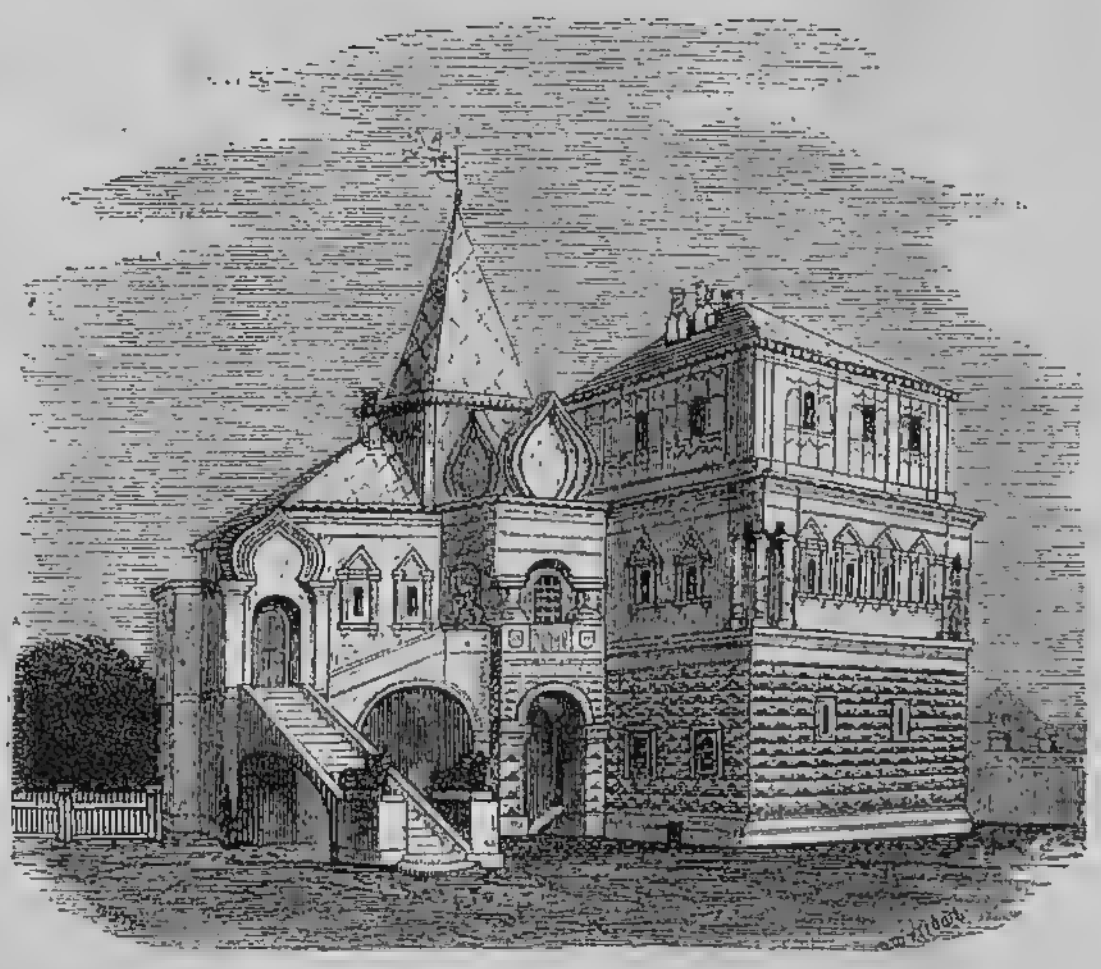
271. Θеодоръ Никитичъ Романовъ, въ изображеніи художника Рѣпина.
Изъ книги: „Великокняжеская и Царская охота на Руси" Н. Кутепова.

Затѣмъ доносы сдѣлали свое дѣло и относительно семьи Романовыхъ, братьевъ «Никитичей». Мы видѣли, какія большія права имѣли они на престолъ послѣ смерти Θеодора Іоанновича, вслѣдствіе чего сложился даже разсказъ, что Царь Θеодоръ, умирая, вручилъ свой Царскій жезлъ Θеодору

Никитичу, но, «чтобы избавить свое любезное отечество отъ внутреннихъ междоусобій и кровопролитій, Ѳеодоръ Никитичъ», говоритъ Исаакъ Масса, «знавшій, что онъ своими дѣйствіями можетъ причинить отечеству великую опасность, передалъ корону и скипетръ Борису».

Вообще, по всѣмъ отзывамъ, братья Никитичи отличались всѣми высокими душевными свойствами, искони присущими членамъ благороднаго рода Кобылиныхъ - Кошкиныхъ - Захарьиныхъ - Юрьевыхъ - Романовыхъ. Англичанинъ Горсей говоритъ про старшаго изъ нихъ, Ѳеодора Никитича, что это былъ въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича—молодой, красивый, подающій большія надежды человѣкъ, весьма способный, и при этомъ просвѣщенный; по просьбѣ Ѳеодора Никитича—Горсей составилъ учебникъ Латинскаго языка Славянскими буквами для его маленькаго сына Михаила. «Его другой братъ, Александръ Никитичъ, былъ», по словамъ Горсея, «человѣкъ не менѣе благородной души»....

Повидимому, опасаясь коварства Бориса Годунова, Никита Юрьевичъ Романовъ передъ своей кончиной и устроилъ, какъ мы говорили, между нимъ и своими сыновьями «завѣщательный союзъ» дружбы и ввѣрилъ первому «о чадѣхъ своихъ соблюденіе». Но, конечно, этотъ дружескій союзъ не могъ защитить Никитичей отъ злобы Бориса, какъ только послѣдній призналъ необходимымъ ихъ погубить для своего спокойствія.



272. Домъ бояръ Романовыхъ (на Варваркѣ).

По словамъ лѣтописца, произошло это такъ: одинъ изъ дворовыхъ людей Александра Никитича, Второй Бартеневъ—пришелъ тайно къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ ему, что готовъ исполнить Царскую волю надъ своимъ господиномъ. По приказу Бориса, Бартеневъ съ Семеномъ Годуновымъ положили въ мѣшокъ разныхъ кореньевъ и подкинули ихъ въ кладовую Александра Никитича, а затѣмъ Бартеневъ донесъ, что его господинъ держитъ у себя отравное зелье.

Послѣ этого всѣ Романовы были заключены подъ стражу со своей родней и друзьями: князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Затѣмъ братья Никитичи и ихъ племянникъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій не разъ были подвергнуты пыткѣ. Пытали также и ихъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, требуя, чтобы они показывали противъ своихъ господъ. Но тѣ, однако, ничего не показали.

Тѣмъ не менѣе, въ іюнѣ 1601 года, состоялся надъ Романовыми и ихъ близкими приговоръ: Ѳеодоръ Никитичъ, какъ старшій, а потому наиболѣе опасный соперникъ на престолъ въ глазахъ Бориса, былъ насильно пострижен̈ъ подъ именемъ Филарета и сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь на Сѣверной Двинѣ; нѣжно любимая жена его Ксенія Ивановна, изъ рода Шестовыхъ, была также насильно пострижена съ именемъ Марѳы и отправлена въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; ея же шестилѣтній сынъ Михайлъ съ маленькой сестрой были отняты отъ матери и сосланы на Бѣлоозеро вмѣстѣ съ теткою ихъ Настасьей Никитичной, мужемъ ея, княземъ Борисомъ Черкасскимъ, и женой Александра Никитича; самъ Александръ Никитичъ былъ

273. Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. Дѣтская (въ ней по преданію провелъ свои дѣтскіе годы Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ).

сосланъ къ Бѣлому морю въ Усолье-Луду; Михаилъ Никитичъ—въ Ныробскую область Великой Перми, а Василій Никитичъ—въ Яренскъ. Остальные ихъ родственники и друзья были также разосланы по отдаленнымъ мѣстамъ.

Изъ пяти братьевъ Никитичей—только двое пережили ужасы ссылки: невольный инокъ Филаретъ и Иванъ Никитичъ; Александръ же, Михаилъ и Василій скончались почти одновременно—въ февралѣ и мартѣ 1602 года. Народная молва тогда же обвинила въ ихъ смерти Бориса Годунова. Въ дошедшемъ до насъ дѣлѣ о ихъ ссылкѣ нигдѣ не видно, чтобы Годуновъ отдавалъ подобное приказаніе; приставамъ при узникахъ велѣно было только строго слѣдить за тѣмъ, чтобы они не убѣжали и ни съ кѣмъ не могли имѣть сношеній, причемъ о всякихъ мало-мальски подозрительныхъ словахъ ихъ приказывалось доносить въ Москву.

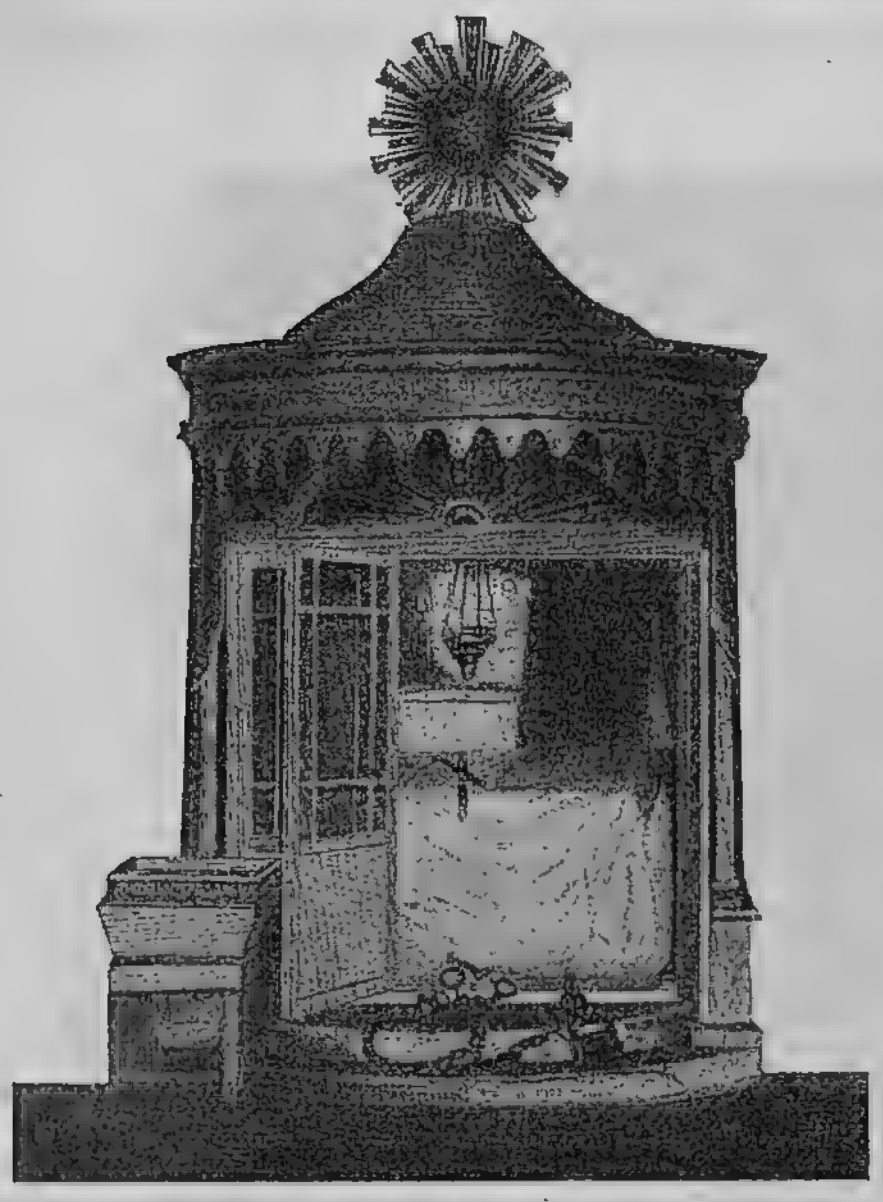
Но этимъ же приставамъ могло быть дано словесно и тайное порученіе: держать заключенныхъ въ возможно бо̀льшей тѣснотѣ и лишеніяхъ, причемъ, въ случаѣ ихъ смерти, большой бѣды себѣ не ждать. На послѣднее предположеніе наводитъ звѣрское поведеніе пристава, состоявшаго при Василіи Никитичѣ и самовольно оковавшаго его желѣзными цѣпями. Василій Никитичъ, находясь уже при послѣднемъ издыханіи, былъ переведенъ въ Пелымъ и содержался вмѣстѣ съ больнымъ своимъ братомъ Иваномъ. «Взялъ я твоего Государева измѣнника Василія Романова больного, чуть живаго», доносилъ о его смерти Годунову приставъ, «на цѣпи, ноги у него опухли; я, для болѣзни его, цѣпь съ него снялъ, а сидѣлъ у него братъ

274. Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. Моленная комната.

его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я ходилъ къ нему и попа пускалъ; умеръ онъ 15 февраля . . . , а измѣнникъ твой Иванъ Романовъ боленъ старой болѣзнію, рукой не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ». Нигдѣ нельзя найти никакихъ слѣдовъ о томъ, чтобы этотъ звѣрь-приставъ былъ подвергнутъ Борисомъ взысканію за свое обращеніе съ Василіемъ Никитичемъ.

Еще ужаснѣе была судьба Михаила Никитича. Этотъ богатырь по силѣ и по росту, и святой по жизни человѣкъ, былъ заточенъ въ селѣ Ныробѣ, причемъ приставъ оковалъ его двухпудовыми цѣпями и заключилъ въ тѣсную яму, гдѣ онъ, повидимому, умеръ отъ голода. Сердобольные крестьяне тайно подавали ему пищу нѣкоторое время, но затѣмъ были въ этомъ пойманы, и пять человѣкъ изъ нихъ пострадало. Мощи Михаила Никитича были обрѣтены нетлѣнными въ 1606 году; среди же жителей села Ныроба,

несмотря на то, что со времени его кончины прошло болѣе трехсотъ лѣтъ, до сихъ поръ жива память о его страданіяхъ, и онъ почитается ими Святымъ. Ежегодно тысячи богомольцевъ приходятъ помолиться въ Ныробской часовнѣ у ямы, гдѣ былъ замученъ Михаилъ Никитичъ, а въ 1902 году небогатые жители этого села собрали 6.000 рублей серебромъ, чтобы поставить колоколъ въ его память, вѣсомъ въ 300 пудовъ. Однимъ изъ доказательствъ, что смерть Михаила Никитича входила въ намѣреніе Годунова, служитъ то обстоятельство, что истязавшій его приставъ Романъ Тушинъ получилъ вслѣдъ за его кончиною повышеніе, будучи назначенъ воеводою въ Туринскъ.



275. Гробница боярина Михаила Никитича Романова въ церкви Святого Николая Чудотворца, въ селѣ Ныробѣ, Чердынскаго уѣзда Вятской губерніи.

Не сладко жилось и Филарету Никитичу, который, вѣроятно, былъ оставленъ Борисомъ въ живыхъ, какъ уже постриженный въ иночество, а потому и почитавшійся не опаснымъ, наравнѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, хромымъ и не владѣвшимъ рукой. Приставъ Воейковъ, состоявшій при Филаретѣ въ Сійскомъ монастырѣ, строго слѣдилъ за нимъ, разспрашивалъ каждаго, кто имѣлъ съ нимъ какой-либо разговоръ, и обо всемъ доносилъ въ Москву Борису, но ни о чемъ подозрительномъ донести не могъ: «Я малаго разспрашивалъ» (жившаго въ кельѣ у Филарета), писалъ Борису Воейковъ, «что съ тобой старецъ о какихъ-нибудь дѣлахъ разговаривалъ-ли, или про кого-нибудь разсуждаетъ-ли? И друзей своихъ кого по имени поминаетъ ли? Малый отвѣчалъ: «Отнюдь со мной старецъ ничего не говоритъ». Если малому впередъ жить въ кельѣ у твоего Государева измѣнника, то намъ отъ него ничего не слыхать; а малый съ твоимъ Государевымъ измѣнникомъ душа въ душу . . . . Велѣлъ я сыну боярскому Болтину разспрашивать малаго», пишетъ Воейковъ дальше, «....и малый сказывалъ: со мной ничего не разговариваетъ; только когда жену вспомянетъ и дѣтей, то говоритъ: Малыя мои дѣтки! Маленьки бѣдныя остались; кому ихъ кормить и поить? такъ ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная! Жива-ли уже? Чай, она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ! Мнѣ уже что надобно? Бѣда на меня жена да дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкаетъ; много они мнѣ мѣшаютъ; дай Господи слышать, чтобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада,

чтобы мнѣ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали, я бы сталъ промышлять одной своею душою; а братья уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ». Много лѣтъ спустя послѣ этого, Филаретъ Никитичъ, томясь въ Польскомъ плѣну, говорилъ своимъ приставамъ: «насъ Царь Борисъ всѣхъ извелъ,—меня велѣлъ постричь, трехъ братьевъ уморилъ, велѣлъ задавить, только теперь остался у меня одинъ братъ Иванъ Никитичъ». Присутствовавшій же при этомъ Левъ Сапѣга пояснилъ: «Для того Царь Борисъ велѣлъ надъ ними это сдѣлать, блюдяся отъ нихъ, чтобъ изъ ихъ котораго брата не посадили на Московское Государство Государемъ, потому что они люди великіе и близкіе къ Царю Ѳеодору.

276. Колокольня въ Сійскомъ монастырѣ на Сѣверной Двинѣ.
Сооружена въ XVII вѣкѣ.

Въ 1601 году Московское Государство постигло страшное бѣдствіе: вслѣдствіе полнаго неурожая наступилъ неслыханный голодъ, продолжавшійся цѣлыхъ три года.

«Въ сіи три года», говоритъ Маржеретъ, «случались злодѣйства, почти невѣроятныя . . ., я самъ видѣлъ ужасное дѣло: четыре женщины, . . . бывъ оставлены мужьями, рѣшились на слѣдующій поступокъ: одна пошла на рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, зазвала крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать ему деньги, но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу для полученія платы, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобы не повредилось: сперва хотѣли съѣсть лошадь убитаго, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою».

Отъ недостатка пищи люди щипали траву и ѣли сѣно, какъ скотъ; случалось, что дѣти поѣдали своихъ родителей, а родители—дѣтей; отъ голода помирало великое множество народа, причемъ иногда у мертвыхъ во рту находили навозъ. Скоро наступило и моровое повѣтріе—холера, отъ которой въ одной Москвѣ погибло, какъ говорятъ, до 500.000 человѣкъ.

Борисъ старался помочь голоду самой щедрой раздачей денегъ бѣднымъ; но это только усилило бѣдствіе: узнавъ про милостыню, раздаваемую Царемъ, толпы народа хлынули со всѣхъ сторонъ въ Москву; сюда шли и тѣ, которые смогли бы прокормиться на мѣстахъ. Отъ этого, разумѣется, нужда въ столицѣ еще усилилась, а Борисъ, видя, что вслѣдствіе предпринятой имъ раздачи денегъ народъ со всего Государства стремится на явную смерть въ Москву, рѣшилъ прекратить эту раздачу, что повело къ еще большимъ бѣдствіямъ.

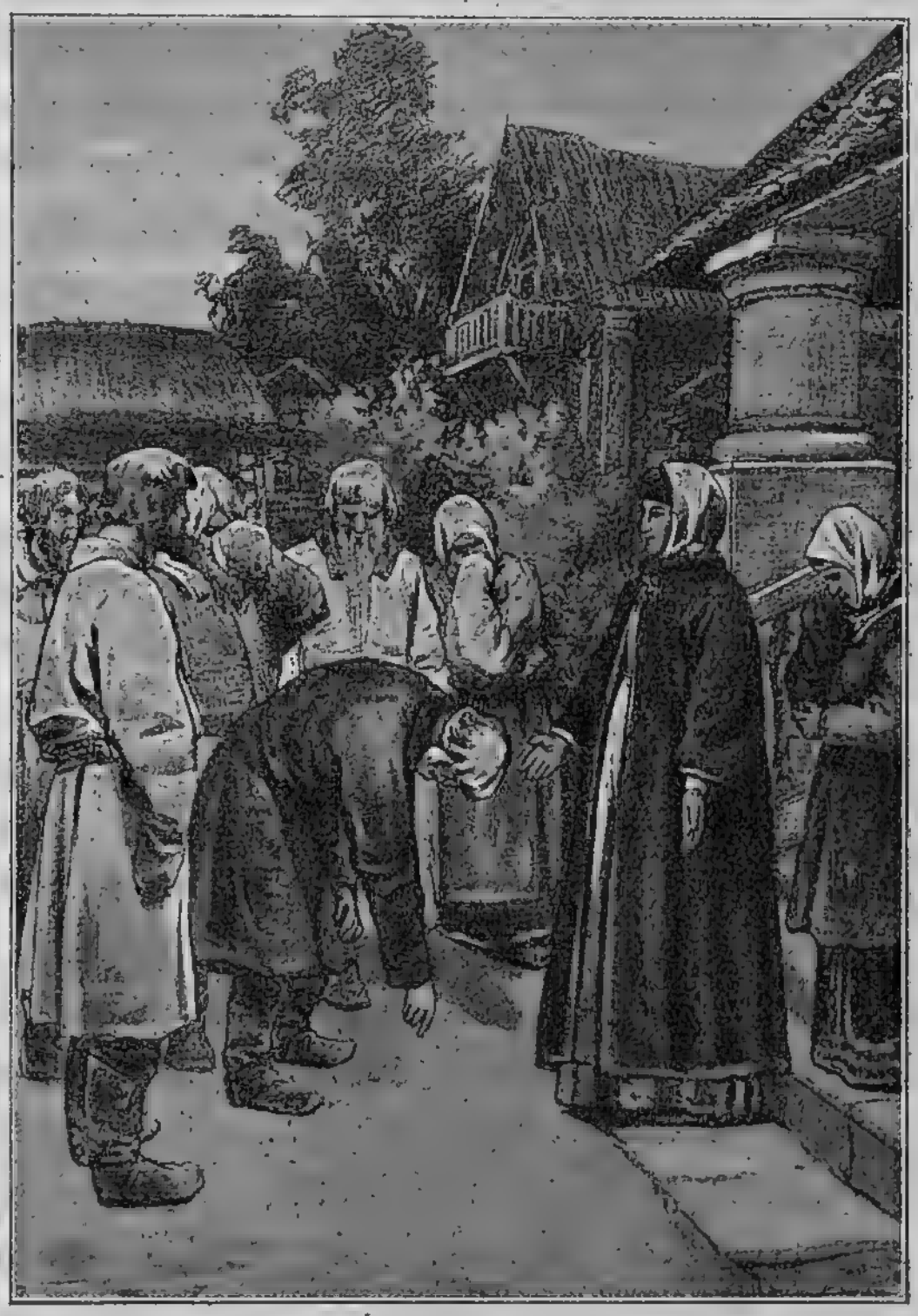
277. Праведная Юліанія во время голода подаетъ милостыню нищимъ.

Наступившей страшной нуждой старались воспользоваться нѣкоторые алчные и жестокосердные люди, обладавшіе большими запасами хлѣба въ зернѣ; они тщательно берегли его, ожидая еще большаго повышенія цѣнъ. «Даже самъ патріархъ», разсказываетъ Исаакъ Масса про Іова, «имѣя большой запасъ хлѣба, говорилъ, что онъ не хочетъ еще продавать его въ ожиданіи цѣнъ».

Но, къ счастью, на ряду съ такого рода лютыми корыстолюбцами, въ эти бѣдственныя времена были и люди, стяжавшіе себѣ память высокими подвигами милосердія. Къ числу ихъ принадлежала Ульяна Устиновна Осорьина, вдова зажиточнаго дворянина, причтенная нашей церковью къ лику Святыхъ подъ именемъ Праведной Юліаніи Лазаревской (по мѣсту погребенія въ с. Лазаревѣ, близъ Мурома). «Это была простая обыкновенная добрая женщина древней Руси», говоритъ про нее извѣстный Русскій историкъ В. Ключевскій, «боявшаяся чѣмъ-нибудь стать выше окружающихъ. Она отличалась отъ другихъ развѣ только тѣмъ, что жалость къ бѣдному и убогому—чувство, съ которымъ Русская женщина на свѣтъ родится,—въ ней было тоньше и глубже, обнаруживалось напряженнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ... Еще до замужества, живя у тетки по смерти матери, она обшивала всѣхъ сиротъ и немощныхъ вдовъ въ ея деревнѣ, и часто до разсвѣта не гасла свѣча въ ея свѣтлицѣ». Такимъ же милосердіемъ отличалась Ульяна Устиновна и во все время своего супружества. «Бывало, ушлютъ ея мужа на Царскую службу куда-нибудь въ Астрахань, года на два или на три.

Оставшись дома и коротая одинокіе вечера, она шила и пряла, рукодѣлье свое продавала и выручку тайкомъ раздавала нищимъ, которые приходили къ ней по ночамъ»...

Овдовѣвъ и поставивъ сыновей своихъ на Государеву службу, Ульяна Устиновна отдалась еще больше добрымъ дѣламъ. «Нищелюбіе не позволяло ей быть запасливой хозяйкой. Домовое продовольствіе она разсчитывала только на годъ, раздавая остальное нуждающимся. Бѣдный былъ для нея какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она съ ненасытнымъ скопидомствомъ все прятала, да прятала—всѣ свои сбереженія и излишки. Порой у нея въ дому не оставалось ни копѣйки отъ милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которыя шила зимнюю одежду для нищихъ, а сама, имѣя уже подъ 60 лѣтъ, ходила всю зиму безъ шубы».



278. Праведная Юліанія во время голода отпускаетъ на волю своихъ дворовыхъ.

Страшный голодъ, наступившій въ 1601 году, засталъ Ульяну Устиновну совершенно неприготовленной. Сама она не сжала ни одного зерна со своихъ полей. Но это нисколько не повліяло на нее. Она распродала все, что могла, и на деньги эти покупала хлѣбъ для раздачи нищимъ.

«Тогда многіе разсчетливые господа», разсказываетъ В. Ключевскій, «просто прогоняли со дворовъ своихъ холоповъ, чтобы не кормить ихъ, но не давали имъ отпускныхъ, чтобы послѣ воротить ихъ въ неволю. Брошенные на произволъ судьбы среди всеобщей паники люди эти принимались воровать и грабить. Ульяна больше всего старалась не допустить до этого своихъ челядниковъ и удерживала ихъ при себѣ, сколько было у нея силы».

«Наконецъ, она дошла до послѣдней степени нищеты; обобрала себя дочиста, такъ что не въ чемъ стало выйти въ церковь. Выбившись изъ силъ, израсходовавъ весь хлѣбъ до послѣдняго зерна, она объявила своей крѣпостной дворнѣ, что кормить ее она больше не можетъ, кто желаетъ пусть беретъ свои крѣпости или отпускныя и идетъ съ Богомъ на волю. Нѣкоторые ушли отъ нея, и она проводила ихъ съ молитвой и благословеніемъ. Но дру-

гіе отказались отъ воли, объявили, что не пойдутъ, скорѣе умрутъ со своей госпожей, чѣмъ покинутъ ее. Она разослала своихъ вѣрныхъ слугъ по лѣсамъ и полямъ собирать древесную кору и лебеду и принялась изъ этого печь хлѣбъ, которымъ кормилась съ дѣтьми и холопами, даже ухитрялась дѣлиться съ нищими... Окрестные помѣщики съ упрекомъ говорили этимъ нищимъ: «Зачѣмъ это вы заходите къ ней? Чего взять съ нея? Она и сама помираетъ съ голоду».—«А мы вотъ что скажемъ», говорили нищіе: «много обошли мы селъ, гдѣ намъ подавали настоящій хлѣбъ, да и онъ не ѣлся намъ такъ всласть, какъ хлѣбъ этой вдовы—какъ бишь ее?» Многіе нищіе не умѣли и назвать ее по имени. Тогда сосѣди-помѣщики начали подсылать къ Ульянѣ за ея диковиннымъ хлѣбомъ; отвѣдавъ его, они находили, что нищіе были правы»...

Голодъ сталъ стихать къ 1604 году, когда Борисъ догадался предпринять соотвѣтствующія мѣры: послали скупать хлѣбъ въ отдаленныя мѣстности, гдѣ онъ сохранился въ большомъ количествѣ, и продавать его затѣмъ за половинную цѣну въ Москвѣ и другихъ городахъ. «Бѣднымъ же вдовамъ, сиротамъ и особенно Нѣмцамъ», говоритъ С. Соловьевъ, «отпущено было большое количество хлѣба даромъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дать работу собравшимся въ Москвѣ людямъ, Борисъ предпринялъ большія постройки: онъ велѣлъ сломать деревянныя палаты Іоанна Грознаго въ кремлѣ и возвелъ каменныя. Наконецъ, обильный урожай 1604 года положилъ конецъ бѣдствію. Но послѣдствія его были крайне тяжелы: кромѣ общаго обѣдненія, нравственность народа, и безъ того подорванная доносами и другими мѣропріятіями Годунова, пала отъ ужасной нужды и сопровождавшихъ ее безурядицъ до крайней степени. Страшные разбои стали обычнымъ явленіемъ. Разбойничьи шайки составлялись преимущественно изъ холоповъ, отпущенныхъ своими господами во время голода; не мало было также голодныхъ и безпріютныхъ холоповъ изъ бывшихъ слугъ опальныхъ бояръ—Романовыхъ и другихъ пострадавшихъ съ ними; холопы эти, какъ мы помнимъ, не взводили поклеповъ на своихъ господъ, и мстительный Борисъ запретилъ всѣмъ принимать ихъ къ себѣ. Вынужденные крайней нуждой они или прямо поступали въ шайки разбойниковъ, или двигались большими толпами въ смежную съ Литвою область, въ Сѣверскую Украину, которая и безъ того была наполнена безпокойными и ненадежными для Государства людьми, такъ называемыми Севрюками: еще Грозный Царь позволилъ уходить сюда всѣмъ преступникамъ, осужденнымъ на смерть, съ тѣмъ, чтобы заселить эту пограничную полосу воинственнымъ населеніемъ, способнымъ выдержать первое нападеніе Татаръ или Поляковъ.

Въ этой «прежепогибшей Украинѣ», какъ ее именовали современники, собрались огромныя шайки разбойниковъ; они не замедлили соединиться вмѣстѣ, выбравъ себѣ въ атаманы отважнаго Хлопку Косолапа, а затѣмъ рѣшили двинуться къ Москвѣ; скоро, внося всюду ужасъ и разоренье, разбойничьи отряды стали уже появляться у ея стѣнъ. Обезпокоенный такимъ необычнымъ нашествіемъ, Борисъ выслалъ противъ нихъ

сильное войско подъ начальствомъ воеводы Ивана Басманова; послѣднему послѣ упорнаго боя удалось разбить разбойныя полчища; при этомъ, однако, самъ Басмановъ былъ убитъ, чуть же живой Хлопка былъ захваченъ Царскими войсками въ плѣнъ и затѣмъ повѣшенъ со многими товарищами. Это было въ 1604 году.

Въ томъ же 1604 году стали появляться все болѣе и болѣе настойчивые слухи, шедшіе черезъ ту же прежепогибшую Украину, что считавшійся убитымъ въ Угличѣ царевичъ Димитрій живъ и скоро явится добывать Московскій престолъ изъ рукъ его похитителя и своего злодѣя—Бориса Годунова.

Передъ тѣмъ, чтобы продолжать нашъ разсказъ о новыхъ, необычайныхъ событіяхъ, наставшихъ въ жизни Московскаго Государства, намъ необходимо сдѣлать краткій очеркъ положенія дѣлъ въ Польско-Литовскомъ королевствѣ къ этому времени.

Попавшій всецѣло въ руки іезуитовъ, король Сигизмундъ надѣлалъ рядъ крупныхъ промаховъ: мы видѣли, что, вслѣдствіе своей религіозной нетерпимости, онъ лишился отцовскаго престола въ Швеціи, которымъ овладѣлъ его дядя—Карлъ IX, причемъ возникшая между ними война затянулась на долгое время и была несчастлива для Поляковъ, не сумѣвшихъ помѣшать Шведамъ утвердиться въ значительной части Ливоніи.

Также подъ вліяніемъ іезуитовъ, Сигизмундъ заключилъ тайный договоръ съ Австріей, на условіяхъ, явно невыгодныхъ для Польши; это вызвало крупную ссору между нимъ и Польскими сенаторами, призвавшими его на сеймъ въ 1592 году, на которомъ онъ былъ подвергнутъ настоящему слѣдственному допросу и долженъ былъ выслушать крайне оскорбительные упреки отъ Яна Замойскаго, Радзивилла, примаса епископа Карнковскаго и другихъ.

Во время своей коронаціи въ Краковѣ, Сигизмундъ торжественно присягнулъ охранять свободу вѣроисповѣданія «диссидентовъ», то-есть некатоликовъ—Православныхъ и лютеранъ, но эта присяга нисколько не помѣшала ему тѣснить всѣми мѣрами тѣхъ и другихъ; при этомъ, руководимый отцами іезуитами, съ Петромъ Скаргою и Антоніемъ Поссевинымъ во главѣ, онъ съ особымъ рвеніемъ сталъ принимать всѣ мѣры, чтобы въ корнѣ подорвать Православіе въ своихъ владѣніяхъ съ Русскимъ населеніемъ.

Мы говорили уже о сильномъ паденіи нравовъ среди высшаго Православнаго духовенства Западной Руси, избиравшемся Польскимъ правительствомъ изъ лицъ ему угодныхъ, а также о успѣшномъ ополяченіи Западно-Русской знати и дворянства; при этомъ, даже старшій сынъ знаменитаго ревнителя Православія Константина Константиновича Острожскаго, Янушъ, былъ совращенъ іезуитами въ Латинство.

Лишь въ сердцахъ низшихъ слоевъ населенія, сельскихъ жителей и мѣщанъ, уцѣлѣла крѣпкая привязанность къ вѣрѣ отцовъ, что выразилось, между прочимъ, въ образованіи Православныхъ Братствъ въ Вильнѣ, Львовѣ и другихъ городахъ.

Видя это, Сигизмундъ, не довольствуясь совращеніемъ въ Латинство Православной знати, задумалъ со своими совѣтниками іезуитами обратить въ католичество и всѣхъ остальныхъ своихъ подданныхъ,—при посредствѣ церковной уніи, къ которой, какъ мы видѣли, давно уже стремились папы. При этомъ іезуиты, окружавшіе Сигизмунда, повели вопросъ объ уніи настолько хитро и ловко, что многіе Православные встрѣтили мысль о ней благодушно, въ томъ числѣ и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; это былъ по существу своему благородный мечтатель, который искренно думалъ, что предполагаемая унія будетъ настоящимъ соединеніемъ Церквей, и разсчитывалъ, что при ея посредствѣ поднимется крайне упавшая нравственность высшаго духовенства Западно-Русской церкви. Митрополитомъ Кіевскимъ былъ въ это время нѣкій двоеженецъ Онисифоръ Дѣвочка, а нѣсколько Православныхъ архіереевъ, въ виду проповѣди лютеранъ о бракѣ духовенства, позволили себѣ завести законныхъ и незаконныхъ женъ; особенно же зазорнымъ поведеніемъ отличался Кириллъ Терлецкій—епископъ Луцкій, который былъ даже привлеченъ къ гражданскому суду за совершенное имъ насиліе надъ одной дѣвушкой.

Въ 1589 году Западную Русь посѣтилъ Константинопольскій патріархъ Іеремія. Въ виду многочисленныхъ жалобъ со стороны членовъ Православныхъ Братствъ на митрополита Кіевскаго Онисифора Дѣвочку, онъ возвелъ на его мѣсто по указаніямъ короля Сигизмунда, дававшаго эти указанія, конечно, не безъ вѣдома іезуитовъ, Минскаго архіепископа Михаила Рагозу, человѣка двуличнаго и слабовольнаго.

При этомъ, будучи въ полномъ невѣдѣніи относительно мѣстныхъ обстоятельствъ въ Польшѣ и Литвѣ, и никого тамъ не зная, патріархъ Іеремія, вслѣдъ за поставленіемъ Михаила Рагозы, сдѣлалъ и другой крупный промахъ: онъ назначилъ ему въ намѣстники или экзархи «лукаваго какъ бѣсъ» Кирилла Терлецкаго. Кириллъ Терлецкій не замедлилъ войти въ тайныя сношенія съ іезуитами и началъ дѣятельно подготовлять съ ними дѣло объ уніи. Затѣмъ, въ 1593 году Сигизмундъ возвелъ на Брестскую Православную епископію сенатора Поцѣя, постригшагося съ именемъ Ипатія, человѣка совершенно разореннаго, но ловкаго, умнаго и безъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій, уже нѣсколько разъ мѣнявшаго вѣру.

Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій немедленно стали дѣйствовать заодно; они обманомъ склонили на свою сторону другихъ епископовъ и составили въ 1595 году «грамоту на унію», притянувъ на свою сторону и Михаила Рагозу. Затѣмъ эту грамоту они повезли въ Римъ на утвержденіе папы.

Несмотря на тайну, окружавшую все это дѣло недостойныхъ представителей Западно-Русскаго высшаго духовенства, Православные жители Польско-Литовскаго Государства скоро поняли, что сулитъ имъ унія. Двое изъ епископовъ, подписавшіе грамоту на нее, поспѣшили заявить о своемъ отказѣ; у князя Константина Острожскаго тоже открылись глаза, и онъ

предполагалъ собрать даже войско на случай насильнаго ея введенія. Во многихъ городахъ готово было уже вспыхнуть возстаніе.

279. Видъ города Бреста въ XVI и XVII вѣкѣ.

Изъ рѣдкой Латинской книги XVII вѣка: „О войнахъ короля Густава Шведскаго", соч. Пуффендорфа.

Между тѣмъ, въ 1596 году король созвалъ въ Брестѣ духовный соборъ для окончательнаго рѣшенія вопроса объ уніи; на него, на ряду съ Православнымъ духовенствомъ, прибыло и Латинское, вмѣстѣ со многими іезуитами, среди которыхъ былъ, конечно, и Петръ Скарга. Засѣданія собора шли при самой возмутительной для Православныхъ обстановкѣ; наконецъ, Латиняне и Русскіе епископы-отщепенцы «посредствомъ обмана тайно, безо всякаго совѣщанія съ Православными»; говоритъ извѣстный Русскій ученый М. О. Кояловичъ, «приняли унію и объявили ее покон-ченною. Этимъ же путемъ они слѣдовали и тогда, когда взялись рас-пространять унію, прибавляя къ обману и интригамъ (кознямъ) самыя разнообразныя насилія».

Конечно, Православные, какъ могли, старались противодѣйствовать уніи. Для этого, между прочимъ, они составили въ 1599 году съѣздъ въ Вильнѣ совмѣстно съ протестантами, также подвергавшимися гоненію. Члены съѣзда рѣшили бороться съ Латинянами на жизнь и на смерть и постановили, что каждый сильный Православный или протестантъ долженъ при всѣхъ обстоятельствахъ защищать всякаго страждущаго Православ-наго-же или протестанта. Къ сожалѣнію, однако, нѣкоторые члены Ви-ленскаго съѣзда не ограничились этимъ и пошли еще дальше. Они заду-мали соединить Православіе и протестантство, отчего возникли страшные недоразумѣнія и раздоры, бывшіе, конечно, очень на руку Латинянамъ и давшіе пищу для усиленія ересей, свившихъ себѣ прочное гнѣздо въ Польско-Литовскомъ государствѣ,—аріанамъ, антитринитаріямъ и дру-гимъ.

Вообще, Брестская унія вызвала, по словамъ Польскаго историка Лелевеля, «сильныя волненія, насилія и даже кровопролитныя возстанія, которыя легли темнымъ пятномъ на царствова́ніе Сигизмунда».

*

Что же касается до внутренняго управленія и законодательства Польско-Литовскаго государства въ началѣ XVII столѣтія, то, по словамъ тогоже Лелевеля, здѣсь царила полнѣйшая безурядица, «крестьяне оставались въ самомъ забитомъ положеніи, а большіе паны дѣлались все болѣе и болѣе своевольными».

Въ 1599 году скончался уніатскій митрополитъ Михаилъ Рагоза. Король назначилъ ему преемникомъ Ипатія Поцѣя, сохранивъ за послѣднимъ и богатѣйшую Владиміръ-Волынскую епархію, что сосредоточило въ его рукахъ огромныя средства для успѣшной борьбы съ Православіемъ. «Помните, я вамъ не Рагоза»—писалъ онъ въ своихъ грозныхъ грамотахъ Слуцкому духовенству, не желавшему присоединиться къ уніи. Чтобы подорвать Виленское Братство, Ипатій Поцѣй отнялъ у него Троицкій монастырь, но овладѣть Кіево-Печерской лаврой, благодаря заступничеству Кіевской Православной шляхты, ему не удалось.

Ярымъ противникомъ Уніи выступилъ, конечно, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; но это былъ,—среди большихъ пановъ, послѣдній столпъ Западно-Русскаго Православія—«послѣдній Западно-Русскій дубъ», по словамъ М. О. Кояловича, «кругомъ котораго падали другіе Русскіе дубы, и у котораго даже самого быстро увядали и засыхали въ полонизмѣ и латинствѣ его собственныя молодыя вѣтви—родныя дѣти»... «Западно-Русское шляхетство быстро сливалось съ шляхетствомъ Польскимъ и находило себѣ въ этомъ сліяніи смерть, воображая, что поддерживаетъ жизнь».

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Брестскаго собора, духовный писатель Мелетій Смотрицкій превосходно изобразилъ это угасаніе Западно-Русской шляхты въ написанномъ имъ отъ лица Православной церкви «Плачѣ»: «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я (церковь) носила вмѣстѣ съ другими бриліантами на моей головѣ, въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ, гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (Православной) вѣры? Гдѣ и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды Русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы: князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Коширскіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа Русскаго: Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Бокѣи, Мышковскіе, Гурки, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Челненскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Заборовскіе, Мелешки, Боговитыны, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи и другіе?... Вы, злые люди (своею измѣною), обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго, однако, вы всѣ вышли—но помните: проклятъ всякъ, открывающій наготу своей матери, прокляты бу-

дете и вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей. Настанетъ время, когда вы будете стыдиться своихъ дѣйствій».

Создавшіяся въ Польско-Литовскомъ государствѣ особо тяжелыя условія для Православнаго населенія заставляли это населеніе уходить во множествѣ за рубежъ—въ степь, чтобы пополнять ряды вольнаго казачества по Днѣпру и его притокамъ, точно такъ же, какъ тяжкія времена, наступившія въ Московской Руси, усилили движеніе ея обездоленныхъ и озлобленныхъ людей въ Сѣверскую Украину и на Донъ.

Слухи о существованіи истиннаго или ложнаго царевича Димитрія стали бродить въ Московскомъ Государствѣ тотчасъ же вслѣдъ за смертью Царя Ѳеодора Іоанновича. Уже Левъ Сапѣга, въ бытность свою посломъ въ Москвѣ въ 1600—1601 годахъ, сообщалъ въ Польшу очень путанный и изобилующій явными несообразностями разсказъ, въ которомъ говорилось, что въ Московскомъ Государствѣ существуетъ нѣкто—очень похожій на покойнаго царевича Димитрія.

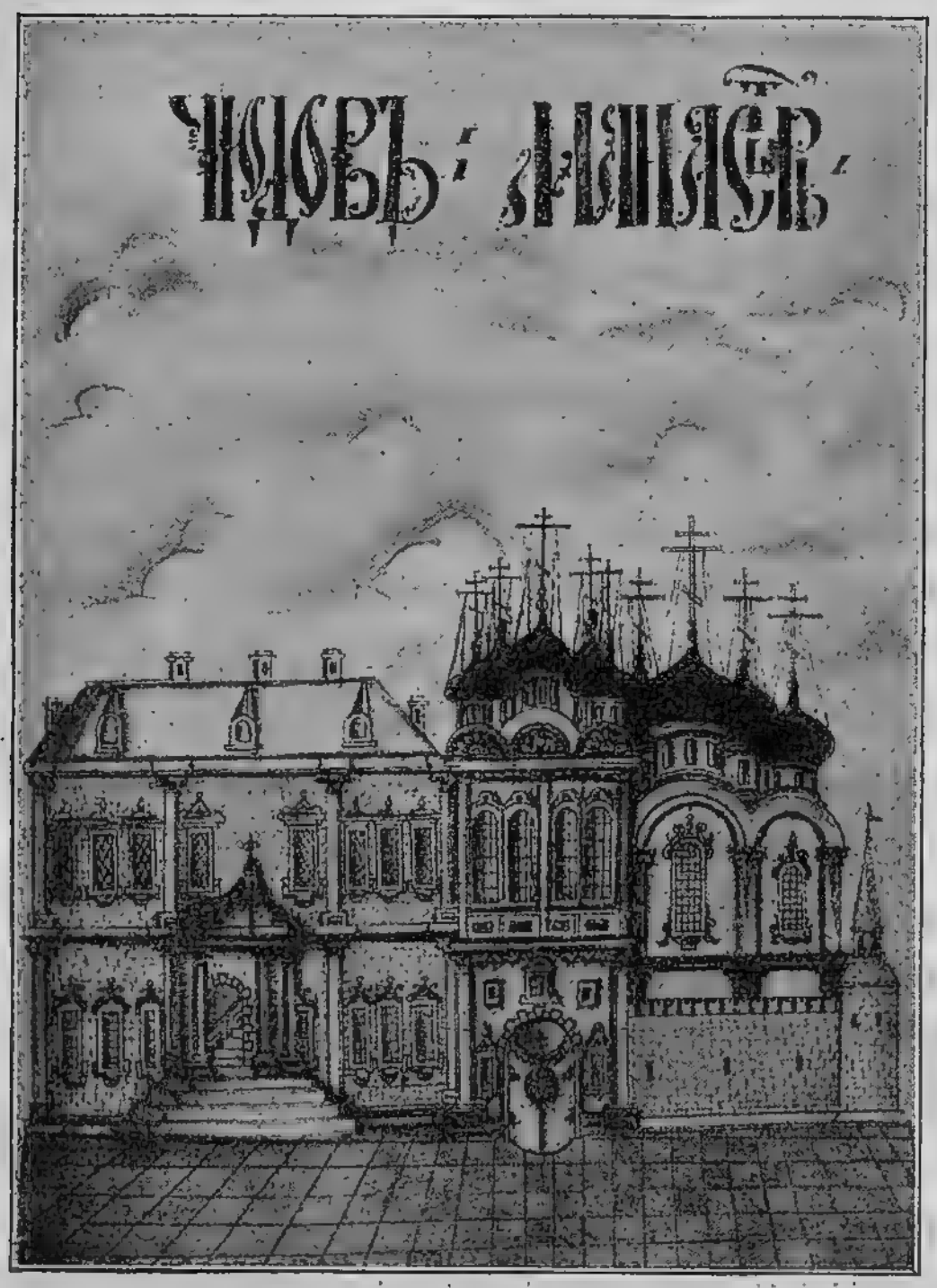
Вслѣдъ затѣмъ, въ 1601 году появился въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства молодой человѣкъ, на видъ нѣсколько старше двадцати лѣтъ, смуглый лицомъ, съ замѣтной бородавкой или пятномъ около глазъ и съ одной рукой короче, чѣмъ другая; скоро этотъ молодой человѣкъ сталъ открыто заявлять, что онъ истинный царевичъ Димитрій, чудесно спасшійся въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ.

Появленіе названнаго Димитрія въ жизни Русской Земли окутано до настоящаго времени большой темнотой, и отвѣтить съ безусловной достовѣрностью на вопросъ, кто именно онъ былъ—не представляется никакой возможности. Однако, съ большою увѣренностью можно сказать, что онъ самозванно носилъ имя того, чьи святыя мощи, прославленныя многими чудесами, покоятся и понынѣ въ Архангельскомъ соборѣ Московскаго кремля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на весьма несхожія мнѣнія, высказываемыя объ истинной личности этого Лжедимитрія различными изслѣдователями, изъ коихъ иные принимали его то за побочнаго сына Стефана Баторія, то за уроженца Западной Руси, наиболѣе вѣроятно предположеніе, что онъ былъ подданный Московскаго Государства и принадлежалъ къ семьѣ небогатаго служилаго рода Отрепьевыхъ—Нелидовыхъ.

Одинъ изъ этихъ Отрепьевыхъ, Галицкій боярскій сынъ Богданъ, былъ убитъ какимъ то Литовцемъ въ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ и оставилъ послѣ себя вдову Варвару и сына Юрія; этотъ Юрій, по всѣмъ вѣроятіямъ и, былъ тѣмъ лицомъ, которое выступило затѣмъ подъ именемъ убіеннаго царевича Димитрія; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Богданъ и Варвара Отрепьевы только усыновили Юрія, который въ дѣйствительности былъ побочнымъ сыномъ какого то очень знатнаго лица и получилъ при крещеніи имя Леонида; при этомъ онъ, повидимому, рано узналъ о своемъ высокомъ происхожденіи, но зналъ-ли онъ точно, кто были его родители, или только строилъ объ этомъ различныя предположенія—къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстно.

Юрій съ дѣтства былъ обученъ грамотѣ и обнаружилъ хорошія умственныя способности; затѣмъ онъ служилъ нѣкоторое время въ холопахъ у бояръ Романовыхъ и у князя Бориса Черкасскаго. Очень вѣроятно, что сходство въ наружности молодого холопа съ покойнымъ царевичемъ Димитріемъ, у котораго, повидимому, была тоже бородавка на лицѣ и одна рука короче другой, обращало на него вниманіе многихъ лицъ, посѣщавшихъ Романовыхъ и Черкасскихъ, причемъ объ этомъ не разъ говорилось и самому Юрію Отрепьеву; разумѣется, разговоры эти производили на него весьма глубокое впечатлѣніе, особенно, если онъ дѣйствительно зналъ о своемъ происхожденіи отъ какого-то очень именитаго лица и тяготился бѣднымъ и зависимымъ положеніемъ, связаннымъ съ незначительнымъ именемъ Отрепьева.



280. Чудовъ монастырь.
Съ рисунка XVIII вѣка.

Будучи около четырнадцати лѣтъ отъ роду, Юрій, подъ вліяніемъ какихъ-то опасностей со стороны подозрительнаго Бориса Годунова, можетъ быть и вслѣдствіе излишнихъ разговоровъ о сходствѣ съ царевичемъ Димитріемъ, изчезаетъ изъ Москвы и начинаетъ скитаться по разнымъ монастырямъ, причемъ игуменъ Трифонъ, основатель Успенскаго монастыря въ городѣ Хлыновѣ (нынѣ Вяткѣ)—постригаетъ его въ 1595 году съ именемъ Григорія. Послѣ этого, юный инокъ Григорій пробылъ около года въ Суздальскомъ Спасо-Ефиміевомъ монастырѣ, гдѣ былъ подъ началомъ какого-то старца. Затѣмъ онъ перемѣнилъ еще нѣсколько обителей и возвратился въ Москву, гдѣ въ это время дѣдъ его, Замятня Отрепьевъ, былъ постриженъ въ Чудовомъ монастырѣ; въ виду бѣдности внука, онъ взялъ его себѣ въ келью. Здѣсь Григорій пробылъ болѣе года и былъ посвященъ въ это время въ дьяконы; скоро онъ обратилъ на себя вниманіе своею грамотностью и сочиненіемъ каноновъ чудотворцамъ самого патріарха Іова, который взялъ его къ себѣ, а потомъ бралъ даже съ собою ко двору—въ Царскую думу, гдѣ Григорій могъ ознакомиться съ придворными порядками Московскаго Государства. Честолюбивые замыслы молодого инока, повидимому, въ это время окончательно созрѣли; онъ, разу-

мѣется, долженъ былъ неоднократно слышать разсказы о томъ, какъ неправдой и преступленіемъ достигъ Годуновъ престола, а также о той ненависти, которую питали къ нему весьма многіе.

Пребываніе Отрепьева при патріаршемъ дворѣ совпало съ пріѣздомъ въ 1600—1601 году посольства Льва Сапѣги въ Москву; вѣроятно, тогда въ его свиту и проникли разговоры о сходствѣ какого-то инока съ покойнымъ Димитріемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ этому времени можно, повидимому, отнести и имѣющіяся извѣстія о томъ, что Григорій особенно пристрастился къ занятіямъ астрологіей и принималъ многихъ звѣздочетовъ и гадателей, которые увѣряли его, что онъ сядетъ на Москвѣ Государемъ и будетъ царствовать тридцать четыре года.

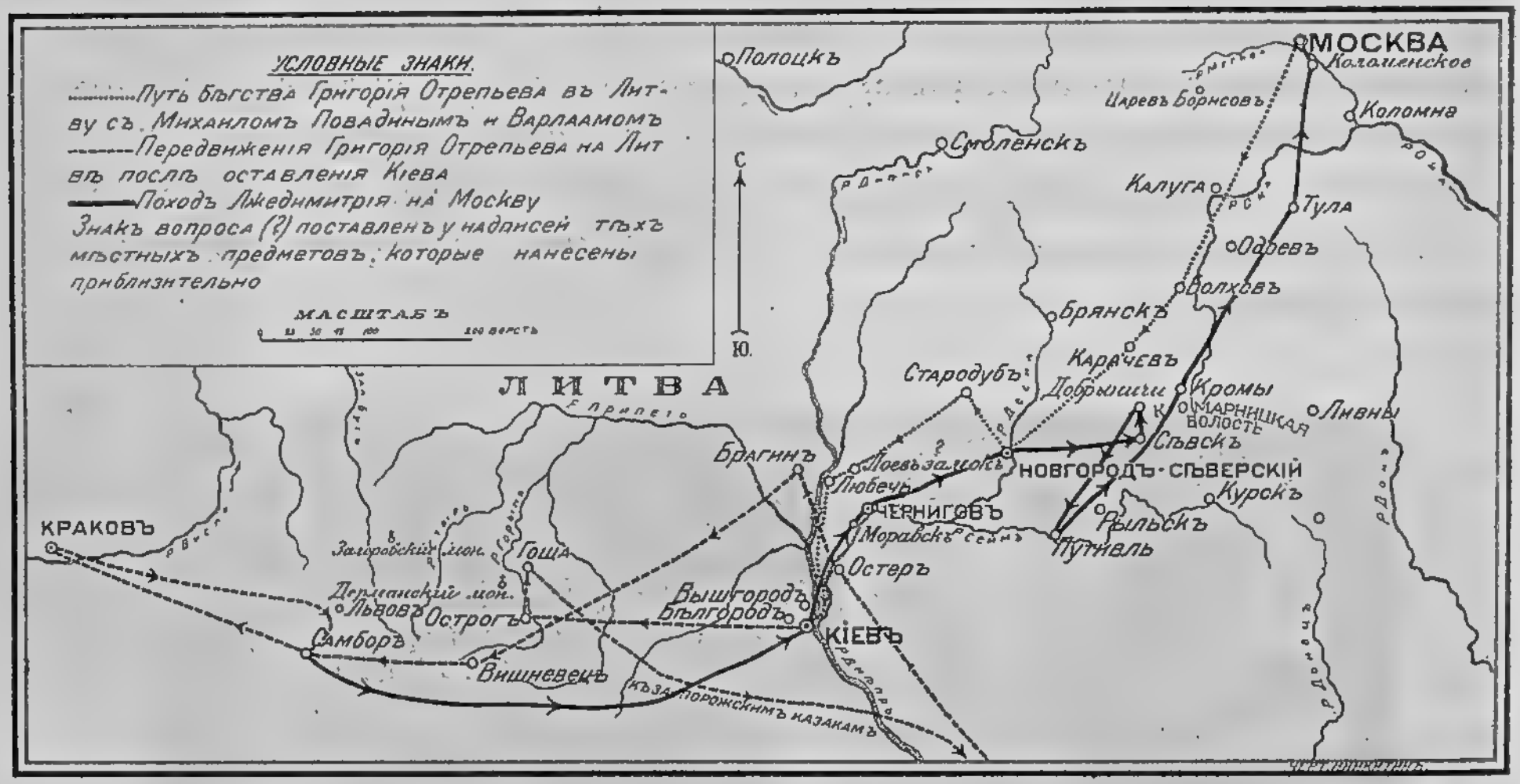
Вскорѣ Григорія постигла бѣда, именно вслѣдствіе излишней его болтливости о томъ, что царевичъ Димитрій спасся и не замедлитъ появиться; многочисленные доносчики Царя Бориса обратили вниманіе на молодого Отрепьева и донесли на него патріарху; когда же Іовъ не далъ этому вѣры, то доносъ былъ сдѣланъ уже самому Борису. Борисъ всполошился и приказалъ дьяку Смирнову-Васильеву сослать Григорія Отрепьева на Соловки, выставивъ предлогомъ этой ссылки его занятія чернокнижіемъ. Но дьяка Смирнова-Васильева упросилъ другой дьякъ, Семейка Ефиміевъ, бывшій въ свойствѣ съ Отрепьевымъ, повременить съ исполненіемъ приказа о ссылкѣ.

Тогда Григорій, провѣдавъ о грозившей ему опасности, рѣшилъ бѣжать въ Литву.

281. Старая Москва. На Крестцѣ.

Рисунокъ В. Васнецова.

«...въ Великій постъ, на другой недѣли въ понедѣльникъ, иду, государь, я Варварскимъ крестьцомъ, и ззади меня пришелъ чернецъ молодъ, сотворивъ молитву и поклонився мнѣ, и учалъ меня спрашивати: старецъ, которые честныя обители? И сказалъ я ему, что постригся въ немощи, а начало имѣю Рожества Пречистой Паѳнотіева монастыря (Боровскаго)... И онъ мнѣ сказалъ, что жилъ въ Чюдовѣ монастыри, а чинъ имѣю діяконскій, а зовутъ меня Григорьемъ, а по прозвищю Отрепьевъ.—И язъ ему говорилъ: что тобѣ Замятня, да Смирной Отрепьевы? И онъ мнѣ сказалъ, что Замятня ему дѣдъ, а Смирной дядя.—Да ему же я говорилъ: которое тебѣ дѣло до меня? И онъ сказалъ:.. У патріарха Іева жилъ де я, и патріархъ де, видя мое досужество, и учалъ на царскую думу вверхъ съ собой меня имати; и въ славу де вшелъ въ великую; и мнѣ де славы и богатства земнаго не хочетца не токмо видѣти, но и слышати, и хочю съ Москвы съѣхати въ дальней монастырь; и есть монастырь въ Черниговѣ, и мы поидемъ въ тотъ монастырь». Такъ разсказываетъ нѣкій старецъ Варлаамъ въ своемъ «Извѣтѣ», составленномъ при Царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ.



282. Карта, обозначающая путь слѣдованія Григорія Отрепьева на Литву и Польшу и походъ Лжедимитрія на Москву.

По этому разсказу, на предложеніе, сдѣланное на улицѣ старцу молодымъ инокомъ, Варлаамъ отвѣчалъ ему, что послѣ жизни въ Москвѣ пребываніе въ глухомъ Черниговскомъ монастырѣ покажется Григорію очень тягостнымъ. Но Григорій на это сказалъ: «хочю де въ Кіевъ въ Печерской монастырь... поидемъ до святаго града Іерусалима»... «И я ему говорилъ», продолжаетъ Варлаамъ, «что Печерской монастырь за рубежомъ въ Литвѣ, и за рубежъ ѣхати не смѣти. И онъ мнѣ сказалъ: государь де Московской съ королемъ взялъ миръ на двадцать два года, и нынѣ де просто, и заставъ нѣтъ». Тогда Варлаамъ согласился. Они дали другъ другу обѣщаніе сойтись

на завтра въ Иконномъ ряду, и, дѣйствительно, сошлись тамъ на другой день, причемъ Григорій привелъ и третьяго спутника—инока Мисаила, въ міру Михаила Повадина.

«И шедъ мы за Москву-рѣку», разсказываетъ Варлаамъ, «и наняли подводы до Болхова, а изъ Болхова до Карачева, и съ Карачева до Новогородка Сиверскаго. И въ Новѣгородкѣ принялся въ Преображенской монастырь, и строитель Захарей Лихаревъ поставилъ насъ на крылосѣ; а тотъ діяконъ Гришка на Благовѣщеніевъ день съ попами служилъ обѣдню и за Пречистою ходилъ. И на третіей недѣли послѣ Велика дни въ понедѣльникъ вожа добыли Ивашка Семенова, отставленого старца, да пошли на Стародубъ и на Стародубскій уѣздъ; и Ивашко вожъ за рубежъ провелъ въ Литовскую землю; и первый городъ Литовской намъ Лоева замка, а другой Любецъ, а третей Кіевъ. И въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастыри архимаритъ Елисей насъ принялъ, и въ Кіевѣ всего жили три недѣли, и онъ Гришка похотѣ ѣхати къ воеводѣ Кіевскому ко князю Василію (Константину) Острожскому и у архимарита Елисея Плетенецкого и у братіи отпросился».

По разсказу Варлаама, онъ предупреждалъ Елисея Плетенецкаго, что Григорій «нынѣ идетъ въ міръ до князя Василія (Константина) Острожскаго и хочетъ платіе иноческое скинути; и ему будетъ воровати, а Богу и Пречистой солгалъ», на что архимандритъ отвѣчалъ, что въ Литвѣ Земля вольная, въ коей кто вѣрѣ хочетъ, въ той и пребываетъ, и затѣмъ будто бы отказалъ въ просьбѣ Варлаама разрѣшить ему остаться въ Печерской обители, сказавъ ему: «четыре де васъ пришло, четверо и подите», почему всѣ четверо—Григорій, Варлаамъ, Михаилъ и Ивашко Семеновъ, и пошли въ Острогъ къ князю Василію (Константину) Константиновичу Острожскому.

Въ этомъ разсказѣ старца Варлаама несомнѣнно есть крупныя недомолвки и неточности. Его неожиданная встрѣча съ незнакомымъ инокомъ на Варварскомъ крестцѣ и данное тотчасъ же согласіе ѣхать съ нимъ за Литовскій рубежъ является, очевидно, вымысломъ. Согласно данныхъ, такъ называемаго «Новаго лѣтописца», Варлаамъ и Мисаилъ Повадинъ были еще до путешествія вполнѣ посвящены въ истинные замыслы Григорія и являлись его ближайшими сообщниками. Объ этомъ прямо говоритъ извѣстный современникъ князь И. М. Катыревъ-Ростовскій, а именно, что Григорій «отоиде во сторону Сиверскихъ городовъ со двѣма нѣкоима иноки, единомысленныхъ ему и оттолѣ дошедъ Литовскіе земли града Кіева». То же повторяетъ въ своей «Повѣсти», составленной не позднѣе середины XVII вѣка, и князь С. И. Шаховской.

За свое трехнедѣльное пребываніе въ Кіевѣ, Григорій успѣлъ, повидимому, завязать сношенія съ Запорожскими казаками, которые во второй половинѣ XVI вѣка занимались поддержкой нѣсколькихъ самозванцевъ въ Молдавіи; кромѣ помянутаго нами въ предыдущей главѣ Ивана Подковы, въ 1592 году, при ихъ содѣйствіи, въ Яссахъ утвердился

на нѣкоторое время, выдавая себя за сына покойнаго князя Александра Молдавскаго, какой-то Петръ казакъ, а ранѣе Подковы, Запорожцы помогли овладѣть Молдавскимъ престоломъ Греку Якову Василику; въ виду этого, для прекращенія подобнаго казацкаго своевольства, Сигизмундъ Третій наложилъ на нихъ обязательство не принимать къ себѣ разныхъ «господарчиковъ».

Въ Острогѣ—Григорій съ Варлаамомъ и Мисаиломъ прожили все лѣто, «а на осень меня да Мисаила Повадина», разсказываетъ Варлаамъ, «князь Василей послалъ во свое богомоліе, къ Живоначальной Троицы въ Дерманскій монастырь. А онъ Гришка съѣхалъ въ Гощею городъ къ пану къ Госкому, да въ Гощеѣ иноческое платіе съ себя скинулъ и учинился міряниномъ, и учалъ въ Гощеѣ учиться въ школѣ по латынски и по польски и люторской грамотѣ»... Повидимому, Григорій пытался открыть свои замыслы князю Константину Острожскому и привлечь его на свою сторону, но неудачно. Самъ Константинъ Острожскій, спрошенный объ этомъ впослѣдствіи королемъ Сигизмундомъ, отрицалъ свои сношенія съ Гришкой и даже отвѣчалъ, что совершенно не знаетъ, о комъ идетъ рѣчь. Однако, въ Загоровскомъ монастырѣ Волынской епархіи сохранилась книга «Василій Великій» со слѣдующей весьма любопытной надписью: «Лѣта отъ сотворенія міру 7110 (1602) мѣсяца августа въ 14 день, сию книгу Великаго Василія далъ намъ Григорию з братію съ Варлаамомъ, да Мисаиломъ Константинъ Костиновичь, нареченный во святомъ крещеніи Василей Божиею милостію пресвѣтлое Княже Острожское, воевода Кіевскій». Подъ словомъ «Григорію» внизу подписано тою же рукою, но нѣсколько другими чернилами: «Царевичу Московскому»; вѣроятно, эти слова прибавлены позже, причемъ, такъ какъ почеркъ подписи несходенъ съ извѣстнымъ почеркомъ Лжедимитрія, то слѣдуетъ признать, что она сдѣлана кѣмъ-нибудь изъ его двухъ спутниковъ. Во всякомъ случаѣ, эта подпись служитъ свидѣтельствомъ, что Григорій Отрепьевъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ были лѣтомъ 1602 года у князя Константина Константиновича Острожскаго и получили отъ него въ даръ книгу, причемъ именно этотъ Григорій Отрепьевъ сталъ считаться впослѣдствіи царевичемъ Димитріемъ.

Сынъ князя Константина, Янушъ, отпавшій въ Латинство и занимавшій должность каштеляна Краковскаго, въ письмѣ своемъ отъ 3 марта 1604 года совершенно опредѣленно писалъ королю Сигизмунду: «Я знаю Димитрія уже нѣсколько лѣтъ; онъ жилъ довольно долго въ монастырѣ отца моего, въ Дерманѣ; потомъ онъ ушелъ оттуда и присталъ къ анабаптистамъ (секта перекрещенцевъ); съ тѣхъ поръ я его потерялъ изъ виду». Еще опредѣленнѣе были слухи о названномъ Димитріи въ Краковѣ, гдѣ ихъ собиралъ папскій нунцій (посланникъ) Рангони; по этимъ слухамъ, какъ разсказываетъ современный намъ писатель-іезуитъ, особо облюбовавшій Русскую исторію, о. Пирлингъ, «Димитрій пытался было открыть свои намѣренія Кіевскому воеводѣ (Константину Константиновичу Острожскому)... однако, старый князь выпроводилъ его безо всякаго стѣсненія;

разсказывали даже, будто-бы одинъ изъ гайдуковъ вельможи позволилъ себѣ грубыя насилія надъ смѣлымъ просителемъ и вытолкалъ его за ворота замка. Впрочемъ, Димитрій не впалъ въ уныніе отъ свой неудачи. Постигла она его въ дѣйствительности или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, онъ не потерялъ своей бодрости и изъ Острога отправился въ Гощу».

Въ Гощѣ, небольшомъ городѣ на Волыни, жили два знатныхъ пана Гойскихъ, отецъ и сынъ; они были ревностными послѣдователями секты Арія и основали для распространенія своего лжеученія двѣ школы; въ этихъ школахъ Григорій успѣлъ, повидимому, нахвататься кое-какихъ верховъ Западно-Европейскаго образованія и выучился съ грѣхомъ пополамъ Латинской грамотѣ; при этомъ имѣются свѣдѣнія, что одновременно съ занятіями въ школѣ, чтобы снискать себѣ пропитаніе, онъ служилъ также и на кухнѣ у пана Гойскаго.

Проведя зиму въ Гощѣ, Отрепьевъ весною послѣ Свѣтлаго Воскресенія пропалъ безъ вѣсти; по нѣкоторымъ даннымъ, онъ отправился въ это время къ Запорожскимъ казакамъ, съ которыми, какъ мы говорили, завязалъ сношенія уже въ Кіевѣ; вѣроятно, у Запорожцевъ же онъ выучился превосходно владѣть оружіемъ и здѣсь же выработался изъ него лихой и безстрашный наѣздникъ.

Въ томъ-же 1603 году, Григорій уже безъ рясы появляется вновь въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства, гдѣ ему, наконецъ, улыбается счастіе и его признаютъ Московскимъ царевичемъ Димитріемъ. Обстоятельства, какъ это произошло, разсказываются различно: по однимъ свѣдѣніямъ онъ поступилъ въ «оршакъ» (придворную челядь) богатаго пана Адама Вишневецкаго, въ городѣ Брагинѣ, и открылся здѣсь, не то въ банѣ, когда Вишневецкій ударилъ его, не то на исповѣди какому-то священнику, во время будто-бы постигшей его смертельной болѣзни. По другимъ извѣстіямъ, имѣющимъ за собой болѣе достовѣрности, Григорій первоначально объявилъ себя царевичемъ Димитріемъ у Польскаго воеводы города Остра (выстроеннаго когда-то княземъ Юріемъ Долгорукимъ) Михаила Ратомскаго и у пановъ Свирскихъ, имѣвшихъ большія связи съ казаками. Повидимому, это произошло уже весной 1603 года, такъ какъ первая обличительная грамота противъ Лжедимитрія, гдѣ онъ прямо названъ Григоріемъ Отрепьевымъ, была отправлена не позже апрѣля 1603 года Черниговскимъ воеводою княземъ Кашинымъ-Оболенскимъ—именно къ воеводѣ Остерскому. Вотъ почему наиболѣе вѣроятно предположеніе, что Ратомскій былъ однимъ изъ первыхъ Польскихъ пановъ, взявшихся помогать Лжедимитрію, и что уже отъ Ратомскаго, какъ названный царевичъ, онъ былъ направленъ въ Брагинъ къ именитому и богатому князю Адаму Вишневецкому.

Этотъ князь Адамъ Вишневецкій, хотя и оставался еще въ Православіи, но принадлежалъ къ уже сильно ополяченной и окатоличенной семьѣ и отличался большой ненавистью какъ къ Московскому Государству, такъ и къ Борису Годунову. «Между нимъ и Москвой», говоритъ Пирлингъ,

«были давніе счеты алчности и крови. Огромныя владѣнія князя были по обоимъ берегамъ Днѣпра; они тянулись вплоть до самой Русской границы. Нерѣдко на этомъ рубежѣ возникали споры о правахъ или происходили враждебныя столкновенія: очень часто сабля являлась судьею этихъ тяжбъ двухъ сосѣдей». Какъ разъ въ 1603 году, Московскія войска вторглись въ области князя и отняли у него два мѣстечка, считая, что онъ владѣетъ ими незаконно, причемъ дѣло не обошлось безъ кровавыхъ схватокъ, съ убитыми и ранеными. Конечно, воинственный Адамъ Вишневецкій возгорѣлся еще большимъ чувствомъ непримиримой ненависти къ Царю Борису и жаждой ему отмстить, а потому появленіе у него Лжедимитрія было ему какъ нельзя болѣе на руку. Онъ тотчасъ-же торжественно призналъ его истиннымъ царевичемъ и сталъ оказывать ему самую широкую поддержку. Какъ по мановенію волшебства, недавній бродяга-инокъ, а затѣмъ и холопъ въ панской дворнѣ — превратился въ сказочнаго принца. «А тотъ князь Адамъ, бражникъ и безуменъ, тому Гришкѣ повѣрилъ и учинилъ его на колесницахъ и на коняхъ ѣздити и людно»—говоритъ старецъ Варлаамъ въ своемъ «Извѣтѣ», хотя, вѣроятно, и самъ принималъ не малое участіе въ этомъ превращеніи Гришки.

283. Князь Адамъ Вишневецкій.
Со стариннаго изображенія въ замкѣ Вишневцѣ.

Какія были бесѣды между новоявленнымъ самозванцемъ и Адамомъ Вишневецкимъ—осталось навсегда тайной; однако, трудно допустить, чтобы приводимыя первымъ доказательства своей тождественности съ царевичемъ Димитріемъ были настолько вѣски, чтобы могли убѣдить въ этомъ второго; гораздо вѣрнѣе предположеніе, что Адамъ ухватился за самозванца съ цѣлью мести Годунову, надѣясь извлечь изъ этого темнаго дѣла какую-либо выгоду и для себя.

Послѣ превращенія Григорія въ царевича, начались тотчасъ же сборы къ походу на Бориса. «И вотъ», говоритъ Пирлингъ, «въ Днѣпровскія и Донскія степи полетѣли гонцы, чтобы вербовать тамъ добровольцевъ. По слу-

хамъ, дошедшимъ до Сигизмунда, самъ Димитрій ѣздилъ къ безпокойному казачеству»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Адамъ Вишневецкій послалъ донесеніе королю, что у него объявился царевичъ Димитрій, чудесно спасшійся отъ убійцъ Годунова, причемъ, кажется, въ донесеніи этомъ былъ приведенъ и разсказъ о спасеніи. По этому разсказу, весьма краткому и безо всякихъ подробностей, но согласно повторяемому всѣми сторонниками Лжедимитрія, царевича спасъ въ Угличѣ какой-то таинственный приближенный человѣкъ, его врачъ; онъ узналъ о готовящемся покушеніи и незамѣтно подмѣнилъ его въ постели другимъ мальчикомъ, который ночью и былъ зарѣзанъ убійцами, подосланными Годуновымъ; благодѣтель-же, при содѣйствіи нѣкоторыхъ доброхотовъ, скрытно прослѣдовалъ со спасеннымъ царевичемъ на сѣверъ къ Студеному морю и воспиталъ его тамъ, послѣ чего Димитрій много странствовалъ по разнымъ монастырямъ и, наконецъ, открылся въ Литвѣ. Кто былъ, спасшій Димитрія, благодѣтель, а также и доброхоты, укрывавшіе ихъ, объ этомъ не говорилось; указаніе же, что убійство царевича было совершено ночью, тогда какъ оно, несомнѣнно, имѣло мѣсто днемъ въ шестомъ часу, было сдѣлано, вѣроятно, для того, чтобы выходилъ правдоподобнѣе разсказъ о томъ, какъ можно было одного десятилѣтняго мальчика зарѣзать вмѣсто другого и при этомъ не обнаружить ошибки.

284. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Несвижскомъ замкѣ.

Сигизмундъ, разумѣется, не повѣрилъ этому разсказу, но, очевидно, крайне сочувствуя появленію самозванца, очень желалъ, чтобы его убѣдили въ томъ, что въ предѣлахъ его владѣній появился истинный царевичъ; поэтому для разъясненія дѣла онъ обратился не къ Царю Борису, съ которымъ былъ въ мирѣ, а къ Литовскому канцлеру, уже извѣстному намъ Льву Сапѣгѣ. Этотъ Левъ Сапѣга родился

285. Видъ замка Вишневца и древней Православной церкви, сооруженной въ XIV столѣтіи и обращенной въ XVII вѣкѣ въ костелъ. Въ этомъ костелѣ, по преданію, было совершено тайное обрученіе Лжедимитрія съ Мариной Мнишекъ.

Вишневецъ составляетъ нынѣ собственность въ д. шталмейстера Двора Его Императорскаго Величества П. А. Демидова.

Православнымъ, перешелъ затѣмъ въ кальвинизмъ, а въ 1586 году былъ совращенъ Петромъ Скаргой въ Латинство и сталъ затѣмъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ слугъ Римской церкви. Поэтому естественно, насколько заманчивой могла быть для него мысль—посадить именующагося царевичемъ Димитріемъ на Московскій столъ, а затѣмъ приступить при его посредствѣ къ насажденію Латинства въ нашей Землѣ, что, повидимому, имъ имѣлось въ виду еще тогда, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву съ предложеніемъ тѣснаго союза съ Польшей.

286. Константинъ Вишневецкій.
Съ изображенія, хранящагося въ замкѣ Вишневцѣ.

Какой то бѣглый Москвичъ Петровскій находился въ услуженіи у Сапѣги и будто бы зналъ маленькаго царевича Димитрія въ Угличѣ. Этого Петровскаго Сапѣга и послалъ къ Вишневецкому, чтобы удостовѣриться въ личности Димитрія. Увидѣвъ Григорія, Петровскій тотчасъ-же воскликнулъ: «Да, это истинный царевичъ Димитрій», и палъ ему въ ноги.

Описанное признаніе царевича бѣглымъ Московскимъ холопомъ явилось достаточнымъ. Послѣ него дѣла названнаго Димитрія въ Польско-Литовскомъ государствѣ пошли еще блистательнѣе. Изъ Брагина

онъ поѣхалъ въ Вишневецъ къ Константину Вишневецкому, двоюродному брату Адама, тоже чрезвычайно богатому человѣку, женатому на дочери Сендомирскаго воеводы—Юрія Мнишка,—Урсулѣ.

287. Марина Мнишекъ.

Съ изображенія 1609 года, хранящагося въ Императорскомъ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Юрій Мнишекъ пользовался крайне дурной славой у сородичей, хотя по своимъ связямъ и былъ очень силенъ и вліятеленъ. Въ молодости онъ былъ близокъ къ королю Сигизмунду-Августу; когда послѣдній лишился горячо любимой имъ жены—Варвары Радзивиллъ, и сталъ съ горя предаваться разгулу, то Юрій усердно оказывалъ ему предосудительныя услуги въ разныхъ низменныхъ утѣхахъ и широко пользовался за это королевскими деньгами; когда же Сигизмундъ-Августъ умеръ, то въ день его смерти Мнишекъ такъ обобралъ королевскую казну, что не было во

что одѣть смертные останки покойнаго. Тѣмъ не менѣе, благодаря своимъ связямъ, какъ при дворѣ, такъ и среди духовенства, ибо, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Пирлингъ, Юрій былъ усерднѣйшимъ сыномъ католической церкви, онъ сумѣлъ сохранить свое положеніе и при послѣдующихъ короляхъ; однако, ведя крайне суетную и роскошную жизнь, къ 1603 году Мнишекъ уже совершенно разорился и надѣлалъ огромные долги, въ томъ числѣ и въ королевскую казну, причемъ Сигизмундъ грозилъ ему въ случаѣ ихъ неуплаты—отнять данную ему въ управленіе Самборскую экономію. При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, только какой-либо исключительно благопріятный случай могъ поправить дѣла Мнишка.

Въ это время какъ разъ, въ домѣ его зятя князя Константина Вишневецкаго, у жены котораго, Урсулы, гостила ея сестра Марина, неожиданно появился Московскій царевичъ. Марина была дѣвушкой маленькаго роста, худенькая и смуглая, съ высокимъ лбомъ и ястребинымъ носомъ; она имѣла острый подбородокъ и тонкія плотно сжатыя губы, но обладала большими красивыми глазами; повидимому, она сразу сумѣла плѣнить Григорія, впервые попавшаго въ общество знатной дѣвицы, показывающей ему свое отмѣнное расположеніе. Повидимому также, что въ ловкой женской игрѣ, веденной ею съ мнимымъ царевичемъ, Мариной руководило исключительно непомѣрное честолюбіе, которое, вмѣстѣ съ большой душевной сухостью и умственной ограниченностью—были всегда ея отличительными свойствами. Юрій Мнишекъ, конечно, тотчасъ же оцѣнилъ всѣ выгоды, какія ему могъ сулить бракъ дочери съ будущимъ Московскимъ Царемъ, и не замедлилъ стать его горячимъ сторонникомъ. По преданію, Лжедимитрій объяснился въ своихъ чувствахъ къ Маринѣ уже въ Вишневцѣ, причемъ тамъ же послѣдовало въ мѣстной церкви и ихъ тайное обрученіе.

Изъ Вишневца Григорій отправился къ родителямъ Марины въ Самборъ; нынѣ это грязное жидовское мѣстечко, но въ тѣ времена тамъ стоялъ богатый замокъ съ великолѣпнымъ садомъ. Въ Самборѣ Отрепьева принимали со всѣми почестями какъ настоящаго царевича; шумные пиры и другія увеселенія шли одни за другими; тѣмъ временемъ шли и дѣятельныя приготовленія къ походу въ Москву, а также и къ привлеченію короля на сторону названнаго царевича. Безъ сомнѣнія, въ Самборѣ же Мнишекъ опредѣленно поставилъ вопросъ о томъ, что только обѣщаніемъ отреченія отъ Православія и переходомъ въ католичество его будущій зять можетъ добиться помощи отъ всецѣло находившагося въ рукахъ іезуитовъ Сигизмунда. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, Юрій Мнишекъ сообщалъ ему, что онъ пожалѣлъ душу Димитрія, увидя въ царевичѣ злополучную жертву заблужденій (Православія) и убѣдившись, что онъ коснѣетъ въ неправдѣ, рѣшилъ открыть глазамъ грѣшника свѣтъ истины, для чего составилъ, по словамъ іезуита Пирлинга, «благочестивый заговоръ», изъ придворнаго священника и секретаря Сигизмунда—ксендза Помасскаго и Бернардинскаго чернеца Анзеринуса, Польское прозваніе коего было «Гусь». По мнѣнію

Пирлинга, этотъ Гусь былъ «Замойскимъ ордена Бернардинцевъ» и въ благочестивомъ заговорѣ противъ Димитрія ему принадлежало значеніе «главнокомандующаго»; Валишевскій же смотритъ на него иначе и считаетъ Гуся—веселымъ малымъ и великимъ мастеромъ выпить, а также большимъ любителемъ женскаго общества. На основаніи этихъ двухъ совершенно расходящихся мнѣній, въ настоящее время не представляется возможности рѣшить, къ какимъ именно пріемамъ прибѣгалъ «главнокомандующій» Гусь, чтобы заставить мнимаго царевича убѣдиться въ превосходствѣ Латинства надъ Православіемъ.

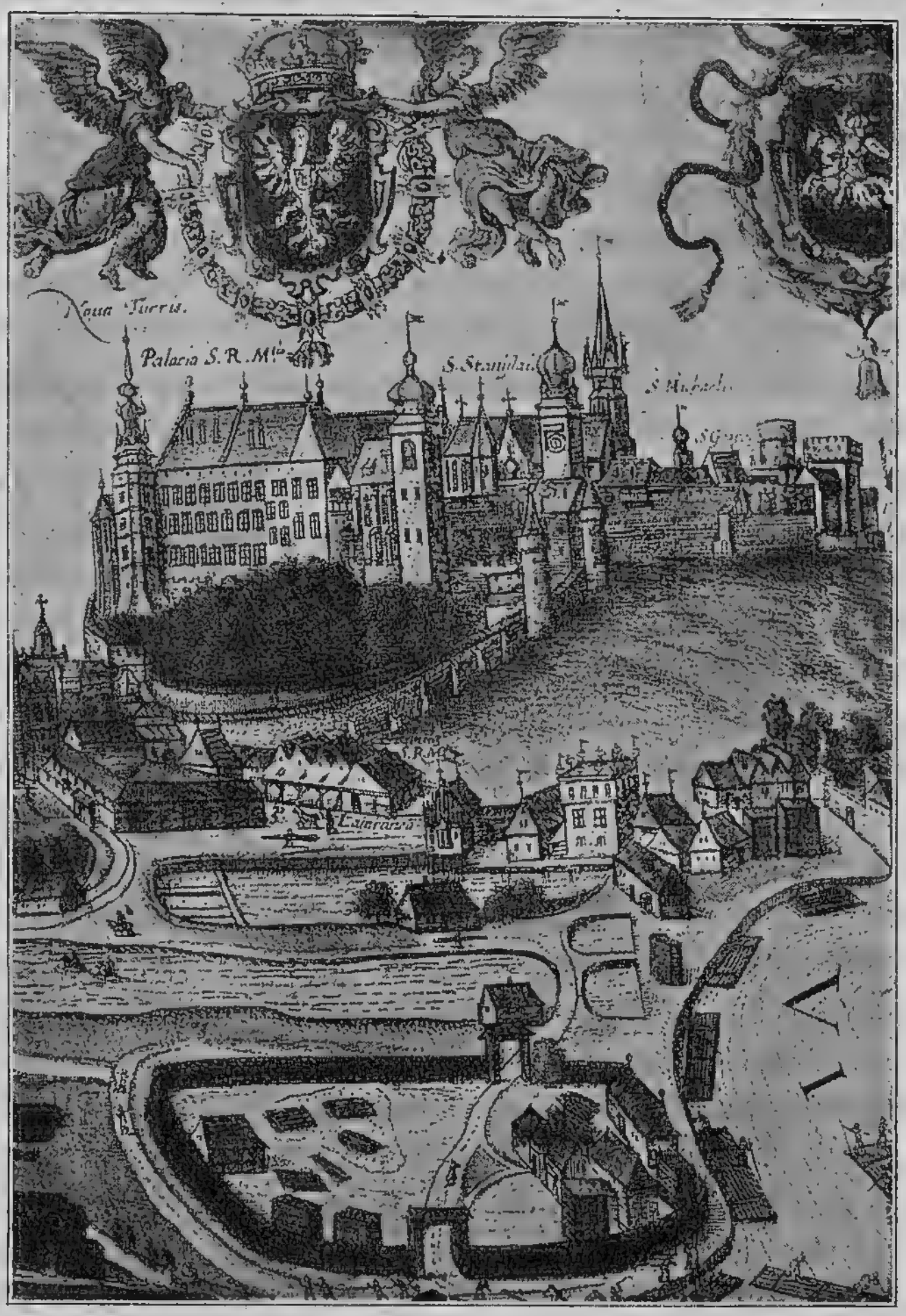
Ксендзъ Помасскій былъ, повидимому, первый, обратившій вниманіе отцовъ іезуитовъ на самозванца и на выгоды, которыя можетъ пріобрѣсти Римская церковь, поддерживая его. Скоро помянутый нами папскій нунцій Рангони, проживавшій въ Краковѣ, также вошелъ въ это дѣло, разсчитывая получить, въ случаѣ успѣха, кардинальскую шапку за свое усердіе, и въ ноябрѣ 1603 года послалъ въ Римъ подробное донесеніе о появившемся Московскомъ царевичѣ. На поляхъ означеннаго донесенія, папа Климентъ VIII сдѣлалъ насмѣшливую помѣтку: «Это въ родѣ воскресшаго короля Португальскаго», намекая ею на самозванцевъ, явившихся въ это время въ Португаліи послѣ смерти короля Себастіана. Однако, несмотря на эту помѣтку, Римъ съ той поры начинаетъ относиться въ высшей степени благожелательно къ Лжедимитрію.

Чтобы окончательно убѣдить короля Сигизмунда, что Григорій настоящій Димитрій, въ январѣ 1604 года былъ посланъ опять какой-то Ливонецъ въ Самборъ, тоже тотчасъ-же признавшій его за истиннаго царевича, которому онъ будто-бы служилъ въ Угличѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ мартѣ 1604 года, Сигизмундъ выразилъ желаніе, чтобы Димитрій прибылъ въ Краковъ. Послѣдній, конечно, поспѣшилъ это исполнить, и явился въ Краковъ, сопутствуемый Константиномъ Вишневецкимъ и своимъ будущимъ тестемъ Юріемъ Мнишкомъ, гдѣ послѣдній задалъ въ своемъ домѣ большой пиръ для сенаторовъ и всей знати, чтобы ввести въ ихъ кругъ Отрепьева. Нунцій Рангони, бывшій на этомъ пиру, пришелъ въ восторгъ отъ Григорія: «Димитрій,—писалъ онъ въ Римъ,—молодой человѣкъ съ хорошей выдержкой, смуглымъ лицомъ и большимъ пятномъ на носу противъ праваго глаза; бѣлая, продолговатая кисть руки указываетъ на его высокое происхожденіе; онъ смѣлъ въ рѣчахъ и въ его поступкахъ отражается поистинѣ что-то великое».

Мнѣніе Рангони о подлинности царевича высказывали и нѣкоторые другіе.

Но, къ чести лучшей части Польскаго общества, большинство его сразу же отрицательно отнеслось къ затѣѣ—оказать поддержку названному Димитрію, въ самозванствѣ котораго, повидимому, мало кто сомнѣвался. «У Гришки», говоритъ въ своихъ «Запискахъ» очень умный и наблюдательный человѣкъ—Польскій коронный гетманъ Жолкѣвскій, «было довольно ума, краснорѣчія и смѣлости; онъ умѣлъ обходиться со всѣми, выдавая себя за того, кѣмъ онъ не былъ».

Крайне непріязненнымъ образомъ отнесся къ Лжедимитрію и старикъ Янъ Замойскій. «Замойскій», разсказываетъ Пирлингъ, «усиленно добивался случая свидѣться съ Димитріемъ до пріѣзда его ко двору. Дѣятельность «господарчика», какъ онъ называлъ царевича, казалась ему нѣсколько



288. Видъ королевскаго замка въ Краковѣ въ началѣ XVII вѣка.

Изъ Латинской географіи Брауна—изданія 1624 года.

подозрительной: личность этого страннаго искателя престола не внушала ему никакого довѣрія».

Мнѣніе Замойскаго раздѣлялъ Брацлавскій воевода князь Збаражскій, Литовскій гетманъ Хоткевичъ, князь Янушъ Острожскій и другіе.

Но королю эта затѣя нравилась; его совѣтники внушали ему, что, посадивъ Григорія на Московскій престолъ, онъ пріобрѣтетъ въ немъ вѣрнаго слугу для водворенія тамъ Латинства и союзника для борьбы съ дядей

Карломъ Шведскимъ, и успѣли получить его согласіе принять у себя Лжедимитрія. Пріемъ этотъ состоялся 15 марта, черезъ день послѣ пира у Юрія Мнишка, который и повезъ Григорія въ королевскій замокъ. На пріемѣ присутствовалъ нунцій Рангони и нѣсколько высшихъ сановниковъ. Сигизмундъ, со своимъ обычнымъ надменнымъ видомъ, принялъ само-

289. Лжедимитрій.

Съ современнаго изображенія Луки Киліана.

званца стоя, имѣя на головѣ шляпу и опершись одной рукою на небольшой столикъ; когда онъ протянулъ другую руку вошедшему Григорію, то тотъ смиренно ее поцѣловалъ, видимо смутился и началъ что-то бормотать о свой судьбѣ и о правахъ на Московскій престолъ. Затѣмъ, придя нѣсколько въ себя, Григорій сталъ просить короля оказать ему помощь. На это Сигизмундъ сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ удалился, и сталъ совѣщаться съ Рангони и своими приближенными. Послѣ этого Григорій былъ опять позванъ; когда

онъ вошелъ, то ему было объявлено, что король признаетъ его истиннымъ царевичемъ, назначаетъ ему денежное вспомоществованіе и позволяетъ искать помощи у его Польско-Литовскихъ подданныхъ для добыванія себѣ престола. Конечно, это былъ огромный успѣхъ.

290. Сигизмундъ III.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ.

Король Польскій, преступившій крестное цѣлованіе къ Царю Борису, съ которымъ онъ былъ въ мирѣ, прожившійся панъ Юрій Мнишекъ и таинственный Московскій чернецъ-разстрига—соединились теперь въ тѣсный союзъ противъ Московскаго Государства и Православія. Достаточно взглянуть на лица этихъ людей, въ приведенныхъ здѣсь изображеніяхъ, писанныхъ современными художниками, чтобы понять, что Русская Земля ничего добраго отъ этого союза ожидать не могла.

«Политика, которой сталъ теперь слѣдовать Сигизмундъ», говоритъ Пирлингъ, «была крайне двулична, неустойчива, неискренна и лишена всякаго благородства... Передъ лицомъ народа, король старался выказать себя неусыпнымъ стражемъ государства и честнымъ блюстителемъ мира

291. Юрій Мнишекъ.

Современное изображеніе Луки Киліана. Хранится въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ.

съ Москвой. Также держался онъ и по отношенію къ Борису Годунову и увѣрялъ его, что ни на одну букву не нарушитъ мирнаго договора. Но въ дѣйствительности дѣло шло другимъ путемъ».

Послѣ пріема у Сигизмунда, Григорій уже открыто сталъ появляться на улицахъ Кракова, какъ признанный царевичъ Московскій, и толпы народа сбѣгались на него посмотрѣть. При этомъ въ Краковъ же къ нему стали прибывать и нѣкоторые Русскіе люди, почему-либо

недовольные Борисомъ и спѣшившіе записаться въ ряды сторонниковъ царевича.

Затѣмъ тамъ-же послѣдовало и обращеніе Григорія въ католичество. Вѣроятно, чтобы показать, что онъ дѣлаетъ это по искреннему убѣжденію, самозванецъ заявилъ, что приметъ только тогда Латинство, когда будутъ разъяснены нѣкоторыя изъ мучившихъ его сомнѣній. Въ дѣлѣ этомъ ему пришелъ на помощь Краковскій воевода Николай Зебжидовскій, сведшій его, по указанію Петра Скарги, съ двумя іезуитами—ксендзами Гродзицкимъ и Савицкимъ; оба ксендза имѣли нѣсколько преній съ Лжедимитріемъ о вѣрѣ и убѣдились, что онъ напитанъ аріанской ересью, воспринятой имъ, вѣроятно, въ Гощѣ.

Ловко ведя свою игру, Григорій не вдругъ сдался на увѣщанія іезуитовъ; потребовалось содѣйствіе Бернардинскихъ чернецовъ, послѣ чего онъ, наконецъ, выразилъ желаніе воспринять католицизмъ, но тайно, чтобы не смущать пріѣхавшихъ Москвичей.—Онъ исповѣдовался и причастился по Латинскому обряду въ Свѣтлое Воскресенье католической Пасхи, приходившейся на 8 апрѣля 1604 года. Ксендзъ Савицкій оставилъ любопытныя записки объ этой исповѣди Григорія, прибывшаго въ костелъ Святой Варвары съ паномъ Зебжидовскимъ подъ видомъ нищихъ, съ цѣлью не быть узнанными. На вопросъ іезуита, чтобы онъ открылъ передъ нимъ, какъ передъ Божьимъ служителемъ, всѣ свои тайные помыслы и разсказалъ о себѣ всю правду, Григорій смутился, но затѣмъ быстро пришелъ въ себя и сталъ увѣрять, что онъ истинный царевичъ.

Въ тотъ же день Отрепьевъ написалъ на Польскомъ языкѣ письмо папѣ Клименту; ошибки, которыя онъ въ немъ сдѣлалъ, послужили впослѣдствіи несомнѣннымъ доказательствомъ, что оно написано Русскимъ человѣкомъ. Въ этотъ письмѣ, переведенномъ на Латинскій языкъ ксендзомъ Савицкимъ, самозванецъ сообщаетъ папѣ свою радость по поводу перехода въ Латинство, проситъ оказывать ему свое покровительство и обѣщаетъ ввести унію въ Московскомъ Государствѣ, но говоритъ, что съ дѣломъ этимъ надо повременить, а пока онъ долженъ оставаться тайнымъ католикомъ. Письмо папѣ было лично вручено Лжедимитріемъ нунцію Рангони, къ которому онъ прибылъ, чтобы проститься и вмѣстѣ съ тѣмъ, тайно отъ Русской свиты, принять изъ его рукъ причастіе. Рангони съ великой радостью причастилъ его и совершилъ надъ нимъ миропомазаніе, послѣ чего подарилъ ему позолоченное изображеніе Агнца и 25 Венгерскихъ золотыхъ. Разстрига горячо благодарилъ нунція, упалъ на колѣни и хотѣлъ облобызать его ноги.

Передъ своимъ прибытіемъ къ Рангони, самозванецъ побывалъ и у короля, также чтобы проститься съ нимъ. Сигизмундъ принялъ его очень ласково и подарилъ золотую шейную цѣпь со своимъ изображеніемъ и нѣсколько кусковъ парчи на платье; касательно же денежнаго вспоможенія—сказалъ, что назначаетъ царевичу 4.000 золотыхъ ежегодно, которые будетъ выплачивать Мнишекъ изъ доходовъ Самборскаго имѣнія, и извинился, что пока не можетъ дать болѣе.

Послѣ этого, въ концѣ апрѣля, самозванецъ со своимъ будущимъ тестемъ возвратился въ Самборъ для окончательныхъ приготовленій къ походу въ Москву, на что ушло нѣсколько мѣсяцевъ.

Руку и сердце Марины онъ долженъ былъ получить только послѣ того, когда сядетъ на Московскомъ столѣ. Въ ожиданіи же этихъ радостныхъ событій, Григорій выдалъ 15 мая своему будущему тестю запись, по которой онъ обязывался жениться на его дочери, при условіи: 1) по вступленіи на престолъ выдать тотчасъ же Мнишку милліонъ Польскихъ золотыхъ для подъема въ Москву и уплаты долговъ, а Маринѣ прислать бриліанты и столовое серебро изъ Царской казны. 2) Отдать въ полное владѣніе Маринѣ Великій Новгородъ и Псковъ, со всѣми жителями, мѣстами и владѣніями, причемъ они остаются за Мариной, если она и не будетъ имѣть потомства отъ него. Марина вольна строить въ нихъ католическія церкви и монастыри, а равно держать при своемъ дворѣ Латинское духовенство, ибо Димитрій, какъ уже тайно перешедшій въ католичество, будетъ всѣми силами стараться привести свой народъ къ соединенію съ Римской церковью. 3) Если дѣла пойдутъ неудачно и Димитрій не достигнетъ престола въ теченіе года, то Марина можетъ взять свое слово назадъ, или ждать еще годъ.

22 іюня Лжедимитрій далъ другую запись, по которой уступалъ будущему тестю княжество Смоленское и Сѣверское въ потомственное владѣніе, но, въ виду того, что половину Смоленскаго княжества и шесть городовъ Сѣверскаго онъ обязался уже отдать королю, то вмѣсто этого Мнишекъ долженъ былъ получить, изъ близь лежащихъ областей, такое количество городовъ и земель, доходы съ которыхъ равнялись бы доходамъ съ областей, уступленныхъ самозванцемъ королю.

Такъ, продавъ вѣру отцовъ, продавалъ бѣглый монахъ Чудова монастыря пану Юрію Мнишку и Польскому королю—достояніе Русской Земли, собиравшееся вѣками стараніемъ Московскихъ Государей и потомъ и кровью ихъ подданныхъ.

Сигизмундъ, не будучи въ состояніи открыто выступить на помощь Лжедимитрію, но желая заручиться содѣйствіемъ наиболѣе вліятельныхъ пановъ, разослалъ имъ письма, въ которыхъ предлагалъ высказаться, какъ они смотрятъ на царевича и на тѣ выгоды, которыя получитъ Рѣчь Посполитая, оказывая ему содѣйствіе.

Отвѣты эти были большею частью неблагопріятны, причемъ самыми рѣшительными противниками самозванца выступили четверо знаменитѣйшихъ вельможъ: князья Збаражскій и Василій (Константинъ) Острожскій, гетманъ Жолкѣвскій и старый Янъ Замойскій; послѣдній открыто заявлялъ, что поддержку мнимаго царевича онъ считаетъ безчестнымъ и опаснымъ дѣломъ и настаивалъ, чтобы, во всякомъ случаѣ, рѣшеніе этого вопроса отложить до сейма, который долженъ былъ собраться въ январѣ 1605 года.

На засѣданіи же этого сейма, въ то время, когда Лжедимитрій уже находился въ предѣлахъ Московскаго Государства, Замойскій произнесъ,

обращаясь къ королю, рѣчь, полную благороднаго негодованія, въ которой онъ, между прочимъ, высказалъ: «Что касается Московскаго Государства, то въ прежнія времена оно внушало намъ большой страхъ. И теперь оно намъ внушаетъ его, но прежде мы гораздо болѣе боялись его, пока славной памяти король Стефанъ не усмирилъ Ивана Васильевича... Я совѣтовалъ бы вашему величеству не только не нарушать самымъ дѣломъ условій мира съ Москвою, но даже остерегаться давать поводъ подозрѣвать насъ въ этомъ...Что касается личности самого Димитрія, который выдаетъ себя за сына извѣстнаго намъ (Царя) Ивана, то объ этомъ я скажу слѣдующее: правда,что у Ивана было два сына, но тотъ, оставшійся, за котораго онъ выдаетъ себя, какъ было слышно, былъ убитъ. Онъ говоритъ, что вмѣсто него задушили кого-то другого: помилуй Богъ! Это комедія Плавта или Теренція, что-ли? *). Вѣроятное-ли дѣло: велѣть кого либо убить, а потомъ не посмотрѣть, тотъ ли убитъ, кого приказано убить, а не кто-либо другой! Если такъ, если приказано лишь убить, а затѣмъ никто не смотрѣлъ, дѣйствительно-ли убитъ и кто убитъ, то можно было подставить для этого козла или барана. Но и помимо Димитрія, если мы уже желаемъ возвести на Московскій престолъ Государя того же рода, есть другіе законные наслѣдники Московскаго княжества. Законными наслѣдниками этого княжества былъ родъ Владимірскихъ князей, по прекращеніи котораго, права наслѣдства переходятъ на родъ князей Шуйскихъ, что легко можно видѣть изъ Русскихъ лѣтописей»...

Еще болѣе рѣшительно, чѣмъ Янъ Замойскій, высказался противъ самозванца на сеймѣ великій канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга; онъ говорилъ, что не вѣритъ въ подлинность Димитрія, и настаивалъ, что поддержка его нарушаетъ договоръ съ Москвой, скрѣпленный клятвами. Имѣются, однако, данныя, что Левъ Сапѣга не былъ искрененъ въ своей рѣчи и тайно поддерживалъ названнаго царевича, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ.

Скоро въ Западной Европѣ появилось печатное произведеніе на Итальянскомъ языкѣ, тотчасъ же переведенное на Нѣмецкій, Латинскій, Французскій и Испанскій языки, въ коемъ приводился тотъ же разсказъ, который повторялъ и Отрепьевъ, о жизни царевича Димитрія и чудесномъ его спасеніи близкимъ ему благодѣтелемъ отъ руки убійцъ Бориса. Произведеніе это принадлежало перу нѣкоего Бареццо Барецци, за каковымъ именемъ скрывался нашъ старый знакомый—іезуитъ Антоній Поссевинъ, проживавшій въ то время въ Венеціи. «Четвертую бо часть всея вселенныя, всю Европію, въ два лѣта посланьми своими (Разстрига) прельсти; и папа же Римскій всему Западу о немъ восписа»...—говоритъ Авраамій Палицынъ.

Вѣсти о появленіи Лжедимитрія, конечно, ужаснули Бориса. Первымъ его дѣломъ было скрыть ихъ отъ народа, для чего, подъ предлогомъ

---

*) Знаменитые Римскіе писатели II вѣка до Р. Х.

предупредить занесеніе заразы изъ Литовскаго государства, по всѣмъ дорогамъ, шедшимъ изъ него, были устроены крѣпкія пограничныя заставы, съ цѣлью перехватывать всѣ идущія изъ Литвы вѣсти о самозванцѣ.

Мѣра эта, разумѣется, оказалась недѣйствительной. Слухи о появленіи царевича Димитрія проникали со всѣхъ сторонъ въ народъ, несмотря на то, что уличенныхъ въ ихъ распространеніи подвергали страшнымъ пыткамъ и обрекали на жестокую смерть вмѣстѣ со всѣми родными.

Донскіе казаки ограбили одного изъ родственниковъ Годунова и послали сказать Борису, что скоро будутъ въ Москвѣ съ законнымъ Царемъ. Въ началѣ 1604 года было перехвачено и доставлено Годунову письмо одного изъ жителей Нарвы, который сообщалъ въ Финляндію, что сынъ Грознаго чудесно избѣгъ смерти, воспитывался у казаковъ и теперь идетъ добывать отцовскій престолъ; «грамота эта принесла мало радостей Борису», примѣчаетъ одинъ изъ его доброхотовъ, проживавшій въ Москвѣ Нѣмецъ Конрадъ Буссовъ. 15 іюля 1604 года къ Годунову прибылъ посолъ императора Рудольфа, который по дружбѣ сообщалъ ему о появленіи самозванца и совѣтовалъ принять мѣры противъ него, такъ какъ названный царевичъ нашелъ уже сильную поддержку въ Польшѣ. Борисъ, разсказываетъ Исаакъ Масса, отвѣчалъ послу, что онъ «можетъ однимъ пальцемъ» уничтожить самозванца, но на самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе приходилъ въ ужасъ. Когда онъ тайкомъ посѣтилъ Московскую юродивую Елену, жившую въ какой-то землянкѣ, то она взяла обрубокъ дерева, позвала поповъ и велѣла имъ служить панихиду и кадить этому обрубку, что произвело на суевѣрнаго Царя удручающее впечатлѣніе. Въ это же время какъ разъ, начали ходить въ народѣ разсказы о разныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, а лѣтомъ на небѣ появилась огромная хвостатая звѣзда—комета, и астрологъ Бориса сказалъ ему, что кометы эти служатъ для остереженія государей: пусть онъ теперь внимательно смотритъ за тѣмъ, кому вѣритъ, и бережетъ границы отъ чужеземцевъ.

292. Антоній Поссевинъ въ изображеніи Польскаго художника Яна Матейки.

На бѣду Борисъ никому не могъ вѣрить и чувствовалъ себя совершенно одинокимъ; малодушіе, жестокость, подозрительность и другія

свойства его лишенной благородства души приносили теперь свои страшные плоды.

Послѣ разгрома семьи Романовыхъ, онъ успѣлъ оттолкнуть отъ себя и всѣ другія вліятельныя боярскія семьи въ Государствѣ.

«Шуйскіе, Бѣльскіе, Голицыны, Мстиславскіе и многіе другіе, поведеніе которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ было безукоризненно и не давало повода къ преслѣдованію, также нѣкоторые знатные люди—родственники Годуновыхъ—очень скромно жили въ своихъ имѣніяхъ и не несли никакой службы»... говоритъ Масса. Первое мѣсто въ Царской думѣ принадлежало князю Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому, скромному и незначительному человѣку; за нимъ слѣдовалъ умный и дѣятельный князь Василій Ивановичъ Шуйскій, покрившій своею душой, какъ мы видѣли, въ Углицкомъ дѣлѣ, чтобы показать свою преданность Борису. Но Борисъ не довѣрялъ имъ обоимъ и мучилъ ихъ своею подозрительностью, почему каждый изъ нихъ долженъ былъ постоянно ожидать опалы; при этомъ, какъ Мстиславскому, такъ и Шуйскому, Годуновъ запретилъ жениться, чтобы не возбуждать въ нихъ, въ случаѣ появленія дѣтей, честолюбивыхъ замысловъ въ пользу послѣднихъ. За Мстиславскимъ и Шуйскимъ слѣдовалъ по значенію князь Василій Васильевичъ Голицынъ, ведшій свой родъ отъ Гедимина; это былъ человѣкъ очень умный и способный, но неразборчивый въ средствахъ; онъ также всѣми силами своей души ненавидѣлъ Годунова.

Темные пути, которыми достигъ Борисъ престола, недостойный нравственный обликъ патріарха Іова и чрезмѣрное развитіе доносовъ, въ связи съ ужасами пережитаго голода и мора, оказали, какъ мы уже говорили, самое развращающее вліяніе и на все населеніе. У каждаго въ сердцѣ было сомнѣніе насчетъ истинныхъ правъ Бориса на Царство, что, конечно, влекло за собой упадокъ любви къ Государю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любви къ Родинѣ, такъ какъ оба эти чувства неразрывно связаны между собой въ сердцахъ Русскихъ людей; многіе стали думать только о своихъ личныхъ выгодахъ.

«Во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія», говоритъ Буссовъ, «никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товаровъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты больше жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятое, и сверхъ того бралъ по четыре процента въ недѣлю; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, то пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и развратѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ».

Такъ-же отзывается про обитателей Московскаго Государства того времени и келарь Троицко-Сергіевой лавры Авраамій Палицынъ: «впали

мы въ объяденіе и въ пьянство великое, въ блудъ и въ лихвы, и въ неправды, и во всякія злыя дѣла»...

Повидимому, Борисъ былъ своевременно освѣдомленъ, что подъ именемъ Димитрія скрывается Отрепьевъ. При этомъ онъ считалъ, что появленіе самозванца—дѣло рукъ бояръ, и открыто высказалъ имъ это, но указать опредѣленно на кого-либо изъ нихъ онъ совершенно не могъ *).

Годуновъ приказалъ также привести въ Москву, въ Новодѣвичій монастырь, мать покойнаго Димитрія, бывшую Царицу Марію Нагую—инокиню Марѳу и спрашивалъ ее вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ, а затѣмъ и со своей женой, живъ ли ея сынъ или нѣтъ. На это инокиня Марѳа будто бы отвѣчала, что она точно сама не знаетъ; тогда Царица Марія Григорьева, какъ истая дочь Малюты Скуратова, схватила горящую свѣчу и хотѣла выжечь старицѣ глаза.

Чтобы окончательно удостовѣриться въ личности самозванца, Борисъ послалъ въ Литву гонцомъ ко Льву Сапѣгѣ родного дядю Григорія—Смирного-Отрепьева съ грамотой о пограничныхъ дѣлахъ и поручилъ ему повидаться съ племянникомъ, чтобы уличить его. Но Сапѣга отклонилъ всѣ требованія Смирного-Отрепьева имѣть очную ставку съ Лжедимитріемъ, подъ предлогомъ, что онъ не можетъ рѣшить это безъ сейма. На сеймъ, въ засѣданіи котораго была произнесена приведенная нами рѣчь Яна Замойскаго, прибылъ посолъ Бориса Постникъ-Огаревъ и отъ имени Царя прямо требовалъ у короля казни или выдачи Григорія, но Левъ Сапѣга отвѣчалъ Постнику-Огареву, что король не думаетъ нарушать перемирія, а названному царевичу помогаютъ только частныя лица и казаки, причемъ въ настоящее время онъ уже за предѣлами Польско-Литовскаго государства.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ Іовъ и князь Василій Ивановичъ Шуйскій уговаривали народъ не вѣрить появленію царевича, который погибъ въ Угличѣ, и указывали, что его имя принялъ на себя воръ-разстрига—Гришка Отрепьевъ.

---

*) И въ настоящее время существуетъ у нѣкоторыхъ историковъ взглядъ, что самозванецъ былъ выдвинутъ боярской партіей. Но самое тщательное изслѣдованіе всѣхъ дошедшихъ до насъ обстоятельствъ того времени не даетъ никакихъ данныхъ, чтобы хотя чѣмъ-нибудь подтвердить это предположеніе; мы видѣли, что Григорій жилъ до 14 лѣтъ у бояръ Романовыхъ, а затѣмъ постригся еще при жизни Царя Ѳеодора Іоанновича, когда никто не могъ знать, долго ли будетъ царствовать послѣдній и кто займетъ послѣ него Московскій престолъ. Затѣмъ, мы видѣли, черезъ какія мытарства прошелъ Григорій, пока онъ не попалъ, наконецъ, послѣ долгихъ скитаній къ Адаму Вишневецкому. Все это показываетъ, что онъ едва ли имѣлъ существенную поддержку въ комъ-либо среди вліятельныхъ лицъ Московскаго Государства; вмѣстѣ съ тѣмъ, это не исключаетъ полной возможности предположенія, что на самозванство его натолкнули разговоры, которые онъ съ дѣтства слышалъ о своемъ сходствѣ съ Димитріемъ, а также и предположенія, что онъ нашелъ усердныхъ сообщниковъ среди нѣкоторыхъ монаховъ. Самъ Лжедимитрій называлъ только одного дьяка Василія Щелкалова, который будто-бы покровительствовалъ ему.

Вслѣдъ затѣмъ, въ январѣ 1605 года, патріархъ Іовъ сталъ разсылать по областямъ длиннѣйшія грамоты. Онъ приказывалъ въ нихъ духовенству ежедневно пѣть молебны, чтобы Господь отвратилъ свой праведный гнѣвъ отъ Россійскаго Государства и избавилъ его отъ разоренія, которое ему несутъ Литовскіе люди и Гришка Отрепьевъ; въ грамотахъ этихъ подробно разсказывалось бѣгство Григорія изъ Чудова монастыря, путешествіе съ Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ и дальнѣйшія его приключенія; въ концѣ концовъ онъ предавался проклятію. Но народъ мало вѣрилъ писаніямъ Іова и съ жадностью читалъ распространявшіяся во множествѣ подметныя грамоты Лжедимитрія, который отправилъ и самому Годунову укоризненное письмо съ убѣжденіемъ покаяться въ своемъ преступленіи и просить у него прощенія. «Жаль намъ», писалъ Лжедимитрій Борису, «что ты душу свою, по образу Божію сотворенную, такъ осквернилъ и въ упорствѣ своемъ гибель ей готовишь: развѣ не знаешь, что ты смертный человѣкъ? Надобно было тебѣ, Борисъ, удовольствоваться тѣмъ, что Господь Богъ далъ; но ты въ противность волѣ Божіей, будучи нашимъ подданнымъ, укралъ у насъ Государство съ дьявольской помощью . . . . мы были тебѣ препятствіемъ къ достиженію престола, и вотъ, изгубивши вельможъ, началъ ты острить ножъ и на насъ, подговорилъ дьяка нашего Михайлу Битяговскаго и 12 спальниковъ съ Никитою Качаловымъ и Осипомъ Волоховымъ, чтобы насъ убили; ты думалъ, что заодно съ ними былъ и докторъ нашъ Симеонъ *), но по его старанію мы спасены были отъ смерти, тобой намъ приготовленной. Брату нашему ты сказалъ, что мы сами зарѣзались въ припадкѣ падучей болѣзни; ты знаешь, какъ братъ нашъ горевалъ объ этомъ... Опомнись и злостью своей не побуждай насъ къ большему гнѣву; отдай намъ наше, и мы тебѣ, для Бога, отпустимъ всѣ твои вины и мѣсто тебѣ спокойное назначимъ: лучше тебѣ на этомъ свѣтѣ что нибудь претерпѣть, чѣмъ въ аду вѣчно горѣть за столько душъ, тобой погубленныхъ».

Письмо это было написано въ то время, когда Лжедимитрій находился уже въ предѣлахъ Московскаго Государства, куда онъ выступилъ изъ Самбора въ половинѣ августа 1604 года. Всего у него было собрано около трехъ тысячъ человѣкъ; одна половина ихъ состояла изъ разныхъ Польскихъ искателей приключеній, избравшихъ себѣ гетманомъ Юрія Мнишка, а другая—изъ казаковъ. Конечно, было бы нелѣпо и смѣшно идти завоевывать съ такими ничтожными силами Московское Государство, если бы Лжедимитрій и его сообщники не принимали въ расчетъ глубокое недовольство, господствовавшее противъ Бориса среди его подданныхъ, въ особенности-же въ Сѣверской Украинѣ, а также и между казаками.

---

*) Ни о какомъ врачѣ Симеонѣ ни въ одномъ изъ современныхъ письменныхъ памятниковъ не упоминается, чтобы онъ состоялъ при царевичѣ Димитріи. Очевидно, если бы онъ былъ, а затѣмъ исчезъ, то его хватились бы и стали разыскивать.

Расчетъ этотъ оказался вѣренъ. Уже въ концѣ августа къ самозванцу прибыло посольство отъ Донскихъ казаковъ и привезло въ оковахъ дворянина Петра Хрущова, котораго послалъ Борисъ на Донъ, чтобы вербовать этихъ самыхъ казаковъ противъ самозванца.

При поѣздкѣ Хрущова на Донъ его встрѣтили по пути бояре Петръ Шереметевъ и Михаилъ Салтыковъ, посланные Годуновымъ съ войсками въ Ливны, подъ предлогомъ преградить нашествіе Крымцевъ, которые сказали ему: «трудно воевать противъ природнаго Государя». Хрущовъ же, какъ только былъ приведенъ къ самозванцу, такъ тотчасъ же палъ ему въ ноги и призналъ его истиннымъ царевичемъ.

Для наступленія къ Москвѣ Лжедимитрій отказался отъ обычной дороги изъ Литвы на Оршу, Смоленскъ и Вязьму, а рѣшилъ слѣдовать въ болѣе южномъ направленіи—черезъ Сѣверскую Украину, что давало ему выгоды двигаться по странѣ съ благопріятствующимъ ему населеніемъ и не терять связи съ обитателями Поля—Запорожцами и Донцами. Его небольшое войско выступило по нѣсколькимъ дорогамъ къ Днѣпру и подошло къ нему въ началѣ октября; слѣдомъ за нимъ шло и войско князя Януша Острожскаго, повидимому, съ намѣреніемъ помѣшать самозванцу перейти Днѣпръ, но Юрій Мнишекъ уговорилъ Януша не препятствовать этому. Григорія сопровождали, по выраженному самимъ имъ желанію, два іезуита—ксендзы Николай Чижовскій и Андрей Лавицкій.

Послѣ трехдневнаго отдыха въ Кіевѣ, Лжедимитрій перешелъ Днѣпръ у Вышгорода. Вслѣдъ за этой переправой тотчасъ же начала подниматься и Сѣверская Украина. Еще не достигнувъ Московскаго рубежа, онъ получилъ радостную для себя вѣсть, что пригородъ Чернигова—Моравскъ сдался ему безъ боя. Слыша о приближеніи «Царя и великаго князя Димитрія Ивановича», жители Моравска, послѣ нѣкоторыхъ размышленій, вмѣстѣ съ казаками и стрѣльцами перевязали своихъ воеводъ и выдали ихъ передовымъ войскамъ самозванца. Черезъ недѣлю то же самое повторилось и въ Черниговѣ. Но у Новгорода-Сѣверскаго Лжедимитрія ждала неудача. Сюда успѣлъ подойти довѣренный воевода Бориса Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ съ приведенными имъ Московскими стрѣльцами. Когда Поляки потребовали сдачи города, то имъ отвѣчали изъ него крупной бранью, а затѣмъ отбили ихъ приступъ.

Эта неудача очень раздражила самозванца, и онъ сталъ укорять Поляковъ въ недостаткѣ храбрости; они разсердились и совсѣмъ уже хотѣли его покинуть, но, въ это время какъ разъ, была получена вѣсть чрезвычайнаго значенія, а именно, что Царскій воевода—князь Василій Рубецъ-Масальскій сдалъ войскамъ самозванца городъ Путивль, самый важный изъ городовъ въ Сѣверской Украинѣ. Скоро по примѣру Путивля стали передаваться и остальные города этой Украины: Рыльскъ, Сѣвскъ съ своимъ уѣздомъ—Комарницкой волостью, Курскъ и Кромы; въ то же время дѣлу самозванца сильно помогали и казачьи отряды, шедшіе ему на помощь по «Крымской дорогѣ» и заставившіе перейти на его сторону города—

Бѣлгородъ, Одоевъ, Ливны и другіе. Такимъ образомъ, онъ сталъ обладателемъ огромнаго пространства по Деснѣ, Сейму, Донцу и по верхней Окѣ.

Одинъ только Новгородъ-Сѣверскій продолжалъ крѣпко держаться, гдѣ положеніе Басманова начинало становиться тяжелымъ; несмотря, однако, на это, стоявшій у Брянска воевода князь Димитрій Шуйскій, мужъ Царицыной сестры—Екатерины Григорьевны—не шелъ ему на помощь, а просилъ Бориса усилить его войска. Въ виду этого, Царь приказалъ собираться новой рати у Калуги, но долженъ былъ сознаться въ своемъ приговорѣ о ея наборѣ, что «войска очень оскудѣли; одни прельщенные воромъ передались ему; многіе казаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись; многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчины, службы не служатъ ни сами, ни дѣти, ни холопы, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели Царства и Святой церкви».

Начальствованіе надъ собранной ратью, считавшей въ своихъ рядахъ до 50.000 воиновъ, было ввѣрено малоспособному и вялому князю Ѳ. И. Мстиславскому. 21 декабря подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ онъ вступилъ въ бой съ войсками самозванца, у котораго не было и 15.000 человѣкъ. Отсутствіе воодушевленія въ Московскихъ войскахъ и неспособность ихъ главнаго вождя дало побѣду въ руки Лжедимитрія; какъ только онъ ударилъ на Царское войско, оно сейчасъ же дрогнуло; самъ Мстиславскій былъ сбитъ съ лошади и получилъ нѣсколько ранъ. «Казалось у Россіянъ», говоритъ Маржеретъ, «не было рукъ для сѣчи, хотя число ихъ простиралось отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ»... Если бы у самозванца или у его воеводъ было бы побольше искусства въ военномъ дѣлѣ, то онъ могъ бы совершенно разгромить воинство Годунова, которое отступило безъ особенно важныхъ потерь. Тѣмъ не менѣе смятеніе Московскихъ воеводъ было такъ велико, что они не послали Борису донесенія объ этомъ сраженіи, и онъ узналъ про него стороною.

Несмотря на столь постыдное пораженіе, Годуновъ выразилъ раненому Мстиславскому свою особую благодарность за пролитую имъ кровь и приказалъ «ударить ему челомъ»; воеводамъ—князю Димитрію Шуйскому и другимъ—были посланы также поклоны, лишь съ легкимъ замѣчаніемъ, зачѣмъ они не донесли въ Москву о сраженіи; у всего же войска, точно послѣ одержанной блистательной побѣды, Борисъ отъ имени своего и сына—велѣлъ спросить о здоровьѣ. Эти неожиданныя и незаслуженныя милости ясно показывали всѣмъ, въ какомъ жалкомъ состояніи пребывалъ въ это время Годуновъ.

У самозванца, несмотря на одержанную побѣду, дѣла также шли плохо; наступило ненастье, потомъ морозы, и избалованные Поляки начали громко роптать на невзгоды и требовать отъ Лжедимитрія денегъ; онъ роздалъ, что могъ, ѣздилъ отъ одного Польскаго отряда къ другому, умоляя ихъ остаться, билъ имъ челомъ до земли и «падалъ крыжемъ» (крестомъ), но

его мало слушали. «Дай Богъ, чтобы тебя посадили на колъ», крикнулъ ему одинъ Полякъ. Названный царевичъ далъ ему за это въ зубы, но Польское рыцарство не унялось и стащило съ него соболью шубу. Въ это же время и Мнишекъ получилъ извѣстіе отъ Льва Сапѣги, что въ Польшѣ смотрятъ очень дурно на его затѣю, и совѣтовалъ ему возвратиться. Тогда Мнишекъ, подъ предлогомъ необходимости присутствовать на сеймѣ, покинулъ своего будущаго зятя; съ нимъ вмѣстѣ ушло и много Поляковъ, такъ что при самозванцѣ ихъ осталось не болѣе 1.500 человѣкъ. Скоро, однако, убыль въ Полякахъ была съ лихвой возмѣщена прибытіемъ 12.000 Запорожцевъ, изъ коихъ было 8.000 конныхъ, привезшихъ съ собой 12 исправныхъ пушекъ.

Басмановъ, тѣмъ не менѣе, крѣпко держался, и Лжедимитрій вынужденъ былъ снять осаду Новгорода-Сѣверскаго и отойти на отдыхъ въ богатую Комарницкую волость, расположившись самъ въ украинскомъ городѣ Сѣвскѣ.

Тогда Басмановъ былъ вызванъ въ Москву, гдѣ Борисъ устроилъ ему торжественный въѣздъ и осыпалъ чрезвычайными милостями; въ помощь же больному Мстиславскому былъ посланъ съ подкрѣпленіями, которыя должны были довести Московскую рать до 60.000, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, человѣкъ, какъ мы говорили, умный и дѣятельный, но военными дарованіями никогда не отличавшійся.

21 января 1605 года, на разсвѣтѣ, послѣдовала новая встрѣча Царской рати съ войсками самозванца у деревни Добрыничи близъ Сѣвска. Лжедимитрій самъ распоряжался боемъ и двинулъ впередъ Польскую конницу; однако, она разбилась о стойкость Московскихъ стрѣльцовъ, встрѣтившихъ Польскихъ всадниковъ залпами изъ ружей изъ-за саней съ сѣномъ, и сраженіе окончилось полнымъ разгромомъ войскъ самозванца; онъ потерялъ почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ, 13 орудій и оставилъ на мѣстѣ битвы 6.000 убитыхъ, кромѣ плѣнныхъ. Спасаясь съ трудомъ отъ преслѣдованія, Лжедимитрій бѣжалъ сперва въ Сѣвскъ, а затѣмъ и въ Путивль, гдѣ заперся.

Побѣда при Добрыничахъ чрезвычайно обрадовала Годунова: Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, привезшій извѣстіе о ней въ Москву, былъ пожалованъ въ окольничьи, войскамъ было роздано до 80.000 рублей, а воеводамъ были посланы золотые (медали), и Борисъ писалъ имъ, что готовъ раздѣлить съ ними свою послѣднюю рубашку.

Послѣ разгрома при Добрыничахъ предпріятіе Лжедимитрія казалось не имѣло болѣе данныхъ на успѣхъ, и самъ онъ рѣшилъ искать спасенія въ Польшѣ. Но вышло иначе. Среди Русскихъ было уже большое количество людей, которые связали свою судьбу съ судьбой самозванца, и уходъ его въ Польшу грозилъ имъ гибелью отъ руки Годунова. Поэтому они удержали Разстригу въ Путивлѣ, грозя ему, что могутъ его живымъ выдать Годунову и тѣмъ обѣлить себя передъ послѣднимъ. Скоро къ Лжедимитрію прибыло 4.000 казаковъ съ Дона, и онъ быстро сталъ опра-

вляться отъ пораженія при Добрыничахъ. Путивль же принялъ видъ многолюдной столицы. Чтобы убѣдить народъ въ свой приверженности къ Православію, несмотря на присутствіе въ станѣ Поляковъ, Григорій приказалъ поднять изъ Курска чудотворную икону Божіей Матери и по прибытіи встрѣтилъ ее съ большимъ торжествомъ, а затѣмъ, на глазахъ у всѣхъ, ежедневно жарко молился ей.

«Димитрій находилъ, по его словамъ», читаемъ мы въ современномъ «Сказаніи», знаменитаго Французскаго государственнаго мужа, президента де-Ту, написавшаго свое произведеніе на основаніи источниковъ, которые онъ считалъ вполнѣ достовѣрными,—«сильнѣйшую опору въ своей совѣсти: онъ молился усердно, такъ чтобы всѣ его слышали, и, воздѣвъ руки, обративъ глаза къ небу, восклицалъ: «Боже Правосудный! Порази, сокруши меня громомъ небеснымъ, если обнажаю мечъ неправедно, своекорыстно, нечестиво; но пощади кровь христіанскую! Ты зришь мою невинность; пособи мнѣ въ дѣлѣ правомъ! Ты же, Царица Небесная! Будь покровомъ мнѣ и моему воинству».

Кромѣ того, чтобы показать всѣмъ, что царевичъ вовсе не Отрепьевъ, въ Путивлѣ же появилась какая-то невыясненная до сихъ поръ личность, которая выдавала себя за настоящаго Григорія Отрепьева.

Пребываніе самозванца въ Путивлѣ продолжалось до весны 1605 года; онъ дѣятельно занимался устройствомъ своихъ войскъ, а также разсылалъ во множествѣ грамоты къ Русскимъ людямъ, убѣждая ихъ служить ему, какъ своему законному Государю; на этотъ призывъ откликнулись многіе, и подъ его знаменами собиралось все болѣе и болѣе народа. Тѣмъ временемъ Борисъ подослалъ въ Путивль своихъ людей къ Лжедимитрію съ отравой, но это открылось, и два заговорщика были разстрѣляны жителями.

Изъ Путивля самозванецъ написалъ нѣсколько писемъ къ Рангони, въ которыхъ онъ хвастливо описывалъ свои успѣхи. Въ Путивлѣ же, въ своихъ бесѣдахъ съ двумя бывшими при немъ іезуитами, онъ постоянно разсказывалъ о своихъ будущихъ преобразованіяхъ въ Московскомъ Государствѣ и однажды объявилъ имъ, что желаетъ учиться у нихъ Латинскому языку, философіи и риторикѣ. Но занятія эти продолжались всего три дня.

Между тѣмъ, воеводы Бориса послѣ своей побѣды при Добрыничахъ бездѣйствовали. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать разбитаго самозванца, они пошли осаждать Рыльскъ, а затѣмъ при появленіи одного только ложнаго слуха, пущеннаго Поляками, что имъ на помощь идетъ королевскій гетманъ Жолкѣвскій, тотчасъ же отошли и отъ Рыльска и расположились въ Комарницкой волости, которую стали жестоко опустошать, мстя жителямъ за приверженность къ Лжедимитрію, что еще болѣе озлобило послѣднихъ противъ Бориса. Видя бездѣятельность своихъ воеводъ, Годуновъ, наконецъ, разсердился и послалъ имъ сказать, что они ведутъ свое дѣло нерадиво: столько рати побили, а Гришку не поймали. Тогда бояре и войско, уже привыкшіе къ заискиванію со стороны Царя, тотчасъ же

оскорбились и «съ той поры», говоритъ лѣтописецъ, «многіе начали думать, какъ бы Царя Бориса избыть и служить окаянному Гришкѣ».

Получивъ выговоръ Годунова, воеводы Мстиславскій и Шуйскій двинулись на помощь Ѳеодору Ивановичу Шереметеву, безуспѣшно осаждавшему ничтожный городъ Кромы, занятый маленькимъ отрядомъ самозванца, причемъ въ Кромы успѣлъ, несмотря на осаду, проникнуть Донской атаманъ Корела. Съ прибытіемъ, въ мартѣ 1605 года, Московской рати Мстиславскаго и Шуйскаго, осада Кромъ нѣсколько подвинулась, но взять его деревянный кремль Царскія войска все же не смогли, конечно, въ виду полнаго нежеланія воиновъ вести настоящую борьбу. «Соединенныя войска», говоритъ про нихъ Маржеретъ, «остановились при семъ городѣ (Кромахъ) и занимались дѣлами, достойными одного смѣха». Скоро осаждающіе и осажденные стали обмѣниваться другъ съ другомъ вѣстями, посылая записочки, прикрѣпленныя къ стрѣламъ, а одинъ изъ Царскихъ воеводъ, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, не спросясь главныхъ начальниковъ, приказалъ отступить своимъ ратникамъ, занявшимъ городской валъ. Конечно, это была уже прямая измѣна; но ни Мстиславскій, ни Шуйскій не покарали за это Салтыкова и не отрѣшили его отъ начальствованія.

Такъ бездѣятельно и безславно шла осада Кромъ. Вскорѣ наступила весенняя оттепель, и въ Царскихъ войскахъ появились болѣзни и распространилось уныніе. Казаки же, вырывъ себѣ норы подъ самымъ городскимъ валомъ, вновь занятымъ Московскими ратниками, и имѣя съ собой запасы продовольствія и водки, бодро выдерживали осаду; они дѣлали иногда удачныя вылазки и глумились надъ безпомощностью осаждающихъ.

При такихъ отношеніяхъ къ себѣ со стороны своихъ ближайшихъ сподвижниковъ и войскъ, положеніе Бориса стало, конечно, отчаяннымъ, и правъ лѣтописецъ, говоря, что онъ палъ вслѣдствіе «негодованія чиноначальниковъ Русской Земли». Къ тому же онъ и самъ надѣлалъ рядъ промаховъ: вмѣсто того, чтобы послать дѣятельнаго Басманова начальствовать надъ войсками, онъ чествовалъ его въ Москвѣ и обѣщалъ за уничтоженіе самозванца— выдать за него дочь свою Ксенію, вмѣстѣ съ царствами Астраханскимъ и Казанскимъ, чему Басмановъ не могъ особенно довѣрять, такъ какъ такая же награда была обѣщана и Мстиславскому, когда его посылали противъ Лжедимитрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Борисъ продолжалъ дѣятельно прислушиваться ко всѣмъ доносамъ и разсылалъ приказанія о пыткахъ и тайныхъ казняхъ подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ лицъ. Такъ, получивъ вѣсть о шатости жителей Смоленска, Годуновъ послалъ выговоръ его воеводамъ, зачѣмъ они совѣстятся пытать людей духовнаго званія: «Вы это дѣлаете не гораздо, что такія дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у дьякона некому снять скуфьи, и затѣмъ его не пытали; вамъ бы велѣть пытать накрѣпко и огнемъ жечь».

Дьяка Смирнова-Васильева, не исполнившаго въ свое время Царскій приказъ о ссылкѣ въ Соловки чернеца Григорія, Борисъ также извелъ:

онъ приказалъ провѣрить дворцовую казну, находившуюся въ вѣдѣніи Смирнова-Васильева, и при этой провѣркѣ оказался большой недочетъ; тогда несчастный дьякъ былъ выставленъ на правежъ до уплаты имъ недостающаго и его забили при этомъ на смерть.

Подозрительность и мстительность Царя не оставила въ покоѣ и узника далекаго Сійскаго монастыря—Филарета Никитича Романова. До него тоже, безъ сомнѣнія, дошли слухи объ успѣхахъ Лжедимитрія, и онъ сталъ обнаруживать при этомъ понятную радость, въ надеждѣ на вѣроятное облегченіе участи и на возможность свидѣться съ горячо любимой семьей; какъ страстный охотникъ, Филаретъ Никитичъ началъ вспоминать при этомъ

293. Филаретъ Никитичъ и его соглядатаи.

Рисунокъ художника Рѣпина изъ книги: „Великокняжеская и Царская охота на Руси" Н Кутепова.

и про своихъ ловчихъ птицъ и собакъ. Всѣ эти разговоры тщательно записывались приставленными къ нему для наушничества старцами и доводились до свѣдѣнія Бориса; послѣдній, въ мартѣ 1605 года, выговаривая игумену Сійскаго монастыря Іонѣ за послабленіе, оказываемое Филарету Никитичу, сообщалъ между прочимъ: «Писалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что разсказывали ему старецъ Иринархъ и старецъ Леонидъ: 3 февраля ночью старецъ Филаретъ старца Иринарха бранилъ, съ посохомъ къ нему прискакивалъ, изъ кельи его выслалъ вонъ и въ келью ему къ себѣ и за собою ходить никуда не велѣлъ; а живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицъ ловчихъ и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцамъ жестокъ, старцы приходятъ къ Воейкову на старца Филарета всегда

съ жалобой, бранитъ онъ ихъ и бить хочетъ и говоритъ имъ: «увидите, каковъ я впередъ буду»... И ты бы старцу Филарету велѣлъ жить съ собой въ кельѣ, да у него велѣлъ жить старцу Леониду и къ церкви старцу Филарету велѣлъ ходить вмѣстѣ съ собой... А незнакомыхъ людей ты бы къ себѣ не пускалъ, и нигдѣ бы старецъ Филаретъ съ прохожими людьми не сходился».

Невыносимо тревожное состояніе, въ которомъ находился Годуновъ, совершенно неожиданно закончилось 13 апрѣля того же 1605 года. Когда Царь всталъ изъ-за стола, то кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа; онъ умеръ черезъ два часа, принявъ постриженіе подъ именемъ Боголѣпа; молва приписывала его смерть яду, имъ же самимъ приготовленному.

Внезапная смерть Царя Бориса, разумѣется, самымъ кореннымъ образомъ мѣняла положеніе дѣлъ. Хотя Москва спокойно присягнула его шестнадцатилѣтнему сыну Ѳеодору, а также Царицѣ Маріи Григорьевнѣ и царевнѣ Ксеніи, но тутъ же во время присяги слышались уже голоса: «Не долго царствовать Борисовымъ дѣтямъ! Вотъ Димитрій Ивановичъ придетъ на Москву»...

294. Печать царевича Ѳеодора Борисовича.

Эта печать приложена къ грамотѣ 1604 года, хранящейся въ императорско-королевскомъ архивѣ въ Вѣнѣ.

Юный Царь Ѳеодоръ, по отзыву современниковъ, «хотя былъ и молодъ, но смысломъ и разумомъ превосходилъ многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому естественнословію». Къ великому его несчастью, не это было нужно въ данное время. Необходимы были вѣрные, преданные слуги, а ихъ-то и не было. Вся надежда молодого Царя и его матери сосредоточилась на Петрѣ Басмановѣ, котораго они отправили 17 апрѣля съ княземъ Катыревымъ-Ростовскимъ принять начальство надъ ратью, стоявшей у Кромъ, отозвавши прежнихъ воеводъ Мстиславскаго и Шуйскаго.

Къ Кромамъ же былъ посланъ и Новгородскій митрополитъ Исидоръ для привода войскъ къ присягѣ. Но оставшіеся въ Кромахъ военачальниками братья Голицыны, Василій и Иванъ Васильевичи, а также Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и представители крупныхъ служилыхъ людей Рязанской Земли—братья Ляпуновы,—рѣшили уже перейти на сторону Лжедимитрія. Къ нимъ не замедлилъ примкнуть и послѣдняя надежда семьи Годуновыхъ—Басмановъ, какъ только онъ убѣдился, что дѣло ихъ безнадежно проиграно.

Поводомъ для открытаго перехода на сторону самозванца послужило приближеніе къ Кромамъ высланнаго Лжедимитріемъ небольшого отряда, подъ начальствомъ Поляка Запорскаго, который пустилъ слухъ, что за нимъ

*

295. Карта Россіи, составленная по чертежу царевича Θеодора Борисовича Годунова Нѣмецкимъ географомъ Герардомъ и изданная послѣднимъ въ 1614 году.

двигается сорокатысячная рать. Первымъ перешелъ на сторону Лжедимитрія—начальникъ иноземнаго Царскаго отряда—Лифляндецъ фонъ-Розенъ. Затѣмъ Басмановъ громко объявилъ войскамъ, что надо переходить на службу своему прирожденному государю Димитрію Ивановичу.

Василій же Васильевичъ Голицынъ поступилъ менѣе откровенно; онъ сказалъ Басманову: «Я присягалъ Борисову сыну; совѣсть зазритъ переходить по доброй волѣ къ Димитрію Ивановичу; а вы меня свяжите и ведите, какъ будто неволею».

Объявленіе Басманова о переходѣ на сторону самозванца произвело въ войскахъ большой переполохъ, тѣмъ болѣе, что атаманъ Корела сдѣлалъ въ это время вылазку изъ Кромъ на лагерь Москвитянъ. «Было такое смятенье», говоритъ Масса, «что, казалось, земля и небо преходятъ... Одинъ кричалъ: да здравствуетъ Димитрій, другой—да здравствуетъ Царь Ѳеодоръ Борисовичъ, третій, никого не называя, говорилъ: я перейду къ тому, кто возьметъ Москву». Самая большая часть войска передалась Димитрію; остальные разбѣжались въ разныя стороны. Оставшіеся вѣрными Царю Ѳеодору Борисовичу князья Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій также бѣжали въ Москву. Басмановъ же, Голицынъ, Салтыковъ, Шереметевъ и другіе воеводы, перешедшіе на сторону Лжедимитрія, послали ему повинную. Тогда Григорій прибылъ самолично 24 мая къ Кромамъ, гдѣ обѣщалъ всѣмъ свои милости; однако, не довѣряя вполнѣ только что передавшейся ему рати, онъ распустилъ большую часть ея по домамъ.

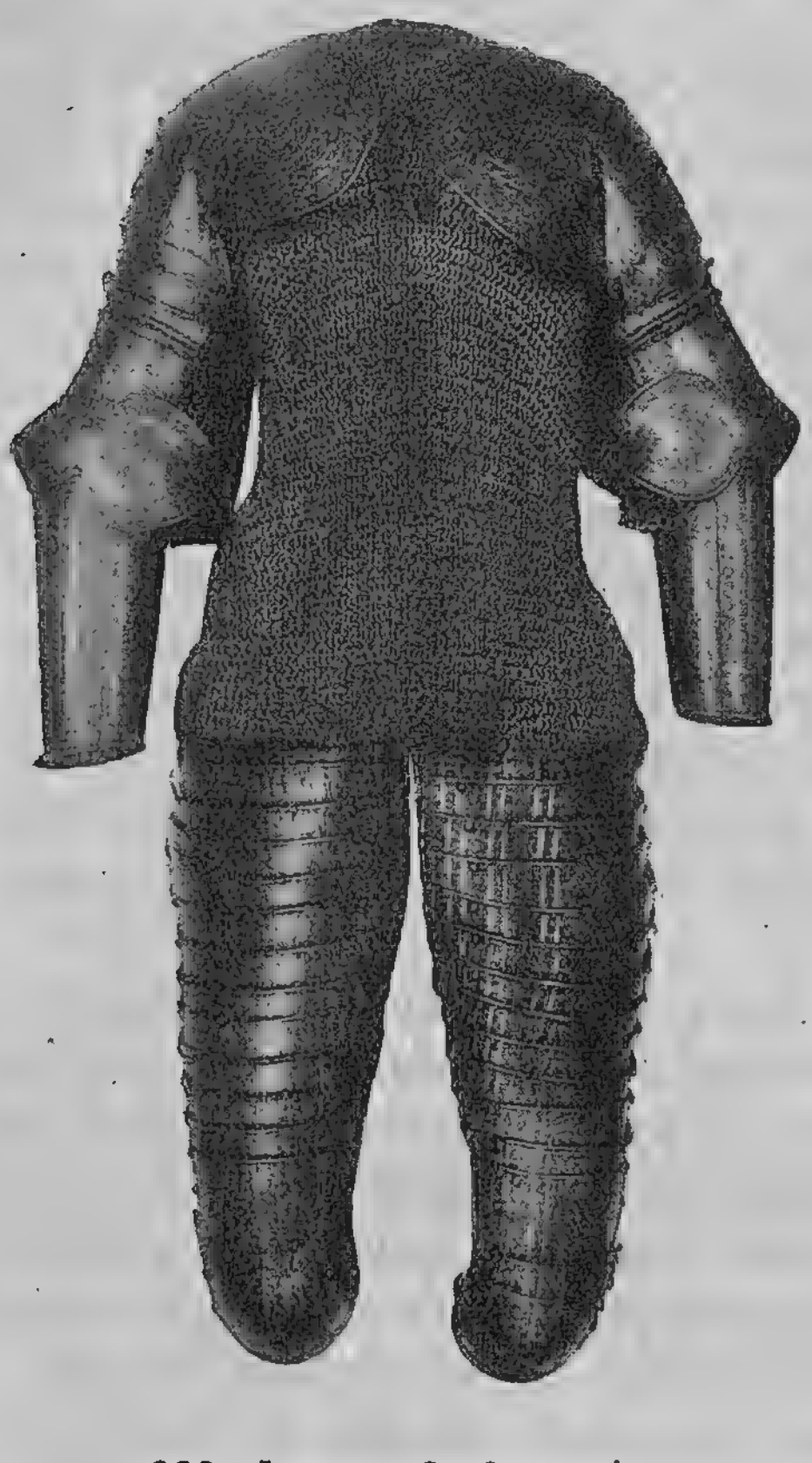
Затѣмъ Лжедимитрій двинулся далѣе на Москву черезъ Орелъ и Тулу, всюду встрѣчаемый хлѣбомъ-солью и изъявленіемъ покорности. Населеніе съ любопытствомъ сбѣгалось со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на своего истиннаго Царя, чудесно спасшагося отъ козней Годунова. Подъ Тулой, гдѣ Лжедимитрій остановился на нѣкоторое время, былъ разбитъ тотъ же великолѣпный шатеръ, въ которомъ располагался семь лѣтъ тому назадъ Борисъ во время своего знаменитаго Серпуховскаго похода.

Съ пути новый Царь безпрерывно посылалъ гонцовъ съ грамотами въ Москву, призывая ея жителей изъявить ему покорность; хотя гонцовъ этихъ Годуновы и перехватывали, а затѣмъ и вѣшали, но тѣмъ не менѣе страшная потерянность царила въ столицѣ.

30 мая разнесся слухъ, что Царь Димитрій уже подходитъ къ Москвѣ; множество людей стало тотчасъ же заготовлять хлѣбъ-соль, чтобы встрѣтить ими своего истиннаго Государя; слухъ оказался ложнымъ, но поведеніе гражданъ привело Годуновыхъ въ ужасъ и на слѣдующій день они начали ставить пушки на кремлевскія стѣны при громкихъ насмѣшкахъ толпы.

Между тѣмъ, 1 іюня подъ Москву прибыли новые гонцы Лжедимитрія—дворяне Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ. Они остановились сперва въ пригородномъ Красномъ селѣ, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники и прочли имъ грамоту новаго Царя, написанную на имя бояръ:

Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ и другихъ. Затѣмъ, сопутствуемые огромной толпой народа, Плещеевъ и Пушкинъ двинулись прямо на Красную площадь. Здѣсь началась неистовая давка и шумъ. Изъ кремля вышли было думные люди и закричали: «Берите воровскихъ посланцевъ и ведите ихъ въ кремль», но народъ отвѣчалъ на это грозными криками и приказалъ громко читать грамоту Лжедимитрія, гдѣ онъ извѣщалъ о своемъ спасеніи и прощалъ Московскимъ людямъ ихъ невѣдѣніе. Разсказываютъ, что толпа, до нельзя возбужденная чтеніемъ этой грамоты, потребовала на Лобное мѣсто князя Василія Ивановича Шуйскаго, чтобы онъ сказалъ по правдѣ, точно ли похороненъ царевичъ въ Угличѣ, и что будто бы онъ громко объявилъ: «Борисъ послалъ убить Димитрія царевича; но царевича спасли: вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ».



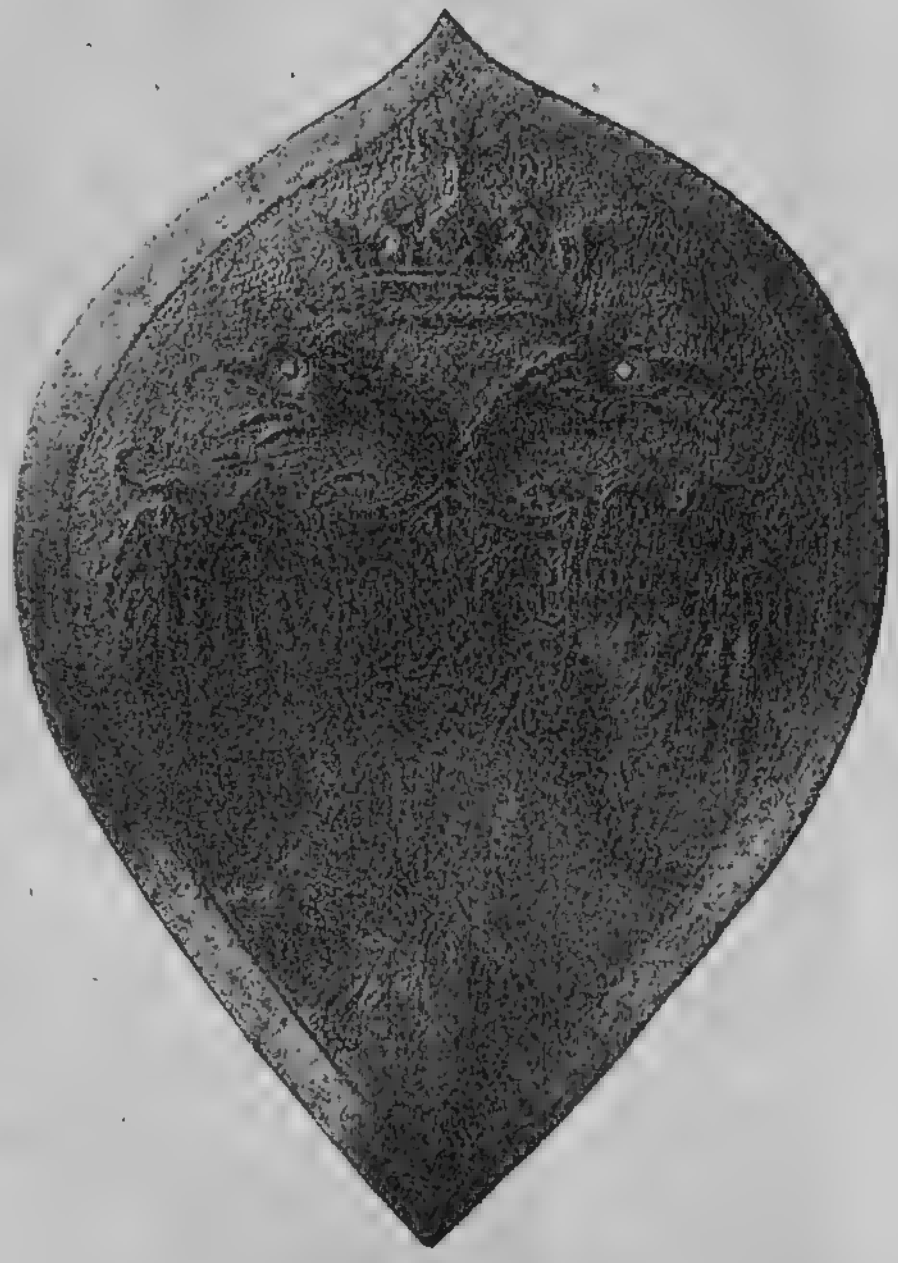
296. Доспѣхи Лжедимитрія.

Хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

Обезумѣвшая чернь съ неистовымъ крикомъ: «Долой Годуновыхъ! Всѣхъ ихъ истребить... Буди здравъ Димитрій Ивановичъ»,—ринулась въ кремль, гдѣ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ, пропустили ее въ Царскіе покои. Царь Ѳеодоръ поспѣшилъ въ Грановитую палату и сѣлъ на престолъ; Царица Марія Григорьевна и царевна Ксенія стояли рядомъ съ нимъ, держа въ рукахъ образа. Народъ ворвался въ палату и стащилъ несчастнаго Ѳеодора съ его трона; вмѣстѣ съ матерью и сестрой, на водовозныхъ клячахъ, онъ былъ отправленъ въ прежній домъ Бориса и заключенъ подъ стражу. Всѣ родственники Годуновыхъ были также перевязаны, а затѣмъ толпа приступила къ неистовому грабежу. Всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ, повидимому, знакомый намъ Богданъ Бѣльскій, недавно возвращенный изъ ссылки. Ненавидя Нѣмцевъ, которыхъ особенно жаловалъ покойный Царь, онъ направилъ народъ на погреба иноземныхъ лекарей, говоря, что они набиты золотомъ и виномъ; лекаря были ограблены до чиста, а многіе изъ толпы перепились ихъ винами до безчувствія и тутъ же испускали духъ.

Затѣмъ къ Лжедимитрію отправились бить челомъ избранные Московскіе люди: князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и князь Андрей Телятевскій. Они везли своему законному Государю Димитрію Ивановичу грамоту съ приглашеніемъ занять его прирожденный столъ. Грамота была написана отъ всѣхъ сословій, и первымъ подписался на ней патріархъ Іовъ, только-что разсылавшій по всей Землѣ грамоты по случаю войны съ Гришкой Отрепьевымъ, въ которыхъ послѣдній предавался проклятію со всѣми своими сообщниками.

Московскіе послы прибыли въ Тулу 3 іюня, одновременно съ посольствомъ къ самозванцу отъ его вѣрныхъ сподвижниковъ—Донскихъ казаковъ. Лжедимитрій позвалъ къ своей рукѣ казаковъ, «преже Московскихъ бояръ», которыхъ казаки «лаяли и позорили», а затѣмъ уже принялъ Воротынскаго и Телятевскаго; онъ встрѣтилъ ихъ грозной рѣчью за долгое сопротивленіе законному Царю, «наказываше и лаяше, яко прямой царскій сынъ», послѣ чего отправилъ Телятевскаго, избитаго почти до смерти казаками, въ тюрьму, вѣроятно, за то, что онъ не хотѣлъ подъ Кромами перейти на сторону самозванца.



297. Изображеніе двуглаваго орла на доспѣхахъ Лжедимитрія.

Въ Москву же были посланы князья Василій Васильевичъ Голицынъ и Рубецъ-Мосальскій вмѣстѣ съ дьякомъ Сутуповымъ; имъ было приказано покончить съ Годуновыми и свести Іова съ патріаршества. Посланные прибыли 10 іюня. Іовъ былъ свезенъ на простой телѣжкѣ въ Старицкій Богородицкій монастырь, а всѣ родственники Годунова отправлены въ ссылку въ дальніе города, кромѣ Семена Годунова, главнаго руководителя казнями и доносами при Царѣ Борисѣ: онъ былъ задушенъ въ Переяславлѣ.

Съ семьей Бориса покончили два отъявленныхъ негодяя: Михаилъ Молчановъ и Шерефединовъ; они взяли съ собой трехъ дюжихъ стрѣльцовъ и въ сопровожденіи князей Василія Васильевича Голицына и Рубца-Мосальскаго, лично пожелавшихъ присутствовать при этой гнусной расправѣ, отправились въ старый домъ Бориса. Царица Марія Григорьевна была скоро задушена, но Царь Ѳеодоръ защищался отчаянно и былъ убитъ самымъ ужаснымъ образомъ. Царевну же Ксенію оставили въ живыхъ и отправили во Владиміръ, такъ какъ самозванецъ, узнавъ про ея красоту,

приказалъ князю Рубцу-Мосальскому сохранить ее для себя. Народу было объявлено, что Ѳеодоръ и его мать отъ испуга сами приняли яду; такое же донесеніе было послано и Лжедимитрію въ Тулу. Тѣло Бориса Годунова было вырыто изъ Архангельскаго собора и похоронено въ убогомъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, рядомъ съ тѣлами жены и сына.

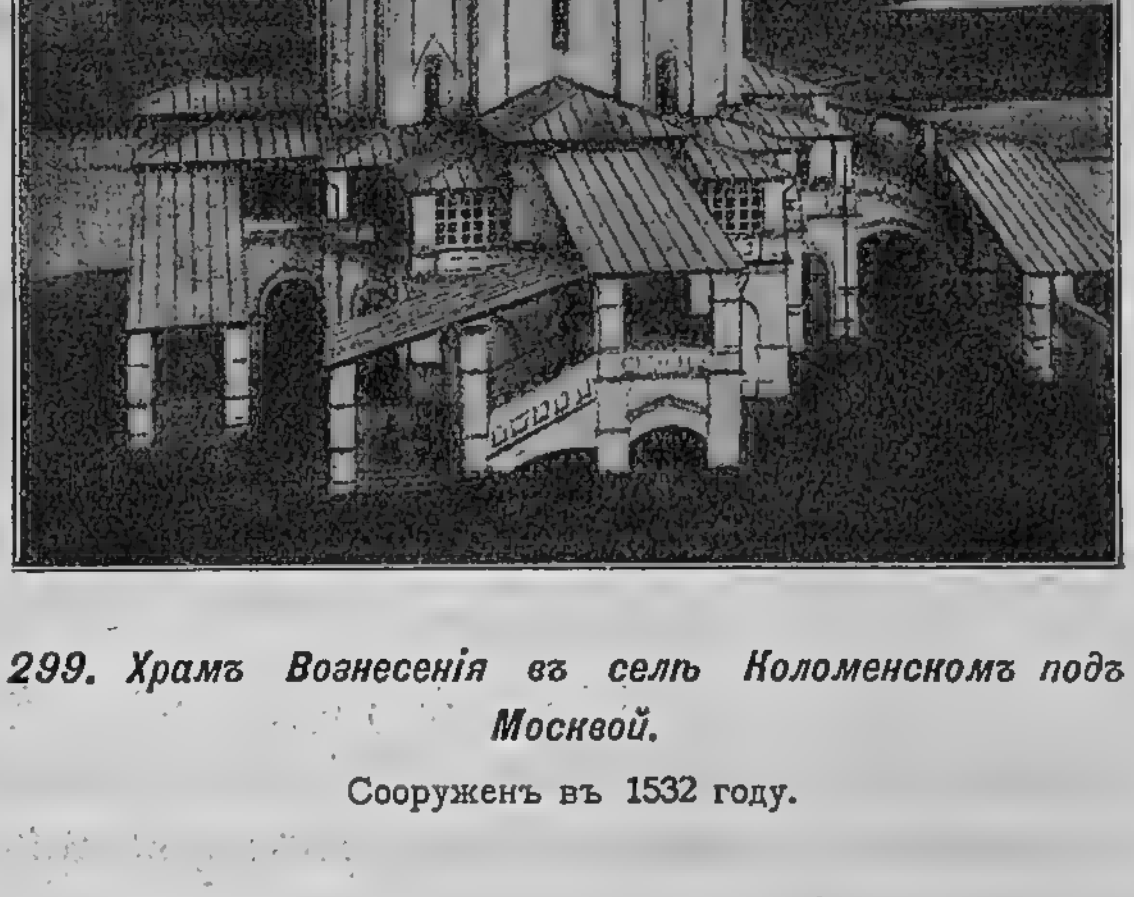
298. Убіеніе Царя Ѳеодора Борисовича Годунова и Царицы Маріи Григорьевны.
Рисунокъ художника К. Е. Маковскаго.

Еще до полученія извѣстія объ убіеніи Годуновыхъ, Разстрига разослалъ грамоты, въ которыхъ объявлялъ о своемъ вступленіи на Царство и приказывалъ приводить народъ къ присягѣ себѣ и матери своей Марѳѣ Ѳеодоровнѣ; повидимому, пересылка съ Нагими, его мнимыми родственниками, началась еще въ Путивлѣ. Между тѣмъ изъ Москвы къ Лжедимитрію прибыли на поклонъ первые Московскіе бояре: князья Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, Василій Ивановичъ Шуйскій и другіе. Не замедлили прибыть къ нему и иноземные тѣлохранители Бориса, объявивъ, что они честно служили старому Царю и также честно хотятъ служить и

новому. Самозванецъ принялъ ихъ особенно ласково и сказалъ имъ: «Я вамъ вѣрю болѣе, чѣмъ своимъ Русскимъ».

Въ селѣ Коломенскомъ для Лжедимитрія былъ приготовленъ роскошный шатеръ, раскинутый на обширномъ полѣ. Сюда во множествѣ приходили поклониться ему люди Московскаго Государства различнаго званія.

20 іюня послѣдовалъ торжественный въѣздъ новаго Царя въ столицу при несмолкаемомъ колокольномъ звонѣ и радостныхъ кликахъ колѣнопреклоненнаго народа, встрѣчавшаго его возгласами: «Дай, Господи, тебѣ, Государь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!». Онъ имъ ласково отвѣчалъ. Вдругъ неожиданно поднялся, несмотря на совершенно ясный и тихій день, сильный вихрь. Многіе сочли это за плохое предзнаменованіе.



299. Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой.

Сооруженъ въ 1532 году.

У кремлевскихъ соборовъ, въ то время какъ новый Царь прикладывался къ мощамъ святителей, а духовенство пѣло молебны, сопровождавшіе его Поляки не слѣзли съ коней и громко играли въ трубы и били въ бубны. Это тоже смутило благочестивыхъ Москвичей. «Увидѣли и другую непристойность», говоритъ Н. М. Карамзинъ: «вступивъ за духовенствомъ въ кремль и въ соборную церковь Успенья, Лжедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ — Ляховъ, Венгровъ, чего никогда не бывало, и что казалось народу осквернені́емъ храма. Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынѣ»...

Войдя въ Архангельскій соборъ, самозванецъ припалъ къ гробу Іоанна Грознаго и сталъ проливать обильныя слезы надъ прахомъ своего родителя.

Затѣмъ Богданъ Бѣльскій, бывшій воспитатель царевича Димитрія, торжественно выѣхалъ на Красную площадь, направился къ Лобному мѣсту и объявилъ народу, что новый Царь есть истинный Димитрій, въ доказательство чего цѣловалъ крестъ.

День закончился общимъ весельемъ. «Но плачъ былъ не далекъ отъ радости, и вино лилось въ Москвѣ передъ кровью»,—говоритъ одинъ изъ современниковъ.

Новое царствованіе началось съ милостей: не только своимъ мнимымъ родственникамъ Нагимъ, но и всѣмъ подвергнутымъ опалѣ при Борисѣ была дарована свобода; нѣсколько лицъ были пожалованы боярами и окольничьими, а также были учреждены нѣкоторыя новыя должности по Польскому образцу: молодой князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій былъ назначенъ великимъ мечникомъ; дьяки Сутуповъ и Аѳанасій Власьевъ великими секретарями; не былъ забытъ и страдалецъ далекой Сійской обители Филаретъ Никитичъ; онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго, хотя и отклонялъ отъ себя это высокое званіе; бывшую же его жену, старицу Марѳу, съ сыномъ Михаиломъ помѣстили въ его епархіи, въ Ипатіевскомъ Костромскомъ монастырѣ, основанномъ въ XIV вѣкѣ предкомъ Годунова—мурзою Четомъ. Слѣпой царь Симеонъ Бекбулатовичъ былъ также возвращенъ ко двору; наконецъ, разрѣшено было перевести тѣла Романовыхъ и Нагихъ, погребенныхъ въ ссылкѣ, и похоронить ихъ съ предками. Вмѣсто сведеннаго Іова, патріархомъ былъ назначенъ ловкій Грекъ Игнатій, бывшій Рязанскимъ епископомъ, и первый изъ Русскихъ архіереевъ признавшій Лжедимитрія. Затѣмъ всѣмъ военно-служилымъ людямъ было удвоено содержаніе, а духовенству подтверждены старыя льготныя грамоты и даны новыя.

300. Игнатій.

По Титулярнику

Осыпая милостями Нагихъ, новый Царь, однако, никого изъ нихъ къ себѣ особенно не приближалъ; даже за его названной матерью—иноkиней Марѳой—былъ посланъ великій мечникъ князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій не сразу. О томъ же, чтобы облагодѣтельствовать и приблизить къ себѣ тѣхъ таинственныхъ доброхотовъ, которые будто бы чудесно спасли юнаго царевича Димитрія, не было и помину. Самымъ близкимъ лицомъ къ новому Царю сталъ Басмановъ.

Съ Лжедимитріемъ прибыли не только Поляки, но и атаманъ Корела со своими Донцами. Тѣ и другіе стали, конечно, держать себя въ Москвѣ какъ побѣдители и своею наглостью, особенно-же по отношенію женщинъ, не замедлили вызвать неудовольствіе жителей. Этимъ, повидимому, поспѣшили воспользоваться Шуйскіе, которые, какъ имѣющіе наиболѣе правъ на престолъ, особенно тяготились самозванцемъ, тѣмъ болѣе, что онъ съ первыхъ же шаговъ проявилъ себя очень надменнымъ по отношенію бояръ. Почти немедленно послѣ прибытія Лжедимитрія, Басмановъ донесъ ему, что какой-то торговый человѣкъ Ѳедоръ Коневъ и Костя пекарь, научаемые княземъ

301. Помилованіе князя Василія Ивановича Шуйскаго передъ казнью.

Рисунокъ А. Земцова.

Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, пускаютъ въ народѣ слухи, что новый Царь—воръ и разстрига, такъ какъ истинный царевичъ Димитрій погребенъ въ Угличѣ. Шуйскаго схватили, и соборъ изъ духовенства и членовъ думы осудилъ его къ смертной казни, которая была назначена на 25 іюня. Стоя у плахи уже съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, князь Василій Ивановичъ съ твердостью объявилъ окружавшей его толпѣ: «Братія, умираю за истину, за вѣру христіанскую и за васъ». Но въ это время послышались крики «стой», и къ Лобному мѣсту прибылъ скачущій изъ кремля гонецъ, привезшій помилованіе Шуйскому. Народъ привѣтствовалъ шумными кликами великодушіе новаго Царя, а Шуйскій съ братьями былъ отправленъ лишь въ ссылку. Чѣмъ руководствовался самозванецъ въ этомъ поступкѣ—неизвѣстно: можетъ

быть онъ хотѣлъ поразить всѣхъ своимъ великодушіемъ, но вѣрнѣе предположеніе, что онъ побоялся казнить одного изъ самыхъ сильныхъ бояръ, имѣвшаго множество сторонниковъ среди Московскаго населенія. Вѣроятно по этой же причинѣ, онъ вскорѣ совершенно простилъ Шуйскихъ, вернулъ ихъ въ столицу и далъ прежнія должности при дворѣ.

Бывшая Царица, инокиня Марѳа, прибыла въ Москву только 18 іюля. Лжедимитрій выѣхалъ ей навстрѣчу въ село Тайнинское; здѣсь былъ раскинутъ шатеръ, въ которомъ они имѣли свиданіе наединѣ. Изъ шатра оба вышли, оказывая другъ другу самыя нѣжныя чувства; народъ

302. Свиданіе Димитрія самозванца, съ Царицей инокиней Марѳою, матерью царевича Димитрія.

Рисунокъ К. Лебедева.

плакалъ при видѣ трогательной встрѣчи матери съ сыномъ. Отъ Тайнинского до Москвы Царь почтительно шелъ все время пѣшкомъ рядомъ съ материнской каретой. Въ Москвѣ инокиня Марѳа помѣстилась въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ Лжедимитрій ежедневно ее посѣщалъ. Впослѣдствіи, передъ мощами царевича Димитрія, она сознавалась, что «долго терпѣла тому вору и разстригѣ.., а дѣлалось то отъ бѣдности; потому что съ того времени, какъ убили сына ея повелѣніемъ Борисовымъ, а меня держали въ великой нужѣ, и весь мой родъ по дальнимъ городамъ поразсыланъ былъ, и въ конечной злой нужѣ жили, и азъ, по грѣхомъ, будучи въ нестерпимой нужѣ, урадовшися вскорѣ не извѣстила. А коли онъ со мной говорилъ,

и онъ заклялъ и подъ смертію приказалъ, чтобы никому того не сказывала, и меня хотѣлъ пожаловать».

Вслѣдъ за пріѣздомъ мнимой матери, Разстрига вѣнчался на Царство, причемъ всѣ присутствующіе были немало удивлены, когда, послѣ совершенія обряда, его привѣтствовалъ одинъ изъ прибывшихъ съ нимъ іезуитовъ рѣчью на Латинскомъ языкѣ.

Придавая излишнюю вѣру мнѣнію о Лжедимитріи иностранцевъ, состоявшихъ при немъ и широко имъ облагодѣтельствованныхъ, нѣкоторые

303. Виды Москвы.

Верхній рядъ: Владимірскія ворота, Василій Блаженный и Спасскія ворота. Средній рядъ: Большой колоколъ, Общій видъ кремля, Царь-пушка. Нижній рядъ: Чудовъ монастырь, Домъ бояръ Романовыхъ, Вознесенскій монастырь.

Русскіе изслѣдователи склонны видѣть въ немъ просвѣщеннаго государя, желавшаго направить свою державу по какимъ то новымъ путямъ на началахъ широкаго Европейскаго образованія; со словъ этихъ иностранцевъ Лжедимитрій всѣми мѣрами искоренялъ взяточничество, неправосудіе и ежедневно присутствовалъ въ боярской думѣ, гдѣ поражалъ всѣхъ необыкновенной быстротою и мудростью, съ которой онъ рѣшалъ самыя сложныя дѣла. «Сколько часовъ вы разсуждаете и все безъ толку», будто-бы говорилъ онъ смѣясь боярамъ, «такъ я вамъ скажу: дѣло вотъ въ чемъ»... Въ великую заслугу ставили ему иностранцы его смѣлость и ловкость въ вер-

ховой ѣздѣ и на охотѣ, а также большую любовь къ воинскимъ упражненіямъ: онъ могъ очень мѣтко стрѣлять изъ пушекъ и самъ иногда обучалъ ратниковъ, устраивая имъ земляныя крѣпости и заставляя ихъ затѣмъ брать приступомъ.

Но безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ его царствованія убѣждаетъ насъ въ полной справедливости словъ знаменитаго нашего историка Н. М. Карамзина, который говоритъ: «Первымъ врагомъ Лжедимитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худого воспитанія,—надменный, безразсудный и неосторожный отъ счастія... Если нѣкоторые изъ людей, ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ, находили въ Лжедимитріи какое-то величіе, необыкновенное для человѣка, рожденнаго въ низкомъ состояніи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, не изглаженные ни обхожденіемъ со знатными Ляхами, ни счастьемъ нравиться Мнишковой дочери... Самозванецъ былъ.... худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣпіе Державства—проглядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили о немъ и Поляки безпристрастные».

Несмотря на хвастливыя слова, обильно расточаемыя иностранцамъ объ обширныхъ преобразованіяхъ, которыя онъ намѣренъ былъ дать Московскому Государству, дѣятельность Лжедимитрія по внутреннему управленію была крайне незначительна; мнѣніе нѣкоторыхъ Поляковъ, что онъ преобразовалъ боярскую думу въ сенатъ по образцу Польскаго,—совершенно невѣрно; Лжедимитрій совѣтовался, какъ и прежніе Цари съ думными людьми—такъ называемаго «Царскаго Синклита» и съ высшимъ духовенствомъ, съ членами «Освященнаго Собора», въ составъ котораго входили патріархъ, четыре митрополита, семь архіепископовъ и три епископа; поводомъ-же къ мнѣнію объ учрежденіи имъ сената могло послужить то обстоятельство, что грамоты его часто писались его Поляками-секретарями—Слонскимъ и двумя братьями Бучинскими, почему въ нихъ иногда попадались Польскія выраженія «сенаты, сенаторы».

Самымъ важнымъ дѣломъ за все время правленія Димитрія были два постановленія боярской думы: о кабалахъ и о холопахъ. Кабалы за долги было запрещено давать потомственныя, то-есть, если умиралъ заимодавецъ, за долгъ которому кто-нибудь записался ему въ кабалу, то съ его смертію обязательство должника оканчивалось, и наслѣдникъ умершаго не имѣлъ болѣе правъ на личность этого должника.

Сущность же постановленія относительно холоповъ заключалась въ томъ, что господа теряли на нихъ свои права, если не кормили ихъ во время бывшаго голода.

Безпредѣльная надменность и самомнѣніе Лжедимитрія полностью развернулись въ его сношеніяхъ съ иностранными государями. Опьяненный чисто сказочнымъ успѣхомъ въ достиженіи Московскаго престола, онъ при-

писалъ это своимъ личнымъ выдающимся качествамъ и необыкновеннымъ полководческимъ талантамъ, каковыхъ въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, не было вовсе.

Онъ не переносилъ, когда въ его присутствіи говорили о какомъ-нибудь выдающемся человѣкѣ, и равнялъ себя только съ Александромъ Македонскимъ, котораго называлъ своимъ другомъ, выражая искреннее сожалѣніе, что послѣдній уже умеръ, чѣмъ лишаетъ его возможности помѣриться съ нимъ силами.

Лжедимитрій требовалъ, чтобы иностранные государя признали его императоромъ, да при томъ еще «непобѣдимѣйшимъ», и сталъ подписываться этимъ новымъ титуломъ, хотя дѣлалъ подпись эту на Латинскомъ языкѣ безграмотно: вмѣсто Imperator, онъ писалъ въ два слова In perator.

«Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лжедимитріевъ Сигизмундъ лукавый», говоритъ Карамзинъ, «что счастіе и престолъ измѣнили того,

304. Подпись Лжедимитрія на Латинскомъ языкѣ съ ошибкой въ словѣ Imperator *(императоръ)*—In perator *(ин ператоръ), свидѣтельствующая, что онъ не зналъ Латинскаго языка.*

кто еще недавно въ восторгѣ лобызалъ его руку, безмолвствовалъ и вздыхалъ передъ нимъ, какъ рабъ униженный». Лжедимитрій настойчиво требовалъ отъ короля признанія себя императоромъ, но, впрочемъ, милостиво добавлялъ, что не забылъ его добрыхъ услугъ и не будетъ грозить за это войною. Сигизмундъ злобствовалъ, а Поляки глумились надъ затѣей Гришки, котораго недавно видѣли такимъ смиреннымъ въ своей средѣ. Какъ разъ въ это время среди нѣкоторыхъ Польскихъ вельможъ возникъ заговоръ съ цѣлью поднять возстаніе противъ Сигизмунда; есть данныя, что Лжедимитрій рѣшилъ воспользоваться этимъ и тайно предлагалъ заговорщикамъ въ случаѣ низложенія Сигизмунда самого себя въ короли.

Еще заносчивѣе, чѣмъ съ Сигизмундомъ, держалъ себя самозванецъ съ королемъ Шведскимъ—Карломъ IX. О своемъ вступленіи на престолъ онъ увѣдомилъ послѣдняго слѣдующимъ образомъ: «Всѣхъ сосѣдственныхъ государей, увѣдомивъ о своемъ воцареніи, увѣдомляю тебя единственно о моемъ дружествѣ съ законнымъ королемъ Шведскимъ, Сигизмундомъ, требуя, чтобы ты возвратилъ ему державную власть, похищенную тобою вѣроломно, вопреки уставу Божественному, Естественному и Народному праву—или вооружишь на себя могущественную Россію. Усовѣстись и размысли о печальномъ жребіи Бориса Годунова: такъ Всевышній казнитъ похитителей—казнитъ и тебя».

Въ своихъ мечтаніяхъ о громкихъ завоеваніяхъ, чтобы затмить или по крайней мѣрѣ сравняться въ славѣ со своимъ «другомъ» Александромъ Македонскимъ, Разстрига задумалъ походъ противъ Турокъ, что являлось совершенно лишеннымъ смысла по тогдашнимъ взаимнымъ отношеніямъ Московскаго Государства къ Турціи, и не шутя началъ къ нему готовиться, желая стать во главѣ соединеннаго ополченія всѣхъ государей Европы.

Онъ разсчитывалъ на союзъ съ Поляками, Германскимъ императоромъ, Венеціей, Персидскимъ шахомъ и Французскимъ королемъ Генрихомъ IV, къ которому выказывалъ свое благоволеніе, и обо всемъ объ этомъ велъ оживленныя внѣшнія сношенія, особенно же съ Римомъ. Разстрига убѣждалъ папу не допускать императора Рудольфа II до мира съ Турками, а затѣмъ отправилъ къ нему ъ письмомъ состоявшаго при немъ іезуита Лавицкаго.

305. Папа Павелъ V.

Изъ Латинской книги XVIII вѣка: „Изображенія святѣйшихъ папъ".

Занимавшій въ это время папскій столъ папа Павелъ V, разумѣется, относился самымъ внимательнымъ образомъ къ поддержанію добрыхъ отношеній со Лжедимитріемъ, разсчитывая, что онъ не замедлитъ обратить въ Латинство по своему примѣру и всѣхъ жителей Московскаго Государства. Папа тотчасъ же согласился называть его «непобѣдимѣйшимъ императоромъ», поздравилъ съ побѣдой надъ Годуновымъ и началъ давать рядъ наставленій своему нунцію Рангони, Польскому кардиналу Мацѣевскому, Юрію Мнишку, Маринѣ и другимъ лицамъ о томъ, какъ надлежитъ дѣйствовать, чтобы съ успѣхомъ повести дѣло обращенія Москвитянъ въ лоно католичества.

Когда въ Римъ пріѣхалъ іезуитъ Лавицкій съ письмомъ отъ Лжедимитрія, то папа писалъ Разстригѣ въ своемъ отвѣтѣ: «Мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждали отъ тебя писемъ, что даже упрекали въ медленности Андрея Лавицкаго, человѣка самаго старательнаго: когда сильно чего нибудь желаешь, то всякое замедленіе нестерпимо. Наконецъ, онъ пріѣхалъ, отдалъ намъ твои письма, разсказалъ о тебѣ вещи достойныя; мы жалѣли только объ одномъ, что лично онъ не могъ намъ сказать всего вдругъ, какъ бы намъ хотѣлось. Такое наслажденіе доставилъ онъ намъ своими рѣчами, что мы не могли удержать радостныхъ слезъ; мы твердо увѣрены теперь, что апостоль-

скій престолъ сдѣлалъ самыя великія пріобрѣтенія, когда ты будешь твердо и мудро управлять тѣми странами»... Относительно брака съ Мариною, папа писалъ Лжедимитрію: «...Мы не сомнѣваемся, что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно Римской церкви и народъ Московскій, потому что народъ необходимо долженъ подражать своимъ государямъ и вождямъ. Вѣрь, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію этого спасительнаго дѣла, причемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя твой благородный бракъ»... Маринѣ же папа писалъ: «Мы оросили тебя своимъ благословеніемъ, какъ новую лозу, посаженную въ виноградникѣ Господнемъ; да будешь дщерь, Богомъ благословенная, да родятся отъ тебя сыны благословенные, каковыхъ надѣется, каковыхъ желаетъ святая матерь наша церковь, каковыхъ обѣщаетъ благочестіе родительское».

Посылая эти письма, папа Павелъ Пятый былъ, конечно, совершенно въ правѣ разсчитывать на ихъ успѣхъ, такъ какъ онъ не могъ знать, что Московскій Царь будетъ считать ни во что клятвы, произнесенныя имъ во время перехода своего въ католичество. Но Лжедимитрій былъ именно таковъ:—ложь и обманъ были основаніемъ всѣхъ его дѣйствій. Конечно, объ обращеніи въ Латинство своихъ подданныхъ онъ и не думалъ и ловко обходилъ вопросъ объ этомъ при сношеніяхъ своихъ съ папой.

Тѣмъ не менѣе, Разстрига продолжалъ держать при себѣ двухъ іезуитовъ, причемъ

306. Печать Государственная средняя Лжедимитрія.

Эта печать приложена къ грамотѣ Лжедимитрія Отрепьева, отъ февраля 1606 года, къ священникамъ и дьяконамъ Греческаго исповѣданія города Львова Соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы объ отправленіи къ нимъ соболей на триста рублей для довершенія этой церкви.

въ день своего вѣнчанія на Царство, 21 іюля,
онъ, по словамъ патера Андрея Лавицкаго, тайно исповѣдывался по Латинскому обряду и сказалъ имъ, что выбралъ это число потому, что оно совпадаетъ съ днемъ памяти Игнатія Лойолы; въ то же время, его два Польскихъ секретаря—братья Бучинскіе были протестантами, что не мало смущало папу, опасавшагося ихъ вреднаго вліянія; наконецъ, чтобы показать себя истиннымъ Православнымъ, Лжедимитрій отправилъ во Львовское Православное братство на 300 рублей соболей для сооруженія церкви и въ своей грамотѣ къ тамошнему духовенству писалъ: «Видя васъ несомнѣнными и непоколебимыми въ нашей истинной правой христіанской вѣрѣ Греческаго закона, послали мы къ вамъ отъ нашей Царской казны».

Онъ посѣщалъ въ Москвѣ церковныя службы и даже ѣлъ постное въ положенные дни, но всѣмъ своимъ поведеніемъ проявлялъ легкое и пренебрежительное отношеніе какъ къ вѣрѣ, такъ къ духовенству и старымъ

обычаямъ. Онъ не мылъ рукъ послѣ ѣды, не отдыхалъ послѣ обѣда и не стѣснялся ѣсть телятину, что особенно возмущало всѣхъ, такъ какъ ѣсть ее почиталось большимъ грѣхомъ. Однажды за столомъ Михаилъ Татищевъ, человѣкъ вообще съ покладистою совѣстью, при видѣ блюда съ телятиной, настолько рѣзко высказалъ Царю свое негодованіе, что подвергся ссылкѣ и былъ помилованъ лишь по просьбѣ Басманова.

Въ виду такого зазорнаго поведенія Разстриги, въ Москвѣ не замедлили появиться слухи объ измѣнѣ Царя Православію и что будто бы подъ кроватью его спрятана икона Богоматери, а въ сапогѣ крестъ; по разсказу одного иностранца, Лжедимитрій, узнавъ про эти слухи, снялъ со стѣны висѣвшую икону, приложился къ ней и, обратившись къ присутствующимъ, громко сказалъ: «Пусть сотворитъ Господь Богъ надо мною или надъ этой иконой какое-нибудь знаменіе, если я когда-нибудь помышлялъ отступиться отъ святой вѣры Русской и принять другую, не говоря уже объ оскорбленіи и сокрытіи святой иконы подъ кроватью или въ сапогѣ». Затѣмъ онъ снова повторилъ: «Да совершитъ Господь въ глазахъ вашихъ знаменіе надо мною или иконою, если я мыслю что-нибудь иное».

307. Церковь чуда Архангела Михаила въ Московскомъ кремлѣ.
Сооружена въ 1501 году.

По отзывамъ нѣкоторыхъ иноземцевъ Лжедимитрій отличался вспыльчивымъ, но благодушнымъ и довѣрчивымъ нравомъ и легко прощалъ виновныхъ противъ своей личности. Въ дѣйствительности, однако, это было не такъ. Тотчасъ же послѣ его въѣзда въ столицу, изъ Москвы было удалено до семидесяти семействъ, бывшихъ сторонниковъ Годуновыхъ. Многіе иноки Чудова монастыря были также разосланы по дальнимъ обителямъ; при этомъ замѣчено было, что Царь ни разу не посѣтилъ этого монастыря, чтобы не встрѣтиться въ немъ со своими старыми товарищами.

Мы видѣли, что вліятельный князь В. И. Шуйскій былъ великодушно прощенъ за распространеніе въ народѣ слуховъ, что новый Царь—разстрига и воръ, но менѣе значительные люди подвергались за ту же вину ссылкамъ и казнямъ.

«Вообще ежедневно доносили на многихъ людей»—говоритъ Масса.—«Нѣкоторые, большею частью монахи и духовные, хорошо знавшіе государ-

ственныя тайны, были невоздержаны въ рѣчахъ, и тѣ, на которыхъ пало подозрѣніе, или подвергались казни, или были удалены. Та же участь постигла многихъ простыхъ людей. Обыкновенно ночью, тайно, пытали, убивали и казнили людей. На каждаго, что-либо промолвившаго противъ Царя, доносили и обыкновенно лишали имущества и жизни».

Первымъ обличителемъ Лжедимитрія былъ, по свидѣтельству Шведа Петрея, жившаго въ это время въ Москвѣ, какой то инокъ, узнавшій его и начавшій громко говорить, что это Григорій Отрепьевъ. Его тайно умертвили въ темницѣ.

Дядя самозванца—Смирновъ-Отрепьевъ, посланный, какъ мы помнимъ, Борисомъ Годуновымъ къ Сигизмунду для уличенія племянника, былъ сосланъ въ Сибирь; но свою мать, Варвару Отрепьеву, тоже заявлявшую, что на престолѣ сидитъ ея сынъ, и ея братьевъ, Разстрига не тронулъ, подвергнувъ только, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, тюремному заключенію.

Вскорѣ послѣ помилованія князя В. И. Шуйскаго, на Лобномъ мѣстѣ былъ схваченъ дворянинъ Тургеневъ и мѣщанинъ Ѳеодоръ, которые явно возмущали народъ противъ Лжецаря. Разстрига велѣлъ ихъ казнить, и они мужественно приняли смерть, громогласно называя его Антихристомъ и Сатаной, въ то время какъ чернь, подкупленная недавнимъ великодушіемъ Царя по отношенію къ Шуйскому, ругалась надъ ними и кричала: «умираете за дѣло».

Нѣсколько позже, среди стрѣлецкаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ преданнаго Лжедимитрію Григорія Микулина, нашлись люди, ставшіе открыто говорить, что на престолѣ сидитъ воръ и врагъ нашей вѣрѣ. Лжедимитрій, узнавъ про это, выдалъ виновныхъ на расправу остальнымъ стрѣльцамъ. Микулинъ, чтобы выразить свою преданность Разстригѣ, сказалъ ему: «Освободи меня, Государь, я у тѣхъ измѣнниковъ, не только что головы поскусаю, но и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю». Затѣмъ онъ первый обнажилъ свой мечъ, и они были изрублены на куски, до конца упорно стоя на своемъ, что Лжедимитрій—разстрига и воръ.

Непріятнымъ обстоятельствомъ для послѣдняго должно было быть и извѣстіе о появленіи новаго самозванца. Волжскіе и Терскіе казаки, завидуя успѣху Донцовъ, такъ удачно посадившихъ его на Московскомъ столѣ, объявили молодого казака Илейку сыномъ покойнаго Царя Ѳеодора Іоанновича—Петромъ, будто-бы подмѣненнымъ Борисомъ Годуновымъ на дѣвочку—княжну Ѳеодосію. Скоро товарищи царевича Лжепетра, собравшись въ количествѣ до 4.000 человѣкъ, объявили, что идутъ добывать ему Москву, и начали предаваться неистовымъ грабежамъ на Волгѣ, между Астраханью и Казанью. «Лжедимитрій не мѣшалъ имъ злодѣйствовать», говоритъ Карамзинъ, «и писалъ къ мнимому Петру,—вѣроятно желая его заманить въ свои сѣти,—что если онъ истинный сынъ Ѳеодора, то спѣшилъ бы въ столицу, гдѣ будетъ принятъ съ честью. Никто

не вѣрилъ новому обманщику, но многіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Разстриги, изъясняя одну басню другой; многіе даже думали, что оба самозванца въ тайномъ согласіи: что Лжепетръ есть орудіе Лжедимитрія; что послѣдній велитъ казакамъ грабить купцовъ для обогащенія казны своей»...

Въ сношеніяхъ съ приближенными, Разстрига былъ то непомѣрно надменъ, требуя отъ бояръ услугъ, унижавшихъ ихъ достоинство, то становился съ ними на черезчуръ пріятельскую ногу. «Не было ни дьяка, ни чиновника», говоритъ Масса, «который не испыталъ бы на себѣ его немилости. Уча ихъ приличному обхожденію и развязности, что имъ очень не нравилось, Царь сломалъ объ ихъ ляшки нѣсколько палокъ».

Для приданія большей пышности своему двору, кромѣ слѣпого Царя Симеона Бекбулатовича, Лжедимитрій вызвалъ къ себѣ также и Шведскаго королевича Густава, сына низложеннаго короля Эрика Безумнаго, который былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ своимъ дядей Карломъ IX; но когда Густавъ отказался дать Самозванцу присягу въ безусловномъ повиновеніи, то онъ заключилъ его въ тюрьму въ Ярославлѣ; старецъ Симеонъ Бекбулатовичъ былъ тоже сосланъ скоро въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь и постриженъ въ монахи за то, что онъ громко высказывалъ свое негодованіе по поводу приверженности новаго Царя къ Латинству.

Первое мѣсто при дворѣ и въ Государевой думѣ занимали тѣ же лица, что и при Борисѣ Годуновѣ: князь Ѳ. И. Мстиславскій и В. И. Шуйскій, причемъ Лжедимитрій разрѣшилъ имъ обоимъ жениться. Но истинными друзьями Царя были Басмановъ, князь Рубецъ-Мосальскій и Молчановъ, гнусный убійца молодыхъ Годуновыхъ.

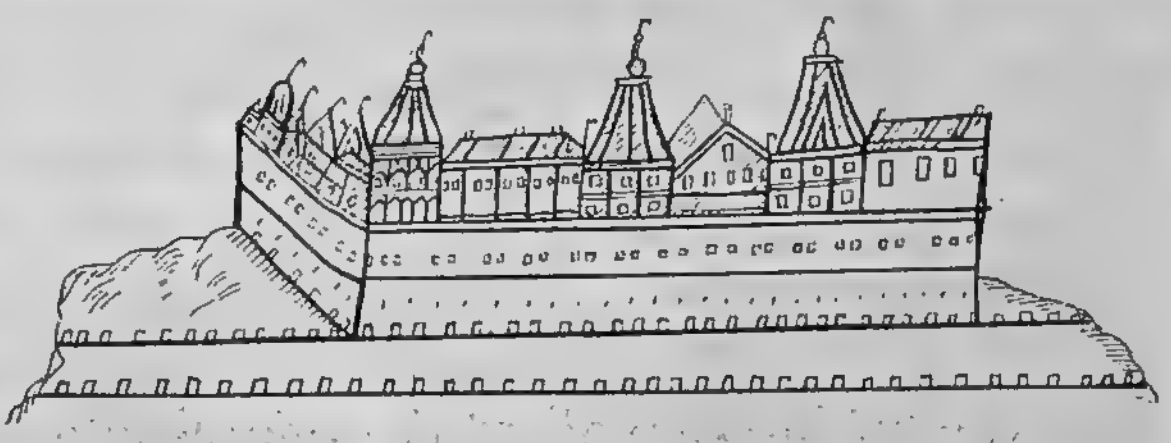
Въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ былъ также Лжедимитрій съ Поляками, прибывшими съ нимъ. Онъ щедро наградилъ ихъ и разрѣшилъ имъ ѣхать домой, но, затѣмъ, не довѣряя своей Русской стражѣ, Разстрига задержалъ этихъ Поляковъ, причемъ вся дворцовая прислуга была замѣнена ими. Царь окружилъ себя также особымъ отрядомъ тѣлохранителей изъ трехсотъ иностранцевъ. Онъ далъ каждому воину, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей жалованья и никуда не ѣздилъ безъ этихъ тѣлохранителей. «И по граду всегда со многимъ воиньствомъ ѣздяше. Спреди же и созади его во броняхъ текуще съ протазаны и алебарды и со инѣми многими оружіи, единъ же онъ токмо посредѣ сихъ; вельможи же и боляре далече отъ него бяху», говоритъ Авраамій Палицынъ. Съ капитанами этой иноземной стражи, въ числѣ коихъ былъ и знакомый намъ Французъ Маржеретъ, Лжедимитрій былъ очень хорошъ. Наконецъ, онъ особо приблизилъ къ себѣ пятнадцатилѣтняго князя Хворостинина, который сталъ держать себя съ нестерпимой наглостью по отношенію къ окружающимъ.

Все препровожденіе времени новаго Царя было основано на весельи и различныхъ развлеченіяхъ. Вѣроятно, это и было истинной причиной, почему онъ въ одно мгновеніе рѣшалъ всякія дѣла въ думѣ, чтобы не

проводить въ ней долгіе часы; съ цѣлью же забавы устраивались имъ, надо думать, и разныя воинскія упражненія, такъ какъ болѣе глубокимъ преобразованіемъ своихъ войскъ, или устройствомъ ихъ быта, онъ не занимался.

«За то «по всей странѣ», говоритъ Масса,—«велѣно было отыскивать самыхъ злыхъ и лучшихъ собакъ и ими почти каждое воскресенье травили медвѣдей на заднемъ дворцовомъ дворѣ... Кому нибудь изъ знатнѣйшихъ дворянъ, большею частью отличныхъ охотниковъ, Царь приказывалъ выходить съ рогатиной на медвѣдя. Нѣкоторые, по истинѣ, обнаруживали геройскую отвагу... Онъ часто выѣзжалъ изъ Москвы охотиться въ поле, на которое выпускали медвѣдей, волковъ и лисицъ. Преслѣдуя ихъ съ необыкновеннымъ мужествомъ, онъ въ одинъ день неоднократно мѣнялъ платье и загонивалъ по нѣсколько дорогихъ лошадей...»

Расточительность Лжедимитрія, къ большой радости иноземныхъ купцовъ, которымъ онъ оказывалъ огромныя льготы, особенно Англичанамъ, была чрезвычайна: «Страсть его къ покупкамъ была такъ велика», разсказываетъ Масса, «что онъ покупалъ вещи нисколько не замѣчательныя и тѣ, кто ихъ приносилъ, немедленно получали деньги и уѣзжали обратно. Надъ большой кремлевской стѣною онъ велѣлъ построить великолѣпное зданіе, откуда была видна вся Москва. Оно было построено на высокой горѣ, подъ которой протекала рѣка Москва, и состояло изъ двухъ строеній (деревянныхъ), расположенныхъ одно подлѣ другого...».



308. Рисунокъ Исаака Массы, изображающій новый дворецъ, выстроенный Лжедимитріемъ.

Одно предназначалось для будущей Царицы, а другое для Царя. Дворецъ этотъ былъ обставленъ самымъ роскошнымъ образомъ, а свой престолъ Лжедимитрій приказалъ вылить изъ чистаго золота и украсить его драгоцѣнными каменьями.

«...Лжедимитрій хотѣлъ веселья» говоритъ Н. М. Карамзинъ: «музыка, пляска и зернь были ежедневною забавою Двора. Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и незнатные старались блистать одеждою богатою. Всякій день казался праздникомъ», хотя по словамъ лѣтописца: «многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами».

Между тѣмъ, приспѣшники Царя, особенно Поляки—продолжали себя держать крайне нагло; они позволяли себѣ наносить неслыханныя оскорбленія женщинамъ, простымъ и знатнымъ, и все это, несмотря на многочисленныя жалобы, сходило имъ съ рукъ. «Ненависть къ иноземцамъ», разсказываетъ Н. М. Карамзинъ: «падая и на пристрастнаго къ

нимъ Царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости: напримѣръ, съ дозволенія Лжедимитріева, имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ; опирались, ложились на гроба Святыхъ».

«Попусти же всѣмъ Жидомъ и еретикомъ невозбранно ходити во святыя Божіа церкви; но и въ самомъ въ соборномъ храмѣ Пресвятыя Владычица нашея Богородица, честнаго и славнаго ея Успенія приходящеи, возлегаху локотма и возслоняхуся на чюдотворныя гробы цѣлбоносныхъ мощей великихъ чюдотворецъ Петра и Іоны»—читаемъ мы въ «Сказаніи» Авраамія Палицина.

По свидѣтельству Масса «самые близкіе къ самозванцу люди, Басмановъ, Рубецъ-Мосальскій и Молчановъ «сообща дѣлали подлости и занимались распутствомъ». Самъ Царь «безчестилъ женъ и дѣвицъ, Дворъ, семейства и святыя обители дерзостью разврата, и не устыдился дѣла гнуснѣйшаго отъ всѣхъ его преступленій», говоритъ возмущенный Н. М. Карамзинъ: «убивъ мать и брата Ксеніи, взялъ ее себѣ въ наложницы. Красота сей несчастной царевны могла увянуть отъ горести; но самое отчаяніе жертвы, самое злодѣйство неистовое казалось прелестью для изверга, который симъ однимъ мерзостнымъ безстыдствомъ заслужилъ свою казнь, почти сопредѣльною съ торжествомъ его».

Безграничное мотовство и разгулъ новаго Царя постоянно требовали, конечно, обильнаго притока денежныхъ средствъ. Для этого онъ наложилъ свою руку на казну и имущество монастырей, причемъ съ одной Троицко-Сергіевской лавры—онъ взялъ 30.000 рублей, деньги по тому времени огромныя.

«Какъ бы желая унизить санъ Монашества», повѣствуетъ Карамзинъ, «онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнью; занималъ деньги въ богатыхъ Обителяхъ и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ, велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску; то-есть, смѣлый бродяга, бурей кинутый на престолъ шаткій... хотѣлъ прямо, необыкновенно совершить дѣло, на которое не отважились Государи законные, Іоанны III и IV, въ тишинѣ безспорнаго властвованія и повиновенія неограниченнаго. Дѣло менѣе важное, но не менѣе безразсудное, также возбудило негодованіе бѣлаго Московскаго Духовенства: Лжедимитрій выгналъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей»... Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы избавить этихъ тѣлохранителей отъ труда ѣздить въ Нѣмецкую слободу, Разстрига разрѣшилъ іезуитамъ служить обѣдни, а протестантскимъ пасторамъ говорить проповѣди въ стѣнахъ кремля, бывшаго, какъ мы видѣли, въ глазахъ обитателей Москвы, какъ бы священнымъ храмомъ, гдѣ обиталъ Православный Русскій Царь.

Широкій разгулъ, которому предавался самозванецъ, не мѣшалъ ему мечтать о бракѣ съ панной Мариной Мнишекъ. Это была одна изъ причинъ, наряду съ замысломъ о походѣ противъ Турокъ, для поддержанія добрыхъ отношеній какъ съ папой, такъ и съ Польскимъ королемъ.

Въ концѣ августа 1605 года, Сигизмундъ отправилъ въ Москву своего посла Александра Гонсѣвскаго поздравить Лжедимитрія съ вступленіемъ на престолъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Гонсѣвскій долженъ былъ напомнить его обязательства по отношенію къ Польшѣ. Но новый Царь ловко воспользовался тѣмъ, что Сигизмундъ назвалъ его только великимъ княземъ; подъ этимъ предлогомъ, обласкавъ Гонсѣвскаго, онъ уклонился отъ дальнѣйшихъ переговоровъ до признанія его «непобѣдимѣйшимъ императоромъ» и отправилъ въ свою очередь къ Сигизмунду своего великаго секретаря—думнаго дьяка Аѳанасія Власьева «въ Литву по Сердомирсково з дочерью», какъ выражается лѣтописецъ. Власьевъ долженъ былъ испросить позволеніе короля на выѣздъ Марины въ Москву, а также и уговорить его къ войнѣ съ Турками.

309. Аванасій Власьевъ.
Изъ книги А. Гваньини 1611 года: „Описаніе Европейской Сарматіи".

Къ Юрію Мнишку, который прислалъ Московскимъ боярамъ хвастливую грамоту, называя себя въ ней началомъ и причиною возвращенія Димитрія на престолъ предковъ и обѣщая имъ увеличить ихъ права, по своемъ пріѣздѣ въ Москву, былъ отправленъ секретарь самозванца Янъ Бучинскій; Бучинскій везъ также письмо и къ нунцію Рангони, въ которомъ Разстрига просилъ его исходатайствовать въ Римѣ разрѣшеніе причаститься Маринѣ въ день ея вѣнчанія на Царство по Православному обряду и поститься по средамъ. За услуги же, оказываемыя Рангони, Лжедимитрій сталъ хлопотать у папы о возведеніи его въ кардинальское званіе.

Ослѣпленный успѣхами самозванца, Сигизмундъ полагалъ, что ему слѣдуетъ жениться на дѣвушкѣ познатнѣе, чѣмъ Марина, и кажется выразилъ это Власьеву, желая, повидимому, выдать за Разстригу свою родную

сестру; скоро, однако, король оставилъ эту затѣю, такъ какъ все болѣе и болѣе разочаровывался въ своемъ ставленникѣ; къ тому же изъ Москвы къ нему прибылъ какой то Шведъ, съ тайнымъ порученіемъ отъ Царицы Марѳы, который сообщилъ королю, что занявшій Московскій столъ не ея сынъ. Затѣмъ прибылъ въ Польшу и дворянинъ Безобразовъ, тайно передавшій вернувшемуся изъ Москвы Гонсѣвскому, что Шуйскій и Голицынъ жалуются на короля, зачѣмъ онъ навязалъ имъ въ Цари человѣка низкаго и легкомысленнаго, притомъ тирана и распутнаго, ни въ какомъ отношеніи не достойнаго престола; Безобразовъ передавалъ также, что бояре хотятъ свергнуть Отрепьева и посадить вмѣсто него королевича Владислава—юнаго сына Сигизмунда. Узнавъ про это, Сигизмундъ сообщилъ, что онъ очень жалѣетъ, что ошибся въ Дмитріи, по вопросу же объ избраніи Владислава—предоставляетъ все волѣ Божіей.

310. Печать Государственная малая Лжедимитрія.

Эта печать приложена къ наказу, данному отъ Лжедимитрія Отрепьева въ Ноябрѣ 1605 года секретарю Яну Бучинскому, отправленному къ воеводѣ Сендомирскому Юрью Мнишку съ предложеніемъ о дѣлахъ, касающихся до невѣсты его Марины Мнишекъ.

Слухи о непрочности положенія Лжедимитрія были переданы королемъ и Юрію Мнишку; повидимому, они его нѣсколько смутили. Однако, онъ сильно нуждался въ деньгахъ, а потому переговоры о сватовствѣ продолжались; 1 ноября Аѳанасій Власьевъ вручилъ ему вмѣстѣ съ роскошными подарками отъ будущаго зятя полмилліона рублей чистыми деньгами, а нѣсколько позднѣе—секретарь Бучинскій—еще 200.000 червонцевъ.

Наконецъ, 10 ноября въ Краковѣ состоялось въ присутствіи короля съ большой торжественностью и пышностью обрученіе Марины по католическому обряду. Лицо жениха представлялъ Аѳанасій Власьевъ; онъ поражалъ всѣхъ своимъ простодушнымъ поведеніемъ. Когда кардиналъ Мацѣевскій, совершавшій обрученіе, спросилъ его: «не давалъ ли Царь обѣщанія другой невѣстѣ», то Власьевъ отвѣчалъ: «А я почемъ знаю? онъ мнѣ не говорилъ этого». Когда же всѣ присутствовавшіе разсмѣялись, то онъ добавилъ: «Если бы обѣщалъ кому-нибудь, то меня бы сюда не прислалъ». Во все время торжествъ, Власьевъ показывалъ чрезмѣрное уваженіе къ будущей Царицѣ: онъ ни за что не хотѣлъ прикоснуться къ ея рукѣ своею обнаженной рукой и обертывалъ ее чистымъ платкомъ. За обѣденнымъ столомъ онъ еле далъ себя уговорить сѣсть рядомъ съ Мариною и отказывался вкушать пищу, отвѣтивъ королю, предлагавшему ему отвѣдать подаваемыя блюда, что холопу неприлично ѣсть при такихъ высокихъ особахъ. Когда же провозглашались здравицы Димитрія и Марины, онъ вставалъ во весь ростъ и затѣмъ падалъ на землю.

Хитрый Аѳанасій Власьевъ велъ себя такимъ образомъ, повидимому, не безъ задней мысли: онъ хотѣлъ показать Полякамъ и королю, какъ высоко чтутъ на его Родинѣ званіе Государя, и этимъ какъ бы корилъ и

311. Обрученіе Марины Мнишекъ въ Краковѣ.

Съ современной картины, хранящейся въ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III въ Москвѣ.

Сигизмунда, что съ нимъ его подданные обращаются черезчуръ запросто. Отказъ его отъ ѣды можетъ быть также объясненъ обидою Власьева, что королю и его семейству подавали ѣсть на золотой посудѣ, а Маринѣ и ему, изображавшему лицо Царя,—на серебряной.

Эта обида должна была возрасти въ сильнѣйшей степени, когда послѣ танцевъ, въ которыхъ участвовала Марина по окончаніи обѣда, Мнишекъ подвелъ свою дочь къ королю и приказалъ ей пасть ему въ ноги, чтобы отблагодарить его за всѣ благодѣянія. Оскорбленный такимъ унизительнымъ поведеніемъ будущей Царицы Московской, Власьевъ тутъ же высказалъ это канцлеру Льву Сапѣгѣ.

Послѣ обрученія, Власьевъ требовалъ, чтобы Марина немедленно ѣхала въ Москву. Но ни она, ни отецъ ея не спѣшили. Послѣдній, несмотря на полученныя огромныя подачки, требовалъ все денегъ и денегъ для устройства своихъ дѣлъ, и занималъ ихъ даже у Аѳанасія Власьева, а Марина была недовольна слухами о Ксеніи Годуновой, не отвѣчала жениху на письма и требовала ея удаленія. Желаніе ея было исполнено: несчастная Ксенія была пострижена подъ именемъ Ольги, а затѣмъ сослана въ далекую пустынь на Бѣлоозеро, терпя затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ всевозможныя униженія.

Въ это же время шла сложная переписка въ средѣ католическаго духовенства относительно просьбы Лжедимитрія—разрѣшить Маринѣ въ день вѣнчанія на Царство причаститься по Православному обряду и поститься по средамъ; папа передалъ разсмотрѣніе этого вопроса высшему инквизиціонному судилищу въ Римѣ, и оно высказалось противъ. Но, конечно, этотъ отказъ нисколько не помѣшалъ предстоящему браку.

Приготовленія къ путешествію Мнишковъ заняли три мѣсяца, «въ теченіе которыхъ», говоритъ Валишевскій, «отецъ Марины удвоилъ количество своихъ долговъ. Но онъ добился королевскаго приказа, избавлявшаго его отъ судебнаго преслѣдованія на все время отсутствія, и могъ свободно разорить своихъ должниковъ». Передъ отправленіемъ въ Москву Юрій Мнишекъ получилъ напутственную грамоту отъ папы Павла V который писалъ ему, что онъ больше всего полагается на его благочестіе и нуждается въ его совѣтѣ и помощи, причемъ надѣется, что Московскій народъ легко обратится въ католичество, потому что онъ отъ природы кротокъ и до сихъ поръ не зараженъ еще ересями. Марина же писала папѣ, что «только бы святые ангелы благоволили довести ее до Москвы, не будетъ у нея другой заботы, кромѣ торжества истинной вѣры».

Со Мнишками выѣхало въ Москву множество самаго разнообразнѣйшаго люда: ѣхалъ братъ Марины—Станиславъ, братъ самого Мнишка—Янъ, Константинъ Вишневецкій, нѣсколько членовъ семьи Тарло, родственниковъ матери Марины, и другіе представители Польской знати. «Охмистромъ» (гофмейстеромъ—управляющимъ дворомъ) будущей Московской Царицы былъ панъ Стадницкій, а «охмистриною» пани Казановская. Много было и Латинскаго духовенства, въ томъ числѣ іезуитъ Савицкій и, какъ

его называетъ Валишевскій, «веселый патеръ Анзеринусъ», знакомый намъ ксендзъ Гусь. Затѣмъ было также 20 музыкантовъ и огромное количество торговцевъ, суконщиковъ, аптекарей, цырульниковъ—всего до 2.000 человѣкъ. Каждый изъ членовъ этого сборища, сопровождавшаго Марину къ вѣнцу, ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы возможно лучше поживиться въ Московскомъ Государствѣ. Ксендзы разсчитывали обратить скоро весь Русскій народъ въ Латинство, а остальные знатно повеселиться и нажить большую деньгу.

Зная безпримѣрную страсть Лжедимитрія къ мотовству, старая Анна Ягеллонка, вдова Баторія, тоже хотѣла поправить свои дѣла за счетъ Царской казны и послала важнаго пана Нѣмоевскаго продать Разстригѣ свои драгоцѣнности по хорошей цѣнѣ.

Отъѣздъ изъ Самбора состоялся 20 февраля. Ѣхали неторопливо, съ многочисленными остановками, причемъ на трехъ изъ нихъ, въ Минскѣ, Смолевичахъ и Борисовѣ—Мнишекъ получалъ отъ нетерпѣливаго жениха щедрыя присылки денегъ.

10 апрѣля въ Лубнѣ, близъ Литовской границы—Михайло Нагой и князь Рубецъ-Мосальскій привѣтствовали высокихъ гостей отъ имени Царя и объявили Маринѣ, что онъ ничего не пожалѣетъ, чтобы обставить ея путь возможными удобствами; дѣйствительно, однихъ только мостовъ по дорогѣ было выстроено 540. Въ Смоленскѣ Марину встрѣтили великолѣпныя сани, обитыя соболями; въ Вязьмѣ Мнишекъ разстался съ дочерью и поѣхалъ впередъ въ Москву.

Въ Можайскъ, во время остановки Марины, по нѣкоторымъ извѣстіямъ къ ней пріѣзжалъ Лжедимитрій и провелъ съ невѣстой двое сутокъ. Наконецъ, передъ самой Москвой, въ деревнѣ Мамоновѣ, женихъ опять явился ночью и видѣлся съ нею въ присутствіи ея спутницъ.

24 апрѣля, Юрій Мнишекъ прибылъ въ Москву и былъ встрѣченъ съ большимъ торжествомъ. Лжедимитрій выслалъ ему навстрѣчу Петра Басманова, одѣтаго гусаромъ, съ отрядомъ боярскихъ дѣтей, а также и великолѣпныхъ коней, причемъ сѣдло будущаго Царскаго тестя было оковано чистымъ золотомъ; при въѣздѣ въ кремль были разставлены войска.

Стараго Мнишка помѣстили въ бывшемъ домѣ Годуновыхъ; обѣдъ, устроенный для него и пріѣхавшихъ съ нимъ пріятелей, подавался на золотѣ, а по его окончаніи гостей занималъ молодой Царскій любимецъ—князь Иванъ Хворостининъ.

На слѣдующій день Сендомирскій воевода былъ торжественно принятъ Царемъ. Разстрига сидѣлъ на своемъ золотомъ тронѣ, въ высокой коронѣ на головѣ и со скипетромъ въ правой рукѣ, окруженный патріархомъ, высшимъ духовенствомъ и боярами. Мнишекъ привѣтствовалъ его рѣчью и такъ растрогалъ Лжедимитрія, по словамъ одного изъ прибывшихъ въ Москву Поляковъ, «что онъ плакалъ какъ бобръ, утирая лицо платкомъ». Затѣмъ начались веселые обѣды, охоты и ночныя попойки; Польская музыка гремѣла въ кремлѣ съ утра до ночи, поражая Москвичей своими необыкновенными звуками. Царь принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ

этихъ увеселеніяхъ, забавляясь все время переодѣваніемъ: онъ поперемѣнно являлся то Польскимъ гусаромъ, то Московскимъ щеголемъ.

1 мая Марина прибыла подъ Москву и расположилась со свитою въ великолѣпныхъ шатрахъ, гдѣ была встрѣчена знатнѣйшими сановниками. На другой день послѣдовалъ ея торжественный въѣздъ въ столицу. Она ѣхала, привѣтствуемая звономъ колоколовъ и громомъ пушечныхъ выстрѣловъ, въ великолѣпной каретѣ, отдѣланной серебромъ и запряженной десятью лошадьми, расписанными краской подъ тигровую масть. Впереди кареты ѣхалъ верхомъ самъ старый Мнишекъ и шли отряды Польской пѣхоты и гусаръ, а по обѣимъ сторонамъ улицъ, сдерживая напоръ несмѣтной толпы, стояли войска: Московскіе стрѣльцы и дворяне, Польскіе жолнеры, Нѣмецкіе алебардщики и отряды казаковъ; ихъ лично разставлялъ самъ Царь, скрытно разъѣзжавшій затѣмъ среди народа, чтобы наблюдать за въѣздомъ своей нареченной. Говорятъ Москвичи, опять какъ годъ тому назадъ при въѣздѣ новаго Царя, были непріятно поражены внезапно поднявшимся сильнымъ вихремъ.

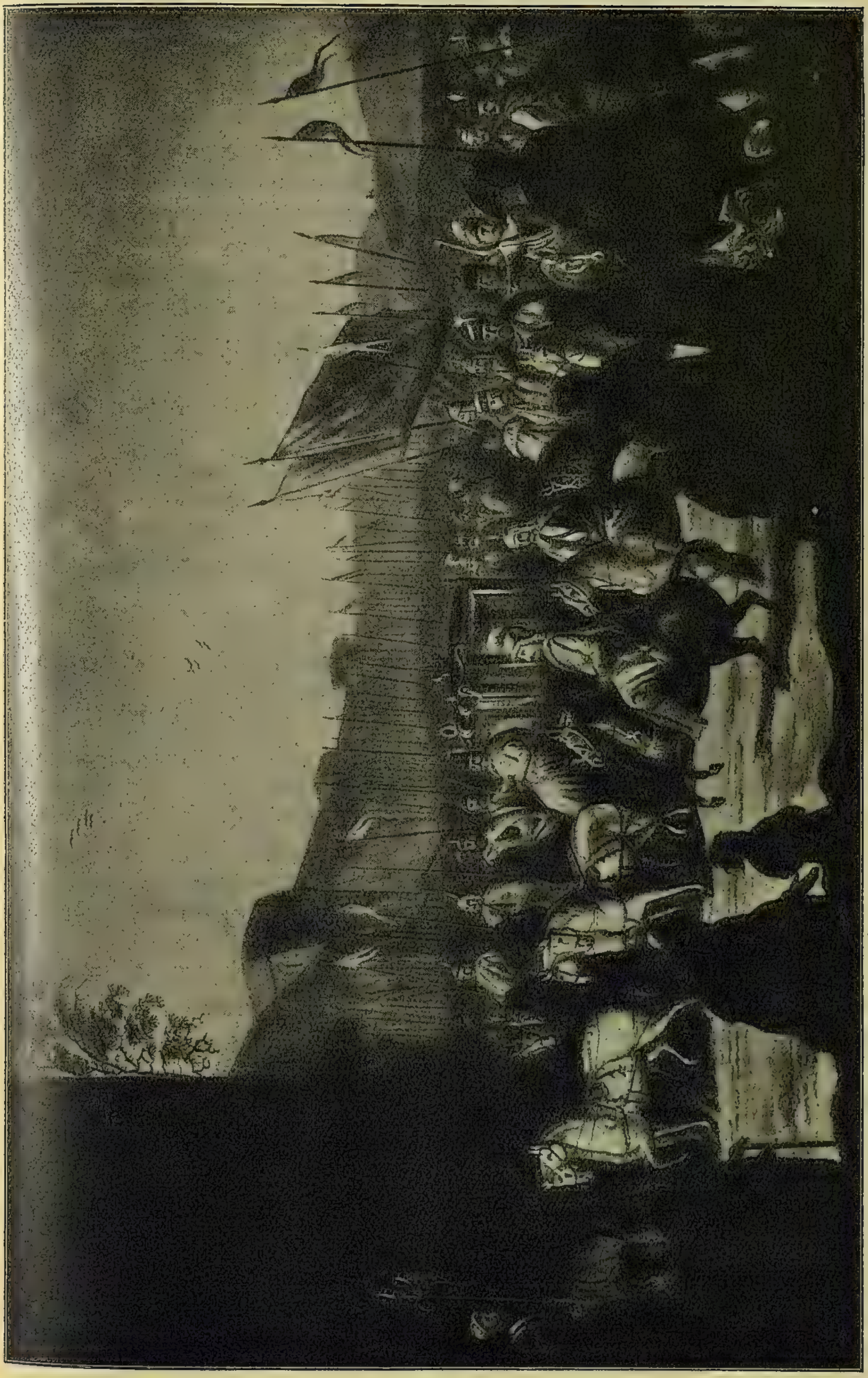
Необычайной должна была имъ казаться и внѣшность ихъ будущей Царицы: она была въ бальномъ Французскомъ платьѣ, узко перетянутомъ въ поясѣ, со взбитыми и поднятыми вверхъ волосами, и огромнѣйшимъ воротникомъ, почти въ аршинъ въ поперечникѣ. Конечно, многочисленные драгоцѣнные камни, которые носили прежнія Московскія Государыни, уже блистали на ней.

Невѣста должна была жить въ помѣщеніи инокини Маѳы, мнимой матери Царя, въ кремлевскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Когда поѣздъ ея остановился у вратъ обители, то Марина, выходя изъ кареты, приказала сопровождавшему ея хору Польскихъ музыкантовъ сыграть Польскую народную пѣсню. Музыка, конечно, тотчасъ же грянула, къ полному смущенію всѣхъ присутствующихъ Русскихъ людей.

Въ тотъ же день, нѣсколькими часами ранѣе въѣзда Царской невѣсты, въ Москву прибыли послы Сигизмунда—паны Олесницкій и Гонсѣвскій для присутствованія отъ его имени на торжествѣ бракосочетанія.

Для размѣщенія огромнаго количества Польскихъ гостей требовалось большое число помѣщеній. Устроивъ Марину въ Вознесенскомъ монастырѣ, а Мнишка въ домѣ Годуновыхъ, для остальныхъ взяли «всѣ лучшіе дома въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ и выгнали хозяевъ, не только купцовъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духовнаго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, Нагихъ; сдѣлался крикъ и вопль», говоритъ Карамзинъ.—«Съ другой стороны, видя тысячи гостей незваныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ, видя, какъ они еще изъ телѣгъ своихъ вынимали запасные сабли, копья, пистолеты, Москвитяне спрашивали у Нѣмцевъ, ѣздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадьбу, какъ на битву, и говорили другъ другу, что Поляки хотятъ овладѣть столицей».

Помѣщеніе Марины въ монастырѣ было понято населеніемъ, что она будетъ готовиться къ воспріятію Православія передъ свадьбой. Но скоро



312. *Торжественный взъездъ Марины Мнишекъ въ кремль.*

Съ современной картины, написанной по приказанію Лжедимитрія и хранящейся въ Московской Оружейной Палатѣ.

всѣ должны были въ этомъ разочароваться. Маринѣ съ ея паньями и паннами крайне не понравилось пребываніе въ «схизматической» обители. «Спутницы Марины нашли помѣщеніе зловѣщимъ», говоритъ Валишевскій—«не стало патера Анзеринуса, чтобы развлекать и подбадривать ихъ: Латинскому духовенству входъ въ монастырь строжайше воспрещался... Для полноты бѣдствій ихъ отвратительно кормили въ угрюмомъ монастырѣ и очень дурно обставили. Нѣжный вкусъ Польскихъ шляхтянокъ оскорблялся Московскими приправами, а утонченная воспитанность страдала отъ сношеній съ грубыми монахинями».

Марина, разумѣется, не замедлила пожаловаться на все это Лжедимитрію, и влюбленный женихъ поспѣшилъ ее утѣшить: онъ прислалъ ей въ обитель Польскаго повара, а затѣмъ и Польскихъ музыкантовъ и пѣсельниковъ, вмѣстѣ съ ларцемъ, заключавшимъ въ себѣ на 500.000 рублей драгоцѣнностей. Невѣста и ея спутницы развеселились: звуки музыки и пѣсенъ стали оглашать стѣны тихой обители, а къ столу имъ начали подаваться любимыя Польскія блюда. Панъ Мнишекъ былъ тоже доволенъ: будущій зять опять подарилъ ему 100.000 золотыхъ. Вообще самозванецъ потратилъ на одни дары невѣстѣ и Полякамъ около четырехъ милліоновъ нынѣшнихъ рублей.

Оставшіеся дни передъ бракосочетаніемъ, которое должно было состояться 8 мая, шли, между тѣмъ, не совсѣмъ гладко.

На «Освященномъ соборѣ» у духовенства поднялся вопросъ: можно ли допустить до брака съ Царемъ католичку Марину или ее необходимо крестить. Угодливый патріархъ Игнатій полагалъ, что достаточно будетъ, если она пріобщится Св. Таинъ; другіе святители молчали, но двое—Гермогенъ Казанскій и Іосифъ Коломенскій, настаивали, что еретичка Марина непремѣнно должна быть крещена. Взбѣшенный этимъ, Лжедимитрій выслалъ обоихъ пастырей изъ Москвы въ ихъ епархіи.

На слѣдующій день послѣ пріѣзда Марины, 3 мая, Лжедимитрій торжественно принималъ въ Грановитой палатѣ знатнѣйшихъ Поляковъ, свою будущую родню со стороны Мнишковъ и королевскихъ пословъ—Олесницкаго и Гонсѣвскаго.

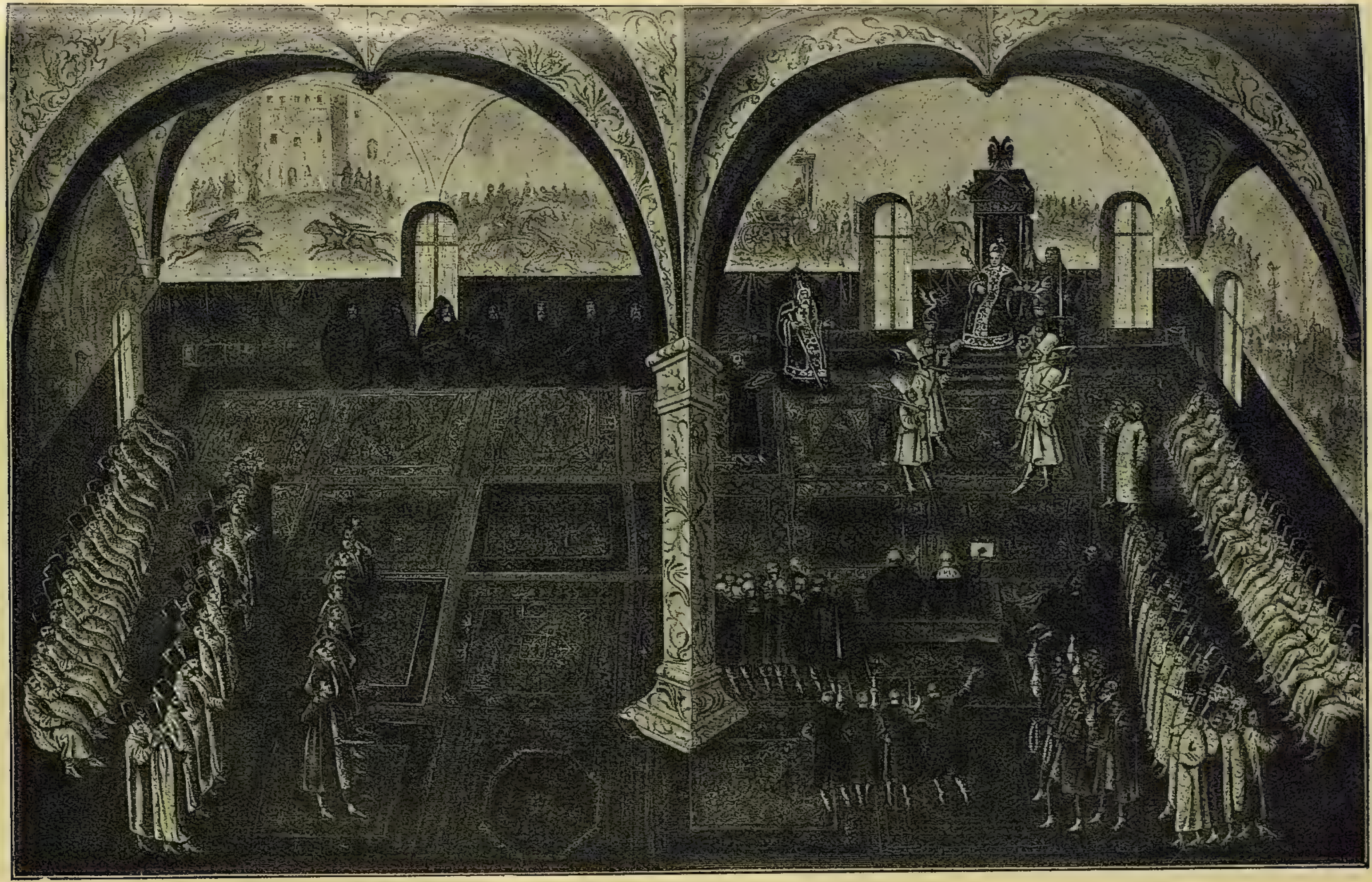
Самозванецъ сидѣлъ на тронѣ, въ коронѣ и со скипетромъ, имѣя у своихъ ногъ двухъ серебряныхъ львовъ; на его правой рукѣ виднѣлось кольцо съ необыкновеннымъ рубиномъ въ три пальца шириной; рядомъ съ тономъ стоялъ великій мечникъ князь М. В. Скопинъ-Шуйскій, съ обнаженнымъ мечомъ, а по бокамъ четыре рынды въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ; нѣсколько же позади виднѣлся, какъ и во времена Герберштейна, серебряный вызолоченный умывальникъ съ водою. Кругомъ палаты сидѣло на скамьяхъ у стѣнъ около семидесяти бояръ въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ изъ черной лисицы; патріархъ находился справа отъ Лжедимитрія на особомъ креслѣ, а нѣсколько подальше отъ него были расположены на скамьѣ остальные владыки «Освященнаго собора». Дворецкій князь Рубецъ-Мосальскій и великій секретарь Аѳанасій Власьевъ—вызывали Поляковъ по списку для цѣлованія Разстригиной руки.

Первымъ привѣтствовалъ Царя—управляющій дворомъ Марины, панъ Мартынъ Стадницкій. Затѣмъ наступила очередь королевскихъ пословъ. Когда тѣ были еще въ сѣняхъ—самозванецъ послалъ къ нимъ Юрія Мнишка съ требованіемъ, чтобы они назвали его непремѣнно цесаремъ (императоромъ). Но послы не соглашались на это, и Юрій Мнишекъ нѣсколько разъ возвращался въ палату и опять уходилъ изъ нея. Наконецъ, они были допущены передъ очи Лжедимитрія. Олесницкій привѣтствовалъ его, но не назвалъ ни Царемъ, ни императоромъ, а затѣмъ вручилъ грамоту Сигизмунда—Аѳанасію Власьеву. Послѣдній подошелъ съ нею къ самозванцу и сталъ тихо читать ему ея надпись: въ ней Лжедимитрій тоже не былъ названъ ни Царемъ, ни цесаремъ. Тогда Власьевъ вернулъ ее обратно посламъ и сказалъ имъ, что она написана какому-то князю Димитрію, а не цесарю, передъ которымъ они стоятъ, а потому имъ надлежитъ съ нею ѣхать домой.

«Съ благоговѣніемъ принимаю обратно грамоту его величества и короля моего», отвѣчалъ Олесницкій, обращаясь къ Лжедимитрію, «но ни отъ одного христіанскаго государя не получалъ еще такого оскорбленія ни король, ни Рѣчь Посполитая, въ которой ваша господарская милость еще недавно была осыпана ласками и благодѣяніями, а теперь такъ скоро ихъ забыла и съ презрѣніемъ отвергаетъ письмо его величества съ трона, на коемъ сидитъ, благодаря дивному Божіему промыслу, моему государю и Польскому народу»... «Эта дерзкая рѣчъ Олесницкаго оскорбила всѣхъ Россіянъ,—говоритъ Карамзинъ,—не менѣе Царя; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго пана и какъ бы обрадовался случаю блистать своимъ краснорѣчіемъ»... Онъ снялъ съ себя корону и вступилъ въ споръ съ Олесницкимъ, доказывая ему, что онъ не только князь и государь, но даже и не царь, а императоръ или цесарь, причемъ всѣ бывшіе до него Мидійскіе, Ассирійскіе и Римскіе императоры имѣли на это званіе меньше правъ, чѣмъ онъ, и что уже всѣ Европейскіе государи, кромѣ одного только Сигизмунда, признали его въ этомъ новомъ званіи. На это Олесницкій, извинившись въ отсутствіи краснорѣчія, «съ жаромъ и грубостью», по выраженію Карамзина, «упрекалъ Лжедимитрія въ неблагодарности, забвеніи милостей королевскихъ, безразсудности въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права»...

Затѣмъ въ споръ вмѣшался и Аѳанасій Власьевъ; всѣ трое говорили одновременно, перебивая и не слушая другъ друга. Въ Грановитой палатѣ, гдѣ прежде торжественно возсѣдали знаменитые Русскіе Государи, Іоаннъ III, Василій III и Грозный Царь, поднялся шумъ и гамъ, какъ на базарной площади, и всѣ «признаки закоснѣлой подлости»—сидѣвшаго на тронѣ Царя, съ полной очевидностью обнаружились въ это время передъ чинно сидящими въ горлатныхъ шапкахъ членами Царскаго синклита и Освященнымъ соборомъ.

Видя, что Олесницкаго не переспорить, Лжедимитрій не выдержалъ и постыдно уступилъ ему; чтобы кончить споръ, онъ просилъ его подойти къ свой рукѣ не какъ посла, а какъ добраго знакомаго. Но дерзкій панъ упор-

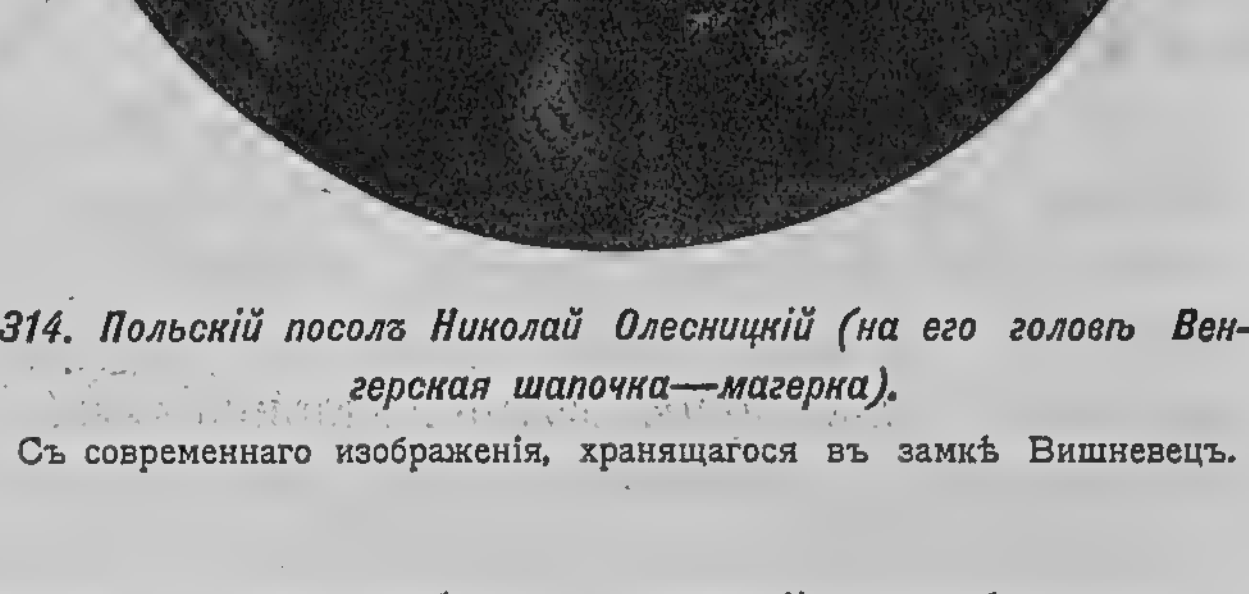


313. Пріемъ Польскихъ пословъ Лжедимитріемъ.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Пештскомъ историческомъ музеѣ и открытаго графомъ А. С. Уваровымъ.

ствовалъ: «Или я посолъ, сказалъ онъ, или не могу цѣловать твоей руки», и Лжедимитрій сдалъ окончательно. Грамота Сигизмунда была принята тутъ же при всѣхъ, «для того», пояснилъ Власьевъ, «что Царь, готовясь къ брачному веселью, расположенъ къ снисходительности и мирнымъ чувствамъ».

Лжедимитрій спросилъ затѣмъ о здоровьи короля, однако, чтобы показать свое неудовольствіе, не привсталъ, какъ этого требовалъ обычай. «Вашему найяснѣйшему господарскому величеству слѣдуетъ встать при этомъ вопросѣ»—нагло замѣтилъ ему Олесницкій. «И Разстрига,—говоритъ возмущенный Н. М. Карамзинъ,—исполнилъ его желаніе—однимъ словомъ, унизилъ, остыдилъ себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ». Послѣ этого, въ знакъ своего особаго расположенія, Лжедимитрій послалъ Олесницкому и Гонсѣвскому къ нимъ на домъ до ста кушаній на золотыхъ блюдахъ со своего стола, а пріѣхавшихъ съ Мариною Поляковъ пріятельски угощалъ обѣдомъ, подавая каждому руку и передъ каждымъ снимая надѣтую на своей головѣ высокую шапку изъ драгоцѣнной черной лисицы.



314. Польскій посолъ Николай Олесницкій (на его головѣ Венгерская шапочка—магерка).

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ замкѣ Вишневецъ.

«Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали»—разсказываетъ Карамзинъ... «Деньги изъ Царской казны лились рѣкой»... «Знатные Ляхи»,—«также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархатъ и готовились жить пышно въ Москвѣ... Но самая роскошь гостей оскорбляла народъ: видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны Царской; что достояніе Отечества, собранное умомъ и трудами нашихъ Государей, идетъ въ руки непріятелей Россіи».

7 мая, ночью, Марина при свѣтѣ двухсотъ факеловъ совершила въ богатѣйшей колесницѣ переѣздъ изъ Вознесенскаго мона-

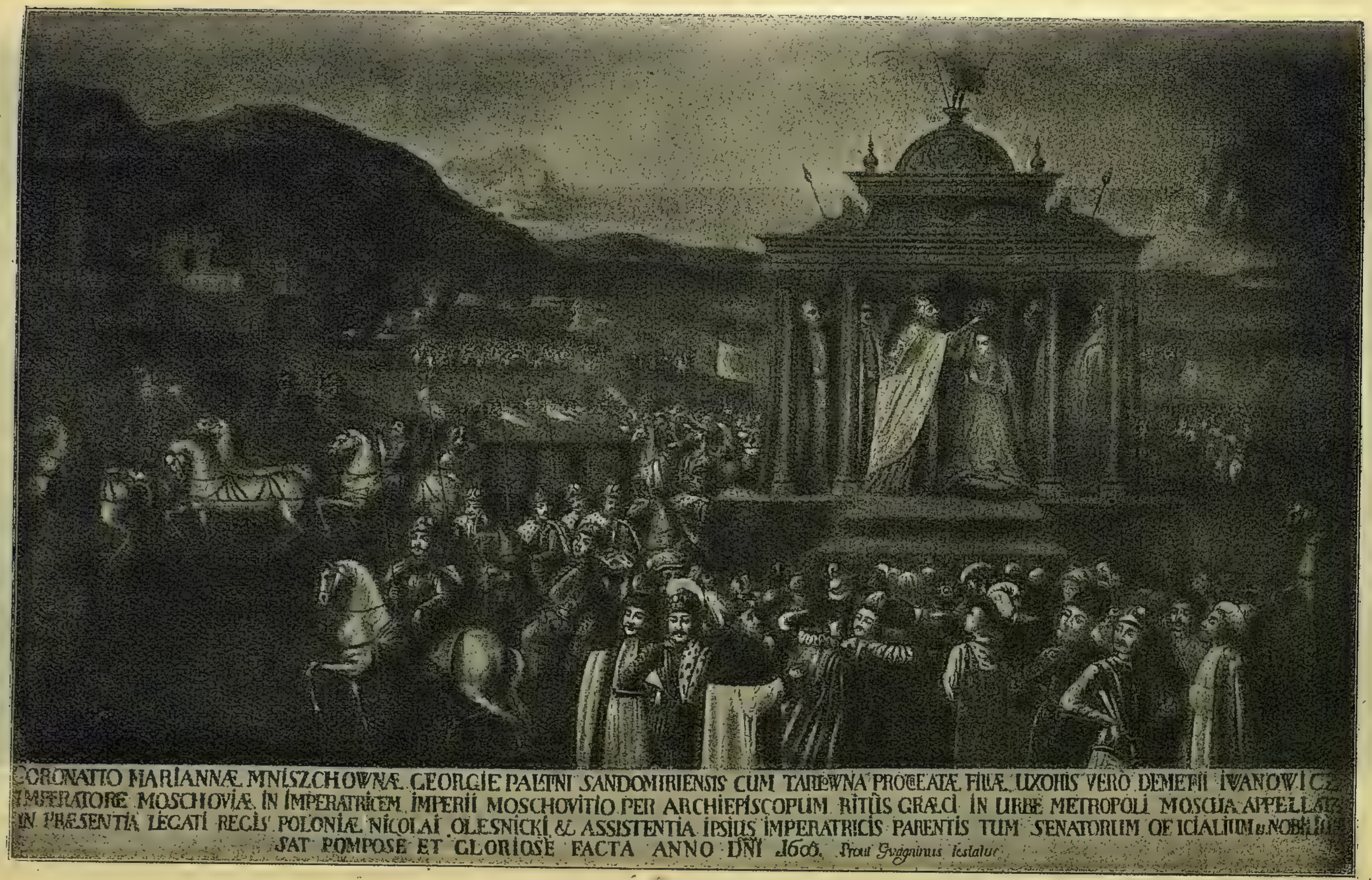
стыря на свою половину новаго деревяннаго дворца, выстроеннаго Лжедимитріемъ.

Свадьба, съ соблюденіемъ всѣхъ старинныхъ обрядовъ, описанныхъ нами при вѣнчаніи Василія III и Елены Глинской, состоялась на другой день, 8 мая, хотя это и былъ канунъ большого праздника—Святителя Николая, когда по церковному обычаю вѣнчанья не положено.

Невѣсту для обрученія ввели въ столовую избу княгиня Мстиславская и Юрій Мнишекъ. Тысяцкимъ жениха былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Лжедимитрій весь сіялъ отъ блеска драгоцѣнныхъ камней, на немъ надѣтыхъ. Марина, преодолѣвъ на сей день свое отвращеніе къ Русскому наряду, была въ красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами, причемъ оно было настолько густо обшито жемчугомъ, что едва можно было различить его цвѣтъ; повязка же на ея головѣ изъ драгоцѣннѣйшихъ камней стоила до 70.000 рублей.

Передъ совершеніемъ Таинства бракосочетанія Лжедимитрій вздумалъ вѣнчать на Царство свою невѣсту. Въ Грановитой палатѣ было сооружено два престола: на одинъ сѣлъ Разстрига, на другой—Марина. Къ ней подошелъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій и громко сказалъ: «Найяснѣйшая, великая Государыня Цесарева Марія Юрьевна! Волею Божіею и непобѣдимаго Самодержца, Цесаря и Великаго Князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой Царскій *маестатъ* (владычество) и властвуй вмѣстѣ съ Государемъ надъ нами».

Изъ Грановитой палаты торжественное шествіе направилось черезъ Красное крыльцо въ Успенскій соборъ; тамъ было тоже приготовлено три трона—для жениха, невѣсты и патріарха. Марина и сопровождавшія ее Польки начали прикладываться къ иконамъ, причемъ, къ великому соблазну присутствующихъ Православныхъ, цѣловали изображенныхъ на нихъ Святыхъ прямо въ уста. «Польки ея свиты подчинились сей необходимости съ проклятіемъ въ душѣ»—говоритъ Валишевскій. Затѣмъ началось безпримѣрное дѣяніе: Марина была вѣнчана патріархомъ на Царство, чего не удостоивалась ни одна изъ прежнихъ нашихъ благочестивыхъ Царицъ. Недостойный первосвятитель Игнатій надѣлъ на иновѣрку Марину Животворящій Крестъ, шапку и бармы Мономоха, помазалъ ее миромъ и причастилъ. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, іезуиты, во главѣ съ о. Пирлингомъ, отвергаютъ. Послѣ принесенія ей поздравленій всѣмъ духовенствомъ, боярами и Поляками, при пѣніи пѣвчими многолѣтія «благовѣрной цесаревѣ Маринѣ», начался обрядъ бракосочетанія. Въ теченіе этой службы Разстрига крайне высокомѣрно требовалъ отъ окружавшихъ его бояръ разныхъ унизительныхъ, какъ это было замѣчено присутствующими Поляками, услугъ: подставить ему подъ ноги скамейку и пр. Послѣ вѣнца молодые, въ коронахъ на головахъ, вышли, держась за руки, изъ храма и въ дверяхъ были осыпаны по обычаю золотыми деньгами княземъ Мстиславскимъ. Затѣмъ былъ небольшой обѣдъ и, наконецъ, Юрій Мнишекъ и князь В. И Шуйскій—проводили новобрачныхъ до ихъ покоевъ.



315. Коронованіе Марины Мнишекъ.

Съ картины, находящейся въ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III въ Москвѣ.

316. Бракосочетаніе Лжедимитрія и Марины Мнишекъ въ Москвѣ, въ 1606 году.

Съ современной картины, находящейся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III.

Торжества по случаю свадьбы Царя начались на другой день. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались и разнаго рода недоразумѣнія.

Получивъ приглашеніе къ Царскому столу, послы Олесницкій и Гонсѣвскій заявили, что они требуютъ, чтобы ихъ посадили непремѣнно за однимъ столомъ съ Царемъ и Царицею, подобно тому, какъ сидѣлъ Власьевъ въ Краковѣ на обѣдѣ у короля, послѣ своего обрученія съ Мариной по Латинскому обряду. Имъ возражалъ на это тотъ же Власьевъ, указывая, что вмѣстѣ съ нимъ за королевскимъ столомъ сидѣли послы императора и папы, слѣдовательно ему никакой особой чести оказано не было, «ибо Государь нашъ не менѣе ни императора, ни Римскаго владыки,—нѣтъ великій цезарь Димитрій болѣе ихъ: что у васъ папа, то у него каждый попъ». «Такъ изъяснялся», говоритъ Карамзинъ, «первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстригинъ, въ душѣ своей не благопріятствуя Ляхамъ и желая, можетъ быть, сей непристойной насмѣшкой доказать, что Лжедимитрій не есть папистъ».

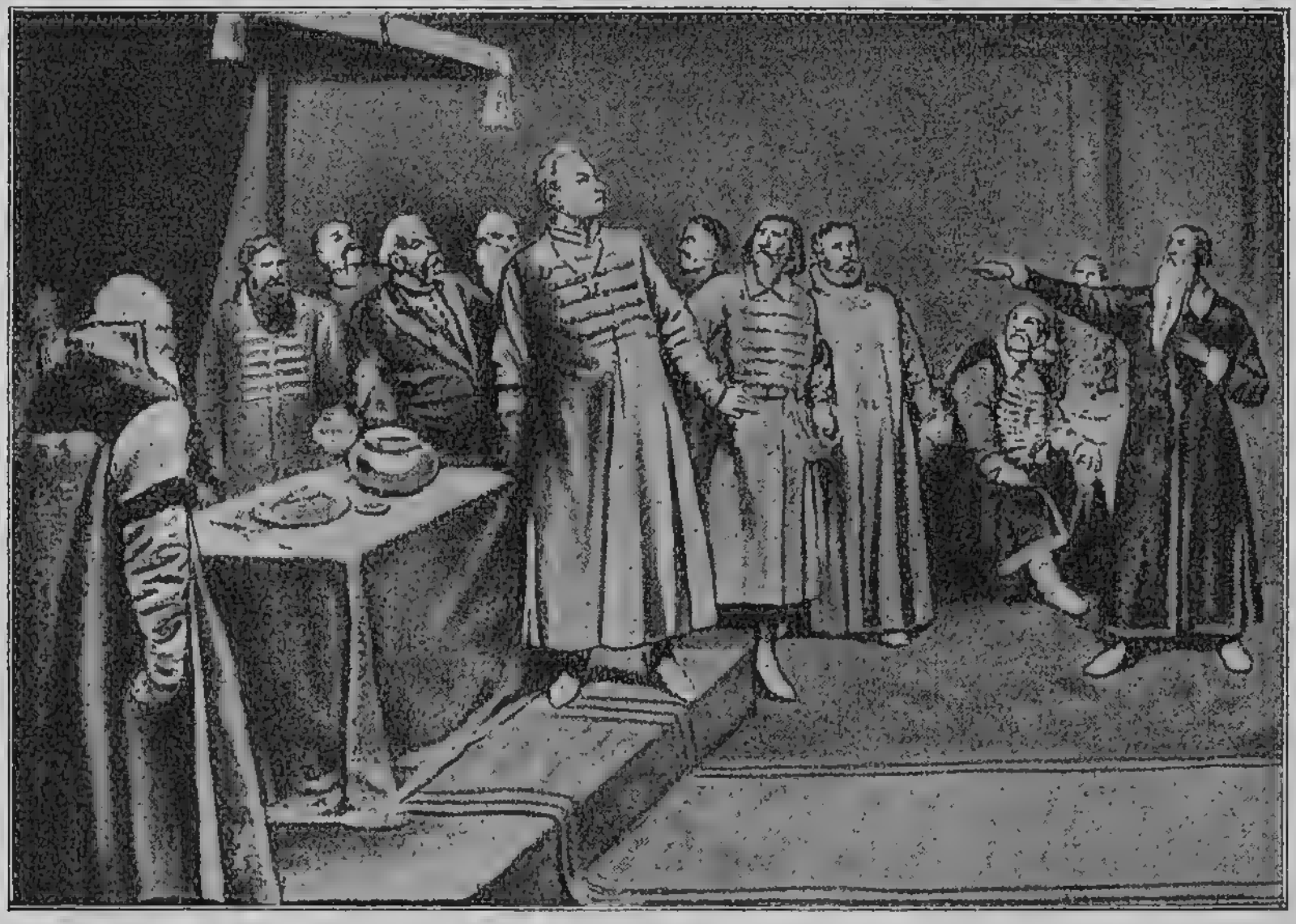
Послы обѣдать не поѣхали. Торжество, впрочемъ, отъ этого нисколько не пострадало. За столомъ въ Грановитой палатѣ, гдѣ присутствовали высшіе Русскіе сановники и Польская знать, Лжедимитрій появился одѣтый гусаромъ, а Марина въ своемъ Польскомъ одѣяніи, которое она больше не снимала. Въ дверяхъ же размѣстились Польскіе музыканты. Разстрига постоянно пилъ здоровье Поляковъ и оказывалъ имъ отмѣнную честь. По окончаніи стола, Русскіе разошлись по своимъ домамъ, но Поляковъ Лжедимитрій удержалъ въ своихъ покояхъ и потребовалъ сюда еще вина и музыки. Здѣсь онъ опять пилъ здоровье каждаго и по-пріятельски шутилъ и бесѣдовалъ съ ними, причемъ, какъ истый потомокъ по духу второго сына Ноя, глумился въ разговорахъ надъ императоромъ Рудольфомъ, королемъ Сигизмундомъ и надъ папою, а себя называлъ другомъ Александра Македонскаго и выражалъ сожалѣніе, что не можетъ помѣриться съ нимъ силами. Затѣмъ онъ пошелъ въ помѣщеніе Польскихъ солдатъ и пилъ за ихъ здоровье и за славу Польскаго оружія.

Въ воскресенье, 11 мая, Польскіе послы подносили подарки Маринѣ и опять были приглашены обѣдать, причемъ опять-же возникли пререканія о мѣстахъ. Благодаря вмѣшательству Юрія Мнишка, Лжедимитрій уступилъ и согласился поставить особый столъ для старшаго изъ пословъ Олесницкаго—нѣсколько ниже своего, но за обѣдомъ продолжалъ держать себя невѣжливо по отношенію Сигизмунда и пилъ его здоровье, сидя и съ покрытой головой; когда же приглашенные Поляки подходили къ нему съ чаркой, онъ передъ каждымъ снималъ съ головы тафью.

Повидимому, въ этотъ же день, 11 утромъ, вышла непріятность для молодыхъ. На дьяка Тимоѳея Осипова была возложена обязанность торжественно объявить Марину Царицей, послѣ чего должно было послѣдовать принесеніе ей присяги. Готовясь къ этому дню, Тимоѳей Осиповъ наложилъ на себя постъ и двукратно причастился Святыхъ Таинъ. Затѣмъ, когда настало время, онъ, ничего не сказавъ женѣ, предсталъ передъ Царемъ и въ

присутствіи всѣхъ громогласно началъ свою рѣчь словами: «Велишь себя писать въ титулахъ и грамотахъ цезарь непобѣдимый, а то слово по нашему христіанскому закону Господу нашему Іисусу Христу грубно и противно: а ты воръ и еретикъ подлинный, разстрига Гришка Отрепьевъ, а не царевичъ Димитрій». Мужественный дьякъ объявилъ затѣмъ, что не желаетъ присягать іезуиткѣ, Царицѣ язычницѣ, оскорбляющей своимъ присутствіемъ Московскія святыни, и хотѣлъ продолжать свою рѣчь дальше, но былъ тотчасъ же убитъ окружающими и выброшенъ изъ окна.

14 мая Марина принимала въ своихъ покояхъ всѣхъ Московскихъ боярынь. Подробностей объ этомъ пріемѣ Польскіе лѣтописцы не сохранили.



317. Дьякъ Тимовей Осиповъ обличаетъ Лжедимитрія въ самозванствѣ.

Рисунокъ художника Лебедева.

15 числа состоялось дѣловое совѣщаніе Польскихъ пословъ съ князьями Димитріемъ Шуйскимъ и Мосальскимъ, Михаиломъ Татищевымъ и дьяками Власьевымъ и Грамотинымъ. Опираясь на обѣщаніе, данное Разстригою королю, послы требовали, чтобы Царь отдалъ Польшѣ Смоленскъ и княжество Сѣверское, а также Новгородъ и Псковъ, или по крайней мѣрѣ часть этихъ Земель, и оказалъ бы ему ратную помощь для овладѣнія Швеціей. За это Сигизмундъ обѣщалъ помогать ему въ войнѣ съ Турками. Далѣе послы настаивали, что въ случаѣ бездѣтности Царя, его престолъ долженъ перейти къ Польской коронѣ, а пока въ Московскомъ Государствѣ необходимо открыть костелы и завести школы и коллегіи (іезуитскія для дѣтей). Имъ отвѣтили, что Царь вскорѣ самъ будетъ говорить съ ними про всѣ эти дѣла.

Въ ожиданіи же этихъ разговоровъ, Лжедимитрій пригласилъ въ тотъ же день Олесницкаго на пиръ, устраиваемый для друзей Марины, увѣряя его, что на немъ «не будетъ ни цезаря, ни посла», а только одни друзья. «Но потомъ далеко иначе было»—говоритъ одинъ Полякъ-очевидецъ.

Послѣ обѣда Разстрига и Марина пустились въ плясъ; затѣмъ съ ней начали танцовать и другіе Польскіе паны, а Лжедимитрій пошелъ переодѣться. Между тѣмъ въ палату стала набиваться прислуга находившихся въ ней пановъ, чтобы взглянуть, какъ они веселятся. Маринѣ это не понравилось, и, по словамъ пана Нѣмоевскаго, «государыня» обратилась къ тремъ своимъ приближеннымъ со словами: «Скажите тѣмъ, которые сюда влѣзли, и ихъ панамъ, чтобы они убирались, иначе я ихъ велю отхлестать кнутами, да не единажды, а трижды». Это были единственныя слова, которыя дошли до насъ отъ Марины, за время ея пребыванія Московской Царицей. Они показываютъ намъ ясно, насколько велика была «утонченная воспитанность» Польскихъ шляхтянокъ, которая, по словамъ Валишевскаго, «страдала отъ сношеній съ грубыми монахинями» Вознесенскаго монастыря.

Между тѣмъ въ палату вернулся Разстрига; онъ скинулъ свое Московское одѣяніе и явился теперь въ красномъ Польскомъ жупанѣ, богато вышитомъ зелеными и голубыми цвѣтами и усыпанномъ жемчугомъ и брильантами. Самозванецъ взялъ Марину и началъ съ ней какой то танецъ, въ которомъ за ними долженъ былъ ухаживать панъ Олесницкій. Олесницкій ухаживалъ, не снимая съ головы своей Венгерской шапочки-магерки, и вызвалъ тѣмъ сильный гнѣвъ Царя: «Скажите всѣмъ, кто танцуетъ въ шапкахъ», крикнулъ онъ пану Стадницкому, «что съ тѣхъ я буду снимать ихъ вмѣстѣ съ головами».—«Смотрите ваша милость», сказалъ на это Олесницкій пану Нѣмоевскому, снимая свою магерку, «господарь мнѣ обѣщалъ, что тутъ не будетъ ни посла, ни цесаря, а теперь я вижу, что посла-то нѣтъ, но цесарь остался».

Пляски продолжались, но Разстрига зорко слѣдилъ, чтобы никто не смѣлъ быть въ шапкахъ, и требовалъ, чтобы по окончаніи каждаго танца посолъ и всѣ гости кланялись ему въ ноги.

Часть вечера 16 мая самозванецъ провелъ съ посланнымъ королевы Анны Ягеллонки, паномъ Станиславомъ Нѣмоевскимъ, который принесъ ему показать привезенный для продажи желѣзный ларецъ съ брильантами, рубинами и жемчугами. Лжедимитрій долго бесѣдовалъ съ нимъ, какъ съ добрымъ пріятелемъ, и оставилъ привезенные камни у себя, чтобы ихъ лучше разсмотрѣть. Царь произвелъ отличное впечатлѣніе на Нѣмоевскаго; онъ называетъ его высокопросвѣщеннымъ, добрымъ, мягкимъ и щедрымъ, впрочемъ, чаще на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; «наобѣщавъ десятки тысячъ, Лжедимитрій», говоритъ Нѣмоевскій, «охотно искалъ предлога для гнѣва, чтобы освободиться отъ даннаго слова... Роста былъ ниже средняго, съ круглымъ, смуглымъ лицомъ и сумрачнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ; съ русыми воло-

сами, безъ усовъ и безъ бороды, онъ, несмотря на молодость, имѣлъ въ лицѣ что то бабье».

Вечеръ, проведенный съ Нѣмоевскимъ, былъ послѣдній въ жизни Разстриги.

318. Лжедимитрій.

Съ современнаго изображенія, находящагося нынѣ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III.

Мы видѣли, какое страшное негодованіе должно было производить все поведеніе Лжедимитрія какъ на бояръ и духовенство, такъ и на Московское населеніе.

«Прибытіе Марины съ Поляками еще ускорило ходъ событій», говоритъ іезуитъ Пирлингъ, «они сами признавались впослѣдствіи, что злоупотребляли своимъ положеніемъ и слишкомъ предавались своимъ страстямъ. Самыя возмутительныя дѣянія начали твориться на глазахъ у

всѣхъ. Поляки не вѣдали ни стыда, ни совѣсти. Знать шляхетская распѣвала, плясала, пировала въ кремлѣ подъ звуки шумной музыки, непривычной для слуха благочестивыхъ Россіянъ.... Эти надменные гости держали себя особ-

319. Марина Мнишекъ.

Съ современнаго изображенія, находящагося нынѣ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III.

ня̀комъ, не желая смѣшиваться съ Русскими; понятно, такая исключительность оскорбляла многихъ и вызывала раздраженіе. Еще хуже знатныхъ господъ вела себя челядь. Здѣсь были настоящіе головорѣзы. Они положительно ни въ чемъ не знали удержу. То безчинствовали въ Православныхъ церквахъ, то затѣвали буйство на улицѣ, то оскорбляли честныхъ дѣвицъ... При всемъ своемъ пристрастіи къ соотечественникамъ, Мартынъ Стадницкій не скрываетъ своего отрицательнаго отношенія къ ихъ поведенію въ Москвѣ...

По его словамъ, Поляки вызывали ярость Москвичей своей распущенностью. Они обходились съ Русскими людьми какъ съ «быдломъ» (скотомъ); они оскорбляли ихъ всячески, затѣвали ссоры, а въ пьяномъ видѣ способны были нанести самыя тяжкія обиды замужнимъ женщинамъ».

«Хуже всего было то, что самъ Царь уже не внушалъ къ себѣ прежняго довѣрія. Димитрій, которымъ восторгались когда-то Рангони и о. Андрей (іезуитъ), былъ теперь неузнаваемъ. Въ немъ совершился коренной переворотъ. Это перемѣна сказывалась и въ тривіальныхъ (пошлыхъ) шуткахъ, безтактныхъ притязаніяхъ и въ какомъ-то поистинѣ роковомъ ослѣпленіи»....

«Столь же мало утѣшительны были и тѣ свѣдѣнія, которыя получалъ изъ Москвы о. Савицкій (іезуитъ). Бывшій духовникъ Царя волей-неволей долженъ былъ признаться, что его чадо стало совсѣмъ другимъ, чѣмъ было прежде. Пусть даже Димитрій не занимался черной магіей, въ чемъ нѣкоторые его подозрѣвали. Во всякомъ случаѣ онъ былъ одержимъ бѣсами гордыни и любострастія. Онъ ставилъ себя выше всѣхъ государей Западнаго міра. Онъ былъ увѣренъ, что ему суждено поразить свѣтъ подвигами новаго Геркулеса. Онъ убѣжденъ былъ, что рано или поздно онъ пойдетъ во главѣ всехристіанской арміи, какъ вождь крестоваго похода и грядущій побѣдитель Ислама... Онъ до смѣшного носился съ самозванно присвоеннымъ титуломъ императора. Его увѣренность въ своихъ познаніяхъ и ловкости не имѣла границъ. Онъ тѣшился своимъ всемогуществомъ, словно царствованіе его должно было длиться вѣчно»...

Во главѣ недовольныхъ новымъ Царемъ стоялъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій; онъ дѣятельно служилъ самозванцу, постоянно находясь въ непосредственной его близости, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же дѣятельно готовился къ его низверженію, когда приспѣетъ для этого должное время. Ближайшими товарищами Шуйскаго по заговору были: князья Василій Васильевичъ Голицынъ и Иванъ Семеновичъ Куракинъ; они еще на свадьбѣ Разстриги рѣшили его убить—«а кто послѣ него будетъ у нихъ Царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но по общему совѣту управлять Россійскимъ Государствомъ».

Къ этимъ главнымъ заговорщикамъ примкнули многіе дворяне, въ числѣ которыхъ видное мѣсто принадлежало думному дворянину Михаилу Татищеву, затѣмъ большое количество Московскихъ обитателей, а также восемнадцатитысячный отрядъ Новгородскаго и Псковскаго войска, назначенный для похода въ Крымъ и стоявшій близь столицы. Передъ переворотомъ, у Шуйскаго собрались ночью главнѣйшіе заговорщики—бояре, купцы, горожане, и сотники и пятидесятники отъ полковъ. Шуйскій прямо заявилъ имъ, что Димитрій былъ посаженъ съ цѣлью освободиться отъ Годунова, и въ надеждѣ, что храбрый молодой Царь будетъ оплотомъ Православія и старыхъ Русскихъ завѣтовъ. Но, къ сожалѣнію, оказалось, что вышло иначе: Разстрига всецѣло преданъ Полякамъ, презираетъ нашу Вѣру и все Русское, почему страшная опасность грозитъ Православію и Отечеству.

Положено было, что заговорщики, по звуку набата, кинутся во дворецъ съ крикомъ—«Поляки бьютъ Государя», какъ бы для его защиты, чтобы не возбуждать подозрительности непосвященныхъ въ заговоръ Москвичей, и убьютъ Разстригу; въ то же время рѣшено было ворваться въ дома ненавистныхъ Поляковъ, отмѣченныхъ наканунѣ Русскими буквами, и перебить ихъ. «Нѣмцевъ», говоритъ С. Соловьевъ, «положено не трогать, потому что знали равнодушіе этихъ честныхъ наемниковъ, которые храбро сражались за Годунова, вѣрны Димитрію до его смерти, а потомъ будутъ также вѣрны новому Царю изъ бояръ».

На 18 мая Лжедимитрій готовилъ военную потѣху—примѣрный приступъ къ деревянному городку, сооруженному за Срѣтенскими воротами. Этимъ также воспользовались заговорщики и распустили слухъ, что Царь, во время потѣхи, перебьетъ всѣхъ бояръ, а затѣмъ хочетъ отдать Польшѣ часть Московскихъ владѣній и ввести у насъ унію. Слухъ этотъ, впрочемъ, имѣлъ нѣкоторое основаніе, такъ какъ въ этомъ замыслѣ Лжедимитрія впослѣдствіи признались братья Бучинскіе—секретари Разстриги.

Конечно, скрыть всѣ слѣды готовящагося обширнаго заговора было невозможно; въ отвѣтъ на вызывающія дѣйствія Поляковъ—Москвичи тоже относились къ нимъ враждебно, и однажды толпа въ 4.000 человѣкъ стала осаждать домъ, гдѣ жилъ Константинъ Вишневецкій; въ пьяномъ видѣ многіе горожане открыто ругали Царя еретика и поганую Царицу. Свѣдѣнія объ этомъ доходили и до Лжедимитрія; но онъ въ своемъ безумномъ ослѣпленіи, повидимому, безгранично вѣря, что будетъ царствовать по предсказанію астрологовъ тридцать четыре года, не придавалъ имъ большого значенія. Между тѣмъ настроеніе Московскихъ жителей становилось уже явно враждебнымъ по отношенію къ Полякамъ, а ночью 15 мая въ кремлѣ было поймано какихъ то шесть заговорщиковъ, изъ которыхъ трое было убито, а трое преданы пыткѣ.

Олесницкій, Гонсѣвскій и Мнишекъ предупреждали Царя о готовящемся возмущеніи; на это онъ пренебрежительно отвѣчалъ имъ: «Какъ вы, Ляхи, малодушны»! и только для успокоенія тестя приказалъ разставить по улицамъ стрѣлецкую стражу. Чуялъ бѣду и вѣрный приспѣшникъ самозванца—Петръ Басмановъ, но и онъ также ничего не могъ подѣлать съ его ослѣпленіемъ.

Ночью на 17 мая, бояре, участвовавшіе въ заговорѣ, распустили по домамъ именемъ Царя семьдесятъ иностранныхъ тѣлохранителей изъ ста, ежедневно державшихъ стражу во дворцѣ,—такъ что въ немъ ихъ осталось только тридцать человѣкъ. Въ ту же ночь, вошелъ въ Москву восемнадцатитысячный отрядъ войска, перешедшій на сторону Шуйскаго, и занялъ всѣ двѣнадцать городскихъ воротъ, никого не впуская въ кремль и не выпуская изъ него. Все это прошло совершенно незамѣтно. Лжедимитрій и Поляки безпечно спали глубокимъ сномъ, тѣмъ болѣе, что истекшее 16 число прошло спокойно.

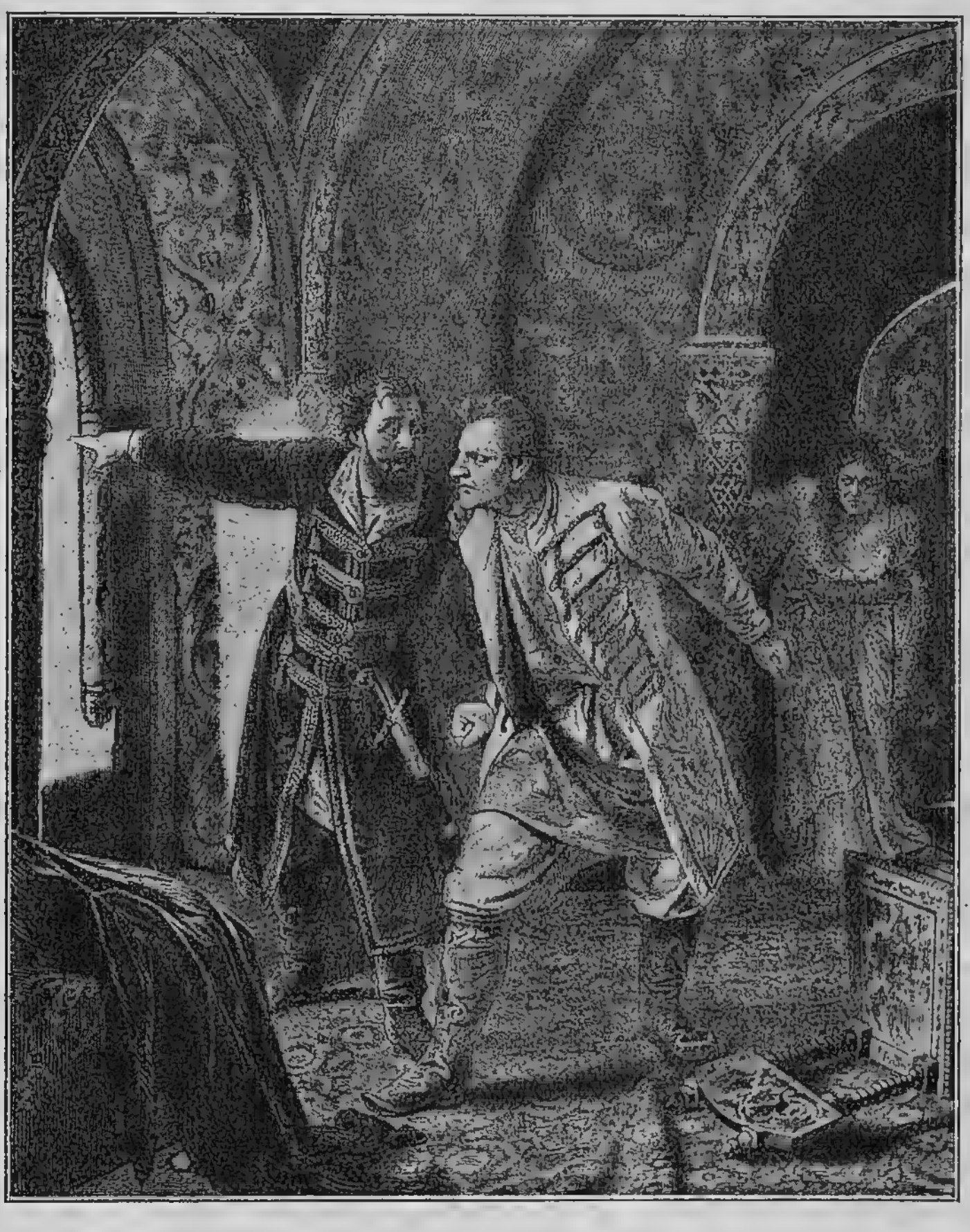
Въ субботу, 17 мая, въ четвертомъ часу утра, ударилъ большой колоколъ у Ильи Пророка на Ильинкѣ. Ударъ этотъ былъ условнымъ знакомъ; вслѣдъ за нимъ загудѣли разомъ всѣ Московскіе колокола. Народъ, вооруженный бердышами, самострѣлами, мечами и копьями, сталъ валить со всѣхъ сторонъ на Красную площадь. Туда же бѣжали и преступники, выпущенные наканунѣ боярами изъ тюремъ. Главные руководители заговора: Шуйскій, Голицинъ, Татищевъ и другіе, въ количествѣ до двухсотъ человѣкъ, уже находились на Красной площади; всѣ они были верхами и въ полномъ вооруженіи. Когда народъ собрался, то ему объявили: «Литва собирается убить Царя и перебить бояръ, идите бить Литву». Это было достаточно для озлобленныхъ Москвичей; они тотчасъ же бросились въ разные концы города, чтобы избивать своихъ враговъ. Заговорщики же спѣшили скорѣе покончить съ Лжедимитріемъ. Василій Шуйскій, съ крестомъ въ одной рукѣ и мечемъ въ другой, въѣхалъ черезъ Спасскія ворота въ кремль, приложился къ образу Владимірской Божіей Матери и сказалъ своимъ спутникамъ: «Во имя Божіе идите на злого еретика во дворецъ».

Набатъ разбудилъ Разстригу. Онъ быстро перешелъ изъ половины Марины на свою и встрѣтилъ тамъ Димитрія Шуйскаго, который сказалъ ему, что, вѣроятно, въ городѣ пожаръ. Самозванецъ пошелъ успокаивать Марину, но шумъ толпы дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Тогда Басмановъ, ночевавшій во дворцѣ, выглянулъ изъ окна и спросилъ подъѣхавшихъ заговорщиковъ, что имъ надобно. Они ему отвѣчали непечатной бранью и кричали: «Отдай намъ своего вора, тогда поговоришь съ нами». Понявъ въ чемъ дѣло, Басмановъ приказалъ Нѣмецкой стражѣ никого не пропускать, и въ отчаяніи сказалъ Лжедимитрію: «Ахти мнѣ! Ты самъ виноватъ, Государь! все не вѣрилъ; вся Москва собралась на тебя». Между тѣмъ, Нѣмецкая стража растерялась и впустила толпу во дворецъ. Одинъ изъ заговорщиковъ ворвался въ спальню самозванца и крикнулъ ему: «Ну, безвременный царь! Проспался ли ты, зачѣмъ не выходишь къ народу и не дашь ему отчета?». На это Басмановъ схватилъ палашъ Лжедимитрія и разрубилъ вошедшему голову. Самозванецъ тоже взялъ мечъ одного Нѣмца и кинулся съ нимъ на ворвавшихся со словами: «Я вамъ не Годуновъ»; однако раздавшіеся выстрѣлы заставили его поспѣшить удалиться. Затѣмъ Басмановъ увидѣлъ вошедшихъ бояръ; онъ началъ ихъ уговаривать не выдавать народу Лжедимитрія, но получилъ въ это время ударъ ножемъ прямо въ сердце. Его убилъ съ площадной бранью Михаилъ Татищевъ, котораго онъ недавно спасъ отъ ссылки.

Самозванецъ снова показался толпѣ, потомъ въ отчаяніи бросилъ свой мечъ, схвативъ себя за волосы, и побѣжалъ къ женѣ; крикнувъ ей по Польски: «сердце здрадза» (душа моя измѣна), онъ кинулся въ каменный дворецъ и, не находя выхода изъ него, бросился изъ окна на подмостки, устроенные для потѣшныхъ огней по случаю его свадьбы. Съ этихъ подмостковъ Разстрига хотѣлъ перепрыгнуть на другіе, но оступился и упалъ съ высоты около пяти саженей на землю,—на Житный

дворъ; онъ разбилъ себѣ грудь, голову и вывихнулъ ногу, причемъ на нѣкоторое время лишился чувствъ.

Заговорщики-же, быстро обезоруживъ Нѣмецкую стражу, проникли на половину Марины; несчастная хотѣла сперва спрятаться въ подвалѣ, но затѣмъ побѣжала опять наверхъ и попала въ толпу заговорщиковъ, которые ее не узнали и столкнули съ лѣстницы; наконецъ, она какъ-то



320. Самозванецъ и Басмановъ въ утро 17 мая.

Съ картины профессора П. Б. Венига.

прошмыгнула въ свои покои и, будучи маленькаго роста, спряталась подъ юбку своей толстой охмистрины пани Казановской. Напоръ толпы въ комнаты Марины храбро сдерживалъ Полякъ Осмульскій; когда же онъ былъ убитъ, чернь ворвалась въ нихъ и стала грабить и безчинствовать, пока не прибыли бояре и не выгнали всѣхъ, приставивъ къ женщинамъ для ихъ охраны стражу.

Между тѣмъ, къ лежащему безъ чувствъ на Житномъ дворѣ Лжедимитрію, прибѣжали стрѣльцы, стоявшіе неподалеку на стражѣ.

Они обмыли его водой и положили на каменное основаніе сломаннаго дома Бориса Годунова. Придя въ себя, самозванецъ со слезами на глазахъ сталъ просить ихъ заступиться за него, обѣщая въ награду все достояніе бояръ и даже ихъ женъ. Стрѣльцы прельстились этимъ предложеніемъ; они рѣшили принять его сторону и внесли Лжедимитрія въ опустѣвшій дворецъ; увидя своихъ Нѣмцевъ тѣлохранителей, уже обезоруженныхъ, самозванецъ горько заплакалъ.

Скоро сюда явились и заговорщики; тогда стрѣльцы начали стрѣлять по нимъ изъ своихъ ружей. Для Шуйскаго и его товарищей наступили опасныя мгновенія и дѣло внезапно могло принять совершенно другой оборотъ. Но заговорщики нашлись; они начали громко кричать: «Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика». Это подѣйствовало; стрѣльцы стали говорить: «Спросимъ Царицу, если она скажетъ, что это прямой ея сынъ, то мы всѣ за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ!». Бояре согласились, и выборные отправились къ Царицѣ, а заговорщики тѣмъ временемъ ругали и били Лжедимитрія, спрашивая его, кто онъ таковъ. Онъ же отвѣчалъ имъ: «Вы всѣ знаете, что я Царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мою мать, или выведите на Лобное мѣсто и дайте объясниться». Между тѣмъ Царица, инокиня Марѳа, говорила иное: «Она же все явнѣ исповѣда; яко сынъ ея на Угличѣ убіенъ бысть повелѣніемъ Бориса... Сего же смердящаго пса и злаго аспида не вѣмы, откуду приде; исповѣдати-же не смѣюще долгое время боящеся злаго прещенія его, и женскою немощью одержима». При этомъ, чтобы еще больше удостовѣрить спрашивающихъ, Марѳа показала имъ изображеніе младенческаго лица своего сына, нисколько не схожее съ чертами Разстриги.

Князь Иванъ Васильевичъ Голицинъ прибылъ сообщить это извѣстіе боярамъ и стрѣльцамъ, ожидавшимъ его у изнемогавшаго Лжедимитрія. Тотъ пытался было еще возражать, но со всѣхъ сторонъ раздались крики: «бей его; руби его». Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ подскочили къ нему вплотную; послѣдній выхватилъ изъ-подъ своего армяка короткое ружье и со словами: «вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна»— застрѣлилъ Лжедимитрія. Затѣмъ озвѣрѣлая толпа бросилась рубить и колоть его трупъ, послѣ чего онъ былъ выкинутъ съ крыльца на тѣло Басманова со словами: «Ты любилъ его живого, не разставайся съ нимъ и мертвымъ».

Обоихъ покойниковъ, совершенно нагихъ, народъ сволокъ черезъ Спасскія ворота на Красную площадь; у Вознесенскаго монастыря толпа опять спросила инокиню Марѳу, ея-ли это сынъ. Она, по одному Польскому извѣстію, будто-бы отвѣчала на это: «Вы бы спрашивали, когда онъ былъ живъ; теперь онъ, разумѣется, не мой». На Красной площади Лжедимитрія положили на столъ, бросили ему на грудь маску, найденную у него въ спальнѣ, воткнули дудку въ ротъ и всунули въ руки волынку—

въ знакъ его любви къ музыкѣ и скоморошеству. Басмановъ же лежалъ у его ногъ на скамьѣ.

Одновременно съ убіеніемъ самозванца, шла расправа и съ Поляками. Прежде всего были убиты столь ненавистные Польскіе музыканты, размѣщавшіеся во дворцѣ. Затѣмъ кинулись убивать Поляковъ, расположившихся по частнымъ домамъ, причемъ толпа всюду неистово грабила и творила насилія надъ ними. «Поляки не могли соединиться», говоритъ Карамзинъ, «будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками и копьями. Сіи несчастные, наканунѣ гордые, лобзали ноги Россіянъ, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все, что имѣли, клялись прислать и болѣе изъ отечества; ихъ не слушали и рубили». Но Юрій Мнишекъ и Константинъ Вишневецкій избѣжали гибели, такъ какъ имѣли въ своихъ дворахъ достаточное количество вооруженныхъ людей. Не тронули также и пословъ Сигизмундовыхъ: Олесницкаго и Гонсѣвскаго.

Покончивъ съ Лжедимитріемъ, бояре сѣли на коней и всѣми мѣрами старались прекратить убійство Поляковъ; они хотѣли раздѣлаться только съ самозванцемъ, и въ ихъ расчеты вовсе не входило избіеніе множества Польскихъ людей,—что могло вызвать столкновеніе съ Сигизмундомъ. «Мстиславскій, Шуйскіе», разсказываетъ Карамзинъ, «скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всюду разсылая стрѣльцовъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго, другіе Мнишка». Посламъ было тоже послано сказать отъ имени боярской думы, что жизнь ихъ въ полной безопасности. Марина же была вскорѣ доставлена къ отцу.

Къ одиннадцати часамъ дня рѣзня закончилась. Свѣдѣнія о количествѣ убитыхъ Поляковъ и Русскихъ за это кровавое утро разнорѣчивы: по однимъ извѣстіямъ Поляковъ убито только 500 человѣкъ, а Русскихъ 400, а по другимъ значительно больше: болѣе 2.000 Поляковъ и почти столько же Русскихъ.

Тѣла Лжедимитрія и Басманова оставались трое сутокъ на поруганіе толпѣ, которая всячески ихъ оскорбляла. Затѣмъ ихъ похоронили: Басманова у Николы Мокраго, а самозванца въ «убогомъ домѣ» (кладбище для бездомныхъ и безродныхъ) за Серпуховскими воротами. Но вдругъ по Москвѣ пошелъ слухъ, что мертвый Царь ожилъ и ходитъ; въ то же время, несмотря на приближеніе лѣта, ударили по ночамъ морозы. Все это было приписано волшебству Разстриги; его тѣло выкопали, вывезли за Серпуховскія ворота и сожгли, а пепелъ зарядили въ пушку и выстрѣлили имъ изъ нее въ ту сторону, откуда онъ появился на Москву.

Таковъ былъ конецъ этого необычайнаго по своей судьбѣ человѣка. «Описавъ исторію сего перваго Лжедимитрія», говоритъ Карамзинъ, «должны-ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* читателей въ его обманѣ. Не

явна-ли для нихъ истина сама собой въ изображеніи случаевъ и дѣяній. Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный... Недовольные укоризной справедливой, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами благовидными, въ пищу умамъ, наклоненнымъ къ *историческому вольнодумству*, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ что и въ наше время есть люди, для которыхъ важный вопросъ о самозванцѣ остается нерѣшеннымъ»..

Замѣчательно, что никто изъ Русскихъ лѣтописцевъ и различныхъ составителей «Сказаній» и «Повѣстей» о Смутномъ Времени не обмолвился ни однимъ сочувственнымъ словомъ въ пользу Лжедимитрія. Даже въ «Извѣстіи» о началѣ патріаршества въ Россіи и о поставленіи въ патріархи Филарета Никитича, несомнѣнно составленномъ очень преданнымъ семьѣ Романовыхъ лицомъ, о Борисѣ Годуновѣ—главномъ врагѣ Романовыхъ, дается отзывъ какъ о заботливомъ и способномъ правителѣ, а о Лжедимитріи, бывшемъ милостивымъ къ Романовымъ, говорится: «Царствуя же точію едино лѣто и се беззаконно, по вся дни бо упиваяся и игры творя пустошныя, зѣло же гнѣвливъ и яръ показуется, и народъ, въ немъ-же родися, ненавидя, и многихъ бѣднѣ житія улиши, и о вѣрѣ христіанской никако-же прилѣжа, но и зѣло ругаяся..... и спроста рещи, яко ни что же Православія царствію достойно ни рекъ, ни сотвори».

321. Печать Государственная малая Лжедимитрія.

Эта печать приложена къ записи, данной Лжедимитріемъ Отрепьевымъ 15 мая 1604 года за собственноручною его, на Русскомъ и Польскомъ языкахъ, подписью Сендомирскому воеводѣ Юрью Мнишку о выдачѣ ему, по вступленіи самозванца на Россійскій престолъ, милліона злотыхъ Польскихъ, о бракосочетаніи съ дочерью его Мариною и о предоставленіи ей въ вѣчное владѣніе государствъ Новгородскаго и Псковскаго съ дозволеніемъ свободнаго тамъ богослуженія по католическому исповѣданію.

322. Покровъ надъ мощами царевича Димитрія въ Архангельскомъ соборѣ Московскаго кремля—съ изображеніемъ Святого.

Покровъ этотъ, по народному преданію, вышитъ инокиней Ольгою, въ мірѣ царевной Ксеніей Борисовной Годуновой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Дальнѣйшее развитіе смуты. Болотниковъ. Появленіе Вора. Тушино. Перелеты. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Настроеніе сѣверныхъ городовъ. Осада Троицко-Сергіевской лавры. Сигизмундъ подъ Смоленскомъ. Сверженіе Шуйскаго. Междуцарствіе. Патріархъ Гермогенъ. Посольство подъ Смоленскъ. Поляки въ кремлѣ. Смерть Вора. Прокофій Ляпуновъ. Пересылки городовъ между собой. Неудача перваго Земскаго ополченія. Мининъ и Пожарскій. Очищеніе Московскаго Государства. Избраніе и вѣнчаніе на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

АСПРАВИВШИСЬ съ самозванцемъ, Московскіе заговорщики поспѣшили приступить къ выбору новаго Царя.

19 мая, въ 6 часовъ утра, Красная площадь, на которой еще лежали неубранными поруганныя тѣла Лжедимитрія и Басманова, была запружена огромной толпой.

Вышедшее изъ кремля духовенство, бояре и другіе начальные люди предложили народу избрать патріарха на мѣсто Игнатія, съ тѣмъ, чтобы патріархъ до созыва обще-земскаго собора для избранія

Царя, сталъ бы во главѣ правленія. На это изъ толпы раздались крики, что теперь нужнѣе Царь, а не патріархъ, и что Царемъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Крики эти были настолько внушительны, что вышедшіе на площадь чиноначальники стали тотчасъ же приносить новому Царю свои вѣрноподданническія поздравленія.

Такъ просто и скоро воцарился на Московскомъ Государствѣ Василій Ивановичъ Шуйскій, но далеко не такъ просты были событія, разыгравшіяся въ Русской Землѣ по его воцареніи.

Какъ прямой потомокъ Александра Невскаго и какъ первый вельможа, поднявшійся противъ Лжедимитрія, за что онъ чуть не сложилъ своей головы на плахѣ, Шуйскій имѣлъ, разумѣется, право, болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ бояръ, разсчитывать быть выбраннымъ на Царство. Но онъ такъ опасался не попасть на престолъ, что рѣшилъ не ставить вопроса о своемъ избраніи великому Земскому собору, а предпочелъ быть выкрикнутымъ Царемъ толпой своихъ приверженцевъ, собранныхъ на Красной площади.

Прямо съ этой площади новый Царь прослѣдовалъ въ Успенскій соборъ и сталъ тамъ говорить, чего, по словамъ лѣтописца, искони вѣковъ въ Московскомъ Государствѣ не важывалось и отъ чего его отговаривали и присутствующіе: «Цѣлую крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурного безъ собора, и если отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать, а если сынъ виновенъ, то отцу ничего дурного мнѣ не дѣлать, а которая была мнѣ грубость при Царѣ Борисѣ, то никому за нее мстить не буду».

Затѣмъ Василій Ивановичъ сталъ разсылать по всему Московскому Государству грамоты о своемъ избраніи на Царство. Одной изъ нихъ подданные оповѣщались, что онъ учинился Царемъ и великимъ княземъ на отчинѣ прародителей своихъ «моленіемъ всего Освященнаго собора и по прошенію всего Православнаго христіанства», причемъ, для пользы этого христіанства, въ ней говорилось: «...я, Царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, цѣлую крестъ всѣмъ Православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судить истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класть, и недругамъ никого въ неправдѣ не подавать, и отъ всякаго насильства оберегать».

Другая грамота отъ имени бояръ, окольничьихъ, дворянъ и Московскихъ людей извѣщала о гибели Самозванца; въ ней говорилось: «мы узнали про то подлинно, что онъ прямой воръ Гришка Отрепьевъ; да и мать царевича Димитрія, Царица инока Марѳа, и братъ ея Михайла Нагой, съ братіею всѣмъ людямъ Московскаго Государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичъ Димитрій умеръ подлинно и погребенъ въ Угличѣ, а тотъ воръ называется царевичемъ Димитріемъ ложно; а какъ его поймали, то онъ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ и на Государствѣ учинился бѣсовскою помощью и людей прельстилъ чернокнижествомъ»... Грамота эта оканчивалась оповѣщеніемъ, «что, послѣ

злой смерти Гришки, все духовенство, бояре и всякіе люди Московскаго Государства избирали всѣмъ Московскимъ Государствомъ, кому Богъ изволитъ быть на Московскомъ Государствѣ Государемъ; и всесильный въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость свою показалъ, объявилъ Государя на Московское Государство—великаго Государя, Царя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси Самодержца»...

Въ слѣдующей грамотѣ новый Царь объявлялъ отъ своего имени, что въ хоромахъ Гришки были взяты «его грамоты многія ссыльныя воровскія съ Польшей и Литвою о разореніи Московскаго Государства», и сообщалъ затѣмъ, что самозванецъ хотѣлъ перебить всѣхъ бояръ, а своихъ подданныхъ обратить въ Люторскую и Латинскую вѣру.

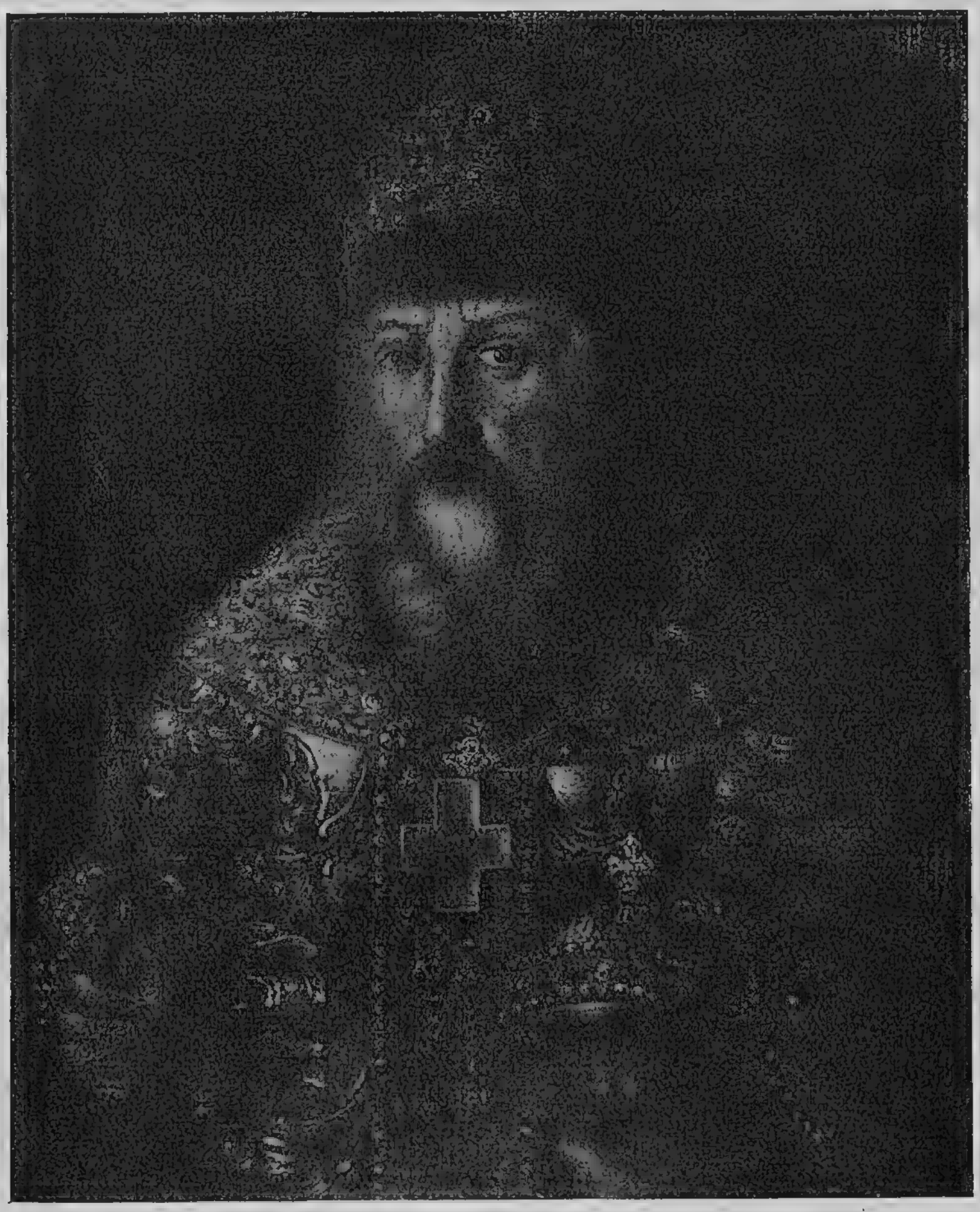
Наконецъ, была разослана грамота, въ которой Царица Марѳа отрекалась отъ Лжедимитрія: «Онъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя сыномъ Царя Ивана Васильевича, омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и Литвѣ многихъ людей, и насъ самихъ и родственниковъ нашихъ устрашилъ смертію», писала несчастная старица, «я боярамъ, дворянамъ и всѣмъ людямъ объявила объ этомъ прежде тайно, а теперь всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ, царевичъ Димитрій, воръ, богоотступникъ, еретикъ»...

Грамоты эти, конечно, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе во всѣхъ концахъ Государства, тѣмъ болѣе, что въ каждой изъ нихъ, по словамъ В. Ключевскаго, «заключалось по крайней мѣрѣ по одной лжи». Про самозванство Отрепьева и про насилія, чинимыя его Поляками, могли знать хорошо въ одной только Москвѣ, да и то далеко не всѣ ея обитатели. Для большинства же областныхъ жителей—Лжедимитрій оставался «нашимъ солнышкомъ праведнымъ», недавно торжественно признаннымъ законнымъ Царемъ—всею Москвою и боярами, во главѣ съ тѣмъ же княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, который тайкомъ отъ Земли сѣлъ теперь на Царство и объявлялъ, что Гришка Отрепьевъ прельстилъ всѣхъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ, за что и погибъ злою смертію.

О томъ, что въ Москвѣ произошло какое-то злое и нечистое дѣло, явно свидѣтельствовало лживое оповѣщеніе въ разосланныхъ грамотахъ объ избраніи Шуйскаго на Царство «всякими людьми со всего Московскаго Государства», тогда какъ въ областяхъ хорошо знали, что ни одинъ выборный отъ нихъ не былъ вызванъ въ Москву для избранія Царя. Наконецъ, крестоцѣловальная грамота, въ которой Царь обязуется—никому не мстить и судить всѣхъ судомъ праведнымъ, тоже должна была казаться всѣмъ весьма странной, такъ какъ и безъ нея Русскіе люди привыкли видѣть въ своихъ Государяхъ отцовъ Земли, справедливо относящихся ко всѣмъ своимъ подданнымъ и всегда строго смотрѣвшихъ за тѣмъ, чтобы судъ защищалъ праваго и осуждалъ виноватаго.

Такія чувства и мысли должно было возбуждать воцареніе Шуйскаго въ сердцахъ и умахъ всей народной тверди Московскаго Государства; но съ гораздо большимъ озлобленіемъ встрѣтили, конечно, извѣстіе о гибели

Лжедимитрія тѣ люди, которые крѣпко связали свою судьбу и благополучіе съ самозванцемъ, а такихъ было не мало, какъ среди служилыхъ людей—высшихъ и низшихъ, такъ особенно среди обитателей «прежепогибшей Украины» и казаковъ. Продолженіе царствованія названнаго Царя Димитрія являлось совершенно необходимымъ для ихъ дальнѣйшаго благополучія.



323. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Съ изображенія, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

«И устроися Россія вся въ двоемысліе»—говоритъ Авраамій Палицинъ. Съ воцареніемъ В. И. Шуйскаго смута начинаетъ быстро охватывать Московское Государство и въ нее, какъ увидимъ, постепенно втягиваются всѣ слои населенія. Усиленію смуты способствовала также и самая личность новаго пятидесятичетырехлѣтняго Царя, невзрачнаго и подслѣповатаго на видъ. «Царь Василій, возрастомъ малъ, образомъ же нелѣпымъ, очи подслѣпы имѣя»—говоритъ про него князь И. М. Катыревъ-

Ростовскій. Василій Ивановичъ былъ несомнѣнно вполнѣ Русскимъ и Православнымъ человѣкомъ, при этомъ умнымъ, опытнымъ и достаточно рѣшительнымъ и твердымъ, хотя и не обладавшимъ военными дарованіями. Но главный его недостатокъ заключался въ отсутствіи должнаго для Государя *величія души*. Недовѣрчивость, мстительность, большая склонность къ доносамъ, вѣроломство и жестокость омрачали его нравственный обликъ. Къ тому-же онъ былъ очень скупъ и крайне суевѣренъ, постоянно прибѣгая къ колдовству и астрологіи.

Поспѣшивъ попасть въ Цари, Василій Ивановичъ также поспѣшно вѣнчался и на Царство; обрядъ этотъ былъ совершенъ уже 1 іюня 1606 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ «вскорѣ по воцареніи своемъ, не помня своего обѣщанія, началъ мстить людямъ, которые ему грубили». Царь наложилъ опалу на всѣхъ приспѣшниковъ Лжедимитрія: князь Рубецъ-Мосальскій былъ посланъ воеводою въ Корелу, Салтыковъ въ Ивангородъ, Богданъ Бѣльскій въ Казань, великій секретарь Аѳанасій Власьевъ въ Уфу, князь Григорій Петровичъ Шаховской въ Путивль. Менѣе значительные сторонники Лжедимитрія были также отправлены изъ Москвы по разнымъ областямъ. Мѣра эта была, разумѣется, ошибочной, такъ какъ всѣ высланные изъ Москвы люди стали возбуждать недовольство противъ Шуйскаго въ разныхъ концахъ Государства и способствовали, какъ увидимъ, отпаденію отъ него многихъ городовъ.

Простыхъ и незнатныхъ Поляковъ, оставшихся въ Москвѣ послѣ кроваваго утра 17 мая, Шуйскій отпустилъ въ Польшу; Марина же съ отцомъ, послы Гонсѣвскій и Олесницкій съ ихъ свитами, а также болѣе знатные паны были задержаны въ видѣ заложниковъ на случай возможной войны съ Польшею; «Сердомирсково жъ з дочерью», говоритъ лѣтописецъ, «и всѣхъ Литовскихъ людей, которые пришли съ Ростригиною женою, посла по городомъ: въ Ярославль, на Кострому, въ Галичъ; и повелѣ ихъ посадити на дворѣхъ и приставити къ нимъ приставовъ и беречи велѣлъ накрѣпко». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Польшу было снаряжено посольство, для объясненія происшедшаго избіенія Поляковъ воровствомъ Разстриги и ихъ собственнымъ наглымъ и буйнымъ поведеніемъ. Сигизмундъ пришелъ, конечно, въ негодованіе, при полученіи извѣстія о случившемся, но предпринять противъ Москвы онъ ничего не могъ въ это время, такъ какъ былъ занятъ подавленіемъ сильнѣйшаго бунта или рокоша, поднятаго противъ него паномъ Зебжидовскимъ за то, что король, вступивъ во второй бракъ съ Австрійской принцессой, заключилъ при этомъ съ Австріей рядъ условій, крайне невыгодныхъ для Польши.

Юрій Мнишекъ съ дочерью и со свитой въ 375 человѣкъ были помѣщены въ Ярославлѣ, гдѣ ихъ охраняло до 300 человѣкъ стрѣльцовъ, причемъ у Марины были отобраны всѣ драгоцѣнности, похищенныя Лжедимитріемъ изъ Царской сокровищницы. Она отнеслась довольно безучастно къ ужасной смерти своего мужа, но очень заботилась, чтобы ей возвратили бывшаго при ней маленькаго арапченка. Юрій же Мнишекъ, готовый на все,

чтобы вернуть себѣ и дочери положеніе и деньги, сталъ пытаться поправить дѣло посредствомъ брака Марины съ новымъ Царемъ, но Василій Ивановичъ уже выбралъ себѣ другую невѣсту—княжну Буйносову-Ростовскую.

Свадьба его состоялась, однако, не скоро, за множествомъ неотложныхъ дѣлъ и заботъ.

324. Образъ съ изображеніемъ торжественнаго перенесенія мощей Святого царевича Димитрія въ Москву.

Изъ собранія иконъ Н. П. Лихачева.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Шуйскаго—было торжественное перенесеніе мощей царевича Димитрія изъ Углича въ Москву, тѣло котораго было обрѣтено нетлѣннымъ. За мощами отправился изъ столицы заступавшій мѣсто патріарха Филаретъ Никитичъ Романовъ съ другими лицами высшаго духовенства и бояре—князь И. М. Воротынскій, П. Н. Шереметевъ и двое Нагихъ. Мощи царевича прибыли въ Москву 3 іюля и были

перенесены съ большимъ торжествомъ въ Архангельскій соборъ, гдѣ они почиваютъ открыто и понынѣ, прославившись многими чудесами. Самъ Царь несъ гробъ, а инокиня Марѳа всенародно каялась надъ мощами въ своемъ грѣхѣ, что поддалась Гришкѣ и признала его своимъ сыномъ.

Открытіе и перенесеніе святыхъ мощей царевича Димитрія произвело, конечно, большое вліяніе на жителей Московскаго Государства, но при этомъ невольно каждый долженъ былъ вспомнить, какъ Шуйскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, находясь во главѣ слѣдствія, свидѣтельствовалъ, что царевичъ закололся самъ, играя въ тычку.

325. Образъ Святого царевича Димитрія убіеннаго.
Изъ собранія иконъ Н. П. Лихачева.

Между тѣмъ, еще до прибытія мощей, въ Москвѣ уже обнаружились неудовольствіе и крамола противъ Царя. Въ народѣ тотчасъ же послѣ убійства Лжедимитрія пошли толки о томъ, что онъ спасся; его слуга, Полякъ Хвалибогъ, клялся всѣмъ, что на Красной площади съ дудкой, волынкой и маской былъ положенъ другой человѣкъ, — обросшій волосами дюжій малый съ бритой бородой, а его господинъ былъ худъ, и на тѣлѣ и лицѣ не имѣлъ волосъ; какой-то Французъ тоже распускалъ слухъ, что у трупа, лежавшаго на Красной площади, онъ видѣлъ слѣды сбритой густой бороды.

25 мая, по разсказу пріятеля секретаря Лжедимитрія, Аугсбургскаго купца Паэрле, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Мариной Мнишекъ въ Москву, въ городѣ было страшное волненіе; народъ возсталъ на стрѣльцовъ, бояръ и великаго князя, обвиняя ихъ, какъ измѣнниковъ, въ умерщвленіи «истиннаго государя Димитрія», и Шуйскому съ приближенными стоило большихъ хлопотъ, чтобы успокоить это волненіе и увѣрить народъ, что онъ скоро увидитъ своими глазами мощи царевича, которыя уже везутъ изъ Углича.

Черезъ нѣсколько дней Шуйскій шелъ къ обѣднѣ и увидалъ опять большую толпу народа, которую кто-то собралъ, увѣривъ, что Царь хочетъ съ ней говорить. Шуйскій заплакалъ съ досады; онъ отдалъ боярамъ свой Царскій посохъ и шапку и, полагая, что это дѣло ихъ рукъ, сказалъ, что если онъ имъ не угоденъ, то пусть попросту, не прибѣгая къ коварству, они сведутъ его съ престола и выберутъ другого Царя. Но окружающіе поспѣшили его успокоить въ своей преданности, а пять крикуновъ изъ толпы были высѣчены кнутомъ и сосланы. Тѣмъ не менѣе, Царь заподозрилъ, что это было подстроено княземъ Мстиславскимъ и его родными, изъ которыхъ болѣе всѣхъ уликъ было противъ П. Н. Шереметева; его послали воеводой во Псковъ.

326. Филаретъ Никитичъ въ патріаршемъ клобукѣ, по изображенію, находящемуся въ Теремномъ дворцѣ.

Изъ Собранія Древностей Россійскаго Государства Ѳ. Г. Солнцева.

Тогда же Шуйскій приказалъ отправить въ Соловки изъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря недавно постриженнаго князя Симеона Бекбулатовича за то только, что онъ былъ женатъ на сестрѣ Мстиславскаго. Подозрительность Шуйскаго не ограничилась и этимъ: считая опаснымъ пребываніе въ Москвѣ Филарета Никитича, повидимому, уже назначеннаго патріархомъ, онъ послалъ его опять на митрополію въ Ростовъ, а для занятія патріаршаго стола вызвалъ, сосланнаго при Лжедимитріи въ свою епархію, знаменитаго Казанскаго епископа Гермогена.

Смиренному, но прямодушному Гермогену съ его алмазно-чистой душой, конечно, не могъ быть по сердцу Василій Ивановичъ; тѣмъ не менѣе, онъ твердо стоялъ за своего вѣнчаннаго на Царство Царя, противъ всякой крамолы и воровства, но добрыхъ отношеній между ними не было. Наконецъ,

не установились добрыя отношенія у Василія Ивановича и со столичнымъ населеніемъ. Московская чернь, привыкшая къ буйству и участію въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, при каждомъ тревожномъ слухѣ тотчасъ же собиралась на Красную площадь, и уже въ іюнѣ новый Царь вынужденъ былъ привести кремль на военное положеніе: разставить по стѣнамъ пушки и разобрать постоянный мостъ.

327. Ядвига Мнишекъ, жена воеводы Сендомірскаго, мать Марины—рожденная Тарло.

Съ современнаго изображенія въ замкѣ Вишневцѣ.

Но гораздо хуже, чѣмъ въ столицѣ, шли дѣла въ другихъ частяхъ Государства.

Въ тотъ же день, 17 мая, какъ былъ убитъ самозванецъ, извѣстный негодяй Молчановъ, одинъ изъ убійцъ семьи Годуновыхъ, бѣжалъ въ Польшу, направляя свой путь въ Самборъ, къ матери Марины—Ядвигѣ Мнишекъ, и всюду распуская слухъ, что Димитрій спасся, а вмѣсто него былъ убитъ другой человѣкъ.

Въ этотъ же день, 17 мая, другой сторонникъ самозванца—князь Григорій Шаховской, тотчасъ-же вслѣдъ за его убіеніемъ, укралъ изъ дворца государственную печать, полагая, что она можетъ ему пригодиться; когда-же онъ былъ сосланъ Шуйскимъ воеводою въ Путивль, то немедленно собралъ тамъ жителей и объявилъ имъ, что Царь Димитрій чудесно избѣгнулъ смерти отъ своихъ враговъ, но долженъ отъ нихъ временно скрываться. Путивильцы тотчасъ же отпали отъ Шуйскаго, и ихъ примѣру послѣдовали остальные Сѣверскіе города, во главѣ съ Черниговомъ, гдѣ воеводой сидѣлъ князь Телятевскій, не хотѣвшій годъ тому назадъ, подъ Кромами, переходить на сторону самозванца.

Вслѣдъ за Сѣверской Украйной за Царя Димитрія поднялось и все Поле. Возстали всѣ тѣ, которые были на сторонѣ Отрепьева: «вси мятежницы

иже во время власти разстригины лакнувши крови христіянскія». Шаховской тотчасъ же увѣдомилъ объ этихъ успѣхахъ Молчанова и требовалъ, чтобы онъ, во что-бы то ни стало, прислалъ какого нибудь самозванца для замѣщенія убитаго. Немедленное исполненіе этой просьбы встрѣтило, однако, затрудненіе. Самого Молчанова хорошо знали слишкомъ многіе, чтобы онъ могъ самъ изображать его лицо, но Молчановъ очень ловко воспользовался встрѣчей съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, которому выдалъ себя за Царя Димитрія, и отправилъ его къ Шаховскому своимъ большимъ воеводой. Человѣкъ этотъ былъ нѣкій Болотниковъ, бывшій холопъ князя Телятевскаго.

Болотниковъ въ молодости попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ, испыталъ тамъ тяжкую неволю, затѣмъ очутился въ Венеціи и послѣ многихъ скитаній, возвращаясь черезъ Польшу на Русь, встрѣтился съ Молчановымъ; послѣдній, познакомившись съ этимъ отважнымъ холопомъ, тотчасъ-же рѣшилъ имъ воспользоваться и отправить его въ Путивль съ письмомъ къ Шаховскому. Шаховской встрѣтилъ его какъ Царскаго посланника и ввѣрилъ ему отрядъ войска.

Появленіе Болотникова дало сильнѣйшій толчокъ успѣхамъ возставшихъ противъ Шуйскаго. Къ Болотникову шли толпами всѣ бѣглые холопы, разоренные крестьяне, воры, разбойники, словомъ, всѣ, попавшіе въ число обездоленной голытьбы, вслѣдствіе ряда тяжелыхъ хозяйственныхъ потрясеній, испытанныхъ Московскимъ Государствомъ еще со времени Іоанна Грознаго, когда онъ началъ свою знаменитую земельную переборку, послѣ устройства Опричнины, для сокрушенія стараго боярскаго землевладѣнія. Теперь Болотниковъ именемъ Царя Димитрія призывалъ всѣхъ подъ свои знамена, не только противъ «боярскаго Царя Шуйскаго» или «Шубника», какъ его презрительно называли, но также и противъ всѣхъ бояръ и помѣщиковъ, посылая «воровскіе листы» съ приглашеніемъ избивать ихъ, захватывать имѣнія и имущество и жениться на ихъ женахъ и дочеряхъ. «...велятъ боярскимъ холопамъ», писалъ про эти «воровскіе листы» патріархъ Гермогенъ, «побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; и шпынямъ и безымянникомъ воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Къ шайкамъ Болотникова не замедлили пристать отряды казаковъ и стрѣльцовъ, и скоро все сколько-нибудь зажиточное населеніе южныхъ частей Государства начало подвергаться ужасающимъ насиліямъ: «и начаша по градомъ воеводы имати и сажати по темницамъ, бояръ же своихъ домы разоряху, и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имяху».

Кромѣ Путивля, однимъ изъ главныхъ опорныхъ мѣстъ воровскихъ отрядовъ сталъ Елецъ, куда первый Лжедимитрій приказалъ свезти всякаго рода запасы для задуманнаго имъ похода противъ Татаръ. Шуйскій пытался уговорить Ельчанъ отстать отъ воровъ и отправилъ имъ нѣсколько

грамотъ вмѣстѣ съ иконой новоявленнаго Святого—царевича Димитрія и посланіемъ его матери—инокини Маѳы. Но это не помогло. Болотниковъ же, устроивъ свои войска, выступилъ съ ними въ направленіи на Москву, по тому-же пути, какъ шелъ и Разстрига, черезъ Комарницкую область и двинулся къ Кромамъ.

Тогда Шуйскій послалъ противъ непокорнаго Ельца князя И. М. Воротынскаго, а противъ Болотникова князя Юрія Трубецкого. Но Болотниковъ, имѣя всего 1.700 человѣкъ, на-голову разбилъ при Кромахъ пятитысячное войско Трубецкого, а Воротынскій, узнавъ про это, снялъ осаду Ельца.

Этотъ успѣхъ сторонниковъ еще не объявившагося новаго Царя Димитрія имѣлъ крупныя послѣдствія: въ Царскихъ войскахъ стала обнаруживаться большая шатость и служилые люди начали самовольно разъѣзжаться по домамъ. Возстаніе же распространялось по областямъ.

Худородный боярскій сынъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу, собравъ вокругъ себя всю мелкоту изъ боярскихъ дѣтей, естественныхъ соперниковъ крупныхъ землевладѣльцевъ-бояръ, посадившихъ теперь своего боярскаго Царя на Москвѣ и забравшихъ власть надъ Государствомъ въ свои руки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поднялось противъ Шуйскаго и бывшее княжество Рязанское; здѣсь во главѣ движенія сталъ воевода Сунбуловъ и крупные дворяне—Ляпуновы. Эти Ляпуновы, изъ которыхъ особенно выдѣлялись братья Захаръ и Прокофій, были очень замѣтными людьми, отважными и безпокойными, которые уже проявили себя во время Московской смуты, начавшейся послѣ смерти Грознаго. Захаръ отличался при этомъ, какъ увидимъ, большой дерзостью и грубостью, а Прокофій былъ настоящій богатырь: красавецъ съ виду, умный и храбрый, знатокъ воинскаго дѣла, но при этомъ порывистый и страстный, готовый принять рѣшеніе раньше, чѣмъ онъ обдумаетъ всѣ его слѣдствія. Очевидно, хорошо не зная, живъ ли Лжедимитрій или нѣтъ, и самозванецъ ли онъ или истинный Царь, а также не принимая во вниманіе, что воровской сбродъ, собранный Болотниковымъ, прямо враждебенъ всякому порядку и собственности, Прокофій Ляпуновъ объявилъ себя за Царя Димитрія и поднялъ Рязанскую Землю. Нѣтъ сомнѣнія, что въ поступкѣ этомъ имъ руководила такъ же, какъ и Пашковымъ, нелюбовь къ боярству, заслонявшему дворянамъ доступъ къ первымъ мѣстамъ въ Государствѣ.

Такимъ образомъ, побужденія Ляпуновыхъ и Сунбулова, Истомы Пашкова съ товарищами и разношерстнаго сброда Болотникова были совершенно различны, но они объединялись въ одномъ стремленіи: каждый, пользуясь смутой, хотѣлъ добыть себѣ высшее положеніе, нежели то, которое онъ занималъ въ Московскомъ Государствѣ. «Всякъ же отъ своего чину выше начашя всходити»—говоритъ Авраамій Палицынъ: «раби убо господіе хотяще быти, и невольніи къ свободѣ прескачюще»...

Примѣру Рязани послѣдовало двадцать городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Орловской, Калужской и Смоленской. Въ Поволжьи также встали

за Царя Димитрія многіе крестьяне и холопы. Къ нимъ присоединилась Мордва, и скоро Нижній Новгородъ былъ осажденъ мятежными толпами подъ начальствомъ Ивана Доможирова; наконецъ, смута перешла на Вятку, Каму и въ далекую Пермь; всюду чернь держала сторону Димитрія. Но въ Астрахани случилось наоборотъ: здѣсь измѣнилъ Шуйскому—Царскій воевода князь Хворостининъ.

Усилившись дружинами Истомы Пашкова и Ляпунова, Болотниковъ, не мѣшкая, двинулся изъ Кромъ на Москву; переходя Оку, онъ взялъ и разграбилъ Коломну.

Молодой Царскій племянникъ, уже знакомый намъ великій мечникъ Лжедимитрія, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, разбилъ одинъ изъ воровскихъ отрядовъ на рѣкѣ Пахрѣ, но зато главная Московская рать, которой начальствовалъ князь Мстиславскій, потерпѣла полное пораженіе отъ мятежниковъ въ 80 верстахъ отъ Москвы, послѣ чего Болотниковъ, какъ годъ тому назадъ Разстрига, занялъ село Коломенское подъ самой столицей, которую съ середины октября 1606 года онъ сталъ держать въ осадѣ.

Населеніе Москвы, ошеломленное этой осадой войсками «Царя Димитрія», начало скоро терпѣть нужду, и цѣны на хлѣбъ страшно поднялись; въ церквахъ стали служиться просительные молебны и былъ установленъ покаянный постъ по видѣнію одного святого мужа; всѣмъ казалось, что царствованію Шуйскаго скоро наступитъ конецъ. Но его спасли нелады, поднявшіеся въ станѣ осаждающихъ.

Ляпуновъ, Сунбуловъ и Истома Пашковъ, съ приведенными ими дворянскими дружинами, скоро поняли, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, сойдясь съ Болотниковымъ. Послѣдній не переставалъ разсылать грамоты, призывавшія чернь на грабежи и убійства всѣхъ, кто стоитъ выше ее по положенію. Обсудивъ положеніе дѣлъ и рѣшивъ, что выгоднѣе держаться «боярскаго Царя» Шуйскаго, чѣмъ Болотникова и другихъ сторонниковъ неизвѣстно гдѣ скитающагося Димитрія, 15 ноября, Григорій Сунбуловъ и Прокофій Ляпуновъ со своими Рязанцами ударили челомъ Василію Ивановичу, сознавъ свою вину, и были, конечно, имъ прощены, причемъ Прокофій Ляпуновъ получилъ званіе думнаго боярина. Шуйскій послалъ затѣмъ уговаривать и Болотникова отстать отъ самозванца, но тотъ отказался. «Я далъ душу свою Царю Димитрію», отвѣчалъ онъ, «и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ». Тогда, 2 декабря, изъ Москвы вышелъ съ войскомъ князь М. В. Скопинъ-Шуйскій; онъ вступилъ въ бой съ мятежниками и разбилъ ихъ у Данилова монастыря; казаки и холопы бились съ большимъ ожесточеніемъ, но Истома Пашковъ во время сраженія перешелъ на сторону Шуйскаго и тѣмъ далъ его войскамъ побѣду. Болотниковъ еще три дня упорно оборонялся въ своемъ укрѣпленномъ станѣ у села Коломенскаго; затѣмъ онъ отступилъ на Серпуховъ, а оттуда на Калугу, гдѣ заперся, такъ какъ Калужане объявили, что будутъ кормить его рать въ теченіе года.

Шуйскій же, не теряя времени, выслалъ свои войска къ югу для осады Калуги и другихъ городовъ, державшихся Царя Димитрія.

Въ это же время онъ получилъ рядъ благопріятныхъ свѣдѣній и съ сѣверо-запада. Когда въ Тверскихъ мѣстахъ появились грамоты отъ имени Лжедимитрія, то Тверской епископъ Ѳеоктистъ поспѣшилъ укрѣпить все духовенство, дѣтей боярскихъ, всѣхъ посадскихъ и черныхъ людей въ вѣрности Шуйскому; сторонники же Лжедимитрія были побиты. Другіе города Твер-

328. Видъ Твери.
Изъ альбома Мейерберга: „Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка".

ской области, присягнувшіе было самозванцу, не замедлили послѣдовать примѣру Твери, и ихъ служилые люди отправились въ Москву помогать Шуйскому. Крѣпкихъ сторонниковъ нашелъ себѣ Василій Ивановичъ и въ Смольнянахъ, не любившихъ все идущее изъ Литвы и Польши, а потому не признававшихъ и ставленнаго Поляками Лжедимитрія. Смоленскіе служилые люди также укрѣпились по примѣру Тверскихъ, выбрали себѣ въ старшіе Григорія Полтева и пошли помогать Царю на Москву; по дорогѣ, они присоединили къ себѣ служилыхъ людей Дорогобужа, Вязьмы и Серпейска и укрѣпили эти города за Шуйскимъ. Затѣмъ они сошлись въ Можайскѣ съ воеводой Колычевымъ, успѣвшимъ выбить мятежниковъ изъ Волоколамска.

Царскія войска дѣйствовали также удачно и на Волгѣ: они взяли Арзамасъ, гдѣ сидѣли воры, и освободили Нижній отъ осады; жители Свіяжска, когда Казанскій митрополитъ отлучилъ ихъ отъ церкви, тоже перешли на сторону Шуйскаго.

Тѣмъ не менѣе, Болотниковъ крѣпко держался. Царскій братъ, князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій, нѣсколько разъ приступалъ къ Калугѣ, но все неудачно; неудача постигла подъ Калугой и главныя Царскія войска съ князьями Мстиславскимъ, Скопинымъ-Шуйскимъ и Татевымъ. Болотниковъ отбилъ всѣ ихъ приступы, несмотря на то, что въ городѣ былъ страшный голодъ. Веневъ и Тула тоже не сдавались, и только боярину Ивану Никитичу Романову съ княземъ Мезецкимъ удалось разбить князя Рубца-Мосальскаго, шедшаго къ Калугѣ на помощь Болотникову [1]); самъ Мосальскій былъ убитъ, а его ратные люди, не желая сдаваться, сѣли на бочки съ поро-

[1]) Этого князя Рубца-Мосальскаго, также Василія, не слѣдуетъ смѣшивать съ другомъ Лжедимитрія, посланнымъ Шуйскимъ воеводою въ Корелу.

хомъ и взорвали себя, такъ какъ знали, что имъ не будетъ пощады отъ Шуйскаго: всѣхъ взятыхъ въ бою плѣнныхъ онъ «сажалъ въ воду», то-есть топилъ.

При этихъ обстоятельствахъ наступилъ 1607 годъ. Конецъ зимы и начало весны прошли въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ Василія Ивановича къ подавленію смуты и въ сборахъ возможно большаго количества войскъ; для усмиренія мятежа въ далекой Астрахани былъ посланъ особый отрядъ Ѳ. И. Шереметева. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Царь принималъ также мѣры для нравственнаго воздѣйствія на населеніе: такъ, былъ составленъ и разосланъ, извѣстный уже намъ,—«Извѣтъ старца Варлаама», «Повѣсть 1606 года» и другія произведенія, подробно разсказывавшія, какъ неправдою и вѣдовствомъ Гришка овладѣлъ Царскимъ престоломъ. Тѣла жертвъ самозванца—Бориса Годунова и его семьи были торжественно перенесены изъ Варсонофіевской обители въ Троицко-Сергіеву лавру; за гробомъ родителей и брата шла, громко рыдая, инокиня Ольга, въ міру несчастная Ксенія Годунова. Наконецъ, съ большимъ торжествомъ прибылъ въ Москву изъ Старицы бывшій патріархъ Іовъ, уже почти совершенно слѣпой старецъ, и 16 февраля отъ имени Гермогена и его была разослана по всему Государству грамота; всѣ добрые граждане оповѣщались ею о закланіи царевича Димитрія и о злодѣяніи Разстриги, который воровствомъ достигъ престола: ...«Люторами и Жидами Христіанскія церкви осквернилъ, и, не будучи сытъ такимъ бѣсовскимъ ядомъ, привезъ себѣ изъ Литовской земли невѣсту, Люторской вѣры дѣвку, ввелъ ее въ соборную церковь, вѣнчалъ Царскимъ вѣнцомъ, въ Царскихъ вратахъ Святымъ миромъ помазалъ». Грамота оканчивалась разрѣшеніемъ всѣхъ жителей отъ ихъ ложной присяги, данной Лжедимитрію, преступивъ крестное цѣлованіе Царю Борису Годунову и его сыну Ѳеодору. Нѣсколько дней спустя, Московскій народъ просилъ въ Успенскомъ соборѣ прощенія у Іова за насильственное сведеніе его съ престола.

Но эти церковныя торжества, конечно, мало помогли Шуйскому: всѣ отлично помнили, какъ онъ и Іовъ свидѣтельствовали, что царевичъ Димитрій закололся самъ въ припадкѣ падучей, и какъ они же предали семью Годуновыхъ, какъ только Лжедимитрій сталъ подходить къ столицѣ, и первые поспѣшили изъявить Разстригѣ чувства своей преданности.

Не удалась и другая попытка Шуйскаго избавиться отъ Болотникова; онъ послалъ къ нему Нѣмца Фидлера, который обязался страшной клятвой отравить его. «Во имя Пресвятой и Преславной Троицы, я даю сію клятву въ томъ», клялся Фидлеръ,—«что хочу изгубить ядомъ Ивана Болотникова; если-же я обману моего Государя, тогда лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отрѣшитъ меня навѣки Іисусъ Христосъ, да не будетъ подкрѣплять душу мою благодать Святого Духа, да покинутъ меня всѣ Ангелы, да овладѣетъ тѣломъ и душой моей дьяволъ. Я сдержу свое слово и этимъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божью помощь и Святое Евангеліе». Но, пріѣхавъ въ Калугу, Фидлеръ тотчасъ же открылъ все Болотникову, а между тѣмъ къ послѣднему, весной 1607 года, подошли

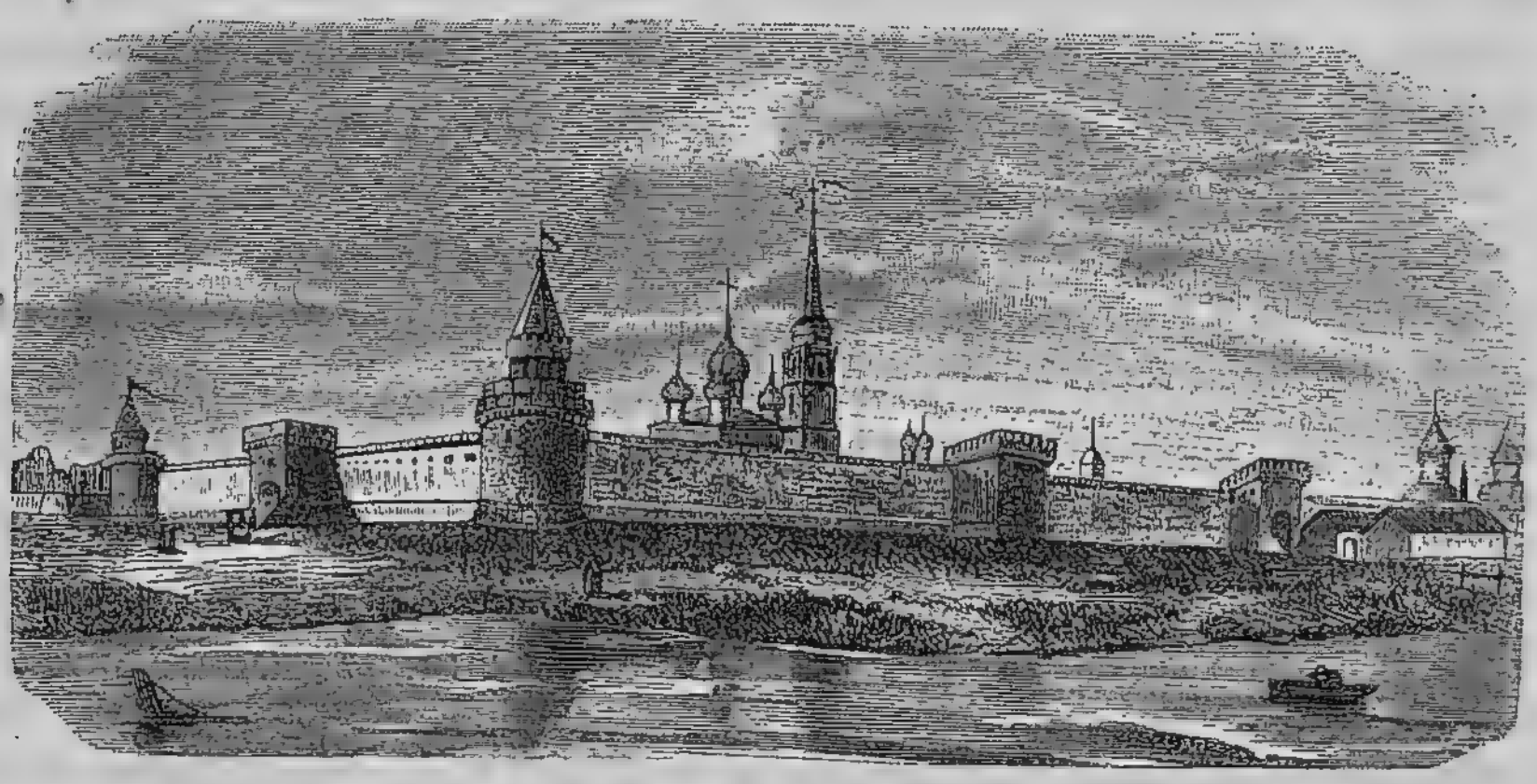
подкрѣпленія: изъ Путивля пришелъ въ Тулу князь Г. П. Шаховской, «всей крови заводчикъ», какъ его называли современники, съ Сѣверскими отрядами и казаки съ Сейма и Днѣпра; туда же шелъ и знакомый намъ названный царевичъ Петръ, ведя съ собой казаковъ съ Терека, Волги, Дона и Донца. Свое движеніе съ Дона на усиленіе Болотникова царевичъ Петръ ознаменовалъ страшными звѣрствами: онъ замучилъ до смерти нѣсколькихъ воеводъ, оставшихся вѣрными Шуйскому, и силой взялъ себѣ въ наложницы княжну Бахтеярову, убивъ ея отца. Затѣмъ, князь Телятевскій выступилъ изъ Тулы на выручку Болотникова, и при селѣ Пчелнѣ наголову разбилъ войска Шуйскаго, которыя должны были снять осаду Калуги; при этомъ 15.000 человѣкъ Царской рати перешли на сторону воровъ, а остальныя Московскія войска отошли къ Серпухову.

Болотниковъ же перешелъ изъ Калуги въ Тулу, гдѣ соединился съ царевичемъ Петромъ и другими своими приспѣшниками.

Понесенная неудача заставила Шуйскаго напрячь всѣ усилія для продолженія борьбы. Онъ собралъ стотысячное войско и 21 мая выступилъ во главѣ его «на свое государево и великое земское дѣло», какъ оповѣщалось объ этомъ въ грамотахъ патріарха. Сидѣвшіе въ Тулѣ воры вышли противъ него подъ начальствомъ князя Телятевскаго и обрушились въ количествѣ 30.000 человѣкъ на лѣвое крыло Царской рати, но послѣ упорнаго боя на рѣкѣ Восмѣ близь Каширы были 5 іюня наголову разбиты и бѣжали обратно въ Тулу. За ними слѣдомъ шелъ Шуйскій. Подъ Тулой произошло новое сраженіе, удачное для Царскихъ войскихъ, и «всѣ воры»—Болотниковъ, Шаховской и царевичъ Петръ должны были сѣсть въ осаду. Это, конечно, былъ важный успѣхъ для Шуйскаго. Осажденные опять начали терпѣть крѣпкую нужду и слали гонцовъ къ Молчанову и къ старой пани Мнишекъ въ Польшу, чтобы они высылали скорѣй какого-нибудь Лжедимитрія для спасенія ихъ дѣла; Шуйскій же спѣшилъ жестоко наказать всѣ возставшія противъ него мѣста, занятыя теперь его войсками: «...по повелѣнію Царя Василья Татаромъ и Черемисѣ велѣно Украинныхъ и Сѣверскихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ людей воевать и въ полонъ имать и животъ ихъ грабить за ихъ измѣну и за воровство, что они воровали, противъ Московскаго Государства стояли и Царя Василья людей побивали». Кто хотѣлъ сохранить свое добро отъ разоренія, долженъ былъ просить о выдачѣ ему особой охранной грамоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Царскіе воеводы, по приказанію Шуйскаго, всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ осуждали на казнь; иногда ихъ цѣлыми тысячами «сажали въ воду».

Такая безпощадная жестокость со стороны Шуйскаго заставляла, конечно, сидѣвшихъ въ Тулѣ воровъ сражаться съ отчаянной храбростью. Только въ октябрѣ 1607 года удалось Царскимъ войскамъ взять этотъ городъ, и то благодаря хитрости боярскаго сына Кравкова. Онъ посовѣтовалъ затопить Тулу, устроивъ ниже ея запруду на рѣкѣ Упѣ. Это оказалось дѣйствительнымъ средствомъ. Вода начала заливать городъ и разобщила его отъ всѣхъ окрестностей; скоро насталъ страшный голодъ, и Болотниковъ съ

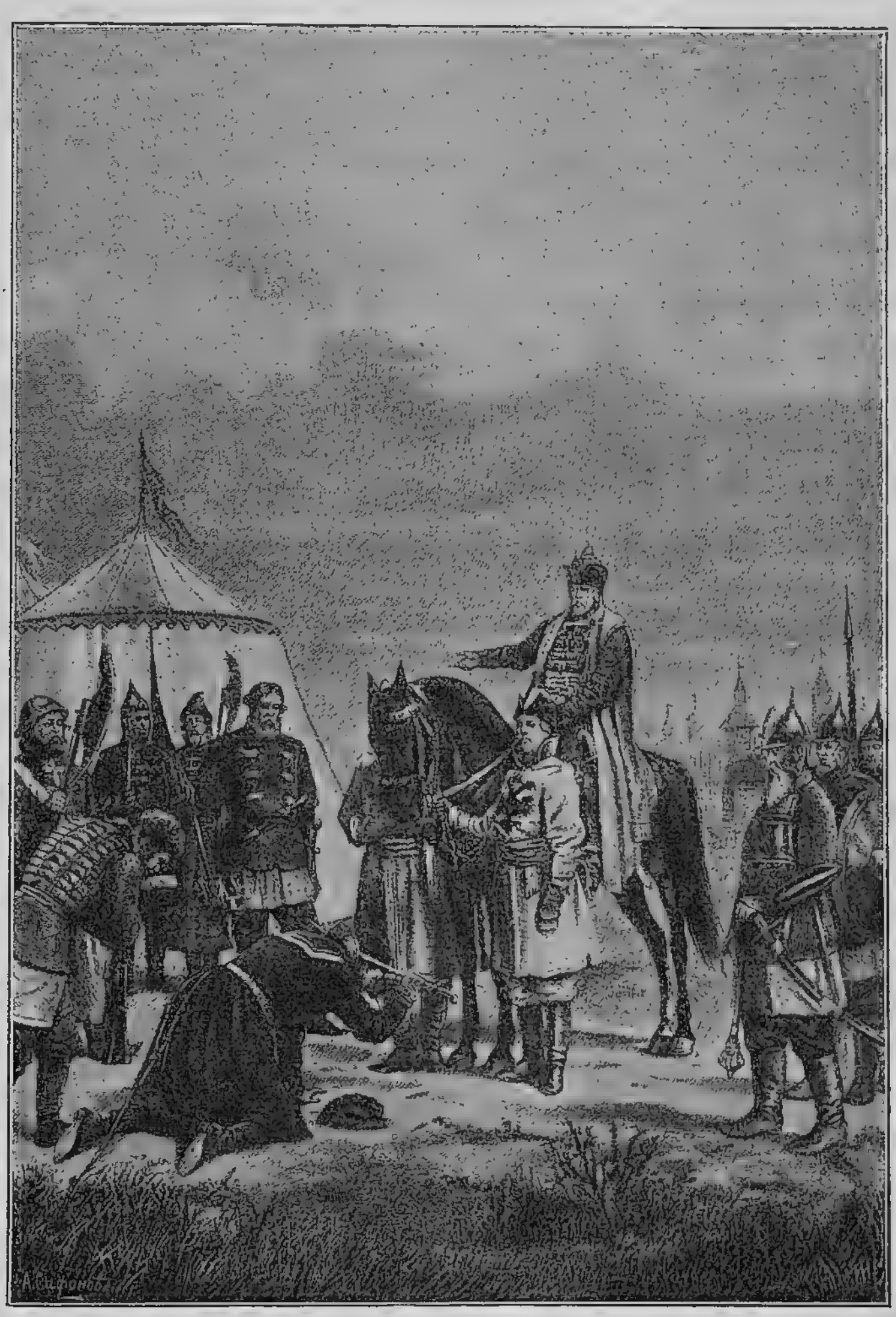
Лжепетромъ вошли съ Шуйскимъ въ переговоры. Тотъ обѣщалъ имъ помилованіе, и они сдались ему. 10 октября Болотниковъ пріѣхалъ въ Царскій станъ, сталъ передъ Василіемъ Ивановичемъ на колѣни, положилъ себѣ на шею саблю и сказалъ ему: «Я исполнилъ свое обѣщаніе—служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ—справедливо или нѣтъ, не знаю, потому что самъ я прежде никогда не видывалъ Царя. Я не измѣнилъ своей клятвѣ, но онъ выдалъ меня, теперь я въ твоей власти, если хочешь головы моей, то вотъ отсѣки ее этой саблей; но если оставишь мнѣ жизнь, то буду служить тебѣ такъ же вѣрно, какъ тому, кто не поддержалъ меня». Шуйскій не внялъ этимъ словамъ и нарушилъ свое обѣщаніе помиловать сдавшихся: Болотниковъ былъ сосланъ въ Каргополь и тамъ утопленъ, а Лжепетръ погибъ на висѣлицѣ; князь-же Шаховской, «всей крови заводчикъ», отдѣлался ссылкой на Кубенское озеро, а Телятевскій—кажется, былъ только подвергнутъ опалѣ. Наложеніемъ этихъ легкихъ наказаній на князей Телятевскаго и Шаховского—Шуйскій ясно показалъ, насколько онъ былъ мелокъ, сравнительно съ природными Московскими Государями: Іоанномъ III, Василіемъ III и Іоанномъ Грознымъ, которые всѣмъ одинаково рубили головы за измѣну, какъ своимъ первымъ боярамъ, такъ и ихъ холопамъ.



329. Видъ кремля въ Тулѣ.

Что касается до людей взятыхъ въ Тулѣ воровскихъ шаекъ, то съ ними было поступлено различно: казавшіеся наиболѣе опасными были посажены въ воду, а тѣ, у которыхъ отыскались прежніе господа, возвращены имъ по старымъ крѣпостнымъ записямъ. Всѣмъ дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ Царскою властью было разрѣшено взять военноплѣнныхъ себѣ на «поруки», то есть, другими словами, брать ихъ себѣ въ кабалу. Такимъ образомъ, холопы, бѣжавшіе въ Поле и приставшіе къ шайкамъ разныхъ воровскихъ атамановъ, въ поискахъ лучшей доли, вернулись опять къ своему прежнему состоянію. Лучше другихъ было положеніе тѣхъ

«Тульскихъ сидѣльцевъ», которые сами добровольно цѣловали крестъ Царю Василію и выдали своихъ военачальниковъ. Ихъ оставили на свободѣ и отпустили «во-свояси». Но куда могли идти эти голодные и бездомные люди? они потянули опять въ свои же Украинныя мѣста, съ тѣмъ, чтобы



330. Болотниковъ передъ Царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ станѣ подъ Тулой, 10 октября 1607 года.

Рисунокъ А. Сафонова.

тотчасъ же, при первомъ подходящемъ случаѣ, поднять вновь кровавое возстаніе.

Взявъ Тулу и казнивъ Болотникова и Лжепетра, Шуйскій торжествовалъ полную побѣду; полагая, что смута совершенно окончена, и, не придавая значенія Сѣверской Украйнѣ, онъ не послалъ свои войска, по словамъ современника, подъ тѣ города, подъ «Путивль, подъ Бренескъ, и подъ Старо-

дубъ..., пожалѣвъ ратныхъ людей, чтобъ ратные люди поопочинули и въ домѣхъ своихъ побыли». Это была, какъ увидимъ, крупная ошибка.

Начиная съ 1606 года, Карлъ IX Шведскій сталъ предлагать Шуйскому свою помощь, разсчитывая, разумѣется, извлечь отъ этого большія выгоды для себя; ему приказано было отвѣчать, «что великому Государю нашему помощи никакой ни отъ кого не надобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ и просить помощи ни у кого не будетъ, кромѣ Бога». Когда же Болотниковъ былъ осажденъ въ Тулѣ, то Карлу сообщили, «что въ нашихъ великихъ Государствахъ смуты нѣтъ никакой».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы прекратить на будущее время широкія возстанія холоповъ противъ господъ и безпрерывный уходъ крестьянъ съ помѣщичьихъ земель, чѣмъ ознаменовало себя все движеніе, поднятое Болотниковымъ, Шуйскій, начиная съ весны 1607 года, издалъ нѣсколько указовъ о холопахъ и объ отношеніи ихъ къ господамъ, сущность которыхъ свелась къ полной крѣпостной зависимости крестьянъ отъ ихъ господъ. Соборное уложеніе 9 марта 1607 года, говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, «устанавливаетъ твердо начало крестьянской крѣпости: крестьянинъ крѣпокъ тому, за кѣмъ записанъ въ писцовой книгѣ; крестьянскій «выходъ» впредь вовсе запрещается и тотъ, кто принялъ чужого крестьянина, платитъ не только убытки владѣльцу вышедшаго, но и высокій штрафъ, именно: десять рублей на «Царя Государя» за то, что принялъ противъ уложенія»...

Такимъ образомъ, взятіе Тулы Шуйскій призналъ какъ окончательное торжество надъ врагами и не считалъ нужнымъ дѣлать побѣжденнымъ какія бы то ни было уступки: крѣпостной порядокъ не только оставался въ прежней силѣ, но получилъ въ законѣ еще бо́льшую опредѣленность и непреложность.

Прибывъ въ Москву, Василій Ивановичъ отпраздновалъ 7 января 1608 года благополучное окончаніе похода и подавленіе смуты—бракомъ своимъ съ княжной Маріей Петровной Буйносовой-Ростовской.

А между тѣмъ, въ предѣлахъ Московскаго Государства въ это время уже находился новый названный Царь Димитрій, появленія котораго такъ страстно ждали многіе.

Онъ объявился въ августѣ 1607 года, въ тюрьмѣ небольшого Сѣверскаго городка, носившаго незавидное названіе Пропойска.

Каково было происхожденіе этого человѣка, совершенно неизвѣстно: нѣкоторые современники считали его поповымъ сыномъ Матвѣемъ Веревкинымъ, другіе сыномъ князя Курбскаго, третьи школьнымъ учителемъ изъ города Сокола, а избранный впослѣдствіи на Царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ въ письмѣ своемъ къ принцу Морицу Оранскому говорилъ, что «Сигизмундъ послалъ Жида, который назвался Димитріемъ Царевичемъ». Во всякомъ случаѣ своею внѣшностью онъ вовсе не походилъ на перваго самозванца, но былъ человѣкомъ вполнѣ подходящимъ, чтобы разыгрывать лжецаря, умнымъ и ловкимъ, когда можно, то наглымъ, а когда нельзя,

то и трусливымъ, и лишеннымъ, разумѣется, всякихъ нравственныхъ правилъ.

Въ Пропойской тюрьмѣ, куда его засадили, принявъ за лазутчика, онъ объявилъ себя первоначально родственникомъ убитаго Царя Димитрія, Андреемъ Андреевичемъ Нагимъ, скрывающимся отъ

331. Воръ.

Съ изображенія конца XVII вѣка.

мести Шуйскаго. Ему повѣрили и по его просьбѣ перевезли въ Стародубъ. Отсюда онъ послалъ своего товарища, какого-то подъячаго Рукина, разглашать по Сѣверскимъ городамъ, что Царь Димитрій живъ и скрывается въ Стародубѣ. Извѣстіе это было встрѣчено во всей «прежепогибшей Украйнѣ» съ величайшей радостью, и изъ Путивля отправилось въ Стародубъ нѣсколько боярскихъ дѣтей вмѣстѣ съ Рукинымъ повидать новоявленнаго Государя. Рукинъ привелъ ихъ къ мнимому Нагому. Тотъ

*

вначалѣ запирался и началъ говорить, что ничего не знаетъ про Димитрія, но когда жаждавшіе узрѣть Царя Димитрія Стародубцы стали грозить ему пыткой и хотѣли его уже схватить, то онъ вдругъ выпрямился, взялъ въ руку палку и грознымъ голосомъ крикнулъ: «Ахъ вы, такія-сякія дѣти, еще меня не знаете: я Государь». Этотъ окрикъ подѣйствовалъ; простодушные Стародубцы тотчасъ же повалились ему въ ноги со словами: «Виноваты, Государь, передъ тобой» и сейчасъ стали собирать для него деньги и разсылать во всѣ стороны грамоты по городамъ, чтобы высылали людей и казну такъ счастливо отыскавшемуся Царю. Насколько ослѣпленіе жителей было велико, и какъ многіе глубоко вѣрили, что новый самозванецъ истинный Царь Димитрій, показываетъ слѣдующій случай: одинъ боярскій сынъ изъ Стародуба вызвался самъ поѣхать въ станъ Василія Ивановича Шуйскаго подъ Тулу и по пріѣздѣ спросилъ его, зачѣмъ онъ подъискался Царства подъ своимъ природнымъ Государемъ, за что былъ, конечно, подвергнутъ мучительной казни; Шуйскій приказалъ его поджарить на медленномъ огнѣ, но онъ до конца оставался при убѣжденіи, что принимаетъ мученическую смерть за своего законнаго Государя.

Около второго самозванца начала собираться дружина; ее устраивалъ нѣкій Полякъ Мѣховецкій, который, по современнымъ свѣдѣніямъ, и раздобылъ новаго Царя. «На сей разъ Димитрія воскресилъ Мѣховецкій, и потомъ, хотя или нехотя, долженъ былъ помогать ему, ибо твердо зналъ всѣ обычаи и дѣла перваго Димитрія», говоритъ Полякъ Маскѣвичъ въ своемъ дневникѣ. Однако войско новоявленнаго лжецаря собиралось на первыхъ порахъ довольно медленно, почему онъ и не могъ поспѣть на выручку Тулы къ Болотникову; поэтому также Шуйскій слишкомъ легко отнесся къ его появленію и не счелъ нужнымъ тотчасъ же послѣ взятія Тулы направить свои войска въ Сѣверскую Украйну, чтобы сразу покончить съ новымъ Лжедимитріемъ, котораго Русскій народъ очень мѣтко прозвалъ *Воромъ*, такъ какъ всѣ его личныя стремленія и собравшихся около него войсковыхъ отрядовъ носили чисто «воровскій» отпечатокъ.

Ближайшими и дѣятельнѣйшими сподвижниками Вора явились Поляки. Въ это время, какъ разъ, окончился знаменитый рокошъ, поднятый паномъ Зебжидовскимъ противъ Сигизмунда; рокошанамъ нанесъ сильнѣйшее пораженіе королевскій гетманъ Жолкѣвскій и ихъ разбитые отряды бродили около границъ Московскаго Государства. Извѣстіе, что объявился новый господарчикъ, чтобы идти добывать Московскій престолъ, было, разумѣется, встрѣчено многими предводителями этихъ отрядовъ съ живѣйшей радостью: представлялся великолѣпный случай знатно поживиться за счетъ Москалей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и Сигизмундъ былъ не прочь исподтишка надѣлать непріятностей Москвѣ: старика Яна Замойскаго уже не было въ живыхъ, чтобы указать королю всю неблаговидность подобнаго поведенія.

Мало-по-малу къ Вору стали собираться разные высокородные Польскіе искатели приключеній со своими войсками; «вновь прибывшіе», гово-

ритъ Валишевскій, «прекрасно сознавали, что имѣютъ дѣло съ самозванцемъ. Весело принимая участіе въ комедіи, они отъ самого царя не скрывали, что вовсе не обманываются на его счетъ»... На помощь къ Вору двигался нѣкій панъ Лисовскій, подвергнутый за разныя добрыя дѣла изгнанію изъ Польши, «изгнанникъ и чести своей отсуженъ», ведя шайку хищныхъ головорѣзовъ, получившихъ печальную извѣстность подъ именемъ «Лисовчиковъ»; сюда же къ Вору шелъ знаменитый Польскій вельможа князь Романъ Рожинскій, человѣкъ безстрашный и весьма искусный въ воинскомъ дѣлѣ, а нѣсколько позднѣе прибылъ «за позволеніемъ Сигизмунда» столь же извѣстный староста Усвятскій, родственникъ великаго Литовскаго канцлера Льва Сапѣги, по словамъ Валишевскаго, «одинъ изъ самыхъ блестящихъ Польскихъ аристократовъ того времени», но почти всегда пьяный,—панъ Янъ-Петръ-Сапѣга; наконецъ, къ Вору не брезгали вести свои отряды—знакомый намъ князь Адамъ Вишневецкій, Тышкевичъ, Валавскій, Будило и другіе представители Польской знати.

Съ другой стороны, къ новому Лжедимитрію тянули и всѣ тѣ Русскіе люди, которые были недовольны порядками Московскаго Государства: Севрюки—обитатели «прежепогибшей Украины», казаки, бѣглые холопы и разная голытьба изъ только что разсѣянныхъ отрядовъ Болотникова. Скоро къ Вору примкнуло 3.000 Запорожскихъ казаковъ и 5.000 Донскихъ, имѣвшихъ своимъ атаманомъ Западно-Русскаго уроженца Ивана Мартыновича Заруцкаго, человѣка смѣлаго и неустрашимаго, много испытавшаго на своемъ вѣку и крайне безнравственнаго, но неописаннаго красавца по виду. Донцы привели къ Вору, вмѣсто повѣшеннаго царевича Петра, его брата, также сына Царя Ѳеодора Іоанновича—царевича «Ѳедьку», но новый Лжедимитрій былъ менѣе склоненъ къ родственнымъ чувствамъ, чѣмъ первый, звавшій Лжепетра къ себѣ въ Москву, и приказалъ убить приведеннаго племянника. «Однако», какъ говоритъ Соловьевъ, «казакамъ понравились самозванцы: въ Астрахани объявился царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ, сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ-же явился третій царевичъ Лаврентій, сказался внукомъ Грознаго отъ царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились: царевичъ Ѳеодоръ, царевичъ Климентій, царевичъ Савелій, царевичъ Семенъ, царевичъ Василій, царевичъ Ерошка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка—все сыновья Царя Ѳеодора Іоанновича».

Разноплеменные и разнородные отряды, стекавшіеся къ Вору, получили болѣе или менѣе основательное воинское устройство лишь къ веснѣ 1608 года, причемъ начальники этихъ отрядовъ считались съ лжецаремъ лишь настолько, насколько имъ это было выгодно, и нерѣдко уходили отъ него по различнымъ поводамъ. Мѣховецкій хотѣлъ быть гетманомъ Польскихъ отрядовъ, какъ первый начавшій ихъ образовывать, но, съ прибытіемъ Рожинскаго, онъ долженъ былъ уступить ему свое первенство; послѣдній, хотя и цѣловалъ руку Вору, однако при случаѣ обращался съ нимъ самымъ грубымъ образомъ. Скоро Поляки составили рыцарское коло и

выкрикнули своимъ гетманомъ Рожинскаго, а Мѣховецкаго съ нѣкоторыми другими приговорили къ изгнанію и послали объявить объ этомъ Вору. Воръ выѣхалъ самъ къ колу въ золотомъ платьѣ и на богато убранномъ конѣ и, видя, что шумъ съ его прибытіемъ не прекращается, попробовалъ закричать, такъ же какъ и на Стародубцевъ: «Молчать, такія-сякія дѣти!». Коло сперва опѣшило, и Воръ началъ говорить, что не выдастъ своихъ вѣрныхъ слугъ съ Мѣховецкимъ во главѣ, но затѣмъ Поляки опомнились,

332. „Лисовчикъ".

Съ картины знаменитаго художника Рембрандта Ванъ-Рѣина, хранившейся у графовъ Тарновскихъ въ Галиціи, а нынѣ проданной въ Америку.

выхватили сабли изъ ноженъ и подняли страшный шумъ: «Убить негодяя, разсѣчь, схватить его»—раздавалось со всѣхъ сторонъ. Воръ долженъ былъ уѣхать назадъ и Рожинскій приставилъ къ его дому стражу. Считая свое дѣло погибшимъ, самозванецъ съ отчаянія выпилъ огромнѣйшее количество водки и чуть было не умеръ, но затѣмъ онъ отошелъ; успокоились также и Поляки; они поняли, что Воръ имъ нуженъ, такъ какъ, безъ наличія названнаго Московскаго Царя, все предпріятіе ихъ оказалось бы лишеннымъ всякаго смысла, и обѣ стороны примирились.

Козельскъ, Путивль, Кромы и нѣкоторые другіе Сѣверскіе города перешли во власть Вора уже къ концу 1607 года; Брянскъ-же и Карачевъ

были крѣпко заняты воеводами Шуйскаго, и потому, чтобы обойти ихъ и выйти на «Польскія» дороги, Воръ перешелъ въ январѣ 1608 года въ Орелъ, гдѣ и оставался до весны.

333. Янъ-Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, съ изображеннымъ позади его монастыремъ Живоначальной Троицы.

Съ изображенія, хранящагося въ Красичинскомъ замкѣ князя В. Сапѣги въ Галиціи.

Когда Воръ двинулся осаждать Брянскъ, то на подмогу этому городу подошли Московскіе ратные люди, но остановились на противоположномъ берегу Десны, на которой былъ въ это время сильный ледоходъ. Видя это, жители Брянска стали звать ихъ къ себѣ, крича: «Помогите, погибаемъ»; на этотъ призывъ, Московскіе ратные люди сказали: «Лучше

намъ всѣмъ помереть, нежели видѣть свою братію въ конечной погибели, если помремъ за Православную вѣру, то получимъ у Христа вѣнцы мученическіе». Затѣмъ, простившись другъ съ другомъ, они бросились въ рѣку и благополучно переплыли ее; ни одинъ человѣкъ не погибъ.

Не надѣясь овладѣть Брянскомъ и Карачевымъ, Воръ направилъ Лисовскаго на Рязанскую Землю, чтобы поднять возстаніе противъ Шуйскаго по Окѣ, а самъ съ Рожинскимъ двинулся съ наступленіемъ теплыхъ дней изъ Орла прямо на Москву, и въ двухдневномъ бою подъ Болховымъ, 30 апрѣля и 1 мая, наголову разбилъ собранное здѣсь Царское войско подъ начальствомъ малоспособнаго боярина Димитрія Ивановича Шуйскаго и князя Василія Васильевича Голицина, тайнаго недоброжелателя Шуйскихъ.

Отъ Болхова Воръ быстро пошелъ къ Москвѣ, но не по кратчайшему пути, а черезъ Можайскъ, чтобы захватить въ свои руки дорогу на Смоленскъ, по которой къ нему шли подкрѣпленія изъ Польши. Во время своего движенія, также какъ и Болотниковъ, онъ разсылалъ грамоты во всѣ города, чтобы крестьяне поднимались на господъ, брали бы себѣ ихъ имѣнія и женились бы на ихъ женахъ и дочеряхъ.

Бѣглецы Царскаго войска изъ-подъ Болхова явились въ Москву и стали распускать слухи, что истинный Царь Димитрій ведетъ съ собою безчисленное воинство. «Онъ вѣдунъ», разсказывали они про него, «по глазамъ узнаетъ, кто виноватъ и кто нѣтъ». «Ахти мнѣ», отвѣчалъ на это одинъ простодушный Москвичъ, «мнѣ никогда нельзя будетъ показаться ему на глаза. Этимъ самымъ ножемъ я зарѣзалъ пятерыхъ Поляковъ». Впрочемъ, были люди, говорившіе, что у Вора войска мало.

Чтобы противодѣйствовать Самозванцу, Шуйскій выслалъ противъ него къ рѣкѣ Незнани (между Москвой и Калугой) новую рать съ племянникомъ своимъ княземъ М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ и Иваномъ Никитичимъ Романовымъ. Но въ рати этой «нача быти шатость: хотяху Царю Василью измѣнити князь Иванъ Катыревъ да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иванъ Троекуровъ и иные съ ними» и она была отозвана назадъ.

Воръ же, занявъ Смоленскую дорогу, безпрепятственно подошелъ къ столицѣ, и 17 іюня 1608 года расположился въ селѣ Тушинѣ, въ 13 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Москвы, въ углу, образуемомъ рѣками Москвой и Всходней, между Смоленской и Тверской дорогами.

Высланный въ Рязанскую Землю—Лисовскій также дѣйствовалъ чрезвычайно удачно: онъ усилилъ свой Польскій отрядъ воровскими шайками, дѣйствовавшими отдѣльно во многихъ мѣстахъ, причемъ одна изъ этихъ шаекъ успѣшно обороняла городъ Пронскъ противъ Рязанцевъ, хотѣвшихъ его взять подъ начальствомъ Прокофія Ляпунова; самъ Прокофій былъ раненъ въ ногу «изъ города изъ пищали». Брату же его, Захару, Лисовскій нанесъ жесточайшее пораженіе подъ Зарайскомъ, послѣ чего онъ захватилъ даже сильно укрѣпленную Коломну, разграбилъ ее и забралъ

затѣмъ въ плѣнъ, привязавъ къ пушкѣ, Коломенскаго епископа Іосифа, требовавшаго вмѣстѣ съ Гермогеномъ крещенія Марины; Коломна, впрочемъ, была вскорѣ взята обратно войсками Шуйскаго подъ начальствомъ князя Ивана Семеновича Куракина, человѣка весьма искуснаго въ военномъ дѣлѣ; Куракинъ нанесъ вслѣдъ за этимъ пораженіе Лисовскому и освободилъ епископа Іосифа, но Лисовскій быстро оправился отъ этого пораженія и прибылъ въ Тушино на соединеніе съ Воромъ, ведя съ собой 30.000 человѣкъ.

Такимъ образомъ, побѣдоносныя воровскія войска отдѣляло отъ Москвы всего тринадцать верстъ и, казалось, достаточно было послѣдняго усилія, чтобы взять Москву и тѣмъ положить конецъ власти Шуйскаго. Однако, этого не случилось. Василій Ивановичъ, кромѣ своего Государева двора и стрѣльцовъ, собралъ въ Москву служилыхъ людей изъ Новгорода и Пскова, Сѣверныхъ и Заволжскихъ городовъ, а также и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, оставшихся ему вѣрными, и далъ нѣсколько боевъ воровскимъ войскамъ подъ самой Москвой. Бои эти шли съ перемѣннымъ счастьемъ; тѣмъ не менѣе гетманъ Рожинскій долженъ былъ скоро убѣдиться, что столицей овладѣть не легко. Передовыя войска Шуйскаго подъ начальствомъ храбраго князя М. В. Скопина были расположены по Ходынкѣ противъ самаго Тушинскаго стана, а главныя его силы стояли у Прѣсненскихъ прудовъ и на Ваганьковѣ. Чтобы оттѣснить эти передовыя Московскія части, Рожинскій, на разсвѣтѣ 25 іюня, произвелъ на нихъ внезапное нападеніе и имѣлъ вначалѣ успѣхъ, но затѣмъ поспѣла поддержка отъ Прѣсни и Ваганькова и воровская рать должна была отойти назадъ съ большимъ урономъ.

Послѣ этого сраженія на Ходынскомъ полѣ, въ обоихъ станахъ подъ Москвой и въ Тушинѣ наступило затишье. Ни та, ни другая сторона не считала себя достаточно сильной, чтобы отважиться произвести нападеніе всѣми силами на противника.

Во время описанныхъ военныхъ дѣйствій шли все время дѣятельныя сношенія между Шуйскимъ и Сигизмундомъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, занятый усмиреніемъ рокоша, вовсе не желалъ войны съ нами, и въ октябрѣ 1607 года прислалъ въ Москву своихъ пословъ, пана Витовскаго и князя Друцкого-Соколинскаго, поздравить Василія Ивановича со вступленіемъ на Царство и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отпустить въ Польшу, какъ старыхъ пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго, такъ также Мнишковъ и всѣхъ задержанныхъ послѣ убійства Разстриги Поляковъ. Переговоры съ новыми послами затянулись до 25 іюня 1608 года, послѣ чего было заключено перемиріе съ Польшей на три года и одиннадцать мѣсяцевъ; по условію этого перемирія мы согласились отпустить всѣхъ задержанныхъ Поляковъ; король же и Рѣчь Посполитая обязывались не поддерживать какихъ бы то ни было самозванцевъ; Юрій Мнишекъ не долженъ былъ признавать втораго Лжедимитрія своимъ зятемъ, а Марина—величаться Московской Государыней; вмѣстѣ съ тѣмъ, новые послы должны были отозвать отъ Вора въ Польшу Рожинскаго и всѣхъ остальныхъ Поляковъ, кромѣ Лисовскаго, который «изгнанникъ изъ отечества и чести своей отсуженъ».

Однако, ни Рожинскій и никто изъ остальныхъ пановъ не думалъ подчиниться этому требованію и покинуть станъ Вора. Марина же съ отцомъ, привезенные къ этому времени изъ Ярославля въ Москву, были отправлены вмѣстѣ съ Олесницкимъ и Гонсѣвскимъ, а также съ другими Поляками, находившимися за приставами,—въ Польшу, въ сопровожденіи небольшого Русскаго конвоя подъ начальствомъ князя Долгорукаго. Ихъ повезли кружнымъ путемъ черезъ Угличъ и Тверь на Смоленскъ, чтобы они не попали въ руки Тушинцевъ.

Но Воръ былъ освѣдомленъ о поѣздкѣ Марины и выслалъ 2.000 конницы съ панами Зборовскимъ и Стадницкимъ, чтобы перехватить ее. Съ своей стороны желали попасть въ руки Тушинцевъ и многіе Поляки, въ томъ числѣ посолъ Олесницкій и старый Мнишекъ, надѣявшійся опять нажить хорошую деньгу на продажѣ дочери Вору. Однако, другіе Поляки, во главѣ съ посломъ Гонсѣвскимъ, были противъ этого и съ частью Русскаго конвоя благополучно добрались до Смоленска, откуда прослѣдовали далѣе въ Польшу. Мнишекъ же съ Мариной, Олесницкій и всѣ, желавшіе передаться Вору, были застигнуты Зборовскимъ во второй половинѣ августа у Бѣлой, и послѣ небольшой стычки съ малочисленнымъ Русскимъ конвоемъ, ихъ сопровождавшимъ, попали въ столь желанный плѣнъ.

Въ это время какъ разъ подходилъ изъ Польши, чтобы пополнить ряды воровскихъ войскъ «за позволеніемъ Сигизмунда», несмотря на только что заключенное королемъ перемиріе, уже помянутый нами, двоюродный племянникъ канцлера Льва Сапѣги—Янъ-Петръ Сапѣга, ведя съ собой цѣлый отрядъ пѣхоты, конницы и артиллеріи. Станъ его случайно оказался по пути обратнаго слѣдованія пана Зборовскаго съ захваченными Мнишками и прочими плѣнными къ Тушину.

Янъ Сапѣга велъ себя, по словамъ Валишевскаго, передъ Мариною «рыцаремъ покровителемъ, но не пытался отклонить ее отъ рѣшенія, которое она свободно приняла»; при этомъ, по словамъ того же писателя, «любезности его были довольно плохого свойства. Разъ какъ-то онъ явился государынѣ въ такомъ пьяномъ видѣ, что, возвращаясь отъ нея, упалъ съ лошади и довольно сильно расшибся»... «Остались ли у Марины какія-нибудь надежды встрѣтить перваго Лжедимитрія?», продолжаетъ Валишевскій, «это неправдоподобно и по мнѣнію Зборовскаго, Сапѣга, несомнѣнно, разсѣялъ бы ихъ. Она знала почеркъ своего мужа, а «Тушинскій Воръ» и не пытался поддѣлывать свой, а вѣдь опять таки они переписывались еще до встрѣчи». По совѣту Вора, Марина безъ колебаній отправилась «на показное богомолье въ Православный Звенигородскій монастырь. Въ своемъ дневникѣ Сапѣга косвенно изображалъ, что она была очень хорошо освѣдомлена, но какъ бы не вполнѣ рѣшилась. Послушать его, такъ даже было время, когда духъ ея возмутился; разъ какъ-то она вдругъ не захотѣла ѣхать въ Тушино. Остатокъ ли стыда или, можетъ быть, безсознательная осторожность еще смущали ее. Но отецъ старался преодолѣть ихъ. Дважды, 11 и 15 сентября, опережая дочь, воевода ѣздилъ въ

Тушино и тамъ ни на что не жаловался. Онъ не могъ забыть обѣщаній, вырванныхъ у перваго Димитрія, и потому былъ поглощенъ одной заботой, какъ бы завести исподтишка переговоры со вторымъ, чтобы не утратить своихъ выгодъ отъ первой сдѣлки, съ потерей которыхъ не могъ помириться. Если дочь проявила колебанія прежде чѣмъ выступить участницей торга, то отецъ, навѣрное, воспользовался ими только для того, чтобы придать важность своему вмѣшательству и повысить требованія».

16 сентября состоялась въ присутствіи всего воровского войска нѣжная встрѣча мнимыхъ супруговъ—Марины и Вора, а черезъ четыре дня ксендзъ-іезуитъ тайно обвѣнчалъ ихъ. 14 октября панъ Юрій Мнишекъ получилъ отъ новаго мужа своей дочери письменное обязательство, что послѣдній выдастъ ему 300.000 рублей и отдастъ во владѣніе Сѣверское княжество съ 14 городами, какъ только войдетъ въ Москву, послѣ чего «Сердомірскій» вскорѣ покинулъ дочь и уѣхалъ въ Польшу, оставя ее на полный произволъ судьбы. Впослѣдствіи, наслѣдники Мнишковъ предъявили это обязательство Русскому правительству, и Императоръ Петръ Великій уплатилъ по нему 6.000 золотыхъ.

Поживились отъ Вора и другіе Поляки, захваченные въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мнишками: «Бывшій посолъ», говоритъ Валишевскій, «высокородный, прегордый и пребогатый Олесницкій не пренебрегъ обѣщаніемъ обширныхъ земель на Польской границѣ».

Бракъ Марины съ новымъ Царемъ окрылилъ также надежды высшаго католическаго духовенства о введеніи уніи въ Московскомъ Государствѣ. Еще въ ноябрѣ 1607 года, кардиналъ Боргезе писалъ изъ Рима новому папскому нунцію въ Польшѣ—Симонетти: «Сыновья Сендомирскаго палатина (Мнишка), которые находятся здѣсь въ Римѣ, сообщили его святѣйшеству достовѣрное извѣстіе, что Димитрій живъ, и что объ этомъ пишетъ къ нимъ ихъ мать. Горимъ желаніемъ узнать истину». Въ августѣ же 1608 года, Боргезе писалъ: «Димитрій живъ и здѣсь во мнѣніи многихъ; даже самые невѣрующіе теперь не противорѣчатъ рѣшительно, какъ дѣлали прежде. Жаждемъ удостовѣриться въ его жизни и въ его побѣдахъ... Если справедливо извѣстіе о побѣдѣ Димитрія, то необходимо должно быть справедливо и то, что онъ настоящій Димитрій».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, заботливые Польскіе іезуиты выработали и подробный наказъ о томъ, какъ надлежитъ дѣйствовать второму Лжедимитрію и ввести въ своемъ Государствѣ унію. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого любопытнаго наказа, въ которомъ прежде всего Поляки хотѣли доказать Вору, отождествляя его все время съ первымъ Лжедимитріемъ, что онъ не долженъ требовать императорскаго титула:

1) «.....этотъ титулъ не достался ему въ наслѣдство отъ предковъ, слѣдовательно надобно доказать какое-нибудь новое, имъ самимъ пріобрѣтенное право..; сами Русскіе противъ этого титула, что же сказать объ иностранцахъ? Для принятія этого титула необходимо новое вѣнчаніе, котораго патріархъ совершить не можетъ; нѣтъ и курфир-

стровъ для этого необходимыхъ. Но царь можетъ достигнуть желаннаго черезъ унію.

2) Хорошо, если бы государственныя должности и сопряженныя съ ними преимущества раздавались не по древности рода: надобно, чтобы доблесть, а не происхожденіе получала награду. Это было бы побужденіе для вельможъ къ вѣрной службѣ, а также и къ уніи... Не худо бы это распоряженіе отложить до уніи, а тутъ раздавать высшія должности въ видѣ вознагражденія болѣе приверженнымъ къ ней, чтобы самъ государь вслѣдствіе уніи получилъ титулъ царскій, а думные его сановники титулъ сенаторскій, то-есть, чтобы все это проистекало отъ папы...

3) Постоянное присутствіе при особѣ царской духовенства (Православнаго) и бояръ влечетъ за собой измѣны, происки и опасность для государя: пусть остаются въ домахъ своихъ и ждутъ приказа, когда явиться.

4) Недавній примѣръ научаетъ, что его величеству нужны тѣлохранители, которые бы безъ его вѣдома, прямо, какъ до сихъ поръ бывало, никого не пропускали во дворецъ, или гдѣ будетъ государь. Нужно имѣть между тѣлохранителями иностранцевъ, хотя на половину со своими, какъ для блеска, такъ и для безопасности. Въ комнатные служители надо выбирать съ большимъ вниманіемъ. Въ тѣлохранители и комнатные служители надо выбирать такихъ людей, которыхъ счастье и жизнь зависятъ отъ безопасности государя, или, говоря ясно, истинныхъ католиковъ, если совершится унія. Москвитянъ брать въ тѣлохранители, приверженныхъ къ уніи...

5) И Москвитянъ не очень должно отдалять отъ двора государева: ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцевъ...

6) Канцелярія должна употреблять скорѣе народный языкъ, чѣмъ Латинскій, особенно потому, что Латинскій языкъ считается у туземцевъ поганымъ. Однако государю нужно имѣть при себѣ людей, знающихъ языкъ Латинскій, политику и богословіе, истинныхъ католиковъ, которые бы не затрудняли благого намѣренія, не сближали государя съ еретиками, не подсовывали книгъ аріанскихъ и кальвинскихъ на пагубу государству и душамъ, не возбуждали омерзѣнія къ Христову намѣстнику (папѣ)...

7) Перенесеніе столицы, по крайней мѣрѣ на время, кажется необходимымъ по слѣдующимъ причинамъ: а) это будетъ безопаснѣе для государя; б) удобнѣе будетъ достать иностранное войско и получить помощь отъ союзнаго короля и другихъ государей Христіанскихъ; в) при перемѣнѣ царя, для царицы (Марины) удобнѣе получить помощь отъ своихъ, безопаснѣе и легче выѣхать съ драгоцѣнностями и свободою въ отечество (Польшу); однако, разглашать о перенесеніи столицы не нужно, ибо это ни къ чему не послужитъ, надобно жить гдѣ-нибудь, только не въ Москвѣ; д) міръ Московскій будетъ смирнѣе; онъ чтитъ государя вдалекѣ находящагося, но буйствуетъ въ присутствіи государя и мало его уважаетъ; е) обычныя пированія съ думными людьми могли бы удобнѣе исподоволь прекратиться; ж) удобнѣе учреждать коллегіи и семинаріи подлѣ границы Польской; і) легче

Московскихъ молодыхъ людей отправлять учиться въ Вильну и другія мѣста....

8) Еретикамъ, непріятелямъ уніи, запретить въѣздъ въ государство.

9) Выгнать пріѣзжающихъ сюда изъ Константинополя монаховъ (Православныхъ).

10) Съ осторожностью должно выбирать людей, съ которыми объ этомъ говорить, ибо преждевременное разглашеніе и теперь повредило (намекъ на кровавое Московское утро 17 мая 1606 года).

11) Государь долженъ держать при себѣ очень малое число духовенства католическаго. Письма, относящіяся къ этому дѣлу, какъ можно осторожнѣе принимать, писать, посылать, особенно изъ Рима.

12) Государю говорить объ этомъ должно рѣдко и осторожно, напротивъ, надобно заботиться о томъ, чтобы не отъ него началась рѣчь.

13) Пусть сами Русскіе первые предложатъ о нѣкоторыхъ неважныхъ предметахъ вѣры, требующихъ преобразованій, которые могутъ проложить путь уніи... При случаѣ намекнуть на устройство католической церкви для соревнованія... Издать законъ, чтобы все подведено было подъ постановленіе соборовъ и отцовъ Греческихъ, и поручить исполненіе закона людямъ благонадежнымъ, приверженцамъ уніи. Возникнутъ споры, дойдетъ дѣло до государя, который, конечно, можетъ назначить соборъ, а тамъ съ Божіей помощью можетъ быть приступлено и къ уніи.

14) Намекнуть черному духовенству о льготахъ, бѣлому о достоинствѣ, народу о свободѣ, всѣмъ о рабствѣ Грековъ, которыхъ можно освободить только посредствомъ уніи съ государями Христіанскими.

15) Хорошо, если бы Поляки набрали здѣсь молодыхъ людей и отдали бы ихъ въ Польшѣ учиться отцамъ-іезуитамъ...

Для исполненія присланнаго наказа, Вору необходимо было овладѣть Москвой и низложить Шуйскаго, но до этого было еще очень далеко, а между тѣмъ наступила осень; воровскимъ войскамъ надо было прежде всего подумать, какъ удобнѣе провести зиму и запереть со всѣхъ сторонъ Москву, чтобы лишить ее подвоза продовольствія.

Тушино стало быстро обстраиваться: сперва рыли только землянки и дѣлали стойла для лошадей изъ хвороста и соломы. Но Полякамъ и другимъ воровскимъ отрядамъ скоро надоѣло жить въ землянкахъ: тогда они начали разбирать въ ближайшихъ деревняхъ избы и перевозить ихъ себѣ въ «обозъ»: иной ставилъ себѣ по двѣ, по три избы; землянки же обращали въ погреба для вина. Вору и Маринѣ были выстроены большія хоромы посреди стана. Всего Воровскихъ войскъ было: Польской конницы 18.000 человѣкъ, Польской пѣхоты—2.000 человѣкъ, Запорожцевъ—13.000 человѣкъ, Донцовъ—15.000 и множество Русскихъ воровскихъ шаекъ, которыхъ Поляки, изъ опасенія, къ себѣ въ станъ не пускали. Продовольствіе доставлялось изъ завоеванныхъ областей, для чего послѣднія были подѣлены между отрядами.

Какъ только выпалъ первый снѣгъ, огромные обозы потянулись по первопутку со всякимъ добромъ къ Тушину. На роту приходилось по тысячѣ и болѣе возовъ; «везли чего только душа хотѣла», говоритъ одинъ изъ Поляковъ.

У Тушинскаго стана сходились всѣ дороги на Москву, шедшія изъ Твери и Смоленска; дороги къ столицѣ черезъ Тулу и Калугу шли также по мѣстностямъ, охваченнымъ мятежомъ, а поэтому продовольствіе осажденнымъ въ Москвѣ идти по нимъ не могло. Но оставались еще пути съ сѣвера и востока, которые спѣшили занять воровскіе воеводы, чтобы совершенно отрѣзать Шуйскаго и Москвичей отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

Уже въ сентябрѣ 1608 года Сапѣга, соперничавшій съ Рожинскимъ изъза первенства въ воровскомъ станѣ, былъ посланъ вмѣстѣ съ Лисовскимъ въ обходъ Москвы на сѣверныя дороги, а къ Коломнѣ двинулся панъ Хмѣлевскій, чтобы занятіемъ этого города прекратить сообщеніе Москвы съ богатой Рязанской областью; вѣроятно, Хмѣлевскій долженъ былъ войти въ связь съ Сапѣгой и Лисовскимъ къ востоку отъ Москвы и, такимъ образомъ, совершенно замкнуть кольцо вокругъ нея. Но это удалось совершить Полякамъ лишь отчасти. Сапѣга, выйдя изъ Тушина, на-голову разбилъ на Ярославской дорогѣ большое Московское войско съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ во главѣ, занялъ затѣмъ Дмитровъ и приступилъ къ осадѣ Троицко-Сергіевской лавры, этого «курятника», какъ называли ее съ презрѣніемъ Поляки, а Лисовскій двинулъ свой отрядъ на Суздаль и Шую и быстро подчинилъ власти Вора всѣ Суздальскія и Владимірскія мѣста, причемъ Владимірскій воевода Иванъ Годуновъ поспѣшилъ отправить сказать въ Коломну, чтобы тамъ не стояли «противъ Бога и Государя своего прирожденнаго»—Царя Димитрія. Однако, сидѣвшіе въ Коломнѣ войска оставались вѣрными своей присягѣ Шуйскому. Они вышли противъ Хмѣлевскаго и разбили его. Присланный же изъ Москвы на подмогу въ Коломну князь Димитрій Михаиловичъ Пожарскій двинулся изъ нея противъ воровъ, шедшихъ къ Коломнѣ отъ Владиміра, и также на-голову разбилъ ихъ. Затѣмъ, какъ увидимъ, всѣ усилія Поляковъ разбились и о «курятникъ»—объ обитель Живоначальной Троицы.

Тѣмъ не менѣе, утвержденіе Вора въ Тушинѣ и рядъ успѣховъ, одержанныхъ его войсками, вызвали большое уныніе какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ областяхъ, оставшихся еще вѣрными Шуйскому, и производили все бóльшую и бóльшую «шатость». Особенно развилась эта шатость послѣ сраженія на Ходынскомъ полѣ. «Послѣ того бою», говоритъ одинъ современникъ, «учали съ Москвы въ Тушино отъѣзжати стольники и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе люди».

Рядомъ съ Москвой и сидѣвшимъ въ ней нелюбимымъ всѣми «боярскимъ Царемъ», или «полуцаремъ» Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ,—выросла другая столица, гдѣ властвовалъ «царикъ», какъ называли Вора

Поляки, гдѣ было весело, шумно и пьяно, и гдѣ всѣхъ принимали ласково и съ большимъ пожалованіемъ.

Многіе ловкіе люди начали устраиваться такъ, чтобы имъ было хорошо и въ случаѣ успѣха Шуйскаго, и въ случаѣ успѣха Вора..: «Мнози же тако мятуще всѣмъ Російскимъ государьствомъ не дважды кто, но и пять кратъ и десятъ въ Тушино и къ Москвѣ переѣжжаху»:.. появились такъ называемые «перелеты». Они то служили Вору, то опять пріѣзжали въ Москву къ Шуйскому съ повинной и получали отъ него прощеніе, «и паки у Царя Василіа болши прежняго почесть, и имѣніа, и дары воспріимаху и паки къ Вору отъѣзжжаху»... Въ нѣкоторыхъ семьяхъ отецъ служилъ одному Царю, а сыновья другому, чтобы имѣть сторонниковъ и въ томъ и другомъ лагерѣ. Часто бывало, что родственники, пообѣдавъ вмѣстѣ, разъѣзжались затѣмъ на службу—одни къ Шуйскому, а другіе къ Вору, съ тѣмъ, чтобы опять попріятельски съѣхаться за слѣдующей трапезой. «На единой бо трапезѣ сѣдяще въ пиршествѣ въ царьствующемъ градѣ, по веселіи же убо ови въ царьскіа полаты, ови въ Тушинскіа табары прескакаху. И раздѣлишяся на двое вси человѣцы, вси же мысляще лукавнѣ о себѣ: аще убо взята будетъ Москва, то тамо отцы наши и братіа, и родъ, и друзи; тіи насъ соблюдутъ. Аще ли мы одолѣемъ, то такожде имъ заступницы будемъ. Польскіа же и Литовскіа люди, и воры, и казаки тѣмъ перелетомъ ни въ чемъ не вѣроваху,—такъ бо тѣхъ тогда нарицаху,—и яко волцы надо псами играюще и инѣхъ искушающе»—говоритъ Авраамій Палицынъ.

Одними изъ первыхъ, передавшихся Вору, были князья А. Ю. Сицкій и Д. М. Черкасскій; за ними послѣдовалъ видный князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Ю. Н. Трубецкимъ, а также князья С. П. Засѣкинъ и Ф. П. Барятинскій. Послѣднему, а также Д. Т. Трубецкому, Воръ пожаловалъ боярство, которое онъ, впрочемъ, далъ тоже казаку Ивану Мартыновичу Заруцкому, а затѣмъ и крестьянину Ивану Ѳеодоровичу Наумову. Его первымъ сановникомъ, какъ бы министромъ двора, былъ князь С. Г. Звенигородскій, а въ воровскомъ царскомъ совѣтѣ засѣдали рядомъ съ княземъ Д. И. Долгорукимъ—извѣстный убійца, успѣвшій вернуться отъ матери Марины и быть пожалованнымъ въ окольничьи, Михаилъ Молчановъ, а также бывшій великій секретарь перваго Лжедимитрія—Богданъ Сутуповъ.

Бѣгство изъ Москвы особенно усилилось, когда Сапѣга и Лисовскій заняли области къ сѣверу отъ столицы; многіе изъ находившихся въ ней служилыхъ людей стали собираться домой спасать свои семьи, не слушая увѣщаній Шуйскаго: «нашимъ-де домамъ отъ Литвы и отъ Русскихъ воровъ быть разоренымъ». Исключеніе составили Рязанскіе служилые люди, которые еще весной, когда Лисовскій двинулся въ ихъ области, перевезли, по приказанію Василія Ивановича, своихъ женъ и дѣтей въ Москву, «чтобъ въ воровской приходъ, женамъ и дѣтямъ въ осадное время какого утѣсненія не учинилось». Вслѣдствіе этого обстоятельства, Рязанскіе люди крѣпко

бились за Царя Василія и скоро пріобрѣли въ Москвѣ большое значеніе во всѣхъ дѣлахъ.

Какъ только Воръ обосновался въ Тушинѣ, Шуйскій тотчасъ же вполнѣ правильно оцѣнилъ положеніе дѣлъ и сталъ принимать съ своей стороны мѣры, чтобы вести съ нимъ упорную борьбу: онъ началъ отовсюду, откуда могъ, призывать ратныхъ людей въ Москву, грозя жестокими наказаніями за уклоненіе отъ явки,—«за нѣтство и за укрываніе нѣтей»; воеводамъ Ѳ. И. Шереметьеву изъ-подъ Астрахани и Михаилу Борисовичу Шеину отъ Смоленска—приказано было идти съ ратями къ Москвѣ. Въ сѣверные Заволжскіе города были отправлены посланія, чтобы они сами «отстаивали» свои мѣста и собрали ополченіе въ Ярославлѣ. Наконецъ, видя, что король Сигизмундъ вѣроломно нарушилъ перемирный переговоръ, по которому обязывался отозвать всѣ Польскія шайки, кромѣ Лисовскаго, отъ Вора и не допустить Марину называться Московской Царицей, Василій Ивановичъ рѣшился обратиться за помощью къ Шведскому королю Карлу IX.

Этотъ Карлъ IX былъ крайне алчнымъ и корыстолюбивымъ человѣкомъ; какъ мы говорили, онъ давно уже предлагалъ намъ свою помощь, разумѣется, не даромъ, что отлично понималъ Шуйскій; вмѣстѣ съ тѣмъ, Шуйскій понималъ также, что, сходясь со Шведами, мы неизбѣжно шли при этомъ на открытый разрывъ съ Польшей, такъ какъ жестокая вражда Сигизмунда съ дядей продолжалась попрежнему. Овладѣвъ Шведскимъ престоломъ, Карлъ всѣми силами старался получить въ свои руки и Финляндію, которую искусно защищалъ отъ его покушеній нѣкто Флеммингъ, остававшійся неизмѣнно вѣрнымъ Сигизмунду. Только когда Флеммингъ умеръ въ городѣ Або, то Карлъ могъ овладѣть этимъ городомъ; при этомъ, вражда короля къ Флеммингу была такъ велика, что, войдя въ Або, онъ тотчасъ же приказалъ снять крышку съ его гроба и, взявъ покойника за бороду, Карлъ дернулъ ее и съ ненавистью сказалъ: «Да, если бы была жива эта голова, то не была теперь на плечахъ». «Если бы она была жива», съ негодованіемъ отвѣчала ему стоявшая тутъ же у гроба, вмѣстѣ съ дочерью, вдова Флеммингa, «то вы не были бы здѣсь».

Овладѣвъ всей Шведской Финляндіей, Карлъ, видя бѣду въ Московскомъ Государствѣ, захотѣлъ и Корелы, исконнаго нашего владѣнія, а потому, придвинувши свои войска къ границамъ, еще въ 1607 году и завелъ съ Царемъ Василіемъ Ивановичемъ переговоры о помощи, которую, какъ мы видѣли, послѣдній дважды отвергнулъ.

Теперь же, когда Воръ укрѣпился въ Тушинѣ, а Царскія рати были побиваемы воровскими, Шуйскій вынужденъ былъ, наконецъ, обратиться къ Карлу и отправилъ для этого въ Новгородъ, чтобы «послати къ Нѣмцы, нанимать Нѣмецкихъ людей на помочь», своего племянника—знакомаго намъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.

Положеніе Царя Василія Ивановича во второй половинѣ 1608 года было въ высшей степени безотрадно. Смута быстро охватывала все большія и большія пространства. Послѣ начала осады Троицко-Сергіевской лавры Поляками, Переяславль - Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Вологда, Тотьма,

334. Карлъ IX, король Шведскій.

Съ современнаго изображенія въ Грипсгольмскомъ замкѣ въ Швеціи.

Кострома и Галичъ—цѣловали крестъ Вору; все пространство между Клязьмою и Волгою было тоже во власти Тушинцевъ. Заволновалось вновь и все инородческое Понизовье, особенно земли Горной и Луговой Черемисы, причемъ «воровскія грамоты» проникали даже въ Вятку.

Наконецъ, воровскіе передовые отряды направились и къ Финскому заливу: на Новгородъ двинулся панъ Кернозицкій, а на Псковъ—воровской воевода «Ѳедька Плещеевъ». Шатость во Псковѣ обнаружилась еще, какъ только появился Болотниковъ; городъ раздѣлился на двѣ партіи: крупные гости и лучшіе люди были за Шуйскаго, а вся мелкота за Вора; «развращеніе бысть веліе во Псковѣ, болшіе на меншихъ, меншіе на болшихъ и тако бысть къ погибели всѣмъ», говоритъ лѣтописецъ. Сидѣвшій во Псковѣ воевода Шереметевъ, какъ человѣкъ не прямой, игралъ въ двѣ руки и держалъ то сторону сильныхъ людей, то мелкихъ, беря себѣ тѣмъ временемъ вмѣстѣ съ дьякомъ Грамотинымъ въ кормленіе лучшія дворцовыя села, но когда пришелъ «Ѳедька Плещеевъ», то устоять противъ него не могъ. Послѣдній въ началѣ сен-

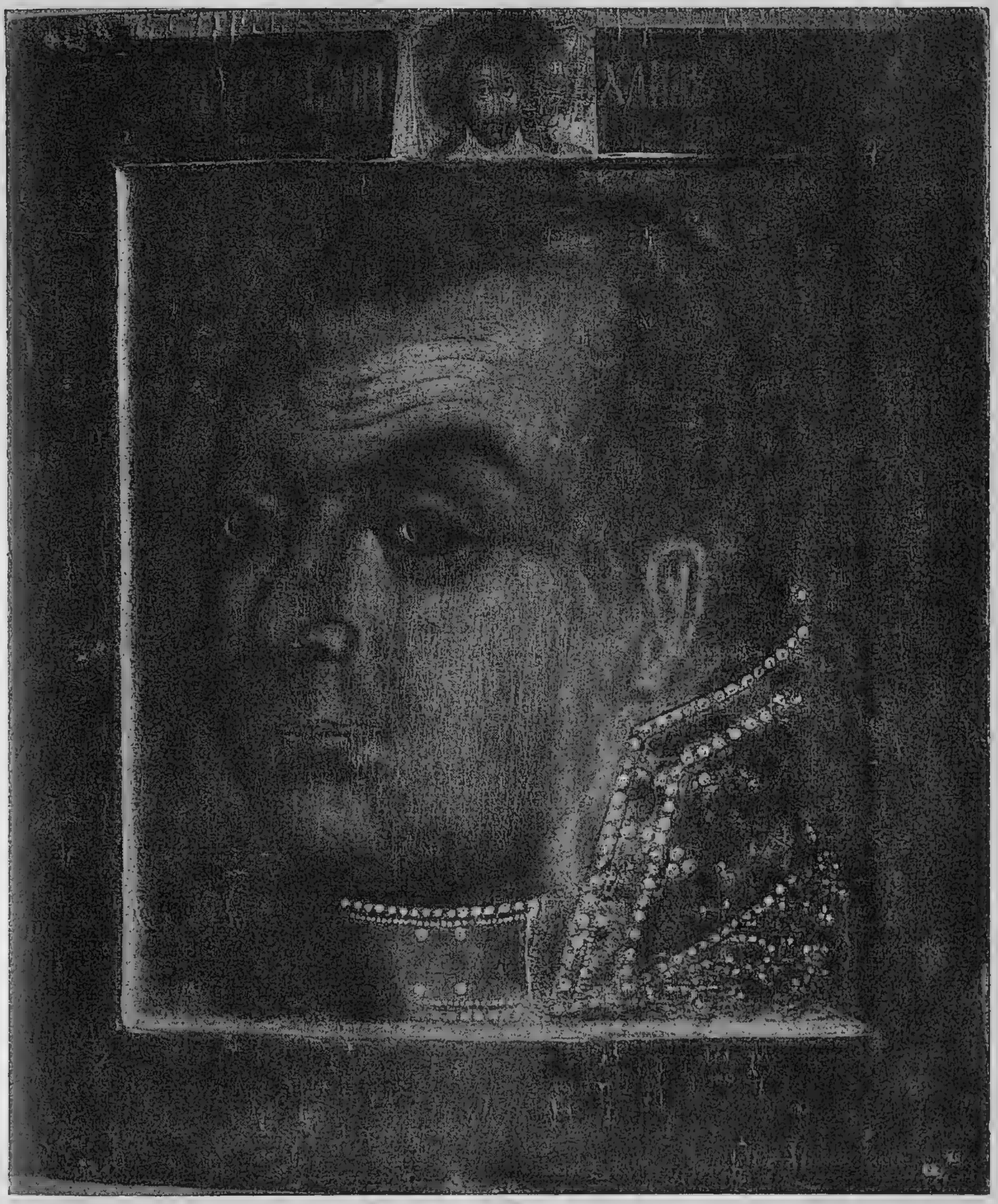
тября заставилъ Псковичей цѣловать крестъ Вору, а Шереметева заключилъ въ тюрьму. Съ той поры власть во Псковѣ перешла въ руки мелкаго городского люда и стрѣльцовъ, и борьба сторонъ затянулась на долгое время.

Въ Новгородѣ дѣла шли также плохо. Когда князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій прибылъ туда осенью 1608 года, то онъ, по его выраженію, долженъ былъ «сидѣть въ осадѣ въ Великомъ Новгородѣ», такъ какъ тамъ, вслѣдъ за его пріѣздомъ, было получено извѣстіе о переходѣ Пскова во власть Вора, что произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на Новгородцевъ; шатости въ Новгородѣ, повидимому, много способствовалъ своими поборами и хищеніями бывшій въ немъ вторымъ воеводой, уже извѣстный намъ убійца Басманова, Михаилъ Татищевъ. Онъ уговорилъ даже князя М. В. Скопина покинуть Новгородъ въ виду измѣны его людей и вести переговоры со Шведами изъ Ивангорода или Орѣшка. Но Ивангородъ въ это время уже поцѣловалъ крестъ Вору, а сидѣвшій въ Орѣшкѣ воеводой Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ тоже замышлялъ измѣну и не хотѣлъ впустить къ себѣ Скопина. При этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, митрополитъ Исидоръ, достойный владыка Новгородскій, пытался всѣми силами утишить мятежъ, вспыхнувшій въ городѣ, и поддержать перваго воеводу князя Куракина; послѣ многихъ трудовъ ему удалось этого достигнуть, и Новгородцы отправили посольство къ князю Михаилу Васильевичу съ просьбой возвратиться къ нимъ, увѣряя его, что «у нихъ единодушно, что имъ всѣмъ помереть за Православную Христіанскую вѣру и за крестное цѣлованіе Царя Василія». Тогда Скопинъ вернулся въ Новгородъ и приступилъ къ трудному дѣлу переговоровъ о наймѣ Шведскихъ войскъ и о призывѣ Русскихъ людей идти на защиту Москвы.

Къ большому сожалѣнію сохранилось весьма мало свѣдѣній о личной жизни князя М. В. Скопина-Шуйскаго. До насъ не дошло ни одного его слова, ни одного письма. Помѣщаемое здѣсь современное его изображеніе, писанное Московскимъ иконописцемъ, конечно, также весьма мало передаетъ сходство съ нимъ, такъ какъ, по общимъ отзывамъ, онъ отличался большой красотой. Князь Михаилъ Васильевичъ очень рано лишился своего отца, преслѣдуемаго подозрительностью Бориса Годунова, и воспитывался своею заботливою матерью; около семи лѣтъ отъ роду онъ началъ обучаться грамотѣ, обнаруживъ при этомъ «большую быстроту ума». Когда молодой князь сталъ подростать, то былъ зачисленъ въ Царскіе жильцы *); здѣсь, несмотря на свою юность, онъ обращалъ уже на себя вниманіе «многолѣтнимъ разумомъ» и при этомъ истиннымъ душевнымъ благородствомъ; онъ не былъ заносчивъ и дерзокъ передъ низшими, отличался тихостью и скромностью и вмѣстѣ съ тѣмъ не запятналъ себя съ цѣлью выдвиженія ни единымъ доносомъ, къ чему было столько соблазновъ въ развращающее время царствованія Бориса. Первый самозванецъ возвелъ восемнадцати-

*) Почетная дворцовая стража.

лѣтняго Скопина, какъ члена семьи, сильно пострадавшей при Годуновѣ, въ званіе великаго мечника; вскорѣ же по воцареніи дяди своего Шуйскаго,



335. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра III.

князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ показалъ себя выдающимся военачальникомъ въ борьбѣ съ Болотниковымъ. На двадцать первомъ году жизни онъ женился на Александрѣ Васильевнѣ Головиной, послѣ чего, не проживъ

съ молодою женою и трехъ мѣсяцевъ, отправился въ Новгородъ для сбора рати и приглашенія иноземныхъ наемниковъ. Для послѣдней цѣли въ Новгородъ пріѣхалъ изъ Швеціи королевскій секретарь Мопсъ Мартензонъ; съ нимъ было условлено, что Шведы поставятъ пятитысячное войско, которому Царь будетъ ежемѣсячно уплачивать по 100.000 золотыхъ (ефимковъ). Для окончательнаго же заключенія договора долженъ былъ состояться съѣздъ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ въ Выборгѣ.

Между тѣмъ, къ Новгороду подходилъ отправленный изъ Тушина отрядъ пана Кернозицкаго. Чтобы противодѣйствовать ему, Скопинъ собралъ сколько могъ войска и отдалъ распоряженіе выслать эту рать къ Бронницамъ, причемъ начальникомъ ея вызвался быть Татищевъ. Но когда все уже было готово къ выступленію, то Новгородцы донесли Скопину, что Татищевъ собирается измѣнить Шуйскому и сдать Новгородъ Кернозицкому. Повидимому Татищевъ, несмотря на оказанныя имъ услуги при сверженіи Лжедимитрія, былъ удаленъ воеводой въ Новгородъ за свой буйный и грубый нравъ и теперь желалъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы выбраться изъ Новгорода и свергнуть затѣмъ Царя Василія. Возмущенный извѣстіемъ объ этой измѣнѣ, Скопинъ объявилъ о ней ратнымъ людямъ въ присутствіи самого Татищева; они же, въ порывѣ негодованія, тутъ же убили его. Что касается Кернозицкаго, то онъ, получивъ свѣдѣнія, что у Новгорода собирается войско, поспѣшилъ въ началѣ января 1609 года отойти отъ него.

Переговоры со Шведами требовали отъ Скопина много искусства, трудовъ и терпѣнія; онъ тщательно скрывалъ отъ нихъ истинное положеніе дѣлъ и выставлялъ его въ гораздо лучшемъ свѣтѣ, чтобы умѣрить алчность Карла IX. Въ это же время, онъ велъ дѣятельную пересылку изъ Новгорода для подъема Русскихъ людей на защиту Царя Василія Ивановича, сносясь для этого со всѣмъ сѣверомъ Государства.

Здѣсь, на сѣверѣ не было боярскаго и служилаго дворянскаго землевладѣнія, что, какъ мы видѣли, повлекло въ южной части Государства къ обострению отношеній между помѣщиками и крестьянами, причемъ послѣдніе легко поднимались противъ своихъ господъ, смущенные льстивыми воровскими грамотами. Сѣверъ былъ силенъ цѣлымъ рядомъ знаменитыхъ Русскихъ монастырей, постепенно обращавшихся какъ бы въ крѣпости Московскаго Государства и имѣвшихъ обширныя и хорошо устроенныя хозяйства; здѣсь же, въ сѣверныхъ городахъ и деревняхъ, по путямъ къ Бѣломорскому торгу, сидѣлъ крѣпкій своимъ Русскимъ духомъ промышленный сельскій и посадскій торговый людъ, сильно приверженный къ земской тишинѣ и порядку и привыкшій управляться своимъ крестьянскимъ или посадскимъ міромъ. Людъ этотъ скоро понялъ, что означаютъ воровскія грамоты и блага, сулимыя ими, и рѣшилъ крѣпко стоять за законнаго Царя: всѣ здѣсь ясно сознали, что Тушинцы и Поляки—хищники и грабители, и что съ ними надо бороться всѣми силами. «Сапѣгу не разъ извѣщали», говоритъ нашъ историкъ С. Ѳ. Платоновъ,

что ему слѣдуетъ позаботиться о занятіи Вологды «для того, что на Вологдѣ много куницъ и соболей и лисицъ черныхъ, и всякаго дорогого товару и питія краснаго»; на Вологдѣ лежалъ «товаръ Англійскихъ Нѣмцевъ»; тамъ «собрались всѣ лучшіе люди, Московскіе гости съ великими товары и съ казною и Государева казна тутъ на Вологдѣ великая отъ корабельные пристани, соболи изъ Сибири и лисицы и всякіе ѳутри» (мѣха). И Сапѣга немедля требовалъ «на Государя царя и великаго князя Димитрія Ивановича» и краснаго питія, и прочихъ товаровъ, и измѣнничьихъ «животовъ»...

Дѣло не ограничивалось одними поборами. Паны изъ Тушинскаго стана и изъ лагеря Сапѣги подъ Троицкимъ монастыремъ размѣщались на помѣстныхъ земляхъ и въ частныхъ вотчинахъ, въ чужихъ хозяйствахъ, для прокормленія какъ самихъ себя, такъ и своей челяди, творя великія безобразія. Повсюду ходили Польскіе разбойники и грабители вмѣстѣ съ Русскими лихими людьми, бывшими еще свирѣпѣе Поляковъ. «У Поляковъ», говоритъ С. Соловьевъ, «не было побужденія свирѣпствовать въ областяхъ Московскихъ; они пришли за добычею, за веселою жизнью, для которой имъ нужны были деньги и женщины; и буйство ихъ не заходило далѣе грабежа и похищенія женщинъ, крови имъ было не нужно; поживши весело на чужой сторонѣ, попировавши на чужой счетъ, въ случаѣ неудачи, они возвращались домой и тѣмъ все оканчивалось... Но не таково было положеніе Русскихъ Тушинцевъ, Русскихъ казаковъ бездомовниковъ. Русскій человѣкъ, предавшійся Лжедимитрію, пріобрѣвшій черезъ это извѣстное значеніе, извѣстныя выгоды, терялъ все это, терялъ все будущее, въ случаѣ если бы восторжествовалъ Шуйскій, и понятно съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ смотрѣть на людей, которые могли дать Шуйскому побѣду, на приверженцевъ Шуйскаго: онъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на соотечественниковъ, но какъ на заклятыхъ враговъ, могущихъ лишить его будущности, онъ могъ упрочить выгоды своего положенія, освободиться отъ страха за будущее, только истребляя этихъ заклятыхъ враговъ... Поэтому не удивительно читать въ современныхъ извѣстіяхъ, что свои свирѣпствовали въ описываемое время гораздо больше, чѣмъ иноземцы Поляки; когда послѣдніе брали въ плѣнъ приверженца Московскаго Царя, то обходились съ нимъ милостиво, сохраняли отъ смерти; когда же подобный плѣнникъ попадался Русскимъ Тушинцамъ, то былъ немедленно умерщвляемъ самымъ звѣрскимъ образомъ, такъ что иноземцы съ ужасомъ смотрѣли на такое ожесточеніе... «И видяще Поляки и Литва», разсказываетъ Палицынъ, «таковы пытки и злое мучительство отъ своихъ своимъ и единовѣрнымъ и, уступающе, дивляхуся окаянной вражіи жесточи, и сердцы своими содрагахуся и, звѣрски взирающе, отбѣгаху... Идѣ же бо Поляки со измѣнники пріидутъ къ непроходимымъ мѣстомъ въ лѣсехъ и на рѣкахъ, и на топѣхъ, и на болотѣхъ, и на ржавцѣхъ, и ту Поляки станутъ безъ ума, не вѣдуще, что сотворити: како прейти, или како минути. Измѣнницы же..., и мосты и перевозы имъ строяще и лѣсомъ—тропинами во едину степень безпакостно провождаху.. Егда-же корысть дѣлити во градѣхъ и въ весѣхъ, то вся лутчаа Поляки у

нихъ силою отнимаху, измѣнницы же, аще и множество ихъ передъ ними, но не прерѣковаху и всяко насильство отъ нихъ радостно пріемляху. Плѣнницъ же, женъ красныхъ, и отроковицъ, и юношь не токмо у худѣйшихъ измѣнниковъ, но и у начальствующихъ ими отимаху... Гнѣвъ же Божій праведно попущенный видимъ бываше. Мнози убо жены и дѣвицы не хотяще со беззаконники разлучатися, и мнози по искупленіи паки къ нимъ отбѣгаху...».

«Бысть бо тогда разоренье святымъ Божіимъ церквамъ отъ самѣхъ правовѣрныхъ, якоже капищемъ идольскимъ прежде отъ великого Владиміра; тогда на славу Божію, нынѣ же на утѣху бѣсомъ съ Люторы... Тогда убо во святыхъ Божіихъ церквяхъ скотъ свой затворяху и псовъ во алтарехъ питаху; освященныя же ризы не токмо на потребу свою предираху, но и на обуща преторгаху... И пременишася тогда жилища человѣческаа на звѣрскаа. Дивіе бо некроткое естество: медвѣди, и волцы, и лисицы, и зайцы на градскаа пространнаа мѣста перешедше, тако же и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицей пищи, на трупѣ человѣческомъ, вселишяся. И звѣри и птица малая въ главахъ и въ чрѣвехъ и въ трупѣхъ человѣческихъ гнѣзда содѣлашя... И крыяхуся тогда человѣцы въ дебри непроходимыя и въ чащѣ темныхъ лѣсовъ и въ пещеры невѣдомыя и въ водѣ между кустовъ...».

336. Великій Устюгъ.

Такое поведеніе Поляковъ и Тушинцевъ не замедлило поднять противъ нихъ, уже въ концѣ 1608 года, жителей многихъ мѣстъ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, причемъ особенно прославилась своими дѣйствіями противъ воровскихъ отрядовъ—Устюжна Желѣзнопольская.

Слухъ о томъ, что въ Новгородъ прибылъ, извѣстный своими побѣдами надъ Воромъ, Царскій племянникъ, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, наполнилъ, разумѣется, сердца всѣхъ крѣпкихъ людей Русскаго сѣвера живѣйшей радостью. «Для всего Поморья и сѣверныхъ частей Замосковья», говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, «Скопинъ былъ представителемъ государственной власти и военнымъ руководителемъ съ высшими полномо-

чіями. Его «писанія» имѣли силу указовъ, которымъ повиновались не только городскіе міры, но и государевы воеводы по городамъ. По его «отпискамъ»—мѣстныя власти собирали ратныхъ людей и готовы были отпустить ихъ «въ сходъ, гдѣ велитъ быти государевъ бояринъ и воевода князь М. В. Шуйскій»... Вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣверные города и сами отъ себя дѣятельно сносились другъ съ другомъ «отписками», чтобы крѣпко стоять противъ Тушинцевъ и воровъ.

Вотъ выдержки изъ одной отписки отъ 30 ноября 1608 года жителей города Устюга Великаго къ Вологжанамъ:

«Господину Поспѣлу Елисѣевичу и всѣмъ Усолскимъ людемъ и волостнымъ крестьяномъ, и старостамъ, и цѣловалникомъ и всѣмъ людемъ,

337. Святая Софія въ Вологдѣ.

Иванъ Стрѣшневъ до подьячей Шестой Копнинъ и всѣ мірскіе люди Устюжане посадскіе, старосты и цѣловалники, и волостные крестьяне, челомъ бьютъ. Нынѣшняго, господине, 117-году, ноября въ 26 день пріѣхалъ къ намъ на Устюгъ, изъ Ярославля, Московскій жилецъ, а Устюжской кабацкой откупщикъ Михалко Ивановъ; да съ Вологды пріѣхалъ здѣшной Устюжской приставъ Поспѣлко Усовъ... до того же дни пріѣхалъ Устюжской же приставъ Степанко Захарьинъ съ Тотьмы... И кабацкой откупщикъ Михалко сказывалъ намъ на совѣтѣ, при всемъ народѣ, что Божіимъ изволеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, сдѣлалось надъ Ростовомъ: пришедъ Литовскіе люди въ Ростовъ, ихъ плоштвомъ, потому что жили просто, совѣту де и обереганья не было, и Литовскіе де люди Ростовъ весь выжгли и людей присѣкли, и съ Митрополита съ Филарета (Никитича Романова) санъ сняли и поругалися ему, посадя де на возокъ съ женкой (распутной женщиной) да въ полки свезли; а изъ Ярославля де лутчіе люди пометавъ домы своя разбѣжалися, а чернь со княземъ Ѳедоромъ Борятинскимъ писали въ полки (Тушинскіе)

повинныя и крестъ де цѣловали, сказываютъ, Царевичу князю Дмитрею Ивановичу... Да приставъ же Поспѣлко Усовъ намъ, при всемъ-же народѣ, сказывалъ: при немъ же де присланы изъ полковъ (Тушинскихъ) два сына боярскіе, Козма Кадниковъ, а другому имени не упомнитъ, и чли (читали) при всѣмъ народѣ, а писана къ мірскимъ людемъ ко всей землѣ, на Вологду, грамота, и ту де грамоту онъ слышалъ какъ чли, недѣли съ двѣ, и въ грамотѣ писано: велѣно собрати съ Вологды, съ посаду и со всего Вологодского уѣзда, и съ архіепископскихъ и со всякихъ монастырьскихъ земель, съ сохи по осми лошадей, съ саньми, и съ веретеи, и съ рогожами, да по осми человѣкъ съ сохи, а тѣ лошади и люди велѣно порожжіе гонити въ полки; да въ той же де грамотѣ написано: велѣно собрати съ Вологды же съ посаду и со всего Вологодского уѣзда, съ выти со всякія *), сколко въ Вологодскомъ уѣздѣ вытей есть, столового всякаго запасу, съ выти, по чети муки ржаной, и по чети муки пшеничной, по чети крупъ грешневыхъ, по чети крупъ овсяныхъ, по чети толокна, по чети сухарей, по осминѣ гороху, по два хлѣба бѣлыхъ, по два ржаныхъ, да по тушѣ по яловицѣ по болшой, да по тушѣ по бараньѣ, по два полти свинины свѣжія да по два ветчины, да по лебедю, да по два гуся, да по два утятъ, по пяти куровъ, по пяти ососовъ (поросятъ), по два зайца, по два сыра сметанныхъ, по ведру масла коровья, по ведру конопляного, по ведру рыжиковъ, по ведру груздей, по ведру огурцовъ, по сту рѣтекъ; по сту моркови, по чети рѣпы, по бочкѣ капусты, по бочкѣ рыбы, по сту луковицъ, по сту чесноку, по осминѣ снѣдковъ, по осминѣ грибковъ, по пуду икры черныя, да по осетру по яловцу, да по пуду красныя рыбы, да питей по ведру вина, по пуду меду, по чети солоду, по чети хмѣлю; то столко всякаго запасу съ одной выти, а съ иныхъ со всякія выти по тому же, а запасы велѣно провадити Вологодскимъ уѣздомъ, мірскимъ людемъ, старостамъ и цѣловальникомъ, на мірскихъ подводахъ, опричь тѣхъ, что по осми лошадей съ сохи. А по другой грамотѣ велѣно другому сыну боярскому на Вологдѣ же, переписати у торговыхъ людей, которые торгуютъ рыбой, рыбу всякую и рыбныхъ ловцовъ и ловли рыбныя всякія, а ловити велѣно свѣжую рыбу ловцомъ на него, который ся называетъ Княземъ Дмитреемъ, пять дней и пять ночей, а шестой день велѣно ловити на дворецкаго его, на князя Семена Звѣнигородского... И какъ тѣ обѣ грамоты въ народѣ прочли, и Вологжане противъ тѣхъ грамотъ ничего не сказали, а иные многіе заплакали, а говорятъ де тихонко другъ съ другомъ: хоти де мы ему и крестъ цѣловали, а токобъ де въ Троицы славимый милосердый Богъ праведный свой гнѣвъ отвратилъ и далъ бы побѣду и одоленіе на враги креста Христова Государю нашему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи, и мы де и всею

---

*) Земля для раскладки разныхъ податей дѣлилась въ Московскомъ Государствѣ со второй половины XVI вѣка, кромѣ уже извѣстнаго намъ дѣленія на сохи, также и на выти; выть была мельче сохи и заключала въ себѣ, въ зависимости отъ дохода, приносимаго землею, 12, 14 или 16 четвертей, причемъ четверть равнялась полудесятинѣ.

душою ради всѣ головами служити, токо буде иные городы, Устюгъ и Усолье и Поморскіе, намъ помогли, и намъ всѣмъ также было бездѣлно помереть же будетъ. Да тотъ же Поспѣлко сказывалъ и кабацкой откупщикъ: которые де городы возьмутъ (воры) за щитомъ, или хотя и волею крестъ поцѣлуютъ, и тѣ де всѣ городы отдаютъ паномъ въ жалованье, въ вотчины, какъ и преже сего удѣлья бывали... И мы, господине, поговорили съ Устюжаны съ посадскими людми и съ волостными крестьяны: какъ, коимъ обычаемъ, тѣмъ дѣломъ промыслити, токо къ намъ на Устюгъ также, какъ и къ Вологдѣ и къ Тотьмѣ, пришлютъ наказы и цѣловалную запись, и намъ цѣловать ли крестъ или стояти крѣпко? И Устюжане, господине, посадскіе люди и волостные крестьяне съ нами говорили накрѣпко, что креста цѣловати тому, который называется Царемъ Дмитреемъ, не хотятъ; а хотятъ стояти, накрѣпко, и людей сбирати хотятъ тотчасъ со всего Устюжского уѣзда поворотно головами. А про Московское Государьство они же и иные люди сказывали, что Московское Государьство далъ Богъ стоитъ по старому здорово.—И тебѣ, господине Поспѣлъ Елисѣевичь помыслити у Соли у Вычегоцкія съ Строгановыми, съ Максимомъ и съ Никитою, и со всею Усолскою землею, что ихъ мысль: хотятъ ли они съ нами и съ Устюжаны стояти крѣпко о томъ дѣлѣ и совѣтъ съ нами крѣпкой о томъ дѣлѣ держатъ ли? Да толко, господине, ваша мысль будетъ единака съ нами, и тебѣ-бы, господине, поговоря съ Строгановыми и со всею Усолскою землею, тебѣ Поспѣлу, и вамъ Максиму и Никитѣ, и посадскимъ и волостнымъ лутчимъ людемъ, человѣкъ пяти, или шти, или десяти, пріѣхать пожаловати къ намъ къ Устюгу вскорѣ для того совѣту; а наша мысль то: будетъ вы къ намъ пріѣдете и стоять съ нами заодинъ похотите, и намъ вамъ въ томъ крестъ цѣловати межъ собя, а вамъ также крестъ

338. Пелена съ изображеніемъ убіенія царевича Димитрія въ Сольвычегодскомъ соборѣ.

цѣловати, что намъ съ вами, а вамъ съ нами и ожить и умереть вмѣстѣ. А въ Ярославлѣ де правятъ на Ярославцахъ (воры) по осминадцать рублевъ съ сохи, а у торговыхъ людей у всѣхъ товары всякіе переписали, а переписавъ въ полки отсылаютъ».

Такъ переписывались между собой, въ концѣ 1608 года, Русскіе сѣверные посадскіе и крестьянскіе міры, чтобы всѣми силами стоять сообща противъ воровъ и того, кто называется «княземъ Дмитреемъ».

Послѣ бѣгства пана Кернозицкаго изъ подъ Новгорода, Скопинъ отправилъ своихъ воеводъ Бороздина и Вышеславцева въ Вологду, которая вслѣдствіе своего выгоднаго расположенія въ узлѣ главныхъ путей изъ Поморья къ Москвѣ начала пріобрѣтать важное значеніе для дѣйствій противъ воровъ, особенно въ виду того, что въ Вологдѣ зимой 1608—1609 года случайно собралось множество иностранныхъ и Русскихъ купцовъ съ товарами, шедшими черезъ Архангельскъ и не попавшими въ Москву изъ-за боязни Тушинцевъ. Всѣ купцы, разумѣется, оберегая свое достояніе, тотчасъ же перешли на сторону Царя Василія Ивановича, который съ своей стороны не переставалъ разсылать грамоты по сѣвернымъ областямъ.

Такое же значеніе, какъ Вологда, получилъ и Великій Устюгъ, къ коему сходились пути изъ далекихъ сѣверо-восточныхъ нашихъ владѣній и Москвы. Кострома и Галичъ были городами, гдѣ сосредоточивалась главная дѣятельность противъ воровъ на средней Волгѣ; ихъ жители цѣловали другъ другу крестъ «за одинъ умереть» и собирали ратныхъ людей. Въ Нижнемъ Новгородѣ горячимъ противникомъ воровъ и Поляковъ являлся игуменъ Іоиль; онъ писалъ черезъ игумена Тихоновской пустыни Іону жителямъ Балахны, «чтобы они не стояли за воровъ, а дѣйствовали бы съ Нижегородцами сообща и стояли бы на томъ, кто будетъ на Московскомъ Государствѣ Государь, тотъ всѣмъ намъ и вамъ Государь»...

Ополченія, выставляемыя сѣверными городами, были чисто мужицкими ратями; они избирали своихъ военачальниковъ всѣмъ міромъ: иногда ими бывали боярскіе дѣти, но часто также вдовые попы, священники и другіе крѣпкіе люди, хорошо извѣстные посадскому и крестьянскому люду, ихъ выбиравшему.

Конечно, снаряженіе этихъ ополченій отъ Земли шло медленно; при этомъ они зачастую терпѣли и неудачи отъ воровскихъ отрядовъ; не скоро могъ и Скопинъ-Шуйскій дождаться прибытія нанятыхъ имъ иноземцевъ и образовать свое воинство, чтобы двинуться на выручку Москвы, а между тѣмъ Поляки и воры напрягали всѣ свои усилія, чтобы овладѣть главнымъ оплотомъ Православія и средоточіемъ всѣхъ важнѣйшихъ путей къ сѣверу—обителью преподобнаго Сергія, его лаврою, выстроенною во имя Живоначальной Троицы, въ 64 верстахъ отъ Москвы.

Мы видѣли, что Сапѣга при своемъ движеніи къ Троицѣ на-голову разбилъ на Ярославской дорогѣ высланное противъ него войско подъ начальствомъ князя Ивана Ивановича Шуйскаго; затѣмъ, вмѣстѣ съ Лисов-

скимъ, 23 сентября 1608 года, онъ подошелъ къ лаврѣ, которая со времени Грознаго была обнесена на протяженіи шестисотъ сорока двухъ саженей каменными стѣнами, вышиной въ четыре и толщиной въ три сажени, съ башнями, острогами и глубокимъ рвомъ. Вначалѣ у Сапѣги вмѣстѣ съ Лисовскимъ было до 30.000 человѣкъ войска, но такъ какъ осада затянулась, и Сапѣга вынужденъ былъ разсылать отряды въ разныя стороны, то иногда у него бывало не болѣе 10.000 человѣкъ.

Защитниковъ же лавры было всего около полутора тысячи человѣкъ, въ томъ числѣ дворянъ, боярскихъ дѣтей, казаковъ и разныхъ собранныхъ въ нее людей—1.300 человѣкъ и до 200 человѣкъ иноковъ, способныхъ носить оружіе, изъ которыхъ многіе были прежде воинами и теперь поверхъ рясъ надѣли ратные доспѣхи. Въ лавру, кромѣ того, собралось множество стариковъ, женщинъ и дѣтей изъ окрестныхъ деревень и сожженныхъ вокругъ монастыря посадовъ, такъ что тѣснота въ ней была большая. Затѣмъ, здѣсь же находилась бывшая королева Ливонская Марія Владиміровна, въ иночествѣ Марѳа, и инокиня Ольга—въ міру царевна Ксенія Борисовна Годунова. Архимандритомъ монастыря былъ доблестный старецъ Іосафъ, а воеводами—окольничій князь Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Неоднократно упоминаемый нами Авраамій Палицынъ былъ келаремъ лавры, то есть представителемъ ея передъ мірскими властями по всѣмъ хозяйственнымъ и инымъ свѣтскимъ дѣламъ; во время осады онъ находился въ Москвѣ и оставилъ намъ очень подробное и краснорѣчивое ея описаніе, къ сожалѣнію, однако, далеко не безпристрастное по отношенію всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ личные счеты. Вообще, этотъ Авраамій Палицынъ былъ очень ловкимъ человѣкомъ, но далеко не прямымъ, а «кривымъ», по выраженію И. Е. Забѣлина, и склоннымъ приписывать лично себѣ черезчуръ выдающееся значеніе въ важнѣйшихъ событіяхъ Смутнаго времени.

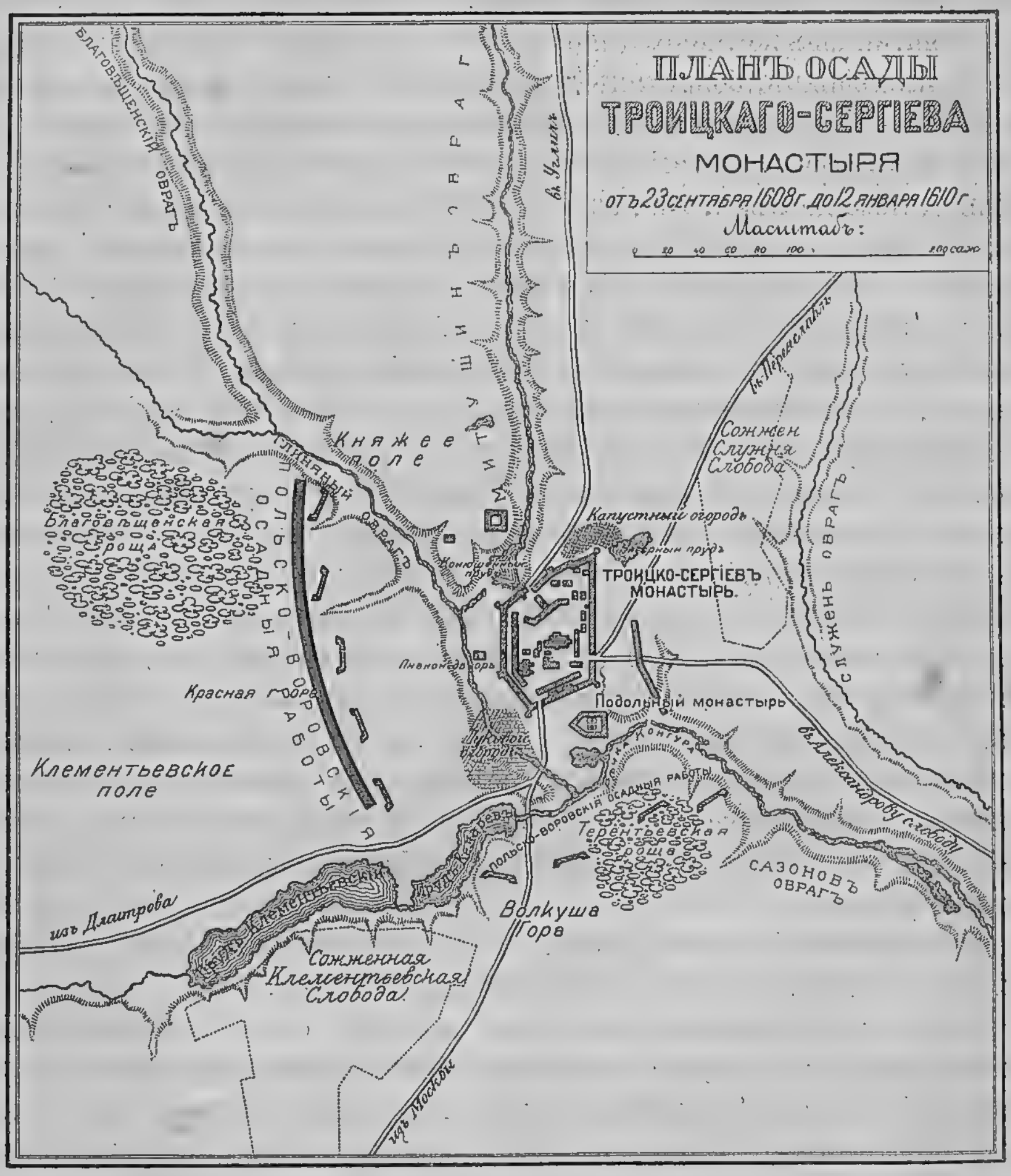
Продовольствіемъ и боевыми припасами монастырь былъ снабженъ довольно обильно, но было мало заготовлено дровъ.

Сапѣга расположился станомъ по западную сторону лавры, на Дмитровской дорогѣ; съ нимъ были: князь Константинъ Вишневецкій, панъ Казановскій, братья Тышкевичи и другіе именитые Поляки, а Лисовскій, въ отрядѣ котораго находилось много казаковъ, сталъ по юго-восточной сторонѣ обители; сильные Польско-воровскіе отряды заняли остальныя дороги, шедшія къ Троицѣ.

Архимандритъ Іосафъ привелъ воеводъ и всѣхъ ратныхъ людей къ присягѣ у гроба преподобнаго Сергія, что они будутъ биться крѣпко и «безъ измѣны» противъ враговъ Православія и Отечества, и затѣмъ повелѣлъ непрестанно совершать богослуженіе и пѣніе молебновъ Святому Сергію. Защитники же его обители готовились всѣми силами къ отраженію врага. Одна половина ихъ всегда находилась на стѣнахъ и башняхъ, вооруженныхъ пушками и пищалями, а другая предназначалась для замѣны убитыхъ и боль-

ныхъ и для производства вылазокъ; во главѣ этихъ вылазокъ часто становились храбрые иноки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, иноки дѣятельно разсылали грамоты въ непріятельскій станъ къ казакамъ и Русскимъ ворамъ, убѣждая ихъ покаяться и отложиться отъ враговъ нашей вѣры. Сапѣга и Лисовскій, какъ мы говорили, думали,

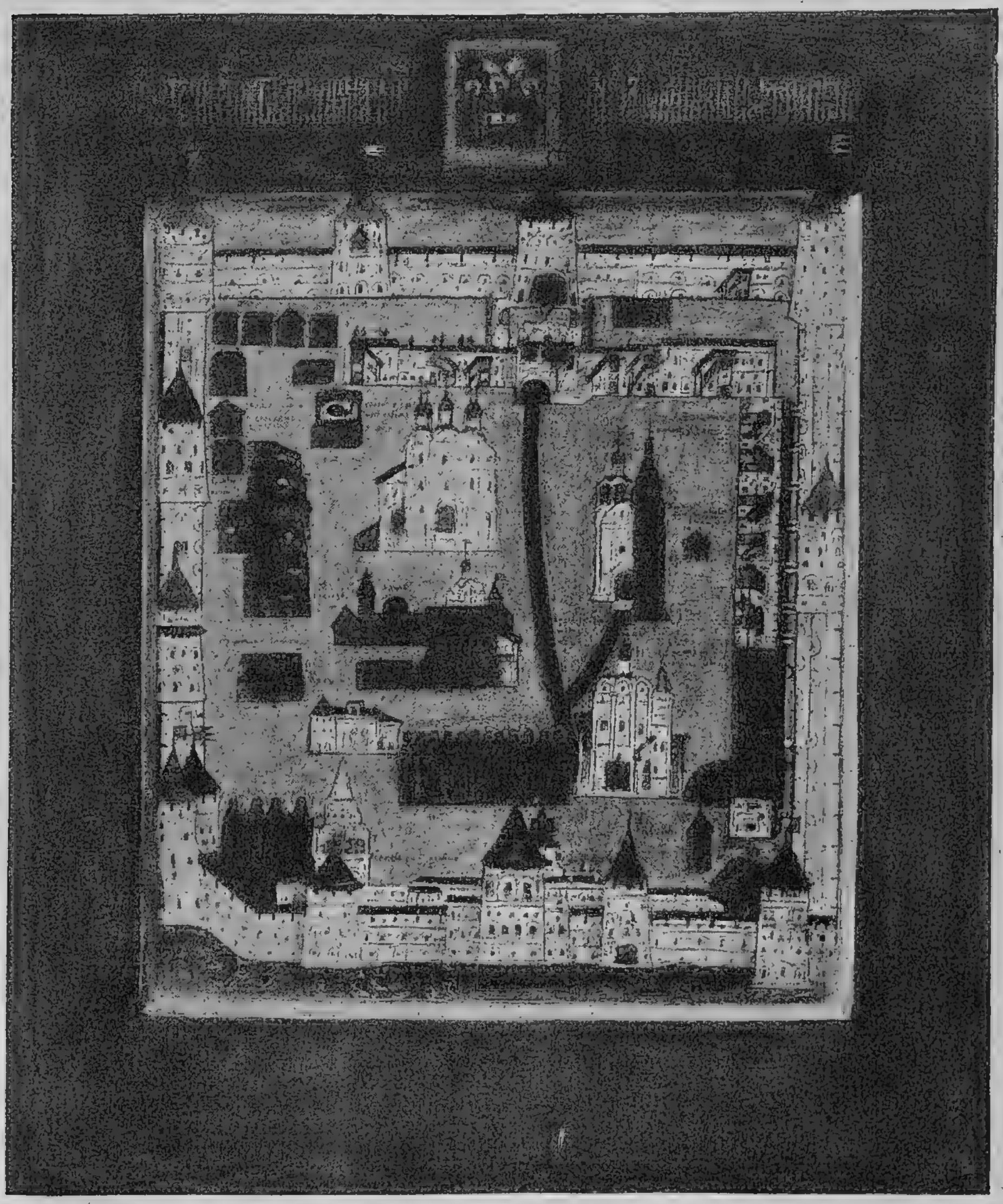


339.

что имъ легко будетъ управиться съ обителью, но скоро должны были убѣдиться въ противномъ; 23 сентября, въ день подхода къ лаврѣ, непріятель былъ встрѣченъ смѣлой вылазкой изъ монастыря, а затѣмъ всѣ его попытки овладѣть ею приступомъ были отбиты. Скоро Поляки съ негодованіемъ стали писать Вору въ Тушино про иноковъ Сергіевой лавры, что эти черные вороны, сидя въ каменномъ гробу, дѣлаютъ имъ великія пакости: «Доколѣ

стужаютъ великому твоему благородству граворонове сіи возгнѣздившіеся во гробъ каменный, и докуда сѣдатые пакоствуютъ намъ повсюду»...

29 сентября, Сапѣга и Лисовскій послали съ Русскимъ измѣнникомъ,



340. Древняя икона съ изображеніемъ Троицко-Сергіевской лавры во время ея осады.
Находится въ большой церкви Старообрядческаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

боярскимъ сыномъ Безсономъ Руготинымъ, грамоты къ Іосафу, монахамъ и воеводамъ со служилыми людьми, съ предложеніемъ покориться «прирожденному» государю Димитрію Ивановичу, грозя въ противномъ случаѣ взять монастырь и предать всѣхъ его защитниковъ смерти. «Вы беззаконники»,

писали они монахамъ, «презрѣли жалованье, милость и ласку Царя Ивана Васильевича, забыли сына его, а князю Василію Шуйскому доброхотствуете, и учите въ городѣ Троицкомъ воинство и народъ весь стоять противъ государя царя Димитрія Ивановича и его позорить и псовать неподобно, и царицу Марину Юрьевну, также и насъ. И мы тебѣ, архимандритъ Іосафъ, свидѣтельствуемъ и пишемъ словомъ царскимъ, запрети попамъ и прочимъ монахамъ, чтобы они не учили воинства не покоряться царю Димитрію».

Грамоты эти, конечно, не подѣйствовали на доблестныхъ защитниковъ лавры. «Да вѣдаетъ ваше темное державство», отвѣчали Сапѣгѣ изъ мона-

341. Защита Троицко-Сергіевской лавры.

Картина художника В. П. Верещагина, въ музеѣ имени Императора Александра III въ С.-Петербургѣ.

стыря, «что напрасно прельщаете Христово стадо, Православныхъ Христіанъ. Какая польза человѣку возлюбить тьму больше свѣта и преложить ложь на истину: какъ же намъ оставить вѣчную Святую истинную свою Православную Христіанскую вѣру Греческаго закона и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя вселенскими патріархами? Или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего Православнаго Государя Царя и покориться ложному врагу, и вамъ Латынѣ иноземной, уподобиться Жидамъ или быть еще хуже ихъ?».

Сапѣга быстро убѣдился, что ему придется провести зиму подъ стѣнами обители, и приступилъ къ осаднымъ работамъ. 30 сентября Польско-воровскія войска поставили окопы и туры въ Терентьевской рощѣ, на горахъ Волкушѣ и Красной, и выкопали большой ровъ съ высокимъ валомъ отъ

Келаревскаго пруда до Глинянаго оврага. Утвердившись, такимъ образомъ, съ южной и восточной стороны лавры, они открыли по ней 3 октября пальбу изъ 63 пушекъ, съ тѣмъ, чтобы разрушить ограду, и вели ее безпрерывно въ продолженіе шести недѣль. Однако, къ великому для насъ счастью, пальба эта не принесла большого вреда обители; ея доблестные защитники успѣшно задѣлывали поврежденія въ стѣнахъ отъ ядеръ и съ радостію наблюдали, какъ большинство каленыхъ ядеръ летѣло мимо зданій и падало въ пустыри или монастырскіе пруды.

Видя въ малоуспѣшныхъ дѣйствіяхъ вражескихъ пушекъ явное доказательство милости Божіей къ обители Святого Сергія,—всѣ укрѣпились духомъ въ ожиданіи приступа, исповѣдывались и пріобщились Святыхъ Таинъ; многіе приняли постриженіе, чтобы умереть въ иноческомъ чинѣ. Несмотря на непріятельскій огонь, вдоль стѣнъ обители ежедневно совершались крестные ходы со святыми иконами.

Сапѣга, между тѣмъ, сильно надѣялся на успѣшное дѣйствіе своего пушечнаго наряда и уже въ ночь на 13 октября рѣшилъ идти на приступъ лавры всѣми силами. Для этого, днемъ 12, онъ задалъ обильное пиршество своимъ воинамъ, напоивъ ихъ до-пьяна, а затѣмъ устроилъ конскія ристалища. Съ наступленіемъ сумерекъ полупьяные Поляки и воры подошли къ монастырю, а ночью устремились на приступъ, неся лѣстницы и катя передъ собою деревянные туры на колесахъ или тарасы. Но храбрые защитники лавры не дремали и всюду успѣшно отбили осаждающихъ, которые поспѣшно отступили, бросивъ у стѣнъ свои лѣстницы и тарасы; они были втащены въ монастырь и пошли тамъ на дрова.

19 октября, видя незначительное количество воровъ и Поляковъ, забравшихся въ лаврскій капустный огородъ, лежавшій по наружной сторонѣ ограды, нѣсколько монастырскихъ людей, «не по воеводскому велѣнію, но своимъ изволеніемъ», спустились по веревкѣ со стѣны, бросились къ огороду и смѣло кинулись на засѣвшихъ въ немъ враговъ, часть которыхъ была убита и ранена, а другіе бѣжали. Къ сожалѣнію, въ числѣ защитниковъ лавры оказался и измѣнникъ: Оська Селевинъ убѣжалъ въ это время къ ворамъ. Главные воеводы Долгорукій и Голохвастовъ, въ виду успѣха вылазки на капустный огородъ, тотчасъ же вышли изъ монастыря съ конницей и пѣхотой, чтобы разрушить непріятельскіе туры и укрѣпленія на Красной горѣ; здѣсь произошла жестокая сѣча, въ которой пало много нашихъ смѣльчаковъ; однако, въ плѣнъ никто не попался: доблестные участники этой большой вылазки вынесли изъ боя всѣхъ своихъ умирающихъ товарищей и вернулись съ ними въ лавру, гдѣ передъ смертью послѣдніе успѣли принять постриженіе; особенно сожалѣли всѣ храбраго слугу Троицкаго монастыря Василія Брехова, сложившаго въ этотъ день свою голову на вылазкѣ.

Вслѣдъ затѣмъ пономарь Иринархъ имѣлъ видѣніе: ему явился преподобный Сергій и предсказалъ, что къ Пивному двору «приступъ будетъ зѣло тяжелъ», но чтобы защитники не ослабѣвали. Дѣйствительно, ночью

25 октября Поляки и воры пошли опять на приступъ всѣми силами, зажгли Пивной дворъ и окружавшій его острогъ. Послѣднее послужило на пользу осажденнымъ: пламя освѣтило нападающихъ и множество Ляховъ было избито изъ крѣпостныхъ орудій и пищалей. Когда же взошло солнце, и непріятель увидѣлъ на крѣпостныхъ стѣнахъ духовенство въ полномъ облаченіи, иконы и развивающіяся хоругви, то на него напалъ страхъ и онъ бѣжалъ въ свой станъ.

342. „Сапѣга выступилъ изъ таборовъ со многими хорошо вооруженными полками; къ нему присоединились еще войска Александра Лисовскаго, расположенныя у Терентьевской рощи до Созонова оврага, а по Переяславской и Углицкой дорогѣ до Мишутина оврага. Эти соединенныя войска въ 1-мъ часу ночи двинулись на приступъ, окружили монастырь со всѣхъ сторонъ и при пособіи тарасовъ и другихъ осадныхъ орудій начали страшную осаду. Осажденные мужественно встрѣтили непріятелей и съ успѣхомъ ихъ отразили. По утру оставленные непріятелями осадныя орудія были истреблены и торжественно воздана хвала Господу за избавленіе отъ враговъ".

Снимокъ съ изображенія, изданнаго съ поясненіемъ, здѣсь приводимымъ, Троицко-Сергіевской лаврой въ 1863 году, равно какъ и рисунки 343, 344 и 345.

Черезъ нѣсколько дней наши воеводы сдѣлали удачную вылазку въ Мишутинъ оврагъ, гдѣ захватили въ плѣнъ Литовскаго ротмистра Брушевскаго. Этотъ Брушевскій на допросѣ въ лаврѣ показалъ, что Сапѣга рѣшилъ, во что бы то ни стало, взять обитель и ведетъ подъ стѣны

и башни въ нѣсколькихъ мѣстахъ подкопы, но, гдѣ именно, онъ, Брушевскій, не знаетъ. Извѣстіе о подкопахъ вселило большую тревогу въ защитникахъ обители. Выбрали знакомаго съ горнымъ дѣломъ монастырскаго слугу Власа Корсакова и приказали копать подъ башнями такъ называемые слухи, чтобы слушать изъ нихъ голоса или стукъ людей, ведущихъ подкопы; затѣмъ рѣшено было углубить ровъ, идущій отъ лавры съ востока къ сѣверу. Послѣдняя работа привела къ двумъ кровопролитнымъ боямъ,

343. „Казакъ Ив. Рязанцевъ, пришедшій изъ непріятельскаго лагеря въ осажденный монастырь, подъ присягою разсказалъ старцамъ, что непріятели видѣли ночью двухъ иноковъ въ схимѣ, въ образѣ преподобнаго Сергія и Никона, обходящихъ монастырскую ограду со внѣшней стороны, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ кадило и крестъ, а другой, слѣдовавшій за нимъ, окроплялъ святою водою стѣны обители при пѣніи „Спаси, Господи, люди твоя". Пули и ядра непріятелей, направляемыя въ это время къ стѣнамъ обители, возвращались обратно къ осаждающимъ и поражали ихъ, не причиняя ни малѣйшаго вреда осажденнымъ".

такъ какъ непріятель хотѣлъ помѣшать ей, но оба раза онъ былъ отгоняемъ монастырскими пушками.

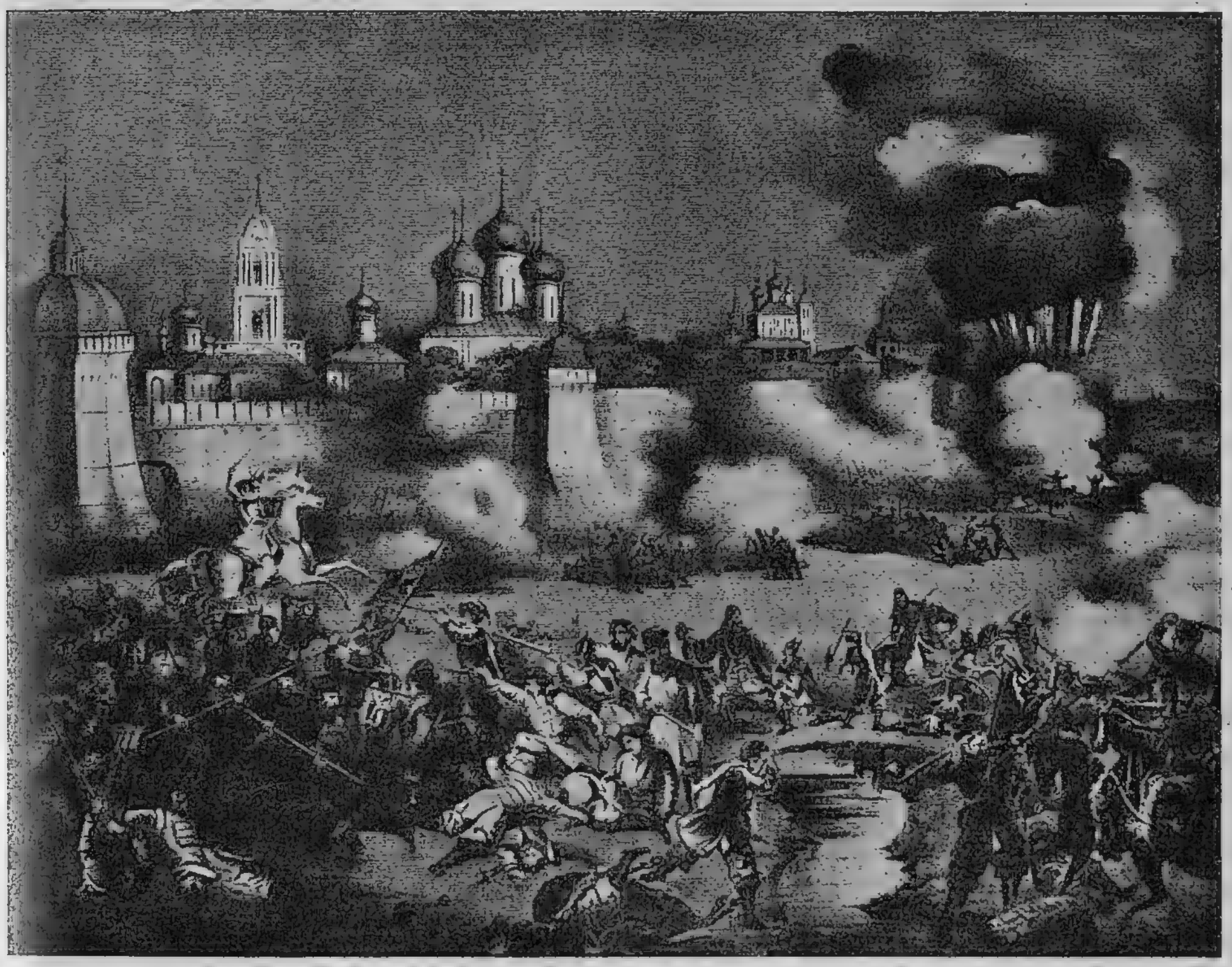
1 ноября Поляки убили 190 защитниковъ лавры и подвинули свои осадныя работы къ стѣнамъ обители, чѣмъ сильно стѣснили осажденныхъ, не позволяя имъ брать воду изъ прудовъ за оградой; вмѣстѣ съ тѣмъ, непріятельскіе снаряды стали дѣйствовать удачнѣе: ими было разбито

нѣсколько иконъ, поврежденъ большой колоколъ и убиты инокиня и инокъ—старецъ Корнилій. Свѣдѣній же о томъ, гдѣ именно Поляки ведутъ подкопы,—все еще не было, несмотря на то, что взятые въ плѣнъ Литовскіе люди допрашивались подъ пытками. Тѣмъ не менѣе, иноки поддерживали бодрость защитниковъ. Святой Сергій вновь явился въ Троицкомъ соборѣ архимандриту Іосафу: онъ сказалъ ему, что Господь не оставитъ осажденныхъ своею помощью, и приказалъ всѣмъ молиться. Вскорѣ послѣ этого былъ взятъ на вылазкѣ раненый Дѣдиловскій казакъ. Онъ точно

344. „Преподобный Сергій, явившись во снѣ пономарю Иринарху, сказалъ ему: „Объяви братіи и всему войску, что напрасно скорбятъ они о невозможности послать извѣстіе въ Москву, я уже [въ третьемъ часу ночи послалъ туда трехъ учениковъ своихъ—Михея, Варфоломея и Наума". Взятый въ плѣнъ на вылазкѣ Польскій панъ показалъ, что ночью поѣхали отъ монастыря три монаха, за которыми они долго гнались, но никакъ не могли поймать и только измучили своихъ коней, не взирая на то, что подъ тремя старцами лошади были чрезвычайно худы, а скакали какъ будто окрыленныя. Въ тотъ же день вечеромъ явился преподобный Сергій одному болящему старцу и сказалъ ему: „Для чего ты сомнѣваешься, что я, дѣйствительно, послалъ учениковъ своихъ въ Москву". Старецъ по простотѣ своей спросилъ его: „Да на чемъ же ты ихъ послалъ?" Государь нашъ преподобный отвѣчалъ: „Конюшій по недостатку корма выгналъ трехъ слѣпыхъ лошадей, на нихъ то я и послалъ въ Москву своихъ учениковъ".

указалъ мѣсто, гдѣ ведется подкопъ, и передъ смертью успѣлъ причаститься. Затѣмъ перебѣжалъ въ лавру другой казакъ, Иванъ Рязанцевъ, и подтвердилъ тѣ же свѣдѣнія о подкопѣ. Противъ того мѣста, куда онъ велся, защитники стали тотчасъ же строить внутренній острогъ,—деревянную стѣну со рвомъ и

валомъ, вооруженный пушками, для замѣны той части монастырской ограды, которая будетъ взорвана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ двухъ благопріятныхъ случаевъ, а именно послѣ того, когда монастырской артиллеріи удалось подбить огромную Литовскую пушку Трещеру и послѣ перехода отъ воровъ на сторону защитниковъ лавры—500 казаковъ съ атаманамъ Епифанцемъ,



345. „Защитники святой обители, ободренные явленіемъ преподобнаго Сергія и Архангела Михаила, вышли 9 ноября за три часа до свѣта на вылазку, тремя разными путями, и съ именемъ преподобнаго Сергія быстро устремились на непріятеля, привели его въ совершенное разстройство и преслѣдовали по восточной и южной сторонѣ монастыря. Это дало случай найти устье подкопа, и двое Клементьевскихъ крестьянъ взорвали его и сами сдѣлались жертвою своего подвига. Въ этой вылазкѣ видѣли свѣтлаго воина на конѣ, поражавшаго непріятелей и разрушавшаго ихъ укрѣпленія".

рѣшено было сдѣлать большую вылазку, чтобы уничтожить работы Сапѣги по веденію подкопа.

9 ноября, за три часа до разсвѣта, получивъ благословеніе архимандрита Іосафа у гроба Святаго Сергія, воеводы во главѣ отрядовъ ратныхъ людей и монаховъ тихо вышли изъ монастырскихъ воротъ; затѣмъ, заслышавъ удары монастырскаго колокола, всѣ бросились съ трехъ сторонъ на непріятельскія осадныя работы, съ кличемъ: Святой Сергій! Такія же вылазки, сопровождаемыя каждый разъ большимъ кровопролитіемъ, были

произведены и въ послѣдующія двѣ ночи, и, наконецъ, безстрашнымъ защитникамъ лавры удалось добраться до мѣста, откуда велся подкопъ. Двое смѣльчаковъ, Клементьевскіе крестьяне Шиловъ и Слота, бросились въ него и подожгли порохъ; раздался страшный взрывъ, не повредившій монастырскихъ стѣнъ, но оба славныхъ героя—Шиловъ и Слота погибли. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ подкопа была разрушена и часть непріятельскихъ окоповъ, а также взяты оружіе, туры и тарасы, причемъ послѣдніе пошли опять на дрова для надобностей обители. Однако, эти трехдневныя вылазки стоили дорого и защитникамъ лавры: они потеряли до 350 человѣкъ убитыми и ранеными; многіе изъ послѣднихъ успѣли передъ смертію принять постриженіе.

Въ эти же дни погибъ и Данило Селевинъ, братъ измѣнника Оськи Селевина. «Хочу загладить смертью безчестіе нашего рода», сказалъ Данило и во главѣ сотни ратниковъ безстрашно напалъ на воровскихъ казаковъ атамана Чики, изрубилъ множество враговъ, но, наконецъ, палъ, получивъ нѣсколько ранъ въ рукопашномъ бою. Тогда же прославились своимъ мужествомъ дворяне Внуковъ и Есиповъ, убитые врагами, и Ходыревъ и Зубовъ, оставшіеся въ живыхъ; монастырскій же служка Меркурій Айгустовъ первымъ достигъ непріятельскихъ бойницъ, но былъ тутъ же застрѣленъ. Объ этихъ удачныхъ вылазкахъ осажденные послали донесеніе Царю Василію Ивановичу.

Между тѣмъ наступила зима. Сапѣга прекратилъ пальбу изъ пушекъ, но продолжалъ обложеніе монастыря, разсчитывая вынудить его къ сдачѣ голодомъ, холодомъ, измѣною и болѣзнями, и разсылалъ повсюду свои отряды для сбора продовольствія. Въ обители началась тѣснота и нужда, но смѣлыя вылазки не прекращались, главнымъ образомъ, чтобы раздобыть дровъ въ сосѣднихъ рощахъ, причемъ каждая вылазка оплачивалась кровью; когда варили пищу на добытыхъ такимъ путемъ дровахъ, то въ лаврѣ обыкновенно говорили: «сегодня мы напитались кровью такихъ-то нашихъ братій, а завтра другіе напитаются нашей». Нѣсколько человѣкъ вновь прославились своей особенной отвагой: нѣкій Суета, крестьянинъ села Молокова, великанъ по росту и истый богатырь по силѣ и душевному складу, постоянно вступалъ въ жестокія схватки съ врагомъ, увлекая своимъ примѣромъ другихъ, и изрубилъ множество народа. Монастырскій слуга Пименъ Тененевъ ударилъ стрѣлой въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня, а знатнаго Польскаго князя Юрія Горскаго убилъ ратникъ Павловъ и привезъ его трупъ въ лавру.

Тѣмъ не менѣе, положеніе защитниковъ обители дѣлалось все болѣе и болѣе тяжелымъ: начался недостатокъ припасовъ, что вызвало неудовольствіе среди многихъ ратниковъ, полагавшихъ, что ихъ обижаютъ старцы, и объ этомъ была даже послана жалоба Царю; затѣмъ пошли болѣзни и сильная смертность: ежедневно хоронили по нѣсколько десятковъ человѣкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ часть защитниковъ стала предаваться разгулу; «крѣпкіе меды», говоритъ Н. М. Карамзинъ, «и молодыя женщины кружили головы воинамъ;

увѣщанія и примѣръ трезвыхъ иноковъ не имѣли дѣйствія». Весною 1609 года Ольга Борисовна Годунова писала своей теткѣ, что лежитъ больная и ждетъ смерти, такъ какъ ежедневно хоронятъ по 20 и 30 человѣкъ (больше всего отъ цынги), и въ обители завелась «шатость и измѣна большая». Послѣднее сообщеніе являлось нѣсколько преувеличеннымъ, хотя несомнѣнно шатость и измѣна появились при наступившихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Двое дѣтей боярскихъ передались непріятелю и сообщили ему, что монастырь получаетъ воду посредствомъ подземныхъ трубъ, проведенныхъ изъ нагорнаго пруда, и Лисовскій послалъ тотчасъ же разрыть плотину у этого пруда, чтобы спустить изъ него воду. Къ счастью объ этомъ узнали осажденные; они открыли всѣ трубы и наполнили водой запасные пруды въ чертѣ ограды, а затѣмъ выслали отрядъ, который перебилъ рабочихъ, разрывавшихъ плотину.

Сильные раздоры царили также между старшими воеводами, княземъ Долгорукимъ и Голохвастовымъ, и каждый образовалъ свою партію. Къ партіи Голохвастова принадлежалъ монастырскій казначей Іосифъ Дѣвочкинъ, сторону котораго держала и бывшая Ливонская королева Марія Владиміровна—старица Марѳа. Сторонники Долгорукаго подали ему доносъ, что Дѣвочкинъ замышляетъ измѣну, и тотъ сталъ его пытать; только ходатайство архимандрита Іосафа спасло его отъ казни. Жалобы на Дѣвочкина и Голохвастова Долгорукій сообщилъ въ Москву—своему пріятелю, келарю Авраамію Палицыну; послѣдній не постѣснился обвинить ихъ обоихъ въ измѣнѣ въ своемъ «Сказаніи». Но, повидимому, обвиненія эти были совершенно не основательны: Голохвастовъ до конца осады оставался воеводой въ обители и ничѣмъ не обнаружилъ попытокъ къ измѣнѣ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе сильной смертности, количество защитниковъ монастыря значительно уменьшилось, и къ веснѣ 1609 года ихъ осталось менѣе трети. Огнестрѣльные запасы также приходили къ концу, и старцы слали усиленныя просьбы Царю Василію Ивановичу помочь имъ. Вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій патріарха Гермогена, въ половинѣ февраля 1609 года, Шуйскій послалъ въ лавру 60 человѣкъ казаковъ и 20 пудовъ пороха, да Авраамій Палицынъ выслалъ 20 человѣкъ. Люди эти успѣшно пробрались черезъ воровское обложеніе монастыря, но четверо попались въ плѣнъ; свирѣпый Лисовскій велѣлъ убить ихъ передъ монастырской стѣной. За это Долгорукій приказалъ въ свою очередь казнить на глазахъ непріятеля 61 плѣннаго, что привело въ ужасъ Поляковъ и возбудило въ нихъ сильнѣйшее негодованіе противъ Лисовскаго, виновника этихъ казней; они кинулись было его убить, и только заступничество Сапѣги спасло его отъ смерти.

Не видя возможности одолѣть лавру силою, Сапѣга пытался достичь этого путемъ измѣны; къ намъ попался въ плѣнъ нѣкій Ляхъ Мартіасъ, который скоро вошелъ въ полное довѣріе воеводъ, извѣщая ихъ о всѣхъ намѣреніяхъ Сапѣги, и бился на вылазкахъ съ большимъ мужествомъ противъ своихъ. Къ счастью, въ обитель перебѣжалъ отъ Сапѣги Литовскій

панъ Нѣмко, нѣмой по природѣ; увидя Мартіаса въ большой чести, онъ заскрежеталъ отъ ужаса зубами, а затѣмъ объяснилъ знаками, что это предатель. Мартіаса подвергнули пыткѣ, и на ней онъ сознался, что служитъ лазутчикомъ Сапѣги, пуская ему стрѣлы съ письмами, и готовится заколотить въ одну ночь всѣ монастырскія пушки.

Несмотря на раздоры среди воеводъ, внутренніе нелады, и болѣзни, защитники лавры продолжали, тѣмъ не менѣе, дѣлать свое дѣло; они день и ночь занимали стражу на монастырскихъ стѣнахъ и постоянно производили вылазки, въ которыхъ особенно отличались своимъ геройствомъ Ананій Селевинъ, стрѣлецъ Нехорошевъ и крестьянинъ Никифоръ Шиловъ. Святые Сергій и Никонъ также не оставляли своимъ покровительствомъ обитель и неоднократно являлись въ видѣніяхъ архимандриту и братіи.

Такимъ путемъ дожили до мая мѣсяца; настало теплое время, и болѣзни стали затихать. Это, разумѣется, сильно подняло духъ осажденныхъ. Съ своей стороны Сапѣга и Лисовскій, заслышавъ о движеніи князя М. В. Скопина-Шуйскаго съ сѣвера, сочли нужнымъ покончить скорѣе съ лаврой и рѣшили предпринять вновь общій приступъ. 27 мая, въ Польско-воровскихъ войскахъ, по обыкновенію, началось великое пьянство и веселіе; музыка гремѣла весь день. Къ вечеру же непріятельскіе отряды окружили со всѣхъ сторонъ монастырь, придвинули къ стѣнамъ большіе тарасы, заготовленные за зиму, и съ наступленіемъ темноты, какъ змѣи, поползли къ оградѣ; затѣмъ они ударили въ бубны и при пушечныхъ выстрѣлахъ кинулись на приступъ. Но защитники монастыря были наготовѣ: архимандритъ и ветхіе старцы-иноки пребывали въ жаркой молитвѣ передъ гробомъ Святого Сергія, а воины, всѣ иноки, способные носить оружіе, и женщины стояли на стѣнахъ съ оружіемъ, камнями, смолой, известкою и сѣрою, чтобы грудью встрѣтить врага.

Скоро всюду закипѣлъ отчаянный бой, который продолжался до самаго разсвѣта; обѣ стороны дрались съ большимъ ожесточеніемъ, но къ утру малочисленные защитники лавры отбили всѣ приступы Ляховъ и воровъ, и, видя ихъ бѣгущими отъ своихъ стѣнъ, тотчасъ же сдѣлали смѣлую вылазку, забравъ при этомъ множество плѣнныхъ, оружія и стѣнобитныхъ снарядовъ.

Сапѣга и Лисовскій негодовали и настойчиво требовали изъ Тушина присылки подкрѣпленій. Воръ прислалъ имъ на помощь полкъ пана Зборовскаго, который сталъ корить Ляховъ за ихъ «бездѣльное стояніе» подъ такимъ ничтожнымъ «лукошкомъ». 28 іюня послѣдовалъ новый отчаянный приступъ всѣхъ Польско-воровскихъ силъ, но онъ окончился для нихъ такъ же плачевно, какъ и предыдущіе. Осажденные опять отбили его во всѣхъ мѣстахъ, убивъ множество непріятеля, а затѣмъ опять сдѣлали смѣлую вылазку и забрали всѣ вражескія «стѣнобитныя хитрости».

Послѣ этихъ кровавыхъ приступовъ, Сапѣга и Лисовскій не отваживались уже больше на ихъ повторенія, хотя, какъ увидимъ, продолжали еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ осаду лавры, число доблестныхъ

защитниковъ которой уменьшилось до крайности: по словамъ лѣтописца, ихъ осталось не болѣе 200 человѣкъ.

Въ то время какъ герои, засѣвшіе въ обители Живоначальной Троицы, со славою отбивали всѣ вражескіе приступы, борьба мужицкихъ ополченій съ Поляками и ворами шла съ перемѣннымъ счастьемъ. Отрядъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго не былъ еще готовъ къ дѣйствіямъ; шедшій же изъ Астрахани съ Царскими войсками воевода Ѳ. И. Шереметевъ былъ сильно задерживаемъ въ пути очищеніемъ Поволжскихъ городовъ отъ воровскихъ ратей и двигался поэтому крайне медленно.

Не важно шли дѣла и въ обѣихъ вражескихъ столицахъ—въ Москвѣ и въ Тушинѣ. Въ Москвѣ по-прежнему Царемъ «играли», по выраженію современниковъ, «какъ дитятемъ», и позорные переѣзды перелетовъ изъ одного лагеря въ другой продолжались. Было и нѣсколько попытокъ свергнуть Василія Ивановича съ престола.

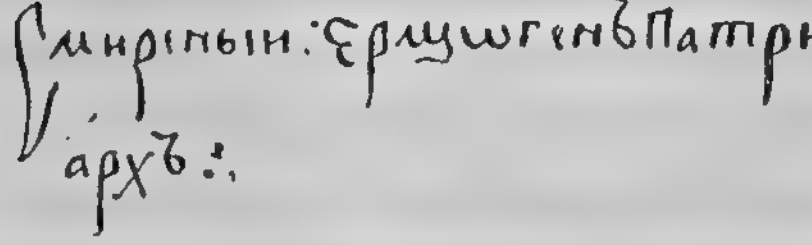
Первая изъ нихъ была произведена 17 февраля 1609 года, на Масляной, безпокойнымъ Рязанскимъ дворяниномъ Григоріемъ Сунбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимоѳеемъ Грязнымъ. Они собрали 300 человѣкъ заговорщиковъ и потребовали отъ бояръ сверженія Шуйскаго; но всѣ бояре заперлись въ своихъ домахъ, и только одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ вышелъ на Красную площадь. Затѣмъ заговорщики силою выволокли патріарха Гермогена на Лобное мѣсто, толкали его, обсыпали пескомъ и соромъ, хватали за грудь, трясли и требовали, чтобы онъ высказался за низложеніе Шуйскаго, незаконно избраннаго своими сообщниками въ Цари. Но крѣпкій духомъ Гермогенъ, хотя и не любилъ Василія Ивановича и зналъ всѣ грѣхи его избранія, тѣмъ не менѣе непоколебимо стоялъ за него, какъ за единственную власть, поддерживающую еще порядокъ въ Государствѣ, и не поддался на застращиваніе заговорщиковъ, которые, отпустивъ его, двинулись затѣмъ во дворецъ, но были съ такою же твердостію встрѣчены и Шуйскимъ. «Зачѣмъ вы, клятвопреступники», сказалъ онъ имъ, «ворвались ко мнѣ съ такою наглостью? Если хотите убить меня, то я готовъ; но свести меня съ престола безъ бояръ и всей Земли вы не можете». Видя, что ихъ не поддерживаетъ народъ, и встрѣтивъ такой отвѣтъ, заговорщики убѣжали въ Тушино. Гермогенъ же послалъ въ Тушино двѣ грамоты къ ушедшимъ туда Русскимъ людямъ съ предложеніемъ раскаяться и вернуться подъ власть Царя Василія Ивановича, который ихъ проститъ.

Первая грамота начиналась словами: «Бывшимъ Православнымъ Христіанамъ всякаго чина, возраста и сана, теперь же не вѣдаемъ какъ васъ и назвать. Не достаетъ мнѣ силъ, болитъ душа и болитъ сердце, всѣ внутренности мои расторгаются и всѣ составы мои содрагаются, плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей, возстаньте,вразумитесь и возвратитесь»; вторая грамота начиналась такъ: «Бывшимъ братіямъ нашимъ, а теперь не знаемъ, какъ и назвать васъ, потому что дѣла ваши въ нашъ умъ не вмѣщаются, уши наши никогда прежде о

такихъ дѣлахъ не слыхали, и въ лѣтописяхъ мы ничего такого не читывали: кто этому не удивится? Кто не восплачетъ? Слово это мы пишемъ не ко всѣмъ, но къ тѣмъ только, которые, забывъ смертный часъ и Страшный Судъ Христовъ и преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали, измѣнивъ Государю Царю и всей Землѣ, своимъ родителямъ, женамъ и дѣтямъ и всѣмъ своимъ ближнимъ, особенно же Богу; а которые взяты въ плѣнъ, какъ Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но силою, и на Христіанскій законъ не стоятъ, крови Православной братіи своихъ не проливаютъ, такихъ мы не порицаемъ, но молимъ о нихъ Бога».

Вторая попытка свергнуть Шуйскаго должна была состояться въ Вербное Воскресенье: его предполагали убить въ этотъ день. Во главѣ недовольныхъ сталъ бояринъ Крюкъ-Колычевъ, но заговоръ былъ своевременно открытъ, послѣ чего Колычевъ былъ пытанъ и казненъ.

Обложеніе Москвы Тушинцами, хотя и не полное, вызвало весной 1609 года страшную дороговизну хлѣба; цѣны на четверть ржи доходили до семи рублей ($23^1/_3$ нынѣшнихъ серебряныхъ); въ этомъ дѣлѣ Василію Ивановичу пришелъ на помощь Авраамій Палицынъ, имѣвшій, какъ келарь Троицкой лавры, обильные запасы хлѣба въ столицѣ; онъ выпустилъ его въ продажу по два рубля за четверть ($6^2/_3$ нынѣшнихъ серебряныхъ), и это сразу успокоило народъ.



346. Подпись патріарха Гермогена.

Въ Тушинѣ вся зима 1608—1609 года и весна прошли въ распряхъ и возстаніяхъ. Сюда вернулся изгнанный другъ Вора—Мѣховецкій, бывшій у него первымъ гетманомъ; но Рожинскій приказалъ его схватить и убить; различные отряды, отправлявшіеся для сбора продовольствія, предавались отчаяннымъ грабежамъ и часто возставали противъ своихъ начальниковъ. Поддавшіяся Вору области приходили въ ужасъ отъ поборовъ его шаекъ и докучали ему жалобами въ родѣ слѣдующей: «Царю Государю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Руси бьютъ челомъ и кланяются сироты твои Государевы, бѣдные, ограбленные и погорѣлые крестьянишки. Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ воинскихъ людей; лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, а что было хлѣбца ржаного, и тотъ хлѣбъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ твои загонные люди вымолотили и развезли; мы, сироты твои, скитаемся между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью, да на насъ же просятъ твои сотныя деньги и панскій кормъ, стоимъ въ деньгахъ на правежѣ, а денегъ намъ взять негдѣ». Особенно злодѣйствовалъ надъ крестьянами какой-то панъ Наливайко, который побилъ множество людей, сажалъ ихъ на колъ, а женъ и дѣтей позорилъ и въ плѣнъ бралъ. Слухи о неистовствахъ Наливайки возмутили даже Вора и онъ приказалъ его казнить; когда же Сапѣга

заступился за него, то «царь Димитрій» отправилъ послѣднему письмо съ укоризнами.

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ Тушинскомъ станѣ за описываемое время было прибытіе плѣннаго Филарета Никитича. Мы видѣли уже изъ отписки Устюжанъ къ Вологжанамъ, что онъ былъ захваченъ ворами осенью 1608 года въ Ростовѣ. Когда къ Ростову подошелъ отрядъ Сапѣги, то жители города хотѣли бѣжать на сѣверъ, но были остановлены Филаретомъ Никитичемъ и воеводою княземъ Третьякомъ Сеитовымъ; послѣдній мужественно напалъ на воровскій отрядъ, но былъ къ несчастію разбитъ, послѣ чего еще три часа защищался въ самомъ городѣ, въ то время какъ митрополитъ Филаретъ молился съ народомъ въ соборномъ храмѣ. Воры ворвались въ соборъ, «сего убо митрополита Филарета», говоритъ Авраамій Палицынъ, «исторгше силою, яко отъ пазуху матерню, отъ церкви Божіа и ведуще путемъ боса токмо во единой свитѣ и ругающеся облекошя въ ризы язычески и покрышя главу Татарскою шапкою, и нозѣ обувше во своя сандаліа». Послѣ этого, какъ мы знаемъ, его посадили вмѣстѣ съ «женкой» на возокъ и отвезли въ Тушино, «гдѣ его ждали», по словамъ С. Соловьева, «почести еще болѣе унизительныя, чѣмъ прежнее поруганіе: самозванецъ, изъ уваженія къ его родству съ мнимымъ братомъ своимъ Царемъ Ѳеодоромъ, объявилъ его Московскимъ патріархомъ». Несмотря на невыразимо трудное положеніе, въ которое попалъ Филаретъ Никитичъ въ Тушинѣ, онъ и здѣсь продолжалъ себя держать съ обычнымъ своимъ достоинствомъ. «Но сей Филаретъ», говоритъ Палицынъ, «разуменъ сый, и не преклонися ни на десно ни на шуее, но пребысть твердо въ правой вѣрѣ». Съ такимъ же уваженіемъ, какъ мы видѣли, отзывался про него и патріархъ Гермогенъ въ своей грамотѣ, посланной въ Тушино.

Стычки подъ Москвой съ войсками Шуйскаго далеко не всегда кончались въ пользу Вора, и въ одной изъ нихъ, въ концѣ февраля 1609 года, гетманъ Рожинскій получилъ тяжелую рану, отъ которой не могъ оправиться до своей смерти.

Въ Троицынъ же день вновь произошло большое сраженіе на Ходынкѣ: вначалѣ Поляки и воры имѣли успѣхъ; они подошли къ самымъ городскимъ стѣнамъ и овладѣли Царскимъ гуляй-городомъ (щитами, поставленными на телѣги, изъ-за которыхъ стрѣляли въ отверстія стрѣльцы), но затѣмъ были опрокинуты, и Московскія войска захватили бы и Тушино, если бы ихъ не задержалъ на рѣчкѣ Химкѣ атаманъ Заруцкій со своими казаками. Послѣ этого сраженія множество Поляковъ попалось въ руки Шуйскаго. Одного изъ нихъ, пана Пачановскаго, онъ послалъ въ Тушино съ предложеніемъ, чтобы всѣ его сородичи ушли изъ Московскаго Государства, и тогда онъ отпуститъ домой всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ. Но бывшіе въ Тушинѣ Поляки не хотѣли уходить и отвѣчали: «Скорѣе помремъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ; дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава». Панъ Пачановскій вернулся съ этимъ отвѣтомъ въ Москву и былъ съ честью принятъ Василіемъ Ивановичемъ; вообще, плѣнныхъ Поляковъ содержали

хорошо; особенно же ласковъ къ нимъ былъ Царскій братъ князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій.

Между тѣмъ наступало лѣто 1609 года, и князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ былъ уже недалеко отъ Москвы.

По договору, заключенному въ концѣ февраля 1609 года стольникомъ Головинымъ и дьякомъ Зиновьевымъ-Сыдавнымъ съ Карломъ IX, послѣдній обязывался выставить на помощь Шуйскому 2.000 наемной конницы и 3.000 пѣхоты и, кромѣ того, неопредѣленное количество добровольцевъ, за что Московское Государство заключало вѣчный миръ со Швеціей, отдавало ей городъ Корелу съ уѣздомъ и должно было дѣйствовать сообща противъ Сигизмунда Польскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, содержаніе всѣхъ помянутыхъ наемниковъ всецѣло ложилось на Московскую казну.

Эта Шведская сборная рать начала прибывать къ Новгороду только съ половины апрѣля 1609 года; она считала въ своихъ рядахъ около 15.000 человѣкъ Шведовъ, Шотландцевъ, Датчанъ, Англичанъ, Нѣмцевъ и Французовъ; ея главнокомандующимъ былъ двадцатисемилѣтній Яковъ Делагарди, сынъ знакомаго намъ Понтуса Делагарди, уже побывавшій, несмотря на свою молодость, въ продолжительныхъ походахъ, причемъ часть своей службы онъ прошелъ въ Нидерландахъ подъ начальствомъ лучшаго Европейскаго полководца того времени—принца Морица Нассаускаго.

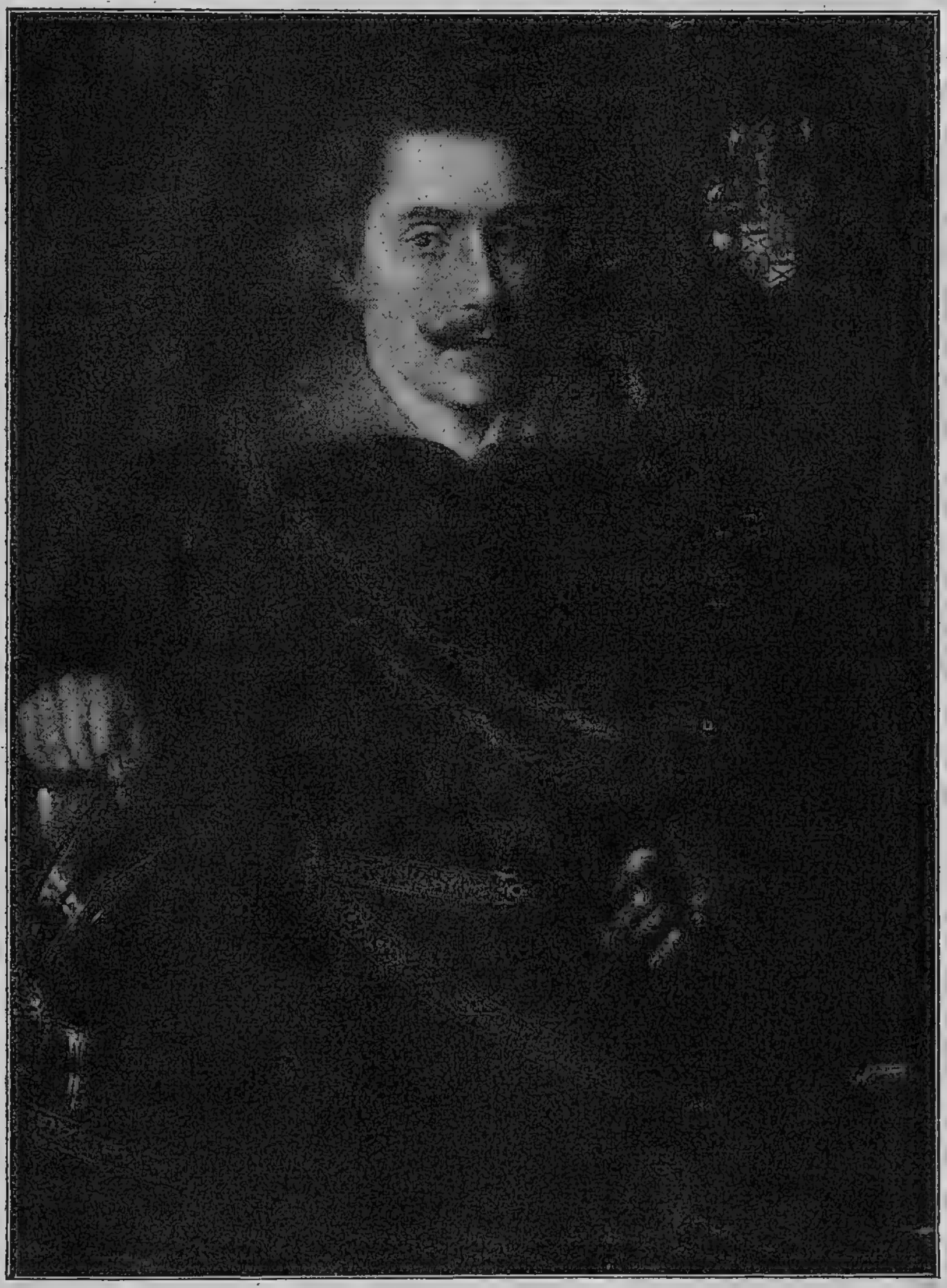
Въ Новгородѣ между обоими молодыми вождями быстро завязались дружескія отношенія. Скопинъ произвелъ и на Шведовъ самое лучшее впечатлѣніе: «Имѣя отъ роду всего двадцать три года», писалъ про него одинъ изъ нихъ, «онъ отличался статнымъ видомъ, умомъ, зрѣлымъ не по лѣтамъ, силою духа, привѣтливостью, воинскимъ искусствомъ и умѣніемъ обходиться съ иностранцами».

Делагарди хотѣлъ ждать окончанія распутицы, но Скопинъ спѣшилъ съ выступленіемъ на выручку столицы; въ концѣ апрѣля передовые Русско-Шведскіе отряды разбили Кернозицкаго подъ Старой Руссой, а затѣмъ быстро очистили отъ воровъ Торопецъ, Торжокъ, Порховъ и Орѣшекъ; воевода послѣдняго города, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, бѣжалъ въ Тушино. Менѣе удачны были дѣйствія отряда князя Мещерскаго, высланнаго изъ Новгорода для занятія Пскова, въ которомъ вражда между лучшими и меньшими людьми, стоявшими за Вора, обострилась до крайности; Мещерскій не смогъ овладѣть Псковомъ и былъ отозванъ назадъ княземъ М. В. Скопинымъ, который лично выступилъ изъ Новгорода 10 мая. Противъ него изъ Тушина былъ высланъ къ Торжку панъ Зборовскій и знакомый намъ Григорій Шаховской, «всей крови заводчикъ», успѣвшій освободиться изъ своего заключенія на Бѣлоозерѣ и пробраться къ Вору.

Подъ Торопцомъ передовой Шведскій отрядъ былъ разбитъ Зборовскимъ, но послѣдній поспѣшилъ затѣмъ отойти къ Твери и соединиться съ Кернозицкимъ, узнавъ, что Скопинъ идетъ во главѣ большого войска.

Подъ Тверью, въ іюлѣ 1609 года, Скопинъ настигъ Зборовскаго и вступилъ съ нимъ въ упорнѣйшее сраженіе. Долго успѣхъ его

колебался то въ одну, то въ другую сторону, но въ концѣ концовъ Польско-воровскія войска были разбиты, и Скопинъ собрался уже ихъ преслѣдовать всѣми силами, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Швед-



347. Яковъ Делагарди.

Съ современнаго изображенія въ Грипсгольмскомъ замкѣ въ Швеціи.

скіе наемники отказываются идти, такъ какъ получили жалованіе только за два мѣсяца, а требуютъ за четыре. Делагарди принялъ сторону Скопина и грозилъ своимъ воинамъ даже смертью, но это мало помогло, и съ той поры, помимо борьбы съ Воромъ и Поляками и устройства ополченій сѣверныхъ городовъ, на Скопина легла еще тяжелая задача—

улаживать всѣми мѣрами неудовольствія, возникавшія среди вспомогательной Шведской рати.

Отъ Твери князь Михаилъ Васильевичъ не пошелъ прямо на Москву: онъ зналъ, что встрѣтитъ подъ Троицей, у Дмитрова и Тушина сильные отряды Сапѣги, Лисовскаго и другихъ воровъ, въ столкновеніи съ которыми, въ случаѣ неудачи, все его дѣло можетъ быть сразу погублено, и двинулся поэтому въ направленіи къ Ярославлю, чтобы быть ближе къ собирающемуся мужицкому ополченію сѣверныхъ городовъ. Дойдя до Калязина монастыря на Волгѣ, онъ остановился, укрѣпилъ свой станъ и сталъ обучать стекающихся къ нему ратниковъ, имѣя дѣятельнымъ помощникомъ Шведскаго военачальника Зомме. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Скопинъ и Царь Василій Ивановичъ Шуйскій разсылали по всему сѣверу свои грамоты, требуя присылки людей и денегъ. Особенно горячо откликнулись на этотъ призывъ иноки Соловецкаго монастыря и именитые люди Строгановы. Соловецкіе монахи переслали въ Москву болѣе 17.000 рублей и даже серебряную ложку, то есть, очевидно, всю свою казну до чиста; Петръ же Семеновичъ Строгановъ, какъ призналъ самъ Шуйскій, посылалъ многихъ ратныхъ людей на Царскую службу противъ воровъ, города отъ шатости укрѣплялъ и давалъ большія деньги въ ссуду для раздачи жалованья служилымъ людямъ. За это радѣніе Царь приказалъ писать его во всѣхъ грамотахъ съ «вичемъ», что считалось тогда великою честью.

Между тѣмъ Скопинъ, разбивъ у Калязина двинувшагося, было, противъ него отъ Троицы Сапѣгу и усиливъ свою рать Заволжскими мужицкими дружинами, «сождався съ Костромскими и съ Ярославскими и съ иныхъ городовъ съ людьми», занялъ въ октябрѣ Переяславль Залѣсскій и Александровскую слободу. Установивъ такимъ путемъ связь между Москвой и сѣверными городами, онъ рѣшилъ идти отсюда на освобожденіе столицы, закрѣпляя свое движеніе къ ней устройствомъ крѣпкихъ «острожковъ», въ которыхъ оставляемые имъ небольшіе отряды могли бы съ успѣхомъ противодѣйствовать воровскимъ шайкамъ. Сюда же къ Александровской слободѣ, позднею осенью 1609 года, сталъ подходить и шедшій съ Нижней Волги воевода Ѳ. И. Шереметевъ.

Движеніе Ѳ. И. Шереметева сильно подняло духъ всѣхъ крестьянскихъ и посадскихъ міровъ въ Поволжьи и въ мѣстности между Волгой и Окой, начавшихъ подниматься противъ воровъ съ осени 1608 года.

Такъ, въ Юрьевцѣ Поволжскомъ черные люди собрались вокругъ сотника Ѳеодора Краснаго, на Решмѣ—во главѣ ихъ сталъ крестьянинъ Григорій Лапша, въ Балахнинскомъ уѣздѣ—Иванъ Кувшинниковъ, въ Городцѣ—Ѳеодоръ Ногавицынъ, въ Холуѣ—Илья Деньгинъ, и, наконецъ, въ Нижнемъ—всѣми дѣйствіями противъ воровъ руководилъ доблестный воевода Андрей Алябьевъ. Тѣмъ не менѣе, эти дѣйствія противъ воровскихъ шаекъ и ихъ предводителей Лисовскаго, Ѳедьки Плещеева, занявшаго Суздаль, атамана Таскаева, князя Вяземскаго и другихъ—были очень тяжелы для мужицкихъ ополченій. Поэтому Ѳ. И. Шереметевъ, шедшій отъ Астрахани съ отря-

домъ хорошо обученныхъ воиновъ, число коихъ было едва ли болѣе 3.000 человѣкъ, встрѣчался всюду, какъ избавитель. Вынужденный постоянно очищать свой путь отъ воровъ, Шереметевъ такъ же, какъ и Скопинъ, могъ двигаться очень медленно. Только весной 1609 года онъ подошелъ и прочно утвердился въ Нижнемъ; «Нижегородцы же», говоритъ лѣтописецъ, «видя приходъ къ нимъ ратнымъ людемъ,. возрадовашеся». Изъ Нижняго Шереметевъ двинулъ Алябьева къ Мурому, гдѣ засѣли воры, а затѣмъ и самъ направился къ этому городу. Послѣ занятія Мурома, Алябьевъ былъ посланъ къ Владиміру; Владимірцы, узнавъ о его приближеніи, схватили своего воеводу Вельяминова, передавшагося Вору, и потащили его въ соборную церковь, чтобы онъ тамъ исповѣдался и причастился передъ смертью. Соборный протопопъ, давъ ему причастіе, вывелъ Вельяминова къ народу и сказалъ: «вотъ врагъ Московскаго Государства», послѣ чего онъ былъ тутъ же избитъ камнями до смерти.

Шереметевъ прибылъ во Владиміръ лишь во второй половинѣ 1609 года, взявъ предварительно приступомъ Касимовъ; затѣмъ онъ пошелъ къ Суздалю, гдѣ крѣпко засѣли воры, но овладѣть этимъ городомъ ему не удалось, и онъ долженъ былъ опять отступить къ Владиміру. Наконецъ, только къ исходу 1609 года ему удалось соединиться со Скопинымъ.

Такимъ образомъ, къ концу 1609 года, благодаря дѣйствіямъ Скопина и Ѳ. И. Шереметева и подъему народнаго духа въ посадскихъ и крестьянскихъ мірахъ на сѣверѣ Россіи и въ среднемъ Поволжьи,—Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, казалось, могъ разсчитывать на побѣду надъ непрошенными гостями, нагло вторгнувшимися въ Московское Государство, какъ изъ Польши, такъ и съ воровского Поля.

Но въ это время въ предѣлахъ Московскаго Государства появился еще новый врагъ, одинаково опасный для Василія Ивановича Шуйскаго и для царика, засѣвшаго въ Тушинѣ. Это былъ Сигизмундъ—король Польскій. Успѣшно справившись съ домашнимъ «рокошемъ», онъ хотѣлъ воспользоваться теперь смутой, царившей въ Московскомъ Государствѣ, и подъ предлогомъ, что Шуйскій заключилъ союзъ съ его заклятымъ врагомъ—Карломъ IX Шведскимъ, рѣшилъ вторгнуться въ наши предѣлы, обѣщавъ сенату и сейму, у которыхъ онъ испросилъ войско и деньги на войну, что будетъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться исключительно выгодами Польши. Прибывавшіе изъ Московскаго Государства Поляки убѣждали его, что лишь только онъ явится въ нашихъ предѣлахъ, то бояре тотчасъ же сведутъ Шуйскаго съ престола и провозгласятъ Царемъ королевича Владислава.

Иначе смотрѣлъ шестидесятитрехлѣтній королевскій гетманъ Жолкѣвскій, который былъ вообще противъ войны съ Москвой. Видя же непремѣнное желаніе Сигизмунда вмѣшаться въ наши дѣла, онъ убѣждалъ его идти въ Сѣверскую Украйну и овладѣть ея плохо укрѣпленными городами, полагая, что королевскихъ войскъ будетъ недостаточно для взятія крѣпкаго Смоленска, обнесеннаго каменными стѣнами

при Годуновѣ. Но Сигизмундъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ овладѣть какъ можно скорѣе именно Смоленскомъ, составлявшимъ въ теченіе стольких лѣтъ предметъ вожделѣній Поляковъ, а затѣмъ подчинить Польшѣ

348. Польскій коронный гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій.
Съ современнаго изображенія въ Несвижскомъ замкѣ.

и все Московское Государство. Въ намѣреніи идти на Смоленскъ поддерживали короля: бывшій посолъ къ первому Лжедимитрію Александръ Гонсѣвскій, ставшій теперь старостой Велижскимъ, канцлеръ Левъ Сапѣга, а также, особо приблизившіеся къ Сигизмунду во время рокоша, братья Янъ и Яковъ Потоцкіе. Вообще, въ это время въ Польшѣ смотрѣли на покореніе Москов-

скаго Государства, какъ на дѣло весьма легкое. «...Наши мало не всей Русской Землей овладѣли», писалъ одинъ шляхтичъ другому, «кромѣ Москвы, Новгорода и другихъ небольшихъ городовъ... Я вамъ объявляю, что на будущемъ сеймѣ постановятъ такое рѣшеніе: видя легкоуміе и непостоянство Московскихъ людей, которымъ ни въ чемъ вѣрить нельзя, надобно разорить шляхту (Русскую) и купцовъ и развести въ Подолію и другія дальнія мѣста, а на ихъ мѣсто посадить изъ нашихъ земель достойныхъ людей»...

Въ это же именно время въ Польско-Литовскомъ государствѣ особенно усилилась ненависть ко всему Православному и Русскому. Въ 1608 году Латыняне и уніаты хотѣли нанести смертельный ударъ Виленскому Православному братству, имѣвшему свое средоточіе въ Троицкомъ монастырѣ, и рѣшили, какъ мы уже упоминали, передать этотъ монастырь уніатамъ. Православные, конечно, сильно всполошились и послали жалобу въ сеймъ, гдѣ у нихъ были покровители, обѣщавшіе принять ихъ сторону. Но въ слѣдующемъ 1609 году въ Вильну прибылъ Сигизмундъ, шедшій на завоеваніе Московскаго Государства. «Православные», говоритъ нашъ извѣстный ученый М. О. Кояловичъ, «обвинены были въ мятежѣ, въ оскорбленіи величества, и многіе изъ нихъ подверглись суду. Большая часть церквей обращена въ унію. Православные мѣщане задавлены были жестоко... Гдѣ было Русское братское училище, тамъ рѣдко когда ученики возвращались изъ училища домой съ неповрежденными лицами. На нихъ нападали и били іезуитскіе школьники, которые не давали житья никакому иновѣрцу, такъ что иновѣрцы даже объѣзжали обыкновенно на дальнее разстояніе іезуитскія школы. Смутныя времена въ Россіи, постоянные переходы Поляковъ черезъ Западную Россію по пути въ Москву давали огромную силу всему Польскому и Латинскому и страшно давили все Русское, Православное. Вездѣ стало изнемогать и падать и Западно-Русское мѣщанство...».

349. Янъ и Яковъ Потоцкіе.

Снимокъ съ современнаго изображенія, приведеннаго въ книгѣ на Польскомъ языкѣ: „События царствованія Сигизмунда III"—Нѣмцевича.

21 сентября 1609 года Сигизмундъ стоялъ уже подъ стѣнами Смоленска, имѣя 5.000 пѣхоты, 12.000 конницы, 10.000 Запорожскихъ казаковъ и кромѣ того отрядъ Литовскихъ Татаръ. Онъ послалъ складную грамоту В. И. Шуй-

скому и «универсалъ», или манифестъ къ жителямъ Смоленска и окрестныхъ мѣстъ, въ которомъ, между прочимъ, увѣрялъ, что Шведы хотятъ искоренить Православіе, а онъ, Сигизмундъ, пришелъ его спасти, почему обитатели Смоленска и должны отворить свои ворота и встрѣтить его хлѣбомъ-солью. Но «Виленскіе мѣщане—братчики», говоритъ М. О. Кояловичъ, «послали въ Смоленскъ предостереженіе, чтобы Русскіе знали, чего ожидать отъ Польскаго короля, который хочетъ властвовать и въ Восточной Россіи; а когда Сигизмундъ подошелъ къ Смоленску и требовалъ сдачи, то Поляки увидѣли на стѣнахъ крѣпости и нѣкоторыхъ мѣщанъ Западно-Русскихъ».

Въ Смоленскѣ сидѣлъ на воеводствѣ доблестный Михаилъ Борисовичъ Шеинъ. Онъ зорко слѣдилъ черезъ своихъ лазутчиковъ за всѣми дѣйствіями противника и былъ отлично освѣдомленъ объ истинныхъ намѣреніяхъ короля. На свой универсалъ Сигизмундъ получилъ изъ Смоленска слѣдующій отвѣтъ отъ архіепископа, воеводъ и народа: «Мы въ храмѣ Божьей Матери дали обѣтъ не измѣнять Государю нашему Василію Ивановичу, а тебѣ, Литовскому королю, и твоимъ панамъ не раболѣпствовать во вѣки». Вслѣдъ за тѣмъ были выжжены посады и слободы. «Многіе описали и начертали положеніе крѣпости Смоленской», говоритъ гетманъ Жолкѣвскій въ своихъ «Запискахъ»: «я кратко скажу объ этомъ. Снаружи она кажется довольно обширна; окружность ея стѣнъ полагаю до восьми тысячъ локтей, болѣе или менѣе, не считая окружности башенъ; воротъ—множество; вокругъ крѣпости, башенъ и воротъ тридцать восемь, а между башнями находятся стѣны длиною во сто и нѣсколько десятковъ локтей. Стѣны Смоленской крѣпости имѣютъ толстоты въ основаніи десять локтей, въ верху же съ обсадомъ (вѣроятно зубцы, между коими бойницы), можетъ быть, однимъ локтемъ менѣе; вышина стѣны, какъ можно заключить на глазомѣръ, около тридцати локтей».

Смольняне, кажется въ количествѣ не болѣе 70.000 человѣкъ, считая старцевъ, женщинъ и дѣтей, «заключились въ крѣпости», разсказываетъ Н. М. Карамзинъ, «и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ нашей славы».

Разставивъ орудія вокругъ города, Сигизмундъ велѣлъ открыть изъ нихъ жестокую пальбу; затѣмъ 23 сентября, за два часа до разсвѣта, Поляки повели приступъ всѣми силами, однако не могли вломиться въ крѣпость, хотя разрушили взрывомъ Авраміевскія ворота; ночью 26 сентября они взяли острогъ у Пятницкаго конца, а черезъ сутки, пользуясь опять ночнымъ покровомъ, повели новый приступъ, причемъ пытались овладѣть Большими воротами.

Но осажденные оборонялись съ такимъ мужествомъ, что Ляхи были всюду отбиты съ огромнымъ урономъ. Они не пытались болѣе выходить изъ своихъ становъ, а ограничились веденіемъ почти безполезной для себя стрѣльбы изъ орудій и устройствомъ подкоповъ, которые своевременно взрывались нашими при посредствѣ выводимыхъ ими «слуховъ». Смольняне дѣйствовали все время въ высшей степени рѣшительно и постоянно произво-

дили на Поляковъ смѣлыя вылазки. Однажды, среди бѣлаго дня, шесть человѣкъ Русскихъ подъѣхали на лошадяхъ къ стану маршала Дорогостайскаго, схватили на глазахъ у всѣхъ Литовское знамя и благополучно вернулись въ крѣпость.

При этихъ условіяхъ наступила зима съ 1609 на 1610 годъ.

Вѣсть о прибытіи Сигизмунда къ Смоленску произвела сильное впечатлѣніе не только на В. И. Шуйскаго и Тушинскаго Вора, но и на Поляковъ, бывшихъ съ послѣднимъ. Эти Поляки отнюдь не желали дѣлить съ королемъ добычи, которую имъ сулила смута въ Московскомъ Государствѣ. «Чего хо-

350. Изображеніе Смоленска на медали, выбитой Сигизмундомъ III въ 1611 году.

четъ Сигизмундъ, говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи съ негодованіемъ», разсказываетъ Карамзинъ, «лишить насъ славы и возмездія за труды; взять даромъ, что мы въ два года пріобрѣли своею кровью и побѣдами!». Особенно негодовалъ на Сигизмунда Рожинскій, первое лицо въ Тушинскомъ станѣ. Онъ созвалъ Поляковъ въ коло и заключилъ съ ними конфедерацію или союзъ, члены котораго поклялись посадить Вора на Царство, вступивъ, если нужно, въ открытую борьбу съ королемъ—и послали пана Мархоцкаго къ Сигизмунду со слѣдующимъ словомъ: «Если сила и безаконіе готовы исхитить изъ нашихъ рукъ достояніе меча и геройства, то не признаемъ ни короля королемъ, ни отечества отечествомъ, ни братьевъ братьями»...

Рожинскій уговаривалъ и Сапѣгу примкнуть къ конфедераціи и лично ѣздилъ для этого подъ Троицу, но послѣдній не рѣшился открыто возстать противъ короля.

Появленіе Сигизмунда у стѣнъ Смоленска вызвало, какъ мы говорили, большую тревогу и въ Москвѣ. Вся надежда Царя и гражданъ была возложена на Скопина, но послѣдній не могъ двигаться быстро и долженъ былъ выдержать наступленіе Сапѣги, который подступилъ къ Александровской слободѣ и только послѣ кровопролитнаго боя отошелъ опять къ Троицѣ; между тѣмъ въ столицѣ наступилъ снова голодъ и страшно поднялась цѣна на хлѣбъ: крестьянинъ Салькоръ съ шайкой воровъ занялъ Коломенскую дорогу, по которой шло продовольствіе изъ Рязанской Земли, и двое высланныхъ противъ него воеводъ не могли совладать съ нимъ; только когда Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ противъ Салькова князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, то Салькоръ былъ наголову разбитъ и очистилъ Коломенскую дорогу. Въ самой Москвѣ тоже завелась измѣна, и Красное село было сперва сдано Тушинцамъ, а потомъ выжжено до тла; при этомъ былъ спаленъ и деревянный городъ «Скородумъ», выстроенный Борисомъ Годуновымъ.

Между тѣмъ, Сигизмундъ рѣшилъ отправить пана Стадницкаго въ Тушино и грамоты къ Царю Василію Ивановичу, къ патріарху Гермогену, ко всему духовенству, боярамъ и всѣмъ людямъ Московскаго Государства.

Панъ Стадницкій долженъ былъ уговорить Тушинскихъ Поляковъ оставить Вора и перейти на службу къ королю, за что имъ сулились великія милости не только въ Московскомъ Государствѣ, но и въ Польшѣ. Шуйскому Сигизмундъ сообщалъ, что пришелъ помочь ему *успокоить* его Царство, а потому проситъ съѣхаться думнымъ боярамъ съ Польскими послами для переговоровъ. Въ грамотѣ же къ патріарху, духовенству, боярамъ и всѣмъ людямъ король прямо говорилъ, что онъ, желая утишить смуту Московскаго Государства, предлагаетъ имъ быть подъ его рукою, за что обѣщаетъ, завѣряя «нашимъ господарскимъ истиннымъ словомъ», цѣло и ненарушимо поддерживать «вѣру вашу Православную правдивую Греческую», хотя, вслѣдъ за тѣмъ, онъ тотчасъ же принялъ съ великой благодарностію шпагу, освященную папою Павломъ V и присланную ему съ пожеланіемъ успѣшнаго покоренія «Московскихъ схизматиковъ».

Пріѣздъ Стадницкаго въ Тушино вызвалъ большой переполохъ. Рожинскій уговаривалъ Поляковъ не слушать увѣщаній короля; но среди рыцарства прошелъ слухъ, что Сигизмундъ привезъ съ собой огромную казну и хочетъ всѣмъ щедро заплатить. Въ это же время прибыли въ Тушино посланные отъ Сапѣги изъ-подъ Троицы, которые тоже стали уговаривать перейти на сторону короля. Рожинскій долженъ былъ уступить и началъ переговоры съ Стадницкимъ.

Положеніе Вора было въ это время самое жалкое. Знатные Поляки, еще недавно постоянно цѣловавшіе ему руку, относились къ нему теперь съ величайшимъ презрѣніемъ. Панъ Тышкевичъ ругалъ его въ глаза мошен-

никомъ и обманщикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Поляки зорко слѣдили за царикомъ, чтобы онъ не сбѣжалъ, и заперли всѣхъ его лошадей; тѣмъ не менѣе, Вору удалось съ четырьмя сотнями Донскихъ казаковъ ускользнуть изъ Тушина. Но за нимъ отправился въ погоню Рожинскій и быстро вернулъ его назадъ. Когда царикъ спросилъ его, о чемъ у нихъ идутъ переговоры съ королевскимъ посломъ, то тотъ ему отвѣчалъ: «А тебѣ что за дѣло? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ», послѣ чего, будучи пьянымъ, Рожинскій хотѣлъ еще избить названнаго Димитрія.

При этихъ обстоятельствахъ, видя, что дѣло совсѣмъ плохо, Воръ въ тотъ же вечеръ (кажется 6 января 1610 года) одѣлся мужикомъ, потихоньку сѣлъ со своимъ пріятелемъ шутомъ Кошелевымъ въ навозныя сани и бѣжалъ въ Калугу, покинувъ Тушино и свою жену «государыню Марину Юрьевну» на произволъ судьбы.

Это неожиданное бѣгство Вора окончательно побудило всѣхъ Тушинскихъ Поляковъ перейти на сторону короля.

Въ другомъ положеніи очутилась «государыня» и Русскіе люди, оставшіеся въ Тушинѣ. Панъ Стадницкій предложилъ Маринѣ, доводившейся ему племянницей, положиться на милость короля, причемъ попрежнему назвалъ ее дочерью Сендомирскаго воеводы. Но въ ней крѣпко засѣло убѣжденіе, что она вѣнчанная Московская Царица: «Кого Богъ освѣтитъ разъ», писала она въ отвѣтъ Стадницкому, «тотъ всегда будетъ свѣтелъ... Если счастье лишило меня всего, то осталось при мнѣ, однако, право мое на престолъ Московскій, утвержденное моей коронаціей, признаніемъ меня истинной и законной наслѣдницей, признаніемъ, скрѣпленнымъ двойной присягой всѣхъ сословій и провинцій Московскаго Государства»... Въ такомъ же духѣ написала она и Сигизмунду.

Простые Русскіе люди и казаки, составлявшіе воровскія войска, были вначалѣ крайне огорчены бѣгствомъ царика и прямо обвиняли въ этомъ Поляковъ. «Толпы», говоритъ М. Н. Карамзинъ, «съ яростнымъ кри-комъ приступили къ гетману (Рожинскому), требуя своего Димитрія, и въ то же время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные».—Скоро воровской атаманъ Беззубцевъ разбилъ въ Серпуховѣ пана Млоцкаго, за то, что послѣдній «направлялъ дѣло въ королевскую сторону», а черезъ мѣсяцъ всѣ казаки, исключая отряда Заруцкаго, были приведены къ Вору въ Калугу княземъ Шаховскимъ, «всей крови заводчикомъ» и князьями Д. Т. Трубецкимъ и Засѣцкимъ. Рожинскій погнался за ними и нанесъ имъ пораженіе, положивъ на мѣстѣ около 2.000 человѣкъ, а затѣмъ вернулся въ Тушино.

Въ Калугѣ Воръ очень недурно устроился. Городъ этотъ связывалъ его со всѣмъ югомъ, охваченнымъ мятежнымъ движеніемъ, и съ казаками. Прибывъ въ подгородній Калужскій монастырь, онъ тотчасъ же послалъ объявить жителямъ города о своемъ бѣгствѣ изъ Тушина съ цѣлью спастись отъ гибели, которую ему готовилъ Сигизмундъ за отказъ отдать Полякамъ

*

Смоленскъ и Сѣверскую Землю, и клялся, что положитъ свою голову за Православіе и Отечество: «не дадимъ торжествовать ереси, не уступимъ королю ни кола, ни двора». Калужане встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и съ Царскими почестями.

Что касается до Тушинскихъ бояръ и служилыхъ людей, то, черезъ нѣсколько дней послѣ бѣгства Вора въ Калугу, они собрались на сходку, гдѣ имѣли совѣщаніе съ послами Сигизмунда, и рѣшили на ней вступить съ королемъ въ переговоры о томъ, чтобы посадить на Московскій престолъ его сына королевича Владислава, при непремѣнномъ условіи, что послѣдній приметъ Православіе. Конечно, эти Тушинскіе перелеты, за которыми водилось не мало грѣховъ, не могли разсчитывать, въ виду бѣгства Вора въ Калугу и успѣховъ князя М. В. Скопина на сѣверѣ, на милостивый пріемъ у Царя Василія Ивановича въ Москвѣ. «Въ сей думѣ крамольниковъ присутствовалъ, какъ пишутъ», говоритъ Н. М. Карамзинъ, «и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ, ея невольный и безгласный участникъ».

21 января 1610 года, подъ Смоленскомъ, Сигизмундъ принималъ Русскихъ пословъ изъ Тушина; въ числѣ ихъ, между прочими, были: бѣглый воевода изъ Орѣшка Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ; дьякъ Грамотинъ, ловкій, но гнусный человѣкъ, который вмѣстѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ за нѣсколько времени до этого, по просьбѣ Сапѣги, склонялъ къ сдачѣ защитниковъ Троицко-Сергіевской лавры; убійца семьи Годуновыхъ и выдававшій себя одно время за Лжедимитрія, битый кнутомъ дворянинъ Михаилъ Молчановъ; старый измѣнникъ князь Василій Рубецъ-Мосальскій, князь Юрій Хворостининъ, торговый мужикъ-кожевникъ Ѳедька Андроновъ и нѣкоторые другіе.

Несмотря на столь порочный составъ посольства, необходимо сказать, что оно, благодаря короля за милостивый пріемъ и прося у него на Московское Государство королевича Владислава, заявило ему, что само не можетъ рѣшить это дѣло безъ совѣта всей Земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ охраненіе во всей ненарушимости Православія, причемъ Михаилъ Салтыковъ, державшій королю рѣчь, когда дошелъ до этого условія, не выдержалъ и сталъ плакать.

Вслѣдъ за тѣмъ, 4 февраля, между Тушинскими послами и королемъ былъ заключенъ договоръ, который рядомъ условій, ограничивающихъ власть Владислава, стремился «охранить Московскую жизнь», какъ говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, «отъ всякихъ воздѣйствій со стороны Польско-Литовскаго правительства, обязывалъ Владислава блюсти неизмѣнно Православіе, административный (правительственный) порядокъ и сословный строй Москвы». Сигизмундъ согласился на условіе, что Владиславъ будетъ вѣнчаться на Царство Русскимъ патріархомъ въ Москвѣ, но коварно добавилъ, что это произойдетъ, когда водворится въ Государствѣ полный порядокъ.

Самозванные послы пошли на эту уступку чрезвычайной важности и каждый изъ нихъ далъ королю такую присягу: «*Пока* Богъ намъ дастъ государя Владислава на Московское Государство, буду служить и прямить и

добра хотѣть—его государеву отцу, нынѣшнему наияснѣйшему королю Польскому и великому князю Литовскому, Жигимонту Ивановичу». Обрадованный этимъ поворотомъ дѣлъ, Сигизмундъ писалъ Польскимъ сенаторамъ: «Хотя при такомъ усильномъ желаніи этихъ людей, мы, по совѣту находящихся здѣсь пановъ, и не разсудили вдругъ опровергнуть надежды ихъ на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь къ себѣ и Москвитянъ, держащихъ сторону Шуйскаго, и дать дѣламъ нашимъ выгоднѣйшій оборотъ; однако, имѣя въ виду, что походъ предпринятъ не для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, мы безъ согласія всѣхъ чиновъ ея не хотимъ постановить съ ними ничего положительнаго».

351. Дьякъ Грамотинъ.

Съ изображенія, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Между тѣмъ, доблестный защитникъ Смоленска М. Б. Шеинъ продолжалъ отвѣчать пушечными выстрѣлами и вылазками на всѣ попытки короля овладѣть городомъ, а владыка Сергій, чтобы пресѣчь всякіе разговоры гражданъ о сдачѣ, снялъ однажды послѣ службы облаченіе, положилъ посохъ и, выйдя къ паствѣ, объявилъ ей, что готовъ принять какую угодно муку, но церкви не предастъ, и согласенъ, чтобы его умертвили, но на сдачу города не согласится. Горожане, проливая слезы, надѣли опять на Сергія облаченіе и поклялись, что будутъ стоять противъ Поляковъ до послѣдняго издыханія.

Оставшаяся въ Тушинѣ Марина тщетно отправляла во всѣ стороны письма съ просьбой о помощи и ходила съ распущенными волосами по палаткамъ воиновъ, убѣждая ихъ принять сторону Вора; наконецъ, она рѣшилась бѣжать. 11 февраля 1610 года, переодѣвшись гусаромъ, въ сопровожденіи служанки и нѣсколькихъ сотенъ Донцовъ, Марина покинула Тушино,

оставя письмо къ войску, въ которомъ горько жаловалась на свою судьбу, но говорила, что не отступитъ отъ своихъ правъ на Московское Государство, почему поневолѣ должна ѣхать къ мужу.

Однако, она попала не къ мужу, а очутилась у Сапѣги въ Дмитровѣ, куда онъ перешелъ, вынужденный княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ снять 12 января, послѣ шестнадцати мѣсяцевъ, осаду Троицко-Сергіевской лавры. Повидимому, Марина была не прочь соединить свою судьбу съ Усвятскимъ старостой, «не забывавшимъ», по словамъ Валишевскаго, «даже въ пьяномъ видѣ, величать «государыней» свою прекрасную подругу»... Но, «при всемъ уваженіи и рыцарской вѣжливости», продолжаетъ Валишевскій, «съ которымъ онъ уговаривалъ «царицу» не покидать его, Марина почуяла, что онъ предлагаетъ ей это лишь для того, чтобы предать ее королю, и она рѣшила продолжать свой путь»... «Не будетъ того, чтобы ты мною торговалъ», сказала она Сапѣгѣ, «у меня здѣсь свои Донцы; если будешь меня останавливать, то я дамъ тебѣ битву». Прибывъ въ мужскомъ платьѣ въ Калугу къ Вору, она не переставала разсылать въ разныя стороны посланія, требуя помощи для водворенія ея на Московскомъ престолѣ и жалуясь на мужа, который не оказываетъ ей «ни уваженія, ни любви». «Въ головкѣ этой женщины, честолюбивой до безумія», говоритъ Валишевскій, «къ самымъ тяжелымъ и важнымъ заботамъ постоянно примѣшивались пошлыя мысли и хлопоты о пустякахъ... Она писала безпрестанно и ко всѣмъ, къ папѣ и къ нунцію, къ королю и къ его сенаторамъ, представляя имъ разные доводы, одинъ другого глупѣе и смѣхотворнѣе»... Отвѣтовъ она обыкновенно не получала. Папа Павелъ V, который писалъ ей при отправленіи ея въ 1606 году въ Москву: «Мы оросили тебя своими благословеніями какъ новую лозу, посаженную въ виноградникѣ Господнемъ, да будешь дщерь Богомъ благословенная»..., дѣлалъ теперь коротенькія помѣтки на ея посланіяхъ: «не требуетъ отвѣта».

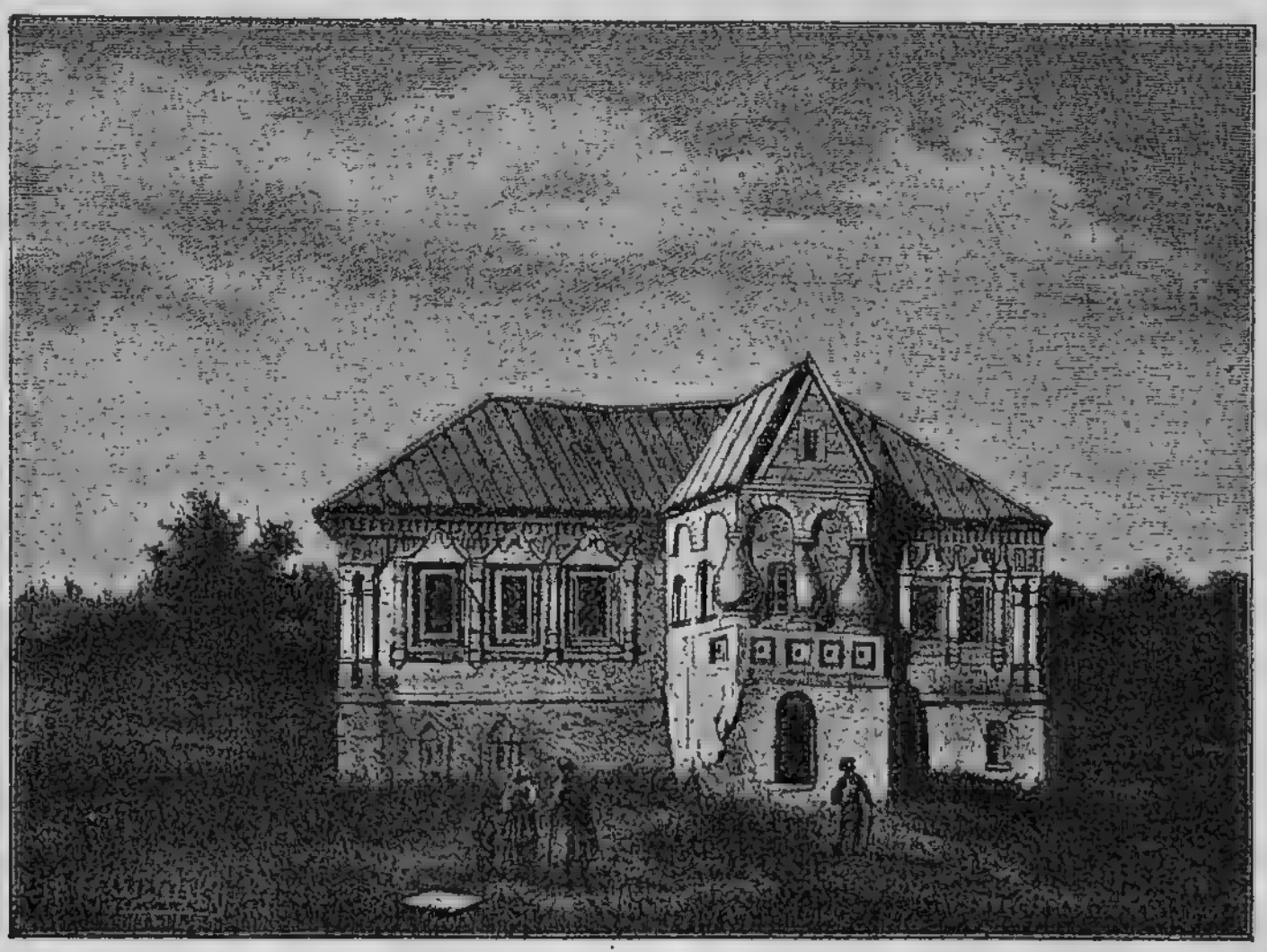
Бѣгство Марины въ Калугу вызвало новыя волненія въ Тушинѣ; часть рыцарства приняла сторону Рожинскаго, другіе—его врага пана Тышкевича и дѣло доходило до ружейныхъ выстрѣловъ. Затѣмъ Поляки стали звать короля прибыть скорѣе въ Тушино, ибо Тушину начинала грозить опасность какъ со стороны Скопина, такъ и отъ Вора изъ Калуги; но король не двигался изъ-подъ Смоленска.

Тогда, въ первыхъ числахъ марта 1610 года, Рожинскій зажегъ Тушино и направился къ Іосифову-Волоколамскому монастырю, ведя съ собой въ качествѣ плѣнника Филарета Никитича. Воровская столица окончательно опустѣла черезъ нѣсколько дней: часть Русскихъ Тушинцевъ пошла за Рожинскимъ, часть послѣдовала въ Калугу къ Вору, а часть—явилась съ повинною въ Москву. Тушинскіе же послы во главѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ остались при Сигизмундѣ подъ Смоленскомъ.

Князь М. В. Скопинъ тѣмъ временемъ успѣшно подвигался на освобожденіе столицы: 4 января 1610 года, высланный имъ въ передовомъ отрядѣ

дворянинъ Волуевъ для развѣдки расположенія Сапѣги вступилъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь, усилился тамъ отрядомъ Жеребцова и на другой день напалъ на Поляковъ, послѣ чего вернулся къ Скопину, донося ему о слабости Сапѣги. Послѣдній, какъ мы уже говорили, вынужденъ былъ 12 января снять осаду лавры и отступилъ къ Дмитрову.

Черезъ нѣсколько дней послѣдовало торжественное вступленіе войскъ Скопина въ обитель Живоначальной Троицы. Ея мужественные защитники и иноки радостно встрѣтили прибывшихъ и отдали все, что имѣли еще въ ризницѣ, а также нѣсколько тысячъ рублей монастырской казны, для уплаты Шведамъ. Затѣмъ, несмотря на глубокій снѣгъ, отрядъ князя Ивана Куракина изъ Шведовъ и Русскихъ двинулся отъ Троицы на лыжахъ къ



352. Домъ, гдѣ жилъ Воръ съ Мариной Мнишекъ въ городѣ Калугѣ.

Дмитрову, гдѣ Сапѣга былъ наголову ими разбитъ. Въ это время, какъ разъ, у него гостила Марина; видя, что испуганные Поляки вяло защищаютъ свои укрѣпленія, она выбѣжала къ нимъ и крикнула: «что вы дѣлаете, негодяи! Я женщина, а не потеряла духа»... Отъ Дмитрова, бросивъ знамена и пушки, Сапѣга побѣжалъ къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы «смотря по обстоятельствамъ», говоритъ Н. М. Карамзинъ, «присоединиться къ королю или къ Лжедимитрію».

Скоро мужественный Волуевъ разбилъ подъ Іосифовомъ-Волоколамскимъ монастыремъ и знаменитаго воровского гетмана князя Рожинскаго, причемъ былъ освобожденъ и отправленъ затѣмъ въ Москву его плѣнникъ, Филаретъ Никитичъ Романовъ. Самъ же Рожинскій, упавъ нечаянно на раненый бокъ, кончилъ чрезъ нѣсколько дней свою молодую, но бурную жизнь въ Волоколамскѣ.

Одинъ только Суздаль оставался до весны во вражескихъ рукахъ; здѣсь крѣпко держался смѣлый наѣздникъ Лисовскій вмѣстѣ съ измѣнникомъ атаманомъ Просовецкимъ. Весной Лисовскій оставилъ Суздаль и отправился ко Пскову, ограбивъ по пути Калязинскій монастырь и убивъ его защитника Давыда Жеребцова.

Такимъ образомъ, къ веснѣ 1610 года, трудами князя М. В. Скопина, Москва была освобождена отъ Польско-воровскихъ отрядовъ, ее окружавшихъ. «До прибытія Скопина», говоритъ гетманъ Жолкѣвскій въ своихъ «Запискахъ о Московской войнѣ», въ Москвѣ—«бочка ржи продавалась слишкомъ по двадцати злотыхъ; теперь-же, такъ много оной было привезено, что бочка продавалась по три злота»...

Царь Василій Ивановичъ и вся столица съ величайшимъ торжествомъ встрѣчали 12 марта 1610 года своего юнаго освободителя—двадцати-трехлѣтняго князя Михаила Васильевича Скопина; народъ падалъ передъ нимъ ницъ и называлъ его отцомъ отечества.

Конечно, самымъ радушнымъ и широкимъ образомъ чествовались и его сподвижники—Русскіе ратные люди, а также Делагарди и Шведскіе наемники.

Имя Скопина было въ это время у всѣхъ на устахъ, и въ мечтахъ каждаго Русскаго человѣка, любящаго свое Отечество, онъ являлся тѣмъ несравненнымъ героемъ и избавителемъ, который долженъ былъ окончательно очистить Московское Государство отъ Поляковъ и воровъ. Въ Москвѣ появились уже разсказы про какихъ то гадателей, предсказывавшихъ, что умиротвореніе Россіи наступитъ, когда Царемъ будетъ Михаилъ.

Но все это, разумѣется, должно было сильно не нравиться Василію Ивановичу Шуйскому, особенно же его бездарному, но завистливому брату, князю Димитрію Ивановичу, который являлся его наслѣдникомъ, такъ какъ у престарѣлаго Царя отъ брака съ княжной Буйносовой-Ростовской было только двѣ дочери, вскорѣ же умершія, и дальнѣйшаго потомства ожидать было трудно. Князь Димитрій Ивановичъ съ ненавистью слѣдилъ за успѣхами Скопина и во время торжественнаго въѣзда его въ Москву не могъ удержаться, чтобы не сказать: «вотъ идетъ мой соперникъ».

Самъ Царь Василій Ивановичъ, хотя и проливалъ слезы радости при встрѣчѣ племянника 12 марта, но въ Москвѣ слезамъ этимъ никто не вѣрилъ, зная во первыхъ его подозрительность, а затѣмъ и въ виду событій, разыгравшихся за нѣкоторое время до этого, когда Скопинъ былъ еще въ Александровской слободѣ, куда къ нему неожиданно прибыли посланные отъ страстнаго и нетерпѣливаго Прокофія Ляпунова, еще недавно принесшаго повинную Василію Ивановичу за свой легкомысленный союзъ съ Болотниковымъ и пожалованнаго за раскаяніе въ думные дворяне. Теперь Ляпуновъ, восхищенный успѣхами Скопина, прислалъ ему грамоту, гдѣ онъ назвалъ его Царемъ, а Василія Ивановича осыпалъ укоризнами. Скопинъ въ порывѣ негодованія разорвалъ эту грамоту, а посланныхъ приказалъ схватить и отправить въ Москву. Но затѣмъ онъ далъ себя умилостивить и разрѣшилъ

имъ вернуться въ Рязань. Объ этомъ, конечно, тотчасъ же донесли въ Москву люди, приставленные Василіемъ Ивановичемъ слѣдить за племянникомъ, и съ этого времени, говоритъ лѣтописецъ, Царь Василій и братья его начали противъ Скопина—«держать мнѣніе».

Делагарди, слыша доходившіе до него слухи о недоброжелательствѣ Царя съ братьями къ своему молодому другу, предостерегалъ его и уговаривалъ, какъ можно скорѣе, выступить изъ Москвы, чтобы идти противъ Сигизмунда къ Смоленску.

Сигизмундъ находился въ это время, въ виду геройской защиты Смольнянъ, въ очень затруднительномъ положеніи, и рѣшилъ вступить въ сношеніе съ Воромъ, засѣвшимъ въ Калугѣ, для чего къ нему долженъ былъ поѣхать изъ королевскаго стана братъ Марины—староста Саноцкій. Въ то же время король пытался вновь завести переговоры и съ Царемъ Василіемъ Ивановичемъ, но послѣдній, гордясь успѣхами племянника, прежде всего потребовалъ, чтобы король вышелъ изъ предѣловъ Московскаго Государства.

Неожиданная смерть Скопина разомъ измѣнила все положеніе дѣлъ. 23 апрѣля онъ былъ на крестинахъ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго, послѣ чего заболѣлъ кровотеченіемъ изъ носа и скончался черезъ двѣ недѣли.

«Мнози же на Москвѣ говоряху то», разсказываетъ лѣтописецъ, «что испортила ево тетка, княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйскова (она, какъ мы уже указывали, была дочерью Малюты Скуратова и приходилась родной сестрой, задушенной Молчановымъ, Царицѣ Маріи Григорьевнѣ Годуновой), а подлинно то единому Богу» (извѣстно).

Дѣйствительно, уликъ противъ княгини Екатерины Григорьевны въ смерти племянника, а тѣмъ болѣе противъ Василія Ивановича Шуйскаго у современниковъ не имѣлось; но, во всякомъ случаѣ, кончина князя Михаила была роковой для нелюбимаго всѣми Царя. «Его смертью», говоритъ С. Соловьевъ, «порвана была связь Русскихъ людей съ Шуйскимъ».

Первымъ поднялъ противъ него голосъ тотъ-же страстный Прокофій Ляпуновъ и началъ громко требовать его смѣщенія. Но кѣмъ замѣнить Василія Ивановича—Ляпуновъ еще не рѣшилъ; поднявъ возстаніе въ Рязани противъ Шуйскаго, онъ сталъ сноситься съ Воромъ въ Калугѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ переговоры съ умнымъ и честолюбивымъ соперникомъ Шуйскаго—съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ. Князья Мстиславскій и И. С. Куракинъ тоже не ладили съ Шуйскимъ и находили, что лучше всего будетъ свергнуть его и избрать Государя изъ какого-нибудь иноземнаго владѣтельнаго рода, а не изъ своей среды.

При такихъ зловѣщихъ для себя обстоятельствахъ, Царь двинулъ къ Смоленску противъ Сигизмунда 40.000 Московскаго войска и 8.000 Шведскихъ наемниковъ, вручивъ главное начальствованіе своему бездарному брату князю Димитрію Ивановичу, ненавидимому, кромѣ того, всѣми ратниками за непомѣрную гордость. Сигизмундъ-же отправилъ ему навстрѣчу своего искуснаго гетмана Жолкѣвскаго. Послѣдній осадилъ частью силъ

Царево-Займище, гдѣ заперлись князь Елецкій и храбрый Волуевъ, а съ остальными своими войсками встрѣтилъ, 24 іюня 1610 года, Димитрія Шуйскаго подъ Клушинымъ (недалеко отъ Гжатска) и наголову разбилъ его: одинъ изъ Польскихъ отрядовъ напалъ на Шведовъ Делагарди и Горна и заставилъ ихъ отступить, а главныя силы гетмана обрушились на Московскую конницу и смяли ее. Пѣхота Шуйскаго засѣла въ самомъ Клушинѣ и вначалѣ наносила большой уронъ Полякамъ, которыхъ сильно задержалъ большой плетень; но Русскихъ предали наемные Нѣмцы: они

353. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій разрываетъ грамоту пословъ Ляпунова о призваніи его на Царство.

Рисунокъ Н. Лоренца.

стали покидать наши ряды сперва по-одиночкѣ, а потомъ все большими и большими частями. «Поляки подъѣзжали къ ихъ полкамъ», говоритъ С. Соловьевъ, «кричали: «кумъ, кумъ» (приди, приди), и Нѣмцы прилетали какъ птицы на кличъ». Видя проигрышъ боя, «князь Димитрій», по словамъ Жолкѣвскаго, «бѣжалъ поспѣшно, хотя немногіе его преслѣдовали; онъ увязилъ своего коня въ болотѣ, потерялъ также обувь, и босой, на тощей крестьянской клячѣ, пріѣхалъ подъ Можайскъ въ монастырь».

Доставъ здѣсь лошадь, онъ немедленно отправился въ Москву, откуда «изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися», говоритъ лѣтописецъ... «Былъ онъ воевода сердца не храбраго, обложенный женствующими вещами, любящій красоту и пищу, а не луковъ натягиваніе»... Послѣ

Клушинскаго пораженія Шведскія войска очутились отрѣзанными отъ Московскихъ; часть изъ нихъ передалась Сигизмунду, а другія съ Делагарди отступили на сѣверъ въ Новгородскую область. Московскіе же ратные люди разбѣжались по домамъ и не хотѣли возвращаться въ столицу, несмотря на то, что ихъ туда усиленно звалъ Царь Василій Ивановичъ.

Послѣ своей побѣды, Жолкѣвскій, нагруженный огромной добычей, вернулся подъ Царево-Займище и предложилъ Елецкому и Волуеву сдаться. Тѣ долго на это не соглашались, но, въ концѣ концовъ, должны были цѣловать

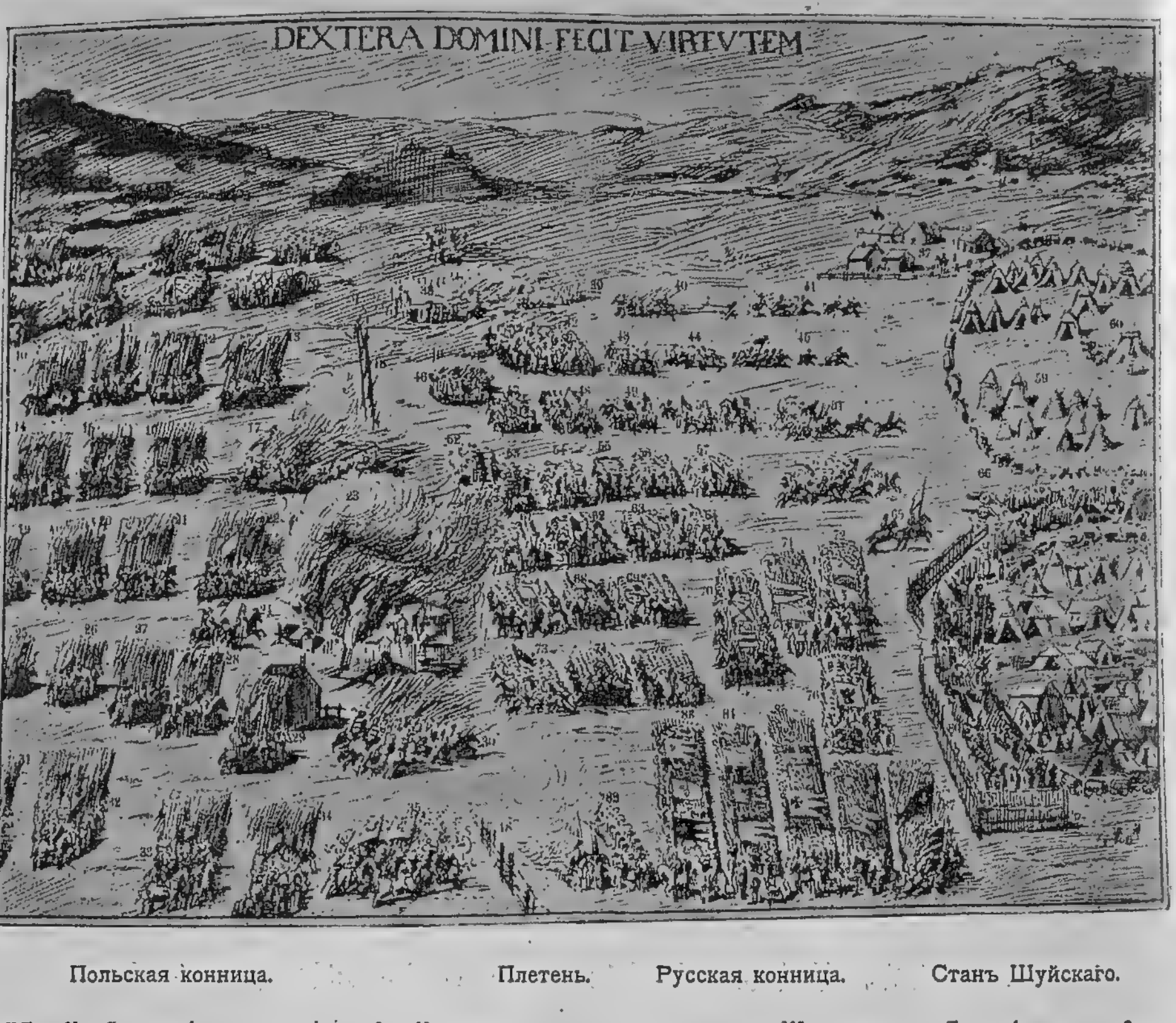
354. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій на пиру у князя Воротынскаго.

Рисунокъ А. Земцова.

крестъ королевичу Владиславу, заставивъ въ свою очередь присягнуть Жолкѣвскаго о сохраненіи въ полной неприкосновенности Православія, обычаевъ, порядковъ и границъ Московскаго Государства: «... Какъ дастъ Богъ, добьетъ челомъ государю наияснѣйшему королевичу Владиславу Жигмонтовичу городъ Смоленскъ, то Жигмонту королю идти отъ Смоленска прочь... А городамъ всѣмъ порубежнымъ быть къ Московскому Государству по-прежнему».

Овладѣвъ Царевымъ-Займищемъ, умный гетманъ, понимая, что дни царствованія Шуйскаго сочтены, двинулся на Москву, отправляя туда во множествѣ грамоты и подметныя письма, съ приглашеніемъ жителей передаться королевичу; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приглашалъ прибыть къ Москвѣ и самого Сигизмунда изъ-подъ Смоленска. При наступленіи Жолкѣвскаго

къ Москвѣ къ нему примкнуло до 10.000 Русскаго войска; это были отряды изъ городовъ Можайска, Борисова, Боровска, Ржева и другихъ, послѣдовавшихъ примѣру Царева-Займища и присягнувшихъ Владиславу. Съ своей стороны и Воръ, свѣдавъ про разгромъ Царскаго войска подъ Клушинымъ, двинулся также изъ Калуги на Москву черезъ Медынь, Боровскъ и Серпуховъ и скоро расположился въ 15 верстахъ отъ нея въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ; у него было до 3.000 Русскихъ и казаковъ, да



355. Изображеніе сраженія подъ Клушиномъ въ костелѣ села Жолкѣва въ Галиціи, на родинѣ гетмана Жолкѣвскаго.

отрядъ Яна Сапѣги, котораго онъ переманилъ къ себѣ за деньги. Воръ разсчитывалъ имѣть успѣхъ передъ Владиславомъ, въ виду того, что многіе Русскіе люди, сидѣвшіе въ Москвѣ и желавшіе низложенія Шуйскаго, сомнѣвались въ томъ, что королевичъ Владиславъ приметъ Православіе; Калужскій-же царикъ выставлялъ себя самымъ горячимъ и ревностнымъ Православнымъ, хотя въ дѣйствительности, какъ мы говорили, едва-ли онъ не былъ Жидомъ.

При движеніи къ Москвѣ, Вору сдалась Коломна, Кашира и отрядъ, оборонявшій монастырь Пафнутія Боровскаго, кромѣ доблестнаго воеводы

послѣдняго, князя Михаила Волконскаго. Увидя, что войска царика ворвались въ обитель, Волконскій бросился въ церковь, сталъ въ ея дверяхъ и со словами: «Умру у гроба Пафнутія чудотворца» бился до тѣхъ поръ, пока не былъ убитъ. Не сдался Вору и городъ Зарайскъ, находившійся по пути его слѣдованія къ Москвѣ. Здѣсь сидѣлъ воеводой уже знакомый намъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Еще до подхода Вора онъ отклонилъ предложеніе Прокофія Ляпунова встать противъ Шуйскаго; когда же граждане Зарайска начали уговаривать его цѣловать крестъ царику, то онъ наотрѣзъ отказался и заперся съ немногими людьми въ кремлѣ, принявъ благословеніе Никольскаго протопопа Димитрія умереть за Православіе и законнаго Государя. Мужественное поведеніе Пожарскаго подѣйствовало на жителей и они заключили съ нимъ такой договоръ: «Будетъ на Московскомъ Государствѣ по старому Царь Василій, то ему и служить, а будетъ кто другой, и тому тоже служить». Послѣ этого Зарайцы такъ укрѣпились духомъ, что смѣло ходили побивать воровскихъ людей и даже вернули обратно городъ Коломну Царю Василію Ивановичу.

Между тѣмъ, жители Москвы, видя, что имъ опять грозитъ осада и борьба съ Поляками и ворами, окончательно потеряли вѣру въ своего нелюбимаго Царя, который «сѣдя на царствѣ своемъ, многіе бѣды прія, и позоръ и лай».

Когда воровскія войска подошли къ столицѣ, то его вожди стали подсылать къ Москвичамъ съ такими рѣчами: «Вы убо оставите своего царя Василія и мы такожде своего оставимъ, и изберемъ вкупѣ всею землею царя и станемъ обще на Литву». Москвичамъ понравилось это предложеніе и 17 іюля они подняли мятежъ; вожаками его были: грубый и буйный Захаръ Ляпуновъ—братъ Прокофія, Ѳеодоръ Хомутовъ и Иванъ Никитичъ Салтыковъ. Князья Василій Васильевичъ Голицынъ, Мстиславскій, Куракинъ и другіе въ мятежѣ прямого участія не принимали, но ничѣмъ ему не противодѣйствовали.

Толпа заговорщиковъ ворвалась во дворецъ и Захаръ Ляпуновъ сталъ дерзко говорить Шуйскому, чтобы онъ сложилъ съ себя Царское званіе, «а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ». Шуйскій не смутился этой рѣчью; онъ грозно прикрикнулъ на Ляпунова и выхватилъ ножъ, чтобы защититься отъ мятежниковъ. Громадный и сильный Ляпуновъ тоже не испугался движенія Царя и отвѣчалъ ему: «Не тронь меня; вотъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего». Но остальные заговорщики стали кричать: «пойдемъ прочь отсюда», и двинулись на Лобное мѣсто, а затѣмъ въ сопровожденіи несмѣтной толпы сбѣгавшагося отовсюду народа направились къ Серпуховскимъ воротамъ, причемъ «взяша и патріарха Ермогѣна насильствомъ... и начаша вопити, чтобъ Царя Василья отставити. Патріархъ же Ермогѣнъ укрѣпляше ихъ и заклинаше. Они же отнюдь не уклоняхусь и на томъ положиша, что свести съ царства царя Василья. Бояре жъ немногіе постояху за него и тѣ тутъ же уклонишась»...

Съ этого вѣча, Царскій свояк, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, отправился во дворецъ объявить Шуйскому о рѣшеніи народа и просилъ его

оставить Царство, взявъ себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. Василій Ивановичъ долженъ былъ, конечно, на это согласиться, и сейчасъ же переѣхалъ съ женой въ свой прежній боярскій дворъ.

Между тѣмъ Тушинцы и не думали слѣдовать примѣру Москвичей. Когда имъ послали объявить, что Василій уже низложенъ и теперь очередь за сведеніемъ Вора, то они, по словамъ лѣтописца, «посмѣяшеся Московскимъ людемъ и позоряху ихъ и глаголаху имъ: «что вы не помните государева крестново цѣлованія, царя своего съ царства ссадили; а намъ де за своего помереть»...

Это обстоятельство дало надежду низложенному Шуйскому на возвращеніе къ власти, и онъ завелъ пересылку со стрѣльцами и многими Московскими людьми. Гермогенъ также громко требовалъ, чтобы Василій Ивановичъ былъ опять посаженъ на Царство. Но зачинщики заговора рѣшили предупредить это. 19 іюля, тотъ же Захаръ Ляпуновъ съ князьями Засѣкинымъ, Тюфякинымъ, Мериномъ-Волконскимъ и другими лицами, взявъ съ собой монаховъ Чудова монастыря, явились къ Шуйскому и потребовали его немедленнаго постриженія. Шуйскій наотрѣзъ отказался. Тогда его схватили и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, насильно постригли. Ляпуновъ съ товарищами держалъ его въ своихъ дюжихъ рукахъ, а князь Тюфякинъ давалъ за Василія Ивановича обѣты постриженія, который не переставалъ кричать: «нѣсть моево желанія и обѣщанія къ постриганью». Гермогенъ, всѣми силами противившійся сверженію Шуйскаго, тотчасъ же призналъ это постриженіе недѣйствительнымъ и заявилъ, что монахомъ сталъ Тюфякинъ, а не Шуйскій. Тѣмъ не менѣе послѣдняго заключили въ Чудовомъ монастырѣ, а затѣмъ постригли и его жену; братьевъ же взяли подъ стражу. «Сверженіе Московскаго Государя», говорилъ С. Ѳ. Платоновъ, «было послѣднимъ ударомъ Московскому государственному порядку. На дѣлѣ этого порядка уже не существовало; въ лицѣ же Царя Василія исчезалъ и его внѣшній символъ... Западныя окраины государства были въ обладаніи иноземцевъ, югъ давно отпалъ въ «воровство»; подъ столицей стояли два вражескихъ войска, готовыхъ ее осадить. Остальныя области государства не знали, кого имъ слушать и кому служить»...

Москва тоже совершенно растерялась и не могла рѣшить: кто же долженъ быть Царемъ. Захаръ Ляпуновъ и его Рязанцы начали «въ голосъ говорити штобъ князя Василія Голицына на господарствѣ поставити». Патріархъ Гермогенъ былъ тоже за избраніе Царя изъ своихъ Русскихъ людей: или князя Василія Васильевича Голицына или сына Филарета Никитича—четырнадцатилѣтняго Михаила Феодоровича Романова. Бояринъ князь Ѳ. И. Мстиславскій не хотѣлъ самъ сѣсть на Царство, такъ какъ всегда говорилъ, что если его выберутъ, то онъ сейчасъ же пострижется въ монахи; но онъ не хотѣлъ также и выбора кого-либо изъ своей братьи, и его взглядовъ держался, повидимому, и бояринъ князь И. С. Куракинъ. Многіе Русскіе люди, побывавшіе въ Тушинѣ, а затѣмъ завязавшіе сношенія съ королемъ, настаивали на избраніи Владислава; чернь стояла за Вора; нако-

нецъ, нашлись и такіе, которые были не прочь видѣть Государемъ Яна-Петра-Сапѣгу.

Огромная толпа народа собралась за Арбатскими воротами и послѣ многихъ преній и криковъ постановленія этого «вѣча» свелись къ тому, что никого изъ своихъ не выбирать. Вопросъ же объ избраніи Владислава оставался пока открытымъ до заключенія съ нимъ договора о принятіи Православія и прочихъ условій, обезпечивающихъ неприкосновенность старыхъ порядковъ Московскаго Государства. Во всякомъ случаѣ, въ это время, большинство склонялось на сторону королевича, какъ это ясно видно изъ словъ лѣтописца: «На Москвѣ жъ бояре и вси люди Московскіе не сослався з городами изобраша на Московское государство Литовского королевича Владислава... Патріархъ же Ермогѣнъ имъ з запрещеніемъ глаголаше: «аще будетъ креститься и будетъ въ православной христіянской вѣрѣ и азъ васъ благословляю; аще не будетъ креститься, то нарушеніе будетъ всему Московскому государству и православной христіанской вѣрѣ, да не буди на васъ наше благословеніе». Бояре же послаша къ етману (Жолкѣвскому) о съѣздѣ. Етманъ же нача съ ними съѣзжатись говорити о королевичѣ Владиславѣ. И на томъ уговоришась, что имъ королевича на царство Московское дати и ему креститися въ православную христіанскую вѣру. Етманъ же Желтовскій говорилъ Московскимъ людямъ, что «дастъ де король на царство сына своего Владислава, а о крещеньѣ де пошлете бити челомъ королю послов». Патріархъ же Ермогѣнъ укрѣпляше ихъ, чтобъ отнюдь безъ крещенья на царство его не сажали; и о томъ укрѣпишася и записи на томъ написаша, что дати имъ королевича на Московское государство, а Литвѣ въ Москву не входити: стоять етману Желковскому съ Литовскими людьми въ Новомъ Дѣвичьѣ монастырѣ, а инымъ полковникомъ стоять въ Можайску. И на томъ укрѣпишася и крестъ цѣловали имъ всею Москвой».

Вслѣдъ за этимъ, Жолкѣвскій подошелъ къ самой Москвѣ; власть же, до рѣшенія вопроса объ избраніи Царя, перешла въ руки боярской думы, получившей извѣстность подъ именемъ «Семибоярщины», такъ какъ въ составъ ея входило семь лицъ, вѣроятно, князья Ѳ. И. Мстиславскій, И. М. Воротынскій, А. В. Трубецкой и А. В. Голицынъ, И. Н. Романовъ, Ѳ. И. Шереметевъ и князь Б. М. Лыковъ. Кромѣ того, лѣтомъ 1610 года, въ нее, говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, «входилъ, безъ сомнѣнія, и кн. В. В. Голицынъ. Былъ ли онъ восьмымъ, или же при немъ не бывалъ въ думѣ кто-либо изъ семи прочихъ лицъ, мы не знаемъ». Дума эта, какъ увидимъ, къ сожалѣнію, не оказалась на высотѣ своего труднаго положенія: «Пріяша власть Государства Русскаго», разсказываетъ одинъ современникъ, «седмь Московскихъ бояриновъ, но ничто же имъ правльшимъ, точію два мѣсяца власти насладишася».

Рѣшенію Москвы выбрать Царемъ Владислава, конечно, сильно способствовало присутствіе Вора подъ стѣнами столицы; онъ сталъ добывать ее со стороны села Коломенскаго, одновременно съ подходомъ Жолкѣвскаго къ Новодѣвичьему монастырю. «Лучше служить королевичу», говорили

Московскіе люди, «чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холоповъ и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться».

Воръ, между тѣмъ, пытался войти въ сношеніе съ королемъ, чтобы освободиться отъ такого опаснаго соперника какъ Владиславъ, и черезъ Сапѣгу предлагалъ выплатить Сигизмунду, Владиславу и Рѣчи Посполитой огромныя деньги, уступить Сѣверскую Землю, а также помогать противъ Шведовъ, какъ только онъ воцарится на Москвѣ. Жолкѣвскому онъ послалъ подарки. Послѣдній отъ нихъ отказался, но пропустилъ воровскихъ пословъ подъ Смоленскъ къ Сигизмунду.

Въ первыхъ числахъ августа, гетманъ помогъ боярамъ отбить нападеніе Вора на столицу, послѣ чего переговоры объ избраніи Владислава значительно подвинулись впередъ. При этомъ Жолкѣвскій рѣшительно заявилъ, что принимаетъ только тѣ условія, на которыхъ Михаилъ Салтыковъ съ другими Тушинскими послами цѣловали крестъ Сигизмунду подъ Смоленскомъ объ избраніи королевича. Что же касается вопроса о принятіи Владиславомъ Православія, на чемъ настаивали бояре, то вопросъ этотъ долженъ быть переданъ на рѣшеніе короля.

И бояре—сдали, и согласились не включать этого основного требованія въ составленныя ими условія договора объ избраніи Владислава, которыя были, повидимому, переданы ими на обсужденіе «земскаго собора случайнаго состава», по выраженію С. Ѳ. Платонова, изъ лицъ отъ Земли, находившихся по тому или другому случаю въ это время въ Москвѣ.

Главнѣйшія условія этого договора, заключеннаго 17 августа между боярами и Жолкѣвскимъ, заключались въ слѣдующемъ: Владиславъ вѣнчается на Царство патріархомъ и Православнымъ духовенствомъ; онъ обязывается блюсти и чтить храмы, иконы и мощи Святыхъ и не вмѣшиваться въ церковное управленіе, равно не отымать у монастырей и церквей ихъ имѣній и доходовъ; въ Латинство никого не совращать и католическихъ и иныхъ храмовъ не строить; въѣздъ Жидамъ въ Государство не разрѣшать; старыхъ обычаевъ не мѣнять; всѣ бояре и чиновники будутъ одни только Русскіе; во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ совѣтоваться съ думой боярской и земской; королю Сигизмунду тотчасъ-же снять осаду Смоленска и вывести свои войска въ Польшу; Сапѣгу отвести отъ Вора; Маринѣ Мнишекъ вернуться домой и впредь Московской государыней не именоваться. Для представленія же королю челобитья о дозволеніи Владиславу креститься въ Православную вѣру должны были отправиться большіе послы изъ Москвы подъ Смоленскъ.

Заключеніе этого договора происходило на серединѣ дороги между Москвой и Польскимъ станомъ. Послѣ присяги бояръ и Жолкѣвскаго въ соблюденіи его условій, въ этотъ же день 17 августа присягнуло на вѣрность Владиславу 10.000 человѣкъ.

На слѣдующій день присяга происходила въ Успенскомъ Соборѣ въ присутствіи Гермогена. Сюда же прибыли изъ подъ Смоленска и Русскіе Тушинцы во главѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ, княземъ Василіемъ Руб-

цомъ Мосальскимъ и Михаиломъ Молчановымъ, которые, по благосклонному отзыву объ нихъ Сигизмунда, «почали служить прежъ всѣхъ» королю.

«Патріархъ же ихъ не благословляше и нача имъ говорить: «будетъ пришли вы въ соборную апостольскую церковь правдою, а не съ лестью и

356. Королевичъ Владиславъ.

Это изображеніе, голова котораго написана знаменитымъ художникомъ Рубенсомъ, является наиболѣе раннимъ изъ всѣхъ существующихъ изображеній Владислава. Хранится въ замкѣ Виляновѣ, близъ Варшавы, принадлежащемъ графу К. Браницкому.

будетъ въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушеніе православной христіянской вѣрѣ, то будетъ на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собору и мое грѣшное благословеніе; а будетъ вы пришли съ лестію, и нарушеніе будетъ въ вашемъ умыслѣ православной христіянской истинной вѣрѣ, то не буди на

васъ милость Божія и Пречистыя Богородицы и бутте прокляты ото всего вселенскаго собору». Якоже тако и збысться слово его. Той же бояринъ Михайло Салтыковъ съ лестію и со слезами глаголаше патріарху, что будетъ прямой истинный государь. Онъ же ихъ благослови крестомъ». Но когда къ кресту подошелъ Михайло Молчановъ, то Гермогенъ возмутился «и повелѣ его ис церкви выбити вонъ безчестне».

Предчувствія Гермогена были вполнѣ справедливы. Цѣлуя крестъ боярамъ въ соблюденіи условій объ избраніи Владислава, Жолкѣвскій отлично зналъ, что Сигизмундъ самъ хочетъ завладѣть Московскимъ Государствомъ, а Владиславъ былъ выставленъ только для виду. Старый гетманъ, какъ мы говорили, вообще не сочувствовавшій всему предпріятію короля, ясно видѣлъ, что Царемъ можетъ быть только Владиславъ и притомъ—лишь при условіи принятія имъ Православія; тѣмъ не менѣе, зная истинныя намѣренія короля, Жолкѣвскій тщательно скрывалъ ихъ отъ бояръ и, какъ увидимъ, дѣйствовалъ очень искусно въ выгодахъ своего повелителя. Черезъ два дня къ гетману пріѣхали изъ-подъ Смоленска Ѳедоръ Андроновъ и Гонсѣвскій и привезли приказъ—приводить Москвичей къ присягѣ не Владиславу, а непосредственно самому королю. Но Гонсѣвскій самъ увидалъ, что это дѣло невозможное, и счелъ за нужное «не открывать этого, боясь, чтобы Москвитяне (коимъ имя его величества короля было ненавистно)», читаемъ мы въ «Запискахъ» Жолкѣвскаго, «не возстали и не обратили желаній своихъ къ самозванцу или къ кому-нибудь другому».

Скрывая отъ бояръ полученное приказаніе короля, Жолкѣвскій приступилъ къ выполненію своего обѣщанія отвести Сапѣгу отъ Вора; вмѣстѣ съ тѣмъ, гетманъ обѣщалъ Вору, если онъ покорится Сигизмунду, выхлопотать ему у сейма Самборъ и Гродно для кормленія. «Но онъ (Воръ) не думалъ симъ удовольствоваться», говоритъ Жолкѣвскій въ своихъ «Запискахъ», «а тѣмъ болѣе жена его (Марина), которая, будучи женщиной властолюбивой, довольно грубо отозвалась: «Пусть его величество король уступитъ его величеству царю Краковъ, и его величество царь отдастъ королю Варшаву».— Марина приказала такъ отвѣтить на предложеніе гетмана, безъ сомнѣнія обнадеженная въ успѣхѣ Вора тѣмъ обстоятельствомъ, что Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Галичъ и Ростовъ стали тайно пересылаться съ нимъ, провѣдавъ, что вопросъ о принятіи Владиславомъ Православія отложенъ.

Сапѣга отвѣчалъ Жолкѣвскому уклончиво, что самъ онъ готовъ отстать отъ Лжедимитрія, но товарищи не хотятъ этого. Въ виду этого, Жолкѣвскій вмѣстѣ съ Московскимъ отрядомъ выступилъ противъ Сапѣги, причемъ первый бояринъ князь Ѳ. И. Мстиславскій, стоявшій во главѣ временнаго правительства, не постыдился поступить подъ начальство гетмана. Завидя отрядъ Сапѣги, наши хотѣли сейчасъ же на него ударить, но Жолкѣвскій, не желая проливать крови своихъ же Поляковъ, вызвалъ Сапѣгу для переговоровъ, и тотъ обѣщалъ ему покинуть Вора. Чтобы отогнать послѣдняго отъ столицы, гетманъ, по согласію съ боярами, провелъ ночью свое

войско черезъ Москву и, соединившись съ Русской ратью, появился передъ воровскимъ отрядомъ, въ которомъ попрежнему были и Сапѣжинцы. На этотъ разъ дѣло опять не дошло до боя, а ограничилось переговорами. Однако, Воръ, не надѣясь больше на Сапѣгу, рѣшилъ отступить въ Калугу, гдѣ къ нему присоединился и атаманъ Донскихъ казаковъ Заруцкій. Сапѣга же отошелъ въ Сѣверскую Землю, для дѣйствій будто бы противъ Вора, но на самомъ дѣлѣ, съ соизволенія Сигизмунда, онъ опять завязалъ съ царикомъ тайныя сношенія, чтобы отвлекать Москвичей отъ замысловъ короля.

При своемъ движеніи ночью черезъ Москву противъ Вора, Жолкѣвскій могъ, конечно, захватить почти беззащитную столицу, но не сдѣлалъ этого и тѣмъ пріобрѣлъ большое довѣріе у бояръ. Послѣ удаленія Вора послѣдовали взаимныя угощенія: Жолкѣвскій задалъ пиръ боярамъ, а тѣ отвѣчали ему тѣмъ же. Затѣмъ гетманъ началъ торопить отправленіе большого посольства подъ Смоленскъ, согласно договора 17 августа, для избранія королевича, и очень ловко повелъ дѣло такъ, что удалилъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы самыхъ опасныхъ для короля людей: умнаго и дѣятельнаго князя В. В. Голицына, который самъ имѣлъ виды на престолъ, и не менѣе умнаго и крѣпкаго Русскаго человѣка Филарета Никитича Романова. Жолкѣвскій уговорилъ бояръ поставить во главѣ посольства Голицына, а Филаретъ долженъ былъ ѣхать подъ Смоленскъ представителемъ всего Православнаго духовенства.

Въ составъ посольства входили кромѣ того: окольничій князь Мезецкій, думный дьякъ Томила Луговской, Захаръ Ляпуновъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и другіе; всего было до 1.200 человѣкъ вмѣстѣ со слугами. Такое большое количество членовъ посольства объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что вмѣстѣ съ послами подъ Смоленскъ отправилась и большая часть того «случайнаго собора», изъ людей отъ Земли, которые находились въ Москвѣ при выработкѣ условій 17 августа объ избраніи Владислава. Посольство покинуло Москву 11 сентября. «Патріархъ же митрополита (Филарета) и бояръ благословляше и укрѣпляше, чтобы постояли за православную, за истинную христіянскую вѣру, ни на какіе бъ прелести бояре не прельстилися. Митрополитъ же Филаретъ даде ему обѣтъ, что умереть за православную за христіанскую вѣру». Филаретъ долженъ былъ потребовать, чтобы королевичъ немедленно крестился у него и у Смоленскаго архіепископа Сергія.

Удаливши изъ Москвы Голицына и Филарета Никитича, Жолкѣвскій поспѣшилъ сдѣлать то же самое и относительно инока по неволѣ, бывшаго Царя Василія Ивановича Шуйскаго; по настоянію гетмана, послѣдній былъ переведенъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, а его братья въ Бѣлую; Царицу же Марію заточили въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Чтобы подготовить легчайшій захватъ Москвы королемъ, Жолкѣвскому оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ: занять столицу и кремль Польскими

отрядами, о чемъ его просили сами бояре, «начаша мыслити, како бы пустити Литву въ городъ, и начаша вмѣщати въ люди, что будто черные люди хотятъ впустить въ Москву Вора... Увѣда же то патріархъ Ермогѣнъ и посла по бояръ и по всѣхъ людей и нача имъ говорити со умиленіемъ и съ великимъ запрещеніемъ, чтобы не пустити Литвы въ городъ. Они же ево не послушаша и пустиша етмана съ Литовскими людьми въ городъ».

Жолкѣвскій, зная малочисленность своего отряда и хорошо помня судьбу Поляковъ въ кровавую ночь, когдъ былъ убитъ первый Лжедимитрій, хотѣлъ стать по слободамъ около столицы. «Мнѣ кажется, гораздо лучше размѣстить войско по слободамъ около столицы», говорилъ онъ представителямъ своего войска, «которая будетъ такимъ образомъ какъ будто въ осадѣ». Но съ нимъ не согласились его подчиненные, желавшіе скорѣе добраться до Царской казны и другихъ сокровищъ, хранящихся въ Москвѣ. «Напрасно ваша милость считаетъ Москву такою могущественною, какъ была она во время Димитрія, а насъ такими слабыми, какъ были тѣ, которые пріѣхали къ нему на свадьбу», отвѣчалъ ему панъ Мархоцкій. «Спросите у самихъ Москвичей, и они вамъ скажутъ, что отъ прихода Рожинскаго до настоящаго времени погибло 300.000 дѣтей боярскихъ... Мы теперь пріѣхали на войну, а не на свадьбу»...

Съ другой стороны бояре, боясь черни, также не переставали просить Жолкѣвскаго ввести Поляковъ въ городъ; на возраженія же по этому поводу Гермогена, обыкновенно столь безцвѣтный князь Ѳ. И. Мстиславскій отвѣчалъ ему, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, съ сердцемъ: «чтобы онъ смотрѣлъ за церковью, а въ мірскія дѣла не вмѣшивался».

Въ ночь съ 20 на 21 сентября была совершена крупнѣйшая изъ всѣхъ ошибокъ, содѣянныхъ седмибоярской думой: Поляки были впущены въ столицу и заняли Кремль, Китай и Бѣлый городъ; кромѣ того ихъ отряды расположились въ Можайскѣ, Бѣлой и Вереѣ для поддержанія сообщеній съ королемъ. Москвичи встрѣтили вступленіе Поляковъ въ столицу совершенно спокойно, такъ какъ передъ этимъ Салтыковъ, Шереметевъ, Андрей Голицынъ и дьякъ Грамотинъ безпрерывно разъѣзжали по городу и уговаривали жителей ничего не предпринимать противъ Ляховъ. Занявъ Москву, Жолкѣвскій завелъ тотчасъ же строжайшіе порядки: всѣ распри между жителями и его воинами должны были разбираться равнымъ числомъ судей отъ Поляковъ и Русскихъ. Когда одинъ пьяный Полякъ выстрѣлилъ въ надворотную икону Божіей Матери, то онъ былъ приговоренъ къ отсѣченію рукъ и сожженъ. Умный гетманъ старался всѣхъ обворожить своей привѣтливостью и безпристрастіемъ и вполнѣ успѣлъ въ этомъ; по его словамъ, даже суровый Гермогенъ началъ съ нимъ видѣться и отзываться о немъ одобрительно. Жолкѣвскому удалось также привлечь на свою сторону Московскихъ стрѣльцовъ, и по его предложенію бояре вручили начальство надъ ними пану Александру Гонсѣвскому, на что и сами стрѣльцы добровольно согласились, «ибо гетманъ всевозможною обходительностью,—читаемъ мы въ «Запискахъ» Жолкѣвскаго,—подарками и угощеньями

такъ привлекъ ихъ къ себѣ, что мужичье это готово было на всякое его мановеніе».

Устроивъ такъ блистательно Польскія дѣла въ Москвѣ, Жолкѣвскій спѣшилъ ее покинуть; онъ отлично понималъ, что отправленное посольство подъ Смоленскъ не будетъ имѣть успѣха, и зналъ, что вѣсть объ этомъ вызоветъ среди жителей столицы большія волненія. Чтобы избѣгнуть столь труднаго для себя положенія и не омрачить своей долголѣтней славы неудачей, онъ и рѣшилъ какъ можно скорѣе выѣхать подъ Смоленскъ, надѣясь, что ему, можетъ быть, удастся своимъ личнымъ присутствіемъ повліять на короля и уговорить его—приступить къ точному выполненію договора 17 августа; совѣтники же Сигизмунда, какъ объ этомъ хорошо зналъ гетманъ, во главѣ съ Яномъ Потоцкимъ, доказывали королю, что овладѣніе всѣмъ Московскимъ Государствомъ, съ подчиненіемъ непосредственно ему, является дѣломъ весьма нетруднымъ.

357. Александръ Гонсѣвскій.

Съ современнаго изображенія въ замкѣ Виляновѣ, близъ Варшавы, графа К. Браницкаго.

Въ виду этихъ причинъ, несмотря на усиленныя просьбы бояръ, Жолкѣвскій покинулъ Москву во второй половинѣ октября, сдавъ главное начальствованіе надъ Польскими войсками Гонсѣвскому. По дорогѣ онъ захватилъ плѣннаго Царя Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями изъ Іосифова-Волоколамскаго монастыря и Бѣлой и съ торжествомъ привезъ ихъ въ королевскій станъ. Патріархъ Гермогенъ, повидимому, предчувствовалъ своимъ чуткимъ сердцемъ этотъ поступокъ Жолкѣвскаго, такъ какъ настаивалъ, чтобы Шуйскіе были сосланы въ Соловки, но его не послушали.

«Етманъ же приде съ царемъ Василіемъ х королю подъ Смоленескъ,—говоритъ лѣтописецъ,—и поставиша ихъ передъ королемъ и объявляху ему свою службу. Царь же Василій ста и не поклонися королю. Они же ему всѣ рекоша: «поклонися королю». Онъ же крѣпко мужественнымъ своимъ разумомъ напослѣдокъ живота своего даде честь Московскому государству и рече имъ всѣмъ: «не довлѣетъ Московскому царю поклонитися королю;

то судьбами есть праведными и Божіими, что приведенъ я въ плѣнъ; не вашими руками взятъ быхъ, но отъ Московскихъ измѣнниковъ, отъ своихъ рабъ отданъ быхъ». Король же и вся рада паны удивишася его отвѣта».

Жолкѣвскій вѣрно оцѣнилъ положеніе Московскаго посольства подъ Смоленскомъ.

Уже съ дороги послы писали въ Москву, что королевскія войска разорили Ржевскій и Зубцовскій уѣзды, но не смогли овладѣть Осташковымъ; Русскихъ же людей, пріѣзжающихъ въ Смоленскъ, заставляютъ присягать не Владиславу, а королю: кто на это соглашается, тѣхъ отпускаютъ съ грамотами на вотчины и имѣнія, а упорствующихъ держатъ подъ стражей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послы доносили, что, вопреки договора съ Жолкѣвскимъ, Сигизмундъ всячески старается овладѣть Смоленскомъ.

Посольство прибыло въ расположеніе королевскихъ войскъ 7 октября, причемъ король «началъ съ того», говоритъ И. Е. Забѣлинъ, «что не далъ посламъ кормовъ и поставилъ ихъ въ полѣ, въ шатрахъ, какъ будто была лѣтняя пора».

12 октября посольство било челомъ Сигизмунду, чтобы онъ отпустилъ Владислава на Царство. На это имъ весьма уклончиво отвѣчалъ великій канцлеръ Левъ Сапѣга, что король хочетъ водворить спокойствіе въ Московскомъ Государствѣ, а для переговоровъ назначитъ время.

Часть Поляковъ, бывшихъ подъ Смоленскомъ, считала нужнымъ исполнить договоръ, подписанный Жолкѣвскимъ, и отпустить Владислава въ Москву, говоря, «что разъ король обѣщалъ и гетманъ присягнулъ, то нельзя сдѣлать клятвопреступникомъ короля, гетмана и цѣлое войско».

Но противъ этого возражали другіе, во главѣ со Львомъ Сапѣгой; они находили, что необходимо прежде всего овладѣть Смоленскомъ, а затѣмъ покорить Московское Государство, и, въ виду молодости Владислава, полагали, что онъ не можетъ самостоятельно управлять столь большой Державою безъ руководителей, а подыскать таковыхъ будетъ невозможно: «Если назначить Поляковъ, Москвитяне оскорбятся, ибо народъ Московскій иностранцевъ не терпитъ... Ввѣрить королевича Московскимъ воспитателямъ—трудно, во-первыхъ уже потому, что тамъ нѣтъ такихъ людей, которые бы умѣли воспитывать государя какъ слѣдуетъ; если станутъ воспитывать его въ своихъ обычаяхъ, то погрузятъ въ грубость государя, подающаго такія надежды... Соединить Поляковъ съ Москвитянами? Но, чтобы они ужились, потребно содѣйствіе Духа Святого, потребны люди съ умѣреннѣйшими характерами... Попы имѣютъ огромное значеніе; они главы народныхъ движеній; съ ними и у старика голова закружится, съ ними надобно покончить, въ противномъ случаѣ ядъ останется безъ лекарства... Говорятъ, что королевичъ окрестится, хорошо же думаютъ они о своемъ избранникѣ: что за кусокъ хлѣба согласится быть отступникомъ и быть въ поруганіи у всѣхъ народовъ и у нихъ. Говорятъ, что это условіе патріархъ внесъ, тѣмъ хуже... Всего бы лучше, если бы взяли въ государи короля, мужа лѣтъ зрѣлыхъ и опытнаго въ управленіи. Но предложить имъ это

опасно: возбудится ихъ подозрительность, взволнуется духовенство ихъ, которое хорошо знаетъ, что король ревностный католикъ... Итакъ предложить имъ прямо короля нельзя: но въ добромъ дѣлѣ открытый путь не всегда приноситъ пользу, особенно, когда имѣемъ дѣло съ людьми неоткровенными; если неудобно дать королю сейчасъ же Царскаго титула, то по крайней мѣрѣ управленіе Государствомъ при насъ останется, а со временемъ откроется дорога и къ тому, что намъ нужно. Мы не будемъ имъ отказывать въ королевичѣ, будемъ стоять при прежнемъ обѣщаніи, а думѣ боярской покажемъ причины, почему мы не можемъ отпустить къ нимъ сейчасъ же королевича, указавъ, что препятствія къ тому не съ нашей, но съ ихъ стороны... причемъ нужно различать знатныхъ людей отъ простого народа: однимъ нужно говорить одно, другому—другое... Если бы они согласились отсрочить пріѣздъ королевича, то говорить, что въ это время Государство не можетъ быть безъ головы, а кого же ближе признать этой главою, какъ не короля, единственнаго опекуна сына своего.... Говорить объ этомъ съ послами, которые теперь у насъ (Филаретъ и Голицынъ), не слѣдуетъ: ихъ выслали изъ Москвы, какъ людей подозрительныхъ; лучше отправить пословъ въ Москву и тамъ толковать съ добрыми людьми; но если кто изъ этихъ пословъ склонится къ намъ, то хорошо будетъ также послать въ Москву».

На этомъ и было порѣшено въ королевскомъ совѣтѣ. Съѣзды пословъ съ Польскими представителями начались 15 октября и на нихъ послы тотчасъ же убѣдились, что Сигизмундъ и не думаетъ выполнять условій, на которыхъ цѣловалъ крестъ 17 августа Жолкѣвскій. Послы прежде всего, на основаніи этихъ условій и клятвы, данной гетманомъ Волуеву и Елецкому, при сдачѣ ими Царева-Займища, просили о снятіи королемъ осады Смоленска. Поляки же, напротивъ, первымъ дѣломъ требовали, чтобы Смоленскъ былъ уступленъ Сигизмунду: «Для чего», говорили они посламъ, «вы не оказали королю до сихъ поръ никакой почести и раздѣляете сына съ отцомъ, за что до сихъ поръ не отдадите королю Смоленска? Вы бы велѣли Смольнянамъ присягнуть королю и королевичу вмѣстѣ и тѣмъ бы оказали почесть королю... Не взявъ государю нашему Смоленска, прочь не отхаживать».

На каждомъ послѣдующемъ съѣздѣ рѣчи Поляковъ становились все рѣзче и рѣзче. 20 октября они заявили посламъ, что если бы король и согласился отступить отъ Смоленска, «то они, паны и все рыцарство, на то не согласятся и скорѣе помрутъ, а вѣковѣчную свою отчину достанутъ». Когда же послы стали читать въ отвѣтъ на это договоръ, заключенный съ гетманомъ, то Поляки на нихъ закричали: «не разъ вамъ говорено, что намъ до гетмановской записи дѣла нѣтъ».

По главному дѣлу—о томъ, дастъ ли Сигизмундъ королевича на Царство и приметъ ли послѣдній Православіе—посламъ было отвѣчено, что королевичъ будетъ отпущенъ не ранѣе созыва сейма, а что касается перехода въ Православіе, то «въ вѣрѣ и женитьбѣ королевича воленъ Богъ и

онъ самъ». Конечно, послѣдній отвѣтъ никого не могъ удовлетворить, и Филаретъ Никитичъ завелъ жаркій разговоръ по этому поводу со Львомъ Сапѣгою. Сапѣга отвѣчалъ ему по обыкновенію уклончиво, но Филаретъ настойчиво требовалъ крещенія Владислава: «А тебѣ Льву Ивановичу

358. Филаретъ Никитичъ.

Съ изображенія въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца въ С.-Петербургѣ.

и больше всѣхъ надо радѣть», говорилъ онъ Сапѣгѣ, «чтобы Государь нашъ королевичъ Владиславъ Жигимонтовичъ былъ въ нашей Православной вѣрѣ Греческаго закона, потому что дѣдъ твой и отецъ и ты самъ и иные вашего рода многіе были въ нашей Православной Христіанской вѣрѣ Греческаго закона, и невѣдомо какимъ обычаемъ ты съ нами теперь разрознился: такъ тебѣ по нашей вѣрѣ пригоже поборать».

Конечно, Сапѣга не внялъ этимъ словамъ. Поляки же начали пугать пословъ извѣстіями объ успѣхахъ Вора, а также и Шведовъ на сѣверѣ Московскаго Государства. Дѣйствительно, между Воровскимъ станомъ въ Калугѣ и Москвой опять завелись «перелеты», а Шведы, въ виду выбора королевича Владислава, сына врага ихъ короля, превратились изъ нашихъ союзниковъ въ противниковъ и недавній другъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго—Яковъ Делагарди, «послѣ несчастной Клушинской битвы», говоритъ Н. М. Карамзинъ, «отступая къ Финляндскимъ границамъ, уже дѣйствовалъ, какъ непріятель: занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ и горстью воиновъ мыслилъ отнять царство у Владислава»... «Видите сами», говорили Поляки посламъ, «сколько на ваше Государство недруговъ смотрятъ, всякій хочетъ что-нибудь сорвать»... и настаивали на сдачѣ Смоленска: «Вы королевича называете своимъ государемъ, а короля отца его безчестите: чего вамъ стоитъ поклониться его величеству Смоленскомъ, которымъ онъ хочетъ овладѣть не для себя, а для своего же сына». Но послы твердо стояли на наказѣ, полученномъ изъ Москвы, и говорили: «Просимъ позволенія отписать въ Москву къ патріарху, боярамъ и ко всѣмъ людямъ, чтобы впередъ дѣлать намъ по ихъ приказу, а безъ того ни на что согласиться не можемъ», и просили при этомъ кормовъ, такъ какъ сами терпѣли крайнюю нужду, а ихъ лошади уже почти всѣ пали отъ безкормицы. На это паны отвѣчали имъ: «Всему этому вы сами причина: если бы вы исполнили королевскую волю, то и вамъ и дворянамъ вашимъ было бы всего довольно», и опять настойчиво требовали сдачи Смоленска. Послы, разумѣется, не соглашались. Тогда взбѣшенные паны стали кричать имъ: «когда такъ, то Смоленску пришелъ конецъ».

При этихъ обстоятельствахъ въ королевскій станъ прибылъ Жолкѣвскій съ Царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ и его братьями.

Послы очень обрадовались пріѣзду гетмана, помня его крестное цѣлованіе и обѣщанія въ Москвѣ. Но, прибывъ въ Смоленскъ, Жолкѣвскій сразу понялъ, что здѣсь царитъ совершенно другое настроеніе, и тоже сталъ уговаривать пословъ, чтобы они согласились на сдачу Смоленска: «Если же вы этого Смольнянамъ не прикажете, то наши сенаторы говорятъ, что король за честь свою станетъ мстить, а мы за честь государя своего помереть готовы, и потому Смоленску будетъ худо»...

«Попомни Бога и душу свою, Станиславъ Станиславовичъ», отвѣчали послы, опечаленные этою перемѣной въ гетманѣ, и стали припоминать ему его договоръ 17 августа и условія, заключенныя съ Волуевымъ и Елецкимъ при Царевомъ Займищѣ, которые началъ тутъ же читать вслухъ думный дьякъ Томила Луговской. Но Левъ Сапѣга не позволилъ Луговскому продолжать чтеніе этого договора и грубо крикнулъ ему: «Вамъ давно запрещено вспоминать про эту запись, вы хотите ею только позорить пана гетмана. Если еще разъ будете говорить объ этой записи, то вамъ будетъ худо». На эту выходку Сапѣги, Жолкѣвскій съ своей стороны прибавилъ: «Я готовъ присягнуть, что ничего не помню, что въ этой записи писано;

писали ее Русскіе люди, которые были со мной, и ее мнѣ поднесли, я, не читавши, руку свою и печать приложилъ, и потому лучше эту запись оставить»...

Затѣмъ Левъ Сапѣга и Жолкѣвскій снова приступили съ настойчивыми требованіями къ посламъ, чтобы они приказали Шеину сдать Смоленскъ. Въ свою очередь и послы опасались за участь города, гдѣ свирѣпствовали болѣзни, и просили гетмана уговорить короля снять осаду.

Хитрый Жолкѣвскій предложилъ имъ на это впустить въ Смоленскъ Польскихъ ратныхъ людей, какъ въ Москву, говоря, что тогда, можетъ быть, король позволитъ Смольнянамъ не цѣловать ему креста. За мысль эту ухватился также Левъ Сапѣга и паны радные, и настоятельно требовали немедленнаго впуска въ осажденный городъ Польскаго отряда, грозя въ противномъ случаѣ тотчасъ же взять его приступомъ и увѣряя, что Шеинъ и Смольняне держатъ сторону Вора.

Филарета не было по болѣзни при этихъ переговорахъ. Когда послы вернулись со съѣзда въ свои шатры и сообщили ему объ угрозахъ Поляковъ—немедленно же идти на приступъ города, если въ него не впустятъ Польскій отрядъ, то доблестный Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ: «Того никакими мѣрами учинить нельзя, чтобы въ Смоленскъ королевскихъ людей впустить; если разъ и немногіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать; а если король и возьметъ Смоленскъ приступомъ мимо крестнаго цѣлованія, то положиться на судьбу Божію, только бы намъ своею слабостью не отдать города».

Затѣмъ были спрошены всѣ посольскіе люди: «Если Смоленскъ возьмутъ приступомъ, то они, послы отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго Государства, не будутъ ли въ проклятіи и ненависти?». Посольскіе люди отвѣчали: «Хотя бы въ Смоленскѣ были наши матери, жены и дѣти, то пусть бы погибли. Да и сами Смольняне думаютъ то же, и скорѣе всѣ помрутъ, но не сдадутся».

Послы объявили это рѣшеніе Полякамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ со слезами просили ихъ не брать города. Но Поляки отвѣчали имъ отказомъ и 21 ноября повели приступъ: они зажгли порохъ въ выкопанномъ ими подкопѣ, взорвали каменную башню и часть городской стѣны и затѣмъ три раза врывались въ городъ, но всѣ три раза были повсемѣстно отбиты мужественнымъ Шеиномъ и защитниками города.

2 декабря Левъ Сапѣга объявилъ посламъ, что Смоленскъ не взятъ, только снисходя на просьбы гетмана и ихъ, и добавилъ: «Государь васъ жалуетъ, позволилъ вамъ писать въ Москву, только пишите правду, лишняго не прибавляйте».

Вслѣдствіе этого, 6 декабря, они послали въ Москву подробную грамоту о всемъ происшедшемъ и просили рѣшенія всей Земли, какъ быть съ непомѣрными требованіями короля; въ ожиданіи же отвѣта, несмотря на декабрьскіе морозы, продолжали жить въ своихъ шатрахъ.

Между тѣмъ, видя, что главные послы—Филаретъ Никитичъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ и думный дьякъ Томила Луговской—непоколебимо стоятъ на полученномъ ими наказѣ, Сигизмундъ сталъ принимать рядъ мѣръ, чтобы добыть себѣ Московское Государство инымъ путемъ, помимо большихъ пословъ.

Мы видѣли, что переговоры съ послами начались 15 октября, а уже на другой день Сигизмундъ пожаловалъ перваго боярина семибоярщины Ѳ. И. Мстиславскаго «первенствующимъ чиномъ Государева конюшаго, за вѣрныя и добрыя службы къ королю и королевичу», говоритъ И. Е. Забѣлинъ. Князь Юрій Трубецкой былъ пожалованъ Сигизмундомъ бояриномъ. Король и Левъ Сапѣга старались всячески склонить на свою сторону возможно больше лицъ изъ членовъ посольства, награждая ихъ жалованными грамотами на помѣстья и щедрыми обѣщаніями. Къ стыду Русскихъ людей весьма многіе прельстились этимъ, причемъ однимъ изъ первыхъ слѣдуетъ назвать знаменитаго келаря Троицко-Сергіевской лавры Авраамія Палицына, отличавшагося особымъ искательствомъ передъ Сигизмундомъ. Затѣмъ измѣнили члены посольства—дьякъ Сыдавный-Васильевъ и думный дворянинъ Василій Сукинъ, которые сами вызвались привести Москву къ присягѣ прямо королю и сообщали ему заранѣе все, что собирались говорить послы на съѣздахъ съ Поляками. Захаръ Ляпуновъ завелъ тоже дружбу съ рыцарствомъ, осаждавшимъ городъ, и съ пренебреженіемъ отзывался о большихъ послахъ. Всѣхъ купленныхъ королемъ посольскихъ людей было болѣе сорока человѣкъ. Онъ соблазнялъ ихъ уѣхать изъ-подъ Смоленска домой, съ цѣлью *раздробить* присланное посольство и лишить его всякаго значенія, а потомъ подготовить въ Москвѣ изъ угодныхъ себѣ людей «новый соборъ отъ всея Земли», который избралъ бы уже его самого на Царство.

Сильно старались Сигизмундъ и Сапѣга склонить къ измѣнѣ и доблестнаго дьяка Томилу Луговского, но это имъ не удалось. Когда 8 декабря Сукинъ, Сыдавный и другіе собирались уже совсѣмъ ѣхать въ Москву, то Сапѣга позвалъ къ себѣ Луговского и, указывая ему на отъѣзжающихъ, одѣтыхъ въ богатыя платья, объявилъ, что они ѣдутъ въ Москву по домамъ, «такъ какъ Сукинъ старъ, а прочіе, живучи здѣсь, проѣлись».

Услышавъ это, Луговской тотчасъ же понялъ, къ чему поведетъ раздробленіе посольства, и сталъ съ жаромъ говорить Сапѣгѣ: «Левъ Ивановичъ! Не слыхано того нигдѣ, чтобы такъ послы дѣлывали, какъ дѣлаютъ Василій и Сыдавный. Покинувъ Государское и Земское дѣло и товарищей своихъ, съ кѣмъ посланы, ѣдутъ къ Москвѣ. Какъ имъ посмотрѣть на чудотворный образъ Пречистыя Богородицы, отъ которой отпущены . . . Хотя бы Василія Сукина и прямо постигла болѣзнь, и ему бы лучше тутъ умереть, гдѣ посланъ, а отъ дѣла не отъѣхати. И старѣе его живутъ, а дѣлъ не мечутъ. Также и Сыдавному: хотя бы онъ и прожился, а еще можно жить... Какъ они къ Москвѣ пріѣдутъ, я ожидаю, что во всѣхъ людяхъ будетъ сумнѣнье и скорбь. Да и въ городахъ, какъ только про то услышатъ, и тамъ, должно

надѣяться, будетъ большая шатость. Гдѣ это слыхано, чтобы послы такъ дѣлали, какъ они дѣлаютъ! Да и митрополиту (Филарету) и князю Василію Васильевичу съ товарищи впередъ нельзя будетъ ничего дѣлать. Послано съ митрополитомъ духовнаго чину пять человѣкъ, а насъ пословъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ также пять человѣкъ: и половину отпусти, а другую оставь... И въ томъ воленъ Богъ, да государь Жигимонтъ король, а намъ впредь никакими мѣрами нельзя ничего дѣлать».

Сапѣга отвѣчалъ на это, что оставшіеся и одни посольское дѣло править могутъ... «И отъ пріѣзда ихъ въ Москву, кромѣ добра, никакого худа быть не можетъ... Авось, на нихъ глядя, и изъ васъ кто захочетъ также послужить вѣрою и правдою. Государь и ихъ также пожалуетъ великимъ своимъ жалованіемъ, помѣстьями и вотчинами...». «Надобно», отвѣчалъ Луговской, «Левъ Ивановичъ, просить у Бога и у короля, чтобы кровь христіанская литься перестала, чтобы Государство успокоилось... А присланы мы къ королевскому величеству не о себѣ бить челомъ и промышлять, но обо всемъ Московскомъ Государствѣ».

Сапѣга долго уговаривалъ Томилу послужить королю «прямымъ сердцемъ» и, наконецъ, обѣщалъ отъ имени Сигизмунда, что онъ наградитъ его всѣмъ «чего только пожелаешь». Услышавъ это, Луговской вѣжливо поблагодарилъ его за королевскую ласку, а Сапѣга, думая, что тотъ уже склонился на Польскую сторону, сталъ тотчасъ же предлагать ему отправиться вмѣстѣ съ Сукинымъ въ Смоленскъ, чтобы уговорить Шеина и Смольнянъ поцѣловать крестъ королю и впустить въ городъ Польскія войска. Но Луговской отвѣчалъ съ негодованіемъ: «Никакими мѣрами этого мнѣ сдѣлать нельзя. Безъ совѣту пословъ не только что того сдѣлать, и помыслить о томъ нельзя, Левъ Ивановичъ! Какъ мнѣ такое дѣло сдѣлать, которымъ на себя во вѣки проклятіе навести. Не токмо Господь Богъ и люди Московскаго Государства мнѣ не потерпятъ, и *земля меня не понесетъ!* Я присланъ отъ Московскаго Государства въ челобитчикахъ, а мнѣ первому же соблазнъ въ люди положить. Нѣтъ, по Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринути себя въ море, нежели соблазнъ такой учинить. Да и королевскому дѣлу, Левъ Ивановичъ, въ томъ прибыли не будетъ. Я знаю подлинно, что подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, а они и тѣхъ не послушали. А если мы поѣдемъ и объявимся ложью, то они впередъ и крѣпчае того будутъ и никого уже не станутъ слушать».

«Ты только съѣзди и себя имъ покажи, а говорить съ ними будетъ Василій Сукинъ. Онъ ждетъ тебя и давно готовъ»—настаивалъ Сапѣга.

«Безъ митрополита и безъ князя мнѣ ѣхать нельзя»—повторялъ ему Луговской. «Да и Василью ѣхать непригоже, и отъ Бога ему не пройдетъ. Коли хочетъ, пусть ѣдетъ, въ томъ его воля».

Узнавъ отъ Томилы его разговоръ съ Сапѣгой, большіе послы стали всѣми силами противиться коварному умыслу Сигизмунда—раздробить ихъ посольство, такъ какъ ясно поняли, что дѣло сведется къ его

упраздненію. «На другой день послѣ разговора Сапѣги съ Луговскимъ *прямые* послы», говоритъ И. Е. Забѣлинъ, «призвали своихъ *кривыхъ* товарищей-измѣнниковъ и говорили имъ, чтобы они помнили Бога и души свои, да и то, какъ они отпущены изъ соборнаго храма Пречистыя Богородицы отъ чудотворнаго Ея образа... и не метали бы Государскаго Земскаго дѣла, къ Москвѣ бы не ѣздили; промышляли бы о спасеніи родной Земли, ибо обстоятельства безвыходны: сами видятъ, какъ Государство разоряется, кровь льется безпрестанно и не вѣдомо, какъ уймется; что, видя все это, какъ имъ ѣхать въ Москву, покинуть такое великое дѣло. «А у насъ, прибавляли послы, не то что кончается, а дѣло (уговоръ съ королемъ) еще и не начиналось». «Послалъ насъ король съ грамотами, какъ намъ не ѣхать, отвѣтили кривые, вовсе не помышляя о томъ, что король еще не былъ ихъ государемъ и не могъ, по правамъ посольства, распоряжаться чужими послами». Затѣмъ кривые, награжденные великимъ жалованіемъ короля, уѣхали изъ-подъ Смоленска.

Такимъ образомъ, въ началѣ декабря послѣдовало распаденіе великаго посольства въ королевскомъ станѣ; оставшіеся въ немъ «прямые» послы продолжали терпѣть холодъ и голодъ и были скорѣе на положеніи нищихъ, чѣмъ пословъ; тѣмъ не менѣе они непоколебимо оставались на стражѣ Православія и Русской народности и, несмотря на бдительный надзоръ, умѣли сноситься съ Шеинымъ и поддерживали въ немъ рѣшимость продолжать защиту города до послѣднихъ силъ.

Одновременно съ этимъ распалось и боярское правительство въ Москвѣ. «Оно было замѣнено,—говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—совершенно новымъ правительственнымъ кружкомъ», дѣйствовавшимъ уже всецѣло въ угоду Сигизмунда.

Мы видѣли, что, еще въ бытность Жолкѣвскаго въ Москвѣ, въ столицу стали прибывать изъ королевскаго стана подъ Смоленскомъ—бывшіе Тушинскіе бояре—«тѣ враги богаотмѣтники Михайло Салтыковъ да князь Василей Мосальскій съ товарыщи». Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ въ Москву также вѣрный слуга короля—торговый мужикъ, кожевникъ Ѳедоръ Андроновъ. Сигизмундъ, разумѣется, всячески покровительствовалъ этимъ измѣнникамъ, прямо державшимъ его сторону, и приказывалъ боярской думѣ устроивать всѣ ихъ частныя дѣла.

Со своей стороны и бояре также были въ высшей степени угодливы по отношенію къ королю. Какъ мы видѣли, Мстиславскій былъ пожалованъ имъ въ конюшіе «за дружбу и радѣніе», а Ѳ. И. Шереметевъ не стыдился писать унизительныя письма къ Льву Сапѣгѣ, чтобы онъ билъ челомъ королю и королевичу объ его вотчинныхъ деревнишкахъ. Били челомъ королю о пожалованіи ихъ землею и прочими милостями и множество другихъ людей: бывшій дьякъ Василій Щелкаловъ, Аѳанасій Власьевъ, старица-инокиня Марѳа Нагая и др. Такимъ путемъ, часть Московскихъ правящихъ людей постепенно стала признавать короля властителемъ Государства, въ ожиданіи пока прибудетъ королевичъ, что, какъ мы видѣли, вполнѣ совпа-

дало съ намѣреніями Сигизмунда, не замедлившаго необыкновенно щедро раздавать прямо отъ своего имени жалованныя грамоты всѣмъ обращавшимся къ нему за милостями. Болѣе всего былъ награжденъ его ревностный слуга Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ; имъ были пожалованы богатѣйшія волости: Чаранда, Тотьма, Красное, Решма и Вага, бывшія прежде въ обладаніи семей Годуновыхъ и Шуйскихъ, когда тѣ находились у власти.

Другимъ ревностнымъ слугой короля былъ торговый мужикъ Ѳедоръ Андроновъ. Сигизмундъ рѣшилъ приставить его къ Царской казнѣ. «Ѳедоръ Андроновъ», писалъ онъ боярамъ, «намъ и сыну нашему вѣрою служилъ и до сихъ поръ служитъ, и мы за такую службу хотимъ его жаловать, приказываемъ вамъ, чтобы вы ему велѣли быть въ товарищахъ съ казначеемъ нашимъ Василіемъ Петровичемъ Головинымъ». Иначе выражается про Андронова лѣтописецъ: «а король прислалъ въ казначѣи Московскаго измѣнника, торговаго мужика гостинной сотни Федьку Андроникова. Онъ же ноипаче Московскимъ людямъ пакость дѣлаше».

Скоро Андроновъ съ «бояриномъ» Гонсѣвскимъ стали распоряжаться Царской казной, какъ своей собственной. Лучшія вещи отправлялись королю подъ Смоленскъ, но хорошо нагрѣлъ себѣ руки около этой казны и Гонсѣвскій [1]).

По пріѣздѣ въ Москву усердный Андроновъ сталъ тотчасъ давать совѣты королю—что необходимо держать подъ Москвой Польскій отрядъ въ полной готовности противъ жителей, а затѣмъ посадить во всѣ приказы «надежныхъ людей» изъ бывшихъ Тушинцевъ, преданныхъ Сигизмунду. Про тѣхъ же, которые держали сторону патріарха и стояли за охрану Православія и стараго уклада Московскаго Государства, Андроновъ писалъ: «А когда приберемъ ихъ къ рукамъ, тогда и штуки ихъ эти мало помогутъ: надѣемся на Бога, что со временемъ всѣ ихъ штуки уничтожимъ и умыселъ ихъ на иную сторону обратимъ, на правдивую».

Король внялъ совѣту Андронова и отдалъ распоряженіе, чтобы всѣ важнѣйшія должности въ столицѣ были заняты вполнѣ благонадежными людьми. «Москвой», говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, «должны были управлять именемъ короля Тушинскіе воровскіе бояре и дьяки».

Самъ Андроновъ сѣлъ, какъ мы видѣли, рядомъ съ именитыми боярами въ ихъ думѣ, съ важнымъ званіемъ казначея. Всѣ же остальные «вѣрные слуги» Сигизмунда изъ бывшихъ Тушинцевъ были распредѣлены по Московскимъ приказамъ распоряженіемъ короля отъ 10 января 1611 года: Михайло Молчановъ—на Панскій; кн. Ю. Хворостининъ—на Пушкарскій; дьякъ И. Грамотинъ—на Посольскій, получивъ званіе великаго печатника, Иванъ Салтыковъ въ Казанскомъ дворцѣ и т. д.

---

[1]) Въ числѣ Царскихъ драгоцѣнностей было литое изъ золота изображеніе Спасителя, цѣною въ 30.000 золотыхъ. Гонсѣвскій и Андроновъ разбили его на куски, чтобы продать.

Еще ранѣе этого, въ серединѣ октября 1610 года, какой-то попъ, не то Харитонъ, не то Никонъ, показалъ на пыткѣ Гонсѣвскому, что бояре сносятся съ Воромъ и хотятъ сообща съ нимъ изгнать Поляковъ изъ Москвы. Дѣло это представляется очень темнымъ и притомъ маловѣроятнымъ, въ виду боязни бояръ вліянія Вора на чернь и ихъ угодливости по отношенію Сигизмунда, но Гонсѣвскій поспѣшилъ воспользоваться этимъ оговоромъ и съ той поры пересталъ стѣсняться съ боярами; онъ ввелъ въ кремль нѣсколько сотъ Нѣмецкихъ наемниковъ, разставилъ пушки по стѣнамъ и окончательно взялъ управленіе городомъ въ свои руки. «Онъ даже», говоритъ С. Ѳ. Платоновъ «арестовалъ князей А. В. Голицына, И. М. Воротынскаго, и А. Ѳ. Засѣкина. Остальные же бояре, хотя и не были даны «за приставовъ», однако, чувствовали себя «все равно, что въ плѣну», и дѣлали то, что имъ приказывалъ Гонсѣвскій и его пріятели; отъ имени бояръ составлялись грамоты: боярамъ же приказывали руки прикладывать—и они прикладывали». «Гонсѣвскій съ людьми, присягнувшими королю», читаемъ мы въ «Исторіи» С. Соловьева, «управлялъ всѣмъ: когда онъ ѣхалъ въ думу, то ему подавали множество челобитныхъ; онъ приносилъ ихъ къ боярамъ, но бояре ихъ не видали, потому что подлѣ Гонсѣвскаго садились Михаилъ Салтыковъ, князь Василій Мосальскій, Ѳедоръ Андроновъ, Иванъ Грамотинъ; бояре и не слыхали, что онъ говорилъ съ этими своими совѣтниками, что приговаривалъ»...

Особенно оскорбляло бояръ, что выше ихъ въ думѣ сидитъ торговый мужикъ Ѳедоръ Андроновъ. Но не былъ доволенъ высокимъ положеніемъ Ѳедора Андронова и другой измѣнникъ—Михайло Салтыковъ; между обоими немедленно возникла жестокая вражда и оба наперерывъ старались писать другъ на друга доносы Сапѣгѣ для доклада королю.

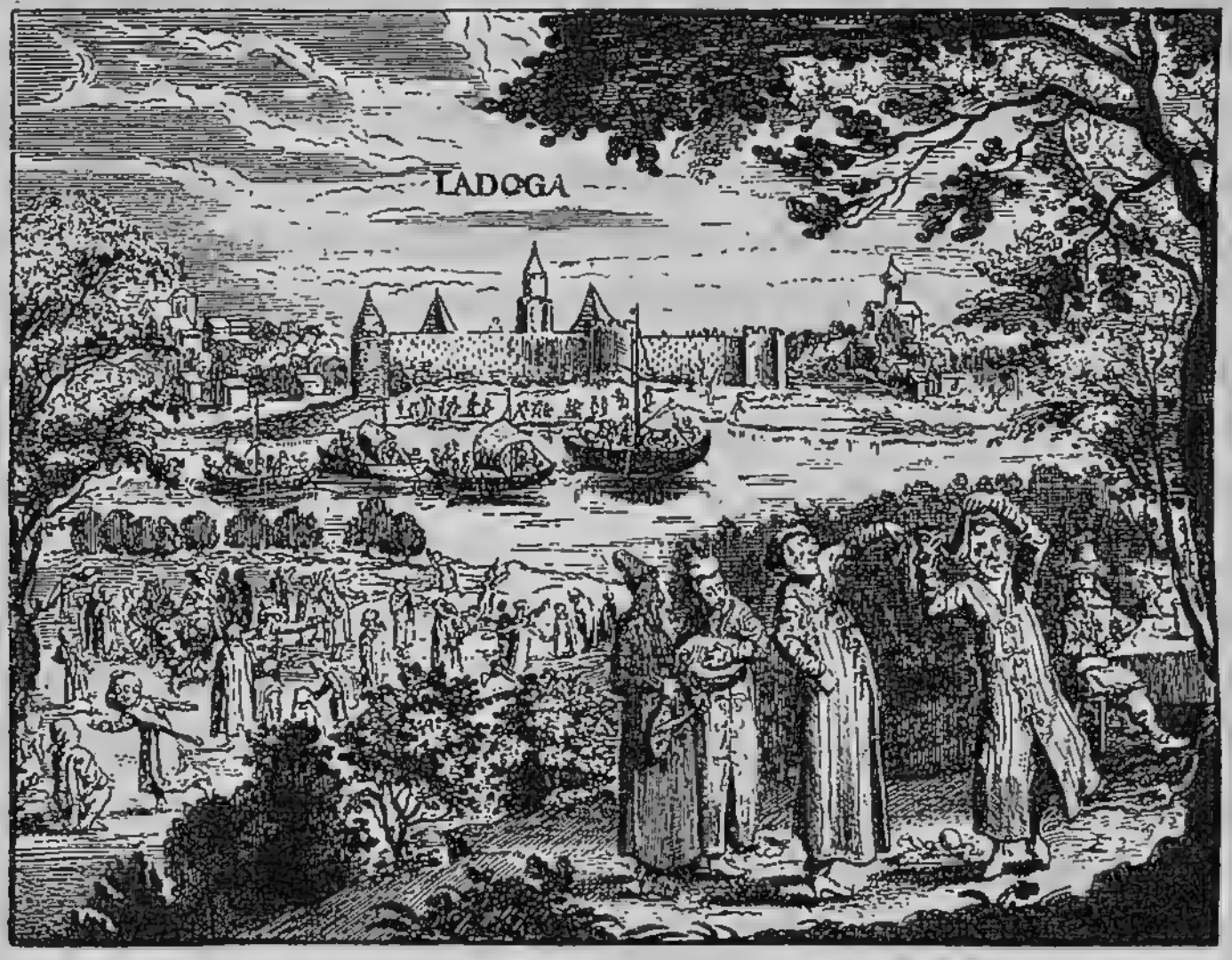
Такъ, къ началу 1611 года, послѣ распада великаго посольства подъ Смоленскомъ, распалось и боярское правительство въ Москвѣ и замѣнилось властью Польскаго воеводы Гонсѣвскаго и кружкомъ Русскихъ измѣнниковъ, исключительно преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли и уже продавшихъ Родину Сигизмунду за полученныя отъ него и обѣщанныя въ будущемъ выгоды.

По мнѣнію С. Ѳ. Платонова, королю оставалось сдѣлать всего одинъ шагъ, чтобы объявить себя, вмѣсто сына, Московскимъ Царемъ: надо было образовать въ Москвѣ покорный себѣ «совѣтъ всея Земли», который его бы и избралъ на Царство.

Къ счастью, однако, до этого дѣло не дошло. Жители Москвы становились все болѣе и болѣе недовольными Поляками, которые начали держать себя вызывающе и нагло, хотя и соблюдали величайшую осторожность, причемъ, для предупрежденія возможности возстанія, Гонсѣвскій вывелъ 18.000 стрѣльцовъ изъ Москвы подъ предлогомъ направленія ихъ противъ Шведовъ. Во многихъ городахъ тоже не хотѣли цѣловать крестъ Владиславу, такъ какъ Польскіе и Литовскіе люди вездѣ грабили, жгли и безчинствовали. Новгородцы отказались принять сына Ми-

хаила Салтыкова, Ивана, прибывшаго къ нимъ съ войскомъ для защиты ихъ отъ Шведовъ, у которыхъ онъ отнялъ вскорѣ Ладогу, и, только послѣ полученнаго увѣщанія изъ Москвы отъ бояръ, впустили его къ себѣ съ одними Русскими людьми. Вятка и Казань прямо присягнули Вору, причемъ въ Казани былъ убитъ сидѣвшій тамъ воеводой знаменитый Богданъ Бѣльскій. Наконецъ, другіе города тоже стали сноситься между собой о присягѣ Вору.

А между тѣмъ, 11 декабря 1610 года, случилось происшествіе, имѣвшее большое значеніе на дальнѣйшій ходъ событій въ Московскомъ Государствѣ. Калужскій царикъ неожиданно окончилъ свою жизнь. Незадолго до этого Воръ приказалъ умертвить бывшаго у него Касимовскаго хана Урмамета,



359. Видъ древней Ладоги.

Изъ книги XVII вѣка: Описаніе путешествія въ Московію Адама Олеарія.

за что крещеный Татаринъ Петръ Урусовъ рѣшилъ ему отомстить. Урусовъ пригласилъ 11 декабря царика поохотиться за зайцами и тамъ со своими товарищами убилъ его, послѣ чего бѣжалъ въ Крымъ. Неизмѣнный другъ Вора, шутъ Кошелевъ, прискакалъ съ этимъ извѣстіемъ въ Калугу. Марина въ отчаяніи стала призывать всѣхъ къ мести, но убійцы были уже далеко. Черезъ нѣсколько же дней Марина родила сына, получившаго извѣстность подъ печальнымъ наименованіемъ Воренка: «а Сердормирскаго дочь», говоритъ лѣтописецъ, «Маринка, которая была у Вора, родила сына Ивашка. Колужскіе жъ люди всѣ тому обрадовались и называху его царевичемъ и крестиша ево честно». Однако, радость Калужанъ была непродолжительна. Скоро къ нимъ прибылъ изъ Москвы князь Юрій Трубецкой съ отрядомъ и заставилъ ихъ цѣловать крестъ Владиславу, чему они нехотя подчинились. Марина же съ сыномъ была заключена въ тюрьму.

360. Святѣйшій Гермогенъ, патріархъ Московскій и всея Русіи.

Изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, составленной въ 1672 году подъ заглавіемъ: „Монархія Великаго Россійскаго Царствія, великихъ Государей, Царей и великихъ князей Россійскихъ корень изъиде отъ превысочайшаго цесарскаго престола и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною".

Послѣ смерти Вора «лучшіе люди, которые согласились признать царемъ Владислава», говоритъ С. Соловьевъ, «изъ страха покориться казацкому царю, теперь освобождались отъ этого страха и могли дѣйствовать

свободнѣе противъ Поляковъ. Какъ только на Москвѣ узнали, что Воръ убитъ, то, по словамъ современнаго извѣстія, Русскіе люди обрадовались и стали другъ съ другомъ говорить, какъ бы всей Землѣ, всѣмъ людямъ соединиться и стать противъ Литовскихъ людей, чтобы они изъ Земли Московской вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ цѣловали».

Патріархъ Гермогенъ, извѣщенный тайной грамотой отъ Филарета и Голицына объ истинныхъ замыслахъ Сигизмунда, также началъ во второй половинѣ декабря 1610 года открыто призывать къ изгнанію Ляховъ изъ предѣловъ Московскаго Государства, «повелѣвати на кровь дерзнути», и сталъ разсылать по городамъ грамоты, въ которыхъ объявлялъ объ измѣнѣ короля, разрѣшалъ всѣхъ отъ присяги королевичу и призывалъ, чтобы «собрався всѣ въ зборъ со всѣми городы, шли къ Москвѣ на Литовскихъ людей».

Изъ Земскихъ людей первымъ откликнулся на призывъ патріарха—пылкій Прокофій Ляпуновъ, вѣрно служившій Владиславу до смерти Вора; уже въ самомъ началѣ января 1611 года онъ поднялъ своихъ Рязанцевъ. Жители Нижняго Новгорода и Ярославля встали также тотчасъ же по призыву «второго Златоуста», святителя Гермогена, противъ Поляковъ; Нижегородскіе ходоки, «безстрашные люди»—боярскій сынъ Романъ (Ратманъ) Пахомовъ и посадскій человѣкъ Родіонъ Мосѣевъ поддерживали сношенія своего городского міра съ Гермогеномъ и успѣшно проникали къ нему, несмотря на то, что Московскіе измѣнники, во главѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ и Ѳедоромъ Андроновымъ, всячески тѣснили святителя; измѣнники эти не замедлили послать Сигизмунду доносъ о дѣйствіяхъ Прокофія Ляпунова и патріарха, и чтобы лишить Гермогена возможности сноситься съ городами, употребили противъ него насиліе, разграбили его дворъ и отобрали всѣхъ дьяковъ, подьячихъ и дворовыхъ людей. Самъ же Гермогенъ пребывалъ все время подъ неослабнымъ надзоромъ въ Кремлѣ, «аки птица въ заклепѣ».

Но великій старецъ продолжалъ неуклонно свое святое служеніе Родинѣ и мощнымъ словомъ призывалъ всѣхъ не медля ополчаться на Ляховъ. Слухъ о чинимыхъ ему насиліяхъ быстро разнесся по Землѣ и послужилъ къ еще большему одушевленію всѣхъ крѣпкихъ Русскихъ людей—встать противъ враговъ Вѣры и Отечества.

Города опять начали дѣятельно пересылаться между собой и чтеніе ихъ отписокъ поразительно напоминаетъ посланія другъ къ другу христіанскихъ общинъ первыхъ вѣковъ.

Смольняне, изъ-подъ королевскаго стана, писали къ: «Господамъ братьямъ нашимъ всего Московского государьства.—Братія есми и сродницы, понеже отъ святыя купѣли святымъ крещеніемъ породихомся и обѣщахомся вѣровати во святую и единосущную Троицу, Богу живу, истинну, вси православніи крестьяне... Во всѣхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, гдѣ завладѣли Литовскіе люди, не поругана-ли наша крестьянская вѣра и не разорены-ли Божія церкви... Васъ же всѣхъ Московскихъ людей Литовскіе люди зовутъ

собѣ противниками и врагами собѣ... Не будете толко нынѣ въ соединеніи, обще со всею землею, горько будетъ плакати и рыдати неутѣшимымъ вѣчнымъ плачемъ; перемѣнена будетъ вѣра крестьянская въ Латынство и разорятся Божественныя церкви со всею лѣпотою... Не помнѝте того и не смышляйте никоторыми дѣлы, что быть у насъ на Москвѣ королевичу Государемъ... всѣ люди въ Полшѣ и въ Литвѣ никако того не поступятся, что дати королевича на Московское государьство, мимо своего государьства; много о томъ было у Литвы на соймищѣ думы со всею землею да и положено на томъ, чтобъ вывесть лутчихъ людей, и опустошить всю землю, и владѣти всею землею Московскою. Здѣ мы не мало время живемъ и подлинно про то вѣдаемъ, для того и пишемъ къ вамъ. Для Бога, положите о томъ крѣпкой совѣтъ межъ собя: пошлите въ Новгородъ, и на Вологду, и въ Нижней, нашу грамотку, списавъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо, всею землею обще стати за православную крестьянскую вѣру, покамѣста еще свободны, а не въ работѣ и въ плѣнъ не розведены»....

Московскіе люди горячо откликнулись на призывъ Смольнянъ: они стали пересылать ихъ грамоту въ другіе города и сами писали, прося прійти на выручку столицы отъ Поляковъ: «Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ крестьяномъ, общимъ всѣмъ народомъ Московского государьства, господамъ братьямъ своимъ, православнымъ крестьяномъ... Здѣсь образъ Божія Матере, вѣчныя заступницы крестьянскія, Богородицы, ея же Евангелистъ Лука написалъ; и великіе свѣтилники и хранители, Петръ и Алексѣй и Іона Чюдотворцы; или вамъ, православнымъ крестьяномъ, то ни во что жъ поставить?... Писали къ намъ истину братья наша, и нынѣча мы сами видимъ вѣрѣ крестьянской перемѣненіе въ Латынство и церквамъ Божьимъ разоренье... И вамъ бы однолично, для всемилостиваго Бога, на него жъ имѣемъ надежду, чтобы послать грамоту тое, что писана къ вамъ отъ братьи нашей изъ-подъ Смоленска, и сю нашу грамоту, и свой совѣтъ отпишите во всѣ городы, чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель конечная. Повѣрте тому нашему писму: ей, поистинѣ, немногіе въ слѣдъ идутъ съ предатели крестьянскими, съ Михайломъ Салтыковымъ, да съ Ѳедоромъ Ондроновымъ съ своими совѣтники! А у насъ, православныхъ крестьянъ, вначалѣ Божія милости и Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чюдотворцовъ, да первопрестолникъ Апостолныя церкви святѣйшій Ермогенъ Патріархъ прямъ яко самъ пастырь, душу свою за вѣру крестьянскую полагаетъ несумѣнно, а ему всѣ крестьяне православные послѣдуютъ, лише неявственно стоятъ...».

«.... И въ нынѣшномъ, господа, 119 году (1611) Февраля въ 23 день»— писали вслѣдъ затѣмъ Устюжане Пермичамъ, «пріѣхалъ къ намъ на Устюгъ, съ Тотмы, Тотомской посылщикъ Олешка Добрышинъ, а привезъ съ собою списки съ отписокъ, съ отписки изъ подъ Смоленска, и изъ Нижнего Новгорода, и съ Рязани, и съ ... (пропускъ въ подлинникѣ) цкихъ, и съ Ярославскихъ, и съ Суздальскихъ: и мы съ тѣхъ отписокъ и съ списковъ списки списавъ, послали къ вамъ въ Пермь Великую, чтобы вамъ про то было вѣдомо;

*

а мы съ тѣхъ списковъ списавъ списки, разослали въ Новгородъ Великій, и на Колмогоры, и на Вагу, и къ Солѣ Вычегоцкой, и на Вычегду, и на Вымь, чтобы намъ всѣмъ православнымъ христьяномъ единодушно стояти за православную христьянскую вѣру и Московскому государьству помогати; а мы на Устюгѣ ратныхъ людей сбираемъ, а собравъ пошлемъ подъ Московское государьство, въ сходъ къ бояромъ и къ воеводомъ и къ дворяномъ и къ дѣтемъ боярскимъ, тотчасъ, вскорѣ, не задержавъ, для Московскаго очищенья отъ Литовскихъ людей.—И вамъ бы, господа, съ нашія отписки и съ списковъ списки, списавъ, послати на Верхотурье и въ Сибирскіе во всѣ городы тотчасъ, не задержавъ, съ своимъ посылщикомъ, чтобы имъ про то было также вѣдомо».

Въ томъ же февралѣ 1611 года, Нижегородцы писали Вологжанамъ: «Въ нынѣшномъ 119 году писали мы къ вамъ напередъ сего многажды и гонцовъ отъ себя послали, чтобъ вамъ прислати къ намъ, для договору и о добромъ совѣтѣ, людей добрыхъ изо всѣхъ чиновъ, сколко человѣкъ пригоже; а самимъ бы вамъ, собрався съ ратными людми и съ нами съ околными городы сослався, стати за православную крестьянскую вѣру и за Московское государьство, на Полскихъ и на Литовскихъ людей, заодинъ, чтобы Полскіе и Литовскіе люди Московского государьства не овладѣли и нашія общія православныя крестьянскія вѣры въ Латынство не превратили... И вамъ бы, господа, попамятуя Бога и Пречистую Богородицу и Московскихъ Чюдотворцовъ Петра, Алексѣя, Іону, собрався съ ратными людми и сослався съ околными городы и съ нами, итти къ царьствующему граду Москвѣ... И вамъ бы, господа, однолично поспѣшити походомъ, чтобъ намъ Московскому государьству вскорѣ помочь учинити. А съ Рязани думной дворянинъ Прокофей Ляпуновъ, а съ Колуги бояре, по ссылкѣ съ Сиверскими и съ Украйными городы, ко царьствующему граду Москвѣ на Полскихъ и на Литовскихъ людей пошли».

Черезъ нѣсколько дней Нижегородцы вновь писали Вологжанамъ: «Писали мы къ вамъ прежъ сего, чтобы вамъ на Вологдѣ и въ уѣздѣ собрати всякихъ ратныхъ людей, конныхъ и съ лыжми, и велѣти имъ со всею службою готовымъ быти въ походъ къ Москвѣ; а Генваря въ 27 день писали къ намъ съ Резани, воевода Прокопей Ляпуновъ и дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди Рязанскія области, что они, по благословенію святѣйшаго Ермогена, Патріарха Московскаго и всеа Русіи, собрався со всѣми Сиверскими и Украйными городы, и съ Тулою, и съ Колужскими со всѣми людми, идутъ на Полскихъ и на Литовскихъ людей къ Москвѣ... Да того жъ дни прислалъ къ намъ святѣйшій Ермогенъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, двѣ грамоты: одну ото всякихъ Московскихъ людей, а другую, что писали изъ подъ Смоленска Московскіе люди къ Москвѣ, а мы тѣ грамоты, подклея подъ сю грамоту, послали къ вамъ на Вологду; да приказывалъ къ намъ святѣйшій Ермогенъ Патріархъ, чтобы намъ, собрався съ околными и съ Поволскими городы, однолично идти на Полскихъ и на Литовскихъ людей, къ Москвѣ, вскорѣ. И мы, по благословенью и по приказу святѣйшаго Ермогена, Патріарха Мо-

сковского и всеа Русіи, собрався со всѣми людми отъ Нижнего и съ околными людми, идемъ къ Москвѣ... И вамъ бы, господа, однолично пожаловати, на Вологдѣ и во всемъ уѣздѣ собрався со всякими ратными людми, на конѣхъ и съ лыжами, итти со всею службой къ намъ въ сходъ тотчасъ, немотчавъ, какъ изъ Нижнего къ вамъ отпишемъ, гдѣ вамъ придти въ сходъ: и однолично бы къ Москвѣ подвигъ учинить вскорѣ, не иного чего ради, но избавы крестьянскія, чтобъ топерво Московскому государьству помочь на Полскихъ и на Литовскихъ людей учинити вскорѣ, докамѣста Московского государьства и окрестныхъ городовъ Литва не овладѣли и крестьянскія вѣры ничѣмъ не порушили, и докамѣста многіе люди не прельстилися и крестьянскія вѣры не отступили, чтобы всѣмъ намъ топерво за православную крестьянскую вѣру и за свои души стати за одинъ»...

Къ этой грамотѣ Вологжанамъ, Нижегородцы приложили списокъ полученной ими грамоты, въ «преименитый Новгородъ Нижней», отъ Прокофія Ляпунова, который, между прочимъ, писалъ:... «Генваря, господа, въ 24 день, писали вы къ намъ съ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Оникіевымъ, что Генваря жъ въ 12 день пріѣхали съ Москвы къ вамъ, въ Нижней, сынъ боярской Романъ Пахомовъ, да посадской человѣкъ Родіонъ Мосѣевъ, которые посланы были отъ васъ къ Москвѣ, ко святѣйшему Ермогену Патріарху Московскому и всеа Русіи и ко всей земли, съ отписками и для подлинныхъ вѣстей; а въ роспросѣ, господа, вамъ сказывали, что приказывалъ съ ними въ Нижней къ вамъ святѣйшій Ермогенъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, рѣчью; а писма, господа, къ вамъ не привезли, что де у него писати некому, діяки и подьячіе и всякіе дворовые люди поиманы, а дворъ его весь розграбленъ... И мы, господа, про то вѣдаемъ подлинно, что на Москвѣ святѣйшему Ермогену, Патріарху Московскому и всеа Русіи, и всему освященному собору и христоименитому народу, отъ богоотступниковъ отъ бояръ и отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей гоненье и тѣснота велія; и мы бояромъ Московскимъ давно отказали и къ нимъ о томъ писали, что они, прелстяся на славу вѣка сего, Бога отступили и приложилися къ Западнымъ и къ жестосерднымъ, на своя овца обратились; а по своему договорному слову и по крестному цѣлованью, на чемъ имъ договоряся корунный гетманъ Желковской королевскою душею крестъ цѣловалъ, ничего не совершили. И на томъ, господа, мы сослався съ Колуженскими и съ Тулскими и съ Михайловскими и всѣхъ Сиверскихъ и Украйныхъ городовъ со всякими людми, давно крестъ цѣловали, что намъ за Московское государьство съ ними и со всею землею стояти вмѣстѣ, заодинъ, и съ Литовскими людми битись до смерти»...

Въ томъ же февралѣ 1611 года, изъ Ярославля, «архимаритъ, и игумены, и протопопъ, и попы, и весь освященный соборъ, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дѣти боярскіе, и головы и сотники стрѣлецкіе и казачьи, и стрѣлцы, и казаки, и всякіе служилые люди, и посадскіе старосты и цѣловалники, и всѣ посадскіе и всякіе жилецкіе люди» били челомъ Вологжанамъ о немедленной присылкѣ ратныхъ людей на помощь Москвѣ и сообщали о твердости патріарха Гермогена, причемъ, между прочимъ, писали:

«И вамъ бы, господа, по прежнему своему доброму совѣту и радѣнью, попомнити Бога и Пречистую Богородицу, и православную крестьянскую вѣру.. не замотчавъ ни часу,... одноконечно тотчасъ идти къ намъ въ сходъ и ратныхъ людей прислати не замѣшкавъ, на конѣхъ и съ лыжми, покамѣста лыжная пора не минется... И изъ городовъ, господа, къ намъ пишутъ, что они къ намъ въ сходъ тотчасъ будутъ со многими ратными людьми, и съ Романова мурзы и Татаровя въ Ярославль въ тотъ часъ будутъ... И мы, господа, по совѣту со всѣми Понизовскими и Украйными и Резанскими и съ иными городы Московскаго государьства, цѣловали мы святый Животворящій крестъ Февраля въ 16 день; и Романовскіе, господа, мурзы и Татаровя крестъ намъ по своей вѣрѣ дали, стояти съ нами за одинъ за православную крестіянскую вѣру и за святыя Божія церкви, а королю Полскому и Литовскому не служити и креста не цѣловати и Московское государьство отъ Полскихъ и Литовскихъ людей очищати»...

Въ мартѣ, Новгородцы сообщали, что «...мы и всякіе жилецкіе люди Ноугородскаго государьства цѣловали крестъ на томъ, что намъ Московскому государьству на разорителей нашія православныя христьянскія вѣры, на Полскихъ и на Литовскихъ людей, помогати и стояти намъ всѣмъ за истинную православную христьянскую вѣру единомышленно, а съ Полскими и съ Литовскими и съ Рускими людми, которые радѣютъ Полскому и Литовскому королю, ни о чемъ не ссылаться; а предателей нашія истинныя православныя христьянскія вѣры, Ивана Салтыкова да Корнила Чоглокова, за ихъ многія неправды и злохитрьство, всѣ люди Ноугородского государьства посадили въ Великомъ Новѣгородѣ въ тюрму; а Московскому, господа, государьству на помочь посылаемъ мы изъ Великого Новагорода воеводъ со многими ратными людми и съ нарядомъ, и къ воеводамъ Прокофью Ляпунову съ товарыщи, которые идутъ на помочь Московскому государьству, мы писали, что мы Московскому государьству на помочь посылаемъ воеводъ со многими ратными людми вскорѣ; да и по городомъ, господа, мы отъ себя, во Псковъ, въ Иваньгородъ, въ Торопецъ, на Луки, на Невль, въ Порховъ, въ Заволочье, въ Яму, въ Копорью, въ Орѣшокъ, въ Ладогу, въ Колугу, на Кострому, на Углечь, въ Ярославль, на Устюжно, во Тверь, въ Торжокъ, и въ иные городы, о томъ писали, чтобы они помня Бога и Пречистую Богородицу и великихъ Чюдотворцовъ, были съ нами въ соединеньѣ и за домъ Пречистыя Богородицы и за истинную православную христьянскую нашу вѣру противъ враговъ и разорителей нашія православныя христьянскія вѣры, Полскихъ и Литовскихъ людей, стали съ нами вмѣстѣ и ратныхъ бы людей на помочь Московскому государьству изъ городовъ прислали тотчасъ»...

Въ томъ же мартѣ 1611 года, настоятель Соловецкаго монастыря послалъ Шведскому королю Карлу IX листъ слѣдующаго содержанія:

«Божіею великою милостію великія Росія великій святитель, святѣйшій Гермогенъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и благовѣрные и великіе князи Владимірскіи, и Московскіи, и Новгородскіи, и Казанскіи, и Псковскіи, и всего Московскаго государьства, и Царьскаго Величества и

богомолья Соловецкого монастыря и Сумского острогу богомолецъ игуменъ Антоней съ братьею, тебѣ великому Каролусу девятому, Свейскому, Готскому, Вендейскому, Финскому, Лопьскому, въ сѣверной странѣ Каян-

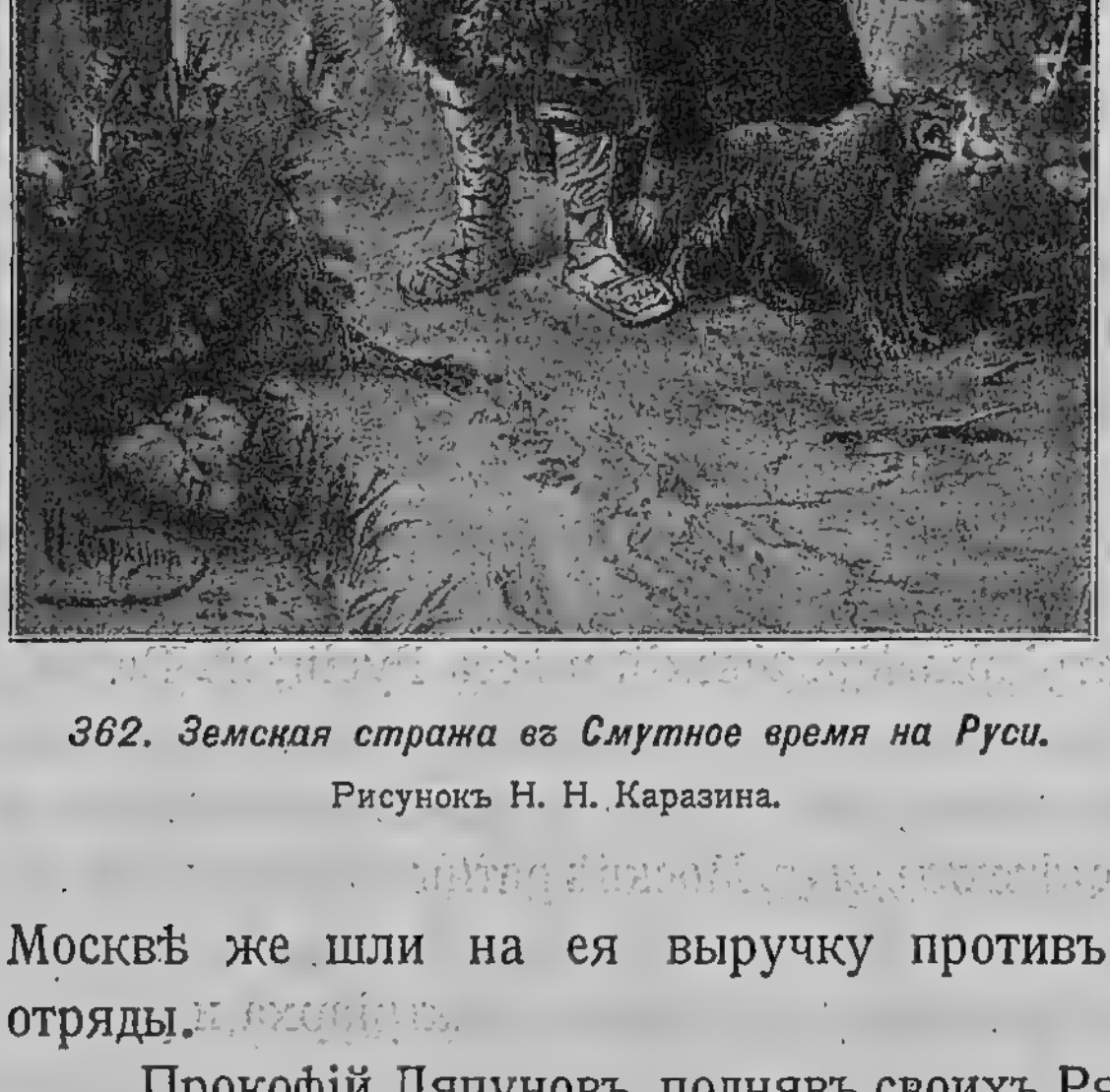
361. Видъ Соловецкаго монастыря.

Изъ собранія Е. Г. Швартца.

скому, Естенскому и Влифлянскому королю. Буди тебѣ вѣдомо: которые Литовскіе люди на Москвѣ великому святителю святѣйшему Патріарху, и бояромъ, и княземъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и всемъ людемъ всего Московскаго государьства, крестъ цѣловали, и въ томъ они измѣнили и во всемъ солгали; а который назывался въ Московскомъ государьствѣ ложнымъ царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, воровски, и того нынѣ убили и въ животѣ его нѣтъ; и писалъ съ Москвы великій святитель святѣйшій Гермогенъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, въ Великій Новгородъ, и во Псковъ, и въ Казань, и въ Нижней Новгородъ, и на Вологду, и въ Ярославль, и въ Сѣверскіе городы, и на Рѣзань, и во всѣ городы Московскаго государьства, и велѣлъ съѣзжаться къ Москвѣ ратнымъ воинскимъ людемъ и стояти и промышлять единомышлено на Литовскихъ людей: и Божіею милостію въ Московскомъ государьствѣ у святѣйшего Патріарха и у бояръ и изо всѣхъ городовъ всего Московского государьства ссылаются, и на совѣтъ къ Москвѣ сходятся, и совѣтуютъ, и стоятъ единомышлено на Литовскихъ людей; а хотятъ выбирати на Московское государьство Царя и Великаго Князя изъ своихъ прироженныхъ бояръ, кого всесилный вседержитель Богъ изволитъ и Пречистая Богородица, а иныхъ земель иновѣрцовъ никого не хотятъ. А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ и во всей Поморской области тотъ же совѣтъ единомышлено

не хотимъ никого иновѣрцовъ на Московское государьство Царемъ и Великимъ Княземъ, опрочѣ своихъ прирожденныхъ бояръ Московскаго государьства. Писанъ въ Сумскомъ острогѣ, лѣта 7119 марта въ 12 день».

Такъ откликнулась Земля въ лицѣ ея лучшихъ представителей—духовенства, дворянъ, воеводъ, служилаго и тяглаго люда на призывъ своего отца, святѣйшаго патріарха Гермогена, встать на защиту Православія и Родины.



362. Земская стража въ Смутное время на Руси.
Рисунокъ Н. Н. Каразина.

Весной 1611 года, многочисленныя Земскія ополченія подъ начальствомъ дворянъ, воеводъ и иныхъ служилыхъ людей—двигались уже на выручку царствующаго града Москвы: Прокофій Ляпуновъ велъ ратниковъ изъ Рязанской и Сѣверской Земли; князь В. Ѳ. Мосальскій изъ Мурома; князь А. А. Рѣпнинъ изъ Нижняго Новгорода; князь Ѳ. И. Волконскій изъ Костромы; П. И. Мансуровъ изъ Галича; А. Измаиловъ изъ Суздаля и Владиміра, и т. д. Всѣ эти рати состояли изъ людей, служившихъ прежде въ войскахъ В. И. Шуйскаго или входившихъ въ мужицкіе отряды, которые собирались на сѣверѣ и съ Волжскихъ мѣстъ подъ знамена покойнаго князя М. В. Скопина. Но кромѣ этихъ Земскихъ ратей, къ Москвѣ же шли на ея выручку противъ Поляковъ и другіе сильные отряды.

Прокофій Ляпуновъ, поднявъ своихъ Рязанцевъ въ январѣ 1611 года—тотчасъ же вошелъ въ сношеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Поляковъ съ главнымъ предводителемъ войскъ убитаго въ Калугѣ Вора, княземъ Димитріемъ Тимофеевичемъ Трубецкимъ, а также и съ предводителями отдѣльныхъ казачьихъ отрядовъ, въ томъ числѣ съ атаманомъ Андреемъ Просовецкимъ, занимавшимъ Суздаль, и съ Иваномъ Мартыновичемъ Заруцкимъ, сблизившимся одно время съ Поляками, но затѣмъ отстав-

шимъ отъ нихъ и стоявшимъ въ это время въ Тулѣ. Такимъ образомъ Ляпунову,—по словамъ С. Ѳ. Платонова,—«удалось столковаться съ Калугой и Тулой... Прежніе враги превращались въ друзей. Тушинцы становились подъ одно знамя со своими противниками на «земской службѣ».

Ляпуновъ, конечно, хорошо помнилъ свои совмѣстныя дѣйствія съ Болотниковымъ и отлично зналъ, что такое эти воровскія войска и казачьи отряды; зналъ онъ также и ихъ великую ненависть ко всѣмъ Земскимъ людямъ, владѣющимъ имуществомъ, или добывающимъ себѣ пропитаніе мирнымъ путемъ. «Но», замѣчаетъ С. Ѳ. Платоновъ, «миръ и союзъ съ «воровской ратью» былъ необходимъ Ляпунову прежде всего по соображеніямъ чисто военнымъ. Надобно было перетянуть отъ короля на свою сторону ту силу, которая по смерти Вора лишилась возможности дѣйствовать самостоятельно, но не могла и оставаться нейтральной (безучастной) зрительницей начавшейся борьбы за Москву».

При этомъ Ляпуновъ разсчитывалъ, конечно, на подъемъ религіознаго чувства Православныхъ людей, входившихъ въ воровскіе и казачьи отряды, и полагалъ вознаградить ихъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости и жалованьемъ. «А которые боярскіе люди и крѣпостные и старинные», писалъ онъ въ Понизовье, «и тѣ бъ шли безо всякаго сумнѣнія и боязни: всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ, какъ и инымъ казакомъ...»

Главный воровской воевода, спѣсивый и корыстный князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой, очевидно примкнулъ къ Ляпунову потому, что по смерти Вора это являлось для него самымъ выгоднымъ; своего же двоюроднаго брата—князя Юрія Трубецкого, пожалованнаго въ бояре Сигизмундомъ и прибывшаго, какъ мы помнимъ, въ Калугу приводить Калужанъ къ присягѣ королевичу—онъ заставилъ убѣжать «къ Москвѣ убѣгомъ». Заруцкій, какъ говорятъ, примкнулъ къ Ляпунову потому, что послѣдній обѣщалъ ему, послѣ очищенія Государства отъ Поляковъ, превозгласить Царемъ Воренка, сына Марины, успѣвшей уже перейти въ это время къ Заруцкому.

Видя, что воровскіе и казачьи отряды примыкаютъ къ движенію, поднятому Гермогеномъ, и чуя, что оно можетъ имѣть успѣхъ, знаменитый Янъ Сапѣга, какъ его называетъ Валишевскій—«одинъ изъ самыхъ блестящихъ Польскихъ аристократовъ того времени, воспитанникъ Итальянскихъ школъ и ученикъ лучшихъ полководцевъ своей страны», осаждавшій съ такой яростью и великимъ кровопролитіемъ обитель Живоначальной Троицы, тоже рѣшился выступить на защиту Православія противъ Поляковъ, и отправилъ къ Калужскому воеводѣ, князю Трубецкому, челобитную, въ которой говорилъ: «...Писали мы, господине, къ вамъ въ Колугу многажды о совѣтѣ, и вы отъ насъ бѣгаете за посмѣхъ: мы вамъ ничего зла не чинили и впередъ не хотимъ, и хотимъ съ вами за вашу вѣру крестьянскую и за свою славу и при своихъ заслугахъ горло свое дати, и вамъ было добро съ нами совѣтовати, что ваша дума; а про насъ вѣдаете, что мы люди волные, королю и королевичу не служимъ, стоимъ при своихъ заслугахъ, а на васъ ни которого лиха

не мыслимъ и заслугъ своихъ на васъ не просимъ, а кто будетъ на Московскомъ государьствѣ Царемъ, тотъ намъ и заслуги наши заплатитъ...; и стояти бы вамъ за православную крестьянскую вѣру и за святыя церкви, а мы при васъ и при своихъ заслугахъ горла свои дадимъ; а буде намъ не вѣрите и вы у насъ закладъ поемлите, чтобы вамъ вѣрнѣе было, да къ Прокофію Петровичу Ляпунову о томъ отпишите. А я пишу вамъ подъ присягою, всею правдою, не лукавствомъ, и вы намъ не вѣрите за посмѣхъ...; и будетъ захотите съ нами быть въ совѣтѣ и мы свои горла за васъ дадимъ, покамѣста вамъ Богъ пошлетъ Государя на Московское государьство..; у васъ въ Колугѣ вмѣщаютъ которые бездѣлники, не хотячи ничего добра видѣти православной вѣрѣ, что мы святымъ церквамъ разоренье чинимъ, и пѣти въ нихъ не велимъ, и лошади въ нихъ ставимъ: и у насъ того во всемъ рыцарствѣ не наищешъ, то вамъ бездѣлники лгутъ, смущаютъ васъ съ нами»...

Пылкій Ляпуновъ готовъ былъ заключить союзъ и съ Сапѣгой; однако, союзъ этотъ не состоялся; черезъ мѣсяцъ Сапѣга уже уговаривалъ жителей Костромы признать Владислава царемъ и писалъ имъ: «Теперь вы государю измѣнили и невѣдомо для чего, и хотите на Московское Государство невѣдомо кого. Знаете вы сами Польскихъ и Литовскихъ людей мочь и силу: кому съ ними биться?»

Поляки и Русскіе измѣнники въ Москвѣ противодѣйствовали, разумѣется, какъ могли сбору ополченія отъ Земли и хотѣли, какъ можно скорѣе, овладѣть Смоленскомъ. «Литовскіе жъ люди и Московскіе измѣнники, Михайло Салтыковъ съ товарищы», говоритъ лѣтописецъ, «видя Московское собраніе за православную христіянскую вѣру, начаша говорити бояромъ, чтобъ писати х королю и послати за руками бити челомъ королю, чтобъ далъ сына своего на государство, «а мы на твою волю покладываемся», а къ митрополиту Филарету писати и къ бояромъ, чтобъ били челомъ королю, чтобъ далъ сына своего на Московское государство, а имъ во всемъ покладыватца на ево королевскую волю; какъ ему годно, такъ и дѣлати, а все на то приводя, чтобы крестъ цѣловати королю самому; а къ Прокофью послати, чтобы онъ къ Москвѣ не збирался».

Слабодушные бояре подписали эти грамоты «и поидоша къ патріарху Ермогѣну и возвѣстиша ему все, чтобъ ему къ той грамотѣ рука приложити и властемъ всѣмъ руки свои приложити, а къ Прокоѳью о томъ послати. Онъ же великій государь, поборатель православной христіянской вѣрѣ, стояще въ твердости, аки столпъ непоколебимый и, отвѣщавъ, рече имъ: «стану писати х королю грамоты на томъ и руку свою приложу и властемъ всѣмъ повелю руки свои приложити и васъ благословляю писати; будетъ король дастъ сына своего на Московское государство и креститъ въ православную христіянскую вѣру и Литовскихъ людей изъ Москвы выведетъ, и васъ Богъ благословляетъ такіе грамоты писати и х королю послати; а будетъ такіе грамоты писати, что во всемъ намъ положитца на королевскую волю и посломъ о томъ королю бити челомъ и класться на ево волю,

и то вѣдомое стало дѣло, что намъ цѣловати крестъ самому королю, а не королевичю, и я такихъ грамотъ не токмо, что мнѣ рука приложити, и вамъ не благословляю писати, но проклинаю, хто такіе грамоты учнетъ писати; а къ Прокофью Ляпунову стану писати: будетъ королевичъ на Московское государство и креститься въ православную христіянскую вѣру, благословляю ево служить, а будетъ королевичъ не крестится въ православную христіянскую вѣру и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, и я ихъ благословляю и разрѣшаю, кои крестъ цѣловали королевичю, итти подъ Московское государство и померети всѣмъ за православную христіанскую вѣру».

Взбѣшенный этимъ отказомъ, «Той же измѣнникъ злодѣй Михайло Салтыковъ нача его праведново позорити и лаяти, и вынявъ на нево ножъ, и хотяше ево рѣзати»... Но святитель не устрашился занесеннаго надъ нимъ ножа. Онъ осѣнилъ злодѣя крестнымъ знаменіемъ и громко сказалъ ему: «Сіи крестное знаменье противъ твоево окоянново ножа; да буди ты проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ». Затѣмъ, обратившись къ стоявшему тутъ же первому боярину князю Мстиславскому, Гермогенъ сказалъ ему тихо: «Твое есть начало (ты самый старшій), тебѣ за то добро пострадати за православную христіянскую вѣру; аще и прельстишися на такую дьявольскую прелесть и преселитъ Богъ корень твой отъ земля живыхъ (прекратится родъ твой), да и самъ какою смертію умреши»...

Бояре не послушали патріарха Гермогена и отправили безъ его подписи свои грамоты къ королю и къ посламъ подъ Смоленскъ, причемъ князья Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Андрей Васильевичъ Голицынъ были вынуждены силою приложить къ нимъ свои руки: «Они жъ въ тѣ поры быша за приставы въ тѣснотѣ велицѣ».

23 декабря 1610 года, «придоша жъ тѣ грамоты подъ Смоленескъ х королю и къ митрополиту Филарету. Митрополитъ же и послы, видя такіе грамоты, начаша скорбити и другъ друга начаша укрѣпляти, что пострадати за православную христіянскую вѣру. Король же повелѣ посломъ быти на съѣздъ и нача имъ говорити и грамотѣ тѣ чести, что пишутъ всѣ бояре за руками, что положились во всемъ на королевскую волю, да имъ велѣно королю бити челомъ и класти все на ево волю».

Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ на это: «видимъ сіи грамоты за руками за боярскими, а отца нашего патріарха Ермогѣна руки нѣтъ, а боярскіе руки князь Ивана Воротынсково, да княз Ондрѣя Голицына приложены по неволи, что сидятъ въ заточеніи; да и нынѣ мы на королевскую волю кладемся: будетъ дастъ на Московское государство сына своего, и креститься въ православную христіянскую вѣру и мы ему государю ради; а будетъ на тоѣ королевскую волю класться, что королю крестъ цѣловати и Литовскимъ людемъ быти въ Москвѣ, и тово у насъ и въ умѣ нѣтъ; ради пострадать и помереть за православную христіянскую вѣру. Король же ноипаче велѣ дѣяти тѣсноту великую посломъ».

27 декабря пословъ опять позвали на съѣздъ и опять всѣ настоянія Поляковъ, чтобы они признали боярскую грамоту, присланную изъ Москвы, разбились о ихъ несокрушимую твердость. «Отпускали насъ къ великимъ государямъ бить челомъ», отвѣчалъ Полякамъ князь В. В. Голицынъ, «патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго Государства, а не одни бояре: отъ однихъ бояръ, я, князь Василій, и не поѣхалъ бы, а теперь они такое великое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха, освященнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго Государства»...

Также неуклонно твердо отказывали послы Полякамъ и въ ихъ требованіяхъ относительно Смоленска на съѣздѣ, состоявшемся на слѣдующій день, 28 декабря... «Я митрополитъ», говорилъ имъ Филаретъ Никитичъ, «безъ патріарховой грамоты на такое дѣло дерзнуть не смогу, чтобы приказать Смольнянамъ цѣловать крестъ королю». Голицынъ же добавилъ на это: «А намъ безъ митрополита такого великаго дѣла дѣлать нельзя». Тогда разсерженные Поляки стали кричать на нихъ: «это не послы, а воры».

363. Печать боярина князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго.

Эта печать приложена къ отвѣтной грамотѣ, писанной въ январѣ 1611 года къ Польскому королю Сигизмунду III и къ сыну его королевичу Владиславу отъ управлявшихъ Государствомъ бояръ: о снабженіи ими Россійскихъ пословъ рѣшительными наставленіями на статьи, затруднявшія ихъ.

Смольняне тоже «закоснѣли въ своемъ упорствѣ»,—по выраженію Поляковъ, относительно сдачи имъ города и постоянно вели тайную пересылку съ нашими послами. Доблестный Шеинъ, несмотря на страшную смертность и лишенія въ городѣ, всѣми мѣрами поддерживалъ бодрость духа его защитниковъ: онъ каждый день сидѣлъ въ приказной избѣ, строго слѣдилъ за правильнымъ веденіемъ всѣхъ городскихъ дѣлъ, открылъ Царскіе погреба и по дешевымъ цѣнамъ продалъ всѣ запасы; при надобности же, противъ слабыхъ духомъ употреблялъ тюремное заключеніе и пытки. На требованія Поляковъ о сдачѣ Смоленска королю, подкрѣпляемыя извѣщеніемъ, что Москва уже цѣловала ему крестъ, онъ отвѣчалъ: «Хотя Москва королю и крестъ цѣловала и то на Москвѣ сдѣлано отъ измѣнниковъ. Измѣнники бояръ осилили. А мнѣ Смоленска королю не здавывать и ему креста не цѣловать и биться съ королемъ до тѣхъ мѣстъ, какъ воля Божья будетъ. И кого Богъ дастъ Государя, того и будетъ Смоленскъ!»

23 января подъ Смоленскъ пріѣхалъ изъ Москвы Иванъ Никитичъ Салтыковъ и привезъ новыя грамоты отъ бояръ посламъ и жителямъ Смоленска, подтверждавшія прежде высланныя, «чтобы во всемъ положиться на волю короля». Въ отвѣтъ на это, мужественные Смольняне приказали передать Салтыкову, что если къ нимъ еще разъ пришлютъ съ такими воровскими грамотами, то посланный будетъ застрѣленъ.

Между тѣмъ, хорошо зная бѣдственное положеніе защитниковъ Смоленска и опасаясь возможности взятія его Поляками, къ которымъ уже

давно подошло на усиленіе 30.000 Запорожскихъ казаковъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ объявилъ панамъ, что послы согласны впустить въ Смоленскъ 50 или 60 Поляковъ, но съ тѣмъ, чтобы король не требовалъ отъ жителей присяги на свое имя и немедленно же снялъ осаду. «Этимъ вы только безчестите короля: стоитъ онъ подъ Смоленскомъ полтора года, а тутъ какъ на смѣхъ впустить 50 человѣкъ»,—отвѣчали разсерженные предложеніемъ Голицына паны. Тогда послы набавили еще 50 человѣкъ и объявили, что больше 100 человѣкъ впустить въ Смоленскъ они ни подъ какимъ видомъ не согласятся.

30 января состоялся опять съѣздъ пословъ съ панами, на которомъ присутствовалъ и Иванъ Салтыковъ, сообщившій имъ новую грамоту, привезенную изъ Москвы. Послы отвѣчали попрежнему, что безъ подписи патріарха—грамота не имѣетъ для нихъ значенія, и опять предложили впустить 100 Поляковъ въ Смоленскъ съ тѣмъ, чтобы немедленно была снята осада и чтобы отъ гражданъ не требовалась присяга королю, какъ это прежде обѣщалъ самъ Сигизмундъ. «Это клевета, клевета», отвѣчали паны и стали увѣрять, что Сигизмундъ никогда не давалъ такихъ обѣщаній.

«Если вы увидали въ насъ такую неправду», сказалъ имъ на это Филаретъ, «то королю бы пожаловать, отпустить насъ въ Москву, а на наше мѣсто выбрать другихъ; мы никогда и ни въ чемъ не лыгали, что говоримъ и что отъ васъ слышимъ, все помнимъ. Посольское дѣло,—что скажется, того не переговаривать, и бываетъ слово посольское крѣпко; а если отъ своего слова отпираться, то чему впередъ вѣрить?»...

«Вы послы», закричалъ въ отвѣтъ Филарету Иванъ Салтыковъ, «должны вѣрить панамъ ихъ милости, они не солгутъ; огорчать вамъ пановъ радныхъ и приводить на гнѣвъ великаго государя короля непригоже; вы должны безпрекословно исполнять волю королевскую по боярскому указу, а на патріарха смотрѣть нечего: онъ вѣдаетъ не государственныя, а свои поповскія дѣла; его величеству, стоявъ подъ такимъ лукошкомъ два года и не взявъ его, прочь отойти, стыдно; вы послы, сами должны бы вступиться за честь королевскую и велѣть Смольнянамъ цѣловать крестъ королю».

Послы попросили пановъ приказать замолчать Салтыкову, а затѣмъ Филаретъ, на поставленный вопросъ—будетъ ли исполнена боярская грамота, отвѣчалъ: «Сами вы знаете, что намъ духовному чину отецъ и начальникъ святѣйшій патріархъ и кого онъ свяжетъ словомъ, того не только Царь, самъ Богъ не разрѣшитъ: и мнѣ безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами не дѣлывать...». Выведенные изъ себя такой твердостью Филарета, паны закричали посламъ: «Ну такъ ѣхать вамъ къ королевичу въ Вильну тотчасъ-же».

Черезъ два дня пословъ опять позвали къ панамъ. Они были по-прежнему непоколебимыми и Поляки вновь пригрозили имъ немедленнымъ отправленіемъ въ Вильну.

7 февраля былъ еще съѣздъ. На немъ Поляки объявили, что король жалуетъ Смольнянъ, позволяетъ присягнуть одному королевичу и обѣ-

щаетъ снять осаду, но требуетъ ввода въ городъ 700 человѣкъ. Послы, однако, согласились только на впускъ 200 человѣкъ.

На слѣдующій день Поляки заявили имъ, что согласны на это число людей и просятъ пословъ сообщить объ этомъ жителямъ города.

Но Смольняне не хотѣли впустить къ себѣ и двухсотъ человѣкъ; только послѣ долгихъ убѣжденій они согласились, но съ тѣмъ, чтобы король снялъ осаду и отвелъ свои войска за границу передъ впускомъ помянутыхъ двухсотъ человѣкъ.

Между тѣмъ король и не думалъ, разумѣется, объ исполненіи своего обѣщанія и составилъ новое условіе, по которому стража у городскихъ воротъ должна была быть на половину Русская и на половину Польская, а одни ключи отъ нихъ быть въ рукахъ Шеина, а другіе у Польскаго начальника. Затѣмъ онъ обѣщалъ снять осаду только послѣ того, когда ключи и ворота будутъ переданы на этихъ условіяхъ Полякамъ, и когда Смольняне принесутъ ему повинную и исполнятъ всѣ его требованія, причемъ они же должны были заплатить и за всѣ убытки, которые понесъ король вслѣдствіе ихъ упорнаго сопротивленія.

Ясно было, что на эти условія не могли согласиться ни послы, ни Смольняне.

26 марта пословъ опять потребовали для переговоровъ; стояла оттепель и ледъ на Днѣпрѣ былъ слабъ; поэтому, чтобы добраться до Польскаго стана, расположеннаго на другомъ берегу Днѣпра, имъ пришлось идти пѣшкомъ черезъ рѣку. Поляки объявили посламъ, что они будутъ немедленно отправлены въ Вильну, и запретили имъ вернуться въ свои шатры, чтобы взять необходимыя для дороги вещи. Затѣмъ ихъ взяли подъ стражу и отвели по избамъ: Филарета Никитича посадили особо, а князей Голицына и Мезецкаго и Томилу Луговскаго вмѣстѣ. Такъ встрѣтили они наступившій Свѣтлый праздникъ.

Тѣмъ временемъ ополченія отъ Земли двигались на выручку Московскаго Государства.

«Литовскіе жъ люди на Москвѣ, видя то, что собраніе Московскимъ людемъ, и послаша Черкасъ (Запорожскихъ казаковъ) и повелѣ воевати Резанскія мѣста». Съ Черкасами соединился и «Московскій измѣнникъ Исакъ Сунбуловъ», послѣ чего они приступили къ осадѣ Пронска, гдѣ сидѣлъ Прокофій Ляпуновъ. Узнавъ про это, къ нему поспѣшилъ на выручку доблестный Зарайскій воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Тогда Черкасы бросили осаду Пронска, и Ляпуновъ отправился въ Рязань; Пожарскій же вернулся въ свой Зарайскъ.

Ночью къ Зарайску подошли Черкасы, осадили городъ и заняли острогъ; но—«помощію жъ и чюдесы великого чюдотворца Николы», говоритъ лѣтописецъ,—«воевода князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской выиде изъ города не съ великими людми и Черкасъ изъ острога выбиша вонъ и ихъ побиша». Послѣ этого Черкасы отошли къ Украйнѣ, а Сунбуловъ побѣжалъ къ Москвѣ.

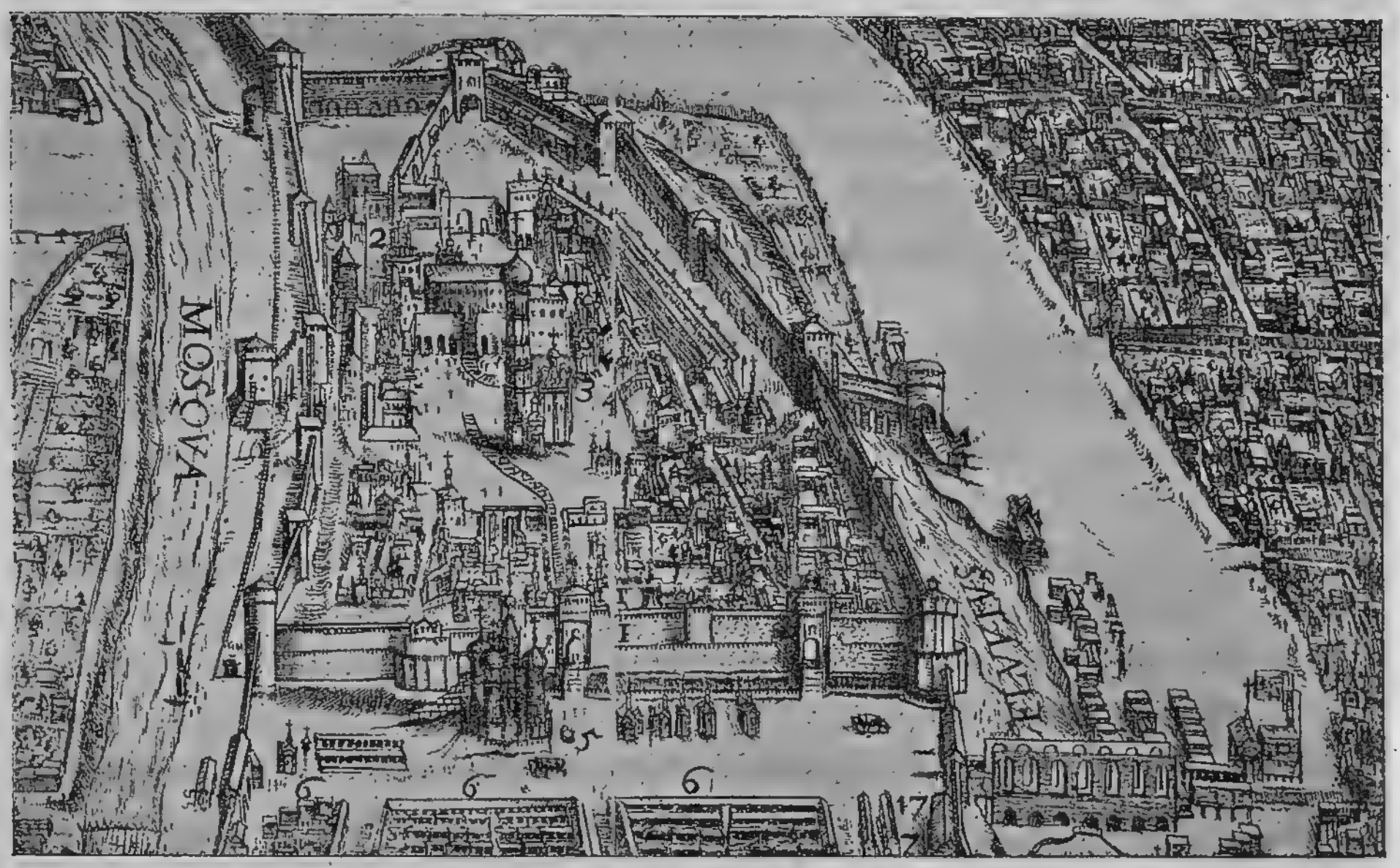
Вскорѣ затѣмъ въ Москвѣ послѣдовало событіе, отмѣченное въ лѣтописи выраженіемъ—«О датіи за пристава Патріарха». Получая извѣстія о приближеніи къ столицѣ со всѣхъ сторонъ ополченій, сидѣвшіе въ ней Поляки потребовали отъ бояръ, чтобы патріархъ приказалъ вернуться этимъ ополченіямъ назадъ. Послушные бояре отправились къ Гермогену, и Михайло Салтыковъ сталъ говорить ему: «что де ты писалъ еси къ нимъ, чтобы они шли подъ Москву, а нынѣ ты жъ къ нимъ пиши, чтобы они воротились впять. На это Гермогенъ отвѣчалъ: «...будетъ (если) ты измѣнникъ Михайло Салтыковъ съ Литовскими людьми изъ Москвы выдешь вонъ, и я имъ не велю ходити къ Москвѣ; а будетъ вамъ сидѣть въ Москвѣ, и я ихъ всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру, что ужъ вижу поруганіе православной вѣрѣ и разореніе святымъ Божіимъ церквамъ и слышати Латынсково пѣнія не могу». ...«Въ то бо время бысть у нихъ костелъ», поясняетъ лѣтописецъ, «на старомъ царя Борисовѣ дворѣ (гдѣ жилъ Гонсѣвскій), въ полатѣ. Слышаху жъ они такіе словеса, позоряху и лаяху его и приставиша къ нему приставовъ и не велѣша къ нему никово пущати».

Между тѣмъ отношенія жителей Москвы съ Поляками были уже сильно обострены; послѣ отъѣзда строгаго Жолкѣвскаго, Поляки перестали стѣсняться въ своемъ поведеніи и начали, какъ и при первомъ Лжедимитріи, чинить великія обиды обывателямъ.

Открытые призывы Гермогена къ возстанію противъ Литовскихъ людей и вѣсти о сборѣ и приближеніи ополченій изъ городовъ возбуждали, разумѣется, еще болѣе Москвичей противъ своихъ утѣснителей. Съ своей стороны, Поляки принимали всѣ мѣры предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. «Москвитяне уже скучали нами», говоритъ въ своихъ «Запискахъ» Полякъ Маскѣвичъ, офицеръ въ отрядѣ Гонсѣвскаго: «не знали только какъ сбыть насъ и умышляти намъ ковы, часто производили тревогу, такъ что по 2, по 3 и 4 раза въ день мы садились на коней и почти не разсѣдлывали ихъ... Чтобы еще болѣе удостовѣриться въ замыслахъ Москвитянъ, посланъ былъ 25 декабря Вашинскій съ 700 всадниковъ добыть языка въ окрестностяхъ: онъ перехватилъ гонца съ подлинными Патріаршими грамотами. Узнавъ о грозившей опасности, мы пришли въ великое безпокойство, усилили караулы, увеличили бдительность, день и ночь стояли на стражѣ и осматривали въ городскихъ воротахъ всѣ телѣги, нѣтъ-ли въ нихъ оружія: въ столицѣ отданъ былъ приказъ, чтобы никто изъ жителей подъ смертной казнью не скрывалъ въ домѣ своемъ оружія и чтобы каждый отдавалъ оное въ Царскую казну. Такимъ образомъ случалось находить цѣлыя телѣги съ длинными ружьями, засыпанными сверху какимъ-либо хлѣбомъ; все это представляли Гонсѣвскому вмѣстѣ съ извощиками, которыхъ онъ приказывалъ немедленно сажать подъ ледъ... Мы были осторожны; вездѣ имѣли лазутчиковъ. Москвитяне, доброжелательные намъ, часто совѣтовали не дремать; а лазутчики извѣщали насъ, что съ трехъ сторонъ идутъ многочисленныя войска къ столицѣ. Это было въ великій постъ, въ самую распутицу».

17 марта, въ Вербное Воскресенье, Гонсѣвскій освободилъ Гермогена для совершенія обычнаго шествія на осляти, что привлекало всегда великое множество народу. На этотъ разъ, однако, «не пойде нихто за вербою»: опасались, что Польскія войска, стоявшія весь день на площадяхъ въ полной готовности, собраны для того, чтобы ударить на толпу и начать ее избивать.

Москвичи были правы. Михайло Салтыковъ уговаривалъ Поляковъ, не ожидая прибытія Ляпунова, перебить жителей столицы и въ сердцахъ говорилъ имъ въ Воскресенье: «Нынче былъ случай и вы Москву не били, ну

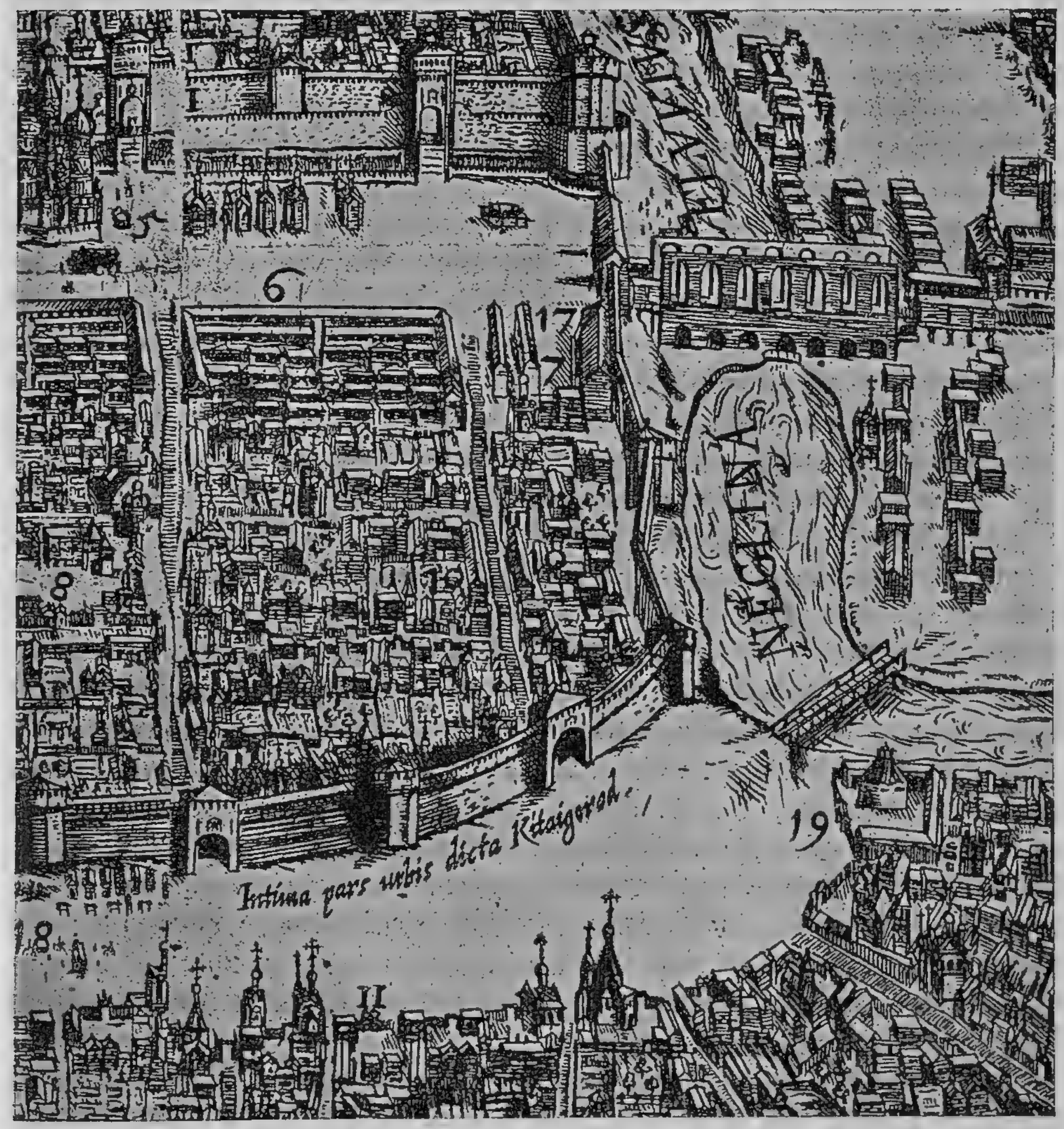


364. Кремль, часть Китай-города, Бѣлаго города и Замосквор'ѣчья, на такъ называемомъ Сигизмундовомъ планѣ Москвы, исполненномъ въ 1610 году Польскимъ рисовальщикомъ Лукою Киліаномъ.

такъ они васъ во вторникъ будутъ бить; я этого ждать не буду: возьму жену и пойду къ королю». «Ибо Ляпуновъ», разсказываетъ Жолкѣвскій въ своихъ «Запискахъ», «желая привести въ дѣйствіе замыслы свои касательно изгнанія нашихъ изъ столицы, собравъ ожидаемыхъ имъ людей, согласясь съ Заруцкимъ и съ расположенными къ предпріятію его Москвитянами, разсылалъ тайно во время ночи стрѣльцовъ, которые скрывались соумышленниками въ домахъ своихъ... Тогда опредѣлили наши между собой: выжечь Деревянный и Бѣлый городъ и, запершись въ Кремлѣ и Китай-городѣ, перебить какъ помянутыхъ стрѣльцовъ, такъ и всѣхъ кого ни попало».

Жолкѣвскій совершенно правильно описываетъ событія: дѣйствительно ко вторнику 19 марта въ Москвѣ тайно собралось уже

довольно много ратныхъ людей отъ Ляпунова и нѣсколько военачальниковъ: князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ, Иванъ Колтовской.



365. Изображеніе Китай-города съ прилегающими къ нему частями Кремля и Бѣлаго города, на томъ же планѣ, что и рисунокъ 364.

Когда насталъ день, Поляки начали втаскивать пушки на Кремлевскія стѣны и башни и требовали отъ извощиковъ, чтобъ тѣ имъ помогали, но извощики отказались. Начались споры, брань и крики. Заслышавъ шумъ, восьмитысячный отрядъ Нѣмецкихъ наемниковъ, измѣнившій намъ въ

битвѣ подъ Клушинымъ и перешедшій на службу къ Полякамъ, вышелъ изъ Кремля и неожиданно сталъ бить безоружный народъ. За Нѣмцами бросились на Русскихъ и Поляки, и скоро въ Китай-городѣ было изсѣчено до 7.000 человѣкъ. Въ Бѣломъ же городѣ жители успѣли ударить въ набатъ и вооружиться: они перегородили улицы бревнами, столами, скамейками и стрѣляли изъ этихъ укрѣпленій и изъ оконъ въ Поляковъ и Нѣмцевъ. Ратные люди, присланные Ляпуновымъ въ столицу, также доблестно дѣлали свое дѣло: князь Д. М. Пожарскій побилъ Поляковъ на Срѣтенкѣ и вогналъ ихъ въ Китай-городъ, послѣ чего поставилъ себѣ острожокъ на Лубянкѣ; И. М. Бутурлинъ утвердился въ Яузскихъ воротахъ, а Иванъ Колтовской въ Замоскворѣчьи.

«Враги снова возвратились къ бою», разсказываетъ Маскѣвичъ, «и жестоко поражали насъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ; ... каждому изъ насъ было жарко. Мы не могли и не умѣли придумать, чѣмъ пособить себѣ въ такой бѣдѣ, какъ вдругъ кто-то закричалъ: «Огня, огня! Жги домы!». «Той же зачинатель злу Михайло Салтыковъ», по словамъ лѣтописца, «первой нача дворъ жечь свой».

Благодаря вѣтру, огонь быстро распространился по Бѣлому городу. Кремль и Китай-городъ, бывшіе въ рукахъ Поляковъ, остались цѣлы.

На другой день, въ среду, чтобы не очутиться запертыми, Полякамъ удалось поджечь Замоскворѣчье и тѣмъ получить возможность не быть отрѣзанными отъ внѣшняго міра. «Жечь городъ», говоритъ Маскѣвичъ, «поручено было 2.000 Нѣмцевъ, при отрядѣ пѣшихъ гусаръ нашихъ, съ двумя хоругвями конницы...; мы зажгли въ разныхъ мѣстахъ деревянную стѣну, построенную весьма красиво изъ смолистаго дерева и теса: она скоро занялась и обрушилась... Пламя охватило дома и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало Русскихъ; а мы потихоньку подвигались за нимъ, безпрестанно усиливая огонь, и только вечеромъ возвратились въ крѣпость. Уже вся столица пылала; огонь былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе дома имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны: огонь охранялъ насъ».

«Въ чрезвычайной тѣснотѣ людей происходило великое убійство», разсказываетъ Жолкѣвскій: «плачъ, крики женщинъ и дѣтей—представляли нѣчто, подобное дню страшнаго суда; многіе изъ нихъ съ женами и дѣтьми сами бросались въ огонь, и много было убитыхъ и погорѣвшихъ... Такимъ образомъ, столица Московская сгорѣла съ великимъ кровопролитіемъ и убійствомъ, которыя и оцѣнить нельзя. Изобиленъ и богатъ былъ этотъ городъ, занимавшій обширное пространство; бывавшіе въ чужихъ краяхъ говорятъ, что ни Римъ, ни Парижъ, ни Лиссабонъ величиной окружности своей не могутъ равняться сему городу».

Въ среду же Поляки бились цѣлый день съ отрядомъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго на Лубянкѣ, который дрался до тѣхъ поръ,

пока не палъ, получивъ нѣсколько ранъ, послѣ чего былъ отвезенъ своими въ Троицко-Сергіеву лавру.

«Въ четвертокъ», разсказываетъ Маскѣвичъ, «мы снова принялись жечь городъ, коего третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успѣлъ такъ скоро всего истребить. Мы дѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, которые признавали необходимымъ сжечь Москву до основанія, чтобы отнять у непріятеля всѣ средства укрѣпиться. Итакъ мы снова запалили ее.... Смѣло могу сказать, что въ Москвѣ не осталось ни кола, ни двора».

На дворѣ стоялъ жестокій морозъ, и несчастные Москвичи, не погибшіе отъ пламени и меча Литовскихъ и Польскихъ людей—принуждены были расположиться въ полѣ.

Въ пятницу 22 марта, къ Москвѣ подошелъ атаманъ Андрей Просовецкій, ведя съ собой, какъ свидѣтельствуютъ Поляки, 15.000 человѣкъ. Противъ него Гонсѣвскій выслалъ пана Струся; онъ встрѣтилъ Просовецкаго, шедшаго, по словамъ Маскѣвича, «гуляй-городомъ, то-есть подвижною оградой изъ огромныхъ саней, на коихъ стояли ворота съ нѣсколькими отверстіями для стрѣлянія изъ самопаловъ. При каждыхъ саняхъ находилось по 10 стрѣльцовъ: они и сани двигали и останавливаясь стрѣляли изъ-за нихъ, какъ изъ-за каменной стѣны. Окруживъ войско со всѣхъ сторонъ, спереди, съ тыла, съ боковъ, эта ограда препятствовала нашимъ копѣйщикамъ добраться до Русскихъ». Послѣ незначительной стычки Струсь вернулся въ Москву, а Просовецкій сталъ дожидаться подхода Ляпунова и остальныхъ отрядовъ.

25 марта, въ понедѣльникъ на Святой, все ополченіе подошло къ столицѣ и расположилось у Симонова монастыря; оно считало въ своихъ рядахъ, вмѣстѣ съ отрядами Трубецкаго и Заруцкаго—до 100.000 человѣкъ.

Затѣмъ начались бои подъ самой столицей, причемъ наши дрались, прикрываясь гуляй-городами, и къ 1 апрѣля Поляки были вогнаны въ Кремль, Китай и Бѣлый городъ. Русскіе-же расположились: Ляпуновъ съ Рязанцами у Яузскихъ воротъ, а Заруцкій и Трубецкой съ казачьими и бывшими воровскими войсками противъ Воронцовскаго поля, раздѣляя Ляпунова отъ остальныхъ дружинъ Земскаго ополченія, ставшихъ у воротъ Покровскихъ, Срѣтенскихъ и Тверскихъ.

6 апрѣля на разсвѣтѣ Русскіе заняли большую часть Бѣлаго города, оставивъ въ рукахъ Поляковъ только нѣсколько башенъ на его западной стѣнѣ. Такъ какъ толщина и высота Московскихъ стѣнъ, за которыми очутились теперь Поляки, не сулила успѣха при приступѣ, то наши воеводы рѣшили прибѣгнуть къ полному обложенію противника. Это удалось имъ исполнить только къ іюню мѣсяцу; однако, уже въ апрѣлѣ у Поляковъ сталъ обнаруживаться недостатокъ продовольствія, о чемъ они писали подъ Смоленскъ: «Рыцарству на Москвѣ тѣснота великая, сидятъ въ Китаѣ и Кремлѣ въ осадѣ, ворота всѣ поотняты, пить, ѣсть нечего».

*

Въ маѣ къ Москвѣ подошелъ высокородный панъ Янъ Сапѣга и расположился на Поклонной горѣ. Онъ опять увѣрялъ Русскихъ воеводъ въ своей дружбѣ, но въ то же время писалъ Гонсѣвскому и Полякамъ въ Кремль и требовалъ денегъ у тѣхъ и другихъ для уплаты жалованья его рыцарству. Скоро онъ окончательно разошелся съ Ляпуновымъ, напалъ на него, но былъ отбитъ и всецѣло передался Гонсѣвскому. Послѣдній, за истощеніемъ денегъ въ Царской казнѣ, уплатилъ Сапѣжинцамъ церковной утварью, драгоцѣнными каменьями, снятыми «съ шубы, которая была на гробу Царя Ѳеодора», и другими сокровищами Московскихъ Государей. Въ виду того, что около столицы нечѣмъ было поживиться, Сапѣга отправился къ Александровской слободѣ, которую разорилъ, а затѣмъ къ Переяславлю Залѣсскому; но отъ послѣдняго онъ былъ отбитъ пришедшимъ ранѣе его изъ-подъ Москвы атаманомъ Просовецкимъ. Съ Сапѣгой Гонсѣвскій отправилъ и часть собственнаго войска, очевидно въ виду недостатка продовольствія, оставя при себѣ всего лишь около 4.000 человѣкъ и питая горячую надежду, что къ нему прибудетъ скоро помощь отъ короля. Но король помощи ему не посылалъ, такъ какъ всецѣло былъ поглощенъ заботой о скорѣйшемъ овладѣніи Смоленскомъ.

8 апрѣля канцлеръ Левъ Сапѣга объявилъ находившимся подъ стражей Филарету Никитичу и князю В. В. Голицыну о побоищѣ и сожженіи Москвы въ страстной вторникъ, а также о взятіи за пристава Гермогена. Услышавъ эти вѣсти, послы заплакали, но на всѣ требованія Поляковъ написать Смольнянамъ о впускѣ въ городъ королевскаго отряда непоколебимо отвѣчали, что безъ обсылки съ патріархомъ и всѣми людьми Московскаго Государства они ничего не предпримутъ.

12 апрѣля пословъ силою посадили въ ладью, объявивъ имъ, что они будутъ отправлены водою въ Польшу. Когда посольскіе слуги переносили вещи и запасы своихъ господъ на судно, то Поляки перебили этихъ слугъ, лучшія вещи взяли себѣ, а запасы выкинули. Стража съ заряженными ружьями не покидала пословъ и на водѣ и заставляла ихъ терпѣть во всемъ крайнюю нужду.

Незадолго до этого изъ королевскаго стана подъ Смоленскомъ отбылъ на Литву гетманъ Жолкѣвскій, ведя съ собой плѣнныхъ—Царя Василія Ивановича и его двухъ братьевъ.

Когда посламъ пришлось плыть мимо земель Жолкѣвскаго, то послѣдній послалъ ихъ спросить о здоровьи; тѣ передали посланному, что они просятъ гетмана помнить свою душу и крестное цѣлованіе.

Смоленскъ стойко держался до начала іюня 1611 года, хотя изъ 70.000 его жителей осталось не болѣе 8.000; въ городѣ, вслѣдствіе полнаго отсутствія соли, свирѣпствовала страшная цынга, отъ которой умерло множество народа. Судьба Смоленска рѣшилась предательствомъ. Измѣнникъ Андрей Дедешинъ перебѣжалъ изъ него къ королю и указалъ на часть стѣны, которая была, какъ недавно выстроенная наспѣхъ, слабѣе другихъ. Поляки тотчасъ же направили на нее огонь своихъ пушекъ и успѣли сдѣлать

въ ней широкій проломъ. Затѣмъ, съ наступленіемъ ночи, послѣдовалъ общій приступъ; горсть доблестныхъ защитниковъ города, изнуренная двадцати-мѣсячной осадой, не могла остановить натискъ нахлынувшаго со всѣхъ сторонъ врага. Часть ихъ пала подъ ударами непріятеля; другіе спѣшили въ соборный храмъ Святой Троицы. Подъ нимъ хранился запасъ пороха. Кто-то зажегъ его... «Но, кто зажегъ,—говоритъ Жолкѣвскій,—наши ли или Москвитяне—неизвѣстно; приписываютъ это послѣднимъ... Огонь достигнулъ до запасовъ пороха, который произвелъ чрезвычайное дѣйствіе: взорвана была половина огромной церкви съ собравшимися въ нее людьми, которыхъ неизвѣстно даже куда дѣвались разбросанные остатки и какъ бы съ дымомъ улетѣли. Когда огонь распространился, многіе изъ Москвитянъ, подобно какъ и въ Москвѣ, добровольно бросались въ пламя за Православную, говорили они, вѣру. Самъ Шеинъ, запершись въ одной изъ башенъ... стрѣляя въ Нѣмцевъ, такъ раздражилъ ихъ, убивъ болѣе десяти, что они непремѣнно хотѣли брать его приступомъ; однако, не легко бы пришлось имъ это, ибо Шеинъ уже рѣшился было погибнуть, но находившіеся при немъ старались отвратить его отъ этого намѣренія. Отвратилъ же его, кажется, отъ сего больше всѣхъ бывшій съ нимъ—еще дитя—сынъ его». Шеинъ сдался главному Польскому воеводѣ Якову Потоцкому, объявивъ, что никому другому онъ живымъ въ руки не отдастся.

Затѣмъ совершилось неслыханное дѣло. Король приказалъ повергнуть Шеина *пыткѣ*, чтобы допросить о разныхъ подробностяхъ осады Смоленска, послѣ сего Шеинъ былъ отправленъ въ оковахъ въ Литву и заключенъ въ тѣсное заключеніе. Въ такое же заключеніе былъ посаженъ и доблестный архіепископъ Смоленскій Сергій, который и принялъ смерть въ узахъ въ Польшѣ.

Радость Сигизмунда и Поляковъ по случаю взятія Смоленска была чрезвычайна. Ксендзъ Петръ Скарга сказалъ въ Варшавѣ длинную проповѣдь, въ которой громилъ Русскихъ за упорство въ исповѣданіи своего раскола и патріарха Гермогена, причемъ, по словамъ С. Соловьева, «знаменитый проповѣдникъ не счелъ нужнымъ позаботиться о томъ», чтобы приводимыя имъ свѣдѣнія о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московскомъ Государствѣ, «были хотя сколько нибудь вѣрны».

Сигизмундъ, на радостяхъ, по взятіи Смоленска, вмѣсто того, чтобы идти къ Москвѣ выручать Гонсѣвскаго, рѣшилъ вернуться въ Польшу.

29 октября 1611 года въ Варшавѣ происходило великое торжество: черезъ весь городъ къ королевскому дворцу ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи блестящей свиты гетманъ Жолкѣвскій, а за нимъ везли въ открытой повозкѣ плѣннаго Царя Московскаго Василія Ивановича Шуйскаго съ двумя братьями, за приставами. Во дворцѣ, насколько можно судить по дошедшей до насъ черновой запискѣ, канцлеръ Левъ Сапѣга сказалъ похвальное слово Сигизмунду, въ которомъ, между прочимъ, описывая Смутное время на Руси, говорилъ: «этотъ (Годуновъ), видя, что Ѳеодоръ (Іоанновичъ) не имѣетъ потомства отъ своей жены, его сестры, стлалъ себѣ дорогу къ пре-

столу. А такъ какъ помѣхой былъ тотъ, младшій наслѣдникъ Димитрій Углицкій, онъ отрядилъ тайныхъ убійцъ и они умертвили этого ребенка... За это (гордость и преступленіе) Богъ и наказалъ его (Бориса Годунова), не черезъ великихъ потентатовъ (властителей), но черезъ его же собственнаго подданнаго, дотолѣ нищаго и убогаго человѣка, чернца, который во владѣніяхъ вашей королевской милости служилъ изъ хлѣба и одежды... Появился Гришка, сынъ Богдана Отрепьева, который былъ чернцомъ, какъ его зовутъ Москвитяне—разстрига, а по-нашему «апостатъ». Онъ назвался Димитріемъ Углицкимъ, тѣмъ самымъ, коего Борисъ приказалъ убить; былъ онъ и у вашей королевской милости въ Краковѣ, и ваша

366. Воевода Д. Б. Шеинъ въ послѣдній день обороны Смоленска.

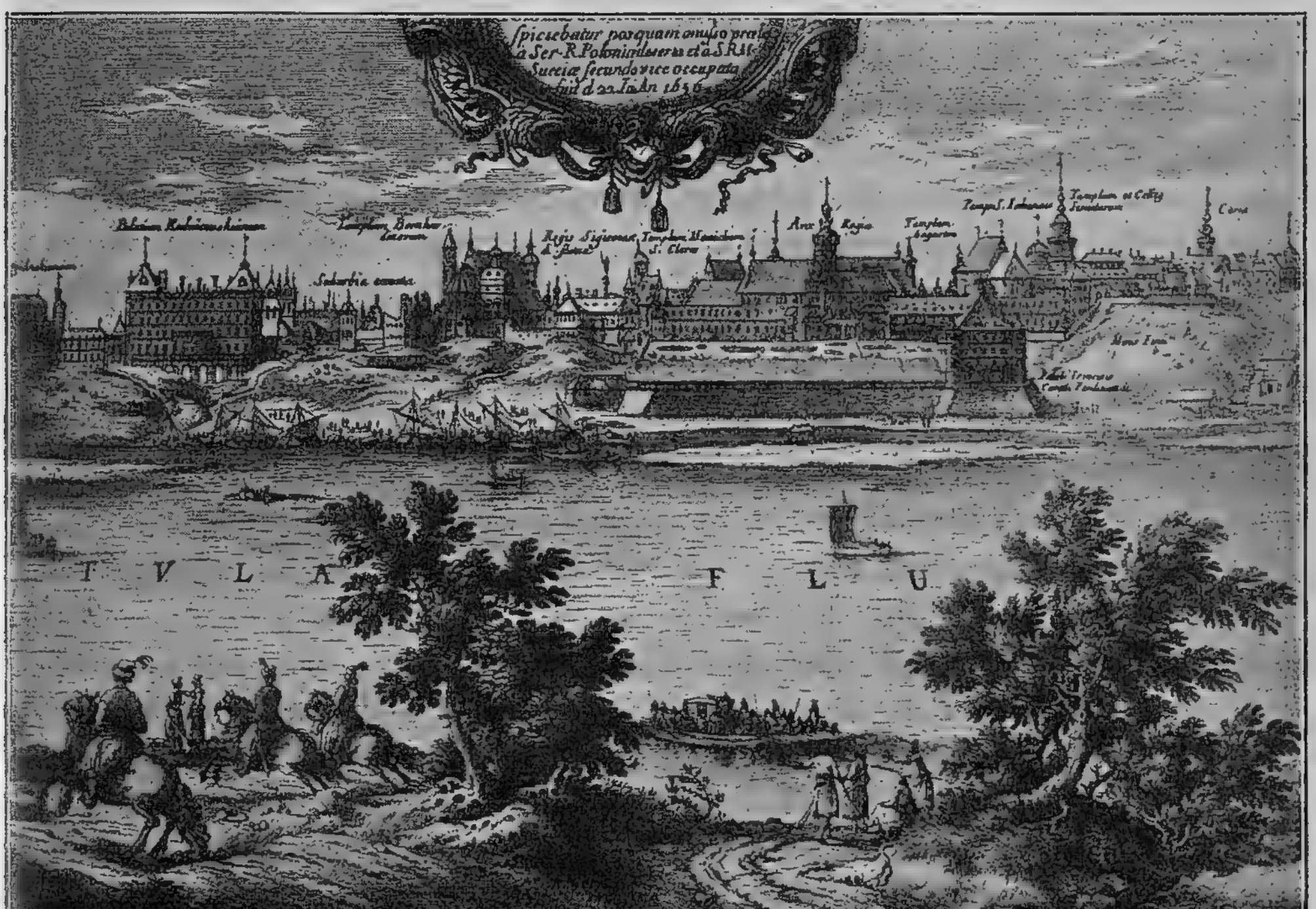
Рисунокъ К. Лебедева.

королевская милость изъ состраданія явила ему и даровала великую милость, а какую онъ вскорѣ потомъ показалъ неблагодарность вашей королевской милости, скажу ниже. Кратко говоря, пошелъ онъ до Москвы, съ чьей помощью—всѣмъ извѣстно (намекъ на Мнишка)... А князь Василій вскорѣ завладѣлъ государствомъ силой и на третій день послѣ этого убіенія (Гришки) велѣлъ короновать себя. Патріарха Игнатія, родомъ Грека, котораго самозванецъ поставилъ вмѣсто Іова, низложилъ; а Гермогена, человѣка злого, поставилъ патріархомъ»...

По словамъ Польскихъ лѣтописцевъ Василій Ивановичъ и его братья били королю челомъ до земли и лобызали его руку. Вспоминая, однако,

достойное поведеніе Шуйскаго на пріемѣ у того же короля подъ Смоленскомъ, можно думать, что и въ Варшавѣ онъ держалъ себя иначе, чѣмъ разсказываютъ Поляки.

Въ числѣ знатныхъ вельможъ, толпившихся въ королевскомъ замкѣ, былъ и панъ «Сердомірскій»—Юрій Мнишекъ; онъ съ ненавистью глядѣлъ на Шуйскаго и требовалъ мести. Король заточилъ бывшаго Царя съ братьями въ Гостынинскомъ замкѣ, гдѣ Василій Ивановичъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался, послѣ чего прахъ его былъ перевезенъ и похороненъ въ Варшавѣ.



367. Видъ на королевскій замокъ въ Варшавѣ въ XVII столѣтіи, съ праваго берега Вислы.
Изъ рѣдкой Латинской книги XVII вѣка: „О войнахъ короля Густава Шведскаго", соч. Пуффендорфа.

О взятіи Смоленска Сигизмундъ послалъ извѣщеніе и въ Москву седмочисленнымъ боярамъ, сидѣвшимъ въ Кремлѣ вмѣстѣ съ Гонсѣвскимъ. Тѣ отвѣчали ему поздравленіемъ и сообщили въ свою очередь, что Новгородцы, не удовольствовавшись заключеніемъ въ тюрьму сына Михаила Салтыкова—Ивана, за «злохитрьство», посадили его на колъ, по полученіи извѣстія о сожженіи Москвы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, бояре жаловались Сигизмунду, что подошедшее къ Москвѣ ополченіе Ляпунова съ товарищами не слушаетъ ихъ увѣщаній—разойтись и покориться на волю своихъ государей Сигизмунда и Владислава: «Но тѣ воры отъ воровства своего не перестаютъ и къ вашей государ-

ской милости не обращаются, нашихъ грамотъ и приказу ни въ чемъ не слушаютъ, насъ укоряютъ и безчестятъ всякими непригожими рѣчами, похваляются на насъ лютыми позорными смертями»...

Къ іюню мѣсяцу, какъ мы уже говорили, Русскимъ военачальникамъ, стоящимъ подъ Москвой, удалось овладѣть послѣдними башнями Бѣлаго города, находившимися въ рукахъ Поляковъ, послѣ чего тѣ очутились совершенно запертыми въ Китай-городѣ и Кремлѣ, вмѣстѣ съ боярами и патріархомъ, сидѣвшимъ за приставами.

Къ этому времени въ воинскомъ станѣ, осаждавшемъ столицу, взамѣнъ запертаго въ Кремлѣ правительства—имѣлось уже другое, которое вѣдало не только управленіемъ собранной рати, но также считало своимъ правомъ управлять и всѣмъ Московскимъ Государствомъ впредь до избранія новаго Царя. Это былъ «Совѣтъ всея Земли»,—въ составъ котораго входили: «всякіе служилые люди и дворовые и казаки»,—находившіеся въ рядахъ ополченія, пришедшаго освободить Москву отъ Поляковъ. Конечно, Совѣтъ этотъ хотя и состоялъ только изъ однихъ ратныхъ людей, тѣмъ не менѣе имѣлъ полное основаніе считать себя представителемъ всей Земли, такъ какъ ополченіе было собрано по единодушному приговору всѣхъ сословій въ городахъ, и кромѣ того—въ немъ же участвовали какъ казаки, такъ и Русскіе люди, служившіе въ Тушинѣ. Для завѣдыванія дѣлами были учреждены «приказы», совершенно такіе же, какіе дѣйствовали въ Москвѣ: Помѣстный, Разрядный, Разбойный, Земскій и другіе.

30 іюня этотъ Совѣтъ всея Земли—«Московскаго Государства, разныхъ земель царевичи, бояре, окольничьи и всякіе служилые люди и дворовые, которые стоятъ за Домъ Пречистой Богородицы, за Православную Христіанскую вѣру, противъ разорителей вѣры Христіанской», составили приговоръ, по которому ввѣрили высшее управленіе всѣми дѣлами тремъ лицамъ: боярину князю Димитрію Тимофеевичу Трубецкому, боярину Ивану Мартыновичу Заруцкому и думному дворянину Прокофію Петровичу Ляпунову; послѣдніе, однако, являлись подчиненными лицами относительно «всей Земли» и не имѣли права своевластно наказывать кого либо смертной казнью или ссылкой: «А не объявя всей Землѣ смертныя казни никому не дѣлать и по городомъ не ссылать»... По этому приговору бывшіе Тушинцы были совершенно уравнены съ людьми Земскихъ ополченій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было указано, что кто получилъ, пользуясь смутой, сверхъ мѣры помѣстій, то онъ обязанъ ихъ возвратить и довольствоваться тѣмъ, что ему бы причиталось за службу на основаніи существовавшихъ ранѣе порядковъ Московскаго Государства. Чтобы пресѣчь безчинства казаковъ, въ этомъ же приговорѣ постановлено: «Съ городовъ и изъ волостей атамановъ и казаковъ свести и запретить имъ грабежи и убійства». Крестьянъ же и бѣглыхъ людей отъ помѣщиковъ велѣно было отыскивать и возвращать ихъ прежнимъ владѣльцамъ.

Конечно, этими постановленіями приговора не могли быть довольны казаки и бывшіе воры, причемъ сильное ихъ неудовольство противъ себя возбуждалъ вождь Земскихъ ополченій—пылкій, видный и властный Прокофій Ляпуновъ «всего Московскаго воинства властель, скачетъ по полкамъ всюду, какъ левъ рыкая», который, по словамъ лѣтописца, и «повелѣ написати приговоръ»—по челобитной Земскихъ людей. «Начальникомъ же двумъ, Трубецкому и Заруцкому, та ихъ челобитная не люба бысть».

Особенно ненавидѣлъ Ляпунова Заруцкій, совершеннѣйшій изверг по природѣ. Онъ былъ не менѣе властолюбивъ, чѣмъ Ляпуновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличался непомѣрной алчностью. Заруцкій успѣлъ нахватать себѣ множество вотчинъ и помѣстій, съ которыми послѣ приговора 30 іюня ему приходилось разстаться; вмѣстѣ съ тѣмъ, было видно, что желаніе его посадить на Царство сына Марины вовсе не пользовалось сочувствіемъ ополченія отъ Земли, начальные люди котораго, по словамъ лѣтописца, «начаша думати, что безъ государя быть нельзя, чтобъ имъ изобрати на Московское государство государя, и придумаша послати въ Нѣмцы прошати на Московское государство Нѣмецково (Шведскаго) королевича Филиппа... У Заруцково же съ казаками бысть з бояры и з дворяны непрямая мысль: хотяху на Московское государство посадити Воренка Калужсково, Маринкина сына; а Маринка въ тѣ поры была на Коломнѣ»...

Про взаимоотношенія верховныхъ троеначальниковъ лѣтописецъ выражается такъ: «Въ тѣхъ же началникѣхъ бысть великая ненависть и гордость: другъ предъ другомъ чести и начальство получить желаста, ни единъ единого меньши быти не хотяше, всякому хотяшеся самому владѣти. Сіе же Прокофей Ляпуновъ не по своей мѣрѣ вознесеся и гордость взя... Той же другой начальникъ Заруцкой поимавъ себѣ городы и волости многіе. Ратные же люди подъ Москвою помираху з голоду, казакомъ же даша волю велію; и быша по дорогамъ и по волостямъ грабежи великіе. На того-же Заруцкого отъ земли отъ всей ненависть бяше. Трубецкому жъ межъ ими чести никакіе отъ нихъ не бѣ...»

Такая взаимная ненависть и рознь не могли привести, разумѣется, ни къ чему хорошему. Заруцкій и Трубецкой, вынужденные подписать приговоръ «всея Земли» отъ 30 іюня, «съ тоѣ же поры начаша надъ Прокофьемъ думати, какъ бы ево убить». Случай скоро представился. Одинъ изъ Земскихъ военачальниковъ Матвѣй Плещеевъ поймалъ, повидимому, на разбоѣ, 28 казаковъ и посадилъ ихъ въ воду; но на выручку имъ прибыли другіе казаки, которые успѣли вытащить изъ воды товарищей и привезти въ свой таборъ подъ Москвой, раздѣлявшій, какъ мы говорили, станъ Ляпунова отъ становъ остальныхъ Земскихъ ополченій. Начался страшный шумъ, какъ смогъ Земскій человѣкъ, вопреки приговора отъ 30 іюня, казнить кого либо смертью безъ вѣдома «всея Земли», причемъ всѣ стали кричать противъ Ляпунова и хотѣли его убить. Узнавъ про это,

Ляпуновъ собрался бѣжать, но былъ настигнутъ казаками, и ихъ вожди уговорили его вернуться назадъ, на что онъ согласился.

А между тѣмъ, противъ него дѣйствовалъ и другой врагъ, желавшій его смерти не меньше, чѣмъ Трубецкой, Заруцкій и казаки. Это былъ Гонсѣвскій. Въ одной изъ стычекъ Поляки взяли въ плѣнъ казака—побратима атамана Исидора Заварзина. Заварзинъ сталъ просить Гонсѣвскаго разрѣшить ему повидаться со своимъ названнымъ братомъ. Тотъ разрѣшилъ свиданіе и воспользовался имъ для своихъ цѣлей: Гонсѣвскій приказалъ написать отъ имени Ляпунова грамоту во всѣ города, и искусно подписаться подъ его руку; грамотой этой наказывалось:«Гдѣ поймаютъ казака—бить и топить; а когда Богъ дастъ Государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ». Пойманный побратимъ отдалъ грамоту Заварзину со словами: «Вотъ братъ, смотри, какую измѣну надъ нашей братіей казаками Ляпуновъ дѣлаетъ.—Вотъ грамота, которую Литва перехватила». Заварзинъ вскипѣлъ гнѣвомъ и отвѣчалъ: «Теперь мы его, такого сякого сына, убьемъ!».

По его возвращеніи въ таборы содержаніе грамоты стало тотчасъ же извѣстно казакамъ, которые собрали кругъ и потребовали Ляпунова для объясненій. Тотъ дважды отказался ѣхать. Не прибыли также въ кругъ Трубецкой и Заруцкій, хотя, по всѣмъ даннымъ, отлично знали о его сборѣ. Наконецъ къ Ляпунову пришли два не казака—Сильвестръ Толстой и Юрій Потемкинъ и поручились ему, «что отнюдь ничево не будетъ». Однако, какъ только онъ вошелъ въ кругъ,—атаманъ Карамышевъ сталъ его называть измѣнникомъ и показалъ ему грамоту. Ляпуновъ, посмотрѣвъ на нее, сказалъ: «Рука похожа на мою, только я не писывалъ». «Казаки же ему не терпяше», говоритъ лѣтописецъ, «по повелѣнію своихъ начальниковъ ево убиша». Вмѣстѣ съ Ляпуновымъ палъ и его большой недругъ, извѣстный перелетъ Иванъ Ржевскій, возмущенный поступкомъ казаковъ; онъ сталъ имъ съ гнѣвомъ говорить: «За посмѣшно де Прокоѳья убили, Прокоѳьевы де вины нѣтъ»—и былъ ими изрубленъ.

Такъ погибъ 22 іюля 1611 года Прокофій Ляпуновъ. Онъ первый поднялся по призыву Гермогена противъ Поляковъ и сталъ во главѣ всего Земскаго движенія на защиту Православія и Родины отъ Поляковъ, но безъ достаточной осторожности соединилъ свое дѣло, хотя и вынужденный къ этому необходимостью, съ дѣломъ казаковъ и воровъ, пришедшихъ поживиться за счетъ Московскаго Государства, и за это поплатился жизнью.

Смерть Прокофія Ляпунова была великой бѣдой. Вслѣдъ за ней тотчасъ же послѣдовало и распаденіе ополченія, собраннаго отъ Земли, такъ какъ «послѣ Прокоѳьевой смерти стольники и дворяне», читаемъ мы въ современной разрядной записи, «и дѣти городовые изъ подъ Москвы розъѣхались по городомъ и по домомъ своимъ, бояся Заруцкаго и отъ казаковъ убойства». Осаждать же Поляковъ въ столицѣ остались казаки и бывшее воровское воинство; въ ихъ же рукахъ очутились и всѣ созданные «Совѣтомъ всея Земли»

приказы для управленія страной: «А Розрядъ и Помѣстной приказъ и Печатной и иные приказы подъ Москвой были... и въ Розрядѣ и въ Помѣстномъ приказѣ и въ иныхъ приказѣхъ сидѣли дьяки и подъячіе и изъ городовъ и съ волостей на казаковъ кормы сбирали и подъ Москву привозили».

Создавшееся положеніе вещей было огромнымъ бѣдствіемъ для Московскаго Государства. «Оно теперь имѣло», говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, «надъ собой два правительства: Польско-Литовское въ Москвѣ и Смоленскѣ, и казацко-воровское въ таборахъ подъ Москвой». Въ самой же странѣ послѣ смерти Ляпунова и распаденія Земскаго ополченія—не было никакой силы, способной противостоять имъ: «уѣздные дворяне и дѣти боярскія, волостные и посадскіе мужики были разрознены и подавлены несчастнымъ ходомъ событій».

Казаки и воры вновь начали предаваться неистовымъ грабежамъ по областямъ, а Сигизмундъ вызвалъ изъ Ливоніи Литовскаго гетмана Хоткевича и поручилъ ему собирать войска для похода къ Москвѣ, чтобы совершенно покончить съ ней. Въ это же время, «Желая утвердить вѣчную дружбу съ нами», говоритъ Н. М. Карамзинъ, «Шведы... продолжали безсовѣстную войну свою въ древнихъ областяхъ Новгородскихъ и, тщетно хотѣвъ взять Орѣшекъ, взяли наконецъ Кексгольмъ (Корелу), гдѣ изъ трехъ тысячъ Россіянъ, истребленныхъ битвами и цынгою, оставалось только сто человѣкъ, вышедшихъ свободно съ имѣніемъ и знаменами, ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ».

Вслѣдъ затѣмъ, въ іюлѣ 1611 года, Якову Делагарди удалось овладѣть и Новгородомъ, гдѣ между воеводами Василіемъ Бутурлинымъ и княземъ Иваномъ Одоевскимъ Большимъ шли великія несогласія. 8 іюля Делагарди повелъ приступъ на городъ, но послѣ жестокой сѣчи былъ всюду отброшенъ. Это сильно ободрило защитниковъ. Но тогда какъ часть изъ нихъ пребывала все время въ усердной молитвѣ, другая неистово пьянствовала, лазила на стѣны и безстыдно ругалась надъ Шведами. Наконецъ, среди Новгородцевъ нашелся предатель—какой-то Иванъ Шваль. Зная, что сторожевая служба несется плохо, этотъ Шваль незамѣтно ввелъ Шведовъ ночью въ городъ черезъ Чудинцовскія ворота. Шведы кинулись тотчасъ же сѣчь стражу по городу и по дворамъ. Воевода Бутурлинъ оказалъ имъ очень слабое сопротивленіе, причемъ бывшіе съ нимъ стрѣльцы и казаки, уходя изъ города, ограбили лавки, говоря, что все равно ихъ ограбили бы Нѣмцы.

Однако, среди застигнутыхъ врасплохъ Русскихъ людей въ Новгородѣ нашлось и немало героевъ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ лѣтописецъ: «Едини же помроша мученическою смертію, біющеся за православную христіанскую вѣру, голова стрѣлецкой Василей Гаютинъ, да дьякъ Онфиногенъ Голянищевъ, да Василей Орловъ, да атаманъ казачей Тимофѣй Шаровъ, да съ нимъ сорокъ человѣкъ казаковъ, тѣ помроша вкупѣ. Многою статьею ихъ Нѣмцы прельщаху, чтобы они здались. Они же отнюдь не здашеся, вси помроша за православ-

ную вѣру. Протопопу же Сафѣйскому Амосу запершусь на своемъ дворѣ со своими совѣтники и біющеся съ Нѣмцами многое время, и много Нѣмецъ побилъ. Нѣмцы же ему многижда говорили, чтобы онъ здался. Онъ же отнюдь на ихъ словеса не уклонися. Бывшу же ему въ то время у митрополита Исидора въ запрещеніи, митрополитъ же стоя на градцкой стѣнѣ, поя молебны, видя ево крѣпкое стоятельство, прости и благослови его за очи, зря на дворъ его. Нѣмцы же, видячи таковое ево жестокое стоятельство, пріидоша всѣми людьми и зажгоша у него дворъ, и згорѣлъ онъ совсѣмъ, ни единово не взяша живьемъ».

Слѣдствіемъ взятія Новгорода былъ договоръ, заключенный между оставшимся въ городѣ воеводой княземъ Одоевскимъ и «Яковомъ Пунтосовичемъ Делагардою». По этому договору Новгородъ отдѣлялся отъ Московскаго Государства и долженъ былъ цѣловать крестъ Шведскому королевичу, образуя подъ его властью особое владѣніе, подручное Швеціи.

Еще ранѣе Новгорода, отдѣлился отъ Москвы Псковъ, въ которомъ, какъ мы видѣли, шла уже нѣсколько лѣтъ безпрерывная борьба между лучшими и меньшими людьми. Весной 1611 года въ Псковской области появился Литовскій гетманъ Ходкевичъ и шесть недѣль стоялъ подъ Печерскимъ монастыремъ, но безуспѣшно: онъ не могъ его взять.

Зато гораздо удачнѣе шли дѣла новаго «царя Димитрія» — вора Сидорки,—объявившагося въ Ивангородѣ, къ которому тотчасъ же поспѣшили примкнуть всѣ казаки, бывшіе въ Псковской области; скоро и Псковъ долженъ былъ принять Сидорку и цѣловать ему крестъ, причемъ Сидорка не замедлилъ послать объявить черезъ казаковъ въ станъ подъ Москву, что истинный государь Димитрій живъ и здоровъ и имѣетъ пребываніе во Псковѣ.

Между тѣмъ, 4 августа, къ Москвѣ подошелъ со своимъ рыцарствомъ Янъ Сапѣга; ему удалось нанести пораженіе казацко-воровской рати, обложившей столицу, и снабдить продовольствіемъ Гонсѣвскаго, причемъ Поляки успѣли также захватить въ свои руки и нѣкоторыя ворота. Гонсѣвскій хотѣлъ даже овладѣть обратно всѣми укрѣпленіями Бѣлаго города и, вѣроятно, успѣлъ бы въ этомъ, въ виду крайне вялыхъ дѣйствій войскъ Трубецкого и Заруцкаго. Но въ самомъ Польскомъ станѣ было уже полное паденіе внутренняго порядка: никто не слушалъ приказаній Гонсѣвскаго, и большинство рѣшило, что разъ на выручку столицы идетъ гетманъ Хоткевичъ, то незачѣмъ отнимать у него славу и предоставлять ее Гонсѣвскому. Тѣмъ временемъ Янъ Сапѣга разболѣлся и умеръ 4 сентября въ Кремлѣ.

Хоткевичъ подошелъ къ Москвѣ 26 сентября и тоже не имѣлъ большого успѣха: онъ привелъ съ собой только 2.000 человѣкъ, изнуренныхъ пребываніемъ въ Ливоніи и раздѣленныхъ кромѣ того на двѣ партіи: одна стояла за гетмана, а другая держала сторону врага его, воеводы Смоленскаго, Потоцкаго, не желавшаго, чтобы слава завоеванія Москвы досталась Хоткевичу; были противъ Литвина Хоткевича и всѣ Поляки. Поэтому онъ, постоявъ подъ Москвой, съ наступленіемъ холодовъ отошелъ къ Рогачевскому монастырю въ 20 верстахъ отъ города Ржева, уведя съ собой часть

Сапѣжинцевъ и Поляковъ Гонсѣвскаго изъ Кремля и Китай-города. Тѣмъ же Полякамъ, которые остались въ Кремлѣ, были вмѣсто жалованія выданы взятыя сокровища изъ Царской казны: короны Бориса Годунова и Лжедимитрія, «единороговы роги», изъ коихъ одинъ цѣльный былъ оцѣненъ въ 140.000 рублей, Царскія доѣянія, церковные сосуды, оклады съ образовъ, драгоцѣнности съ покрововъ, бывшихъ на «гробахъ великаго князя Василія и царевича Ивана», и пр.

Пользуясь открывшимся сообщеніемъ съ внѣшнимъ міромъ, изъ Кремля отъ лица бояръ было отправлено посольство къ Сигизмунду; въ числѣ его былъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и князь Юрій Никитичъ Трубецкой. Это посольство было выслано для замѣны стараго—Филарета и князя В. В. Голицына, которые дѣлали будто бы «не по наказу и ссылались съ Калужскимъ воромъ, съ Смоленскими сидѣльцами, съ Ляпуновымъ и другими измѣнниками».

Бѣдствія нашей Родины увеличивались. Взявши Новгородъ, Шведы овладѣли затѣмъ Ямой, Копорьемъ, Руссой, Ладогой, Порховымъ, Иван-городомъ, Гдовомъ, Тихвиномъ и Орѣшкомъ. Кромѣ вора Сидорки во Псковѣ, появился и другой истинный государь Димитрій въ Астрахани, котораго признало почти все нижнее Поволжье.

Наступило такъ называемое *лихолѣтье*. Казалось, пришли послѣдніе дни для Московскаго Государства. Хищные отряды Шведовъ, казаковъ, Поляковъ, «полковника Лисовскаго» и другихъ воровъ всюду хозяйничали самымъ наглымъ образомъ, встрѣчая въ эту пору противодѣйствіе только со стороны «шишей», каковымъ именемъ прозывались озлобленные и разоренные крестьяне, собиравшіеся въ шайки и нападавшіе при удобномъ случаѣ на своихъ грабителей.

Положеніе дѣлъ на Руси казалось совершенно безнадежнымъ. Никто въ это время не зналъ, что надо дѣлать и чего держаться. Жива была въ сердцахъ Русскихъ людей только горячая вѣра въ Бога, и къ Нему съ усердной и слезной молитвой стали всюду прибѣгать люди, «чтобы онъ пощадилъ останокъ рода христіанскаго» и оградилъ миромъ «останокъ Россійскихъ Царствъ и градовъ и весей». Начался безпримѣрный общій религіозный подъемъ всей Русской народной тверди. Пребывая неустанно въ молитвенномъ настроеніи, нѣкоторые сподобились чудесныхъ видѣній.

Послѣ взятія Новгорода Шведами, инокъ Варлаамъ увидѣлъ во снѣ Божію Матерь, вокругъ которой стояли Новгородскіе святители, умоляя ее заступиться за Новгородъ и не предавать его иноземцамъ. Царица Небесная отвѣчала, что Господь прогнѣвался на беззаконія Русскихъ людей, а потому пусть они покаются и готовятся къ смерти.

Въ это же время въ подмосковныхъ таборахъ упорно ходили слухи о нѣкоемъ свиткѣ, въ коемъ описывалось видѣніе Нижегородскаго обывателя Григорія, къ которому ночью явились два Святыхъ мужа, причемъ одинъ изъ нихъ спрашивалъ другого, называя его «Господи», о судьбахъ Московскаго Государства, на что Господь отвѣчалъ: «Аще человѣцы во всей Русской

Землѣ покаются и постятся три дня и три ночи въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, не только старые и юные, но и младенцы, Московское Государство очистится».

Разсказъ объ этомъ видѣніи производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе, хотя впослѣдствіи оказалось, что въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ никакого мужа Григорія не было...«Нижегородцы же о томъ дивяхуся откуда то взяся», говоритъ лѣтописецъ и добавляетъ, что онъ тѣмъ не менѣе заноситъ этотъ случай въ лѣтопись, «а въ забвеніе положити не смѣхъ, видячи такую къ Богу вѣру и постъ».

Въ то же время, жена Бориса мясника, простого посадскаго человѣка во Владимірѣ—Меланія, объявила воеводѣ, что сподобилась видѣть «во свѣтѣ несотворенномъ.....пречудную жену», которая возвѣстила ей, чтобы люди постились и со слезами молились Спасителю и Царицѣ Небесной.

Извѣстія объ этихъ видѣніяхъ принимались повсюду какъ за откровенія свыше. По поводу ихъ города стали опять сноситься между собой и затѣмъ по всей Землѣ былъ установленъ строгій трехдневный постъ.

«...И мы къ вамъ списавъ списокъ съ тѣхъ вѣстей Божія откровенія», писали Вычегодцы Пермичамъ, «послали, подклея подъ сею отпискою. А по совѣту, господа, всей земли Московского государства, во всѣхъ городѣхъ, всѣми православными народы приговорили, по совѣту священнаго собора, архимаритовъ и игуменовъ и поповъ... поститись, а пищи и питіа отнюдъ воздержатися три дни, ни причаститися ни къ чему и съ малыми млекосущими младенцы; и по приговору, господа, во всѣхъ городѣхъ православные христіане постилися, по своему изволенію, отъ недѣли и до суботы, а постилися три дни въ понедѣлникъ, во вторникъ и въ среду ничего не ѣли, ни пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли...»

На такой высокій подъемъ религіознаго чувства всего народонаселенія Московскаго Государства безспорно вліялъ примѣръ большинства пастырей Русской церкви и многихъ Божіихъ угодниковъ. Кромѣ патріарха Гермогена и митрополита Филарета, въ эти же времена, какъ мы видѣли, жили и стяжали извѣстность своими подвигами во имя преданности Православію и любви къ Родинѣ: архіепископъ Ѳеоктистъ Тверской, удержавшій свою паству въ вѣрности присягѣ Василію Ивановичу Шуйскому, а затѣмъ замученный Поляками, взявшими его въ плѣнъ; Іосифъ Коломенскій, котораго приковалъ къ пушкѣ полковникъ Лисовскій; незабвенный Сергій, архіепископъ Смоленскій, принявшій смерть въ Польскихъ узахъ, и митрополитъ Новгородскій Исидоръ, благословлявшій съ городской стѣны подвигъ отца Аммоса, оборонявшагося на своемъ дворѣ отъ Шведовъ, пока онъ ими не былъ сожженъ.

Среди отпельниковъ въ эти тяжкія времена подвизались:

Преподобный Галактіонъ Вологодскій, сынъ боярина князя Ивана Бѣльскаго, приковавшій себя къ стѣнѣ цѣпью въ своемъ затворѣ, которая не позволяла ему ложиться для спанья. Преподобный Галактіонъ пред-

сказалъ, что Вологда будетъ разорена Поляками, которые нанесли и ему столько увѣчій, что онъ умеръ отъ нихъ черезъ три дня.

Блаженный Іоаннъ, Псковскій затворникъ, «что въ стѣнѣ жилъ 22 лѣта; ядь же его рыба сырая, а хлѣба не ѣлъ, а жилъ во градѣ, якоже въ пустыни, въ молчаніи великомъ», какъ говоритъ про него лѣтописецъ.

Преподобный Ефросинъ Прозорливый подвизался въ пустыни на берегу Синичьяго озера близъ Устюжны Желѣзнопольской. Онъ предсказалъ жителямъ о приходѣ Поляковъ и убѣдилъ ихъ держаться противъ нихъ крѣпко; самому же Ефросину вмѣстѣ съ инокомъ Іоною Поляки размозжили голову чеканомъ, допытываясь, гдѣ находятся церковныя сокровища.

Жилъ въ это время и старецъ Иринархъ, затворникъ Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, бывшій въ міру крестьянскимъ сыномъ села Кондакова—Ильей. Уже въ дѣтствѣ говорилъ онъ матери, «какъ выросту большой, постригусь въ монахи, буду желѣза на себѣ носить, трудиться Богу». Выросши, Илья сталъ жить съ своей матерью и заниматься торговлею, причемъ отлично повелъ дѣло, но затѣмъ онъ взялъ свой родительскій *поклонный* мѣдный крестъ, каковые кресты, около четверти аршина величиною, ставились въ переднемъ углу комнаты для совершенія передъ ними молитвъ и поклоновъ, и ушелъ съ нимъ въ Борисоглѣбскій монастырь, въ которомъ и оставался до конца своихъ дней, принявъ при постриженіи имя Иринарха.

Пребывая однажды въ жаркой молитвѣ, Иринархъ былъ осѣненъ святымъ извѣщеніемъ, что ему слѣдуетъ жить всегда въ затворѣ, что онъ и исполнилъ. «Первымъ помысломъ новаго затворника», говоритъ И. Е. Забѣлинъ, «было создать себѣ особый *трудъ*, дабы не праздно и не льготно сидѣть въ затворѣ. Онъ сковалъ желѣзное *ужище*, то есть цѣпь длиною въ три сажени, обвился ею и прикрѣпилъ себя къ большому деревянному стулу (толстый обрубокъ дерева), который, вѣроятно, служилъ и мебелью для преподобнаго и добровольною тяжелой ношею при переходѣ съ мѣста на мѣсто».

Вскорѣ Иринарха пришелъ навѣстить его другъ, извѣстный Московскій юродивый, Іоаннъ Большой Колпакъ, о которомъ мы уже говорили, и посовѣтовалъ ему сдѣлать сто мѣдныхъ крестовъ, чтобы каждый былъ вѣсомъ въ четверть фунта. Иринархъ съ радостію согласился на это, но сказалъ, что по бѣдности своей онъ не знаетъ, гдѣ достать столько мѣди. Блаженный Іоаннъ успокоилъ его, говоря, что Богъ поможетъ, и пророчески предсказалъ: «Дастъ тебѣ Господь Богъ коня. Никто не сможетъ на томъ конѣ сѣсть, ни ѣздить, кромѣ одного тебя, твоему коню очень будутъ дивиться, даже и иноплеменные.... Господь назначилъ тебѣ быть наставникомъ и учителемъ. И отъ пьянства весь міръ отводить. За это беззаконное пьянство наведетъ Господь на нашу землю иноплеменниковъ, но и они прославятъ тебя паче вѣрныхъ». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, одинъ посадскій человѣкъ совершенно неожиданно принесъ преподобному Иринарху большой мѣдный крестъ, изъ котораго были слиты, къ его большой радости, сто крестовъ. Затѣмъ другой посадскій принесъ затворнику желѣзную палицу—

дубинку, около трехъ фунтовъ вѣса. Онъ сталъ употреблять ее противъ лѣности тѣла и невидимыхъ бѣсовъ.

Скоро число крестовъ увеличилось до 142, а послѣ шестилѣтнихъ трудовъ на трехъ саженяхъ ужища, старецъ прибавилъ еще три сажени; затѣмъ, по прошествіи слѣдующихъ шести лѣтъ, опять три, такъ что къ 1611 году, по мѣрѣ того какъ внутреннія дѣла Московскаго Государства «стали, — говоритъ И. Е. Забѣлинъ, — запутываться въ новыя ужища и цѣпи, — у преподобнаго подвижника тоже прибыло еще три сажени ужища, полученныя отъ нѣкоего брата, также трудившагося въ желѣзѣ». Такимъ образомъ длина всего ужища стала уже въ 9 саженъ. Въ 1611 же году, въ самую трудную и бѣдственную пору для Московскаго Государства, Иринархъ прибавилъ сразу одиннадцать саженей ужища и постоянно пребывалъ обвитый двадцатисаженной цѣпью. Но это было далеко не все. «Послѣ старца», разсказываетъ И. Е. Забѣлинъ, «осталось его «праведныхъ трудовъ», кромѣ ужища, кромѣ 142 крестовъ и желѣзной палицы, еще семеры вериги, плечныя или нагрудныя, путо шейное, связни поясныя въ пудъ тяготы, восемнадцать оковцевъ мѣдныхъ и желѣзныхъ для рукъ и перстовъ; камень въ 11 фунтовъ вѣсу, скрѣпленный желѣзными обручами и съ

368. Мѣдный крестъ преподобнаго Иринарха въ естественную величину. Возможно, что этотъ крестъ—родительскій поклонный крестъ преподобнаго, и что можетъ быть именно онъ былъ передаваемъ для побѣды надъ врагами князю М. В. Скопину-Шуйскому и князю Д. М. Пожарскому. Крестъ этотъ своимъ устройствомъ вполнѣ отвѣчаетъ ношенію его въ походахъ на груди поверхъ брони, такъ какъ онъ имѣетъ съ оборотной стороны вверху и внизу особыя скважины для продѣванія въ нихъ тесьмы, чтобы потомъ надѣть Святыню на грудь, на рамена, отчего такіе кресты прозывались въ старину „параманными", т. е. параменными.

кольцомъ, тоже для рукъ; желѣзный обручъ для головы, кнутъ изъ желѣзной цѣпи для тѣла. Во всѣхъ сохранившихся и доселѣ *праведныхъ трудахъ* затворника находится вѣсу около 10 пудовъ».

Преподобный старецъ неустанно подвизался въ этихъ «трудахъ» болѣе тридцати лѣтъ, не давая покою и своимъ рукамъ: онъ вязалъ для братіи

369. Діонисій, архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры.

Съ современнаго изображенія, хранящагося въ Патріаршей ризницѣ въ Москвѣ.

одежды изъ волоса и дѣлалъ клобуки; самъ же носилъ сорочку изъ свиного волоса. Онъ шилъ также платье для нищихъ, помогая имъ чѣмъ могъ, и сидя въ своемъ крѣпкомъ затворѣ, всѣми своими помыслами и чувствами, слѣдилъ за грозными событіями, потрясавшими его Родину. «Мимо старца,— говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—прославившагося своими подвигами-трудами,

конечно, ни пѣшій не прохаживалъ, ни конный не проѣзживалъ. Всѣ приходили къ нему благословляться на путь и побесѣдовать объ общемъ горѣ, облегчить сердце и душу упованіемъ на Божій Промыселъ».

«По пророческому слову старца Иринарха князь Скопинъ-Шуйскій отбилъ Сапѣгу отъ Калязина. Затѣмъ, весь побѣдоносный походъ Скопина къ Москвѣ и его быстрыя пораженія Польскихъ полковъ совершились все благословеніемъ и укрѣпленіемъ преподобнаго затворника, причемъ онъ всегда посылалъ князю освященную просфору и святыя слова: «Дерзай, не бойся, Богъ тебѣ поможетъ!». Но сильнѣйшая благодать, укрѣпившая воеводу, заключалась въ крестѣ затворника, который онъ послалъ князю еще въ Переяславль. Съ этимъ крестомъ Скопинъ побѣдоносно прошелъ до самой Москвы, совсѣмъ тогда погибавшей». Даже Поляки относились къ трудамъ преподобнаго Иринарха съ уваженіемъ, въ томъ числѣ и Янъ-Петръ-Сапѣга. «Воротись-ка и ты въ свою землю», пророчески говорилъ ему старецъ, «полно тебѣ воевать на Россію, не выйдешь ты изъ нея живой». Пораженный этимъ, Сапѣга не велѣлъ трогать Борисоглѣбскаго монастыря, оставилъ въ немъ, по преданію, Русское знамя и прислалъ пять рублей въ милостыню Иринарху.

Крѣпкимъ оплотомъ Русскихъ людей въ наступившее лихолѣтье являлась также обитель Живоначальной Троицы преподобнаго Сергія.

Ея архимандритомъ тогда былъ Діонисій, человѣкъ смиренный, глубоко-вѣрующій въ Бога и безпредѣльно преданный своимъ горячимъ сердцемъ Родинѣ. Діонисій былъ уроженцемъ города Ржева и именовался въ мірѣ Давидомъ. Первоначально онъ былъ священникомъ, но скоро овдовѣлъ и постригся въ Старицкомъ Богородичномъ монастырѣ. Однажды онъ появился въ Москвѣ на книжномъ рынкѣ. Кто-то изъ толпы, увидя красиваго, молодого монаха, сталъ его корить, зачѣмъ онъ ходитъ по торжищамъ, причемъ поносилъ его бранными словами. Вмѣсто того чтобы обидѣться, Діонисій заплакалъ и отвѣчалъ ему: «Да, братъ! Я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ всю правду. Если бы я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между людьми, а сидѣлъ бы въ своей келіи, прости меня грѣшнаго, ради Бога, въ моемъ безуміи». Присутствующіе были тронуты его словами и обратились съ укоризною къ обидчику, называя его невѣжею, но Діонисій остановилъ ихъ: «Нѣтъ, братія! Дерзкій невѣжа то я, а не онъ, всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобы мнѣ впредь не скитаться по рынку, а сидѣть въ келіи».

Но когда начались тяжкія времена Смутнаго времени и на площадяхъ Москвы собирались шумныя толпы народа, то Діонисій, пользовавшійся особой любовью Гермогена, появлялся на этихъ народныхъ сборищахъ и безстрашно увѣщевалъ толпу крѣпко стоять за Православную Вѣру, несмотря на оскорбленія, которымъ онъ иногда подвергался.

Назначенный игуменомъ Троицко-Сергіевской лавры послѣ выдержавшаго въ ней осаду Іосафа, Діонисій вступилъ въ управленіе монастыремъ, какъ разъ въ то время, когда Москва была разорена и въ ея окрест-

ностяхъ злодѣйствовали Сапѣжинцы и казаки. Всѣ дороги были переполнены ранеными, голодными и разоренными Московскими людьми; кто имѣлъ силы, тотъ спѣшилъ найти себѣ пріютъ въ лаврѣ, но великое множество людей, съ перебитыми ногами и руками, вырѣзанными изъ спины ремнями и содранной съ головы кожей, или обоженными боками, не могли доползти до монастыря, а валялись на пути, или въ окрестныхъ рощахъ и селеніяхъ, и тутъ же умирали.

Памятуя завѣты Святого Сергія, Діонисій обратилъ его обитель въ страннопріимный домъ и больницу для ратныхъ людей и всякаго рода страдальцевъ. Онъ призвалъ келаря, казначея, всю братію и объявилъ имъ, что надо всѣми силами помогать тѣмъ, которые ищутъ пріюта у Святого Сергія. «Домъ Святой Троицы не запустѣетъ,—говорилъ онъ со слезами,—если станемъ молиться Богу, чтобы далъ намъ разумъ: только положимъ на томъ, чтобы всякій промышлялъ, чѣмъ можетъ».

Затѣмъ началась кипучая дѣятельность: въ обители и ея селахъ стали строить дома и избы для раненыхъ и странниковъ; больныхъ лѣчили, а умирающимъ давали послѣднее напутствіе; монастырскіе работники ѣздили по окрестностямъ и подбирали раненыхъ и умирающихъ; женщины, пріютившіяся въ монастырѣ, неустанно шили и мыли бѣлье живымъ и саваны покойникамъ. Въ то же время въ келіи архимандрита сидѣли борзые писцы, которые писали увѣщательныя грамоты по городамъ и селамъ, призывая всѣхъ къ очищенію Земли отъ Литовскихъ и Польскихъ людей.

Великій старецъ Гермогенъ также не молчалъ въ своемъ заточеніи. Въ то время какъ, 4 августа 1611 года, Янъ Сапѣга подошелъ къ Москвѣ и, разбивъ казацкіе отряды, открылъ себѣ дорогу въ Кремль для снабженія продовольствіемъ Гонсѣвскаго, этимъ воспользовались и Нижегородскіе «безстрашные люди». Они проникли къ патріарху въ тюрьму, на Кирилловское подворье, и одному изъ нихъ, Родѣ Моисееву, онъ далъ свою грамоту.

Это послѣдняя изъ дошедшихъ до насъ грамотъ святителя. Вотъ ея содержаніе: «Благословеніе архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и всему святому собору, и воеводамъ и діакомъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всему міру: отъ Патріарха Ермогена Московского и всеа Русіи, миръ вамъ, и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижнего въ Казань къ Митрополиту Ефрему, чтобъ Митрополитъ писалъ въ полки къ бояромъ учителную грамоту, да и казацкому войску, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атаманьѣ безстрашно, чтобъ они отнюдъ на царьство проклятого Маринкина паньина сына,... (пропускъ въ подлинникѣ) не благословляю. И на Вологду ко властемъ пишите-жъ, такъже бы писали въ полки; да и къ Рязанскому (архіепископу—Ѳеодориту) пишите тожъ, чтобъ въ полки такъже писали къ бояромъ учителную грамоту, чтобъ уняли грабежъ, корчму..., (*блудъ*), и имѣли бъ чистоту душевную и братство, и промышляли бъ, какъ реклись души свои положити за Пречистыя домъ и за Чудотворцовъ и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ городы пишите, чтобъ изъ городовъ писали въ полки къ бояромъ и атаманьѣ, что отнюдъ

*

Маринкинъ на царьство ненадобенъ: проклятъ отъ святого собору и отъ насъ. Да тѣ бы вамъ грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижней Новгородъ да прислати въ полки къ бояромъ и атаманьѣ; и прислати прежнихъ же, коихъ естя присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными, безстрашныхъ людей, Свіяженина Родіона Мосѣева да Ратмана Пахомова, а имъ бы въ полкѣхъ говорити безстрашно, что проклятый (Воренокъ) отнюдь не надобе; а хоти буде и постражете и васъ въ томъ Богъ простить и разрѣшитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ городы для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а язъ долженъ за васъ Бога молити».

Изъ этой грамоты ясно видно, что Гермогенъ, сидя въ своей тюрьмѣ, былъ отлично освѣдомленъ объ раздорахъ, бывшихъ между Земскимъ ополченіемъ и казаками, завершившихся убійствомъ Прокофія Ляпунова, и полагалъ все зло въ томъ, что казаки хотѣли посадить на Царство «Маринкина паньина сына». Видя, какую страшную опасность это представляло для Государства и Православія, Гермогенъ всѣми силами высказывается противъ Воренка и проклинаетъ его, причемъ приказываетъ писать Казанскому митрополиту Ефрему, Рязанскому архіепископу Феодориту и городамъ учительныя грамоты, какъ къ слабодушнымъ седмочисленнымъ боярамъ, такъ также въ казачьи полки къ атаманамъ, и говорить казакамъ безстрашно, чтобы они отнюдь за Воренка не стояли, но имѣли бы чистоту душевную, братство и промышляли бы, какъ обѣщали, души свои положить за домъ Пречистой, за Чудотворцевъ и за Православную вѣру.

Повидимому, нѣсколько мягче относились къ казакамъ власти Троицко-Сергіевской лавры. Обитель Живоначальной Троицы была всего въ 64 верстахъ отъ Москвы, подъ которой стояли казачьи таборы, причемъ отряды этихъ казаковъ безпрерывно появлялись у самаго монастыря; кромѣ того и приказы, основанные къ лѣту 1611 года въ станѣ подмосковныхъ ополченій, оказались теперь въ казачьихъ рукахъ. Все это заставляло Троицкую лавру жить въ мирѣ съ казачьимъ правительствомъ. Ловкій келарь Авраамій Палицынъ, получивъ великія милости у короля подъ Смоленскомъ, сумѣлъ пріобрѣсти себѣ сторонниковъ и среди казачьихъ атамановъ, которые оказывали различныя услуги лаврѣ. Поэтому Діонисій съ братіей, зная всѣ великія прегрѣшенія казаковъ, все-таки вѣрили въ возможность ихъ соединенія съ Земскими людьми для общаго подвига во благо Родины, и въ Троицкихъ грамотахъ, составляемыхъ «борзыми писцами», они призывали всѣхъ на защиту Православія противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, не дѣлая различія между Земскими людьми и казаками, но, однако, упоминая: «хотя будетъ и есть близко въ вашихъ предѣлехъ, которые недоволы, Бога для отложите то на время, чтобъ о единомъ всѣмъ вамъ съ ними (подмосковнымъ ополченіемъ) положити подвигъ свой страдати для избавленія православныя христіянскія вѣры...».

Тѣмъ не менѣе, послѣ убійства Ляпунова, негодованіе противъ казаковъ охватило весьма многихъ Земскихъ людей, и они рѣшили совершенно отдѣлить свое дѣло отъ нихъ. Казанцы, сообщая Пермичамъ объ убіеніи Прокофія, писали имъ: «а подъ Москвою, господа, промышленика и поборателя по Христовой вѣрѣ, которой стоялъ за православную крестьянскую вѣру и за домъ Пречистыя Богородицы.... Прокофья Петровича Ляпунова, казаки убили, преступя крестное цѣлованіе.... И Митрополитъ, и мы, и всякіе люди Казанского государьства.... сослалися съ Нижнимъ Новымгородомъ и со всѣми городы Поволскими.... на томъ, что намъ быти всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ и за Московское и за Казанское государство стояти.... и казаковъ въ городъ не пущати жъ, и стояти на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, кого намъ дастъ Богъ на Московское государьство Государя; а выбрати бы намъ на Московское государьство Государя всей землею Російскія Державы; а будутъ казаки учнутъ выбирати на Московское государьство Государя по своему изволенью, одни, не сослався со всею землею, и намъ того Государя на государьство не хотѣти».

Приведенную нами выше послѣднюю грамоту патріарха Гермогена «безстрашный» Родя Мосѣевъ доставилъ въ Нижній Новгородъ 25 августа, гдѣ она, разумѣется, была прочтена всѣми властями и разослана по всѣмъ городамъ. Прочелъ ее и простой Нижегородскій посадскій человѣкъ, торговецъ мясомъ—«говядарь», правившій должность Земскаго старосты—Козьма Мининъ Сухорукъ, котораго около этого же времени посѣтило видѣніе: Святой Сергій Радонежскій явился ему и повелѣлъ разбудить спящихъ—казну собирать, ратныхъ людей надѣлять ею и съ ними идти на очищеніе Московскаго Государства.

Горячія, какъ огонь, слова заключеннаго въ узахъ патріарха и чудесное явленіе преподобнаго Сергія произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на Козьму. Сердце его загорѣлось рвеніемъ совершить великій подвигъ во имя Родины, и къ подвигу этому какъ нельзя болѣе подходилъ весь его душевный складъ. «Воздвизаетъ Богъ нѣкоего мужа отъ христіанскаго (крестьянскаго) благочистиваго народа», писалъ про него одинъ современникъ «не славнаго родомъ, но мудраго смысломъ, который, видя многихъ насильствуемыхъ, зѣло оскорбился и Зоровавельски поболѣлъ душею за людей Господнихъ: принялъ на себя молву безчисленныхъ печалей, всегда носился бурями различныхъ попеченій, непрестанно о своемъ дѣлѣ попеченіе имѣлъ; если и не искусенъ воинскимъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ....».

Разбирая эти слова, рисующія черты душевнаго склада Минина, И. Е. Забѣлинъ говоритъ: «Первая и самая важнѣйшая черта это то, что Мининъ способенъ былъ сильно, до глубины души, оскорбляться общественнымъ зломъ, не могъ онъ холодно и безучастно смотрѣть на насильство, которому подвергалась вся Земля отъ иноземцевъ, а еще болѣе отъ своихъ воровъ. Душа его способна была заболѣть Зоровавельски, то есть заболѣть чувствомъ народной свободы, какъ болѣла душа Зоровавеля, освободившаго

свой народъ отъ Персидскаго плѣна, возстановившаго этому народу его храмъ Іерусалимскій. Но душа Зоровавеля высилась также чувствомъ истины, правды... Сходство личности Минина съ этой библейской личностью вспомянулось не безъ основанія, ибо и Мининъ служилъ правдѣ, занимая (какъ Земскій староста) начальство «судныхъ дѣлъ» у своей братьи».

Рѣшившись на подвигъ, Мининъ началъ дѣйствовать прежде всего среди своихъ посадскихъ, въ «Земской избѣ», гдѣ онъ со слезами говорилъ, что настало время «чинить промыселъ» противъ враговъ, причемъ разсказалъ о бывшемъ ему явленіи преподобнаго Сергія. Присутствовавшій тутъ же стряпчій Биркинъ, недоброхотъ Минина, человѣкъ двусмысленнаго поведенія, служившій прежде Вору, насмѣшливо сказалъ на это: «Ну не было тебѣ никакого видѣнія», но Мининъ пригрозилъ ему и тихо отвѣтилъ: «Или хочешь ты, чтобы я открылъ Православнымъ, что ты замышляешь»; тогда Биркинъ тотчасъ же замолчалъ. Горячее слово Минина нашло откликъ въ сердцахъ его слушателей, среди которыхъ онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ за свою высокую честность, за что и былъ выбранъ ими въ Земскіе старосты.

370. Явленіе преподобнаго Сергія Козьмѣ Минину.

Рисунокъ М. Нестерова.

Повидимому, въ этой же «Земской избѣ», стоявшей близъ церкви Николая Чудотворца, на торгу (нынѣ близъ пристаней на Нижнемъ Базарѣ), и былъ написанъ посадскими людьми первый приговоръ «всего града за руками» о сборѣ денегъ «на строеніе ратныхъ людей», причемъ сборъ этотъ былъ порученъ Минину.

Такимъ образомъ, среди всеобщей растерянности и унынія, охватившихъ Московское Государство послѣ смерти Прокофія Ляпунова и распаденія Земскаго ополченія, Нижегородскіе посадскіе люди по призыву своего Земскаго старосты положили начало новому духовному подъему обитателей Московскаго Государства для освобожденія Родины совокупными усиліями всѣхъ ея вѣрныхъ сыновъ, ея «послѣднихъ людей», какъ ихъ называетъ лѣтописецъ.

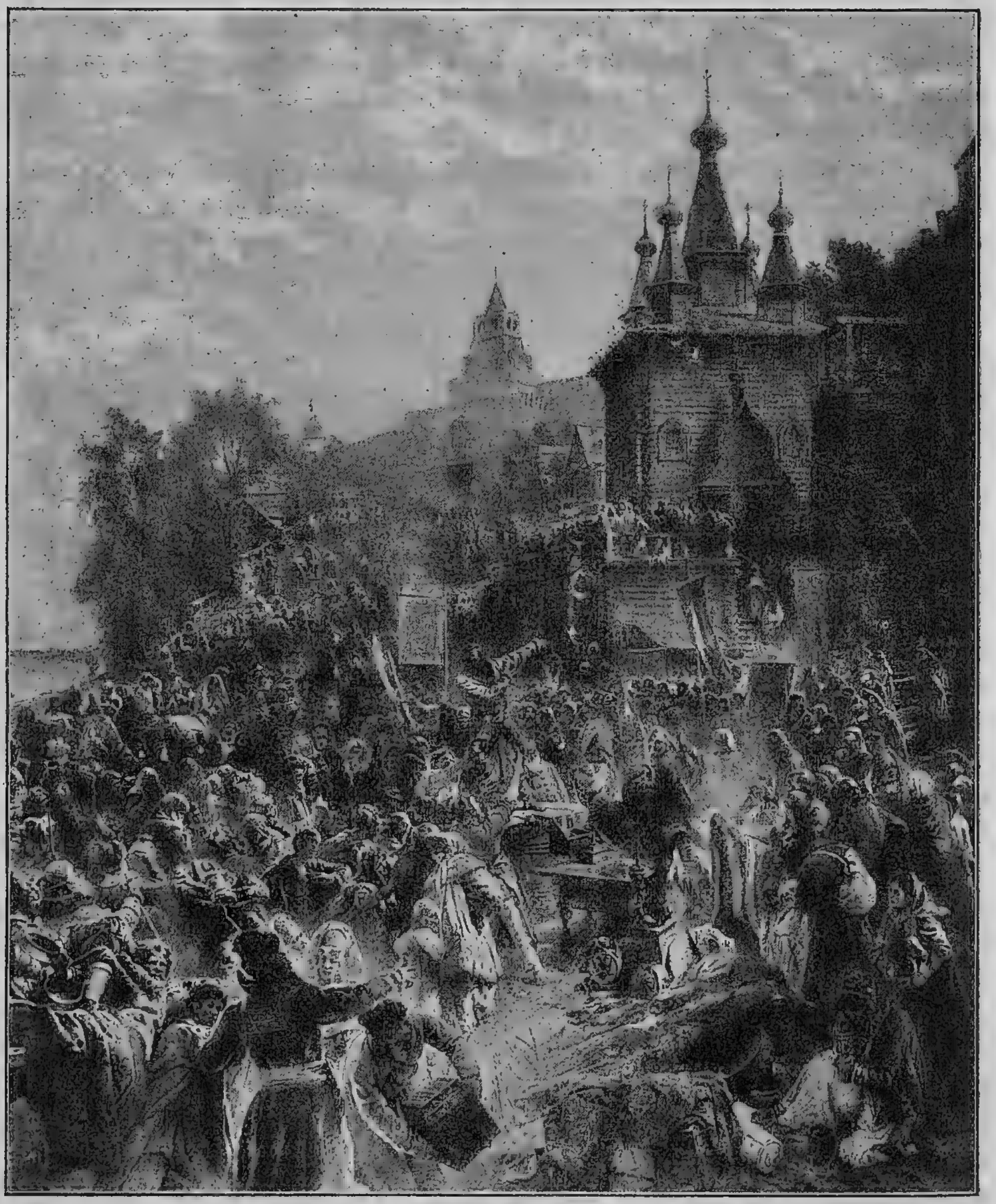
Нижегородскіе посадскіе люди «въ лицѣ своего старосты Козьмы», говоритъ И. Е. Забѣлинъ, «и кликнули свой знаменитый кличъ, что если по-

371. Видъ Нижняго Новгорода.

Изъ книги XVII вѣка: „Описаніе путешествія въ Московію Адама Олеарія".

могать Отечеству, то не пожалѣть ни жизни и ничего; не то, что думать о какомъ захватѣ или искать боярскихъ чиновъ, боярскихъ вотчинъ и всякихъ личныхъ выгодъ, а отдать все свое, женъ, дѣтей, дворы, имѣнье продавать, закладывать, да бить челомъ, чтобы кто вступился за истинную православную вѣру и взялъ бы на себя воеводство. Этотъ кличъ знаменитъ и поистинѣ великъ, потому что онъ выразилъ нравственный, гражданскій поворотъ общества съ кривыхъ дорогъ на прямой путь. Онъ никѣмъ другимъ и не могъ быть сказанъ, какъ именно достаточнымъ посадскимъ человѣкомъ, который, конечно, не отъ бѣдной голытьбы, а отъ достаточныхъ же и требовалъ упомянутыхъ жертвъ. Онъ прямо ударялъ по кошелькамъ богачей. Если выбрать хорошаго воеводу было дѣломъ очень важнымъ, то еще важнѣе было дѣло собрать денегъ, безъ которыхъ нельзя было собрать и вести

войско. Вотъ почему посадскій умъ прямо и остановился на этомъ пунктѣ, а главное далъ ему въ высшей степени правильное устройство».



372. Козьма Мининъ призываетъ Нижегородцевъ стать на защиту Московскаго Государства. Картина художника К. Маковскаго. Пожалована Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ городу Нижнему-Новгороду и хранится въ Нижегородской городской думѣ.

Къ дѣлу, затѣянному своими посадскими людьми, не замедлили примкнуть и всѣ остальные Нижегородцы. Скоро въ городѣ была получена Троицкая грамота отъ 6 октября, призывавшая всѣхъ стать на защиту Родины. По этому поводу собрался на воеводскомъ дворѣ совѣтъ: «Ѳеодосій архимандритъ

Печерскаго монастыря, Савва Спасскій протопопъ, съ братіею, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворяне и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ». На этомъ совѣтѣ послѣдній доложилъ, конечно, рѣшеніе посадскихъ людей, послѣ чего было постановлено собрать всѣхъ обитателей въ кремлевскій Спасо-Троицкій соборъ и предложить имъ стать на помощь Московскаго Государства.

На другой день, по звону колокола, всѣ Нижегородцы собрались въ своемъ древнемъ соборѣ. Тогда, достойный и всѣми уважаемый пастырь Савва Ефиміевъ, такъ же глубоко проникнутый сознаніемъ необходимости жертвъ на пользу Родины, какъ и Мининъ, вышелъ на амвонъ и сталъ читать всему міру Троицкую грамоту, а затѣмъ произнесъ горячую рѣчь, призывая гражданъ пожертвовать всѣмъ для спасенія Родной Земли.

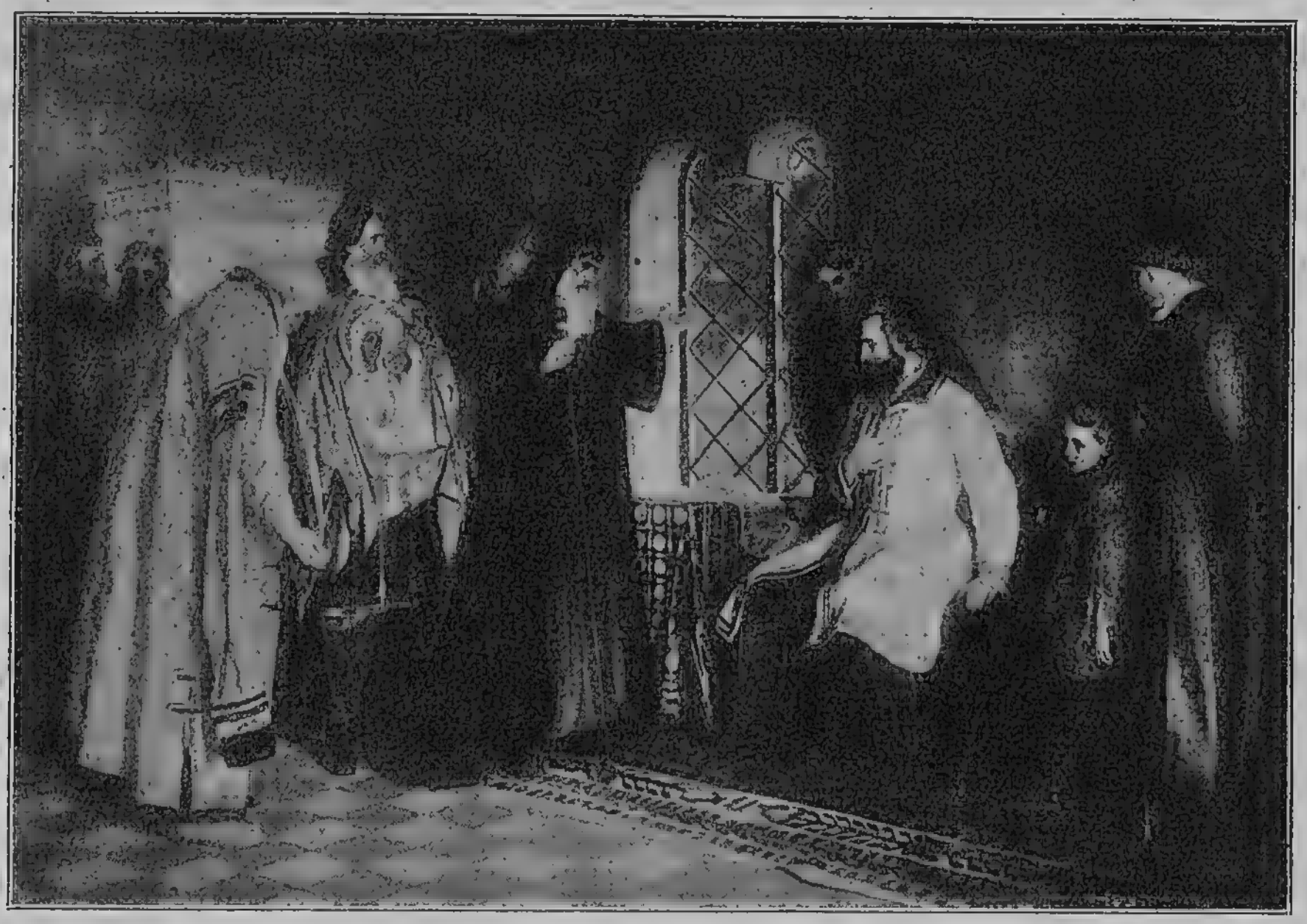
Послѣ него держалъ слово Мининъ. «Будетъ намъ похотѣть помочи Московскому государству», говорилъ онъ, «ино намъ не пожелѣти животовъ своихъ; да не токмо животовъ своихъ, ино не пожелѣть и дворы свои продавать и жены и дѣти закладывать и бити челомъ, хто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ».

Слова протопопа Саввы и Козьмы Минина произвели самое глубокое впечатлѣніе на всѣхъ Нижегородцевъ. Начались оживленныя сходки и на нихъ было положено, что всякій будетъ давать пятую, или даже третью часть своего дохода. «Я убогій съ товарищами своими», объяснялъ Мининъ, «всѣхъ насъ 2.500 человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1.700 рублей; брали третью деньгу; у меня было 300 рублей, и я 100 рублей въ сборныя деньги принесъ; тоже и вы всѣ сдѣлайте».—«Буди такъ, буди такъ», восторженно отвѣчали ему. Одна вдова заявила: «Осталась я послѣ мужа бездѣтной и есть у меня 12.000 рублей, 10.000 отдаю въ соборъ, а 2.000 оставляю себѣ».

Тогда же возникъ и важный вопросъ: кому бить челомъ, чтобы принять главное начальствованіе надъ собираемой ратью. Въ Нижнемъ имѣлись свои добрые воеводы, князь Звенигородскій и Алябьевъ. Но взоры всѣхъ были обращены на другое лицо. Для успѣха дѣла надо было, чтобы во главѣ ополченія «послѣднихъ людей» Московскаго Государства стоялъ человѣкъ, извѣстный всѣмъ своимъ воинскимъ искусствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своей исключительной душевной чистотой. Нижегородцы за все Смутное время ни разу не впали въ измѣну, а потому и искали такихъ крѣпкихъ людей. Они положили избрать «мужа честнаго, кому за обычно ратное дѣло, который такимъ былъ искусенъ и который въ измѣнѣ не явился»... Выборъ палъ на стольника князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, потомка Стародубскихъ князей.

Князь Д. М. Пожарскій, какъ мы видѣли, вѣрно служилъ Василію Ивановичу Шуйскому, искусно отбивая воровъ и казаковъ отъ Москвы, а сидя въ Москвѣ очень удачно дѣйствовалъ противъ Тушинцевъ: послѣ же сверженія Шуйскаго съ престола, онъ призналъ временнымъ главой Государства, какъ и всѣ лучшіе люди того времени, патріарха Гермогена, затѣмъ самоотверженно ходилъ изъ Зарайска на выручку Ляпунова, и

одинъ изъ первыхъ пробрался въ Москву передъ ея сожженіемъ Гонсѣвскимъ, гдѣ доблестно дрался съ Поляками, пока не палъ отъ ранъ и не былъ свезенъ въ Троицко-Сергіевскую лавру; отсюда, нѣсколько оправившись, онъ отбылъ въ свою вотчину, сельцо Мугрѣево Суздальскаго уѣзда. Въ 1611 году Пожарскому было около тридцати пяти лѣтъ отъ



373. Нижегородское посольство у князя Димитрія Михайловича Пожарскаго въ 1611 году.

Рисунокъ В. И. Савинскаго.

роду; глубоко вѣря въ Бога и будучи безпредѣльно преданъ Родинѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ зорко оберегалъ честь своего рода и отличался большой простотой и прямотой, за что въ свое время не взлюбился Царю Борису Годунову.

Послами къ Пожарскому отъ Нижегородцевъ отправились: Печерскій архимандритъ Ѳеодосій, дворянинъ добрый Жданъ Болтинъ, да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Пожарскій не отказался отъ предложенной почести, но сразу заявилъ, что желаетъ отдѣлить отъ себя завѣдываніе казной, къ чему особенно стремились всѣ военачальники въ родѣ Заруцкаго, Трубецкого и другихъ воровскихъ воеводъ, и прямо указалъ, что ею долженъ завѣдывать Мининъ: «Есть у васъ Кузма Мининъ; той бывалъ человѣкъ служивой, тому то дѣло за обычей».

Нижегородцы одобрили, конечно, этотъ выборъ, но самъ Мининъ вначалѣ отказался, говоря: «Соглашусь, если напишите приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и будете ратнымъ людямъ давать деньги». Тѣ согласились и написали свой знаменитый приговоръ: «.....Стоять

за истину всѣмъ безъизмѣнно, къ начальникамъ быть во всѣмъ послушными и покорливыми и не противиться имъ ни въ чемъ; на жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанетъ — отбирать не только имущество, а и дворы, и женъ, и дѣтей закладывать, продавать, а ратнымъ людямъ давать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было».

Когда этотъ приговоръ былъ написанъ, то «выборный человѣкъ» Кузьма Мининъ вышелъ изъ числа Земскихъ старостъ и сталъ «окладчикомъ», то-есть, по существовавшимъ порядкамъ,—«Нижегородскихъ посадскихъ торговыхъ и всякихъ людей окладывалъ, съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткомъ и по промысломъ, и въ городы на Балахну и Гороховецъ, послалъ же окладывать», причемъ гдѣ было нужно, онъ не останавливался, во имя святого дѣла, которому служилъ, и передъ принужденіемъ: «уже волю вземъ надъ ними по ихъ приговору, съ Божіею помощью и страхъ на лѣнивыхъ налагая». «Въ этомъ отношеніи», по словамъ С. Ѳ. Платонова, «онъ слѣдовалъ обыкновенному порядку мірской раскладки, по которому окладчики могли грозить нерадивымъ и строптивымъ различными мѣрами взысканія и имѣли право брать у воеводы приставовъ и стрѣльцовъ для понужденія ослушниковъ». Указавъ, что эта сторона дѣла ввела въ заблужденіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, которые приписали Минину черты исключительной жестокости и крутости и обвиняли его даже въ томъ, что онъ «пустилъ въ торгъ бѣдняковъ», С. Ѳ. Платоновъ замѣчаетъ: «нечего и говорить, какъ далекъ этотъ взглядъ отъ исторической правды».

Лица, взявшіяся за образованіе новаго ополченія изъ «послѣднихъ людей» Московскаго Государства, отнюдь не желали повторять ошибокъ Ляпунова и поэтому рѣшили совершенно отдѣлить свое дѣло отъ казаковъ. Рѣшеніе это, какъ мы видѣли изъ отписки Казанцевъ къ Пермичамъ, пользовалось общимъ сочувствіемъ всей Земщины. На призывъ Нижегородцевъ о сборѣ ратниковъ—первыми откликнулись Смоленскіе дворяне, лишенные своихъ имѣній Сигизмундомъ; они получили было земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, но Заруцкій изгналъ ихъ и оттуда. Нижегородцы послали Смольнянъ бить челомъ Пожарскому, чтобы онъ немедленно прибылъ.

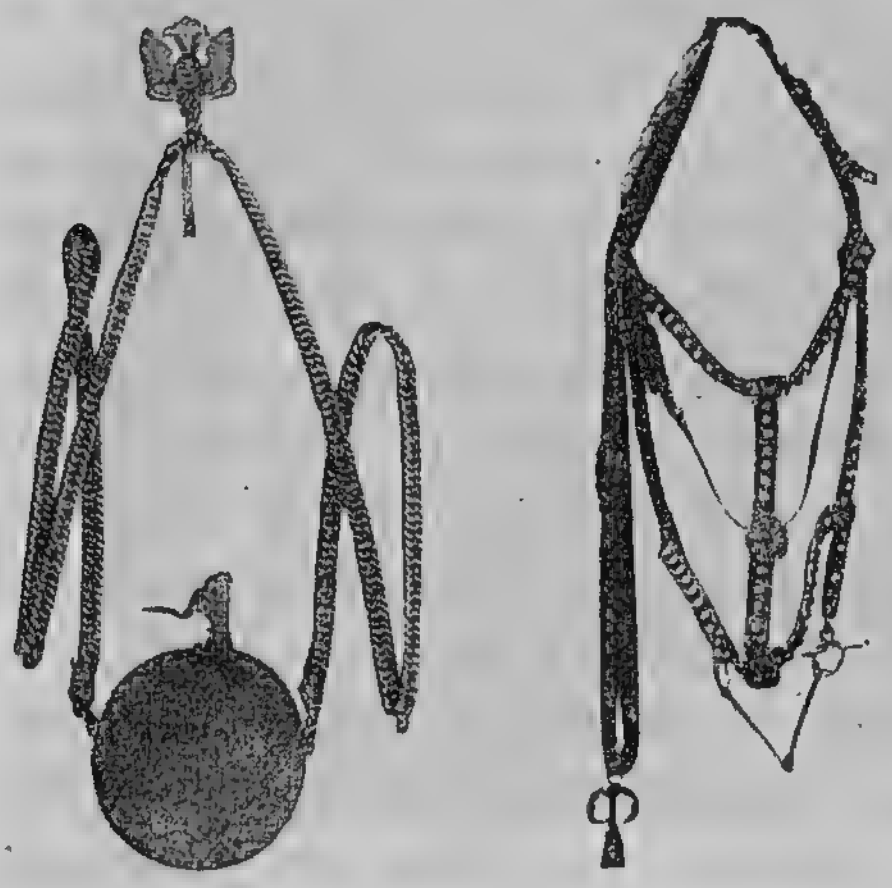
Пожарскій пріѣхалъ въ Нижній въ концѣ октября 1611 года, ведя съ собой Дорогобужскихъ и Рязанскихъ служилыхъ людей, также изгнанныхъ Заруцкимъ изъ ихъ новыхъ помѣстій.

Ясное дѣло, что весь Нижній встрѣтилъ князя Димитрія Михайловича съ великой честью, причемъ для ополченскихъ дѣлъ имъ было составлено особое отъ городского управленія *правительство*, которое должно было замѣнить какъ Московское боярское правительство въ осажденномъ Кремлѣ, такъ и подмосковное казацкое. Городомъ же попрежнему управляли воеводы: князь В. А. Звенигородскій, дворянинъ А. С. Алябьевъ и дьякъ В. Семеновъ, дѣйствуя вполнѣ единодушно съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ.

Прежде всего Пожарскій распорядился объ обезпеченіи ратныхъ людей жалованьемъ, назначивъ имъ отъ 30 до 50 рублей въ годъ, что по тѣмъ вре-

менамъ составляло весьма большія деньги. Затѣмъ, онъ завелъ усиленную пересылку съ Поморскими и Понизовыми городами о помощи для очищенія Московскаго Государства—ратниками и казною, и предлагалъ имъ прислать въ Нижній выборныхъ людей для «Земскаго Совѣту», причемъ въ разсылаемыхъ грамотахъ неизмѣнно высказывалось твердое желаніе отдѣлить свое дѣло отъ казаковъ: «А однолично быть вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратнымъ людемъ на Полскихъ и Литовскихъ людей итти вмѣстѣ, чтобы казаки попрежнему Низовой рати, своимъ воровствомъ, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкинымъ сыномъ не разгонили...».

Всѣ, кому были дороги Православіе и Земскій порядокъ по завѣтамъ отцовъ—откликнулись на призывъ Пожарскаго: «Первое пріидоша Коломничи, потомъ Резанцы, потомъ же изъ Украиныхъ городовъ многія люди и казаки и стрѣльцы, кои сидѣли на Москвѣ при царѣ Васильѣ. Они же имъ даваша жалованье. Богу же призрѣвшу на ту рать и дастъ межъ ими совѣтъ велій и любовь, что отнюдь межъ ими не бяше вражды никакія».



374. Пороховница и конскій уборъ князя Д. М. Пожарскаго.

Хранятся въ ризницѣ Троицко-Сергіевской лавры.

Кромѣ Нижняго, важное значеніе во всемъ Понизовьи имѣла также Казань, которая, какъ мы видѣли, раньше другихъ городовъ, послѣ убіенія Прокофія Ляпунова, начала писать призывы, чтобы стать всѣмъ за Московское Государство и не принимать къ себѣ казаковъ. Но Казанскій воевода Морозовъ отсутствовалъ изъ города и находился съ ополченіемъ отъ Земли подъ Москвой, причемъ онъ какъ то поладилъ съ казаками и остался съ ними, а городомъ вмѣсто него управлялъ дьякъ Никаноръ Шульгинъ, который, завидуя почину Нижегородцевъ, сталъ теперь отводить Казанцевъ отъ общаго дѣла. Въ виду этого, Пожарскій и «Земскій Совѣтъ» снарядили въ Казань цѣлое посольство во главѣ съ протопопомъ Саввою и стряпчимъ Биркинымъ; посольство это имѣло успѣхъ, и Казанцы примкнули къ Нижегородцамъ.

Такимъ образомъ, великое дѣло, задуманное Козьмой Мининымъ и проведенное имъ въ жизнь при помощи Нижегородскаго протопопа Саввы и князя Д. М. Пожарскаго, стало быстро приносить свои плоды.

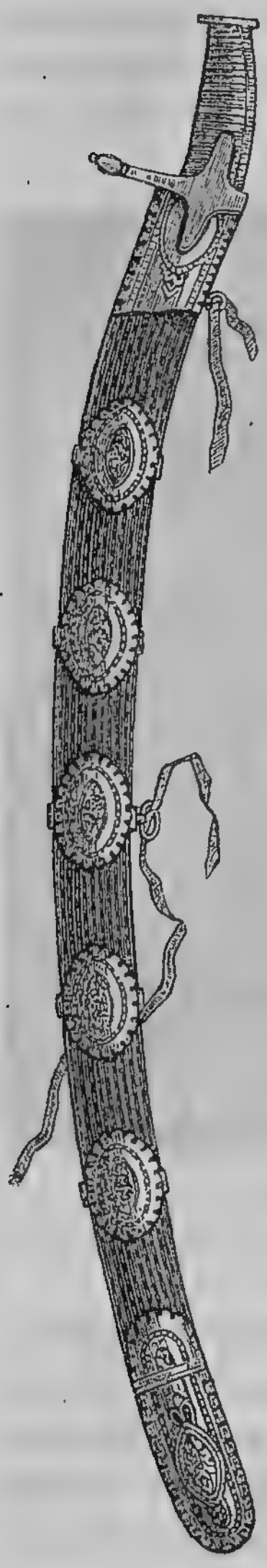
Между тѣмъ, въ концѣ января 1612 года боярскому правительству, сидѣвшему въ Кремлѣ подъ рукой Поляковъ, осажденныхъ въ свою очередь казаками, удалось отправить грамоту въ Кострому и Ярославль, увѣщая жителей оставаться вѣрными царю Владиславу и не имѣть никакого общенія съ казаками.

«Сами видите»; писали бояре, «Божію милость надъ великимъ государемъ нашимъ, его государскую правду и счастье: самаго большого заводчика смуты, отъ котораго христіанская кровь начала литься, Прокофья Ляпунова, убили воры, которые съ нимъ были въ этомъ заводѣ, Ивашка Заруцкій съ товарищами, и тѣло его держали собакамъ на съѣденье на площади три дня. Теперь князь Димитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій стоятъ подъ Москвой

375. Стягъ князя Д. М. Пожарскаго.
Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное разоренье: ѣздятъ отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно казаки, грябятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ... а когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божію разорили, и черницъ—королеву, дочь князя Владиміра Андреевича и Ольгу, дочь Царя Бориса, на которыхъ прежде и взглянуть не смѣли, ограбили до нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили... А теперь вновь тѣ же воры Ивашка Заруцкій съ товарищами государей выбираютъ себѣ такихъ же воровъ казаковъ, называя государскими дѣтьми: сына Калужскаго вора, о которомъ и поминать не пригоже; а за другимъ воромъ подъ Псковъ послали такихъ же воровъ и бездушниковъ, Казарина Бѣгичева да Нехорошка Лопухина съ товарищами, а другой воръ, также Димитрій, объявился въ Астрахани у князя Петра Урусова, который Калужскаго убилъ... А великій государь Жигимонтъ король съ большаго сейма, по совѣту всей Польской и Литовской Земли, сына своего великаго государя, королевича Владислава на Влади-

мірское и Московское Государство отпустилъ и самъ до Смоленска его провожаетъ со многой конной и пѣшей ратью, для бо́льшаго успокоенія Московскаго Государства, и мы его прихода къ Москвѣ ожидаемъ съ радостью...».



376. Сабля князя Д. М. Пожарскаго.
Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

Въ этой постыдной грамотѣ седмочисленныхъ Московскихъ бояръ истина была перемѣшана съ ложью: Сигизмундъ не думалъ отпускать сына въ Москву, но самъ дѣйствительно собирался идти на нее походомъ; правду говорили бояре и о казачьихъ насильствахъ, а также и о томъ, что казаки завели сношенія съ Псковскимъ воромъ Сидоркой. Посланный къ нему Бѣгичевъ не постыдился тотчасъ же воскликнуть, увидя его: «Вотъ истинный государь нашъ Калужскій»,—а затѣмъ, 2 марта, весь подмосковный казачій станъ съ Заруцкимъ и Трубецкимъ во главѣ цѣловали крестъ Сидоркѣ—истинному государю Димитрію Ивановичу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, казаки, встревоженные извѣстіями объ успѣхахъ ополченія Пожарскаго и о разсылаемыхъ имъ грамотахъ, въ которыхъ онъ не стѣснялся называть ихъ ворами, рѣшили овладѣть Ярославлемъ и Заволжскими городами, чтобы отрѣзать Нижній отъ Поморскихъ городовъ, и снарядили для этого отрядъ атамана Просовецкаго. Но Ярославцы тотчасъ же дали знать въ Нижній о приходѣ къ нимъ «многихъ» казаковъ, за которыми слѣдуетъ и самъ Просовецкій.

Свѣдѣнія эти заставили поспѣшить Пожарскаго съ выступленіемъ и измѣнить свое первоначальное рѣшеніе: идти черезъ Суздаль прямо къ Москвѣ. Теперь, раньше чѣмъ выгнать Поляковъ изъ Кремля, предстояло, такъ или иначе, покончить съ казаками. Князь Димитрій Михайловичъ тотчасъ же выслалъ передовой отрядъ князя Лопаты-Пожарскаго къ Ярославлю, которому удалось занять городъ до подхода Просовецкаго и засадить въ тюрьму найденныхъ въ немъ казаковъ. Слѣдомъ за Лопатою-Пожарскимъ двинулись, напутствуемыя благословеніями духовенства и горячими пожеланіями жителей, главныя силы Нижегородскаго ополченія, подъ начальствомъ самого князя Димитрія Михайловича, съ которымъ выступилъ и «выборный человѣкъ», Козьма Мининъ, въ качествѣ завѣдующаго всей казной.

Пользуясь еще стоявшимъ зимнимъ путемъ, Пожарскій пошелъ по правому берегу Волги на Балахну, Юрьевецъ, Кинешму и Кострому; въ послѣдній городъ Пожарскаго не хотѣлъ впускать воевода Иванъ Шереметевъ,присягнувшій королевичу Владиславу, но Костромичи схватили Шереметева и

хотѣли его убить; только заступничество князя Димитрія Михайловича спасло Шереметева отъ смерти.

Изъ Костромы Пожарскій выслалъ отрядъ для занятія Суздаля, чтобы казаки «Просовецкіе Суздалю никакіе пакости не здѣлали», и, усилившись прибывшими ополченцами изъ многихъ Поволжскихъ городовъ, подошелъ около перваго апрѣля къ Ярославлю. Здѣсь онъ рѣшилъ сдѣлать продолжительную остановку: надо было окончательно образовать свою рать, опредѣлить отношенія къ казакамъ и, наконецъ, создать прочную правительственную власть надъ всѣмъ Государствомъ, начало чему, какъ мы видѣли, было еще положено въ Нижнемъ.

По прибытіи въ Ярославль, Пожарскій и Мининъ вмѣстѣ съ бывшими съ нимъ воеводами тотчасъ же получили Троицкую грамоту, въ которой Діонисій и старцы увѣдомляли о новомъ воровствѣ казаковъ подъ Москвой: «по злому воровскому казачью заводу, затѣяли подъ Москвой въ полкѣхъ крестное цѣлованіе, цѣловали крестъ вору, которой во Псковѣ называется Царемъ Дмитреемъ», причемъ въ грамотѣ добавлялось, очевидно, чтобы смягчить вину Трубецкого, большого благопріятеля Авраамія Палицына, что «боярина князя Дмитрея Тимофѣевича Трубецкого и дворянъ и дѣтей боярскихъ и стрѣлцовъ и Московскихъ жилецкихъ людей привели ко кресту неволею, такоже цѣловали крестъ, по ихъ воровскому заводу, бояся отъ нихъ смертного убивства; да и намъ то вѣдомо, бояринъ князь Дмитрей Тимофѣевичъ и дворяне и дѣти боярскіе цѣловали неволею и нынѣча онъ князь Дмитрей у тѣхъ воровскихъ заводцовъ живетъ въ великомъ утѣсненіи, а радѣетъ соединенья съ вами».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Троицкія власти сообщали скорбную новость о кончинѣ «твердаго адаманта и непоколебимого столпа», патріарха Ермогена. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Поляки и Московскіе измѣнники, услышавъ о сборѣ Нижегородскаго ополченія, отправились въ заточеніе къ патріарху и потребовали, чтобы онъ послалъ грамоту о его роспускѣ. «Онъ же новой великій государь исповѣдникъ рече имъ: «да будетъ тѣ благословени, которые идутъ на очищеніе Московского государства; а вы, окаянные Московскіе измѣнники, будете прокляты». И оттолѣ начаша морити его гладомъ и умориша ево гладною смертію и предастъ свою праведную душу въ руцѣ Божіи въ лѣто 7120 (1612) году, мѣсяца Февраля въ 17 день, и погребенъ бысть на Москвѣ въ монастырѣ чюда архистратига Михаила». По одному же Польскому извѣстію, великій святитель Земли Русской былъ удушенъ.

Получивъ извѣстія о событіяхъ подъ Москвой, Пожарскій и состоявшій при немъ «Земскій Совѣтъ» разослали 7 апрѣля грамоты «о всеобщемъ ополченіи городовъ на защиту Отечества, о беззаконной присягѣ князя Трубецкого, Заруцкаго и казаковъ новому самозванцу и о скорѣйшей присылкѣ выборныхъ людей въ Ярославль для Земскаго совѣта, и денежной казны на жалованье ратнымъ людямъ». Въ грамотѣ этой сообщалось, между прочимъ, что «старые же заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили въ Тушинѣ лжеименитому царю, умысля своимъ воров-

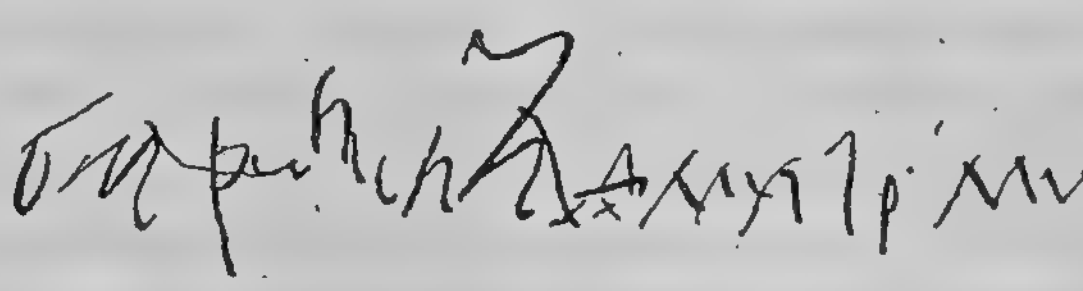
ствомъ съ ихъ началникомъ, съ Иваномъ Заруцкимъ... Прокофья Ляпунова убили, и учали совершати вся злая по своему казацкому воровскому обычаю... Да и изъ подъ Москвы князь Дмитрей Трубецкой да Иванъ Заруцкой, и атаманы и казаки, къ намъ и по всѣмъ городомъ писали, за своими руками, что они цѣловали крестъ на томъ, что имъ безъ совѣту всей земли Государя не выбирати, а ворў, который нынѣ во Псковѣ, и Маринѣ и сыну ее не служити; нынѣ же, позабывъ свое крестное цѣлованіе, цѣловали крестъ вору

377. Патріархъ Гермогенъ въ своемъ заточеніи отказываетъ Полякамъ и Русскимъ измѣнникамъ писать начальникамъ Земскаго ополченія о роспускѣ войска.
Картина художника Чистякова.

Сидорку, имянуя его бывшимъ своимъ царемъ... Какъ сатана омрачи очи ихъ! При нихъ Колужской ихъ царь убитъ и безглавенъ лежалъ всѣмъ на видѣніе шесть недѣль, и о томъ они изъ Колуги къ Москвѣ и по всѣмъ городомъ писали, что ихъ царь убитъ, и про то всѣмъ православнымъ христіяномъ вѣдомо. И нынѣ, господа, мы всѣ православные христіяне общимъ совѣтомъ, сослався со всею землею, обѣтъ Богу и души свои дали на томъ, что намъ ихъ воровскому царю Сидорку, и Маринѣ и сыну ее, не служити и противъ враговъ и разорителей вѣры христьянской, Полскихъ и Литовскихъ людей, стояти въ крѣпости неподвижно.—И вамъ, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христьянскую вѣру, совѣтовать со

всякими людми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ; чтобы намъ, по совѣту всего государьства, выбрати общимъ совѣтомъ Государя, кого намъ милосердый Богъ, по праведному своему человѣколюбію, дастъ... И по всемірному своему совѣту пожаловати бъ вамъ прислати къ намъ, въ Ярославль, изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписати, за своими руками. Да отписати бъ, господа, вамъ отъ себя подъ Москву, въ полки, къ бояромъ и ко всѣмъ служивымъ людемъ, чтобъ они отъ вора отъ Сидорка отстали, и съ нами и со всей землею тѣмъ розни не чинили, и крови въ государьствѣ не всчинали и были по прежнему въ соединеньѣ, а подъ Москвой стояли безотступно»...

Подъ приведенной грамотой подписались всѣ начальные люди. При этомъ, несмотря на то, что Пожарскій былъ вождемъ ополченія, онъ изъ скромности подписался только десятымъ, уступая мѣсто людямъ болѣе сановитымъ; на пятнадцатомъ же мѣстѣ начертано: «Въ выборного человѣка всею землею, въ Козмино мѣсто Минино князь Дмитрей Пожарскій руку приложилъ». Очевидно великій Нижегородскій мужъ не былъ обученъ грамотѣ.



378. Подпись князя Д. М. Пожарскаго.

Выборные люди по приглашенію Пожарскаго и его товарищей прибыли изъ городовъ въ Ярославль къ лѣту и составили такимъ образомъ «Совѣтъ всея Земли», причемъ высшая власть была ввѣрена въ руки «синклита», изъ князя Димитрія Михайловича и двухъ воеводъ ополченія, имѣвшихъ боярское званіе, В. П. Морозова и князя В. Т. Долгорукаго; синклитъ этотъ назывался также «бояре и воеводы». Вмѣстѣ съ тѣмъ, образовано было и церковное управленіе, «Освященный соборъ», во главѣ котораго былъ поставленъ пребывавшій на покоѣ старый Ростовскій митрополитъ Кириллъ. Затѣмъ, были образованы и нѣкоторые приказы.

Какъ мы видѣли изъ грамоты отъ 7 апрѣля, Пожарскій съ товарищами, правильно оцѣнивъ положеніе, занятое казаками въ Московскомъ Государствѣ, просили города образумить ихъ, чтобы они отстали отъ воровства и были бы заодно со всѣмъ Земскимъ ополченіемъ. Но казаки отъ воровства не отстали и Ярославскому правительству пришлось дѣйствовать противъ нихъ силою: въ Угличъ и Пошехонье, занятые казаками, были посланы отряды князей Черкасскаго и Лопаты-Пожарскаго, которые не замедлили нанести имъ пораженіе; послѣ этого, многіе изъ казаковъ тотчасъ же отстали отъ воровства и соединились съ Земскимъ ополченіемъ. Затѣмъ, были отогнаны также Черкасы или Запорожскіе

казаки отъ Антоніева монастыря въ Бѣжецкомъу ѣздѣ, и одинъ изъ отрядовъ Заруцкаго отъ Переяславля Залѣсскаго.

Въ то время, когда рать Пожарскаго стояла въ Ярославлѣ, Шведы захватили уже Тихвинъ. Чтобы сосредоточить всѣ свои силы противъ Поляковъ, находившихся въ Москвѣ, и удержать Шведовъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій на нашемъ Поморьѣ, «Совѣтомъ всея Земли» рѣшено было занять ихъ переговорами, для чего изъ Ярославля было отправлено въ Новгородъ къ Якову Делагарди посольство Степана Татищева, которое должно было заключить со Шведами миръ и поднять вопросъ объ избраніи на Московское Государство Шведскаго королевича, при условіи, что послѣдній крестится въ Православную вѣру. «А писаху къ нимъ для того и посылаху», говоритъ лѣтописецъ, «какъ поидутъ подъ Москву на очищенья Московскаго государства, чтобъ Нѣмцы не пошли воевати въ Поморскія городы».

Новгородскій воевода князь Одоевскій и Делагарди объявили Татищеву, что они сами снарядятъ посольство въ Ярославль, и при этомъ сообщили, что въ Новгородѣ уже ожидается братъ новаго Шведскаго короля, столь знаменитаго впослѣдствіи Густава-Адольфа,—королевичъ Карлъ-Филиппъ, изъявившій желаніе креститься въ Православную вѣру и сѣсть у нихъ государемъ. Степанъ Татищевъ, вернувшись въ Ярославль, объявилъ воеводамъ, «что отнюдь въ Новѣ городѣ добра нечево ждати».

6 іюня въ Ярославль прислали повинную грамоту князь Димитрій Трубецкой и Иванъ Заруцкій отъ имени всѣхъ казаковъ, въ которой каялись, «что своровали, цѣловавъ крестъ Сидоркѣ Псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой воръ, отстали отъ него и цѣловали крестъ впередъ другого вора не затѣвать и быть съ Земскимъ ополченіемъ во всемірномъ совѣтѣ». Это была, конечно, важная побѣда надъ казаками, хотя, какъ увидимъ, они далеко не искренно шли на мировую съ «послѣдними людьми» Московскаго Государства.

Между тѣмъ, въ самомъ Земскомъ ополченіи тоже стала рознь. Знакомый намъ Иванъ Биркинъ привелъ рать изъ Казани и, какъ человѣкъ завистливый, началъ заводить ссоры между начальниками. Только престарѣлому митрополиту Кириллу, послѣ отъѣзда Биркина изъ-подъ Ярославля, удалось вновь умирить всѣхъ военачальниковъ.

Въ концѣ іюля къ Пожарскому и его товарищамъ прибыло посольство изъ Новгорода: «съ тѣмъ, что быти Московскому государству въ соединеніи вмѣстѣ съ Ноугородцкимъ государствомъ и быти бъ подъ однимъ государемъ, а они изобрали на Новгородцкое государство Свицково королевича Филиппа». На это заявленіе Пожарскій пристыдилъ прибывшихъ словами: «При прежнихъ великихъ государяхъ послы и посланники прихаживали изъ иныхъ государствъ, а теперь отъ Великаго Новгорода вы послы! Искони, какъ начали быть Государи на Россійскомъ Государствѣ, Великій Новгородъ отъ Россійскаго Государства отлученъ не бывалъ; такъ и теперь бы Новгородъ съ Россійскимъ Государствомъ былъ по прежнему». Затѣмъ князь Димитрій Михайловичъ подробно разсказалъ посламъ,

какія великія неправды учинилъ король Сигизмундъ, къ которому обратились Московскіе люди для избранія его сына, и скромно заявилъ, что онъ только потому сталъ во главѣ движенія противъ Поляковъ, что люди болѣе его достойные, большіе послы, отправленные подъ Смоленскъ, находятся въ Польскомъ плѣну, гдѣ «отъ нужды и безчестья, будучи въ чужой землѣ, погибаютъ»... «Надобны были такіе люди въ нынѣшнее время: если бы теперь такой столпъ князь Василій Васильевичъ (Голицынъ) былъ здѣсь, то за него бы всѣ держались, и я за такое великое дѣло мимо его не принялся бы; а то теперь меня къ такому дѣлу бояре и вся Земля силою приневолили. И видя то, что сдѣлалось съ Литовской стороны, въ Швецію намъ пословъ не посылывать и Государя не нашей Православной вѣры Греческаго закона не хотѣть».

Горячее слово Пожарскаго встрѣтило живой откликъ въ сердцахъ Новгородскихъ пословъ; ихъ представитель, князь Ѳеодоръ Оболенскій, съ чувствомъ отвѣчалъ ему: «Мы отъ истинной Православной вѣры не отпали, королевичу Филиппу-Карлу будемъ бить челомъ, чтобы онъ былъ въ нашей Православной вѣрѣ Греческаго закона, и за то хотимъ всѣ помереть: только Карлъ королевичъ не захочетъ быть въ Православной христіянской вѣрѣ Греческаго закона, то не только съ вами боярами и воеводами и со всѣмъ Московскимъ Государствомъ вмѣстѣ, хотя бы вы насъ и покинули, мы одни за истинную нашу Православную вѣру хотимъ помереть, а не нашей, не Греческой вѣры Государя не хотимъ».

Послѣ этого между вождями Нижегородскаго ополченія и Новгородскими послами утвердилось, конечно, полное единеніе, добрый совѣтъ и любовь. Рѣшено было въ Швецію пословъ не слать, но, чтобы не разрывать съ ними, написать въ Новгородъ «... къ Якову Пунтусову: будетъ королевичъ крестится въ православную христіянскую вѣру Греческаго закона и мы ему всѣ ради». Такимъ образомъ, Нижегородское ополченіе обезпечило на время сѣверныя области Государства отъ непріязненныхъ покушеній со стороны Шведовъ и получило возможность двинуться къ Москвѣ для очищенія царствующаго града отъ Польскихъ и Литовскихъ людей.

Но подъ Москвой стояли еще и казаки. Подписавшись съ остальной «атаманьей» на грамотѣ, гдѣ казаки каялись въ томъ, что своровали, вору Сидоркѣ крестъ цѣловали, злодѣй Заруцкій сталъ затѣмъ думать со своими совѣтниками, «хотяше тотъ зборъ благопоручной разорити... како бы убити въ Ярославлѣ князя Дмитрея Михайловича Пожарсково».

Съ этой цѣлью въ Ярославль были подосланы убійцы, казаки Обреска да Степанка, нашедшіе себѣ сообщниковъ и среди Нижегородскаго ополченія. Случай скоро представился для ихъ замысла.

Однажды Пожарскій стоялъ у дверей съѣзжей избы и смотрѣлъ пушечный нарядъ, отправляемый къ Москвѣ. Пользуясь тѣснотой, казакъ Степанка «хотѣ ударити ножемъ по брюху князя Дмитрея, хотя его зарѣзати». Но, какъ примѣчаетъ лѣтописецъ, «котораго человѣка Божія десница крыетъ, хто ево можетъ погубити». Пожарскаго поддерживалъ подъ руку

казакъ Романъ; повидимому, князь не могъ еще ходить безъ посторонней помощи отъ полученныхъ ранъ во время боя съ Поляками при сожженіи ими Москвы. «Мимо же князь Дмитреева брюха минова ножъ и перерѣза тому казаку Роману ногу». Онъ повалился и застоналъ. Въ тѣснотѣ Пожарскій и не замѣтилъ, что на него было совершено покушеніе, а подумалъ, что Романа притиснула толпа. Но другіе обратили вниманіе, что Степанка пытался его зарѣзать, крикнули: «тебя князь хотятъ убить», и схватили убійцу, послѣ чего стали его пытать. «Онъ же все разсказаше и товарищей своихъ всѣхъ сказа». Ихъ тоже схватили и затѣмъ вывели передъ всей ратью. «Они же предо всей ратью винишася, и ихъ отпустиша. Князь Дмитрей же не далъ убить ихъ».

Такъ великодушно простилъ злодѣевъ за свою личную обиду благородный Пожарскій.

Повидимому, почти тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ случаемъ, изъ-подъ Москвы прибыли посланные Трубецкого и Заруцкаго съ вѣстями, что гетманъ Хоткевичъ движется къ ней, на выручку засѣвшему въ Кремлѣ Польскому гарнизону. Медлить было нельзя. Но, конечно, Нижегородское ополченіе двинулось къ стольному граду съ очень тяжелымъ чувствомъ подъ вліяніемъ только что совершеннаго покушенія, памятуя также убійство Прокофія Ляпунова и другія обиды и воровскія дѣла казаковъ.

Передовой отрядъ немедленно выступилъ изъ Ярославля подъ начальствомъ Михаила Самсоновича Димитріева и Федора Левашева. Пожарскій приказалъ имъ при подходѣ къ столицѣ въ казачьи таборы отнюдь не входить, а стать отдѣльно у Петровскихъ воротъ, поставивъ здѣсь острожокъ. За ними двинулся наспѣхъ и другой отрядъ—князя Димитрія Петровича Пожарскаго-Лопаты и Семейки Самсонова; имъ также велѣно было стать отдѣльно отъ казаковъ—у Тверскихъ воротъ.

Отдѣльно же отъ казаковъ расположились подъ Москвой и отряды отъ Украинскихъ городовъ, выступившихъ на выручку царствующаго града по призыву Нижегородскаго ополченія. Эти Украинскіе отряды терпѣли великую тѣсноту отъ казаковъ и отправили въ Ярославль своихъ посланцевъ, Кондырева и Бѣгичева, съ просьбой, чтобы Земская рать шла какъ можно скорѣе. «И вотъ», говоритъ И. Е. Забѣлинъ, «здѣсь въ яркомъ свѣтѣ обнаружилось разногласіе полковъ подмосковныхъ (собранныхъ безъ должнаго руководительства и попеченія и безъ всякаго хозяйства)—отъ тѣхъ, которые шли изъ-подъ Нижняго съ Козьмою Мининымъ. Пришли посланцы въ Ярославль и увидѣли милость Божію: ратныхъ людей пожалованныхъ и во всемъ устроенныхъ. Помянули свое утѣсненіе отъ казаковъ и горько заплакали. Сквозь многихъ слезъ не могли и слова вымолвить. Воеводы и многіе ратные, которымъ они прежде были знакомы, теперь едва ихъ узнавали и сами плакали, видя ихъ скорбь и нужду. Бѣдняковъ одарили жалованьемъ (деньгами) и сукнами на одежду и отпустили съ вѣстью, что идутъ скоро».

Дѣйствительно, надо думать, что Пожарскій съ главной ратью выступилъ изъ Ярославля уже 27 іюля, то есть на другой день послѣ заключенія договора съ Новгородскими послами.

Отойдя 29 верстъ отъ города, онъ отпустилъ рать дальше къ Ростову съ Козьмой Мининымъ и княземъ Хованскимъ, а самъ съ малой дружиной направился въ Суздаль въ Спасо-Ефиміевскій монастырь, чтобы, по обычаю всѣхъ Русскихъ людей, готовящихся на великое и святое дѣло, помолиться и утвердиться у гробовъ своихъ родителей. Затѣмъ Пожарскій прибылъ къ Ростову, гдѣ стояла уже рать, и отсюда онъ вмѣстѣ съ ней двинулся дальше по дорогѣ къ Троицко-Сергіевской лаврѣ. По всѣмъ даннымъ, именно въ это время, онъ и Козьма Мининъ получили благословеніе Борисоглѣбскаго затворника преподобнаго Иринарха, вручившаго имъ для укрѣпленія Нижегородскаго ополченія и одолѣнія враговъ свой мѣдный поклонный крестъ.

Движеніе Земской рати къ столицѣ произвело великое смущеніе въ Московскихъ таборахъ подъ Москвой. Часть «атаманьи» прибыла въ Ростовъ «для развѣдки, нѣтъ ли какого злого умысла надъ ними» и были, разумѣется, отлично приняты Пожарскимъ и Мининымъ, которые одарили ихъ «деньгами и сукнами».

Но Заруцкій не хотѣлъ вступать въ какія бы то ни было соглашенія съ ненавистной ему Земщиной. 28 іюля онъ побѣжалъ изъ-подъ Москвы: «И пришедъ на Коломну, Маринку взяша и съ Воренкомъ, съ еѣ сыномъ, и Коломну градъ выграбиша», послѣ чего отправился въ Рязанскія мѣста «и тамъ многу пакость дѣлаша». Трубецкой же съ товарищами остался подъ Москвой въ ожиданіи подхода рати Пожарскаго, причемъ противъ послѣдней въ казачьихъ таборахъ продолжало господствовать далеко не дружелюбное настроеніе.

Тѣмъ временемъ, пославъ съ пути отъ Ростова отрядъ на Бѣлоозеро для обезпеченія себя со стороны Шведовъ, «Князь Дмитрей-же Михаиловичъ Пожарской и Кузма да съ нимъ вся рать, поидоша отъ Переяславля къ Живоначальной Троицѣ и пріидоша къ Троицѣ». Это было 14 августа. «Власти же ево и воеводы встрѣтиша съ великой честію. И сташа у Троицы межъ монастыря и слободы Клемянтьевской, а къ Москвѣ же не пошолъ для того, чтобы укрѣпитися съ казаками, чтобы другъ на друга никакова бы зла не умышляли».

Однако, вслѣдъ затѣмъ къ Троицѣ прибыли новыя тревожныя вѣсти «что етманъ Хаткѣевъ вскорѣ будетъ подъ Москву». Поэтому Пожарскій рѣшилъ двинуться немедленно къ столицѣ, не ожидая договора съ казаками, и тотчасъ же выслалъ впередъ князя Туренина, приказавъ стать ему у Чертольскихъ воротъ. «Самъ же князь Дмитрей и Кузма и всѣ ратные люди того же дни послѣ отпуску князь Василья Туренина пѣша молебны у Живоначальные Троицы и у преподобныхъ чюдотворцовъ Сергія и Никона и взяша благословеніе у архимарита Деонисія и у всеѣ братьи, пойде съ монастыря. Архимаритъ же Деонисей со всѣмъ соборомъ взяша икону

Живоначальные Троицы и великихъ чюдотворцовъ Сергія и Никона и честный крестъ и святую воду, поидоша за пруды и сташа на горѣ Московскіе дороги. Начальники же и всѣ ратные люди быша въ великой ужасти, како на таковое великое дѣло итти». Сильный встрѣчный вѣтеръ со стороны Москвы дулъ выступавшему ополченію прямо въ лицо и это принято было всѣми какъ крайне дурная примѣта. Но вдругъ, къ великой радости ратныхъ людей: «Въ мгновеніе же ока преврати Богъ вѣтръ, и бысть въ тылъ всей рати, яко едва на лошедяхъ сидяху: таковъ приде вихорь велій... и отложиша страхъ всѣ ратные люди и охрабришася, идяху къ Москвѣ всѣ, радующеся. И обѣщевахуся всѣ, что помереть за домъ Пречистыя Богородицы и за православную христіянскую вѣру».

Вечеромъ 19 августа ополченіе подошло къ Москвѣ и, заночевавъ въ пяти верстахъ отъ нея на рѣкѣ Яузѣ, выслало разъѣзды къ Арбатскимъ воротамъ, чтобы выбрать мѣста для стоянки. Оставшійся послѣ ухода Заруцкаго старшимъ среди атамановъ, князь Димитрій Тимофѣевичъ Трубецкой безпрестанно присылалъ къ Пожарскому и «зваше къ себѣ стояти въ табары». Но «Князь Дмитрей же и вся рать отказаша, что отнюдь тово не быти, что намъ стать вмѣстѣ съ казаками».

Утромъ 20 числа Пожарскій со своими ратными людьми подошелъ къ стѣнамъ столицы. Трубецкой съ казаками вышелъ ему навстрѣчу и снова сталъ звать къ себѣ въ таборы къ Яузскимъ воротамъ, на восточной сторонѣ города. Но Пожарскій опять отказался, «что отнюдь вмѣстѣ съ казаками не стаивать», и расположился на западной сторонѣ Москвы, откуда и ожидался Хоткевичъ: «ста у Арбацкихъ воротъ и уставишася по станомъ подлѣ Каменново города, подлѣ стѣны, и здѣлаша острогъ и окопаша кругомъ ровъ и едва укрѣпитися успѣша до етмансково приходу. Князь Дмитрей же Тимофѣевичъ Трубецкой и казаки», говоритъ лѣтописецъ, «начаша на князь Дмитрея Михайловича Пожарсково и на Кузму и на ратныхъ людей нелюбовь держати за то, что къ нимъ въ табары не пошли».

«Съ какой цѣлью», спрашиваетъ по этому поводу И. Е. Забѣлинъ, «Трубецкой звалъ ополченье стоять въ своихъ таборахъ у Яузскихъ воротъ, съ восточной стороны города, когда было всѣмъ извѣстно, что Хоткевичъ идетъ съ запасами по Можайской дорогѣ, съ запада, и слѣдовательно легко можетъ пробраться прямо въ Кремль, куда назначались запасы. Явно, что здѣсь крылась измѣна, доброжелательство къ Полякамъ... Видимо, что Трубецкой все еще думалъ о королевичѣ или о королѣ и вовсе не думалъ очищать Государство отъ Поляковъ».

Конечно, Пожарскій предвидѣлъ всѣ трудности, какія ему предстоятъ подъ Москвой; поэтому, всячески желая избѣгать ссоръ съ казаками и укрѣпить ихъ на предстоящій подвигъ, онъ еще 29 іюля, отъ имени всего ополченія, просилъ Казанскаго митрополита Ефрема, оставшагося послѣ мученической кончины патріарха Гермогена старшимъ среди Русскихъ святителей, поставить, какъ можно скорѣе, Крутицкимъ митрополитомъ (въ Москвѣ) игумена Сторожевскаго монастыря Исаію, который и долженъ

былъ быть посредникомъ и примирителемъ между Земскими ратными людьми и казаками; пока-же, до прибытія Исаіи, таковымъ посредникомъ являлся ловкій келарь Троицко-Сергіевской лавры Авраамій Палицынъ, умѣвшій, какъ мы говорили, снискать себѣ пріятелей среди атаманьи и особенно дружившій съ Трубецкимъ.

Вечеромъ 21 августа Хоткевичъ подошелъ къ Москвѣ и сталъ на Поклонной горѣ. Онъ привелъ съ собой, вѣроятно, не болѣе четырехъ или

379. Литовскій гетманъ Янъ-Карлъ Хоткевичъ.

Съ современнаго изображенія въ замкѣ Виляновѣ графа К. Браницкаго, подъ Варшавою.

пяти тысячъ человѣкъ Поляковъ, Венгровъ и Черкасъ. Немного осталось Поляковъ и въ Кремлѣ. Еще въ концѣ 1611 года они послали сказать королю, что, въ виду неприсылки имъ жалованья, они не останутся въ Москвѣ дольше 6 января 1612 года, и дѣйствительно большинство изъ нихъ покинуло ее. Въ ней оставалась только часть бывшихъ Сапѣжинцевъ и отрядъ, присланный изъ Смоленска Яковомъ Потоцкимъ. Старшимъ начальникомъ въ Кремлѣ, вмѣсто убывшаго изъ него Гонсѣвскаго, былъ назначенъ панъ Николай Струсь.

Въ Польскихъ войскахъ, какъ обычно, шли большіе нелады. Потоцкій враждовалъ съ Хоткевичемъ, и Струсь, племянникъ Потоцкаго по женѣ, былъ назначенъ начальникомъ Польскихъ войскъ въ Москвѣ, главнымъ обра-

зомъ съ цѣлью мѣшать гетману. Поэтому, сами по себѣ, Поляки вовсе не представляли Нижегородскому ополченію большой опасности. Неизмѣримо опаснѣе была вражда со стороны казаковъ, которая и не замедлила тотчасъ-же сказаться, какъ только начался, на разсвѣтѣ 22 августа, бой съ подошедшимъ Хоткевичемъ.

По уговору съ Трубецкимъ, Пожарскій поставилъ свои войска на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки у Новодѣвичьяго монастыря, а казаки расположились на правомъ—у Крымскаго двора. Затѣмъ Трубецкой прислалъ сказать Пожарскому, что ему необходимо нѣсколько конныхъ сотенъ; въ виду этого, послѣдній тотчасъ же выбралъ пять лучшихъ своихъ сотенъ и отправилъ ихъ Трубецкому; въ данномъ случаѣ Пожарскій поступилъ такъ, какъ и надлежитъ всегда поступать въ бою двумъ сосѣдямъ, всячески оказывая другъ другу взаимную помощь и выручку.

Но далеко не такъ держалъ себя Трубецкой. Въ первомъ часу по восходѣ солнца, Хоткевичъ перешелъ Москву-рѣку у Новодѣвичьяго монастыря и затѣмъ всѣми силами завязалъ жаркій бой съ ополченіемъ Пожарскаго, продолжавшійся до восьмого часа; Поляки изъ Кремля сдѣлали за день тоже двѣ вылазки въ тылъ Русскимъ войскамъ, бившимся съ гетманомъ. При этомъ, Хоткевичъ былъ особенно силенъ приведенными имъ съ собою отлично обученными конными полками, а у Пожарскаго, какъ мы видѣли, пять лучшихъ конныхъ сотенъ были какъ разъ переведены на другой берегъ Москвы-рѣки къ Трубецкому. Къ вечеру дѣло стало принимать дурной оборотъ для Нижегородскаго ополченія: Хоткевичъ оттѣснилъ его къ Чертольскимъ воротамъ, и только вылазки Поляковъ изъ Кремля были отражены нашими съ успѣхомъ.

«Что же въ это время дѣлалъ Трубецкой со своими казаками?»—вопрошаетъ И. Е. Забѣлинъ. «А бояринъ князь Д. Т. Трубецкой, говоритъ самъ Авраамій (Палицынъ)», продолжаетъ онъ, «.. со всѣми своими полки тогда *стоялъ* за Москвою-рѣкою у Пречистыя Богородицы Донскія»... Для чего же онъ туда забрался, когда оттуда же долженъ былъ видѣть горячую битву Пожарскаго съ гетманскими полками и очень легко могъ ударить въ тылъ этимъ полкамъ отъ Крымскаго брода, такъ какъ битва кипѣла у Пречистенскихъ воротъ. Но не у Донского монастыря, какъ погрѣшаетъ старецъ (Авраамій), а именно за рѣкою у Крымскаго Двора передъ Крымскимъ бродомъ и стоялъ Трубецкой... И такъ, бился Пожарскій одними своими конными. Отъ Трубецкого ни одинъ не вышелъ на помощь. Казаки только, какъ псы, лаяли и поносили Нижегородцевъ, приговаривая: «Богаты и сыты пришли изъ Ярославля и одни могутъ отбиться отъ гетмана». Трубецкой не выпускалъ въ бой даже и присланныхъ сотенъ. Не ясенъ ли былъ его умыселъ обезсилить Пожарскаго и именно конным войскомъ, когда у Хоткевича только конные и были».

Однако, головы тѣхъ конныхъ сотенъ, которыя были посланы Пожарскимъ къ Трубецкому, не смогли отнестись равнодушно къ тому, чтобы Поляки тѣснили ихъ братьевъ на другомъ берегу рѣки: «Головы же тѣ, кои

посланы ко князю Дмитрею Трубецкому, видя неизможеніе своимъ полкомъ», говоритъ лѣтописецъ, «а отъ нево (Трубецкого) никоторые помочи нѣту, и поидоша отъ нево ис полку бес повелѣнія скорымъ дѣломъ. Онъ же не похотѣ ихъ пустить. Они же ево не послушаша, поидоша въ свои полки и многую помощь учиниша».

Загорѣлись негодованіемъ на предательское поведеніе Трубецкого и Русскія сердца нѣкоторыхъ изъ подвластной ему «атаманьи». «Атаманы жъ Трубецково полку: Филатъ Межаковъ, Ѳѳонасей Коломна, Дружина Романовъ, Макаръ Козловъ поидоша самовольствомъ на помощь, и глаголаху князю Дмитрею Трубецкому, что «въ вашей нелюбви Московскому государству и ратнымъ людемъ пагуба становитца». И придоша на помочь ко князь Дмитрею въ полки и по милости всещедраго Бога етмана отбиша и многихъ Литовскихъ людей побиша».

Отбитый Хоткевичъ отступилъ къ Поклонной горѣ, но ночью какой-то измѣнникъ Гриша Орловъ прошелъ въ Москву, проведя съ собой 600 гайдуковъ.

23 августа гетманъ переводилъ свои войска на другой берегъ Москвы-рѣки къ Донскому монастырю, чтобы вести наступленіе со стороны Замоскворѣчья. Поэтому въ этотъ день былъ бой только съ Поляками, сидѣвшими въ Кремлѣ; они сдѣлали удачную вылазку и, взявъ Русскій острожокъ у церкви Святого Георгія (въ Яндовѣ), распустили на колокольнѣ Польское знамя.

Переведя свои войска на другой берегъ Москвы-рѣки, Хоткевичъ вѣроятно разсчитывалъ, что казаки не будутъ биться крѣпко, а Пожарскій, въ отместку за ихъ бездѣйствіе 22 августа, помощи имъ не окажетъ и останется на лѣвомъ берегу рѣки.

Однако, сообразительный гетманъ ошибся. Пожарскій не послѣдовалъ примѣру Трубецкого и, видя, что Поляки перешли на правый берегъ Москвы-рѣки, самъ поспѣшилъ съ большею частью своего войска перейти туда же, оставивъ на лѣвомъ берегу лишь обозъ и свой казацкій отрядъ въ острожкѣ у церкви Святого Климента на Пятницкой.

Бой въ Замоскворѣчьи закипѣлъ съ разсвѣтомъ 24 августа. Пожарскій выдвинулъ противъ Хоткевича «сотни многія», а воеводъ, прибывшихъ изъ Ярославля, поставилъ вдоль рва, шедшаго вокругъ сожженнаго деревяннаго города въ Замоскворѣчьи. «Трубецкой съ своей стороны», говоритъ И. Е. Забѣлинъ, «вышелъ и сталъ отъ Москвы-рѣки, отъ Лужниковъ, т. е. у Троицы въ Лужникахъ, гдѣ Кожевники, стало быть, на такомъ мѣстѣ, которое оставалось вдали отъ дорогъ, гдѣ долженъ былъ идти гетманъ, направляясь отъ Донского монастыря. Трубецкому слѣдовало встрѣтить его отъ Серпуховскихъ воротъ, а онъ сталъ въ верстѣ отъ нихъ».

При этихъ обстоятельствахъ, главный ударъ Хоткевича обрушился опять на войска Пожарскаго; произошла жестокая сѣча: «етманъ же, видя противъ себя крѣпкое стояніе Московскихъ людей, и напусти на нихъ всѣми людьми, сотни и полки всѣ смяша, и втопталъ въ Москву рѣку. Едва самъ

князь Дмитрей съ полкомъ своимъ стоялъ противъ ихъ. Князь Дмитрей же Трубецкой и казаки всѣ поидоша въ табары».

Скоро былъ взятъ и острожокъ у Святого Климента вышедшими изъ Кремля и Китай-города Поляками, которые тотчасъ же водрузили на церкви Польское знамя.

Дѣло Нижегородскаго ополченія казалось на этотъ разъ, благодаря безучастному поведенію Трубецкого и казаковъ, проиграннымъ оконча-

380. Битва князя Пожарскаго съ Хоткевичемъ подъ Москвой.

Рисунокъ художника Коверзнева.

тельно. «Людіе же сташа», говоритъ лѣтописецъ, «въ великой ужасти и посылаху х казакомъ, чтобы сопча промышляти надъ етманомъ. Они же отнюдь не помогаху»...

Тутъ вмѣшивается въ дѣло, по собственному его разсказу, старецъ Авраамій Палицынъ. Въ своемъ «Сказаніи», онъ говоритъ, что «Видѣвъ же сіа бываемаа злаа, стольникъ и воевода, князь Дмитрей Михайловичь Пожарской, и Козма Мининъ, и въ недоумѣніи бышя. И послаша князя Дмитрея Петровича Лопату къ Троицкому келарю, старцу Аврамію, зовуще его въ полки къ себѣ», послѣ чего, по словамъ Палицына, онъ отправился уговаривать казаковъ, сперва къ находившимся у Клементьевскаго острожка, а затѣмъ и въ таборы, гдѣ многіе уже пили и играли въ зернь, и такъ по-

дѣйствовалъ на нихъ своимъ горячимъ словомъ, что казаки умилились душой и съ кликами «Сергіевъ, Сергіевъ!» бросились въ битву и начали всюду избивать Польскихъ и Литовскихъ людей, чѣмъ повернули уже окончательно проигранное дѣло въ нашу пользу. Такимъ образомъ, по словамъ Палицына, вся заслуга въ воздѣйствіи на казаковъ, а стало быть и побѣда надъ Хоткевичемъ, принадлежала исключительно ему одному. Въ дѣйствительности, однако, это было, повидимому, не такъ.

«Другой Троицкій келарь», говоритъ И. Е. Забѣлинъ, «современникъ и ученикъ архимандрита Діонисія... Симонъ Азарьинъ, не менѣе, если не болѣе Авраамія, любившій свой монастырь, но не столько, какъ Авраамій,

381. Келарь Авраамій Палицынъ въ станѣ казаковъ Трубецкого подъ Москвой, 24 августа 1612 года.

Рисунокъ художника Сафонова.

любившій свою особу, разсказываетъ о тѣхъ же обстоятельствахъ гораздо правдивѣе. Онъ пишетъ, что воинство христіанское обоихъ полковъ несогласно было, другъ другу не помогали, но дѣйствовали каждый полкъ особо, и именно казаки не только не помогали, но и похвалялись разорить дворянскіе полки. Слыша это, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій поспѣшили въ Москву и вмѣстѣ съ Козьмою стали умолять казаковъ и многимъ челобитьемъ привели ихъ въ смиреніе, утѣшая при этомъ обои полки пищею и питіемъ, и такимъ образомъ привели ихъ въ братолюбіе. А главное обѣщали казакамъ всю Сергіеву казну отдать, если постоятъ, и поможетъ имъ Господь, указывая, что если не постоятъ и враги одолѣютъ, то и все будетъ

разграблено. Казаки за это съ радостію обѣщались за вѣру Христову стоять и головы свои положить... Склонившись на обѣщанія казны, казаки поднялись и, согласившись съ полками Пожарскаго, двинулись противъ гетмана вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ. Первымъ дѣломъ былъ взятъ острожокъ Климентовскій, причемъ однихъ Венгровъ было побито 700 человѣкъ. Потомъ пѣшіе засѣли по рвамъ, ямамъ и крапивамъ, гдѣ только можно было попрятаться, чтобы не пропустить въ городъ Польскихъ запасовъ. Однако, большой надежды на успѣхъ не было ни въ комъ».

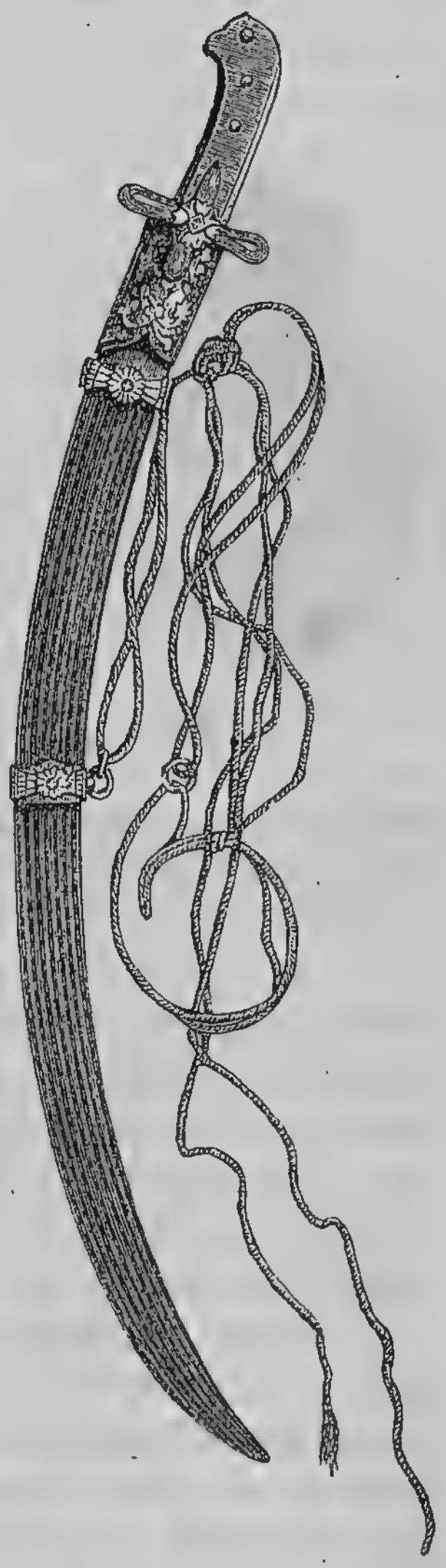
382. Козьма Мининъ рѣшаетъ битву у Крымскаго брода.

Рисунокъ художника Р. Штейна.

Наступилъ вечеръ. Съ той и другой стороны раздавались звуки выстрѣловъ и слышалось пѣніе молебновъ, безпрерывно служившихся во всѣхъ Московскихъ полкахъ. Русскіе люди—«Всею же ратію начаша плакати и пѣти молебны, чтобы Московское государство Богъ избавилъ отъ погибели, и обрекошася всею ратью поставити храмъ во имя Срѣтеніе Пречистые Богородицы и святого апостола и евангелиста Ивана Богослова, да Петра митрополита, Московскаго чюдотворца».

Жаркая молитва «послѣднихъ людей» Московскаго Государства была услышана, причемъ въ неисповѣдимыхъ путяхъ Господа Ему угодно было даровать имъ побѣду—рукой того, кто, въ великомъ возмущеніи своего духа отъ скорбей, переживаемыхъ Родиной, первый поднялъ голосъ на всеобщее вооруженіе противъ ея враговъ. Козьма Мининъ неожиданно подошелъ

къ князю Пожарскому и сталъ просить у него ратной силы, чтобы ударить на Поляковъ. «Бери кого хочешь»—отвѣчалъ ему на это Пожарскій. Тогда исполненный воинскаго духа Козьма взялъ три дворянскія сотни и перешедшаго на нашу сторону Поляка, «рохмистра Хмелевскаго», и во главѣ ихъ смѣло ударилъ на стоявшія у Крымскаго брода конную и пѣшую сотни Хоткевича. Это рѣшило участь дня, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьбу всѣхъ дальнѣйшихъ событій. Пѣхота, видя блистательный успѣхъ Минина, «изъ ямъ и ис кропивъ поидоша тискомъ къ табарамъ. Конные же всѣ напустиша. Етманъ же, покинувъ многіе коши и шатры, побѣжа ис табаръ». Воодушевленные побѣдой, наши ратные люди рвались преслѣдовать Поляковъ.



383. Сабля Козьмы Минина.
Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

«Начальники же ихъ не пустиша за ровъ, глаголаху имъ, что не бываетъ въ одинъ день двѣ радости, и то здѣлалось помощію Божіею. И повелѣша стрѣляти казакомъ и стрѣльцомъ, и бысть стрѣльба на два часа, яко убо не слышети, хто что говоряше. Огню же бывшу и дыму, яко отъ пожару велія, гетману же, бывшу въ великой ужасти, и отойде къ Пречистой Донской и стояше всю нощь на конехъ. На утріе же побѣгоша отъ Москвы. Срама же ради своего прямо на Литву поидоша». Такъ отразило Нижегородское ополченіе гетмана, не допустивъ снабдить его припасами Поляковъ, сидѣвшихъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ.

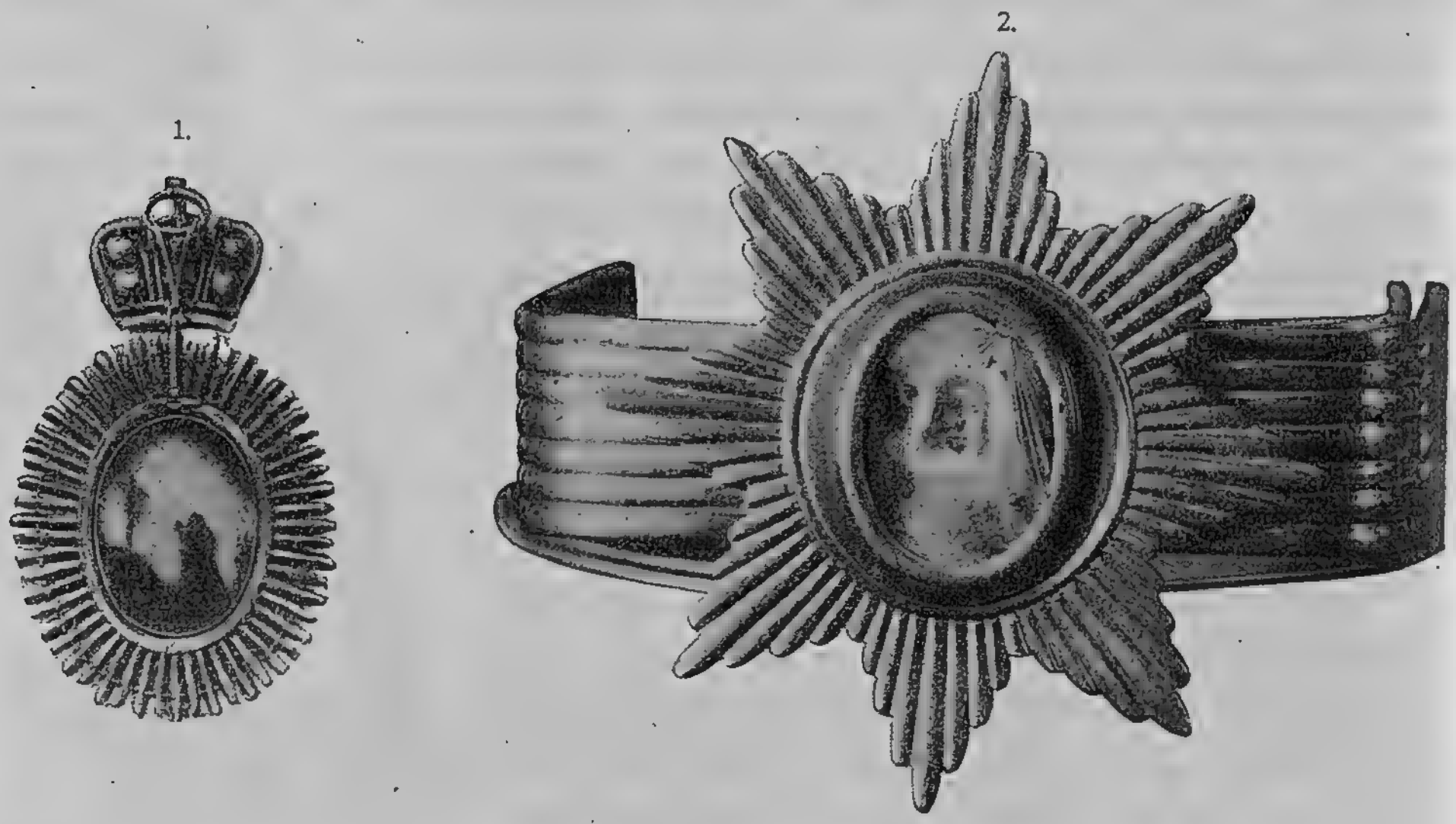
Но доблестные вожди этого ополченія предвидѣли еще не мало дѣла и впереди.

Архимандритъ Діонисій съ соборными старцами Троицкой лавры во исполненіе обѣщанія, даннаго казакамъ, отправили имъ въ закладъ въ тысячу рублей сокровища Святого Сергія—ризы церковныя,епитрахили, евангелія въ окладахъ и церковную утварь. Когда казаки увидали эту посылку, то ихъ Православныя сердца дрогнули. Они поспѣшили вернуть ее въ монастырь и отправили въ него грамоту, обѣщая все претерпѣть но отъ Москвы не отходить.

Труднѣе было уладить дѣло съ вождями казацкаго ополченія: спѣсивый князь Димитрій Трубецкой, какъ бояринъ, хотя и воровской, требовалъ, чтобы Пожарскій и Мининъ ѣздили бы къ нему въ станъ для совѣта. Зем-

скіе-же люди, памятуя судьбу Прокофія Ляпунова, отнюдь этого не хотѣли допустить.

Скоро Пожарскій вынужденъ былъ разослать грамоту по городамъ, въ которой онъ извѣщалъ объ отбитіи Хоткевича отъ Москвы и сооб-



384. Изъ сокровищницы преподобнаго Сергія въ обители Живоначальной Троицы: 1. Нерукотворное изображеніе распятія съ предстоящими предъ нимъ молящимися, найденное на Сибирскомъ камнѣ; 2. Такое-же нерукотворное изображеніе на камнѣ—Всемилостивѣйшаго Спаса.

щалъ о бывшихъ Тушинскихъ воеводахъ, что—«началъ Иванъ Шереметевъ со старыми заводчиками всякаго зла, съ княземъ Григоріемъ Шаховскимъ да съ Иваномъ Плещеевымъ да съ княземъ Иваномъ Засѣкинымъ атамановъ и казаковъ научать на всякое зло» и подговаривать ихъ, чтобы они шли занимать города въ тылу Нижегородскаго ополченія и затѣмъ «всѣхъ ратныхъ людей перегрибить и отъ Москвы отогнать».

Однако, къ началу октября, казачьи воеводы увидѣли, что Земскіе люди сильнѣе ихъ; съ своей стороны, Пожарскій охотно уступалъ почетъ и первенство Трубецкому. Они согласились дѣлать всѣ дѣла сообща и съѣзжаться посрединѣ между Земскимъ и казацкимъ станами—на Неглинной—на Трубѣ, гдѣ и поставить приказы для рѣшенія всѣхъ государственныхъ дѣлъ.

Въ концѣ октября или въ началѣ ноября, по городамъ была разослана новая грамота, уже отъ обоихъ воеводъ, о прекращеніи между ними всѣхъ распрей и о единодушномъ намѣреніи ихъ, вмѣстѣ съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою Мининымъ, освободить Государство отъ враговъ, съ повелѣніемъ во всемъ относиться къ нимъ обоимъ и не вѣрить грамотамъ одного изъ нихъ: «Какъ, господа, Божіею помощію и заступленіемъ Пречистыя Богородицы и умоленіемъ всѣхъ Святыхъ», писали Трубецкой и Пожарскій, «подъ Москвою гетмана Хоткѣева мы побили и коши многіе у него взяли и запасовъ въ

Москву къ Московскимъ сидѣлцомъ не пропустили, и то вамъ вѣдомо, и мы бояре и воеводы о томъ къ вамъ писали; и были у насъ посямѣста подъ Москвой розряды розные, а нынѣ, по милости Божіи, межь себя мы Дмитрей Трубетцкой и Дмитрей Пожарской, по челобитью и по приговору всѣхъ чиновъ людей, стали во единачествѣ и укрѣпились, что намъ да выборному человѣку Кузмѣ Минину Московского государства доступать и Російскому государству во всемъ добра хотѣть безо всякія хитрости, и розрядъ и всякіе приказы поставили на Неглимнѣ, на Трубѣ, и снесли въ одно мѣсто и всякіе дѣла дѣлаемъ заодно, и надъ Московскими сидѣльцы промышляемъ: у Пушечного двора и въ Егорьевскомъ дѣвичѣ монастырѣ и у всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ поставили туры, и изъ-за туровъ изъ наряду (пушекъ) по городу бьемъ безпрестани, и всякими промыслы надъ городомъ промышляемъ и тѣсноту Московскимъ сидѣлцомъ чинимъ великую; и изъ города изъ Москвы выходятъ къ намъ выходцы, Рускіе и Литовскіе и Нѣмецкіе люди, а сказываютъ, что въ городѣ Московскихъ сидѣлцовъ изъ наряду побиваетъ и со всякія тѣсноты и съ голоду помираютъ, а ѣдятъ де Литовскіе люди человѣчину, а хлѣба и иныхъ никакихъ запасовъ ни у кого ничего не осталось; и мы, уповая на Бога, начаемся Москвы доступити вскорѣ».

Храбрый Струсь держался, однако, въ Москвѣ до послѣдней крайности, и на предложеніе о сдачѣ Поляки прислали гордый и грубый отвѣтъ, хотя голодъ среди нихъ дошелъ уже до того, что одинъ гайдукъ съѣлъ своего сына, а другой свою мать; судья же, назначенный судить виновныхъ, убѣжалъ, боясь, что они его съѣдятъ.

Въ подмосковный станъ стали поступать въ это время дурныя вѣсти: Запорожцы, бывшіе съ Хоткевичемъ, отдѣлились отъ него и, неожиданно напавъ на Вологду, «безсовѣстно, изгономъ», до тла выжгли ее и разграбили. Упорно ходили также слухи, что Хоткевичъ хочетъ прислать отрядъ для нападенія врасплохъ на подмосковныя рати, вслѣдствіе чего наши воеводы приказали всему воинству плести плетеницы и копать большой ровъ на полуостровѣ, образуемомъ Москвой-рѣкой въ Замоскворѣчьи, отъ одного берега до другого, причемъ сами день и ночь слѣдили за работами.

Казаки были попрежнему дурно снабжены и голодали, глядя съ большой злобой на Земскихъ людей, хорошо всѣмъ снабженныхъ заботливою рукою Козьмы Минина.

22 октября казаки взяли приступомъ Китай-городъ. Поляки заперлись въ Кремлѣ и держались въ немъ еще мѣсяцъ. Но, въ виду крайней нужды въ продовольствіи, они «повелѣху бояромъ своихъ женъ и всякимъ людемъ выпущати изъ города вонъ». Сильно озабоченные за судьбу своихъ семей, бояре отправили къ Пожарскому и Минину просьбу, чтобы они ихъ приняли подъ свою защиту. Тѣ, конечно, обѣщали. «Князь Дмитрей же повелѣ имъ женъ своихъ выпущати и пойде самъ и пріятъ жены ихъ чесно и проводи ихъ коюждо къ своему пріятелю и повелѣ имъ давати кормъ. Казаки жъ всѣ за то князь Дмитрея хотѣша убити, что грабить не далъ боярынь».

Во второй половинѣ ноября, «Литовскіе жъ люди, видя свое неизможеніе и гладъ великой, и градъ Крѣмль здавати начаша». Они вступили въ переговоры съ Пожарскимъ, прося о дарованіи имъ жизни, а также «полковникомъ же и рохмистромъ и шляхтамъ чтобы итти ко князю Дмитрею Михайловичю въ полкъ Пожарскому, а къ Трубецкому отнюдь не похотѣша итти въ полкъ». Затѣмъ послѣдовала сдача Кремля. Сперва изъ него были выпущены бояре, въ томъ числѣ князь Ѳ. И. Мстиславскій и совершенно больной Иванъ Никитичъ Романовъ, хромой и съ отнятой рукою, что съ нимъ случилось, какъ мы помнимъ, еще во времена Годунова;

385. Поляки изгоняютъ боярынь изъ Кремля.

Рисунокъ художника К. В. Лебедева.

вмѣстѣ съ Иваномъ Никитичемъ вышелъ изъ Кремля и его юный племянникъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, сынъ Филарета Никитича, а также бывшая супруга послѣдняго, инокиня Марѳа Іоанновна, очевидно не пожелавшая разстаться съ сыномъ, когда выпускали другихъ боярынь. Мать и сынъ отправились тотчасъ же въ свои Костромскія вотчины. Когда казаки увидѣли выходящихъ бояръ, то хотѣли кинуться ихъ грабить, но были удержаны Земскими ратными людьми, принявшими тѣхъ съ подобающей имъ честью.

На слѣдующій день сдались Поляки; Струсь со своимъ полкомъ достался казакамъ Трубецкого: они ограбили ихъ дочиста, а многихъ побили. Поляки же, доставшіеся Пожарскому,—не были никѣмъ тронуты.

27 ноября Нижегородское ополченіе, отъ церкви Іоанна Милостиваго на Арбатѣ, и казаки, отъ храма Казанской Богородицы за Покровскими

воротами, двинулись двумя крестными ходами въ Китай-городъ въ сопровожденіи всѣхъ Московскихъ людей. Оба крестныхъ хода сошлись на Красной площади у Лобнаго мѣста, гдѣ доблестный Троицкій архимандритъ Діонисій началъ служить молебенъ; въ это время изъ Кремля показался третій крестный ходъ, выходившій черезъ Спасскія ворота: архіепископъ Архангельскій Арсеній съ Кремлевскимъ духовенствомъ, чтобы встрѣтить своихъ освободителей, подняли икону Владимірской Божіей Матери. При видѣ Ея чудотворнаго лика всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ громкихъ рыданій и радостныхъ слезъ: многіе потеряли уже всякую надежду когда-либо ее увидѣть.

Послѣ молебна на Лобномъ мѣстѣ, всѣ двинулись съ крестами и образами въ Кремль, чтобы отслужить обѣдню и молебенъ Пречистой въ Успенскомъ соборѣ; «здѣсь», по словамъ С. Соловьева, «печаль смѣнила радость, когда увидали, въ какомъ положеніи озлобленные иновѣрцы оставили церкви: вездѣ нечистота, образа разсѣчены, глаза вывернуты, престолы ободраны, въ чанахъ приготовлена страшная пища—человѣческіе трупы». «Сидѣніе жъ ихъ бяше въ Москвѣ таково жестоко», говоритъ лѣтописецъ: «не токмо что собаки и кошки ядяху, но и людей Рускихъ побиваху. Да не токмо что Рускихъ людей побиваху и ядяху, но и сами другъ друга побиваху и ѣдяху. Да не токмо живыхъ людей побиваху, но и мертвыхъ изъ земли роскопываху: какъ убо взяли Китай, то сами видѣхомъ очима своима, что многія тчаны насолены быша человѣчины».

386. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

Послѣ сдачи Поляковъ, «Трубецкой, по своему великородству», какъ говоритъ И. Е. Забѣлинъ, поселился въ Кремлѣ, въ бывшемъ Годуновскомъ дворѣ, скромный же Пожарскій—на Арбатѣ, въ Воздвиженскомъ монастырѣ, и усердно продолжалъ вмѣстѣ съ Мининымъ и Земскими людьми заниматься дѣломъ дальнѣйшаго успокоенія Государства.

«Когда Русскіе взяли Кремль», доносилъ Яковъ Делагарди королю Густаву-Адольфу въ январѣ 1613 года, на основаніи распросныхъ рѣчей нѣкоего Богдана Дубровскаго, выѣхавшаго изъ Москвы въ половинѣ декабря, «казаки хотѣли силою ворваться туда, чтобы посмотрѣть, что тамъ

можно найти, но военачальники и бояре не позволили имъ этого и потребовали отъ нихъ, чтобы они представили списокъ старыхъ казаковъ, отдѣливъ крестьянъ и другіе приставшіе къ нимъ безпорядочные отряды; тогда ихъ признаютъ за казаковъ и они будутъ награждены. Такъ и сдѣлали. Лучшихъ и старшихъ казаковъ было насчитано 11.000 и военачальники раздѣлили между ними всѣми доспѣхи, ружья, сабли и прочія вещи, а также найденныя въ Кремлѣ деньги, такъ что каждый казакъ получилъ деньгами и цѣнными вещами восемь рублей».

Но казаки быстро спустили все полученное: «Казацкого же чина воиньство», говоритъ самъ ихъ великій пріятель, Авраамій Палицынъ, «многочислено тогда бысть и въ прелесть велику горше прежняго впадошя, вдавшеся блуду, питію и зерни, и пропивше и проигравше вся своя имѣніа, насилующе многимъ въ воиньствѣ, паче же православному христьянству. И исходяще изъ царьствующаго града во вся грады и села и деревни, и на путѣхъ грабяще и мучаще не милостивно сугубѣйши перваго десяторицою . . . И бысть во всей Росіи мятежь великъ и нестроеніе злѣйши перваго (прежняго); боляре же и воеводы, не вѣдуще что сотворити . . .».

Между тѣмъ въ Москву пришли тревожныя свѣдѣнія, что къ ней идетъ король Сигизмундъ. Дѣйствительно, часть Поляковъ, узнавъ, что дѣла Струся пошли дурно съ подходомъ къ столицѣ Нижегородскаго ополченія, стали требовать на сеймѣ въ Варшавѣ, чтобы король поспѣшилъ ему на выручку, однако, средствъ ему на сборъ войска не дали. Сигизмундъ отправился въ Вильну, набралъ съ большимъ трудомъ 3.000 Нѣмецкихъ наемниковъ и въ октябрѣ прибылъ къ Смоленску. Въ Смоленскѣ «рыцарство», то есть Польская конница, находившаяся здѣсь, несмотря на всѣ мольбы короля, наотрѣзъ отказалась слѣдовать съ нимъ къ Москвѣ, и онъ выступилъ одинъ со своими Нѣмцами на Вязьму; однако, по дорогѣ его нагнало 1.200 конныхъ изъ Смоленска, которые устыдились своего отказа, а въ Вязьмѣ онъ соединился и съ Хоткевичемъ. Изъ Вязьмы Сигизмундъ пошелъ осаждать Погорѣлое Городище; сидѣвшій здѣсь воеводою князь Юрій Шаховской послалъ сказать королю: «Пойди въ Москву, будетъ Москва за тобою, а мы тоже твои». Тогда король отошелъ отъ Погорѣлова и сталъ осаждать Волокъ Ламскій.

Изъ-подъ Волока Сигизмундъ послалъ на Москву отрядъ молодого Жолкѣвскаго (сына гетмана), а съ нимъ князя Данилу Мезецкаго, бывшаго съ послами подъ Смоленскомъ, и дьяка Ивана Грамотина «зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство. Они же придоша внезапу подъ Москву. Людіе же всѣ начальники были въ великой ужасти и положиша упованіе на Бога».

Дѣйствительно, кромѣ описаннаго выше разброда казаковъ изъ-подъ Москвы для грабежа, многіе ратные люди къ этому времени также уже разъѣхались, а запасовъ продовольствія къ столицѣ, чтобы сѣсть въ долгую осаду, свезено не было. Тѣмъ не менѣе, когда молодой Жолкѣв-

скій подошелъ къ Москвѣ, то вся рать мужественно вышла ему навстрѣчу и вступила въ бой, рѣшивъ помереть или побѣдить,—и побѣдила. Жолкѣвскій былъ отбитъ.

Въ этомъ послѣднемъ бою подъ Москвой Поляки захватили Смольнянина Ивана Философова. Когда Жолкѣвскій сталъ его разспрашивать: «хотятъ ли взять королевича на царство и Москва нынѣ людна-ли, и запасы въ ней есть-ли», онъ съ увѣренностью отвѣчалъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ: «Москва людна и хлѣбна, и на то всѣ обѣщахомся, что всѣмъ помереть за православную вѣру, а королевича на царство не имати». Они же то слышавъ, ужаснулися и поидоша на спѣхъ подъ Волокъ». Волокомъ королю тоже не удалось овладѣть, благодаря доблести сидѣвшихъ въ немъ атамановъ Нелюба Маркова и Ивана Епанчина, которые отбили всѣ приступы. Тогда «король же, видя мужество и крѣпкое стояние Московскихъ людей и срамъ свой и побои Литовскимъ и Нѣмецкимъ людемъ, пойде наспѣхъ изъ Московскаго государства: многія у нево люди Литовскія и Нѣмецкія помроша съ мразу и з гладу».

Вскорѣ былъ разбитъ и другой врагъ—Заруцкій; онъ подошелъ къ Переяславлю Залѣсскому, чтобы взять его приступомъ; но воевода Михаилъ Матвѣевичъ Бутурлинъ вышелъ противъ него и побилъ наголову. «Заруцкій же, вземъ Маринку, з достальными людьми поиде въ Украйные городы».

Такъ постепенно очищалось Московское Государство отъ враговъ, хотя отдѣльныя ихъ шайки бродили еще долгое время: «...и очисти Богъ Московское государство начальниковъ радѣніемъ и ратныхъ людей службою и радѣніемъ, и послаша во всѣ городы. Во всѣхъ же городѣхъ радость бысть велія. Нѣмцомъ же Аглинскимъ, кои было пошли къ Архангельскому городу Московскому государству на помощь . . . повелѣ отказати: Богъ очистилъ и Русскими людьми».

Наступило, наконецъ, давно желанное время закончить великую смуту, охватившую Родину,—избраніемъ всею Землею Государя. «Начальники жъ и вси людіе», говоритъ лѣтописецъ, «видя надъ собой милость Божію, начаша думати, како бы имъ изобрати Государя на Московское государство праведна, чтобы данъ былъ отъ Бога, а не отъ человѣкъ. И послаша во всѣ городы Московского государства, чтобы ѣхали къ Москвѣ на избиранье государя власти и бояре и всякихъ чиновъ людіе». . .

Грамоты объ этомъ стали разсылаться по городамъ въ началѣ ноября 1612 года, съ приглашеніемъ прибыть въ Москву къ 5 декабря, и 12 января 1613 года окончательно собрался вновь созванный Земскій соборъ, замѣнивъ собой дѣйствовавшій до сихъ поръ «Совѣтъ всея Земли», который былъ созванъ, какъ мы помнимъ, въ Ярославлѣ, въ предыдущемъ году, и тоже предполагалъ приступить къ выбору Царя, чего настоятельно требовалъ народъ, всюду по пути слѣдованія Нижегородскаго ополченія.

Точное количество участниковъ Великаго Земскаго собора 1613 года, созваннаго для Царскаго избранія, къ сожалѣнію, неизвѣстно, такъ какъ «Утвержденная грамота» объ этомъ избраніи была подписана значительно

позднѣе, лѣтомъ 1613 года, когда многіе изъ членовъ собора уже разъѣхались по домамъ. Во всякомъ случаѣ это былъ наиболѣе полный изъ всѣхъ собиравшихся до сихъ поръ соборовъ отъ Земли; на немъ были представители болѣе чѣмъ отъ сорока городовъ, «отъ Сѣвернаго Подвинья до Оскола и Рыльска и отъ Осташкова до Казани и Вятки», говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, причемъ каждый городъ долженъ былъ прислать не менѣе десяти членовъ, но нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Нижній Новгородъ, первый вставшій во главѣ движенія «послѣднихъ людей» Московскаго Государства, выслали значительно большее число *). Весьма дѣятельное участіе въ соборѣ принимали и представители казачества, собраннаго подъ Москвой. Въ виду этого, онъ былъ настолько многолюденъ, что нѣкоторыя засѣданія его происходили въ Кремлевскомъ храмѣ Успенія Божіей Матери.

Въ составъ избирательнаго собора входилъ прежде всего Освященный соборъ, изъ трехъ митрополитовъ (Ефрема Казанскаго, Кирилла Ростовскаго и Іоны Сарскаго) и представителей чернаго духовенства: архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Бѣлое же духовенство было вмѣстѣ съ выборными отъ городовъ: дворянами, дѣтьми боярскими, гостями, торговыми, посадскими и уѣздными людьми. Не было только на соборѣ холоповъ и крѣпостныхъ крестьянъ, а также большихъ бояръ, членовъ семибоярщины, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ Поляками въ Кремлѣ; по приказу городовъ они не были допущены на него. «Бояре»,—доносилъ Яковъ Делагарди своему королю Густаву-Адольфу на основаніи «распросныхъ рѣчей» плѣнныхъ, «сидѣвшіе съ Поляками въ Москвѣ, осажденной Русскими, послѣ взятія ея выѣхали изъ Москвы подъ предлогомъ, что они хотятъ съѣздить на богомолье, согласно ихъ вѣрѣ, какъ они должны бы сдѣлать еще во время осады, но больше по той причинѣ, что къ нимъ враждебно относятся всѣ простые люди страны изъ-за Поляковъ, съ которыми были за одно».

Прежде чѣмъ приступить къ великому и святому дѣлу, для котораго былъ созванъ соборъ, члены его рѣшили провести три дня въ постѣ и молитвѣ.

Затѣмъ начались совѣщанія, подробностей о которыхъ до насъ, къ сожалѣнію, не дошло, и поэтому мы можемъ дѣлать о нихъ лишь кое-какія догадки. Въ первую голову былъ поставленъ вопросъ объ избраніи Государя изъ иноземныхъ царствующихъ домовъ. Какъ мы видѣли, чтобы не имѣть лишнихъ враговъ при освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, лѣтомъ 1612 года завязались переговоры о выборѣ Шведскаго королевича Филиппа;

---

*) Вотъ имена достойныхъ Нижегородцевъ, пріѣхавшихъ въ Москву для избранія Государя: Спасскій протопопъ Савва, Предотечевской попъ Герасимъ, Мvроносицкій попъ Марко, Никольскій попъ Богданъ; дворянинъ Григорій Измайловъ, дьякъ Василій Сомовъ, таможенный голова Борисъ Понкратовъ, кабацкій голова Оникей Васильевъ; посадскіе люди: Ѳедоръ Марковъ, Софронъ Васильевъ, Яковъ Шеинъ, Третьякъ Андреевъ, Екимъ Патокинъ, Богданъ Мурзинъ, Богданъ Кожевникъ, Третьякъ Ульяновъ, Мирославъ Степановъ, Алексѣй Маслухинъ, Иванъ Бабуринъ.

кромѣ того, Пожарскій сносился и съ Германскимъ императоромъ о возможности выбора его родственника, Максимиліана Габсбургскаго. Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ и о Татарскихъ царевичахъ, бывшихъ въ Московскомъ Государствѣ, но на самомъ дѣлѣ было твердо рѣшено выбрать Государя только изъ своихъ прирожденныхъ Русскихъ людей.

Весьма хорошо освѣдомленный и правдивый «Новый лѣтописецъ» говоритъ, что въ Москву въ декабрѣ 1612 года прибылъ, «изъ Нова города отъ Якова Пунтусова посланникъ Богданъ Дубровской», сообщившій, «что королевичъ (Филиппъ) идетъ въ Новъ городъ. Они же ему отказаша сице: «тово у насъ и на умѣ нѣтъ, чтобы намъ взяти иноземца на Московское государство; а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, и мы ссылалися для тово, чтобы намъ въ тѣ поры не помѣшали, бояся тово, чтобы не пошли въ Поморскіе городы; а нынѣ Богъ Московское государство очистилъ, и мы ради съ вами за помощью Божіею битца итти на очищенье Новгородцсково государства».

Затѣмъ на соборномъ совѣщаніи было порѣшено: «Литовскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ Нѣмецкихъ вѣръ и никоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры Греческаго закона на Владимірское и Московское Государство не избирать, и Маринки и сына ея на Государство не хотѣть, потому что Польскаго и Нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье: Литовскій король Московское Государство разорилъ, а Шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ».

387. Печать стольника князя Димитрія Михайловича Пожарскаго-Стародубскаго.

Эта печать приложена къ грамотѣ Князя Пожарскаго къ Германскому императору, писанной въ Ярославлѣ въ 1612 году іюня 20-го, хранящейся въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ.

Послѣ этого приступили къ выбору изъ своихъ; въ этихъ выборахъ, весь январь и начало февраля 1613 года прошли въ большомъ безпокойствѣ: «и тако бысть», по словамъ князя И. М. Катырева-Ростовскаго, «по многи дни собраніе людемъ, дѣла же толикія вещи утвердити не возмогутъ». «И многое было волненіе всякимъ людемъ», разсказываетъ Новый лѣтописецъ: «койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коево говоряше: не воспомянуша бо писанія, яко «Богъ не токмо царство, но и власть, кому хощетъ, тому даетъ: и кого Богъ призоветъ, того и прославитъ... И кто можетъ судьбы Божія испытати: иные убо подкупахусь и засылаху, хотяше не въ свою степень, Богу же того неизволшу».

Послѣ разсказывали, что сильно домогался Царскаго престола князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой, а затѣмъ создалась сплетня, что даже и князь Д. М. Пожарскій добивался избранія, но впослѣдствіи самъ сплетникъ, дворянинъ Суминъ, торжественно отказался отъ нея, хотя, конечно,

какъ вождь Нижегородскаго ополченія, совершившій великій подвигъ очищенія Государства отъ враговъ,—Пожарскій въ умахъ многихъ и могъ являться желаннымъ избранникомъ. Но этому прежде всего препятствовала врожденная скромность самого князя Димитрія Михайловича, что запечатлѣно и въ современной народной пѣснѣ: «Выбираемъ мы себѣ въ цари, изъ бояръ боярина славнаго князя Димитрія Пожарскаго сына», на что послѣдній отвѣчаетъ: «недостоинъ я такой почести отъ васъ».

Въ другомъ современномъ сказаніи, «Хронографѣ», разсказывается, что на соборѣ Пожарскій сталъ говорить: «Теперь у насъ въ Москвѣ благодать Божья возсіяла, миръ и тишину Господь Богъ даровалъ: станемъ у Всещедраго Бога милости просить, дабы намъ далъ *Самодержателя* всей Россіи. Подайте намъ совѣтъ благій. Есть ли у насъ *Царское прирожденіе*». На это всѣ умолкли. Затѣмъ духовныя власти держали такое слово: «Государь Димитрій Михайловичъ! Мы станемъ соборомъ милости у Бога просить. Дай намъ сроку до утра».

На слѣдующій же день, 7 февраля, когда собрался весь соборъ, какой-то дворянинъ изъ Галича выступилъ впередъ и представилъ письменное мнѣніе, что Государю изъ племени Іоанна Калиты—Ѳеодору Іоанновичу—ближе всѣхъ по родству приходится Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, почему онъ и является *прирожденнымъ Царемъ*.

На это послышались голоса: «кто прислалъ такую грамоту, откуда?». Но въ то же время вышелъ и Донской атаманъ и также подалъ грамоту. «Что это ты подаешь атаманъ?»—спросилъ его Пожарскій. «О прирожденномъ Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ»—послышался отвѣтъ.

Такимъ образомъ, и Земщина и Казачество, всегда между собою враждовавшія, произнесли одно имя, на которомъ сошлись всѣ лучшія чувства Русскихъ людей и которое должно было ихъ всѣхъ примирить.

«Тако благослови Богъ и прослави племя и сродство царское», говоритъ лѣтописецъ, «достославного и святого и блаженныя памяти государя царя и великаго князя Федора Ивановича всея Русіи племянника, благовѣрнаго и Богомъ избраннаго и Богомъ соблюдаемаго отъ всѣхъ скорбей царя государя и великаго князя Михаила Федоровича всея Русіи самодержца сына велика боярского роду боярина Федорова сына Никитича Юрьева».

Чтобы новый Царь былъ дѣйствительно желаннымъ избранникомъ всей Земли, рѣшено было разослать по всѣмъ городамъ и уѣздамъ надежныхъ людей, и разспросить народъ, какъ онъ отнесется къ этому выбору.

Черезъ двѣ недѣли посланные возвратились, и 21 февраля 1613 года должно было состояться послѣднее засѣданіе собора: на него были приглашены и большіе бояре—князь Мстиславскій съ товарищами своими по семибоярщинѣ.

По разсказу Авраамія Палицына, наканунѣ, 20 февраля, въ субботу первой недѣли Великаго Поста, у него въ Богоявленскомъ монастырѣ, на бывшее въ Кремлѣ Троицкое подворье, собрались «многіе дворяне, и дѣти боярскіе и гости многіе розныхъ городовъ, и атаманы, и казаки, и открываютъ

ему совѣтъ свой и благое изволеніе». Всѣ они стояли за избраніе Михаила Ѳеодоровича. «Старецъ же о семъ возрадовася....», разсказываетъ про себя Авраамій, «и отъ радости многихъ слезъ исполнився», а затѣмъ отправился въ Патріаршія палаты читать Освященному собору и всему Синклиту мнѣнія пришедшихъ къ нему людей.

На другой день въ воскресенье, въ недѣлю Православія, «въ большомъ Московскомъ дворцѣ, въ присутствіи, внутри и внѣ, всего народа отъ всѣхъ городовъ Россіи», состоялось послѣднее торжественное засѣданіе собора.

Были собраны мнѣнія отъ каждаго чина и всѣ они оказались одинаковы: всѣ единогласно указывали, что Царемъ долженъ быть Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

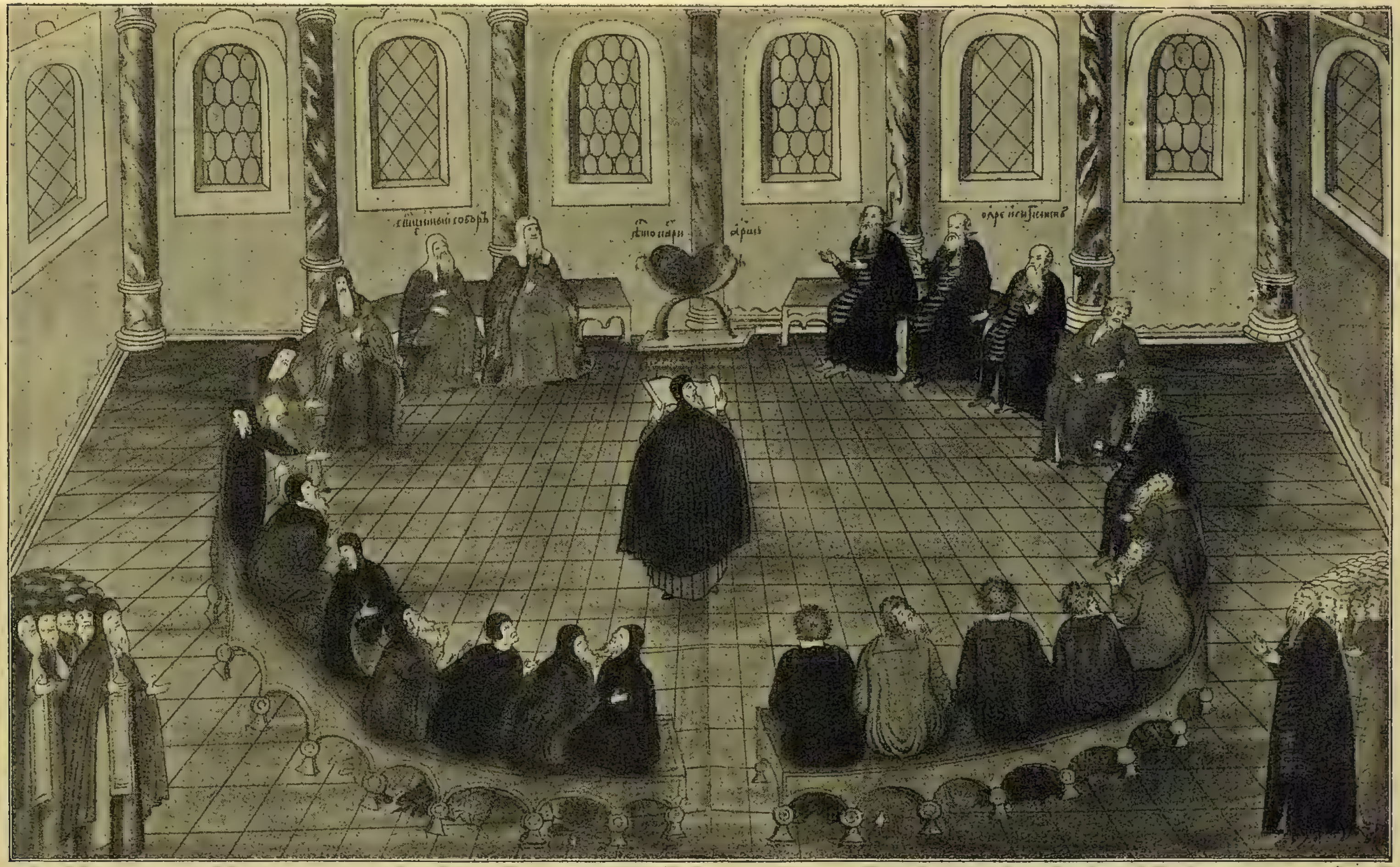
Вслѣдъ затѣмъ Ѳеодоритъ, архіепископъ Рязанскій, Авраамій Палицынъ, Іосифъ, Новоспасскій архимандритъ, и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ вышли на Лобное мѣсто и обратились къ собравшемуся здѣсь всенародному множеству съ вопросомъ: «Михаила Ѳеодоровича Романова въ Цари Московскаго Государства хотите ли?». Восторженные клики согласія послышались на это въ отвѣтъ.

«Въ той же день бысть радость велія на Москвѣ, и поидоша въ Соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы и пѣша молебны з звономъ и со слезами. И бяше радость велія, яко изо тьмы человѣцы выидоша на свѣтъ», говоритъ лѣтописецъ. «Онъ же благочестивый государь того и въ мысле не имяше и не хотяше: бывшу бо ему въ то время у себя въ вотчинѣ, тово и не вѣдяше, да Богу онъ годенъ бысть. И за очи помаза его Богъ елеемъ святымъ и нарече ево царемъ».

Такъ кончилось на Руси Смутное время, вызванное пресѣченіемъ Царскаго рода изъ дома Іоанна Калиты.

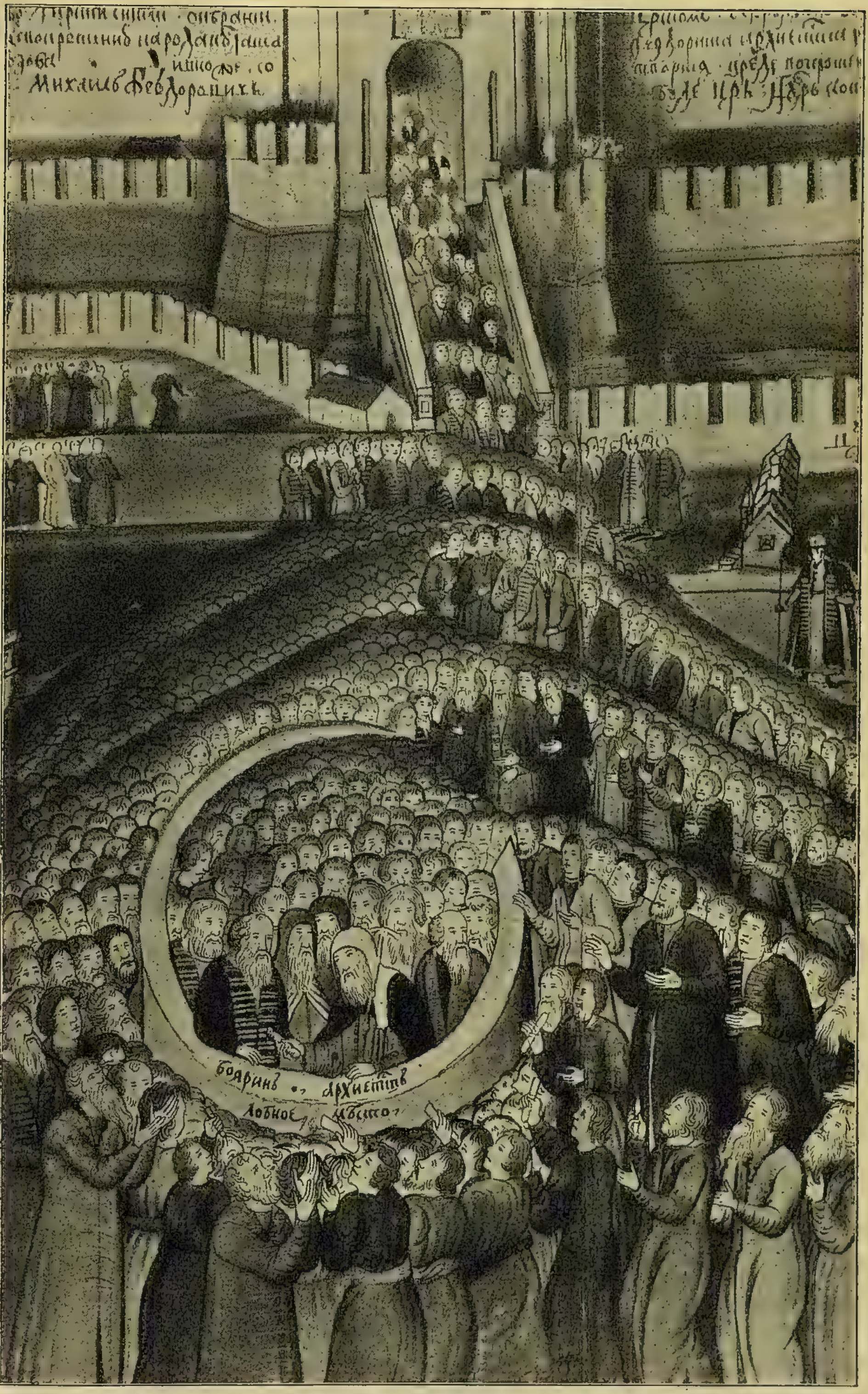
Собору оставалось совершить еще только одно дѣло: испросить согласіе принять Царскій вѣнецъ самого новоизбраннаго Государя. «Власти же и бояре и всѣ людіе начаша избирати изо всякихъ чиновъ послати бити челомъ къ ево матери, къ великой государынѣ старицѣ инокѣ Маріѣ Ивановнѣ, чтобъ всѣхъ православныхъ хрестьянъ пожаловала и благословила бы сына, царя государя и великого князя Михаила Федоровича всея Русіи, на Московское Государство и на всѣ Россійскія царства, и у нево государя милости прошать, чтобы не презрилъ горкихъ слезъ Православныхъ крестьянъ. И послаша на Кострому изо властей Резанскова архіепископа Феодорита и съ нимъ многихъ властей черныхъ, а изъ бояръ Федора Ивановича Шереметева и изо всѣхъ чиновъ всякихъ людей многихъ».

Посольство это, получивъ подробный наказъ, какъ ему «бити челомъ и умолять его, Государя, всякими обычаи, чтобъ онъ, Государь, милость показалъ, челобитья ихъ не презрилъ», выступило изъ Москвы 2 марта, послѣ торжественнаго молебна, поднявъ съ собой икону Божіей Матери, написанную Святымъ Петромъ Чудотворцемъ, а также и образа святителей Московскихъ—Святыхъ Петра, Алексія и Іоны.



388. „Святыя Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря келарь старецъ Авраамій Палицынъ, в патріаршихъ полатахъ, возвѣсти всему освященному собору, и боляромъ и воеводамъ и всему Царскому сингклиту, совѣтъ всенародной о Царьскомъ избраніи, и подаде имъ свитокъ. Они же слышавши благодариша Бога о преславномъ начинаніи".

Изъ подлинной „Книги объ избраніи на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова", хранящейся въ Московской Оружейной Палатѣ, такъ же какъ и рисунки 389, 396. 399, 400, 401, 402, 403 и 405.



389. „Освященный соборъ, і Царскій сигклитъ, о избраніи Царскомъ, благовѣрнаго и благороднаго великаго Государя Михайла Θеодоровича, на лобное мѣсто к вопрошению всего воинства и всенароднаго множества послаша Θеодорита архіепископа Резанскаго, да Троецкаго келаря старца Авраамія, да Новаго Спасскаго монастыря архимандрита Іосифа, да болярина Василья Петровича Морозова"...

10 марта Земскій соборъ отправилъ посольство и въ Польшу съ предложеніемъ размѣна плѣнныхъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду—освобожденіе изъ неволи Филарета Никитича.

Между тѣмъ, юный избранникъ всего Московскаго Государства чуть было не погибъ отъ вражеской руки и былъ лишь спасенъ самоотверженной преданностью одного изъ своихъ вѣрныхъ слугъ.

Покинувъ въ концѣ 1612 года Кремль, послѣ сдачи его Поляками, Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью отправился, какъ мы говорили, въ свои Костромскія владѣнія, причемъ инока Марѳа Іоанновна про-

390. Видъ села Домнина, Костромской губерніи и уѣзда, вотчины матери Михаила Ѳеодоровича Романова.

слѣдовала прямо въ Кострому, а сынъ ея остановился въ вотчинѣ своей матери—селѣ Домнинѣ, управителемъ коей былъ крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, уроженецъ близъ лежащаго селенія «Деревеньки», человѣкъ безпредѣльно преданный своимъ господамъ—боярамъ Романовымъ. Этотъ Иванъ Сусанинъ и спасъ жизнь вновь избранному Государю.

Вполнѣ точнаго и подробнаго описанія подвига Сусанина, къ величайшему сожалѣнію, не сохранилось, и мы можемъ судить о немъ лишь на основаніи нѣкоторыхъ Царскихъ грамотъ и указовъ, а также и рукописныхъ сказаній.

Въ жалованной грамотѣ отъ 30 ноября 1619 года зятю Сусанина, Богдану Сабинину,—объ этомъ говорится такъ: «втѣпоры приходили вкостромской уѣздъ полские и литовские люди и тестя его Богдашкова Ивана

Сусанина втѣпоры литовские люди изымали и его пытали великими немѣрными пытками. А пытали у него гдѣ втѣпоры мы Великиі Государь Царь і Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русиі были и онъ Иванъ вѣдая пронасъ Великаго Государя гдѣ мы втѣпоры были терпя отъ тѣхъ полскихъ и литовскихъ людей немѣрные пытки пронасъ Великаго Государя тѣмъ полскимъ и литовскимъ людемъ гдѣ мы втѣпоры были не сказалъ, и полские и литовские люди замучили его до смерти».

Повидимому, дѣло спасенія Михаила Ѳеодоровича Сусанинымъ произошло слѣдующимъ образомъ: близъ села Домнина рыскала одна изъ многочисленныхъ Польскихъ шаекъ, которая уже провѣдала, что престолъ предназначается молодому сыну Филарета Никитича Романова, и

391. Селеніе „Деревеньки“—родина Ивана Сусанина.

поэтому, во что бы то ни стало, желала его захватить въ свои руки. Шайка эта шла мимо Желѣзноборовскаго монастыря, куда, въ это время какъ разъ, пріѣхалъ изъ Домнина набожный Михаилъ Ѳеодоровичъ. Иноки издали увидѣли движеніе Поляковъ и тотчасъ же предупредили его объ этомъ.

Тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ Домнино. Путь его лежалъ мимо селенія «Деревеньки», гдѣ въ ту пору случилось быть Сусанину, у котораго наканунѣ сгорѣлъ овинъ. Увидѣвъ Государя, Сусанинъ уговорилъ его не ѣхать въ Домнино, такъ какъ Поляки несомнѣнно отправятся искать его туда, зная, что это Романовская вотчина, и затѣмъ спряталъ Михаила Ѳеодоровича въ сараѣ, зарывъ въ сѣно.

Самъ же Сусанинъ, снявъ съ Михаила Ѳеодоровича его боярскіе сапожки, надѣлъ ихъ на себя, разрѣзавъ вдоль по переду, и побѣжалъ въ

лѣсъ, по теченію замерзшей рѣчки Кобры. Отбѣжавъ нѣсколько верстъ, Сусанинъ взлѣзъ на дерево, снялъ съ себя сапожки и затѣмъ, заметая насколько возможно свои слѣды, вернулся назадъ въ «Деревеньки», гдѣ сталъ у воротъ своего двора.

Скоро подъѣхали Поляки и стали допрашивать его, какъ старосту,— «гдѣ бояринъ—мы знаемъ, что онъ здѣсь былъ». На это Сусанинъ отвѣчалъ имъ, что былъ, да ушелъ на охоту, и указалъ на снѣгу слѣды боярскихъ сапожковъ. Тогда Поляки потребовали, чтобы онъ велъ ихъ въ лѣсъ; Сусанинъ согласился на это и завелъ ихъ въ самую чащу,

392. Подвигъ Ивана Сусанина.

Съ картины художника А. Земцова.

а взятаго съ собой Богдана Сабинина незамѣтно послалъ сказать Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы онъ спасался въ Костромской Ипатьевскій монастырь. Долго шли Поляки и, когда наступила ночь, имъ стало ясно, что Сусанинъ ихъ обманываетъ. Тогда они стали требовать, чтобы онъ ихъ вывелъ на большую дорогу, но Сусанинъ отказался отъ этого, несмотря на угрозы, и даже объявилъ, что нарочно завелъ ихъ въ непроходимую чащу. Поляки должны были сами выбираться изъ лѣса; послѣ многихъ плутаній и невзгодъ они вышли къ деревнѣ Исупово; здѣсь, какъ говорится въ указѣ Конюшенному приказу отъ 19 мая 1731 года, они его «пытали разными немѣрными пытками и, посадя на столбъ, изрубили въ мелкія части».

По преданію, изрубленное тѣло Сусанина было найдено только на третій день и доставлено въ «Деревеньки», гдѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ оставался

спрятаннымъ. Когда Государь услышалъ громкій плачъ, то, еще не зная, въ чемъ дѣло, онъ вышелъ изъ своего убѣжища, затѣмъ самъ обмылъ останки вѣрнаго слуги, положившаго за него жизнь, и во время похоронъ рыдалъ надъ нимъ какъ надъ роднымъ отцомъ.

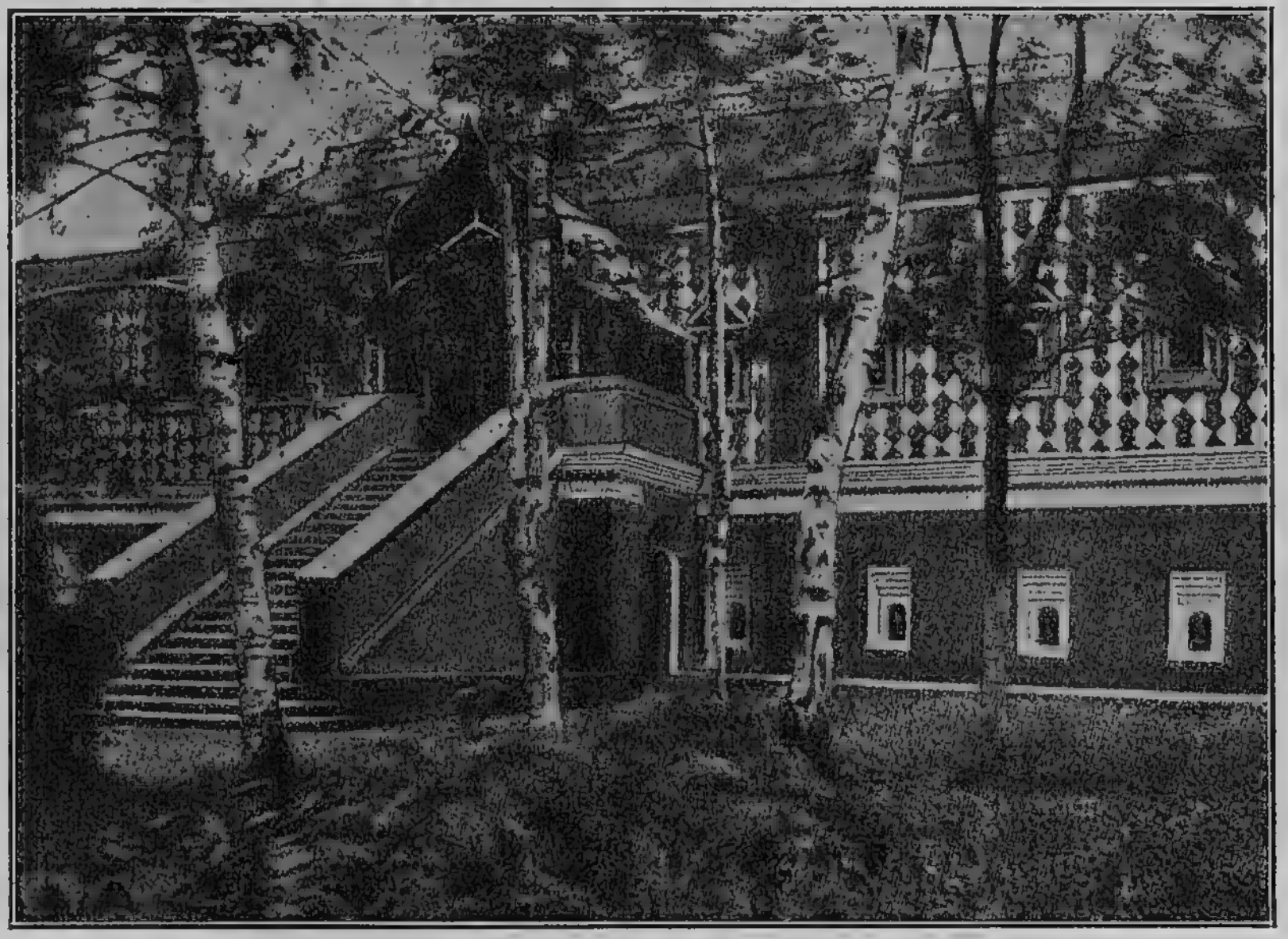
Послѣ своего спасенія Михаилъ Ѳеодоровичъ отправился къ матери въ Кострому, откуда они прослѣдовали, несмотря на опасности отъ Польско-Литовскихъ людей, въ Макарьевскій на Унжѣ монастырь, основанный Святымъ Макаріемъ Желтоводскимъ и Унженскимъ, и провели въ немъ нѣсколько дней въ постѣ и молитвѣ, благодаря преподобнаго за освобожденіе отъ враговъ и давъ обѣтъ вновь прибыть на богомолье въ обитель, если Господу угодно будетъ освободить отъ Польскаго плѣна отца Михаила Ѳеодоровича—Филарета Никитича.

393. Видъ Костромского Ипатьевскаго монастыря.

Затѣмъ, сынъ съ матерью, взявъ съ собой изъ Деревенекъ оставшуюся сиротою дочь Сусанина Антониду, бывшую тогда невѣстой Сабинина, вернулись въ Кострому и поселились въ Ипатьевскомъ монастырѣ—въ палатахъ, принадлежавшихъ боярамъ Романовымъ.

Посольство отъ собора, снаряженное съ цѣлью просить Михаила Ѳеодоровича на Царство, согласно полученному наказу отправилось первоначально въ Ярославль, такъ какъ никто въ точности не былъ освѣдомленъ, гдѣ находится Государь, и уже изъ Ярославля оно держало путь прямо на Кострому, куда и прибыло 13 марта, остановившись въ пригородномъ селеніи Новоселкахъ. Отсюда послы отправили къ Михаилу Ѳеодоровичу просьбу указать, когда ему благоугодно будетъ ихъ принять. «И Государь Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи»—доносили послы въ Москву—«насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ быти у себя, Государя, Марта въ 14 день».

14 марта, «Архіепископъ же Феодоритъ и бояринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ и всѣ люди придоша въ Соборную церковь Пречистыя Богородицы и пѣша молебны и взяша чесная кресты и мѣсной чюдотворный образъ Пречистыя Богородицы Федоровскія и многія иконы и поидоша в Ыпацкой монастырь и пѣша молебны у Живоначальные Троицы и придоша къ нему, государю, и къ матери ево, великой государынѣ старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ, и падоша вси на землю: не токмо что плакаху, но и воплю велію бывшу. И молиша его, государя, чтобы шелъ на свой царскій престолъ, на Московское государство»,—разсказываетъ Новый лѣтописецъ.



394. Палаты бояръ Романовыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Крестный ходъ съ посольствомъ былъ встрѣченъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и инокой Марѳой у воротъ Ипатьевскаго монастыря, въ которомъ «быша» тогда «звонъ великъ для пришествія честныхъ и чюдотворныхъ иконъ».

Конечно, и сынъ и мать знали, для чего прибыло къ нимъ посольство, и были этимъ до глубины души взволнованы. Съ умиленіемъ приложившись къ честнымъ иконамъ и выслушавъ челобитье архіепископа Ѳеодорита и боярина Шереметева о призваніи на Царство, Михаилъ Ѳеодоровичъ не могъ удержать слезъ, омочившихъ его прекрасныя, всегда немного грустныя очи, но затѣмъ онъ съ великимъ гнѣвомъ отказался принять Царскій вѣнецъ.

Также рѣшительно отказала посламъ и инокиня Марѳа, прямо высказавъ при этомъ причины своего отказа: «И Государыня, инока Марѳа Іоан-

новна», говорится въ «Книгѣ объ избраніи и вѣнчаніи на Царство Михаила Ѳеодоровича»*), «у архіепископа Ѳеодорита со властьми, и у боляръ, у Ѳеодора Іоанновича Шереметева с товарыщи, всенароднаго прошенія и челобитья, выслушавъ имъ отказала. А говорила, что у него Государя, Михайла Ѳеодоровича, и у нея Государыни, чтобъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ, быти Государемъ, и в мысли нѣтъ. Потому, что онъ Государь, во младыхъ лѣтехъ. А Московскаго Государства, всякихъ чиновъ люди, прежнимъ Государемъ, не прямо служили, какъ праведными судбами Божіими, блаженныя памяти, великаго Государя Царя, и великаго князя, Ѳеодора Іоанновича всея Россіи не стало, и послѣ его, Государя выбрали, на Московское Государьство, Царемъ, и великимъ княземъ, Бориса Ѳеодоровича Годунова, и крестъ ему цѣловали, что было ему, и дѣтемъ его, служити и прямити, и опричь его, и дѣтей его на Московское Государьство, инаго никого не хотѣти: а послѣ смерти его, на Московскомъ Государствѣ, учинился Государемъ Царемъ, и

395. Чудотворный образъ Ѳеодоровскія Божіея Матери.

*) Книга эта составлена во второй половинѣ XVII вѣка знаменитымъ боярином Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, и «строилась» вся по указамъ Царя Алексѣя Михайловича. Писалъ книгу подьячій Иванъ Верещагинъ, а рисунки въ краскахъ къ ней, въ количествѣ 21, писали иконописцы Иванъ Максимовъ, Сергѣй Рожковъ, Ананій Евдокимовъ и Федоръ Юрьевъ. Подлинная рукописная «Книга объ избраніи на Царство» хранится нынѣ въ Московской Оружейной Палатѣ. Въ 1856 году по повелѣнію Императора Александра II книга эта была напечатана въ Москвѣ, причемъ рисунки къ ней, кромѣ одного въ краскахъ, приложены черные, рѣзанные на мѣди.

396. „Великой Государыне иноке Марѳѣ Ивановне и великому Государю благородному Михайлу Феодоровичю, архіепископъ Феодоритъ, со освященнымъ соборомъ, и боляринъ Федоръ Ивановичь Шереметевъ с товарыщи и со множествомъ народа, моленіе творятъ вѣтъ Ипацкаго монастыря".

великимъ княземъ, сынъ его царевичь, Ѳеодоръ Борисовичь: и крестъ ему цѣловавъ, Московскаго Государства, всякихъ чиновъ люди, измѣнили,

397. Великая старица инокиня Марѳа Іоанновна.

Съ изображенія, хранящагося въ Тверскомъ музеѣ.

отъѣхали к вору Гришке ростригѣ Отрепьеву. И послѣ того вора, Гришки Отрепьева выбрали на Государство Государя Царя, и великаго князя, Василіа Іоанновича, всея Россіи и крестъ ему цѣловавъ измѣнили жъ,

многія отъѣхали в Тушино к Вору, а которыя отъ него Государя не отъѣхали, были на Москвѣ, и они Царя Василіа постригли, а постригши его, и братію его, отдали въ Литву. И сыну моему, видѣ таковое, прежнимъ Государемъ, Московскихъ людей крестопреступленіе, и Московскому Государству, отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ, и отъ Рускихъ людей, разореніе, что прежнихъ великихъ Государей, изъ давныхъ лѣтъ, сокровища Царьскія, Литовскія люди вывезли, а дворцовыя села, и черныя волости, и пригородки, и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтемъ болярскимъ, и всякимъ служилымъ людемъ, и запустошены, а всякія служилыя люди бѣдны, и ему сыну моему, будучи на Московскомъ Государствѣ, всѣхъ служилыхъ людей жаловать, и свои Государевы обиходы полнити, и противъ недруговъ, Полскаго и Литовскаго короля, и иныхъ пограничныхъ государей, стояти чѣмъ будетъ. Да и выбрану сыну моему на Московскимъ Государствѣ, быть Государемъ опасно, что отецъ его Государевъ, преосвященный мітрополитъ Філаретъ Никитичь Ростовскій и Ярославскій, нынѣ въ Полшѣ, въ великомъ утѣсненіи: а свѣдаетъ то король Полскій, что по прошенію и по челобитью всего Московскаго Государства, сынъ его на Московскомъ Государствѣ, Государемъ Царемъ, и великимъ княземъ, всея Россіи, и король тотъ часъ велитъ, надъ отцомъ его Государевымъ, какое зло учинити. Да и безъ благословенія отца своего, на Московскомъ Государствѣ, ему Государю быти, никакъ не мочно».

Эти отказы повергли въ величайшее уныніе всѣхъ членовъ посольства, которые въ прямодушномъ словѣ великой старицы Марѳы не могли не видѣть истинной правды: дѣйствительно люди Московскаго Государства сильно измалодушествовались за Смутное время и Государямъ своимъ прямо не служили; Смоленскъ и Новгородъ были отторгнуты Поляками и Шведами; Царская казна была пуста; все находилось въ страшно запущенномъ состояніи, разобраться въ которомъ было чрезвычайно трудно молодому Михаилу; наконецъ, въ глазахъ инокини Марѳы ничто не являлось ручательствомъ, что подданные будутъ служить ему лучше, чѣмъ прежнимъ Государямъ послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича, а между тѣмъ—согласіе на избраніе на Царство могло немедленно отразиться на судьбѣ отца молодого Государя, пребывавшаго въ плѣну—Филарета Никитича.

Рѣшительно отказавъ посламъ, инокиня Марѳа и ея сынъ были, тѣмъ не менѣе, глубоко тронуты всенароднымъ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича. Вотъ почему, подъ вліяніемъ такихъ разнородныхъ чувствъ, ихъ охватившихъ, они и отказывали посламъ съ «великимъ гнѣвомъ и со многими слезами» и затѣмъ долго не хотѣли идти вмѣстѣ съ ними «за кресты въ Соборную церковь».

Въ соборѣ Ипатьевскаго монастыря, при молебномъ пѣніи, послы и всенародное множество всѣхъ православныхъ христіанъ съ великимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ» опять били челомъ Михаилу Ѳеодоровичу и его матери, чтобы они согласились на ихъ усиленную просьбу.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ отказовъ въ продолженіи шести часовъ, старица Марѳа и ея сынъ, видя неотступное моленіе пріѣхавшихъ пословъ, убѣдились, что самъ Господь призываетъ Михаила на великій, но тяжкій подвигъ служенія измученной и въ конецъ разоренной Родинѣ.

Послѣдовало умилительное зрѣлище:—«Великая же Государыня, старица инока Марѳа Ивановна, во многомъ душевномъ умиленіи и тихости сына своего... со утѣшеніемъ увѣщевала»; затѣмъ, она сквозь слезы благословила плакавшаго отъ глубокаго сердечнаго потрясенія Михаила Ѳеодоровича.

По одному преданію, она сказала при этомъ слѣдующее прочувствованное слово: «. . . Даю вамъ своего возлюбленного единородного сына, свѣта очію моею, единородна мі суща Михайла Ѳедоровича: да будетъ вамъ государемъ царемъ і великимъ княземъ, всеа Русиі Самодержцем, въ содержаніе скиѳетра Царствующаго града Москвы і всѣхъ великихъ Государствъ великаго Россійскаго Царствія.—А вы б, богомольцы наши, митрополиты, и архіепископы, и епископы і весь освященныі вселенскиі соборъ молили всемилостивого, в Троице славимого Бога нашего, и пречистую Его Богоматерь, і великихъ Московских чюдотворцовъ, о его государском здравіи, и о вселенском устроениі, и о благосостояніи святыхъ Божиихъ церквеі і о утвержденіі святые православные наши хрестьянские вѣры; и отовратилъ бы Господь Богъ от нас ото всѣхъ православных хрестьянъ меч ярости Своея, и государство бы устроил мирно и немятежно и ото врагъ непоколебимо на веки, и покорил бы подъ нозѣ наша вся враги востающая на ны; а святая б наша и непорочная истинная хрестьянская вѣра сияла на вселенной, якоже под небесем пресвѣтлое солнце, а крестьянство б было въ тишинѣ і въ покое».

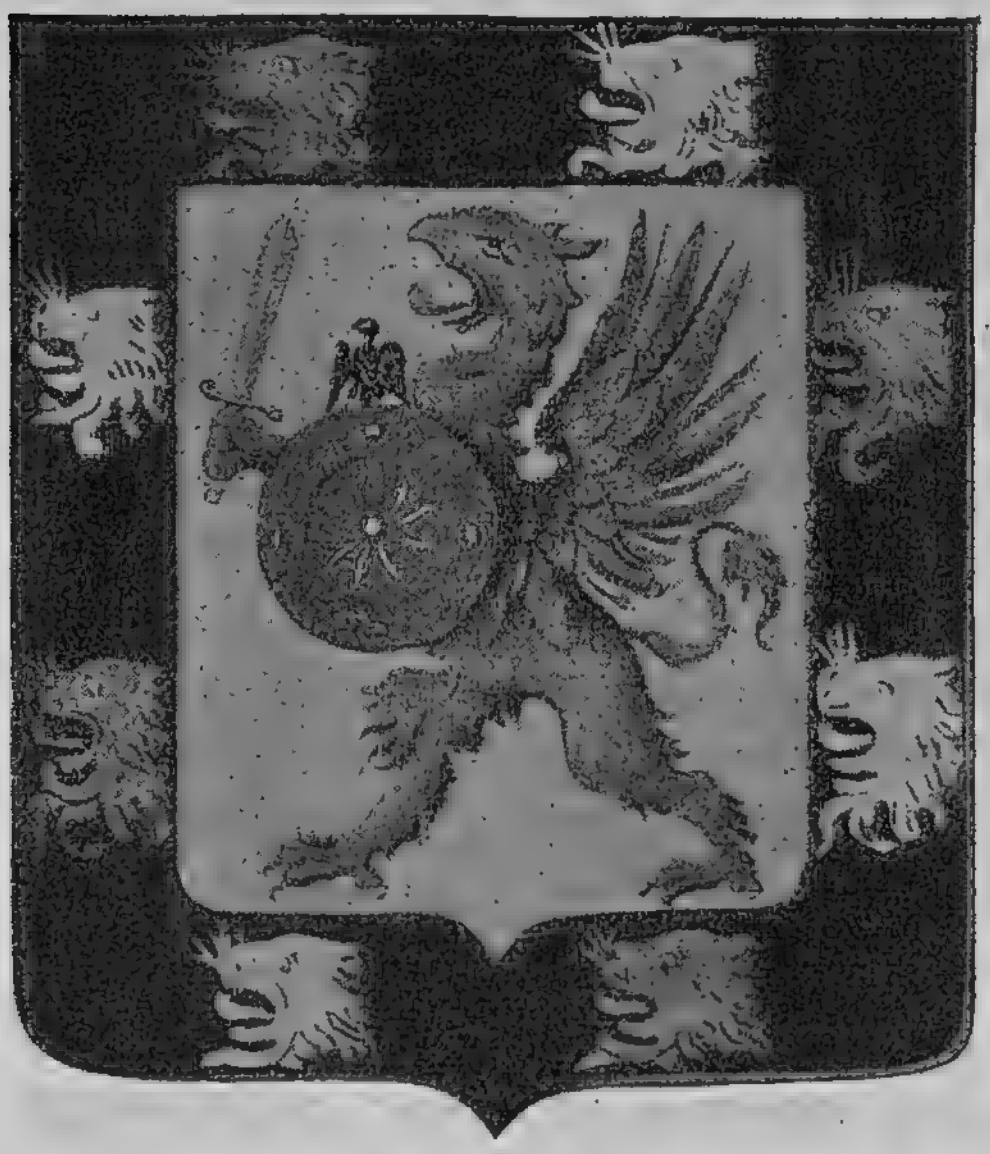
«Бысть-же въ тотъ день на Костромѣ»—говоритъ лѣтописецъ—«радость велія, и составиша празнество чюдотворной иконѣ Пречистые Богородицы Федоровской. Къ Москвѣ же къ бояромъ и ко всей землѣ послаша и возвѣстиша имъ всѣмъ. Бысть же радость на Москвѣ велія ноипаче первыя».

Такимъ образомъ, 14 марта 1613 года, шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ, представитель издревле блиставшаго своимъ благородствомъ и огромными государственными заслугами боярскаго рода Кобылиныхъ-Кошкиныхъ-Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ, внучатый племянникъ незабвенной Царицы Анастасіи Романовны и сынъ великаго своей преданностью Родинѣ и Православію митрополита Филарета Никитича, по благословенію родительницы своей, иноки Марѳы Іоанновны, сталъ Государемъ всея Россіи.

Объ какомъ либо ограниченіи его власти боярской думой или Земскимъ соборомъ, какъ это имѣло мѣсто при переговорахъ о королевичѣ Владиславѣ, не могло быть, конечно, и рѣчи. Народъ, почти насильно умолившій Михаила Ѳеодоровича вступить на Царство, отъ чего послѣдній отказывался съ гнѣвомъ и плачемъ, разумѣется, полностью передалъ всю

неограниченную власть прежнихъ Московскихъ Государей своему возлюбленному избраннику, отнынѣ Божіею милостію всѣмъ своимъ подданнымъ въ отцовъ и праотца мѣсто поставленному.

Съ 14 марта 1613 года—Земскій соборъ и воеводы ополченія, собраннаго на очищеніе Земли, стали лишь простыми исполнителями Царской власти до полнаго установленія всѣхъ старыхъ порядковъ Московскаго Государства, такъ какъ Пожарскій и Мининъ, какъ прекрасно выяснилъ И. Е. Забѣлинъ, шли съ послѣдними людьми отъ Земли, «не для того, чтобы перестроить Государство на новый ладъ, а напротивъ, шли съ одной мыслью и однимъ желаніемъ возстановить прежній порядокъ, расшатавшійся отъ неправды. . .».



398. Гербъ бояръ Романовыхъ. По серединѣ герба красный грифъ (полуорелъ, полулевъ) на серебряномъ полѣ. По объясненію профессора барона М. А. Таубе—гербъ этотъ, представляющій гербъ Ливоніи съ обратными цвѣтами (серебряный грифъ на красномъ полѣ), сталъ семейнымъ гербомъ Романовыхъ послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ Никитой Романовичемъ Захарьинымъ (братомъ Царицы Анастасіи) въ Ливоніи, согласно обычаю, установившемуся на Западѣ, по которому зачастую побѣдители брали себѣ гербы побѣжденныхъ.

«. .. При этомъ необходимо еще запомнить», говоритъ Забѣлинъ, «что съ возстановленіемъ стараго порядка само собой послѣдовало, никѣмъ не превозглашенное, но всѣми глубоко сознанное *всепрощеніе* для всѣхъ и всяческихъ воровъ и негодяевъ, которые, какъ скоро Смута утихла и излюбленный Царь былъ избранъ, всѣ тутъ же оказались людьми честными, и въ нравственномъ, и въ служебномъ смыслѣ. Блудные сыны, постигнутые тьмой неразумія, образумились, *всѣ люди въ бѣдахъ поискусились и въ чувство и въ правду пришли!...* Все смутное *воровство* было забыто навсегда: кривые Тушинцы смѣшались съ прямыми Нижегородцами и старые жернова стали молоть по-старому, какъ было прежде, какъ было при прежнихъ Государяхъ. А потому весьма понятно, когда прежніе порядки установились на своихъ прежнихъ мѣстахъ, то и люди, возстановлявшіе эти порядки, должны были остаться тоже на своихъ прежнихъ мѣстахъ, съ прежнимъ своимъ значеніемъ и положеніемъ въ обществѣ, а особенно въ службѣ».

Поэтому, когда вслѣдъ за избраніемъ Михаила Ѳеодоровича подлѣ него образовалась боярская дума, то первое мѣсто въ ней по-прежнему занялъ старѣйшій изо всѣхъ по отечеству князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мсти-

славскій, который, хотя и по принужденію Гонсѣвскаго, но все же служилъ въ послѣдніе годы Сигизмунду. Тушинскій бояринъ, князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой, не разъ цѣловавшій руку Вору, тоже сталъ, разумѣется, гораздо выше стольника князя Димитрія Михайловича Пожарскаго.

19 марта Государь вмѣстѣ съ матерью выступилъ на свой «подвигъ»—какъ говорили современники,—изъ Костромы въ Москву, пребывая до этого времени въ постѣ и молитвѣ, и 21 числа совершилъ свой въѣздъ въ Ярославль. Въ Ярославлѣ ему пришлось задержаться изъ-за плохихъ дорогъ, а также и потому, что Москва не была готова для пріема Царя: казна его, послѣ хозяйничанья Поляковъ и Ѳедора Андронова, была совершенно пуста, а въ Кремлѣ всѣ зданія были такъ повреждены, что требовалось время для ихъ исправленія. Вскорѣ въ Ярославль начали съѣзжаться люди всякаго званія, чтобы лично бить челомъ Государю; выборные отъ Нижняго Новгорода съ доблестнымъ протопопомъ Саввою во главѣ—были въ числѣ первыхъ явившихся.

Изъ Ярославля же началъ отдавать свои Царскія распоряженія Михаилъ Ѳеодоровичъ.

23 марта Государь послалъ Земскому собору свой первый указъ; выразивъ въ немъ, что «его произволенья и хотѣнья на престолъ не было», онъ обращается затѣмъ къ боярамъ и всякимъ чинамъ Государства съ требованіемъ: «вамъ бы .... стоять въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служить, прямить, и воровъ никого Царскимъ именемъ не называть, ворамъ не служить, грабежей бы у васъ и убійствъ въ Москвѣ и въ городахъ и по дорогамъ не было, быть бы вамъ между собой въ соединеньи и любви, на чемъ вы намъ души свои дали и крестъ цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу рады жаловать».

Затѣмъ, на приглашеніе собора поспѣшить Государю своимъ пріѣздомъ въ Москву, Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ изъ Ярославля боярина князя Троекурова съ запросомъ къ членамъ собора:—«къ Царскому пріѣзду есть ли на Москвѣ во дворцѣ запасы, и послано-ли собирать запасы по городамъ, и откуда надѣются ихъ получить?.. Бьютъ Государю челомъ стольники, дворяне и дѣти боярскіе, что у нихъ дворцовыя села отписаны и Государю отъ челобитчиковъ докука большая: какъ съ этимъ быть? Чтобы на Москвѣ и по дорогамъ грабежей никакихъ не было! Дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди съ Москвы разъѣхались,—великому государю неизвѣстно, по вашему ли отпуску они разъѣхались, или самовольствомъ? На эти запросы соборъ отвѣчалъ, что онъ старается дѣлать все отъ него зависящее, хотя въ дѣйствительности положеніе его было крайне затруднительнымъ, въ виду общаго оскудѣнія и безначалія, царившаго въ странѣ.

8 апрѣля Царь, пояснивъ, что онъ медлитъ своимъ походомъ въ Москву, въ виду ея неготовности къ его пріему, писалъ, между прочимъ, собору: «Сборщики, которые посланы вами по городамъ для кормовъ, въ Москву еще не пріѣзжали; денегъ ни въ которомъ приказѣ въ сборѣ нѣтъ... Ата-

маны и казаки безпрестанно намъ бьютъ челомъ и докучаютъ о денежномъ жалованьи, о своихъ и конскихъ кормахъ, а намъ ихъ пожаловать нечѣмъ, и кормовъ давать нечего. . . .И вамъ-бы богомольцамъ нашимъ, и боярамъ и окольничьимъ и приказнымъ людямъ о томъ приговоръ учинить . . . чѣмъ намъ всякихъ ратныхъ людей жаловать, свои обиходы полнить, бѣдныхъ служилыхъ людей чѣмъ кормить и поить. .».

17 апрѣля Государь прибылъ въ Ростовъ, и писалъ оттуда на Москву: «а идемъ медленно затѣмъ, что подводъ мало и служилые люди худы: казаки и дворовые многіе идутъ пѣшкомъ». 25 числа Царь приказалъ сдѣлать на походѣ, въ селѣ Любимовѣ, повѣрку стольникамъ, стряпчимъ и жильцамъ, назначеннымъ для его охраны. Оказалось, что 42 человѣкъ нѣтъ. Это, разумѣется, было уже недопустимое своеволіе, явившееся слѣдствіемъ общей распущенности Смутнаго времени. Чтобы положить конецъ такому порядку вещей, Государь послалъ въ Москву строгій приказъ отобрать у нѣтчиковъ ихъ помѣстья и вотчины въ казну.

Тогда же, по Государеву указу, бояре отправили отрядъ противъ Заруцкаго, который былъ настигнутъ подъ Воронежомъ. «....Онъ же многихъ Воронежцовъ побилъ и перелѣзе черезъ Донъ и съ Маринкою и пойде къ Астрахани степью». «А подъ Тихвину на Нѣмецъ»—Царь «посла воеводъ своихъ: князя Семена Васильевича Прозоровского, да Леонтья Андрѣевича Вельяминова со многою ратью».

Ко времени своего пріѣзда въ Москву, Государь приказалъ приготовить для себя палаты Царицы Ирины Ѳеодоровны, а для матери—хоромы жены Царя Василія Ивановича Шуйскаго. Но бояре отвѣчали, что приготовили для него комнаты Іоанна Грознаго и Грановитую палату, а для Государевой родительницы помѣщеніе въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила инокиня Марѳа, бывшая Царица Марія Нагая; «тѣхъ же хоромъ, что Государь приказалъ приготовить, скоро отстроить нельзя, да и нечѣмъ, денегъ и казны нѣтъ и плотниковъ мало, палаты и хоромы всѣ безъ кровли; мостовъ, лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ, надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть». Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ недоволенъ этимъ отвѣтомъ и писалъ боярамъ: «По прежнему и по этому нашему указу велите устроить намъ золотую палату Царицы Ирины, а матери нашей хоромы Царицы Маріи: если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ Царя Василія; вы писали намъ, что для матери нашей изготовлены хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, но въ этихъ хоромахъ матери нашей жить не годится». И дѣйствительно, великой старицѣ Марѳѣ не годилось жить тамъ, гдѣ помѣщалась слабодушная Царица Марія Нагая, въ то время какъ она выдавала себя за мать Лжедимитрія, а затѣмъ гдѣ нашла себѣ пріютъ и Марина Мнишекъ.

Изъ только что приведенныхъ нами распоряженій Государя, мы видимъ, что кроткій и набожный новоизбранный Царь Михаилъ, не имѣя и семнадцати лѣтъ отъ роду, съ первыхъ же шаговъ сталъ совершенно твердо и прямо высказывать свою волю собору и боярамъ.

Особенно сердился Государь на непрекращавшіеся грабежи и разбои. Сопровождавшіе его Ѳеодоритъ и Шереметевъ послали 28 апрѣля слѣдующую грамоту собору: «писалъ къ вамъ Государь много разъ, чтобы у васъ на Москвѣ, по городамъ и по дорогамъ убійствъ, грабежей и никакого насильства не было; а вотъ 23 апрѣля пріѣхали къ Государю на станъ въ село Сватково дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ перераблены до нага и сѣчены..., на дорогѣ, на Мытищахъ и на Клязьмѣ, казаки ихъ перехватали, перерабили, саблями сѣкли и держали у себя въ станахъ два дня, хотѣли побить, и они у нихъ, ночью развязавшись, убѣжали... Писали къ Государю изъ Дмитрова приказные люди, что прибѣжали къ нимъ изъ селъ и деревень крестьяне жженые и мученые огнемъ; жгли ихъ и мучили казаки».

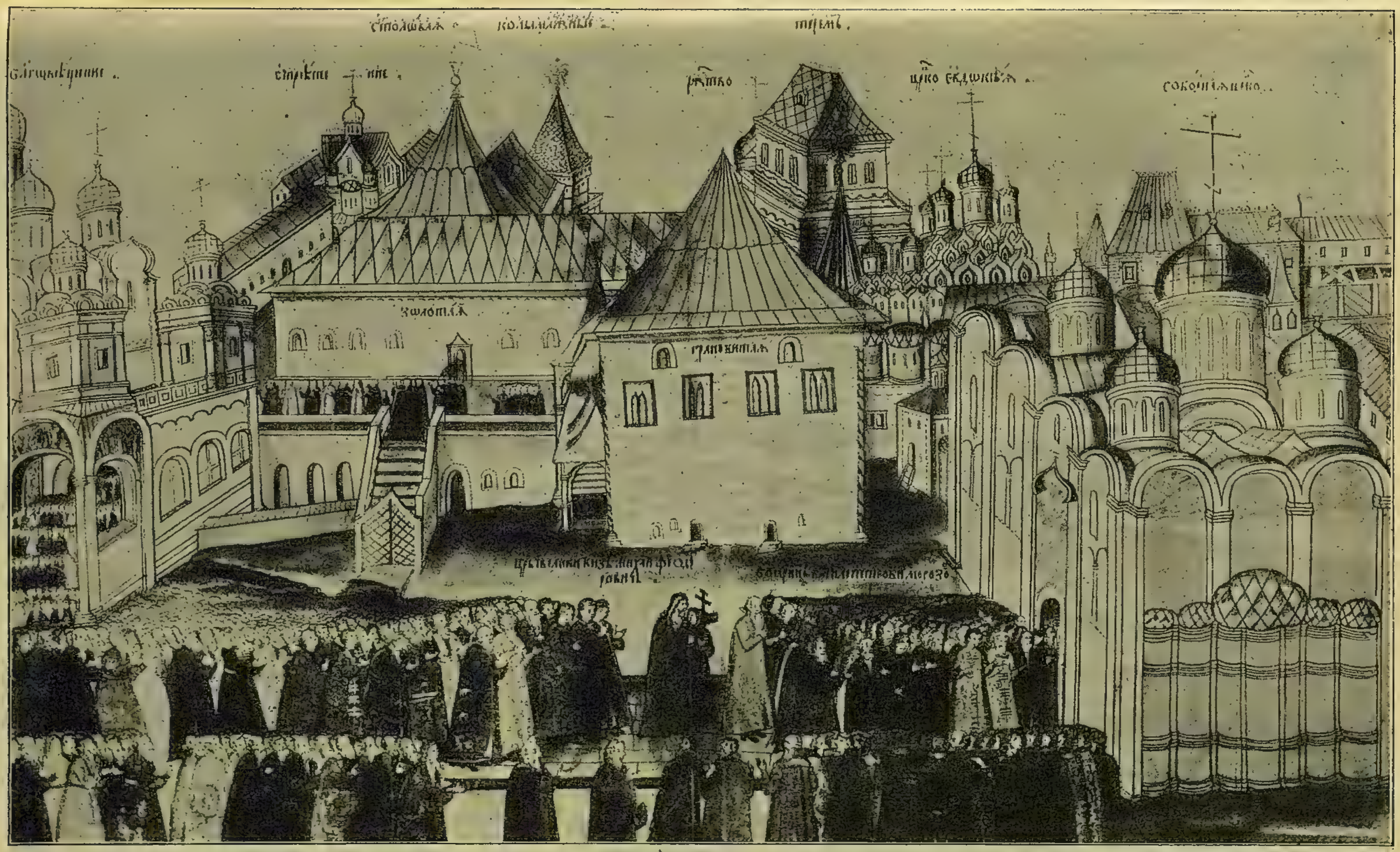
За два дня до этого, 26 апрѣля, въ обители Живоначальной Троицы, Государь и мать его, великая старица Марѳа, призвали митрополита Казанскаго Ефрема и другихъ членовъ собора, присоединившихся къ «походу», и говорили «съ великимъ гнѣвомъ и со слезами, жалѣючи о православныхъ крестьянахъ, что грабежи и убивства на Москвѣ, и по городамъ и по дорогамъ встали воры великіе и православнымъ крестьянамъ, своей единокровной братьѣ, чинятъ нестерпимыя смертные муки и убивства и кровь крестьянскую льютъ безпрестани»... «И государь и мать его, видя такое воровство изъ Троицкаго монастыря идти не хотятъ, если всѣхъ чиновъ люди въ соединеніе не придутъ и кровь христіанская литься не перестанетъ».

Это крѣпкое слово Государя, сейчасъ же всецѣло вставшаго послѣ своего избранія на защиту сираго и убогаго люда, подѣйствовало. 30 апрѣля соборъ приговорилъ отправить посольство съ выборными изъ всякихъ чиновъ—бить челомъ Царю, чтобы «онъ умилосердился надъ православными христіанами, походомъ своимъ въ Москву не замѣшкалъ; а про воровство про всякое митрополитъ и бояре заказъ учинили крѣпкій, атаманы и казаки между собой уговорились, что два атамана черезъ день осматриваютъ каждую станицу и чье воровство сыщутъ, тотчасъ про него скажутъ и за воровъ въ челобитчикахъ быть не хотятъ».

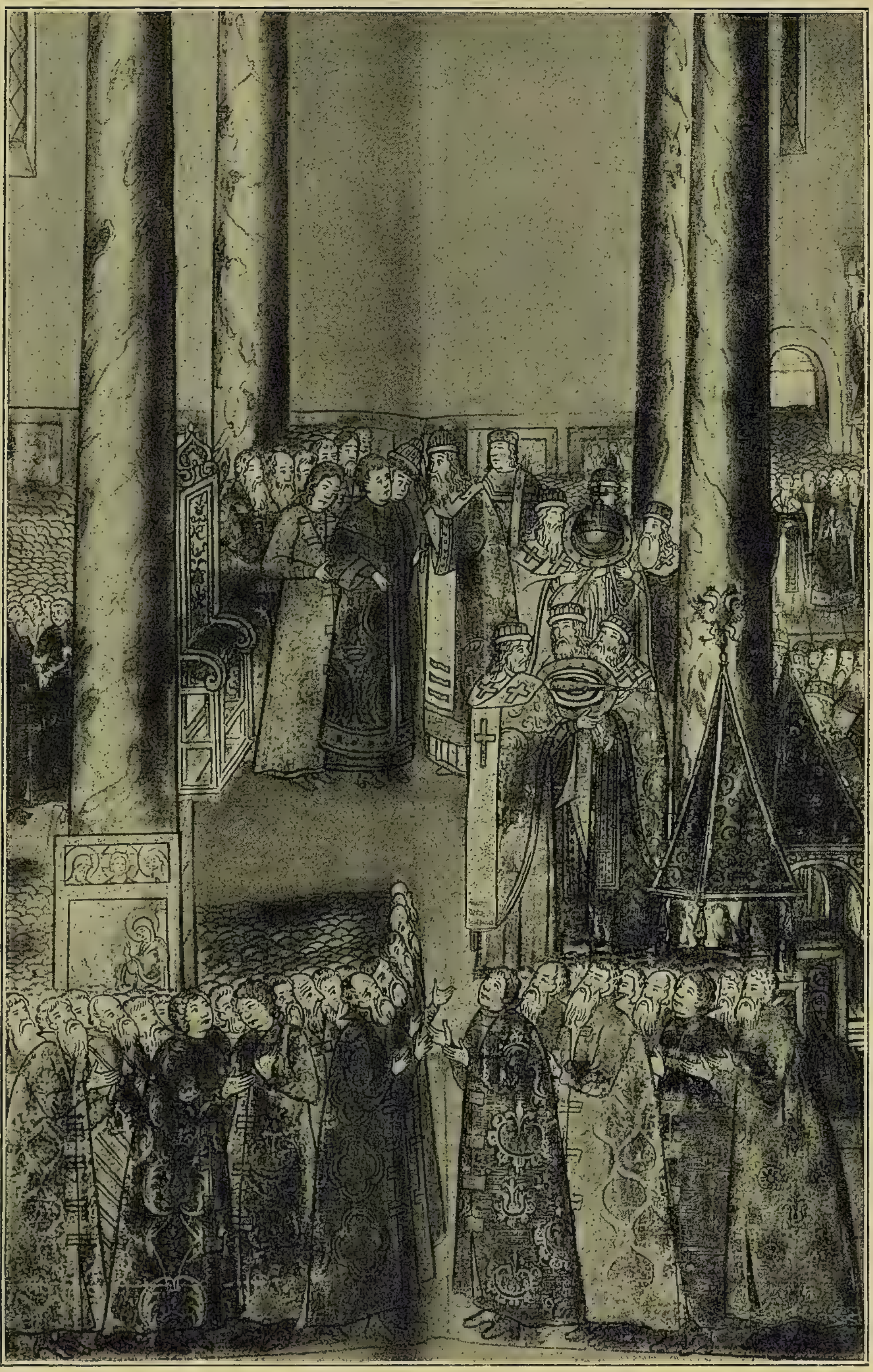
Челобитье это, подкрѣпленное также просьбою вождей ополченія, Трубецкого и Пожарскаго, которые смиренно били челомъ Государю, «чтобы имъ видѣть твои Царскія очи на встрѣчѣ», возымѣло свое дѣйствіе.

1 мая, Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью прибыли въ село Тайнинское, а на слѣдующій день послѣдовало ихъ торжественное вступленіе въ столицу. «Царь же Государь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи приде подъ Москву. Людіе же Московского государства встрѣтоша ево съ хлѣбами, а власти и бояре встрѣтоша за городомъ со крестами. И пріиде Государь къ Москвѣ на свой царскій престолъ въ лѣто 7121 (1613) году послѣ Велика дни въ другое воскресенье Святыхъ женъ Мироносицъ. На Москвѣ же паки бысть радость велія, и пѣша молебны». «И шолъ великій Государь и мать его Государыня инока Марѳа Ивановна до соборныя церкви за кресты, и за честными иконы пѣши. А пришедъ въ соборную церковь, Успенія Пречистыя

399. „Великого Государя Царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росіі, и мать его великую Государыню иноку Марфу Ивановну, встрѣтоша, за земляным̈ъ городомъ, по Встрѣтѣнской улицѣ, со чюдотворными иконами, и со кресты, митрополитъ и архіепископы, и весь освященный соборъ: и боляра, и околничія, и столники, и стряпчія, и дворяна, и дьяки, и из городовъ дворяна, и жилцы, и дѣти болярскія, и головы, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы и гости, и посадскія, и всякихъ чиновъ люди, отъ мала и до велика".



400. „Благочестивый великіі Государь Царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичь, всея великія Россіи Самодержецъ, пойде изъ своихъ Царьскихъ полатъ къ Соборной и Апостолстѣй Церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, тихо и благочинно, по своему Царьскому чину. А предъ нимъ Государемъ шелъ боляринъ Василій Петровичь Морозовъ: и окольничія всѣ, да десять человѣкъ стольниковъ. А Благовѣщенскій протопопъ Кирилъ шелъ в патрахили пред Государемъ Царемъ и великимъ княземъ, со крестомъ, и со святою водою . . . . . А за нимъ, великимъ Государемъ Царемъ и великимъ княземъ шли боляра и окольничья, и думныя люди, и стольники, и стряпчія, и дворяна Московскія, и дьяки. . также дворяна из городовъ,.. и всякихъ чиновъ людіе, въ нарядномъ платье...“.



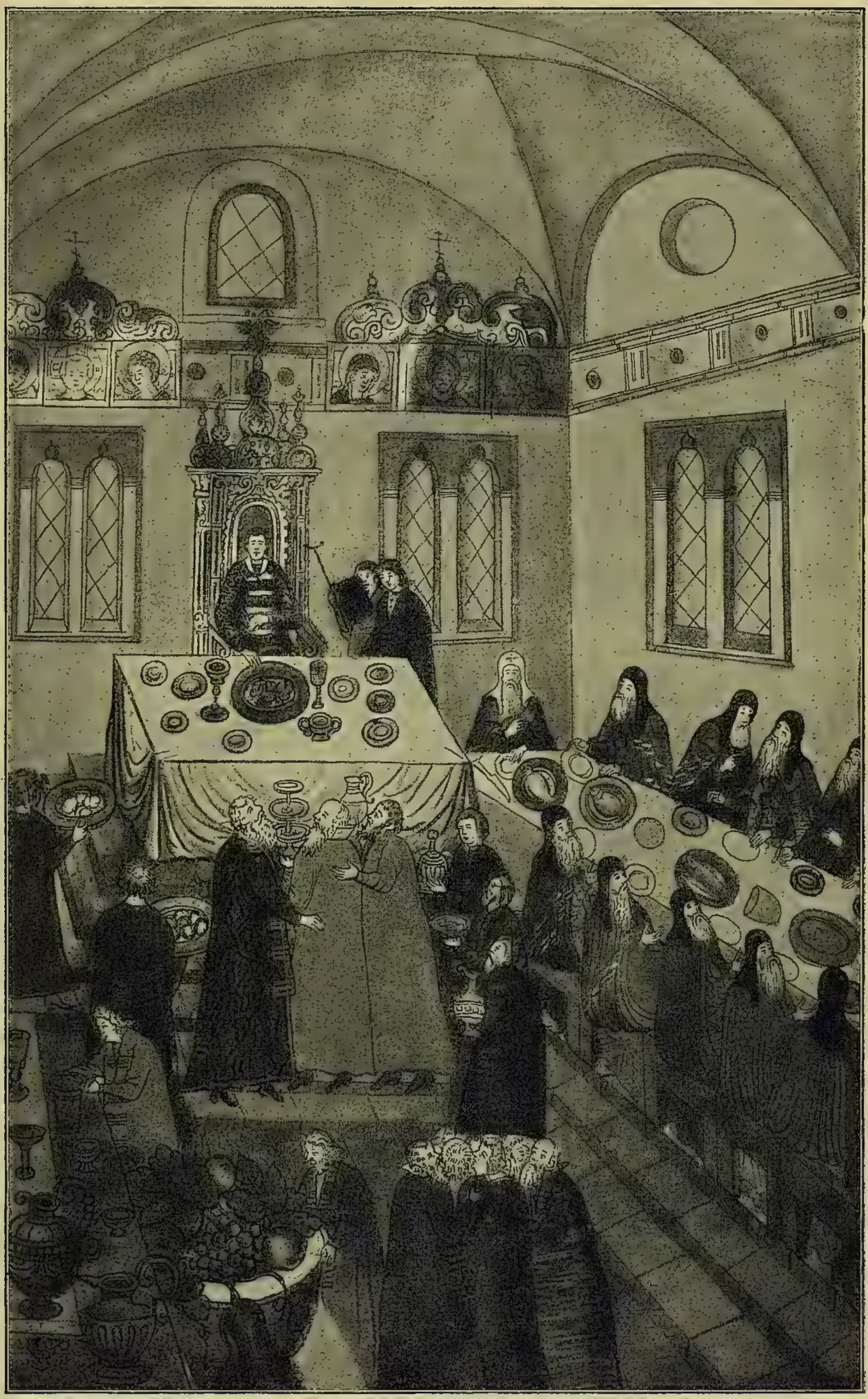
401. Великого Государя Царя и великого князя Михаила Θеодоровича всея Русіі Самодержца преосвященный Ефремъ митрополитъ Казанскіі і Свіяжскіі возведе на чертожномъ мѣсто. І благослови Царя і великого князя Святымъ крестомъ Животворящего древа на немъ же распятъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ и возложи на выю его и на плещи Царскую діадиму и венча Царскимъ венцемъ.

402. „Великого Государя Царя і великого князя Михаила Феодоровича, всеа Русіи Самодержца, преосвященный Еверемъ митрополитъ помаза Святымъ миромъ пред причастиемъ Святыхъ і Животворящихъ Таинъ Христовыхъ, на челѣ, и на ушию, и на персѣхъ, и на плещю, и на обою руку, на дланяхъ і от другую страну, глаголя, печать и даръ Святого Духа, аминь".

403. „Великого Государя Царя і великого князя Михаила Феодоровича, всеа великія Росіі Самодержца, оу Соборной церкъви, і оу Архангела, і оу Благовѣщенья, златыми денгами, і сребряными, осыпалъ бояринъ князь Федоръ Івановичь Мстиславскои, а мису держал златую казначѣи Никивор Васильевич Траханіотов"...

404. Великого Государя Его Царскаго Величества трапезе вси причастни быша. Столу же зѣло чесну і велику сотворяему, благочестивыи ж Царь і митрополиты і архіепископы і епископы і многи благороднїи и вси людіе веселы быша, і мнози честнїи дарове от благочестивѣйшаго Царя ізнесоша. Нищіи ж повелѣніем Царским доволно учреждени быша і вси неизглаголанною радостію веселяхуся і благодарственную славу всесильному Богу воздаша і Царя хвалами і честми почтиша, хваля и благодаря всемогущую Троицу Отца, і Сына, і Святаго Духа.

Изъ „Книги объ избраніи на Царство Михаила Ѳеодоровича“, изданной въ 1856 году.



405. Увеличенное изображеніе части рисунка 404, снятаго съ подлинной „Книги объ избраніи на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова“.

Богородицы, Государь царь, и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, и мать его Государыня, инока Марѳа Ивановна, со-

406. Благочестивый Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея великія Россіи Самодержецъ.

Съ изображенія въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

верша молебное пѣніе, приняли благословеніе отъ митрополита, и архіепископовъ».

Въ тотъ же день «пожаловалъ Государь Царь, и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичь всея Россіи боляръ и окольничихъ, и столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и жильцовъ, и гостей, и торговыхъ всякихъ чиновъ людей, велѣ быти у своей Царской руки».

«Людіе же увидѣша себѣ свѣтъ, не имяху себѣ вѣры, не чаяху такіе себѣ радости. И пріидоша ко государю всею землею со слезами бити челомъ, чтобы государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ. Онъ же не презри ихъ моленія»...

Вѣнчаніе на Царство было назначено на 11 іюля, въ канунъ имянинъ Михаила Ѳеодоровича, причемъ, чтобы не было никакихъ обидъ и пререканій, Государь указалъ «для своего царскаго вѣнца во всѣхъ чинахъ быти безъ мѣстъ». 10 іюля по всѣмъ церквамъ были отслужены всенощныя.

Утромъ въ день торжества Государь послалъ «сказать боярство» своему двоюродному брату князю Ивану Борисовичу Черкасскому, а затѣмъ и стольнику князю Димитрію Михайловичу Пожарскому.

Вѣнчаніе на Царство было совершено по древнему чину и подробно описано въ «Книгѣ объ избраніи на Царство», изъ которой мы приводимъ здѣсь нѣсколько рисунковъ съ изображеніемъ выдающихся мгновеній этого дня.

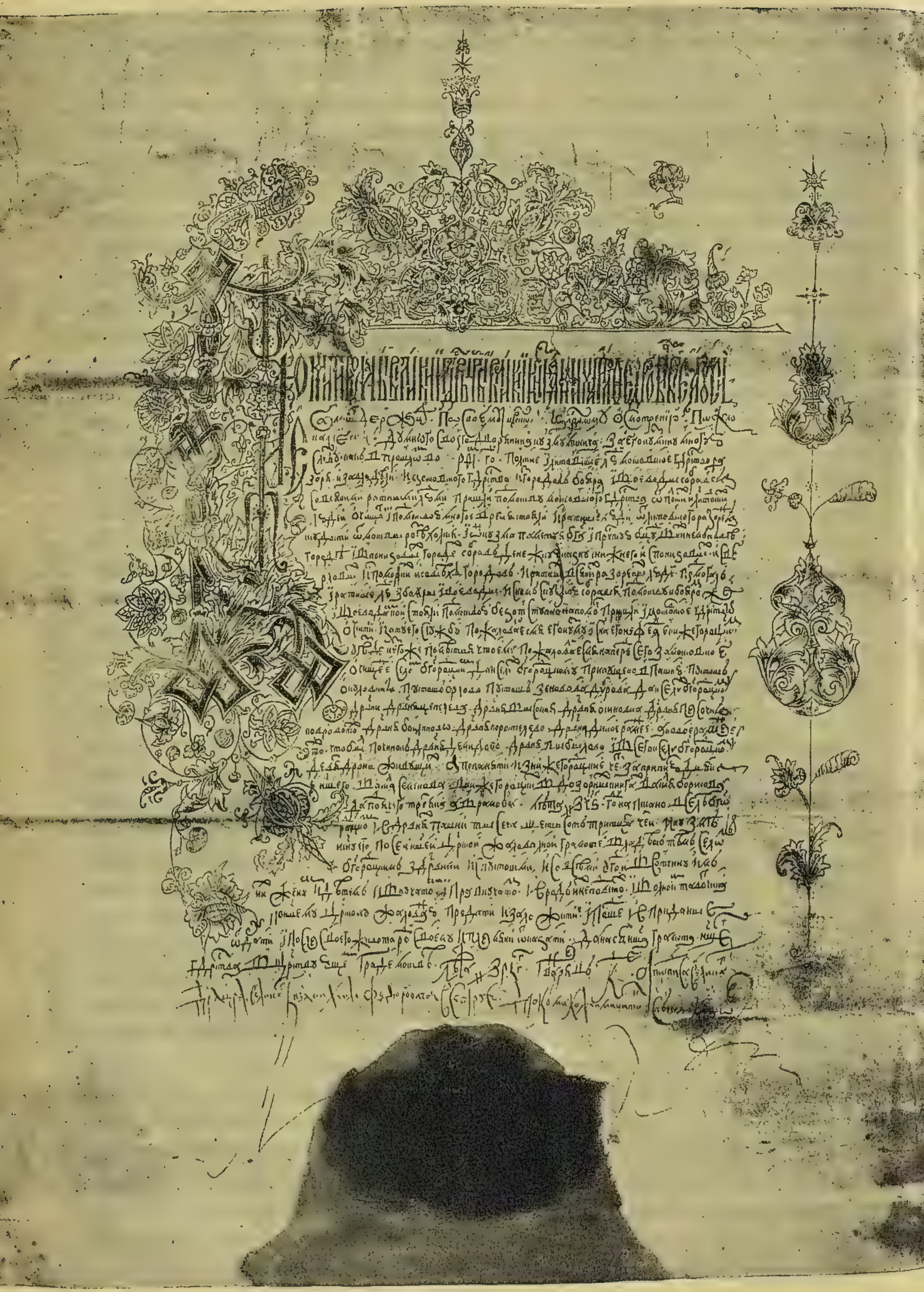
«А вѣнчалъ ево государя царскимъ вѣнцомъ», разсказываетъ лѣтописецъ,«Казанскій митрополитъ Ефрѣмъ и всѣ власти Московского государства. А въ чинахъ были бояре: . . .. осыпалъ (золотыми деньгами) бояринъ князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской, съ скиѳетромъ бояринъ князь Дмитрей Тимофѣевичъ Трубецкой, съ шапкою—Иванъ Никитичъ Романовъ, съ яблокомъ—Василій Петровичъ Морозовъ. По царское платье ходилъ на казенный дворъ князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской да казначѣй Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ. И какъ платья принесли въ полату золотую и въ Соборную церковь платья послаша з бояриномъ Васильемъ Петровичемъ Морозовымъ да съ казначѣемъ съ Никифоромъ Траханіотовымъ, а съ яблокомъ былъ бояринъ князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской».

Послѣ вѣнчанія былъ торжественный столъ, такъ же какъ и въ послѣдующіе два дня. 12 іюля, въ день своего ангела, Государь пожаловалъ въ думные дворяне Козьму Минина, что давало ему въ то время право, наряду съ боярами, окольничьими и именитыми людьми Строгановыми, писаться съ «ичемъ», почему онъ и сталъ прозываться съ этихъ поръ Козьмою Миничемъ Сухорукимъ.

Такимъ образомъ, въ торжественные дни вѣнчанія Государя на Царство, оба великихъ мужа,—Пожарскій и Мининъ, были вознаграждены за свои необычайные подвиги на пользу Родинѣ—первый пожалованіемъ въ боярство, а второй въ думные дворяне, что по понятіямъ того времени являлось вполнѣ достойной наградой за ихъ заслуги.

«Это и было торжествомъ справедливости и великою почестью для пожалованныхъ»—говоритъ И. Е. Забѣлинъ. Большаго—при тогдашнихъ

понятіяхъ, Царь ничего сдѣлать не могъ. «Наперекоръ желаніямъ даже самого Государя», продолжаетъ Забѣлинъ, «и Трубецкой, и очень многіе другіе бояре вездѣ должны были первенствовать предъ Пожарскимъ. Однако, и то было великимъ дѣломъ, что на коронаціи онъ держалъ по чину третью регалію (принадлежность торжественнаго Царскаго облаченія), весьма знаменательную, *державу*, яблоко владомое, великодержавное. Первую регалію—корону (шапку Мономаха) держалъ дядя Царя—Иванъ Никитичъ Романовъ, съ которымъ было заспорилъ о мѣстѣ Трубецкой, но былъ остановленъ Царемъ, который ему сказалъ, что дѣйствительно Романовъ меньше тебя, Трубецкого, но онъ мнѣ по родству дядя, и потому быть вамъ безъ мѣстъ... Трубецкой держалъ вторую регалію—скипетръ. Споръ Трубецкого о мѣстѣ очень ясно свидѣтельствуетъ, что здѣсь люди занимали между собой свои почетныя мѣста не по личнымъ заслугамъ и достоинствамъ, а по заслугамъ и достоинству своего рода. Если бъ Пожарскій былъ великороднѣе Трубецкого, онъ занялъ бы и мѣсто почетнѣе. И не одинъ Трубецкой первенствовалъ въ это время передъ Пожарскимъ. Выше его стоялъ и подручный его воевода по ополченію бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ. Впрочемъ, несмотря на тѣсноту отъ этихъ пресловутыхъ отеческихъ мѣстъ, смыслъ подвига Пожарскаго во время коронаціи избраннаго Царя выдавался очень наглядно. Во время церемоніи Пожарскій предварительно былъ посланъ за Царскимъ саномъ на Казенный Дворъ, откуда торжественно Благовѣщенскій протопопъ несъ на блюдѣ Крестъ, Діадиму и Мономахову шапку; за нимъ Пожарскій несъ Скипетръ, а затѣмъ дьякъ, будущій казначей, Трахоніотовъ несъ Яблоко—Державу. Впереди для чести сана шелъ бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, что было почетнѣе, чѣмъ несеніе скипетра, но знаменательный почетъ оставался на сторонѣ Пожарскаго. Любопытно и то, что этотъ Царскій санъ первыми выносили на торжество люди Нижегородскаго ополченія. Когда регаліи были отнесены тѣмъ же порядкомъ въ соборъ и поставлены посреди храма на налоѣ, тотъ же Пожарскій оставался при нихъ все время для почетнаго предстоянія и обереганія. Такимъ образомъ и на символическомъ «дѣйствѣ» коронованія, Пожарскій, и онъ одинъ, первый торжественно поднялъ давно оставленный скипетръ Русскаго Царства, первый принесъ его къ священному торжеству Царскаго постановленія, одинъ оберегалъ Царскій санъ до времени коронованія, а потомъ ему же, не безъ знаменательнаго смысла, досталось при священнодѣйствіи хранить въ своихъ рукахъ *державу* того же Царства, которая своимъ символомъ и обозначала это самое Царство. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ назначеніи для Пожарскаго церемоніальныхъ мѣстъ руководила Царскимъ повелѣніемъ духовная власть, собравшіеся митрополиты и архіепископы, въ числѣ которыхъ вторымъ былъ Ростовскій святитель Кириллъ, миротворецъ Нижегородской рати отъ Ярославля до Москвы. Современники стало быть очень хорошо понимали значеніе заслугъ Пожарскаго и искренно выражали ему свою признательность во всѣхъ случаяхъ, гдѣ этому не служили помѣхою чины (обряды) и мѣста (теперешніе чины)».



407. Жалованная грамота думному дворянину Козьмѣ Миничу Сухоруну на владѣніе имѣніемъ

Хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ

Такъ же смотрѣли на Пожарскаго и Поляки; ведя черезъ два года посольскіе переговоры съ Русскими, они прямо высказывали, что Московское боярство—«Пожарскаго въ большихъ богатыряхъ считаетъ».

«Вотъ почему и мы потомки», говоритъ И. Е. Забѣлинъ, «почитаемъ его главнымъ героемъ и большимъ богатыремъ».

Конечно, такимъ же героемъ и большимъ богатыремъ навсегда останется въ сердцахъ Русскихъ людей, какъ «выборный отъ Земли»—Нижегородскій посадскій человѣкъ Козьма Мининъ Сухорукъ, такъ и вдохновившій его своимъ пастырскимъ словомъ—необоримый и твердый адамантъ, святѣйшій Гермогенъ, патріархъ всея Русіи, нынѣ причтенный нашею церковью къ лику Святыхъ.

408. Снимокъ съ печати Козмы Минича Сухорука.

Эта перстневая печать изъ чернаго воска съ изображеніемъ человѣка, сидящаго въ креслѣ и въ правой рукѣ высоко держащаго чашу древней формы, приложена сыномъ Козьмы Минина Нефедомъ въ 1615 году къ отпускной грамотѣ крестьянину Ѳеодору Колеснику. Вотъ содержаніе этой любопытной грамоты, показывающей отношеніе семьи Минина къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ: „Нынѣшнего году 123 (1615), билъ намъ челомъ крестьянинъ села Богородцкова (пожалованнаго Миничу за Московское Очищеніе въ томъ же году) Ѳедка Колесникъ, что выпустилъ его Кузма Миничъ изъ-за себя. И нынѣча жити онъ на Богородскомъ прикащика. И нынѣча ево матушка наша Татьяна Семеновна пожаловала велѣла ему жити въ Богородскомъ, кто ево пожалуетъ на подворье, безъ боязни со всѣми его животами, съ животиною и съ хлѣбомъ съ молоченымъ и стоячимъ, опришно тово, что онъ здалъ пашню съ хлѣбомъ А память писалъ язъ Нефедко Кузминъ сынъ Минича по матушкину велѣнію Татьяны Семеновны. А пойдетъ съ Богородцкова, ино такожъ ево выпустилъ совсѣмъ. А у памяти печать наша Кузмы Минича".

Избраніемъ на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова закончилась Смута, наступившая въ нашей Землѣ съ угасаніемъ въ лицѣ Ѳеодора Іоанновича Царскаго рода изъ дома Іоанна Калиты.

Смута эта выразилась глубокимъ потрясеніемъ всѣхъ основъ Московскаго Государства, созданнаго неусыпными трудами его собирателей по завѣтамъ Святого митрополита Петра Чудотворца, и разразилась многими великими бѣдами надъ Землею: населеніе отъ постоянныхъ ратныхъ дѣлъ, разбоевъ и грабежей, голода и мора—должно было сильно уменьшиться въ числѣ и до крайности обѣднѣло, причемъ жестокая борьба бездомной голытьбы съ имущимъ людомъ—доходила порой до чрезвычайнаго озлобленія.

Вмѣшательство Сигизмунда III въ наши дѣла, сперва тайное, а затѣмъ и явное, вопреки голосу лучшихъ людей Польши, привело къ развитію сильнѣйшей вражды, и притомъ на весьма долгіе годы, между двумя сосѣдними Славянскими Государствами; при этомъ, пользуясь наступившей Смутой, въ наши предѣлы, вмѣстѣ съ Поляками постоянно вторгалось

немало и чисто Русскихъ людей, уроженцевъ Западной Руси и Запорожскихъ казаковъ,—совершавшихъ братоубійственные наѣзды на беззащитные Московскіе города и селенія.

Къ концу Смутнаго времени — Смоленская Земля оказалась во власти Поляковъ, а Новгородская область—занятой Шведами. Царская казна, послѣ хозяйничанья Александра Гонсѣвскаго и Ѳедора Андронова, была обобрана до-чиста.

Разразившись надъ Землею великими бѣдами, Смута явилась вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ испытаніемъ для Московскаго Государства.

Мы видѣли, что она началась тотчасъ-же послѣ кончины Грознаго въ боярскихъ верхахъ, и главнымъ ея заводчикомъ былъ Борисъ Годуновъ—«мужъ чудный и сладкорѣчивый», одаренный великою мудростью міра сего, направленной исключительно къ достиженію своихъ личныхъ честолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей.

За Годуновымъ не замедлили встать и другіе такіе-же честолюбцы и мудрецы, жестокіе, алчные и хитроумные; одни изъ нихъ подыскивались Царства, другіе боярства, третьи дворянства, четвертые свободной и привольной жизни; всякій стремился захватить себѣ возможно болѣе разныхъ благъ, вовсе забывая о служеніи Родной Землѣ.

Первая половина Смутнаго времени выводитъ наружу цѣлые сонмы этихъ честолюбцевъ и хищниковъ, быстро приведшихъ своими дѣйствіями Московское Государство къ краю гибели, несмотря на подвиги высокаго самоотверженія во имя любви къ Родинѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ свѣтлыхъ личностей.

Послѣ захвата Поляками высшей власти въ Москвѣ и паденія Смоленска, Сигизмундъ съ торжествомъ возвратился въ Варшаву и праздновалъ полную побѣду подъ недавно могущественной сосѣдней державой, государственный порядокъ которой былъ въ это время дѣйствительно окончательно разрушенъ.

Но Сигизмундъ и Поляки не обратили вниманія, что Московское Государство было вмѣстѣ съ тѣмъ и Церковью вѣрующихъ, третьимъ Римомъ, и этотъ третій Римъ, незримый для ихъ очей,—остался въ полной неприкосновенности.

Гетманъ Жолкѣвскій съ недоумѣньемъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что, при сожженіи Поляками Москвы и Смоленска, многіе изъ Москвитянъ «добровольно бросались въ пламя, за Православную, говорили они, вѣру»,—очевидно, считая, что они дѣлали это подъ вліяніемъ охватившаго ихъ безумія.

Старый гетманъ, обладавшій тонкимъ умомъ и огромной житейской опытностью, помогшими ему обойти седмочисленныхъ бояръ и ввести Польскія войска въ Кремль, что привело къ полному упраздненію государственной власти въ Москвѣ,—не понялъ, однако, что Москвитяне, кидавшіеся

въ пламя, были одержимы тѣмъ безуміемъ, про которое говоритъ Апостолъ: «*Будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ, ибо мудрость міра сего есть безуміе передъ Богомъ*». (Первое посланіе Ап. Павла къ Коринѳянамъ III. 18.19).

Это безуміе привело сперва «за пристава», а затѣмъ и къ голодной смерти или къ удушенію восьмидесятилѣтняго святителя Гермогена. Но Православные обитатели Московскаго Государства чутко прислушивались къ глухо раздававшемуся изъ подземелья голосу своего духовнаго отца и укрѣплялись его пастырскимъ словомъ въ томъ-же безуміи.

Конечно, безумны съ точки зрѣнія мудрости міра сего—безпримѣрная оборона обители Живоначальной Троицы преподобнаго Сергія, а также письмо Соловецкаго игумена къ королю Карлу IX изъ сопредѣльнаго со Шведскими владѣніями Сумскаго острога о нежеланіи видѣть иноземца на Царствѣ, написанное послѣ того, какъ Соловецкіе иноки отправили свой послѣдній рубль и послѣднюю серебряную ложку на вспоможеніе Московскому Государству.

Отписки городовъ другъ другу, пересылавшіяся при посредствѣ «безстрашныхъ людей» по странѣ, гдѣ кишѣли Польскіе и воровскіе отряды,—являются самымъ драгоцѣннымъ для насъ памятникомъ того-же безумія, охватившаго обитателей Московскаго Государства, каковое безуміе, по словамъ Апостола, есть мудрость передъ Богомъ.

Въ этомъ безуміи открывается полностью все величіе «прямыхъ» Русскихъ людей, выступившихъ, на смѣну «кривыхъ» своихъ соотечественниковъ, для спасенія Родины.

«Братія есми и сродницы, понеже отъ святыя купѣли святымъ крещеніемъ породихомся и обѣщахомся вѣровати во святую и единосущную Троицу, Богу живу, истинну», писали Смольняне—«Господамъ братьямъ нашимъ всего Московскаго государьства», чтобы «всею землею обще стати за православную крестьянскую вѣру».

И во множествѣ городовъ, не бывшихъ во власти Польскихъ и воровскихъ шаекъ, «архимариты, и игумены, и протопопы, и попы, и весь освященный соборъ, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дѣти боярскіе, и головы и сотники стрѣлецкіе и казачьи, и стрѣльцы, и казаки, и всякіе служилые люди, и посадскіе старосты и цѣловалники, и всѣ посадскіе и всякіе жилецкіе люди»—единодушно, всѣмъ міромъ, почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, несмотря на то, что города эти находились въ разныхъ краяхъ Государства, постановляли приговоры, чтобы стоять всѣмъ единомышленно за истинную Православную христьянскую вѣру, за домъ Пречистый, гдѣ образъ Божія Матери, Ея-же Евангелистъ Лука написалъ, и за свѣтильниковъ и хранителей, митрополитовъ Петра, Алексія и Іону, Чудотворцовъ Московскихъ, послѣ чего тотчасъ-же, на коняхъ и на лыжахъ, отправляли ратныхъ людей для очищенія Московскаго Государства отъ Поляковъ и Литвы.

Это очищеніе, какъ мы видѣли, вызвало крайне напряженную борьбу съ внѣшними врагами и жестокіе раздоры со своими-же ворами и казаками, причемъ послѣ убіенія Прокофія Ляпунова дѣло Земскихъ людей, вставшихъ на защиту Отечества, закончилось, какъ казалось, совершенной неудачей.

Но, незримый третій Римъ,—Православная церковь, объединявшая всѣ вѣрующія сердца жителей Московскаго Государства, осталась по прежнему непоколебимой и врата адовы не одолѣли ее.

Наступившее вслѣдъ за убіеніемъ Ляпунова лихолѣтье вызвало небывалое усиленіе религіознаго чувства Русскихъ людей; многіе изъ нихъ сподобились чудесныхъ видѣній; повсемѣстно былъ установленъ строгій трехдневный постъ, даже и для «млекосущихъ» младенцевъ. Наконецъ, Нижегородскій посадскій человѣкъ, Козьма Мининъ Сухорукъ, глубоко пораженный явленіемъ ему преподобнаго Сергія и дошедшимъ до него послѣднимъ пастырскимъ призывомъ святителя Гермогена, «зѣло оскорбился» бѣдствіями Родины. Онъ поднялъ своимъ пламеннымъ словомъ «послѣднихъ людей» Московскаго Государства, которые, избравъ доблестнаго князя Димитрія Михайловича Пожарскаго своимъ вождемъ, успѣли, наконецъ, послѣ многихъ тяжкихъ трудовъ—очистить Родину отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣли установить во имя Православной вѣры соглашеніе и съ Казачествомъ, столь враждебно разошедшимся съ Земщиной за Смутное время.

Затѣмъ тотчасъ-же было приступлено къ великому общему дѣлу, къ избранію Царя-Самодержца, во исполненіе давняго горячаго желанія всей Земли.

Не разъ помянутый нами Полякъ Маскѣвичъ съ удивленіемъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Въ бесѣдахъ съ Москвитянами, наши, выхваляя свою вольность, совѣтовали имъ соединиться съ народомъ Польскимъ и также пріобрѣсти свободу. Но Русскіе отвѣчали: «Вамъ дорога ваша воля, намъ неволя. У васъ не воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго; можетъ отнять у него имѣніе и самую жизнь. Искать-же правосудія, по вашимъ законамъ, долго, дѣло затянется на нѣсколько лѣтъ. А съ иного и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ Царь творитъ судъ и расправу. Если-же самъ Государь поступитъ неправосудно, его власть: какъ Богъ, онъ караетъ и милуетъ. Намъ легче перенесть обиду отъ Царя, чѣмъ отъ своего брата: ибо онъ владыка всего свѣта». Русскіе дѣйствительно увѣрены, что нѣтъ въ мірѣ монарха равнаго Царю ихъ, котораго посему называютъ: *Солнце праведное, Свѣтило Русское*».

21 февраля 1613 года, Великій Земскій Соборъ единодушно избралъ своимъ *Солнцемъ праведнымъ*, *Свѣтиломъ Русскимъ*, не кого-либо изъ сильныхъ и мудрыхъ міра сего, подыскивавшихся Царства, а неизвѣстно гдѣ находившагося въ то время шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича

Романова, который былъ всѣмъ дорогъ и близокъ, какъ свойственникъ угасшаго Царскаго рода, «по свойству свойственному Царскому сѣмени Богомъ избранный цвѣтъ», какъ внучатый племянникъ незабвенной Царицы Анастасіи Романовны, какъ сынъ томившагося въ Польскомъ плѣну за Православную вѣру Филарета Никитича, и какъ представитель славнаго боярскаго рода, давшаго цѣлый рядъ вѣрныхъ слугъ Московскому Государству.

Единодушнымъ избраніемъ на Царство Михаила Ѳеодоровича былъ завершенъ подвигъ Русскихъ людей для спасенія своей Родины, и въ этомъ избраніи они полностью проявили всѣ лучшія стороны своего великаго сердца, для постиженія котораго Смутное время даетъ неоцѣненныя данныя.

Ни одинъ народъ въ мірѣ не имѣетъ такихъ священныхъ памятниковъ своего прошлаго, какъ отписки городовъ другъ другу, свидѣтельствующія объ изумительномъ единодушіи и братствѣ обитателей Московскаго Государства, не взирая на различіе сословій и состоянія, и о ихъ глубокой и вполнѣ сознательной вѣрѣ въ Бога живого, въ Бога отцовъ, прахъ которыхъ, по Писанію, долженъ воскреснуть. Какъ только дѣло дошло до возможности овладѣнія и осквернения этого священнаго праха иноплеменниками, такъ тотчасъ-же вся народная твердь Московскаго Государства встала на его защиту, причемъ, за отсутствіемъ Государя, она объединялась домомъ Пречистой, Ея-же образъ Святой Евангелистъ Лука написалъ, свѣтильниками и хранителями—митрополитами Петромъ, Алексіемъ и Іоною, и пастырскимъ призывомъ Святого Гермогена, патріарха всея Русіи.

Эта глубокая вѣра въ Бога живого, въ Бога отцовъ, и была основаніемъ того безумія, или мудрости передъ Богомъ, которая зажгла сердца «послѣднихъ людей» Московскаго Государства; всѣ они твердо вѣрили въ личную загробную жизнь и считали величайшей для себя наградой, принявъ смерть за Вѣру и Родину, свидѣться въ будущемъ существованіи со своими ранѣе умершими отцами и матерями: «аще ли же избиени будемъ», говорили доблестные сподвижники Ермака, прощаясь съ Максимомъ Строгановымъ при отправленіи на завоеваніе Сибирскаго царства—«да помянетъ насъ любовь твоя в вѣчномъ успѣніи, а чаемъ возвращенія ко отцамъ своимъ і матерямъ». То-же чувство глубокой вѣры въ неразрывную связь живущихъ сыновъ съ умершими отцами и матерями—влекло всегда Русскихъ людей къ гробамъ родителей, для молитвы и душевнаго укрѣпленія, передъ всякимъ важнымъ рѣшеніемъ или дѣломъ.

Смутное время показываетъ намъ съ необычайной яркостью, что величіе Русскаго народа и его несокрушимая мощь—исходятъ изъ горячаго сердца Русскихъ людей, беззавѣтно мужественнаго и въ то-же время глубоко смиреннаго, великаго своей безпредѣльной вѣрой въ Бога и

способностью проникаться истинной братской любовью другъ къ другу, причемъ, какъ именитый князь Пожарскій, такъ и простой посадскій человѣкъ Козьма Мининъ Сухорукъ—могутъ чувствовать, думать и дѣйствовать совершенно одинаково.

Величіемъ сердца Русскихъ людей обусловливается искони присущая имъ необыкновенная простота во взаимныхъ отношеніяхъ, а также способность проявлять родственныя, братскія чувства къ представителямъ другихъ народностей. Сподвижники Ермака, будучи глубоко Православными и чисто Русскими людьми, имѣли среди своихъ ратныхъ товарищей—Литовцевъ, Нѣмцевъ и Татаръ, къ которымъ относились какъ къ роднымъ братьямъ.—«И Романовскіе, господа, мурзы и Татаровя крестъ намъ по своей вѣрѣ дали, стояти съ нами за одинъ, за Православную крестіянскую вѣру и за Святыя Божія церкви»—писали Ярославцы Вологжанамъ, находя вполнѣ естественнымъ братское единеніе, для защиты Московскаго Государства, съ живущими среди нихъ Татарами.

Это чувство родственной близости ко всѣмъ людямъ, присущее Русскому Православному человѣку, является важнымъ залогомъ успѣха въ великомъ общемъ дѣлѣ всего Русскаго народа и его Вѣнценосныхъ Самодержцевъ по собиранію и умиротворенію Земель и народовъ.

Другимъ такимъ-же залогомъ успѣха этого великаго дѣла служитъ то замѣчательное обстоятельство, что вопросъ объ умиротвореніи былъ всегда основнымъ, семейнымъ вопросомъ дома Романовыхъ.

При произнесеніи одного только имени Михаила Ѳеодоровича на Великомъ Земскомъ Соборѣ 21 февраля 1613 года—сразу-же утихла всякая зависть и злоба, причемъ враждовавшія между собой Земщина и Казачество, не сговариваясь другъ съ другомъ, избрали это имя, какъ знаменіе всеобщаго примиренія, согласія и любви.

Царское Самодержавіе, по понятію Русскаго народа, было всегда и прежде всего—*умиротвореніемъ*, то есть постепеннымъ ограниченіемъ взаимнаго истребленія и ненависти другъ къ другу путемъ собиранія, такъ какъ Самодержавіе неразрывно связано съ Православіемъ, а Православіе является *печалованіемъ* о розни и враждѣ, и имѣетъ своей высшей цѣлью не подчиненіе и не раздѣленіе, а собираніе всѣхъ людей для возстановленія всеобщаго родства по заповѣдямъ Господнимъ.

За триста лѣтъ, истекшихъ со времени знаменательнаго дня избранія на Царство Михаила Ѳеодоровича, перваго Царя Миротворца изъ дома Романовыхъ, Государи наши, въ единеніи со своими вѣрными подданными—совершили не мало великихъ подвиговъ въ дѣлѣ собиранія и умиротворенія Земель и народовъ, но и въ настоящее время каждый Русскій человѣкъ долженъ ясно сознавать, что, слѣдуя по великому историческому пути, впервые начертанному Святымъ митрополитомъ Петромъ Чудотворцемъ—

намъ предстоятъ впереди не меньшіе подвиги для достиженія той желанной поры, когда закончится полное собираніе и наступитъ всеобщее умиротвореніе.

409. Серебряный натѣльный крестъ, который носили Русскіе люди послѣ избранія на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова. На его оборотной сторонѣ можно прочесть слѣдующія слова: „Спаси Господи люди своя и благослови достояніе свое, побѣды благовѣрному Царю и великому князю Михаилу на сопротивныя даруя....“.

Одинъ изъ такихъ крестовъ хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

ИСТОЧНИКИ.

На Русскомъ языкѣ:

«Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей».

«Указатель къ первымъ восьми томамъ полнаго собранія Русскихъ лѣтописей». Отдѣлы I и II.

«Письма Русскихъ Государей».

«Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ».

«Акты Императорской Археографической Экспедиціи».Томы I и II.

«Акты Историческіе».

«Дополненіе къ Актамъ Историческимъ».

«Акты, относящіеся къ Исторіи Южной и Западной Россіи».

«Историческое изслѣдованіе Западной Россіи, служащее предисловіемъ къ документамъ, объясняющимъ исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ». Изданіе Императорской Археологической Комиссіи.

«Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ». Изданіе Императорской Археологической Комиссіи.

«Русско-Ливонскіе акты».

«Дневникъ Люблинскаго Сейма».

«Русская Историческая библіотека, издаваемая Археографической Комиссіей». Томъ I. Памятники, относящіеся къ Смутному времени. I. Отрывокъ дневника Польскаго сейма 1605 года, относящійся къ Смутному времени. II. Дневникъ событій, относящихся къ Смутному времени (1603—1613), извѣстный подъ именемъ Исторіи Ложнаго Димитрія. III. Походъ Царя Димитрія (Самозванца) въ Москву съ Сендомирскимъ воеводою Юріемъ Мнишкомъ и другими лицами изъ рыцарства. IV. Походъ Сигизмунда III въ Россію (1609—1610).

«Русская Историческая библіотека, издаваемая Императорской Археографической Комиссіей». Томъ II. «Акты, относящіеся къ Смутному времени».

«Русская Историческая библіотека, издаваемая Императорскою Археографическою Комиссіею». Томъ Тринадцатый. «Памятники Древней Русской Письменности, относящіеся къ Смутному времени». Статьи: I) Такъ называемое Иное Сказаніе, вмѣстѣ съ «Извѣтомъ» старца Варлаама. II) Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ. III) Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовну. IV) Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ. V) Плачъ о плѣненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства. VI) Повѣсти о чудесныхъ видѣніяхъ въ Нижнемъ Новгородѣ и Владимірѣ. VII) Повѣсть о видѣніи мниху Варлааму въ Великомъ Новгородѣ. VIII) Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на Великую Россію. IX) Временникъ дьяка Ивана Тимоѳеева. X) Сказаніе Авраамія Палицына по списку Московской Духовной Академіи № 175. XI) Повѣсть князя Ивана Андреевича Хворостинина. XII) Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку Императорской Публичной Библіотеки. Q. IV № 154.

XIII) Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго во второй редакціи. XIV) Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ. XV) Сказаніе о царствѣ царя Ѳеодора Іоанновича. XVI) Повѣсти князя Семена Ивановича Шаховскаго. XVII) Житіе царевича Димитрія Іоанновича, внесенное въ Минеи Германа Тулупова. XVIII) Житіе царевича Димитрія Іоанновича, внесенное въ Минеи Іоанна Милютина. XIX) Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ Московскомъ. XX) Повѣсть о чудесномъ видѣніи въ Нижнемъ Новгородѣ по списку Н. П. Лихачева. XXI) Сказаніе Авраамія Палицына въ окончательной редакціи. XXII) Статьи о Смутѣ, извлеченныя изъ Хронографа 1617 года и Отповѣдь въ защиту патріарха Гермогена. XXIII) Повѣсти о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ Скопинѣ-Шуйскомъ. XXIV) Житіе преподобнаго Иринарха. XXV) Сказаніе о Самозванцѣ по списку Московскаго Публичнаго музея № 3141.

«Сибирскія лѣтописи». Изданіе Императорской Археографической Комиссіи.

«Исторія Государства Россійскаго». Н. М. Карамзина.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». С. М. Соловьева.

«Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ». Князя М. Щербатова. Изданіе 1794 года.

«Философія общаго дѣла». Н. Ѳ. Ѳедорова.

«Исторія Россіи». Д. Иловайскаго.

«Курсъ Русской Исторіи». В. Ключевскаго.

«Боярская дума древней Руси». Его же.

«Лекціи по Русской Исторіи». Проф. С. Платонова.

«Очерки по Исторіи Смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII в.в.—Его-же.

«Очеркъ Исторіи Литовско-Русскаго Государства до Люблинской Уніи включительно». Профессора М. К. Любавскаго.

«Исторія города Москвы». И. Е. Забѣлина.

«Домашній бытъ Русскихъ Царей въ XVI—XVII столѣтіи».—Его же.

«Домашній бытъ Русскихъ Царицъ въ XVI и XVII столѣтіи».—Его же.

«Житія Святыхъ, чтимыхъ Православною Церковью». Преосвященнаго Филарета.

«Исторія Русской Церкви».—Б. Голубинскаго.

«Исторія канонизаціи Святыхъ Русской церкви».—Его же.

«Преподобный Сергій, основатель Троицко-Сергіевой лавры».—Его же.

«Разсказы изъ исторіи Русской церкви».—Графа М. Толстого.

«Святыни и древности Пскова и Новгорода».—Его же.

«Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей».—Н. Костомарова.

«Смутное время».—Его же.

«Собраніе сочиненій».—Его же.

«Русская Исторія». К. Бестужева-Рюмина.

«Земскіе Соборы въ древней Руси». В. Латкина.

Статьи, помѣщенныя въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ»: «Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутнаго времени» проф. М. К. Любавскаго. 1901 г. Книга III. «Челобитная И. С. Пересвѣтова Царю Ивану IV». 1902 г. Книга IV. «Утвержденная грамота объ избраніи на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова, съ предисловіемъ С. А. Бѣлокурова». 1906 г. Книга III. «И. С. Пересвѣтовъ, Публицистъ XVI вѣка» В. О. Ржиги. 1908 г. Книга I. «Акты Подмосковныхъ ополченій и Земскаго Собора 1611—1613 г.г.» С. Б. Веселовскаго. 1911 г. Книга IV. «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 года», подъ редакціей Ю. В. Готье. 1912 г. Книга I.

«Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ Государствомъ». Т. VI. 1598—1608. Изд. подъ редакціей С. А. Бѣлокурова въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Томъ 137.

«Степенная Книга Царскаго родословія»—Митрополита Макарія, изд. Г. Миллера, 1775 г.

«Большая Государственная Книга 1672 года, или Корень Россійскихъ Государей, также Царскій Титулярникъ». Изданіе С.-Петербурскаго Археологическаго Института.

«Монархія Великаго Россійскаго царствія, великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ изъиде отъ превысочайшаго цесарскаго престола и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго Августа Кесаря, обладающаго всею вселенной». Рукопись 1672 года, принадлежащая Императорской Публичной Библіотекѣ.

«Снимки древнихъ Русскихъ печатей». Изданіе Комиссіи печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ.

«Царственный лѣтописецъ»—рукопись.

«Царственная Книга». Рукопись, принадлежащая патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ.

«Александро-Невская лѣтопись». Рукопись, принадлежащая С.-Петербургской Духовной Академіи.

«Казанскій лѣтописецъ». Рукопись, принадлежащая Императорской Академіи Наукъ».

«Житіе Преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ»—рукопись Московскаго Историческаго Музея, изъ бывшаго собранія А. А. Вахрамѣева.

«Житіе Святыхъ Гурія и Варсонофія», написанное Святымъ Гермогеномъ, патріархомъ всея Россіи». Рукопись, принадлежащая Императорской Академіи Наукъ.

«Повѣсть о явленіи чюдотворныя иконы Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи въ Казани, списана смиреннымъ Ермогеномъ (Святымъ), митрополитомъ Казанскимъ и Астраханскимъ». Рукопись, принадлежащая Императорской Академіи Наукъ.

«Лицевая Ремезовская или Кунгурская лѣтопись». Рукопись, принадлежащая Императорской Академіи Наукъ.

«Краткая Сибирская лѣтопись». Изданіе Зоста.

«Книга объ избраніи и вѣнчаніи на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова», рукопись XVII вѣка, составленная бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ и принадлежащая Московской Оружейной Палатѣ.

«Книга объ избраніи на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова». Изданіе Комиссіи печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, 1856 г.

«Достовѣрныя изображенія Московскихъ Государей». Д. А. Ровинскаго.

«Подробный Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ». Его же.

«Рукописный Апокалипсисъ XVI вѣка», принадлежащій С.-Петербургской Духовной Академіи.

«Рукописныя Псалтыри бояръ Ѳеодора и Димитрія Ивановичей Годуновыхъ».

«Житіе Святого Димитрія Царевича». Литографированное воспроизведеніе рукописи, изданное Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Русской Письменности.

«Сказанія князя Курбскаго». Н. Устрялова.

«Иконы Іоанна Грознаго и его семьи въ Суздалѣ». В. Т. Георгіевскаго.

«Древне-Русская народная литература и искусство». Ѳ. Буслаева.

«Иконографія Богоматери. Связь Греческой и Русской живописи съ Итальянской живописью ранняго возрожденія» Н. П. Кондакова.

«Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей» Г. В. Толстого.

«Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе Казаки». А. В. Стороженко.

«Карта военныхъ дѣйствій между Русскими и Поляками въ 1579 году»—Коркунова.

«Выписки о Московской войнѣ (1578—1582) Рейнгольда Гейденштейна.

«Храмъ-усыпальница Великаго Князя Сергія Александровича во имя Преподобнаго Сергія въ Чудовомъ Монастырѣ въ Москвѣ». М. П. Степанова.

«Сочиненія». Ѳ. Ю. Самарина.

«Исторія Русскаго Народа». Полевого.

«Сочиненія». Н. Д. Кавелина.

«Домострой» по Коншинскому списку. А. Орлова.

«Археологическія находки на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры».—Н. И. Петрова.

«Иванъ Грозный». К. Валишевскаго.

«Смутное время». Его-же.

«Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе». Проф. П. И. Ковалевскаго.

«Царь Іоаннъ Грозный». Н. Головина и Л. Вольфа.

«Записки о Московіи XVI вѣка Джерома Горсея». Изд. А. Суворина.

«О Государствѣ Русскомъ—Флетчера». Изд. А. Суворина.

«Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Грознаго». Іосифа Сенигова.

«Критико-литературное обозрѣніе путешествій по Россіи до 1700 года». Ф. Аделунга.

«Описаніе путешествія въ Московію Адама Олеарія». Изд. А. Суворина.

«Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 г. Какаша и Тектандера». Переводъ А. Станкевича.

«Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Альбомъ Мейерберга». Изданіе А. Суворина.

«Сказаніе современниковъ о Димитріи Самозванцѣ: Берова Лѣтопись Московская. Записки Георга Паэрле. Записки Маржерета и Президента де-Ту. Дневникъ Марины Мнишекъ и пословъ Польскихъ. Дневникъ Самуила Маскѣвича». Изд. Н. Устрялова. 1837 г.

«Брестская Унія». И. Бѣляева.

«Латинская церковь въ Сѣверо-Западномъ краѣ»—Его же.

«Димитрій Самозванецъ». О. Пирлинга.

«Московская Трагедія или разсказъ о жизни и смерти Димитрія». Переводъ съ Латинскаго А. Браудо и И. Росціуса.

«Статьи о Лжедимитріи» А. С. Суворина въ газетѣ «Новое Время» за 1894 годъ.

«Царь или не Царь».—Либровича.

«Люди Смутнаго времени». Сборникъ статей подъ редакціей А. С. Прѣснякова.

«Димитрій I». Статья проф. Е. Щепкина.

«Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи». Изд. Археографической Комиссіи.

«Изслѣдованіе о личности перваго Лжедимитрія». П. Казанскаго. Русскій Вѣстникъ. 1877 г.

«Добрые люди древней Руси». Проф. В. Ключевскаго.

«Начало династіи Романовыхъ». П. Г. Васенко, проф. С. Ѳ. Платонова и Е. Ф. Тураевой-Церетели.

«Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей». В. Берха.

«Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ со времени Смуты до эпохи преобразованій». Лаппо-Данилевскаго.

«Древности Русскаго права». В. Сергѣевича.

«Обзоръ исторіи Русскаго права». Владимірскаго-Буданова.

«Царь Василій Шуйскій и мѣсто его погребенія въ Польшѣ». В. Цвѣтаева.

«Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій». В. Иконникова;—въ Сборникѣ «Древняя и Новая Россія» за 1875 г.

«Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ», изданныя П. Мухановымъ.

«Мининъ и Пожарскій. Кривые и прямые въ Смутное время». И. Е. Забѣлина.

«Безвѣстный герой Смутнаго времени»—Его же;—въ Сборникѣ «Древняя и Новая Россія» за 1875 г.

«Арсеньевскія Шведскія бумаги. I. 1611—1615». Въ Сборникѣ Новгородскаго Общества любителей древности. Выпускъ V.

«Бояре Романовы и воцареніе Михаила Ѳеодоровича». П. Г. Васенко.

«Трехсотлѣтіе Державному Дому Романовыхъ». Е. В. Богдановича.
«Русская военная исторія». Князя Н. Голицына.
«Русская военная сила». Изд. В. Пирогова.
«Очеркъ военнаго искусства до Петра Великаго». А. Г. Елчанинова.
«Достопримѣчательности Московскаго Кремля». Вельтмана.
«Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи». А. С. Павлова.
«Россійская родословная книга». Князя П. Долгорукова.
«Древности Россійскаго Государства». Академика Ѳ. Г. Солнцева.
«Матеріалы для исторіи Русскаго иконописанія». Н. П. Лихачева.
«Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича и внука его Царя Іоанна Васильевича». Изд. 1819 года.
«Памятники Московскихъ древностей, собранные Иваномъ Снегиревымъ». Изд. 1842—1845 года.
«Историческое описаніе древняго Россійскаго Музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной Палаты».—Валуева.
«Великокняжеская и Царская охота на Руси». Н. Кутепова.
«Учебный атласъ по Русской исторіи». М. Замысловскаго.
«Учебный атласъ по Русской Исторіи». Барона Торнау.
«Поѣздка по Вологодской губерніи въ Печорскій край къ будущимъ воднымъ путямъ на Сибирь». Безсонова.
«Географическо-Статистическій словарь Россійской Имперіи». П. Семенова.
«Словарь географическій Россійскаго Государства», собранный Аѳанасіемъ Щекатовымъ.
«Исторія Русской Словесности». П. Полевого.
«Всемірная Исторія». Шлоссера.
«Всеобщая Исторія». А. Іегера.
«Изъ Всемірной Исторіи». Проф. М. Петрова.
«Исторія Русскаго Искусства». Игоря Грабаря.
«Сѣверное Сіяніе». Художественный альбомъ.
«Картины Россіи». П. Свиньина. Изд. 1839 года.

На Польскомъ языкѣ:

«Войны и военное устройство Польши». Т. Корзона.
«Польскія медали». Графа Рачинскаго.
«Ягеллонки Польскія въ XVI вѣкѣ». Графа А. Пржездецкаго.
«Источники для исторіи Люблинской уніи». Графа Дзялынскаго.
«Архивъ Яна Замойскаго, канцлера и гетмана велико-короннаго». Части I и II. Изд. графа М. Замойскаго.
«Событія царствованія Сигизмунда III». Нѣмцевича.
«Поляки и Москва». Статьи: «Дневникъ Вацлава Діаментовскаго, Дневникъ Яна Петра Сапѣги и Дневникъ Московскаго посольства, отправленнаго въ Варшаву въ концѣ 1611 года». А. Гиршберга.
«Димитрій Самозванецъ». Его же.
«Марина Мнишекъ». Его же.
«Записки Станислава Немоевскаго». Его же.
«Дѣянія Лисовчиковъ». Графа Дзѣдушинскаго.
«Исторія Московской войны». Н. Мархоцкаго.
«Письма гетмана Яна-Карла Хоткевича». Изд. библіотеки графовъ Красинскихъ.
«Польскій гербовникъ». Нисецкаго.

На Латинскомъ языкѣ:

«Изображеніе святѣйшихъ папъ». Изд. XVIII вѣка.

«Описаніе Европейской Сарматіи». А. Гваньини. Изд. 1611 года.
«О военномъ искусствѣ». Маркграфа Альбрехта Прусскаго.
«Иконографія княжескаго рода Радзивилловъ». Ф. Вобе.
«Космографія Себастіана Мюнстера». Изд. 1550 года.
«Описаніе Московскаго Государства». Якова Ульфельда.
«Географія Брауна». Изд. 1624 года.
«Жизнь и дѣянія Турецкихъ и Персидскихъ султановъ». Бойсардуса. Изд. 1596 года.
«О войнахъ короля Густава Шведскаго». Пуффендорфа.

На Французскомъ языкѣ:

«Исторія Польши». Іоахима Лелевеля.
«Польша въ исторіи, литературѣ и искусствѣ». Л. Хотьско.

На Нѣмецкомъ языкѣ:

«Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, изданныя Археографической Комиссіей. Томъ I. Московскія лѣтописи Конрада Буссова и Петра Петрея».

«Очерки исторіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи». Арбузова.

«Космографія Себастіана Мюнстера». Изд. 1550 и 1572 г.г.

«Монеты и медали герцога Магнуса Гольштейнскаго, епископа острова Эзеля». Б. Кене.

На Голландскомъ языкѣ:

«Три путешествія на Новую Землю». Геритъ-де-Вера. Изд. 1599 года.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ 1

Правленіе великой княгини Елены. Правленіе бояръ. Дѣтство и юность Іоанна. Вѣнчаніе на Царство и женитьба. Митрополитъ Макарій. Сильвестръ и Адашевъ. Иванъ Пересвѣтовъ. Соборы и преобразованія. Казанскій походъ. Астрахань. Крымъ. Ливонская война. Начало сношеній съ Англіей.

ГЛАВА ВТОРАЯ 119

Кончина Царицы Анастасіи Романовны. Боярская измѣна. Переписка съ Курбскимъ. Казни. Опричнина. Святой Филиппъ. Походъ на Новгородъ и Псковъ. Браки Іоанна. Полоцкъ. Борьба изъ за Ливоніи. Нашествіе Девлетъ-Гирея. Люблинская унія. Іезуиты. Баторій и его успѣхи. Подвигъ Русскихъ пушкарей подъ Венденомъ. Борьба со Шведами. Оборона Чихачевымъ Падиса. Псковъ. Сыноубійство. Поссевинъ. Марія Гастингсъ. Ермакъ и завоеваніе Сибири. Смерть Грознаго. Внутреннія дѣла. Православіе въ Западной Руси.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 287

Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Годуновъ правитель. Учрежденіе патріаршества. Убіеніе царевича Димитрія. Царь Борисъ. Брестская унія. Самозванецъ на Литвѣ и въ Польшѣ. Его походъ на Москву. Царствованіе Лжедимитрія. Бракъ его съ Мариной Мнишекъ. Гибель самозванца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 433

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Дальнѣйшее развитіе смуты. Болотниковъ. Появленіе Вора. Тушино. Перелеты. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Настроеніе сѣверныхъ городовъ. Осада Троицко-Сергіевской лавры. Сигизмундъ подъ Смоленскомъ. Сверженіе Шуйскаго. Междуцарствіе. Патріархъ Гермогенъ. Посольство подъ Смоленскъ. Поляки въ Кремлѣ. Смерть Вора. Прокофій Ляпуновъ. Пересылки городовъ между собой. Неудача перваго Земскаго ополченія. Мининъ и Пожарскій. Очищеніе Московскаго Государства. Избраніе и вѣнчаніе на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ быть:*
26	5	дать	дашь
»	»	захочеть	захочешь
38	37	Шерлеманя	Шарлеманя
41	10	Холопскій	Холопій
42	38	нами	намъ
72	43	строена	ставлена
138	10	Каверзнева.	Коверзнева.
205	44	ровномъ	равномъ
217	34	Ямъ	Яму
228	7	Ямъ	Яму
359	13	бѣда, именно	бѣда, кажется именно
423	21 и 36	брильантами	брильянтами
438	15	іюля	іюня
449	11	побѣду,	побѣду;
457	36	іюня	іюля
579	26	ними	нею
593	37	Н. Е.	И. Е.
598	18	что Государю	что послѣднему Государю